

**ПРАВОСЛАВНОЕ
ОБОЗРѢНІЕ.**

1875.

Т О М Ъ І І.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (Катковъ и К^о),
на Страстномъ бульварѣ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ цензурный комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, мая 30 дня 1875 г.

Цензоръ Протоіерей *С. Зерновъ*

С Л О В О

ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННѢЙШАГО ДИМИТРІЯ, АРХІЕПИСКОПА ЯРОСЛАВСКАГО И РОСТОВСКАГО, ПРОИЗНЕСЕННОЕ 25 МАРТА СЕГО ГОДА ВЪ ЯРОСЛАВСКОЙ ВСѢХСКОРБЯЩЕНСКОЙ ЦЕРКВИ, ЧТО ПРИ ДОМѢ ПРИЗРѢНІЯ БЛИЖНЯГО, ВЪ ДЕНЬ ОТКРЫТІЯ СЕГО ЗАВЕДЕНІЯ.

*Радуйся безматернихъ сиротъ
незримая Воспитательнице.*

Такъ, между многими благохваленіями, св. церковь убажаетъ пречистую и пресвятую Матерь Господа. И если гдѣ и когда, то здѣсь—среди воспитывающихся подъ кровомъ Матери Божіей сиротъ, и теперь—въ день основанія этого дома призрѣнія убогихъ и сирыхъ, достойно и праведно принести Ей—Госпожѣ, Царицѣ и Владычицѣ нашей—это хвалебное благодареніе. Ея матерняя любовь къ сирымъ вдохнула приснопамятнымъ предкамъ вашимъ мысль основать вертоградъ сей въ пристанище сирымъ и убогимъ. Подъ Ея небеснымъ покровомъ онъ возрасталъ, процвѣталъ и приносилъ обильный плодъ въ теченіе цѣлаго почти столѣтія. О сихъ всѣхъ буди Тебѣ слава, честь и благодареніе, небесная Матерь убогихъ и сирыхъ! Да будетъ и отъ насъ благословенно имя Твое въ роды родовъ.

Такъ, братіе мои, это — непреложная, святая истина, что Матерь Божія, которая сама, бывъ посвящена Богу еще въ трехлѣтнемъ возрастѣ, скоро потомъ лишилась святыхъ своихъ родителей и сиротою воспитывалась при храмѣ Божіемъ,

есть истинная Матерь и Воспитательница сиротствующихъ. Но увѣренность въ этой истинѣ избавляетъ ли насъ отъ обязанности заботиться о призрѣніи и воспитаніи сиротъ? Напротивъ она-то и обязываетъ насъ къ сему благому и богоудобному дѣлу. Она-то и побуждаетъ насъ относиться къ сиротамъ съ искреннею любовію, какъ бы къ собственнымъ дѣтямъ, утѣшать ихъ въ горестномъ и скорбномъ ихъ состояніи, заботиться о воспитаніи и направленіи ихъ къ честной и полезной дѣятельности въ кругу общественномъ. Если пресвятая Матерь Господа есть Матерь сиротъ; то чѣмъ лучше мы можемъ приблизиться къ Ней и сдѣлаться Ей угодными, какъ не любовію къ Ея чадамъ? Чѣмъ скорѣе всего можемъ заслужить Ея благоволеніе и милость, какъ не усердною, братскою заботливостію о присныхъ Ея чадахъ? Все, что сдѣлаемъ добраго для сиротъ, пресвятая Дѣва, какъ Матерь ихъ, вмѣнитъ самой Себѣ и за все воздастъ сторицею. Все, чѣмъ оскорбимъ и преогорчимъ сироту, Матерь Божія приметъ въ огорченіе и оскорбленіе самой Себѣ и отвратитъ лице свое отъ оскорбителя. Итакъ желаешь ли, возлюбленный собратъ мой, сдѣлаться сыномъ Матери Божіей, снискать Ея матернюю любовь и благоволеніе? Будь искреннимъ, вѣрнымъ и попечительнымъ братомъ сихъ меньшихъ чадъ Ея. Возлюби ихъ любовію чистою, искреннею, безкорыстною, яви къ нимъ свое братское и отеческое усердіе и горячность; прими и обыми сироту, какъ дорогаго, милаго тебѣ, сродника, какъ собственное дитя свое; и небесная Матерь сирыхъ возлюбитъ тебя, какъ своего любимѣйшаго сына.

Что такое сирота? Это—сорванный съ корня своего цвѣтокъ, предоставленный произволу бурь и непогодъ; это—выпавшій изъ роднаго гнѣзда, не оперившійся птенецъ, готовый сдѣлаться жертвою всякаго хищника. Правда, и у сироты есть жизнь; но ей не на чемъ укорениться, чтобы развиться, разцвѣсти и принести плодъ. Нѣтъ жизни родительской: нѣтъ опытнаго отеческаго руководства, которое предохранило бы разумъ и волю его отъ заблужденій и пороковъ, просвѣтило

бы его свѣтомъ вѣры Христовой, научило бы его всякому полезному для жизни знанію, направило бы волю его ко всему доброму, честному и святому, ко всякой добродѣтели и правдѣ, пріучило бы юныя и свѣжія силы его къ честной и полезной дѣятельности; нѣтъ теплоты любви матерней, которая согрѣла бы сердце его и возбудила въ немъ святыя чувства любви къ Богу и ближнему, кротости и терпѣнія, скромности и цѣломудрія, милосердія и состраданія, оживила и вдохновила бы его духомъ вѣры и упованія на Бога, духомъ молитвы и преданности волѣ Божіей. Есть и у сироты родное мѣсто на землѣ—могила его родителей. Но безмолвна могила,—не отзовется она ласкою и привѣтомъ на самые горькіе его вопли; холодна могила,—не согрѣютъ ее самыя жаркія его объятія; жестка могила,—не смягчатъ ее горячія слезы сиротскія. По неволѣ онъ отойдетъ отъ нея, какъ и пришелъ—сиротою, безъ привѣта и утѣшенія, безъ крова и защиты, съ унылою душою, съ растерзаннымъ сердцемъ. Оставьте жъ его безъ призрѣнія: онъ одичаетъ среди чуждыхъ ему людей, у которыхъ не находитъ живаго родственнаго къ себѣ сочувствія; онъ озлобится на весь міръ, въ которомъ не встрѣчаетъ братской къ себѣ пріязни и любви, въ немъ разовьются однѣ дурныя наклонности и страсти—зависть, ненависть и озлобленіе ко всѣмъ. Положимъ, вы не дадите умереть сиротѣ съ голоду и холоду: одинъ подастъ ему хлѣба, другой какую-нибудь одежду, третій—какую нибудь монету. Но къ чему послужатъ сиротѣ эти случайныя, безучастныя, какъ бы вынужденныя вазойливостью просящаго ваши подаянія? Легкій способъ пріобрѣтенія выпрашиваніемъ не пріучитъ ли его къ лѣности, праздности, тушеядству и безстыдству? Если милостыня обильна; не послужитъ ли она поводомъ къ легкомысленной и бесполезной тратѣ, къ невоздержанію, разгулу и распутству? Если напротивъ милостыня скудна, не разовьется ли у него страсть восполнять ее кражею или другими безчестными средствами? Не такъ ли именно образуется въ нашихъ обществахъ боль-

шая часть тѣхъ несчастныхъ, которыми наполняются наши темницы? Святое дѣло—подать милостыню просящему: но дороже всего поставить нуждающагося въ такое положеніе, чтобы онъ самъ былъ въ состояніи удовлетворять своимъ нуждамъ и не имѣлъ бы горькой необходимости выпрашивать подавнія у другихъ, что бывасть иногда тяжелѣе и горче, чѣмъ терпѣть нужду и горе. Доброе дѣло—накормить алчущаго или одѣть нагаго: но, безъ сомнѣнія, лучше и полезнѣе достигнуть того, чтобы и тотъ и другой могли и умѣли сами свискать себѣ и пищу и одежду, не имѣя необходимости толкаться въ двери домовъ, злоупотреблять святѣйшимъ именемъ Христовымъ. Если бы наша благотворительность приняла навсегда это истинно христіанское направленіе, если бы общее сочувствіе, особенно къ сиротствующимъ, всегда выражалось въ этой, истинно братской, помощи: тогда безродный сирота не одичалъ бы, не развратился бы, не сдѣлался бы гнилымъ и вреднымъ членомъ общества, въ тягость себѣ и другимъ; тогда безпріютный юноша не предался бы праздности и распутству и не сдѣлался бы язвою общества, а былъ бы дѣятельнымъ и полезнымъ его членомъ. Итакъ прирѣніе и воспитаніе сироты—вотъ истинно доброе и святое дѣло! вотъ истинно христіанскій подвигъ, который возлагаетъ на насъ самъ Господь Богъ нашъ. *Тебѣ оставленъ естъ нищій, сирѣ ты буди помощникъ*, такъ говоритъ Онъ съ неба каждому изъ насъ. Но весь успѣхъ въ этомъ святомъ дѣлѣ зависитъ, братіе мои, отъ истинно христіанской любви, безъ которой всѣ труды и заботы въ прирѣніи и воспитаніи сирыхъ не достигнутъ вполнѣ своей цѣли, не принесутъ ожидаемыхъ добрыхъ плодовъ.

Что значитъ прирѣть сироту? Значитъ замѣнить ему его родителей, его роднаго отца и матеръ. Можно лижъ достигнуть сего безъ нѣжной, родственной любви къ нему? Какъ ни ласкайте сироту: но, если въ вашихъ ласкахъ не искрится истинная, неподдѣльная любовь, отъ нихъ повѣетъ холодомъ, — и юное, нѣжное, воспріимчивое сердце дитяти ошутитъ этотъ

холодъ. Оно вспомнить горячія ласки матери и заплачетъ въ вашихъ холодныхъ объятіяхъ. Чѣмъ ни утѣшайте сироту: но, если въ сердцѣ своемъ вы отличаете его отъ родныхъ, милыхъ вамъ дѣтей своихъ, то ваши утѣшенія не облегчаютъ, а еще болѣе отягощаютъ юное сердце, дадутъ ему почувствовать всю горечь утраты любви родственной. Какія ни дадите мудрыя наставленія юному питомцу своему; но, если не звучатъ они искреннею, сердечною любовію и не затронуть нѣжныхъ струнъ юнаго сердца, то пролетятъ мимо ушей его, проскользнутъ по поверхности души его и забудутся скорѣе, чѣмъ вы успѣете ихъ кончить. Какіе ни дадите полезные совѣты: но, если не дышатъ они живою дѣятельною любовію, юное сердце ощутитъ ихъ неискренность и не приметъ ихъ. Тогда воздаяніемъ за всѣ труды ваши будетъ развѣ одна учтивая, но не сердечная благодарность, тѣмъ паче не вознесется о васъ теплая, сердечная молитва къ Богу, не упадетъ горячая слеза благодарности предъ Отцемъ небеснымъ. Весь трудъ вашъ останется безплоднымъ. Напротивъ воодушевитесь искреннею христіанскою любовію къ малымъ симъ, тогда нѣжное сердце дитяти привлечется, какъ магнитомъ, къ вашему сердцу, покорится совершенно вашему вліянію, прильнетъ къ вамъ своею горячею любовію. Ваши ласки и утѣшенія оно будетъ впивать въ себя, какъ нектаръ услаждающій,—и онъ будетъ утѣшать его во всю послѣдующую его жизнь. Ваши совѣты и наставленія углубятся въ душѣ его, укоренятся въ сердцѣ его, выростутъ и принесутъ добрые плоды, будутъ всегда охранять его отъ заблужденій и пороковъ. Но пусть бури жизни и возвѣютъ на него тлетворнымъ дыханіемъ, возмутятъ его душу и сердце нечистыми страстями и увлекутъ на погибельный путь порока: и тогда воспоминаніе о любви вашей пробудитъ его совѣсть, смягчитъ его сердце, исторгнетъ изъ груди его тяжелый вздохъ сокрушенія, извлечетъ изъ очей его слезу раскаянія. Мало ли есть примѣровъ, что одно воспоминаніе о доброй любящей матери приводило ихъ къ раскаянію. О, ка-

кая это драгоценная заслуга предъ челоѣчествомъ! Какое это, по истинѣ святое, дѣло любви, и вмѣстѣ какая драгоценнѣйшая награда любви!

Что значитъ воспитать сироту? Значитъ — сохранить въ душѣ его благодать св. крещенія, развитъ, направить и приучить къ правильной дѣятельности всѣ силы души и тѣла его, запечатлѣнные печатію дара Духа Святаго; значитъ — возрастить отроча въ истиннаго христіанина, сына церкви Христовой, въ челоѣка Божія, на всякое дѣло благое уготованнаго. Здѣсь уже, благочестивые воспитатели сиротъ, вы становитесь служителями не природы, а благодати Божіей; замѣняете для сиротъ не земныхъ его родителей, а Отца небеснаго, который, вѣрняя вамъ усыновленныхъ Ему во св. крещеніи чадъ своихъ, общаетъ и подаетъ въ помощь вамъ свою Божественную благодать; заступаете мѣсто небесной ихъ Матери, пресвятой и преблагословенной Царицы небесе и земли, которая, избравъ васъ въ сотрудники Себѣ, вѣрняетъ вашему храненію то, что есть драгоценнѣйшаго на землѣ нашей,—омытое и освященное кровію Сына Ея дитя христіанское. Чувствуете ли всю высоту призванія вашего, все величіе служенія вашего въ царствѣ Божіемъ, всю славу уготованнаго вамъ воздаянія и всю тяжесть отвѣта предъ судомъ Божіимъ за малыхъ сихъ? *Нѣсть воля предъ Отцемъ моимъ, да погибнетъ единъ отъ малыхъ сихъ*, говоритъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ. *Блюдите же, да не презрите и единаго отъ малыхъ сихъ*. Если вашими заботами и попеченіями сохранятся они для царства Божія; если, по крайней мѣрѣ, изъ своихъ рукъ вы предадите ихъ въ руки промысла Божія, — въ среду общества христіанскаго,—чистыми и незлорочными, на всякое благое дѣло уготованными; то съ какимъ свѣтлымъ и радостнымъ лицемъ предстанете престолу Божію и скажете: *се азъ и дѣти, яже ми далъ еси, Господи!* Напротивъ, если отъ невниманія и небреженія, тѣмъ паче отъ собственнаго при- мѣра кого либо изъ васъ, соблазнится и погибнетъ хотя и

единъ отъ малыхъ сихъ, то *унѣ есть ему, да обѣсится жерновъ осельскій о выи его и потонетъ въ пучинѣ морстѣй,* какъ свидѣтельствуесть самъ Господь. Отецъ небесный, не пощадишь для спасенія ихъ едиnorodнаго Сына своего, спросить васъ: *идѣ есть Авель, братъ твой? Глазъ крове брата твоего вопіетъ ко мнѣ.* Сынъ Божій, искупившій ихъ кровію своею, спросить васъ: гдѣ сокровище, купленное цѣною крови Моей? возвратите его Мнѣ! Матерь Божія, ввѣрившая вамъ чадъ своихъ, спросить васъ: гдѣ чада мои возлюбленныя, омытыя кровію Сына моего и Бога? Приведите Ми ихъ съмо!

Боже мой! кто же изъ воспитателей и наставниковъ малыхъ сихъ избѣжить страшнаго суда Твоего? Избѣжить любовь, одна смиренная, благочестивая любовь христіанская. Она одна достойна стать и оправдаться предъ престоломъ правды Божіей, ибо она *душу свою полагаетъ за други своя.* Стяжите эту чистую, святую, нелицепріятную любовь къ малымъ симъ; — и она научитъ васъ совершить дѣло любви во спасеніе; она облегчитъ вамъ тяжелый трудъ вашъ и усладитъ всю горечь заботъ вашихъ; она привлечетъ въ помощь вамъ Божественную благодать Духа Божія: *пребывая въ любви въ Бозѣ пребываетъ и Богъ въ немъ пребываетъ.* А съ такою помощію можетъ ли быть что либо или трудно или безуспѣшно? Ваша христіанская любовь, какъ искра, возжжетъ и воспламенитъ любовію къ Богу и ближнимъ нѣжное сердце дитяти. Ваша живая вѣра, любовію споспѣшествуемая, перейдетъ невидимо въ его душу и оживотворитъ ее тою же вѣрою. Ваше живое упованіе на Бога оживитъ и его сердце тѣмъ же святымъ упованіемъ, которое будетъ укрѣплять его во всѣхъ превратностяхъ жизни. Ваше святое усердіе къ храму Божію и совершающемуся въ немъ Богослуженію содѣлается потребностію и его юной души и будетъ во всю жизнь его источникомъ высокаго, небеснаго утѣшенія. Ваша горячая молитва согрѣетъ и его нѣжную душу и оживотворитъ ее тѣмъ же духомъ молитвы. Ваши добрыя, христіанскія чувствованія и дѣла глу-

боко западутъ въ его сердце, какъ доброе сѣмя въ удобренную ниву и принесутъ плодъ сторицею во время свое. Словомъ ваша живая, дѣятельная любовь къ Богу и ближнему, выражающаяся во всѣхъ словахъ и дѣлахъ вашихъ, во всѣхъ совѣтахъ и начинаніяхъ, написанная на благоговѣйномъ лицѣ вашемъ, свѣтящаяся во взорахъ вашихъ, будетъ ему путеводною звѣздою и приведетъ его ко Христу. О, какое это великое торжество для цѣлаго неба! Какой это свѣтлый праздникъ для самыхъ Ангеловъ Божіихъ! *Аминь бо глаголю вамъ, яко радость бываетъ на небеси о единомъ грѣшникѣ кающемся.* Какими сокровищами и наградами не воздастъ вамъ Отецъ небесный за малыхъ сихъ! Какою честію не почтутъ васъ Сынъ Божій во царствіи своемъ! Какими небесными радостями не утѣшитъ васъ Пресвятая Матерь Божія! Съ какою радостію срѣтять васъ, обымутъ васъ и введутъ въ селенія небесныя св. Ангелы малыхъ сихъ, которые видятъ ваши заботы и попеченія о нихъ, читаютъ въ сердцѣ вашемъ христіанскую любовь къ нимъ, и сами съ любовію готовы помогать вамъ!

Вотъ самое лучшее средство достигнуть наилучшихъ плодовъ въ призрѣніи и воспитаніи сырыхъ, — кратчайшій путь къ этой высокой и святой цѣли! Идите этимъ путемъ, и больше не заботьтесь ни о чемъ и не страшитесь ничего. Все, что въ силахъ вашихъ, освятить и утвердить, — все, что выше силъ вашихъ, восполнить и усовершенить вседѣйствующая, все-совершающая благодать Божія. Нѣтъ нужды, что вы, можете быть, не успѣете научить ихъ чему либо, что въ послѣдствіи окажется имъ нужнымъ въ жизни: опытъ и нужда научатъ ихъ всему. Вы сдѣлаете ихъ христіанами, а въ этомъ — все. Ибо истинный христіанинъ на все полезенъ, на все пригоденъ, вездѣ благопотребенъ, всегда вѣренъ, во всякомъ дѣлѣ честенъ, *не ульститъ языкомъ своимъ, не покривитъ душею, не продастъ своей совѣсти, ходяи непороченъ и дѣлая правду.*

О, да будетъ благословенна во вѣки память почившихъ въ Господѣ приснопамятныхъ основателей и благотворителей сего

питомника сирыхъ, которые за столѣтіе почти предъ симъ прозрѣли и указали намъ истинный духъ и цѣль христіанскаго благотворенія убогимъ и сирымъ. Вѣруемъ, что премилосердый Отецъ убогихъ и сирыхъ утѣшаетъ и утѣшитъ души ихъ отъ неистощимыхъ сокровищъ благодати своея за то успокоеніе и утѣшеніе, которое обрѣтаютъ здѣсь преогорченныя сердца несчастныхъ. Каждая молитва, возносимая ими, каждая благодарная слеза, пролитая ими, приложитъ свою нескудную долю къ тому блаженству, которое воздастъ имъ Судія міра въ день праведнаго суда своего. Аминь.

ПРЕОСВЯЩЕННАГО ГУРІЯ ЕПИСКОПА

ТАВРИЧЕСКАГО И СИМФЕРОПОЛЬСКАГО

ПОСЛАНІЕ ПАСТЫРЯМЪ ТАВРИЧЕСКОЙ ЕПАРХІИ.

БРАТІЯМЪ МОИМЪ, СВЯЩЕННО-СЛУЖИТЕЛЯМЪ ТАВРИЧЕСКОЙ
ЕПАРХІИ МИРЪ И БЛАГОСЛОВЕНІЕ ОТЪ ГОСПОДА НАШЕГО
ИСУСА ХРИСТА!

Семилѣтнія наблюденія мои показали мнѣ, что православный народъ таврической епархіи, какъ и вездѣ въ Россіи, вообще говоря, набоженъ, любитъ свою православную вѣру; дорожить ею, какъ безцѣннымъ, отъ предковъ перешедшимъ сокровищемъ, дорожить церковію, какъ хранилищемъ благодатныхъ даровъ, какъ священнымъ мѣстомъ, гдѣ онъ учится вѣрѣ, гдѣ ищетъ и находитъ удовлетвореніе своимъ благочестивымъ стремленіямъ сердца. Если онъ мало и неясно понимаетъ сущность христіанской вѣры, если въ удовлетвореніи сердечной потребности богопочтенія останавливается болѣе на его внѣшности, ограничивается обрядовою его стороною, то въ этомъ виноватъ, конечно, не онъ одинъ; по крайней мѣрѣ его нельзя попрекнуть холодностію къ вѣрѣ, неохотою изучать, уяснять себѣ вѣру съ той ея стороны, которая доступна его разумѣнію. Посмотрите *напр.* съ какимъ уваженіемъ, съ какою любовію относится онъ къ книгамъ *божественнымъ*, т.-е. поучающимъ боговѣденію и богоугожде

нію. И читаетъ онъ и любитъ слушать читаемыя книги преимущественно божественныя; только такія книги и считаетъ достойными чтенія; для чтенія такихъ книгъ, и именно въ видахъ уясненія себѣ вѣры и правилъ нравственности христіанской, онъ считаетъ полезною самую грамотность. Такъ ли поступилъ бы человекъ, холодный къ вѣрѣ?

Къ сожалѣнію этотъ прекрасный даръ Божій, эта живая, только неосмысленная любовь къ вѣрѣ и у насъ не вездѣ получаетъ правильное развитіе и своеобразное съ волею Божіею направленіе, иногда же и совершенно искажается. Подъ вліяніемъ самозванныхъ вѣроучителей простодушные и дѣтски-довѣрчивые поселяне иногда и у насъ увлекаются въ самочинное служеніе Богу—или въ мнимо-древнюю вѣру въ расколѣ, или въ мнимо-духовную жизнь въ молоканствѣ, или даже въ противоестественное сумазбродство у скопцовъ. Пастырски болѣзную объ этихъ, можетъ быть лучшихъ, по крайней мѣрѣ ревностнѣйшихъ и заботливѣйшихъ о своемъ спасеніи членахъ нашей паствы, но и здѣсь не рѣшаюсь винить ихъ однихъ. Не оправдываю ихъ неразумнаго увлеченія. Вмѣсто того, чтобъ искать наставленія въ вѣрѣ у своихъ законныхъ, *Богомъ* поставленныхъ пастырей, они обратились къ самозванымъ, за каковое своеволіе и наказаны *Богомъ*, преданы въ неискусецъ умъ творити неподобная. Но правы ли мы, законные ихъ пастыри и вѣроучители? Всѣ ли мы дѣлали, что съ нашей стороны требовалось сдѣлать къ разрѣшенію ихъ недоразумѣній, къ успокоенію смятенной ихъ совѣсти? Приняли ли мы какія-либо мѣры къ утвержденію ихъ въ православной вѣрѣ разясненіемъ ея ученія, ея богослуженія? Дали ли мы имъ какое-либо доказательство нашей ревности о славѣ Божіей, нашей заботливости объ ихъ спасеніи, нашего сердечнаго уваженія къ вѣрѣ? Старались ли мы пріобрѣсти ихъ довѣріе нашею внимательностію къ ихъ заявленіямъ, ласковымъ обращеніемъ, безкорыстіемъ, правдивостію, трезвостію, благочестіемъ, миролюбіемъ? Совѣсть каждаго изъ насъ пусть отвѣчаетъ на эти вопросы предъ *Богомъ*,

которому принадлежит и наше прошедшее, и судъ надъ нимъ и воздаяніе.

Боюсь однакожь, чтобъ отвѣты, какіе каждый изъ насъ можетъ представить на сказанные вопросы, не послужили къ вѣщшему насъ обвиненію. Посмотрите на церковную жизнь православнаго общества. Какое грустное явленіе представляетъ она! Одни отступаютъ отъ христіанской вѣры, какъ отъ міросозерцанія несоотвѣтствующаго высотѣ и широтѣ ихъ взгляда; другіе уклоняются въ расколъ и ереси, какъ богочтеніе, наиболѣе удовлетворяющее ихъ мысль и чувство. Да и изъ тѣхъ, кто считаются въ нѣдрахъ православной церкви состоящими, многіе ли живутъ по-христіански? Нормально ли такое положеніе? Гдѣ же причины его? Церковь, Христомъ основанная, и вѣра, Имъ проповѣданная, представляютъ намъ такую высоту, широту, ясность и законченность міросозерцанія, что человѣчество никогда не выростетъ, не выдетъ изъ границъ ею очертываемыхъ, какъ бы ни были велики успѣхи наукъ. Величайшіе умы всѣхъ временъ благоговѣли и благоговѣютъ предъ ученіемъ Христовой церкви, находили и находятъ разясненія насущныхъ вопросовъ жизни, ею представляемая, совершенно успокоительными. Значить, если въ наше время нашлись мечтатели, которымъ кажется, что ученіе Христовой вѣры ниже ихъ высокоумія, то причины тому не въ вѣрѣ православной. Гдѣ же?— Указываютъ на школу; будто школа при преподаваніи естественныхъ наукъ дѣйствовала неосторожно въ подрывъ религіознаго чувства неокрѣпшихъ и впечатлительныхъ молодыхъ людей, и тѣмъ постепенно отвратила ихъ отъ православной вѣры. Ужели это правда? Вѣдь въ нашихъ школахъ есть законоучители. Отчего же ихъ слово осталось безъ жизни, ихъ вѣра и молитва—безъ вліянія на тѣ же молодые и впечатлительные умы? Василій Великій, Григорій Богословъ, Іоаннъ Златоустъ и многіе другіе слушали свѣтскія науки и вовсе въ языческихъ школахъ, гдѣ конечно не щадили христіанской вѣры. Однакожь школа не имѣла на нихъ злока-

чественнаго вліянія. Возмужавъ они стали для своего времени (и останутся навсегда) свѣтильниками міра христіанскаго, столпами православія.—Скажутъ ли, что семьи, въ которыхъ воспитались эти святители, были образцами христіанскаго благочестія!—А наши семьи отчего не таковы? Вѣдь никогда никакая семья не была оставлена безъ духовнаго надзора и попеченія священника.—Скажутъ ли священники, что насъ не принимаютъ въ среду семей образованныхъ, высшихъ классовъ!—Отъ чего?—Не значить ли это, что мы ниже своего призванія, по неразвитости нежелательны къ кругу людей образованныхъ, что ни слова умнаго, ни жизни назидательной не представляемъ и не общаемъ. Предубѣжденіе не могло же составиться безъ всякой причины.

Впрочемъ оставимъ многознающихъ. Если они дѣйствительно яснѣ видятъ настоящей путь къ истинѣ, то могли бы и сами своимъ умомъ оцѣнить превосходство христіанской вѣры, хотя бы мы и не исполняли нашей обязанности. Спустимся ниже, въ среду людей малообразованныхъ, или и вовсе неграмотныхъ. Отчего у нихъ отступленія отъ православной вѣры? Отчего за совѣтомъ и наставленіемъ въ вѣрѣ идетъ темный человѣкъ къ такому же простецу и темному человѣку, а не къ священнику? Отчего онъ отъ простолюдина принимаетъ разъясненіе своихъ недоумѣній, а не отъ священника? Не ясно ли, что священникъ не расположилъ къ себѣ своихъ прихожанъ, не пользуется ихъ довѣріемъ, можетъ быть своею притязательностію, или высокомѣрнымъ обращеніемъ, даже неназидательною жизнію оттолкнулъ ихъ отъ себя? Невольно припоминается слово Господне къ пророку Іезекілю: Олѣ пастыри Израилевы! Еда пасутъ пастыри самихъ себе? Не овецъ ли пасутъ пастыри?—Се млеко ядите, и волною одѣваетея, и тучное закалаете, а овецъ моихъ не пасете: изнемогающаго не подъяете, болящаго не уврачеваете, сокрушенное не обяжете, заблуждающаго не обратисте, погибшаго не възыскаете, крѣпкаго оскорбисте трудомъ и властію накажете я и наруганіемъ. И разсыпашася овцы, понеже не имѣяху

пастырей... Того ради пастыри! слышите слово Господне: се Азъ на пастыри! Взыщу овецъ моихъ отъ рукъ ихъ и оставлю я отъ паствы овецъ моихъ и не будутъ пасти ихъ пастыри и пр. (Езек. XXXIV, 3—10)!

Не то хочу сказать я, что *мы*—и только *мы* одни—виноваты во всѣхъ беспорядкахъ въ жизни православнаго общества. Хочу только обратить вниманіе сотрудниковъ моихъ—сопастырей на дѣло, всѣхъ насъ касающееся, представляю случай провѣрить себя, осмотрѣться и выяснитъ себѣ на сколько виноваты мы въ этомъ? Все ли мы сдѣлали, что сдѣлать были должны?

Стража дахъ ты дому Израилеву, говорилъ Господь пророку Іезекилю, священнику ветхозавѣтной церкви. Слова эти должны быть напечатлѣны въ умѣ и сердцѣ каждаго священника церкви Божіей. Мы стражи при домѣ Божіемъ. Нашему повеченію и вѣрности ввѣрилъ Господь самое дорогое свое сокровище—души человѣческія. Словомъ здоровымъ, солю благодати раствореннымъ, надѣе укрѣплять ихъ въ вѣрѣ, отражая въ то же время и погрѣшительныя ученія своевольнаго ума и богоборныя стремленія развращеннаго сердца; примѣромъ благочестія и доброй жизни: облегчать имъ исполненіе воли Божіей; молитвою и таинствами: очищая приращенія къ нимъ грѣховной нечистоты освящать въ сосуды благодати и такимъ образомъ постепенно подготавливать ихъ къ блаженной жизни въ царствѣ Христовомъ, по смерти насъ ожидающемъ. Потребна ревность Іліи, и самоотверженная любовь Моисея, или Павла, чтобы точно—богоугодно исполнить обязанность, принятую нами на себя вмѣстѣ съ честію священства. Имѣемъ ли мы эти качества?—Эту ревность о славѣ Божіей, эту любовь къ *Богу* и ближнему?—Если не сознаемъ ихъ дѣйствія въ себѣ, по крайней мѣрѣ молимся ли *Богу* о помощи, и съ своей стороны стараемся ли самопунуженіемъ вызвать, развитъ, усилитъ, укрѣпить ихъ дѣйствія въ себѣ? Хотимъ, или не хотимъ, но мы должны это сдѣлать, должны употребитъ всѣ зависящія отъ насъ мѣры, чтобы стать на высотѣ принятаго нами достоинства!

Осмотримся, обдумаемъ наше положеніе и примемся за дѣло.

1) Прежде всего благоустроимъ нашу домашнюю жизнь. Пусть она будетъ образцомъ мира, труда, трезвости и нравственной чистоты. И наша бесѣда, и наши поступки, и обстановка, и всякая даже мелочная вещь нашего хозяйства пусть всякому говорить, что онъ видитъ христіанское семейство, христіанское ученіе въ жизни, на практикѣ, и видя наше богобоязненное житіе полюбитъ бы оное и прославитъ Бога (1 Петр. II, 12; III, 2).

2) Порядокъ, тишину и чувство благоговѣнія, обитающія въ нашихъ домахъ перенесемъ и въ дома нашихъ прихожанъ. При посѣщеніяхъ ихъ, для исправленія ли какихъ-либо христіанскихъ требъ, или просто для пастырскихъ бесѣдъ о вѣрѣ православной и нашихъ христіанскихъ обязанностяхъ не оставимъ ихъ безъ утѣшенія и назиданія. Степенная веселость лица, развязность рѣчи и дѣйствій въ гравицахъ приличія и самоуваженія, слово скромное, привѣтливое и вся наша внѣшность пусть будутъ поучительны, располагающи. Рѣчь у меня не о заискиваніи, или о поддѣлкѣ подъ вкусъ, но о христіанскомъ настроеніи мыслей и чувствъ, а чрезъ то и объ упроченіи довѣрія и расположенія прихожанъ къ священнику. Знаю, что дѣло это не безтрудное, если къ исполненію своихъ пастырскихъ обязанностей священникъ будетъ относиться холодно, формально. Но знаю и то, что кто полюбитъ Господа Іисуса, тотъ полюбитъ и прихожанъ своихъ, и по этой любви всякій трудъ на ихъ душевную пользу покажется ему легокъ; при чемъ слова и поступки такого священника будутъ сами собою естественно назидать и привлекать.

3) Во время совершенія молитвословій остережемся разсѣянности и неблагоговѣнія. *Чтеніе* неторопливое, внятное, *пѣніе* согласное, умиротворяющее, *дѣйствія* осмысленныя, приличные обряду должны вызывать и поддерживать молитвенное настроеніе и благоговѣніе присутствующихъ. Осо-

бенная заботливость о семъ должна быть употреблена нами при совершеніи священнодѣйствій въ церкви, гдѣ все пусть будетъ (какъ и должно быть по апостолу) не только *благообразно*, но и *по чину*, данному намъ въ *уставъ*. Не думайте, что самочинное уклоненіе отъ требованій устава проходитъ безъ вредныхъ послѣдствій.

Въ этомъ случаѣ и нерадивые священники, а по ихъ винѣ и ихъ прихожане лишаются благодатныхъ воздѣйствій и Божіей помощи, какія они надѣялись и могли бы получить при благоговѣйномъ и послушномъ исполненіи церковной заповѣди. Кромѣ того, легкомысліе въ этомъ дѣлѣ пролагаетъ путь и вызываетъ склонность къ своеволію и во всемъ прочемъ. Какъ важно это обстоятельство, къ какимъ гибельнымъ послѣдствіямъ ведетъ оно, всякому священнику должно быть понятно.

4) Поучая прихожанъ нашею жизнію и дѣятельностію, озаботимся наставлять ихъ и словомъ. Сверхъ церковной проповѣди, по существующему обычаю, устроимъ еще постоянныя въ воскресные и праздничные дни собесѣдованія о вѣрѣ и христіанской жизни. Собесѣдованія эти будемъ вести въ порядкѣ, систематически, по заранѣе обдуманному плану; при чемъ постараемся и слушателей своихъ вызывать на вопросы. Эти вопросы значительно облегчатъ дѣло назиданія: покажутъ въ спрашивающемъ степень его духовнаго возраста, предметъ недоумѣнія, даже—частнѣе—что именно въ этомъ предметѣ христіанскаго вѣрованія требуетъ объясненія. Весьма полезно, а иногда даже необходимо въ теченіи такихъ собесѣдованій почитать какую-либо книгу, навр. жизнеописаніе какого-либо святаго, толкованія на книги Св. Писанія, или на службы церковныя, на обряды при совершеніи таинствъ *и пр.*, вообще такую книгу, въ которой излагается что-либо, въ разъясненіи чего нуждается приходъ данной мѣстности.

5) Школа, и преимущественно преподаваніе въ ней закона Божія должны составлять весьма важный предметъ нашей за-

ботливости. Дѣти легче усвояють сообщаемыя имъ знанія; и что отчетливо, твердо усвоено въ дѣтствѣ, то у человѣка остается на всю его жизнь. Значить, кто сумѣетъ заложить въ дѣтское сознаніе вѣру въ *Бога*, въ Его промыслъ и домостроительство нашего спасенія, тотъ не только обезпечить его принадлежность св. церкви, но и приготовить изъ него добраго, понятливаго слушателя своихъ объясненій и собесѣдованій, въ иныхъ же случаяхъ даже надежнаго помощника въ отношеніи вліянія на заблуждающихъ. Съ грустію вынужденъ заявить, что мнѣ нерѣдко доводилось получать жалобы сельскихъ обществъ, земскихъ управъ и училищныхъ совѣтовъ на священниковъ, что они не посѣщаютъ школъ, не учатъ дѣтей Закону Божію. Слышалъ и оправданія такихъ священниковъ. Чаше указываютъ на то, что «общество мало положило жалованья за уроки по Закону Божію, а въ иныхъ мѣстахъ и вовсе никакого не положило вознагражденія; по этому и не посѣщаютъ школы въ предположеніи такую мѣрою вынудить вознагражденіе за свой трудъ по школѣ». Развѣ это оправданіе? Вѣдь учить Закону Божію (и дѣтей, и взрослых) есть наша обязанность; мы должны учить своихъ прихожанъ, хотя бы они и вовсе не давали намъ жалованья. Прихожане дѣлають худо, если отказываютъ своему священнику въ вознагражденіи за трудъ. Они *обязаны доставлять* священнику (а священникъ *въ правѣ ожидать* отъ прихожанъ) все необходимое для жизни, дабы—какъ говоритъ апостоль—священники могли исполнять свои обязанности съ радостію, а не воздыхающе, такъ какъ стѣсненіе въ его жизненныхъ потребностяхъ не полезно прихожанамъ. Но неисполненіе обязанностей другимъ, развѣ даетъ мнѣ право уклоняться отъ исполненія лежащихъ на мнѣ обязанностей? Худой поступокъ другаго не оправдываетъ меня въ моей неисправности. Намъ указано: *злое побѣждать благимъ!* А что будетъ, если прихожане, несмотря на замысловатый протестъ священника, не положатъ жалованья за уроки по Закону Божію? Тогда какъ быть съ дѣтьми? Такъ они и должны оста-

ваться безъ наученія въ вѣрѣ? Между тѣмъ печальники просвѣщенія народа наметутъ разнаго сору въ голову и сердце ребенка, оставленнаго безъ нашего надзора и руководства! Кому мы руки-то свяжемъ? Кому будетъ труднѣе? Нѣтъ! Благодарить надо начальство и преимущественно Благочестивѣйшаго Государя, что намъ открываютъ двери училища; сколько есть силъ воспользоваться предоставляемою намъ возможностью исполнить нашу обязанность. Напоминать прихожанамъ, что они должны вознаграждать нашъ особый трудъ особымъ положеніемъ—и можно, и должно. Представлять о томъ и начальству нисколько не предосудительно. Но вымогать—и нехорошо, и бесполезно. Дѣлайте ваше дѣло усердно. Заботу же объ обеспеченіи вашемъ предоставьте начальству, оно не забудетъ (и не забываетъ) о нуждахъ вашихъ, и когда можно употребить свои мѣры, не унижая вашего достоинства и не вредя дѣлу.

Неболѣе основательна и отговорка неумѣнъ, неопытною вести преподаваніе въ школь. Неумѣнъ и неопытность не слагаютъ съ насъ принятой нами обязанности; напротивъ, онѣ налагаютъ сверхъ этой еще одну обязанность—усердно потрудиться приобрести опытность и умѣнъ, въ которыхъ чувствуется недостатокъ. Въ этомъ случаѣ много поможетъ совѣтъ опытнаго, умѣющаго, человѣка. Хорошо сдѣлаютъ священники, если при перѣдѣлкахъ свиданій своихъ будутъ обмѣниваться мыслями о мѣрахъ къ лучшему преподаванію и сообщать другъ-другу свои опыты и наблюденія по этому предмету. Можно бы даже и нарочно устраивать сѣзды для подобныхъ совѣщаній, гдѣ бы свои, и чужія наблюденія, съ пользою занявъ вниманіе собесѣдниковъ, составили бы хорошее подкрѣпленіе для менѣе опытныхъ, и воодушевили бы ихъ на дѣло.

Наконецъ 6), чтобъ не продолжать слова болѣе потребности, скажу въ обратѣ: надо намъ постоянно молиться ко Господу о помощи въ нашихъ занятіяхъ, о благословеніи нашихъ трудовъ; надо полюбить порученное намъ дѣло Божіе.

Въ согрѣтомъ любовію сердцѣ оживетъ и надежда, слѣдов. будетъ дѣйствовать и молитва; кромѣ того, любовь и сама по себѣ необрѣтательна. Она укажетъ и путь, и средства къ цѣли, облегчитъ и трудъ, неизбѣжный для достиженія ея. Въ числѣ священнослужителей — моихъ сотрудниковъ, есть люди, которые своею пастырскою дѣятельностію доказываютъ вѣрность высказанныхъ мыслей. Не называю этихъ достойныхъ людей по именамъ. Они, какъ звѣзды на безоблачномъ небѣ въ темную ночь, ярко выдѣляются, всѣми видимы, и имѣющимъ глаза всѣмъ извѣстны. Въ церкви у нихъ тишина, чистота, порядокъ во всемъ; по приходу—со стороны священника—отеческая заботливость объ удовлетвореніи религиозныхъ нуждъ прихожанъ, а отъ прихожанъ нелицемѣрное уваженіе и послушаніе къ священнику. Есть у нихъ и церковныя попечительства, и школы для дѣтей, даже вечернія школы для взрослыхъ; по праздникамъ ведутся общія собесѣдованія о предметахъ вѣры и жизни христіанской,—словомъ, есть все что можно было бы пожелать для усиленія свѣта христіанской вѣры въ народѣ. При томъ есть не трудъ только, но—что особенно важно — есть и благословеніе Божіе—успѣхъ въ ихъ дѣланіи. Съ любовію и уваженіемъ останавливаюсь я мыслію на этихъ—правда, немногихъ, но тѣмъ болѣе дорогихъ и свѣтлыхъ личностяхъ, съ которыми Господь судилъ мнѣ трудиться на нивѣ Божіей. На ихъ примѣръ ссылаюсь и утверждаю, что *трудъ*, къ которому я теперь приглашаю, не превышаетъ силъ человѣческихъ, *успѣхъ* въ немъ не безнадеженъ, потерянное *уваженіе*—можетъ быть возвращено, *положеніе*—обезпечено.

Одумаемся братіе! Примемся за дѣло, которое обѣщали *Богу*, и будемъ усердно дѣлать его до вечера, *дондеже день есть*. Придетъ ночь, егда никтоже можетъ дѣлати (Іоан. IX, 4), тогда пожалѣемъ, но будетъ ужь поздно!

Миръ и Божіе благословеніе да počетъ на послушныхъ и усердныхъ дѣлателяхъ въ оградѣ Божіей. *Не покоривый же и своевольный знай, что онъ не покоривъ не предъ чело-*

комъ, но предъ Богомъ, который далъ намъ Духа Своего Святаго (1 Тессал. IV, 8) и власть дѣйствовать на созиданіе Христовой церкви, а не на разореніе (2 Кор. XIII, 10). Власть эту мы и не преминемъ употребить тамъ, гдѣ не примѣтимъ созиданія, а еще скорѣе и строже тамъ, гдѣ усмотримъ *разореніе* христіанской жизни во ввѣренной намъ паствѣ.

П С А Л М Ы

ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДѢ СЪ ОБЪЯСНЕНІЯМИ.

ПСАЛОМЪ 9-й.

Благодарственная пѣснь Іеговъ, Судьѣ и Отмстителю, за уничтоженіе враговъ.

2. Дать хвалу хочу я Тебѣ, Іегова, отъ всего сердца,
Возвѣстить всѣ чудеса Твои,
Радоваться и торжествовать въ Тебѣ
Воспѣть имени Твоему, Всевышній!
- Бѣжали уже вснать враги мои,
Спотыкаются и гибнуть предъ лицомъ Твоимъ.
5. Потому что Ты велъ мое дѣло и споръ мой,
Сѣлъ на сѣдалище, Судья праведный!
- Въ ужасъ привелъ народы, уничтожилъ нечестиваго,
Имя ихъ изгладилъ навсегда, навѣчно.
Исчезли враги, развалины вѣчныя—они,
И города Ты истребилъ,
Изчезло воспоминаніе объ нихъ, да объ нихъ.—
- Господь же сидитъ на престолѣ вѣчно,
Поставилъ для суда Свое сѣдалище.
Онъ разсудитъ вселенную по правдѣ,
Дастъ рѣшеніе надъ народами по справедливости.
10. Для притѣсненнаго Іегова будетъ твердыней,
Твердыней во времена скорби.
И на Тебя будутъ падѣяться знающіе имя Твое
Потому что Ты не оставляешь ищущихъ Тебя, Іегова!

- Ему, Іеговъ, пойте, живущему на Сіонѣ,
 Возвѣщайте между народами дѣла Его
 Потому что Отмститель за кровь—Онъ вспомнилъ объ нихъ,
 Не забылъ жалобы страдальцевъ.
- „Жалость окажи мнѣ Іегова,
 Посмотри на страданіе мое отъ притѣснителей моихъ,
 Возстановитель мой отъ вратъ смерти!
15. Чтобы я могъ возвѣстить всю похвалу Твою;
 Во вратахъ дочери Сіона возликовать о спасеніи Твоемъ“†
- Застрануть народы въ ямѣ, которую сдѣлали,
 Въ сѣть, которую они скрыли, попадетъ нога ихъ.
 Открылся Іегова, совершилъ судъ,
 Въ дѣло собственныхъ рукъ запутался нечестивый.
- И грѣшники возвратятся въ преисподнюю,
 Всѣ язычники, забывшіе Бога;
 Потому что не навсегда будетъ забыть бѣдный,
 Надежда несчастныхъ не погибла на вѣки!
20. Іегова! возстань, пусть не противится смертный,
 Пусть разсудятся народы предъ лицомъ Твоимъ!
 Наведи на нихъ ужасъ Іегова,
 Пусть узнаютъ язычники, что они смертны!

ПСАЛОМЪ 10-й.

*Жалоба на притѣсненіе отъ внутреннихъ враговъ и при-
 званіе Іеговы на помощь.*

1. Какъ долго еще Іегова Ты будешь стоять вдали,
 Зачѣмъ скрываешься Ты во времена скорби!
 Въ высокогѣріи нечестиваго стараютъ страдальцы,
 Уловлены ухищреніями, которыхъ тѣ вымыслили.
- Потому что величается нечестивый похотію души своей,
 И алчный отвергаетъ, презираетъ Іегову.
 Нечестивый по высотѣ ноздрей своихъ:—„не накажетъ Онъ“,
 „Нѣтъ Бога“—всѣ его мысли.
- Б. Безопасны пути его во всякое время,
 Высоко отстоять отъ него суды Твои
 Всѣ его противники—дуповеніемъ отстранить ихъ.

Онъ говоритъ въ своемъ сердцѣ: „ничуть не поколеблюсь,
Изъ рода въ родъ я тотъ, котораго не постигнетъ зло“
Проклятіемъ полны уста его, обманомъ и притѣсненіемъ,
Бѣдствіе и уничтоженіе скрываетъ языкъ его.

Онъ садится въ засадѣ селеній,
Въ сокровенныхъ мѣстахъ убиваетъ невиннаго
Его глаза—немошнаго подстерегаютъ они.

Подкарауливаетъ въ сокровенныхъ мѣстахъ, какъ левъ въ чащѣ,
Подкарауливаетъ, чтобы схватить несчастнаго,
Схватываетъ несчастнаго, увлекая его въ сѣть свою.

10. И гибается онъ, прилегаетъ —

И попадаютъ въ когти его немощные.

Онъ говоритъ въ сердцѣ своемъ: „забылъ Богъ,
Сокрылъ лице Свое, никогда невидѣлъ“

Изднмись Иегова! Боже, возвысь руку Твою,
Незабудь страдальцевъ!

Для чего будетъ хулить нечестивый Бога,
Говоритъ въ сердцѣ своемъ: Ты не накажешь?!

Распознаешь однакоже, такъ какъ Ты видишь трудъ и болѣзнь,
Чтобы обозначить ихъ на рукѣ Твоей;
Тебѣ предаетъ ихъ немощной,
Сиротѣ Ты бываешь Помощникомъ.

15. Срази руку нечестиваго,

И злой—Ты будешь искать преступленія его и не найдешь!

Иегова есть Царь навѣчно, навсегда,

Погибнуть язычники изъ земли Его!

Ты слышишь, Иегова, желаніе страдальцевъ,

Укрѣпляешь сердце ихъ, чутко ухо Твое,

Чтобы разсудить сироту и притѣсненнаго,

Чтобы не продолжали еще противиться земные люди.

Примѣчаніе. Псалмы 9 и 10 въ греческой и славянской библіи соединены въ одно цѣлое, напротивъ въ еврейской раздѣлены на два самостоятельные псалма. Трудно рѣшить, что должно считать болѣе первоначальнымъ, соединеніе или раздѣленіе псалмовъ; псаломъ 10 составляетъ совершенно независимое цѣлое, рѣзко отличающееся отъ псалма 9-го, но въ то же время по отношенію къ нѣкоторымъ частнымъ чертамъ обнаруживаетъ большое сродство съ нимъ (ср. 9, 10 и 10, 1; 9, 20 слѣд.

и 10, 18; 9, 10 и 10, 18). Объ этомъ родствѣ свидѣтельствуется также и то, что въ томъ и другомъ псалмѣ есть признаки алфавитнаго распредѣленія стиховъ, и хотя въ послѣднемъ псалмѣ алфавитъ на нѣсколько стиховъ (10, 3—11) прерывается, тѣмъ не менѣе количество равныхъ отдѣленій (большею частію четверостишіи), на которыя распадается оба псалма, соотвѣтствуетъ почти количеству буквъ въ еврейскомъ алфавитѣ и въ мѣстѣ 10, 3—11, гдѣ недостаетъ акростиха, указанныхъ отдѣленій именно столько, сколько пропущено буквъ. Поэтому мы хотя и не можемъ рѣшиться признать эти псалмы за одинъ, тѣмъ не менѣе имѣемъ достаточныя основанія считать ихъ близко родственными и разсматривать вмѣстѣ.

Что же касается перевода, то мы, сколько возможно, старались удержать это несовершенное алфавитное разчлененіе, слѣдующая впрочемъ, въ интересахъ ясности, порядку буквъ не еврейскаго, но русскаго алфавита, такъ какъ сущность дѣла отъ этого не только не страдаетъ, но напротивъ ею требуется, чтобы съ переводомъ содержанія на отечественный языкъ переданъ былъ на томъ же языкѣ и акростихъ. При этомъ мы должны сознаться, что не могли подыскать въ русскомъ языкѣ словъ, начинающихся съ буквы А, соотвѣтствующихъ тѣмъ, которыя начинаются съ первой буквы еврейскаго алфавита и чтобы не оставить эти стихи внѣ акростиха, мы выбрали такія слова, которыя имѣютъ эту букву по крайней мѣрѣ на второмъ мѣстѣ. Этихъ же правилъ мы будемъ держаться и въ отношеніи къ другимъ, вполне алфавитнымъ псалмамъ.

Въ псалмѣ 9-мъ пѣвецъ хочетъ излить въ пѣніи и ликованіи благодарность Іеговъ за Его чудесныя благодѣянія (2—3); эти благодѣянія состоятъ въ томъ, что Іегова уничтожилъ притѣснителей народа Своего, какъ праведный Судія выступилъ на защиту притѣсненныхъ, превратилъ твердыни враговъ въ вѣчныя развалины и самое имя ихъ предалъ всегдашнему забвенію (4—7). Между тѣмъ какъ даже воспоминаніе о врагахъ исчезло, Самъ Іегова пребываетъ вѣчно и пребываетъ какъ Судья Праведный; Онъ всю вселенную привлечетъ къ суду и разсудитъ народы по справедливости. Судья же наро-

ды, Онъ обнаруживаетъ себя Защитникомъ и Помощникомъ страждущихъ Его почитателей и всѣ тѣ, которые полагаются на Него, находятъ въ Немъ свое убѣжище, знаютъ, что Іегова не забываетъ ихъ (8—11). Такое обнаруженіе Іеговы въ спасеніи побуждаетъ пѣвца сдѣлать воззваніе къ похвалѣ Іеговы въ пѣсняхъ, Іеговы, который основалъ Свое жилище на Сіонѣ; это восхваленіе Іеговы должно пройти за предѣлы народа Божія къ язычникамъ, и имъ должно быть возвѣщено, что Іегова явился Отстителемъ за невинно пролитую кровь и не забылъ жалобы Своихъ притѣсненныхъ (12—13). Обращаясь далѣе назадъ, пѣвецъ представляетъ, какъ эти притѣсненные обращаются къ Іеговѣ съ просьбою, чтобы Онъ возстановилъ ихъ изъ вратъ смерти, чтобы они могли восхвалять Его въ собраніи Его народа за дарованное Имъ спасеніе (14—15). Общество праведныхъ воспѣваетъ свое спасеніе, между тѣмъ нечестивые нашли ту самую гибель, которую они приготавливали праведнымъ, и, обращаясь къ будущему, пѣвецъ созерцаетъ совершенное уничтоженіе нечестивыхъ, возвращеніе ихъ къ аду т. е. въ состояніе отчужденности отъ Бога и лишенія всѣхъ Его благъ. Такой судьбѣ подвергнутся всѣ народы, забывающіе Іегову, такъ какъ всѣ они отвѣтственны за свое отступленіе отъ Него (ср. Рим. 1, 19 гл.). Ихъ уничтоженіе есть торжество для церкви истинныхъ поклонниковъ Іеговы, и если послѣдніе въ настоящемъ находятся повидимому на краю гибели, все-таки ихъ надежда не можетъ погибнуть навѣчно (16—19). Въ заключеніе пѣвецъ дѣлаетъ воззваніе къ Іеговѣ, чтобы Онъ вышелъ изъ состоянія Своей какъ бы отрешенности отъ міра, дѣятельно вступился въ исторію людей, чтобы такимъ образомъ не могъ упорствовать во злѣ и преслѣдованіи надменный смертный, чтобы всѣ народы какъ бы чередомъ прошли передъ Его судомъ, почувствовали на себѣ Его страхъ, и знали, что и они слабые, ничтожные люди (20—21).

Въ другомъ псалмѣ (10-мъ) пѣвецъ обращается не къ внѣшнимъ, а къ внутреннимъ врагамъ и отступникамъ. Начинаетъ

жалобой, почему Іегова стоитъ вдали, какъ праздный зритель и медлитъ спасеніемъ, когда въ жару угнетенія со стороны нечестивыхъ сгараютъ страждущій Его почитатель (1—2) и затѣмъ подробно описываетъ положеніе нечестиваго. Свою безстыдную алчность онъ поставляетъ себѣ въ похвалу, отступаетъ отъ Іеговы и поноситъ Его; всѣ его мысли и планы проистекаютъ изъ убѣжденія, что Іегова не дастъ возмездія за его дѣла, и что Онъ даже не имѣетъ бытія. Нечестивый пользуется ненарушимымъ счастіемъ, всѣ пути, какія онъ пролагаетъ, ведутъ къ цѣли, онъ чувствуетъ себя далекимъ отъ суда Іеговы, къ врагамъ же своимъ относится съ презрѣніемъ. При своей безбожной самоувѣренности онъ чувствуетъ себя вполне безопаснымъ и навсегда неприкосновеннымъ со стороны зла; его уста полны проклятій, обмана, и на днѣ ихъ всегда скрывается слово притѣсненія (3—7). Далѣе наглядно изображается, какъ осуществляетъ нечестивый свои убійственные планы по отношенію къ гонимому имъ праведнику: онъ садится въ засадѣ при селеніяхъ, въ сокровенныхъ мѣстахъ; какъ левъ въ чащѣ лѣса подстерегаетъ добычу, или какъ охотникъ разставляетъ для него сѣть и вовлекаетъ въ нее, въ увѣренности, что Іегова совершенно оставилъ безъ вниманія притѣсняемыхъ имъ, забылъ навсегда (8—11). Вопреки этому пѣвецъ, подобно какъ въ 9, 20, вызываетъ Іегову къ дѣятельному выступленію, проситъ, чтобы Онъ поднялъ Свою карающую руку и показалъ, что Онъ не забылъ притѣсненныхъ (12—13). Нечестивые думаютъ, что Іегова не видитъ ихъ дѣлъ и страданія притѣсненныхъ ими; нѣтъ, отъ Его всевидящихъ очей не укрывается ихъ скорбь и Онъ не оставитъ ихъ безъ помощи (14); по этому онъ обращается съ просьбою къ Іеговѣ, чтобы Онъ сокрушилъ ихъ злодѣйскую руку и выражаетъ увѣренность въ совершенномъ ихъ уничтоженіи, такъ что Самъ Іегова будетъ искать ихъ зло и не найдетъ его, такъ безслѣдно будетъ уничтоженіе ихъ (15). Такое полное истребленіе зла наступитъ конечно только тогда, когда вполне откроется на землѣ царство Божіе; поэто-

му пѣвецъ переступаетъ незамѣтно отъ представленія о господствующи́хъ въ народѣ Божіемъ врагахъ къ представленію о всѣхъ враждебныхъ Іеговъ народахъ: когда Іегова воцарится навѣчно въ Сіонѣ, то эти народы навсегда будутъ уничтожены изъ земли Его (16). Надежда притѣсненныхъ праведныхъ придетъ такимъ образомъ въ блестящее осуществленіе; Іегова, ухо котораго чутко къ воплю ихъ страданій, воздастъ имъ за терпѣніе, и смертные не будутъ уже наводить ужасъ на читателей Іеговы (17—18).

ПСАЛОМЪ 11-й.

Надежда на Бога, отклоняющая всякую мысль о бѣгствѣ отъ опасности.

1. У Іеговы укрываюсь я—какъ можете вы говорить душѣ моей:

„Улетай къ горѣ вашей, птица“!

„Потому что вотъ грѣшники натянули лукъ,

Положили стрѣлу ихъ на тетиву,

Чтобы стрѣлять во мракѣ на прямодушныхъ“.

„Если столпы ваши будутъ низвергнуты,

То праведникъ—что сдѣлаетъ онъ?—

* *

Іегова въ Его святомъ чертогѣ,

Іегова—на небесахъ престоль Его

Его очи смотрять, его вѣжди испытываютъ сыновъ человеческихъ.

5. Іегова испытываетъ праведнаго,

Но нечестиваго и любящаго неправду ненавидитъ душа Его

Одождитъ на грѣшниковъ сѣти, огонь съ сѣрой,

Знойный вѣтеръ есть часть чаши ихъ.

* *

Потому что Праведенъ Іегова, любящій все правое,

Прямодушные будутъ видѣть лице Его.

Псаломъ этотъ представляетъ намъ Давида среди опасности, подобной тѣмъ, во время которыхъ были написаны псалмы 3, 4 и 7; какъ въ послѣднемъ онъ укрывается отъ опасности въ Іеговъ (ср. 7, 1). Съ выраженія этой вѣры и надежды

онъ начинаетъ свою пѣснь, вопреки малодушнымъ друзьямъ, которые совѣтуютъ ему обратиться въ бѣгство для спасенія своей жизни, и живо изображаетъ самую рѣчь этихъ боязливыхъ. Подобно птицѣ, преслѣдуемой въ равнинѣ, они совѣтуютъ ему летѣть въ горы (1), и изображаютъ опасность положенія: нечестивые уже въ тайнѣ приготовили убійственныя орудія и уже прицѣлились, чтобы поразить праведныхъ (2), притомъ само государство находится въ разстроенномъ положеніи, такъ какъ основы его, на которыхъ покоится его благосостояніе и право, подрывы (3). Вопреки такимъ на внѣшній взглядъ разсчетливымъ совѣтамъ пѣвецъ оправдываетъ свою увѣренность въ Іеговѣ, съ выраженія которой онъ началъ псаломъ. Его точка зрѣнія не видимость, представляющаяся чувственному зрѣнію и разсчетливому соображенію, а возвышенная точка божественнаго міроуправленія; надъ земнымъ явленіемъ, которое лишаетъ духа слабовѣрующихъ, царитъ Іегова; надъ землей и Іерусалимомъ, теперь возмутившимся, находится чертогъ Іеговы, въ которомъ находится престолъ Всевятаго Іеговы, Царя царей. Въ этомъ то небесномъ чертогѣ есть мѣсто, откуда исходитъ послѣднее рѣшеніе всѣхъ земныхъ вещей (4). Съ этой высоты Онъ изслѣдуетъ людей по ихъ нравственнымъ свойствамъ: Онъ точно знаетъ чистое основаніе и твердость въ добрѣ души праведнаго и напротивъ проникается ненавистію къ нечестивому и, какъ Праведный, приготовляетъ ему ужасный судъ, поразить огнемъ (5—6), между тѣмъ какъ праведныхъ ожидаетъ великая награда: они увидятъ лице Іеговы (ст. 7)—величайшая честь, которой удостоиваетъ Богъ только избранныхъ, такъ какъ смертный не можетъ вывести лицезрѣнія Божія (Исх. 33, 20). Они увидятъ Бога въ настоящей, но главнымъ образомъ въ будущей жизни; правда, что ветхозавѣтные люди въ мрачныхъ чертахъ представляли будущую участь чловѣка въ преисподней (Пс. 6, 6), но благочестивое, преданное Іеговѣ чувство преодолеваетъ эти мрачныя представленія, и по ту сторону гроба представляетъ Іегову источникомъ не только благъ, подобныхъ

приобрѣтаемымъ въ настоящей жизни, но и большихъ, какъ награды за трудъ жизни (ср. Пс. 16, 10—11).

ПСАЛОМЪ 12-й.

Жалоба на всеобщее распространеніе порока и надежда на спасеніе притѣсненныхъ.

2. Помози Іегова! Потому что не стало благочестивыхъ,
Исчезла вѣрность отъ сыновъ человѣческихъ;
Лживое говорить другъ другу,
Льстивыми устами—двоудшно говорятъ они.

* *
*

- Уничтожь Іегова всѣ уста льстивыя,
Языкѣ, говорящій веледѣчивое,
5. Которые говорятъ: „языку нашему мы даемъ силу,
Уста наши съ нами: кто Господь намъ?!“

* *
*

„Ради притѣсненія несчастныхъ, стона безпомощныхъ
Нынѣ возстану“—говоритъ Іегова,
„Положу во спасеніе нуждающагося въ немъ“.

Слова Іеговы—слова чистыя,
Серебро, излитое въ плавильнѣ на землю, очищенное сед-
мижды.

* *
*

Ты, Іегова, защитишь ихъ,
Сохранишь его отъ рода сего навѣчно!
Вокругъ нечестивые ходять,

Такъ какъ возвышена низость между сынами человѣческими.

Чувство пѣвца возмущается и снѣдается скорбію при видѣ совершеннаго уничтоженія добра на землѣ и водворенія владычества зла и молитвенно обращается къ Богу, прося сохранить его отъ него. Безотрадный взглядъ выражаетъ пѣвецъ на нравственное состояніе своего вѣка: число благочестивыхъ, преданныхъ Іеговѣ людей умалается, истинное знаніе и вѣрность въ добрѣ уничтожаются, ложь и лицемеріе господствуютъ во взаимныхъ отношеніяхъ людей. Эту ложь они возвели въ высшую добродѣтель и лживый языкъ настолько даетъ чувствовать имъ свою силу, что они обоготворяютъ его, даже въ

гордомъ самосознаніи совѣсмъ отрицають Бога (2—5). Незначительное число благочестивыхъ, къ которымъ принадлежитъ пѣвецъ, находились въ опасности быть совершенно поглощенными столь могущественно усилившимся порокомъ и воздвигнутымъ имъ на добро гоненіемъ; единственное утѣшеніе и надежда для пѣвца — это Іегова. Въ настоящемъ случаѣ онъ находитъ это утѣшеніе въ пророчественномъ словѣ Іеговы, которое или самъ пѣвецъ получилъ отъ Іеговы, или воспринялъ изъ устъ какого-либо пророка. Смыслъ изреченія Іеговы тотъ, что Онъ услышалъ стонъ притѣсненныхъ несчастныхъ и возстанетъ для спасенія тѣхъ, которые нуждаются въ немъ (6). На этомъ изреченіи пѣвецъ останавливается, чтобы показать, насколько сильна его точка опоры противъ зла: слово Іеговы, на которое онъ опирается, чисто, т. е. совершенно чуждо примѣси лжи, оно походитъ на благородное серебро, семь разъ подвергавшееся очисткѣ. На основаніи этого утѣшительнаго пророчества пѣвецъ возносится молитвенно къ Іеговѣ, чтобы Онъ сохранилъ благочестивыхъ отъ такого развращеннаго рода, отъ его современниковъ, и въ заключеніи снова бросаетъ взоръ на этихъ современниковъ, показывая, что они какъ бы окружили истинныхъ ревнителей добра, завладѣли ими, и поэтому ничтожество получило преобладаніе надъ людьми (8—9). Такимъ образомъ непосредственная рѣчь Іеговы въ этомъ псалмѣ образуетъ какъ бы свѣтлую середину, окруженную мрачной рамой изображенія господства темнаго начала въ человѣчествѣ.

ПСАЛОМЪ 13-й.

Молитва отчаявшагося въ спасеніи.

2. Доколю, Іегова, Ты будешь забывать меня вѣчно,
 Доколю будешь скрывать лице Свое отъ меня?
 Доколю я буду питать безпокойства въ душѣ моей,
 Скорбь въ сердцѣ моемъ ежедневно?
 Доколю будетъ возноситься врагъ мой надо мною?

* *
 *

О, посмотри, услышь меня, Иегова, Богъ мой,
 Дай свѣтъ глазамъ моимъ, чтобы я не умеръ въ смерть,
 5. Чтобы не сказала врагъ мой: „я преодолѣлъ его!“
 Не восторжествуютъ притѣснители мои, что я колеблюсь!

* *
 *

Но я — надѣюсь на милость Твою,
 Возрадуется сердце мое Твоему спасенію!
 Я буду пѣть Иеговѣ за то, что Онъ воздалъ мнѣ!

Псаломъ этотъ имѣетъ большое родство съ псалмомъ 6-мъ; какъ тамъ, такъ и здѣсь пѣвецъ является удрученнымъ тяжкою болѣзнію (ср. 6, 3—4. 13, 3); въ томъ и другомъ псалмѣ онъ боится потерять жизнь отъ гнѣва Божія (6, 6. 13, 4) и молить отратить Иегову гнѣвъ, чтобы не дать врагамъ повода къ торжеству надъ нимъ (6, 9. 11. 13, 5). Но послѣдній псаломъ есть вопль о помощи изъ глубины отчаянія, надежда здѣсь говорить языкомъ отчаянія и отчаяніе языкомъ надежды, отъ того видимое противорѣчіе въ самомъ воззваніи: «доколь Иегова Ты будешь забывать меня *вѣчно*?» Продолженіе гнѣва Божія пѣвецъ считаетъ вѣчнымъ, соответственно природѣ разгнѣваннаго Бога, но энергія его преданности Богу, энергія его молитвы проникаетъ далѣе въ сердце карающаго Бога, чтобы найти въ немъ убѣжище отъ Его же гнѣва; онъ видитъ, что гнѣвное лице Правосуднаго Бога скрываетъ бездну Его милосердія и любви къ падшему грѣшнику и только ждетъ его обращенія. Эта надежда постепенно освобождается изъ-подъ гнета отчаянія. Лучъ ея уже просвѣчиваетъ сквозь три вопроса отчаявшагося въ спасеніи; неужели, спрашиваетъ пѣвецъ, онъ вѣчно будетъ находиться въ состояніи отчужденія отъ Бога, удары гнѣва Его постоянно будутъ повергать его въ мучительныя размышленія, и суетность этихъ размышленій будетъ усиливать его безпокойство, а между тѣмъ враги будутъ создавать на его несчастіи свое торжество (2—3)? Но сквозь эту бездну отчаянія надежда и уверенность съ усиленіемъ выступаетъ наконецъ наружу и заставляетъ цѣлкомъ обратиться къ Иеговѣ съ дерзновенной молитвой: *вмѣсто* того,

чтобы быть забытымъ Иеговою, Который отвратилъ отъ него лице Свое, онъ просить Его снова обратить на него свѣтлое лице Своего милосердія, отвѣтить на его зовъ о помощи. Лишеніе милости Иеговы, отвращеніе Его лица внесло мракъ въ душу пѣвца, почти погрузило его въ смертный сонъ, но онъ просить, чтобы Иегова снова бросилъ лучъ свѣта въ его омраченную душу, и увѣренъ, что вмѣстѣ съ этимъ свѣтомъ возвратятся его жизненные силы. Объ этомъ свѣтѣ жизни и спасенія онъ молится потому еще, чтобы его врагъ не могъ злорадостно сказать, что онъ погибъ (4—5). Успокоенное этой просьбой чувство пѣвца достигаетъ наконецъ своей блаженной цѣли—торжества надъ отчаяніемъ и полной надежды на Иегову; окрыленный этой надеждой пѣвецъ даетъ въ своемъ сердцѣ мѣсто радости о спасеніи Иеговы, которая побуждаетъ его воспѣть благодарственную пѣснь за несомнѣнную въ будущемъ награду Иеговы (6).

ПСАЛОМЪ 14-й.

Изображеніе развращенія и порабощенія народа и надежда на искупленіе.

1. Сказалъ безумецъ въ сердцѣ своемъ: „нѣтъ Бога!“

Развращены, омерзительно поступають они,

Нѣтъ дѣлающаго доброе.

Иегова съ неба посмотрѣлъ на сыновъ человѣческихъ,

Чтобы видѣть, есть ли разумный,

Который ищетъ Бога?

Всѣ отпали, вмѣстѣ развратились,

Нѣтъ дѣлающаго доброе,

Нѣтъ ни одного.

„Неужели такъ неразумны всѣ дѣлающіе беззаконіе,

Которые съѣдаютъ народъ мой, какъ ѣдятъ хлѣбъ,

Иегову не призывають?“ —

5. Тамъ задрожать они содрагаясь,

Потому что Иегова въ родѣ праведныхъ.

Наиѣреніе страдальца пусть будетъ предано поруганію,
Потому что Іегова — его убѣжище.

О, да придетъ отъ Сіона спасеніе Израиля!

• Когда Іегова отвратитъ плѣнь народа Своего —
Торжествуй Іаковъ, веселись Израиль!

Псаломъ 14-й есть выраженіе не жалобы, какъ 12-й, но негодованія на всеобщее развращеніе, высшею ступенью котораго является здѣсь духъ свободомыслія, доходящаго до отрицанія Бога. Этотъ атеизмъ не практическій только, заключающійся въ забвеніи Бога и исключительной преданности чувственнымъ благамъ, но есть отрицаніе умомъ и мыслию самаго Его бытія; оно является пѣвцу верхомъ человѣческаго безумія и развращенія. Обращаясь къ нравственной сторонѣ людей вообще, онъ находитъ, что оно дошло до внушающаго омерзеніе паденія и между ними нѣтъ добродѣтельныхъ (1). Такое сужденіе основывается не на личномъ опытѣ самого пѣвца, но на испытаніи со стороны Бога дѣлъ человѣческихъ; онъ представляетъ Іегову съ неба взирающимъ на людей, чтобы изслѣдовать, находятся ли между ними исполняющіе Его волю, и—предъ всеобнимающими, всепроникающими глазами Іеговы всѣ представляются отступниками, если не на дѣлѣ, то въ сердцѣ, всѣ безъ исключенія (2—3). Это не прародительскій грѣхъ, всеобщее распространеніе котораго замѣчаетъ Іегова, а грѣхи произвольные, сознательные; не Свой только народъ подвергаетъ изслѣдованію Іегова, но всѣхъ, іудеевъ и язычниковъ (ср. Рим. 3, 10—12). Обращаясь въ частности къ народу Божію пѣвецъ опять приходитъ въ негодованіе: онъ видитъ, что не Іегова владѣетъ народомъ Своимъ, но злые тѣраны, отступники завладѣли имъ и притѣсняютъ истинныхъ Его поклонниковъ, истощаютъ ихъ силы, пожираютъ ихъ также спокойно, полноправно и постоянно, какъ ѣдятъ хлѣбъ въ удовлетвореніе насущной нужды (4). Но часъ долготерпѣнія Божія пройдетъ, наступитъ день Его гнѣва и тогда задрожать притѣснители; Всесплный Іегова, въ которомъ находятъ убѣжище страждущій «родъ праведныхъ», дастъ имъ торже-

ство (5—6). Эта свѣтлая надежда вызываетъ изъ сердца пѣвца восклицаніе къ Іеговѣ, чтобы скорѣе вышло отъ Сіона спасеніе Израиля; это «спасеніе отъ Сіона» есть постоянная надежда Израиля на спасеніе вѣчное, на избавленіе отъ всѣхъ гнетущихъ его золъ. Когда оно настанетъ, когда Іегова «отвратитъ плѣнь Сіона», его несчастье, его горькую участь, тогда настанетъ день веселія для Израиля (7)—мессіанская надежда, исполненіе которой, соотвѣтственно всеобщности паденія людей (ст. 3), должно обнять все нуждающееся въ искупленіи человѣчество.

ПСАЛОМЪ 15-й.

Условія пользованія дарами царства Божія.

1. Іегова, кто поселится въ скинїи Твоей,
Кто будетъ жить на горѣ святой Твоей?
Кто поступаетъ непорочно и дѣлаетъ правду,
Кто говоритъ истину въ сердцѣ своемъ,
Злословія не принимаетъ на языкъ свой,
Злаго не дѣлаетъ другому
И безчестія не наноситъ ближнему своему;
Который ничтоженъ въ глазахъ своихъ, достоинъ презрѣнїа,
Но почитаетъ боящихся Іегову;
Клянется со вредомъ себѣ, но не измѣняетъ;
5. Свое серебро не даетъ въ ростъ;
Не принимаетъ подеуца противъ невиннаго; —
Кто дѣлаетъ таковое, не поколеблется во вѣки!

Кто будетъ жить на горѣ Сіонѣ? Вотъ вопросъ, который предлагаетъ пѣвецъ Іеговѣ. Гора Сіонъ, сдѣланная Давидомъ твердыней своего внѣшняго могущества, въ то же время должна была быть средоточіемъ внутренней жизни царства Божія: на ней построена была скинїя, на ней надлежало соорудиться храму; Сіонъ такимъ образомъ долженъ быть вѣчнымъ жилищемъ Іеговы, который обѣщалъ быть вѣчной опорой давидова царства. Относительно этой-то святой горы обращается теперь Давидъ съ вопросомъ къ Іеговѣ: кому именно

надлежитъ обитать въ ней? Вопросъ Давида не касается впрочемъ исключительно внѣшняго заселенія горы Сіона, такъ какъ онъ касается прежде всего заселенія скивіи, которая была недоступна обитанію человѣка; поэтому здѣсь идетъ дѣло вообще объ участіи въ дарахъ царства Божія, средоточіемъ котораго есть гора Сіонъ и на ней скивія Іеговы (ст. 1). Пѣвецъ старается проникнуть въ намѣренія Іеговы и изъ мысли и сердца Его заимствуетъ отвѣтъ на свой вопросъ. Въ одиннадцати положеніяхъ излагаетъ Іегова свойства достойныхъ обитать на Сіонѣ, въ трехъ первыхъ общія свойства, въ остальныхъ частныя ихъ обнаруженія. Не внѣшнее благочестіе и ложная святость требуются отъ послѣдователя царства Божія, а внутренняя чистота и сердечная преданность, направление своего ума и сердца по волѣ Божіей—вотъ что главнымъ образомъ требуется отъ обитателя святой горы (2). Затѣмъ высказываются частныя требованія, проистекающія изъ этихъ основныхъ, каковы: воздержаніе отъ осужденія словомъ, воздержаніе отъ нанесенія вреда ближнему, отъ его посяганія; далѣе самоуничиженіе, почтеніе къ боящимся Іеговы, вѣрность данной клятвѣ хотя бы со вредомъ для себя и наконецъ воздержаніе отъ ростовщичества и подкуповъ (3—5). Заключительныя слова псалма, что такъ поступающій «никогда не поколеблется» соотвѣтствуютъ начальному вопросу, но расширяютъ и, такъ сказать, одухотворяютъ его: поступающій такъ человѣкъ не только достоинъ жить въ святилищѣ, но, находясь въ постоянномъ общеніи съ Іеговою, награжденный Его благоволеніемъ, никогда не поколеблется, вѣчно будетъ стоять твердо силою Его всемогущей руки (6).

ПСАЛОМЪ 16-й.

Іегова есть высочайшее благо въ жизни и убѣжище въ смерти.

1. Сохрани меня Боже! Потому что къ Тебѣ укрываюсь я. —

Я сказалъ Іеговѣ: „Господь мой — Ты,

Выше Тебя нѣтъ для меня блага!“

Святѣмъ на землѣ принадлежитъ оно

И славнымъ, къ которымъ вся любовь моя.

Многи страданія тѣхъ, которые приобрѣтаютъ чуждаго Бога;

Не буду возносить ихъ возліаній отъ крови

И не приму ихъ именъ на уста мои.

* *
*

5. Иегова есть часть удѣла моего и чаши моей,

Ты распространяешь жребій мой!

Землемѣрныя верви пали для меня въ прекраснѣйшую мѣстность,

Мое владѣніе пріятно для меня.

Я благословляю Иегову за то, что Онъ опредѣлилъ мнѣ;

Даже по ночамъ увѣщаютъ меня почки мои.

Я представляю Иегову предо мною постоянно,

Потому что Онъ одесную меня — я не колеблюсь!

* *
*

Поэтому веселится сердце мое и торжествуетъ духъ мой,

А также и плоть моя будетъ жить въ безопасности!

10. Такъ какъ Ты не предашь души моей аду

И не дашь праведнику Твоему видѣть гроба;

Повѣдаешь мнѣ стезю жизни —

¹ Насыщеніе радостями — предъ лицомъ Твоимъ,

Блаженство въ десницѣ Твоей безконечно!

Въ псалмѣ 16-мъ, какъ въ фокусѣ, сходятся всѣ разсвѣтныя въ предшествующихъ и послѣдующихъ псалмахъ лучи всецѣло преданнаго Богу сознанія пѣвца. Мы видимъ здѣсь праведника, не тяжелой борьбой со зломъ завоевывающаго себѣ спокойную надежду на Бога, не слышимъ здѣсь его жалобъ и опасеній, онъ предстоитъ предъ нами въ спокойномъ величій, чуждомъ всякой борьбы, для котораго Иегова есть существенное благо жизни и несокрушимая опора отъ всѣхъ золъ міра. Въ этомъ псалмѣ раскрывается передъ нами тайна всѣхъ побѣдъ надъ зломъ пѣвца и тайна благочестія всѣхъ ветхозавѣтныхъ праведниковъ. Единственное преобладающее чувство праведника, въ которое, какъ въ безграничное море, втекаютъ, и изъ котораго вытекаютъ всѣ благородныя токи его жизни, есть всецѣлая, безграничная преданность Иеговѣ. Выраженіемъ этого непоколебимаго, блаженнаго чувства за-

вѣсности отъ Іеговы онъ начинаетъ свой псаломъ; хотя онъ находится въ опасности (ст. 1. 10), но Іегова можетъ сохранить того, кто только въ Немъ находитъ свое убѣжище (1), и тотчасъ же выражаетъ, что такое Іегова для него: Онъ есть его Господь и высочайшее благо въ жизни, для него нѣтъ другаго источника счастья, какъ Іегова, не на землѣ, а на небѣ его сокровище (2). Это сокровище на землѣ принадлежитъ однимъ «святымъ», которыхъ Іегова, несмотря на ихъ внѣшнее уничтоженіе, покрылъ величіемъ Своей небесной славы, и которымъ принадлежитъ вся любовь пѣвца на землѣ (3). Пусть другіе израильтяне, продолжаетъ пѣвецъ, несмотря на переносимыя ими страданія, помимо Іеговы ищутъ себѣ блага въ ничтожныхъ богахъ язычниковъ, пѣвецъ не имѣетъ съ ними ничего общаго, онъ не участвуетъ въ ихъ культѣ, когда они обогренными кровію руками приносятъ жертвы и дѣлаютъ возліянія, и имена ихъ боговъ онъ не принимаетъ на уста свои (4). Пѣвецъ опять переступаетъ къ своему благу. Іегова есть удѣленная ему часть владѣнія, подобно тому, какъ онъ владѣетъ доставшейся ему по жребію частью обѣтованной земли, онъ вкушаетъ отъ Него, какъ отъ чаши, въ которой участвуютъ всѣ члены семейства; не земное, видимое, вещественное досталось ему во владѣніе и пользованіе, но Іегова, въ Немъ Однимъ его полное удовлетвореніе (5—6). За дарованіе такого блага пѣвецъ благодаритъ Іегову и эта благодарность сдѣлалась постояннымъ, неумолкаемымъ голосомъ его внутренней жизни, такъ что даже ночью побуждаютъ его къ этому его почки ¹⁾ (7). Изображеніе своего блага онъ заключаетъ не фигуральнымъ, а прямымъ выраженіемъ, что Іегова есть постоянный предметъ для его зрѣнія, Онъ такъ близокъ къ нему, что совсѣмъ не требуется силы воображенія, чтобы представить Его, Іегова—по правую сторону его, отсюда для него

¹⁾ По библейскому воззрѣнію—органъ вѣжнѣйшихъ и тончайшихъ ощущеній. Ср. Пс. 7, 19. Іер. 11, 20. 20, 12.

невозможно колебаніе: «я не поколеблюсь» (8). Но это «не поколеблюсь» возрастаетъ для пѣвца до необычайныхъ размѣровъ, оно вливаетъ въ него увѣренность, которая торжествуетъ надъ всѣми ужасами жизни и смерти. Не только душа его наполняется торжествомъ, но и относительно участи тѣла его исчезаютъ всѣ опасенія. Несмотря на то, что для ветхозавѣтнаго человѣка загробная жизнь была странно неизвѣстною, несмотря на то, что адъ, жилище душъ умершихъ людей, былъ по ветхозавѣтному представленію мрачною, удаленною отъ присутствія Божія областію, несмотря на всѣ эти ужасы смерти, непоколебимая надежда на Бога благочестиваго человѣка торжествуетъ свое полное искупленіе отъ этихъ ужасовъ. Тому, кто въ жизни пользовался постояннымъ общеніемъ съ Иеговою, находилъ въ этомъ высочайшее благо, не слѣдуетъ бояться смерти: Иегова силенъ избавить его отъ ужасовъ смерти, какъ избавлялъ отъ опасностей жизни. Эта надежда доходитъ у пѣвца до неограниченныхъ размѣровъ: при нераздѣльномъ общеніи съ Иеговою у него исчезаетъ всякая мысль о смерти, вѣчно живой Иегова «не дастъ ему видѣть гроба», напротивъ будетъ указывать ему «стезю жизни», жизни съ живымъ и любящимъ Богомъ. Непричастность смерти есть только внѣшняя сторона этой жизни, внутренняя же состоитъ въ постоянномъ насыщеніи радостями «предъ лицемъ Иеговы», т. е. въ блаженномъ Его лицезрѣніи и вкушеніи благъ отъ Его десницы (9—11).

Выраженная въ этомъ псалмѣ надежда, что Иегова не предастъ души праведнаго аду и не дастъ ему видѣть гроба, въ Новомъ Завѣтѣ ап. Петромъ (Дѣян. 2, 29 — 32) и Павломъ (Дѣян. 13, 35 — 37) приводится какъ пророчество о воскресеніи Иисуса. Апостольское толкованіе не заставляетъ насъ исключительно относить эти слова къ Иисусу Христу, они прежде всего суть выраженіе личной надежды пѣвца. Но эта личная надежда пѣвца, Давида, осуществилась только тогда, когда его Сѣмя, Христось, одержалъ побѣду надъ смертію и

адамъ и вмѣстѣ съ другими праведными освободилъ отъ вѣчной смерти и своего предка. Буквальное же осуществленіе этой надежды въ ея безграничности, какъ она выражена въ псалмѣ, человѣчество прежде всего увидало въ этомъ его Сѣмени, и Давидъ только въ свѣтъ даннаго ему обѣтованія объ его Потомкѣ могъ высказать по отношенію къ себѣ такую надежду. Въ Иисусѣ Христѣ все человѣчество торжествуетъ свое искупленіе отъ вѣчной смерти и принятіе въ общеніе съ Богомъ, и видитъ въ Немъ «Первенца изъ мертвыхъ».

М. Никольскій.

ОСНОВАНИЯ РѢШЕНІЙ СВЯТѢЙШАГО СИНОДА ПО ДУХОВНО-СУДЕБНЫМЪ ДѢЛАМЪ ¹⁾.

Святѣйшій Синодъ православной россійской церкви свои рѣшенія и опредѣленія по дѣламъ, подлежащимъ его юрисдикціи, основываетъ: 1) на Священномъ Писаніи; 2) на правилахъ древней церкви, отъ начала христіанства принятыхъ и содержимыхъ въ православной россійской церкви; 3) изрѣдка на опредѣленіяхъ соборовъ русской церкви прежняго времени и святѣйшихъ россійскихъ патріарховъ; 4) на законахъ греческихъ императоровъ, также издревле служившихъ руководствомъ въ управленіи и судѣ русской церкви и 5) на гражданскихъ законахъ, получившихъ начало собственно въ Россіи.

1) Не часто и только въ немногихъ своихъ частяхъ *Свящ. Писаніе* приводится какъ основаніе для рѣшеній и опредѣленій Св. Синода. Заключая въ себѣ только немногія прямыя каноническія нормы, Свящ. Писаніе только на немногіе случаи можетъ дать прямое и опредѣлительное основаніе. И въ этихъ-то немногихъ случаяхъ мы видимъ, что Св. Синодъ дѣйствительно пользуется Св. Писаніемъ для основанія своихъ рѣшеній. Чаше всего встрѣчаются мѣста Св. Писанія *Новаго Завета* и именно тѣ, въ которыхъ говорится о расторгненіи

¹⁾ Изъ рукописи покойнаго епископа смоленскаго Іоанна составляющей часть не оконченнаго имъ „Курса церковнаго законовѣдѣнія.“

брака по прелюбодѣянiю одного изъ супруговъ (Матѣ. 19, 9. 5, 32), о дозволеніи втораго брака въ случаѣ прекращенiя перваго (1 Кор. 7), о бракѣ, когда одинъ изъ супруговъ принимаетъ православіе, а другой остается въ язычествѣ, или въ неправославіи (тамъ же).

Встрѣчаемъ случаи, что Св. Синодъ для основанiя своихъ рѣшенiй обращается кромѣ Новаго Завѣта и къ *Моисеевымъ законамъ*. Ссылки на 18 главу книги Левитъ находимъ въ рѣшенiяхъ о бракахъ въ родствѣ. Указъ Св. Синода 19 января 1810 г. доселѣ служащій главнымъ основанiемъ въ рѣшенiяхъ по этому предмету—основывается главнымъ образомъ на за-прещенiяхъ изложенныхъ въ книгѣ Левитъ. Другіе случаи употребленiя ветхозавѣтныхъ мѣстъ Писанiя для основанiя синодскихъ рѣшенiй очень рѣдки. Но на примѣръ въ просьбѣ о расторженiи брака, потому что жена родила чрезъ 5 мѣсяцевъ послѣ брака, Св. Синодъ согласно съ епархіальнымъ начальствомъ отказалъ на томъ основанiи, что истецъ при вступленiи въ бракъ не объявилъ какъ въ 22 главѣ Второзаконiя показано, нигдѣ предъ начальствомъ, что въ женѣ не нашель дѣвственности и принялъ ее въ сожитіе, да и по рожденiи жены подалъ искъ только чрезъ 6 мѣсяцевъ. Слѣдовательно чрезъ пропущенiе времени лишилъ духовное начальство средствъ къ раскрытію истины ²⁾.

Объ употребленiи Свящ. Писанiя въ основаніе рѣшенiй Св. Синода мы должны сдѣлать два слѣдующія замѣчанiя:

а) Въ этомъ употребленiи непримѣтно единообразiя. Того, чтобы во всѣхъ однородныхъ случаяхъ было употребляемо одно извѣстное мѣсто Писанiя — нѣтъ. Иногда въ основаніе для брачнаго развода указывается на слова Спасителя въ 19 гл. 9 ст. Евангелiя Матѣея, иногда для той же самой цѣли указывается на 5 гл. Матѣея ст. 32. Въ иныхъ случаяхъ — въ тѣхъ же самыхъ дѣлахъ не берутся въ основаніе слова Св. Писанiя, а дѣлается ссылка только на правила и законы.

²⁾ 18 іюля 1826. См. Проток. л. 209.

Правда опредѣленіемъ Синода 6 нояб. 1734 г. дано общее и неизмѣнно обязательное предписаніе—дѣла о брачныхъ разводахъ основывать на словахъ Спасителя въ Евангеліи Маттея 19, 9, сія слова выписывать въ выпискахъ въ докладъ неотмѣнно и на томъ о разводахъ таковыхъ прелюбодѣвѣхъ, якоже мужей, тако и женъ отъ брачнаго союза имѣть фундаментальное основаніе ³⁾. Но это опредѣленіе Св. Синода въ послѣдствіи не всегда соблюдалось. Многіе приговоры о расторженіи браковъ составляются и безъ указанія на это основаніе.

б) Поелику Св. Писаніе прямыхъ каноническихъ предписаній содержитъ немного, а Св. Синодъ въ нѣкоторыхъ рѣшеніяхъ признавалъ нужнымъ обращаться къ Св. Писанію, какъ основанію; то отсюда произошло, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ приводятся изъ Св. Писанія за основаніе рѣшеній, такія мѣста, которыя могутъ служить такимъ основаніемъ только посредствомъ логическихъ выводовъ. Такъ въ основаніе дозволенія священнослужителямъ слагать санъ для вступленія во 2-й бракъ приводятся слова апостола Павла (1 Кор. 7, 9) о томъ, что вдовымъ лучше вступить въ бракъ, нежели разжигаться ⁴⁾. Но на основаніи тѣхъ же самыхъ словъ разрѣшается и 3-й бракъ ⁵⁾. Слова апостола изъ той же главы того же посланія, запрещающія женѣ разводиться съ мужемъ (ст. 10 и 39), приводятся какъ основаніе и тогда, когда мужу, вступившему въ бракъ при живой женѣ съ другою, по расторженіи брака съ послѣднею предписывается жить съ первою ⁶⁾ и тогда, когда доказывается нерасторжимость брака, заключеннаго по взаимному согласію брачавшихся, но безъ воли родителей ⁷⁾.

³⁾ 6 ноября 1734 г. Синод. Проток., л. 83.

⁴⁾ Съ діакона по прошенію „снять“, по изреченію св. апостола Павла (1 Кор. гл. 7) діаконскій чинъ, и отослать, если не согласится онъ продолжать статскую службу по духовн. вѣдомству, въ губернское правленіе для опредѣленія по собственному избранію (26 авг. 1808. См. Проток. № 56). То же самое основаніе въ рѣшеніяхъ 14 сент. 1813. Проток. № 16 и № 31.

⁵⁾ 19 окт. 1814. Проток. № 81.

⁶⁾ Ноябрь. 1813. Проток. № 14, 33 и 36.

⁷⁾ Ноябрь. 1813. Проток. № 20.

2) Вторымъ источникомъ, изъ котораго Св. Синодъ заимствуетъ основанія для своихъ рѣшеній—служать *правила св. апостоловъ, вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ и св. отцевъ*. Во всѣхъ случаяхъ, когда исчисляются источники, изъ которыхъ заимствуются основанія для синодскихъ опредѣленій, послѣ Св. Писанія первое мѣсто отдается *святымъ правиламъ*. Они предшествуютъ всѣмъ другимъ основаніямъ—и позднѣйшимъ церковнымъ опредѣленіямъ—и царскимъ законамъ.

Изъ всего состава правилъ древней церкви въ рѣшеніяхъ и опредѣленіяхъ Св. Синода приводится сравнительно только небольшая ихъ часть. Весьма рѣдко приводятся правила I Вс. соб., II и VII, нигдѣ не встрѣчали мы правилъ III Вс. собора; изъ помѣстныхъ—гангрскаго, изъ отцовъ церкви—Діонисія и Петра Александрійскаго, Григорія Неокесарійскаго, Аѳанасія Великаго и Θεофила Александрійскаго. Изъ прочихъ правилъ наиболѣе часто употребляются правила св. Василія Великаго, VI Вселенск. собора, апостольскія и Григорія Нисскаго. Но всѣ сіи правила только въ небольшомъ числѣ часто повторяются. Большая же часть и этихъ правилъ не была употребляема въ синодскихъ рѣшеніяхъ. Почти исключительно употребляются только правила о наказаніяхъ за преступленія, и наиболѣе въ дѣлахъ брачныхъ, при наложеніи епитиміи за вольное и невольное убійство, блудодѣяніе, прелюбодѣяніе, кровосмѣшеніе и за разныя проступки и преступленія клириковъ. Вся та часть правилъ древней церкви, которою опредѣляются различныя стороны управленія церкви, имущественное право церкви, судоустройство и судопроизводство—совсѣмъ не имѣетъ приложенія въ рѣшеніяхъ и опредѣленіяхъ Св. Синода. Все касающееся управленія опирается въ синодскихъ рѣшеніяхъ на Регламентъ, имущественныя отношенія и дѣла, и судная часть основываются на государственныхъ узаконеніяхъ—Уложеніи, воинскихъ процессахъ, генеральномъ Регламентѣ, и позднѣе на Сводѣ Законовъ и Уставѣ консисторій.

3) Во многихъ случаяхъ Св. Синодъ обращается кромѣ правилъ и къ *тожованіямъ* на правила, положеннымъ въ Корм-

чей. Необходимость обращаться къ толкованіямъ до изданія книги правилъ была настоятельна. Правила въ Славянской Кормчей приведены во многихъ мѣстахъ сокращенно, а не полными словами; въ толкованіи же приводится подлинный текстъ правилъ. И мы дѣйствительно видимъ, что Св. Синодъ обращается къ толкованіямъ тамъ, гдѣ правило или недовольно ясно, или же не представляетъ прямого основанія для того рѣшенія, которое хочетъ утвердить на немъ Св. Синодъ. Въ этихъ довольно многочисленныхъ случаяхъ Св. Синодъ не отличаетъ правила отъ толкованія и тому и другому усваиваетъ одинаковую силу ⁸⁾. Воззрѣніе совершенно оправдываемое 1) тѣмъ, что толкованіе содержитъ въ себѣ не новыя каноническія опредѣленія и разъясненія тѣхъ же, какія и въ правилахъ; 2) такимъ же употребленіемъ ихъ въ греческой церкви и 3) продолжительнымъ употребленіемъ ихъ въ русской церкви именно въ такомъ смыслѣ.

Есть примѣры, что Св. Синодъ прямо ссылается на толкованіе. Такъ по дѣлу о расторженіи брака за прелюбодѣяніе жены Св. Синодъ ссылается въ такихъ выраженіяхъ: «о 21 пр. св. Вас. В.», какъ въ толкованіи того пункта изъяснено: «жену съ инѣмъ мужемъ оскверншуюся мужеву ея повелѣваетъ отгнати ⁹⁾. Толкованіе ап. 47 пр. прилагается къ опредѣленію о крещеніи дочери раскольника крещенной мужикомъ ¹⁰⁾. Иногда же Св. Синодъ приводитъ въ совокупности и правило и толкованіе. По правилу 92 VI Вс. соб. и толкованію полагается—семилѣтняя епитимія вышедшей за другого мужа при живомъ первомъ мужѣ ¹¹⁾.

Текстъ правилъ и толкованій, которымъ пользуется Св. Синодъ—есть текстъ печатной Славянской Кормчей. Такъ было до изданія книги Правилъ. Но текстъ правилъ въ Славянской Кормчей Св. Синодъ давно уже не признавалъ исправнымъ и

⁸⁾ 4 окт. 1732. Син. Проток.

⁹⁾ 6 нояб. 1734. Проток. л. 82, 27 окт. 1735. Проток. л. 224.

¹⁰⁾ 2 іюля 1725. Син. Проток., л. 248

¹¹⁾ 25 сент. 1780. Син. Проток. л. 266.

считаль нужнымъ исправить его. Св. Синоду было давно уже извѣстно, и то, что въ Кормчей правила не подлинныя и не полныя, а сокращенныя, и то что самый текстъ славянскій во многихъ мѣстахъ темень.

Еще въ 1755 г. Св. Синодъ разсуждалъ о напечатанной въ Москвѣ въ 7161 г. еще прежде бывшаго исправленія книгъ Кормчей книгъ, что въ ней содержатся св. апостолъ, вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ, также Вас. Вел. и другихъ богоносныхъ отецъ правила не точныя, но токмо сокращенныя, съ краткими же толкованіями, а чьи оныя сокращенія и толкованія подлинно неизвѣстно, также и градскіе законы, а къ концу и нѣкоторыя другія послѣ вселенскихъ бывшихъ партикулярныхъ соборовъ правила, и нынѣ статьи въ коихъ усматривается съ греческими экземпляры въ текстахъ, во многихъ мѣстахъ несходство, и въ переводѣ темность, почему и въ производствѣ дѣлъ при разсужденіяхъ бываетъ не безъ сумнительства и не безъ остановки, а наипаче, что въ оной не самыя подлинныя вышереченныя правила, но сокращенныя токмо изъ нихъ, какъ выше упомянуто содержатся, и для того надлежитъ нынѣ оную Кормчую при Св. Синодѣ такъ, какъ и Библия была исправляема, исправить такимъ образомъ: первѣе самыя настоящія правила противъ греческихъ таковыхъ правильныхъ и законныхъ книгъ перевести на російскій діалектъ. Потомъ и въ русской Кормчей сокращенія оныхъ правилъ и въ толкованіи противъ греч. текста точно и ясно исправивъ подъ оныя настоящія правила подвести, такожь и градскіе законы, и прочее все противъ греческаго текста равнымъ же образомъ исправить, и въ чемъ противъ греческихъ какое несходство явится, то выписывать особо и Св. Синоду предлагать съ мнѣніемъ».

Для сего положено было вызвать въ С.-Петербургъ проповѣдника моск. Словено-Греко-Латинской академіи, іером. Юасафа Ярошевича, и при немъ быть переводчику Полетикъ.

При этомъ Св. Синодъ положилъ собрать нужныя для сего книги ¹²⁾.

Эта неисправность текста правилъ въ Славянской Кормчей, иногда была причиною невѣрнаго приведенія правилъ. Впрочемъ случай, который мы въ настоящій разъ имѣемъ въ виду отъ невѣрнаго приведенія правила, не вель къ какомунибудь практически-ложному результату. Дѣло было защищено правое, но правило въ основаніе приведено было къ подтвержденію дѣла не относящееся, и именно вслѣдствіе неправильнаго перевода въ Кормчей. Сенатъ въ 1804 г. по репорту Подольскаго Губернскаго Правленія постановилъ, чтобы и священнослужители въ криминальныхъ дѣлахъ были приводимы къ присягѣ. Св. Синодъ объяснилъ Сенату, что допросы, взимаемые съ духовныхъ лицъ по священству, также и свидѣтельства по дѣламъ составляютъ ту же самую присягу; а по правилу св. Апостоль 25-му, священникъ, приведенный къ присягѣ, не можетъ священнодѣйствовать; поэтому и въ Подольской епархіи священники должны удостовѣрять показаніе іерейскою совѣстію ¹³⁾. Дѣйствительно въ Славянской Кормчей читаемъ въ 25-мъ Апостольскомъ правилѣ: *въ клятвѣ бывъ святитель да извержется, чѣмъ дѣйствительно подается мысль о даваніи клятвы*. Но обращаясь къ подлиннику находимъ здѣсь слово: *ἐπιорκία*, означающее не клятву, а *клятвопреступленіе*, нарушеніе клятвы. Такимъ образомъ оказывается, что 25-е Апостольское правило не относится къ тому дѣлу, въ подтвержденіе котораго приведено. Впрочемъ дѣло въ существѣ истинное, только основанія его другія. Здѣсь же приведено правило вслѣдствіе погрѣшительнаго перевода.

Между тѣмъ, пока текстъ Кормчей оставался неисправленнымъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда чувствовалась нужда въ текстѣ исправленномъ, Св. Синодъ обращался къ греческому тексту, и къ славянскимъ рукописямъ правилъ. Такъ это видимъ въ

¹²⁾ 5 мая 1755. Сян. Проток., л. 19.

¹³⁾ 8 іюня 1804. Сян. Проток. л. 392—394.

опредѣленіи Св. Синода о временномъ разлученіи Салтыкова съ женою въ опредѣленіи 12 мая 1722 г., гдѣ, рассуждая о 102 пр. Кароагенскаго собора, Св. Синодъ указываетъ, что это правило въ греческ. и славянск. числится 106 ¹⁴). Точно также и текстомъ градскихъ законовъ, Св. Синодъ обыкновенно пользуется по Кормчей. Но иногда обращается и къ подлиннымъ Новелламъ. Такъ въ томъ же опредѣленіи обращается къ Новеллѣ 117-й гл. 14. Лучшимъ изданіемъ греческаго текста церковныхъ правилъ Св. Синодъ считалъ Беверегіево и заботился о приобрѣтеніи и этого изданія правилъ. Въ 1734 г. имѣлъ разсужденіе о книгѣ Беверегіа: *Пандекта*, въ которой въ собраніи имѣются установленныя отъ св. Отецъ правила соборовъ и отцевъ и прочая отъ учителей церковныхъ тому подобная показанія, которыми восточная церковь греческаго и російскаго исповѣданія послѣдствуетъ, и видя что въ Св. Синодѣ нѣтъ этой книги, быть же ей для случайныхъ по происходящимъ дѣламъ нужныхъ справокъ весьма подлежить— Св. Синодъ положилъ купить эту книгу, а до того времени просить для пользованія ее у Тверскаго архіепископа Теофилакта, и по присылкѣ переводить съ латинскаго на російской какъ скоро возможно безъ продолженія времени ¹⁵).

Послѣ изданія книги правилъ въ 1839 г, официальнымъ текстомъ, по которому приводятся правила сталъ текстъ книги правилъ. Но и въ этой книгѣ, мы должны замѣтить, текстъ правилъ не вездѣ вполне точный. И есть одно мѣсто, гдѣ допущена даже погрѣшность противъ самой сущности. Это 54-е пр. VI вселенскаго собора, въ которомъ слово: ἐξαδελφή вмѣсто: двоюродная сестра переведено словомъ: дочь брата т.-е. племянница.

4) Когда ни правило, ни толкованіе правила, положенное въ Кормчей не представляютъ Св. Синоду основанія для рѣшенія въ нужномъ случаѣ, тогда онъ обращается за основаніемъ

¹⁴) Дѣло Архива Св. Синода, л. 246 и 243 об.

¹⁵) 27 нояб. 1734. Сян. Протож., л. 235, 236.

къ древнимъ канонистамъ. Правда, рѣдко находимъ ссылки на древнихъ канонистовъ. Но и ихъ не вѣтъ. Такъ напр. Св. Синодъ ссылается на Вальсамона по поводу расторженія брака въ томъ случаѣ, когда съ женою сына по насилію учинилъ кровосмѣшеніе ея свекоръ ¹⁶⁾. Въ новѣйшее время ссылки на Вальсамона встрѣчаются въ консисторскихъ мнѣніяхъ и утверждаются Св. Синодомъ. Такъ въ 1864 г. Казанская консисторія ссылалась на Вальсамоново толкованіе 18 правила Апостольскаго въ вопросѣ о дозволительности второбрачнымъ оставаться на нисшихъ церковнослужительскихъ должностяхъ. И Св. Синодъ утвердилъ это мнѣніе консисторіи ¹⁷⁾.

Еще рѣже видимъ ссылки св. Синода на Властаря и Арменопула и то только въ томъ, что напечатано въ Кормчей. Такъ на нихъ основываетъ опредѣленіе о расторженіи брака при живомъ мужѣ св. Синодъ 30 марта 1753 ¹⁸⁾.

Когда ни правила древней церкви, ни толкованіе на сіи правила не представляли св. Синоду основаній для его рѣшеній, или когда и могли быть отысканы основанія въ правилахъ, но почемулибо не искали ихъ—въ такихъ случаяхъ св. Синодъ обращался къ рѣшеніямъ и *опредѣленіямъ соборовъ и патріарховъ россійскихъ*. Сознаніе нужды руководствоваться постановленіями собора 1667 г. находимъ въ регламентѣ ¹⁹⁾ и потомъ св. Синодъ выразилъ это же самое сознаніе въ особомъ опредѣленіи 21 іюня 1721 г. постановивъ: «Согласно Имен. Его Царскаго Величества указомъ и показанныхъ дух. регламент. дѣлъ содержанію, взять въ Синодъ изъ московской, бывшей патріаршей ризницы учиненное въ 7175 г. соборное изложеніе, и послѣдовательно учиненные въ подобной тому изложенію сильы статьи и указы, которые, яко содержанію синодальнаго правительства свойственные, всегда въ Синодѣ имѣть надлежить» ²⁰⁾

¹⁶⁾ 17 август. 1765. Проток. № 47.

¹⁷⁾ 17 февр. 1864. Проток. № 221.

¹⁸⁾ 30 марта 1753 г. Проток. л. 320, Сравн. Кормч. л. 550 об.

¹⁹⁾ Прибавл. Дух. Регл. на концѣ.

²⁰⁾ 21 іюня 1721 г. Сян. Приговоръ въ дѣлѣ л. 57.

подлинное изложеніе потомъ въ 1725 г. опять было взято изъ Москвы въ Петербургъ, и возвращено только въ 1780 году ²¹⁾. Въ первое время по учрежденіи Синода мы и дѣйствительно видимъ нѣсколько случаевъ приложенія правилъ собора 1667 г. Такъ 1) Св. Синодъ ссылается на запрещеніе собора (гл. 27, 3) постригать въ болѣзни, молодыхъ людей женатыхъ, и тѣхъ здоровыхъ, которые бѣгутъ отъ женъ своихъ безъ согласія женъ и родителей ²²⁾. 2) На опредѣленіе собора объ исправленіи иконописанія ²³⁾. 3) На соборное запрещеніе рукополагать во священство крѣпостныхъ людей ²⁴⁾.

Только одинъ случай извѣстенъ намъ, когда св. Синодъ ссылается на опредѣленія бывшія при прочихъ патріархахъ. Церковникъ ложно назвавши себя попомъ совершалъ священнодѣйствія—крестилъ, вѣнчалъ и проч. Всѣ дѣйствія имъ совершенныя не признаны и вѣрно ихъ снова совершить. При чемъ указано на примѣръ патр. Адріана: «съ примѣру прежняго разсужденія святѣйшаго Адріана патріарха и преосвященныхъ архіереевъ россійскихъ, сербскихъ и грузинскихъ. Ссылка на рѣшеніе патріарха — рѣдкость въ опредѣленіяхъ св. Синода ²⁵⁾.

Къ постановленіямъ митрополичьяго времени св. Синодъ не обращается ни одного раза ни для основанія своихъ рѣшеній, ни для разъясненія сомнѣній и недоумѣній въ различныхъ случаяхъ. Между тѣмъ въ опредѣленіяхъ митрополичьяго періода — и въ соборныхъ и въ единоличныхъ митрополичьихъ можно было бы находить не мало руководительнаго и уясняющаго. Многіе изъ случаевъ, которые были обсуждаемы св. Синодомъ какъ новые, тамъ уже были обсуждаемы и имѣли рѣшеніе. Намъ встрѣтилось только одно обращеніе св. Синода

²¹⁾ Въ томъ же дѣлѣ.

²²⁾ 30 іюля 1722 г. Син. Проток. № 1080 л. 1011 об.

²³⁾ 18 августа 1722 г. Проток. № 1064 л. 1072.

²⁴⁾ 24 ноября 1723 г. Син. Проток. № 60, и апрѣля 1725 г. Проток. л. 274, 275.

²⁵⁾ 27 февраля 1727 г. Син. Проток.

къ церковнымъ законодательнымъ актамъ митрополичьяго періода, но и то не съ руководственною, а съ критическою цѣлю. Это поиски за Стоглавомъ. Въ началѣ св. Синодъ интересовался отысканіемъ подлиннаго Стоглава». Упомянувъ о книгѣ Стоглавомъ именуемой, которая сочинена бывшимъ при Іоаннѣ Васильевичѣ въ Москвѣ соборомъ св. Синодъ приговорилъ согласно: «тѣ книгу Стоглавъ, которая понеже не печатная, но письменная есть, и по копіямъ въ важныхъ пунктахъ признается отъ невѣждъ сумнительною и растлѣнною уже учинена отыскать самую оригинальную руками бывшихъ на ономъ собор. персонъ подписанную, которой, яко зѣло куріозной вещи, доискиваться въ Москвѣ, въ соборной Успенской книгохранильницѣ и въ синодальной библіотекѣ и въ типографіи и во всѣхъ московскихъ и прочихъ Синоду подчиненныхъ архивахъ, гдѣ признаніе древнихъ манускриптовъ есть. А ежели паче чаянія ни въ какихъ архивахъ она не сыщется то навѣдываться у извѣстныхъ книголюбителей и библіотечарей, дабы какъ возможно была отыскана. Понеже весьма подлежитъ оной быть въ синодальной архивѣ. Чего для отыскавъ тѣ книгу прислать съ обыкновенною описью подъ безопаснымъ храненіемъ въ св. Синодъ немедленно»²⁶). Книга конечно не была отыскана, ибо не сохранилась.

5) Едва ли не самымъ обильнымъ источникомъ для заимствованія основаній синодскихъ рѣшеній послѣ правилъ древней церкви и законовъ русскихъ государей—служать грекоримскіе гражданскіе законы, помѣщаемые въ Славянской Кормчей и отчасти даже не помѣщавшіеся. На законъ градскій (или прохиронъ) на Леона Царя и Константина, (или Эклогу) на законъ судный людемъ царя Константина, на новыя заповѣди (новеллы) царя Юстиніана ссылки постоянны. На нихъ основываютъ иногда св. Синодъ и епархіальные начальства свои рѣшенія даже не обращаясь къ правиламъ. Такъ до изданія свода законовъ такъ въ нерѣдкихъ случаяхъ и послѣ изданія свода. Такъ

²⁶) 15 іюля 1723 г. Свн. Проток. № 141.

даже нынѣ. Не далѣе какъ въ 1864 г. мы нашли рѣшеніе одной консисторіи, утвержденное св. Синодомъ, основывающееся на грекоримскихъ гражданскихъ законахъ, содержащихся въ Кормчей. Казанская консисторія, по вопросу о томъ, можетъ ли оставаться въ духовномъ званіи дьячекъ женившійся на вдовѣ, заключила, что по 18 правилу апостольскому не могъ бы долѣе оставаться въ духовномъ званіи, по 48 правилу новыхъ заповѣдей Юстиніана, вошедшее въ составъ Кормчей, которая вообще должна служить руководствомъ при рѣшеніи дѣлъ, подобныхъ настоящему, показываетъ, что чтець помѣшій вторую жену, или первую вдовицу не можетъ внити въ пяъ церк. степень, но въ томъ въ какомъ находится оставаться можетъ. Посему полагала оставить его въ духовномъ званіи. Св. Синодъ призналъ мнѣніе консисторіи правильнымъ ²⁷⁾. Изъ грекоримскихъ законовъ Кормчей достаточное количество юридическихъ нормъ перешло въ Сводъ законовъ и приводится теперь какъ законы русскаго происхожденія; по крайней мѣрѣ въ ссылкахъ свода указываются только русскіе источники. Къ такимъ перешедшимъ изъ грекоримскаго гражданского законодательства нормамъ въ русскіхъ гражданскихъ законахъ принадлежатъ: 1) опредѣленіе о 5-тилѣтнемъ безвѣстномъ отсутствіи одного супруга, какъ основаніи исвать развода другому; 2) помѣщеніе въ числѣ причинъ брачнаго развода—естественной неспособности супруговъ къ брачному сожитію; 3) опредѣленія возраста для браковъ имѣвшія силу до 1830 г., и многія другія постановленія, въ послѣдствіи такъ прочно усвоенныя и церковію, что нѣкоторыя считаются даже прямо церковными. Таково напр. опредѣленіе возраста для вступающихъ въ бракъ. Извѣстно, что церковь сама никогда не опредѣляла возраста для брака, а приняла это установленіе въ такомъ видѣ, какъ оно было опредѣлено грекоримскими законами. Русская церковь слѣдовала примѣру греческой. Между тѣмъ послѣ 1830 года, когда

²⁷⁾ 17 февраля 1864 г. Протоколъ № 221.

установленъ новыи предѣлъ наименьшаго возраста для браковъ—и въ синодскихъ рѣшеніяхъ и даже въ законодательныхъ актахъ (напр. въ уставѣ консисторіи) является различіе брачнаго совершеннолѣтія гражданскаго отъ церковнаго, и подъ первымъ разумѣется установленное съ 1830 г. а подъ послѣднимъ бывшее до того времени, съ усвоеніемъ преимущественной важности послѣднему. Различіе совершенно ни на чемъ не основанное: и то и другое опредѣлено государственными законами, съ тою разницею, что одно грекоримскими, другое русскими. Церковь приняла совершеннолѣтіе опредѣленное грекоримскими законами; но она не отвергла и того, которое опредѣлено русскими законами. Слѣд. церковную санкцію совершенно одинаково имѣеть и то и другое совершеннолѣтіе; и слѣд. нѣтъ основаній одно считать церковнымъ, другое гражданскимъ. По происхожденію—то и другое гражданское, по усвоенію церковію оба церковныя.

Заслуги грекоримскихъ гражданскихъ законовъ для церкви русской весьма важны и велики. Ими защищаетъ церковь клириковъ отъ произвольныхъ и несправедливыхъ нападеній свѣтскихъ начальствъ русскихъ. При разборѣ Св. С. служителей въ 1755 г. псковскій воевода требовалъ, чтобы всѣхъ двоеженцовъ священниковъ, діаконовъ, дьячковъ и пономарей опредѣлить въ подушной окладъ. Псковская консисторія отвѣчала, что за силу напечатаннаго въ Кормчей книгѣ л. 323 по 48 Юстиніанова постановленія дьячкамъ и пономарямъ двоеженцамъ грамотъ довольно умѣющимъ и не подозрительнымъ должно остаться безъ отрѣшенія отъ церкви и положенія въ подушной окладъ дѣйствительными при тѣхъ же церквахъ дьячками; яко издревле по силѣ упомянутой главы опредѣленнымъ. Также и пономарей за двоеженствомъ ихъ достойныхъ распределить къ церквамъ дьячками ²²⁾.

Конечно въ настоящемъ случаѣ духовное правительство могло бы указать и на церковныя правила не воспрещающія

²²⁾ 28 августа 1755 г. Сив. Прот. № 76.

двоебрачія клирикамъ высшихъ степеней. Но для губернатора едвали не болѣе убѣдительно авторитетъ свѣтскаго правила, чѣмъ предписаніе церковное.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ св. Синодъ выражается о законахъ грекоримскихъ императоровъ въ такомъ смыслѣ какъ будто усвояетъ имъ силу равную съ правилами. Такъ въ 1723 г. св. Синодъ постановляетъ рѣшеніе «по закону Моисееву и Леова Царя и Константина и по градскому, которые въ Кормчей книгѣ напечатаны и за правила пріемаются»²⁹⁾.

Впрочемъ мы должны замѣтить, что отношеніе св. Синода къ грекоримскимъ законамъ свободнѣе. Когда св. Синодъ считаетъ нужнымъ поступить вопреки какому нибудь утвердившемуся обычаю, твердо блжодомскому практикѣ, онъ говоритъ тогда, что это не церковное правило, а законъ греческихъ царей въ томъ намѣреніи, что отмѣненіе его не представляетъ никакого затрудненія. Вообще когда нужно отступить отъ какого либо установленія и правила издревле соблюдавшагося въ церкви св. Синодъ противопоставляетъ законы греческихъ царей правиламъ и основанное на сихъ законахъ считаетъ менѣе твердымъ и обязательнымъ. Вотъ для примѣра разсужденіе св. Синода о бракѣ троюродныхъ брата и сестры (6-я степень): «хотя таковые браки запрещаются *по законамъ греческихъ царей*, каковой обычай и церковь православная отъ древнихъ временъ до нынѣ содержитъ. А по слову Божию и по правиламъ апостольскимъ и св. Отецъ возбраняются только до трехъ и до четырехъ степеней. И хотя онымъ, есдибъ еще въ тотъ бракъ не вступили, за древній церковный обычай дозволить того и не слѣдовало. Но какъ въ оной уже вступили, а о разводѣ таковыхъ браковъ ни въ Слово Божіе, ни въ соборныхъ правилахъ не обрѣтается,—то сочетавшимся въ супружествѣ жить дозволить»³⁰⁾. Здѣсь св. Синодъ на противопоставленіи законовъ греческихъ царей слову Божию и

²⁹⁾ 18 января 1723 г. Свн. Проток.

³⁰⁾ 16 апрѣля 1770 г. Свн. Проток. л. 20.

правиламъ основываетъ мысль о сравнительно меньшей важности нарушенія первыхъ предъ послѣдними. Но въ другихъ случаяхъ, когда представлялась необходимость отстоять какое нибудь установленіе, св. Синодъ иначе рассуждалъ объ установленіяхъ, основанныхъ на законахъ греческихъ царей. Въ этомъ отношеніи замѣчательно сужденіе св. Синода о законахъ греческихъ императоровъ высказанное по поводу одного возраженія. Мужъ по причинѣ его неспособности разведенный съ своею женою на основаніи закон. град. гр. П, и Леопа и Константина гл. 9 возражалъ противъ этого рѣшенія, какъ неправильнаго, потому что основано не на духовномъ законѣ, а на гражданскомъ греческомъ. Св. Синодъ замѣтилъ на это возраженіе, что «тѣ узаконенія хотя греческихъ царей, но съ самаго введенія въ Россію греческаго исповѣданія приняты соборами св. Отець, и внесены въ число законовъ содержащихся въ Коричей книгѣ» ³¹⁾.

Кромѣ вышеуказанныхъ прямыхъ источниковъ св. Синодъ иногда для основанія своихъ рѣшеній обращается къ сборникамъ правилъ, усвоивъ имъ такимъ образомъ законодательный авторитетъ, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ частяхъ, на которыхъ основываетъ свои рѣшенія св. Синодъ. Сюда принадлежатъ: а) *номоканонъ* печатанный при большомъ требникѣ и б) книга о должностяхъ пресвитеровъ приходскихъ:

а) Когда ни Свящ. Писаніе, ни правила древней церкви не представляютъ св. Синоду нужнаго основанія для рѣшенія того или другаго дѣла, въ такомъ случаѣ довольно часто употребляемымъ источникомъ служить *номоканонъ печатаемый при большомъ требникѣ*. Изъ него беретъ св. Синодъ основанія для сужденія и опредѣленія епитимій за нѣкоторые виды кровосмѣшенія; отсюда же заимствуетъ основанія для запрещенія браковъ между кумомъ и кумою, между воспринятыми однимъ и тѣмъ же воспріемникомъ ³²⁾. На *номоканонѣ* основыв-

³¹⁾ 17 ноября 1805 г. Синод. ук. въ дѣлѣ 1803 № 529.

³²⁾ 3 марта 1836 г. Синод. Проток. въ апрѣльской книгѣ. ч. 1, л. 458.

ваетъ св. Синодъ опредѣленія о невѣнчаніи браковъ монашествующимъ ³³⁾ о наказаніи священниковъ, вѣнчающихъ незаконные браки ³⁴⁾ о недозволительности брака сводныхъ дѣтей ³⁵⁾. Впрочемъ отношеніе св. Синода къ этому источнику было не всегда одно и тоже. Иногда св. Синодъ не признавалъ авторитета этого источника; иногда же утверждалъ на немъ свои рѣшенія. И замѣчательно, что и то и другое относилось къ одному и тому же правилу номоканона 211. Это правило воспрещаетъ мужу и женѣ быть восприемниками одного и того же крещаемого, осуждая въ противномъ случаѣ ихъ бракъ на расторженіе. Отсюда выводится и мысль о недозволительности брака между двумя лицами, которыя были до брака восприемниками одного крещаемого. Въ прошедшемъ столѣтіи св. Синодъ неоднократно пытался отвергнуть обычай, не дозволявшій брака между кумомъ и кумою, и поэтому случая имѣлъ нужду высказать свое мнѣніе и о правилѣ, который былъ поддерживаемъ обычай. Вотъ это мнѣніе неоднократно высказанное св. Синодомъ въ одной и той же формѣ: «хотя по правилу 211 номоканона, напечатанномъ при Требникѣ таковыя браки запрещенію и подлежатъ; но тотъ пунктъ *«весьма сумнителенъ»* потому наипаче, что отъ кого изложенъ «и въ которыхъ лѣта, того не напечатано и весьма неизвѣстно. «За каковыми сумнительствомъ бракъ между сими лицами не «воспрещать» ³⁶⁾. Позднѣе въ прошедшемъ столѣтіи св. Синодъ высказывалъ ту же мысль о 211 пр. номоканона, но въ болѣе уклончивыхъ выраженіяхъ. Устюжскій архіерей доносилъ Синоду, что священникъ допустилъ у однихъ родителей воспринимать мужу мальчика, а женѣ послѣ родившуюся дѣвочку, и обвиняя священника спрашивалъ синодскаго разрѣшенія, потому что кромѣ 211 правила номоканона въ Требникѣ не

³³⁾ Прав. 84. ноября 1811. Проток. № 5.

³⁴⁾ 16 декабря 1780. Слн. Проток. л. 578.

³⁵⁾ 31 октября 1817. Слн. Проток. въ книгѣ 1818. январь л. 338.

³⁶⁾ 11 марта 1768. Проток. № 22. Подобное же мнѣніе высказано св. Синодомъ въ 1728 и 1730 г. 20 марта проток.

находилъ соборныхъ правилъ на этотъ случай. Св. Синодъ отвѣчалъ уклончиво, но такъ что видно было, что онъ не много придаетъ значенія 211 правилу номоканона. «Понеже и самъ преосвященный показываетъ, что на оной случай соборныхъ правилъ не обрѣтается, почему и въ допущеніи мужа и жены къ воспріемничеству состоитъ въ виновности одинъ священникъ; то за такое, въ противность церковнаго обычая, допущеніе оштрафовать его церковною епитимією по своему разсмотрѣнію, а воспринимавшихъ учинить свободными»³⁷⁾. Но въ настоящемъ столѣтіи возрѣніе св. Синода на этотъ пунктъ Номоканона опять измѣнилось, вопросъ о бракахъ между кумомъ и кумою опять рѣшается былъ на основаніи 211 правила Номоканона. По поводу просьбы двухъ лицъ, бывшихъ воспріемниками во 2-й парѣ и просившихъ дозволенія на вступленіе въ бракъ—св. Синодъ отвѣчалъ на запросъ олонецкаго преосвященнаго—отъ 4 сентября 1835 г., что какъ въ 211 правилѣ Номоканона предписано: «аще мужъ и жена «крестятъ единому человѣку дитя къ тому да не смѣются другъ «другу, понеже кумове вмѣняются, аще же совокупаются, имѣ- «ютъ запрещеніе»; то примѣняясь къ сему закону не можно дозволить вступити въ супружество двумъ лицамъ воспринимавшимъ одного младенца. Но на воспріемниковъ 2-й и слѣдующихъ паръ это не простирается»³⁸⁾.

Впрочемъ такая шаткость возрѣнія относилась именно только къ 211 правилу Номоканона. Прочими правилами этого сборника св. Синодъ пользовался и пользуется до настоящаго времени³⁹⁾.

³⁷⁾ 31 января 1774. Сын. Проток. л. 133:

³⁸⁾ 16 ноября 1838. Сын. Проток. л. 437 декабрь. Въ настоящее время впрочемъ этотъ вопросъ рѣшается въ смыслѣ рѣшеній св. Синода состоявшихся въ прошедшемъ столѣтіи. Указомъ 31 января 1838 г. опредѣлено въ отношеніи къ воспрещенію брака въ дух. родствѣ руководствоваться буквальною смисломъ указа 1810 г. не простирая на браки крещеній въ тотъ указъ не положенныхъ, слѣд. разрѣшая и бракъ кума съ кумою.

³⁹⁾ 25 сентября 1853. Сын. Проток. № 57, октябрь ян. 1.

б). Кроме Номоканона основаніемъ синодскихъ рѣшеній служатъ правила помѣщенные въ *Книжь о должностяхъ пресвитеровъ приходскихъ*.

И 1) на 125 § этой книги св. Синодъ основываетъ рѣшеніе о запрещеніи въ священнослуженіи архимандриту въичавшему бракъ ⁴⁰⁾.

2) Этою же книгою св. Синодъ неоднократно предписываетъ руководствоваться при смягченіяхъ епитимій, положенныхъ за разныя преступленія. Въ 1822 г. послѣдовало даже формальное и общее предписаніе отъ св. Синода — въ случаяхъ, когда прелюбодѣяніе открывается изъ изслѣдованій дѣлъ въ гражданскихъ правительствахъ, но когда просьбы о расторженіи брака по этой причинѣ нѣтъ, и когда по этому публичной епитиміи полагать не должно, а должно поручить внутреннему испытанію и приватному суду духовнаго отца, — руководствоваться правилами изображенными въ 3-й гл. книги о должностяхъ пресвитеровъ ⁴¹⁾. Въ такомъ смыслѣ св. Синодъ одинъ разъ указывалъ на эту книгу и въслѣдствіе одного вопроса государственнаго совѣта ⁴²⁾.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣшеніе основываемо было на какомъ нибудь каноническомъ источникѣ не получившемъ церковнаго утвержденія, или по чему либо не имѣющемъ общезаконодательнаго авторитета, св. Синодъ дѣлалъ особыя указанія и постановленія. Такъ въ 1-й половинѣ прошедшаго столѣтія при сужденіи о родствѣ нѣкоторыми архіереями былъ принимаемъ во вниманіе и *Требникъ Петра Могилы* кроме *Кормчей* книги ⁴³⁾. Находя этотъ источникъ неимѣющимъ законодательнаго авторитета св. Синодъ воспретилъ пользоваться

⁴⁰⁾ Ноября 1811. Проток. № 5.

⁴¹⁾ 3 ноября 1822. Сян. Проток. № 60. 6 ноября 1822. Синод. Проток. № 119.

⁴²⁾ 17 сентября 1828. Сян. Проток. л. 570.

⁴³⁾ Дѣло Архив. Св. Сян. 1748. № 199 л. 18 об.

имъ въ производящихся дѣлахъ, предписавъ: «И изъ Книги, *Миръ челоѣпка съ Богомъ* и изъ *Требника Магиланскаго*, яко еще не исправленныхъ ничего не выписывать къ производимымъ дѣламъ» ⁴⁴).

⁴⁴) 21 августа 1766. Сн. Ук. въ дѣлѣ 1765. № 285 приведена выписка о родствѣ духовномъ въ воронежской консисторіи при Святит. Тихонѣ.

ВЫНУЖДЕННОЕ СЛОВО

ВЪ ЗАЩИТУ СОЧИНЕНІЯ: «ПРАВСТВЕННЫЙ ИДЕАЛЬ БУДДИЗМА ВЪ ЕГО ОТНОШЕНІИ КЪ ХРИСТИАНСТВУ».

(Отвѣтъ профессору казанской Академіи А. И. Гренкову).

(Окончаніе).

Переходя къ нашему трактату о христіанской нравственной свободѣ, рецензентъ замѣчаетъ, что у насъ здѣсь «начинается изложеніе тѣхъ пунктовъ нравоученія, которые дѣйствительно существенно различаютъ христіанское и буддійское ученія». Мы были удивлены въ высшей степени такимъ замѣчаніемъ. Развѣ христіанское нравоученіе не различается существеннѣйшимъ образомъ отъ буддійскаго по вопросамъ о добрѣ и злѣ, о происхожденіи послѣдняго, о мотивахъ нравственной жизни, о добродѣтеляхъ, о высшемъ идеаль добродѣтели и аскетизмѣ? Для насъ это—неожиданное открытіе, тѣмъ болѣе, что, какъ мы видѣли, нашъ рецензентъ совершенно неправильно выразился, будто нѣтъ существеннаго различія между буддійскимъ и христіанскимъ понятіемъ о добрѣ и злѣ съ формальной стороны. Неужели нѣтъ существеннаго различія даже между буддійскимъ и христіанскимъ аскетизмомъ? По крайней мѣрѣ мы имѣли право ожидать, что нашъ рецензентъ не нивведетъ на одну доску съ буддійскимъ христіанскаго аскетизма, который онъ всякими мѣрами защищалъ отъ *мнимыхъ* нашихъ нападеній. Мы отнюдь не навязываемъ нашему рецензенту этого воззрѣнія на отношеніе христіанскаго аскетизма къ буддійскому. Его взглядъ на этотъ

предметъ достаточно свидѣтельствуется, во-первыхъ, его возраженіями, направленными противъ нашего изложенія ученія о христіанскомъ аскетизмѣ. Во-вторыхъ, указанное замѣчаніе онъ сдѣлалъ уже послѣ анализа нашего трактата объ аскетизмѣ. Но какъ бы то ни было, фактъ на лицо: ученый богословъ—моралистъ не находитъ *существеннаго* различія между вышеупомянутыми *пунктами христіанскаго и буддйскаго нравоученія*. Въ интересахъ науки и христіанской цѣнки мы желали бы отъ нашего рецензента категорическаго разъясненія этого вопроса. Рецензентъ высказываетъ слишкомъ оригинальное, въ извѣстномъ смыслѣ, воззрѣніе по существеннѣйшимъ вопросамъ христіанской цѣнки, и потому, *конечно*, не откажется устранить то крайнее недоразумѣніе, которое вызывается указаннымъ воззрѣніемъ въ внимательномъ читателѣ. Что же касается до насъ, то мы можемъ предсказать, что г. Гренковъ не пожелаетъ дать прямого объясненія этому *необъяснимому* обстоятельству и не дастъ, какъ скоро онъ потрудится снова обсудить сказанное имъ съ такою рѣшительностью и смѣлостью. Трудно же предположить, чтобы профессоръ, преподающій въ академіи православно-христіанскую цѣнку, *наконецъ*, не пришелъ къ тому убѣжденію, что его мнѣніе, касающееся такихъ существенныхъ вопросовъ въ цѣнкѣ; *должно* быть оставлено по своей *крайней «оригинальности»* и не пропагандироваться не только въ академическомъ журналѣ, но и съ академической кафедры, съ которой, — предполагается, будущіе преподаватели нравственнаго богословія въ семинаріяхъ должны слышать нѣчто болѣе обдуманное и правильное... Но какъ же представляетъ себѣ нашъ рецензентъ тѣ пункты христіанскаго и буддйскаго нравоученія, которые онъ самъ признаетъ существенно различающимися? Здѣсь мы встрѣчаемся прежде всего съ замѣчаніями рецензента по вопросу о тѣлесной жизни христіанина и объ отношеніи его къ своему тѣлу.

Рецензентъ сообщаетъ намъ, что въ «нашей назидательной литературѣ встрѣчаются два *противоположныхъ* взгляда на тѣлесную жизнь». По одному изъ нихъ «тѣло—темница души или просто оболочка духа ¹⁾», которое нужно порабощать духу и

¹⁾ Далекое не все равно сказать о тѣлѣ, что оно—темница души или просто

разлука съ которымъ должна быть предметомъ желаній для христіанина». Другіе моралисты говорятъ иное: такъ, нашъ авторъ доказываетъ, говоритъ про насъ г. Гренковъ, что для христіанина тѣло—храмъ св. Духа, которое нужно укрѣплять средствами гигиеническими, рекомендуемымъ наукою и здравымъ смысломъ». Нашъ рецензентъ напрасно усваиваетъ *вообще* прежнимъ подвижникамъ тотъ взглядъ на тѣло, по которому оно—темница души. Этотъ взглядъ возникъ въ христіанскомъ языческомъ мірѣ сперва у восточныхъ народовъ, а затѣмъ проникъ на западъ и съ особенной рѣзкостью выразился въ философіи Пифагора, Платона и неоплатониковъ. Душа, по взгляду напр. пифагорейцевъ, заключена въ тѣлѣ какъ въ гробу: тѣло человѣка — темница, въ которой она томится, какъ въ плѣну, и жаждетъ своего освобожденія. Первоначально, по Пифагору, духи не были облечены тѣломъ, и только за свои грѣхи, въ наказаніе, они заключены въ него. По учению Платона, человѣческая душа существуетъ прежде, чѣмъ она вступаетъ въ соединеніе съ какимъ бы то ни было тѣломъ. Только послѣ своего паденія души соединены съ тѣломъ въ наказаніе и томятся въ немъ какъ въ темницѣ, порываясь къ своему освобожденію отъ этого бѣдствія. Сопряженіе съ тѣломъ, по взгляду этихъ философовъ, великое зло для души и дѣлаетъ для ней невозможною истинную добродѣтель. Профессоръ Гренковъ говоритъ, въ наше назиданіе, что «въ головѣ ученаго, полагающаго христіанское ученіе о тѣлѣ, должна быть ясна вся длинная христіанская литература съ разнообразными теоріями значенія тѣла въ нравственной жизни человѣка». Мы вполне раздѣляемъ этотъ взглядъ рецензента, и потому можемъ только недоумѣвать, почему же онъ усваиваетъ вообще древнимъ подвижникамъ взглядъ на тѣло, какъ на темницу души, и почему онъ противопоставляетъ нашъ взглядъ на тѣло, какъ на храмъ св. Духа, взгляду евангельскому и взгляду подвижниковъ вообще?... Но откуда же, однакожь, взялъ нашъ рецензентъ, будто *вообще* древніе подвижники имѣли на тѣло такой языческой взглядъ? Онъ указываетъ на то, что

ободочка ея: эти выраженія скорѣе должны противопоставляться другъ другу какъ выражающія два, совершенно различныхъ, взгляда на тѣло.

они искали порабощенія плоти духу и смотрѣли на смерть. какъ на желанный конецъ скитальничеству по юдоли плача, Но древніе христіанскіе подвижники, какъ мы частію указывали выше, подѣ плотью не разумѣли непремѣнно тѣла и не видѣли въ немъ причины грѣха. Христіанская церковь осудила гностиковъ, мессалианъ, эвкратитовъ и т. д., которые стоя на почвѣ языческихъ воззрѣній на тѣло и отсюда на все земное, стремились умерщвлять свое тѣло необыкновеннымъ воздержаніемъ въ пищѣ и положительнымъ истязаніемъ его, гнушались мясомъ и виномъ, отвергали бракъ какъ невоздержаніе чувственности, отрекались отъ всѣхъ благъ и радостей жизни, отказывались отъ всякаго имуществва, разрывали всѣ связи съ людьми и т. д. Желаніе смерти проистекало у древнихъ христіанскихъ подвижниковъ вовсе не изъ мрачнаго взгляда на тѣло, какъ на темницу души. Самъ апостоль Павелъ, какъ и указываетъ нашъ рецензентъ, высказывалъ желаніе разрѣшиться и со Христомъ быть, но онъ не только не смотрѣлъ на тѣло какъ темницу души, но училъ насъ видѣть въ немъ и созидать храмъ св. Духа. Точно также учили и величайшіе изъ христіанскихъ подвижниковъ. Ап. Павелъ желалъ разрѣшиться и со Христомъ быть, но онъ въ то же время желалъ, какъ мы и говоримъ въ своемъ сочиненіи, изъ-за любви къ ближнимъ продолженія своей жизни, чтобы послужить ближнему (Фил. 1, 22—26). Точно также и всякій христіанинъ долженъ поступать, какъ скоро его жизнь и дѣятельность являются нужными для блага другихъ. Почему же нашъ рецензентъ приписываетъ собственно намъ взглядъ на тѣло, какъ храмъ св. Духа? Какъ будто бы этотъ взглядъ неправиленъ и произвольно нами проведенъ! Онъ видимо усиливается указать противоположность нашего взгляда съ взглядомъ св. Писанія и древнихъ подвижниковъ. Что это значить? Въ своемъ очевидномъ желаніи представить насъ «защитникомъ тѣла и эмансипаціи плоти» («о чемъ, говоритъ онъ, заботились ученые эпикурейцы англійскаго деизма XVIII вѣка и французскаго матеріализма»), рецензентъ доходитъ, *невъдомо для себя*, до того, что, осуждая нашъ взглядъ на тѣло, какъ на храмъ св. Духа, и нашу мысль о необходимости укрѣплять тѣло средствами гигиеническими, рекомендуемыми наукою и здравымъ смысломъ, онъ одновременно осуждаетъ и ап. Павла,

и отцовъ церкви. Это факты! Ниже читатель совершенно убѣдится въ этомъ. Противопоставивши нашъ взглядъ на тѣло, взгляду древнихъ подвижниковъ и указавши совпаденіе мыслей древнихъ подвижниковъ о земной жизни съ ученіемъ ап. Павла, рецензентъ спрашиваетъ: «кому же теперь вѣрить?» Конечно, отвѣчаетъ онъ самому себѣ, степень достовѣрности условливается тѣми доказательствами, на которыя опираются тѣ и другія положенія. Чѣмъ доказываетъ свои положенія нашъ авторъ? Св. Писаніемъ? церковнымъ ученіемъ? Въмѣсто церковныхъ писателей онъ цитуетъ опять Пальмера, по которому тѣло должно быть твердымъ, изящнымъ зданіемъ. Спрашивается: гдѣ же истина? какое воззрѣніе христіанское? По нашему мнѣнію, *ни то, ни другое, потому что то и другое есть дальнѣйшая, выводная и частная мысль, которая сама въ себѣ вѣрна.* Христіанство... сказало только принципъ, что тѣло должно быть служебнымъ орудіемъ духа, что послѣдній выше тѣла и что вообще внутреннее выше внѣшняго... *На выясненіе этого христіанскаго воззрѣнія авторъ обратилъ вниманія, а между тѣмъ предпочтеніе тѣлу духа, низведеніе тѣла на степень служебнаго орудія проходитъ такъ рѣзко по библейскому ученію, что христіанскіе писатели склоняются болѣе къ крайнему спиритуализму, нежели реализму, который проводится авторомъ...* Въмѣсто этой церковно-христіанской почвы авторъ сталъ на точку зрѣнія медицинской гігіены и говоритъ лекарскіе совѣты, о которыхъ *не знаетъ* Евангеліе, излагающее главнымъ образомъ прекрасныя основы гігіены души»²⁾. Мы замѣтили, что авторъ рецензіи осуждаетъ не нашъ одинъ взглядъ на тѣло, какъ на храмъ св. Духа, которое нужно поддерживать и укрѣплять разумными средствами. Авторъ рецензіи хотя и увѣряетъ, что мы цитуемъ только Пальмера, однакожь изъ Пальмера у насъ приведены въ текстѣ только тѣ пять словъ, которыя показали намъ весьма

²⁾ Желая какъ во всѣхъ другихъ случаяхъ, такъ и въ настоящемъ, передавать мысли рецензента вполнѣ объективно и ни въ чемъ не урѣзывать или видоизмѣнять ихъ, мы вынуждены были привести буквально слова рецензента, противъ которыхъ мы имѣемъ говорить. Точно также мы, какъ и выше дѣлали, подчеркнули тѣ изъ его выраженій, которыя останавливаютъ на себѣ преимущественно наше вниманіе.

мѣткими, а *все* наше сужденіе о тѣлесной жизни христіанина основано на изрѣченіяхъ св. Писанія, которое и цитруется нами двѣнадцать разъ ³⁾, и на мнѣніяхъ св. отцовъ, изъ которыхъ мы цитовали творенія св. Кирилла іерусалимскаго и Василія Великаго ⁴⁾. Но авторъ рецензіи *насилъственно* разъединилъ и противопоставилъ другъ другу два мнѣнія, касающіяся чистѣйшихъ предметовъ въ общемъ вопросѣ объ отношеніи христіанина къ тѣлу и къ тѣлесной жизни, но вытекающій изъ *общаго* христіанскаго взгляда на тѣло, усвоивши одно изъ двухъ мнѣній древнимъ подвижникамъ, а другое — намъ. Послѣ этого онъ уже, какъ будто бы вслѣдствіе нашего упущенія, высказываетъ тотъ христіанскій принципъ, что тѣло должно быть служебнымъ орудіемъ духа. Но откуда же онъ цитуетъ, *нецитую*, это христіанское ученіе объ отношеніи духа къ тѣлу? Въ данномъ случаѣ онъ, подъ видомъ своего замѣчанія, какъ будто бы вынужденнаго нашимъ реализмомъ, приводитъ въ качествѣ своей слѣдующую нашу мысль, находящуюся у насъ въ самомъ томъ мѣстѣ, которое якобы разбираетъ г. Гренковъ. «Самостоятельность духа по отношенію къ тѣлу и къ тѣлеснымъ инстинктамъ—вотъ, говоримъ мы, добродѣтель христіанина со стороны его отношеній къ своему тѣлу,—добродѣтель, живымъ воплощеніемъ которой былъ Іисусъ Христосъ, переносившій, по требованію Его призванія, съ изумительной твердостью сорокодневный постъ (Лук. 4, 2) и вообще во всей своей жизни представлявшій торжество духа надъ тѣломъ» ⁵⁾. Идея полного господства духа надъ тѣломъ, выраженная здѣсь, у насъ далѣе развивается до подробностей: мы выясняемъ смыслъ и значеніе торжества человеческого духа надъ тѣломъ въ моменты болѣзни, разныхъ тѣлесныхъ лишеній, всяческихъ страданій и несчастій и наконецъ смерти. Но замѣчательно, что гдѣ мы развиваемъ *спеціально* мысль о томъ, что христіанинъ долженъ проникнуться ученіемъ о словѣ крестномъ и мужественно, при помощи Божіей, нести посланный ему Богомъ тотъ или другой крестъ, нашъ рецензентъ вовсе не упоминаетъ объ этихъ мѣстахъ въ нашемъ со-

⁴⁾ См. стр. 217—221.

⁵⁾ См. стр. 216—221 нашего сочиненія.

⁶⁾ См. стр. 217 нашего сочиненія о буддизмѣ.

чиненіи. Отъ того-то, нашъ ученый моралистъ и говоритъ, будто мы близки въ нашемъ взглядѣ на тѣло и тѣлесную жизнь къ ученымъ эпикурейцамъ англійскаго деизма XVIII вѣка и французскаго матеріализма. Вотъ прискорбный источникъ большинства тѣхъ обвиненій, которыми мы незаслуженно подверглись отъ «истаго моралиста», который, мы думали, — никакъ не можетъ благодаря своему знакомству съ дѣломъ наградить своего собрата по наукѣ невызванными *ничѣмъ* тяжелыми осужденіями! Но почему же,—продолжимъ мы свою рѣчь,—рецензентъ находить, что какъ невѣрна мысль древнихъ подвижниковъ о тѣлѣ, такъ и наша мысль? Что касается до мысли подвижниковъ, то мы уже замѣчали, какъ г. Гренковъ неправъ относительно ихъ. Онъ какъ бы самъ это чувствовалъ, и потому, послѣ замѣчанія, что и въ ихъ мнѣніи нѣтъ истины, въ то же время не отрицаетъ вѣрности ихъ мнѣнія, какъ частной, выводной мысли. Но въ такомъ случаѣ къ чему же эти разграниченія небывалыхъ двухъ противоположныхъ взглядовъ? Имѣя въ виду мысль о томъ, что одни называютъ тѣло темницей души, а другіе—храмомъ святаго Духа (мы уже говорили касательно невѣрности распределенія этихъ взглядовъ), рецензентъ замѣчаетъ: «христіанство не занимается такими мелкими, практическими вопросами; для него безразлично, надѣнете ли вы русскія рукавицы или французскія перчатки, будете ли пить декокты, заниматься гимнастикой и т. д.» Мысль рецензента, повидимому, та, что, съ точки зрѣнія христіанской, безразлично: будемъ ли мы умерщвлять тѣло, выходя изъ той мысли, что оно—темница души, или укрѣплять его, выходя изъ того взгляда, что оно — храмъ св. Духа, и дѣлать его «изящнымъ зданіемъ». Но справедливо ли, что Евангеліе *незнаетъ* точки зрѣнія медицинской гигиены? Почему же ап. Павелъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ своихъ посланій осуждаетъ тѣхъ, которые враждуютъ противъ своего тѣла и подвергаютъ его ненужнымъ лишеніямъ и истязаніямъ? Почему же церковные соборы полагали особыя постановленія, осуждавшія таковыхъ людей? Почему отцы церкви, какъ мы выше виѣли, осуждали также тѣхъ, которые «нехранили тѣла свое»? Когда однажды авва Исаакъ, увидѣвъ, что преподобный Пименъ возливалъ воду на ноги свои, сказалъ ему: «другіе ведутъ себя строже и удручаютъ тѣло свое»; преподобный отвѣчалъ:

«мы научились умерщвлять не тѣло, а страсти ⁶⁾. Впредь пей не одну воду, но употребляй немного вина ради желудка твоего и частыхъ твоихъ недуговъ» (1 посл. 5, 23), пишетъ къ Тимофею св. апостоль Павелъ. Какая это точка зрѣнія? спрашиваемъ мы нашего рецензента. Но рецензентъ, хотя и не приводитъ противъ насъ ни одного мѣста изъ отеческихъ творений, однако требуетъ, чтобы мы къ нимъ преимущественно обращались. Съ удовольствіемъ какъ выше, такъ и теперь, исполняемъ его желаніе, будучи вполнѣ увѣрены, что и онъ отвѣтитъ намъ на тѣ вопросы, которые мы ему поставили уже и имѣемъ поставить. «Я его люблю, говоритъ св. Григорій Богословъ о тѣлѣ, какъ сослужителя и почитаю какъ сонаслѣдника. Рѣшусь ли истомить его? Но тогда некого мнѣ будетъ употребить въ сотрудника въ добрыхъ дѣлахъ, а я знаю, для чего я приведенъ въ бытіе, знаю, что мнѣ должно восходить къ Богу посредствомъ дѣлъ» ⁷⁾. Не должно дѣлать нововведеній вопреки естеству и уставамъ, какіе положены Благодѣтелемъ естества, говоритъ Василій Великій, но, ихъ держась, надобно сохранять тѣло дѣятельнымъ, *никогда* не приводя его въ ослабленіе неумѣренностями. Ибо Божественное писаніе повелѣваетъ работать, приводить тѣло въ движеніе и *больше* подкрѣплять немощь другихъ, нежели самому имѣть нужду въ опорѣ чужой руки, но нимало не велитъ истощать и расслаблять тѣла неумѣренными изнуреніями. Скажи мнѣ, что лучше, подражать ли плодоноснымъ деревьямъ, которыя и сами богаты, и другихъ увеселяютъ своимъ плодоносіемъ, или уподобляться огороднымъ растеніямъ, которыя вянутъ отъ зноя и засухи... Еслибы мы находились внѣ тѣла, то необходимо было бы стремиться къ совершеннѣйшему одною душою. Но поелику человекъ двоякъ, то и упражненіе въ добродѣтели должно быть двоякое: состоящее и въ тѣлесныхъ трудахъ и въ душевныхъ подвигахъ» ⁸⁾. «Поелику всѣмъ возмущаемое тѣло наше, говоритъ тотъ же святитель, подвержено многоразличнымъ поврежденіямъ и со внѣ приключающимся, и зараждаемымъ внутри принятою пищею,

⁶⁾ Училище благочестія. 4 часть. Стр. 106.

⁷⁾ Творенія Григорія Богослова. 2-й т. Стр. 7—8.

⁸⁾ Подвижническій Уставъ. 5-й т. Стр. 397.

приводится въ изнеможеніе и излишествами и недостатками: то распоряжающій всею нашей жизнью Богъ дозволилъ намъ врачебное искусство, которое въ образецъ душевнаго врачеванія имѣеть цѣлью избавлять отъ излишняго и восполнять недостаточное. Ибо не сами собою прозябли травы, состоящія въ свойствѣ съ каждою изъ немощей, но, очевидно, по волѣ Создавшаго, произведены съ цѣлью служить къ нашей пользѣ... Скотское было бы несмысліе надѣяться себѣ здоровья единственно отъ рукъ врача. Но и то будетъ упорствомъ, если во всякомъ случаѣ избѣгать пользованія врачебнымъ искусствомъ»^{*)}. Теперь нашъ почтенный рецензентъ, конечно, не найдетъ, будто, съ христіанской точки зрѣнія, *безразлично* заботиться объ укрѣпленіи и сохраненіи нашего здоровья, въ видахъ духовнаго развитія и служенія обществу, или нѣтъ. Еслибы у насъ шла рѣчь о чемъ-либо другомъ, а не о томъ, что сохраненіе и укрѣпленіе здоровья, какъ разумное сбереженіе способностей и силъ тѣлесныхъ для употребленія ихъ въ видахъ нашего блага и пользы другихъ, есть добродѣтель, тогда бы мы могли еще понять, что мы говоримъ несправедливо. Авторъ рецензіи употребилъ сравненіе, но оно въ данномъ случаѣ ничего не объясняетъ. Точно также мы не согласны съ рецензентомъ и касательно того, будто человекъ, развившій свои физическія силы и изящно организованный, представляетъ явленіе, стоящее «въ христіанской симпатіи». Рецензентъ хочетъ утвердиться на той мысли, что «христіанство, въ противоположность языческой чувственности пластикъ, плотяности, центромъ нравственныхъ интересовъ поставило духовность». Но развѣ человекъ, съ богатыми физическими силами и изящной организаціей, не можетъ быть въ то же время живымъ доказательствомъ совмѣстимости великаго христіанскаго духа съ тѣлесной крѣпостью и красотой? Изящное, прекрасное не изгоняется христіанствомъ ни въ какомъ случаѣ. Мало того, подъ вліяніемъ христіанства самое искусство облагороживается и начинаетъ еще болѣе отвѣчать своему призванію и своей идеѣ. Если же это справедливо, то на какомъ основаніи мы стали бы утверждать, что именно красота

*) Василій же Великій. Нрав. пр. простр. изложеніе. Отвѣтъ на 55 вопросъ, 5-й томъ. Стр. 201 и д.

тѣлесная внѣ христіанскихъ симпатій и что для христіанина рѣшительно безразлично, какимъ онъ совнѣ выглядитъ? Вѣдь мы говорили не о томъ, что человѣкъ, отличающійся дурной внѣшностью и самымъ плохимъ здоровьемъ, не можетъ спастись. Но только въ этомъ случаѣ г. Гренковъ и имѣлъ бы право говорить противъ насъ. Однакожъ, и изъ этого вовсе не слѣдовало бы, что человѣкъ съ болѣзненной организаціей и дурной наружностью вовсе не долженъ заботиться объ укрѣпленіи своего здоровья и о возможной внѣшней своей благовидности (Матѳ. 6, VI). Иное, конечно, дѣло, когда человѣкъ сосредоточиваетъ всѣ помыслы свои на этихъ вещахъ: въ этомъ случаѣ онъ даже и для нехристіанина не можетъ быть симпатичнымъ.... Цельсь издѣвался надъ христіанами, повторяя пущенную кѣмъ-то мысль, будто Христосъ былъ «самый уродливый изъ сыновъ человѣческихъ». Но Иеронимъ, Амвросій, Іоаннъ Златоустъ и др. отнюдь не рѣшались допустить этой мысли и раздѣляли то мнѣніе, что Христосъ былъ «прекраснѣйшій изъ сыновъ человѣческихъ» и по внѣшнему виду: этотъ фактъ, по нашему мнѣнію, весьма знаменателенъ и ведетъ къ заключеніямъ, не гармонирующимъ съ той мыслью, будто для христіанства безразлично, прославляемъ ли мы Бога и въ тѣлахъ нашихъ (1 Кор. 6, 20). Кромѣ того, почему же духовный элементъ долженъ являться преобладающимъ и господствующимъ въ тѣлахъ только тѣхъ людей, которые отличаются крайней худобой и некрасивостью? По мысли рецензента именно такъ и выходитъ, если вывести изъ вышесказаннаго его мнѣнія всѣ *естественныя* логическія слѣдствія. По нашему же крайнему разумѣнію, торжество духа человѣческаго надъ тѣломъ ни въ чемъ не можетъ проявляться въ извѣстныхъ случаяхъ съ такою еялюю и очевидностью, какъ въ томъ, когда этотъ духъ подчиняетъ себѣ могучее и крѣпкое тѣло и вполнѣ управляетъ, въ нравственныхъ цѣляхъ, всѣми его инстинктами и требованіями. Наконецъ, замѣчаетъ нашъ рецензентъ, что «еслибы наша вѣра такъ просто и *реально* относилась къ тѣлу, какъ излагаетъ нашъ авторъ, то не было бы повода проводить въ этомъ пунктѣ аналогію этого ученія съ буддійскимъ, а между тѣмъ на это и упираютъ нѣкоторые». Напротивъ, — отвѣчаемъ нашему рецензенту, — только излагая въ томъ видѣ христіанское ученіе о тѣлѣ, въ какомъ

оно изложено у насъ на основаніи св. Писанія и мнѣній авторитетныхъ церковныхъ писателей, можно выяснитъ всю глубокую противоположность между буддійскимъ и христіанскимъ ученіемъ о тѣлѣ и тѣлесной жизни. Только въ этомъ случаѣ можно удовлетворить требованія разныхъ Лорановъ, Ренановъ и т. д. Только въ этомъ случаѣ изслѣдователь не будетъ насильственно *навязывать* буддизму того, что составляетъ принадлежность браманнизма, какъ это дѣлаетъ нашъ рецензентъ, говоря, будто «цѣлыя главы св. книгъ въ буддизмѣ посвящены казуистикѣ тѣлесныхъ проявленій съ громаднымъ количествомъ правилъ о ѣдѣ и питьѣ, одеждѣ, стрижкѣ волосъ и ногтей, омовеніи и поклоновъ, положеніи рукъ и ногъ и проч. ¹⁰⁾».

Вторымъ пунктомъ различія буддизма и христіанства, говоритъ г. Гренковъ, служитъ у автора христіанскій взглядъ на собственность и радости жизни. И въ этомъ случаѣ мы встречаемся съ апіорнымъ разсужденіемъ автора, что богатство и собственность—вещи очень хорошія, а не съ *воззрѣніемъ на сей предметъ христіанства*. Развѣ не проходитъ по всему Евангелію одна мысль, что для ученика Христова единственнымъ сокровищемъ должно быть спасеніе? развѣ неясно изъ Евангелія, что взоръ Господа и сочувствіе останавливались главнымъ образомъ на нищихъ и бѣдныхъ, которые были *ближе къ Его царствію*, нежели богатые собственники? развѣ нѣтъ положительныхъ указаній Евангелія, что богатство—тщета для человѣка, что не въ немъ интересъ человѣка? нашъ авторъ *обходитъ* мимо эти положенія; вмѣстѣ съ своимъ руководителемъ Пальмеромъ онъ начинаетъ строить силлогизмъ, что безъ денегъ нельзя человѣку удовлетворять своимъ благороднымъ потребностямъ». Рецензентъ, говоритъ, что все это справедливо съ политико-экономической точки зрѣнія, а «не съ точки зрѣнія христіанскаго нравоученія». «Мы желали бы, продолжаетъ онъ, и въ *этомъ случаѣ* обстоятельнаго раскрытія евангельскаго понятія о богатствѣ и бѣдности, но не *лично* воззрѣнія автора, который вы-

¹⁰⁾ Нашъ рецензентъ уже не въ первый разъ смѣшиваетъ буддизмъ съ браманнизмомъ. Сходство между ними, конечно, есть, но все-таки, говоря о буддизмѣ, лучше не смѣшивать его съ браманнизмомъ. Они *весьма и весьма* различны....

ставляетъ болѣе свои соображенія, нежели *положительное ученіе вѣры*. Нашъ рецензентъ постоянно старается упрекнуть насъ въ томъ, будто мы избѣгаемъ изложенія положительнаго ученія вѣры и проводимъ, вмѣсто христіанскихъ, большей частью свои личныя соображенія. Мы видѣли уже, кто изъ насъ правъ и кто изъ насъ держится строго на церковной и евангельской точкѣ зрѣнія, понимая ее во всей ея широтѣ и жизненности, а не сводя ее въ какую-то неизвѣстную христіанству, проповѣдь о враждѣ ко всему мірскому и земному. Съ самыхъ первыхъ вѣковъ христіанства и до настоящей минуты недруги христіанства стараются увѣрять, будто «оно утверждаетъ абсолютную противоположность между небомъ и землей, матеріею и духомъ, настоящей жизнью и будущей, что оно сосредоточиваетъ «центръ всей тяжести» единственно и исключительно только на интересахъ будущей жизни, проклиная настоящую жизнь, какъ область господства злаго духа», и т. д. ¹¹⁾. Такъ именно высказался въ прошломъ году Гартманъ въ своемъ сочиненіи «о саморазложеніи христіанства и религіи будущаго». Потому-то мы и позволяемъ себѣ говорить съ большей подробностью о статьѣ г. Гренкова, который, *безсознательно для самаго себя*, даетъ оружіе въ руки и нашимъ противникамъ христіанства, повторяющимъ съ чужаго голоса, будто христіанская религія не есть сила, дающая жизнь и стимулъ всѣмъ благороднѣйшимъ и лучшимъ сторонамъ и проявленіямъ человѣческой цивилизаціи и культуры, но что она, напротивъ того, враждебна всему этому. Итакъ, личное ли или христіанское воззрѣніе мы выразили въ своемъ сочиненіи, говоря, что богатство можетъ и *должно* служить пособникомъ духовнаго развитія цѣлаго человечества и отдѣльныхъ народовъ? Нашъ рецензентъ утверждаетъ, будто бы мы игнорировали евангельскій взглядъ на богатство и выдвинули политико-экономическій. Напротивъ, мы именно выразили евангельскій или, точнѣе, церковный взглядъ на богатство. Мы не думали утверждать въ своемъ сочиненіи, будто собственность, богатство могутъ быть для христіанина благомъ сами по себѣ. Мы говорили только то, что богатство, будучи результатомъ общаго подъема христіански развивающа-

¹¹⁾ Генв. кн. „Христіан. чтенія“ за 1875 годъ. Стр. 36.

гося духа человѣческаго, само, въ свою очередь, является пособникомъ этого развитія. Говоря эту простую мысль, мы руководились отнюдь не Пальмеромъ, безъ котораго будто бы мы не умѣемъ дойти до самой очевидной истины, а изученіемъ Новаго Завѣта и отеческихъ твореній, желая передавать не свой взглядъ на этотъ предметъ, а взглядъ церкви, которая непрестанно возноситъ свои молитвы о благораствореніи воздухѣвъ и *изобилии* плодовъ земныхъ, освящаетъ добытое честнымъ человѣческимъ трудомъ и въ полѣ, и въ саду и при самомъ основоположеніи христіанской семьи молить Всевышняго въ слѣдующихъ знаменательныхъ выраженіяхъ: «и даждь имъ (брачующимся) отъ росы небесныя свыше, и отъ тука земнаго, исполни дома ихъ пшеницы, вина и едея и всякія благостыни, да преподають и требующимъ» ¹²⁾. Исторія христіанской нравственной жизни переполнена примѣрами того, какъ богатство, въ лицѣ его благочестивыхъ обладателей, служило средствомъ къ распространенію христіанской вѣры, воспитанію мудрыхъ и многосвѣдущихъ защитниковъ и изъяснителей ея, къ утвержденію колеблющихся въ вѣрѣ въ виду тяжелыхъ преслѣдованій за нее и т. д. Богатство, по ученію всѣхъ отцовъ и учителей церкви, только въ указанномъ нами смыслѣ и должно служить нуждамъ и потребностямъ людей, какъ тѣлеснымъ, такъ въ особенностяхъ духовнымъ, такъ какъ эти послѣднія *выше* первыхъ. «Богатство и всѣ стяжанія ваши употребляйте на такого рода дѣла, на которыя вы и получили ихъ отъ Бога, ибо Господь васъ обогатилъ, чтобы вы исполняли такое служеніе Ему», говоритъ пастырь Ерма ¹³⁾. «Душѣ благочестивой, говоритъ Василій Великій, богатство служить средствомъ дѣлать добро чрезъ любообщительность» ¹⁴⁾. Рецензентъ утверждаетъ, будто мы произвольно говоримъ, что въ указанномъ нами смыслѣ «богатство—вещь очень хорошая.» Но развѣ то, что служить для насъ средствомъ послужить нашимъ ближнимъ въ ихъ духовныхъ и тѣлесныхъ нуждахъ, можетъ быть названо чѣмъ-либо нехорошимъ? Истинно христіан-

¹²⁾ Требникъ. Послѣдов. вѣнчанія. Стр. 49. Издан. 1867 г.

¹³⁾ Писанія мужей апостольскихъ въ переводѣ свящ. П. А. Преображенскаго. 1862. Москва. Стр. 282.

¹⁴⁾ Творенія Василія Великаго 2-й т. Стр. 108.

ская точка зрѣнія всего дальше стоитъ отъ іезуитской морали, по которой лишь бы цѣль была хороша, а о качествѣ средствъ нечего думать. А если такъ, то имѣемъ ли мы какое нибудь основаніе утверждать, что то, чѣмъ мы можемъ послужить на землѣ распространенію и утвержденію царствія Божія, не есть для насъ благо?» Не то я говорю, чтобы имѣть богатство было грѣхъ. но грѣхъ — не раздѣлять его бѣднымъ и худо пользоваться имъ. Богъ не сотворилъ ничего худаго, *но вся добра злы* (Быт. 1, 31); слѣдовательно и *богатство — добро*, но тогда, когда оно *не бла- даетъ илтыюцими его*, когда оно избавляетъ ближнихъ отъ бѣдности; какъ свѣтъ не былъ бы добромъ, еслибы не прогонялъ мрака; но еще увеличивалъ его, такъ и богатство я не назову богатствомъ, если оно не избавляетъ отъ бѣдности, но ее умножаетъ» ¹⁵⁾. Такъ разсуждаетъ знаменитый отецъ церкви, св. Іоаннъ Златоустъ. Но напрасно было бы думать, будто богатый человѣкъ обязывается раздавать все имѣніе свое и жить въ полной бѣдности. Тогда бы не могло быть и развитія человѣческаго благосостоянія и богатства. Притчи Спасителя о талантахъ и т. д. служатъ прекраснымъ для насъ доказательствомъ той мысли, что христіанинъ въ извѣстныхъ случаяхъ обязывается даже приращать свое богатство съ цѣлію болѣе и болѣе широкаго служенія обществу. Св. Іоаннъ Златоустъ говоритъ богатому слѣдующее: «пользуйся и банями, имѣй попеченіе и о тѣлѣ, ходи и на площадь, имѣй у себя домъ, имѣй и слугъ, употребляй и яства и напитки: изгони *только* отовсюду корыстолюбіе, ибо оно составляетъ грѣхъ, когда выходитъ изъ *надлежащихъ* границъ *законнаго* приобрѣтенія» ¹⁶⁾. Итакъ, наша мысль, что богатство можетъ быть благомъ для человѣка, имѣетъ подъ собою незыблیمыя основанія. Но «развѣ, — спрашиваетъ насъ рецензентъ, — не проходитъ по всему Евангелію одна мысль, что для ученика Христова единственнымъ сокровищемъ должно быть наше спасеніе?» Мы затрудняемся понять, какимъ образомъ наше сочиненіе могло въ рецензентѣ вызвать этотъ вопросъ. Мы отнюдь не говорили, что человѣкъ долженъ заботиться сперва о приобрѣтеніи богатства, а потомъ уже о спасеніи. Напротивъ, мы раз-

¹⁵⁾ Бесѣды Златоуста на 1-е посл. къ Коринтянамъ. Стр. 237.

¹⁶⁾ Бесѣды на послан. къ Ефесеямъ. Стр. 221 и 222.

вивали ту мысль, чтобы человекъ и на самое богатство смотрѣлъ, какъ на средство ко спасенію. Нашъ рецензентъ, употребляетъ такъ часто слово «спасеніе», не соединяетъ, однакожъ, съ нимъ какого-либо яснаго представленія. Иначе онъ никакъ не могъ бы сдѣлать намъ этого замѣчанія, въ вопросительной формѣ выраженного. Съ другой стороны, мы никогда не могли допустить и той странной мысли, что самый фактъ бѣдности можетъ условливать собою наше спасеніе. Мы слишкомъ ясно поставили въ сочиненіи нашу мысль, что какъ богатство, такъ и бѣдность, взятыя *сами по себѣ*, независимо отъ личнаго, субъективнаго нашего отношенія къ нимъ, безразличны для полученія спасенія. Но и въ этомъ случаѣ въ пользу нашей мысли говорятъ уважаемые церковію авторитеты, которые игнорируются отнюдь не нами. Богатство и роскошь, бѣдность и нужда и *всѣ несоотвѣтствія жизни*, говоритъ св. Григорій Нисскій, *людямъ неопытнымъ*, которые измѣряютъ предметы чувствомъ удовольствія, представляются имѣющими *великое различіе* но для человека, съ умомъ возвышеннымъ, все представляется *совершенно равнымъ* и *ничто* не предпочтительнѣе другаго, потому что цѣль жизни одинаково достигается при *противоположныхъ* состояніяхъ, и *каждый* изъ удѣловъ жизни имѣетъ *одинаковую* силу и къ *добродѣтельной* и къ *порочной* жизни: оружіи десными и шунни, славою и безчестіемъ, какъ говоритъ апостоль (2 Кор. 6, 7—8)¹⁷⁾. Но нашъ ученый рецензентъ такъ не думаетъ.

¹⁷⁾ «Творенія св. отцовъ. 2-я книга за 1866 годъ Стр. 311. Мы просимъ нашего рецензента обратить вниманіе на эти слова св. отца и поразмыслить, имѣлъ ли онъ хоть малѣйшее основаніе къ тому, чтобы назвать невѣрной и утрированной ту нашу мысль, что въ христіанствѣ аскетизмъ самъ по себѣ отнюдь не можетъ и не долженъ считаться высшей формой нравственной жизни сравнительно съ другими всѣми. Кроме того, считаемъ необходимымъ обратить его вниманіе на статью о. архимандрита Сильвестра въ январ. и февр. книжкахъ „Трудовъ кievской дух. академіи“ за текущій годъ, озаглавливающуюся: „Отвѣтъ православнаго на схему старокаатоликовъ о добрыхъ дѣлахъ.“ До сихъ поръ въ нашей духовной литературѣ мы были одиноки съ нашимъ мнѣніемъ объ отношеніи евангельскихъ совѣтовъ къ положительнымъ требованіямъ Евангелія (см. ноябр. кн. „Христ. Чтенія“ за 1873 г.). Но, къ нашему удовольствію, именно то, что мы высказывали въ 1873 году въ указанной статьѣ и что говорится въ нашей диссертациі, развивается только

Онъ спрашиваетъ насъ: «развѣ не ясно изъ Евангелія, что взоръ Господа и сочувствіе останавливались главнымъ образомъ на нищихъ и бѣдныхъ, которые были *ближе* къ Его царствію, нежели богатые собственники? Что Господь останавливалъ Свой взоръ главнымъ образомъ на нищихъ и бѣдныхъ, это весьма естественно уже потому, что Христосъ былъ и хотѣлъ быть образцомъ или примѣромъ сочувственнаго отношенія къ нищимъ и бѣднымъ для богачей всѣхъ мѣстъ и временъ, не говоря о томъ, что сочувствіе горькой нищетѣ и бѣдности вызывается само собою даже и въ насъ скорѣе, чѣмъ къ тѣмъ, чье положеніе совершенно другое. Но чтобы видѣть въ этомъ какую-либо тенденцію и говорить, будто бы, по взгляду Христа, бѣдные, какъ бѣдные, *ближе* къ царствію Божію, для этого нужно имѣть *твердыя* основанія, тѣмъ болѣе, что такой взглядъ Христу стараются навязать многіе противники христіанства и въ числѣ ихъ коммунисты. Наши несчастные Долгушины, вслѣдъ за своими западными учителями, намѣренно искажающими христіанскія воззрѣнія въ своихъ листкахъ, предназначавшихся для народа, проводили, — какъ это видно изъ отпечатаннаго отчета о судебномъ процессѣ по дѣлу ихъ, — также ту мысль, между прочимъ, будто Христосъ предпочиталъ бѣдныхъ за самую ихъ бѣдность богатымъ и считалъ первыхъ стоящими ближе къ самому царствію Своему. Очевидно, нашъ рецензентъ, какъ и въ другихъ случаяхъ, не далъ себѣ труда выяснитъ сущность христіанскаго взгляда на бѣдность и богатство. *Иначе онъ никакъ не могъ бы высказать такой неправильной мысли.* Несомнѣнно, мы можемъ указать и въ Св. Писаніи, и въ отеческихъ твореніяхъ такія мысли, которыя, *повидимому*, могутъ благопріятствовать разсматриваемому нами мнѣнію казанскаго профессора, но нужно брать ихъ, какъ и всегда въ связи съ другими многими мѣстами иного характера и

обширнѣе въ статьѣ о. архимандрита, съ которой мы познакомились, уже приготовивъ отвѣтъ г. Гренкову. Тѣ мысли, которыя высказываетъ о. архимандритъ, прежде чѣмъ онъ перешелъ къ изложенію толкованія отцовъ и Учителей церкви на 16—26 стихъ 19-й главы отъ Маттея, будучи *последовательно* примѣнены къ воззрѣніямъ *нѣкоторыхъ* отцовъ и учителей церкви на аскетизмъ, устраняютъ съ необходимостью многія доселѣшнія странныя воззрѣнія, раздѣляемыя между прочимъ и г. Гренковичъ...

на основаніи уже этого сравнительнаго изученія опредѣлять сущность христіанскаго взгляда на богатыхъ и бѣдныхъ. Мы многія обвиненія, направленные противъ насъ нашимъ рецензентомъ, объясняемъ, кромѣ другихъ причинъ, именно недостаточнымъ *самостоятельнымъ* изученіемъ Св. Писанія и христіанской церковной письменности, равно какъ недостаточностью выясненія для себя существа христіанской нравственности. Нашъ рецензентъ, между тѣмъ, дѣлаетъ намъ этого рода упрекъ, основываясь на томъ, что мы въ своемъ сочиненіи не громоздимъ цитатъ на цитатѣ... Но какимъ же образомъ и почему именно бѣдный, какъ бѣдный, долженъ быть ближе къ царствію Божію? А если бѣдный является ропщущимъ на Бога и на свое положеніе, не терпѣливымъ, постоянно выставляющимъ на показъ свою бѣдность, завистливымъ, зложелательнымъ, лживымъ, обманывающимъ, ворующимъ, тунеядствующимъ и т. д.? Потому-то, св. Григорій Нисскій и говоритъ, что «ни низкое происхожденіе, ни благородство рода, ни слава, ни знатность, ни подвиги предковъ, ни надменность настоящимъ, ни власть надъ другими, ни подчиненіе власти другихъ, ни богатство и роскошь, ни бѣдность и нужда», ни другія *всѣ несоответствія* жпзни, при вопросѣ о близости или неблизости всѣхъ этихъ и другихъ состояній къ царствію Божію, должны считаться *«совершенно равными»* ¹⁸⁾. Эту же мысль высказываютъ мужи апостольскіе и дальнѣйшіе отцы и учителя церкви, выражая ее лишь не въ одинаковой формѣ и не съ одинаковой послѣдовательностью. Но нашъ рецензентъ не ограничивается личными соображеніями относительно невѣрности нашей мысли о томъ, что богатство само по себѣ отнюдь не осуждается въ св. Писаніи и что оно можетъ быть даже благомъ для христіанина. Онъ хочетъ доказать намъ словами Спасителя, что богатство во всѣхъ случаяхъ для христіанина—вещь, ничего нестоющая, и что *нравственная* точка зрѣнія въ Евангеліи не такова, какъ у насъ, смотрѣвшихъ на дѣло съ точки зрѣнія экономиста. Мы рады были встрѣтить въ рецензіи г. Гренкова не голословныя осужденія нашего взгляда, и ожидали, естественно, встрѣтить такой аргументъ, который дѣйствительно говоритъ *что-либо* противъ насъ. Но, къ нашему изумленію, авторъ

¹⁸⁾ Ibid.

приводить то самое мѣсто изъ Новаго Завѣта, которое и мы, вмѣстѣ съ другими мѣстами имѣли въ виду, выясняя себѣ христіанскій взглядъ на богатство. «Берегитесь любостяжанія, ибо жизнь человѣка не зависитъ отъ изобилія его имѣнія (Лук. 12, 13—15)— вотъ слова Евангелія», радостно восклицаетъ нашъ рецензентъ, надѣясь этимъ мѣстомъ въ конецъ сокрушить нашъ якобы «политико-экономическій взглядъ» на богатство. Но читатель самъ ясно видитъ, что здѣсь Спаситель осуждаетъ *любовь* къ стяжанію или *корыстолюбіе* и имѣеть въ виду такихъ богачей, которые до такой степени увлекаются своимъ богатствомъ, что воображаютъ, будто самый вопросъ о продолжительной жизни или смерти зависитъ отъ рѣшенія вопроса о томъ, много у человѣка имѣнія или мало? Безумство крайнее, до котораго только можетъ доходить человѣкъ, живущій единственно мыслью о золотѣ и забывшій все остальное! Гдѣ же,—спросимъ мы казанскаго профессора,— въ этихъ словахъ Христа отрицаніе нашего взгляда на богатство, по которому оно само по себѣ безразлично, но можетъ быть и благомъ для человѣка, смотря по его отношенію къ своему имуществу и по употребленію его? Не высказывается ли и у насъ тотъ же нравственный взглядъ на богатство, какъ и въ словахъ Спасителя. Вотъ еслибы мы говорили, что центромъ тяжести всѣхъ интересовъ и стремленій человѣка должна служить забота объ увеличеніи своего имущества, притомъ изъза корыстныхъ цѣлей, или что богатство само по себѣ является «условіемъ счастья и отдѣльныхъ лицъ и общества», какъ эту мысль *почему-то* навязываетъ намъ нашъ рецензентъ, тогда слова Христа не подтверждали бы, какъ теперь, выраженный нами взглядъ на богатство, а напротивъ, безусловно осуждали бы его. Что Христосъ осуждалъ въ указанномъ мѣстѣ не богатство само по себѣ, а богачей, утратившихъ все человѣческое, это видно не только изъ приведенныхъ г. Гренковымъ словъ Богочеловѣка, но и изъ притчи Его, на которую также указываетъ нашъ рецензентъ, *не видя въ ней еще сильнѣйшаго опроверженія его собственнаго мнѣнія о богатствѣ*. Притча эта *непосредственно* слѣдуетъ за приведенными словами Христа. Мы считаемъ нужнымъ привести ее буквально, чтобы читатель видѣлъ, какую плохую услугу оказываетъ нашъ рецензентъ самому себѣ, приводя именно эту притчу въ доказательство нехристіанскаго характера нашего

взгляда на богатство. «У одного богатаго человѣка, говоритъ Спаситель, былъ хорошій урожай въ полѣ, и онъ разсуждаетъ самъ съ собою: что мнѣ дѣлать? некуда мнѣ собрать плодовъ моихъ. И сказалъ: вотъ что сдѣлаю — сломаю житницы мои, и построю большія, и соберу туда весь хлѣбъ мой и все доброе мое. И скажу душѣ моей: душа! много добра лежитъ у тебя на многіе годы; покойся, ѣшь, пей, веселись. Но Богъ сказалъ ему: безумный! въ сію ночь душу твою возьмутъ у тебя; кому же достанется то, что ты заготовилъ? Такъ бываетъ съ тѣмъ, кто собираетъ сокровища для себя, а не въ Бога богатѣтъ» (Лук. 12, 16—21). Нужно ли говорить, что ни одному толкователю приведенныхъ мѣстъ изъ Евангелія Луки не приходила мысль, будто Спаситель разумѣлъ въ данномъ случаѣ богатство, а не эпикурейца-богача, который богатѣлъ *лишь для себя*, оставаясь глухъ къ нуждамъ бѣдной братіи, который поставлялъ все счастье свое въ богатствѣ и въ грубыхъ чувственныхъ наслажденіяхъ и не думалъ «богатѣть въ Бога», т. е. «стяжать добродѣтели» смиренія, милосердія къ нищимъ и бѣднымъ и т. д. И такъ. въ приведенныхъ словахъ Христа осуждается имъ корыстолюбіе, злоупотребленіе богатствомъ, страсть къ чувственнымъ наслажденіямъ, узкій эгоизмъ богача, забвеніе Бога въ богатствѣ. «Для Христа лучше честная бѣдность, чѣмъ *неправедное* богатство, лучше грубая и раздранная риза, говоритъ преосв. Антоній, даже скотскія ясли съ соломой, чѣмъ драгоценныя, дышащее игою, расточительностью и тщеславіемъ, наряды, лучше черствый хлѣбъ, вкушаемый съ благодареніемъ и во славу Божію, чѣмъ лакомыя и изысканныя яства, въ угожденіе грѣху и въ пищу похотямъ плотскимъ, лучше печаль и слезы, чѣмъ веселье буйное и необузданное. *Не само по себѣ все это* противно Ему, но поколику превращается въ страсть, поколику уклоняетъ отъ простоты и чистоты нравовъ, поколику развращаетъ и отвращаетъ душу отъ Бога. Съ гуслими бо, и пѣвницами, и тимпаны, и свирѣльми вино піють, говоритъ пророкъ, на дѣла же Господни не взираютьъ и дѣла Его не помышляютъ» (Исход. 5, 12)¹⁹⁾. Въ этихъ словахъ архипастыря нашъ рецензентъ най-

¹⁹⁾ Слова преосвященнаго Антонія архіепископа казанскаго и свіяжскаго. Казань. 1870 г., стр. 21.

детъ новое подтвержденіе того, что онъ глубоко ошибся, вообразивъ, будто Христось, въ приведенномъ имъ мѣстѣ, осуждаетъ богатство и говоритъ, что оно вообще не хорошо само по себѣ. Наконецъ, не самъ ли рецензентъ выше говорилъ, что для христіанства «*безразлично*, надѣнете ли вы русскія рукавицы, пли французскія перчатки на свои руки, будете ли пить декокты» и т. д. Но какимъ же образомъ, въ настоящемъ случаѣ онъ утверждаетъ, будто бы нищіе и бѣдные, не только не имѣющіе возможности носить на своихъ рукахъ французскихъ перчатокъ, но часто не находящіе возможности прикрыть свое тѣло отъ холода и зноя, *ближе* къ царствію Божію чѣмъ тѣ, которые носятъ на себѣ дорогое платье, ѣздятъ въ богатыхъ экипажахъ, держать роскошный столъ и т. п. Мы просили бы и въ этомъ случаѣ ученаго моралиста объяснить намъ это «странное» противорѣчіе въ его словахъ.

«Вопросъ о земныхъ радостяхъ и ученіе о сень христіанства излагаются въ томъ же любимомъ вкусѣ», говоритъ про насъ г. Гренковъ. «Удовольствія, по автору, освѣжаютъ, обновляютъ насъ, слѣдовательно они нужны.» Но эта мысль развѣ не вѣрна? Такъ разсуждали даже великіе подвижники, указаніямъ которыхъ мы всего менѣе могли не слѣдовать. Мы, значитъ, и здѣсь, какъ и прежде, излагаемъ христіанское ученіе вовсе не такъ, какъ намъ лично нравится и кажется лучше. Одинъ изъ величайшихъ строжайшихъ подвижниковъ христіанскихъ, именно великій Антоній, который называется отцомъ иноковъ, по нѣкоторому случаю высказалъ очень простое и очень замѣчательное сужденіе о значеніи умѣренныхъ развлеченій и удовольствій въ жизни христіанина. Однажды кто-то засталъ его за шутивнымъ разговоромъ съ окружающими его иноками. Посѣтителю это не понравилось. Вѣроятно, онъ не могъ иначе представить себѣ знаменитаго подвижника, какъ въ непрерывномъ самоуглубленіи, въ безпрестанныхъ трудахъ, молитвахъ или другихъ самыхъ серьезныхъ занятіяхъ, и при видѣ веселаго, даже нѣсколько шутливаго обращенія строгаго отшельника съ братіей онъ соблазнился и не могъ не обнаружить внутренняго смущенія своего. Опытный подвижникъ, вмѣсто прямаго отвѣта на недоумѣніе посѣтителя, подалъ ему лукъ и приказалъ натягивать его все больше и больше. Когда же тотъ выразилъ опасеніе, что лукъ можетъ

переломиться, то великій подвижникъ сказалъ ему: пойми же, что такъ точно можетъ повредиться отъ напряженія и человѣкъ, какъ скоро онъ захочетъ непрерывно быть въ трудахъ и избѣгать разумныхъ и чистыхъ развлеченій и удовольствій²⁰⁾. Значитъ, мы въ правѣ были сказать, что только суровый и мрачный ригоризмъ можетъ, искренно или не искренно, возставать противъ того, за что даже стоятъ подвижники. Но это далеко не все. Говоря о существующей въ человѣкѣ потребности въ удовольствіяхъ и радостяхъ, мы указывали, что Господь Богъ удовлетворяетъ эту нашу потребность, исполняя веселіемъ сердца наши (Дѣян. 14, 17) и подавая намъ все обильное для наслажденія (1 Тим. 6, 17), и такимъ образомъ признаетъ ее вполне законною, вложенною въ насъ Имъ же самимъ. Почему же рецензентъ обошелъ это и выразился, будто мы произвольно говоримъ, что удовольствія для человѣка нужны? Развѣ ему не извѣстны факты изъ жизни св. подвижниковъ, подобные приведенному нами? Развѣ для него не имѣютъ значенія прямые свидѣтельства Св. Писанія? Кто же изъ насъ слѣдуетъ личному вкусу?... У автора «указывается, продолжаетъ нашъ рецензентъ, что Слово Божіе предоставляетъ человѣку широкую свободу пользоваться всѣми возможными удовольствіями и наслажденіями жизни; изумленные, мы спѣшимъ увидѣть цитату; ея нѣтъ, а цитируется бесѣда Златоуста», въ которой онъ ищущимъ удовольствій совѣтуетъ идти въ садъ и слушать пѣніе кузнечиковъ. Рецензентъ, вопреки намъ не только не идетъ за нами въ нашѣмъ трактатѣ о радостяхъ жизни шагъ за шагомъ, что слѣдовало бы ему сдѣлать въ видѣ его желанія указать наше отступленіе отъ православно-христіанскаго воззрѣнія, но даже не хочетъ передать вѣрно нашу мысль со стороны основаній, приводимыхъ нами въ пользу ея. Рецензентъ говоритъ, будто мы, высказавши, что Слово Божіе предоставляетъ человѣку пользоваться всѣми возможными удовольствіями, требуя отъ него удаленія лишь отъ одного грѣха, не приводитъ ни одной цитаты. Между тѣмъ, наша мысль о томъ, что христіанство позволяетъ человѣку пользо-

²⁰⁾ Очерки нравств. православно-христіанскаго ученія, о. профессора кіевскаго университета прот. Фаворова 1864 г., стр. 97. Ср. съ избр. изреченіями на стр. 37.

ваться удовольствіями, *не рекламентируя ихъ*, является лишь выводомъ изъ только что приведенныхъ въ нашемъ сочиненіи словъ апостола Павла, указывающаго, что христіанская религія не говоритъ человѣку не прикасайся, не дотрогивайся и т. п. (Колос. 2, 11), но внушаетъ ему, чтобы онъ всѣмъ тѣмъ пользовался, за что ему можно благодарить Бога не оскорбляя Его святости (1 Тимое. 4, 4)²¹⁾. Рецензенту и слѣдовало бы обратить вниманіе на тѣ данныя, изъ которыхъ выводится у насъ указанная мысль, и на вѣрность нашего вывода. Но онъ, не обративши вниманія на самую основу нашей мысли, высказываетъ недоумѣніе по поводу нашего вывода. Понятно поэтому, что читатель въ правѣ на этомъ основаніи подумать, что мы дѣйствительно выдаемъ собственныя фантазіи за ученіе христіанское. Но зачѣмъ же вводить въ этотъ обманъ читателя? Рецензентъ согласенъ съ нами, что для христіанина является единственно непозволительнымъ одинъ лишь грѣхъ. Несмотря на это, онъ поставляетъ намъ слѣдующій вопросъ: «но если мы скажемъ, не грѣховно ли ходить въ театръ, танцовать, быть на балахъ?..» «Понятіе удовольствія, продолжаетъ онъ, есть формальное, нужно имѣть дѣло не съ родовымъ понятіемъ, а съ видовымъ фактомъ притомъ нужно представлять *не собственныя измышленія, а ученіе христіанское.*

Заглядываемъ въ исторію, и видимъ, что первенствующіе христіане были противъ увеселеній: къ театру они питали отвращеніе. Тертуліанъ, Климентъ Александрійскій, Теофилъ Антиохійскій, Кипріанъ Карфагенскій пишутъ положительно *velo* противъ театралныхъ и цирковыхъ удовольствій... Неужели все это только риторизмъ?» Мы рѣшительно не постигаемъ, къ чему высказываетъ нашъ рецензентъ эти общезвѣстныя и въ данномъ случаѣ нашего сочиненія не касающіяся вещи? Неужели для того только, чтобы дѣлать далѣе и далѣе неудачіеся и бездоказательные упреки противъ насъ въ нашемъ rea-

²¹⁾ Цитата изъ бесѣды св. Іоанна Златоустаго при печатаніи нашего сочиненія попала не туда, гдѣ слѣдовало ей быть: она приведена нами въ подтвержденіе той мысли, что мѣрило для оцѣнки разныхъ удовольствій находится въ самомъ же христіанинѣ—въ его христіанскомъ настроеніи, поддерживаемомъ и развиваемомъ непрестаннымъ общеніемъ со Христомъ.

лизмъ, въ нашей «лиценціальной точкѣ зрѣнія» на вопросы христіанской ценки и т. под.? Рецензентъ намъ говоритъ, что нужно имѣть дѣло не съ родовымъ понятіемъ, а съ *видовымъ фактомъ*. Не самъ ли рецензентъ упрекалъ о. Халколиванова въ томъ, что онъ имѣлъ дѣло не съ родовымъ понятіемъ, а съ видовыми фактами, излагая обязанности художниковъ, земледѣльцевъ и т. д.? Не онъ ли справедливо осмѣивалъ моральныя системы католическихъ богослововъ: Зайлера, Штатлера и др., исчисляющихъ и опредѣляющихъ «обязанности гражданъ, земледѣльцевъ, учителей и учениковъ, духовныхъ и мірянъ, писателей, художниковъ, ученыхъ, чиновниковъ, королей, солдатъ, женщинъ, дѣвицъ, старцевъ, юношей, беременныхъ и роженицъ et tutti quanti»²²⁾? Не онъ ли, вслѣдъ за внушеніями о. Халколиванову о ненаучности указаннаго пріема, восклицалъ: «грустно и больно становится за участь нравственнаго богословія», негодуя на манеру схоластическихъ моралистовъ имѣть дѣло «съ видовыми фактами»?²³⁾. Но этого мало. Нашъ рецензентъ осуждалъ нѣкоторыхъ протестантскихъ моралистовъ за то, что они «съ важностью разсуждаютъ о томъ, христіанственно ли нѣтъ ходить въ театръ, читать романы, танцовать и проч.»²⁴⁾. Неужели научный вкусъ нашего «почтеннаго» рецензента такъ измѣнился въ теченіе времени отъ его рецензій на учебникъ о. Халколиванова и до рецензій на наше сочиненіе? Странно! Наконецъ, въ разбираемой же нами рецензій г. Гренкова высказано слѣдующее замѣчаніе: «мы не говоримъ, что прослушать оперу, провести время на концертѣ, воспользоваться гостепримствомъ добраго знакомаго — грѣхъ; эти явленія стоятъ сами по себѣ внѣ сферы нравственнаго, отстаивать нравственное достоинство ихъ невозможно, равно какъ невозможно доказывать и ихъ грѣховность.» Но какимъ же образомъ можно въ этомъ случаѣ требовать отъ насъ, чтобы мы даже въ монографіи, каково наше сочиненіе, занялись обсужденіемъ такихъ явленій, которыя сами по себѣ ни нравственны, ни безнравственны? Рецензентъ намъ указываетъ, что нельзя такимъ явленіемъ считать театръ, такъ какъ противъ него вы-

²²⁾ См. въ январ. кн. „Правосл. Собесѣдника“ за 1873 г. Стр. 146—149.

²³⁾ Ibid. Стр. 149.

²⁴⁾ См. стр. 85 въ сент. кн. „Правосл. Собесѣдника“ за 1872 годъ.

сказывались отцы и учителя церкви. Но мы замѣтимъ, что противъ театра еще болѣе вооружались нѣкоторые изъ языческихъ писателей. Таковъ напр. былъ философъ Платонъ, Тертуллианъ, на котораго, между прочимъ, ссылается г. Гренковъ, нѣкоторые изъ своихъ доводовъ противъ зрѣлищъ прямо заимствовалъ у Овидія и другихъ языческихъ писателей. Совершенно понятно, почему какъ лучшіе языческіе писатели, такъ и христіанскіе, такъ сильно и безпощадно возставали противъ театра: театръ *былъ* разсадникомъ и распространителемъ всего грязнаго и дурнаго, а общество неудержимо влеклось къ нему. И изъ христіанскихъ писателей позднѣйшаго времени не одни только представители церковной іерархіи, какъ напр. на западѣ Боссюэтъ, но и либеральнѣйшіе мыслители-міряне, какъ напр. Руссо, горячегоратовали противъ театра. Но во всѣхъ этихъ случаяхъ театръ мыслился какъ извѣстное, опредѣленное нѣчто, существующее на глазахъ его судей и вызывающее ихъ энергичный протестъ. Такой протестъ противъ нѣкоторыхъ современныхъ зрѣлищъ, растлѣвающихъ посѣтителей ихъ, раздается по временамъ и нынѣ, выходя не отъ церкви только, но и изъ среды самаго же общества мірянъ. Почему же нашъ рецензентъ предполагаетъ, что мы не были бы во всѣхъ этихъ случаяхъ на сторонѣ протестующихъ? Еще менѣе понятно для насъ слѣдующее замѣчаніе рецензента: «когда протестантскій піетизмъ, въ противоположность фривольнымъ нравамъ французскаго двора эпохи Людовиковъ хотѣлъ поворотить нравственное сознаніе къ строгости и пурризму первенствующихъ христіанъ и сказалъ, что христіанину не совсѣмъ прилично *увлекаться вихремъ* житейскихъ сластей, не всегда безопасныхъ для его нравственности,—уже ли это глупость и пурризмъ? Едва ли можетъ это сказать христіанскій моралистъ.» Развѣ наша мысль, что христіанинъ всѣмъ тѣмъ можетъ пользоваться, за что ему можно благодарить Бога, *не оскорбляя* Его святости, давала рецензенту *какой бы то ни было* поводъ предполагать, что съ нашей точки зрѣнія нужно было бы отстаивать «фривольные нравы» *всякихъ* эпохъ и *увлеченіе* вихремъ житейскихъ сластей? Напротивъ, съ нашей точки зрѣнія было бы нелогично и несправедливо согласиться съ мнѣніемъ нашего рецензента, будто для всѣхъ людей и во всякое время не составляетъ никакого дурнаго-нравственнаго акта прослушать

оперу, провести время на концертѣ. Мало того, съ нашей точки зрѣнія нельзя ограничиваться порицаніемъ только дурно поставленныхъ театровъ, но нужно иногда бываетъ энергично протестовать и противъ извѣстнаго рода оперъ, концертовъ и т. д. Если, по слову апостола, для чистаго все чисто (Посл. къ Титу 1. 15), то, съ другой стороны, извѣстные предметы для «нравственныхъ младенцевъ» могутъ быть крайне вредны и потому они должны быть устраняемы.... Но это—уже такая область, съ которою, какъ духовно-педагогическою, или аскетическою, въ своемъ сочиненіи, по его задачѣ, мы *никакъ не должны* были имѣть дѣла. Итакъ, въ нашемъ изслѣдованіи мы должны были явиться не публицистомъ, карающимъ какое-либо опредѣленное дурное жизненное явленіе или учрежденіе, но устанавливающими христіанскій взглядъ относительно вообще, можетъ ли христіанинъ вообще дозволять себѣ удовольствія и пользоваться радостями жизни? Перечислять всю необъятную массу удовольствій, какія только въ состояніи испытывать человѣкъ, и опредѣлять ихъ достоинство мы и не могли, и не должны были. Почему же притомъ рецензентъ изъ всей необъятной массы предметовъ, доставляющихъ человѣку удовольствіе, наслажденіе, указываетъ намъ именно на театръ? Даже съ его точки зрѣнія, по которой мы должны были говорить, будто бы, и о видевыхъ фактахъ, всего рациональнѣе было бы отъ насъ требовать установленія точки зрѣнія на вопросъ: позволительно ли для христіанина искать наслажденій въ занятіяхъ наукою, напримѣръ, или въ изящномъ вообще, поскольку оно отражается въ природѣ и въ художественной производительности человѣка? Понятно, о театрѣ есть, по мнѣнію всѣхъ, частное понятіе даже по отношенію къ понятію о «зрѣлищахъ вообще», а тѣмъ болѣе по отношенію къ понятію объ изящномъ вообще. Такъ какъ нашъ рецензентъ постоянно силится указать рѣзкую противоположность между *всѣми* земными стремленіями и влеченіями человѣческой природы и мысли «о спасеніи», то мы готовы разъяснить, почему именно мы не видимъ никакой противоположности между стремленіемъ нашимъ къ научному званію и къ наслажденію изящнымъ и стремленіемъ ко спасенію. Что касается до занятій человѣка наукою, служащихъ для него источникомъ благороднѣйшихъ наслажденій, то относительно этого предмета мы можемъ только

повторить слѣдующія замѣчательныя слова св. Григорія Бого-слова: «подлинно, что всякій, имѣющій умъ, признаетъ *первымъ* для насъ *благомъ* ученость, и не только сію благороднѣйшую и нашу ученость, которая, презирая всѣ украшенія и плодovitость рѣчи, емлется за единое спасеніе и за красоту умосозерцаемую, но и ученость *внѣшнюю*, которою многіе изъ христіанъ, по худому разумѣнію, гнушаются какъ злохудожною, опасною и удаляющею отъ Бога... Напротивъ того, надобно признать глупыми и невѣждами тѣхъ, которые, держась такого мнѣнія, желали бы всѣхъ видѣть подобными себѣ, чтобы въ общемъ недостаткѣ скрыть свой собственный недостатокъ и избѣжать обличенія въ невѣжество» ²⁵⁾. Что же касается до наслажденія изящнымъ въ природѣ, то въ этомъ отношеніи на сторонѣ ихъ все Св. Писаніе и примѣры изъ жизни Спасителя, святыхъ подвижниковъ и т. д. «Какъ Ты возвеселилъ меня, Господи, въ твореніи Твоемъ» и какъ восхищаюсь я дѣлами руки Твоей!» восклицаетъ св. псалмопѣвецъ (Псал. 91). Господь нашъ Іисусъ Христосъ любилъ обращаться по преимуществу къ природѣ, уча на поляхъ, красовавшихся жатвою, при морѣ съ живописными видами, любилъ удаляться для молитвы на холмы и горы и т. д. Всѣ рѣчи Христа служатъ убѣдительнѣйшимъ доказательствомъ Его любви къ природѣ. Самые подвижники любили избирать для своей подвижнической жизни такія мѣста, которыя отличались особенною красотою. Это фактъ весьма важный... Вотъ напр. съ какимъ восхищеніемъ описываетъ Василій Великій своему другу св. Григорію прелести той пустыни, въ которой онъ молился. «Богъ открылъ мнѣ жилище по сердцу, пишетъ онъ, мнѣ дано видѣть въ дѣйствительности то, о чемъ мы нѣкогда съ тобой *мечтали*. Здѣсь высокая гора, покрытая густымъ лѣсомъ, орошенная съ сѣверной стороны свѣтлыми, прохладными потоками. У подошвы горы лежитъ пространная долина, изобильная ручьями и окруженная лѣсомъ со всѣхъ сторонъ. Два глубокія оврага раздѣляютъ ее на двѣ части: отъ одного края низвергается водопадъ рѣчки, съ другой—непроходимая гора заграждаетъ путь» ²⁶⁾. Но если христіанинъ не можетъ не искать удовлетворенія своему

²⁵⁾ 4-й томъ. Стр. 63 и 64.

²⁶⁾ Житія святыхъ подъ 1-е января.

эстетическому чувству въ природѣ и если самые св. подвижники искали себѣ «жилища по сердцу», исполненнаго прекрасныхъ картинъ природы, то не очевидно ли, что христіанство отнюдь не противъ и всего того, чѣмъ изъ достойныхъ произведеній человѣческаго искусства христіанинъ обставилъ бы свою жизнь? Нужно не суживать преднамѣренно христіанской точки зрѣнія и изъ неоспоримыхъ данныхъ, представляемыхъ Св. Писаніемъ и жизнью великихъ «нравственныхъ христіанскихъ героевъ», выводить всѣ неизбѣжныя логическія слѣдствія. Пусть только человѣческое искусство во всѣхъ его видахъ будетъ проникнуто христіанскимъ духомъ, представляя гармоническое живое сочетаніе прекраснаго съ истиннымъ и добрымъ, тогда оно будетъ производить на *нравственную* жизнь чело­вѣка далеко не менѣе благотворное вліяніе, чѣмъ и природа. Мы имѣли бы право сказать больше о благотворномъ вліяніи на нравственную жизнь чело­вѣка его собственныхъ творческихъ произведеній. Но какъ скоро произведенія человѣческаго творчества способны нарушать или уменьшать нашъ внутренній миръ, возбуждаютъ страсти, приучаютъ къ разсѣянности, а не къ самоуглубленію, и т. д., тогда они, не будучи *истинно*-прекрасными произведеніями, должны утратить въ глазахъ христіанина всякій смыслъ. Пользованіе предметами, создаваемыми художественнымъ геніемъ, защищалъ энергично тотъ же св. Григорій Богословъ противъ Юліана, глумившагося надъ христіанами и утверждавшаго, что для нихъ произведенія художественныя, при ихъ единственномъ помышленіи о вѣчномъ спасеніи, совершенно излишни. «Наше разсужденіе таково: и языкъ, и *всякое* искусство, или полезное учрежденіе, *какое бы ты себѣ ни представилъ*, принадлежатъ не однимъ изобрѣтателямъ, а всѣмъ ими пользующимся, и какъ въ искусной музыкальной гармоніи одна струна издаетъ тотъ звукъ, другая—другой, высокій или низкій, но все устроится однимъ искуснымъ начальникомъ хора и составляетъ одну прекрасную гармонію: такъ и здѣсь высочайшій Зидитель и Художникъ—Слово, хотя избралъ различныхъ изобрѣтателей различныхъ полезныхъ учреждений и искусствъ, но все предложилъ всѣмъ, кто хочетъ, *дабы соединить насъ узами взаимнаго общенія* и чело­вѣколюбія и *украсить жизнь нашу кротостью*» ²⁷⁾. Не будемъ

²⁷⁾ Томъ 1-й твореній св. Григорія Богослова. Стр. 161.

позабывать, что здѣсь, какъ и въ предыдущихъ словахъ великаго отца церкви, идетъ рѣчь объ искусствѣ и наукѣ, развившихся на языческой почвѣ и отразившихъ на себѣ ея особенности. *По всему этому* мы не находимъ ничего противохристіанскаго въ одномъ словѣ одного изъ нашихъ пастырей церкви, который говорилъ и о драматическомъ искусствѣ, что оно есть «жизненное искусство, которое, по высокому своему назначенію, по крайней мѣрѣ съ нашей христіанской точки зрѣнія, должно служить челоуѣчеству на пути истиннаго прогресса и образованности къ возвышенію его мыслей, къ облагороженію чувствъ, къ улучшенію нравовъ» ²⁸⁾ и т. д. Напротивъ, мы, на основаніи всего вышесказаннаго, должны замѣтить и нашему рецензенту, что едва ли и онъ даже можетъ сказать въ этомъ случаѣ что-либо другое. Если даже съ точки зрѣнія «Домашней Бесѣды» къ *невиннымъ* удовольствіямъ, позволеннымъ христіанину, относятся... умѣренное употребленіе веселящихъ напитковъ, пѣніе, музыка, скромныя благодѣянія игры, чинныя пиршества, даже не денежная игра въ карты и т. п.» ²⁹⁾, то всего меньше можно вооружаться противъ драматическаго искусства, какъ скоро оно имѣетъ въ виду не ту цѣль, чтобы забавлять челоуѣка, но стремится къ тому, чтобы облагораживать его и дѣлать нравственнѣе. Церковь не можетъ возставать противъ всего того, что можетъ и должно помогать ей въ дѣлѣ нравственнаго воспитанія народовъ и отдѣльныхъ лицъ... Отцы церкви далеко не преувеличивали дѣла, когда называли Платона, греческаго языческаго философа, пророкомъ язычниковъ, языческимъ Моисеемъ и т. д. Августинъ же признавался, что платоновы сочиненія воспламенили въ немъ огонь невѣрія въ язычество. Тѣмъ болѣе въ жизни христіанскихъ обществъ даже то, что *повидимому*, не удовлетворяетъ узко-понятымъ христіанскимъ требованіямъ, можетъ быть въ сущности хорошимъ и дѣйствовать на людей воспитывающимъ образомъ. Противъ этого не станетъ говорить даже и нашъ рецензентъ, который въ противорѣчіе многимъ своимъ мнѣніямъ, осуждаетъ нѣкоторыхъ протестантскихъ моралистовъ за то, что они рѣшаются провести грань и поставить веху, гдѣ

²⁸⁾ Въ апр. кн. „Бесѣды“ за 1872 г. на 284 стр., издававшейся въ Москвѣ.

²⁹⁾ „Домашняя Бесѣда“ за 1871 г. Стр. 403 и 459.

кончается міръ освященія и дѣятельности искупленнаго человѣка и начинается міръ грѣха и растлѣнія образа Божія... Но опять-таки у насъ рѣчь идетъ о христіанскомъ искусствѣ въ его идеальномъ значеніи. Злоупотребленіе же возможно всѣмъ въ мірѣ, не исключая и самой религіи... Но «когда вы будете стоять на объективныхъ указаніяхъ нашей религіи, поучаетъ рецензентъ, то предъ вами будетъ носиться ея небесный идеаль сь проповѣдью о вѣчномъ спасеніи; съ высоты этого идеала вамъ, естественно, покажутся мизерными эти земныя учрежденія, которыя съ точки зрѣнія христіанской, только терпимы; какъ дѣтскія игрушки, они забавляютъ только нравственныхъ младенцевъ.» Но развѣ мы стояли на субъективныхъ какихъ-либо основаніяхъ, когда говорили о потребности для человѣка въ радостяхъ жизни и удовольствіяхъ? Мы основывались, по мимо другихъ указаній Св. Писанія, и на слѣдующихъ словахъ ап. Павла: «никто да не осуждаетъ васъ за пищу или питіе, или за какойнибудь праздникъ, или новомѣсячіе, или субботу: *это есть тѣнь будущаго...* Никто да не обольщаетъ васъ самовольнымъ смиренномудріемъ и служеніемъ ангеловъ. Для чего вы, какъ живущіе въ мірѣ, держитесь постановленій: не прикасайся, не вкушай, не дотрогивайся... Это имѣетъ только *видъ мудрости* въ самовольномъ служеніи, смиренномудріи и пзуренія тѣла, въ нѣкоторомъ небреженіи о насыщеніи плоти» (Колос. 2, 16—23). Почему же, далѣе, мысль о вѣчномъ спасеніи не помѣшала св. Григорію Богослову доказывать, что для христіанства необходимы и наука, и искусство даже въ языческой ихъ формѣ? Почему же Антоній Великій, котораго, особенно сравнительно съ нами, никакъ нельзя назвать «нравственнымъ младенцемъ», защищалъ потребность для человѣка въ невинныхъ и благородныхъ развлеченіяхъ? Почему въ уставахъ строгихъ подвижниковъ христіанскихъ для праздничныхъ дней полагается болѣе обильная и вкусная трапеза, и это называется *утѣшеніемъ*, иногда *великимъ*, смотря по величію праздниковъ? Между тѣмъ, у насъ шла рѣчь о такихъ между прочимъ удовольствіяхъ, которыя помимо своего specialнаго дѣйствія, должны въ тоже время служить непременно къ подъему и развитію нравственнаго характера человѣка. Съ другой стороны, почему же не смотрѣть на настоящія наши радости жизни, разумѣется, чистыя,

какъ на предъизображеніе будущаго загробнаго блаженства? А поскольку они таковы, они не могутъ и не должны такъ-сказать вычеркиваться разнымъ «самовольнымъ смиренному-дріемъ» изъ жизни человѣческой, хотя бы это была жизнь и «нравственныхъ старцевъ.» Только эксцентричные греческіе философы въ родѣ Антисеена могли сказать, что «они лучше согласятся взбѣситься, чѣмъ почувствовать удовольствіе», забывъ, что отъ испытанія удовольствія ни добрый, ни злой и *никакой* вообще человѣкъ не можетъ, при всемъ своемъ желаніи, отдѣлаться, такъ какъ оно не въ нашей волѣ. «Всякое дѣло, говоритъ одинъ апостольскій мужъ, есть удовольствіе человѣку, если онъ дѣлаетъ его съ пріятностью. Ибо и гнѣвливыи, исполняя свое дѣло, получаетъ удовольствіе: и прелюбодѣи, и пьяница, и клеветникъ, и лжець, и любостыжательный человѣкъ, и хищникъ, и всякій дѣлающій что-либо подобное, удовлетворяетъ своей страсти и наслаждается своимъ дѣломъ... Но есть также удовольствія, спасительныя для людей: многіе, совершая добрыя дѣла, получаютъ удовольствіе, находя въ нихъ для себя сладость ³⁰⁾. Значитъ, весь вопросъ сводится лишь къ тому, какія радости и удовольствія жизни не только не удаляютъ насъ отъ вѣчнаго спасенія, но и предъизображаютъ въ извѣстной степени наше будущее состояніе, исполненное всѣхъ, теперь невообразимыхъ для насъ радостей, и *подготавливаютъ* въ насъ *восприимчивость* къ будущимъ загробнымъ безконечно-чистымъ радостямъ и наслажденіямъ? Но на этотъ вопросъ мы и отвѣтили, какъ умѣли, сказавъ, что человѣкъ можетъ въ настоящей жизни *всѣмъ* тѣмъ наслаждаться, за что онъ можетъ благодарить Бога, *не оскорбляя* Его святости. Другаго отвѣта мы не могли дать въ нашемъ сочиненіи, которое не имѣло предметомъ своимъ анализа разныхъ удовольствій съ нравственной точки зрѣнія, — удовольствій, въ разнообразіи которыхъ можетъ потеряться мысль человѣческая. Рецензентъ говоритъ, что нельзя «взвѣсить, смѣрить и опредѣлить удѣльный вѣсъ» христіанскаго нравственнаго идеала. Но еслибы мы вздумали взвѣшивать, смѣривать и опредѣлять удѣльный вѣсъ разнообразныхъ удовольствій и радостей жизни, то не

³⁰⁾ Писанія мужей апостольскихъ въ переводѣ свящ. П. А. Преображенскаго. Стр. 300.

должны ли бы мы были впасть въ самую вопіющую казуистику и превратить христіанское нравоученіе въ самый сложный законодательный кодексъ? Да и могли ли бы мы сказать относительно самыхъ даже благородныхъ удовольствій *опредѣленнаго* характера, что это—удовольствія пригодныя вообще христіанину? Тогда нашъ рецензентъ имѣлъ бы полное основаніе замѣтить намъ, что и благороднѣйшія удовольствія *не всегда и не всякому христіанину* позволительны и полезны... Намъ оставалось бы только преклониться предъ такимъ справедливымъ замѣчаніемъ. Хотя мы здѣсь, по вызову рецензента, и высказывались въ пользу нѣкоторыхъ опредѣленныхъ удовольствій, однакожъ и тутъ мы имѣли въ виду общій типъ ихъ и общее христіанское отношеніе къ нимъ человѣка. И наслажденіе, почерпаемое изъ созерцанія природы и изъ міра науки и искусства, можетъ быть въ частныхъ случаяхъ зломъ, отъ котораго, какъ скоро оно можетъ примѣшаться къ самымъ благороднѣйшимъ наслажденіямъ, долженъ бѣжать христіанинъ. Итакъ, мы на основаніи всего выше-сказаннаго, не можемъ согласиться съ нашимъ рецензентомъ, будто удовольствія, съ христіанской точки зрѣнія, суть «дѣтскія игрушки», которыя забавляютъ нравственныхъ младенцевъ»: удовольствія и радости жизни, какъ скоро они исторгаютъ изъ нашей груди, подобно псалмопѣвцу, славословіе Виновику всѣхъ благъ и вызываютъ въ насъ чувство живѣйшей благодарности къ Святѣйшему изъ святыхъ, въ тоже время возвышая и освѣжая нашъ духъ, являются далеко уже не «дѣтской забавой духовныхъ младенцевъ...» Нашъ рецензентъ боится признать за удовольствіями такое ихъ значеніе на томъ основаніи, что съ званіемъ христіанина не совмѣстимо любить удовольствія, ибо это значило бы любить міръ, а любовь къ міру есть вражда на Бога. Но рецензентъ позабылъ сказанное нами относительно этого пункта. Для христіанина «все позволительно, лишь бы то, чѣмъ онъ пользуется и наслаждается, не привязывало его къ себѣ и не поработало, но возвышало его нравственное состояніе и служило непосредственнымъ выраженіемъ той христіанской свободы, которая все имѣетъ въ своемъ распоряженіи, но сама ничѣмъ не подавляется» (1 Кор. 6, 12), говорится въ нашемъ изслѣдованіи. Мы говоримъ, наконецъ, и о томъ, чтобы христіанинъ умѣлъ примиряться не только съ отсутствіемъ извѣстныхъ

удовольствій, но мужественно переносилъ всякія невзгоды и удары жизни. Тогда только и можетъ быть рѣчь о томъ, что христіанинъ, испытывая различныя достойныя его радости здѣсь на землѣ, можетъ какъ бы воспитывать въ себѣ воспримчивость къ загробнымъ неизреченнымъ радостямъ, когда онъ умѣетъ, съ одной стороны, такъ наслаждаться въ своей земной жизни, что процессъ его наслажденій служитъ къ прославленію имени Божія (1 Кор. 10, 31), а съ другой — умѣетъ, въ случаѣ нужды, вполне отказываться отъ извѣстныхъ удовольствій. Но если человѣку предоставлено Провидѣніемъ пользоваться и наслаждаться всѣмъ, что есть въ мірѣ, и не указывается, до чего онъ не долженъ касаться, за исключеніемъ одного грѣха, который не есть какая нибудь опредѣленная вещь, то чѣмъ же долженъ христіанинъ руководиться, отказываясь отъ однихъ удовольствій и позволять себѣ другія? Христіанскимъ настроеніемъ, поддерживаемымъ и развиваемымъ непрестаннымъ общеніемъ со Христомъ, какъ у насъ сказано въ сочиненіи. Рецензентъ нашъ соглашается съ нами, исходя изъ той своей мысли, что «чувство не любитъ стѣснительныхъ указаній — дѣлай такъ, а не эдакъ» и что «оно само движетъ волю въ извѣстную сторону, къ извѣстнымъ объектамъ дѣятельности.» Но когда, говоритъ онъ, указанъ такой священный критерій, то для христіанина удовольствія и радости жизни теряютъ всякое значеніе и становятся нулемъ. Мы уже выше доказали, думается, что радости и удовольствія въ жизни христіанина являются далеко не нулемъ, а средствомъ къ прославленію Бога и къ его духовному освѣженію и укрѣпленію.» Послѣ шумнаго бала, карточной игры, даже театральной пьесы ужели возможно, спрашиваетъ нашъ рецензентъ, христіанское настроеніе и общеніе со Христомъ? Да это психологически не возможно; и наоборотъ—если вы въ теченіе удовольствія будете напоминать объ общеніи со Христомъ, то парализуете всякое удовольствіе, которое менѣе всего можетъ сочетаться съ рекомендуемымъ мотивомъ.» Всѣмъ этимъ нашъ рецензентъ, очевидно, хочетъ сказать то, что истинный христіанинъ не долженъ ходить на балы, слушать театральную пьесу и т. под., если не хочетъ прервать своего общенія со Христомъ. Но, во-первыхъ, почему нашъ рецензентъ въ доказательство несостоятельности нашей мысли о томъ, что для христіанина позволительны всѣ:

истинныя удовольствія и радости жизни, о *какихъ у насъ и могла быть только рѣчь*, указываетъ на шумныя балы, театральныя пьесы, карточную игру? Не только истинный христіанинъ, но и вообще всякій нравственно-развитой человѣкъ можетъ не находить ничего для себя пріятнаго и полезнаго въ карточной игрѣ, шумныхъ балахъ, пзвѣстнаго сорта театральныхъ пьесахъ и т. д. Съ другой стороны, если христіанину и пришлось бы почему-либо бывать на несочувственныхъ ему театральныхъ пьесахъ, на шумныхъ балахъ и т. д., онъ всегда найдетъ возможнымъ не прерывать своего общенія со Христомъ. Иисусъ Христосъ, принимая участіе въ радостяхъ брачнаго торжества, въ званыхъ вечерахъ и т. д., оставался, конечно, по своему настроенію тѣмъ же, чѣмъ Онъ былъ, произнося нагорную проповѣдь и т. д. Жизнь такъ-называемыхъ юродивыхъ о Христѣ представляетъ массу фактовъ кажущагося полнаго разлада внѣшняго поведения съ одушевляющимъ ихъ внутреннимъ настроеніемъ. Далѣе, мы не со всѣмъ понимаемъ, что разумѣетъ нашъ рецензентъ подъ общеніемъ человѣка со Христомъ. Можно даже и молиться, призывая постоянно Христа, и въ тоже время вовсе не имѣть съ Нимъ общенія. Значитъ, дѣло вовсе не во внѣшнемъ дѣйствіи человѣка. Если поставлять общеніе со Христомъ въ постоянномъ, хотя бы и внутреннемъ, *произношеніи* Его имени, тогда оказалось бы, что общеніе для человѣка со Христомъ не возможно не только на шумномъ балу и т. под., но и въ самую большую часть переживаемой нами дѣятельной жизни, сосредоточивающей все наше вниманіе на извѣстныхъ предметахъ. Между тѣмъ это не такъ. Отцы Церкви, наслаждаясь, по ихъ собственнымъ словамъ, великими произведеніями греческой языческой литературы и читая ихъ со всѣмъ возможнымъ вниманіемъ, однакоже въ это время не переставали быть истинными христіанами по своему настроенію. Но рецензентъ нашъ говоритъ, что если и возможно общеніе со Христомъ во время принимаемаго человѣкомъ участія въ балахъ и т. д., то невозможно испытывать одинаковое съ другими удовольствіе человѣку, по своему внутреннему настроенію ищущему общенія со Христомъ? Мѣрки не существуютъ для измѣренія силы и степени наслажденія, испытываемаго одними и тѣми же людьми отъ однихъ и тѣхъ же предметовъ. Одинъ и тотъ же кусокъ хлѣба съ водою, или вкусный изысканный

обѣдъ могутъ доставлять разнымъ людямъ совершенно различныя ощущенія при всей одинаковости того, что они ѣдятъ. Человѣкъ же, живущій постоянно подъ вліяніемъ мысли о Подателѣ всѣхъ благъ, можетъ даже больше испытывать удовольствіе, сидя за самымъ скромнымъ столомъ, чѣмъ тотъ, который сидитъ за столомъ, убраннымъ со всей возможной роскошью и предлагающимъ самыя отборныя, изысканныя блюда. Точно также христіанинъ, и принимая участіе въ удовольствіяхъ свѣтской жизни, поскольку эти удовольствія негрязны сами по себѣ, можетъ, подобно Антонію Великому въ вышеприведенномъ примѣрѣ, вести шуточный разговоръ и т. д. и быть искренно веселымъ и пользоваться невинными удовольствіями, находясь въ тоже время подъ вліяніемъ никогда непокидающаго его чувства вездѣприсутствія Божія. Это только сообщитъ христіанскимъ развлеченіямъ и удовольствіямъ еще болѣе характеръ чистаго и задушевнаго веселья, подобно тому какъ видъ ковчега завѣта приводилъ пророка-царя въ еще болѣе радостное восторженное настроеніе, выражавшееся въ извѣстныхъ внѣшнихъ тѣлодвиженіяхъ. Христіанинъ, такимъ образомъ, еще сильнѣе можетъ чувствовать и испытывать извѣстныя пріятныя чувствованія, но его удовольствія и развлеченія будутъ лишены лишь грубаго, фальшиваго или оскорбительнаго для нравственнаго чувства характера. Мысль, что самъ Богъ дозволилъ намъ въ законное время имѣть невинныя развлеченія и удовольствія, всего менѣе, по нашему крайнему разумѣнію, можетъ отравлять наши развлеченія и удовольствія и сообщать имъ характеръ натянутости и несвободности. Но эта же мысль не позволитъ и забыться намъ и сдѣлать изъ нашихъ развлеченій и удовольствій нѣчто, вредное для насъ и для нашихъ ближнихъ. Но дѣло здѣсь вовсе даже не въ мысли, не въ напомниманіи себѣ о долгѣ, а въ общемъ нравственномъ складѣ человѣка, по которому человѣкъ, безъ непрестаннаго контроля надъ собою, не въ состояніи даже въ мысли допустить что-либо дурное и одушевляетъ на доброе собственнымъ примѣромъ нечувствительно и другихъ. Если же христіанинъ не находитъ для себя возможнымъ такъ пользоваться разными развлеченіями и удовольствіями невиннаго характера, чтобы чрезъ это невозмущалось и неослаблялось христіански-доброе настроеніе его души, то, само собою разумѣется, онъ всегда сумѣетъ

отказать себѣ въ нихъ. Г. Гренковъ находитъ странною смѣсь небеснаго съ земнымъ. Но спросимъ мы его, что же это такое небесное, о которомъ онъ такъ часто говоритъ? Въдъ слово «небесное», какъ совершенно формальное понятіе, ничего еще само по собѣ не выражаетъ. Нашъ рецензентъ, самъ того не сознавая, почти во всей своей статьѣ стоитъ на почвѣ формальныхъ понятій, но въ тоже время отъ насъ требуетъ иного, когда даже мы не въ правѣ сходить съ этой почвы. Что это значитъ? Объясните намъ г. рецензентъ, у котораго даже человѣческій духъ съ его чувствомъ и волей превращается во что-то неуловимое и чуждое всякаго содержанія. Рецензентъ до такой степени увлекся этой точкой зрѣнія, что даже высказалъ, какъ мы видѣли, будто христіанскій мученикъ, напримѣръ, великъ лишь твердостью духа и мужествомъ. Такъ-ли? Твердость духа и мужества проявляются и въ злодѣяхъ въ разныхъ обстоятельствахъ ихъ жизни и во время даже самой ихъ казни, какъ напр. Разинѣ, Пугачевѣ и т. д. Не имѣетъ ли здѣсь перво-степенное значеніе предметъ, вызывающій твердость духа и непоколебимое мужество, и личное, субъективное отношеніе человѣка къ этому предмету? Итакъ, спросимъ, подъ какими же реальными признаками нашъ рецензентъ мыслитъ это небесное? Намъ весьма хотѣлось бы знать. Христосъ совмѣстилъ въ себѣ небесное съ земнымъ, божественное съ человѣческимъ. Онъ основалъ царствіе свое на землѣ и благоволилъ ему быть предначаткомъ небеснаго царствія. Царствіе Божіе, по ученію Христа, такъ тѣсно переплетается здѣсь на землѣ съ царствіемъ грѣха и зла, что ихъ нельзя отдѣлить, при настоящемъ человѣкѣ. Что все это значитъ для православнаго моралиста въ частности по отношенію къ вопросу объ удовольствіяхъ и радостяхъ жизни? Не то ли это значитъ, что, какъ мы выше говорили, удовольствія и радости земныя сами по себѣ, съ христіанской точки зрѣнія, вполне законны и благотворны и должны служить для человѣка предъизображеніемъ загробныхъ нескончаемыхъ радостей и подготовленіемъ къ нимъ? Въ противномъ случаѣ, чѣмъ же объяснить, что слово Божіе такъ часто и настойчиво говоритъ о будущемъ блаженствѣ нашемъ не только, по духу но и по тѣлу? Трудно, конечно, человѣку самыя земныя

удовольствія и наслажденія сдѣлать предвкушеніемъ будущаго блаженства но это, вопервыхъ, другой вопросъ, а во вторыхъ, благодатная сила, живущая въ христіанинѣ, способна сдѣлать для него и невозможное возможнымъ... Рецензентъ говоритъ, что «если съ высоты христіанскаго идеала спустится на лиценціальную точку зрѣнія автора, то высказываемыя имъ положенія будутъ практическими истинами, параграфомъ эстетики, но... не положеніемъ христіанскаго правоученія». Мы уже видѣли, насколько справедливъ этотъ упрекъ почтеннаго рецензента. Мы надѣемся, что онъ выяснитъ намъ, какъ онъ самъ понимаетъ и представляетъ христіанскій нравственный идеалъ. Изъ его же рецензіи почти не видно, чтобы рецензентъ представлялъ его даже съ какимъ-либо реальнымъ содержаніемъ. Напротивъ, онъ такъ тщательно одухотворяетъ его, что этотъ идеалъ какъбы улетучивается, испаряется у него, ипогда не давая намъ возможности уловить въ немъ какія-либо опредѣленныя черты.

По поводу нашего трактата о трудѣ рецензентъ замѣчаетъ слѣдующее. «Здѣсь доказывается, говоритъ онъ, та истина, въ которой никогда никто не сомнѣвался, что нужно трудиться; даже такъ называемый квіетизмъ только по своему понималъ процессъ труда, а не его пользу; буддизмъ также недумаетъ отрицать трудъ; буддизмъ только говоритъ, что изъ труда ничего не выходитъ... спрашивается, для чего же объ этомъ говорилъ авторъ? Да просто потому, что въ подлинникѣ, откуда черпаетъ авторъ свои рубрики и часто содержаніе своихъ мыслей, стоитъ этотъ вопросъ, отвѣтъ на который *очень понравился нашему автору и онъ его излагаетъ*». Мы уже говорили о нашихъ отношеніяхъ къ Пальмеру. По этому, теперь считаемъ себя обязанными сказать два—три слова по поводу другихъ выраженныхъ нашимъ рецензентомъ замѣчаній. Мы далеко не согласны съ нимъ, будто намъ не было нужды говорить о трудѣ или призваніи жизни. Буддизмъ не допускалъ для аскетовъ *никакого* труда на пользу общую и даже *узаконилъ* аскетамъ жить на счетъ мірянъ, не добывая себѣ пропитанія какимъ-либо личнымъ трудомъ и считая съ своей стороны величайшимъ одолженіемъ мірянамъ, какъ скоро буддійскій монахъ удостоиваетъ этихъ послѣднихъ чести взять что-либо у нихъ. Между тѣмъ,

христіанство болѣе, чѣмъ какая-либо другая доктрина, выдвинуло идею труда, въ лѣдѣ ап. Павла высказавши, что не трудящійся не долженъ и ѣсть, *кто бы онъ ни былъ*. Притомъ христіанство требуетъ отъ человѣка не простаго труда для труда, но труда, рассчитаннаго на полезное служеніе обществу тѣмъ, кто чѣмъ можетъ. Узаконяя въ этомъ смыслѣ трудъ, христіанство является великой культурной силою, не только не отрывающею человѣка отъ земли и созиданія на ней царства истины, любви, правды и свободы, но напротивъ того опредѣляющею самое нравственное достоинство человѣка и степень его пригодности для будущей блаженной жизни въ обновленномъ мірѣ тѣмъ, въ какой мѣрѣ онъ потрудился надъ осуществленіемъ въ своей земной жизни той задачи, какую поставило предъ нимъ, какъ *опредѣленнымъ мѣромъ*, Провидѣніе. Нашъ рецензентъ, такъ часто говорящій о спасеніи въ самомъ неопредѣленномъ смыслѣ слова и насильственно, вопреки промыслительной Волѣ, отрывающій человѣка отъ земли въ какую-то неуловимую у него область духовной жизни, является какъ бы чистымъ буддистомъ, съ точки зрѣнія котораго дѣйствительно исполненіе какого-либо земнаго призванія не только не благопріятствуетъ достиженію нирваны, но является даже зломъ. Мы этимъ обстоятельствомъ думаемъ объяснить то, почему нашъ рецензентъ нашелъ нашъ трактатъ о трудѣ или призваніи излишнимъ, между тѣмъ какъ этотъ трактатъ, съ нашей точки зрѣнія, существенно необходимъ для указанія одной изъ самыхъ выдающихся и коренныхъ особенностей христіанскаго нравственнаго идеала сравнительно съ буддѣйскимъ идеаломъ. Буддистъ бѣжитъ отъ служенія обществу на томъ или другомъ поприщѣ разнообразной дѣятельности, а христіанинъ обязанъ жить въ этомъ самомъ обществѣ и въ служеніи его матеріальнымъ и въ особенности духовнымъ нуждамъ и потребностямъ видѣть служеніе свое Богу и созиданіе своего спасенія. Тамъ *узкій эгоизмъ*, какіе бы колоссальные подвиги человѣкъ ни оказывалъ въ борьбѣ съ тѣломъ и своими страстями, а здѣсь — *горячая самоотверженная любовь къ людямъ*... Различіе коренное.

Переходя къ нашему изложенію общежительныхъ христіанскихъ добродѣтелей, рецензентъ замѣчаетъ, что наше изложеніе христіанскаго ученія о семьѣ до такой степени идеализировано,

что семейная жизнь въ христіанскомъ мірѣ у насъ «принимаетъ нѣсколько *маниловскую форму*». Рецензентъ, къ сожалѣнію, почему-то уклонился отъ объясненія, въ чемъ именно состоитъ у насъ эта маниловщина. Мы увѣрены, что онъ непреминетъ объяснить намъ смыслъ своего замѣчанія, которое касается неличнаго нашего взгляда на семью, а христіанскаго. Мы замѣтимъ теперь о томъ только, что опредѣляя характеръ отношеній христіанскихъ супруговъ, мы исходили изъ той мысли, что они, по характеру своихъ взаимныхъ отношеній, должны представлять какъ бы одну душу и одно тѣло (Ефес. 4, 4). Что же здѣсь маниловскаго? Не скорѣе ли этимъ отрицается всякая маниловщина, какою мы ее себѣ представляемъ по изображенію Гоголя!... У нашего рецензента аналогія выходитъ не совсѣмъ натуральная. Просматривая снова бесѣды св. Іоанна Златоуста на посланіе къ Ефесеямъ, мы и тамъ нашли въ изображеніи взаимныхъ отношеній между христіанскими супругами такую же «маниловскую форму» ³¹⁾. Бросивши указанное замѣчаніе касательно изложеннаго у насъ христіанскаго ученія о семьѣ, нашъ рецензентъ гораздо долѣе останавливаетъ свое вниманіе на ученіи о христіанскомъ патріотизмѣ. «Патріотизмъ, говоритъ нашъ рецензентъ, есть не столько нравственно-христіанскій мотивъ, сколько гражданская доблесть. Да и христіанству ли приписывать проповѣдь о патріотизмѣ? религія универсальная, религія, незнающая іудея и еллина, варвара и скиѳа, не можетъ придавать особенной цѣны чувству, съуживающему идею человечества; а патріотизмъ живетъ именно идеею раздробленія человечества на отдѣльныя народности... Христіанство своимъ ученіемъ именно сдѣлало реакцію противъ языческой апоѳеозы народности, основанной на индивидуальномъ эгоизмѣ; оно указало служебное значеніе народности нравственнымъ интересамъ цѣлаго человечества и тѣмъ самымъ не только не убило народности, не стерло ее во имя отвлеченнаго бытія, но сообщило ей духовный смыслъ и нравственную крѣпость. Отличительная черта христіанина-гражданина не патріотизмъ, какъ утверждаетъ нашъ авторъ, а умѣнье воздавать Божіе Богу, а кесарево кесареви». Мысль, будто христіанство своимъ универсализмомъ и

³¹⁾ См. стр. 311—324.

проповѣдью о небесномъ отечествѣ стремится сгладить національныя особенности и объединяетъ до конца народныя единицы, вовсе не новая. Она давно высказывалась, и теперь не перестаетъ иногда высказываться. Мы очень хорошо сознавали это, и потому въ нашемъ изложеніи христіанскаго ученія о патріотизмѣ старались направить нашу мысль и противъ этого мнѣнія. Отсюда-то мы, по мѣрѣ возможности, и развивали мысль о томъ, что любовь къ человѣчеству, безъ любви къ какому-нибудь народу, есть не что иное, какъ иллюзія: скачки въ дѣлѣ любви невозможны психологически. Говорить на основаніи слова Божія или отеческихъ писаній о томъ, будто религія универсальная, каково христіанство, не можетъ придавать особенной цѣны чувству, суживающему идею человѣчества, рѣшительно невозможно. Еслибы мы даже и не стали ссылаться на Вѣтхій Завѣтъ, такъ какъ, говорятъ, тамъ преобладаетъ будто бы узкій партикуляристическій взглядъ вообще, и указывать на величайшихъ представителей израильскаго народа, начиная съ патріарховъ и оканчивая пророками, изъ которыхъ напр. Іеремія горько плакалъ при постигшей его отчизну горькой участи, не оставивъ не оплаканнымъ ни одного погибшаго своего соотечественника, то и въ такомъ случаѣ остается, по нашему мнѣнію, непоколебимую мысль о томъ, что христіанство на сторонѣ патріотизма. Самъ основатель универсальной христіанской религіи, долженствующей обнять всѣ народы, всѣ ихъ соединить въ одну семью и не знающей іудея и еллина, варвара и скиеа, Господь нашъ Іисусъ Христосъ, пришедшій для спасенія *всего* человѣчества, а отнюдь не іудеевъ только, является однако съ проповѣдью о спасеніи прежде всего «къ своимъ» какъ выражается св. Іоаннъ (1, 11), и говорить, что и посланъ-то «только къ погибшимъ овцамъ дома израилева» (Матѣ. 15, 24). Не слышится ли, далѣе, любовь къ своему народу въ слѣдующихъ трогательныхъ словахъ Іисуса Христа: «Іерусалимъ, Іерусалимъ, избивающій пророковъ и камнями побивающій посланныхъ къ тебѣ! Сколько разъ я хотѣлъ собрать дѣтей твоихъ, какъ птица собираетъ птенцовъ своихъ, подъ крылья, и вы не захотѣли» (Матѣ. 23, 37)! Когда же родной для Іисуса Христа народъ окончательно, особенно въ лицѣ своихъ «слѣпыхъ» руководителей, отшатнулся отъ того, кто такъ пламенно любилъ его; то

Богочеловѣкъ, при видѣ дорогаго для сердца Его отечественнаго города, «заплакалъ о немъ, и сказалъ: о еслибы ты хотя въ сей твой день узналъ, что служить къ миру твоему» (Лук. 19, 41 и 42), имѣя въ виду грозившую въ послѣдствіи городу и родному народу бѣдственную, потрясающую участь. Чѣмъ объяснить все это, еслибы Христось не придавалъ особенной цѣны чувству, суживающему будто бы непременно идею чело-вѣчества? И какимъ образомъ возможно было бы для Христа патриотическое чувство, еслибы оно суживало идею чело-вѣчества, которую Онъ болѣе всѣхъ людей носилъ также въ Своей святѣйшей душѣ? Какъ ни стараются космополиты объяснить отношенія Иисуса Христа, указывающія въ немъ патріота, изъ другихъ мотивовъ, всѣ эти объясненія говорятъ лишь объ одномъ, что отказать Иисусу Христу въ патріотическомъ чувствѣ нѣтъ *никакой* возможности. Онъ любилъ преимущественно *Свой* народъ, принималъ близко къ Своему великому сердцу судьбы этого народа и готовъ былъ скорбѣть до горькихъ слезъ въ виду бѣдствій именно «Своего» народа, не переставая въ то же время носить въ своей душѣ необъятную любовь ко всему чело-вѣчеству. Тотъ же патріотизмъ, вмѣстѣ съ любовью ко всему чело-вѣчеству, видимъ мы и въ апостолахъ, изъ которыхъ «апосто-лъ языковъ» въ такой поразительной формѣ выразилъ все величіе своей любви къ своему народу: «истину говорю во Христѣ, не лгу, свидѣтельствуешь мнѣ совѣсть моя въ Духѣ святомъ, что великая для меня печаль и непрестанное мученіе сердцу моему: я желалъ бы самъ быть отлученнымъ отъ Христа за братьевъ моихъ, родныхъ мнѣ по плоти, т.-е. израильтянъ» (Римл. 9, 1 — 4). Что касается до первенствующихъ христіанъ, въ особенности эпохи гоненія, то, несмотря на то, что собствен-ные соотечественники, сограждане жесточайшимъ образомъ пре-слѣдовали ихъ, первенствующіе христіане содѣйствовали всѣмъ, чѣмъ только могли, благу и пользамъ роднаго народа. Несомнѣн-но, что когда имъ во время пытокъ грозили изгнаніемъ, ссылкой въ чужія земли, они высказывали перѣдко, что изгнаніе не существуетъ для того, кто имѣетъ Бога въ сердцѣ своемъ, ибо Господня земля и исполненіе ея, и что для нихъ истинная ро-дина на небѣ. Но изъ этого отнюдь нельзя заключать, будто первенствующіе христіане были безразличны къ своей земной родинѣ и къ своему народу. Ученіе о томъ, что земля для насъ

временное пристанище—ученіе общехристіанское, между тѣмъ Іисусъ Христосъ, основавшій христіанство, любитъ свой народъ и даже плачетъ о *временныхъ* бѣдствіяхъ, имѣющихъ надъ нимъ разразиться. Въ словахъ мучениковъ христіанскихъ, что для нихъ нѣтъ на землѣ отечества и что для нихъ всюду родина на землѣ, выражается лишь обще-христіанское сознание, что потерять родину и быть въ изгнаніи за какое-либо христіанское убѣжденіе не значитъ еще быть въ такомъ несчастіи, съ которымъ для человѣка все потеряно и которое должно повергнуть его въ отчаяніе. Для христіанина, живущаго мыслію о вседѣ-присутствующемъ и всеблагомъ Богѣ, всюду какъ бы родина, но это не значитъ, — что для него не существуетъ дѣйствительной родины, какъ предмета особенной любви. Христіанинъ долженъ любить всякаго человѣка, кто бы онъ ни былъ, однако же ап. Павелъ говоритъ: «если же какая вдовнца имѣетъ дѣтей или вну-чать, то они *прежде* пусть учатся почитать свою семью... Если кто о своихъ, и особенно о домашнихъ, не печется, тотъ отрече-ся отъ вѣры и *хуже невѣрнаго*» (1 Тим. 5, 4 и 8). Далѣе, говоря о тѣхъ качествахъ, какими долженъ обладать пастырь церкви, апостолъ замѣчаетъ: «кто не умѣетъ управлять собственнымъ домомъ, тотъ будетъ ли печись о церкви Божіей» (1 Тим. 3, 5)? Смыслъ всѣхъ этихъ словъ апостолъ глубоко знаменателенъ. По взгляду апостола человѣкъ, не питающій предпочтительной любви къ ближайшему, т. е. къ своей семьѣ, а слѣд. и къ своему народу, съ которымъ онъ соединенъ тысячею крѣпкихъ и живыхъ нитей, является даже противникомъ христіанства и худшимъ «невѣрныхъ». Рецензентъ, — надѣмся, — согласится, что аналогія у насъ вполне естественная и законная. На основаніи тойже аналогіи изъ другаго замѣчанія апостола слѣдуетъ, что человѣкъ, не умѣющій данными ему отъ Бога талантами и практическими свѣдѣніями послужить интересамъ и нуждамъ своего дома и своей семьи, не можетъ быть руководителемъ другихъ и въ достиженіи небснаго отечества Намъ припоминается въ высшей степени мѣткое и вѣрное замѣчаніе покойнаго знаменитаго московскаго архипастыря, Филарета, что *только истинный и хорошій гражданинъ земнаго* отечества можетъ быть таковымъ же гражданиномъ *небснаго* отчизны. Между тѣмъ нашъ почтенный рецензентъ воображаетъ, что изъ чело-

вѣка, какъ-то самъ собою создается гражданинъ небеснаго отечества, если онъ живетъ только мыслью «о спасеніи». Небесное гражданство необходимо предполагаетъ такое общее настроеніе, выработанное здѣсь на землѣ среди разнообразныхъ нашихъ земныхъ отношеній, которое должно быть плодомъ земной нашей нравственной жизнедѣятельности. Вѣдь нашъ переходъ въ небесное отечество не будетъ переходомъ какихъ-то расплывающихся, — если такъ можно выразиться, — безформенныхъ и безличныхъ духовъ. Но личность человѣка, съ ея опредѣленнымъ нравственнымъ складомъ, вырабатывается и опредѣляется здѣсь на землѣ. Значитъ, то отношеніе, въ которое мы поставимъ себя и по отношенію къ земному отечеству, опредѣляетъ характеръ нашихъ отношеній къ небесному отечеству. По евангельскому ученію, не любя человѣка, котораго мы видимъ, мы не можемъ любить и Бога, котораго не видимъ (1 Іоан. 4, 20). Почему же въ данномъ случаѣ мы не можемъ сказать, что человѣкъ, не любя земнаго отечества, съ которымъ онъ такъ осязательно связанъ, не можетъ любить и небеснаго отечества, которое незримо и даже непредставимо для него? Указанныя соображенія и эти замѣчательныя слова ученика Христова никакъ не допускаютъ той мысли, будто въ словахъ мучениковъ вообще нужно и можно усматривать, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые, непризнаніе земнаго отечества и одинаковое отношеніе къ своему народу и ко всякому другому. Что же касается до поведенія первенствующихъ христіанъ, подававшихъ иногда поводъ къ упрекамъ, будто они избѣгали вообще общественной службы, предполагаемой во всякомъ истинномъ патриотѣ, то относительно этого мы должны замѣтить слѣдующее: во-первыхъ, они далеко не вовсе избѣгали общественной службы, а во-вторыхъ, самая служба весьма часто дѣлалась для нихъ крайне затруднительной, если не невозможной. Но что идея народности и любви къ земному отечеству вовсе не затушевывалась или не одухотворялась до неуловимости представителями первенствующей церкви, на это мы имѣемъ положительное доказательство въ сочиненіяхъ мужей апостольскихъ. Климентъ римскій въ своихъ посланіяхъ, говоря о любви къ народу, дѣлаетъ слѣдующія, важныя для насъ въ настоящемъ случаѣ, указанія. «Но представимъ, говоритъ онъ, примѣры... Многіе цари и вожди во

время моровой язвы, по внушеніямъ прорицалища, предавали себя на смерть, чтобы своею кровію спасти гражданъ. Многіе удалялись изъ своихъ городовъ, чтобы прекратилось возмущеніе въ нихъ... Блаженная Іудифъ, во время осады города, испросила позволеніе у старѣйшинъ пойти въ станъ иноплемениковъ. И пошла она, подвергая себя опасности изъ любви къ своему отечеству и народу осажденному, и Господь предалъ Олоферна въ руки женщины. Не меньшей опасности подвергла себя *совершенная по вѣрѣ* Есфиръ, дабы избавить отъ предстоявшей гибели двѣнадцать колѣвъ израилевыхъ. Въ постѣ и смиреніи она умоляла всевидящаго Господа, Бога вѣковъ, который, видя смиреніе души ея, избавилъ народъ, для блага котораго она подвергала себя опасности» ³²⁾). Идея народности, какъ индивидуальнаго фактора въ исторіи челоѣчества, признаваемаго христіанствомъ, выражается съ полной опредѣленностью въ общезвѣстномъ видѣніи апостольскаго мужа Ермы. Горы, которыя представлялись Ермѣ въ его видѣніи, по объясненію пастыря, означаютъ собою народы. Народы не смѣшиваются одинъ съ другимъ, вступая въ лоно церкви, и не обезличиваются со стороны ихъ особенностей. Словомъ, мы не знаемъ такихъ данныхъ, на основаніи которыхъ можно было бы сказать, что съ христіанствомъ не совмѣстна проповѣдь о патріотизмѣ и что оно не можетъ придавать особенной цѣны патріотическому чувству. Если христіанство не можетъ отрицать народность, какъ твореніе Божіе, а напротивъ, считаетъ ее той почвой, на которую оно должно дѣйствовать воспитательнымъ своимъ вліяніемъ, то и проповѣдь о патріотизмѣ—въ то же время и христіанская проповѣдь. Патріотизмъ, говоритъ рецензентъ, гражданская доблесть. На основаніи всего вышеизложеннаго мы можемъ сказать, что онъ—непремѣнно и христіанская доблесть, ибо полагать различіе между истинно-гражданскою доблестью и христіанскою нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній. Патріотизмъ, конечно, естественное чувство. Но вѣдь и любовь мужчины къ женщинѣ и такъ дал. суть естественныя чувства. Однакожь нашъ рецензентъ не говорилъ намъ по поводу изложеннаго нами ученія о христіанской семьѣ, что любовь, уваженіе и т. п. чувства—не христіанскія чувства,

³²⁾ *Висанія мужей апостольскихъ.* Стр. 154.

а естественныя. Да и какое чувствованіе, стремленіе чловѣка можетъ не быть названо естественнымъ, природнымъ? Откуда же такія противорѣчія и странности у нашего почтеннаго рецензента? Источникъ ихъ одинъ: почти дуалистическій взглядъ на вещи. Рецензентъ повсюду *смыслится* положить какую-то пропасть между земнымъ и небеснымъ, избѣгая, однакожъ, какого бы то ни было опредѣленія того, что собственно онъ разумѣетъ подъ процессомъ спасенія, на которое такъ часто онъ обращаетъ наше вниманіе, и что онъ разумѣетъ спеціально подъ небеснымъ и земнымъ въ настоящей нашей жизни? Несомнѣнно, что патриотизмъ—естественное чувство, но христіанство преобразуетъ, очищаетъ и возвышаетъ это чувство, какъ и всякое другое дѣйствительно естественное чувство, не только не ослабляя его силы, но увеличивая ее. Христіанство какъ въ отдѣльной личности, убивая самолюбіе, возвышаетъ свободную нравственную дѣятельность, такъ и въ каждой народности убиваетъ эгоизмъ и въ немъ начало раздѣленія и обособленія. Авторъ рецензіи намъ замѣчаетъ: «патриотизмъ живетъ именно идеею раздробленія чловѣчества на отдѣльныя народности», и ссылается на грековъ. Но развѣ изъ этого слѣдуетъ, что патриотизмъ—не христіанская доблесть? Тогда, проводя *последовательно* ученіе нашего рецензента, мы *не* нашли бы *ни одной* христіанской доблести, добродѣтели... Изъ того, что патриотизмъ живетъ идеею раздробленія чловѣчества на отдѣльныя народности, никакъ не слѣдуетъ, что онъ и не можетъ иначе существовать въ чловѣкѣ, какъ раздѣляя и разъединяя. Патриотизмъ Иисуса Христа, апостоловъ, святыхъ и даже весьма многихъ изъ нашихъ современниковъ, проникнутыхъ духомъ христіанскимъ, не былъ и не есть разъединяющее чувство. Рецензентъ продолжаетъ возражать намъ, говоря, что христіанство «на все чловѣчество смотритъ какъ на одну семью, не раздѣленную на клѣточки, называемыя народностями», что христіанство этимъ именно сдѣлало реакцію противъ языческой апофеозы народности, основанной на эгоизмѣ, и что «оно указало служебное значеніе народности нравственнымъ интересамъ цѣлаго чловѣчества и тѣмъ самымъ не только не убило народности, но сообщило ей духовный смыслъ и нравственную крѣпость». Многое здѣсь совершенно вѣрно и само по себѣ и по отношенію въ тому, что говорится

въ нашемъ изслѣдованіи, въ которомъ значится: «вообще христіанскій патріотизмъ имѣетъ кореннымъ своимъ стремленіемъ соединеніе всѣхъ народовъ въ одну братскую семью для устроенія царствія Божія на землѣ»³³⁾. Но мы никакъ не можемъ согласиться съ тѣмъ, будто христіанство не различаетъ въ одной семьѣ самостоятельныхъ и индивидуальныхъ нравственныхъ организмовъ, каковы въ общечеловѣческой семьѣ народы, а въ первичной формѣ этой семьи: извѣстныя личныя существа, называющія такимъ-то братомъ, такой-то сестрой и т. д. Въ этомъ то и различіе между христіанствомъ и буддизмомъ по отношенію къ разсматриваемому вопросу. Нашъ рецензентъ заканчиваетъ намъ свои «странныя» замѣчанія по этому вопросу слѣдующей фразой: «отличительная черта христіанина - гражданина не патріотизмъ, какъ утверждаетъ нашъ авторъ, а умѣнье воздавать Божіе Богови, а кесарево кесареви». *Но разве этими словами Иисусъ Христосъ опредѣлялъ наши отношенія къ родному для насъ народу?* Иисусъ Христосъ имѣлъ здѣсь въ виду отношеніе представителей данной народности къ *государственной власти*, притомъ насильственно подчинившей своему скипетру данную народность, а вовсе въ этихъ словахъ *не* выражалъ ученія объ отношеніи человѣка къ *своему народу*. Но отношенія національныя и государственныя моралистъ *никакъ* не можетъ и *не долженъ* смѣшивать... Мы только можемъ недоумѣвать, какимъ образомъ могъ смѣшать ихъ и нашъ ученый рецензентъ и это *непостижимое* смѣшеніе рекомендовать даже намъ. Само собою разумѣется, г. Гренковъ не откажется разъяснить намъ, какимъ образомъ онъ пришелъ къ такимъ всѣмъ понятіямъ и въ чемъ мы должны искать источника ихъ—въ его основательномъ знакомствѣ съ источниками православнаго правоученія или въ чемъ либо противоположномъ...

Мы на этомъ поканчиваемъ съ нашимъ «*ученымъ*» рецензентомъ. Говорить по поводу заключительнаго разсужденія его о томъ, какъ нужно понимать христіанскій нравственный идеалъ и въ чемъ заключается критерій для его относительнаго уразумѣнія, мы считаемъ совершенно излишнимъ, такъ какъ *всѣхъ* мыслей, развиваемыхъ здѣсь рецензентомъ, мы уже касались и

³³⁾ Стр. 276 и 277.

о нѣкоторыхъ изъ нихъ говорили даже слишкомъ подробно. Считаю, однакожъ, нужнымъ поставить нашему рецензенту на видъ то рѣкое противорѣчіе, въ какое впадаетъ онъ самъ съ собою, когда вдается въ общія разсужденія, руководясь тѣмъ же Шальмеромъ, о построеніи христіанской иѣнки и когда онъ выступаетъ съ самостоятельными, повидимому, соображеніями относительно частныхъ вопросовъ ея. Мы ничего не имѣемъ противъ пользованія трудами западно-европейскихъ ученыхъ и находимъ это вполне естественнымъ и даже неизбѣжнымъ при *совершенномъ* отсутствіи у насъ какихъ-либо научныхъ работъ по богословской иѣнкѣ, но смѣемъ думать, что для ученаго моралиста было бы далеко не бесполезно ознакомиться напр. съ отеческими твореніями и не высказывать такихъ вещей относительно пониманія христіанскаго нравственнаго идеала, которыя, какъ мы видѣли, представляютъ этотъ идеалъ въ *совершенно неподобающемъ* ему свѣтѣ. Никто не осудитъ насъ и за то, что мы иногда выскажемъ и чужую мысль (да и возможно ли безъ нихъ обойтись?), но лишь бы она была переработана нами и сдѣлалась личнымъ уже нашимъ достояніемъ. Тѣмъ болѣе намъ хотѣлось бы, въ интересахъ научнаго развитія у насъ богословской иѣнки, чтобы попытки что-нибудь *поисильно* сдѣлать въ области ея никогда *не* встрѣчались и *не* сопровождались такими псевдо-критическими статьями, какъ та, которая *вынудила* насъ взяться за перо. Въ противномъ случаѣ, мы можемъ *убить* въ самомъ зародышѣ стремленіе *поисильно* потрудиться въ этой заброшенной области. Мы никогда не рѣшились бы высказать почтенному рецензенту всего этого, если бы относительно насъ онъ не позволилъ себѣ нѣкоторыхъ, весьма важныхъ, уклоненій отъ общепринятыхъ правилъ критики. Насъ поразило въ статьѣ не то обстоятельство, что въ ней большею частію высказываются мнѣнія, діаметрально противоположныя нашимъ: всякій можетъ думать по своему, хотя и относительно этого необходимы извѣстные ограниченія, когда мы на основаніи своихъ думъ хотимъ судить другихъ. Насъ поразило, что намъ приписывается то, о чемъ мы не думали говорить, и опускается изъ нашего сочиненія то, что въ немъ есть, равно какъ *усиліе* рецензента заподозрить въ насъ очень и очень многое... Мы, не смотря на

начатую другую работу ²⁴⁾, успѣшили дать нашему рецензенту отвѣтъ въ виду обстоятельствъ, указанныхъ нами въ началѣ нашего отвѣта. Сама же статья, независимо отъ побочныхъ обстоятельствъ,—мы теперь вправѣ сказать, — такова, что о ней, въ интересахъ уважаемаго нами званія академическаго профессора, мы не рѣшились бы никогда поднимать и рѣчи. вмѣсто преириательствъ съ сторонниками такихъ взглядовъ и понятій, какіе высказываются г. Гренковымъ, всегда можно найти болѣе полезное и производительное занятіе. Питаемъ надежду, что и нашъ почтенный рецензентъ не откажется отвѣтить намъ на всѣ тѣ пункты, по которымъ онъ осуждаетъ насъ, съ той обстоятельностью, прямою и строгостью къ себѣ, какія требуются существомъ дѣла, имѣя въ виду всѣ существенные наши доводы, и выяснитъ *положительнымъ образомъ, какъ же нужно понимать тотъ нравственный христіанскій идеалъ, котораго онъ не нашель у насъ?* Въ нашей отвѣтной статьѣ, кажется, ясно и отчетливо формулированы всѣ тѣ *вопросы и недоразумѣнія*, разъясненіе которыхъ мы *въ правѣ* ожидать отъ нашего рецензента, и потому считаемъ излишнимъ снова указывать ихъ. Пусть онъ соблаговолитъ сдѣлать это, оставаясь на той точкѣ зрѣнія, которую онъ признаетъ истинною и съ которой онъ разсматривалъ наши сужденія, отнюдь не лавируя и не измѣняя себѣ въ отношеніи высказанныхъ имъ понятій. Только при этихъ условіяхъ мы можемъ, вмѣстѣ со всѣми читателями, придавать *какую-либо* цѣну отвѣту почтеннаго рецензента, который долженъ понимать не меньше насъ, какая настоятъ крѣпкая нужда въ *по-сильномъ* выясненіи нравственныхъ вопросовъ съ христіанской точки зрѣнія. Только при этихъ условіяхъ и мы будемъ считать себя обязанными отвѣчать *еще* нашему рецензенту, имѣя дѣло уже не съ сужденіями, направленными противъ насъ, но съ научно-неческими вопросами и проблемами. Въ противномъ случаѣ, хотя бы онъ написалъ нѣсколько новыхъ рецензій на наше изслѣдованіе о буддизмѣ и на другіе наши труды, мы считаемъ

²⁴⁾ Просимъ извиненія у читателей, что мы по *необходимости* прервали печатаніе статьи о Миллѣ до слѣдующихъ книжекъ.

нашимъ долгомъ, нашей *прямой* обязанностью молчать. Знающіе люди поймутъ, на чьей сторонѣ истина, а другіе пусть думаютъ, что имъ угодно. Мы даже увѣрены, послѣ нашего обстоятельнаго разъясненія недоразумѣній рецензента, что онъ самъ въ дальнѣйшихъ своихъ трудахъ по предмету православно-христіанской иѳики, если они появятся въ печати, будетъ высказываться совершенно иначе, чѣмъ онъ высказался въ своей рецензіи на нашъ посильный трудъ. Нельзя же навсегда оставаться съ тѣми понятіями, которыя онъ защищаетъ въ своей рецензіи.

А. Гусевъ.

4 февраля 1875 г.

ПОСЛѢДНІЯ СОБЫТІЯ ВЪ ІЕРУСАЛИМСКОЙ ЦЕРКВИ.

I.

Изложеніе патріарха Прокопія открыло для всѣхъ прискорбное положеніе, въ которое пришла іерусалимская церковь со времени удаленія отъ дѣлъ блаженнѣйшаго патріарха Кирилла. То что прежде знали лишь немногіе теперь стало извѣстно всѣмъ. То что прежде выставялось клеветой теперь стало для всѣхъ очевиднымъ фактомъ. Лица, бывшія главой движенія противъ патріарха Кирилла и принявшія вмѣстѣ съ патріархомъ Прокопіемъ въ свои руки управленіе дѣлами іерусалимской церкви произвели смуту въ оной въ 1872 году лишь для того, чтобы ея воспользоваться для расточенія и расхищенія имуществъ Св. Гроба сберегавшихся въ теченіе вѣковъ. Время ихъ правленія было временемъ истиннаго бѣдствія для всей іерусалимской церкви. Возбуждая подозрительность Турокъ своими неистощимыми клеветами и интригами, они наводили ужасъ на весь народъ и духовенство Палестины. Выставляя себя защитниками свободы іерусалимской каѳедры и братства противъ выдуманнаго ими иностраннаго вліянія и иноземныхъ интригъ, они приносили ихъ въ жертву своему корыстолюбію и эгоизму. И вотъ когда братство, очутившись на краю бездны, рѣшилось изложеніемъ патріарха Прокопія положить конецъ разорительному правленію происходившему отъ его имени, то окружающіе его люди, слѣдуя своей обыкновенной тактикѣ, завопили снова противъ интригъ иностранной политики. Въ своемъ письмѣ отъ 25 февраля къ повѣреннымъ іерусалимской каѳедры въ Константинополѣ, которое составлено было въ видахъ возбудить новую тревогу противъ мнимаго иноземнаго вмѣшательства въ

дѣла іерусалимской церкви, патріархъ Прокопій приписываетъ какъ свое низложеніе, такъ и прискорбное положеніе патріархата дѣйствіямъ иностранной политики, преслѣдовавшей де его все время его патріаршества. Но члены іерусалимскаго синода и братства Гроба Господня засвидѣтельствовали своимъ прошеніемъ къ губернатору Іерусалима и посланіемъ къ Константинопольскому патріарху, что они были принуждены приступить къ низложенію патріарха Прокопія вслѣдствіе расточенія и расхищенія монастырскихъ суммъ, коими ознаменовалось его патріаршество. Виновники безпорядковъ въ Іерусалимѣ неоднократно также обвиняли патріарха Кирилла въ томъ, что дабы возвратить себѣ іерусалимскую кафедру, онъ не пренебрегалъ никакимъ средствомъ и для того не переставалъ возбуждать палестинскихъ христіанъ противъ патріарха Прокопія. Но патріархъ Кириллъ изобличилъ ихъ во лжи, отправивъ 18 марта къ іерусалимскому синоду и братству посланіе, въ которомъ, заявляя о своемъ желаніи продолжать частную жизнь, отказывается навсегда отъ іерусалимской кафедры.

Посланіе патріарха Кирилла къ іерусалимскому синоду и братству Св. Гроба и посланіе патріарха Прокопія къ повѣреннымъ іерусалимской кафедрѣ въ Константинополѣ изображаютъ въ полномъ свѣтѣ представляемыя ими направленія. Судъ надъ этими направленіями произнесенъ уже въ самомъ Іерусалимѣ и выраженъ въ прошеніи синода и братства къ губернатору Іерусалима и въ ихъ посланіи къ Константинопольскому патріарху. Для собственнаго суда читателей «Православнаго Обзорнія», о характерѣ и направленіи обоихъ іерарховъ, мы приводимъ ниже ихъ посланія съ присовокупленіемъ посланія іерусалимскаго синода и братства къ Константинопольскому патріарху.

—

ПОСЛАНІЕ ПАТРИАРХА КИРИЛЛА КЪ ІЕРУСАЛИМСКОМУ СИНОДУ И БРАТСТВУ СВ. ГРОБА.

Пресвященнѣйшимъ митрополитамъ и архіепископамъ святѣйшаго патріаршескаго іерусалимскаго престола, возлюбленнымъ намъ о Христѣ, братьямъ и сослужителямъ братское во Святомъ Духѣ цѣлованіе. Преподобнѣйшимъ же архимандритамъ и протосингеламъ и прочимъ членамъ священнаго братства Всесвятаго Гроба, и честнѣйшимъ іере-

ямъ и благоговѣйному причту, и всѣмъ благословеннымъ православнымъ христіанамъ того же престола, нашимъ любезнымъ о Господѣ чадамъ благодать, миръ и милость отъ Христа Бога и Спаса нашего.

Когда, два года тому назадъ, возникла во святомъ градѣ, извѣстная прискорбная смута, которая потрясла весь патриаршескій іерусалимскій престоль и ниспровергла законный порядокъ, а насъ принудила удалиться отъ священнаго братства и отъ нашей возлюбленной паствы, то мы поражены были несказанною скорбью и печалью. Мы скорбѣли не потому что снималось съ насъ тяжелое бремя патриаршества, а потому что оставляли апостольскій престоль обуреваемымъ всякаго рода опасностями и искушеніями. Безпредѣльная благодать Божія укрѣпила, однако, немощь нашу къ перенесенію всѣхъ страданій испытанія. Удаляясь отъ святыхъ мѣстъ, въ которыхъ исполняли обязанности служителя Всевышняго болѣе полувѣка, мы подражали, по возможности, примѣру челоуѣколюбія и терпѣнія преподаванному намъ Исусомъ Христомъ, пролившимъ на Голгоѣ свою честнѣйшую кровь для спасенія людей, и возсылали теплыя къ Господу Богу молитвы да не лишитъ онъ своей милости нашихъ гонителей и клеветниковъ и да сохранитъ Святѣйшую Матерь Церквей невредимою отъ дѣйствій сатаны.

Вѣда послѣ того тихую и спокойную жизнь въ столицѣ подъ кровомъ правительства, Августѣйшаго нашего Государя Султана, мы занимались лишь однимъ вождельнымъ намъ дѣломъ—упражненіемъ въ молитвѣ и прославленіи всеимлостиваго Бога, избавившаго насъ отъ множества искушеній и сподобившаго насъ довершать теченіе, остающихся немногихъ дней жизни нашей вдали отъ житейскихъ тревоженій. Все же другое оставляя безъ вниманія, мы пребывали, по слову Пророка и Царя „яко нѣмъ не отверзаяя устъ своихъ и яко челоуѣкъ не слышай и не имый въ устѣхъ своихъ обличенія“. По сей причинѣ мы и къ вамъ вождельные во Христѣ братья и сослужители и возлюбленные чада, хотя и всегда вспоминали васъ по долгу въ нашихъ смиренныхъ молитвахъ, не обращались словомъ дабы не подать повода къ перетолкованіямъ и тѣмъ причинитъ вамъ, вмѣсто утѣшенія, печаль.

Освѣдомясь, однако, нынѣ, что по случаю удаленія отъ патриаршескаго престола Киръ Прокопія и предстоящаго избранія новаго патриарха, выставляется также и наше имя,—мы принуждены, прервавъ молчаніе, отправить къ вамъ настоящее наше братское и патриаршеское посланіе. Обнимая съ вождельніемъ и любовію преосвященнѣйшихъ митрополитовъ и архіепископовъ и посылая прочимъ членамъ священнаго братства, и всему православному духовенству и народу патриаршескаго престола наше отеческое благословеніе, мы увѣщаемъ и умоляемъ всѣхъ васъ, возлюбленные братья и вождельныя чада, оставить

намъ невозмутимо продолжать наше здѣшнее спокойствіе и ни подъ какимъ видомъ не выставлять нашего имени при иредстоящемъ избраніи, ибо, достигши глубокой старости и приближаясь къ концу жизни, мы не чувствуемъ въ себѣ силы поднять и носить во второй разъ тяжелое бремя патріаршества и не имѣемъ приписываемаго намъ по злонамѣренности празднаго славолюбія. Намъ предстоитъ нынѣ лишь одинъ путь—это — путь ведущій не къ земному, а къ небесному Іерусалиму. По мѣрѣ силъ своихъ мы окончили поприще подвиговъ къ которому пятьдесятъ лѣтъ предъ симъ призвалъ насъ Промыслъ Всевышняго, а теперь наступило время отрѣшиться намъ отъ тѣла и предстать предъ велицепріятнымъ Судіею. Какъ мы прошли это поприще и сколько трудовъ и стараній положили мы для славы и чести сего патріаршескаго престола, вы можете свидѣтельствовать какъ очевидцы конемъ извѣстны всѣ наши дѣла. Вы знаете въ какомъ положеніи передалъ намъ престолъ приснопамятный нашъ предшественникъ, въ какомъ онъ находился съ Божіею помощію во время нашего патріаршества и въ какомъ нынѣ обрѣтается.

При семъ, исполняя священный долгъ налагаемый намъ въ настоящихъ обстоятельствахъ нашею къ вамъ любовію и вседушевною преданностію Всесвятому Гробу, мы братски, и отечески совѣтуемъ вамъ потщиться, сдѣлать предстоящее избраніе въ страхъ Божіемъ, по чистой и свободной совѣсти и въ духѣ миролюбія, имѣя въ виду провозгласить вашимъ духовнымъ отцемъ и пастыреначальникомъ мужа разумнаго и достойнаго, испытаннаго въ вѣрѣ и благочестіи, ревнителя Христова мира и любви и способнаго воссоединить что разъединено, воздвигнуть что пало и уврачевать что страждетъ. Избраніе же ваше тогда будетъ богоугоднымъ и похвальнымъ, когда, отбросивъ изъ среды вашей постороннія ученія, нововведенія и лжемудрованія вѣка сего, пребудете вѣрны древнему порядку и апостольскимъ преданіямъ Матери церкви, которая принимаетъ съ одинаковою любовію приходящихъ къ ней отъ всѣхъ народовъ и не дѣлаетъ никакого различія по народности и племени, исповѣдуя что, по слову Божественнаго Апостола въ церкви нѣсть Іудей, нѣсть Эллины, нѣсть Скиѣтъ и Варвары, но всѣ составляютъ одно, и когда, оставивъ въ сторонѣ распри, разногласія, соперничества и прочіе соблазны, посредствомъ коихъ первый виновникъ зла домогается гибели душъ, соединитесь узами братской любви и всѣ потрудитесь въ единомысліи объ общей пользѣ. Поступая же такимъ образомъ, вы удостоитесь просвѣщенія сердецъ и мыслей вашихъ свѣтомъ свыше, и общій гласъ призоветъ на патріаршескій престолъ избранника Господня, который упасетъ православный народъ въ преподобіи и правдѣ и возвратитъ миръ и спокойствіе страждущей Матери Церкви. Тогда вы

всѣ возрадуется истинною и спасительною радостію и услышите похвалы своему благоразумію отъ всѣхъ православныхъ. Тогда возрадуется и моя душа и увѣнчаетъ васъ благословеніями, принося жертву хвалеція Спасителю Богу.

Мы обращаемся къ вамъ, возлюбленные во Христѣ братья и возжелѣнные чада съ сими нашими совѣтами и увѣщаніями, ибо хотя тѣломъ далеко отстоимъ отъ васъ, но духомъ всегда пребываемъ во святыхъ мѣстахъ, и потому сочувствуемъ всѣмъ вашимъ страданіямъ и скорбямъ и горячо желаемъ прекращенія всѣхъ бѣдствій и несчастій которымъ въ послѣднее время подвергся святѣйшій апостольскій Іерусалимскій престоль. Богъ же терпѣнія и утѣшенія да дастъ вамъ духъ единомылія во Христѣ Іисусѣ и исполнить васъ всякія благодати и мира. Аминь.

Преждевѣвшій ПАТРИАРХЪ ІЕРУСАЛИМСКІЙ

Кирилль.

Въ Константинополѣ
18 марта 1875 г.

ПОСЛАНИЕ ПАТРИАРХА ПРОКОПІЯ КЪ ПОВѢРЕННЫМЪ ІЕРУСАЛИМСКАГО ПРЕСТОЛА ВЪ КОНСТАНТИНОПОЛѢ.

Преподобнѣйшіе архимандриты Святаго Гроба и наши повѣренные въ Константинополѣ, Кирь Веніаминъ и Кирь Патрикій, возлюбленные и возжелѣнные во Христѣ чада нашей мѣрности! Отчески благословляемъ во Святомъ Духѣ ваше возлюбленное намъ преподобіе.

Хотя мы и получили вчера ваше сыновнее письмо отъ 14 настоящаго мѣсяца, но мы не будемъ отвѣчать на оное, такъ какъ сегодня необходимо сообщить вамъ о гораздо болѣе важныхъ и неотложныхъ дѣлахъ. Оставляя все прочее въ сторонѣ, мы извѣщаемъ васъ, любезныя чада, что два дня тому назадъ, т. е. 26-го настоящаго мѣсяца, мы подали по телеграфу въ отставку, прося правительство Его Величества снять съ насъ бремя управленія братствомъ и святыми мѣстами, тяжесть коего, сама по себѣ чувствительная для нашей старости, усугублена происшедшими въ послѣднее время событіями. Сдѣлать этотъ поступокъ побудили насъ затруднительныя обстоятельства, равно какъ священный долгъ искренней преданности интересамъ священной общины Святаго Гроба.

Вступивъ, по общему избранію священнаго синода и братства, на іерусалимскій престоль вслѣдъ за событіями 1872 г., имѣющими несомнѣнную важность какъ для братства Св. Гроба, такъ и для всей церкви, мы тотчасъ увидѣли, что наша паства, благодаря дѣйствіямъ извѣстной политики, раздѣлена на двѣ противныя партіи, изъ коихъ одна, ставъ слѣпымъ орудіемъ иностранныхъ агентовъ, отложила отъ матери церкви и обнаружила противъ насъ и братства вражду. Хотя эта

партія была гораздо слабѣ партіи оставшейся вѣрною утвержденному порядку, но, благодаря агитаціи и подкупамъ, она не прекращала своихъ дѣйствій ни на минуту, и въ столицу часто отправлялись противъ насъ депутаціи. Съ другой стороны извѣстная политика, удержавъ доходы съ принадлежащихъ Святому Гробу имѣній въ Бессарабіи, лишила насъ самаго главнаго и почти единственнаго средства къ существованію, что поставило священную общину въ самое печальное положеніе. Мы видѣли что намъ угрожаетъ страшная бѣдность, что голодъ принудитъ насъ закрыть временно или навсегда благотворительныя и учебныя заведенія содержимыя братствомъ въ Палестинѣ и другихъ мѣстахъ и что мы не будемъ въ состояніи успѣшно отстаивать интересы и права Святаго Гроба. Вдобавокъ къ этимъ затрудненіямъ, возникли еще разные вопросы относительно святыхъ мѣстъ, и съ разныхъ сторонъ заявлены были самыя неумѣренныя притязанія. То Латины пытались отобрать у насъ всю пещеру, то Армяне домогались одинаковаго съ нами права собственности надъ Василикой въ Виолеемѣ. Такимъ образомъ насъ окружали со всѣхъ сторонъ бѣдствія и несчастія, причиненныя намъ по большей части политикой единовѣрной державы. Но для лукаваго, скажемъ словами божественнаго Фотія, не было полного насыщенія зломъ, и затѣянныя имъ противъ насъ козни не истощались. Возлагая на Господа Бога всѣ наши надежды, мы не ослабѣвали духомъ, но по возможности старались нѣкоторыя изъ бѣдствій предупредить, другія ограничить и со временемъ совершенно удалить. Благодаря Божіей помощи, большая часть отложившихся отъ насъ чадъ нашихъ, а именно христіане Ремля, Лидды, Виолеема, Пецаллаха, Яфы и Кайфы вступили снова въ нѣдры матери церкви, раскаяваясь въ своихъ прежнихъ дѣлахъ. Имѣя въ виду правосудіе и правдолюбіе правительства Его Величества, мы имѣли также твердую надежду, что разные вопросы относительно святыхъ мѣстъ будутъ разрѣшены согласно желанію нашему, т. е. справедливо. Въ то же время заботясь объ устраненіи финансоваго затрудненія, мы составили было смѣту доходовъ и расходовъ, которую представили на разсмотрѣніе и обсужденіе священнаго синода. Мы старались сократить большіе и неизбѣжныя расходы, упразднить не столь нужные и излишніе, умножить введеніемъ лучшаго порядка существующіе доходы и открыть новые для полного покрытія расходовъ. Многіе изъ членовъ братства съ усердіемъ приняли наши мѣры ко введенію экономіи, добровольно соглашаясь терпѣть всякія лишенія для приличнаго содержанія и избавленія отъ опасности священнаго залога переданнаго намъ на храненіе нашими отцами, которые не щадили для него ни трудовъ ни крови.

Но, къ несчастію, когда такимъ образомъ дѣла пошли было къ лучшему

и мы уже надѣялись, что избавимся отъ всѣхъ окружающихъ насъ опасностей, извѣстная интрига готовляла другія противъ насъ оружія и замышляла новыя непредвѣдныя и несмѣтныя дѣйствія для достиженія своей цѣли. Убѣдясь, что безчисленные виѣшніе враги, которыхъ она вооружила противъ насъ и страшныя бѣдствія, которыми она окружила священную общину, ведя ее къ гибели нищетою и лишеніями, ни приводили ее ни къ чему, пока священная фаланга святогробцевъ представляла своими сплошными рядами неразрывную стѣну, убѣдясь, говоримъ, что взять съ виѣшной стороны крѣпость православной церкви невозможно, она немедленно сняла одежду льва и подошла къ священному братству въ одеждѣ лисицы. Искусственнымъ возбужденіемъ страстей, ласкательствомъ и обѣщаніями, она убѣдила двухъ изъ братьевъ, что для блага общины необходимо ниспроверженіе законнаго порядка и удаленіе нашей мѣрности отъ престола. Хотя мы здѣсь замѣтили эти дѣйствія и старались предостеречь братьевъ отъ опасности и обмана, но весьма удивились, когда вы, любезныя чада, сообщили намъ о безразсудныхъ поступкахъ двухъ нашихъ архіереевъ, архіепископа Іорданскаго Кирь Θεоклита и архіепископа Тиверіадскаго Кирь Нектарія. „Мы уязвлены были смертельною язвою въ утробѣ и страдали подобно тому, кто бы видѣлъ собственными глазами растерзаніе своихъ дѣтей змѣями и звѣрями“, такъ какъ вѣкогда не думали, что братья заботящіяся о истинной пользѣ общины, до такой степени измѣнили бы своему званію чтобы бросить смертельную стрѣлу противъ своей матери. Но причиненная намъ тѣмъ скорбь не лишила насъ бодрости, ибо мы надѣялись, что примѣрное наказаніе главы возбужденнаго противъ насъ движенія образумитъ прочихъ и что возможно будетъ указаніемъ на опасность убѣдить ихъ не подрывать собственными руками основанія священной общины. Къ сожалѣнію, исполненіе этой мѣры было замедлено. Между тѣмъ извѣстная политика, съ одной стороны указывая на это замедленіе какъ на свое дѣло, а съ другой поставляя на видъ, что требуемое нами наказаніе главы движенія будетъ въ послѣдствіи распространено и на многихъ другихъ братьевъ, успѣла привлечь на сторону уклонившихся отъ прѣлагаго пути архіереевъ еще двухъ другихъ, архіепископа Севастійскаго, Кирь Никифора и архіепископа Фаворскаго, Кирь Григорія и многихъ другихъ братьевъ, которые, видя крайнее несчастіе священной общины, полагали, что съ удаленіемъ нашимъ отъ престола положеніе ея улучшится и нищета прекратится. Тѣмъ временемъ мы съ своей стороны нисъменно сообщили правительству о всемъ происходившемъ, объявивъ, что если оно не окажетъ намъ содѣйствія въ скоромъ времени, то мы будемъ принуждены удалиться отъ престола. Но до полученія вами отвѣта Высокой

порты, возставшіе противъ установленнаго порядка архіерей, вмѣсто того чтобы сообщить нашей мѣрности свое мнѣніе и свои требованія и братски объявить намъ въ синодѣ, что считаютъ наше удаленіе отъ дѣлъ полезнымъ, начали, по совѣту чиновниковъ извѣстнаго..... правительства, въ тайнѣ свои враждебныя противъ насъ дѣйствія и, созвавъ братьевъ въ комнату архіепископа Севастійскаго, склонили ихъ посредствомъ обмана подписать бумагу объявляющую изложеніе нашей мѣрности, увѣривъ ихъ, что она содержитъ протестъ противъ ссылки четырехъ архіереевъ. Къ довершенію зла, два чиновника священной общины, отъ которыхъ мы ожидали полнаго содѣйствія и поддержки, а именно драгоманъ, Киръ Никодимъ и казначей Киръ Анеимъ, объявили намъ, что въ виду труднаго и опаснаго положенія общины, они рѣшительно оставляютъ службу. Сознывая свое горестное положеніе при такихъ чиновникахъ, мы глубоко скорбѣли, что священное учрежденіе оставляется въ минуту опасности на произволъ судьбы, но утѣшались еще тѣмъ, что здравомыслящія братья не оставляютъ насъ. Послѣдніе желали противоdѣйствовать нашимъ противникамъ, но мы отклонили ихъ отъ того, боясь чтобы увеличеніе раздора между братьями не привело общину въ ирискорбное положеніе 1872 года. Желая положить конецъ распрѣ и принести себя въ жертву миру воспитавшей насъ священной матери, мы напротивъ рѣшились, подобно тому какъ два года тому назадъ пожертвовали нашимъ частнымъ спокойствіемъ для ея блага, удалиться и нынѣ для той же цѣли отъ управленія дѣлами и переслали по телеграфу нашу отставку, о чемъ и васъ тогда мы извѣстили тѣмъ же путемъ. Мы это сдѣлали, любезныя чада, ни мало не сѣтуя на возставшихъ противъ насъ братьевъ. Но мы вполне увѣрены, что наше удаленіе отъ дѣлъ, которое представляютъ какъ единственное средство къ избавленію священной общины отъ настоящихъ бѣдствій, къ прекращенію ея бѣдности и удовлетворенію извѣстной политики, подвергнетъ новымъ опасностямъ драгоцѣнные интересы православной церкви, такъ какъ оно откроетъ обширный просторъ страстямъ. Мы хорошо понимаемъ предстоящую священной общинѣ опасность, но удаляясь отъ престола, мы не чувствуемъ, любезныя чада, вины за собою, ибо мы старались по мѣрѣ силъ своихъ устранить причины зла. Такъ какъ насъ сочли единственною причиною бѣдствія, указывая на насъ какъ на другаго Іону, то мы въ правѣ оставить престолъ, возглашая съ Григоріемъ Богословомъ: „Если я причиною раздора, то я не лучше пророка Іоны, бросьте меня въ море, и прекратятся волнующія васъ смуты. Я предпочитаю перенести, ради вашего согласія, что хотите, хотя и невиненъ. Низложите меня, изжените меня изъ города, только возлюбите, какъ говорить Захарія, истину и миръ“. Но прекра-

тятся ли послѣ сего вѣдѣннѣ смуты въ іерусалимской церкви? Возлюбите ли вы миръ и истину? На это обращаемъ мы, любезныя чада, ваше вниманіе. Ищите мира, трудитесь о спасеніи церкви Сіонской. Ея спасеніе заключается въ вашемъ согласіи. Заклинаю васъ всѣхъ именемъ Святой Троицы не увлекаться страстями и не гнаться за славой, но, оставивъ, по слову Василія Великаго, „въ сторонѣ взаимныя оправданія, возстановить среди васъ миръ, дабы не обрадовать противниковъ и не помрачить вездѣ распространившейся славы церкви о томъ, что вы живете какъ будто въ одномъ тѣлѣ, движимыя одною душой, однимъ сердцемъ“. Да будетъ цѣлю вашей жизни избавленіе Святаго Гроба и другихъ Святыхъ Мѣстъ отъ похитителей. Господь Богъ правды и мира да дастъ вамъ силу, разумъ и мужество сохранить миръ и спасти священное учрежденіе.

Оканчивая свое слово къ вамъ, мы возносимъ отъ всего сердца молитву о васъ и призываемъ на васъ просвѣщеніе и дары Святаго Духа,

Іерусалимскій Прокопій.

Во святомъ градѣ Іерусалимѣ,
въ лѣто 1875, февраля 25.

Посланіе іерусалимскаго синода и братства Святаго Гроба къ Константинопольскому патриарху.

Святѣйшій Владыко! Обрушившіяся два года тому назадъ надъ Іерусалимскою церковью и братствомъ Св. Гроба бѣдствія извѣстны вашему святѣйшеству, и мы не будемъ ихъ описывать здѣсь, дабы не утруждать вашего святѣйшества и не возобновлять причиненной ими печали. Нижеподписавшіеся члены братства Св. Гроба, слѣшнимъ нынѣ безъ всякаго предисловія извѣстить ваше святѣйшество о прѣскорбномъ положеніи Іерусалимскаго престола и нашемъ собственномъ. Съ того времени какъ патриаршескимъ престоломъ сталъ управлять блаженнѣйшій Прокопій, между нами возникли достойныя всякаго осужденія злоупотребленія, изъ коихъ особенно выдается присвоеніе общинныхъ денегъ отдѣльными личностями, не пощадившими даже огромныхъ капиталовъ вложенныхъ приснопамятными нашими патриархами въ равныя европейскія банки для обезпеченія содержанія Святыхъ Мѣстъ. Патриархъ Прокопій, коснувшись этихъ капиталовъ, нарушилъ также всѣ свои обязательства и обѣщанія письменныя и съ клятвой данныя имъ священному братству и подвѣдомымъ іерусалимской каеедрѣ христіанамъ.

Мы никогда не переставали обращаться къ нему съ братскими совѣтами о прекращеніи злоупотребленій, о возобновленіи среди братства мира и согласія и объ улучшеніи управленія. Но, къ великой скорби нашей, эти совѣты не имѣли никакого дѣйствія, ибо единственною

причиной зла былъ самъ патріархъ, возбуждавшій между нами распри и подвергавшій опасности самое существованіе нашей священной общины. Благодаря его неумѣстнымъ поступкамъ, мы теперь находимся въ самомъ бѣдственномъ положеніи. Мы потеряли влады въ банкахъ и всѣ доходы общины. Въ то же время противъ насъ возсталъ вся іерусалимская паства, что еще пагубнѣе для насъ, такъ какъ это возстаніе причиняетъ намъ нравственный ущербъ. Въ добавокъ его блаженство рѣшился еще на слѣдующій прискорбный поступокъ. Въ то время когда мы вели переговоры съ нимъ о способѣ уврачеванія зла, онъ тайными доносами выхлопоталъ приказъ Высокой Порты объ изгнаніи двухъ архіереевъ, Іорданскаго и Тиверіадскаго и осьми архимандритовъ, обвиненныхъ въ преступныхъ дѣйствіяхъ по той лишь причинѣ, что заботясь объ общей пользѣ, нарушили-де права патріарха, какъ начальника. Къ счастью, правительство Его Величества, узнавъ въ чемъ дѣло, было справедливѣе его блаженства и отклонило исполненіе своего приказа, за что мы приносимъ ему свою сердечную благодарность. Тѣмъ не менѣе поступокъ патріарха привелъ насъ всѣхъ въ ужасъ, и мы рѣшились положить конецъ своему печальному положенію, какъ обязывалъ насъ къ тому также долгъ сохранить въ цѣлости сей священный залогъ преданный намъ нашими приснопамятными предками. На основаніи древнихъ правъ и привилегій сего патріаршескаго престола, утвержденныхъ державнѣйшими султанами, мы собрались 22-го настоящаго мѣсяца въ чрезвычайное засѣданіе и, по свободномъ совѣщаніи, опредѣлили слѣдующее:

Такъ какъ блаженнѣйшій патріархъ Проконій не исполнилъ своихъ общиннѣй, данныхъ намъ подъ присягой; такъ какъ онъ въ теченіе двухъ лѣтъ противозаконно растратилъ капиталы братства вложенные въ европейскіе банки и восходившіе вмѣстѣ съ находившимися здѣсь суммами до 20 милліоновъ піастровъ и тѣмъ привелъ насъ въ крайнюю и безнадежную нищету; такъ какъ онъ не защищалъ какъ должно, согласно своей присягѣ, права общины и святыхъ мѣстъ, когда ихъ оспаривали другіе народы; такъ какъ вслѣдствіе непростительной растраты имущества сего священнаго престола, мы не только лишились всего что имѣли, но и впали въ тяжкіе долги; такъ какъ блаженный патріархъ Проконій вѣроломно оклеветалъ насъ предъ султанскимъ правительствомъ, требуя отправленія въ ссылку многихъ невинныхъ изъ первостоящихъ братьевъ по той лишь причинѣ, что мы почтительно отнесли къ его блаженству съ нѣкоторыми предложеніями, прося его какъ отъда положить своимъ попеченіемъ конецъ прискорбному состоянію нашей общины и Святыхъ Мѣстъ, и такъ какъ мы потеряли всякую надежду на улучшеніе въ своихъ дѣлахъ, пока будетъ патріархомъ бла-

женѣйшій Прокопій, то мы единогласно постановили провозгласить его отрѣшеннымъ отъ патриаршескаго престола и не признавать его впредь патриархомъ Іерусалима. По постановленіи сего рѣшенія, мы подали губернатору Али-пашѣ, за подписью четырехъ синодальныхъ архіереевъ и сорока другихъ членовъ братства, архимандритовъ, игуменовъ, проигуменовъ и проч., прошеніе въ которомъ просили его довести до свѣдѣнія правительства о нашемъ рѣшеніи и исходатайствовать намъ его покровительство. Одновременно съ тѣмъ мы сообщили по телеграфу и вашему святѣйшеству о постановленномъ нами рѣшеніи, прося вашего содѣйствія для приведенія его въ исполненіе. Представляя все сіе на благоусмотрѣніе вашего святѣйшества, мы увѣрены, что вы не осудите насъ, потерпѣвшихъ столь великій въ нравственномъ и матеріальномъ отношеніи вредъ, почему и братски просимъ васъ, какъ высшаго церковнаго начальника, объяснить правительству его величества наши страданія и упросить его быть къ намъ, на основаніи древнихъ привилегій сего престола справедливымъ и не лишать насъ своего покровительства. Спрашивая счастливыхъ извѣстій о вашемъ богохранимомъ и благомъ здравіи, пребываемъ вашего всечтимаго святѣйшества всепокорнѣйшіе во Христѣ сыновья.

Въ Іерусалимѣ, 28 февраля 1875.

По послѣднимъ извѣстіямъ іерусалимское братство сдѣлало еще болѣе. Большая часть братій приняли и подписали актъ, конимъ упраздняется бывшее въ 1872 году низложеніе патриарха Кирилла, какъ незаконное. Этотъ актъ былъ сообщенъ блаженнѣйшему Кириллу при письмѣ, въ коемъ подписавшіе оный члены братства просятъ у него прошенія за учиненную въ отношеніи къ вему несправедливость и выражаютъ убѣжденіе, что только онъ одинъ могъ бы, занявъ снова іерусалимскую кафедру, возобновить порядокъ въ церкви и уврачевать ея страданія.

Θ. С. Б.

Константинополь.

6-го апрѣля.

II *).

Приступая къ описанію въ общихъ чертахъ того печальнаго положенія, въ которомъ находится теперь Восточная церковь, считаемъ нужнымъ сперва остановиться на послѣднихъ событіяхъ, случившихся въ нѣдрахъ церкви Іерусалимской. Извѣстно, что въ 1872 году, когда греки привели свои затѣи въ исполненіе посредствомъ такъ-называемаго «святаго и великаго собора», 29 августа 1872 года, провозгласившаго расколъ съ православнымъ болгарскимъ народомъ, въ Іерусалимѣ произошли смуты, результатомъ которыхъ было въ то время незаконное низложеніе доблестнѣйшаго изъ восточныхъ іерарховъ, іерусалимскаго патріарха Кирилла, несогласившагося принять участіе въ выше-названномъ соборѣ и высказавшагося противъ раскола въ пользу церковнаго мира. Жестокая борьба началась въ Іерусалимѣ между высшимъ греческимъ духовенствомъ и иноками монастыря Святаго Гроба съ одной стороны, и православными арабами, составляющими собою весь іерусалимскій патріархатъ—съ другой. Сочувствуя своему законному, но несправедливо низложенному патріарху, арабы до самаго послѣдняго времени не признавали своимъ законнымъ архипастыремъ Прокопія, который занялъ мѣсто патріарха Кирилла. Возбужденныя противъ нихъ гоненія и преслѣдованія со стороны патріарха и иноковъ святаго гроба не только не привели къ преслѣдуемой поборчиками раскола цѣли, но и еще болѣе раздражили православныхъ арабовъ и укрѣпили въ нихъ сознаніе своихъ правъ, попранныхъ греками. Твердость православныхъ арабовъ въ связи съ вмѣшательствомъ турецкаго правительства, къ которому арабы обращались, заставила патріарха Прокопія и иноковъ святаго гроба сдѣлать нѣкоторыя уступки требованіямъ арабовъ, лишь бы они признали новаго патріарха. Эти уступки состоятъ, между прочимъ, въ допущеніи представителей іерусалимскихъ христіанъ къ участію въ выборѣ новаго патріарха, къ участію въ завѣдываніи школами, воспитательными и богоугодными заведеніями и т. под. Между тѣмъ скоро оказалось, что и въ средѣ самаго греческаго духовенства въ Іерусалимѣ недоставало того согласія, какое

*). Вскорѣ послѣ первой, вышенапечатанной корреспонденціи изъ Константинополя, мы получили отъ другаго почтеннаго автора настоящую, также интересную статью объ Іерусалимской церкви, которую и помещаемъ здѣсь. *Ред.*

нужно было для достиженія цѣли. Злоупотребленія лицъ, имѣвшихъ большое вліяніе на слабохарактернаго патріарха, Прокопія и произвольно завѣдовавшихъ дѣлами братіи святаго гроба, безпечность патріарха и главнымъ образомъ, растрата огромныхъ суммъ іерусалимской патріархіи послѣ удаленія Кирилла, все это должно было вооружить противъ патріарха и его, такъ-сказать, опекуновъ большинство членовъ іерусалимскаго патріаршаго Синода, равно и большинство членовъ братіи святаго гроба. Нѣтъ надобности подробно описывать тѣ печальныя сцены, которыя самымъ возмутительнымъ образомъ разыгрывались въ послѣднее время во святомъ градѣ между греческими епископами и иноками близъ самой Голгофы и святаго гроба Господня! Довольно замѣтить, что патріархъ Прокопій и его сторонники готовы были на всякую жертву въ пользу турецкой власти (и конечно на счетъ нѣкогда богатой казны монастыря Святаго гроба) для того, чтобы добиться изгнанія изъ Іерусалима двухъ архіепископовъ и восьми архимандритовъ. Чѣмъ кончились эти сцены уже извѣстно. Патріархъ Прокопій былъ низложенъ и турецкое правительство предписало іерусалимскимъ христіанамъ приступить къ избранію себѣ новаго патріарха; при этомъ нельзя не указать на одно обстоятельство, весьма поучительное для насъ русскихъ. Низложение патріарха Прокопія было вызвано прежде всего давними неурядицами, которыя какъ червь подтачивали внутренній покой Іерусалимской церкви, и затѣмъ растратой, неизвѣстно на что, того несмѣтнаго богатства, которое было въ распоряженіи іерусалимской патріархіи и монастыря Святаго гроба послѣ удаленія патріарха Кирилла, какъ это можно видѣть изъ писемъ представителей іерусалимскаго духовенства къ іерусалимскому губернатору и константинопольскому патріарху Іоакиму II о низложеніи патріарха Прокопія. Греческіе *quasi* патріоты, помогающіеся во чтобы то ни стало упроченія раскола и разрыва со всѣмъ православнымъ славянствомъ, приписали паденіе патріарха Прокопія, по своей обычной тактикѣ, Россіи и русскимъ агентамъ. Обращать вниманіе на крики какихъ нибудь публицистовъ, конечно, нестоитъ, но нельзя не упомянуть о томъ, что бывшій патріархъ Прокопій, о которомъ нѣкоторые изъ русскихъ наивно утверждали, что онъ любитъ Россію и русскихъ, въ послѣднемъ письмѣ своемъ къ своимъ намѣстникамъ въ Константинополѣ, архиман-

дритамъ Веніамину и Патрікію, беззащѣчиво мотивируетъ свое вынужденное удаленіе интригами *иностранный* и въ тоже время *единовѣрной политики* (т.-е. Россіи). Въ первый разъ восточный патріархъ позволяетъ себѣ писать доносъ противъ іерархіи и духовенства, и народа во главѣ которыхъ онъ стоялъ два года и которыхъ называлъ слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ *иностранный* политики и врагами интересовъ церкви. «Когда мы съ общаго избранія священнаго Синода и братіи, съ согласія и утвержденія верховнаго правительства взошли на Іерусалимскій престолъ... въ 1872 году, вдругъ мы увидѣли,—говоритъ низложенный патріархъ—, что наша паства раздѣлялась на двѣ партіи, изъ которыхъ одна, сдѣлавшись слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ *иностранныхъ политиковъ* и обольщенная несбыточными надеждами, отступила отъ матери церкви и стала злоумышлять вмѣстѣ съ *миссіонерами интригующей политики* какъ противъ насъ, такъ и противъ священнаго братства».... Описывая затрудненія, какія бывший патріархъ встрѣчалъ отъ латинянъ и армянъ, говоритъ: «такимъ образомъ всѣ наши дѣла были ужасны и мы были какъ бы осаждены лагеремъ несчастій, большую часть которыхъ возбуждала противъ насъ *единовѣрная намъ политика*». Излагая затѣмъ подробности столкновеній съ нимъ сперва двухъ, а потомъ четырехъ іерарховъ Іерусалимской церкви, Прокопій говоритъ, что эти іерархи, подстрекаемые *агентами извѣстнаго... правительства*, собрались въ домъ Севастійскаго архіепископа и составили противъ него актъ низложенія». Вообще это письмо патріарха Прокопія, какъ справедливо замѣтила газета «Византасъ», есть произведеніе пера тѣхъ разгоряченныхъ лицъ, которыя были причиною возмущенія церковнаго покоя въ Іерусалимѣ, и весьма трудно повѣрить, чтобы, подписавшій это посланіе бывший патріархъ Прокопій, понялъ что нибудь, изъ этого посланія, написаннаго слогомъ, не соответствующимъ его познаніямъ и свѣдѣніямъ по грамматикѣ, такъ что этотъ *официальный* документъ имѣетъ большое сходство съ документами, которые когда-то обнародовались въ печати съ подписью александрійскаго патріарха Никанора и которые, повидимому, писались и подписывались имъ въ то время, когда умственные способности несчастнаго іерарха находились въ полнѣйшемъ разстройствѣ. Мы съ своей

стороны вправѣ замѣтить, что это посланіе, какъ бы оно ни было возмутительно, вполнѣ достойно узурпатора и церковнаго прелюбодѣя, какимъ былъ въ сущности патріархъ Прокопій. Лично Прокопій, весьма ограниченнаго ума и познаній, способный быть послушнымъ орудіемъ въ рукахъ своекорыстныхъ честолюбцевъ, былъ таковымъ и въ дѣйствительности; отчего и удалось вполнѣ этимъ честолюбцамъ совершенно обогатить богатство іерусалимской патріархіи. Въ интересахъ этой злосчастной церкви нельзя не порадоваться катастрофѣ, разразившейся на голову Прокопія, какъ бы эта катастрофа ни была убыточна для тѣхъ, которые возвели его на іерусалимскую патріаршую кафедру.

Послѣ паденія патріарха Прокопія іерусалимское духовенство и народъ должны были, конечно, подумать объ избраніи для себя новаго патріарха. Большинство іерарховъ и высшихъ членовъ греческаго духовенства, образуясь постигшими іерусалимскую патріархію несчастіями, пришли къ мысли, что единственный человѣкъ, который можетъ исправить зло, есть не справедливо оклеветанной и незаконно низложенный патріархъ Кириллъ; его-то и хотѣли снова провозгласить патріархомъ; но такъ какъ онъ былъ низложенъ ими, то нужно было снять съ него это низложеніе и отмѣнить все, что было постановлено противъ него въ 1872 году. Огромное большинство іерарховъ и иноковъ Святаго гроба, дѣйствительно, такъ и поступило. Такимъ образомъ несправедливо осужденный патріархъ Кириллъ, подвергшійся гоненіямъ и преслѣдованіямъ за святое дѣло, теперь получилъ полное нравственное удовлетвореніе. И мы охотно помѣщаемъ оправдательный актъ іерусалимскихъ іерарховъ и братій Святаго гроба вмѣстѣ съ письмомъ означенныхъ лицъ къ константинопольскому патріарху. Вотъ эти два замѣчательныхъ документа.

Блаженнѣйшій отецъ!

Мы, нижеподписавшіеся духовныя дѣти вашего богохранимаго блаженства и во Христѣ братія и отцы священнаго свято-гробнаго братства, безразсудно увлекшись, судьбами яже Господь вѣдаетъ, были прельщены въ ноябрѣ 1872 года злонамѣренными и лукавыми внушеніями и возстали на васъ, сочинивъ несправедливо цѣлый рядъ клеветъ, про-

тивъ священной и высокочтимой особы вашей, такъ что 7 ноября мы просили наше высокое правительство объ устраниеніи и удаленіи вашего блаженства отъ патриаршаго престола. Теперь же, образумившись отъ сказаннаго заблужденія и сознавая великость и тяжесть несправедливости, а равно и то, что всѣ мы, отъ мала до велика, не потому только, что вы вскормили и воспитали насъ, какъ любящій отецъ, и построили каждаго изъ насъ по мѣрѣ его способностей, но и потому, что вы продолженіе почти полвѣка вы подвизались и мужественно боролись противъ народа за права и привилегіи всѣхъ православныхъ святыхъ мѣстъ. Вслѣдствіе всего этого мы говоримъ, что каемся сегодня и признавая все сдѣланное тогда несправедливымъ и незаконнымъ, просимъ съ пламениѣйшимъ усердіемъ и съ сокрушеніемъ сердца вашего отеческаго и любвеобильнаго прошенія. Еще же мы отмѣняемъ добровольно составленные 7 ноября 1872 г. противъ вашего досточтимаго блаженства акты, какъ антиканоническіе и несправедливые и по насилію и принужденію тогда вписанные въ священный кодексъ нашей священной обители. Въ то же время и мы, съ своей стороны, съ покорностію отъ души и сердца прощаемъ вашему блаженству несообразности, какія тогда произошли по обстоятельствамъ.

Провозглашаемъ снова ваше высокочтимое блаженство истиннымъ и почетнымъ членомъ нашего святогробнаго братства и почитаемъ и уважаемъ васъ какъ одного изъ насъ, гордясь по справедливости многолѣтними и вѣрными услугами вашего высокочтимаго, возжелѣннаго и богохранимаго блаженства святымъ мѣстамъ и Святогробному братству. Испрашивая снова ваши богопріемлемыя молитвы остаемся въ Іерусалимѣ 1 марта 1875 года.

Слѣдуютъ подписи.

Святѣйшій отецъ и владыко!

Мы пространно написали вашему святѣйшеству о тѣхъ бѣдствіяхъ, которыя уже два года бичуютъ насъ, теперь же снова благопочтительно докладываемъ вашему святѣйшеству, что и послѣ паденія бывшаго патриарха Прокопія остались у насъ въ полной еще силѣ извѣстные и пресловутые обманы, способствующие день ото дня привести въ полное разложеніе и уничтоженіе наше священное и древнѣйшее общество, которое въ самыя тяжелыя времена терпѣло всевозможныя бѣдствія только для неприкосновеннаго сохраненія святыхъ мѣстъ. Кто виновенъ такому неожиданному состоянію всѣмъ извѣстно. Посему мы нынѣ спѣшимъ вкратцѣ рассказать предъ вашимъ святѣйшествомъ объ этой многослезной драмѣ и усердно просить вашу ревность и глубокую мудрость содѣйствовать спасенію и благосостоянію нашихъ священныхъ мѣстъ, слава которыхъ, служить славою богохранимаго народа и святой православной церкви. Это печальное паденіе наше, святѣйшій владыко,

произошло, по неизслѣдимымъ судьбамъ Вышняго, отъ злонамѣренныхъ внушеній и навѣтовъ нѣкоторыхъ лицъ, въ которыя мы безразсудно и насильственно увлеклись, сочинивъ по невѣдѣнію, дѣльный рядъ клеветъ и несправедливыхъ обвиненій возстали несправедливо противъ бывшего нашего общаго отца и досточтимаго патріарха Кирилла и просили, какъ извѣстно, высокое правительство объ устраниеніи и удаленіи его блаженства отъ патріаршаго престола. Съ тѣхъ поръ мы отступили отъ древнихъ и обычныхъ порядковъ нашего монастыря и нынѣ подверглись невыносимымъ бѣдствиямъ; доходы наши прерваны, наша паства возстала противъ насъ и нанесла намъ неизгладимый духовный и нравственный вредъ, который для насъ есть послѣдняя и неизбѣжная опасность. Вслѣдствіе всего этого мы уразумѣли, что несправедливость и клевета противъ бывшего нашего отца и досточтимаго патріарха преслѣдуетъ насъ и какъ бы побуждаетъ къ вразумленію и покаянію. Поэтому мы нынѣ каемся въ томъ, въ чемъ мы провинились въ ноябрѣ мѣсцѣ 1872 года противъ его блаженства и признаемъ свою ошибку и препровождая присемъ наше прошеніе къ его досточтимому блаженству, сознаемъ вышесказанное и просимъ съ глубокимъ почтеніемъ отеческаго и великодушнаго прощенія, а равно и богопріемлемой молитвы его блаженства для очищенія насъ отъ скверны, неблагодарности и несправедливости и для сглаживанія язвительныхъ противъ насъ поношеній нашей православной паствы. Еще же мы добровольно отмѣняемъ составленные нами 7 ноября 1872 года противъ его досточтимаго блаженства акты, какъ антиканоническіе и несправедливые, подписанные тогда нами по принужденію и насилію и занесенныя въ нашъ священныи кодексъ нашей священной обители.

Въ то же время и мы съ своей стороны смиренно прощаемъ отъ души и сердца его блаженству несообразности, какія по обстоятельствамъ тогда произошли и снова провозглашая его блаженство истиннымъ и почтеннымъ членомъ нашего Святогробнаго братства, мы почитаемъ и уважаемъ его какъ одного изъ насъ, гордясь по справедливости многолѣтними и вѣрными его услугами ко святымъ мѣстамъ и нашему Святогробному братству. Сообщая это вашему святѣйшеству просимъ васъ усердно сдѣлать распоряженіе о выдачѣ сего прошенія нашего его блаженству, а равно и о томъ, чтобы послано было намъ чрезъ васъ въ отвѣтъ желанное прощеніе, для успокоенія нашей совѣсти, ибо единственнаго покровителя и ходатая нашего послѣ Бога мы имѣемъ въ настоящихъ нашихъ скорбяхъ только ваше святѣйшество. Питая глубокую благодарность къ вашему святѣйшеству за ревность къ намъ и къ святымъ мѣстамъ и испрашивая съ глубокимъ почтеніемъ вашей богопріемлемой молитвы остаемся въ Іерусалимѣ 11 марта 1875 года.

Слѣдуютъ подписи.

Болѣе полного удовлетворенія нельзя было и ожидать. Нужно замѣтить, что къ четыремъ іерархамъ—членамъ патріаршаго Синода, подписавшимъ вышеприведенные документы, присоединилось два епархіальныхъ преосвященныхъ, такъ что всѣ осудившіе его іерархи, за исключеніемъ лишь двухъ, Филадельфійскаго и Лиддійскаго, изъявили свое раскаяніе, признали свою неправду.

Само собою разумѣется, что греческіе quasi патріоты или поборники раскола въ своей безсиьной злобѣ оплакивали якобы гонимое православіе и отчаявались, что патріархъ Кириллъ снова займетъ патріаршій престолъ и, такимъ образомъ, предастъ всю Іерусалимскую церковь въ руки *иностранной политики*; но патріархъ Кириллъ заградилъ ихъ уста своимъ отказомъ отъ патріаршества. Онъ отправилъ послѣ изложенія Прокопія вышеприведенное окружное посланіе къ братіи Святаго гроба и православному духовенству и народу въ Палестинѣ, извѣщая ихъ, что онъ отказывается принять на себя тяжелое бремя патріаршества и побуждая ихъ приступить къ избранію новаго патріарха съ чистою совѣстію и въ духѣ мира и любви, избрать мужа разумнаго и достойнаго, могущаго соединить раздѣленное и возстановить прежній миръ въ Іерусалимской церкви. Это посланіе, какъ видитъ читатель, написано съ достоинствомъ и вполне проникнуто христіанскою любовью, совершенно въ противоположность вышеупомянутому нами посланію бывшаго патріарха Прокопія. Оно вполне достойно доблестнаго іерарха, съ честію служившаго Святому гробу въ продолженіи полвѣка слишкомъ.

Когда патріархъ Кириллъ года два тому назадъ былъ изгнанъ изъ Іерусалима, то вполне компетентный въ дѣлахъ корреспондентъ «Московскихъ Вѣдомостей» сказалъ объ немъ слѣдующее: «Твердость, съ которою блаженный Кириллъ отстаивалъ дѣло церкви среди прочихъ греческихъ іерарховъ, когда тѣ, подъ влияніемъ аѳинскихъ и греческихъ демагоговъ, измѣнили своему званію и предпочли защиту мнимыхъ интересовъ эллинизма своимъ обязанностямъ служителей церкви Христовой и блюстителей ея преданій, не оставили патріарха до послѣдней минуты. Его не поколебали ни позоръ, которому предала его греческая печать, ни огорченія и обиды, которыя наносили ему въ Констан-

тинополѣ и въ другихъ городахъ эллинскіе патриоты и подстрекаемая ими чернь, ни обвиненія въ невѣрности и измѣнѣ султанскому престолу, которыя столько разъ подхватывались и развивались греческими публицистами, ни угрозы съ которыми обращались къ нему фанатическіе поборники эллинизма». А теперь нужно прибавить, что не прельстило патриарха Кирилла и то обстоятельство, что его прежніе обвинители и гонители просятъ у него великодушнаго прощенія и считаютъ его единственнѣмъ человѣкомъ, который можетъ исправить разстроенныя дѣла Іерусалимской церкви, и теперь въ немъ заговорилъ голосъ не честолюбія, а преданности интересамъ церкви вообще и Святаго гроба въ частности. И нельзя не сказать, что въ этомъ посланіи патриархъ Кириллъ является еще болѣе великимъ, чѣмъ тогда, когда сыпались на него недостойныя выходки и оскорбленія.

Что же дѣлала, спрашивается, та незначительная партія, задача которой лишь какъ будто состоитъ въ томъ, чтобы принести все священное въ жертву на алтарь эллинизма и его дурнопонятыхъ интересовъ? Она, вопервыхъ, непозволительными средствами достигла того, что въ должности мѣстоблюстителя Іерусалимскаго престола утверждено турецкимъ правительствомъ не то лицо, которое было избрано большинствомъ, а филладельфійскій епископъ Іосафъ, ревностнѣйшій противникъ блаженнѣйшаго Кирилла и поборникъ раскола. Вовторыхъ, позволила себѣ безъ участія большинства членовъ Синода, братіи Св. гроба и мѣстнаго духовенства избрать себѣ кандидатовъ и представить ихъ Высокой Портѣ для того, чтобы изъ этого круга кандидатовъ избрать патриарха. Это незаконное избраніе кандидатовъ послѣдовало 2 апрѣля. Самою собою разумѣется, что большинство протестовало противъ дерзкаго нарушенія учредительнаго регламента Іерусалимской церкви, еще не такъ давно утвержденнаго Высокою Портою. Протестъ этотъ былъ принятъ Портою во вниманіе и она сдѣлала надлежащія предписанія кому слѣдуетъ о томъ, чтобы выборы кандидатовъ сдѣланы были согласно съ регламентомъ. Вотъ какъ отзывается о вышеназванныхъ выборахъ компетентная въ тамошнихъ дѣлахъ и вполне безпристрастная газета «Византия»: «препровожденный меньшин-

ствомъ іерарховъ и иноковъ въ Высокую Порту списокъ кандидатовъ», говоритъ газета, «представляетъ одинъ изъ самыхъ смѣшныхъ избирательныхъ феноменовъ. Собравшіеся для избранія кандидатовъ на высшую церковную должность были почти равночисленны избраннымъ уже кандидатамъ, изъ чего становится очевиднымъ, что каждый изъ членовъ собранія избралъ сперва себя, а затѣмъ присутствующихъ или отсутствующихъ друзей своихъ и такимъ смѣшнымъ способомъ составленъ былъ списокъ, противъ котораго большинство святогробнаго духовенства протестовало законнымъ порядкомъ. Этотъ протестъ основывается на утвержденномъ Высокой Портой регламентѣ, по которому избирательное собраніе должно состоять изъ всѣхъ митрополитовъ и архіепископовъ престола, изъ находящихся въ монастырѣ Святаго гроба архимандритовъ и протосинкелловъ и прочихъ туземныхъ священниковъ, посылаемыхъ для этого изъ каждой епархіи, а равно и изъ двухъ туземныхъ іереевъ, представляющихъ собою православныхъ изъ города Іерусалима; но вмѣсто этого кто избралъ кандидатовъ, имена которыхъ представлены Высокой Портѣ? Мѣстоблюститель престола преосвященный Филадельфійскій, еще одинъ архіерей и шесть-семь духовныхъ лицъ—и были избирателями кандидатовъ и, какъ мы свазали выше, избрали въ кандидаты самихъ себя! Вотъ смѣшная и комичная сцена, которая могла бы служить богатымъ матеріаломъ для какого нибудь комедіанта, если бы дѣйствующія въ этой сценѣ лица не носили, въ несчастію, священническаго характера по крайней мѣрѣ со стороны ихъ внѣшняго костюма. Въ числѣ отсутствующихъ, которые были избраны меньшинствомъ въ кандидаты находится и пребывающій здѣсь въ качествѣ уполномоченнаго Святаго гроба извѣстный архимандритъ Веніаминъ. Вотъ какъ выражается объ избраніи этого духовнаго лица, (который, скажемъ мимоходомъ, приобрѣлъ въ этотъ небольшой промежутокъ времени колоссальное достоинство, конечно, не въ качествѣ акціонера конвожелѣзной дороги, а въ качествѣ акціонера Іерусалимскаго подворья въ Константинополѣ) преданная ему газета: «архимандритъ Веніаминъ, отправляясь въ 1872 году изъ Іерусалима далъ было энергичные и не разъ повторявшіеся наказы, чтобы въ тогдашнемъ избраніи его исключили; и однако из-

биратели, несмотря на эти наказы, не могли преодолеть своего чувства (!) и изъ двадцати пяти избирателей одиннадцать подали свой голосъ въ его пользу». Видно, замѣчаетъ Византистъ, что тогдашніе наказы не были теперь повторяемы, а Веніаминъ не шутилъ, что называется, захотѣлъ сдѣлаться патріархомъ іерусалимскимъ, уступая платоническіе чувствамъ своихъ одиннадцати избирателей. Мы не думаемъ, чтобы его жертвы остались напрасными, какъ скоро его органъ съ такимъ энтузіазмомъ провозглашаетъ его человѣкомъ, единственно пригоднымъ на вакантный патріаршій престолъ! Это событіе будетъ конечно полезно не только для церкви и народа, но и для членовъ нѣкоторыхъ акціонерныхъ обществъ, акціи которыхъ несомнѣнно подымутся въ цѣнѣ при вѣсти объ удачѣ предпріятія. Впрочемъ такъ какъ благоразумные люди должны имѣть всегда въ виду и противоположную возможность, то патронъ этого органа, Киръ Веніаминъ, рѣшился, какъ говорятъ, устроить свои дѣла такъ: онъ предположилъ въ случаѣ какой нибудь неудачи преспокойно отправиться на первомъ же пароходѣ, въ Западную Европу для поправленія своего слабого здоровья.

Вотъ въ какомъ положеніи находились дѣла въ Іерусалимской церкви до первыхъ чиселъ апрѣля. Съ особеннымъ интересомъ будемъ слѣдить за дальнѣйшею судьбою этой, нѣкогда великой, всегда высокочтимой, но нынѣ бѣдствующей церкви.

Г. Я.

Р. S. Какъ извѣстно, въ іерусалимскаго патріарха избранъ 5 мая архимандритъ Героеей. *Ред.*

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

БОРЬБА ГЕРМАНСКАГО ПРАВИТЕЛЬСТВА СЪ КАТОЛИЦИЗМОМЪ.

Папская энциклика къ нѣмецкимъ епископамъ, содержаніе которой уже извѣстно нашимъ читателямъ, не осталась явленіемъ безслѣдвымъ, но, какъ и слѣдовало ожидать, произвела впечатлѣніе и вызвала соответствующее движеніе. Относительно впечатлѣнія, произведеннаго ею на правительство прусское, можно судить по слѣдующимъ строкамъ, которыя помѣщены были въ Кельнской газетѣ вскорѣ за обнародованіемъ энциклики и составленіе которыхъ приписывалось лицу, высокопоставленному въ прусской администраціи. «Еслибы церковная область, говорится тутъ, была попрежнему самостоятельнымъ государствомъ, то въ отвѣтъ на объявленіе войны, заключающееся въ папскомъ посланіи 27 января, каноники «Наутилусъ» и «Альбатросъ» высадили бы въ Чивѣта-Веккію отрядъ солдатъ, который захватилъ бы объявившаго Пруссіи войну государя и перевезъ бы его въ Вильгельмсгеэ, или въ Штеттинъ, гдѣ онъ могъ бы спокойно размышлять о годности или негодности нѣмецкихъ законовъ. Но теперь папа не подчиненъ постановленіямъ международнаго права,—онъ находится подъ охраною итальянскаго правительства, которое, впрочемъ, не отвѣтственно за образъ дѣйствій опекаемаго имъ лица, подобно тому какъ была бы не отвѣтственна королева Викторія, еслибы кто нибудь изъ дома умалишенныхъ послалъ по почтѣ ругательное письмо къ германскому императору. Впрочемъ, можно было за ранѣе предвидѣть, что папское тщеславіе будетъ и впредь требовать отъ католическихъ епископовъ,

чтобы они приносили ему въ жертву человѣческой здравый смыслъ, подобно тому, какъ они это сдѣлали на ватиканскомъ соборѣ. Актъ 27 января, какъ окончательное принесеніе въ жертву человѣческаго разума, имѣетъ свое психологическое значеніе. Лишенный своихъ владѣній, хозяинъ ватикана считаетъ себя чѣмъ то въ родѣ Далай-Ламы; воображая себя королемъ всѣхъ королей, онъ объявляетъ недѣйствительными прусскіе законы, которые онъ едва ли когда либо читалъ, которыхъ онъ, конечно, не понимаетъ. Въ данномъ случаѣ то, что казалось бы страшнымъ, теряетъ трагическій характеръ, и бѣдный, душевно разстроенный старикъ, который долженъ бы былъ внушать снисходительность и сожалѣніе, выказываетъ себя безумцемъ. Если правда, что отъ возвышеннаго до смѣшнаго одинъ только шагъ, то папское посланіе 27 января подтвердило эту поговорку въ высшей степени: отъ высокихъ христіанскихъ идей, которыя папа извращаетъ въ каждомъ своемъ словѣ, оно низшло до комизма водевильнаго фарса, который ниже всякой критики. Такимъ образомъ, политическое поприще папы Пія IX, начавшееся въ 1864 году съ насмѣшки надъ самимъ собою въ формѣ папскаго либерализма, кончается бредомъ о всемірномъ владычествѣ. По тону означенной тирады и по нѣкоторымъ выраженіямъ, обличающимъ въ составителѣ человѣка потерявшаго рѣшительно спокойствіе и хладнокровіе можно, пожалуй, и въ самомъ дѣлѣ предположить, что статья, изъ которой сдѣлано приведенное извлеченіе, дѣйствительно принадлежитъ перу высокопоставленнаго лица. Означенная тирада служить, вмѣстѣ съ тѣмъ, показателемъ той степени крайняго раздраженія и озлобленія, которое произвела папская энциклика. Впрочемъ на простой перебранкѣ дѣло не могло остановиться. Появленіе энциклики въ трудную для Пруссіи минуту, въ самый разгаръ ея борьбы съ католическою церковію получало важное государственное значеніе. Отъ словъ не замедлили перейти къ дѣламъ.

Ближайшимъ послѣдствіемъ энциклики въ отношеніи къ положенію католической церкви въ Германіи была новая репрессивная мѣра со стороны прусскаго правительства по отношенію къ католическому духовенству. Разумѣемъ законъ о пріостановкѣ выдачи изъ государственнаго казначейства субсидій католическому духовенству доколѣ послѣднее не выразитъ желанія под-

чиниться требованіямъ правительства. Цѣль мѣропріятія заключалась въ томъ, чтобы припугнуть непослушное духовенство угрозою оставить ихъ безъ денегъ за непослушаніе, а съ другой—заманить къ послушанію обѣщаніемъ производить денежное воспособленіе, лишь только послушаніемъ, исправленіемъ и примѣрнымъ поведеніемъ оно загладитъ свои прежніе проступки. Все дѣло, какъ кажется, разсчитано было по первоначалу на то, чтобы произвести давленіе со стороны матеріальныхъ разсчетовъ. Конечно, въ нашъ практическій вѣкъ матеріальные разсчеты играютъ весьма важную роль и въ случаѣ надобности могутъ оказать сильную помощь, особенно въ отношеніи къ усмиренію и укрощенію. Тѣмъ не менѣе и они оказались безсильными въ отношеніи къ католическимъ прелатамъ, — которыхъ мало испугалъ законъ о приостановкѣ денежныхъ субсидій. И этого также слѣдовало ожидать. Ибо, въ случаѣ еслибы названная мѣра произвела хотя въ нѣкоторой степени вліяніе на дѣйствія католическихъ прелатовъ, то этимъ они безвозвратно погубили бы свое дѣло; допустивши возможность торговыхъ сдѣлокъ въ отношеніи къ такому дѣлу, которое они выдаютъ за дѣло совѣсти, дѣло убѣжденій, не терпящее, какъ извѣстно, ни покупки, ни продажи, они выставили бы себя въ самомъ неблагопріятномъ свѣтѣ въ глазахъ общественнаго мнѣнія. Но не таково католическое духовенство, чтобы даться на столь грубую приманку. Тѣмъ болѣе не могла смутить католическихъ патеровъ эта мѣра, что изъяснъ причиняемый ею ихъ карману, по примѣрному расчисленію, былъ не особенно великъ, чтобы повергнуть ихъ въ нищету, да кромѣ того онъ съ избыткомъ могъ возмѣщаться усердными приношеніями добрыхъ католиковъ, примѣры чему уже и бывали при конфискованіи имуществъ непокорныхъ прелатовъ. Такимъ образомъ законъ оказывался совершенно безсильнымъ. Но такое явленіе, когда законъ оказывается безсильнымъ, есть уже зло съ государственной точки зрѣнія, ибо производитъ вредное впечатлѣніе и роняетъ достоинство законодательной власти. Чтобы поправить дѣло и ослабить дурное впечатлѣніе, произведенное такимъ явленіемъ, кн. Бисмаркъ въ одномъ изъ засѣданій палаты депутатовъ довольно пространно распространился на счетъ того, что означенная мѣра отнюдь и не имѣла спеціальной цѣли возбудить собою къ послушанію, что

мотивами къ проведенію ея были главнымъ образомъ инаго рода государственныя соображенія.

Но разъ уже, что энциклика принята была прусскимъ правительствомъ за дѣйствіе вызывающаго характера, за объявленіе войны въ своемъ родѣ, — оставить дѣло такъ, предать, какъ говорится, забвенію было нельзя. Чувствуя постепенное истощеніе собственныхъ средствъ къ продолженію борьбы прусское правительство переносить дѣло на общеевропейскую почву, дабы заручиться союзниками, ихъ поддержкою обезпечить свой успѣхъ и тѣмъ избавить себя отъ необходимости заключить миръ на невыгодныхъ условіяхъ; вопросъ внутренней оно пытается обратить въ вопросъ международный, въ вопросъ о сохраненіи мира европейскаго, а не мира одной только германской имперіи. Уже одно это, помимо всего другаго, служить нѣкотораго рода свидѣтельствомъ успѣховъ и торжества католической партіи. Вызовы на соглашенія и совокупную дѣятельность суть признанія безнадежности. Когда кто обращается съ требованіемъ помощи къ другимъ, дабы дружнымъ натискомъ одолѣть своего врага, это значитъ, что онъ изнемогъ въ борьбѣ, оскудѣлъ боевыми снарядами и сознаетъ невозможность окончить войну въ свою пользу, если во время не подоспѣетъ помощь. Приглашеніе на такого рода совокупную дѣятельность прежде всего обращено было къ итальянскому правительству. Хотя вышеприведенная тирада изъ Кельнской газеты и говорила о неотвѣтственности итальянскаго правительства за дѣйствія папы, но это мнѣніе, какъ кажется, держалось не долго. Не имѣя возможности достать папу въ его ватиканскомъ убѣжищѣ и не имѣя права заставить замолчать его, прусскіе политики задумали привлечь къ отвѣтственности итальянское правительство. Для этого нужно было создать такое отношеніе папы къ итальянскому правительству, по которому послѣднее было бы отвѣтственнымъ лицомъ за дѣйствія папы, а значитъ всѣ распоряженія папы негодныя Германіи могли бы быть пресѣкаемы и преслѣдуемы чрезъ правительство итальянское; для этого требовалось ни болѣе ни менѣе какъ сдѣлать папу подданнымъ итальянскаго короля. Въ такомъ случаѣ можно было бы предъявлять требованія, еслибы подданное ему лице вздумало сочинять и распространять что либо противное видамъ прусской политики; можно было бы повести дѣ-

ло такимъ же точно образомъ, какъ тогда, когда нѣкоторые французскіе епископы позволили себѣ выраженія оскорбительныя для Германіи; по представленіямъ Германіи французское правительство должно было рекомендовать своимъ епископамъ быть осторожнѣе, учтивѣе и сдержаннѣе въ своихъ отзывахъ о Нѣмцахъ. Казалось бы, что нѣтъ ничего легче, какъ устроить дѣло именно такъ; король итальянскій конечно сильнѣе папы; стоитъ только окружить ватиканъ ротою—другою солдатъ и дѣлу конецъ. Но тутъ явилось одно обстоятельство, которое послужило помѣхою устроить дѣло такимъ образомъ. Это — такъ-называемый законъ о гарантіяхъ». Читатели найдутъ этотъ законъ въ приложеніи къ настоящей статьѣ *). Происхожденіе этого закона таково. Вскорѣ по занятіи Рима Викторомъ Эммануиломъ правительство послѣдняго въ виду близкаго сосѣдства папы должно было такъ или иначе опредѣлять свои отношенія къ куріи. Съ этою цѣлію изданъ былъ 13 мая 1871 года особый законъ, устанавлиющій норму отношеній свѣтской власти къ церковной и опредѣляющій положеніе папы въ Римѣ. Въ виду того высокаго положенія, которое занимаетъ папа въ католическомъ мірѣ, новый законъ не выказываетъ ни малѣйшей попытки чѣмъ-нибудь стѣснить и ограничить самостоятельность папы и независимость его распоряженій въ дѣлахъ, касающихся собственно его управленія католическою церковію; видно даже опасеніе чѣмъ-нибудь навлечь на себя нареканія со стороны приверженцевъ папы; папѣ предоставляются права и преимущества подобающія особѣ царствующей и занимающей положеніе равное съ государями; личность папы объявляется не прикосновенною; устраняется всякое вмѣшательство свѣтской власти въ его дѣла; словомъ законъ старается осуществить принципъ Кавура «свободная церковь въ свободномъ государствѣ». Вотъ этимъ закономъ, — къ счастью или несчастію своему — про то вѣдаетъ оно само, — итальянское правительство связало себѣ руки для какихъ либо рѣшительныхъ дѣйствій относительно папы. Этотъ самый законъ прусскому правительству и хотѣлось бы измѣнить въ сторону, болѣе соотвѣтствующую направленію его внутренней церковной политики. Уполномоченный Германіи получилъ приказаніе переговорить

*) См. ниже въ „Извѣстіяхъ и Запискахъ“.

касательно этого закона съ итальянскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ; кромѣ того къ итальянскому правительству была отправлена особая нота отъ прусскаго правительства потому же самому вопросу; сущность представленій заключалась въ томъ, чтобы подвергнуть обсужденію вопросъ, на сколько въ правѣ итальянское правительство считать для себя обязательнымъ законъ о гарантіяхъ, насколько совмѣстимо съ дружественнымъ отношеніемъ Италіи къ Германіи допускать правительству первой появленіе энцикликъ и посланій, имѣющихъ цѣлю возбудить въ подданныхъ Германіи духъ неповиновенія и непокорности своему законному правительству; допущеніе подобныхъ актовъ не будетъ ли со стороны итальянскаго правительства какъ бы поощреніемъ дѣйствій враждебныхъ Германіи. Но итальянское правительство не сочло для себя удобнымъ впутываться въ это дѣло. Признавая тождественность своей политики по отношенію къ римскому вопросу съ политикою прусскою, высказывая желаніе сохранять дружественныя отношенія съ Пруссіею, итальянское правительство тѣмъ не менѣе отклонило отъ себя предложеніе вмѣшаться въ церковную борьбу Пруссіи и предлагало полнѣйшую готовность дѣйствовать сообща при избраніи новаго папы, намекая тѣмъ на неудобность портить безъ особой нужды свои, и безъ того не особенно ладныя, отношенія къ куріи при теперешнемъ папѣ. Такой отказъ отъ союза съ Пруссіею въ вопросѣ о самостоятельности католической церкви могъ повліять не совсѣмъ хорошо на взаимныя отношенія двухъ державъ, но тѣмъ не менѣе кажется требовался внутреннею политикою Италіи: противодѣйствіе духовенства въ Италіи не достигало такихъ размѣровъ какъ то есть въ Пруссіи; возбудить же озлобленіе, раздражать страсти, не имѣя къ тому настоятельныхъ поводовъ, было бы дѣломъ опаснымъ. Далѣе: въ Италіи такъ привыкли къ рѣзкимъ выходкамъ папы, что тамъ онѣ не производятъ того впечатлѣнія, какое производятъ въ Германіи. Итальянское правительство можетъ хладнокровно относиться къ нимъ, не видя въ нихъ ничего опаснаго для внутренняго мира и спокойствія, и въ виду спокойнаго, даже равнодушнаго отношенія къ нимъ итальянцевъ. Наконецъ, собственный опытъ итальянскаго правительства показывалъ ему, что въ отношеніяхъ къ папскому правительству чѣмъ меньше рѣзкости,

тѣмъ лучше, что папа безъ труда разрѣшаетъ въ Италіи то, что осуждаетъ въ Пруссіи, что значить, въ дѣлахъ церковныхъ итальянская политика благоразумной осторожности вѣрнѣе достигаетъ цѣли, чѣмъ прусская политика настойчивой требовательности. Таково настоящее отношеніе итальянскаго правительства къ церковнымъ вопросамъ. Но не того хотѣлось прусскому правительству. Уклончивость Италіи тамъ не понравилась. Одно время распространился было слухъ даже объ охлажденіи взаимныхъ отношеній между двумя державами, прoderжавшійся впрочемъ не долго.

Послѣ Италіи пришлось имѣть объясненіе съ Пруссіею по церковнымъ вопросамъ Бельгіи. Поводомъ къ нему послужило, впервыхъ, обнародованіе энцикликъ и папскихъ посланій, запрещенныхъ прусскою цензурою, потомъ, адресъ бельгійскихъ католиковъ съ выраженіемъ сочувствія прусскому епископату и, наконецъ, покушеніе одного бельгійца (Дюшена) на жизнь кн. Бисмарка. Подобныя выраженія смѣлости со стороны столь небольшого государства показались неумѣстными грозному и сильному сосѣду его. Это послужило, какъ мы сказали, для кн. Бисмарка поводомъ сдѣлать вопросъ о правѣ маленькихъ государствъ допускать въ своихъ предѣлахъ явленія, непріятныя и враждебныя сильнымъ государствамъ. Вину Бельгіи предъ Пруссіей увеличивала еще особенная подозрительность послѣдней. Проявленія независимости со стороны Бельгіи могли показаться для Пруссіи признаками особенно зловѣщими въ виду возможности войны съ Франціею, когда Бельгія, несочувствующая церковной политикѣ Пруссіи, могла вступить въ союзъ съ Франціею и своимъ примѣромъ вредно повліять на вновь присоединенныя къ Германіи провинціи. Столкновеніе грозило принять серьезные размѣры и Бельгіи пришлось бы можетъ быть получить внушительный урокъ за неумѣнье пользоваться своею свободою, еслибы она не успѣшила представить удовлетворительныхъ объясненій касательно предложенныхъ ей вопросовъ.

Изъ этихъ фактовъ можно вывести пока одно заключеніе: церковная борьба, длившаяся долгое время внутри Германіи, назрѣла до той степени, когда исходъ ея становится дѣломъ серьезнымъ не для одной Германіи; волей-неволей державамъ, заинтересованнымъ въ такомъ или иномъ положеніи католической

церкви, приходится втянуться въ эту борьбу. Прусско-бельгійское столкновеніе разрѣшилось къ счастью благополучно. Но начало уже положено тому, что разность въ церковно-политическихъ дѣйствіяхъ можетъ повести не къ одному только охлажденію во взаимныхъ отношеніяхъ государствъ, но и къ такимъ послѣдствіямъ, исходъ которыхъ не всегда бываетъ благополученъ.

Выступая, такимъ образомъ, на политическую арену всей Европы церковный вопросъ торопится окончить свою роль тамъ, гдѣ онъ выступилъ первоначально, въ Германіи. Неограничиваясь тѣми мѣропріятіями, которыя вошли уже въ силу и которыя весьма значительно ограничили самостоятельность церкви, онъ вынуждаетъ новыя мѣры и, можно думать, заключительныя. Къ числу таковыхъ слѣдуетъ отнести, на примѣръ, распоряженіе объ управленіи церковными имуществами, которое должно перейти въ завѣдываніе приходскихъ общинъ. Это распоряженіе имѣло цѣлю ограничить значеніе и вліяніе духовныхъ лицъ въ управленіи церковными имуществами. И этою мѣрою предполагались косвеннымъ образомъ нанести ударъ католической церкви. Какъ извѣстно, отнятіе матеріальныхъ средствъ у представителей католической церкви въ Германіи, отобраніе имуществъ, отміненіе производства субсидій на учрежденія католическія, обложеніе громадными штрафами, словомъ, обѣднѣніе католической церкви, причисляется къ разряду мѣръ существенныхъ. Предполагается, что подобныя средства должны ослабить католическую церковь, довести ее до изнеможенія, ускорить ея паденіе; безъ денегъ войны нельзя вести. Но всѣ эти мѣры были бы парализуемы въ самомъ началѣ, пока въ завѣдываніи и распоряженіи духовныхъ лицъ находились бы какіе либо другіе источники дохода, которые бы могли покрывать убыль причиняемую духовенству по другимъ статьямъ дохода, и которые бы доставляли ему средства поддерживать и продолжать борьбу. Человѣкъ еще не очень обѣднѣетъ, если у него опорожнится одинъ карманъ, а другіе останутся цѣлы. Дабы такимъ образомъ церковныя имущества, оставаясь въ рукахъ духовныхъ лицъ, не могли получить назначенія вреднаго для государства, нужно было ограничить вліяніе духовенства и въ этомъ отношеніи; въ общинѣ, контролирующей распоряженія духовнаго лица, всегда найдутся люди, не чувствующие расположенія поддерживать по-

литяку ультрамонтанъ, а потому сейчас же могуціе престѣчь злоупотребленіе церковными имуществами.

Другою репрессивною мѣрою противъ католической церкви былъ законъ объ упраздненіи монастырей. Читатели найдутъ параграфы и этого закона въ приложеніи къ настоящей статьѣ. Мотивомъ къ проведенію этого закона выставлялось приближительно слѣдующее соображеніе. Члены корпорацій, называемыхъ монастырями, при самомъ вступленіи въ нихъ произносятъ обѣтъ безусловнаго послушанія начальникамъ этихъ корпорацій; они отрываются отъ семьи и всѣхъ тѣхъ привязанностей, которыя связываютъ человека съ родиною и отечествомъ. Черезъ подобное отреченіе отъ права пользованія своею свободою они добровольно становятся слѣпными орудіями въ рукахъ своихъ начальниковъ; дѣйствуютъ не такъ какъ хотятъ, и какъ представляется имъ можетъ быть болѣе благоразумнымъ, но какъ требуютъ отъ нихъ ихъ начальники; обѣтъ безусловнаго послушанія обязываетъ ихъ подавлять въ себѣ все, что противорѣчитъ и не согласуется съ видами ихъ начальниковъ. Скрепленіе такого рода людей въ извѣстномъ государствѣ создаетъ силу, требующую бдительнаго за собою надзора. А когда руководителями и направителями ихъ становятся чужеземцы, или люди чуждые видамъ государства, люди даже враждебно относящіеся къ распоряженіямъ государства, тогда эта сила становится опасною для государственныхъ интересовъ; исчезновеніе этой силы должно быть, поэтому, дѣломъ желательнымъ. Тутъ мало только положить преграду распространенію и усиленію подобныхъ корпорацій въ будущемъ; тутъ требуется положительное мѣропріятіе относительно уже существующихъ корпорацій. Съ этою цѣлію и составленъ законъ объ упраздненіи монастырей. Нельзя не согласиться, что эта мѣра должна быть отнесена къ одной изъ самыхъ чувствительныхъ для католической церкви; послѣ закона о закрытіи католическаго департамента при министерствѣ — это едва ли не самая сильная. Всякому извѣстно, какое сильное вліяніе на религіозное направленіе мѣстности можетъ имѣть монастырь, расположенный въ этой мѣстности; упраздненіе этой силы лишаетъ католическую церковь возможности пропагандировать свои воззрѣнія.

Но въ видомъ всѣхъ этихъ мѣръ является законо-проектъ, объ

измѣненіи нѣкоторыхъ статей конституціи; цѣлію этого измѣненія служить всецѣлое подчиненіе всѣхъ религіозныхъ общинъ государственнымъ законамъ. Такимъ образомъ и католическая церковь должна вступить въ разрядъ общинъ, подлежащихъ вѣдѣнію и наблюденію государственныхъ властей. Въ силу этого закона католическіе епископы лишаются права непосредственнаго сношенія съ церковными властями и начальниками; всѣ дѣла, исходящія отъ лица ихъ или касающіяся ихъ, должны подчиниться тому же порядку, который господствуетъ въ чиновничьемъ мірѣ. Какъ, повидимому, ни своевременны и ни благовидны мотивы, вызвавшіе появленіе подобнаго законопроекта, но тѣмъ не менѣе какъ посягательство на одно изъ коренныхъ учреждений страны, какъ покушеніе стѣснить и ограничить конституцію, онъ смутилъ не однихъ католиковъ. Вотъ почему обсужденіе этого законопроекта въ прусской палатѣ господъ вызвало оживленныя и даже горячія пренія; защитниками правъ церкви явились даже люди не католическаго вѣроисповѣданія. Нападенія противниковъ законопроекта вынуждали не разъ самого кн. Бисмарка оправдывать необходимость проводимыхъ имъ мѣръ. И не всегда-то особенно церемонный по отношенію къ людямъ, не раздѣляющимъ его воззрѣній, кн. Бисмаркъ на этотъ разъ кажется болѣе чѣмъ когда-либо не щадилъ ихъ (выдержки изъ этой рѣчи приведены въ 43 № Ц. О. В.). «Я могу считать себя политическимъ другомъ или союзникомъ только тѣхъ, которые подчиняютъ свою религію политикѣ», говорилъ онъ. Насколько всѣ эти и подобныя имъ мѣры оказываются достигшими цѣли,—объ этомъ сказать рѣшительное слово было бы дѣломъ преждевременнымъ. Но несправедливо было бы думать, чтобы эти удары, повидимому рассчитанные только на католическую церковь, ограничивались только ею одною; выходитъ, что они задѣваютъ и протестантскую церковь, и, что всего удивительнѣе, для послѣдней они сопровождаются чуть ли не большимъ ощущеніемъ боли, чѣмъ даже для церкви католической. Всѣ удары, говорится въ одной корреспонденціи *Allg. Ev.-Luth. Kirchenz.*, которыми государство хочетъ поразить теперь римско-католическую церковь, или что то же ультрамонтанъ, падаютъ на евангелическую церковь. Отскакивая безслѣдно отъ твердой, независимой по отношенію къ государству, организаціи той

церкви, служа даже къ укрѣпленію ея, они, вопреки можетъ быть желанію государства, обрушиваются на евангелическую церковь. Гражданскій бракъ, отмѣненіе обязательности крещенія, свободное избраніе духовныхъ лицъ, — вотъ три глубокія раны, которыя причинило государство евангелической церкви. Остановившаяся на послѣднемъ, означенная корреспонденція говоритъ: «При томъ состояніи, въ какомъ находятся въ настоящее время наши общины, подобное нововведеніе не обѣщаетъ никакихъ добрыхъ послѣдствій. Кто не слыхалъ о тѣхъ махинаціяхъ, которыя не въ рѣдкость при выборахъ пасторовъ даже въ общинахъ церковно-настроенныхъ? Это захаживаніе кандидатовъ у избирателей, это вліяніе непотизма, это стремленіе баллотированныхъ пасторовъ поддѣлываться подъ вкусъ слушателей — дѣло обычное. Но если такъ бываетъ съ зеленѣющимъ деревомъ, то что же будетъ съ сухимъ?»

«Обратимъ вниманіе на окружающія насъ сельскія общины: что можно о нихъ сказать? Онѣ представляются духовно умершими. У нихъ нѣтъ способности судить о духовныхъ предметахъ. Онѣ едва ли могутъ различить то, вѣруетъ или нѣтъ предлагаемый имъ кандидатъ. И эти люди, бѣдные духовно, невѣжественные въ отношеніи къ божественнымъ предметамъ, столь далекіе отъ жизни въ Богѣ, вдругъ должны рѣшать выборъ о своемъ пастырѣ. При такихъ обстоятельствахъ опасность симоніи лежитъ недалеко. Свобода выборовъ при этомъ становится иллюзіею. Кто-нибудь одинъ заправляетъ остальными. Весьма часто такимъ бываетъ человѣкъ, отъ котораго зависятъ крестьяне въ мірскихъ своихъ дѣлахъ. Кого захочетъ этотъ человѣкъ, того и выбираютъ члены общины. Если этотъ человѣкъ вѣрующій, то еще хорошо, а много ли такихъ людей въ наше время? Во всякомъ случаѣ избраніе становится продуктомъ воли такого человѣка. Послѣдствіе этого новаго закона таково: духовное лице благонадежное въ конфессіональномъ отношеніи, изъ лютеранъ, можетъ оставаться безъ мѣста; даже положительные унионисты боятся провалиться при этихъ новыхъ выборахъ. Въ виду такихъ обстоятельствъ угрожаетъ повсюдный упадокъ духовнаго званія».

Точно также и другой законъ, который тоже по первоначальному своему назначенію имѣлъ въ виду нанести пораженіе

католической церкви, именно законъ объ изъятіи изъ круга обязанностей священнослужителей веденія метрическихъ книгъ, сопровождался прежде всего горькими послѣдствіями для протестантской церкви. Пока еще не слышать о томъ, чтобы онъ причинилъ серьезный вредъ католической церкви, но судя по той тревогѣ, которую забили нѣкоторыя протестантскія газеты, можно догадываться, гдѣ скорѣе всего обнаружилась опасность. Въ Берлинѣ, переполненномъ разнаго рода либералами, радикалами, социалистами, въ Берлинѣ, гдѣ невѣріе глубоко пустило корни даже въ низшихъ классахъ общества, новый законъ вызвалъ тамъ явленія, которыя заставляютъ серьезно задуматься относительно послѣдствій его. Вотъ два факта довольно характеристичные (заимствуемъ ихъ изъ названной уже нами газеты *Allg. Ev.-Luth. Kirchenz.*). Къ одному изъ берлинскихъ суперинтендентовъ разъ приходитъ жена рабочаго съ просьбою окрестить ея ребенка, но вмѣстѣ съ тѣмъ просить позволенія принести ребенка для окрещенія къ суперинтенденту вечеромъ на домъ. При дальнѣйшемъ разговорѣ съ нею оказалось, что ея мужъ состоитъ членомъ одной рабочей ассоціаціи, которая, воспользовавшись новымъ закономъ, строжайшимъ образомъ воспретила членамъ своимъ крестить дѣтей подъ угрозою изгнанія изъ общества; мужъ ея, правда, далъ ей позволеніе окрестить ребенка, но съ условіемъ, чтобы она устроила это дѣло такъ, какъ будто онъ про то и не знаетъ, и заранѣе ее предупредилъ, что если неравно узнано будетъ о томъ всѣми, то онъ ее обругаетъ какъ поступившую безъ его вѣдома. Этотъ фактъ, говоримъ, характерный. Онъ свидѣтельствуетъ о томъ направленіи, которое существуетъ относительно религіозныхъ предметовъ въ рабочемъ классѣ. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что это случай не единственный. Тутъ не смотря на препятствія мать рѣшается исполнить надъ ребенкомъ религіозную обязанность; а сколько можетъ быть случаевъ, когда дѣти остались безъ крещенія единственно потому, что ихъ родители не рѣшились бороться съ этими препятствіями и подвергаться неприятымъ послѣдствіямъ нарушенія взаимнаго договора; сколько можетъ быть случаевъ, когда родители и по внутреннему убѣжденію, по отсутствію религіозныхъ потребностей, совсѣмъ и не помыслили объ исполненіи надъ дѣтьми этой необходимой религіозной обязанности. Очень легко можетъ слу-

чѣтся, что слѣдующее поколѣніе рабочаго класса выростетъ и воспитается въ совершенномъ отчужденіи отъ христіанской религіи. Другой фактъ характеризуетъ направленіе болѣе высшаго берлинскаго общества. У одного господина, занимающаго довольно видное положеніе въ обществѣ и извѣстнаго за религіознаго человѣка, рождается дитя; онъ посылаетъ своего слугу къ чиновнику съ письменнымъ извѣщеніемъ объ этомъ; чиновникъ записываетъ рожденіе въ регистръ и отпуская слугу говоритъ ему: «передай г. барону мой поклонъ и скажи ему, пускай не беспокоится онъ крестить дитя; настоящею записью все нужное сдѣлано». Черезъ часъ слуга снова является къ чиновнику съ такого рода отвѣтомъ: «г. баронъ приказалъ доложить г. чиновнику, что онъ воспрещаетъ на будущее время говорить подобныя глупости». «Нечего удивляться, прибавляетъ корреспондентъ означенной газеты, если при такомъ отношеніи къ своему дѣлу чиновниковъ только *половина* изъ рожденныхъ дѣтей бываетъ крещена, а изъ всего числа браковъ только 10% просить себѣ церковнаго благословенія».

Когда стали извѣстными прискорбныя послѣдствія современной церковной политики Германіи, то они смутили, какъ видятъ читатели, христіанскую совѣсть не однихъ только католиковъ, а и протестантовъ. За то радикализмъ и невѣріе увидѣли себя въ союзѣ съ правительствомъ и въ означенныхъ фактахъ почувствовали свое торжество и побѣду надъ христіанствомъ. Въ виду этихъ обстоятельствъ смущающаго характера прусское правительство сдѣлало попятный шагъ; въ одномъ случаѣ школьный учитель, а въ другомъ—фельдфебель, рѣшившіеся было при заключеніи своихъ браковъ ограничиться только гражданскою стороною дѣла, пока то позволялъ и законъ, неожиданно для нихъ подверглись выговору отъ начальства за уклоненіе отъ церковнаго благословенія своихъ браковъ. Подобные факты были встрѣчены громкими выраженіями неодобренія со стороны радикаловъ, какъ дѣйствіе непослѣдовательное и противорѣчащее принципу. А партія радикаловъ подъ эгидою правительства думала было повести дѣло далѣе. Говорили, что со стороны этой партіи было уже сдѣлано правительству предложеніе о проведеніи законодательнымъ порядкомъ ея проекта относительно сожиганія труповъ умершихъ людей; министръ отклонилъ подобное предло-

женіе, имѣвшее цѣлю поскорѣе обяычить общество; и это дѣйствіе правительства не обошлось безъ колкихъ замѣчаній со стороны радикаловъ. Предполагая послѣдовательность въ дѣйствіяхъ правительства радикалы, конечно, ожидали не того. Видя, что правительство не затруднилось оторвать живаго человѣка отъ совершенія надъ нимъ важнѣйшихъ христіанскихъ священнодѣйствій, освящающихъ важнѣйшія минуты жизни человѣка, они, можетъ быть, не могли объяснить себѣ уклоненіе его отъ мѣнныя совершеніе надъ мертвымъ человѣкомъ обряда, конечно священнаго для христіанской совѣсти, но не важнаго для тѣхъ, надъ которыми не совершались названныя выше священнодѣйствія.

Какое же можемъ мы теперь въ заключеніе сдѣлать общее соображеніе относительно положенія церковныхъ дѣлъ на Западѣ? Какія предположенія мы можемъ дозволить себѣ относительно послѣдствій теперешней борьбы, ареною которой служить Германія? Всѣ тѣ, которые одобряютъ церковную политику Германіи, видятъ въ теперешней борьбѣ «культурную борьбу», борьбу за цивилизацію, за прогрессъ, за безпрепятственное движеніе просвѣщенія, которому католическая церковь всегда старалась ставить помѣхи. Въ такомъ свѣтѣ старается представить иногда это дѣло и самъ герой этой борьбы. Казалось бы, что и въ самомъ дѣлѣ такъ. Достаточно припомнить темный періодъ среднихъ вѣковъ, когда на пыткахъ «святой инквизиціи» и на кострахъ, по требованію католической церкви и яко бы «во славу Божію» умирали въ ужаснѣйшихъ мученіяхъ глашатаи новыхъ и лучшихъ идей. Да и не заходя столь далеко, на памяти каждаго пресловутый силлабусъ предающій вѣчному осужденію все, чѣмъ гордится нашъ просвѣщенный XIX вѣкъ. Достаточно, говорятъ, припомнить все это, чтобы убѣдиться, что католическая церковь съ ненавистію заклятаго врага относилась къ успѣхамъ наукъ и знаній. Характеръ ея съ среднихъ вѣковъ, говорятъ, мало измѣнился къ лучшему, такъ что будь она въ такой же силѣ какъ тогда, имѣй такую же власть надъ умами, она бы и теперь повторила всѣ ужасы временъ «священной инквизиціи». Въ виду этого всѣ, кому дороги успѣхи просвѣщенія должны видѣть въ кн. Бисмаркѣ рыцаря свободной мысли, защитника и спасителя важнѣйшихъ правъ человѣческой личности, угнетаемыхъ и по-

рабошаемыхъ, или могущихъ подпасть угнетенію и порабощенію, если бы какимъ-либо случаемъ успѣхъ въ борьбѣ остался за католическою церковью. Въ такомъ свѣтѣ дѣло представляется для тѣхъ, которые называютъ церковную борьбу въ Германіи «культурною борьбою». Но правильно ли такое представленіе дѣла? Каковъ характеръ той культуры, подъ знаменемъ которой ведется эта борьба? Что сулитъ человѣчеству эта культура? вотъ вопросы, которые заслуживаютъ внимательнаго изслѣдованія ¹⁾.

Св. в. М. Воздвиженскій.

¹⁾ Мы надѣемся въ одной изъ послѣдующихъ книжекъ познакомить читателей съ воззрѣніями касательно всего этого дѣла, принадлежащими людямъ, приобрѣтшимъ извѣстность въ русской литературѣ и русскомъ обществѣ. Это воззрѣнія О. И. Тютчева и И. С. Аксакова. Въ настоящее время, въ самый разгаръ церковно-политической борьбы въ Германіи ознакомленіе съ этими воззрѣніями мы считаемъ не только дѣломъ благовременнымъ но и необходимымъ. *Ред.*

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

ОБЩЕСТВО ДЛЯ РАСПРОСТРАНЕНІЯ СВ. ПИСАНІЯ ВЪ РОССІИ.

(1863—74 г.).

Въ началѣ 1863 г., вскорѣ послѣ появленія *Новаго Завета* на рускомъ языкѣ, въ С.-Петербургѣ возникъ небольшой частный кружокъ, поставившій себѣ задачею содѣйствовать съ своей стороны, по мѣрѣ силъ, распространенію въ народѣ этой святой книги, чтобы доставить ее тѣмъ, которые не имѣютъ еще ея по невѣдѣнію, бѣдности или инымъ подобнымъ причинамъ. Это было время, когда въ образованномъ сословіи пробудилось почти всеобщее стремленіе распространять грамотность въ народѣ. Но извѣстно, какое неизгладимое впечатлѣніе оставляетъ *первая* прочитанная книга: какъ важно поэтому, чтобы эта первая книга, попавшая въ руки грамотному простолюдину, была не вздорная какая нибудь книжонка, а *Слово Божіе*, „умудряющее простыхъ“ (Псал. 18, 8). Эта мысль воодушевляла новою ревностью лицъ, положившихъ начало „Обществу для распространенія Св. Писанія въ Россіи“, уставъ коего 2 мая 1869 г. удостоился Высочайшаго утвержденія.

Общество положило руководствоваться слѣдующими правилами:

1) Распространять лишь книги Свящ. Писанія, изданныя по благословенію св. Синода.

2) Продавать св. книги въ переплетѣ по возможно дешевой цѣнѣ, людямъ же совершенно бѣднымъ, равно какъ и въ больницы, богадѣльни, тюрьмы, бѣдныя школы уступать по уменьшенной еще цѣнѣ и даже дарить, по мѣрѣ средствъ Общества.

3) Для того, чтобы св. книги *всюду* могли быть продаваемы по одной и той же цѣнѣ, назначенной Обществомъ, принимать для желающихъ, пересылку ихъ на счетъ Общества.

Кромѣ обыкновеннаго способа продажи книгъ изъ складовъ, принять былъ и другой еще способъ распространенія св. книгъ, цѣлесообразность котораго особенно у насъ, нельзя не признать. Мы разумѣемъ распространеніе св. книгъ *въ разность*. Нашъ простолюдинъ, напр., не привыкъ покупать книгу въ магазинахъ,—онъ охотнѣе пріобрѣтетъ ее изъ рукъ разносчика; иной, быть-можетъ, и не слыхалъ еще о появленіи *Новаго Завета* на рускомъ языкѣ; съ другой стороны, находящіеся

въ больницахъ, тюрьмахъ или на фабрикахъ и т. п. не могутъ сами пойти за Евангеліемъ, хотя бы и желали его имѣть, — въ такомъ нужно принести его. У много (и непростолюдина) одинъ видъ принесеннаго ему Евангелія и дешевизна книги можетъ возбудить желаніе приобрести его. Великая разница — книга лежащая и книга „ходячая“, книга, которая ждетъ или которая *ищетъ* покупателей. Вотъ одинъ изъ примѣровъ тому. Петербургскій книжный торговецъ, продававшій книги со стороны у Полицейскаго моста, купилъ однажды у книгоноши Ф. экземпляръ Новаго Завѣта въ хорошенькомъ красномъ переплетѣ, и положилъ его вмѣстѣ съ прочими книгами на виду тысячъ людей, ежедневно проходившихъ мимо. „Любопытство все меня беретъ“, говорила Ф. „проданъ ли онъ? Какъ ни иду мимо, взгляну, — нѣтъ, все лежитъ: поблѣлъ даже лежъ!“ Такъ пролежалъ онъ нѣсколько мѣсяцевъ. Сама же Ф. продавала въ разность ежемѣсячно 200—300 экз. св. книгъ. Съ этого способа распространенія св. книгъ и начали члены Общества; но, связанные другими обязанностями, могли прибѣгать къ нему лишь при случаѣ и въ свободное время. Чтобы дать распространенію св. книгъ въ разность желаемое развитіе необходимы были лица, которыя бы исключительно посвятили себя этому дѣлу, необходимы были *книгоноши*. Отъ книгоноши требовались любовь къ дѣлу, безусловная честность, благочестіе, знаніе Св. Писанія, или по крайней мѣрѣ нѣкоторое знакомство съ нимъ, чтобы иному „темному человѣку“ объяснить, что содержится въ Св. Писаніи и тѣмъ пробудить желаніе приобрести его, наконецъ усердіе — до самоотверженія; требовалось словомъ то, что мы называемъ *призваніемъ*. Простой „наемникъ“ для подобнаго дѣла очевидно не годился. Общество имѣло счастье найти съ самаго начала, въ своей средѣ, желаемаго книгоношу въ лицѣ О. Б. Ф.

Съ 1863 г. нашъ первый „книгоноша“ началъ дѣлать поѣздки на Нижегородскую ярмарку, по Приволжью и далѣе въ Саратовскія степи и на Кавказъ, стараясь доставить св. книги туда, гдѣ неизвѣстно еще было даже и о появленіи Новаго Завѣта на русскомъ языкѣ, и куда эта св. книга инымъ путемъ, вѣроятно, не скоро бы еще проникла. Такъ на южной окраинѣ Саратовскихъ степей крестьяне села Александровъ-Гай купили у Ф. 168 экз. Новаго Завѣта. На Кавказѣ, по разнымъ городамъ и селеніямъ, а болѣе всего между расположенными тамъ войсками въ теченіи двухъ лѣтъ распространено было имъ до 8000 экз. Новаго Завѣта. Вездѣ нашъ „книгоноша“ былъ желаннымъ гостемъ, вездѣ, привозимый имъ издалека, Новый Завѣтъ на родномъ языкѣ принимался съ радостью. „Это уже давно бы надо сдѣлать, потому что намъ эту книгу достать нельзя!“ замѣтилъ саратовскій купецъ, узнавъ отъ Ф., что въ Петербургѣ образовался кружокъ людей, которые жер-

твуютъ свой трудъ и средства для распространенія въ народѣ Евангелія по возможно дешевой цѣнѣ. „Слава Тебѣ, Господи, добился!“ громко воскликнулъ, снявши шапку и набожно перекрестясь, молодой подмастерье въ г. Атеарскѣ, получивъ изъ рукъ нашего книгоноши Новый Завѣтъ. Подобныхъ примѣровъ неподдѣльной радости, съ какою принимается народомъ „книга жизни“ и вмѣстѣ трудности достать ее вдали отъ столицъ, много можно было бы привести. „За эту книгу, братцы, надо жизнь отдать!“ воскликнулъ одинъ солдатъ, держа Евангеліе въ рукахъ. „Эта книга—душа моя!“ выразился другой, прижимая Евангеліе къ груди, „умру—не оставлю ее!“ Въ г. Азовѣ нагоняетъ нашего книгоношу большой старикъ—крестьянинъ въ тѣлѣгѣ. Версть за семь оттуда, въ станицѣ, купилъ онъ у него Новый Завѣтъ на русскомъ языкѣ, но знакомая госпожа, по словамъ его, „отбила“ у него эту книгу. Послѣ долгихъ розысковъ, найдя, наконецъ, Ф., старикъ несказанно обрадовался и, купивъ другой экземпляръ Новаго Завѣта, онъ громко воскликнулъ, поднявъ глаза къ небу и набожно крестясь: „слава Тебѣ, милосердому Богу!“

Какую притягательную силу имѣетъ Евангеліе для инаго „простаго“ человѣка, еще незнакомаго съ нимъ, представляетъ слѣдующій разительный примѣръ. Въ 1865 г. на пути изъ Нижняго въ Саратовъ, нашъ книгоноша Ф. долженъ былъ вмѣстѣ съ прочими пассажирами прождать парохода трое съ половиною сутокъ на Самарской пристани. Отъ нечего дѣлать разсказывали воспоминанія изъ своей прежней жизни и читали. Между слутниками былъ отличный чтець: „Въ послѣдній вечеръ“, разсказываетъ Ф., „я попросилъ его прочитатъ намъ что-нибудь изъ Евангелія отъ Луки. Онъ исполнилъ мою просьбу и прочелъ первыя восемь главъ одну за другою. Впечатлѣніе, какое производили на нѣкоторыхъ эти чудные разсказы, было поразительно. Я желалъ бы быть живописцемъ, чтобы изобразить эту сцену! Одинъ матросъ, совсѣмъ собравшійся выйти по дѣламъ, остановился посреди комнаты, какъ былъ, въ шубѣ, въ шапкѣ, съ фонаремъ въ рукѣ, какъ прикованный, съ широко раскрытыми глазами, неподвижно устремленными на чтеца съ выраженіемъ напряженнѣйшаго вниманія на лицѣ... Возлѣ меня на полу сидѣла женщина; дернувъ меня за руку, она тихонько спросила: „что это за книга?“ Это—*Евангеліе*, отвѣчалъ я. „Ахъ, какое чудное чтеніе!“ замѣтила она, тихо покачивая головою.

Не менѣе сочувственно встрѣчено было появленіе „Общества для распространенія Св. Писанія въ Россіи“ и пастырями Церкви. „Ваше дѣло было точно отзвѣвъ на наши задушевные мысли, потому какъ намъ было не высказать сердечнаго желанія и полной готовности служить насущно необходимому дѣлу, вами начатому?“ писалъ въ Общество въ

1870 г. одинъ сельскій священникъ. „Никого не можетъ такъ утѣшать и радовать учрежденіе Общества для распространенія Св. Писанія въ Россіи, какъ священника“, писалъ другой священно-служитель, предлагая себя въ члены Общества. Въ томъ же году миссіонеръ между раскольниками въ одномъ изъ нашихъ промышленныхъ центровъ, предлагая себя въ члены Общества, писалъ между прочимъ: „радуясь успѣху распространенія, паче всего, вѣчныхъ истинъ принесенныхъ Господомъ нашимъ Иисусомъ Христомъ, содержащихся въ святомъ Евангеліи, о которомъ многія деревни малѣйшаго не имѣютъ понятія,—я искренно желаю быть членомъ-сотрудникомъ великаго дѣла.“

Мы высоко цѣнимъ участіе духовныхъ лицъ въ дѣлѣ Общества, видя въ томъ залогъ преуспѣянія его. „Это собственно наше дѣло!“ выразился одинъ изъ уважаемыхъ пастырей Церкви. Но мы знаемъ, какъ затруднительно священнослужителю отдаленной мѣстности, а тѣмъ болѣе небогатому средствами сельскому священнику приобрѣтать св. книги для распространенія ихъ между своими прихожанами. Общество наше почитаетъ себя счастливымъ, что могло прійти, въ этомъ случаѣ, на помощь многимъ священно-служителямъ и приобрѣсти въ нихъ ревностныхъ сочленовъ¹⁾. Нѣкоторые изъ нихъ, въ святой ревности, подобно книгошамъ, обходили своихъ прихожанъ, предлагая имъ Св. Евангелія, другіе, для той же цѣли, брали съ собою св. книги, отправляясь на требы или ходя съ иконами по домамъ въ праздникъ Пасхи, внушая, вмѣстѣ съ тѣмъ о необходимости имѣть въ домѣ Св. Евангеліе и объясняя содержаніе его. „Полученныя книги, Св. Евангелія“, писалъ въ Общество сельскій священникъ одной изъ сѣверныхъ губерній, „съ радостью были приняты всѣми, кому были предложены. Но самыми усердными покупателями были дѣти, обучающіяся грамотѣ... по выходѣ изъ школы *каждый вечеръ при лучинѣ прочитываютъ они по нѣсколь-ку страничекъ Св. Евангелія*, и этимъ самымъ семья отвлекается отъ пустыхъ и бесполезныхъ разговоровъ“.

Въ настоящее время прошло двѣнадцать лѣтъ отъ перваго начала Общества. Вотъ краткій отчетъ о его дѣятельности:

Распространено св. книгъ:

Въ 1863 г.	2.450 экз.
„ 1864 г.	4.747 „
„ 1865 г.	13.385 „
„ 1866 г.	19.849 „
„ 1867 г.	17.433 „

¹⁾ Къ началу 1875 г. въ составѣ Общества числилось 66 лицъ духовнаго званія.

Въ 1868 г.	27.716 экз.
„ 1869 г.	19.591 „
„ 1870 г.	42.841 „
„ 1871 г.	72.867 „
„ 1872 г.	84.976 „
„ 1873 г.	66.162 „
„ 1874 г.	33.373 „
<hr/>	
Итого за 12 лѣтъ.	405.390 экз.

Въ томъ числѣ подарено около 5000 экз. въ тюрьмы, больницы, богадѣльни, школы и бѣднымъ людямъ. Здѣсь кстати замѣтить, что цѣны на св. книги для удобства покупателей, назначены въ каталогѣ Общества столь низкія, что они далеко не покрываютъ расходовъ по заготовленію и распространенію ихъ.

Вышеозначенные 405.390 экз. распространены въ большей части губерній Европейской Россіи (особенно по Приволжью), частью въ Закавказьѣ и Сибири (преимущественно въ Западной), причемъ крайними пунктами распространенія были Архангельскъ, Або, Варшава, Кишиневъ, Тифлисъ, Самаркандъ, Ташкентъ, Усть-Каменогорскъ (Семипалатинскій обл.), Кяхта, ст. Шеланугино (Забайкальской области), Енисейскъ и Верхотурье.

Вмѣстѣ съ тѣмъ число участниковъ въ дѣлѣ Общества, начавшихся съ 8 лицъ, постепенно возрастало: къ исходу 1874 г. въ составѣ Общества находилось 8 книгоношъ и 367 прочихъ членовъ, изъ коихъ многіе получали изъ складовъ Общества св. книги для распространенія ихъ въ мѣстѣ ихъ жительства, 8 книгоношъ, конечно, немного на всю Россію; но лицъ, удовлетворяющихъ всѣмъ условіямъ хорошаго книгоноши найти нелегко. Мы предпочитаемъ имѣть немного, но испытанныхъ книгоношъ, на которыхъ вполне можно было бы положиться. Съ Словомъ Божиимъ нельзя обращаться какъ со всякою другою книгою: важно не только распространеніе его, но также и то, *кто и какъ* его распространять; по этому книгоноши избираются лишь изъ членовъ Общества, и притомъ послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго испытанія. Должно, наконецъ, сказать, что и средства Общества не позволяли имѣть большаго числа книгоношъ.

Никакихъ капиталовъ Общество не имѣетъ, и ведетъ свое дѣло лишь на добровольныя пожертванія.

Изъ предыдущаго краткаго очерка видно, что сдѣлано Обществомъ въ двѣнадцать лѣтъ его существованія; въ сравненіи съ потребностями нашего обширнаго отечества, это, можно сказать, капля въ морѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ тысячи мѣстъ Слово Божіе не проникло еще; нужно

было бы имѣть гораздо болѣе книгоношъ; желательно было бы также снабжать безмездно книгами Св. Писанія больницы, богадѣльни, тюрьмы, бѣдныя школы и т. п. въ несравненно большемъ размѣрѣ, нежели въ какомъ средства Общества позволяли то дѣлать доселѣ; часто бывали даже и такіе случаи, что Общество, за недостаткомъ средствъ, отчасти лишь только могло удовлетворять поступающимъ въ него требованіямъ. Желательно было бы, наконецъ удешевить еще болѣе цѣну св. книгъ.

Чтобы „Общество для распространенія Св. Писанія въ Россіи“ могло стоять на высотѣ своей задачи, чтобы оно могло *каждому желающему* доставить „книгу жизни“, оно должно имѣть болѣе средствъ. Мы обращаемся поэтому къ нашимъ любезнымъ соотечественникамъ, предлагая всѣмъ, кому дорого распространеніе въ народѣ русскомъ познанія Слова Божія, принять вмѣстѣ съ нами, участіе въ этомъ святомъ и великомъ дѣлѣ — добротнымъ денежнымъ пожертвованіемъ, склоненіемъ къ подобному пожертвованію другихъ, личнымъ трудомъ чрезъ непосредственное распространеніе св. книгъ въ мѣстѣ своего жительства, наконецъ — молитвою, теплою сердечною молитвою къ Подателю всякихъ благъ, чтобы Слово Божіе распространялось въ народѣ русскомъ, озаря сердца своимъ чуднымъ свѣтомъ и возражая ихъ къ новой, святой жизни *).

Въ отчетахъ Общества за 1869 и 1870 г. приведено нѣсколько примѣровъ спасительнаго вліянія Евангельскаго слова на несчастныхъ, подпавшихъ было пороку пьянства.

*) 1 Петр. I, 23; Іак. I, 21; 2 Тимое. III, 16. Нѣтъ возможности прослѣдить дѣйствіе въ этомъ отношеніи многихъ тысячъ экземпляровъ Св. Писанія, распространенныхъ въ народѣ; мы могли бы указать, однакожъ, на нѣсколько утѣшительныхъ примѣровъ, случайно сдѣлавшихся извѣстными Обществу. Такъ одинъ рядовой, купивши у книгоноши Г. въ 1870 г. „Новый Заветъ“, спустя годъ, встрѣтивъ его опять (въ Петербургѣ), съ радостью привѣтствовалъ его. „Прежде“, сталъ онъ ему рассказывать „живя въ деревнѣ, я былъ неграмотный (онъ выучился грамотѣ въ полку уже); вставъ утромъ, помолюсь Богу; а пошелъ прочь,—и забылъ все. А теперь читаю Новый Заветъ, и цѣлый день все думаю, какъ Спаситель на землѣ былъ, какъ чудеса творилъ, какъ страдалъ.... Прежде я былъ темный человекъ, а теперь какъ читаю Евангеліе,—такъ *свѣтло* стало“!

Подобнымъ же образомъ выразился одинъ трактирный служитель въ Петербургѣ, встрѣтась въ 1871 г. съ книгоношею Л., у которой онъ за годъ передъ тѣмъ купилъ „Новый Заветъ“: „много мнѣ пользы принесла твоя книга,—спасибо тебѣ: я сталъ по крайней мѣрѣ *человѣкомъ*, много я оставилъ „прочаго“, — благодарю Бога теперь“!

„Пожертванія въ пользу Общества принимаются въ правленіи онаго“ помѣщающагося „въ С.-Петербургѣ“ (на Васильевскомъ острову, въ Волховскомъ переулкѣ, близъ биржи, въ домѣ № 3).

Кромѣ того, на основаніи § 8 Устава, приношенія принимаются также въ сборныя книжки членовъ Общества, списокъ коихъ помѣщается въ годовыхъ отчетахъ, высылаемыхъ безмездно правленіемъ, по первому требованію.

УСТАВЪ ОБЩЕСТВА ДЛЯ РАСПРОСТРАНЕНІЯ СВ. ПИСАНІЯ ВЪ РОССИИ.

§ 1. Въ С.-Петербургѣ учреждается Общество, имѣющее цѣлю содѣйствовать распространенію въ Россіи Св. Писанія, т. е. книгъ Ветхаго и Новаго Завѣта, изданныхъ по благословенію святѣйшаго Синода, преимущественно же Евангелія и апостола въ русскомъ переводѣ.

§ 2. Общество составляется изъ членовъ дѣйствительныхъ и членовъ сотрудниковъ.

Дѣйствительными членами считаются: вопервыхъ учредители Общества и вторыхъ тѣ, которые избраны будутъ въ сіе званіе по предложенію двухъ дѣйствительныхъ членовъ; избраніе же въ дѣйствительные члены производится на основаніи § 5.

Число дѣйствительныхъ членовъ Общества не должно быть свыше 40.

Членами сотрудниками могутъ быть лица обоюго пола, всѣхъ состояній и званій, содѣйствующія вообще успѣху Общества—распространеніемъ книгъ Св. Писанія (въ разность или иначе), приеомомъ пожертвованій въ пользу Общества по книжкамъ и въ кружки (§ 8) и т. п. Члены сотрудники избираются собраніемъ дѣйствительныхъ членовъ, на основаніи § 5.

§ 3. Дѣлами Общества завѣдуютъ предсѣдатель собранія, казначей и секретарь, избираемые, на основаніи § 5, изъ числа дѣйствительныхъ членовъ, на 3 года; въ помощь къ нимъ, а равно и для замѣны ихъ во время отсутствія или болѣзни, избираются кандидаты. Всѣ сіи лица составляютъ правленіе Общества. По окончаніи трехлѣтія избраніе можетъ возобновиться.

Примѣчаніе. Исходящія бумаги Общества подписываются предсѣдателемъ и сверяются секретаремъ.

§ 4. Собранія Общества бываютъ годовыя и повременныя. Первые назначаются для выслушанія годоваго отчета Общества и для избранія предсѣдателя, казначея и секретаря съ кандидатами къ нимъ; въ послѣднихъ, созываемыхъ, за исключеніемъ каникулярнаго времени, не менѣе одного раза въ мѣсяць, производятся выборы новыхъ членовъ

Общества, свидѣлствуются суммы Общества, выслушиваются отчеты и корреспонденція, обсуждаются разнаго рода мѣры о лучшемъ устройствѣ дѣлъ Общества и проч.

§ 5. Собранія созываются по усмотрѣнію предсѣдателя или же по заявленію одной трети дѣйствительныхъ членовъ Общества. Дѣла въ нихъ рѣшаются по взаимному согласію присутствовавшихъ членовъ; впрочемъ, если бы въ крайнемъ случаѣ подобнаго рѣшенія не состоялось, то дѣло, по усмотрѣнію предсѣдателя, можетъ быть рѣшено и по простому большинству голосовъ; въ послѣднемъ случаѣ, при равенствѣ голосовъ, то мнѣніе имѣетъ перевѣсъ, съ которымъ согласенъ предсѣдатель. Для дѣйствительности же сихъ собраній требуется присутствіе не менѣе десяти дѣйствительныхъ членовъ Общества, считая въ томъ числѣ и предсѣдателя:

Члены сотрудники могутъ быть приглашаемы, для совѣщанія, въ собранія Общества, но права голоса не имѣютъ.

§ 6. Суммы Общества расходуются на надобности онаго по опредѣленію собранія Общества чрезъ казначея.

§ 7. Предъ каждымъ годовымъ собраніемъ избираются три члена для повѣрки денежной отчетности Общества за истекшій годъ.

§ 8. Средства Общества составляются изъ взносовъ членовъ онаго и добровольныхъ приношеній постороннихъ благотворителей. Для приѣма пожертвованій всѣмъ вообще членамъ могутъ быть выдаваемы, по опредѣленію собранія, особыя книжки и кружки: первыя—съ скрѣпкою (по листамъ) предсѣдателя, а вторыя—за печатью Общества. Приношенія принимаются также въ правленіи Общества.

§ 9. Распространеніе книгъ Св. Писанія (въ разность) возлагается, подъ ближайшимъ наблюденіемъ Общества, съ надлежащаго разрѣшенія, на членовъ Общества, по ихъ желанію. Членамъ симъ выдается отъ Общества, за подписью предсѣдателя, письменное удостовѣреніе въ настоящемъ ихъ званіи. Кромѣ того Общество принимаетъ на себя учрежденіе, по мѣрѣ возможности, и съ разрѣшенія духовнаго вѣдомства, небольшихъ книжныхъ складовъ при церквахъ, для распространенія Св. Писанія въ народѣ чрезъ церковныхъ старостъ или другихъ довѣренныхъ лицъ.

§ 10. Продажа св. книгъ производится по возможно-дешевымъ цѣнамъ; людямъ же бѣднымъ, равно какъ и въ больницы, богадѣльни, тюрьмы и проч. могутъ быть доставляемы онѣ по уменьшенной цѣнѣ или даже бесплатно, по усмотрѣнію.

§ 11. Годовые отчеты Общества печатаются въ повременномъ изданіи министерства внутреннихъ дѣлъ; отчеты сіи, равно какъ и другія свѣдѣнія, относящіяся къ дѣятельности Общества могутъ быть также

печатаемы и въ другихъ періодическихъ изданіяхъ или отдѣльными брошюрами.

§ 12. Общество имѣетъ свою печать съ изображеніемъ на ней словъ: *Матв. XXII, 29* и надпись вокругъ: „Печать Общества для распространенія Св. Писанія въ Россіи“.

(Отъ Общества распростран. Св. Писанія въ Россіи).

ЗАСѢДАНІЕ ОТДѢЛА РАСПРОСТРАНЕНІА ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫХЪ КНИГЪ.

6-го мая въ залѣ епархіальной бібліотеки происходило экстра-ординарное засѣданіе Отдѣла Распространенія Духовно-нравственныхъ книгъ. Предсѣдатель отдѣла, священникъ В. П. Рождественскій, открылъ собраніе слѣдующими словами:

„Скромная дѣятельность нашего Отдѣла обратила на себя Высочайшее вниманіе Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы, и попечитель Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія и состоящаго при немъ нашего отдѣла, высокопреосвященнѣйшій митрополитъ Иннокентій, получилъ отъ 23-го апрѣля сего года отъ секретаря Государыни Императрицы увѣдомленіе, что Ея Императорское Величество, удостоивъ обратить вниманіе на благую цѣль Отдѣла и желая изъявить Свое сочувствіе его благотворной дѣятельности, Всемиловѣйше соизволила помянутый Отдѣлъ Общества принять подъ Августѣйшее Свое покровительство. Высокопреосвященнѣйшій владыка передалъ полученную имъ отъ секретаря Ея Императорскаго Величества бумагу, которую я имѣю честь прочитатъ членамъ настоящаго Отдѣла. Содержаніе ея слѣдующее:

„Ваше Высокопреосвященство,

Милостивѣйшій государь и архипастырѣ!

„При учрежденномъ въ Москвѣ Обществѣ Любителей Духовнаго Просвѣщенія уже четвертый годъ существуетъ Отдѣлъ для распространенія среди народа духовно-нравственныхъ книгъ. Государыня Императрица, удостоивъ обратить вниманіе на благую цѣль этого учрежденія и желая изъявить Свое сочувствіе его благотворной дѣятельности, Всемиловѣйше соизволила помянутый Отдѣлъ Общества принять подъ Августѣйшее Свое покровительство.

„По волѣ Государыни Императрицы доводя о томъ до свѣдѣнія Вашего Высокопреосвященства, какъ попечителя Общества, для объявленія Совѣту Отдѣла, пользуюсь случаемъ, чтобы поручить себя вашимъ святымъ молитвамъ и возобновить увѣреніе въ глубочайшемъ почтеніи и совершенной преданности, съ коими честь имѣю быть вашего высокопреосвященства

покорнѣйшимъ слугою. П. Морицъ“.

Послѣ чтенія отношенія секретаря Ея Величества къ высокопреосвященнѣйшему митрополиту Иннокентію, предсѣдатель обратился къ присутствовавшимъ съ слѣдующими словами:

„Всемиловнѣйшее вниманіе Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы къ нашей еще юной и скромной дѣятельности, вызывая въ насъ чувство глубочайшей вѣрноподданнической благодарности Ея Императорскому Величеству, должно служить для насъ сильнѣйшимъ побужденіемъ къ тому, чтобы ревностнымъ и усерднымъ отношеніемъ къ предпринятому нами дѣлу распространенія въ народѣ здоровыхъ религіозно-нравственныхъ понятій, черезъ доставленіе ему легчайшихъ способовъ къ приобрѣтенію духовно-нравственныхъ книгъ, еще боѣе расширить и упрочить кругъ нашей дѣятельности, и такимъ образомъ вѣрно и неуклонно идти къ высшей цѣли и послѣдней задачѣ нашего отдѣла, религіозному и нравственному воспитанію народа не въ столицахъ только и городахъ, но въ селахъ и деревняхъ и въ самыхъ отдаленныхъ захолустьяхъ, куда не заходитъ и не достигаетъ никакая священная и духовная книга. Особенно необходимо развить положенное уже начало нашей дѣятельности на окраинахъ Россіи, въ Западномъ краѣ, въ привислянскихъ и балтійскихъ губерніяхъ.

„Расширеніе дѣятельности нашей необходимо и въ недавно предпринятомъ нами дѣлѣ собственнаго издательства духовныхъ книгъ.

„Сверхъ этого я желалъ бы предложить достопочтеннымъ членамъ нашего Отдѣла еще не начатую отрасль нашей дѣятельности. Книги распространяются только между грамотными. Но какая масса у насъ неграмотныхъ? Между тѣмъ и ихъ должно коснуться религіозно-нравственное воспитаніе. Для сего я предложилъ бы открыть народную читальню для религіозно-нравственныхъ книгъ. Въ слушателяхъ недостатка не будетъ, и я увѣренъ, что за открытіемъ одной скоро послѣдуетъ открытіе многихъ духовно-нравственныхъ читаленъ. Народъ нашъ любитъ почитать и послушать отъ божественнаго. При читальняхъ могли бы устраиваться и селады для продажи духовныхъ книгъ. Предлагаю мою мысль членамъ Отдѣла, и если она будетъ принята, то можно приступить будетъ къ практическому ея исполненію“.

Члены Отдѣла, съ чувствомъ глубочайшей признательности выслушавъ

о Высочайшемъ вниманіи Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы къ дѣятельности Отдѣла и Всемилостивѣйшемъ соизволеніи принять его подъ Свое Августѣйшее покровительство, опредѣлили: просить его высокопреосвященство, какъ попечителя своего, повергнуть ихъ глубочайшую, вѣрноподанническую признательность къ стопамъ Ея Императорскаго Величества за Ея Всемилостивѣйшее вниманіе къ дѣятельности Отдѣла. Докладъ о семъ его высокопреосвященству былъ подписанъ присутствовавшими членами.

Предложеніе предсѣдателя объ открытіи читальнъ для неграмотныхъ было принято единогласно съ большимъ сочувствіемъ, и опредѣлено передать этотъ вопросъ для разработки въ исполнительную комиссію.

Затѣмъ обсуждалось предложеніе предсѣдателя объ открытіи складовъ въ привислинскихъ губерніяхъ. Необходимость этого дѣла особенно въ виду совершившагося воссоединенія съ православною церковью уніатовъ признана выше сомнѣнія, и вопросъ состоялъ только въ томъ какъ и черезъ кого привести въ исполненіе предложеніе. Присутствовавшій въ собраніи членъ Отдѣла П. Н. Батюшковъ принялъ на себя трудъ свешеній для устройства этого дѣла. Опредѣлено, если найдется возможность устройства, то открыть склады въ Сѣдлецкой и Люблинской губерніяхъ.

Послѣ того предсѣдатель заявилъ, что нѣкоторыми членами отдѣла заявлена ему мысль о пожертвованіи книгъ Священнаго Писанія, молитвенниковъ и разнаго содержанія духовно-нравственныхъ книгъ въ новоприсоединившіеся къ православной церкви греко-уніатскіе приходы Варшавской епархіи, и пожертвованы также деньги. Исполнительная комиссія, которой было сообщено о томъ предсѣдателемъ, въ засѣданіи 5-го мая сочувственно приняла эту мысль и опредѣлила заявить и предложить ее въ общемъ собраніи членовъ Отдѣла. Всѣ присутствовавшіе въ засѣданіи съ большимъ сочувствіемъ отнеслись къ этому дѣлу. На собранные 51 рубль, съ прежде пожертвованными, опредѣлено: на слѣдующій же день отправить въ городъ Холмъ книги, съ тѣмъ чтобъ онѣ были розданы 11-го мая вновь присоединяющимся въ этотъ день къ православной церкви уніатамъ. Вмѣстѣ съ симъ предсѣдатель сообщилъ, что одинъ изъ членовъ Отдѣла М. И. Ивановъ, 5-го мая доставилъ въ магазинъ 291 р. 45 к., съ тѣмъ чтобы на эти деньги были посланы книги изъ магазина къ высокопреосвященному Варшавскому Іоанникію для распространенія ихъ въ новоприсоединившихся приходахъ. Послѣ опредѣленія о посылкѣ книгъ въ Холмъ получено было на имя предсѣдателя письмо отъ члена Отдѣла Д. М. Струкова, въ которомъ онъ предлагаетъ членамъ Отдѣла о пожертвованіи книгъ для новоприсоединяющихся 11-го мая въ Холмъ, прилагая свое пожертво-

ваніе, и вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ на необходимость и благотворность открытія складовъ въ Холмѣ и Варшавѣ для продажи духовно-нравственныхъ книгъ.

Затѣмъ предсѣдателемъ было сообщено о ходѣ издательской дѣятельности Отдѣла. Начало организациі этой дѣятельности положено въ общемъ засѣданіи Отдѣла, происходившемъ 13-го марта сего года. Тогда избрана была издательская коммиссія изъ слѣдующихъ лицъ, священниковъ: В. П. Рождественскаго, М. С. Боголюбскаго, І. Г. Виноградова, г-жи А. Н. Бахметевой, гг. Ѳ. И. Рахманинова, Н. Ѳ. Самарина, Ѳ. М. Сухотина, М. М. Сухотина и А. А. Невскаго. Коммиссія имѣла четыре засѣданія и успѣла издать и распространить въ нѣсколькихъ тысячахъ копѣчные листы, содержащіе въ себѣ объясненіе богослуженія на каждый день Страстной недѣли и первый день Пасхи. Изданіе это было встрѣчено большимъ сочувствіемъ. Теперь коммиссія приготовила для печатанія подобныя листы на день Вознесенія Господня, недѣлю Св. Отецъ, и праздниѣ Пятидесятницы. Сверхъ того она имѣетъ въ виду издать нѣсколько дешевыхъ брошюръ религіозно-нравственнаго содержанія и православный календарь на 1876 годъ, планъ котораго уже рассмотрѣнъ и одобренъ коммиссіей. Коммиссіи желательно было бы повременнымъ изданіемъ книжныхъ листовъ объяснить и сообщить въ переводѣ богослуженіе сначала праздничное, потомъ недѣльное и т. д.

Предъ окончаніемъ засѣданія были разсужденія о распространеніи складовъ Отдѣла по разнымъ частямъ города, особенно въ отдаленныхъ мѣстностяхъ отъ центра, на примѣръ въ Покровскомъ, Лефортовѣ, у Сухаревой башни, въ Таганкѣ, Замоскворѣчѣ, на Зацѣлѣ, у Серпуховскихъ и Калужскихъ воротъ и т. д.

РУССКАЯ ЦЕРКОВЬ ВЪ ПРАГѢ.

Въ августѣ 1874 года была открыта въ Прагѣ православная церковь во имя Св. Николая. Основанная въ городѣ строго-католическомъ, гдѣ на 158.000 населенія считается православныхъ горожанъ всего 30 человекъ, гдѣ русская колонія весьма малочисленна и колеблется между 5—6 семействами, эта церковь, казалось, не могла рассчитывать никоимъ образомъ на большое число посѣтителей. Въ Россіи высказывались голоса далеко не въ пользу устройства православной церкви въ Прагѣ. Она была дѣломъ частныхъ лицъ. Какъ извѣстно, мысль осно-

вать русскую церковь въ Прагѣ принадлежить Петербургскому отдѣленію Славянскаго Комитета; эта мысль упрочилась подъ живымъ впечатлѣніемъ Московской этнографической выставки. Но для сооруженія церкви необходимы были чрезвычайныя средства. Въ 1870 году, Пражскій городской совѣтъ, по предложенію доктора Браунера, опредѣлилъ предоставить на 30 лѣтъ для потребностей православнаго церковнаго богослуженія принадлежащей городу бывшей католической Николаевскій костелъ. Оставалось приспособить для православнаго богослуженія это массивное зданіе, которое съ 1791 года служило то складочнымъ мѣстомъ, то помѣщеніемъ городского архива, то музыкальною залой. Внутреннее устройство и поправки были сдѣланы на пожертвованія частныхъ лицъ интересовавшихся дѣломъ, и частію Московскаго городского общества. Освященіе было совершено съ особеннымъ торжествомъ и, конечно, привлекло большую публику; тутъ была вся чешская интеллигенція Праги. Первое богослуженіе было совершено въ день рожденія Австрійскаго императора. Здѣшнее намѣстничество ожидало, какъ будетъ населеніе Праги относиться къ новой церкви. Но обширный храмъ сталъ наполняться массой католиковъ каждую службу; обряды православнаго богослуженія, пѣніе сперва русскихъ пѣвчихъ, а потомъ хора составленнаго изъ Чеховъ, служеніе на языкѣ, большая часть словъ котораго дается пониманію, все это, видимо, пользовалось сочувствіемъ. Толпа въ большинствѣ была изъ простаго рабочаго класса. Эти католики благоговѣнно подходили ко кресту, св. водѣ, св. елею; они цѣловали руку священника; ихъ крейцеры сыпались на украшеніе православной церкви. Эти люди держали себя во храмѣ съ благоговѣніемъ; они съ особымъ вниманіемъ слушали чтеніе Евангелія; многіе усердно молились, улавливая звуки, въ которыхъ слышалось что-то знакомое. Очевидно, это было не простое любопытство. Русская церковь пріобрѣла скоро популярность въ Прагѣ. Господствующее духовенство не могло быть довольно, что часть католиковъ посѣщаютъ церковь схизматиковъ; военному начальству не нравилось, что галицкіе уніаты пражскаго гарнизона навѣщаютъ русскій православный храмъ, мѣстная администрація рѣшила, что русская церковь въ Прагѣ является не удовлетвореніемъ религіозной потребности Русскихъ, а средствомъ къ пропагандѣ панславизма. Съ перваго времени намѣстничество стало ставить тормозы новому храму и его духовенству. Послѣдовали официальные запросы причту и даже частнымъ лицамъ, со странными требованіями, со ссылками на тѣ и другія узаконенія. Результатомъ ихъ была пріостановка богослуженія. Храмъ былъ закрытъ временно, въ началѣ весны. Протоіерей уѣхалъ въ Вѣну для объясненій...

Главною причиною и вмѣстѣ поводомъ начавшихся препираній служило странное положеніе русской церкви въ смыслѣ официально-юридическомъ. Она не была посольскою. Получая содержаніе отъ русскаго правительства, она не была вмѣстѣ съ тѣмъ частною. Объ ея положеніи, объ ея правахъ, которыя бы гарантировали ея спокойствіе въ будущемъ, ничего не было оговорено. Она была предоставлена какъ бы самой себѣ. Конечно, она прежде всего состояла подъ защитой международнаго права и подъ охраной австрійскихъ конституціонныхъ законовъ, возвѣщающихъ полную вѣротерпимость. Но въ концѣ января текущаго года австрійскій министръ исповѣданій неожиданно предложилъ здѣшнему протоіерею принять австрійское подданство, если онъ желаетъ получить легальныя права на священнодѣйствіе въ пражской церкви. Министръ, по-своему понимая австрійскую вѣротерпимость, сослался при этомъ на 3 ст. церковнаго закона отъ 21-го декабря 1867 года, въ сущности отмѣненную всѣмъ содержаніемъ закона 20-го мая 1874 года, равно какъ и несогласно съ основными государственными узаконеніями, гарантирующими православію, рядомъ съ другими исповѣданіями, полную свободу богослуженія во всѣхъ предѣлахъ австрійской монархіи. Австрійское подданство было бы необходимо лишь въ томъ случаѣ, еслибы русскій священникъ становился пастыремъ тѣхъ 30 православныхъ пражскихъ горожанъ, о которыхъ, въ дѣйствительности, онъ, вѣроятно, и не подозрѣвалъ. Предъ лицомъ закона пражская церковь должна пользоваться тѣмъ юридическимъ положеніемъ, которое принадлежитъ прочимъ нашимъ заграничнымъ церквамъ въ городахъ не имѣющихъ русскихъ дипломатическихъ представителей. Какъ бы ни была ограничена русская колонія въ Прагѣ, но она есть то законное представительство, которое нельзя лишитъ права пользоваться своею церковью и представлять изъ себя церковную общину, какъ въ данномъ случаѣ и доказали чешскіе юристы. Такъ какъ послѣдствіемъ отказа неосновательнымъ притязаніямъ могло быть закрытіе храма, то религіозный вопросъ усложнился, и дѣло грозило принять политическій характеръ. Надо было дать прежде всего юридическій отпоръ претензіямъ австрійскаго министра. Съ этою цѣлью о. протоіерей обратился къ извѣстнымъ пражскимъ адвокатамъ гг. Браунеру и Прахенскому, которые ясно и положительно доказали, исходя изъ буквы и духа относящихся къ дѣлу австрійскихъ узаконеній, всю неосновательность требованій администраціи; они обставили права русской церкви юридическимъ оружіемъ. Ихъ записка ясно обнаружила что не государственные законы, а другія причины, именно вѣчная подозрительность къ Россіи, боязнь мнимой русской пропаганды, руководятъ образомъ дѣйствій правительственныхъ лицъ. Благодаря этой

запискѣ, наше министерство иностранныхъ дѣлъ, чрезъ посольство въ Вѣнѣ, могло уладить дѣло.

Какъ бы то ни было, но русская церковь въ Прагѣ опять терпима. Протоіерей вернулся съ побѣдой, и въ Вербную субботу богослуженіе возобновилось. Но церковь должна была принять нѣкоторыя ограниченія; такъ напримѣръ воспрещены публичныя церковныя процессіи вокругъ храма, публикаціи въ газетахъ, ограниченія, которыми недовольны чешскіе органы печати. Опять та же многочисленная публика стала наполнять церковь. Торжественныя службы на Страстной недѣлѣ привлекли особенное вниманіе. Католики и католички приходили прикладываться къ плащаницѣ. Такъ какъ о. протоіерей не могъ печатать въ газетахъ приглашеній, то чешскія изданія спѣшили оповѣстить своихъ читателей о распредѣленіи богослуженія, о характерѣ православнаго пасхальнаго пѣнія и, къ удивленію русскихъ, въ полночь на свѣтлое воскресенье обширный храмъ, великолѣпно освѣщенный, былъ биткомъ набитъ народомъ, какъ въ самой людной церкви Петербурга и Москвы. До окончанія обѣдни, то есть до третьяго часа ночи, народъ не расходился. Что заставило этотъ пародъ съ поздняго вечера собраться въ православную церковь и дожидаться въ ней ночнаго бдѣнія? Для историка фактъ несомнѣнной симпатіи Чеховъ къ православному богослуженію весьма интересенъ даже съ чисто-научной точки зрѣнія. Онъ имѣетъ свои законныя традиціи въ городѣ, изъ стѣнъ котораго вышелъ гусситизмъ, и въ которомъ, въ лучшую эпоху политической и религіозной жизни Чехіи, смутно сознавалась необходимость попытки сближенія съ восточною церковью. (*Моск. Вѣдом.*).

11 МАЯ ВЪ ХОЛМСКОЙ РУСИ.

Предположенное на 11-е сего мая присоединеніе къ православію греко-уніатовъ Холмской Руси совершилось. Телеграммою изъ города Холма отъ означеннаго числа мѣстный губернаторъ довелъ до свѣденія министра внутреннихъ дѣлъ, что въ этомъ городѣ только что совершилось торжественное присоединеніе къ православію администратора холмской епархіи, соборнаго духовенства, семинаріи, гимназіи, и 26-ти приходовъ холмскаго и 21 красновоставскаго благочиній съ 46-ю священниками. По окончаніи литургіи, архіепископъ благословилъ депутатовъ отъ учебныхъ заведеній и приходовъ иконами; потомъ высокопреосвященный Іоанникій, въ сопровожденіи всѣхъ присутствовавшихъ при торжествѣ,

вышелъ на площадь, гдѣ было приготовлено угощеніе для народа, и благословилъ трапезу; на провозглашенный губернаторомъ тостъ за здоровье Государя Императора народъ отвѣчалъ неумолимыми задумчивыми „ура“. Къ этому командированный съ Высочайшаго соизволенія для присутствованія при воссоединеніи тайный совѣтникъ Маковъ присовокупили, что торжество воссоединенія высшаго духовенства униатскаго совершилось въ высшей степени трогательно и умирительно. Администраторъ епархіи протоіерей Попель сказалъ превосходную рѣчь о судьбахъ униі и холмской Руси. Народу собралось очень много съ женщинами и дѣтьми; общее настроеніе народа благовѣйное и радостное. Въ слѣдующіе за тѣмъ дни 13 и 15 числа въ городахъ Грубешовѣ и Замостьѣ совершилось воссоединеніе остальныхъ приходоѡ. Телеграммы изъ г. Грубешова отъ 13 мая возвѣстили: „торжество воссоединенія 49 приходоѡ, изъ коихъ 37 Грубешовскаго, остальные 12 Замостьскаго и Томашовскаго благочиній, съ 38 священниками совершилось при громадномъ стеченіи народа. По окончаніи литургіи, архіепископъ благословилъ депутатовъ отъ гимназій и приходоѡ иконами, а затѣмъ на площади народную трапезу, и провозгласилъ тостъ за здоровье Государя Императора; громкое единодушное „ура“ было отвѣтомъ; народу собралось, несмотря на будни и рабочую пору, до 10 тысячъ; между прибывшими замѣтно много стариковъ преклонныхъ лѣтъ, а также женщинъ съ дѣтьми. Трудно изобразить восторгъ и радость народа; депутаты сами, въ числѣ 150 человекъ, пропѣли „многія лѣта“ и „Спаси Господи люди Твоя“, когда архіепископъ провозгласилъ тостъ за здоровье Государя Императора. Благодарственное молебствіе совершенно преосвященнымъ Іоанніемъ подъ открытымъ небомъ, отъ чего самое торжество получило еще болѣе значенія для громадной толпы народа, видѣвшаго весь обрядъ братскаго лобызанія древле-православныхъ съ воссоединяющимся“. Отъ Грубешова до Замостья толпы народа — по словамъ т. е. Макова — радостно встрѣчали архіепископа. Въ селеніяхъ и особенно у трехъ церквей, стоящихъ у дороги, народъ тѣснился принять благословеніе, женщины поднимали грудныхъ и малыхъ дѣтей; архіепископъ входилъ въ церкви, говорилъ народу поученія и былъ глубоко тронутъ набожностію и почтительностію народа. Наконецъ 15 мая въ Замостьѣ совершилось торжественное воссоединеніе 51 прихода: Замостьскаго, Бѣлгорайскаго, Яновскаго и остальной части Томашовскаго уѣздовъ, въ лицѣ прибывшихъ 41 священника и 102 депутатовъ. По случаю ненастной погоды прежній порядокъ богослуженія измѣненъ и сперва совершена литургія, а потомъ, съ превращеніемъ дожда, молебствіе на площади передъ церковью, при многочисленномъ стеченіи народа. По благословеніи архіепископомъ народной трапезы,

дуhovenство, депутаты и гости отправились къ обѣденному столу; на вечеръ приготовлено гулянье и иллюминація съ музыкою и фейерверкомъ. Послѣ обѣда, бывшаго въ помѣщеніи замостьскаго клуба, вновь воссоединившіеся, по выходѣ архіепископа, бросились къ его каретѣ, выпрягли лошадей и съ восторженными криками повезли его высокопреосвященство до квартиры, чѣмъ владыка былъ глубоко тронутъ. Такимъ образомъ дѣло воссоединенія съ православіемъ всѣхъ 147 приходоу губерніи съ 134 тысячами униатскаго населенія съ Божіею помощію окончено.

Святѣйшій Синодъ, въ виду имѣющаго совершиться 11 сего мая воссоединенія греко-униатскихъ приходоу, входящихъ въ составъ холмской епархіи, постановилъ: 1) священство и духовныя паствы воссоединенной холмской греко-униатской епархіи, по священнымъ правиламъ и примѣрамъ святыхъ отецъ, принять въ полное и совершенное общеніе святой православной каѳолической восточной церкви, въ нераздѣльный составъ церкви всероссійской и въ подчиненіе Святѣйшаго Правительствующаго Всероссійскаго Синода; присемъ преподавать священству, воссоединяемому съ православіемъ, соборное благословеніе святѣйшаго Синода, съ молитвою вѣры и любви къ Господу и Спасу нашему Іисусу Христу, да утверждаетъ и да благоуправляетъ дѣло служенія ихъ святой церкви; 2) воссоединяемую съ православіемъ холмскую греко-униатскую епархію присоединить къ варшавской и, образовавъ одну православную епархію, наименовать оную, въ воспоминаніе того, что холмская православная епископская каѳедра основана еще въ началѣ XIII вѣка, *холмско-варшавскою епархіею*, а архіерея оной именовать *холмскимъ* и *варшавскимъ*, взамѣнъ установленнаго въ 1840 году именования его варшавскимъ и новогоріевскимъ; 3) непосредственное завѣдываніе нововоссоединенными съ православіемъ греко-униатскими приходами поручить особому епископу, съ наименованіемъ его *епископомъ люблинскимъ, викаріемъ холмско-варшавской епархіи*, съ тѣмъ чтобы викарій сей имѣлъ пребываніе въ гор. Холмѣ и управлялъ нововоссоединенными приходами согласно инструкціи, какая будетъ преподана отъ святѣйшаго Синода, подъ главнымъ вѣдѣніемъ епархіальнаго архіерея холмскаго и варшавскаго; 4) существующую нынѣ холмскую греко-униатскую духовную консисторію упразднить, а взамѣнъ оной образовъ *холмское духовное правленіе*, составъ и предметы вѣдомства котораго будутъ опредѣлены особымъ положеніемъ, съ тѣмъ при томъ, что дѣла большей важности правленіе имѣетъ представлять на разсмотрѣніе холмско-варшавской духовной консисторіи; 5) такъ какъ занятія этой послѣдней должны, вслѣдствіе сего, значительно увеличиться, то, сверхъ нынѣ опредѣленнаго для сей консисторіи числа членоу, назначить изъ

духовенства возсоединяемыхъ приходоѡ двухъ новыхъ членоѡ, избираемыхъ викарнымъ епископомъ и утверждаемыхъ въ общемъ основаніи, по представленію епархіальнаго архіерея святѣйшимъ Синодомъ; 6) существующія въ гор. Холмѣ греко-уніатскую духовную семинарію и училище для приготовленія причетниковъ обратить въ православныя духовно-учебныя заведенія, не измѣняя устава этихъ заведеній; управленіе же и завѣдываніе оными поручить непосредственному вѣдѣнію холмскаго викарнаго епископа; 7) предоставить сему епископу, для замѣщенія свободныхъ священническихъ мѣстъ въ нововозсоединенныхъ приходоѡхъ вызывать, по его усмотрѣнію, изъ Галиціи тѣхъ лицъ, кои по нравственнымъ качествамъ достойны занять священническія у насъ мѣста; 8) на вновь открываемую кафедру епископа люблинскаго, викарія холмско-варшавской епархіи, святѣйшій Синодъ признаетъ полезнымъ и справедливымъ назначить нынѣшняго администратора холмской епархіи, старшаго соборнаго протоіерея Маркелла Попеля, какъ состоящаго нынѣ во вдовствѣ, съ тѣмъ чтобы нареченіе и посвященіе его во епископа произведено было въ гор. С.-Петербургѣ, по предварительномъ присоединеніи сего протоіерея къ православной церкви. Изложенное опредѣленіе святѣйшаго Синода 1 (13) сего мая удостоено Высочайшаго утвержденія.

Этотъ указъ св. Синода вызвалъ въ *Церковно-Общественномъ Вѣстникѣ* (№ 55) слѣдующія достойныя примѣчанія соображенія. По словамъ названной газеты, онъ, кромѣ главнаго своего содержанія, обращаетъ на себя вниманіе еще тѣмъ, „что возведеніе высокопочтеннаго протоіерея М. Попеля въ санъ епископа люблинскаго обусловлено только предварительнымъ возсоединеніемъ его (нынѣ совершившимся) съ православною церковію. Что же касается до предварительнаго постриженія его въ монашество, что по принятой въ русской церкви практикѣ считается необходимымъ условіемъ для возведенія въ архіерейскій санъ вдовствующихъ лицъ блага духовенства, то о немъ въ вышеупомянутомъ постановленіи Синода ничего не сказано. Изъ этого слѣдуетъ заключить, что св. Синодъ допускаетъ возможность возводить въ архіерейство и не монашествующихъ лицъ; и дѣйствительно — такая практика существовала и въ древней православной церкви и вполне согласна съ церковными канонами. Обстоятельство это нельзя не принять во вниманіе, какъ примѣръ для послѣдующаго времени тѣмъ болѣе убѣдительный, что и самое положеніе нынѣшняго русскаго монашества вызываетъ необходимость подобной мѣры въ будущемъ. Желаящихъ поступить въ монашество между людьми учеными становится все менѣе и менѣе, и такимъ образомъ съ оскудѣніемъ ученаго монашества прямо возникаетъ необходимость обращаться для замѣщенія архіерейскихъ

мѣсть къ вдовствующему бѣлому духовенству, имѣющему въ средѣ своей богатѣя умственные и нравственные силы для достойнаго воспріятія епископскаго сана“. Сочувствуя основной мысли почтенной газеты, мы не можемъ не замѣтить обманчивости вывода, сдѣланнаго ею на основаніи *умолчанія* объ извѣстномъ условіи...

Совершившееся нынѣ событіе, нѣтъ сомнѣнія, повлечетъ за собою со стороны св. Синода распоряженіе о торжественномъ празднованіи его, какъ событіе, которымъ прекращается существованіи греко уніатской церкви въ предѣлахъ Россіи и довершается бывшее въ 1839 году въ болѣе огромныхъ размѣрахъ воссоединеніе уніатовъ Западной Руси. Событіе достойное празднованія въ православной церкви не менѣе Полтавской побѣды! И какъ знаменательно было бы соединить оба событія воссоединенія съ празднованіемъ 11 мая въ честь первоучителей славянскихъ свв. Кирилла и Меодія, равноапостольныхъ проповѣдниковъ православія въ славянскихъ странахъ.

Въ ожиданіи общаго распоряженія объ увѣковѣченіи радостнаго событія, нельзя не упомянуть съ полнымъ сочувствіемъ о мѣстномъ распоряженіи, сдѣланномъ преосвящ. полоцкимъ Викторинимъ. „Совершающееся въ наши дни говоритъ онъ въ предложеніи консисторіи отъ 9 апрѣля — воссоединеніе уніатовъ холмской епархіи, радостное и вообще для каждаго православнаго сына церкви Христовой, особенно должно быть радостно для членовъ церкви полоцкой. Они, члены полоцкой церкви, сами состоятъ болѣею частію также изъ бывшихъ уніатовъ, или суть дѣти и внуки ихъ. Отторгнутые нѣкогда отъ православной церкви *насиліемъ*, 35 лѣтъ тому назадъ они воссоединены были съ нею, матерію своею, *любовію*, и нынѣ понимаютъ все счастье и чувствуютъ всю радость, происходящія отъ принадлежности ихъ къ церкви православной. Поэтому, и въ виду приближающагося праздника, установленнаго въ здѣшнемъ краѣ въ 9-й четверть по Пасхѣ, въ память воссоединенія здѣшнихъ уніатовъ съ православною церковію, совершившагося въ полоцкомъ софійскомъ соборѣ въ 1839 году, предлагаю консисторіи сдѣлать распоряженіе: а) чтобы оо. настоятели церквей предъ благодарственнымъ Господу Богу, въ этотъ праздникъ, молебствіемъ возвѣстили своимъ прихожанамъ на основаніи опубликованныхъ правительственныхъ свѣдѣній, радостную вѣсть о совершающемся воссоединеніи съ православною церковію холмскихъ христіанъ, послѣднихъ остатковъ бывшей уніи, и пригласили бы ихъ съ особеннымъ усердіемъ возблагодарить Господа, какъ за свою принадлежность къ церкви православной, такъ и за таковое же счастье нынѣ воссоединяемыхъ съ нею братьевъ своихъ по вѣрѣ въ Господа Иисуса Христа. б) Чтобы оо. настоятели, помня, что церкви ихъ, по переходѣ изъ уніи въ православіе,

были въ крайней бѣдности и пользовались не малымъ пособіемъ отъ усердныхъ православныхъ христіанъ изъ внутреннихъ губерній имперіи, выпѣ сами располагали бы достаточныхъ людей изъ прихожанъ своихъ къ подобнымъ же пожертвованіямъ въ пользу возсодѣваемыхъ холмскихъ церквей, особенно приглашали бы къ таковымъ пожертвованіямъ тѣхъ изъ прихожанъ своихъ, которые могутъ служить сему своимъ рукодѣльемъ, какъ-то шитьемъ ризъ воздуховъ и т. под. съ тѣмъ, чтобы такіа пожертвованія препровождаемы были въ С.-Петербургъ въ канцелярію министра внутреннихъ дѣлъ, согласно объявленію объ этомъ, напечатанному въ Правительственномъ Вѣстникѣ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Въ дополненіе къ напечатанной выше въ отдѣлѣ Современнаго Обозрѣнія статьѣ приводимъ слѣдующіе документы.

Законъ 13 мая 1871 года касательно преимуществъ и привилегій римскаго папы и св. престола и отношеній между церковью и государствомъ.

Глава 1-я. *Преимущества римскаго первосвященника и св. престола*

§ 1. Личность первосвященника священна и неприкосновенна. § 2. Покушеніе противъ личности первосвященника и возбужденіе къ совершенію преступленія облагаются наказаніями, установленными за покушеніе или подстрекательство къ оному относительно особы короля. Публичныя оскорбленія или поруганія, направленныя непосредственно противъ особы римскаго архипастыря, посредствомъ рѣчей, дѣйствій, или способами, указанными въ статьѣ 1-й закона о печати, подвергаются наказаніямъ, установленнымъ 19-ю статьєю того же закона. Означенныя преступленія и проступки вызываютъ внимательство власти и подлежатъ разбирательству суда присяжныхъ. Обсужденіе религиозныхъ вопросовъ не подлежатъ никакимъ ограниченіямъ. § 3. Итальянское правительство обязано оказывать его святѣйшеству, въ предѣлахъ итальянской территоріи царскія почести и первенствующій почетъ, съ каковыми относятся къ нему государи католическихъ державъ. Его святѣйшеству предоставляется имѣть при себѣ обычное число тѣлохранителей, какъ для охраненія его особы, такъ и для сторожевой службы при дворѣ, при чемъ означенные тѣлохранители неизъемлются отъ повинно-

венія дѣйствующимъ въ государствѣ законамъ. § 4. Въ пользу папскаго престола сохраняется производство ежегодной ренты въ размѣрѣ 3,225.000 лпръ. Посредствомъ этой суммы, вмѣстѣ съ равной ей другой суммой, значащейся въ римскомъ бюджетѣ по статьѣ озаглавленной: „Священные, апостолическіе дворцы, святая коллегія, конгрегаціи, статья-секретаріаты, дипломатическое правительство за границею и проч.“ обеспечиваются расходы по содержанію его святѣйшества, удовлетворенію различныхъ церковныхъ потребностей папскаго престола, обыкновенныхъ и чрезвычайныхъ нуждъ по управленію подвѣдомственныхъ учреждений, по присмотру за апостолическими дворцами и принадлежащими къ нимъ зданіями, на производство жалованья, наградъ и пенсій служителямъ и папскимъ дворцовымъ гвардейцамъ, о которыхъ упомянуто въ предъидущей статьѣ, равно какъ и лицамъ, состоящимъ въ придворномъ папскомъ штатѣ, на удовлетвореніе случайныхъ потребностей, издержекъ по завѣдыванію музеями и библіотеками, состоящими въ вѣдомствѣ ватиканскаго двора и производство жалованья и пенсій служащимъ при нихъ лицамъ. Потребная на эти предметы сумма будетъ вписана въ большую государственную долговую книгу, въ видѣ непрерывно-доходной и неотчуждаемой ренты на имя св. престола и во время ваканціи послѣдняго потребности католической церкви будутъ по прежнему удовлетворяться казною въ промежутокъ времени и до избранія новаго папы. Суммы, назначаемыя на содержаніе папскаго двора и подвѣдомственныхъ ему учреждений, не должны подлежать никакимъ налогамъ или вычетамъ въ пользу правительства и самый размѣръ оныхъ не уменьшается даже на томъ случаѣ, если итальянское правительство сочтетъ впоследствии возможнымъ принять на свой счетъ расходы по содержанію музеевъ и библіотекъ. § 5. Его святѣйшеству, независимо отъ означенныхъ въ предшествующемъ параграфѣ денежныхъ суммъ, по прежнему предоставляются въ полное его распоряженіе апостолическіе дворцы Ватиканскій и Латеранскій, со всеми принадлежащими имъ зданіями, пристройками, садами, земельными участками, а равно и вилла Капель-Гондальеро со всеми ея службами. Означенные дворцы, виллы съ ихъ принадлежностями, музеи и библіотеки, равно какъ и находящіяся въ нихъ собранія предметовъ изящныхъ искусствъ и археологическихъ древностей, не могутъ быть отчуждаемы и не подлежатъ никакимъ денежнымъ поборамъ, или переходу въ собственность государства по какимъ бы то ни было соображеніямъ. § 6. Во время ваканціи папскаго престола, никакая судебная или политическая власть не въ правѣ, по какимъ бы то ни было причинамъ, подвергнуть стѣсненіямъ или ограниченіямъ личную свободу кардиналовъ. Правительство должно озаботиться, чтобы собранія конклава и вселенскіе соборы не были нару-

шаемы какимъ-либо насильственнымъ дѣйствіемъ извнѣ. § 7. Никакому представителю общественной власти или агенту полицейской силы не дозволяется, при исполненіи обязанностей службы входить во дворцы или мѣста, служащіе постояннымъ или только временнымъ мѣстопробываніемъ его святѣйшества, или въ которыхъ засѣдаютъ конклавы или вселенскіе соборы. Доступъ въ означенныя мѣста можетъ быть открытъ имъ не иначе какъ съ разрѣшенія его святѣйшества, собранія кардиналовъ, или вселенскаго собора. § 8. Воспрещается производить обыски, разслѣдованія, дознанія, описи и секвестраціи бумагъ, книгъ и документовъ, или реестровъ въ папскихъ конгрегаціяхъ и другихъ учрежденіяхъ, облеченныхъ исключительно духовнымъ характеромъ. § 9. Его святѣйшеству предоставляется свободное совершеніе всѣхъ духовныхъ требъ и право обнародованія всѣхъ своихъ распоряженій по церковному вѣдомству и духовнымъ дѣламъ, чрезъ вывѣшиваніе соответствующихъ объявленій на дверяхъ базиликъ и всѣхъ римскихъ церквей. § 10. Духовныя лица, участвующія въ силу лежащихъ на нихъ должностныхъ обязанностей, въ изданіи постановленій и опредѣленій, исходящихъ отъ папской власти, не подлежатъ за нихъ никакой отвѣтственности и не могутъ подвергаться ни допросамъ, ни преслѣдованіямъ со стороны гражданскихъ властей. Каждый иностранецъ, облеченный въ Римѣ духовною властію пользуется всѣми личными правами и преимуществами, предоставленными итальянскимъ гражданамъ, въ силу дѣйствующихъ законовъ государетва. § 11. Посланники иностранныхъ правительствъ при папскомъ дворѣ пользуются, въ предѣлахъ королевства, всѣми преимуществами и почестями, обезпеченными за всѣми вообще дипломатическими агентами въ силу международнаго права. Наносимыя имъ оскорбленія будутъ подлежать наказаніямъ, установленнымъ за нанесеніе оскорбленій дипломатическимъ агентамъ, аккредитованнымъ при итальянскомъ правительствѣ. Папскіе нунціи при иностранныхъ дворахъ, въ предѣлахъ итальянскаго королевства, пользуются всѣми гарантіями и преимуществами, обезпеченными за дипломатическими представителями, въ силу международныхъ законовъ, какъ при отправленіи ихъ къ вѣрннымъ имъ постамъ, такъ и по возвращеніи ихъ съ оныхъ. § 12. Римскій архиепископъ свободно сносится со всѣми епископами и со всѣмъ католическимъ міромъ, безъ всякаго вмѣшательства въ означенныя сношенія со стороны итальянскаго правительства. На сей конецъ, его святѣйшеству предоставляется имѣть въ Ватиканѣ и во всѣхъ прочихъ своихъ резиденціяхъ почтовые и телеграфныя конторы и самый выборъ лицъ для службы въ оныхъ будетъ зависѣть отъ личнаго усмотрѣнія его святѣйшества. Папскому почтовому агентству предоставляется непосредственно сносится съ иностранными почтовыми

управленіями и пересылать въ оныя свои корреспонденціи въ зачетатанных пакетахъ. Въ равной мѣрѣ, предоставляется ему передавать свою корреспонденцію для дальнѣйшей отправки ея итальянскимъ почтовымъ конторамъ и отдѣленіямъ. Въ обѣихъ случаяхъ, пересылка, передача и перевозка телеграммъ и корреспонденцій въ пакетахъ, снабженныхъ папскимъ штемпелемъ, не подлежатъ оплатѣ почтовыхъ сборовъ въ предѣлахъ итальянской территоріи. Курьеры, отправляемые отъ имени папы, будутъ сравнены съ кабинетными курьерами иностранныхъ правительствъ. Папская телеграфная контора будетъ соединена съ сѣтью итальянскихъ телеграфовъ на счетъ государственной казны. Телеграммы, пересылаемыя означенными конторами, и исходящія отъ папскаго двора, будутъ отправляемы съ соблюденіемъ относительно ихъ всѣхъ преимуществъ, установленныхъ для государственныхъ телеграммъ и при томъ безвозмездно. Тѣ же преимущества гарантируются за телеграммами, посылаемыми непосредственно самимъ папою и по его приказанію и снабженными папскимъ штемпелемъ, при подачѣ ихъ въ какой-либо телеграфной конторѣ королевства. Телеграммы, адресованныя на имя его святѣйшества, будутъ изъяты отъ уплаты по нимъ таксы, взимаемой по тарифу съ получателя. § 13. Въ городѣ Римѣ и въ шести пригородныхъ епархіяхъ, семинаріи, академіи, училища и прочія католическія учрежденія, основанныя для воспитанія и образованія духовныхъ лицъ, будутъ по прежнему исключительно зависѣть отъ папскаго престола, безъ всякаго вмѣшательства въ ихъ дѣла гражданскихъ училищныхъ властей королевства.

Глава II. Отношенія между государствомъ и церковью.

§ 14. Отмѣняется всякое ограниченіе права свободныхъ сходокъ для членовъ католическаго духовенства. § 15. Правительство отказывается отъ права „legazia apostolica“ въ Сициліи и во всемъ королевствѣ, отъ права назначенія и представленія къ „бенефиціямъ“ высшаго разряда. Для епископовъ обязательно присягать королю. Высшія и низшія „бенефиціи“ могутъ быть предоставляемы лишь итальянскимъ гражданамъ; правило это не относится однако до города Рима и пригородныхъ епархій. § 16. Отмѣняются королевскій „placet“ и другія акты, въ силу которыхъ правительствомъ разрѣшались обвародованіе и исполненіе различныхъ распоряженій духовныхъ властей. Тѣмъ не менѣе впредь до изданія спеціальнаго на сей предметъ закона, о которомъ будетъ сказано въ § 18 настоящихъ положеній, остаются подчиненными прежнимъ условіямъ, всѣ распоряженія духовныхъ властей касательно церковныхъ имуществъ и бенефицій, за исключеніемъ относящихся къ городу Риму и пригородныхъ епархій. Постановленія гражданскихъ законовъ, обусло-

вливающія учрежденіе и существованіе религіозныхъ корпорацій и способы отчужденія ихъ имуществъ, остаются въ прежней силѣ § 17. Въ дисциплинарныхъ и духовныхъ вопросахъ не допускаются никакія возраженія, или апелляціи противъ дѣйствій и распоряженій духовныхъ властей, равно какъ и вышатаательства административныхъ органовъ. Юридическія послѣдствія какъ означенныхъ, такъ и всякихъ другихъ дѣйствій духовныхъ властей, вѣдаются въ гражданскомъ порядкѣ. Но, означенныя дѣйствія и распоряженія признаются недействительными, какъ скоро они противны законамъ государства или требованіямъ порядка, или же влекутъ за собою нарушеніе частныхъ правъ и подвергаются дѣйствію уголовныхъ законовъ, если составляютъ проступокъ. § 18. Преобразование, сохраненіе и управленіе церковными имуществами въ итальянскомъ королевствѣ будутъ предметомъ особаго закона. § 19. Отмѣняются всѣ постановленія противныя настоящему закону.

Проектъ закона о духовныхъ орденахъ и конгрегачіяхъ католической церкви, внесенный 1-го мая въ прусскую палату депутатовъ.

§ 1. Всѣ ордена и подобныя орденамъ конгрегачіи католической церкви, за изытіемъ указанныхъ § 2, не допускаются въ предѣлахъ прусской монархіи. Учрежденіе отдѣловъ означенныхъ орденовъ и конгрегачій воспрещается. Существующіе нынѣ отдѣлы должны быть закрыты въ теченіе шести мѣсяцевъ со дня обнародованія настоящаго закона. Относительно отдѣловъ, занимающихся обученіемъ и воспитаніемъ юношества, министру духовныхъ дѣлъ предоставляется продлить этотъ срокъ до четырехъ лѣтъ, для замѣны ихъ другими учрежденіями. Съ тою же цѣлю она можетъ и по истеченіи этого срока разрѣшать отдѣльнымъ членамъ орденовъ и конгрегачій заниматься преподаваніемъ. § 2. Отдѣлы орденовъ и конгрегачій, посвятившіе себя исключительно уходу за больными, остаются и на будущее время; но они во всякое время могутъ быть упразднены королевскимъ указомъ; до того же времени министрамъ внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ предоставляется разрѣшить имъ пріемъ новыхъ членовъ. § 3. Продолжающіе существовать отдѣлы орденовъ и конгрегачій подчиняются надзору правительства. § 4. Имущество упраздненныхъ отдѣловъ орденовъ и подобныхъ орденамъ конгрегачій не подлежитъ конфискаціи. Оно лишь поступаетъ, въ видахъ его сохраненія, во временное управленіе государственныхъ властей. Коммиссаръ, которому поручено управленіе имуществомъ, отвѣчаетъ лишь предъ своимъ начальствомъ; представляемые имъ отчеты ревизуются королевскою главною счетною палатою, согласно § 10 закона 27 марта 1872 года. Иной отвѣтственности или отчетности онъ не подлежитъ. На счетъ означеннаго имущества содержатся члены упраздненныхъ отдѣловъ. Дальнѣйшее назначеніе онаго будетъ опредѣлено закономъ. § 5. Настоящій законъ вступаетъ въ свою силу со дня своего обнародованія. Приведеніе его въ исполненіе возлагается на министровъ внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ. Имъ поручается также изданіе инструкцій относительно государственнаго надзора, упомянутаго въ § 3.

С Л О В О'

ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННѢЙШАГО ДИМИТРІЯ,

АРХІЕПИСКОПА ЯРОСЛАВСКАГО И РОСТОВСКАГО, ПРОИЗВЕСЕННОЕ 14-ГО АПРѢЛЯ СЕГО ГОДА ВЪ ВОСКРЕСЕНСКОЙ, ЧТО ПРИ АРХІВРЕЙСКОМЪ ДОМѢ, ЦЕРКВИ, ВО СВЯТЫЙ И ВЕЛИКИЙ ПЯТОКЪ.

Нынѣ судъ есть міру сему, говорил Господь Иисусъ Христосъ о днѣ своихъ страданій, о страшномъ часѣ вознесенія Его на крестъ. И вотъ на этомъ, по истинѣ страшномъ судѣ, на которомъ является во всемъ неприступномъ величій своемъ правда Божія, карающая грѣхи человѣковъ въ лицѣ Самого едиnorodнаго Сына Божія, предстаетъ и наше человѣчество, съ одной стороны, во всей ужасной тмѣ своей злобы и нечестія, съ другой—во всемъ отрадномъ свѣтѣ своего богоподобнаго величія. На Голгоѣѣ, какъ на страшномъ судѣ Божіемъ, выходятъ наружу и являются предъ всѣмъ свѣтомъ всѣ помышленія и мысли сердечныя. Что ужаснѣе злобы и ожесточенія враговъ Иисусовыхъ, для которыхъ не довольно было предать поруганію и крестной смерти Неповиннаго, а нужно было еще отравить послѣднія минуты Его страдальческой кончины насмѣшками и злохуленіемъ? Что жалче безумія толпы народной, бессмысленно ругающей надъ Распятымъ въ подражаніе озлобленнымъ врагамъ Его? Напротивъ, что выше, несорочнѣе, совершеннѣе и святѣ Матери Божіей и возлюбленнаго ученика Иисусова, стоящихъ при крестѣ Его

въ безмолвной скорби и молитвѣ, не взирая на буйство и злохуленія ожесточенныхъ враговъ? Что умильнѣе безпредѣльной любви къ Господу святыхъ женъ муринолицъ, не оставляющихъ своего Божественнаго Учителя и на крестѣ и во гробѣ, среди всеобщихъ поруганій и насмѣшекъ?

Но, посреди оной глубокой бездны растлѣнія челоуѣчества и сей недосязаемой высоты его славы и богоподобія, является одесную Спасителя умильнѣе и утѣшительнѣе, болѣе близкій къ намъ и болѣе доступный намъ, образъ кающагося грѣшника въ лицѣ разбойника благоразумнаго. Не напрасно, братіе мои, сей образъ покаянія поставленъ промысломъ Божиимъ у самага креста Христова въ самыя торжественныя минуты, когда страданіями Сына Божія на крестѣ примирялось небо съ землею, когда приносилась святѣйшая, всепримиряющая жертва за грѣхи челоуѣковъ. И дѣйствительно, что можетъ быть трогательнѣе и поучительнѣе для ищущихъ спасенія грѣшниковъ, какъ не примѣръ разбойника, кающагося на крестѣ, и образъ Господа, отверзающаго рай кающемуся — со креста? Но, что можетъ быть и несчастнѣе грѣшника, злоупотребляющаго этимъ примѣромъ, обольщающагося мнимою легкостью покаянія, отлагающаго покаяніе со дня на день, до самага конца своей жизни? И такъ, если мы собрались сюда, — къ подножію креста и гроба Христова, — чтобы принести своему Искупителю и Господу раскаяніе во грѣхахъ своихъ, умолять Его о прощеніи и помилованіи (а иначе за чѣмъ и приходите сюда?): то всмотримся, братіе мои, ближе въ примѣръ кающагося разбойника, вслушаемся внимательнѣе въ покаянную его молитву, чтобы усвоить себѣ духъ и силу покаянія его.

Но что видимъ въ кающемся разбойникѣ? Первѣе всего — его живую, твердую и непоколебимую вѣру въ сораспятаго съ нимъ Спасителя міра. Не дивно было бы, еслибы разбойникъ, видя знаменія и чудеса Христовы, исповѣдалъ Его сыномъ Давидовымъ, т. е. обѣтованнымъ Мессією и Сыномъ Бога живаго, какъ исповѣдали ученики Христовы. Не чудно было бы, еслибы онъ, видя Господа, дивно преобразившагося на

Фаворѣ, среди Моисея и Іліи, когда гласъ съ неба свидѣтельствоваць о Немъ, какъ о Сынѣ Божіемъ возлюбленномъ, воскликнулъ вмѣстѣ съ Петромъ: *Господи, добро намъ здѣ быти*; или, еслибы онъ слышалъ сладчайшія бесѣды Спасителя, коими невольно поражались и улаждались слушающіе, естественно было бы сказать: *николиже тако глаголаць есть человекъ, яко сей человекъ*. Еслибы по крайней мѣрѣ онъ видѣлъ, какъ въ минуту смерти Іисусовой померкло солнце, потряслась земля, распались скалы, тогда невольно воскликнулъ бы съ сотникомъ: *воистину Божій Сынъ бѣ сей!* Но онъ вѣруеть во Іисуса, какъ Іскупителя міра и Царя неба и земли тогда, когда самыя ученики Его, *оставльше Его, бѣжаша*. Онъ исповѣдуетъ Господомъ своимъ Того, кто отверженъ былъ цѣлымъ народомъ, осужденъ на позорную смерть со злодѣями, надъ кѣмъ глумились и издѣвались всѣ окружающіе. Онъ видитъ Владыку жизни и смерти въ Томъ, кто Самъ пригвожденъ ко кресту и страждеть въ тяжкихъ мукахъ. Вѣруеть и исповѣдуетъ вѣру свою предъ всѣми, потому только, что видѣлъ несправедливое осужденіе Его, слышалъ Его молитву за распинающихъ, слышалъ объ Его чудесахъ и о ученіи Его, — чувствовалъ сердцемъ Его Божественное величіе въ самомъ униженіи и страданіяхъ. По истинѣ, если о вѣрѣ капернаумскаго сотника надлежало сказать: *ни во Израили, такии вѣры обрѣтохъ*, то о разбойникѣ кающемся по справедливости должно сказать, что такой вѣры, какую показалъ онъ, не было тогда въ цѣломъ мірѣ. Сіа-то вѣра и содѣлала покаяніе Его столь животворнымъ и спасительнымъ, на такое-то исповѣданіе отвѣтствуетъ Господь: *днесъ со Мною будещи въ рай!*

Отъ насъ, братіе мои, какъ послѣдователей не распятаго токмо, но и воскресшаго и вознесшагося во славу Господа, — отъ насъ, видѣвшихъ столько чудесныхъ дѣйствій вѣры Христовой, имѣющихъ предъ очами цѣлый облакъ свидѣтелей этой чудодѣйственной вѣры, — тѣмъ болѣе должно ожидать твердой и непоколебимой, живой и животворной вѣры въ своего Спасителя и Господа, особенно тогда, когда являемся къ Нему съ

покаяніемъ во грѣхахъ своихъ, когда ищемъ у Него, какъ у Судіи своего и Бога, милосердія и оправданія, когда просимъ у Него прощенія и помилованія. Итакъ, если, вопреки всѣмъ глумленіямъ нечестивыхъ, ты зришь во Іисусѣ Христѣ, и только въ Немъ одномъ, Божію силу и Божію премудрость, единого истиннаго Сына Божія и Спасителя міра, единую надежду своего спасенія и жизни вѣчной, единый источникъ своего счастья до гроба и за гробомъ; если готовъ пребыть съ Нимъ и тогда, когда бы всѣ Его оставили, хранить святыя заповѣди Его и тогда, когда бы весь міръ глумился надъ тобою,—исповѣдывать Его своимъ Господомъ и Богомъ и тогда, когда бы это исповѣданіе стоило тебѣ самой жизни, съ такою вѣрою необязанно приступай ко кресту Его и гробу, исповѣдуй предъ Нимъ согрѣшенія твои, воззови къ Нему гласомъ разбойника благоразумнаго: *помяни мя, Господи, во царствіи Твоемъ!* И гласъ твой будетъ услышанъ, и двери благодати и милосердія отверзутся предъ тобою.

Вмѣстѣ съ живою вѣрою видимъ въ кающемся разбойникѣ не менѣе живое сознаніе всей виновности грѣховъ своихъ предъ Богомъ, готовность исповѣдать ихъ предъ всѣми, понести за нихъ достойную и праведную казнь, только бы утолить ея жгучія язвы совѣсти, только бы не быть отринутымъ на вѣки отъ лица Божія. Тяжко и болѣзненно покарало преступленія его земное правосудіе, мучительнѣйшею смертію суждено ему умереть на крестѣ. Но онъ забываетъ страданія тѣлесныя и не проситъ избавленія отъ нихъ; онъ чувствуетъ только муки совѣсти, и исповѣдуетъ предъ Богомъ грѣхи свои во всеуслышаніе: *и мы убо въ правду осуждены, достойная бо по дѣломъ нашимъ восприемлемъ.* Вся мысль его устремлена къ вѣчности, душа его трепещетъ только суда Божія, сердце его сокрушается только о томъ, что по беззаконіямъ своимъ онъ не сподобится узрѣть царствія Христова. Онъ молить не о томъ, чтобы сойти со креста, но о томъ, чтобы сораспятый съ нимъ Господь хотя помянулъ его во царствіи своемъ: *помяни мя, Господи, егда придеши во царствіи Твоемъ.* Та-

кое-то искреннее, сокрушенное, самоосуждающее исповѣданіе приѣмлетъ Господь; на такое-то исповѣданіе отвѣтствуетъ Владыка рая: *днесъ со Мною будешь въ раи!*

Отъ насъ, братіе мои, надлежало бы ожидать тѣмъ болѣе искренняго и сокрушеннаго сознанія тяжести грѣховъ нашихъ, тѣмъ горячайшихъ чувствованій раскаявающагося сердца, чѣмъ болѣе мы знаемъ всю виновность грѣха предъ правосудіемъ Божиимъ и всю тяжесть оскорбленія величія Божія, чѣмъ болѣе извѣстно намъ о святости существа Божія, не терпящей беззаконія, о неумытности суда Божія, осуждающаго не только всякое беззаконное дѣло или слово, но и всякій грѣховный помысль, всякое нечистое пожеланіе, всякое преступное намѣреніе; чѣмъ яснѣе открыто намъ о жестокости вѣчныхъ мученій, уготованныхъ грѣшникамъ нераскаяннымъ, о блаженствѣ жизни вѣчной для истинно кающихся и спасающихся. Итакъ, чувствуемъ ли мы, взирая на язвы Господа, подъятыя за грѣхи наши,—чувствуемъ ли то омерзѣніе къ беззаконіямъ своимъ, то отвращеніе къ нечистотамъ своимъ, ту ненависть ко грѣху, какъ первѣйшему врагу своему, которая однѣ могутъ содѣлать покаяніе наше *нераскаяннымъ во спасеніе*? Жаждетъ ли сердце наше прощенія и помилованія отъ Господа болѣе всѣхъ сокровищъ міра, болѣе собственной жизни? Ужасается ли духъ нашъ отверженія отъ лица Божія болѣе всѣхъ временныхъ скорбей и мученій, болѣе самой смерти тѣлесной? Готовы ли уста наши исповѣдать грѣхи свои не только предъ служителемъ алтара, но и предъ лицомъ неба и земли, еслибы то угодно было волѣ Божіей? Готово ли сердце наше принять и понести на землѣ всѣ озлобленія и униженія, всѣ страданія и муки, только бы не быть отринутыми отъ лица Божія, отлученными отъ царства Христова, низринутыми въ адъ на всю вѣчность? Съ такими чувствованіями можемъ необязательно приступать ко кресту и гробу Христову, молиться Господу и Спасителю своему гласомъ разбойника благоразумнаго: *помяни насъ, Господи, во царствіи Твоемъ!* И вопль сокрушеннаго сердца нашего будетъ услышанъ, и двери милосердія Божія отверзнутся намъ.

Съ вѣрою и любовію къ Господу, съ желаніемъ собственнаго спасенія, въ сердцѣ разбойника благоразумнаго является самая нѣжная любовь къ погибающему собрату своему, самая мужественная ревность о славѣ Божіей и о спасеніи ожесточившагося своего собрата. Раскаившись самъ, онъ старается подвигнуть къ покаянію и распятаго съ нимъ собрата своего, является ревнителемъ славы Божіей, защитникомъ невинно страдающаго Иисуса. *Ни м ты боишися Бога*, говоритъ онъ, услышавъ хулу на Иисуса изъ устъ несчастнаго своего собрата, — *ни м ты боишися Бога, яко въ томъ же осужденъ еси? И мы убо вправду, достойная бо по дѣломъ нашимъ воспріемлемъ, Сей же ни единого зла сотвори*. Не обличаетъ его злодѣяній, не поноситъ его нечестія, не проклинаетъ его ожесточенія, напоминаетъ ему только о страхѣ Божіемъ, обращаетъ его мысль къ суду Божію, предъ которымъ готовы предстать оба чрезъ нѣсколько часовъ мучительныхъ страданій. *Ни м ты боишися Бога?* Или и самая кара правосудія не сокрушила и не смягчила твоего сердца? Неужели и жесточайшее бѣдствіе, которое достойно и праведно мы терпимъ за свои беззаконія, не пробудило усыпленной твоей совѣсти? Или и самая предстоящая намъ смерть и за нею судъ и осужденіе вѣчное не могутъ потрясти души твоей страхомъ Божіимъ? Неужели собственные, заслуженныя нами, страданія не могутъ возбудить въ сердцѣ твоемъ состраданія къ неповинному Страдальцу? Какъ истаевающій жаждою языкъ твой дерзаетъ износить хулу и глумленіе, а не молитву и исповѣданіе? Болѣе не могъ ничего сдѣлать распятый и страдающій для вразумленія своего несчастнаго собрата и потому тотчасъ же обращается съ молитвою къ Господу, желая не одними словами, а и примѣромъ своимъ показать, что надлежало бы сдѣлать безумному хулителю.

Такъ, братіе мои, это—святая обязанность кающагося грѣшника — употребить, съ своей стороны, все, чтобы изгладить соблазнъ, произведенный или словами или дѣлами его. Это

святое дѣло истинной любви христіанской, — вразумить заблуждающаго, обратитъ на нутъ покаянія безпечнаго или жестокающагося брата своего. Чѣмъ и какъ? Не суровымъ обличеніемъ и укоризнами, не порицаніемъ и изведеніемъ предъ взоры всѣхъ согрѣшеній его; а страхомъ Божиимъ, напоминаніемъ о смерти и судѣ Божиимъ, а паче всего молитвою и собственнымъ примѣромъ покаянія. И такъ, если ты, представъ распятому за насъ Господу съ покаяніемъ, не только простишь отъ всего сердца всѣ, сдѣланныя тебѣ собратіями твоими, оскорбленія, но умолишь и ихъ къ примиренію съ тобою; если, свѣдаясь ревностію о славъ Божіей и о спасеніи ближнихъ твоихъ, соблазвившихся твоими словами и дѣлами, употребишь съ своей стороны все для вразумленія и обращенія ихъ, — и совѣтъ и прошеніе, и увѣщанія и мольбы, если, не взирая на глумленіе надъ тобою людей легкомысленныхъ и разсѣянныхъ, будешь продолжать начатое дѣло спасенія мужественно и постоянно; если, прощая отъ всего сердца ихъ неразумное глумленіе, будешь возсылать о нихъ усердную молитву къ Тому, который одинъ подаетъ духъ умиленія и сокрушаетъ окамененіе сердечное: то приступай со дерзновеніемъ ко кресту и гробу Христову, молись съ упованіемъ молитвою разбойника благоразумнаго: *помяни мя, Господи, во царствіи Твоемъ*. И гласъ твой будетъ услышанъ, и отверзутся тебѣ двери милосердія Божія.

Но подивитесь, братіе мои, тайнамъ премудрости Божіей. И послѣ такого искренняго, полнаго и совершеннаго покаянія разбойника благоразумнаго; послѣ такого рѣшительнаго оправданія, какое изрекъ ему самъ Господь, кающійся не избавленъ отъ мученій крестныхъ, не сведенъ со креста, напротивъ оставленъ страдать на немъ до смерти, и претерпѣлъ наконецъ жесточайшее изъ всѣхъ мученій — пребіеніе голеной. Для чего? Безъ сомнѣнія для того, чтобы жестокостію сихъ мученій погасилась въ конецъ безумная жажда плотскихъ наслажденій, коихъ алкало сердце его во все прошедшее время жизни, чтобы душа его очистилась, какъ золото въ горниль. Не удивляй-

тесъ же, братіе, когда увидите, что искренно раскаявшіеся грѣшники подвергаются иногда многимъ бѣдствіямъ, тяжкимъ и горькимъ послѣдствіямъ грѣховъ своихъ. Напротивъ, это—вѣрный знакъ, что покаяніе ихъ пріемлется милосердіемъ Божіимъ, что они, подобно разбойнику благоразумному, страдаютъ со Христомъ, да и съ Нимъ прославятся, что премудрость Божія оставляетъ ихъ страдать плотію, дабы они совершенно престали отъ грѣховъ, что душѣ ихъ дается возможность очиститься совершенно и явиться достойною свѣтлаго чертога Христова. Не удивляйтесь и тому, что нераскаянные грѣшники остаются въ счастіи и покоѣ, подобно возвратившимся съ Голгофы книжникамъ и фарисеямъ. Это явный знакъ, что долготерпѣніе Божіе оставляетъ ихъ, да воспріимутъ всю мзду свою здѣсь, чтобы тотчасъ по смерти ихъ воспріяло надъ ними всю силу свою одно правосудіе и низвергло ихъ прямо во огнь вѣчный. Истинно кающійся, подобно покаившемуся разбойнику, не только не желаетъ освобожденія отъ наказаній временныхъ, но ищетъ ихъ, даже самъ подвергаетъ себя казни, *растиная плоть свою со страстьми и похотьми*. Итакъ, если желаемъ истинно каяться, и мы должны быть готовы страдать со Христомъ и не сходить самовольно съ того креста, который найдетъ для насъ благопотребнымъ и полезнымъ премудрость Божія. И прежде всего не сходи съ того духовнаго креста самоосужденія, на который возносить насъ покаяніе. Ты осуждаешь самъ заблужденія свои, окаеваешь грѣхи свои, готовъ предать казни самое тѣло свое—орудіе грѣха? Не сходи съ сего креста отверженія грѣховной жизни, напротивъ распни на немъ плоть свою со страстьми и похотьми, и не только не возвращайся опять къ прежнимъ беззаконіямъ, но и не воспоминай о нихъ въ подробности, чтобы самымъ воспоминаніемъ грѣховныхъ дѣяній не осквернить свою душу. Ты мучишься совѣстію объ оскорбленіи величія Божія, о неблагодарности своей предъ Отцемъ небеснымъ? Не сходи съ сего креста сокрушенія сердечнаго; всегда уничижай себя предъ Богомъ, непрестанно молись, какъ послѣдній, худшій всѣхъ

грѣшникъ, ищущій прощенія и помилованія; тѣмъ паче бойся оскорблять опять правосудіе Божіе новыми грѣхами. Ты видишь самъ теперь всю суету удовольствій и радостей мірскихъ, отвращаешься оболъщенной міра, ненавидишь соблазны его? Не сходи съ сего креста отверженія міра; *отврати очи твои, еже не видѣти суеты; всяцїемъ храненїемъ блюди твое сердце, и молись непрестанно ко Господу: избави душу мою отъ соблазнъ!* Ты предложилъ себѣ прочее время живота твоего поработати Господеви, иди неуклонно путемъ заповѣдей Божїихъ? Удержись всею силою духа на семъ крестѣ добродѣтельной, благоговѣйной жизни во страхѣ Божїемъ. Возопіетъ ли плоть съ своими похотями: сниди со креста? Пригвозди ее ко кресту страхомъ смерти и огня геенскаго. Возопіетъ ли вслѣдъ тебя міръ съ своими соблазнами: сниди со креста? Отрази его памятію вѣчныхъ благъ, уготованныхъ любящимъ Господа и несущимъ крестъ свой въ слѣдъ Его, и—вѣчныхъ мученій, ожидающихъ грѣшниковъ преданныхъ міру и его похотямъ. Будетъ ли прельщать тебя лестию злобный врагъ нашъ діаволь: сниди со креста? Отрази его страхомъ суда будущаго, послѣ котораго онъ вверженъ будетъ во озеро огненное. Словомъ: кто бы ни приглашалъ тебя сойти со креста вѣры и добродѣтели, истины и правды, терпѣнія и самоотверженія, ты молись со Іисусомъ Христомъ: *Боже мой, Боже мой, вскую мя еси оставилъ? Боже, въ помощь мою возми; Господи, помози ми потщися, да постыдятся и посрамятся вси ищущи душу мою.*

Таковы, братіе мои, сила и духъ истиннаго покаянія, которое проповѣдуетъ намъ нынѣ распятый одесную Господа разбойникъ. Можно ли же, послѣ сего, брать примѣръ его въ возглавіе своей грѣховной безопасности, усыплять совѣсть свою мнимою легкостью покаянія, скоростію отпущенія грѣховъ? Испыталъ ли кто эти мученія крестныя, коихъ одна минута тяжелѣе цѣлыхъ годовъ страданій, чтобы думать о покаяніи на крестѣ, какъ о дѣлѣ легкомъ? Испыталъ ли кто и тѣ страданія смертныя, тѣ томленія и муки, которыя терзаютъ душу

умирающаго грѣшника, чтобы говорить о возможности истиннаго покаянія при смерти? Чтобы заслужить намъ прощеніе грѣховъ, надлежало самому Сыну Божію испытать всѣ мученія ада, испить всю чашу гнѣва Божія до капли; мы ли хотимъ получить это прощеніе безъ труда и болѣзней, безъ внутреннихъ и вѣшнихъ страданій?

Усвоимъ же себѣ, братіе мои, самый духъ покаянія разбойника благоразумнаго: тогда можемъ, подобно ему, съ упованіемъ приступать къ распятому и умершему за грѣхи наши Господу, спасительно и животворно облобызать пречистыя язвы Его, благонадежно молиться ему молитвою разбойника: *помяни мя, Господи, егда приидеши во царствіи Твоемъ!* Аминь.

С Л О В О

ПРИ ОКОНЧАНИИ УЧЕБНАГО ГОДА ВО 2-й МОСКОВСКОЙ
ВОЕННОЙ ГИМНАЗИИ.

По милости и благословенію Божію сегодня мы достигли предѣла годичныхъ трудовъ. Наша обязанность прежде всего возблагодарить Бога, свыше ниспославшаго Свое благословеніе на наши труды и даровавшаго намъ силы къ ихъ совершенію. Между всѣми дарами собственно земнаго счастья, какіе небо ниспосылаетъ намъ, нѣтъ драгоцѣннѣе, выше и прочнѣе, какъ пріобрѣтенія, дѣлаемыя нашимъ умомъ, и потому, что онѣ служатъ самымъ лучшимъ украшеніемъ человѣка, и потому, что онѣ возвышаютъ человѣка, даютъ его жизни разумный смыслъ, разумное значеніе; безъ нихъ или при малости ихъ, жизнь человѣка—существа разумнаго—развѣ немногимъ чѣмъ отличается отъ жизни существъ неразумныхъ. Не цѣнить ихъ, а еще хуже, пренебрегать ими можетъ только человѣкъ, который не дорожитъ своимъ человѣческимъ достоинствомъ, помыслы котораго не идутъ дальше того, чтобы быть сытымъ, одѣтымъ, согрѣтымъ. Блаженъ человѣкъ, иже обрѣтѣ премудрость, и смертенъ, иже увѣдѣ разумъ. Это сказалъ мудрѣйшій изъ царей—Соломонъ. Въ рукахъ его перебивали всѣ дары земнаго величія и славы, земнаго благополучія и счастья: и

онъ могъ сравнить ихъ какъ никто, опредѣлить цѣну и значеніе каждаго изъ нихъ. Но онъ называетъ блаженнымъ не богача, утопающаго въ нѣгѣ и роскоши, не человѣка, имя котораго гремитъ въ отдаленныхъ предѣлахъ, не героя, покрывшаго себя славою побѣдъ. А если такъ, то не ясно ли, что всякое новое пріобрѣтеніе въ этомъ отношеніи, всякій разъ, какъ намъ удастся увеличить запасъ знаній, прибавить къ прежнимъ знаніямъ нѣсколько новыхъ, должны услаждать и радовать насъ, а съ другой стороны побуждаютъ благодарить Бога, въ которомъ сокрыты источники всякой премудрости, который посылаетъ силы и способности къ ученію. Не забывайте при этомъ, что у васъ есть сверхъ того особенное побужденіе благодарить Бога. Сколько есть людей, которые совершенно не знакомы съ добрыми плодами ученія! Сколько есть людей, которые Богъ знаетъ что ни готовы были бы отдать, лишь бы знать хоть половину того, чему вы научились или можете научиться. Но по условіямъ своей жизни, обстановки и состоянія они лишены возможности удовлетворить своей любознательности, обречены блуждать или во мракѣ невѣдѣнія или въ сумеркахъ полуобразованія, недоученія. Благодарите же Бога, который даровалъ вамъ это завидное для другихъ преимущество пользоваться тѣмъ, чѣмъ другіе не пользуются, хотя бы и рады были воспользоваться.

Другая обязанность всякаго, научившагося чему-либо добруму и полезному, вложившаго въ сокровищницу ума нѣсколько новыхъ и полезныхъ свѣдѣній, заключается въ томъ, чтобы дорожить ими, т. е. хранить и беречь ихъ какъ лучшее свое достояніе, какъ самое дорогое свое имущество. Мы учимся не для того, чтобы выученное скоро забывать, мы пріобрѣтаемъ знанія не для того, чтобы растерять ихъ съ неряшливостію достойною всякаго порицанія. Вѣдь смѣшонъ былъ бы человѣкъ, который сталъ бы черпать воду рѣшетомъ; его трудъ глупъ, потому что не достигаетъ цѣли; не успѣетъ онъ зачерпнуть какъ зачерпнутое сейчасъ же и выливается на землю.

И сколько бы онъ ни бился, въ концѣ концовъ останется съ тѣмъ же, съ чѣмъ пришелъ къ ручью, т. е. ни съ чѣмъ. Другіе ужь успѣли по нѣскольку разъ придти и напиться сами и для другихъ зачерпнуть воды, а онъ ни самъ ни напился, ни другихъ не напоилъ водою. Таковъ-то трудъ всякаго, кто чему-либо учится, но не старается сберечь и хранить то, чему учился. Старайтесь же пріобрѣтеныя вами знанія сохранять; дорожите ими какъ самую лучшую находку. Стыдно быть человѣкомъ неученымъ, невѣждою, но въ тысячу разъ стыднѣе, когда человѣкъ учился чему нибудь, а остался такимъ же невѣждою, какимъ бываетъ и ничему неучившійся человѣкъ.

Но если знанія имѣютъ такую цѣну, что обладаніе ими и пріобрѣтеніе ихъ составляетъ лучшее достояніе человѣка, то ясно отсюда, что чѣмъ болѣе во владѣніи человѣка знаній тѣмъ болѣе ему чести. А отсюда новое слѣдствіе. Кто понимаетъ это значеніе знаній, кто умѣетъ цѣнить ихъ по ихъ внутреннему значенію, а не по тѣмъ внѣшнимъ, случайнымъ выгодамъ, которыя онѣ доставляютъ своему владѣтелю, тотъ обязанъ заботиться о постоянномъ приумноженіи знаній. Да! пріобрѣтать знанія слѣдуетъ не потому, что онѣ открываютъ доступъ къ тѣмъ или другимъ преимуществамъ жизни, что помогаютъ устроить карьеру. Кто такъ смотритъ на ученье, на знаніе, на науки, тотъ самымъ жестокимъ образомъ оскорбляетъ ихъ. Да такой человѣкъ и самъ рекомендуетъ себя съ невыгодной стороны. Ясно, что знанія и ученье для него дороги не сами по себѣ, сами по себѣ онѣ не имѣютъ для него значенія; онъ готовъ смотрѣть на нихъ какъ на зло неизбѣжное, внутренне обременяется ихъ пріобрѣтеніемъ и радъ-радехонекъ, когда исчезаетъ необходимость беспокоить себя ихъ пріобрѣтеніемъ. Дай Богъ, чтобы этого не было ни съ кѣмъ изъ васъ. Пусть каждый изъ васъ стремится къ знанію и любитъ его ради самаго знанія, ради того, что каждое изъ нихъ удовлетворяетъ одной изъ высшихъ и благороднѣйшихъ потребно-

стей нашего духа. Цвѣтокъ распускаетъ свои лепестки, не заботясь о томъ, найдется или нѣтъ человѣкъ, который полюбовался бы имъ; такъ и вы должны заботиться о своемъ развитіи безъ отношенія къ тому, будутъ или нѣтъ васъ хвалить. Не опускайте ни одного удобнаго случая къ тому, чтобы обогатить себя новымъ полезнымъ свѣдѣніемъ. Вѣкъ живи, вѣкъ учись, гласитъ народная мудрость, т. е. какой бы долгій вѣкъ ни послалъ тебѣ Богъ, никогда не считай себя выучившимся, достигшимъ полноты и вершины знанія; никогда и никакого полезнаго и хорошаго свѣдѣнія не считай для себя лишнимъ и ненужнымъ; не гордись и не превозносись своими знаніями, ибо въ этомъ смерть для ума; а всегда представляй необъятную ширь того, чего ты еще не знаешь, и въ этомъ почерпай и побужденіе и энергію учиться, а сидь для того проси у Бога.

Но стремясь къ приобрѣтенію разнообразныхъ и многостороннихъ свѣдѣній, не нужно забывать, что есть вѣчно связующее всѣ наши знанія воедино, дѣлающее ихъ не безпорядочнымъ и безсвязнымъ сборомъ всякихъ, годныхъ и полезныхъ, пустыхъ и бесполезныхъ свѣдѣній, а единымъ, цѣлымъ и красивымъ зданіемъ. Этимъ связующимъ началомъ служитъ истина. Вѣчная, единая, нераздѣльная, божественная по своему происхожденію, она служитъ единою, общею цѣлю всѣхъ знаній, всякихъ ученій. Преданная Богомъ человѣку, чтобы человѣкъ ее искалъ, усвоилъ, развивалъ, она, какой бы путь ни избралъ человѣкъ, непременно приведетъ къ Тому, кто есть сама Истина. Поэтому, обогащая себя свѣдѣніями, увеличивая и умножая свои научныя знанія, выше всего ставьте истину, любите только ее и дорожите только ею. Свѣтлые и глубокіе слѣды этой истины можемъ, если захотимъ, отыскать и усмотрѣть всюду. Не думайте, чтобы эту истину можно было отыскать только въ томъ, что вы привыкли называть «Закономъ Божиимъ», не думайте, чтобы она заключена была вся только въ этомъ. Нѣтъ, это значило бы отводить для нея слишкомъ тѣсные предѣлы, заключать ее въ

слишкомъ тѣсныя рамки. Солнце распространяетъ свои лучи на землѣ повсюду, но кромѣ того изливаетъ ихъ въ избыткѣ и на прочія планеты. Такъ и истина разливаетъ свои лучи не въ одномъ какомъ-либо предметѣ, а всюду, во всѣхъ изучаемыхъ нами предметахъ. Изучаете ли вы видимую природу, ея законы, ея предметы, ея явленія, не забывайте, что вся природа есть величественная книга, написанная перстомъ Божіимъ; внутренній смыслъ и значеніе буквъ этой книги доступенъ только уму ищущему и любящему истину. Въ непонятныхъ и необыкновенныхъ, равно какъ и въ самыхъ обыкновенныхъ ея явленіяхъ, человекъ можетъ услышать голосъ Божій. Въ непонятномъ явленіи купины горящей, но неугарающей, Моисей слышалъ голосъ Бога, призывающаго его на великое дѣло. Въ грозныхъ раскатахъ грома, въ ослѣпительномъ сверканіи молній народъ Божій внималъ голосу Бога, изрекающаго свою волю. Въ тихомъ вѣяніи вѣтерка человекъ Божій слышалъ голосъ Бога, его утѣшающаго; въ нѣжномъ и мягкомъ дыханіи райскаго вечера согрѣшившему праотцу послышался голосъ Бога, его обличающаго и укоряющаго. Изучаете ли вы законы мѣры, вѣса и числа, можете и здѣсь видѣть дѣйствіе Того, кто все на землѣ и на небѣ устроилъ вѣсомъ, мѣрою, числомъ. Останавливаетесь ли мыслію на историческихъ судьбахъ человѣчества, и здѣсь вы встрѣчаетесь лицомъ къ лицу съ тѣмъ же зиждительнымъ и промыслительнымъ перстомъ Божіимъ, который поставляетъ престолы и низлагаетъ, возводитъ царей и низводитъ, который истребляетъ народъ, когда мѣра его беззаконій достигаетъ своего предѣла, который сохраняетъ народы въ тяжкія години народныхъ испытаній и бѣдствій. А отсюда ясно, что кто съ любовію къ истинѣ, съ искреннимъ желаніемъ узнать ее собираетъ разныя свѣдѣнія, изучаетъ разныя науки, тотъ болѣе и болѣе будетъ прилѣпляться къ той истинѣ, которую внушаетъ вѣра. Напрасно нѣкоторые думаютъ, будто знанія, образованіе, науки могутъ враждовать съ вѣрою, наносить ей

ущербъ. Это слѣдуетъ сказать о знаніяхъ или поверхностныхъ, скользящихъ только по предметамъ, но неуглубляющихся во внутреннія основанія предметовъ, или одностороннихъ, узкихъ. Это—слѣпой кротъ, который зарылся въ землѣ и думаетъ, что нѣтъ неба, нѣтъ солнца въ небѣ. Напротивъ, чѣмъ основательнѣе наши свѣдѣнія, чѣмъ онѣ многостороннѣе, тѣмъ болѣе онѣ очищаютъ и возвышаютъ вѣру, тѣмъ болѣе заставляютъ прилѣпяться къ ней и дорожить ею, тѣмъ болѣе онѣ показываютъ, что вся вселенная есть единый, необъятный храмъ истины, далеко превосходящій собою тѣ капища и кумирни, которыя воздвигаются ложнымъ просвѣщеніемъ и на которыхъ закаляются и приносятся въ жертву иной разъ лучшія вѣрованія, святыя чаянія души человѣческой. Дай Богъ, чтобы любовь къ этой истинѣ никогда не покидала васъ, всегда сопутствовала вамъ и всегда приводила къ Тому, кто сказалъ о Себѣ: Азъ есмь истина.

Прежде чѣмъ окончить свое теперешнее собесѣдованіе, считаю не лишнимъ остановить ваше вниманіе еще на одномъ обстоятельстве, котораго не слѣдуетъ опускать изъ виду никому, кто стремится просвѣтить свой умъ свѣтомъ ученія.—Пригодность, полезность, достоинство и важность каждаго знанія измѣряется между прочимъ степенью его приложимости къ жизни, его вліяніемъ, его значеніемъ въ устроеніи нашей жизни, нашего благосостояніа—иначе оно будетъ пустоцвѣтомъ и какъ пустоцвѣтъ его нельзя дорого цѣнить. Удовлетворяя пылкости человѣческаго духа и не воплощаясь въ его дѣятельности, подобное знаніе можетъ быть будетъ горѣть ярко, но не будетъ согрѣвать. Одно спокойное, холодное, безстрастное наслажденіе обрѣтенною истиною, какъ бы она ни была высока, недостаточно и недостойно ея. Знать что-нибудь и не жить согласно съ своимъ знаніемъ,—это значило бы хоронить талантъ въ землѣ, прятать зажженный свѣтильникъ подъ спудъ. Мы лучше поклоняемся истинѣ, болѣе уважаемъ ее, когда стараемся провести ее въ жизнь.

когда ей,—безплотной и безличной, — стараемся дать живой видъ, живое лицо, живую плоть своею дѣятельностію, своею жизнію. И это по преимуществу должно сказать о той истинѣ, которую мы называемъ Господнею. Если вы это знаете, сказалъ Господь своимъ ученикамъ, напомнивши имъ нѣкоторыя изъ своихъ наставленій, если вы это знаете, то можете вы, когда исполняете. Аминь.

Свящ. М. Воздвиженскій.

О БИБЛЕЙСКОЙ ИСТОРИИ ТВОРЕНИЯ

ВЪ СВЯЗИ СЪ ЕСТЕСТВЕННОЮ ИСТОРИЕЮ

Мы рассмотрѣли всѣ доселѣ извѣстные въ богословіи *опыты сравнительнаго изъясненія* библейской исторіи творенія и естественной исторіи мірообразования *). Надѣмся, что это рассмотрѣніе уже достаточно показало, какъ неосновательны увѣренія одной стороны, равно и страхи другой, будто библейское сазаніе о твореніи можетъ быть поколеблено открытіями естествознанія. Мы видѣли, какъ богословская испытующая мысль, идя параллельно съ успѣхами естествознанія и съ каждымъ новымъ опытомъ изъясненія болѣе и болѣе углубляясь въ истину Слова Божія, износила изъ своихъ сравнительныхъ изслѣдованій постепенно болѣе ясныя и болѣе твердыя удостовѣренія, что истина Откровенія есть безусловная, всеобъемлющая истина. Мы видѣли, что сопоставляемая съ этою истиною естественныя познанія не только не колеблутъ или не затмѣваютъ или не превышаютъ её, но напротивъ сами отъ нея приѣмлютъ твердость и свѣтъ, и своею истинною мѣрою даютъ еще повясть безмѣрность ея горизонтовъ, какъ бы раздвигающихся по мѣрѣ познанія и вызывающихъ на новыя изслѣдованія для болѣе полнаго познанія. Потому-то мы также видѣли, что само богословское познаніе,

*) См. *Прав. Обзор.* 1874 г. мартъ и апрѣль.

какъ своего рода естественное познаніе Божіей истины, болѣе и болѣе обнимая её, однако отнюдь не уравнивается съ нею; и вотъ основаніе къ дальнѣйшему изслѣдованію богословскому, которому успѣхи общей науки могутъ лишь помочь, но никакъ не положить камень претыканія.

Чтобъ усмотрѣть, какой дальнѣйшій путь должно принять изслѣдованіе библейской исторіи творенія, бросимъ послѣдній взглядъ на пути пройденные и на то, что именно на этихъ путяхъ достигнуто.

Первые, немногіе опыты естественнаго познанія земли требовали въ ту же мѣру и отвѣта со стороны библейскаго изъясненія; посему были встрѣчены простымъ объяснительнымъ указаніемъ на библейскій фактъ всемірнаго потопа, какъ на особенную причину находенія различныхъ организмовъ въ разныхъ осадочныхъ слояхъ земли. Такимъ образомъ первый опытъ богословскаго отвѣта общей наукѣ собственно еще не касался изъясненія исторіи творенія въ отношеніи ко внѣшнимъ познаніямъ природы. Иначе и быть не могло. Исторія геологической науки, невдвугъ вышедшей на путь настоящій, долгое время держала и библейскій экзегезисъ какъ бы внѣ прямого отношенія къ вопросамъ геологическимъ. Однако благодаря именно такому положенію, въ наукѣ богословской, съ самыхъ первыхъ ея отношеній къ геологіи, выработалось твердо - обоснованное убѣжденіе о несоизмѣримости точнаго библейскаго сказанія о твореніи съ естественно-научными измѣнчивыми изображеніями происхожденія земли и ея организмовъ.

На второмъ пути изъясненія началось движеніе уже ближайшаго изслѣдованія самаго библейскаго сказанія въ связи съ подвинувшимся впередъ естествознаніемъ. Указаніе на всемірный потопъ было оставлено какъ мысль внѣшняя самой исторіи творенія, но въ изслѣдованіи этой исторіи было обращено преимущественное вниманіе на изначальное дошестидневное твореніе: *въ началъ сотвори Богъ небо и землю,* — какъ на особенный библейскій моментъ въ исторіи творенія.

Къ этому-то моменту, по неопредѣленной его продолжительности и по опредѣленію тогдашней *неустроенности* земли, считали возможнымъ отнести палеонтологическую исторію земли, предоставляя такимъ образомъ свободу изслѣдованіямъ общей науки и въ то же время охраняя отъ ихъ случайностей истину шестоднева Библии. Правда такое соображеніе относительно данныхъ естественнаго познанія, временно удовлетворяя потребностямъ испытующей мысли, оказалось само случайностію, при болѣе строгомъ библейскомъ изслѣдованіи: но мысль объ особенномъ значеніи *первоначала творенія* въ послѣдующей исторіи шестоднева—сказалась какъ глубокая библейская мысль, ставшая плодотворнымъ пріобрѣтеніемъ въ богословіи для изясненія исторіи творенія.

Далѣе, на третьемъ пути толковательный библейскій трудъ могъ принять рѣшительное направленіе параллельно съ успѣхами естествознанія. Здѣсь библейское изслѣдованіе обратилось собственно къ исторіи *шести дней* творенія, и нашло, что геологическіе и палеонтологическіе періоды могутъ имѣть мѣсто въ предѣлахъ самаго шестоднева, не нарушая его истинны. И въ этомъ направленіи сдѣланы были самими геологами опыты проведенія параллелей между научными періодами землеобразованія и шестью днями Библии. Со стороны библейскаго толкованія, на этомъ пути едва ли не съ рѣшительностію уясненъ смыслъ дней творенія, не какъ дней обыкновенныхъ, но какъ великихъ, несвязѣримыхъ съ обычною мѣрою, *временъ* единственной *творческой седмицы*,—не земной только, но седмицы бытія всей вселенной. Тѣмъ не менѣе библейскій экзегезисъ не могъ удовольствоваться такими параллелями, какія были предлагаемы геологами. Прежде всего здѣсь богословы увидѣли, что библейскій шестодневъ, несмотря на его внѣшнюю краткость, внутренне содержательнѣе изображеній геологическихъ; что затѣмъ хотя проектируемыя параллели въ нѣкоторыхъ частяхъ дѣйствительно представляютъ поразительныя доказательства въ пользу библейскаго сказанія, каково соотвѣтствіе видимо главныхъ послѣ-

довательныхъ эпохъ созданія:—каменноугольной формациі съ третьимъ днемъ творенія, — юрской и меловой съ пятымъ днемъ и—третичной формациі съ шестымъ библейскимъ днемъ; однакоже при тѣхъ же параллеляхъ выступаетъ существенный, но неуясняемый ими пунктъ несоотвѣтствія—въ мнимо-современномъ или несовременномъ происхожденіи царства животнаго съ растительнымъ. Такимъ образомъ на этомъ многотрудномъ пути, для богословія въ отношеніи къ естествознанію рѣшительно выяснилось, кромѣ смысла библейскихъ дней, еще слѣдующее: что геологическія формациі и палеонтологическіе періоды хотя не должны быть изводимы изъ предѣловъ шестоднева, но не могутъ быть *уравниваемы* по ихъ количественной и отчасти качественной неопредѣленности — съ опредѣленными *шестью* библейскими фазисами творенія, притомъ же фазисами творенія не только земли, но цѣлой вселенной. Посему богословіе вѣрно указало, что сравненіе можетъ быть проводимо лишь отъ третьяго дня, съ котораго по Библии началось образовательное движеніе собственно въ тѣлѣ нашей планеты; но что при этомъ геологическія формациі, по настоящему состоянію науки, отъ ихъ неопредѣленнаго многообразія могутъ быть возведены пока къ двумъ опредѣленнымъ видамъ, къ виду образованій неорганическихъ и органическихъ, послѣдовательность которыхъ удобно согласуется съ послѣдовательностію творенія по шестодневу; что наконецъ, будущему науки предстоитъ болѣе строгое изслѣдованіе формациі собственно *органическихъ*, чтобы въ ихъ частной послѣдовательности возможно было въ свое время указать согласіе съ библейскимъ Откровеніемъ.

Такой оборотъ дѣла привелъ нѣкоторыхъ богослововъ на четвертый и послѣдній путь изъясненія,—изъясненія соотвѣтствія не дней Библии и періодовъ геологіи, но *идей* библейскаго сказанія съ сообразными имъ существенными ученіями естествознанія. Эти идеи и эти ученія представляются такимъ образомъ дѣйствительно въ поразительномъ соотвѣтствіи; при чемъ истинны естествознанія получаютъ глубокое религіозное

запечатлѣніе. И вотъ новая сторона, съ которой въ новомъ свѣтѣ открывается истина Откровенія. Но *историческій характеръ* библейскаго сказанія здѣсь поставляется въ тѣни: чтò не можетъ быть допущено.

Обозрѣвая такимъ образомъ пути пройденные научнымъ изслѣдованіемъ, нельзя не замѣтить, что на этихъ путяхъ выѣшняя фактическая область естествовѣднія въ ея отношеніи къ Библии освѣщена уже довольно свѣтомъ; и что вмѣстѣ съ тѣмъ само библейское сказаніе по частямъ изслѣдовано съ удовлетворительною полнотою. Но при всемъ томъ не дается ли также впечатлѣніе, что во всей совокупности доселѣшнихъ сравнительныхъ изъясненій еще недостаетъ чего-то существеннаго, чтò должно бы рѣшительнѣе освѣтить объ изъясняемыя области, снять доселѣ еще непреодолимое познаніемъ различіе ихъ, и наконецъ объективно изобразить какъ мѣру значенія естественныхъ познаній, такъ безъ сравненія высшую истинность и глубину Божественнаго Откровенія? Доселѣ непреодолимое познаніемъ различіе въ сравниваемыхъ областяхъ, кромѣ весьма важнаго вопроса о началѣ растительной и животной жизни, есть еще болѣе важный вопросъ о значеніи и отношеніи первичныхъ понятій, или лучше фактовъ, — *творенія* по Библии и *развитія* по естествознанію. Въ виду этихъ вопросовъ намъ представляется какъ первое, существенное, требующее дальнѣйшаго богословскаго изслѣдованія — уясненіе самаго *существа библейской исторіи творенія*. Мы сказали, что въ доселѣ извѣстныхъ опытахъ изъясненія Библии въ связи съ естественнымъ ученіемъ, библейское сказаніе о твореніи въ его отдѣльныхъ составныхъ частяхъ изслѣдовано съ удовлетворительною полнотою. Но недостаточно изслѣдована его *цѣлость*, существенная его *мысль*, которая должна руководить къ познанію органической связи между отдѣльными его частями и подлиннаго значенія каждой изъ нихъ. Открыть эту мысль въ библейскомъ повѣствованіи значитъ понять самую сущность повѣстѣуемаго дѣла, или, какъ мы выразились, *существо исторіи творенія*. Еслибы дос-

тягнуть такого уясненія — не отвлеченнымъ разсужденіемъ о понятіи творенія, но выразумѣніемъ собственно библейской мысли о существѣ и ходѣ міротворенія; тогда истина Библии въ отношеніи къ естественному ученію можетъ быть, предстала бы не только богословскому, но и общему познанію— съ рѣшительнымъ характеромъ несомнѣнной истины.

Библейское изображеніе хода творенія представляетъ изображеніе *исторіи* творенія. Въ этой простой мысли заключается глубокое содержаніе. Она сказываетъ, что проявленіе божественнаго творчества въ созданіи міра не есть единичное, *мигновенное дѣло*, но есть *продолжающееся въ извѣстномъ времени, постепенное совершеніе дѣла*. По Библии, исторія творенія имѣетъ *чрезвычайное начало*, и до своего окончательнаго *совершенія* — *шесть* чрезвычайныхъ временъ, или дней. Итакъ не только священное сказаніе о міротвореніи, но по сказанію само *міротвореніе есть исторія*, совершающаяся въ предѣлахъ чрезвычайной седмицы времени.

Устремляя теперь нѣкоторый общій взглядъ на библейское *содержаніе* этой исторіи, что мы видимъ въ ней, прежде всего какой такъ сказать прагматизмъ въ ней видимъ? Созданіе видимой вселенной, проходя по извѣстнымъ опредѣленнымъ ступенямъ, *заключается сотвореніемъ чловѣка какъ* высшаго созданія—въ образъ самого Бога, какъ бы бога на землѣ, который поставляется царемъ всего созданія (Быт. I, 28). Но этимъ дается разумѣть, что вся исторія творенія была ведена въ мысли о чловѣкѣ; слѣдовательно, всѣ ступени созданія до чловѣка были построены такъ, чтобы въ цѣлый міръ постепенно *внѣдрялось чловѣческое*, дабы *ни единой части міра не было чуждо чловѣческое* какъ въ ней господственное. И естественное познаніе указываетъ, что въ развитіи организмовъ природа ведена была къ чловѣку; но сего мало: дойдетъ ли когда естественная наука до познанія, что все тѣло вселенной въ цѣломъ его образованіи было ведено къ чловѣку? Библия рѣшительно говоритъ, что уже *изначала*

Духъ Божій, почившій наконецъ на человѣгѣ, *наитствовалъ* первосотвореннымъ небу и землѣ ¹⁾). Итакъ, по Библии, исторія творенія, въ сущности своей, есть *исторія созданія міра человеческого*.

Но совершеніе *такой* исторіи исполнилось ли *единственнымъ* путемъ такъ называемаго естественнаго развитія изъ зародыша, только въ началѣ творчески положеннаго? Отвѣтъ сообразный Библии есть отрицательный отвѣтъ. Библия говоритъ не только о творческомъ первоначалѣ творенія какъ зародышѣ цѣлаго созданія: *въ началъ сотвори Богъ небо и землю*, но тотчасъ же говоритъ о нѣкоторомъ особенномъ, продолжающемся дѣйствіи божественнаго наитствования этому зародышу: *Духъ Божій носашеся верху воды*; далѣе — говоритъ еще объ особенныхъ актахъ Слова Божія для каждой новой ступени бытія міра: *и рече Богъ, да будетъ свѣтъ*, и т. д. Кто можетъ, пусть различитъ такимъ образомъ *три особыя вида* божественнаго творческаго дѣйствованія въ совершеніи цѣлой исторіи міросозданія ²⁾.

Съ другой стороны—продолжающееся по всей исторіи творенія многообразное творческое дѣйствіе исключаетъ ли въ совершеніи ея такъ называемое *естественное развитіе*? И здѣсь—отвѣтъ сообразный Библии есть отрицательный отвѣтъ. По Библии, творимый міръ отъ положеннаго начала и на всѣхъ дальнѣйшихъ его стадіяхъ является не механизмомъ устрояемымъ какъ бы чрезъ нѣкоторое внѣшнее искусство, но живымъ организмомъ возводимымъ и восходящимъ отъ силы въ силу. *Въ началъ сотвори Богъ небо и землю*: этимъ рѣшительно говорится, что первое начало міра положено творчески; но съ другой стороны дается разумѣть, что разъ положенное начало есть уже начало міра, начало природы,—су-

¹⁾ Посему-то и грѣхъ человѣка воздѣйствовалъ обратно на всю природу; равно возстановленіе человѣка будетъ возстановленіемъ неба и земли. Таково единство въ ученіи Св. Писанія.

²⁾ Въ созданіи человѣка открывается еще *новый* творческій актъ; но объ этомъ—послѣ.

щества живущаго и *носящаго въ себѣ стѣмена жизни* ³⁾. Библия ясно говоритъ, что послѣ творчески положеннаго зачатка міра и оживленія его Духомъ Божиимъ, всемогущее Слово извлекаетъ различныя созданія уже не изъ ничтожества, но изъ самихъ неба и земли. *Да будетъ свѣтъ*: апостоль изъясняетъ, что *свѣту* было повелѣно *возсіять изъ тьмы*; слѣдственно—сообразно съ библейскими изображеніями—*изъ тьмы бездны*, или изъ тьмы *водъ*, какъ именуется первое состояніе призваннаго къ жизни міра. И далѣе: *да произраститъ земля, да породятъ воды, да произведетъ земля душу живую*. Такъ въ библейскомъ сказаніи о твореніи выступаетъ мысль и о развитіи или раскрытіи сокровенной жизни сотвореннаго,—по творческому глаголу. Это еще не есть *полнота* естественнаго развитія, какая имѣетъ мѣсто уже по завершеніи творенія; однако это есть постепенное ея *исполненіе*—съ каждою дальнѣйшею стадіею исторіи творенія. Процессъ настоящаго естественнаго развитія только еще устанавливается въ исторіи творенія. Дѣло творенія постепенно—для каждой ступени бытія завершается именно окончательнымъ *установленіемъ* дальнѣйшаго естественнаго самодѣйствованія извѣстной области жизни: чтò выражается въ творческомъ опредѣленіи къ продолженію жизни уже *чрезъ рожденіе*. *Раститесь и множитесь и наполняйте воды,—воздухъ,—землю*: вотъ завершеніе творенія, и вотъ полнота естественнаго развитія. Тѣмъ не менѣе и въ ходѣ творенія, прежде сотворенное пріемлется какъ содѣйствующее будущему творенію; слѣдственно разсматривается какъ получившее относительную самостоятельность жизни, опредѣленную способность къ развитію, извѣстное самодѣйствіе въ предѣлахъ творческой Воли.

Такимъ образомъ, ни мало не противорѣча Библии, но вполне согласно слову и духу библейскаго сказанія можно утвер-

³⁾ Достоинно примѣчанія, что въ значеніи слова *природа*, и особенно латинскаго *natura* есть тонкій оттѣнокъ будущаго, дальнѣйшаго бытія. *Natura* т. е. не только рожденное, но и живущее родится.

ждать, что *исторія творенія* слагается изъ двухъ факторовъ: *творческаго* и опредѣляемаго имъ *космогоническаго*. Твореніе міра есть вмѣстѣ съ тѣмъ развитіе міра, космогонія. Міровая матерія не самобытна, но разъ сотворенная есть уже *природа*, существо живое и способное къ дальнѣйшему рожденію жизни. Но космогонія есть вмѣстѣ съ тѣмъ міротвореніе. Матерія (*mater*) не можетъ произвести ничего изъ себя одной; каждой новой эпохѣ развитія предшествуетъ новое творческое: да будетъ!—Заблужденіе древняго и новаго языческаго міросозерцанія заключается не въ томъ, что то и другое толкуетъ вообще о космогоніи, о міроразвитіи, и одно—старается представить это развитіе въ фантастическихъ грѣзахъ, а другое—на основаніи естественно - научнаго изслѣдованія. Заблужденіе того и другаго міросозерцанія состоитъ въ томъ, что оба знаютъ односторонне *только* развитіе міра, *не зная творенія*. Но если бы мы не хотѣли ничего знать о развитіи міра; это значило бы впадать въ противоположную односторонность. Истина заключается именно въ томъ, что внушаетъ намъ библейское Откровеніе:—соединять вмѣстѣ и міротвореніе и космогонію.

Чтобы библейское понятіе объ исторіи творенія приблизить и къ естественному пониманію; чтобы освѣтить его истинность свѣтомъ болѣе привычнымъ для обыкновеннаго глаза; чтобы по возможности уяснить, зачѣмъ въ исторіи развитія созданія, разъ творчески положеннаго, нужны еще неоднократно творческіе акты, и почему нельзя представлять вслѣдъ за началомъ творенія уже одно естественное развитіе: сопоставимъ общій ходъ библейской исторіи творенія съ естественнымъ познаніемъ о процессахъ міропроисхожденія. Именно рассмотримъ какъ примѣръ — такъ-называемую канто-лапласовскую гипотезу мірообразования, въ которой обыкновенно думаютъ видѣть удовлетворительное изображеніе чисто-естественнаго развитія организма цѣлаго міра, и которая обыкновенно изображается какъ имитирующее явленіе къ пред-

ставленію достаточности простаго естественнаго развитія и въ дальнѣйшемъ ходѣ образованія организмовъ собственно земли. На этомъ-то обаятельномъ примѣрѣ мы надѣемся показать въ изображаемомъ, исключительномъ мнимо-естественномъ развитіи — необходимость неоднократныхъ творческихъ актовъ, чтобъ развитіе могло двигаться по опредѣленнымъ ступенямъ къ опредѣленной цѣли. Можетъ быть, тутъ мы увидимъ необходимость тѣхъ самыхъ актовъ, которые въ Библии и указываются какъ рѣшительные.

Представимъ названную гипотезу по Бурмейстеру, котораго «Исторія творенія» приобрѣла большую извѣстность. Надобно сказать вообще, что эта гипотеза въ цѣлости своей представляетъ до сихъ поръ явленіе безпримѣрное; но это потому, какъ мы уже имѣли случай прежде замѣтить, что въ ней отразилось вдохновеніе Библии ⁴⁾.

«Лапласъ высказываетъ тотъ взглядъ, что всю нашу солнечную систему можно представлять въ первоначальномъ ея состояніи однимъ громаднымъ газообразнымъ шаромъ, въ которомъ *вслѣдствіе концентрации элементовъ* образовался гдѣ-нибудь центръ, а впослѣдствіи болѣе плотное ядро». — Библия еще болѣе сказываетъ, именно — что въ началѣ была сотворена единая *совокупность* всего, какъ единое зачатое всѣхъ тѣлъ *неба и земли*. Но теперь вопросъ: могло ли это начало созданія само по себѣ двинуться къ послѣдующему развитію? Первую ступень этого развитія намъ называютъ *концентраціею* или сгущеніемъ газовъ. Но вѣдь газы не обнаруживаютъ стремленія сгущаться, напротивъ стремятся занимать возможно большее пространство, расширяться. Таково свойство газовъ въ настоящее время. Итакъ или въ первоначальномъ своемъ состояніи газы имѣли совсѣмъ противоположное свойство, или здѣсь надлежитъ призвать на помощь — Высшую силу, ограничивающую безусловность одного закона введеніемъ другаго, новаго, т. е. Творческую Волю, полагающую предѣлы

⁴⁾ См. „Прав. Обзоръ.“ 1873 г. мартъ.

одному закону, чтобъ ввести другой законъ, — чтобы т. е. въ данномъ случаѣ разширяющаяся субстанція *концентрировалась* и чтобъ гдѣ-либо образовался центръ и ядро. Библия знаетъ это новое образование и называетъ его *водами*, и указываетъ къ нему разумный путь — творческое дѣйствіе, которое такимъ образомъ трезвое представленіе естественнаго развитія не можетъ удалить изъ исторіи созданія: *Духъ Божій носашеся верху воды.*

Далѣе Лапласовъ шаръ «получаетъ *движеніе* вокругъ своей оси *отъ* какой-нибудь *внѣшней силы*, быть можетъ — отъ подобныхъ же отдаленныхъ шаровъ». Примѣтимъ и здѣсь естественную недалновидность и недостаточность естественнаго развитія. Библия прозорливѣе указываетъ на *единный въ началѣ*, а не на многіе зародыши или шары. Кромѣ этого начала еще нѣтъ ничего иного — *внѣшняго*, откуда явилась бы какая-либо требуемая *внѣшняя сила*; а если бы что либо и было, оно само въ своемъ началѣ также должно было бы для своего движенія требовать *внѣшней силы*, которой однако *въ началѣ* не откуда было бы придти. Итакъ не видимъ ли опять, что естественное развитіе не можетъ двинуться съ мѣста, безъ высшей Воли, которая творчески вызвала бы силу движенія? Не уясняется ли такимъ образомъ сила значенія творческаго акта перваго дня исторіи творенія: *и рече Богъ, да будетъ свѣтъ!* Только всемогущее Слово дѣйственно повелѣваетъ проявиться благопотребной силѣ. Свѣтъ есть сила всякой жизни, слѣдственно и движенія.

Дальнѣйшее развитіе у Лапласа проводится такимъ образомъ: *движеніе шара* вокругъ своей оси, по началу медленное, съ большимъ сгущеніемъ массы и съ соразмѣрнымъ уменьшеніемъ объема, становилось всё быстрѣе и быстрѣе, а видъ шара дѣлался болѣе и болѣе сферoidalнымъ, потому что *вмѣстѣ* со скоростью вращенія увеличивается и центробѣжная сила. При продолжающемся сгущеніи цѣлаго и равномерно увеличивающейся отталкивающей силѣ периферическихъ частицъ, эта отталкивающая сила въ известное время

должна была получить перевѣсъ надъ силою центральнаго притяженія (центростремительною силою). И вотъ подъ экваторомъ шара начинается отдѣленіе кольца за кольцомъ, планеты за планетой, которыя въ свою очередь слѣдовали тѣмъ же законамъ и тому же процессу движенія. Такъ шло до тѣхъ поръ, когда дѣленіе должно было остановиться *по причинѣ незначительнаго объема* центральной части послѣ столь многихъ понесенныхъ ею потерь».—Вникнувъ въ это описаніе процесса естественнаго развитія, строгая мысль должна поставить рядъ недоумѣнныхъ вопросовъ: гдѣ причина побѣды силы центробѣжной надъ силою центростремительною, которыя обѣ должны были возрастать пропорціонально?—откуда потомъ это утомленіе центральнаго тѣла? Объемъ, конечно, становится меньше, но это произошло уже съ отдѣленіемъ Нептуна, и однако центральное тѣло въ состояніи было еще отдѣлять новыя планеты; гдѣ же причина, по которой центральное тѣло, породивши планеты до Меркурія, вдругъ уже не увеличиваетъ быстроты своего вращенія и болѣе не отдѣляется отъ себя новыхъ колець? По теоріи, или прямо по слѣпотѣ единаго безусловнаго закона, оно должно бы дойти до минимума, и достигнуть неимоверно быстро круговращенія на своей оси; точно тому же надлежало бы быть и съ его планетами и далѣе—съ ихъ спутниками, и—такъ въ безконечность. То-есть естественное саморазвитіе такимъ образомъ должно бы погубить само себя. Почему же этого не вышло?—Потому что это было не саморазвитіе невозможное, а творческое развитіе, которое ограничивало одинъ законъ положеніемъ другаго закона. Библейская исторія и говоритъ, что творческою волею какъ началось дѣленіе великаго міроваго зародыша на тѣла *неба и земли*, такъ творческая же воля положила *твердь*, или предѣлъ и границы дѣленію. Таково значеніе творческаго акта втораго дня исторіи творенія.

Не довольно ли этихъ объясненій, чтобъ по нимъ судить о необходимости всѣхъ прочихъ *творческихъ* актовъ въ исто-

рші творенія, какъ они изображаются въ Библіи? — Твореніе міра не есть только космогонія. Исключительныя космогоническія теоріи могутъ быть проводимы лишь по недоразумѣнію. Всѣ они въ описаніи процесса мнимо-естественнаго развитія, подобно канто-лапласовой гипотезѣ, принужденны *предполагать* силу возвышающуюся надъ наличнымъ веществомъ, какъ внѣшнюю силу, — силу дающую толчокъ движенію, — силу концентрирующую, — силу устрояющую массы и т. д. Кто хочетъ пользоваться идеею космогоніи съ такимъ намѣреніемъ, чтобъ обойтись безъ Творца, тотъ ошибается. Достиженіе такой цѣли возможно лишь подъ однимъ условіемъ, — подъ условіемъ полнѣйшаго отрицанія самой космогоніи, какъ и дѣлаетъ послѣдовательнѣйшій матеріалистъ *Кюмбе*, утверждая, что *всѣ было вѣчно такъ же, какъ и теперь*. Космогонія требуетъ міротворенія.

Но какъ съ одной стороны исключительность космогоническихъ теорій чуждается идеи творенія, такъ съ другой стороны для обыкновеннаго представленія міротворенія непривычна идея космогоніи; и это представленіе въ свою очередь готово впасть въ противоположную исключительность. Но границы ему поставяетъ сама Библія. Одно уже то, что міротвореніе, по библейскому сказанію, представляется какъ *исторія* совершающаяся *въ предѣлахъ времени*, даетъ указаніе, что ея ходъ условленъ не исключительно вышесмірнымъ, творческимъ дѣйствіемъ. Такое дѣйствіе проявлено только *въ началѣ*. Въ продолженіи исторіи творческіе акты представляются совершающимися уже на почвѣ положеннаго созданія; и эта почва постепенно такъ сказать наслаивается и совершенствуется въ силахъ жизни, послѣ cadaго новаго творческаго акта. Космогоническій факторъ въ исторіи творенія, конечно, не есть *саморазвитіе*, поколику онъ условленъ предшествующимъ актомъ творенія; тѣмъ не менѣе этотъ факторъ долженъ быть отличаемъ, какъ особенный. И настоящая жизнь природы, уже завершенной творчески, идетъ не безъ сохраненія

и управленія ея Высшею волею; тѣмъ не менѣ эта жизнь есть уже естественная жизнь природы, собственная ей жизнь. Подобнымъ образомъ надлежитъ понимать и космогоническій элементъ въ совершаемой жизни міра *творимаго*. Въ общихъ чертахъ мы уже видѣли указанія Библии на этотъ элементъ въ исторіи творенія; слѣдственно вопросъ о космогоніи—по существу уже рѣшонъ для насъ самымъ словомъ Писанія. Въ дальнѣйшемъ нашемъ изслѣдованіи мы надѣемся раскрыть въ подробностяхъ двоякій ходъ исторіи творенія, по библейскому ея изображенію. Это должно имѣть рѣшительное значеніе не только для вопроса о твореніи міра, но и для всего міровоззрѣнія вообще. Такъ какъ язычество во всѣхъ его образахъ не знаетъ вовсе о твореніи; поэтому міръ есть для него только природа, какъ жизнь *вещественной необходимости*, но не тварь, не созданіе *духовной свободы*. Но если смотрѣть теперь на міръ только какъ на тварь безъ всякой самостоятельности, а не какъ на *природу*, не какъ относительно самостоятельное, одаренное особыми силами и развивающееся по внутренне-присущимъ законамъ цѣлое; то это было бы обратною стороною заблужденія язычества. По воззрѣнію Божественнаго Откровенія міръ есть и то и другое,—и тварь, созданіе Божіе, безусловно зависимое отъ Бога, но вмѣстѣ съ тѣмъ и природа. Въ этомъ заключаются и законныя права естествознанія на почвѣ библейской, и права самостоятельнаго знанія Вѣры въ связи съ общимъ познаніемъ.

Прот. Н. СЕРГІЕВСКІЙ.

ОБЩІЯ НАЧАЛА

КОТОРЫМИ РУКОВОДСТВУЕТСЯ СВЯТѢЙШІЙ СИНОДЪ
ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ ПРАВИЛЬ ДРЕВНЕЙ ЦЕРКВИ.

Опредѣливъ *) составъ источниковъ, на которыхъ св. Синодь основываетъ свои рѣшенія, мы должны перейти теперь къ главному и существенному предмету нашихъ занятій—къ опредѣленію образа и способа приложенія и изъясненія правилъ древней церкви въ синодскихъ рѣшеніяхъ.

Сообразно принятому нами плану прежде всего мы укажемъ общія начала, которыми св. Синодь руководствуется въ приложеніи правилъ древней церкви. Здѣсь мы обратимъ вниманіе:

1) На образъ дѣйствованія св. Синода въ случаѣ отсутствія прямыхъ и ясныхъ правилъ.

2) На уклоненія отъ прямыхъ и ясныхъ правилъ къ правиламъ, болѣе отдаленнымъ, или къ гражданскимъ законамъ, или наконецъ на постановленіе рѣшеній безъ утвержденія ихъ на правилахъ.

3) На нѣкоторыя внѣшнія и частныя особенности въ употребленіи правилъ въ рѣшеніяхъ и опредѣленіяхъ св. Синода.

*, См. майскую кн. „Прав. Обзор.“ сего года.

1. Когда случай, подлежащій разсмотрѣнію св. Синода, не опредѣленъ прямымъ и яснымъ правиломъ, тогда св. Синодъ въ своихъ рѣшеніяхъ обыкновенно употребляетъ слѣдующіе приемы:

а) Или ссылается на правила, имѣющія только отдаленное отношеніе къ данному случаю, касающіяся только одной какой нибудь стороны дѣла. Такъ дѣйствуетъ, напримѣръ, св. Синодъ въ большей части рѣшеній по просьбамъ священнослужителей, слагающихъ съ себя санъ для вступленія во второй бракъ. Извѣстно, что между правилами древней церкви нѣтъ такихъ, которыми бы допускалось сложеніе сана по причинѣ желанія вступить во второй бракъ. Между тѣмъ давняя практика русской церкви и указъ 30 апрѣля 1724 г. допускали сложеніе сана по этой причинѣ. Св. Синодъ, желая основать это дозволеніе и на правилахъ древней церкви, приводитъ въ основаніе такія, которыя имѣютъ только отдаленное отношеніе къ дѣлу и утверждаютъ только одну какую нибудь часть общей мысли. Онъ приводитъ, напримѣръ, 26-е апостольское правило: *прежде брака пришедшимъ велимъ четцемъ и пѣвцемъ, аще хотятъ, да женятся.* Выводъ къ настоящему случаю очень отдаленный. Или еще—приводитъ 6-е правило VI вселенскаго собора, опять такъ же не дающее прямого заключенія: *поставленъ бывъ, аще оженится, да извержется, аще бо хочетъ прежде оженитися долженъ есть.* Часто вмѣстѣ съ указанными правилами приводится въ основаніе тѣхъ же самыхъ рѣшеній ученіе апостола Павла въ 1 посланіи къ Коринѣянамъ въ 7 главѣ о второбрачій. Но тамъ о второбрачій священнослужителей совсѣмъ нѣтъ рѣчи, а говорится только вообще о дозволенности втораго брака. Конечно изъ совокупности всѣхъ этихъ правилъ и поставленія ихъ вмѣстѣ можетъ быть выводима требуемая мысль о дозволенности втораго брака по снятіи священства: изъ вступившихъ въ клиръ безбрачными дозволяется вступать въ бракъ только чтецамъ и пѣвцамъ; ежели кто по рукоположеніи женится, долженъ быть изверженъ и слѣдовательно вступить

въ сословіе мірянъ, которымъ второй бракъ по ученію апостола Павла дозволяется. Но нужно особенное умозаключение къ выводу этой мысли, и непременно нужно, чтобы всѣ эти правила въ каждомъ данномъ случаѣ этого рода были приведены непременно. Между тѣмъ примѣры такого совокупнаго приведенія рѣдки. Чаше же напротивъ приводится какое нибудь одно правило, обыкновеннѣе 6-е VI вселенскаго собора и утверждаетъ: «на основаніи сего правила санъ снять и во «второй бракъ вступить дозволить». Есть примѣры даже и такихъ рѣшеній, когда по просьбѣ священника просто о сложеніи сана для вступленія въ свѣтское званіе безъ указанія на второбрачіе св. Синодъ рѣшаетъ вопросъ о сложеніи сана на основаніи ученія апостола Павла въ 1 посл. Корин. глав. 7, т. е. гдѣ предлагается ученіе о второбрачіи ¹⁾).

б) *Или святѣйшій Синодъ беретъ правила, постановленныя на подобные случаи и эти правила примѣняетъ къ данному.* Такой способъ дѣйствованія чрезъ примѣненіе очень не рѣдокъ въ рѣшеніяхъ по дѣламъ о наложеніи епитиміи за кровосмѣшеніе въ разныхъ его видахъ. На частные виды этого преступленія недостаточно полныя опредѣленія находятся даже въ Номоканонѣ при Требникѣ. По этому св. Синодъ въ случаяхъ, неопредѣленныхъ никакими правилами, даетъ свои рѣшенія примѣнительно къ тѣмъ, какія считаетъ наиболѣе близкими къ данному случаю. Такихъ примѣнительныхъ рѣшеній не мало и въ другихъ дѣлахъ. Такъ напримѣръ за намѣреніе лишитъ себя жизни св. Синодъ судитъ примѣнительно къ правилу св. Василія Великаго о вольномъ убійствѣ, такъ какъ въ правилахъ нѣтъ опредѣленнаго постанов-

¹⁾ Со священника вдоваго, просящаго не о вступленіи въ новый бракъ, а только о снятіи сана для вступленія въ свѣтское званіе, и по увѣщаніи оставшагося непреклоннымъ опредѣляется „санъ снять по точности апостольскихъ словъ, изображенныхъ въ 1 пос. къ Кор. въ 7 главѣ“ и 6 прав. VI вселен. собора (15 декабря 1816. Синод. Прот. въ январѣ вн. 1817. № 63 Сравни. опред. св. Син. 14 мая 1809. Синод. прот. л. 188). Діакону, просящему о сложеніи сана указывается на 7-е пр. IV вселен. соб. и въ случаѣ несогласія дозволяется „снять санъ на основаніи 1 Кор. 7 главы“.

ленія на этотъ случай ²⁾). Примѣнительно къ тому же правилу производится судъ за нанесеніе оскорбленія матери бранью и побоями ³⁾. Законность и необходимость такого дѣйствования признана всѣми законодательствами и наукою. Если мы находимъ наши источники права для рѣшенія какого нибудь каноническаго вопроса недостаточными, мы должны пополнить эти пробѣлы, ибо требованіе полноты законодательства есть требованіе весьма существенное. Но гдѣ искать этаго пополненія? Положительное право, конечно, должно быть пополняемо изъ самого себя. Этотъ образъ пополненія обыкновенно называется аналогією, и приложеніе его встрѣчается обыкновенно на двухъ степеняхъ: 1) когда является новое доселѣ неизвѣстное каноническое отношеніе, для котораго въ существовавшихъ до того времени правилахъ не было опредѣленія и 2) гораздо чаще, когда въ какомъ нибудь уже извѣстномъ учрежденіи возникаетъ вновь отдѣльный каноническій вопросъ, на который и должно отвѣчать на основаніи внутренняго средства каноническихъ положеній принадлежащихъ этому учрежденію. Вообще всякое употребленіе аналогіи основывается на предположеніи внутренней послѣдовательности права; только это бываетъ не всегда чисто логическая послѣдовательность, какъ частное отношеніе между основаніемъ и слѣдствіемъ, но вмѣстѣ и органическая, возникающая изъ цѣлости созерцанія практической природы юридическихъ отношеній и ихъ основныхъ типовъ. Признаніе аналогіи какъ средства восполненія пробѣловъ права православная церковь не только допус-

²⁾ Такъ не имѣя прямыхъ правилъ объ епитиміи за покушеніе на самоубійство св. Синодъ полагаетъ за это преступленіе епитимію основываясь на 56 правилъ св. Василія Великаго опредѣляющемъ епитимію за вольное убійство. За намѣреніе лишить себя жизни епитимія, по причинѣ понесеннаго тѣлеснаго наказанія, въ половину противъ 56 Вас. Вел. т. е. на 10 лѣтъ (21 августа 1833. Син. прот. № 36, октябр. кн. Тоже 18 марта 1835. Син. прот. № 2 и 15 апрѣльской кн.

³⁾ За нанесеніе оскорбленія матери бранью и побоями епитимія примѣнялась къ 56 пр. Вас. Вел. на 10 лѣтъ (23 окт. 1822 года Син. прот. ноябр. книга № 76.

кала въ практикѣ, но и возвела въ теорію. Въ одномъ мѣстѣ толкованія на Номоканонъ Фотіевъ говорится: «гдѣ правила «ничего не опредѣляютъ, мы должны разрѣшать подобное изъ «подобнаго» (ἐκ τῶν ὁμοίων τέμνειν τὰ ὅμοια) ⁴⁾. Употребленіе аналогическаго, или примѣнительнаго способа пополненія пробѣловъ права въ рѣшеніяхъ св. Синода находимъ часто. Можетъ быть иногда оно было и не совсѣмъ умѣренно и даже излишне. Правило существовало, только почему нибудь не было отыскано; но вмѣсто его сдѣлано аналогическое заключеніе отъ другаго правила.

Войдемъ въ нѣкоторыя подробности касательно аналогическаго употребленія правилъ въ рѣшеніяхъ св. Синода.

Мы замѣтили, что къ аналогическому способу употребленія правилъ св. Синодъ всего чаще прибѣгалъ въ дѣлахъ о назначеніи епитиміи за кровосмѣшеніе. Извѣстно, что въ правилахъ древней церкви опредѣляются епитиміи только за немногіе виды кровосмѣшенія—именно въ правилахъ св. Василія Великаго 67, 75, 76 и 79 опредѣляются епитиміи за кровосмѣшеніе брата съ сестрою, за кровосмѣшеніе со снохою и съ мачихою. Всѣ другіе виды кровосмѣшенія въ правилахъ не упоминаются. Поэтому когда подлежалъ сужденію случай правиламъ точно не опредѣленный, св. Синодъ обращался къ тѣмъ случаямъ, на которые были точныя правила, и по соображеніи съ ними и съ самыми обстоятельствами дѣла назначалъ наказаніе. Но точныхъ и опредѣленныхъ началъ въ этихъ примѣненіяхъ правилъ не видимъ. Такъ:

аа) О кровосмѣшеніи отца съ дочерью своею въ правилахъ совсѣмъ не упоминается. Поэтому св. Синодъ имѣя на обсужденіи подобные случаи большею частію обращался къ 67 правилу Василія Великаго, которымъ опредѣляется двадцатилѣтняя епитимія за кровосмѣшеніе брата съ сестрою, какъ ближайшему, и соображаясь съ нимъ большею частію полагалъ и за этотъ грѣхъ ту же двадцатилѣтнюю епитимію, но не

⁴⁾ Rhalli 1 p. 68.

большую несмотря на сравнительно большую тяжесть грѣха. Только въ концѣ прошедшаго столѣтія мы встрѣтили не многіе случаи заключенія за этотъ грѣхъ въ монастырь вѣчно безъ причащенія Св. Таинъ, притомъ съ неточною ссылкой на 58-е правило св. Василія Великаго опредѣляющее пятнадцатилѣтнюю епитимію за прелюбодѣяніе ⁵⁾, или назначенія быть подъ епитиміею до смерти, но въ отлученіи отъ причастія поступать по 102—VI в., и указу Синода 1780 г. Причемъ св. Синодъ внушилъ священнику, чтобы онъ допущеніемъ къ причастію Св. Таинъ, въ разсужденіи толь тяжкаго его преступленія (кромѣ смертнаго случая) не спѣшилъ, но по усмотрѣнію чрезъ довольное время продолжаемаго имъ истиннаго о томъ раскаянія удостоилъ бы оныхъ ⁶⁾.

Въ другихъ же случаяхъ попытки епархіальнаго начальства увеличить епитимію за этотъ грѣхъ сравнительно съ положенною 67 прав. Василія Великаго вдвое, т. е. до 40 лѣтъ не получали одобренія св. Синода, опредѣлявшаго епитимію только на 20 лѣтъ ⁷⁾. Вообще въ большей части случаевъ, намъ извѣстныхъ, св. Синодъ полагаетъ епитимію примѣнительно къ 67 правилу Василія Великаго безъ увеличенія т. е. на 20 же лѣтъ, уменьшая въ случаѣ тѣлеснаго наказанія на половину и назначая различные сроки для исполненія части епитиміи въ монастырь и съ различными видоизмѣненіями самаго образа исполненія епитиміи въ монастырь ⁸⁾.

66) Тотъ же аналогическій способъ примѣненія правилъ употребляетъ св. Синодъ и при опредѣленіи наказанія за кровосмѣшеніе въ 1-й ст. двухроднаго свойства, такъ же неопредѣленной точно правилами. Въ прошедшемъ столѣтіи св. Синодъ полагалъ епитимію, примѣняясь иногда къ 67 и 76 пра-

⁵⁾ 5 августа 1784. Проток. л. 378.

⁶⁾ 3 марта 1786. Синод. Прот. № 9.

⁷⁾ 9 ноября 1814. Протоколъ № 17.

⁸⁾ 25 сентября 1781. Протоколъ л. 320. 3-го окт. 1782. Прот. л. 174. 21-го июля 1791. Прот. л. 93. 25 янв. 1796. Прот. № 64. 15-го дек. 1824. Прот. № 102. 16 нояб. 1827. Прот. л. 869. 27 фев. 1828. Прот. л. 241.

виламъ Василя Великаго ⁹⁾, иногда же примѣняясь къ 75 прав. Василя Великаго, опредѣляющему 12-лѣтнее отлученіе отъ причастія за кровосмѣшеніе брата и сестры, происходящихъ отъ одного отца, но не одной матери ¹⁰⁾. Въ настоящее время епитимія за это преступленіе назначается св. Синодомъ на другихъ основаніяхъ—именно на основаніи 30 прав. Номоканона, напечатаннаго въ Требникѣ—на 11 лѣтъ съ уменьшеніемъ на половину въ случаѣ тѣлеснаго наказанія.

Къ кровосмѣшенію въ первой степени трехроднаго свойства прилагаются тѣже самыя правила 75 и 76 Василя Великаго и епитимія за кровосмѣшеніе съ вотчимомъ мужа назначается примѣнительно къ этимъ правиламъ двѣнадцатилѣтняя ¹¹⁾.

Конечно въ существѣ аналогическаго способа пополненія пробѣловъ права дежитъ требованіе, чтобы избираемы были въ основаніе правила имѣющія дѣйствительное и ближайшее соотвѣтствіе съ даннымъ случаемъ. Но естественно и само собою понятно, что здѣсь же, т. е. въ самой сущности этаго способа лежитъ основанія и разнообразіе какъ въ употребленіи самыхъ основаній, такъ и въ выведеніи изъ нихъ заключеній: разнымъ лицамъ въ разные времена могутъ представляться различные предметы ближайшими. То и видимъ мы опять въ рѣшеніяхъ св. Синода о кровосмѣшеніи же. За кровосмѣшеніе въ третьей степени т. е. дяди съ племянницею въ прошедшемъ столѣтіи св. Синодъ полагалъ епитимію на семь лѣтъ по 54 прав. VI вселенскаго собора ¹²⁾, въ которомъ опредѣляется семилѣтняя епитимія за вступленіе въ бракъ въ 4-й степени кровнаго родства и въ 3 и 4 двухроднаго свойства. Нынѣ болѣе близкимъ къ указанному преступленію считается 36 прав. Номоканона въ Требникѣ, и примѣнительно къ нему епитимія назначается на 11 лѣтъ ¹³⁾. Подобную же разность

⁹⁾ 15 октяб. 1781. Прот. л. 255.

¹⁰⁾ 15 окт. 1792. Прот. л. 369. 20 фев. 1795. № 29.

¹¹⁾ 16 ноябр. 1827. Прот. л. 866.

¹²⁾ 17 сентяб. 1781. Прот. л. 104.

¹³⁾ 13 январ. 1850. Сиг. Прот. 1850. янв. час. 2 лис. 116.

возрѣній находимъ въ примѣненіи правилъ къ опредѣленію епитимій за кровосмѣшеніе двоюродныхъ. Въ началѣ настоящаго столѣтія опредѣляемы были наказанія за это преступленіе примѣнительно къ 67 прав. Василя Великаго въ толкованіи котораго опредѣляется двѣнадцатилѣтняя епитимія за кровосмѣшеніе брата и сестры происходящихъ отъ одного отца, но не отъ одной матери—съ уменьшеніемъ ея на половину ¹⁴⁾. Нынѣ прежнее основаніе оставлено какъ отдаленное и найдено болѣе прямое: епитимія за это преступленіе полагается десятилѣтняя по 32 прав. Номоканона при Трѣбникѣ ¹⁵⁾.

Подобнымъ случаевъ употребленія самыхъ отдаленныхъ аналогій мы имѣемъ въ виду и еще нѣсколько.

Въ случаѣ неимѣнія прямого и яснаго правила на какоенибудь обстоятельство св. Синодъ пользуется и самыми отдаленными примѣненіями другаго правила дающаго какуюнибудь точку опоры рѣшенію. Обвѣнчанъ бракъ противъ воли невѣсты. Прямого правила, опредѣляющаго наказаніе за это незаконное дѣйствіе вѣнчающему священнику между правилами древней церкви нѣтъ. Св. Синодъ присуждаетъ священнику лишеніе священства и опредѣленіе въ причетники, основывая свое рѣшеніе по 27 прав. IV вселен. собора ¹⁶⁾.

Посмотримъ же, что содержитъ въ себѣ 27-е прав. IV вселенскаго собора? Оно говоритъ: «причетникъ восхищай жену да извержется, мірскій же человѣкъ да будетъ проклятъ и вси помогающіи ему».

Только послѣднія слова о содѣйствующихъ похитителямъ могутъ давать нѣкоторое, впрочемъ отдаленное основаніе синодскому рѣшенію.

Подобный же примѣръ аналогическаго, или примѣнительнаго метода пользованія правилами, когда св. Синодъ основываетъ только на самыхъ отдаленныхъ признакахъ, и толь-

¹⁴⁾ 9 марта 1805. Прот. № 40.

¹⁵⁾ ноябра 1847. № 192. 19 іюля 1839. ноябр. кн. № 46. 13 фев. 1850. Прот. л. 161.

¹⁶⁾ 31 іюля 1780. Син. Прот. л. 528.

ко указывая на подобныя правила, самъ постановляетъ рѣшенія по собственному усмотрѣнію, представляетъ намъ одно рѣшеніе, состоявшееся въ 1761 году. Священникъ въ харчевнѣ до благовѣсту къ литургіи троекратно пилъ вино, заѣдая хлѣбомъ и въ тотъ же день Божественную литургію служилъ. Епархіальный архіерей присудилъ къ лишенію священства и отсылкѣ въ свѣтскую команду. Но поелику *точныхъ правилъ не обрѣтено*, однакоже 54 правиломъ апостольскимъ кромѣ всякія нужды въ корчемницѣ піющихъ отлучити повелѣвается, то св. Синодъ опредѣлилъ послать для покаянія въ отдаленный монастырь въ тяжкую черную монастырскую работу на три года, по прошествіи котораго времени, если житіе окажется незасорное и въ продерзости истинное и усердное раскаяніе — тогда о разрѣшеніи сему священнослуженія и опредѣленіи къ мѣсту учинить разсмотрѣніе епархіальному архіерею ¹⁷⁾). Въ правилѣ апостольскомъ, приведенномъ св. Синодомъ, говорится только о влирикахъ вообще входящихъ въ корчемницу, и совершенно не имѣется въ виду случая, подлежащаго обсужденію св. Синода.

Приложеніе правилъ древней церкви къ новымъ открывшимся случаямъ, неопредѣленнымъ древними правилами, св. Синодъ производилъ посредствомъ особыхъ пріемовъ и толкованій. Такъ раскольникъ, крещенный въ православной церкви, съ дочерью своею, крещенною въ расколѣ простымъ мужемъ, обращается къ православію. Св. Синодъ полагаетъ его самаго, не перекрещивая вторично, только міромъ помазать, а дочь его крестить по обыкновенію церковнаго чиноположенія совершеннымъ крещеніемъ. Въ основаніе для сего указывается 47 апостольское правило и толкованіе на оное. Въ правилѣ между прочимъ говорится: «не покрещай оскверненнаго отъ зловѣрныхъ святитель не освященъ». Основательность и законность приложенія этого правила къ раскольническому крещенію св. Синодъ въ настоящемъ случаѣ счи-

¹⁷⁾ 12 марта 1761. Снн. Прот. № 29.

таетъ нужнымъ доказать особеннымъ образомъ и именно слѣдующимъ: «раскольническое крещеніе въ суевѣрномъ ихъ злочестіи весьма неправильно и церкви святой противно, понеже оныя раскольники не токмо не благочестными и православія отступниками, но и еретиками и атеистами признаются, того ради, что они не внимая свящ. Писанію, и не вѣдая совершенно догматовъ святой церкви, но уловляя правовѣрный простой народъ непотребными своими и зловымышленными коварствами, ложное и суевѣрное подъ видомъ правовѣрія приводять мудрованіе, и церковь святую вѣщеже самого Спасителя нашего Бога въ животворящихъ таинствахъ хулять, и злыми своими блядословіями безстрашно ругаютъ; почему явно показуются безбожниками и простаго народа губителями. Чего для оную дѣвку Фодору и крестить все совершенно»⁴⁸⁾.

Находимъ примѣры и того, что приводятся въ основаніе правила почти никакого отношенія не имѣющія къ данному случаю, рѣшеніе по которому на нихъ утверждается. Поручитель свидѣтельствовавшій о незаконномъ бракѣ приоуждается къ церковному покаянію по 81 прав. Василия Великаго и по толкованію къ нему⁴⁹⁾. «Но 81 правило Василия Великаго и толкованіе на него говорятъ совсѣмъ о другомъ. Преступивше вѣру мукъ ради, осмѣявъ запрещеніе да примутъ». Толкованіе раскрываетъ ту же мысль объ отступленіи отъ вѣры.

в) Или обращается къ гражданскому праву и тамъ ищетъ нужную норму. Церковное право кромѣ аналогіи, для пополненія пробѣловъ издревле пользовалась и этимъ средствомъ спеціально только ему принадлежащимъ. Поелику въ которыми своими сторонами церковная жизнь соприкасается съ гражданскою жизнію, юридическая сторона которой въ первые вѣка христіанства была точнѣе опредѣлена; то церковное право, въ случаѣ пробѣла въ немъ, доискала

⁴⁸⁾ 2 іюля 1725. Прот. л. 248.

⁴⁹⁾ 4 октябр. 1732. Син. Прот.

обращаться къ восполненію его изъ гражданскихъ законовъ. «Гдѣ ничего не опредѣляютъ правила, тамъ мы должны слѣдовать законамъ». (ἐνθα οὐδέν τι οἱ κανόνες διορίζονται, ἀφείλομεν τοῖς νόμοις ἀκολουθεῖν) ²⁰⁾. Это допущеніе чуждаго элемента всегда основывается на томъ предположеніи, что и гражданское законодательство въ тѣхъ мѣстахъ, которыми предполагается пользоваться, проникнуто тѣмъ же духомъ, какъ и церковное, и что это заимствованіе относится не къ существеннымъ и чисто-церковнымъ учрежденіямъ. Русская церковь всегда пользовалась этимъ средствомъ пополненія пробѣловъ своего собственнаго законодательства. При митрополитахъ и патріархахъ обращались къ государеву судейнику и уложенію. Св. Синодъ при отсутствіи опредѣленнаго постановленія на данный случай въ церковныхъ правилахъ—обращается къ уложенію, къ генеральному регламенту, къ именнымъ указамъ, и наконецъ своду законовъ. Мы должны здѣсь сдѣлать только то замѣчаніе, что не всегда по рѣшительной необходимости св. Синодъ обращался къ этому источнику пополненія пробѣловъ права. Есть случаи, что и при существованіи церковныхъ правилъ на данный предметъ, синодское рѣшеніе основывается не на нихъ, а на сводѣ законовъ. Такъ часто въ новѣйшее время въ вопросѣ о 4-мъ бракѣ и въ другихъ нѣкоторыхъ вопросахъ.

г) *Четвертымъ средствомъ пополненія пробѣловъ въ правилахъ древней церкви св. Синодъ признаетъ—неписанный, но утвержденный практикою обычай.* Часто встрѣчаемъ на примѣръ, въ рѣшеніяхъ св. Синода объ уменьшеніи на половину срока положенной церковными правилами епитиміи въ случаѣ присужденія виновнаго и еще къ какому-нибудь наказанію, указаніе на то, что это дѣлается по утвердившемуся въ церкви обычаю. Объ образѣ происхожденія обычая здѣсь нѣтъ нужды распространяться. Для нашей цѣли достаточно только замѣтить, что неписанный обычай, неписанное право

²⁰⁾ Photii Nomoc. 1, 28.

есть существенная и необходимая часть каждого права и законодательства, и что св. Синодъ обращается къ этому источнику пополненія пробѣловъ церковнаго права не рѣдко.

д) Наконецъ св. Синодъ, облеченный высшею законодательною властію въ православной россійской церкви, не только пользуется прежде установленными каноническими нормами; но *имѣетъ власть и самъ производитъ право, развивать его*—въ случаѣ отсутствія положительныхъ и прямыхъ правилъ на данный случай самъ давать новыя. Эта правоустанавливающая, законопроизводительная дѣятельность св. Синода могла бы быть значительна. Случаи къ употребленію этой дѣятельности тѣмъ чаще открывались, чѣмъ менѣе св. Синодъ обращалъ вниманіе на позднѣйшую практику, законодательство и науку греческой церкви, начиная съ X вѣка, равно какъ и на дѣятельность церковно законодательной власти въ Россіи въ періодъ митрополичій и патриаршій. Но св. Синодъ не охотно обращается къ ней.

Прежде всего, правопроизводительную дѣятельность св. Синодъ усваиваетъ единственно себѣ. Епархіальная власть должна обращаться къ Синоду, когда къ какому-нибудь случаю различныхъ правилъ не находилось. Предписывая архіереямъ не обременять св. Синодъ донесеніями о такихъ дѣлахъ, на которыя есть правила и указы, св. Синодъ исключаетъ тотъ случай; когда «къ донесенію св. Синоду такое винословіе поудитъ, на каковое дѣло точныхъ святыхъ правилъ и указовъ не обращается и крайне неудобно-разсудительно самому его преосвященству явится, и тако въ такихъ случаяхъ именно показывать, что точныхъ святыхъ правилъ и указовъ нѣтъ и является его преосвященству неудобно-разсудительно и каковыхъ ради резонновъ ²¹⁾».

Но и самъ св. Синодъ не весьма охотно, какъ замѣтили мы, прибѣгаетъ къ созданію новаго права. Напротивъ даже и новые случаи старается приурочить къ существующимъ

²¹⁾ 6 октяб. 1735. Снн. Прот. л. 165.

уже нормамъ, и судить на основаніи ихъ. Примѣръ этого мы видимъ въ томъ, что при расторженіи брака по причинѣ венерической болѣзни св. Синодъ всегда обращаетъ вниманіе на причину самой болѣзни, и не устанавливая новаго титула, старается приурочить къ прежнимъ уже существующимъ. «Хотя врачебною управою и засвидѣтельствовано, что венерическая болѣзнь въ крестьянкѣ неизлечима, и она къ супружескому сожитію неспособна; но какъ болѣзнь сія приключилась ей не отъ нарушенія ею чистоты супружескаго ложа, а отъ неизвѣстнаго ей случая — каковое показаніе въ разсужденіи прилипчиваго свойства той болѣзни и заслуживаетъ вѣроятіе. И какъ таинство брака по Ев. Матѣ. 19, 9 разрушается токмо за прелюбодѣяніе, то бракъ не расторгать. Что же касается до неспособности ея къ сожитію; то таковое ея состояніе не можетъ быть признано за достаточную причину къ разводу по 15 прав. Тимофея Александрійскаго»²³⁾.

Изъ стремленія оставаться при прежнихъ основаніяхъ и изъ нѣкотораго недовѣрія къ новымъ можетъ быть объясненъ и тотъ встрѣченный нами въ прошедшемъ столѣтіи случай, когда въ основаніе рѣшенія приведено правило совершенно противное данному рѣшенію. Извѣстно, что правила древней церкви смѣшанныхъ браковъ православныхъ съ неправославными не допускаютъ, что и доселѣ соблюдается на Востокѣ. Извѣстно такъ же и то, что указами 23 іюня и 24 іюля 1721 г. въ Россіи эти браки дозволены.—На этихъ указахъ св. Синодъ и основывалъ большею частію свои разрѣшенія на подобные браки. — Но въ сентябрѣ 1736 года на бракъ православнаго со вдовою лютеранкою дано разрѣшеніе, въ которомъ кромѣ вышеуказанныхъ синодскихъ опредѣленій приведено 31 правило Лаодикійскаго собора, имѣющее смыслъ совершенно противоположный данному разрѣшенію. Вотъ текстъ этого правила: «Не подобаетъ еретикомъ дѣяти на сочетаніе чадъ своихъ, но поимати отъ нихъ, аще христіаны

²³⁾ 21 октяб. 1807. Снн. Прот. № 48-й.

быти общаются». Толкованіе правила то же не представляетъ ничего подходящаго къ данному св. Синодомъ разрѣшенію. Тамъ сказано: «повелѣваетъ убо правило христіанамъ поимати отъ еретикъ дщери, аще христіаны быти общаются, и тако: совокупляти я на общеніе брака сыномъ своимъ. А еже даяти христіаномъ дщери своя на сочетаніе брака еретикомъ, во многихъ правилахъ отречено есть». Въ настоящемъ случаѣ правило Лаодикійскаго собора можетъ давать только то основаніе, что православный вступаетъ въ бракъ съ неправославною (со вдовою лютеранкою): но правило непремѣннымъ условіемъ требуетъ: *аще христіаны быти общаются*. Здѣсь же это условіе рѣшительно не соблюдено ²³⁾.

2. Совершенно противоположный, сейчасъ разсмотрѣнному, образъ дѣйствованія представляется намъ въ тѣхъ рѣшеніяхъ св. Синода, которыя и при существованіи прямыхъ правилъ, долженствовавшихъ служить основаніемъ, на нихъ однако же не основываются, но или а) утверждаются на другиямъ болѣе отдаленныхъ правилахъ и не прямо относящихся къ данному случаю, или б) вмѣсто церковныхъ, получаютъ гражданскія основанія, или же в) наконецъ, даются просто по усмотрѣнію. Тамъ мы видѣли стремленіе къ подолженію пробѣловъ права, здѣсь, выражается: какъ будто намѣренное удаленіе отъ пользования основаніями права.

а) Когда, на данный случай нѣтъ прямыхъ и ясныхъ правилъ; тогда и естественно и необходимо обращаться къ другимъ, правиламъ, могущимъ дать хотя отдаленное основаніе для рѣшенія въ данномъ случаѣ. Но въ рѣшеніяхъ св. Синода мы видимъ, хотя и рѣдко, примѣры совершенно другаго рода: есть прямое и ясное правило на данный разсматриваемый случай; но не къ нему обращается св. Синодъ, а основываетъ рѣшеніе на другомъ отдаленномъ правилѣ. Такіе примѣры представляются по дѣламъ о кровосмѣшеніи. За крово-

²³⁾ Сентяб. 1736. Прот. л. 442.

смѣшеніе съ женою умершаго роднаго брата по 76 прав. Василія Великаго полагается епитимія на 12 лѣтъ. Но есть случаи, когда св. Синодъ за такое преступленіе полагаетъ епитимію прелюбодѣевъ и при томъ по 68 прав. Василія Великаго т.-е. 15-ти-лѣтнюю ²⁴⁾. Объ епитиміи за кровосмѣшеніе съ сестрою жены есть ближайшее, почти прямое прав. св. Василія Великаго 76, опредѣляющее двѣнадцатилѣтнюю епитимію за кровосмѣшеніе со своими невѣстками (т.-е. женами братьевъ). Но мы имѣемъ случай, когда св. Синодъ за это преступленіе полагаетъ епитимію на 15 лѣтъ, основываясь на 58 правилъ Василія Великаго опредѣляющемъ такую епитимію за прелюбодѣяніе ²⁵⁾.

Въ новѣйшее время по тѣмъ же дѣламъ о кровосмѣшеніи въ рѣшеніяхъ св. Синода мы усмотрѣли уклоненіе отъ прямого правила въ другую сторону и, какъ можно примѣчать, съ цѣлю облегченія наказанія. За кровосмѣсительное прелюбодѣяніе жены съ братомъ мужа мужъ ищетъ развода съ нею. Грузино-Имеретинская Синодальная контора назначаетъ срокъ епитиміи по 85 и 36 прав. Василія Великаго. Св. Синодъ опредѣляетъ согласно 54 прав. VI вселенскаго собора сократить срокъ епитиміи до 7 лѣтъ. Опредѣленіе конторы сообразнѣе съ сущностію дѣла и основано на болѣе точномъ разумѣніи правила.—Правило приведенное св. Синодомъ имѣетъ приложеніе къ тому случаю, когда кто впадаетъ въ кровосмѣшеніе подъ видомъ и съ цѣлю брака. Въ настоящемъ случаѣ обстоятельство совсѣмъ иное: кровосмѣсительное прелюбодѣяніе жены отъ мужа съ его братомъ; никакимъ образомъ здѣсь бракъ не имѣлся въ виду ²⁶⁾.

б) Когда по какойнибудь причинѣ не было найдено для даннаго случая основаніе въ правилахъ, тогда не заботясь о правилахъ для основанія рѣшеній, не рѣдко обращаются къ

²⁴⁾ 15 янв. 1806. Синод. Прот. № 37 и 47.

²⁵⁾ 14 авг. 1783. Прот. л. 554.

²⁶⁾ 13 мар. 1862. Прот. № 507.

гражданскимъ законамъ. Этотъ случай, т. е. тотъ, когда вмѣсто церковныхъ правилъ св. Синодъ основываетъ свои рѣшенія на гражданскихъ законахъ, нерѣдкій въ рѣшеніяхъ прошедшаго столѣтія; онъ встрѣчается и въ настоящемъ. Объясненіе этого случая можетъ быть одно—незнаніе дѣлопроизводителями прямого церковнаго правила. По этой причинѣ вмѣсто церковнаго правила въ основаніе приводятся только одни гражданскіе законы и то не прямо къ дѣлу относящіеся. Такъ въ одномъ дѣлѣ о женѣ священника, убѣжавшей отъ него и жившей съ другимъ мужемъ—на основаніи воинскаго устава 167 артикула и толкованія на оный, такъ же уложенія 10 гл. 251 пун. бракъ священника съ нею расторгнуть съ оставленіемъ его въ настоящемъ санѣ и съ наложеніемъ на нее семилѣтней церковной епитиміи ²⁷⁾). Между тѣмъ какъ объ этомъ есть прямое и ясное церковное правило 8-е Неокессарійскаго собора. Послѣ изданія Свода Законовъ случаи обращенія за основаніями къ Своду мимо правилъ въ рѣшеніяхъ синодскихъ весьма часты. На основаніи Свода законовъ полагается рѣшеніе объ уничтоженіи четвертаго брака ²⁸⁾; на основаніи одного же Свода постановляются опредѣленія о расторгненіи брака по прелюбодѣянію и другія.

Наконецъ в) мы имѣемъ въ виду случаи, гдѣ въ основаніе рѣшеній не только не принимаются правила прямо или косвенно относящіеся къ данному случаю, не только не приводятся гражданскіе законы—но просто не приводится никакихъ основаній, а рѣшеніе дается по усмотрѣнію.

Въ первое время по учрежденіи св. Синодъ рѣдко приводитъ въ основаніе своихъ рѣшеній правила древней церкви, а просто большею частію и прямо говоритъ «за показанные вины іеромонашества лишить и потомъ учинить при синодальной канцеляріи нещадное плетьми наказаніе ²⁹⁾). Вообще въ первое

²⁷⁾ 10 марта 1810, Синод. Проток., л. 671.

²⁸⁾ Четвертый бракъ расторгается на основаніи Свода Зак. т. XV, час. 2. 792, 793, 794. Т. X, ч. 1, ст. 21, 32, 37, 38 и 39 и Уст. консист. ст. 200, 1863. Прот. № 252.

²⁹⁾ Сян. Проток. 21 окт. 1737 г.

время св. Синодъ предпочиталъ простую и прямую расправу безъ приведенія основаній и ссылокъ на правила. «Попу за составленіе фальшивой духовной учинить жестокое шелепами наказаніе и отрѣша отъ прихода послать въ подначальство на пять лѣтъ, чтобы другимъ на то смотря, такъ чинить было не повадно»³⁰⁾. Вотъ форма наибольшей части синодскихъ рѣшеній въ подобныхъ дѣлахъ въ первое время. Основанія для рѣшенія приводить никто не заботился. Замѣченному въ преступленіи и подвергшемуся суду—назначается наказаніе плетью или шелепами обыкновенное или нещадное, и дѣло тѣмъ кончается. Къ тѣлеснымъ наказаніямъ св. Синодомъ приговариваются не только мужескаго пола люди, но и монахини.» Если монахини тверскаго Аванасьеваго монастыря безъ архіерейскаго дозволенія пойдутъ жаловаться въ С.-Петербургъ; то, какъ посылавшей ихъ игуменьѣ, такъ и имъ монахинямъ за такое безобразное своевольство учинить жестокое плетью наказаніе»³¹⁾.

При томъ тѣлесныя наказанія полагаются не только за дисциплинарныя проступки, какъ вышеприведенный, но и за чисто духовныя преступленія, наприм. за небытіе у исповѣди и св. причастія. Такое опредѣленіе было постановлено св. Синодомъ 15 декабря 1725 г. «Пѣчимъ и подъякамъ и дьячкамъ, и дономарямъ и сторожамъ церковнымъ, яко всегда при церквахъ сущимъ, и неотложно одну исповѣдь чинить могущимъ, сверхъ штрафа чинить и тѣлесное наказаніе по разсмотрѣнію архіерейскому»³²⁾.

Въ объясненіе этого образа дѣйствій св. Синода мы должны указать на сильное вліяніе правительственной практики того времени на св. Синодъ.

Свѣтское правительство въ то время любило прямую и простую расправу и почти всегда съ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ—тѣлеснымъ наказаніемъ. Этотъ образъ дѣйствій свѣтскаго пра-

³⁰⁾ 30 іюля 1731. Син. Проток.

³¹⁾ 13 мая 1726. Синод. Прот., л. 41.

³²⁾ 15 декаб. 1725. Син. Прот., л. 320.

вительства не остался безъ вліянія и на духовное правитель-ство. О несомвѣстности тѣлесныхъ наказаній съ саномъ священнослужительскимъ тогда не могло быть рѣчи, когда даже и сынъ русскаго царя былъ подвергаемъ пыткамъ. Присудивъ къ жестокому или нещадному наказанію шелепами или плетьюми, за симъ св. Синодъ полагалъ отпускать наказаннаго такимъ образомъ къ исправленію прежней должности.

3. О внѣшней сторонѣ въ приложеніи правилъ древней церкви мы можемъ сдѣлать только немногія замѣчанія. И а) правило, служащее основаніемъ рѣшенія, большею частію не приводится буквально; на него только дѣлается ссылка съ указаніемъ на число правила и съ наименованіемъ. Есть не мало и такихъ случаевъ, что не указывается именно правило служащее основаніемъ рѣшенія, а дѣлается общее указаніе въ словахъ: *какъ правила святыхъ повелѣваютъ*, или: *согласно съ правилами* и т. д. ³³⁾). Правило подлинными словами приводится по большей части только тогда, когда нужно сдѣлать опроверженіе противопоставляемаго заключенія; б) не оставимъ безъ вниманія нерѣдко встрѣчающуюся неточность въ обозначеніи приводимыхъ правилъ. Апостольскими называются нерѣдко гражданскіе законы. Такъ говорится: «со священникомъ за содержаніе въ своемъ домѣ подозрительной женщины, хотя и слѣдовало бы поступить по 85 прав. св. апостолъ свитка Новыхъ заповѣдей Юстиніана на л. 19» ³⁴⁾). Иногда приводятся правила апостольскія, а называются правилами св. отецъ ³⁵⁾).

³³⁾ Объ игуменѣ, въ кельи которой двѣ дѣвки впали въ блудъ, въ опредѣленіи Синода приведено: „а по св. правиламъ кто хранить блудницу и удерживать въ дому своемъ отлученію подпадаетъ.“ Прот. 27 августа 1722 г. № 1140 лис. 1150.

³⁴⁾ 28 апр. 1805. Сын. Прот. № 30.

³⁵⁾ 24 янв. 1836. Сын. Прот. № 203.

ПСАЛМЫ

ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДѢ СЪ ОБЪЯСНЕНІЯМИ.

ПСАЛОМЪ 17-й.

Чистота сердца — источникъ дерзновенной молитвы о сохраненіи отъ опасностей.

1. Услышь, Иегова, правду, склонись къ волю моему,

Вонми молитвъ мою отъ устъ нелицевыхъ!

Отъ лица Твоего выйдетъ мой судъ,

Глава Твоя укажетъ правдо.

Тя молитва моя сердце исследовала ночью,

Расплавило — не нашелъ дичего;

Если я подумалъ злое — оно не переступало устъ моихъ.

Въ дѣлахъ человѣческихъ въ силу слова устъ Твоихъ

Я остерегался путей притѣвителя;

Б. Твердо держались шаги мои стезей Твоихъ,

Не колебались стопы мои.

Таковой я зову къ Тебѣ, потому что Ты отвѣтишь мнѣ, Боже,

Склони ко мнѣ ухо Твое, услышь рѣчь мою!

* * *

Окажи Твои чудесныя милости, Спаситель ищущихъ убожища

Отъ возмутителей въ десницѣ Твоей!

Сохрани меня, какъ зѣницу ока,

Въ тѣни крыльевъ Твоихъ сокрой меня —

Отъ нечестивыхъ, которые нападаютъ на меня,

Смертныхъ враговъ моихъ, которые окружаютъ меня.

10. Тучное сердце свое заключили они,
 Устамъ своими говорятъ надменно.
 На путяхъ нашихъ они теперь окружаютъ насъ,
 Глаза свои направляютъ, чтобы низвергать на землю.
 Его подобіе какъ левъ, который алчетъ растерзать
 И какъ львенокъ, сидящій въ засадѣ.

* *

Поднимись, Иегова, противостань лицу его, низвергни его,
 Освободи душу мою отъ беззаконника мечемъ Твоимъ,
 Отъ людей—рукою Твоею, Иегова, отъ людей міра,
 Которыхъ часть въ жизни и Своими руками ты наполнишь
 чрево его;
 Они имѣютъ вдоволь сыновъ и оставляютъ ихъ изобиліе
 дѣтямъ своимъ!

15. Я же—въ праведности буду созерцать лице Твое,
 Насыщаться, по пробужденіи, Твоимъ образомъ!

Псаломъ 17-й имѣетъ большое сродство съ предшествующимъ: оба оканчиваются одинаковою надеждою созерцанія Иеговы (16, 11. 17, 15), въ томъ и другомъ одинаково выражается просьба о сохраненіи отъ опасности (16, 1. 17, 8), указывается на взаимообщеніе съ Богомъ во время ночи (16, 7. 17, 3) и др. Но псаломъ 17-й уже не выражаетъ того возвышеннаго, блаженнаго покоя праведника, какой мы видимъ въ псалмѣ 16-мъ, напротивъ весь псаломъ проникнутъ чувствомъ негодованія на враговъ, преслѣдованію которыхъ подвергнулся пѣвецъ. Положеніе пѣвца, какъ оно изображено въ этомъ псалмѣ, напоминаетъ особенно пс. 7-й; какъ тамъ, такъ и здѣсь пѣвецъ, проникнутый сознаніемъ своей виновности, жалуется на своихъ притѣснителей; въ особенности на одного, какъ бы вождя ихъ, въ томъ и другомъ псалмѣ онъ сравнивается со львомъ (7, 3. 4—6. 17, 2—6. 12). Принимая во вниманіе замѣчаніе пѣвца въ стихѣ 4-мъ, что онъ въ своихъ отношеніяхъ къ людямъ никогда не слѣдовалъ примѣру насильственнаго дѣйствія его враговъ, можно съ вѣроятностію отнести этотъ псаломъ ко времени борьбы Давида съ Сауломъ (ср. I Цар. 25, 21), поводомъ же къ его написанію могъ быть фактъ нападенія Саула на Давида въ пустынь Ма-

онской, гдѣ Саулъ со всѣхъ сторонъ окружилъ Давида и готовъ былъ овладѣть имъ, но былъ отозванъ (ср. Пс. 17, 11 и 1 Цар. 23, 26). Тѣснимый врагами пѣвецъ настоятельно и сердечно просить Ягову услышать его молитву, или, какъ онъ выражается, *правду*, т. е. вопіющую къ Нему невинность; эта чистота и невинность служитъ главнѣйшимъ источникомъ его дерзновенія передъ Яговою, отъ котораго онъ ожидаетъ послѣдняго рѣшенія (1—2). Что сердце его чисто, свободно отъ грѣха—это фактъ его сознанія, основанный не на личномъ его самоиспытаніи, а на всепроникающемъ изслѣдованіи Яговою глубочайшаго основанія его сердца. При тѣсномъ общеніи своемъ съ Яговою онъ ясно чувствовалъ, какъ Ягова подвергалъ его самому строжайшему испытанію, притомъ во время ночи, когда въ мысли бодрствующаго или въ сновидѣніяхъ спящаго раскрывается внутреннее, сокровенное основаніе души, расплавлялъ его какъ серебро, чтобы очистить его отъ примѣсей—и не нашелъ ни одного недостатка, ни одной неблагородной примѣси. Если въ глубинѣ его души и зараждалось что-либо грѣховное, то онъ тотчасъ же прекращалъ путь къ его распространенію, такъ что оно не переступало границы устъ его; по отношенію же къ дѣйствіямъ, особенно касающимся ближняго, онъ никогда не слѣдовалъ примѣру насилія его враговъ. Такъ могъ говорить Давидъ, гонимый Сауломъ, такъ какъ онъ чуждъ былъ честолюбивыхъ намѣреній похитить его царскій вѣнецъ, и далеко былъ отъ насилій въ тѣхъ случаяхъ даже, когда Богъ предавалъ въ его руки врага; въ усвоенномъ имъ направленіи онъ считаетъ себя непоколебимымъ (3—5). Столь безупречно праведный онъ обращается теперь съ молитвою къ Яговѣ и несомнѣнно увѣренъ, что Онъ услышитъ ее (6), хотя просьба его, повидимому, весьма дерзновенна: онъ проситъ, чтобы Ягова *чудеснымъ образомъ* оказалъ ему свою милость, чтобы Онъ сохранилъ его, какъ зѣницу ока, сокрылъ его въ тѣни Своей любви также, какъ орелъ скрываетъ птенцевъ въ тѣни своихъ крыльевъ (7 — 8). Такъ велико и чудесно спасеніе,

ожидаемое пѣвцомъ; но велика и необычайна опасность. Онъ окруженъ со всѣхъ сторонъ смертельными врагами, которые «заклучили тучное сердце свое» т. е. чужды нѣжныхъ чувствъ состраданія и милосердія, подстерегаютъ его на каждомъ шагу; особенною жестокостію проникнуть между ними одинъ, который аячетъ поглотить его какъ левъ свою добычу (9 — 12). Пѣвецъ просить, чтобы Іегова Самъ возсталъ противъ этихъ притѣснителей и уничтожилъ ихъ Своимъ мечемъ и рукою Своею, такъ какъ этимъ людямъ чужды стремленія къ высшимъ благамъ, они люди міра, ихъ жребій—настоящая жизнь съ ея временными благами; хотя Іегова собственными руками наполняетъ ихъ чрево этими благами, награждаетъ ихъ дѣторожденіемъ, такъ что они своимъ дѣтямъ оставляютъ послѣ себя богатые запасы, но взамѣнъ этого лишаетъ ихъ совершенно высшаго блага (13—14). Это то высшее благо имѣетъ пѣвецъ; оно состоитъ въ общеніи съ Іеговою и созерцаніи Его лица. Этого высочайшаго блага, какого только можетъ удостоиться человѣкъ (см. Пс. 11, 7. 16, 11), пѣвецъ достигнетъ въ полной степени только *по пробужденіи* (15), но не отъ сна ночнаго (слишкомъ ничтожная отсрочка исполненія такой блаженной надежды!) и не отъ сна несчастія (странно было бы говорить о *пробужденіи* отъ такого сна); но отъ *сна смерти*. Нечестивые оставляютъ всѣ свои блага въ настоящей жизни и въ будущую не уносятъ ничего, ихъ ожидаетъ полное уничтоженіе (ст. 149), между тѣмъ для пѣвца общеніе съ личнымъ, живымъ Богомъ въ настоящей жизни служить ручательствомъ полученія еще болѣе высшаго блаженства въ будущемъ. Смерть для пѣвца, какъ для всѣхъ ветхозавѣтныхъ людей, есть нѣчто мрачное, неизвѣстное (см. Пс. 6, 6), но передъ величіемъ его надежды исчезаетъ весь этотъ мракъ: за сномъ смерти, представленіе о которомъ какъ бы мимолетно проскользаетъ въ его сознаніи, онъ видитъ пробужденіе къ жизни высшей, въ которой онъ будетъ наслаждаться въ большей степени тѣмъ благомъ, которымъ владѣетъ теперь, т. е. общеніемъ съ Іеговою. Въ чемъ будетъ состоять

это пробужденіе, онъ не знаетъ ясно, ему еще не открыто то, что во всей ясности повѣдано только въ Новомъ Заветѣ, т. е. истина воскресенія; но эта истина выступаетъ передъ его духовнымъ взоромъ какъ результатъ энергіи его личной надежды. Для него въ сущности не существуетъ различія между настоящей и загробной жизнью, онъ знаетъ только различіе между жизнью въ общеніи съ Іеговою и жизнью, лишенною этого общенія, и кто въ настоящей жизни, подобно ему, живетъ въ союзѣ съ вѣчно живымъ Іеговою, тотъ не долженъ бояться смерти; напротивъ уже это общеніе есть само по себѣ источникъ личнаго безсмертія и залогъ будущаго возстановленія отъ смерти.

ПСАЛОМЪ 18-й.

Благодарственный гимнъ Давида Іеговъ за избавленіе отъ всѣхъ враговъ и благодатное руководство въ жизни.

2. Люблю Тебя, Іегова, сила моя!

Іегова, Ты моя скала и моя твердыня и мой Освободитель,

Богъ мой, моя крѣпость, въ которой я укрываюсь,

Мой щитъ и рогъ спасенія моего, укрѣпленіе мое!

Какъ достопоклоняемаго призываю я Іегову.

И отъ враговъ моихъ буду спасенъ.

5. Охватили меня узы смерти

И потоки бездны напали на меня,

Узы ада окружили меня,

Настигли меня сѣти смерти.

Въ тѣснотѣ моей я призвалъ Іегову,

И къ моему Богу взывалъ я:

Онъ услышалъ изъ Своего чертога голосъ мой,

Мой вопль предъ Нимъ проникъ въ уши Его;

И качается и колеблется земля

И основанія горъ задрожали

И потряслись, такъ какъ Онъ разгибавался!

Поднялся дымъ въ ноздрихъ Его,

И огонь подалъ изъ устъ Его,

Уголья загорались отъ Него.

10. И склонилъ Онъ небо и сошелъ
 — Облачный туманъ подъ ногами Его—;
 Ъхалъ на херувимѣ и летѣлъ,
 Парилъ на крыльяхъ вѣтра;
 Сдѣлалъ тьму покрываломъ Своимъ,
 Кругомъ себя хижиною Своей:
 — Темнѣйшія воды, плотнѣйшія облака!
 Отъ блеска предъ Нимъ—исчезли Его темныя облака:
 — Градъ и горящіе угли!
 И съ неба загремѣлъ Іегова,
 И Всевышній далъ голосъ Свой:
 — Градъ и горящіе угли!

* *

15. И послалъ Онъ Свои стрѣлы и разсѣялъ ихъ
 Молнія во множествѣ и—привелъ ихъ въ смятеніе.
 И обнаружилия теченія водъ
 И обнажились основанія вселенной:
 — Отъ угрозы Твоей Іегова,
 Отъ дуновенія вѣтра поздрей Твоихъ.—
 Достигаетъ съ высоты, беретъ меня,
 Извлекаетъ меня изъ водъ многихъ;
 Освобождаетъ меня отъ моихъ ужасныхъ враговъ
 И отъ ненавистниковъ моихъ, такъ какъ они весьма сильны
 для меня.

Они напали на меня въ день моего несчастія,
 Но Іегова былъ подпорой мнѣ,

20. И Онъ вывелъ меня на пространное мѣсто,
 Освободилъ меня—такъ какъ Онъ любитъ меня.—

* *

- Іегова воздаетъ мнѣ по правдѣ моей,
 По чистотѣ рукъ моихъ награждаетъ меня.
 Потому что я наблюдалъ пути Іеговы
 И неотступалъ нечестиво отъ Бога моего
 Нѣтъ! всѣ Его права стоятъ передо мною,
 Его постановленія я не отдалялъ отъ себя;
 И былъ чистъ предъ Нимъ
 И остерегался отъ беззаконія моего
25. И воздалъ мнѣ Іегова по правдѣ моей;
 По чистотѣ рукъ моихъ, которая очевидна предъ Нимъ.

* *

Къ благочестивому Ты относишься благочестиво

Къ преданному мужу—преданно;

Къ очищающему себя—чисто,

Къ лживому—на переборъ ему.

Потому что Ты несчастнымъ людямъ даешь спасеніе

И гордые глаза смиряешь;

Потому что Ты дѣлаешь свѣтлымъ мой свѣтильникъ;

Иегова, мой Богъ, освѣщаетъ мракъ мой!

30. Потому что чрезъ Тебя разбилъ я толпы,

И помощію Бога моего я вскакиваю на стѣну;

Онъ Богъ—непорочны стези Его,

Слово Иеговы очищено,

Щить Онъ всѣхъ, которые укрываются въ Немъ!

* *

Потому что кто Богъ кромѣ Иеговы

И кто скала кромѣ Бога нашего?

Богъ, который препоясалъ меня силою

И дѣлаетъ непреткновеннымъ путь мой,

Который сдѣлалъ мои ноги подобными ногамъ оленцы

И на высотахъ моихъ поставилъ меня,

35. Который приучаетъ мои руки къ брани,

Чтобъ напрягали мѣдный лукъ мои пальцы;

Ты даешь мнѣ щить спасенія моего,

И десница Твоя поддерживаетъ меня

И Твое смиреніе возвышаетъ меня!

* *

Ты даешь просторъ ногамъ моимъ подо мною

И не колеблятся колѣни мои:

Я преслѣдую и настигаю враговъ моихъ

И не возвращаюсь, пока они не уничтожены.

Я разбилъ ихъ и они не могутъ стоять

Падаютъ подъ ноги мои!—

40. И Ты препоясываешь меня силою на брань,

Сгябаешь моихъ противниковъ подо мною,

Обращаешь ко мнѣ тылъ враговъ,

И ненавистниковъ моихъ—я уничтожилъ ихъ.

* *

Они вопіютъ и—нѣтъ Спасителя

Къ Иеговѣ и не отвѣчаетъ имъ;

И я развѣялъ ихъ какъ пылъ вѣтромъ,

Какъ уличную грязь растопталъ ихъ!—

- Ты спасаешь меня отъ мятежа народа,
 Поставляешь меня главою націй;
 Народы, которыхъ я не знаю, служатъ мнѣ;
 45. По слуху ушей повинуются мнѣ,
 Сыновья иноземцевъ льстятъ мнѣ,
 Сыновья иноземцевъ увядаютъ
 И дрожать изъ укрѣпленій ихъ.

- Живи Іегова и будь благословенна скала моя
 И возвышенъ Богъ спасенія моего!
 Тотъ Богъ, который далъ мнѣ мечь
 И склонилъ народы подо мною;
 Ты, который спасаешь меня отъ враговъ
 Надъ притѣснителями моими возвышаешь меня
 Отъ мужа неправды избавляешь меня!
 50. Посему восхваляю Тебя среди народовъ, Іегова,
 И воспую имени Твоему!
 Который дѣлаетъ великою полноту спасенія царя Его
 И оказываетъ милость помазаннику Своему,
 Давиду и сѣмени его вѣчно!

По свидѣтельству надписи Давидъ воспѣлъ этотъ торжественный гимнъ «когда Іегова спасъ его отъ руки всѣхъ враговъ его и отъ руки Саула»; здѣсь изображается не какой-либо частный случай опасности и спасенія отъ нея, но всѣ опасности, какія вытерпѣлъ Давидъ въ своей исполненной борьбы жизни, соединяются въ одной картинѣ величественно сходящаго съ неба Бога для спасенія праведника; Саулъ указавъ въ надписи не какъ послѣдній, а какъ опаснѣйшій врагъ Давида. Начинаясь и оканчиваясь изліаніемъ чувства благодарности и восхваленіемъ милующаго Бога (2—4. 47—51), эта обширная пѣснь подробно, величественно и художественно изображаетъ сначала картину чрезвычайной опасности пѣвца, его возношеніе къ небу о спасеніи и потрясающее небо и землю схождение Іеговы для его спасенія (5—20); это первая часть. Въ слѣдующей части (21 — 31) онъ изображаетъ чистоту своей внутренней жизни въ союзѣ съ Богомъ, вызвавшее Іегову съ своей стороны на такое любвеобильное къ нему отношеніе и наконецъ въ послѣдней части (32—46) изобра-

жаеть Ягову какъ истиннаго, духовнаго Бога, который Одинъ можетъ дать истинную побѣду, который Одинъ могъ такъ высоко возвысить и усилить пѣвца. Съ начала пѣсни онъ изливаетъ чувство своей горячей привязанности и любви къ Яговѣ и въ многочисленныхъ, большею частію образныхъ наименованіяхъ Яговы представляетъ, чѣмъ былъ для него Ягова. Въ его полной опасностей воинственной жизни, въ борьбѣ со врагами, Ягова замѣнялъ для него всѣ естественныя и искусственныя средства борьбы и обороны: недоступныя скалы съ ихъ разсѣлинами, возвышенныя замки, укрѣпленныя мѣста, вообще всѣ мѣста, куда скрывается преслѣдуемый, пѣвецъ имѣеть въ Яговѣ (2—4). Призвавъ такого Бога, пѣвецъ переступаетъ къ изображенію опасности, отъ которой его избавилъ Ягова. Онъ находился на краю гибели; близкій къ смерти онъ чувствовалъ себя такъ, какъ будто онъ погрузился въ самую глубину моря, такъ что передъ нимъ уже раскрылся адъ, накинувшій уже на него свои узы смерти. Затѣмъ прекрасно изображаетъ, какъ изъ этой крайней глубины его голосъ о помощи безпрепятственно достигаетъ до крайней высоты неба, гдѣ находится престолъ Яговы (5—7). Ягова внялъ его молитвѣ и такъ какъ для Его всемогущей руки доступны и глубины моря и узы ада, то Онъ этою всемогущею силою осушаетъ дно морское и простираетъ туда спасающую руку Свою, чтобы взять праведника. Такъ какъ злые враги довели его до такой опасности, то пѣвецъ величественно представляетъ Ягову сходящимъ съ неба на землю для суда и облеченнымъ во всѣ орудія гнѣва; гнѣвъ Божій облекается во всѣ грозныя явленія природы и вовлекаетъ небо и землю въ дѣло искушенія Своего праведника. Первое обнаруженіе гнѣва Божія проявляется въ дрожаніи земли, колебаніи отдаленныхъ горъ; землетрясеніе сопровождается блестящей молніей, которую какъ уголья выпускаетъ изъ Своихъ устъ Ягова (8—9); все это предвѣстники бури. Неполноценное драчливыя облаками и какъ бы отяжелѣвшее небо склоняется надъ землею славою Яговы, который, сидя на херувимъ, и имѣя подножі-

емъ Своимъ и вокругъ Себя темнѣйшія и плотнѣйшія облака, на крыльяхъ вѣтра несется, чтобы разразиться надъ землею (11—12). Наконецъ Іегова разрываетъ подъ Собою этотъ плотный слой облаковъ и издаетъ Свой карающій голосъ въ молніи, устраняющемъ громъ, градъ и стрѣлахъ (13 — 15). Буря Іеговы уничтожаетъ враговъ, осушаетъ глубины моря, открываетъ глубины ада, и вотъ Іегова съ неба простираетъ руку Свою и выводитъ на свободу и просторъ Своего праведника. Это изображеніе оканчиваетъ пѣвецъ краткимъ указаніемъ основанія, почему такъ относится къ нему Іегова: «такъ какъ Онъ любитъ меня» (16—20). Это замѣчаніе дѣлаетъ переходъ къ слѣдующей части (21 — 31), въ которой пѣвецъ показываетъ, что такое отношеніе Іеговы къ нему основано на совершенномъ, неразрывномъ союзѣ его съ Іеговою. Чуждый гордаго самосознанія, но въ простотѣ и искренности раскрываетъ онъ чистое нравственное основаніе своего сердца. Іегова такъ воздастъ ему за его чистоту въ намѣреніяхъ и дѣлѣ: онъ никогда не отступалъ отъ своего Бога и Его заповѣди постоянно имѣлъ для себя нормою, всею душою былъ преданъ Ему и остерегался отъ беззаконія (21—24); отношенія же Іеговы къ человѣку суть отраженіе отношеній человека къ Іеговѣ: сердечной любви благочестиваго отвѣчаетъ Іегова Своею любовію, всецѣлой преданности непорочнаго — сообщеніемъ полного благоволенія, стремленію къ чистотѣ — очищающею благодатію, нравственному саморазвращенію — неожиданными сужденіями; несчастнымъ угнетеннымъ Онъ даетъ спасеніе и гордыхъ притѣснителей приводитъ къ уничтоженію (25 — 28). Эту общую истину Давидъ опять примѣняетъ къ себѣ, показывая, какъ его чистота и терпѣніе снискали ему благоволеніе Божіе: онъ сдѣлался свѣтильникомъ, который возжегъ Іегова для блага Своего народа и который освѣщаетъ путь жизни этого народа. Чрезъ Іегову онъ получилъ силу въ своихъ слабостяхъ, чрезъ Него можетъ сдѣлать все, такъ какъ Тотъ, кто скрывается въ немъ, защищенъ отъ всѣхъ опасностей (28—31). Изобразивъ свои внутреннія отношенія

къ Богу, пѣвецъ въ послѣдующей части (32 — 37) придаетъ новый полетъ своей рѣчи, представляя Іегову, какъ Высочайшаго истиннаго Бога, который Одинъ можетъ дать такую побѣду, только въ связи съ такимъ именно Богомъ Онъ могъ совершить такія великія дѣла. Іегова далъ ему силы и оружія, потребныя для войны, его *щитъ* есть *спасеніе* Іеговы, его подпора—десница Его, возвышеніе въ несчастіи проистекаетъ отъ снисхожденія (смиренія) Іеговы (32—37). Снабженный чудесными силами и оружіями для борьбы онъ совершенно уничтожилъ враговъ своихъ; съ восторгомъ и благодарностію останавливается онъ на воспоминаніи о своихъ чрезвычайныхъ успѣхахъ въ войнѣ съ многочисленными и отдаленными народами (38 — 41), воспоминаетъ, какъ, побѣжденные, они обращаются съ молитвою къ Іеговѣ, но напрасно, Іегова не услышалъ ихъ, и онъ развѣялъ ихъ какъ прахъ, растопталъ, какъ грязь, униженно они льстятъ ему и дрожатъ отъ его могущества (42—46). Наконецъ пѣснь возвращается къ своему началу, т. е. къ выраженію радостной благодарности и похвалы Іеговѣ за всю полноту благодѣяній, дарованныхъ пѣвцу; здѣсь повторяются прежніе образы (47—51). Но эта похвала не должна ограничиваться областію Израиля; вѣчноносный пѣвецъ покореніемъ столькихъ народовъ открылъ путь восхваленію имени Іеговы среди язычниковъ и видѣлъ въ этомъ восхваленіи главнѣйшую цѣль своихъ завоеваній. Но это распространеніе познанія Іеговы и Его спасенія на язычниковъ разсматриваетъ Давидъ въ свѣтѣ даннаго ему обѣтованія о его потомствѣ (2 Цар. 7, 12—16); эти милости обѣщанныя Давиду и его потомству суть основаніе и предметъ восхваленія Іеговы за предѣлами Израиля среди язычниковъ. Поэтому апостолъ (Рим. 15, 9) приводитъ слова ст. 50, какъ доказательство того, что Евангеліе должно быть проповѣдано и язычникамъ и тѣмъ придаетъ мессіанскій характеръ послѣднимъ словамъ этого псалма. Только въ Потомкѣ Давида осуществились обѣтованія, данныя ему, о вѣчномъ продолженіи его царства, и только чрезъ этого Потомка имя Іеговы повѣ-

дано человечеству какъ имя Бога и Отца всѣхъ людей безъ различія, іудеевъ и язычниковъ.

ПСАЛОМЪ 19-й.

*Гимнъ и молитва Богу, двояко проявляющему Свою славу—
въ природѣ и откровенномъ законѣ.*

2. Небеса проповѣдаютъ славу Божию
И дѣло рукъ Его возвѣщаетъ твердь.
День дню изливаетъ рѣчь
И ночь ночи сообщаетъ знаніе:
Нѣтъ рѣчи и нѣтъ словъ,
Которыхъ голоса не были бы слышаны.

Б. Чрезъ всю землю проходитъ звукъ ихъ
И до границъ вселенной рѣчи ихъ,
Гдѣ Солнцу поставилъ Онъ хижину

* *

И оно выходитъ, какъ женихъ, изъ чертога своего,
Веселится, какъ герой—пробѣжать путь;
Отъ конца небесъ восходъ его
И обращеніе его до конца ихъ,
И ни что не можетъ укрыться отъ теплоты его.

Законъ Иеговы непороченъ, услаждающій душу,
Откровеніе Иеговы вѣрно, умудряющее простижъ;
Повелѣнія Иеговы правильны, увеселяющія сердце,
Заповѣдь Иеговы свѣтла, просвѣщающая очи;

10. Страхъ Иеговы чистъ, пребывающій вѣчно
Рѣшенія Иеговы—истина, справедливы всѣ,
Драгоценнѣе золота и сокровищъ многихъ,
Слаще меда и сота.

* *

И рабъ Твой будетъ наставленъ ими,
Въ сохраненіи ихъ заключена великая награда.

Ошибки—кто замѣтитъ ихъ?!

Отъ сокровеннаго очисти меня!

И отъ злодѣяній отврати раба Твоего, чтобы они не владѣли мною!

Тогда я буду невиненъ и чистъ отъ отпаденія великаго.

16. Да будутъ угодны Тебѣ слова устъ моихъ и дума сердца моего
Предъ Тобю;

Иегова, моя скала и Искупитель мой!

Созерцаніе звѣзднаго неба побуждаетъ пѣвца въ пс. 8-мъ къ восхваленію славы Творца; здѣсь же въ пс. 19-мъ не ночное, усѣянное звѣздами небо представляется его размысленію, а ясное небо съ дневнымъ свѣтиломъ солнцемъ. Теряющіяся для человѣческаго представленія въ безграничности пространства небесныя сферы и прозрачный голубой сводъ неба постоянно говорятъ о томъ, какъ славенъ, могущественъ Богъ, сотворившій ихъ (2). Эта проповѣдь неба состоитъ не въ членораздѣльныхъ, воспринимаемыхъ человѣческимъ слухомъ словахъ, но понятна только мыслящему созерцанію; она такъ постоянна и непрерывна, что каждый проходящій день отдаетъ неизчерпаемую полноту своего ученія наступающему и каждая исчезнувшая ночь возвращаетъ слово слѣдующей (3). Далѣе, эта проповѣдь совершается не на какомъ либо непонятномъ для человѣка языкѣ: хотя она и безъ словъ, но ея языкъ всетаки понятенъ всѣмъ, и ритомъ раздается она не въ одномъ какомъ либо мѣстѣ передъ немногими слушателями, но его слово проходитъ чрезъ всю землю до самыхъ отдаленныхъ границъ, гдѣ имѣетъ свое мѣстопробываніе совершившее свой дневной путь и сошедшее съ горизонта солнце (4—5). Какимъ же образомъ совершается и въ чемъ состоитъ эта проповѣдь неба? Пѣвецъ сначала этаго прямо не высказываетъ, хотя изъ его выраженій, что она передается отъ одного дня къ другому, отъ одной ночи къ другой, что она слышна одинакова всюду, можно заключить, что она состоитъ въ стройномъ чередованіи явленій природы, въ неизмѣнномъ покойномъ порядкѣ ея жизни. Но сказавши о распространеніи проповѣди неба до границъ земли, гдѣ солнце имѣетъ хижину, пѣвецъ картинно изображаетъ эту проповѣдь. Она состоитъ въ чудѣ постоянного сопровождаемаго благодѣтельными для земли слѣдствіями обращенія солнца. Каждое утро оно, какъ женихъ съ сіяющимъ, полнымъ жизни лицомъ выходитъ изъ своего мѣстопробыванія за горизонтомъ, какъ бы изъ брачнаго чертога, и подобно герою радостно, смѣло и бодро пробѣгаетъ свой путь, который простирается отъ крайняго востока до крайняго

запада и на этомъ пути своею согрѣвющею и освѣщающею теплою разливаеъ всюду благословеніе, отъ полноты котораго ничто не можетъ укрыться.

Но восхваленіе Бога въ Твореніи не есть единственная цѣль пѣвца. Изъ повседневно являющихся его глазамъ чудесъ природы взоръ пѣвца переносится въ область его нравственно религиозной жизни, гдѣ онъ находитъ себя окруженнымъ еще ббльшими чудесами Божиими. *Законъ Иеговы* т. е. Его откровенная воля, Его религія, вдохновляетъ пѣвца болѣе, нежели небо съ чудесами всемогущества и премудрости Божіей. Въ 14-ти положеніяхъ излагаетъ пѣвецъ похвалу закону, выражая въ первой половинѣ каждаго стиха похвалу закону по его сущности, во второй—по его дѣйствіямъ. *Законъ Иеговы* во всей цѣлости своего содержанія есть *совершенный*, совершенно приспособленъ къ спасенію человѣка, и поэтому *успокождаетъ душу* того, кто всѣмъ сердцемъ отдается его исполненію (8а); Его *откровеніе твердо*, возвышено надъ всякими колебаніями и вѣрно въ своихъ обѣтованіяхъ и угрозахъ, поэтому способно *умудрить простыхъ*, неопытныхъ и неокрѣпшихъ въ добръ, дать имъ твердую нравственную опору (8б). Всѣ Его *повеленія правильны*, исходятъ изъ вполнѣ благой Его воли и направляютъ на правыя стези живущихъ по нимъ, и такимъ образомъ, освобождая отъ всякаго колебанія, *увеселяютъ сердце*, доставляя удовлетвореніе нравственнымъ потребностямъ и вливая свѣтлое сознаніе своей правоты предъ Богомъ (9а). Его *заповѣдь свѣтла*, какъ свѣтъ солнца и поэтому *просвѣщаетъ очи*, не чувственные только, но и очи ума, и разгоняютъ тьму неразумія, грѣха и скорби (9б). *Страхъ Иеговы* т. е. предписанное Имъ богочтвеніе, *чисто*, подобенъ чистому золоту, чуждъ примѣсей человѣческаго заблужденія, и потому *пребываетъ вѣчно*, въ противоположность другимъ способамъ богочтвенія (10а). *Рѣшенія Иеговы* т. е. исходящія отъ Него или при посредствѣ Его закона рѣшенія дѣлъ человѣческихъ, *истина*, чужды всякой неправды, такъ что для того, кто находится внѣ ихъ господства, они жела-

тельнѣе всякихъ драгоценностей, для того же, кто находится въ сферѣ ихъ дѣйствія, они слаще меда (10b—11). Отъ восхваленія закона пѣвецъ переходитъ къ себѣ. Считая себя «рабомъ» Іеговы, онъ стремится вести себя такъ, чтобы всегда находиться подъ освѣщающимъ и наставляющимъ законодѣйствіемъ такъ какъ онъ на себѣ испыталъ, что сохранять его приноситъ великую награду (12). Но величіе закона возбуждаетъ въ немъ опасенія относительно точнаго его исполненія; и поэтому онъ присоединяетъ прошеніе объ оправданіи. Хотя онъ твердо рѣшился направлять свою волю по закону Іеговы, но сколько можетъ быть грѣховъ, сокрытыхъ отъ его сознанія вслѣдствіе испорченности человѣческаго сердца въ самомъ его основаніи и утонченности грѣха (13)! А между тѣмъ эти сокрытыя наклонности ко грѣху могутъ быть для него источникомъ великихъ преступленій и повлечь за собою полное отпаденіе отъ Іеговы; отъ этаго отпаденія пѣвецъ проситъ Бога пощадить его силою Своей благодати (14). Въ заключеніе пѣвецъ проситъ о милостивомъ принятіи молитвы, которую онъ приноситъ и устами и сердцемъ, и основываетъ свою надежду на твердой какъ скала вѣрности Іеговы своимъ обѣтованіямъ и на Его испуляющей любви (15).

М. Никольскій.

МЕОДИЙ ФИЛИМОНОВИЧЪ

ЕПИСКОПЪ МСТИСЛАВСКІЙ И ОРШАНСКІЙ, БЛЮСТИ-
ТЕЛЬ КІЕВСКОЙ МИТРОПОЛИИ (1661—1668 ГОДА).

Г Л А В А IV.

Причина ссоры гетмана Брюховецкаго съ епископомъ Меодіемъ; враждебныя дѣйствія гетмана противъ кіевскаго духовенства. Отношенія епископа Лазаря Барановича къ московскому правительству и гетману Брюховецкому послѣ нѣжинской рады; заботы его объ увеличеніи матеріальныхъ средствъ своею черниговскою кафедрой.— Брюховецкій поднимаетъ передъ московскимъ правительствомъ вопросъ о присылкѣ въ Кіевъ митрополита изъ Москвы. Поѣздка Брюховецкаго въ Москву и статьи московскаго постановленія. Кіевское духовенство возстаетъ на защиту самостоятельности малороссійской церкви; роль епископа Меодія при этомъ движеніи. Посылка въ Малороссію дьяка Фролова и его разговоры съ Брюховецкимъ, Шереметевымъ, Меодіемъ и Иннокентіемъ Гизелемъ. Епископы Меодій и Лазарь Барановичъ вызываются въ Москву на соборъ.

Какъ на самой нѣжинской радѣ, такъ и послѣ нея, «для скорого отъѣзда къ Москвѣ кн. Великаго-Гагива и для отхода новообраннаго гетмана противъ непріятелей», относительно устройства малороссійскихъ порядковъ не было ничего вновь постановлено и даже прежнія переяславскія статьи не были подтверждены. Вслѣдствіе этого изъ Москвы были отправлены дьяки Башмаковъ и Фроловъ для переговоровъ съ гетманомъ

и епископомъ Мееодіемъ о всякихъ дѣлахъ ⁵⁶). Послы съѣхались съ гетманомъ въ Батуриѣ; съ епископомъ же имъ пришлось видѣться. Изъ Нѣжина Мееодій отправился прямо въ Кіевъ и по поводу пріѣзда дьяковъ въ Малороссію писалъ къ нимъ письмо такого содержанія: «я не могу къ вамъ пріѣхать для свиданія, потому что въ заднѣпровскихъ городахъ по отъѣздѣ моемъ изъ Кіева смута учинится; станутъ говорить, что я отъ приходу непріятельскаго бѣгу къ Москвѣ. А многіе города держатся великаго государя смотря на меня.»

Въ то время какъ въ Батуринѣ велись переговоры, гетманъ уже находился въ ссорѣ съ епископомъ. Основная причина этой ссоры, кажется, заключалась въ томъ, что теперь для Брюховецкаго становилась тяжела Мееодіева опека. Однакоже послѣдній, уже поссорившись, все-таки сначала хвалилъ гетмана предъ государемъ; такъ знаемъ, что отъ 12 октября 1663 года, Мееодій писалъ въ Москву такую отписку: «въ Кіевѣ, государь, малолюдно, изволь сюда прислать ратныхъ людей; да и къ гетману, государь, изволь войска прислать же. Гетманъ Иванъ Брюховецкій тебѣ великому государю отъ всего сердца служить. Да еще прошу переяславскаго воеводу кн. Вас. Богд. Волконскаго перемѣнить: весьма человекъ упрямъ. Лучше, великій государь, его перемѣнить, нежели за его съ гетманомъ несовѣтомъ какая поруха учинилась.» Но вражда разгаралась и черезъ нѣсколько времени послѣ этого (должно быть въ 1664 году) тотъ же Мееодій писалъ въ Москву уже такимъ образомъ: «чтобы великій государь не во всемъ полагался на гетмана; ни въ чемъ меня гетманъ не слушаетъ. Прежде всего надо города укрѣпить государевыми ратными людьми, тогда гетманъ по неволѣ будетъ государя бояться и служить ему вѣрно.» Мееодій при этомъ предлагалъ: «Тетеря присылалъ ко мнѣ монаха съ предложеніемъ: если государь его простить, то онъ обѣщается служить вѣрно и примирить

⁵⁶) Разр. кн., т. II, стр. 937—1042; Акт. Южн. и Зап. Росс. т. 5, №№ 77 и 78; Ист. Россіи съ древн. временъ, т. XI, стр. 187 (изд. I).

съ крымскимъ ханомъ. Когда же этотъ миръ состоится, то Войску Запорожскому дать раду, чтобы казаки выбрали себѣ гетмана кого излюбятъ.» Но теперь для Меодія было поздно раздѣлывать имъ же отчасти созданное дѣло.

Поводомъ къ ссорѣ епископа съ гетманомъ послужило то, что Меодій поселившись въ Кіевѣ сталъ относиться къ тамошнимъ монахамъ совсѣмъ иначе, чѣмъ желалъ и могъ того ожидать Брюховецкій. Казнь Самка и Золотаренка съ товарищи произвела на кіевское духовенство сильное впечатлѣніе и оно, кажется, было не прочь прибѣгнуть къ крайнимъ мѣрамъ, чтобы снасти себя отъ мести побѣдителей. Вѣроятно не безъ основанія доносили на кіевскихъ монаховъ то, что мы встрѣчаемъ въ письмѣ воеводы Кир. Хлопова (изъ Гадича) къ дякамъ Башмакову и Фролову: «октября 18 дня выѣхалъ на имя великаго государя бѣлоцерковскій сотникъ Андрей Солишичъ и о вѣстяхъ сазалъ, что Янъ Казиміръ король польскій пришелъ къ Бѣлой Церкви и на нынѣшнихъ же дняхъ, не дожидаясь зимняго пути, пойдетъ къ Кіеву и хочетъ прежде засѣсть въ Печерскій монастырь, а городъ Кіевъ осадить. А въ Печерскій монастырь король идетъ, надежно чаятъ, по червецкимъ письмамъ; и которыя маестности Печерскаго монастыря есть въ литовскихъ городахъ и о тѣхъ маестностяхъ король далъ имъ старцамъ универсалы, чтобы ляхи въ ихъ монастырскія маестности не вѣзжали и не разоряли.» Но кіевскіе монахи ошиблись въ своихъ предположеніяхъ; въ то время какъ они затѣвали подобныя дѣла, къ нимъ явился епископъ Меодій и, вмѣсто мести врагамъ, онъ рѣшился помирить кіевское духовенство какъ съ собою такъ и съ правительствомъ. Блуститель митрополіи прежде всего занялся устройствомъ церковныхъ дѣлъ (и между прочимъ, если не ошибаемся, возобновленіемъ Софійскаго собора); и вотъ по этому поводу въ посланіи къ государю одного изъ монаховъ Печерскаго монастыря (около октября 1663 года) читаемъ: «впрямъ не умеръ Могила, смѣю я то говорить: какъ его милость при престолѣ митрополитанскомъ застаеть, то сталъ продолжать, что началъ покойный

Могила,—началь устроить церковь. Имѣю надежду къ Богу, что его милость совершитъ счастливое; а то все Богу на хвалу вѣчную, а вашей царской милости на славу и честь вѣчную. Не мое дѣло его милость заговаривать у вашего царскаго величества, дѣлуя ноги вашего царскаго величества бью челомъ: изволь къ его милости отцу епископу милостивымъ добродѣемъ быть. Онъ меня изъ монастыря Печерскаго выгнаннаго яко пастырь побожный изволилъ до себя (ко св. Софіи) принять.» По кievскимъ монастырямъ возобновились поминовенія на эктеніяхъ епископа Меѳодія; а глава кievскихъ монаховъ Иннокентій Гизель забылъ свои недавнія заклятія не признавать Меѳодія какъ блюстителя митрополіи ⁵⁷⁾. Но оказалось, что такой примирительной дѣятельности епископа Меѳодія нисколько не сочувствовалъ Брюховецкій; гетманъ требовалъ выдачи враждебныхъ себѣ монаховъ, блюститель же митрополіи ихъ не выдавалъ. И вотъ Брюховецкій не долго думая началъ обвинять своего недавняго благодѣтеля въ измѣнѣ. Въ упомянутомъ сей часъ письмѣ воеводы Кир. Хлюпова къ дякамъ находимъ: «да октября же въ 18 день, въ полночь пріѣзжалъ ко мнѣ гетманъ Иванъ Брюховецкій съ нѣсколькими старшинами и говорили наединѣ въ тайнѣ, что въ городъ Кіевъ чинится добре худо отъ умыслу злыхъ людей. Король-де идетъ къ Кіеву по присылкѣ кievскихъ жителей. А вся-де злая бѣда началась и королевскій приходъ учинился отъ старицы Англичы; а та де старица учитъ въ Кіевѣ епископову дочь грамотѣ. И что-де та старица отъ епископовы дочери услышитъ вѣстей и про то про все вѣдомость давала въ Польшу къ панкѣ Тетерѣ. А чайть-де, что у епископа есть прозябъ большая и невѣрность въ радѣннѣ къ великому государю. Потому-де ему гетману на епископа подозрѣніе, что послѣ рады при-

⁵⁷⁾ Поселившись въ Кіевѣ епископъ Меѳодій занялся и своими семейными дѣлами. Такъ онъ женилъ одного изъ своихъ синовей на паннѣ Дубаговнѣ, „у которой два брата родныхъ при королѣ служили.“ Молодые послѣ свадьбы поселились въ Нѣжинѣ, гдѣ въ уѣздѣ были епископскіе мѣстности: теща же Меѳодіева сына стала жить въ Кіевѣ въ Печерскомъ женскомъ монастырѣ.

крѣпленъ былъ въ Кіевѣ нѣжинскій атаманъ Шмотовичъ и его атамана взяли старцы (Печерскій архимандритъ съ товарищи) себѣ на поруки; и тотъ атаманъ будто ушелъ; а его-де отпустили старцы нарочно умысломъ и велѣли ему Шмотовичу, собравъ казаковъ и татаръ, приходить на государевы черкасскіе города. Онъ гетманъ посылалъ по тѣхъ старцовъ и епископъ къ нему старцовъ не прислалъ, а взялъ съ нихъ золотые червонные. Страшно, чтобы епископъ злымъ своимъ умысломъ надъ Кіевомъ чего не учинилъ и королю города не сдалъ.»

Доносами Брюховецкій конечно не могъ скоро достигнуть своей цѣли,—погубить Меөдія съ товарищи; и онъ рѣшился покуда зависящими отъ него средствами мстить почти всему малороссійскому духовенству. Извѣстно, что всѣ гетманы, вліятельные и богатые люди въ Малороссіи, спѣшили жертвовать матеріальныя средства Богоявленскимъ братскимъ школамъ и гордились считаться ихъ покровителями; только одинъ Иванъ Мартиновичъ не желалъ пользоваться такимъ почетомъ. Какъ только Меөдій получилъ возможность спокойно заняться церковными дѣлами, то тотчасъ же принялся за возстановленіе раззоренныхъ латинскихъ школъ; въ нихъ стали учиться по прежнему кіевскіе жители всякихъ чиновъ люди, изъ польскихъ же земель никого сюда не принимали. Въ противоположность Меөдію Брюховецкій, какъ увидимъ ниже, поспѣшилъ подвѣять передъ правительствомъ дѣло о вредѣ этихъ школъ и о необходимости ихъ закрыть. Извѣстно также, что каждый новій гетманъ если не вновь жаловалъ маестности монастырямъ, и особенно кіевскимъ, то выдавалъ имъ подтвердительныя грамоты на прежнія владѣнія. Въ этихъ документахъ обыкновенно прописывалось, между прочимъ, что всякія войсковыя власти и казаки должны охранять церковныя имущества, не раззорять ихъ, не собирать съ нихъ пикакихъ податей и т. п. Такихъ грамотъ дошло до насъ множество; только за время Брюховецкаго ихъ почти не встрѣчается ⁵⁸⁾. Мало

⁵⁸⁾ Должно быть въ концѣ 1665 года была выдана Печерскому монастырю жалованная государева грамота на мѣстечко Смѣлукъ (прежде, въ 1654 году,

того, Брюховецкій дозволялъ своимъ казакамъ вѣзжать въ монастырскія маетности и раззорять ихъ; монаховъ и всѣхъ почему-либо близко стоявшихъ къ монастырямъ казаки били, безчестили, у подданныхъ монастырскихъ отнимали хлѣбъ, скоть и товары. Когда же монастырскія власти въ виду такихъ поступковъ казаковъ обращались къ гетману съ просьбою о защитѣ, то управы никогда не получали. Все это наконецъ привело къ тому, что кievское духовенство, уже помимо всякой политики, стало считать гетмана врагомъ самой церкви. Жалобы московскимъ властямъ на гетмана обыкновенно не имѣли никакихъ послѣдствій, и духовенству оставалось только одно средство для мести, которымъ оно и воспользовалось: по монастырямъ были прекращены всякія молитвы за гетмана. Но это послѣднее еще болѣе раздражало мстительную натуру ломателя правъ.

Остановимся въ изложеніи событіи борьбы Брюховецкаго съ партіей Мееодія, и посмотримъ, что въ это же время дѣлалъ другой малороссійскій епископъ Лазарь Барановичъ⁵⁹⁾. Послѣ вступленія на гетманство Брюховецкаго въ судьбѣ черниговскаго епископа не произошло никакого измѣненія; вель же онъ себя по прежнему. Такъ знаемъ, что какъ бы въ отвѣтъ на извѣщеніе Дворецкаго, что въ числѣ ссылаемыхъ на Москву находится игумень Викторъ Загоровскій, — «всему злу начальникъ», Лазарь Барановичъ пишетъ къ послѣднему утѣши-

пожалованное государемъ Павлу Тетерѣ), въ которой подтверждался универсалъ Брюховецкаго. Въ универсалѣ гетмана говорилось, что это мѣстечко дано монастырю во вниманіе къ его бѣдности (Акт. Южн. и Зап. Росс., т. 6, № 26); но въ послѣдствіи казаки Брюховецкаго раззорили эту печерскую маетность.—12 марта 1664 года преемникъ Виктора Загоровскаго игумень Лубенскаго Мгарскаго монастыря получилъ отъ Брюховецкаго охранительную грамоту для имѣній своего монастыря; черезъ четыре мѣсяца послѣ этого Мгарскій монастырь получалъ такую же грамоту и отъ Юрія Хмельницкаго (Акт. Зап. Росс., т. 5, №№ 65 и 66).

⁵⁹⁾ Письма Лазаря Барановича, №№ 8 и 9; Арх. Мин. Юст. Дѣла Малор., столб., № 5869; Акт. Южн. и Зап. Росс., т. 5, №№ 86 и 102.

тельное посланіе (отъ 26 сентября 1663 года). Въ посланіи, послѣ развитія мысли, что слѣдуетъ съ радостію переносить несчастія ниспосылаемыя Господомъ, въ заключеніе говорится: «имѣю надежду, что получишь милость у престола его царскаго величества; престоль бо его, яко солнце иже подражаяй престолу Царя небеснаго, сіяетъ на злыя и благія, и милости хощетъ, а не жертвы.» Но Викторъ Загоровскій не былъ помилованъ въ Москвѣ; его сослали въ Соловки. Тогда же съ Пансіемъ Лигаридомъ Лазарь Барановичъ велъ переписку (извѣстно письмо Лазаря Барановича отъ 14 августа 1664 года) между прочимъ и о томъ, можно ли въ одну литургію посвящать нѣсколько священниковъ и дьяконовъ. Черниговскаго епископа уже и въ то время упрекали, что онъ при посвященіи священнослужителей нарушаетъ принятый обычай; въ этомъ отношеніи Лазарь Барановичъ оправдываетъ себя такимъ образомъ: «если бы по произволу совершалось посвященіе многихъ, вопреки восточному обыкновенію, то было бы это тяжкимъ грѣхомъ. Но больной иногда сомнѣвается, въ состояніи ли онъ будетъ рукоположить въ слѣдующую литургію, и рукополагаетъ многихъ въ первую литургію. Нужда нарушаетъ законъ. Когда я былъ здоровъ, то соблюдалъ восточный обрядъ, — посвящалъ въ литургію одного діакона и одного пресвитера, но когда усилилась болѣзнь, то поневолѣ перемѣнилъ образъ дѣйствій.»

Въ концѣ 1663 года былъ назначенъ въ Новгородъ-Сѣверскій новый воевода Ив. Фод. Перхуровъ; въ наказѣ ему читаемъ: «да ему Ивану спроситъ Лазаря епископа, который нынѣ живетъ въ томъ городкѣ, гдѣ онъ похочетъ быть (тогда ожидали прихода въ Сѣверцину короля польскаго) въ черкасскихъ или украинскихъ (великороссійскихъ) городахъ. И въ которомъ городѣ онъ похочетъ быть и его въ тотъ городъ отпустить и дать ему подводы и провожатыхъ сколько человекъ пригоже. А буде похочетъ ѣхать въ Трубчевскъ и его отпустить тотчасъ, а сказать ему: въ Трубчевскѣ, покаместъ онъ побудетъ, велѣно ему давать государево жалованье и кормъ.

А только похочеть въ Новгородѣ-Сѣверскомъ жить и ему дать на волю.» Лазарь Барановичъ остался въ своей епархіи и когда поѣздки приходили въ Сѣверщину, то онъ принималъ участіе въ тогдашнихъ дѣлахъ и оказалъ нѣкоторые услуги правительству. По окончаніи непріятельскаго нашествія Лазарь Барановичъ отправилъ въ Москву своего намѣстника Іеремію Ширкѣвича съ посланіемъ къ государю (отъ 26 апрѣля, по дано въ Москвѣ 15 мая 1664 года): «великому государю яко богатому въ милости, мои недостойныя архіерейскія молитвы, низко челомъ бьючи, вашему царскому величеству препосылаю. Грѣхъ ради нашихъ праведный гнѣвъ Божій постижѣ на насъ, наказуя наказа насъ Господь, яко всѣхъ въ градѣ Новгородѣ-Сѣверскомъ, наиначе же въ монастырѣ всемилостиваго Спаса, идѣже домъ молитвы аки вертепъ разбойниковъ сотворенъ, позженъ огнемъ и раскопанъ. Придоша языцы въ достояніе Божіе, оскверниша церковь святую Его, положиша трупіе рабъ Его, работниковъ монастырскихъ, брашно птицамъ небеснымъ. И аще бы не прекратилися дни тые, не бы убо спаслася всяка плоть; но избраннаго ради Божія, пресвѣтлаго вашего царскаго величества находящейся силѣ крѣпкія руки твоего воинства, прекратишася дни тые, пекуща о насъ, и данному отъ вашего царскаго величества тщательному воеводѣ нашему Іоанну Ѳедоровичу Перхурову и тцаніемъ недостойнства нашего.» О настоящихъ заслугахъ Лазаря Барановича писали тогда же въ Москву какъ Перхуровъ, такъ и бояринъ Петръ Вас. Шереметевъ: «въ приходъ польскаго короля новгородскаго епископа Лазаря Барановича къ тебѣ великому государю было радѣнье большое; про всякихъ воинскихъ людей вѣдать давалъ; въ осадѣ сидѣлъ, новгородскихъ жителей утверждалъ и къ вѣрѣ приводилъ, чтобы они города королю не сдавали.» При этомъ свидѣтельствовалось, что «Спасскій монастырь раззоренъ, вызженъ и старая каменная церковь разбита во многихъ мѣстахъ, а монастырскія деревни вызжены.» Вмѣстѣ съ этими рекомендаціями воеводѣ Іеремію Ширкѣвичъ подалъ челобитную своего епископа: «чтобы ве-

ликій государь пожаловалъ на монастырское строеніе 800 рублевъ, что епископъ подрядилъ дать отъ письма мѣстныхъ иконъ; 400 стопъ бумаги, что онъ завель печатать поученія повся воскресенія и господскіе праздники; да книгъ: Евангеліе на-престольное, Евангеліе толковое, уставъ, правило св. отецъ, 12 Миней мѣсячныхъ, Библию, Ефрема Сприна, Лѣствечникъ, ризы со всею службою, сосуды церковные, бѣлаго желѣза.» По челобитной состоялся государевъ указъ (6 іюня): дать «сосуды и кадило серебряные, какъ въ иныя мѣста давано; 400 стопъ бумаги; ризы, подризники и стихарь отласные со всею службою, оплечье бархатъ золотной.» Другія просьбы Лазаря Барановича, кромѣ пересчитанныхъ въ этомъ указѣ, были, кажется, въ извѣстной мѣрѣ тоже исполнены. Въ декабрѣ мѣсяцѣ того же 1664 года Лазарь Барановичъ снова прислалъ посланіе къ государю съ благодарностію за пожалованіе; «егда волеви отъ востока придоша во Іерусалимъ глаголюще: гдѣ есть рожденъ царь іудейскій, видѣхомъ бо звѣзду на востокѣ и придохомъ поклонитися ему; тогда и азъ смиренный съ благодарнымъ поклоненіемъ моимъ прихожу чрезъ посланныхъ, видѣше бо отъ всецѣдрая десницы вашего царскаго величества звѣзду. Яко бо иногда Іоаннъ святой видя Царя небснаго держаща въ руцѣ своей десной звѣзды, сице и азъ видѣхъ царя земнаго ваше царское пресвѣтлое величество держаща въ руцѣ своей десной пресвѣтлыхъ щедротъ звѣзды, ими же обитель Всемилоствиваго Спаса новгородскаго аки небо украси.» Въ заключеніе этого посланія говорится: «молю Господа, да подасть ми силу прійти и поклонитися престолу вашего царскаго величества со книгою поученій церковныхъ, отъ труда моего немощнаго, подѣ пресвѣтлымъ титуломъ вашего царскаго величества типомъ изданнуну, на ню же еще ми довлѣтъ бумаги.»

Прежде чѣмъ приводитъ извѣстія объ отношеніяхъ, въ которыхъ находился черниговскій епископъ къ Брюховелкому, укажемъ сначала на одну сторону дѣятельности Лазаря Барановича—на его заботы объ увеличеніи матеріальныхъ средствъ

и приведеніи въ порядокъ дѣлъ своей катедрѣ⁶⁰⁾. Тотчасъ по возвращеніи изъ Яссы, послѣ поставленія во епископа, Лазарь Барановичъ получилъ отъ митрополита Сильвестра Коссова грамоту, подтверждающую его на черниговской епископіи (эта грамота помѣчена 12 апрѣля 1657 года, то есть наканунѣ кончины Сильвестра Коссова). Затѣмъ, сдѣлавшись блюстителемъ митрополіи, Лазарь Барановичъ получилъ отъ Богдана Хмельницкаго такой универсалъ (помѣченъ 27 мая 1657 года): «маетности и села, издавна до черниговской епископіи належачіе, гдѣ какія обрѣтаются, должны находиться во владѣніи епископа Лазаря; людямъ же въ тѣхъ селахъ живущимъ, во всякихъ податяхъ обыкновенныхъ, противными не быть.» 27 іюля того же 1657 года скончался Богданъ Хмельницкій и его преемникъ Иванъ Выговскій, тотчасъ по избраніи въ гетманы, желая ли пріобрѣсть въ черниговскомъ епископѣ себѣ союзника или по другимъ причинамъ, назначивъ Лазаря Барановича вторично блюстителемъ митрополіи, выдалъ ему, 29 августа 1657 года, слѣдующую жалованную грамоту: «видячи великую ревность къ хвалѣ Божіей и вѣрѣ православной наипревелебнѣйшаго отца Лазаря Барановича епископа черниговскаго подали мы ему монастырь новгородскій со всѣми маетностями, какъ до монастыря належачими, такъ и тѣми, которыя послѣ іезуитовъ и доменекановъ позоставали.» За этимъ пожалованіемъ отъ гетмана послѣдовало вышеупомянутое пожалованіе Лазарю Барановичу отъ митрополита Діонисія Балабана нѣсколькихъ протопопій, прежде находившихся въ вѣдѣніи кievской митрополичьей катедрѣ. Во времена гетманства Юрія Хмельницкаго Лазарь Барановичъ получилъ только общія подтвержденія владѣній черниговской епископіи отъ гетмана 24 января 1660 года, а отъ государя 28 февраля. На основаніи всѣхъ этихъ общихъ по содержанію жалованныхъ грамотъ, по отношенію къ имущественнымъ владѣніямъ, Лазарю Барановичу необхо-

⁶⁰⁾ Черниг. Губерн. Вѣдом. за 1854 годъ, № 1; Описаніе Новгородъ-Сѣверскаго Спасо-Преображенскаго монастыря, приложение, №№ 2, 3 и 4; Акт. Ист., т. 4, № 144.

димо было вести рядъ процессовъ, для того чтобы доказать, что та или другая маенность когда-либо принадлежала черниговской православной каведрѣ или іезуитамъ и доминиканцамъ. Это доказывать было нужно потому, что во времена польскаго господства большую часть имущества православной церкви захватили шляхтичи, ксендзы и униаты, а по сверженіи польскаго ига всѣ шляхетскія, униатскія, іезуитскія и тому подобныя имущества перешли въ руки казаковъ. Намеки на процессы Лазаря Барановича о земельныхъ имуществахъ съ казаками и мѣщанами часто встрѣчаются въ источникахъ.

Когда наступило время гетманства Брюховецкаго, то мы не встрѣчаемъ подтвержденій со стороны гетмана прежнихъ владѣній черниговской епископій; мало того, оказывается, что Брюховецкій въ своей враждѣ къ духовенству не сдѣлалъ исключенія и для Лазаря Барановича. Должно быть въ 1664 году, Лазарь Барановичъ писалъ къ Іереміи Ширкѣвичу ⁶¹⁾: «не надѣялись мы скоро на васъ жалобы. Съ удивленіемъ ишетъ къ намъ его милость панъ гетманъ, что вы на Высоцкихъ крестьянъ валожили высокую подать и иго неудобноносимое, котораго, какъ они говорятъ, и отцы ихъ не носили. Свой они крестьяне, не на одинъ разъ они и нужны; вы владѣлецъ, а не воинъ, — правда и воинъ, но Христовъ, долженствующій слѣдовать примѣру Христову и брать не полтинами, а лептами. Овецъ такъ должно стричь, чтобы не затронуть за живое, и чтобы шерсть опять росла. Что слѣдуетъ, какъ говорить и панъ гетманъ, то надобно взять, а больше не извольте, потому что несосно. Но гораздо было бы лучше, когда бы вы сами, безъ наставленія его милости, пана гетмана, такъ разсудили. Къ стыду нашему это относится, къ сраму вашему, говорю вамъ по апостолу; неужели нѣтъ между вами ни одного умнаго, который бы могъ разсудить? Думаю впрочемъ, что вы съ лучшимъ разсужденіемъ будете уже распорядяться крестьянами.» Не знаемъ, слѣдуетъ ли считать это

⁶¹⁾ Письма Лазаря Барановича, №№ 11 и 14.

письмо выговоромъ Іереміи Ширкѣвичу за дурное управленіе маестностями, но только вскорѣ послѣ этого Лазарь Барановичъ уже писалъ къ самому гетману слѣдующее: «Христось Учитель нашъ, истинный Богъ, троякій намъ образъ даде: просите, ищите, толците. Его же послушая смиренне прошу благодарность твою: будь милостивъ и оскорбленнаго меня утѣши. Оскорбленъ есмь не точію заѣханными тремя маестностями монастыря раззореннаго, котораго церковь покрываю, о трапезѣ замышляю и о оградѣ монастырской; але и взятыми озерами Спаскими и перевозомъ тужъ надъ монастыремъ; а млынкомъ на Свѣржи, — зѣло оскорбленъ есмь, яко паче надежи моей, юже имѣхъ на милость твою, его же всегдашнимъ богомольцемъ застаю. Богата десница Господня, кромѣ сихъ убогихъ маестностей, съ которыхъ намъ скорбь и отъ людей срамота; же мнѣ вымолвляють: «его милость панъ гетманъ на вашу милость чемусь не ласковъ, маестности отнялъ, озера, перевозокъ и млынокъ казалъ позаѣжати, а прошлые гетманы тое надали. Я ся такъ окладаю, же то въ невѣдомости его царскаго величества милости его надалъ, до времени казалъ заѣхать и всемилостиваго Снаса частыми яхмужными обсылаеть.»

Находясь въ Москвѣ по поводу суда надъ патріархомъ Никономъ Лазарь Барановичъ выхлопоталъ себѣ у государя жалованную грамоту (помѣчена 13 сентября 1667 года) такого содержанія: «пожаловали мы богомольца нашего Лазаря архіепископа черниговскаго и новгородскаго, что билъ челомъ: по нашей-де государевой милости владѣть онъ черниговской епископіи въ соборной церкви Бориса и Глѣба и къ новгородской архимандріи Спаскаго монастыря и съ Троицкимъ пустынь монастыремъ и съ маестностями, которые были за ксевды и іезуиты и домнеканами и шляхетскими. И по его-де челобитію дана ему наша великаго государя грамота (то есть грамота 1662 года), а по ложному-де свосму челобитію владѣть нѣжинскій войтъ и мѣщане селомъ Плоскимъ, да деревнею Кукшиномъ. А тѣ-де всѣ маестности, которыми прежде владѣли домнеканы въ книгѣ воеводства черниговскаго 1635—7

годовъ по привиліямъ королевскимъ за домениканами описаны имянно. И намъ бы великому государю пожаловать его архіепископа, велѣть изъ книгъ воеводства черниговскаго и изъ королевскихъ листовъ, дачу домениканскую, и изъ гетманскихъ данныхъ выписать и намъ великому государю указъ учинить. И въ выписи изъ книгъ воеводства черниговскаго, какову прислалъ въ приказъ Малыя Россіи Лазарь архіепископъ, 1636 года, написано, что село Плоское и Кукшинъ въ воедствѣ черниговскомъ будучіе черниговскаго Борисо-Глѣбскаго монастыря за игуменами доменеканскими съ братією.» Затѣмъ, послѣ приведенія содержанія гетманскихъ и государевой грамотъ, утверждающихъ за черниговской епископіей указанныя маестности и вообще перечета имущества соборныхъ и монастырскихъ, слѣдуетъ въ настоящей государевой грамотѣ новое утвержденіе владѣнія всего этого за архіепископомъ Лазаремъ Барановичемъ. Замѣчательно, что въ этой подробной государевой грамотѣ, въ которой пересчитываются всѣ документы, послужившіе основаніемъ для просьбы Лазаря Барановича, не упомянутъ только одинъ—именно грамота Діонисія Балабана на счетъ протопопій. Хотя эта послѣдняя и не относится непосредственно къ предмету жалованной грамоты на имущества, но во всякомъ случаѣ Лазарь Барановичъ, какъ видно, нашелъ теперь нужнымъ умолчать объ этомъ себѣ пожалованіи отъ завѣдомаго измѣнника. Вѣроятно, вслѣдствіе этой невозможности выпросить у правительства или церковнаго собора подтвержденія, въ какой-либо формѣ, подобнаго документа, въ послѣдствіи и случилось то, что когда въ Кіевѣ былъ возстановленъ совершенный митрополитъ, этотъ послѣдній началъ отбирать у черниговскаго архіепископа протопопіи, которыя считалъ принадлежащими своей кафедрѣ. Кромѣ сейчасъ сказанной жалованной грамоты на имущества приведемъ здѣсь содержаніе документа, относящагося къ предмету, о которомъ теперь говоримъ. Во время своего пребыванія въ Москвѣ Лазарь Барановичъ подавалъ государю челобитную ⁶²):

⁶² Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, Подлин. Малор. документи, св. № 2, тетр. № 154.

«царю государю богомолецъ твой Лазарь епископъ черниговскій и новгородскій. Отъ скудости воинскаго раззоренія для всякаго монастырскаго строенія и на провитаніе братія, новгородъ-сѣверскаго въ уѣздѣ подлѣ моей дереввишки Жихова, да на рѣчкѣ Олешанкѣ, въ моихъ лѣсишкахъ дѣлають у меня, богомольца твоего, въ тѣхъ лѣсишкахъ поташъ и смолчугъ. Во 173 году и во 174 (1665—1666) лѣтомъ сдѣлано поташу и тотъ поташъ проданъ иноземцамъ, торговымъ людямъ, и отвезенъ тотъ поташъ къ Вологдѣ. А съ тѣхъ, государь, моихъ лѣсишковъ, съ того поташу и смолчугу, въ твою великаго государя казну возмутъ съ промышленниковъ моихъ пошлинъ съ рубля по гривнѣ. А которые, государь, дѣлають поташъ и смолчугъ въ своихъ лѣсахъ и тѣ по твоей великаго государя милости пожалованы съ тѣхъ ихъ лѣсовъ, съ поташу и смолчугу, на тебя великаго государя осмыхъ и пятыхъ бочекъ не ѣмлютъ. Милосердый государь, пожалуй меня богомольца своего съ щедрой своей царской десницы, рости сію милость, дай мнѣ убогому богомольцу твоему къ строенію все-милостиваго Спаса, для ради воинскаго раззоренія, и противъ тѣхъ, которые въ своихъ лѣсахъ поташъ и смолчугъ дѣлають, не вели и съ моихъ лѣсишковъ поташу и смолчугу пятыхъ и осмыхъ бочекъ имать. Се де Исусъ, прямо сокровищному хранилищу зряще како народъ мѣщетъ мѣдъ въ сокровищное хранилище, узрять и сію милостыню отъ тебя великаго государя вверженную въ сокровищное хранилище раззоренной обители своей вои, на страшномъ своемъ судѣ воздасть тебѣ великому государю глаголя: прииди благословенный Отца Моего, наслѣдуй царствіе небесное, по долготѣвемъ царствіи земномъ; нагъ бѣ и одѣяль еси Мя. Царь государь, смилуйся пожалуй. Пресвѣтлаго вашего царскаго величества смиренный богомолецъ и нижайшій слуга Лазарь епископъ черниговскій и новгородскій, рукою властно.» Какой указъ состоялся на эту челобитную— не знаемъ.

Въ то время какъ Лазарь Барановичъ такъ устраивалъ свои дѣла въ Москвѣ, и Брюховецкій, конечно нуждаясь не

въ молитвахъ черниговскаго архієпископа, нашель нужнымъ отправить къ нему любезное посланіе ⁶³⁾. Въ немъ гетманъ обѣщаль не только не раззорять по прежнему церковныя имущества, но еще и увеличить ихъ новыми отъ себя пожалованіями. По возвращеніи изъ Москвы Лазарь Барановичъ написалъ такое письмо къ гетману: «на возвратномъ пути моемъ изъ царствующаго града, подаль мнѣ писаніе твоей милости Стефанъ Мокріевичъ писарь переяславскій; сіе было для меня знаменіемъ велией любви благородія твоего. По желанію твоему извѣщаю твоей милости о моемъ пребываніи въ Москвѣ. Великій государь утѣшилъ меня, вмѣсто тѣхъ деревень, которые благородіе твое держишь, даде три: Ивоть, Шатрицу и Чернецкую слободу и мелинокъ на Свѣржи Чулатовскій и перевозокъ подъ монастыремъ всемилостиваго Спаса. Какъ великій государь отъ своихъ деревень принесе Спасу всемилостивому жертву надеженъ есть, же отъ своихъ имѣній принесешъ по обѣщанію своему жертву на молитву.» Лазарь Барановичъ напрасно питаль такія надежды; вслѣдъ за первымъ посланіемъ къ гетману ему пришлось писать второе, но уже слѣдующаго содержанія: «не могли мы натѣшиться любви и ласки изъ листу твоего благородія, какъ вдругъ даютъ намъ знать, что пѣхотинцы на маетностяхъ монастырскихъ неизмѣримую чинятъ доuku. Нехотя вѣрить, чтобы то дѣялось по розсказанію твоей милости, такъ какъ обычай твоей милости охранять монастырское добро, а не раззорять, по этому посылаю до твоей милости прося, чтобы ты приказалъ пану полковнику, чтобы онъ такія насилія не чинилъ и выпроводилъ съ нашихъ маетностей тѣхъ пѣхотинцевъ. Еще будущему мнѣ на столицѣ дошло до меня писаніе твоей милости, что общаешься во всемъ быть милостивъ, что и по реляціи моего намѣстника я видѣлъ. Теперь же, за пріѣздомъ моимъ, по всѣмъ маетностямъ монастырскимъ стоятъ казаки, съ рыданіемъ мужиковъ нашихъ. Утѣши оскорбленнаго меня и на дальнѣйшую за тебя молитву охочаго сотвори.»

⁶³⁾ Письма Лазаря Барановича, №№ 35 и 36.

Послѣ вѣжинской рады ни въ Кіевѣ, ни въ Москвѣ покуда никто не заговаривалъ объ избраніи преемника Діонисію Балабану, и епископъ Меодій попрежнему правилъ митрополіей въ качествѣ блюстителя; но въ это время въ польской Малороссіи начали появляться лица, носившія титулъ кіевскихъ митрополитовъ,—Іосифъ Тукальскій и Антоній Винницкій. Хотя на лѣвой сторонѣ Днѣпра на этихъ митрополитовъ очень мало обращали вниманія и не признавали въ присвоеномъ ими санѣ, однакоже, Брюховецкій, спустя нѣкоторое время, воспользовался фактомъ появленія этихъ митрополитовъ для того, чтобы поднять вопросъ передъ правительствомъ о назначеніи совершеннаго митрополита въ самый Кіевъ.

Иванъ Мартыновичъ сдѣлавшись гетманомъ и мстя своимъ прежнимъ врагамъ, перессорился не только съ духовенствомъ, но и со всѣми въ Малороссіи, неисключая казаковъ. Причина ссоры гетмана, напимѣръ, съ мѣщанами была та, что онъ «былъ зѣло корыстенъ, отягощалъ ихъ поборами и до всякихъ взятокъ былъ лакомъ»; казаки и особенно старшина ненавидѣли Брюховецкаго за его безопаздную жестокость,—сейчасъ сдѣлаетъ безъ головы или отошлетъ на Москву. Находясь въ такихъ отношеніяхъ къ своимъ, гетманъ за то старался жить самымъ наилучшимъ образомъ съ чужими; такъ онъ всѣми зависящими отъ него средствами заявлялъ свою преданность интересамъ великаго государя,—въ Москвѣ Брюховецкій хотѣлъ отыскать опору своему шаткому положенію на родинѣ. Въ числѣ доказательствъ вѣрности государю гетманъ задумалъ привести въ исполненіе, никѣмъ изъ его предшественниковъ неисполненный государевъ указъ на четвертый пунктъ статей Богдана Хмельницкаго; этотъ указъ гласитъ: «по избранію гетману ѣздить къ великому государю къ Москвѣ и видѣть его государскія пресвѣтлыя очи; и великій государь пожалуетъ тогда гетмана по чину: булаву, знамя и на гетманство свою государеву жалованную грамоту дать ему велить». Брюховецкій заявилъ предъ правительствомъ, что намѣренъ пріѣхать въ Москву; сомнѣніе нѣкоторыхъ государственныхъ сановни-

ковъ въ томъ; что гетманъ не исполнитъ этого обѣщанія, глубоко его оскорбляло: я де не Выговскій и не Юраска Хмельницкій. Но стремленіе дѣйствовать въ интересахъ московскаго правительства не ограничилось желаніемъ исполнить одинъ изъ указовъ статей Богдана Хмельницкаго; Брюховецкій вспомнилъ и указы этихъ статей, касающіеся малороссійской церкви *):

Въ маѣ мѣсяцъ 1665 года пріѣхалъ въ Москву полковникъ Лазарь Горленко; въ информации его, представленной правительству читаемъ: «для присланія на митрополию кіевскую власти русской съ Москвы имѣетъ просити, чтобы чинъ духовный кіевскій къ лядкимъ митрополитамъ не шатался и чтобъ Малая Русь, услышавъ о присланіи русскаго на митрополию строителя, утверждалась и подъ высокою его царскаго пресвѣтлаго величества рукою укрѣплялась и духовный бы чинъ, оставивъ двоедушіе, изъ послушанія святѣйшихъ патріарховъ московскихъ не удалялся. Ибо для неимѣнія духовной власти съ Москвы русской въ воинствѣ и въ державѣ государственной шкода (вредъ) чинится и впредь будетъ, понеже и то не добръ, что за порукою архимандричью Шмотовичъ отъ думнаго дворянина (Чадаева) выпущенъ къ ляхамъ и съ уставщикомъ Печерскимъ ушелъ». Смыслъ этого предложенія гетмана правительству довольно ясенъ; замѣтимъ только, что въ статьяхъ Богдана Хмельницкаго, которыя при этомъ случаѣ обойти было нельзя, совсѣмъ не говорится о назначеніи въ Кіевъ митрополита непременно изъ Москвы; это послѣднее, какъ видимъ, Брюховецкій самъ придумалъ въ виду «двоедушія малороссійскаго духовнаго чина». Брюховецкій съ Горленкомъ еще просилъ: «чтобы попомъ, которые изъ малороссійскихъ городовъ безъ вѣдома гетманскаго и войсковаго къ Москвѣ ѣздятъ и выпрашиваютъ себѣ маестности, маестностей не да-

*) Акт. Южн. и Зап. Росс. т. 5, №№ 127 и 136. Бумаги о пріѣздѣ Брюховецкаго въ Москву: Арх. Мин. Юст., Дѣла Малор., столб. № 5873; Акт. Южн. и Зап. Росс. т. 6; С. Г. Г. и Д. т. 4, №№ 41, 43—48.

вать. Войско вельми рощетъ, что казаки головами своими съ неприятелиа быются и полагають, а они попы казакамъ въ помѣстьяхъ своихъ жити не допускають и онымъ налоги чинять». Изъ Москвы на приведенные сейчасъ пункты информации посланниковъ не послѣдовало, теперь никакого отвѣта.

Въ началѣ іюля мѣсяца 1665 года была получена въ Москвѣ гетманская грамота: «Посовѣтовавъ совѣсмъ Войскомъ Запорожскимъ въ полезную всему міруи къ Москвѣ дорогу, со старшиною и товариществомъ, со всякаго полку приданными и къ совѣту назначенными, къ вашему царскому величеству во имя Господне рабскими ногами идти надѣмся вскорь». Брюховецкій прибылъ въ Москву 11 сентября; въ числѣ 535 человекъ его содровождавшихъ встрѣчаемъ давно знакомаго намъ протопопа Григорія Бутовича. Этотъ послѣдній, кажется, являлся исключеніемъ изъ вліятельнаго малороссійскаго духовенства; онъ вмѣсто гоненія попалъ въ милость къ Брюховецкому, и въ заключеніе, перебравшись изъ Переяслава въ Гадичь, сдѣлался соборнымъ протопопомъ тогдашней гетманской резиденціи.

15 сентября, гетманъ Иванъ Мартыновичъ поднесъ подарокъ великому государю; однакоже, преемникъ Богдана Хмельницкаго билъ челомъ царю не крымскимъ Юртомъ, Варшавою или самимъ Цареградомъ, а заявлялъ слѣдующее: *«для шатости малороссійскихъ жителей чтобъ великій государь пожаловавъ, велѣлъ малороссійскіе города принять и съ нихъ денежныя и всякіе доходы собирать въ свою государеву казну и въ тѣ во всѣ города послать своихъ царскаго величества воеводъ и ратныхъ людей»*. И такъ гетманъ вмѣствъ съ представителями Войска Запорожскаго отрекомендовали предъ государемъ всѣхъ малороссіянъ измѣнниками! Въ числѣ этихъ измѣнниковъ конечно не послѣднее мѣсто должно было занимать и малороссійское духовенство. Въ отвѣтъ на гетманское челобитье государь указалъ ближнему боярину Петру Мих. Салтыкову (тогда завѣдывавшему малороссійскимъ приказомъ), думному дьяку Дем. Мин. Башмакову и дьяку Ив. Михайлову сказать

гетману, старшимъ и кавакамъ, чтобы о тѣхъ о всѣхъ дѣлахъ они написали статьи и подали бы имъ, Салтыкову съ товарищи. Когда требуемыя статьи были поданы, то въ четвертомъ ихъ пунктѣ находимъ повтореніе, почти слово въ слово, того о духовенствѣ, что незадолго передъ этимъ писалъ въ Москву Брюховецкій съ Горленкомъ: «о митрополитѣ на Кіевъ: чтобъ въ Кіевѣ на митрополию по указу государскому русскій святитель съ Москвы посланный былъ для того, чтобы духовный чинъ на митрополитовъ, подъ рукою королевскою будучихъ, оглядываясь въ шатости Войску Запорожскому вредителенъ не былъ. Понеже въ статьяхъ Переяславскихъ и Батуриныхъ такъ постановлено, чтобъ митрополиту кіевскому быть подъ послушаніемъ патріарха московскаго. А такъ гетманъ съ Войскомъ, *для лучшей всего народа крѣпости и утвержденія*, бьетъ челомъ о присланіи въ Кіевъ святителя русскаго».

Челобитья Брюховецкаго были довольно опасны и для самаго правительства, если бы оно вздумало ими прельститься; поэтому то въ Москвѣ нашли необходимымъ вступить за малороссійскія права. Такъ на пунктъ гетманскихъ статей, относящійся до правъ малороссійскихъ городовъ, было дано рѣшеніе: магдебургское право ни въ чемъ не должно быть нарушено, только старыя привиліи на него, написанныя отъ имени короля, пусть гетманъ отберетъ у мѣщанъ, «а великій государь указалъ на право магдебургское дать свои государевы жалованныя грамоты противъ тѣхъ привиліевъ». Что же касается пункта о кіевскомъ митрополитѣ, то въ указѣ на него читаемъ: «государь указалъ гетману сказать, что о томъ великій государь учнетъ описываться съ цареградскимъ патріархомъ; и буде цареградскій патріархъ къ нему великому государю учнетъ о томъ писать и благословеніе о митрополитѣ въ Кіевъ подасть, и о томъ великаго государя указъ будетъ въ то время».

Заботы представителей Войска Запорожскаго объ интересахъ правительства были конечно щедро награждены. Гетману было

сказано боярство, войсковая старшина сдѣлаши московскими дворянами и всѣ они получили къ вотчинѣ маестности въ Малороссіи, какія только желали. Въ числѣ награжденныхъ встрѣчаемъ каневского Успенскаго монастыря игумена, получившаго вотчину, а монастырь милостыню, и протопопа Григорія Бутовича—вотчину. Однимъ словомъ, теперь въ Москвѣ повторялась таже самая исторія, что была при заключеніи Выговскимъ гадячскаго договора. При этомъ Брюховецкій постарался, сколько было возможно, уничтожить и основную разницу между собою и Выговскимъ: послѣдній былъ по происхожденію шляхтичъ и эту приращенную свою связь съ Польшей онъ, еще задолго до Гадича, закрѣпилъ тѣмъ, что женился на знатной шляхтянкѣ; Брюховецкій, человекъ низкаго происхожденія, будучи холостъ, нашелъ теперь нужнымъ на старости лѣтъ вступить въ бракъ въ Москвѣ: онъ билъ челомъ государю, чтобы женили его на московской дѣвкѣ. Просьба была исполнена: перекрысть, бывший слуга Богдана Хмельницкаго, вступилъ въ родство съ потомками Рюрика; княжна Долгорукова должна была соединить свою судьбу съ человекомъ, котораго, по собственному его сознанию, всѣ ненавидѣли, сотни тысячъ людей желали зарѣзать, а вѣрныхъ ему было, да и то наемниковъ, человекъ со сто. Замѣчательно, что никакія награды и усиленіе власти не могли смягчить свирѣпаго характера Брюховецкаго. Такъ знаемъ, что бывшая въ Москвѣ старшина именемъ всего Войска Запорожскаго и малороссійскаго народа подала государю челобитную: «въ прошлыхъ годахъ посланы были къ Москвѣ малороссійскихъ городовъ полковники, асаулы, сотники и всякихъ чиновъ люди, которые были въ совѣтѣ съ гетманомъ Якимомъ Самкомъ, и сосланы они въ Тобольскъ. Великій государь пожаловалъ бы ихъ, помиловалъ, велѣлъ прислать къ Москвѣ и отдать имъ челобитчикамъ, чтобы тѣ помилованные служили ему великому государю вмѣстѣ съ ними попрежнему». Какъ поступить по этой челобитной, велѣно было спросить Брюховецкаго; бояринъ и гетманъ отвѣчалъ «что изъ ссылки имать ненадобно». Помилованіе не было дано.

Въ Малороссіи очень хорошо понимали, что значить умѣючи покредитоваться у московскаго правительства; такъ нѣжинскій протоиоузъ за то, что согласился поставиться въ бѣлорусскаго епископа у крутицкаго митрополита, получилъ возможность быть хозяиномъ всего у себя на родинѣ; по его слѣдамъ пошелъ и выведенный имъ въ гетманы Брюховецкій. Лучше чѣмъ кто либо сознавалъ это самъ Меөодій; и вотъ онъ теперь спѣшитъ сдѣлать попытку къ примиренію съ бывшимъ своимъ ученикомъ. Отъ 7 октября Меөодій пишетъ письмо въ Москву къ Брюховецкому: «мнѣ вельми пресвѣтлый, милостивый господине, гетмане, мнѣ въ Душѣ святомъ возлюбленный сыне. Добраго здоровья желаю и того, чтобы ты получилъ у великаго государя милость и совсѣмъ добрымъ и потѣшнымъ счастливо и здорово къ милому отечеству вскорѣ возвратился. Я какъ прежде писалъ къ великому государю бѣючи челомъ о скоромъ отпускѣ вашей милости и объ указѣ боярину П. В. Шереметеву, чтобы вскорѣ спѣшилъ къ Кіеву, такъ и нынѣ докучаю. А пылъ на Украинѣ, безъ бытія вашей милости, ничего добраго нѣтъ; всякъ въ свой носъ думаетъ. Больше недокучаю вашей милости писаніемъ; на се время молитвы мои и архіерейское благословеніе приносылаю (дапъ въ Нѣжинѣ)». Отъ 30 октября Меөодій писалъ къ войсковому подскарбію: «пишу сей листь своею рукою впрямъ слезами поливающе, понеже пріѣхалъ я въ Кіевъ на тяжкія и нестерпимыя бѣды; когда ото всюду о неприятеляхъ вѣсти попотѣшныя приходятъ. Да и въ Кіевѣ ничего добраго не дѣлается, ибо нынѣшній кіевскій воевода (Львовъ) человекъ ни къ чему непригодный, старый, больной и къ ратному дѣлу неспособный. Сохрани Боже, если бояринъ (Шереметевъ) съ ратными людьми не поспѣшитъ къ Кіеву или господишъ гетманъ замедлить въ Москвѣ. Бога ради умилосердися, пиши къ господину гетману, чтобы блѣлъ челомъ о скоромъ отпускѣ; понеже безъ головы составы всѣ мертвы». Отъ 7 ноября Меөодій писалъ опять къ Брюховецкому: «что писалъ я къ вашей милости, то и исполнилося; неприятели осиливаютъ. Для Бога докучай о

бояринъ П. В. Шереметевъ, чтобъ въ Кіевъ стѣшилъ; да и самому вашей милости пора бы возвратиться. Нынѣ время промыслять надъ непріятелями, когда они между собою въ несогласіи. У насъ нынѣ, безъ вашей милости, яко блудныя овцы, добраго ничего нѣтъ же, всякъ себѣ». И Лазарь Барановичъ нашель теперь необходимымъ забыть развореніе казаками монастырскихъ маестностей; онъ по поводу поѣздки Брюховецкаго въ Москву написалъ къ нему такое посланіе ⁴⁴⁾: «Сказавый пути своя Моисеови, сказалъ путь вашей милости къ помазаннику своему, его царскому величеству; яко Тови да пошлетъ вашей милости ангела Хранителя. Господь сохранивъ возхожденіе твое и изхожденіе. Глаголивый Азъ есмь путь, Самъ путемъ будетъ вашей милости. Узришь пресвѣтлое лицо его царскаго величества яко негдѣсь узрѣлъ патронъ твой Іоаннъ святой на Фаворѣ преобразившееся лице Господне. Сего отъ всемилостиваго Спаса усердно желаю, да подасть ти Господь по сердцу своему и весь совѣтъ твой исполнить».

Воротились въ Малороссію бояринъ и гетманъ и старшина дворяне; пріѣхалъ въ Кіевъ тамошній полковникъ Вас. Дворецкій и привезъ съ собою списокъ статей московскаго постановленія. Прочитали эти статьи церковныя власти, и пунктъ о митрополитѣ на Кіевъ привелъ ихъ въ ужасъ; пораженъ былъ вмѣстѣ съ другими и московскій ставленникъ епископъ Меѳодій. Для него, при переводѣ на общедоступный языкъ, въ этомъ пунктѣ можно было прочитать и то, что если малороссіянинъ и будетъ поставленъ во епископа или митрополита въ Москвѣ, то это послѣднее не есть еще ручательство его вѣрности государю; ясно было, кто здѣсь имѣлся въ виду. Меѳодій теперь созналъ, что сколько бы онъ ни смирялся передъ Брюховецкимъ, пощады отъ него нечего ждать. Наконецъ, въ Меѳодіѣ, кажется, заговорило чувство сожалѣнія объ

⁴⁴⁾ Письма Лазаря Барановича № 18.

окончательной погябели самостоятельности малороссійской церкви. Такъ или иначе, только блюститель митрополіи рѣшился теперь стать во главѣ движенія на защиту правъ кіевской митрополіи *).

Тотчасъ по прочтеніи московскихъ статей епископъ Меодій, Печерскій архимандритъ и игумены — Никольскій, Михайловскій и Кирилловскій отправили къ боярину и гетману такую просьбу: «такъ какъ по стародавнимъ обычаямъ и правамъ на кіевскую митрополію обирывали въ митрополиты съ вѣдома гетманскаго, то онъ бы бояринъ и гетманъ нынѣ отписалъ къ великому государю, чтобъ имъ обратъ въ Кіевъ митрополита межъ себя, малороссійскихъ городовъ, противъ прежнихъ обычаевъ и правъ». Просьба духовенства не только не была исполнена, но отвѣтъ Брюховецкаго на нее былъ еще такого содержанія: «вѣдомо всему міру христіанскому духовнаго и мірскаго чину людямъ, а такъ же и великому государю, что въ Малой Россіи въ Кіевѣ мѣсто митрополитское, а многіе лѣта пастыря не имѣемъ и пустуетъ за войнами, не могучи себѣ прибрать особливаго вашихъ милостей совѣту и лучшаго способу и за чьимъ повелѣніемъ до сихъ поръ то продлилось— невѣдаю; только отъ того всѣмъ намъ духовнаго и мірскаго чину общее неустройство. Недавно учинилось было, что въ Корсунѣ нѣкоторые духовные, кромѣ кіевскихъ, соборъ собравши обрали Тукальскаго себѣ митрополитомъ. А пристойно быть и лучше на кіевской митрополіи подъ православными монархами,—и то дѣло всему православному народу потребно,—а нежели тѣмъ духовнымъ, которые живутъ подъ властію короля польскаго. Нынѣ же вы умыслили взыскать, чтобы мѣсто митрополіи кіевской непустѣло и своего пастыря имѣло; тому я радуюсь и желаю, чтобъ то въ совершенство произошло. Невѣдаю только, есть ли на то воля его царскаго величества; потому что когда я былъ въ царствующемъ градѣ Москвѣ, то намъ припоминали гетмана Богдана Хмельницкаго статьи, а

*) Акт. Южн. и Зап. Росс. т. 6, №№ 31 и 30; т. 7, стр. 70.

тамъ положено, *чтобы въ малороссійскіе города, а именно въ Кіевъ отъ святѣйшаго патріарха московскаго митрополитъ былъ присланъ*. Здѣсь Брюховецкій безцеремонно дгаль: въ Москвѣ могли напоминать ему статьи Богдана Хмельницкаго; по только, что онъ въ письмѣ къ духовнымъ пишетъ, нельзя было говорить, потому что этого въ статьяхъ совсѣмъ не имѣется. Въ дѣйствительности же было все напротивъ: подобное предложеніе, чтобы въ Кіевъ былъ присланъ митрополитъ изъ Москвы, сдѣлалъ самъ Брюховецкій для исправленія статей Богдана Хмельницкаго, и сдѣлалъ онъ это предложеніе еще задолго до своего пріѣзда на столицу. Далѣе въ письмѣ боярина и гетмана читаемъ: «тогда и мы со всѣмъ товариществомъ, которые на Москвѣ были, по указу ея царскаго величества руки свои на томъ приложили, что онъ великій государь вышлетъ своихъ посланниковъ къ святѣйшимъ патріархамъ, прося на то благословенія». Однѣ въ Москвѣ было обратное тому, что говорить Брюховецкій: послѣднѣе было не войсковое прошеніе, какъ можно понять изъ словъ его письма, а царскій указъ. Письмо Брюховецкаго оканчивается такъ: «возвращенія тѣхъ посланниковъ намъ всѣмъ должно ожидать. Права же и вольности стародавныя, духовныхъ и мірскихъ людей, государскимъ милосердіемъ подтверждены и нарушены не будутъ. А что касается желанія вашего и я того, вамъ не отговариваю, только надо принимать во вниманіе, что выше сего писано». Здѣсь, между прочимъ, укажемъ на то, что прежде подъ письмами Брюховецкаго выставялись даты по счету отъ Рожд. Христ.; теперь же, по возвращеніи изъ Москвы встрѣчаемъ у него даты московскія, — отъ сотворенія міра; такъ приведенное письмо къ духовенству помѣчено 7174 года февраля 10 дня.

Такимъ отвѣтомъ Брюховецкій прежде всего спуталъ удучовныхъ пониманіе ими прямаго смысла пункта московскихъ статей о митрополитѣ, и сейчасъ увидимъ, чего стоило кievскимъ воеводамъ разяснить церковнымъ властямъ, что они ошибаются. Но если Брюховецкому на первый разъ удалось

еложить съ себя вину передъ духовенствомъ на правительство, за то оувъ не достигъ того, чего кажется желалъ: духовные не успокоились и рѣшили продолжать начатое дѣло, 22 февраля епископъ Меодій съ духовенствомъ явились къ боярину П. В. Шереметеву съ товарищи и имѣли съ нимъ такой разговоръ:

Духовные: «отпусти бояринъ изъ насъ, кого мы межъ себя оберемъ, въ челобитчикахъ къ великому государю: хотимъ посымать бить челомъ, чтобы великій государь насъ пожаловалъ, вольностей и правъ нашихъ не велѣлъ отнимать».

Воеводы: «великій государь вольностей и правъ у васъ властей отымать не изволитъ; да не только у васъ, но и у мѣщанъ, во всѣхъ малороссійскихъ городахъ, права и вольности государевыми жалованными грамотами утверждены и какъ было передъ симъ, такъ и впредь, нарушены не будутъ. Отъ кого вы узнали, что великій государь права и вольности ваши будто изволитъ отнять?»

Духовные: «носылали мы къ боярину и гетману, чтобъ отписалъ къ великому государю объ избраніи митрополита на Кіевъ, противъ стародавнихъ нашихъ обычаевъ; и оувъ намъ отвѣчалъ, что государь указалъ быть въ Кіевѣ митрополиту московскому, а не по нашему избранію. Мы находимся подъ благословіемъ цареградскаго патріарха, а не московскаго; и если быть у насъ митрополиту московскому, то тѣмъ права наши будутъ нарушены. Мнится намъ, что и тебѣ боярину есть о томъ указъ тайной, да и въ статьяхъ, что привезъ съ Москву Дворецкій, тоже написано».

Воеводы: «ко мнѣ боярину такого указа совсѣмъ не было; въ статьяхъ же сказано только, что великій государь изволитъ о томъ дѣлѣ писать къ цареградскому патріарху; да и гетманъ ко мнѣ о томъ ничего не писалъ. Вѣроятно какой-нибудь воръ вмѣщаетъ это, хотя васъ съ гетманомъ ссорить не дѣломъ. Тебѣ епископу да и вамъ всѣмъ духовнымъ извѣстно, что великій государь принялъ всѣхъ васъ съ Богданомъ Хмельницкимъ въ свое подданство ради Христіанскія правос-

лавныя вѣры, а не для какихъ нибудь прибытковъ. И нынѣ мы къ вамъ присланы на защиту и ни у кого правъ и вольностей не отнимали и не нарушали.»

Духовные начали говорить съ большою яростію: «если то случится, что быть въ Кіевѣ митрополиту московскому, а не по стародавнему по нашему избранію,—пусть великій государь велитъ всѣхъ насъ казнить, нежели намъ то поступить. Какъ только пріѣдетъ сюда митрополитъ московскій, то мы всѣ запремся въ монастыряхъ: развѣ за шею и за ноги насъ отъ туда выволокутъ, тогда и будетъ митрополитъ московскій въ Кіевѣ. Теперь въ Смоленскѣ Филаретъ архіепископъ: онъ всѣ права у духовенства отнялъ, всѣхъ называетъ ино-вѣрцами, а они православные христіане. Какъ будетъ въ Кіевѣ митрополитъ московскій и онъ малороссійскихъ жителей будетъ такъ же называть; отъ того расколъ и мятежъ будетъ не малый. Лучше намъ смерть принять нежели быть у насъ митрополиту московскому».

Воеводы: «говорите вы слова непристойные: какъ вамъ волѣ Божіей, государскому указу и благословію цареградскаго патріарха противиться? А ты епископъ самъ поставленъ въ московскомъ государствѣ митрополитомъ Птириномъ и тебѣ подъ благословіемъ московскаго патріарха быть мочно, только какъ о томъ къ великому государю отпишутъ вселенскіе патріархи».

Духовные: «чтобъ государь пожаловалъ, указалъ намъ обратъ митрополита межъ себя и быть подъ паствою цареградскаго патріарха».

Воеводы: «въ нынѣшнихъ статьяхъ дѣло о митрополитѣ государь положилъ на разсужденіе цареградскаго патріарха; и буде цареградскій патріархъ подастъ великому государю благословіе *на обраннаго вашего*, то великій государь изволитъ того обраннаго вамъ поставитъ въ митрополиты на Москвѣ, предъ своими государскими очами, всѣмъ властямъ».

Духовные: «великій государь отписалъ бы къ цареградскому патріарху, что *намъ быть подъ благословіемъ московскаго*

патріарха, митрополиту же кїевскому быть по избранію; а то наши стародавнїе права будутъ нарушены. Да нынѣ государь указалъ бы принять нашу челобитную въ Кїевъ и подѣ отпискою послать и челобитчиковъ отпустить къ Москвѣ».

Воеводы: «челобитную намъ принять непристойно, потому что то дѣло духовное, а челобитчиковъ отпустить къ Москвѣ мочно».

На другой день послѣ этого разговора епископъ Меөодій прислалъ воеводамъ вышеприведенный гетманскій листъ къ духовенству. Прочитавъ его, Шереметевъ съ товарищи повяли причину, почему духовные такъ горячились; воеводы замѣтили, что гетманъ толковалъ духовнымъ, будто въ статьяхъ государь написалъ о кїевскомъ митрополитѣ, а онъ гетманъ со старшиною только руки на томъ приложили и проч. Въ этотъ же день епископъ Меөодій и лично объяснялся съ воеводами, въ Софійскомъ соборѣ: «вы меня простите въ томъ, что я вамъ говорилъ вчера. Самъ я поставленъ московскимъ митрополитомъ и малороссійскіе духовные меня поносятъ; думаютъ, что я по совѣту съ гетманомъ то учинилъ, что имъ быть подѣ благословіемъ московскаго патріарха».

Статьи были растолкованы духовнымъ и они, какъ видно, отчасти успокоились; только одному изъ нихъ трудно было успокоиться—Меөодію. Съ глазу на глазъ онъ каялся предъ воеводами въ своей горячности, но когда опять заговаривали о московскомъ митрополитѣ на Кїевъ, то Меөодій не могъ удержаться. Въ послѣдствіи Иннокентій Гизель показывалъ, что на одномъ изъ банкетовъ у воеводъ Меөодій по этому поводу забылся до того, что въ ярости сталъ рвать на себѣ епископскую мантию, ругалъ безчестными словами московскихъ духовныхъ властей, отъ которыхъ поставленъ, и говорилъ, что если прїѣдетъ изъ Москвы митрополитъ на Кїевъ, то онъ намѣренъ замуровать въ Софійскомъ монастырѣ и битья. Отъ 26 февраля Шереметевъ доносилъ въ Москву: «вѣдомо мнѣ чинится, что нынѣ епископъ и архимандритъ Печерскій, кїевскихъ всѣхъ монастырей архимандриты и игумены съ приходскими

попы и съ мѣщаны въ большомъ совѣтѣ и соединеніи, а съ бояриномъ и гетманомъ, съ полковниками и казаками, совѣту у нихъ мало. А то отъ того, что бояринъ и гетманъ монастырскія, а также и мѣщанскія мельницы отнимаетъ; а съ тѣхъ городовъ, которыми онъ великому государю челомъ ударилъ, съ мѣщанъ хлѣбъ и стацен большіе грабежомъ и правожомъ беретъ. И бояринъ и воевода (то-есть, онъ самъ Шереметевъ) носылалъ къ боярину и гетману спросить: по его ли велѣнію со всѣхъ городовъ стацен вьмлютъ? И бояринъ и гетманъ отвѣчалъ, что то дѣлается безъ его вѣдома».

Въ мартѣ мѣсяцѣ кievское духовенство отпривило отъ себя посольствомъ къ государю кирилловскаго игумена Мелетія Дзика съ просьбою дозволить имъ избрать межъ себя митрополита. Объ этомъ посольствѣ духовенства намъ извѣстно очень мало. Вѣроятно узнавши о намѣреніи отпривить это посольство въ Москву Лазарь Барановичъ написалъ (отъ 19 февраля) письмо къ Иннокентію Гизелю такого содержанія ⁶⁶⁾: «Честный отецъ Викторъ Загоровскій, низложенный ли онъ или заключенный, проливающи слезы, яко молитву, пишетъ ко мнѣ, чтобъ я хлопоталъ объ немъ у васъ въ особенности; какъ бы ему отворить двери его заключенія. Благочестивое дѣло памятовать объ узникахъ, что и мы связаны съ ними. Благоволите ваша пречестность всѣми силами просить его милость отца епископа, чтобы онъ сжалился надъ соловецкимъ узникомъ. Извольте ваша пречестность прикрыть страждущаго и страдающаго брата нашего, отца Викторъ, сильнымъ вашимъ заступничествомъ у его милости отца епископа; а какъ лучше это сдѣлать, внушить вамъ природная ваша сострадательность къ людямъ обиженнымъ». Поручено ли было посланникамъ духовенства говорить въ Москвѣ о Викторѣ Загоровскомъ—не знаемъ; извѣстно только, что тогда онъ не былъ освобожденъ. По отношенію же къ Лазарю Барановичу слѣдуетъ замѣтить, что и въ настоящее время, несмотра на

⁶⁶⁾ Письмо Лазаря Барановича, № 20, 15 и 21. и

особенно усилившіяся раззоренія казаками церковныхъ имуществъ, онъ, какъ и всегда, не рѣшался подобно другимъ вступить въ явную ссору съ гетманомъ. Отъ этого времени намъ извѣстно нѣсколько писемъ Лазаря Барановича къ Брюховецкому; въ одномъ изъ нихъ читаемъ: «Пастырь добрый, душу свою положивый за овцы, намъ пастырямъ всякое попеченіе объ овцахъ велить имѣти. Съ повинности моей пастырской вельможность твою молю за войта новгородскаго и ивншихъ овецъ моихъ: прости имъ и долгъ отпусти, да и Отець небесный также по великой Своей милости вельможности твоей сотворить».

Просьба духовенства, о дозволеніи избрать межъ себя митрополита, какъ бы ни была скромно изложена, являлась своего рода жалобою правительству на гетмана ⁶⁷⁾. Но по возвращеніи Брюховецкаго изъ Москвы было не время на него жаловаться; теперь въ Малороссіи всё стало ему подсудно. Вѣроятно узнавши, что духовенство не отстаётъ отъ разъ принятаго рѣшенія и просить у Шереметева дозволенія отправить посольство къ государю, Брюховецкій нашелъ необходимымъ и отъ себя объясниться по такому дѣлу передъ правительствомъ и сдѣлать при этомъ нѣсколько доносовъ. Обо всемъ этомъ мы узнаемъ изъ дошедшихъ до насъ извлеченій изъ гетманскихъ отписокъ, полученныхъ въ Москвѣ 9—12 марта. Въ нихъ встрѣчаемъ первое: «Меөодій епископъ со всѣмъ кіевскимъ духовенствомъ писали ко мнѣ, чтобъ изъ нихъ былъ избранъ митрополитъ на кіевскую митрополію. Я имъ отвѣчалъ, что безъ воли государской учинить того не могу, да и не время тому быть»; второе: «онъ же епископъ, духовенство и полковникъ Вас. Дворецкій писали ко мнѣ, чтобы латинскія школы вновь завести въ Кіевъ;—я во всемъ этомъ полагаюсь на волю великаго государя»; третье: «объявляю, что епископъ оженилъ своего сына на Дубяговнѣ, у которой два брата у короля служатъ».

⁶⁷⁾ Акт. Южн. и Зап. Росс. т. 6, №№ 34, 37—41.

Отвѣтомъ на гетманскія заявленія были слѣдующіе государевы указы. О митрополитѣ: «гетмана за то похвалить и писать къ нему о митрополитѣ, какъ написано о томъ въ его челобитьи и статьяхъ». О школахъ: «гетману говорить, буде имъ противъ ихъ вольностей будетъ не въ оскорбленье и тѣхъ бы школъ не заводить; а буде имъ противъ ихъ вольностей то будетъ въ оскорбленье и великій государь пожаловалъ, велѣлъ имъ въ Кіевѣ школы заводить и людей въ нихъ учить кіевскихъ жителей, а изъ непріятельскихъ городовъ въ тѣ школы никого не пускать и не учить, чтобы отъ нихъ смуты и всякаго дурна не было. А о сей статьѣ справиться со статьями же». Извѣстно, что во всѣхъ прежде постановленныхъ статьяхъ не было никакого указа о школахъ; статьи же Юрія Хмельницкаго, представленныя боярамъ наканунѣ переяславской рады 1659 года, въ которыхъ прямо говорилось о школахъ, были тогда всецѣло отвергнуты. Наконецъ о женитьбѣ епископова сына былъ такой указъ: «гетмана за то похвалить (что объявляетъ), а того беречь, чтобы отъ того дурна не учинилось». Въ Москвѣ, для объявленія этихъ указовъ гетману, рѣшено было отправить посольствомъ въ Малороссію дьяка Евстрата Фролова; послѣднему, кромѣ того, было предписано говорить ссорющимся, чтобы они жили между собою мирно. Намъ уже извѣстно къ чему привели такія наставленія правительства малороссіянамъ передъ нѣжинской радой; того же, конечно, мы должны ожидать и въ настоящее время.

Изъ дошедшихъ до насъ бумагъ Фролова узнаемъ, что при свиданіи съ бояриномъ и гетманомъ (въ концѣ апрѣля мѣсяца), на объявленіе указа о женитьбѣ епископова сына, онъ слышалъ отъ Брюховецкаго такія слова: «я того оберегать буду; только того дѣла надобно больше беречь боярину П. В. Шереметеву съ товарищи, потому что ему смотрѣть ближе. Да хорошо бы было, еслибы 'его боярина тамъ въ Кіевѣ лукавыми словами не прельщали и со мною гетманомъ не ссорили». Къ этому Брюховецкій еще прибавилъ: «духовенству

бы не всякому была довѣренность; горазды они ссорить и возмущать отъ своей латинской науки, на кого нелюбе положить».

Въ Кіевъ Фроловъ пріѣхалъ около перваго мая. На вопросъ о латинскихъ школахъ Шереметевъ говорилъ: «эти школы заведены до нашего пріѣзду, при прежнихъ воеводахъ; учатся въ нихъ только кіевскіе жители. Уничтожить же тѣ старыя школы никоними мѣрами нельзя, потому что кіевскимъ жителямъ то будетъ въ великое оскорбленье». Когда Фроловъ объявилъ Шереметеву дѣло о женитьбѣ епископова сына и свой послѣдній разговоръ объ этомъ съ Брюховецкимъ, то воевода отвѣчалъ: «епископовъ сынъ живеть въ нѣжинскомъ уѣздѣ, для того что тамъ у нихъ есть маестности. Оберегать же отъ всякаго дурна буду, да извѣщу и нѣжинскаго воеводу, чтобы и онъ тайнымъ обычаемъ отъ того же оберегалъ. А что бояринъ и гетманъ говорить,—чтобы меня духовные лукавыми словами не прельщали и съ нимъ не ссорили,—то меня никто не прельщаетъ и ссорщиковъ никакихъ нѣтъ. Государевы дѣла я дѣлаю по указу, какъ мнѣ отъ Господа Бога ума даровано, и къ государевымъ дѣламъ, oprичъ своихъ товарищей, никого не призываю». Затѣмъ Фроловъ сказалъ Шереметеву: «наказано тебѣ говорить, чтобы ты съ бояриномъ и гетманомъ жилъ въ совѣтѣ и о всякихъ дѣлахъ ссылался; также и съ епископомъ Меодіемъ жилъ бы въ совѣтѣ жъ и ласкосердство къ нему держалъ, да противъ гетманскихъ статей и письма за нимъ присматривалъ,—нѣтъ ли отъ него какого умыслу и плевелъ и впредь нечаять ли». На это Шереметевъ далъ такія объясненія: «съ бояриномъ и гетманомъ и съ епископомъ я живу въ совѣтѣ. Отъ епископа по се число никакого лихаго умыслу и плевелъ не видалъ, а если какія объявятся, о томъ накрѣпко смотрѣть буду. Дѣло въ томъ, что у боярина и гетмана съ епископомъ ссора великая и впредь межъ ими никакого совѣту нечаять. Вотъ напримѣръ, говорилъ я съ епископомъ, что нужно послать въ Запороги къ кошевому листъ, и епископъ

мнѣ на то отвѣчалъ: «то дѣло самое надобное; только въ листу бы написать, отъ чего у нихъ въ Запорогахъ шатость и не отъ бояръ ли, отъ кого?»; я на это епископу сказалъ, что такъ писать непристойно. Поэтому-то и думаю, что у епископа съ гетманомъ совѣту и вредъ не будетъ; я о гетманскихъ листахъ ко мнѣ епископу и объ епископскихъ словахъ гетману вѣдомости не даю, чтобы еще больше ссоры не было. Опасаюсь, чтобы къ епископу и къ духовенству мѣщане всѣхъ городовъ конечно не пристали, чтобы ото всей ихъ ссоры великаго государя дѣлу какой порухи не учинилось. Ссора здѣсь большая и ненависть духовенства къ боярину и гетману завелась отъ того, что статьи московскаго постановленія, — что быть въ Кіевѣ московскому митрополиту, — объявилъ духовнымъ Дворецкій. А бояринъ и гетманъ свѣдавъ, что Дворецкій согласенъ съ духовенствомъ, присылалъ за нимъ дважды, чтобы послать въ Запорожье уговаривать Запорожцевъ отъ шатости; а тамъ бы Дворецкаго навѣрно убили либо разстрѣляли. Теперь Дворецкій бьетъ челомъ, чтобы ему съ кіевскимъ полкомъ быть въ полку у меня боярина и воеводы; государь бы указалъ, — если бояринъ и гетманъ пришлетъ за Дворецкимъ, то мнѣ его выдавать ли?»

3 мая Фроловъ былъ на обѣдѣ въ Печерскомъ монастырѣ (память кончины преподобнаго Феодосія печерскаго); тутъ же были епископъ Меѳодій и полковникъ Дворецкій. Послѣ трапезы, вставъ, духовные пригласили Фролова въ архимандричьи кельи и здѣсь начали пить за здоровье бояръ и окольныхихъ. Среди полнаго повидимому благодушія Фроловъ предложеніемъ одного тоста, подалъ поводъ къ слѣдующему неприятному разговору:

Фроловъ: «пили мы за здоровье бояръ и окольныхихъ, будемъ же пить за здоровье боярина и гетмана Ивана Мартыновича. Онъ великому государю во всемъ вѣренъ; съ вами духовными во всякомъ совѣтѣ и любви пребываетъ и Войску Запорожскому и всему малороссійскому народу добронравіемъ своимъ и правымъ разсужденіемъ угодевъ».

Духовные: «за здоровье этого челоуѣка пить не станемъ; онъ намъ злодѣй, а не доброхоть: будучи на Москвѣ онъ билъ челоуѣ въ статьяхъ, чтобы въ Кіевѣ быть митрополиту московскому,—и то знатно, что насъ великому государю тѣмъ объявляетъ какъ бы невѣрными».

Тостъ не удался; епископъ и другіе духовные такъ и не пили за здоровье Брюховецкаго, «а которые и пили»,—замѣчаетъ Фроловъ, «и то несогласно, какъ бы только устыдась». Затѣмъ епископъ Меѳодій началъ говорить про боярина и гетмана вѣявъ слова безчестныя: «онъ намъ не надобенъ; онъ принялъ всю власть на себя и не только насъ объявляетъ царскому величеству невѣрными, но и старшину караетъ, въ колодки сажаетъ, къ Москвѣ отсылаетъ и новыхъ полковниковъ разсылаетъ по полкамъ безъ войсковаго приговора. Многіе старшины никакой вины не имѣютъ, а отъ него страдаютъ. А что онъ отсылаетъ къ Москвѣ, то здѣшнимъ людямъ смерть не такъ страшна, какъ московская отсылка. Думаю, что Заднѣпровскихъ городовъ многіе старшины обратились бы подъ государеву руку, да боятся отъ гетмана сгнбнуть». Иннокентій Гизель къ словамъ епископа прибавилъ отъ себя: «наши монастырскія маенности, что между Кіевомъ и Бѣлоуцерковью, его боярскіе и гетманскіе казаки приходи раззоряютъ и крестьянъ грабятъ. По нашему же письму онъ бояринъ и гетманъ того не сыскиваетъ и обороны не чинитъ; такое раззореніе ставится намъ нуще непріятельскаго».

4 мая епископъ Меѳодій пріѣзжалъ къ Шереметеву для разговора о томъ, какъ устроить подводную повинность въ Малороссіи. При этомъ случаѣ онъ между прочимъ говорилъ: «ты бы бояринъ въ Кіевѣ и во всякихъ городахъ велѣлъ крѣпить осады, для того что быть бѣдѣ великой, а наипаче въ Полтавѣ. Мнѣ то вѣдомо, потому что я посылалъ своего чернеца въ Полтаву и тотъ чернецъ былъ у боярина и гетмана».

Шереметевъ: «бояринъ и гетманъ и все Войско Запорожское великому государю вѣрны, бѣды быть не отъ чего».

Мееодій: «въ Запорогахъ и въ Полтавѣ шатость великая, потому что вся старшина и казаки гетмана не любятъ; все онъ сталъ дѣлать своею властью: старшину наказываетъ безъ вины и къ Москвѣ отсылаетъ; кто на кого донесетъ, безъ сыску караетъ. Запорожцы же и Полтавцы живутъ совѣтно, что мужъ съ женою».

Шереметевъ: «бояринъ и гетманъ все дѣлаетъ по казацкимъ правамъ; учиненъ онъ гетманомъ по указу великаго государя и по обранію всего Войска Запорожскаго. Если его переимѣнить, то выбрать развѣ такого, который всѣхъ васъ, женъ и дѣтей, въ Крымъ отдастъ. Что онъ кому за вины чинить, то чинить добро; а кого и къ Москвѣ пошлетъ, то у великаго государя на то милостивое разсмотрительство; за все это на гетмана наносить хулы не зачто».

Мееодій: «вся старшина говоритъ: пусть и онъ будетъ гетманомъ, да только бы нравы свои отставилъ; говорятъ, лучше смерть намъ принять чѣмъ къ Москвѣ быть послану».

При вышеизложенныхъ разговорахъ духовныхъ съ Фроловымъ полковникъ Дворецкій, какъ видно, молчалъ; но послѣ онъ говорилъ дьяку тайно: «Мееодій епископъ, все духовенство и я самъ боярину и гетману незлочинцы и непосагатели; мы только его отводимъ, чтобы до корыстей не была лакомъ и гордость отложилъ. Хочется намъ, чтобы онъ пріѣхалъ въ Кіевъ къ боярину П. В. Шереметеву: мы бы облича его въ неправдахъ, съ нимъ бы и помирились и были бы потомъ въ вѣчной дружбѣ. Епископъ Мееодій посылалъ въ Чигиринъ уговаривать; и чигиринцы хотятъ быть подъ рукою великаго государя, да и Дорошенко говорятъ, что и онъ тому радъ, но опасается гетмана: сдѣлаетъ его безъ головы или къ Москвѣ отошлетъ».

5 мая (имянины государевой сестры Ирины Михайловны) воеводы и Фроловъ были въ Софійскомъ соборѣ. Послѣ службы Дворецкій говорилъ воеводамъ: «бояринъ и гетманъ посладе въ кіевскую сторону 100 человекъ казаковъ и велѣлъ стацей собирать, а маестности Печереваго монастыря раззорять, купцовъ же, которые поѣдутъ въ Кіевъ, грабить».

Шереметевъ: «то дѣло нестаточное, чтобы боярину и гетману посылать казаковъ для стацен и грабежу».

Дворецкій: «о стацеяхъ и грабежѣ Печерскихъ маестностей я отъ людей слышалъ; а что купцовъ въ Кіевъ пропускать не вельно, то объ этомъ и тебѣ боярину и воеводу бояринъ и гетманъ прислалъ свой универсалъ».

Шереметевъ: «разузнать обо всемъ этомъ я пошлю своихъ людей».

Послѣ этого у Шереметева и Фролова былъ разговоръ съ Иннокентіемъ Гизелемъ; послѣдній, толкуя о различныхъ дѣлахъ, свелъ наконецъ и на свое: «для чего бояринъ и гетманъ билъ челомъ государю, чтобы въ Кіевѣ быть московскому митрополиту? Тѣмъ онъ насъ великому государю ставитъ невѣрными. Въ Кіевѣ искони московскаго митрополита не было, потому что кіевская митрополія находится подъ благословеніемъ константинопольскаго патріарха».

Шереметевъ: «вамъ за то на боярина и гетмана гнѣваться не за что. Хотя онъ о томъ великому государю и побилъ челомъ, сдумавъ самъ себѣ на Москвѣ, то чаялъ онъ, что до и вамъ будетъ угодно, вотому что по милости Божіей и за слезнымъ челобитьемъ всего народа Малая Россія присовокупилась къ Великой; государь же о вашемъ дѣлѣ увидитъ по своему государскому разсмотрѣнію, учнетъ описываться съ цареградскимъ патріархомъ».

Иннокентій Гизель: «у великаго государя на ту статью подлинно милостивое разсмотрѣніе». Затѣмъ Печерскій архимандритъ сообщилъ Шереметеву о смѣнахъ патріарховъ въ Константинополѣ и о томъ, котораго изъ нихъ они, кіевское духовенство, признають законнымъ.

Когда Фроловъ поѣхалъ обратно въ Москву, то съ нимъ были отправлены многіе бумаги изъ Малороссіи, въ томъ числѣ и грамоты отъ тамошнихъ духовныхъ. Въ грамотѣ Иннокентія Гизеля, послѣ благодарности за милостивое государево слово, сказанное Печерскому духовенству черезъ Фролова, встрѣчаемъ такіа слова: «многіе тутъ въ нынѣшнія вре-

мена стародавнымъ нашимъ правамъ и имѣніямъ церковнымъ насилія и досады отовсюду дѣлають. Просимъ ваше царское величество о пожалованіи и защищеніи насъ».

Въ то время какъ все сейчасъ описанное происходило въ Кіевѣ, тогда же въ Москвѣ давалось рѣшеніе на просьбу кіевскаго духовенства о дозволеніи избрать межъ себя митрополита; отвѣтъ правительства, кажется, былъ такого содержанія, что обо всемъ этомъ дѣлѣ будетъ послано отъ великаго государя къ константинопольскому патріарху. Кромѣ того было предписано епископу Меѳодію ѣхать въ Москву для исправленія всякихъ дѣлъ; онъ вызывался на столицу, между прочимъ, для участія въ судѣ надъ патріархомъ Никономъ и въ предстоящемъ соборѣ; для того же тогда былъ вызванъ въ Москву и Лазарь Барановичъ ⁶³). Изъ бумагъ принадлежащихъ Меѳодію отъ этого времени намъ извѣстна только одна его отписка (изъ Нѣжина, отъ 28 іюля, получена въ Москвѣ 7 августа) такого содержанія: «государю царю, богомолецъ твой Меѳодій епископъ мстиславскій и оршанскій блюститель митрополи кіевской Бога молятъ и смиренно до лица земли челомъ бьеть. Понеже милостію Божіей и твоимъ великаго государя счастьемъ, также твоего великаго государя боярина и воеводы П. В. Шереметева съ товарищи пилнымъ стараньемъ и промысломъ тые бунты, которыя ся были въ Переяславлѣ всчали, поуспокоились и татаровъ на семь боку Двѣпра не чутно. Про то я богомолецъ твой, исполняячи твой великаго государя указъ, съ великою охотою не въ мотчая съ Нѣжина ѣду къ Москвѣ твои великаго государя пресвѣтлыи очы видѣти». Что касается Лазаря Барановича, то онъ, кажется, дѣйствительно съ удовольствіемъ отправлялся въ дальній и для него еще невѣдомый путь; теперь и до черниговскаго епископа наконецъ дошла очередь покредитоваться въ Москвѣ. Въ письмѣ Лазаря Барановича къ Варлааму Ясин-

⁶³) Арх. Мин. Иностран. Дѣлъ, Подлин. Малор. документи св. № 2, тетр. № 61; письма Лазаря Барановича №№ 22 и 23.

скому (отъ 1 августа 1666 года) читаемъ: «отправляясь къ его величеству царю съ мечемъ духовнымъ, по долгу моему, я хотѣлъ бы оставить плодъ духовный—любовь, радость и миръ; отъ души желаю, дабы онъ великъ былъ въ братствѣ любящихъ законъ. Искаль я проповѣди о св. Алексіѣ чловѣкъ Божіемъ, но не нашель ее и въ переписанныхъ отцемъ Іосифомъ. Нужно было растить дерево снова; но что-то оно не спорится, знатк къ землѣ идетъ. Прошу вашу пречестность или мою пришлите (рукопись, находившуюся въ Кіевѣ для печатанія) или прикажите переписать съ вашего экземпляра. Безъ Алексія къ Алексію, чловѣкку Божію, не такъ-то ладно. Скорбь мѣры не знаетъ, а что сказано отъ скорби, то самъ онъ сознаетъ силу скорби и проститъ. Прошу васъ молиться, дабы я терпѣніемъ текъ на подлежащій мнѣ подвигъ, взирая на Того, Кто вмѣсто подлежащія радости, претерпѣлъ крестъ. Боже, буди нашъ помощникъ, въ бѣдствіяхъ скоро обрѣтаемый, и послѣ этихъ бѣдствій, скажи намъ: вниди въ радость Господа своего».

Г. Карповъ.

К Н И Г А

„БОГЪ ВЪ ПРИРОДѢ“

ПО КАМИЛЛУ ФЛАММАРІОНУ, ИЗДАННАЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ М. ЧИСТЯКОВА.

Въ послѣднее время на русскомъ языкѣ появилось много компиляцій и переводовъ изъ популярныхъ сочиненій иностранныхъ авторовъ по части естественныхъ наукъ. Изъ этихъ сочиненій не мало такихъ, которыя имѣютъ цѣлю опроверженіе матеріализма, напр. сочиненія Ульрица, Жана и другія. Къ числу такихъ сочиненій принадлежитъ и книга: *Богъ въ природѣ* по Камиллу Фламмаріону. При недостаткѣ въ нашей литературѣ самостоятельныхъ произведеній по части естественныхъ наукъ, появленіе такихъ переводовъ и компиляцій можетъ принести несомнѣнную пользу для знанія и вѣры, если они хорошо составлены и применены къ требованіямъ русской читающей публики. Къ сожалѣнію этимъ достоинствомъ отличаются только весьма немногія нереводимыя сочиненія. Наши переводчики и компиляторы по большей части слишкомъ легко относятся къ предпринимаемому ими дѣлу, бываютъ неосмотрительны въ выборѣ сочиненій для перевода, нескладно переводятъ и небрежно издають. Этотъ упрекъ въ полной мѣрѣ можно отнести и къ упомянутой книгѣ, изданной подъ редакціею г. М. Чистякова. Мы не имѣли подъ руками оригинальнаго сочиненія, и, судя по заглавію, готовы были приписать значительную долю составленія и переработки русскому издателю; но стоило прочесть только нѣсколько страницъ, чтобы вполнѣ разубѣдиться въ этомъ. Русскій издатель

не потрудился даже составить предисловіе къ своему переводу, а свойство перевода заставляетъ признать, что г. Чистяковъ голько и сдѣлалъ, что *дословно* перевелъ книгу Фламмаріона, не сдѣлавъ изъ нея никакого выбора, оставивъ безъ объясненія цѣлыя отдѣлы, непонятные и непригодные для русскихъ читателей, и,—въ добавокъ,—снабдивъ свой переводъ тяжелыми и нескладными оборотами и значительнымъ количествомъ грамматическихъ ошибокъ. Обратимся къ разбору самой книги.

Книга Фламмаріона, французскаго писателя, отличается всѣми извѣстными достоинствами и недостатками французской литературы вообще. Къ первымъ относятся живость изложенія, удачныя примѣненія, обиліе чувства и даже энтузіазмъ,—съ другой стороны замѣтенъ недостатокъ самостоятельности, полноты, логическаго порядка и опредѣленности. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи она много уступаетъ подобнымъ произведеніямъ нѣмецкой литературы, какъ напр. сочиненію Ульрици подъ заглавіемъ: *Богъ и природа*; нѣтъ той серьезности, той научности, которыя отличаютъ самыя популярныя произведенія нѣмецкихъ ученыхъ; напротивъ много непровѣренныхъ взглядовъ и скороспѣлыхъ заключеній.

Книгѣ предпослано введеніе французскаго автора. Въ немъ Фламмаріонъ высказываетъ свое мнѣніе о важномъ значеніи послѣднихъ выводовъ естественныхъ наукъ для философскаго и религіознаго убѣжденія, опредѣляетъ отношеніе къ нимъ мыслящихъ людей новѣйшаго времени и указываетъ на своевременность и нужду появленія своего сочиненія для опроверженія матеріалистическихъ теорій. Здѣсь же онъ намѣчаетъ и раздѣленіе своего сочиненія на *пять* частей.

Въ 1-й части онъ посредствомъ наблюденія теченія свѣтила небесныхъ и внимательнаго разсмотрѣнія неорганическаго состава земли намѣревается доказать, что *сила не есть принадлежность физической матеріи*, но напротивъ господствуетъ надъ нею, какъ правящая причина ея бытія.

Во 2-й посредствомъ изученія физиологіи органическихъ существъ онъ поставяетъ себѣ цѣлю показать, что жизнь — не случайное свойство частицъ, входящихъ въ составъ организма, но что она отдѣльная *сила*, которая управляетъ атомами, совершенно типу породъ.

Въ 3-й посредствомъ разсмотрѣнія отношенія между мозгомъ и мыслию надѣется показать, что въ человѣкѣ есть духовная сущность, различная отъ матеріи и химическаго сродства, — сущность простая и независимая.

Въ 4-й намѣревается показать, что природа создана по плану, что въ ней есть назначеніе общее и частное, есть система, основанная на разумномъ расчетѣ, и что вообще изъ разсматриванія природы видны конечныя причины, мудрость и предусмотрительность Ума, создавшаго вселенную.

Наконецъ предметомъ 5-й и послѣдней части поставляетъ показать главный выводъ—таинственное величіе верховнаго Существа и слѣдоту тѣхъ, которые нарочно закрываютъ глаза, чтобы не убѣдиться въ Его бытіи.

Въ концѣ введенія авторъ говоритъ нѣсколько словъ о своемъ направленіи, предоставляя читателю провѣрить его, что мы и сдѣлаемъ впоследствии.

Порядокъ, которому авторъ слѣдуетъ въ раскрытіи своихъ мыслей, слѣдующій: сначала онъ обыкновенно устанавливаетъ общія положенія и выводы относительно той или другой области естествознанія, и затѣмъ по частямъ опровергаетъ мнѣнія своихъ противниковъ.

Что касается *первой* стороны, т.-е. изложенія общихъ выводовъ науки, то авторъ не высказываетъ здѣсь ничего особенно новаго. Это—по большей части общеизвѣстные результаты современнаго естествознанія, и то представленные далеко не въ полномъ видѣ. Авторъ, какъ видно, не обладаетъ значительной эрудиціей; свѣдѣнія его въ области естествознанія не обширны, взгляды не довольно устойчивы, мнѣнія не довольно опредѣленны. Ему не вполнѣ извѣстна литература избраннаго предмета, особенно нѣмецкая и англійская. Онъ по большей части цитуетъ французскихъ ученыхъ и, если иногда ссылается на иностранныхъ авторовъ, то—главнымъ образомъ во французскомъ переводѣ. Въ введеніи онъ самъ признается, что въ своемъ сочиненіи много разъ пользовался трудами Ложеля (введ. стр. VIII). Видна зависимость автора даже отъ самыхъ некапитальныхъ сочиненій по части естествознанія, напр. отъ извѣстнаго сочиненія Жана о *мозгъ и мысли*, которое нашъ авторъ называетъ ученымъ сочиненіемъ (стр. 186). Область источниковъ для него такъ

скудна, что, не стоя, какъ увидимъ ниже, на точкѣ зрѣнія христіанскаго богословія, онъ приводитъ выдержки изъ поученій церковныхъ проповѣдниковъ (стр. 361 и 367). За отсутствіемъ полныхъ научныхъ свѣдѣній авторъ нерѣдко даетъ волю своей фантазіи, впадаетъ въ мечтательность, безъ нужды распространяется о личныхъ впечатлѣніяхъ и воспоминаніяхъ (стр. 50—51, 334—337, 343, 374—377).

Относительно *другой* стороны, т.-е. собственно полемиической, авторъ счастливѣе. Здѣсь по большей части удовлетворительно показаны недостаточность основаній матеріалистическихъ гипотезъ, противорѣчія ихъ самимъ себѣ, скороспѣлость заключеній и крайность выводовъ. Все это представлено наглядно, удачно оживлено ироніей и проникнуто живымъ чувствомъ. Видно, что авторъ владѣетъ полемическимъ талантомъ и умѣетъ указывать слабыя стороны своихъ противниковъ. Такъ за немногими исключеніями ведется аргументація на стр. 3—22, 31—38, 44—59, 79—109, 175—189, 190—213, 221—265. Впрочемъ полемика нашего автора не вездѣ одинаково удачна: относительно нѣкоторыхъ пунктовъ матеріалистическаго ученія онъ высказываетъ много несообразностей, обнаруживаетъ шаткость убѣжденій и дѣлаетъ большія уступки своимъ противникамъ. Такъ, оставивъ почти безъ опроверженія теорію самопроизвольнаго зарожденія, противъ которой въ послѣднее время учеными выставлено столько фактовъ, авторъ прямо сочувственно отзывается о другой, близкой къ первой, теоріи происхожденія видовъ и рѣшается поддерживать ее. «Мы вмѣстѣ съ Лийэлемъ, говоритъ онъ, считаемъ ее не только полезною, но, при нынѣшнемъ состояніи науки, даже неизбѣжною гипотезой; она въ послѣдствіи, вѣроятно должна будетъ во многихъ отношеніяхъ измѣниться, но никогда ея (?) нельзя будетъ вполне опровергнуть» (стр. 142—143). Замѣтимъ мимоходомъ, что нашъ авторъ воздаетъ теоріи Дарвина неподобающую ей честь неопровержимости: противъ нея извѣстны въ наукѣ весьма вѣскіе аргументы американскаго ученаго Агасиса. Но всего страннѣе и курьезнѣе то, что, въ своемъ преклоненіи предъ теоріей Дарвина, нашъ авторъ доводитъ ее до такихъ крайнихъ выводовъ въ духѣ матеріализма, до которыхъ въ началѣ не доходилъ самъ Дарвинъ ¹⁾. «Можетъ

¹⁾ Въ послѣднемъ своемъ сочиненіи Дарвинъ, какъ извѣстно, рѣшился на-

быть, говорить онъ, мы приходимъ отъ какой-нибудь изчезнувшей породы обезьянъ. Конечно, это оскорбляетъ чувство нашего достоинства; но почему же бы намъ составлять исключеніе изъ общаго закона? Многіе изъ насъ хотятъ лучше происходить отъ поврежденнаго Адама, нежели отъ усовершенствовавшейся обезьяны. Но природа не совѣтовалась съ нами (стр. 150)! И далѣе: «зоологическая гипотеза, по которой человѣкъ представляется потомкомъ какой-то человѣкообразной породы обезьянъ, непротивна ни нравственности, ни спиритуализму» (стр. 152). Позволяя себѣ такое смѣлое заключеніе, авторъ не замѣчаетъ, что онъ до очевидности противорѣчитъ самому себѣ: нѣсколькими страницами равнѣ въ книгѣ говорится мелькомъ о такомъ фактѣ, который именно и является сильнымъ аргументомъ противъ безобразно-неосновательной гипотезы о происхожденіи рода человѣческаго отъ животныхъ. На страницѣ 141 сказано: «фактъ очень замѣчательный — классификація, принятая Кювье для царства животныхъ, равно какъ и порядокъ, въ какомъ естественно стоятъ четыре класса позвоночныхъ, по ихъ взаимнымъ отношеніямъ и степени ихъ развитія, тотъ же самый, въ какомъ они хронологически слѣдуютъ другъ за другомъ. Среднее отношеніе объема головного мозга къ хребетному у рыбъ, какъ два къ одному. Онѣ появились первыя; за ними послѣдовали животныя, у которыхъ головной мозгъ относится къ хребетному, какъ два съ половиной къ одному; это — пресмыкающіяся; отношеніе головного мозга къ хребетному, какъ трехъ къ одному, это — птицы, среднее отношеніе головного мозга къ хребетному, какъ четырехъ къ одному, мы видимъ у млекопитающихъ; и, наконецъ, послѣднимъ, къ самымъ верхнимъ геологическимъ пластахъ, является существо, среднее отношеніе головного мозга котораго къ хребетному равняется двадцати тремъ къ одному. Это мозгъ человѣка, человѣка, который мыслить». Голово-хребетный мозгъ — замѣтимъ, — въ организмѣ животныхъ составляетъ самую существенную часть, и рѣзкій переходъ количественныхъ отношеній мозга указываетъ на громадную разницу,

конецъ высказать гипотезу о происхожденіи человѣка отъ обезьяны; въ первыхъ же своихъ трудахъ онъ вообще былъ очень остороженъ въ своихъ выводахъ.

указывающую не на родство человѣка съ прочими животными, а на необходимость совершенно выдѣлать въ классификаціи человѣка изъ царства животныхъ. Такъ авторъ поражаетъ себя собственнымъ оружіемъ—данными, приводимыми въ его книгѣ. Съ своей стороны въ опроверженіе нелѣпаго мнѣнія о происхожденіи человѣка отъ обезьяны (хотя оно голословно и догматически высказывается авторомъ) прибавимъ, что коренное различіе человѣка отъ обезьяны усматривается еще изъ прямого и стройнаго положенія тѣла перваго и изъ приспособленнаго къ нему устройства черепа, лба и позвоночнаго столба, изъ свободнаго положенія рукъ, характеристической особенности ногъ, ширины таза, полноты бедръ и главное — изъ двойственности мозга. Замѣчено, что когда у человѣка парализуется одна половина тѣла, одна половина лица,—то и въ мозгу бываетъ совершенный перерывъ: одна половина его поражается, а другая остается цѣлою и здоровою. Изъ этого слѣдуетъ, что у животныхъ мозгъ имѣетъ отношеніе къ цѣлому организму, а у человѣка напротивъ каждая половина мозга управляетъ соотвѣтствующею половиною тѣла,—слѣдуетъ, что у животныхъ мозгъ простой, а у человѣка двойственный. Никто, кромѣ развѣ людей предубѣжденныхъ, не станетъ отрицать, что всѣ эти различія, взятая вмѣстѣ, совершенно исключаютъ мысль о происхожденіи рода человѣческаго отъ животныхъ. Съ точки зрѣнія геологическихъ розысканій эта гипотеза также несостоятельна.

Заявляя, что гипотеза о происхожденіи человѣка отъ обезьяны «не противорѣчитъ ни нравственности, ни спиритуализму», авторъ думаетъ успокоить себя и своихъ читателей — указаніемъ на отличіе и превосходство человѣка предъ обезьяной въ духовной природѣ, языкѣ, смыслѣ, умѣ и говоритъ, что «для нашей души все равно, изъ чего бы ни развивалось наше тѣло» (стр. 152). Странное объясненіе! Наивная оговорка! Спрашивается: какъ рано человѣкъ получилъ это отличіе и превосходство предъ обезьяной? Естественнымъ путемъ онъ возвысился до своей духовности или сверхъестественнымъ? И далѣе: въ чемъ состоятъ эта духовность, этотъ умъ? Чѣмъ отличается умъ человѣка отъ ума животныхъ, который, какъ увидимъ ниже, авторъ также признаетъ и за ними? Съ другой стороны — какъ при своей гипотезѣ, авторъ объяснить исторію человѣчества, замѣчаемый въ

ней постоянный прогрессъ, появленіе религіозныхъ вѣрованій—самыхъ грубыхъ, философскихъ ученій — самыхъ несовершенныхъ? Мы не говоримъ уже объ исторіи христіанства: для человѣка-звѣря она совершенно немислима. На всѣ эти вопросы авторъ не даетъ никакого отвѣта. Онъ такъ не далеко видитъ и не глубоко мыслить, что высказывая слишкомъ смѣлую гипотезу, не предусмотрѣлъ этихъ вопросовъ! Впрочемъ и не удивительно, что поторопившись произвести человѣка отъ обезьяны, авторъ дѣлаетъ такіе же скачки, какіе свойственны какой-либо Гориллѣ или Шимпанзе...

Опровергая ученіе матеріалистовъ объ отсутствіи порядка и цѣлесообразности въ мірѣ и о случайномъ происхожденіи существъ, авторъ самъ высказываетъ не вполне правильныя понятія о конечныхъ причинахъ и о божественномъ Провидѣніи вообще. Онъ называетъ смѣшнымъ взглядъ тѣхъ, которые относятъ къ удобствамъ и пользѣ человѣка многія явленія міра и природы, находя, что онъ (т. е. этотъ взглядъ) не достоинъ идеи о Верховномъ существѣ (стр. 270—278). Но, кромѣ того, что осуждаемый взглядъ былъ высказываемъ многими знаменитыми мыслителями и проповѣдниками, онъ не содержитъ въ себѣ ничего несоотвѣтствующаго понятію о Богѣ. Въ томъ и состоитъ совершенство и величіе Творца, что, при твореніи огромныхъ міровъ назначая имъ цѣль, Онъ не оставилъ безъ вниманія нужды и потребностей обитателей малой планеты—земли. И для религіознаго сознанія и нравственности, что полезнѣе,—ограничиться ли въ признаніи Провидѣнія Божія одною землею, или приписать намѣреніямъ Божества болѣе широкое и возвышенное промышленіе о человѣкѣ, именно — промыслительное дѣйствіе всего міра на землю и человѣка? Цѣльность всего созданія, одинаковость законовъ, господствующихъ во всемъ мірѣ, происхожденіе всего видимаго отъ одного Виновника не противорѣчатъ осуждаемому взгляду, а подтверждаютъ его. Цѣль творенія потому и не ясна для автора (см. стр. 336), что онъ не ставитъ ея въ надлежащее отношеніе къ человѣку.

Умалая значеніе человѣка отрицаніемъ промыслительнаго дѣйствія на него всего творенія, авторъ несправедливъ въ отношеніи къ нему и съ другой стороны. Изъ опасенія, вѣроятно, погрѣшить противъ своей гипотезы о происхожденіи человѣка отъ

животныхъ, онъ такъ мало отличаетъ перваго отъ послѣднихъ, что приписываетъ имъ умъ (стр. 311—316). Къ сожалѣнію всѣ факты, приведенные имъ въ подтвержденіе своего мнѣнія, ни мало не доказываютъ его. Остается въ полной силѣ общее убѣжденіе, что, говоря о животныхъ, мы можемъ признать въ нихъ, кромѣ инстинкта, по большей мѣрѣ только слабые и неясные признаки памяти и разсудка; объ умѣ же въ томъ смыслѣ, какой обыкновенно соединяется съ нимъ, здѣсь не можетъ быть и рѣчи.

Въ предисловіи авторъ упрекаетъ современныхъ богослововъ за то, что они будто бы «совершенно чуждаются свѣдѣній, приобретенныхъ современными изслѣдованіями природы» (введ. стр. IV). Еслибы этотъ упрекъ и не лишенъ былъ правды, у современныхъ богослововъ и тогда осталась бы еще возможность законно объяснить свое мнимое отчужденіе отъ естественныхъ наукъ. Богословіе, какъ предметъ научный, имѣетъ, подобно геометрическимъ аксіомамъ, свои данныя, принятые изъ божественнаго Откровенія, и прямое назначеніе богословія — разсуждать въ предѣлахъ данной истины. Но дѣло въ томъ, что авторъ совершенно несправедливо обвиняетъ современныхъ богослововъ. Въ настоящее время всякій образованный богословъ считаетъ для себя непремѣннымъ долгомъ разъяснить выводы естествознанія съ точки зрѣнія Откровенія. И на богословскихъ лекціяхъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, и въ издаваемыхъ курсѣхъ богословія примиреніе Библии съ естествознаніемъ составляетъ одну изъ первыхъ и серьезныхъ задачъ. И справедливость заставляетъ признать, что труды современныхъ богослововъ нерѣдко достигали желанной цѣли. Многие, что считалось за аксіомы естествоиспытателями и выставлялось ими въ подрывъ сказаній Библии, непредубѣжденными богословами разъяснено въ пользу достовѣрности послѣднихъ, напр. вопросъ о дняхъ творенія, о древности рода человѣческаго, о происхожденіи людей отъ одной четы и проч. Воплотивъ полагаясь на безусловную истину Откровенія, богословіе не страшится самыхъ смѣлыхъ гипотезъ и самыхъ твердыхъ, повидимому, заключеній естествознанія. Здѣсь намъ невольно припоминаются слова знаменитаго математика Ампера о поразительномъ согласіи сказаній Моисея о началѣ міра съ современными научными взглядами. «Гипотеза Гершеля,

равно какъ и Лапласа, говорить онъ, удивительно какъ сходится съ повѣствованіемъ книги Бытія. Приходится заключить: или — что Моисей обладалъ познаніемъ природы столь же глубокимъ, какъ естествознаніе нашего вѣка, или же, что онъ былъ вдохновенъ свыше». Извѣстно также почтительное отношеніе къ сказаніямъ Библии Кепплера, Гершеля, Александра Гумбольдта и другихъ знаменитыхъ ученыхъ. Если и современные богословы, слѣдуя такимъ великимъ примѣрамъ людей другаго лагеря, не спѣшатъ съ полною довѣрчивостію принимать за аксіомы послѣдніе выводы естествознанія и считать ихъ враждебными Библии, то это приноситъ болѣе пользы, чѣмъ вреда, для дѣла, и во всякомъ случаѣ они не заслуживаютъ упрека за мнимое отчужденіе отъ естественныхъ наукъ.

Въ концѣ сочиненія авторъ представляетъ очеркъ народныхъ вѣрованій и философскихъ ученій о Богѣ, — очеркъ довольно жалкій. Кромѣ того, что въ сочиненіи онъ плохо вяжется съ предыдущимъ и является *ex abrupto*, какъ бы искусственно пришитымъ, онъ ясно показываетъ недостаточное знакомство автора съ исторіей философскихъ системъ. Виѣсто того, чтобы прослѣдить генетическое развитіе философскихъ ученій о Богѣ, показать ихъ взаимную связь и особенности, авторъ ограничивается тѣмъ, что упоминаетъ двухъ-трехъ философовъ съ краткими выдержками изъ ихъ сочиненій или съ голословными сужденіями объ ихъ религиозныхъ взглядахъ. Однимъ словомъ въ этомъ очеркѣ видно разглагольствіе дилеттанта, а не настоящаго ученаго. Гораздо лучше бы сдѣлалъ авторъ, еслибы вовсе не касался этого предмета.

Авторъ заканчиваетъ сочиненіе совершенно въ своемъ духѣ — указаніемъ на личныя впечатлѣнія отъ красотъ природы и соотвѣтственнымъ изліяніемъ чувствъ.

Какъ на болѣе мелкіе недостатки книги мы можемъ указать на встрѣчающіяся въ ней повторенія (стр. 130—160 и 291—309 стр.), противорѣчія (стр. 141 и 150), анахронизмы въ родѣ нѣсколько запоздалаго восхваленія геройской храбрости и неустранимости французовъ (стр. 265), на общіе громкихъ, тресвучихъ фразъ и ненужныхъ объясненій (см. введовіе и стр. 50, 334, 343, 374 и мн. др.).

Русскій переводъ дурно изданъ; допущено много грамматиче-

скихъ ошибокъ, напр. вмѣсто слова—истина—вездѣ напечатано *истинна*, вмѣсто богословіе — *богословія*, вмѣсто нигилистъ — *нигилизмъ* (введ. стр. I—IX и стр. 258, 273, 325—327, 356, 363) и т. под.

Послѣ указанія частныхъ недостатковъ книги намъ остается сказать нѣсколько словъ о направленіи автора и назначеніи книги. Что касается направленія автора, опредѣлить его довольно трудно. Авторъ держится крайне смутныхъ и неопредѣленныхъ убѣжденій. Вотъ какихъ сужденій ожидаетъ онъ самъ отъ читателей своей книги: «Одни могутъ сказать: это динамизмъ; другіе—это динамическій дуализмъ; третьи—это анимизмъ; четвертые—это органицизмъ. Остается теперь витализму сказать, что мы ему слѣдуемъ. Большою частію насъ обвиняютъ въ эклектизмѣ, пантеизмѣ, деизмѣ, матеріализмѣ и атеизмѣ» (стр. 360). Сколько *измовъ!* И дѣйствительно авторъ не безупреченъ во многихъ изъ нихъ. Впрочемъ, сколько можно судить по приводимымъ въ книгѣ взглядамъ, авторъ главнымъ образомъ принадлежитъ къ послѣдователямъ *деизма*. Онъ и самъ въ одномъ мѣстѣ высказываетъ, что болѣе расположенъ къ этому ученію (стр. 360—361). Деизмомъ, какъ извѣстно, называется такое направленіе, которое опираясь на такъ-называемое свободное изслѣдованіе, поставляетъ естественную религію нормою всѣмъ положительнымъ религіямъ, а потому — нормою и христіанства. Катихизисъ его совмѣщается въ трехъ истинахъ: *Богъ, нравственная жизнь и безсмертіе*. Это, по понятіямъ деизма,—существенное въ религіи, а все прочее въ положительныхъ религіяхъ имѣетъ значеніе лишь настолько, насколько оно поясняетъ эти истины. Христіанская религія для деизма имѣетъ такое же значеніе. Деизмъ довольствуется знаніемъ того, что знаетъ человѣкъ по естественной своей природѣ, т. е. знаніемъ Бога, нравственнаго закона и чувствомъ безсмертія. Чрезвычайное божественное Откровеніе въ дѣлѣ вѣры для него, какъ онъ говоритъ, не нужно. Такіе взгляды проводятся и въ книгѣ Фламмаріона. Вмѣсто того, чтобы пришить Откровеніе и естественное богословіе, онъ намѣренно разъединяетъ ихъ и поставляетъ между ними цѣлую пропасть. Онъ не считаетъ христіанства единственно истинною, окончательной религіею (ср. введ. стр. IV и стр. 360), а допускаетъ безусловный прогрессъ религіозныхъ вѣрованій, зависимость ихъ отъ чело-

вѣческихъ понятій и степени образованія, и единственный путь къ познанію Бога указываетъ въ изученіи природы (введ. стр. VI—VIII и стр. 7). Онъ нѣсколько разъ отождествляетъ христіанство съ различными религіозными сектами и философскими школами и поставляетъ въ общія съ ними условія (введ. стр. IV, VI и стр. 360); считаетъ христіанство отсталымъ, христіанскій взглядъ на міръ—средневѣковымъ предразсудкомъ (стр. 1), богослововъ—покоющимися въ вѣковыхъ креслахъ (стр. 333), — людьми неблагоразумными, фанатиками (стр. 352), даже -- болѣе нелѣпыми, чѣмъ материалисты (стр. 164); принимаетъ нравственность, независимую отъ христіанства (стр. 257, 359), смѣется надъ христіанскимъ ученіемъ о наслѣдственности прародительскаго грѣха (стр. 150), проповѣдуетъ теорію невмѣняемости чувственныхъ желаній (стр. 250), отвергаетъ отдѣльность существованія души и врожденность идей (стр. 164), и наконецъ провозглашаетъ, что «по великимъ изслѣдованіямъ современной науки составила болѣе возвышенная и до сихъ поръ въ умахъ людей не существовавшая(?) идея о Богѣ» (стр. 346). Намъ нѣтъ нужды оцѣнивать эту исповѣдь: она слишкомъ много говоритъ сама за себя... Но оскорбленіе религіознаго чувства еще не все, что вынесутъ русскіе читатели изъ книги Фламмаріона: они встрѣтятъ въ ней и оскорбленіе для своей народности. Авторъ съ полнымъ согласіемъ приводитъ мнѣніе Монтескьё о безчувственности *Московита*, съ котораго «надобно содрать кожу, чтобы пробудить въ немъ чувство» (стр. 264)!? И такіе-то взгляды русскій издатель оставилъ безъ всякаго объясненія.

Фламмаріонъ поставилъ себѣ цѣлю борьбу съ матеріализмомъ и вообще всякаго рода безвѣріемъ. И дѣйствительно книга его имѣетъ значеніе для того общества, гдѣ пошатнуты самыя общія религіозныя вѣрованія и гдѣ замѣтна склонность къ рѣшительному атеизму. Тамъ она можетъ нѣсколько прояснить сознаніе, пробуждать совѣсть и вѣру въ бытіе Верховнаго Существа. Авторъ и самъ, какъ видится, назначаетъ свое сочиненіе для такихъ читателей ²⁾. Но русскіе читатели не имѣютъ въ немъ нужды и не получаютъ отъ него пользы. И атеизмъ энциклопе-

²⁾ См. введ. и стр. 5.

дистовъ, и матеріализмъ германскихъ и французскихъ псевдофилософовъ имѣютъ свои историческіе корни на западѣ, но они совершенно чужды русской жизни, и если въ нашемъ обществѣ были когда-то божомысленные поклонники Волтера, и встрѣчаются теперь послѣдователи матеріализма, то историческою причиною этого явленія было развитіе нашей образованности подъ вліяніемъ западно-европейской цивилизаціи, которая, внося въ нашу жизнь добрые свои плоды, привносила съ собою и много гнили.

Матеріализмъ, оказавшись и на западѣ несостоятельнымъ, какъ философская система, закончилъ свое развитіе, и поддерживается тамъ не какъ научная система, а какъ дикое вѣрованіе, способное разнуздать страсти недовольныхъ политическихъ партій. Серьезное научное движеніе естествознанія за послѣдніе четыре года, движеніе, направленное къ строгому изученію явленій природы въ качественномъ и количественномъ отношеніи, и стремленіе освободиться въ наукѣ отъ всякихъ гипотезъ убили матеріализмъ собственнымъ его оружіемъ. Въ настоящее время только люди, не занимающіеся, какъ слѣдуетъ, естествознаніемъ, могутъ быть послѣдователями матеріализма, который основывалъ всю свою силу на самыхъ шаткихъ гипотезахъ и на *впрямыхъ* открытіяхъ, возможность которыхъ не только сомнительна въ будущемъ, но даже положительно отвергается наукой.

Быстрое развитіе естествознанія за послѣднее время, многія удачныя примѣненія его къ обыденной жизни, все это могло вскружить голову многимъ и сообщить притязательный характеръ (вообще не приличный строгому изыскателю истины) нѣкоторымъ предположеніямъ, которыхъ строгая наука въ настоящее время стыдится; а матеріализмъ на нихъ-то и основываетъ свою силу. Неумѣренное стремленіе къ обобщеніямъ сильно повредило самому поступательному движенію науки и вызвало противъ себя стойкую оппозицію въ новомъ поколѣніи ученыхъ. Исслѣдователь новаго времени относится недовѣрчиво къ силамъ человеческого разума и не заносясь вдаль, знаетъ, что самыя обыденныя открытія даются не легко.

Изъ сказаннаго видно, что для успѣшнаго противодѣйствія

матеріализму въ настоящее время потребно прежде всего серьезное образованіе, сочиненія же популярныя, въ родѣ книги Фламариона, способны скорѣе повредить дѣлу, поселивши въ слабыхъ головахъ болѣе высокое мнѣніе о предметѣ, который разбирается, чѣмъ онъ того заслуживаетъ.

Свѣд. А. Смирновъ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПО ВОПРОСУ ОБЪ УМЕНЬШЕНІИ ПРАЗДНИЧНЫХЪ ДНЕЙ ВЪ НАРОДѢ. *)

Но что желательно отъ нашего духовенства по отношенію къ наиболѣе правильному и достойному препровожденію среди нашего народа воскресныхъ и праздничныхъ дней? Обстоятельный отвѣтъ на этотъ сложный вопросъ вывелъ бы насъ далеко за предѣлы журнальной статьи. Этотъ вопросъ—преимущественно практической вопросъ. Здѣсь особенно важенъ разумный голосъ людей, стоящихъ близко къ народу и наиболѣе знакомыхъ съ практической, бытовой стороной его жизни: такіе люди преимущественно способны указать, что именно, помимо общихъ мѣръ, нужно предпринять, чтобы сдѣлать воскресные и праздничные дни для нашего народа днями назиданія, духовнаго возвышенія, поднятія умственного его уровня и тѣлеснаго укрѣпленія. Съ своей стороны, мы находимъ возможнымъ сдѣлать лишь *самыя общія* замѣчанія по рассматриваемому вопросу, такъ какъ, съ другой стороны, частнѣйшую регламентацію въ подобныхъ вещахъ, гдѣ важенъ личный опытъ и мѣстные условія, мы находимъ въ извѣстномъ отношеніи даже не особенно полезною....

Главное зло, характеризующее способъ препровожденія нашимъ крестьянствомъ праздничныхъ дней, заключается въ пьянствѣ, противъ котораго у насъ такъ много говорится въ послѣднее время и противъ котораго все больше и больше нужно ратовать истиннымъ друзьямъ нашего народа. Вопросъ о пьянствѣ, губящемъ русскій народъ нравственно, матеріально и физически, нужно считать вообще однимъ изъ важнѣйшихъ вопро-

*) См. апрѣльскую кн. *Прав. Об.* 1875 г.

совѣ. Говори это, мы, конечно, не думаемъ сказать, что какъ скоро уменьшится или даже уничтожится у насъ пьянство, то, единственно чрезъ это, церковь воскреснетъ, школа перестанетъ быть химерой, хлѣбные народные магазины наполнятся, недомимки уменьшатся, сельское хозяйство и промышленность улучшатся, всякое зло сократится, какъ иногда готовы думать нѣкоторые. Тѣмъ не менѣе именно въ пьянствѣ нельзя не видѣть одной изъ самыхъ коренныхъ причинъ самыхъ разнообразныхъ прискорбныхъ явленій въ жизни нашего народа. Пьянство — страшная эпидемія, убивающая, въ связи съ другими причинами, все доброе въ нашемъ народѣ и парализующая всѣ мѣры къ поднятію его благосостоянія. Но никогда въ нашемъ народѣ наклонность къ пьянству не прорывается такъ систематически и такъ сильно, какъ въ праздничные дни. Кому неизвѣстна пословица нашего народа: «кто празднику радъ, тотъ до свѣту пьять»? Отъ одной этой пословицы коробитъ всякаго морально здороваго человѣка. Праздники понимаетъ простой народъ, какъ такіе дни, когда нужно пить безъ зазрѣнія совѣсти, когда можно дать полный разгулъ грубой чувственности. Въ праздникъ встрѣтить трезваго въ иной деревнѣ было бы такой же рѣдкостью, какъ въ какой-нибудь глуши, населенной безграмотными, встрѣтить серьезно образованнаго человѣка. Наиболѣе любящіе выпить перестаютъ быть людьми и спускаются ниже животныхъ еще до обѣдни, такъ что въ иной сельской церкви, по словамъ очевидцевъ, въ большіе праздники, общіе и мѣстные, въ числѣ молящихся, наполняющихъ храмъ, можно встрѣтить, за ничтожными исключениями, только стариковъ, женщинъ и дѣтей. Такимъ образомъ для пьянствующихъ не существуетъ и церкви. Явленіе, съ которымъ мириться и противъ котораго не предпринимать какихъ-либо дѣйствительныхъ мѣръ было бы положительнымъ преступленіемъ! Но послѣ обѣдни пьянство разливается по всѣмъ домамъ, распространяясь изъ кабаковъ. Въ такіе величайшіе праздники, какъ, на примѣръ, въ святую недѣлю и т. п., народъ ходитъ изъ дому въ домъ и пьетъ, не зная границъ и мѣры. Улицы и поля устилаются обезображенными человѣческими тѣлами. За мужчинами пьютъ и женщины и даже самая юная молодежь. Этой послѣдней выпиванье уже не ставится и въ порокъ. Если мальчикъ лѣтъ 14 и т. д. въ нетрезвомъ видѣ умѣетъ,

къ этому; еще ограничивать себя и сдерживать буйные инстинкты, то его начинают даже похваливать, слѣдуя пресловутой поговоркѣ: «пьянъ да уменъ, два угодыя въ немъ». Понятно, что ссоры, драки, доходящія до взаимнаго изувѣченія, циническія шутки, грязныя пѣсни, грубыя игры и т. под. являются прямымъ и неизбежнымъ слѣдствіемъ всего этого. Является священникъ съ праздничной святыней въ домъ упившихся или упивающихся своихъ насомыхъ. Что же онъ можетъ встрѣтить здѣсь? Понятное дѣло. Паства часто не только не чувствуетъ всей мерзости и нечеловѣчности своего поведенія, но еще бываетъ, особенно расположена къ извѣстному «угощенію» священнослужителей. Глубоко-прискорбное, возмутительное явленіе! Праздникъ становится не днемъ назиданія и духовнаго возвышенія, а днемъ дикаго разгула страстей и всяческаго разврата, убивающимъ здоровье, разстронивающимъ семейную жизнь, въ конецъ подтачивающимъ матеріальное благосостояніе, еще болѣе огрубляющимъ человѣка духовно и еще болѣе дѣлающимъ его неспособнымъ среди трудовой жизни сохранять и поддерживать свое человѣческое достоинство. И такимъ-то образомъ проводятся преимущественно большіе христіанскіе праздники, какъ, наиримѣръ, праздникъ свѣтлаго воскресенія Христова. Только что произнесши великія утѣшительныя слова: «воистину Христосъ воскресъ», человѣкъ сиѣшитъ умереть для жизни со Христомъ и превратится въ врага Его!... Ужасное противорѣчіе, *немыслимое* въ человѣкѣ, сколько-нибудь понимающемъ себя и свое христіанское призваніе и не играющемъ въ великія и святыя слова. Вотъ противъ этого застарѣлаго и укоренившагося недуга и должна быть направлена дѣятельность истиннаго пастыря церкви. Не ожидая постоянно указаній и распоряженій сверху и нисколько не стѣсняясь разными противодѣйствіями, пастырь церкви долженъ употребить всѣ зависящія отъ него и возможныя для него мѣры къ искорененію пьянства со всѣми его естественными послѣдствіями. Но какія же это мѣры? Ихъ можетъ быть такъ много, что мы укажемъ лишь на нѣкоторыя.

Само собою разумѣется, что пастырь церкви, прежде всего, не только самъ, но и *со всеми* своими семейными долженъ являться живымъ примѣромъ возможнаго полнаго воздержанія отъ спиртуозныхъ напитковъ. *Трудно* даже понять, какимъ бы обра-

зомъ семейство всякаго священнослужителя, съ нимъ во главѣ, могло дать въ своей средѣ какое бы то ни было мѣсто *малѣйшей* невоздержности. *Наклонность* къ употребленію спиртуозныхъ напитковъ несомнѣнна съ понятіемъ о людяхъ, въ которыхъ принялось сѣмя христіанской жизни и начало развиваться. По языческимъ индійскимъ законамъ, человекъ, обнаружившій наклонность къ употребленію спиртуозныхъ напитковъ, въ наказаніе вынуждался пить растопленное масло или горячую коровью урину, пока отъ этого не умретъ. Но если такъ строго смотрѣли язычники на наклонность къ спиртуознымъ напиткамъ, то не еще ли болѣе строгаго взгляда въ нравѣ мы ожидать отъ тѣхъ, кто считается преимущественнымъ носителемъ и представителемъ высокой христіанской идеи о «духовной жизни», каково семейство «духовныхъ» лицъ? Потому-то, мы никакъ не можемъ мириться даже съ тѣми фактами, когда изъ сферы духовнаго юношества являются лица съ наклонностью «къ чаркѣ». Явленіе жалкое, прискорбное. Священнослужители и въ домахъ своихъ прихожанъ должны, при какихъ бы то ни было посѣщеніяхъ ихъ, *по возможности вовсе* воздерживаться отъ предлагаемаго угощенія водкой или виномъ, нисколько не лицемѣря при своемъ отказѣ, и рекомендовать своимъ пасомымъ другіе способы выраженія гостепріимныхъ чувствъ домохозяевъ. Тѣмъ болѣе неумѣстно для духовенства, при какихъ бы то ни было случаяхъ, принимать отъ прихожанъ «благодарность въ видѣ бутылокъ вина» и т. д. Пастырь церкви обязанъ, въ самыхъ мягкихъ и убѣдительныхъ выраженіяхъ, дать почувствовать своимъ прихожанамъ недозволительность и неумѣстность ихъ странныхъ приношеній. Нужно ли говорить, что и наши монастыри въ этомъ отношеніи, какъ и во всѣхъ другихъ, должны доступными имъ средствами помогать такъ-называемому бѣлому духовенству въ его борьбѣ съ народными недугами и возбуждать въ народѣ положительное отвращеніе къ такому отвратительному и гибельному пороку, каково пьянство? Къ этому же обязываются нравственно и всѣ болѣе образованные представители общества міряныя, долженствующіе по этому самому подавать простымъ людямъ примѣръ воздержанія и внушать имъ словомъ и дѣломъ отвращеніе къ пьянству. Пьянство, по нашему убѣжденію, не мыслимо въ средѣ истинно-просвѣщенныхъ и серьезно-воспитан-

ныхъ людей... Помимо вліянія личнымъ примѣромъ,—*что въ высшей степени важно*,—духовенство должно возбуждать въ лучшихъ изъ крестьянъ стремленіе къ образованію общества трезвости и чрезъ нихъ привлекать къ этому обществу все большее и большее количество членовъ. Прѣжніе, во многихъ отношеніяхъ, неудачные опыты въ этомъ направленіи, по нашему убѣжденію, ничего не говорятъ противъ цѣлесообразности и практичности этой мѣры. Все зависитъ отъ того, какъ мы примемся за пропаганду хорошей идеи и какъ поведемъ начатое дальше и дальше. Когда мы вкладываемъ въ извѣстное доброе предпріятіе всю нашу душу и пользуемся всѣми представляющимися средствами для его осуществленія, тогда едва ли можно сомнѣваться въ успѣхѣ дѣла, особенно когда данная мѣра—вовсе не единственная, но стоитъ въ тѣсной связи съ другими. Усиленіе живой проповѣди и назиданія, отнюдь не ограничивающихся церковной кафедрой, должно идти такъ-сказать рука объ руку съ указанными и другими мѣрами. Пьянство нашего народа, по нашему мнѣнію, находится въ неразрывной связи съ ослабленіемъ его религіознаго чувства или съ недостаточнымъ и прежде возбужденіемъ и оживленіемъ его. Объяснять пьянство въ народѣ главнымъ образомъ его тяжелымъ экономическимъ положеніемъ, грустной долей, дурной пищей, невѣжествомъ и т. д., какъ это дѣлаютъ нѣкоторые изъ нашихъ публицистовъ, по нашему мнѣнію, далеко несправедливо: это объясненіе противорѣчитъ многимъ и весьма многимъ фактамъ, представляемымъ русской народной жизнью и жизнью другихъ народовъ. Человѣкъ, съ сильнымъ религіознымъ чувствомъ и съ связаннымъ съ нимъ живымъ убѣжденіемъ въ преступности пьянства, не станетъ предаваться ему и при указанныхъ условіяхъ, будто бы главнымъ образомъ объясняющихъ пьянство, распространенное среди народа. Пастыри церкви и должны обратить вниманіе на оживленіе и осмысленіе религіознаго чувства въ народѣ, пользуясь каждымъ представляющимся случаемъ и въ живой, проникнутой горячимъ и глубокимъ чувствомъ, рѣчи раскрывая ему обязанности, лежащія на немъ, какъ на христіанинѣ, долженствующемъ во всѣхъ обстоятельствахъ своей жизни и во всѣхъ своихъ многообразныхъ отношеніяхъ являться достойнымъ своего высокаго званія и непоставляющемъ благочестивой жизни въ временныхъ и случай-

ныхъ проявленіяхъ религіозности совершенно — внѣшней, формальной. Понятно, что на встрѣчу усиліямъ духовенства положить конецъ народному пьянству должны идти такія правительственныя мѣропріятія, которыя имѣютъ прямой своей цѣлью это же дѣло. Нужно ли говорить о томъ, что духовенство въ этихъ своихъ благородныхъ усиліяхъ не только не должно встрѣчать какого бы то ни было противодѣйствія, но, напротивъ того, должно находить всюду энергическую поддержку и дружное содѣйствіе. Положить конецъ пьянству значить уже весьма многое сдѣлать для болѣе достойнаго и полезнаго препровожденія праздничныхъ дней нашимъ народомъ. Но это — отрицательная болѣе сторона дѣла. Спрашивается: что же именно нужно дать народу, чтобы о грубыхъ удовольствіяхъ, доставляемыхъ кабакомъ, трактиромъ и т. д., онъ позабылъ вовсе и въ праздничные дни жилъ въ иной атмосферѣ, лица и находя и назиданіе и благородное наслажденіе, въ которомъ (т.-е. благор. наслажденіи) христіанство отнюдь не отказываетъ человѣку?

Храмъ Божій — вотъ прежде всего мѣсто, которое должно быть для крестьянина, какъ и для всякаго христіанина, училищемъ благодѣствія и высшей первой школой назиданія, поученія и нравственнаго обновленія. Въ храмѣ человѣкъ вступаетъ какъ бы въ совершенно другую среду, не имѣющую, повидимому, ничего общаго съ тѣмъ міромъ, съ той средой, которые за порогами его. И дѣйствительно, здѣсь все дышетъ святостью, здѣсь все говоритъ о Богѣ, о Его близости къ намъ, о Его готовности внимать намъ, помогать и поддерживать насъ; здѣсь доносятся до насъ вѣсти изъ высшаго міра, здѣсь все чувства наши встрѣчаютъ для себя совершенно новые, священные предметы, здѣсь мы забываемъ дразни и мелочи жизни, здѣсь мы живемъ высшими сторонами своей человѣческой природы, здѣсь все говоритъ намъ о высшихъ цѣляхъ жизни и о ея высшемъ смыслѣ и значеніи. Поддерживать и усиливать, существующее въ нашемъ крестьянствѣ, стремленіе къ посѣщенію храма Божія особенно въ праздничные дни составляетъ прямой долгъ пастыря церкви и всякаго благомыслящаго человѣка. Не говоря о другихъ средствахъ, которыми всегда можетъ располагать пастырь церкви для утвержденія и укорененія указаннаго стремленія, онъ дол-

жестъ заботиться о томъ, чтобы дѣйствіе богослуженія на молящихся было возможно глубже и сильнѣе, охватывая человѣка всецѣло и сосредоточивая все его душевныя движенія на томъ, что читается и поется въ церкви. Все, что читается и поется при нашихъ какъ частныхъ, такъ и общественныхъ богослуженіяхъ, запечатлѣно глубоко-поучительнымъ и назидательнымъ характеромъ и способно само по себѣ затрогивать и возвышенно настраивать все лучшее и благороднѣйшее, что только можетъ быть въ душѣ человѣческой. Но и самое ибнѣе, чтеніе и все дѣйствія священнослужителей должны быть таковы, чтобы богослуженіе, со всеѣмъ своимъ строемъ и подробностями, производило на молящихся то именно впечатлѣніе, какое оно *само по себѣ способно* производить. Нужно ли говорить, что присутствующіе въ церкви должны находить въ совершающихъ богослуженіе живой и наглядный примѣръ искреннѣйшаго и глубокаго благоговѣнія и горячности религіознаго чувства? Каждое движеніе, каждый шагъ, — словомъ все, что ни дѣлаютъ принимающіе участіе въ совершеніи богослуженія, должно служить прямымъ и естественнымъ выраженіемъ одушевляющихъ ихъ высокихъ мыслей и чувствъ. Искренняя строгость къ себѣ самимъ во всемъ, даже до кажущихся мелочей (ихъ и вообще въ жизни понимающихъ и серьезныхъ людей нѣтъ и быть не можетъ), должна быть доведена до возможной степени. При этомъ условіи само собою исчезнетъ многое такое, что теперь иногда имѣетъ мѣсто въ нашихъ храмахъ при совершеніи богослуженія и что считается, благодаря издавна установившемуся обычаю, совершенно невиннымъ вполнѣ дозволительнымъ дѣломъ.... Что касается въ частности до чтенія при богослуженіи, то на него не можетъ быть не обращено особаго вниманія. У насъ рѣчь идетъ не о количествѣ читаемаго при богослуженіи, но о качествѣ. Едва ли кто-нибудь станетъ спорить противъ того, что не только во многихъ сельскихъ церквахъ, но и въ нѣкоторыхъ городскихъ чтеніе въ церкви представляется далеко, далеко неудовлетворительнымъ. Крайняя механичность чтенія—вотъ что прежде всего поражаетъ въ немъ. Мы уже не говоримъ о крайней торопливости въ чтеніи и тому подобномъ. Благодаря всему этому, для молящихся большей частью пропадаетъ весь глубокой и возвышенный смыслъ

читаемаго въ церкви. Мало того, молящійся иногда не выноситъ даже никакаго представленія о содержаніи многаго изъ того, что читалось въ церкви. Это хотя и въ высшей степени прискорбный, но неоспоримый фактъ. Между тѣмъ, если читаемое при богослуженіи будетъ предварительно глубоко продумано и пережито сердцемъ, а затѣмъ передано молящимся надлежащимъ образомъ, при чемъ сохранится и будетъ выраженъ малѣйшій отгѣнокъ въ содержаніи молитвы, прошенія, псалма и т. д., то многое способно производить на молящихся потрясающее впечатлѣніе, доходящее до глубины души и способное долго, долго неизглаживаться. Мы имѣемъ въ виду, говоря о чтеніи, не какую-либо театральную декламацию, хотя въ тоже время отнюдь не считаемъ излишнимъ для читающихъ въ церкви учиться, — и при томъ серьезно, — надлежащему чтенію. По нашему убѣжденію, на этотъ предметъ давно слѣдовало бы обратить вниманіе. Умѣлое, разумное чтеніе въ церкви — предметъ далеко немаловажный въ самомъ вопросѣ о благотворномъ вліяніи храма на народъ. Но, кромѣ того, развѣ такое чтеніе не требуется самымъ существомъ дѣла? Самыхъ мірянъ нужно приучать къ разумному чтенію и давать имъ возможность принимать большее и большее участіе въ самомъ отправленіи богослуженія, поскольку это участіе возможно для нихъ, какъ мірянъ. Что касается до пѣнія, то и о надлежащемъ устройствѣ этого дѣла при богослуженіи въ сельскихъ и другихъ церквахъ слѣдуетъ много и много еще позаботиться даже въ видахъ только надлежащаго препровожденія праздничныхъ дней. Связь между надлежащимъ церковнымъ пѣніемъ и этимъ послѣднимъ предметомъ отрицать нельзя, какъ бы она на иной взглядъ ни представлялась отдаленной. Богослуженіе всеми своими сторонами, какъ и самая внѣшняя сторона храма, должно дѣйствовать воспитывающимъ образомъ на посѣтителей церкви. Но пѣніе — одинъ изъ первостепенныхъ элементовъ въ богослуженіи нашей церкви, незнающей употребленія органовъ. Кто не знаетъ, какое дивное и глубокое впечатлѣніе производитъ хорошее гармоническое пѣніе церковныхъ гимновъ на молящагося? Невольно иной разъ онъ преклоняетъ колѣна, и въ пламенной молитвѣ къ Богу изливаетъ свою душу... Кромѣ того, чьего слуха и сердца часто касалось хорошее, прочувствованное

и выразительное, при своей стройности и мелодичности, пѣніе, тотъ не станетъ самъ пѣть какихъ-нибудь дикихъ пѣсней и не найдетъ никакого удовольствія въ слушаніи подобнаго пѣнія, исполняемаго другими. По всему этому, крайне желалось бы, чтобы и при сельскихъ церквахъ, подъ непосредственнымъ руководствомъ и вліяніемъ священника или учителя мѣстной школы, образовывались изъ крестьянъ мѣстные хоры пѣвчихъ. Въ нѣкоторыхъ селахъ уже существуютъ подобныя хоры и производятъ самое доброе вліяніе. Но и независимо отъ хороваго пѣнія, пѣніе священнослужителей самихъ должно быть таковымъ, чтобы оно достойно было того, что именно поется. Новый уставъ духовныхъ семинарій, къ чести его, поставилъ пѣніе въ числѣ предметовъ, входящихъ въ курсъ семинарскаго воспитанія. Остается желать, чтобы этотъ пунктъ устава не остался мертвой буквой и нашелъ себѣ самое серіозное практическое приложеніе въ жизни нашихъ духовныхъ семинарій. Тогда можно будетъ надѣяться и на улучшеніе нашего церковнаго пѣнія. Но, и по поступленіи семинарскихъ воспитанниковъ на должность псаломщика, діакона или священника, желательно было бы, чтобы они не обрывали по возможности своего вокальнаго образованія, но продолжали его: тогда, и при утратѣ хорошаго голоса, наши церковныя пѣвцы могли бы совершать свое святое дѣло всегда достойнымъ его образомъ. Мы, случайно коснувшись вопроса о богослуженіи общественномъ и частномъ, могли, естественно, сдѣлать по поводу его лишь самыя общія замѣчанія. Но и изъ нашихъ замѣчаній отчасти нельзя не видѣть, что нужно сдѣлать для того чтобы богослуженіе для нашего народа сдѣлать тѣмъ великимъ морализующимъ средствомъ, какимъ оно должно быть и можетъ быть по своей идеѣ. Впечатлѣнія, вынесенныя изъ храма народомъ, должны быть глубоки въ немъ настолько, чтобы человѣкъ жилъ подѣ этимъ впечатлѣніемъ не только въ тотъ день, въ который онъ былъ въ храмѣ, но и въ послѣдующіе дни. Духовенство въ этихъ видахъ должно сдѣлать все зависящее отъ него, старался приспособить къ достиженію этой цѣли всю внѣшнюю обстановку храма и богослуженіе и въ дальнѣйшихъ своихъ сношеніяхъ съ народомъ, своимъ непосред-

ственнымъ вліяніемъ, поддерживая и развивая въ немъ духъ истиннаго, разумнаго и живаго благочестія.

Въ воскресные и праздничные дни, далѣе, весьма желательны особыя бесѣды пастырей церкви съ своими непосредственными прихожанами. На эти бесѣды народъ могъ бы собираться въ церкви или въ какія-либо другія, пригодныя для этой цѣли, мѣста. Народъ долженъ знать и мѣсто и время этихъ бесѣдъ. Въ тѣхъ приходяхъ, гдѣ деревни группируются близъ села, въ которомъ находится мѣстная церковь и домъ священника, эти собранія не представляютъ никакихъ затрудненій для крестьянъ. Но если нельзя вести эти бесѣды совмѣстно для желающихъ изъ всѣхъ деревень, въ такомъ случаѣ истинный пастырь церкви напелъ бы возможнымъ поочередно ѣздить съ указанной цѣлью въ извѣстныя деревни. Но чтобы и жители другихъ деревень не оставались безъ слова наученія и назиданія, священника могли бы замѣнять другіе члены причта. Въ этомъ случаѣ желательно было бы, чтобы, съ одной стороны, всѣ члены церковнаго причта были людьми, получившими хорошее образованіе въ школѣ, а, съ другой стороны, чтобы церковный причтъ представлялъ собою такое общество, всѣ члены котораго, съ священникомъ во главѣ, были одушевлены однимъ чувствомъ и однимъ желаніемъ служить всѣми своими силами благу народа и въ своемъ умственномъ развитіи и образованіи шли постоянно впередъ и впередъ, *помогая другъ другу въ обличеніи способъ и средствъ къ самообразованію*. Наконецъ, самыя жены и дочери священноцерковнослужителей могли бы помогать дѣятельнѣйшимъ образомъ своимъ мужьямъ въ дѣлѣ умственнаго и нравственнаго воспитанія народа, собирая вокругъ себя по крайней мѣрѣ женщинъ и дѣтей изъ народа и въ живой, простой и душевной бесѣдѣ дѣлалась съ ними плодами своего образованія и *самообразованія*. Словомъ, какъ скоро духовенство проникнется высокимъ чувствомъ своего долга, употребить всѣ усилія къ возможно-серьезному своему образованію и одушевиться желаніемъ дѣлать все возможное для просвѣщенія темной народнои массы, оно легко откроетъ возможность вести народныя воскресныя бесѣды и дѣйствовать на большую и большую массу своихъ прихожанъ. Что же касается до устройства раз-

сматриваемыхъ бесѣдъ для народа въ городахъ, то о какихъ-нибудь виѣшнихъ затрудненіяхъ здѣсь и рѣчи быть не должно. Примѣры праздничныхъ «чтеній» для народа мы уже видимъ въ Петербургѣ, городскому духовенству слѣдуетъ соединиться и разработать практически *повсемѣстно* вопросъ о праздничныхъ бесѣдахъ для народа. Чѣмъ скорѣе откроются повсемѣстно въ городахъ и селахъ эти бесѣды, тѣмъ скорѣе настанутъ для нашего народа *настоящіе* праздничные дни, а не праздничные дни только по названію и по нѣкоторымъ чисто-виѣшнимъ атрибутамъ. Но было бы весьма нецелѣсудно, еслибы въ городахъ религіозно-нравственныя бесѣды въ обширномъ смыслѣ этого слова были предприняты лишь для простаго народа. Религіозное образованіе и нашихъ образованныхъ классовъ никакъ не можетъ считаться, въ большинствѣ случаевъ, сколько-нибудь удовлетворительнымъ. Мало того, умственная жизнь большинства нашего образованнаго общества представляетъ явленія, говоряція даже о его скептическомъ и отрицательномъ отношеніи къ первостепеннымъ вопросамъ религіи. Въ виду этого крайне желалось бы, чтобы и преподаватели духовныхъ академій и семинарій пришли на помощь церкви и въ праздничные дни предпринимали публичныя лекціи по богословскимъ предметамъ, выбирая наиболѣе подходяція къ нуждамъ общества темы для своихъ лекцій и разработывая ихъ въ строго-научномъ духѣ. Мы не имѣемъ въ настоящій разъ возможности остановиться на выясненіи этого вопроса подольше. Но не можемъ не сказать слѣдующаго. Напрасно было бы думать, что существующее теперь настроеніе умовъ заставило бы лекторовъ говорить передъ какимъ-нибудь десяткомъ непредубѣжденныхъ слушателей. Все дѣло зависитъ, по нашему мнѣнію, отъ личныхъ талантовъ лектора и отъ его умѣнья взяться за дѣло. Наша же исторія представляетъ не мало примѣровъ въ доказательство того, какъ самое сильное предубѣжденіе мало-по-малу можетъ рѣшиться, встрѣтившись съ горячимъ убѣжденіемъ и талантливимъ словомъ. 18-й вѣкъ въ жизни нашихъ образованныхъ классовъ и особенно въ жизни молодыхъ поколѣній представляетъ эпоху почти повальнаго увлеченія французской либеральной матеріалистической философій. Сама Екатерина II

поощряеть, въ первые годы своего царствованія, страсть къ этой философіи, къ поклоненію французскимъ энциклопедистамъ и т. п. Религіозный скептицизмъ просвѣчиваетъ даже у такихъ писателей этой эпохи, которые посвящали цѣлыя свои стихотворенія защитѣ идеи бытія Божія, безсмертія души и т. п. Но вотъ, профессоръ московскаго университета, Иванъ Григорьевичъ Шварцъ, произноситъ цѣлый рядъ лекцій, направленныхъ противъ энциклопедистовъ и подвергавшихъ строгому разбору и осужденію всѣ матеріалистическія и скептическія ученія, господствовавшія въ то время въ Европѣ и имѣвшія массу поклонниковъ у насъ. Духъ и направленіе философскихъ лекцій Шварца отличались мистическимъ и строго-религіознымъ характеромъ, что прямобыло противоположно вкусамъ и понятіямъ современниковъ. Мало-по-малу лекціи Шварца начали слушаться массою публики и даже приводили въ восторгъ тѣхъ изъ его многочисленныхъ слушателей, которые сперва смѣялись надъ Шварцемъ. Слушатели Шварца питали и послѣ къ нему чувство глубокой благодарности. Одинъ изъ нихъ, именно Лабзинъ, упоминалъ въ послѣдствіи о томъ, съ «какою поразительною силою *простое* слово профессора дѣйствовало на его слушателей, исторгнуувъ изъ рукъ многихъ изъ нихъ соблазнительныя и безбожныя книги, въ которыхъ, *казалось* тогда, весь умъ заключался, и помѣстивъ на мѣсто ихъ святую Библію».

Но рядомъ съ усиліями духовенства и дѣятелей богословской науки, въ городахъ и по возможности даже въ селахъ должны предприниматься чтенія для народа людьми, *способными къ этому*. Между тѣмъ какъ духовенство стало бы пояснять народу сущность христіанскаго міровоззрѣнія, знакомило его съ важнѣйшими событіями изъ церковной исторіи, бороться съ суевѣріями и *всяческими* заблужденіями религіознаго свойства, выяснять ему недоброкачественность многихъ его житейскихъ правилъ и обычаевъ, передавать исторію и характеръ тѣхъ или другихъ праздниковъ, учить пониманію богослуженія и т. д. и т. д., другіе истинные друзья народа стали бы по возможности сообщать ему необходимыя свѣдѣнія изъ отечественной исторіи, естествознанія, медицины, гигиены и т. д. Сомнѣваться въ добромъ исходѣ всѣхъ этихъ благихъ предприятий для народа мы не имѣемъ никакихъ основаній.

Не только, затѣмъ, въ городахъ, но и въ селахъ, рядомъ съ воскресными школами, должны существовать бібліотеки, предназначенныя для народа. Всякій простолюдинъ долженъ имѣть свободный доступъ къ этимъ образовательнымъ учрежденіямъ, захочетъ ли онъ читать книги къ бібліотекѣ или взять домой для прочтенія въ семейномъ своемъ кружкѣ: въ послѣднемъ случаѣ денегъ за чтеніе даже не слѣдовало бы брать при малѣйшей возможности къ этому. Устройство бібліотекъ должны взять на себя священники, учителя народныхъ школъ или вообще люди болѣе компетентные, предварительно ознакомившіеся основательно съ массой такъ называемой «народной литературы.» Выборъ книгъ долженъ быть самый строгій и раціональный. Считаемъ необходимымъ замѣтить, что наша «народная литература» при всемъ ея кажущемся богатствѣ, въ высшей степени скудна такими сочиненіями, которыя могутъ приносить народу дѣйствительную пользу. Среди великаго множества положительно вредныхъ книгъ найдется развѣ десятка два такихъ изданій, которыя христіански образованный человѣкъ съ радостью готовъ дать въ руки народу. Мы даже не имѣемъ въ виду разныхъ «Еруслановъ Лазаревичей, Францылей Венціановъ» и тому подобной дребедени, которую, вмѣстѣ съ многими картинами, предназначаемыми для народа, давно и непременно слѣдовало бы изъять изъ торговли: въ этомъ настоятъ положительная необходимость, если мы сознательно не желаемъ извращать далѣе, и безъ того во многихъ отношеніяхъ, странныя понятія народа о разныхъ предметахъ, портить окончательно его вкусъ и еще больше огрублять его нравы. Въ нашихъ духовныхъ академіяхъ и семинаріяхъ существуютъ спеціально каѳедры педагогики. Было бы весьма полезно изъ преподавателей [педагогики не только духовно-учебныхъ заведеній, но и свѣтскихъ, а равно изъ болѣе просвѣщенныхъ представителей духовенства и другихъ компетентныхъ лицъ, учредить кромѣ столичныхъ хотя въ нѣкоторыхъ губернскихъ городахъ комиссіи, которыя имѣли бы спеціальной своей цѣлью *тщательный* просмотръ *всякаго* рода изданій, предназначаемыхъ для народа и уже обращающихся среди него. Можно напередъ предсказать, что при *надлежащемъ* отношеніи этой комиссіи къ своему дѣлу, были бы вытѣснены

весьма и весьма многія изданія, уже обращающіяся въ народѣ, и вмѣстѣ упала бы необычайная производительность бездарныхъ составителей книжекъ для народа. Въ этомъ отношеніи нельзя не сочувствовать дѣли существующихъ уже въ Москвѣ обществъ одного старѣйшаго подъ именемъ «Общества распространенія полезныхъ книгъ» и другаго недавно возникшаго отдѣла «Общества распространенія духовно-правственныхъ книгъ для народа»; нельзя не пожелать имъ большей энергіи, сосредоточенности въ ихъ дѣятельности, отчетливости въ пониманіи задачи ихъ предпріятій, и болѣе широкой гласности ихъ трудовъ и изданій. Просматривая обыкновенныя предназначаемыя для народа изданія мы не могли не убѣдиться, въ томъ, что у насъ не выработано даже общаго представленія о томъ, чѣмъ собственно должна быть книга, предназначаемая для народа, и подъ какой общій типъ она должна подходить, чтобы имѣть нравственное право на распространеніе среди него. Особенно книги, предназначаемыя для «занимательнаго» чтенія, отличаются вопіющими недостатками и поразительными странностями. Издавая ихъ, какъ будто рассчитывали на слабоуміе и крайнюю неразвитость крестьянъ. Помимо нелѣпности содержанія огромнаго большинства этихъ книженокъ и рѣшительной непригодности ихъ для *русскаго* народа, нѣкоторыя изъ нихъ отзываются даже сальностями и цинизмомъ. Читателю, желающему убѣдиться въ нашемъ полномъ безпристрастіи и въ нашей строгой правдивости, мы рекомендуемъ познакомиться хоть съ нѣкоторыми изъ этихъ «занимательныхъ» книжекъ, предназначенныхъ для умственнаго и нравственнаго развитія нашихъ крестьянъ. Овъ увидитъ, что книженки эти—злая, но, всего вѣроятнѣе, безсознательная и ненавѣренная насмѣшка надъ той цѣлью, для которой оныя предназначаются. Нельзя назвать вполне удовлетворительнымъ и самый лучшій отдѣлъ въ книгахъ, предназначаемыхъ для сельскихъ школъ и для народа,—именно отдѣлъ по естественнымъ наукамъ и міровѣдѣнію. Помимо другихъ крупныхъ недостатковъ, которыми отличаются книги, относящіяся къ этому отдѣлу, почти общій и весьма существенный недостатокъ ихъ заключается въ томъ, что авторы книгъ большей частью спѣшатъ познакомить народъ съ пресловутыми «*последними*» выводами естественныхъ

наукъ и стоять въ изложеніи дѣла на почвѣ гипотезъ. Намъ нѣтъ надобности объяснять, въ какой степени этотъ пріемъ нерационаленъ и даже не практиченъ. По всему этому, мы снова высказываемъ мысль о необходимости поставить въ самыя благопріятныя условія изданіе и распространеніе книгъ, предназначенныхъ для народа, къ какому бы отдѣлу они ни относились: къ отдѣлу ли книгъ религіозно-нравственнаго содержанія, или къ отдѣлу книгъ по сельскому хозяйству. Стремясь просвѣтити нашъ темный народъ, мы беремъ на себя великую нравственную отвѣтственность, и потому должны употребить *всѣ* мѣры къ тому, чтобы въ народѣ распространеніе находили *только* тѣ книги, которыя дѣйствительно способны просвѣщать его. Въ противномъ случаѣ, иной разъ лучше *ничего* не давать народу, чѣмъ давать ему не только бесполезныя, но даже положительно вредныя книги, картины и тому подобное: кто нуждается въ хлѣбѣ, тому незачѣмъ подавать нѣчто худшее, чѣмъ камень. Давно нужно положить конецъ беззастѣливой и невѣжественной спекуляціи, рассчитывающей на трудовую крестьянскую копѣйку, и обуздать ни передъ чѣмъ не останавливающееся «творчество» не призванныхъ «просвѣтителей» народа. Какія именно книги и другія разныя изданія существенно полезны для народа, это нужно приводить, путемъ печати и другихъ заявленій, во всеобщее свѣдѣніе, такъ что всякій человѣкъ, въ какомъ бы отдаленномъ отъ городовъ мѣстечкѣ онъ ни жилъ, могъ бы всегда знать, на какую книгу лучше и полезнѣе употребить свои трудовыя деньги. Тогда и для сельскихъ священниковъ и другихъ лицъ откроется полная возможность устроить читальню или бібліотеку такъ, что она дѣйствительно явится просвѣтительнымъ учрежденіемъ. Тогда и крестьянинъ охотнѣе будетъ покупать книжки и читать ихъ, будучи грамотнымъ и убѣдившись въ полезности чтенія такихъ книжекъ. Тогда, при совмѣстномъ дѣйствіи другихъ просвѣтительныхъ вліяній, крестьянинъ, мѣщанинъ и т. п. не пойдутъ въ кабакъ или трактиръ и найдутъ самое здоровое и благотѣльное праздничное занятіе.

Въ видахъ отвлеченія крестьянъ отъ кабацкихъ грязныхъ наслажденій и въ то же время чтобы доставить имъ сборное мѣсто для свиданія и бесѣды о текущихъ дѣлахъ, а равно для пользованія

человѣчными благородными удовольствіями, у насъ, наконецъ, указывали на необходимость разрѣшить открытіе по селамъ чайныхъ заведеній и въ городахъ открытіе народныхъ театровъ. Что касается до открытія по селамъ и даже по городамъ исключительно чайныхъ заведеній, то къ этой мысли нельзя не отнестись съ полнымъ сочувствіемъ, лишь бы дѣло было поставлено рациональнымъ образомъ. Давно бы слѣдовало распространять въ народѣ убѣжденіе, что употребленіе водки было бы во всѣхъ отношеніяхъ полезнѣе замѣнить другимъ напиткомъ, если крестьянинъ хочетъ ознаменовать свой праздникъ не только лучшимъ платьемъ, въ которомъ онъ является, лучшимъ столомъ и т. д., но и употребленіемъ какого-либо напитка помимо воды и квасу. Противъ полезности употребленія водки говорятъ новѣйшія естественнно-научныя изслѣдованія, между тѣмъ какъ они же свидѣтельствуютъ въ пользу употребленія кофе, чая и тому подобнаго. «Среди рабочаго населенія, говоритъ Джонъ Уэръ, господствуетъ почти вездѣ мнѣніе, что спиртные напитки, если и не совершенно неизбѣжны, то во всякомъ случаѣ очень полезны, такъ какъ они укрѣпляютъ силы человѣка во время тяжелой и утомительной работы, а потому, при умѣренномъ ихъ употребленіи, они благотѣльны или же, по крайней мѣрѣ, представляютъ невинное раздражающее средство. Но не можетъ быть взгляда болѣе несообразнаго, мнѣнія болѣе несправедливаго, какъ-то, которое приписываетъ спиртуознымъ напиткамъ способность возвышать физическія силы человѣка и поддерживать его тѣло при тяжелой работѣ и сильномъ напряженіи. Опытъ доказывалъ вездѣ совершенно противное. Никто не можетъ работать такъ продолжительно, такъ весело и съ меньшей утомительностью, никто не выдерживаетъ такъ легко невзгоды суроваго климата, бурную погоду и перемѣны времени года, какъ именно тѣ, которые вполнѣ воздерживаются отъ спиртныхъ напитковъ.» «Если кто имѣетъ возможность, говоритъ другой ученый, доставлять себѣ въ достаточномъ количествѣ хорошо приготовленную пищу, то онъ не нуждается вовсе въ напиткахъ содержащихъ алкоголь, и, воздерживаясь отъ водки, отъ крѣпкихъ винъ или пива, онъ будетъ чувствовать себя гораздо лучше.» Вообще лучшіе гигиенисты совѣтуютъ употреблять бѣд-

нѣмъ рабочимъ свои скудныя денежныя средства на улучшение ихъ стола, а не на покупку водки или пива. Что же касается до употребленія кофе или чаю, то такіе изслѣдователи, какъ Ру, Фохтъ и другіе, положительно говорятъ, что кофе и чай должны считаться очень полезными для употребленія ихъ по праздникамъ и даже въ будни. Помимо другихъ причинъ, заключающихся въ утоленіи голода, въ содѣйствіи пищеваренію, въ возбужденіи нервной дѣятельности и т. д., кофе, напримѣръ, полезно, по мнѣнію гигиенистовъ, и тѣмъ, что оно не легко можетъ быть употреблено въ излишествѣ, лишено способности охмѣлять и т. д. Что же касается до благородныхъ и невинныхъ удовольствій, которыя рекомендуются народу и о доставленіи которыхъ ему не можетъ не позаботиться общество, то противъ нихъ можетъ дѣйствительно говорить только суровый или фальшивый ригоризмъ. Что невинныя удовольствія необходимы для человѣка, въ пользу этого говорятъ даже такіе строгіе подвижники, какъ напр. Антоній Великій. Нѣкоторые же изъ нашихъ богослововъ даже утверждаютъ, что такія вещи, какъ слушаніе оперы, посѣщеніе концертовъ и т. под., составляютъ такія явленія, которыя «стоятъ сами по себѣ внѣ сферы нравственнаго.» Очевидно, что такой взглядъ, послѣдовательно и логично проведенный, мирится со всеми возможными удовольствіями и открываетъ людямъ самый широкій просторъ въ пользованіи ими. Но, даже и нераздѣляя нисколько этого послѣдняго,—очень смѣлаго и «оригинальнаго» взгляда, не только ничего нельзя сказать противъ доставленія народу въ особенности нравственно-полезныхъ удовольствій, но слѣдуетъ даже постараться о скорѣйшемъ и разумномъ устройствѣ того, что теперь находится въ области хорошихъ предположеній и намѣреній...

Мы спѣшимъ окончить нашу, уже нѣсколько удлинившуюся, бесѣду съ читателемъ. Говоря относительно средствъ для доставленія нашему народу возможности проводить воскресные и праздничные дни по христіански и съ пользой духовной и тѣлесной для себя, и относительно борьбы съ тѣми народными пороками, которые такъ дико проявляются болѣе всего въ такіе дни, которые по преимуществу имѣютъ назначеніемъ своимъ облагороженіе человѣка и духовное его развитіе и укрѣпленіе, мы могли

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Р ъ ч ь

ПРОИЗНЕСЕННАЯ ПРОТОІЕРЕМЪ МАРКЕЛОМЪ ПОПЕДЕМЪ ВЪ
ХОЛМСКОМЪ СОБОРѢ 11 МАЯ 1875 ГОДА.

Слава тебѣ Богу, показавшему намъ свѣтъ!

Въ древности христіане проводили всю ночь предъ великими праздниками въ церкви на богослуженіи, а когда начинало свѣтать, то священникъ, воздавал хвалу и благодареніе Богу, какъ за возсіявшій дневной свѣтъ, такъ и за свѣтъ вѣры, восклицалъ: „слава тебѣ, показавшему намъ свѣтъ!“

Какъ не воскликнуть и намъ эти слова нынѣ, когда мы, послѣ долговѣковаго блѣдня, празднуемъ торжество, которое обращаетъ на себя вниманіе цѣлой западной церкви, оттолкнувшей насъ навсегда отъ своего лона; торжество, которое возрадуетъ всю церковь восточную, ибо блудный ея сынъ мертвъ былъ и ожилъ, пропадалъ и нашелся; торжество, которое заставляетъ насъ благодарить Бога, какъ за возсіявшій намъ свѣтъ вѣры, такъ и за то, что Онъ показалъ намъ, на насъ самихъ, какъ святая сила православія влечетъ къ себѣ ищущихъ истинны и спасенія души „слава тебѣ Богу, показавшему намъ свѣтъ!“

Было время, когда наши предки и забужные православные исповѣдывали ту же вѣру, молились въ однихъ церквахъ, принимали одни таинства, когда между ними не было никакой разницы не только по происхожденію, но и по вѣрѣ. Двѣсти восемьдесятъ лѣтъ прошло, какъ это единство крови и духа преступнымъ образомъ нарушено. Кто нарушилъ его? Предки ли наши? Ахъ, нѣтъ! Ихъ вовлекли въ обманъ, на нихъ насильственно наложили ненавистное имъ иго уни. Такъ кто же нарушилъ? кто? Разжигающее высокоуміе и ненасытное властолюбіе Рима разорвало великую, природную и благодатную связь нашу съ русскимъ православіемъ.

Несмотря на то, однако, предки наши остались вѣрными блюстителями чистаго, православнаго ученія и охотнѣе согласились терпѣть гнѣтъ и преслѣдованіе отъ хитрости и коварства іезуитско-шляхетской политики, чѣмъ переимѣнить вѣру отцовъ своихъ на папскія нововведенія. Нынѣ мы умылись въ купели Силоамской и прозрѣли, и познали обольщеніе, унесшее своими волнами предковъ нашихъ въ тьму римскихъ заблужденій. „Слава тебѣ Богу, показавшему намъ свѣтъ!“

Какимъ же брѣніемъ угодно было Господу помазать наши мысленныя очи, чтобы мы могли видѣть? Въ началѣ восточнаго раскола папа Пій IX-й обратился къ православнымъ епископамъ съ приглашеніемъ на свой лжеселенскій соборъ для соединенія съ римскою церковью. Православные патріархи послали ему въ отвѣтъ окружное письмо, въ которомъ изложили, что не они, а папа схизматикъ, и что не имъ а ему слѣдуетъ возвратиться въ лоно единой, святой, соборной и апостольской церкви.

Было ли это братское увѣщаніе восточныхъ патріарховъ принято въ уваженіе римскимъ патріархомъ? Нѣтъ. Онъ превознесся сердцемъ, сказавъ въ умѣ своемъ: „на небо възду, выше звѣздъ небесныхъ поставлю престоль мой, сяду на горѣ высоцѣ, на горахъ высокихъ, яже къ сѣверу: възду выше облакъ и буду подобенъ Вышнему“, и затѣмъ, онъ удивилъ христіанскій міръ провозглашеніемъ новаго, богохульнаго догмата о папской непогрѣшимости. Само небо возстало противъ властолюбивыхъ и горделивыхъ притязаній папы и предало владѣнія его въ руки старшаго сына церкви западной, итальянскаго короля. Западная церковь потряслась въ своихъ основахъ и раздралась на двѣ части, давъ жизнь старокатоличеству.

Въ прошломъ же году, папа Пій обратилъ свое рачительное вниманіе и на русскихъ униатовъ. По примѣру своихъ предшественниковъ, неоднократно возмущавшихъ Польшу чрезъ своихъ римскихъ священниковъ и монаховъ, онъ издалъ энциклику, въ которой положительно нарушаетъ условія уніи, приказываетъ исказить переданный намъ предками восточный обрядъ и возбуждаетъ насъ къ неповиновенію властямъ и къ бунту. Неужели же совѣсть наша могла согласиться на такія требованія энциклики? И мы вспомнили обличительную рѣчь Господа нашего Іисуса Христа противъ фарисеевъ, въ коей Онъ воскликнулъ съ прискорбіемъ: „Іерусалимъ, Іерусалимъ, избивающій пророки и каменіемъ побивающій посланныхъ къ тебѣ! сколько разъ хотѣлъ я собрать чадъ твоихъ, какъ птица собираетъ итенцовъ своихъ подъ крылья — и вы не восхотѣли! Се оставляется вамъ домъ вашъ пустъ“. И мы вспомнили исторію злосчастной уніи, въ продолженіи вѣковъ избивавшей и каменіемъ побивавшей сыновъ Холмской Руси, и возопили, вмѣстѣ съ св. Давидомъ къ милостивому и челоуѣколюбивому Господу: „открыи очи наши и уразумѣемъ чудеса отъ закона Твоего!“

Да, исторія холмской Руси—это исторія многострадальнаго Іова. Мирно протекала жизнь Руси въ Привислинскомъ краѣ. Дѣти ея жили въ любви и согласіи, среди изобилія, семейныхъ радостей и дѣлъ благочестія. Римско-польская политика возмутила ея тихое счастье и навлекла на нее страшное испытаніе. Польша, завладѣвъ ею, вмѣсто

прежнихъ порядковъ, ввела свою неурядицу, закрѣпила русскій народъ и унизила его до наименованія быдломъ; латинскіе ксендзы, съи раздоръ и несогласіе въ семействахъ, католичили православныхъ и губили русскихъ дѣтей ополоченіемъ, евреи торговали требами для православныхъ и давали разрѣшеніе крестить и отпѣвать ихъ. Тяжелые, непрерывные удары наносила Польша Руси, надѣясь сокрушить твердость русскую. И дѣйствительно, этими несчастіями Русь была поражена до глубины души. И много времени такъ страдала она, подобно Іову, па гноищѣ, всѣми забытая, всѣми оставленная, одна съ своею болью и горемъ.

На этомъ ли кончились бѣдствія ея? О, еслибы кончились. Но не кончились. Приходитъ римская увія къ Руси и говоритъ ей: „чего ты ждешь еще? Помолись Богу и умри!“ Но скорбью подавленная, сердобольная холмская Русь со слезами и рыданіемъ спѣшила въ разрушавшія свои церкви и, молясь по униатски, просила у святаго Владыки защиты отъ коварныхъ губителей. Затѣмъ пришли къ ней изъ дальнихъ жѣсть для утѣшенія и прежніе друзья ея. Увидѣвъ ее, они сначала ея не узнали, но, подошедши ближе, они вскричали отъ ужаса и долгое время не могли произнести ни одного слова утѣшенія. Но холмская Русь въ долговѣковыхъ тѣсныхъ обстоятельствахъ научилась многотерпѣннью, а кто приобрѣлъ терпѣніе тотъ приобрѣлъ упованіе. „Претерпѣвый до конца, сказалъ Господь, той спасенъ будетъ“. Наконецъ, явился милостивый Богъ и заставилъ ее смириться предъ непостижимостью путей своихъ и вознаградила ее за всѣ потери, возвращая ее въ лоно православной церкви и въ объятія русской братьи.

Древле православные русскіе братья! Примите съ любовію въ ваши объятія возвращающуюся нынѣ къ вамъ не по ея винѣ заблудшую младшую братью и предайте забвенію невольное заблужденіе предковъ нашихъ. „Кому много прощается тотъ много и возлюбилъ, а кому мало прощается, тотъ мало и любить“.

„Съющія слезами, радостью пожнутъ“, говоритъ святое писаніе. Нынѣ приспѣло время, когда холмская Русь можетъ осушить вѣковыя свои слезы. Нынѣ посреде насъ водворилось царствіе небесное, которе, по словамъ Спасителя, подобно тому какъ если человекъ бросаетъ сѣмя въ землю и какъ сѣмя прозябаетъ и вырастаетъ не знаетъ самъ, ибо земля сама по себѣ производитъ сперва зелень, потомъ колось, потомъ полное зерно въ колосѣ. Когда же созрѣетъ плодъ, то посылаетъ серпъ, потому что настала жатва.

Августѣйшій святель посѣялъ сѣмя Своихъ благодѣаній и щедротъ на почву сердець униатскихъ, и оно упало на добрую землю и, орошаемое благодатью Вожею, принесло плодъ православія. Доколѣ суще-

ствовать будетъ холмская Русь, дѣти ея будутъ молить Бога за своего Царя-Освободителя и Просвѣтителя и вѣчно носить въ сердцѣ безпредѣльную любовь и благодарность къ Ихъ Императорскимъ Величествамъ, соизволившимъ всемілостивѣйше принять нашу депутацію съ всеподданнѣйшимъ прошеніемъ о воссоединеніи съ православною церковью и въ память сего событія пожаловать холмскому собору великолѣпныя иконы.

Что же скажу вамъ, бывшимъ униатамъ? Послѣ чудеснаго насыщенія народа въ пустынѣ Виссандской пятью хлѣбами, Иисусъ Христосъ скрылся отъ народа, хотѣвшаго было провозгласить его царемъ, а ученикамъ своимъ велѣлъ плыть на другую сторону Геннисаретскаго озера. Не успѣли они достигнуть и середины озера, какъ поднялся сильный противный вѣтеръ; море страшно начало волноваться, и они всю ночь провели въ большомъ безпокойствіи. Видя это, Господь пошелъ къ нимъ по морю, ученики ободрились и Петръ сказалъ: „Господи, если это Ты, вели мнѣ придти къ Тебѣ по водѣ.“ „Иди,“ сказалъ ему Господь. Петръ вышелъ изъ лодки и пошелъ къ своему Учителю; но, видя вокругъ себя сильныя волны, скорѣ испугался и началъ тонуть. „Господи!“ возопилъ онъ, „спаси меня!“ Господь простеръ руки и, поддерживавъ утопающаго, сказалъ: „маловѣрный, зачѣмъ ты усомнился?“

Возлюбленные новопросвѣщенные братья! Море житейское пространно, и бури страстей бушуютъ по немъ. Но лодка святой нашей православной вѣры пронесетъ насъ и по страшно волнуемому морю, если не будемъ сомнѣваться въ могущество Иисуса Христа, Который есть единый глава церкви нашей и Который обѣщаль намъ быть съ нами всегда, до конца вѣка. На Него же возложимъ наше упованіе и въ минуты испытаній и злоключеній, имѣя въ памяти съ горячностью изреченныя слова апостола Петра: „Господи! къ кому намъ идти? Ты имѣешь глаголы вѣчной жизни и мы увѣровали и познали, что Ты Христосъ, Сынъ Бога живаго“.

Наше воссоединеніе съ православною церковью совершается случайно 11 мая, въ день памяти святыхъ равноапостольныхъ Меодія и Кирилла, просвѣтителей Славянъ. Богѣ тысячи лѣтъ назадъ тому, они, по волѣ Божіей, просвѣтили нѣсколько славянскихъ племенъ свѣтомъ вѣры Христовой и изложили на языкѣ славянскомъ слово Божіе; ими послышались въ Моравіи проповѣдники и въ привислинскій край; ими изложенное слово Божіе перенесено чрезъ сто лѣтъ съ небольшимъ и въ кievскую Русь и озарило всю землю русскую; имъ одолжена Россія самостоятельностью своей церкви и тѣмъ, что установилась, окрѣпла и выросла подъ вліяніемъ и охраненію православной вѣры; имъ благодаря и холмская Русь сохранила свою народность и избавляется нынѣ отъ

решенныхъ ухищреній. Много зодѣ и бѣдѣ претерпѣли мы, много скорбей и трудовъ перенесли, и много предстоитъ намъ еще испытать; но мы исполнили предсмертное завѣщаніе св. Кирилла: „въ сей (православной) вѣрѣ состоитъ спасеніе и упованіе наше и сію предаемъ мы ученикамъ своимъ, да, тако вѣруя, спасутся“.

Будемъ жить по этой вѣрѣ, будемъ орошать душу нашу божественными водами ученія православнаго, да процвѣтемъ, принесемъ плодъ въ правдѣ и достигнемъ жизни нестарѣющей, которую да сподобитъ Богъ улучшить всѣмъ намъ, по молитвамъ благоудившихъ ему свв. Меодія и Кирилла, память которыхъ отнышѣ въ Холмѣ всегда праздновать будемъ. Аминь.

ТОРЖЕСТВЕННОЕ БОГОСЛУЖЕНІЕ ВЪ ХОЛМѢ 22 МАЯ.

(Изъ Правительственнаго Вѣстника).

По Высочайшему соизволенію митрополитъ кіевскій и галицкій высокопреосвященный Арсеній, вмѣстѣ съ архіепископомъ холмскимъ и варшавскимъ Іоанникіемъ, въ ночь 20 минувшаго мая, прибыли въ городъ Люблинь, а на другой день утромъ отправились въ городъ Холмъ для совершенія торжественнаго богослуженія 22 минувшаго мая, въ день праздника Вознесенія Господня.

На почтовой станціи Сѣдлище, въ 19 верстахъ отъ города Холма, высокопреосвященные были встрѣчены мѣстными властями и собравшимися изъ окрестныхъ деревень крестьянами, изъ числа коихъ одинъ поднесъ митрополиту хлѣбъ-соль и сказалъ краткое привѣтствіе отъ имени крестьянъ, чѣмъ высокопреосвященный Арсеній былъ очень доволенъ и благодарилъ.

По прибытіи въ Холмъ оба архинастыря были встрѣчены у семинарской церкви администраторомъ епархіи, протоіереемъ Попелемъ, соборнымъ духовенствомъ и всѣми благочинными съ хоругвями, крестомъ и св. водою. Послѣ краткаго молебствія митрополитъ приложился къ чудотворной иконѣ Божіей Матери и сказалъ привѣтственное слово къ духовенству, а затѣмъ посетилъ семинарію и отправился въ квартиру къ протоіерю Попелю, гдѣ слушалъ всенощную. Преосвященный же Іоанникій совершалъ всенощное бдѣніе въ церкви женскаго 6-ти-класснаго училища соборнѣ съ холмскимъ духовенствомъ.

22 мая, въ праздникъ Вознесенія Господня, митрополитъ и архіепископъ въ 10 часовъ утра прибыли въ ту же церковь, гдѣ собралось до

3.000 народу, а предъ прїѣздомъ ихъ высокопреосвященствъ крестьянскіе мальчичи и дѣвочки усыпали полевыми цвѣтами дорожку отъ подъѣзда до входа въ церковь. Литургію и молебствіе совершали митрополитъ Арсеній и архіепископъ Іоаннікій съ величайшею торжественностію; соборное духовенство было во вновь пожалованныхъ камилавкахъ и наперсныхъ крестахъ.

Предъ началомъ молебствія высокопреосвященный Арсеній произнесъ пространную рѣчь о прошедшемъ и настоящемъ положеніи Холмской Руси, благодарилъ духовенство и народъ за воссоединеніе съ искони родною имъ Православною Церковью и разъяснилъ высокое значеніе этого событія, послужившее къ переименованію здѣшней епархіи въ Холмско-Варшавскую. Въ отвѣтъ, протоіерей Попель благодарилъ митрополита за посѣщеніе Холма въ самыхъ искреннихъ, задушевныхъ выраженіяхъ. По окончаніи богослуженія къ митрополиту подходили для благословенія народъ, воспитанницы и воспитанники всѣхъ холмскихъ учебныхъ заведеній. Послѣ того, въ 4 часа пополудни высокопреосвященные Арсеній и Іоаннікій, все духовенство и гражданскія власти были приглашены протоіереемъ Попелемъ къ обѣденному столу, во время котораго провозглашены тосты за здоровье Государя Императора, за Святейшій Правительствующій Синодъ, митрополита кіевскаго и галицкаго Арсенія, архіепископа холмскаго и варшавскаго Іоаннікія и за воссоединившееся съ православіемъ духовенство и народъ.

23 минувшаго мая митрополитъ Арсеній, сопутствующій архіепископомъ Іоаннікіемъ и въ сопровожденіи администратора епархіи, соборнаго духовенства, благочинныхъ и мѣстныхъ административныхъ властей, выѣхалъ изъ Холма чрезъ Устилугъ въ гор. Ковель, Волинской губерніи, откуда митрополитъ отправился по Кіево-Брестской желѣзной дорогѣ въ гор. Кіевъ, а архіепископъ Іоаннікій чрезъ Брестъ-Литовскъ возвратился въ Варшаву.

Настоящее посѣщеніе города Холма митрополитомъ кіевскимъ и галицкимъ произвело чрезвычайно хорошее впечатлѣніе какъ на духовенство, такъ и на народъ.

СВЯТѢЙШІЙ СИНОДЪ О ВЫРУБАНІИ БЕРЕЗОКЪ КЪ ТРОИЦЫНУ ДНЮ.

23 мая сего года состоялось опредѣленіе св. Синода по одному изъ вопросовъ близко затрогивающихъ экономическіе интересы. Дѣло идетъ о прекращеніи или по крайней мѣрѣ видоизмѣненіи обычая украшать хра-

мы и дома „березками“ въ праздникъ Св. Троицы. Оберъ-прокуроръ св. Синода внесъ въ Синодъ предложеніе, въ коемъ изъяснено что издревле идущій обычай ежегодно въ день Св. Троицы украшать храмы, жилища помѣщенія и разные предметы молодыми березками, по мнѣнію министра государственныхъ имуществъ, не можетъ не имѣть дурнаго вліянія на цѣлость лѣсовъ. Истребленіе съ этою цѣлью молодняковъ весьма цѣнной древесной породы всегда составляло весьма значительную потерю, такъ какъ общее годовичное число вырубаемыхъ для этого березовъ можетъ быть опредѣлено если не милліонами, то многими сотнями тысячъ. Въ послѣднее же время, когда съ постепеннымъ увеличеніемъ народонаселенія, распроетраненіемъ земледѣлія, развитіемъ равнаго рода промышленности, а также желѣзнодорожнаго дѣла, съ одной стороны постепенно уменьшается площадь лѣсовъ, а съ другой все болѣе и болѣе возрастаетъ требованіе на лѣсные матеріалы, годичная, безъ особенной пользы, вырубка множества молодыхъ березъ можетъ быть уже названа потерею громадною. Признавая поэтому своевременнымъ принять мѣры противъ такого неразчетливаго пользованія лѣсами, статсъ-секретарь Валуевъ просить оберъ-прокурора предложить на обсужденіе св. Синода вопросъ о необходимости того, чтобы храмы въ день Св. Троицы, а равно и въ другіе праздникі, украшались цвѣтами, кустарными и полукустарными растеніями, вѣтвями деревъ и т. п., но отнюдь не молодыми деревцами березы и вообще не деревцами какихъ бы то ни было породъ. Принимая во вниманіе, что украшеніе ежегодно въ дець Св. Троицы храмовъ, жилыхъ помѣщеній и разныхъ предметовъ молодыми деревцами березы и другихъ породъ установленъ не церковными правилами, а народнымъ обычаемъ, св. Синодъ нашель что принятіе мѣръ къ искорененію сего обычая, вреднаго для отечественнаго лѣсоводства, зависить отъ надлежащаго гражданскаго начальства. Въ видахъ же содѣйствія со стороны духовнаго начальства къ искорененію сего обычая, св. Синодъ опредѣлилъ: поручить православному духовенству при всякомъ удобномъ случаѣ, объясняя прихожанамъ о могущемъ послѣдовать вредѣ для лѣснаго хозяйства отъ истребленія молодыхъ деревъ березы и другихъ породъ для украшенія храмовъ въ нѣкоторые праздничные дни, убѣждать прихожанъ чтобы они, для украшенія храмовъ въ день Св. Троицы, а равно и въ другіе праздникі, употребляли цвѣты, кустарныя и полукустарныя растенія, вѣтви деревъ и т. п.

Р Ъ Ч Ъ

ПРОТОИЕРЕЯ МАРКЕЛА ПОПЕЛЯ, ПРИ НАРЕЧЕНИИ ВЪ
ЕПИСКОПА ЛЮБЛИНСКАГО.

„Ваше святѣйшество,
„милостивѣйшіе архипастыри и отцы!

„Призываемый вашимъ избраніемъ и изволеніемъ державной власти къ епископскому служенію, какое „слово на пользу“ могу произнести я, истаявающій голодомъ ума предъ насмысленными премудростію, иссохшій отъ жажды благодати предъ увлажненными росой Духа, бѣдный богоугодными дѣлами предъ имѣющими въ себѣ сладость добродѣтелей?

„Стоя въ семь священномъ собраніи, предъ крестомъ Господнимъ, предъ св. Евангелиемъ, у самаго источника, который бьетъ обильною небесною струей и безъ оскуднѣнія снабжаетъ благодатною водою всякаго кто желаетъ и удостоился почерпнуть отъ него, прежде всего благодарю Господа Бога моего, что сподобилъ меня дожидаться движенія воды и пить изъ этого источника, да вся горечь моя усладится благодатію Св. Духа, согрѣвающею умъ и душу.

Понимаю всю трудность и величіе епископскаго служенія. Трудно званіе епископа. Опъ имѣетъ насти церковь Господа и Бога, юже стяжа кровію Своею (Дѣян. XX, 28), и для сего ему слѣдуетъ возжечь свѣтильникъ правды и облестися во вся оружія Божія (Еф. VI, 11), чтобы не только онъ самъ могъ вести жизнь подобную ангельской, но и былъ вѣрнымъ рабомъ и мудрымъ; его же постави господинъ его надъ домою своимъ, еже даати пищу во время (Мат. XXIV, 43—46) Велико достоинство епископскаго званія. Почему, спрашиваетъ Ефремъ Сиринъ, царь Давидъ поступилъ съ Голиафомъ враждебно, предъ Сауломъ же велъ себя смиренно?—и отвѣчаетъ: потому что Саулъ былъ помазанникъ Господень. И, однакоже, въ ветхомъ завѣтѣ посвященіе достигалось чрезъ рогъ съ елеемъ; въ новомъ же завѣтѣ для священства мы не имѣемъ чувствительнаго слѣда, но самая высокая и странная Мышца, спускаясь съ неба, чрезъ возложеніе рукъ святительскихъ, даруетъ намъ Духа Своего, какъ огонь, вѣкогда снисшедшій на апостоловъ.

Это трудное и великое служеніе призываюсь я проходить въ странѣ, въ которой слѣды православія встрѣчаются уже болѣе тысячи лѣтъ тому назадъ. Паннонское жизнеописаніе св. Меодія говоритъ, что словенскими апостолами, свв. Кирилломъ и Меодіемъ, посылались изъ Моравіи проповѣдники къ Вислицкому князю, вѣроятно въ городъ Вислицы при рѣкѣ Нидѣ въ нынѣшней Кѣлецкой губерніи. Какъ бы то ни было, православіе распространилось рано въ этихъ странахъ, и въ

городѣ Сандомірѣ при Вислѣ, въ ннѣшней Радомской губерніи, при церкви св. Іакова существовала кафедра словено-русскаго епископа.

Но затѣмъ римскимъ папою Венедиктомъ VI и нѣмецкимъ императоромъ Оттономъ II была издана грамота объ учрежденіи моравско-чешскаго епископства въ городѣ Прагѣ, и границы этого епископства опредѣлялись на востокъ рѣками Бугъ и Стырь, очевидно съ цѣлю истребленія славянскаго богослуженія въ этихъ странахъ. И дѣйствительно, послѣ кончины перваго пражскаго епископа Дитмара, преемникъ его Войтехъ былъ самымъ ревностнымъ гонителемъ славянской литургіи: русскіе священники были прогнаны, латинскіе миссіонеры заняли ихъ мѣсто, славянское богослуженіе было замѣнено латино-польскимъ. Объ этомъ прискорбномъ для православія событіи, сказаніе о свв. Кириллѣ и Меѳодіи говоритъ слѣдующее: „потому же многимъ лѣтомъ минувшимъ, пришеде Воитехъ латинскій въ Мораву и въ Чехи и въ Ляхи, разрушиша вѣру православную и русскую грамоту отверже, и латинскую грамоту и вѣру постави, правыя вѣры иконы пожже, а епископы посѣче, а другая разгнавъ“.

Несмотря на то, однако, остатки восточнаго богослуженія сохранялись за Вислою на югѣ еще долгое время. Польскій историкъ Богуфаль говоритъ, что въ окрестностяхъ города Опатова, Радомской губерніи, русскіе проживали еще въ первой половинѣ XIII столѣтія, и для нихъ-то, хотя уже окатоличенныхъ, учреждено было опатовское епископство. По волинской лѣтописи, во второй половинѣ XIII столѣтія, во время нашествія татаръ, славянское богослуженіе совершалось еще въ городѣ Сандомірѣ и Лысцѣ, т.-е. на Лысой горѣ въ Радомской губерніи, гдѣ нынѣ латинскій монастырь и куда еще въ текущемъ столѣтіи посылались уніатскіе священники Холмской епархіи на покаяніе.

Относительно менѣе тяжелый ударъ нанесенъ былъ латинизмомъ въ странѣ между Вислою и Бугомъ, гдѣ нынѣ губерніи: Люблинская и Сѣдлецкая. Впрочемъ, при концѣ X столѣтія, равноапостольный князь Владиміръ отнялъ отъ Польши эту страну, известную въ лѣтописяхъ подъ названіемъ Червинскихъ градовъ или Червонной Руси, и православіе здѣсь утвердилось. Не надолго, однако, и не вездѣ. Какъ только Русь ослабилась усобицами князей и нашествіемъ татаръ, Польша въ первой половинѣ XIII столѣтія, захватила часть этой земли по рѣку Вепрь. Отъ того-то по ту сторону Вепри русскіе окатоличились и ополчались до того, что нынѣ едва нѣсколько селеній остались вѣрными своему русскому происхожденію и своей прадрѣдовской вѣрѣ.

Прочая часть прибужской Руси, оставаясь болѣе долгое время подъ владычествомъ своихъ князей, сохранила свою вѣру и народность и своихъ святителей, съ первой половины XIII столѣтія—въ Угрусѣ, въ

нынѣшней Сѣдлецкой губерніи, и затѣмъ въ Холмѣ—городѣ, созданномъ княземъ Данииломъ Романовичемъ. Но и Холмской Руси не было суждено остаться навсегда рубежомъ достоянія св. Владимира. И она пала подъ владычество Польши и истекала кровью въ ожесточенной борьбѣ съ католицизмомъ и полонизмомъ. Уже въ XIV столѣтіи польскій король Людовикъ учредилъ въ городѣ Холмѣ польско-католическую епископію, которая затѣмъ перенесена была въ городъ Грубешовъ, послѣ въ городъ Красноводскъ и наконецъ въ городъ Люблинъ, вездѣ преслѣдуя свои національно-религіозныя миссіонерскія цѣли. Другая кафедра такой же латино-польской пропагандаторской епископіи учреждена была въ городѣ Яновѣ, въ Сѣдлецкой губерніи. Мало того. Въ XVI столѣтіи придумана была Польшей политическая Люблинская унія, цѣлью которой было—совершенно слить русскихъ съ поляками въ одинъ народъ польскій. Но и эта мѣра не вполне еще уничтожила Русь, и потому въ томъ же столѣтіи послѣдовала другая унія—религіозная, въ силу которой русская церковь подчинилась іерархически римскому папѣ съ оставленіемъ ей вѣры отцовъ и неприкосновенности восточнаго обряда, каковое условіе однако не соблюдалось ни польскимъ правительствомъ, ни римскою куріей. Но не испытаны судомъ Божиимъ и не изслѣдованы путіе Его (Рим. XI, 33). Стеная подъ гнетомъ иновѣрной и иноязычной несправедливости, Холмская Русь сохранила чувства своего русскаго происхожденія и принадлежности къ восточной церкви и нынѣ Провидѣнію Божию угодно было возвратить ее русской семьѣ и русской православной церкви.

И въ этой-то странѣ, только-что воспрянувшей отъ рѣзкаго духовнаго сна и только-что вновь просвѣщенной свѣтомъ православія, мнѣ предстоитъ исполнять званіе епископа. Предчувствуя всю тяжесть бремени, возлагаемаго на мою немощь, я однако не отчаиваюсь, а съ надеждою и упованіемъ послѣдую призыванію къ многотрудному служенію, ибо вѣрую, что по молитвамъ вашимъ, святѣйшіе архипастыри и отцы, Господь Богъ Вседержитель будетъ путевождать меня свѣтомъ Своимъ и покроетъ меня державною рукою Своею, такъ какъ Онъ сказалъ: грядущаго ко Мнѣ не изжену вонъ (Іоан. VI, 37), и нѣтъ лучшаго помощника, кромѣ Бога живаго, потому что Онъ Господь неба и земли, и вся елика хочетъ творить на небеси и на землѣ, и въ морѣ и въ безднѣ (Пс. 134, 6), и нѣсть иже воспротивится волѣ Его (Дан. IV, 34). Ему же да будетъ честь и слава во вѣки вѣковъ“.

Въ среду, 4-го іюня, въ присутствіи св. Синода совершилось нареченіе бывшаго администратора холмской униатской, нынѣ православной

епархіи протоіерея Маркела Онуфріевича Понеля въ санъ епископа люблинскаго, викарія холмско-варшавской епархіи, а въ воскресенье, 8 іюня, состоялась хиротонія его въ Исаіевскомъ соборѣ. Новонарекаемый былъ введенъ въ присутствіе св. Синода въ мантии архимандрита и въ клобукѣ, какъ принявшій малый постригъ, но именуемъ былъ *протоіереемъ Марксломъ*, что производило на присутствовавшихъ особое необычное впечатлѣніе. Такимъ образомъ, по замѣчанію *Церковно-Обществ. Вѣстника*, можно гадать, какого порядка наше высшее церковное правительство будетъ держаться при послѣдующихъ случаяхъ возведенія протоіереевъ въ епископы: они будутъ принимать лишь малый постригъ, безъ перемѣны даннаго при крещеніи имени, и не сдѣлаются въ собственномъ смыслѣ монахами, а будутъ носить только часть монашескаго одѣянія: черный клобукъ и мантию, во избѣжаніе соблазна въ грубой необразованной средѣ...

СТАРОКАТОЛИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНІЕ ВЪ ИТАЛІИ.

Послѣ Ватиканскаго собора, вблизи самого Рима и папы, въ разныхъ концахъ Италіи, въ средѣ католиковъ возникло стремленіе къ освобожденію церкви изъ-подъ ига непогрѣшимаго папы и движеніе къ организаціи церковнаго общества на почвѣ древней нераздѣленной церкви, къ созданію независимой отъ папы національной италіанской старокатолической церкви. Изъ старокатоликовъ Италіи южной въ (Неаполѣ) и сѣверной (въ Мантуанскихъ общинахъ) образовалось общество которое называется „національнымъ обществомъ освобожденія и взаимной помощи италіанскаго духовенства“. Общество это, для управленія своими дѣлами, учредило свой комитетъ, подъ предсѣдательствомъ кавалера Прота Джурлео, нынѣ викарія національной италіанской церкви, и вступило въ близкія сношенія съ избраннымъ теперь въ епископы, тремя тысячами голосовъ, Панелли. Въ органѣ либеральныхъ католиковъ, *Emancipatore Cattolico*, помѣщенъ проектъ статута національной италіанской церкви. Этотъ документъ столько же важенъ сколько и интересенъ, поэтому мы рѣшаемся ознакомить съ нимъ читателей: „Приступая къ составленію проекта статута (догматическаго, органическаго и дисциплинарнаго) національной италіанской церкви, мы, говорятъ составители проекта, руководствовались нижеслѣдующими исходными пунктами: имѣя въ виду неоспоримый принципъ, что существеннѣйшія измѣненія древней католической вѣры и каноническаго права произошли въ IX и X вѣдахъ, то-есть когда римскій первосвященникъ

достигъ диктаторской власти, нашъ комитетъ принялъ во вниманіе и въ руководствѣ лишь тѣ догматы и тѣ мудрыя каноническія правила, которыя заключаются въ постановленіяхъ первыхъ семи вселенскихъ соборовъ и которыя основаны на непреоборимомъ авторитетѣ Священнаго Писанія, на непрерывномъ апостольскомъ преданіи и на согласіи церкви Вселенской, а не только лишь одной частной церкви римской.

Въ означенномъ проектѣ, состоящемъ изъ 65 параграфовъ, говорится между прочимъ слѣдующее: „католическая національная италянская церковь есть и желаетъ быть нераздѣльною (integrale) частью Вселенской церкви, и поэтому не принимаетъ, не допускаетъ и не признаетъ необходимости, для достиженія вѣчнаго блаженства, никакихъ другихъ вѣроученій кромѣ тѣхъ которымъ учила Вселенская церковь и которыя формулованы и опредѣлены въ символахъ апостольскомъ, никейскомъ и константинопольскомъ.

„Признается и принимается, какъ божественное учрежденіе, тройственная іерархія церкви, состоящая изъ епископовъ, пресвитеровъ и діаконовъ, равно признается и власть церкви опредѣлять, на основаніи неизмѣнимыхъ и непорочныхъ истинъ, истинныя относящіяся до вѣры и нравственности, а равно устанавливать и свою внутреннюю дисциплину.

„Никакая частная церковь, хотя бы она была основана и апостолами, не можетъ себя приписывать названія вселенской; всѣ частныя церкви могутъ находиться въ заблужденіи. Ни Вселенская церковь, ни церкви частныя не могутъ ни отнимать, ни прибавлять, ни измѣнять какіе бы то не было члены изложенныя въ символахъ вѣры, но онѣ могутъ объяснять, разъяснять и комментировать ихъ, въ случаѣ ежели они окажутся темными. На этомъ основаніи прибавленіе слова *romanam*, сдѣланное частною римскою церковью къ догматическимъ названіямъ даннымъ въ апостольскомъ символѣ Вселенской церкви, то есть „единая, святая католическая и апостольская“, ошибочно и еретично.

„Католическая италянская національная церковь принимаетъ и признаетъ догматическими опредѣленіями католической вѣры все то что было формуловано на первыхъ семи вселенскихъ соборахъ, на которыхъ была представлена вся Вселенская церковь, а не только одни послѣдователи частной церкви римской. Что касается до каноновъ и опредѣленій всѣхъ остальныхъ помѣстныхъ соборовъ послѣдующаго времени (національных или провинціальныхъ), то изъ нихъ принимаются лишь тѣ которые совершенно соответствуютъ опредѣленіямъ и канонамъ первыхъ семи вселенскихъ соборовъ, илѣ же разъясняютъ ихъ болѣе полно. По вышеозначенной причинѣ церковь наша положительнѣйшимъ образомъ отвергаетъ послѣдній Ватиканскій соборъ и объяв-

ляютъ извращающими истину католической вѣры догматическія опредѣленія сего собора о личной непогрѣшимости римскаго епископа, о его верховной власти надъ епископатомъ Вселенской церкви и о непосредственной его юрисдикціи надъ частными церквами и ихъ епископами.

„Единый Иисусъ Христосъ есть глава и всеобщій пастырь церкви, никакой другой членъ ея, будь онъ епископъ, примаъ или патріархъ, не можетъ приписывать себѣ, говоря по-христіански, званія главы или пастыря Вселенской церкви“.

По проекту законная власть церкви, на основаніи апостольскаго преданія, принадлежитъ духовенству и мірянамъ соединеннымъ воедино, по власть священнодѣйственная и дисциплинарная принадлежитъ духовенству.

„Избраніе епископовъ, священниковъ и діаконовъ или администраторовъ, говорится въ проектѣ, принадлежитъ клиру и народу христіанскому вмѣстѣ; имъ же обомъ принадлежитъ управленіе имуществомъ и право предлагать дисциплинарныя и каноническія правила, а равно и право созванія соборовъ и синодовъ; власть же духовная вязать и рѣшать принадлежитъ одному духовенству, которому она была передана Иисусомъ Христомъ“. Въ § 21 проекта высказано едва ли защитимое положеніе, что міряне могутъ принимать участіе не только въ обсужденіи вопросовъ предложенныхъ на обсужденіе собора, но и въ голосованіяхъ по симъ вопросамъ.

Далѣе въ проектѣ читаемъ: „Италія раздѣляется на двѣ епархіи, Миланскую и Римскую, согласно постановленію Никейскаго собора, утвержденному императоромъ Константиномъ“.

По проекту при епископахъ состоятъ совѣты; въ совѣтахъ этихъ участвуютъ и міряне. Епископъ который произвольно нарушитъ предлагаемую конституцію церкви или сдѣлается ненавистнымъ церкви своимъ поведеніемъ можетъ быть, послѣ троекратнаго предостереженія сдѣланнаго синодальнымъ совѣтомъ, низложенъ постановленіемъ епархіальнаго синода. Тотъ же синодъ созываетъ церковь для избранія новаго епископа. Избраніе происходитъ на основаніи голосованія и по простому большинству голосовъ.

„Священники избираются народомъ; избраніе предложенныхъ народомъ кандидатовъ обсуждается синодальнымъ совѣтомъ и, въ случаѣ благоприятнаго отзыва, утверждается епископомъ“.

„Епископъ обязанъ собирать свой епархіальный синодъ по крайней мѣрѣ разъ въ годъ; на немъ обсуждаются духовныя потребности епархіи, разбираются споры между членами церкви и принимаются разныя дисциплинарныя мѣры. На провинціальныхъ соборахъ, собирающихся каждые два года, и на соборахъ національныхъ, собирающихся каждые

четыре года, постановляются опредѣленія по спорамъ догматическимъ, осуждаются ереси и измѣняются и обновляются дисциплинарные и литургическіе каноны. Соборы провинціальныя собираются старшими тремя епископами въ провинціи, соборы національныя тремя старшими епископами всей націи.

„Въ богослуженіи италіанская церковь будетъ по возможности держаться древней литургіи латинской церкви. Совершеніе таинствъ будетъ происходить на національномъ языкѣ, равно какъ и чтеніе посланій, Евангелія, Символа и Молитвы Господней.

„Что касается отношеній между церковью и государствомъ, а равно между церковью національною и другими христіанскими обществами (исповѣданіями, confessioni), то они основаны на правилѣ: „воздайте кесарево кесарю и Божіе Богу“. Церковь подчиняется законамъ гражданской власти, охраняетъ права предержавшихъ властей и вселяетъ къ нимъ почтеніе въ душахъ правовѣрныхъ, такъ какъ всякая власть происходитъ отъ Бога. Церковь, какъ духовное общество, не имѣетъ права вмѣшиваться въ избраніе формы правленія или въ опредѣленіе его законности. Она обязана признавать и уважать всякое правительство существующее de facto: Церковь безусловно принимаетъ законы государства, которые гарантируютъ свободу совѣсти; Церковь, какъ и всякое другое дозволенное закономъ общество, не имѣетъ никакихъ другихъ правъ и другихъ обязанностей относительно государства; она участвуетъ во всѣхъ гражданскихъ правахъ, которыя дарованы нашими законами католической церкви.

„Италіанская церковь находится въ общеніи, на основаніи своихъ догматическихъ принциповъ, со всѣми тѣми церквами и церковными обществами, которыя исповѣдуютъ тотъ же самый Символъ, апостольско-никео-константинопольскій, которыя отвергаютъ верховную власть и непогрѣшимость папы и всѣ остальные новшества введенныя въ церковь папствомъ для достиженія матеріальныхъ цѣлей. Къ другимъ христіанскимъ обществамъ церковь относится съ полною терпимостью и любовью“.

Таковъ, въ главныхъ своихъ чертахъ, проектъ статутовъ старо-католической національной италіанской церкви. Новая вѣтвь старо-католической церкви, выросшая на почвѣ романской на глазахъ самого папы, лишеннаго теперь своей свѣтской власти, въ виду самого Ватикана, выѣстъ съ широкимъ движеніемъ старо-католичества въ Германію, составляетъ живое свидѣтельство, что папство, протестантизмъ и рационализмъ не были въ состояніи искоренить и на западѣ идею древней вселенской церкви. Пожелаемъ старокатоликамъ Италіи, безъ колебаній сѣмо и овамо, путемъ исторической правды и соединенія въ ученіи

и духъ церковной жизни съ православною церковью Востока, возстановить порванную въ IX и X вѣкѣхъ связь съ древнею нераздѣльною Вселенскою церковью. (Моск. Вѣд.)

Р Ъ Ч Ъ

И. Е. ТРОИЦКАГО НА ДОКТОРСКОМЪ ДИСПУТѢ ВЪ ПЕТЕРБУРГСКОЙ АКАДЕМІИ ОБЪ АРМЯНСКОЙ ЦЕРКВИ.

27. минувшаго апрѣля, въ воскресенье, въ петербургской духовной академіи профессоръ И. Е. Троицкій защищалъ свое сочиненіе, представленное имъ на степенъ доктора богословія подъ заглавіемъ: „Изложеніе вѣры церкви армянской, начертанное Нерзесомъ католикосомъ армянскимъ по требованію боголюбиваго государя грековъ Мануила (историко-догматическое изслѣдованіе въ связи съ вопросомъ о воссоединеніи армянской церкви съ православною).“ Докторантъ состоитъ въ петербургской академіи бакалавромъ и потомъ профессоромъ съ 1861 года, а съ 1874 г. кромя того занимаетъ въ петербургскомъ университетѣ кафедру по церковной исторіи, и извѣстенъ, сверхъ другихъ трудовъ, солиднымъ сочиненіемъ „объ Арсеніи патріархѣ константинопольскомъ и арсенитахъ“. Диспутъ оный открылъ пространную рѣчь, въ которой коснулся догматической характеристики армянской церкви и историческаго обзора причинъ ея отдѣленія отъ вселенской церкви и бывшихъ потомъ попытокъ къ воссоединенію ея.

„Главную тему моего изслѣдованія—сказалъ докторантъ—составляетъ вопросъ о воссоединеніи армянской церкви съ православною; вторую—вопросъ о характерѣ вѣроученія армянской церкви сравнительно съ вѣроученіемъ церкви православной. Этотъ второй вопросъ введенъ въ мое изслѣдованіе по тѣсной связи съ первымъ вопросомъ, какъ базисъ для правильной постановки и рѣшенія этого вопроса. Процессъ моего изслѣдованія по тому и другому вопросу выясненъ въ предисловіи къ моему труду, а результаты, къ которымъ я пришолъ путемъ сравнительнаго изученія памятниковъ вѣроученія обѣихъ церквей и ихъ фактическихъ отношеній; формулированы въ тѣхъ 14-ти положеніяхъ, которыя я буду имѣть честь защищать. Остается сказать нѣсколько словъ о томъ, почему вопросъ о воссоединеніи армянской церкви съ православною и въ настоящее время столь же далекъ отъ практическаго рѣшенія, какъ былъ въ моментъ своего возникновенія.“

„Для уясненія себѣ этого страннаго на первый взглядъ факта необходимо обратиться къ исторіи этого вопроса.“

„Вопросъ этотъ возникъ изъ печальнаго факта отпаденія армянской церкви отъ церкви вселенской, совершившагося почти за 1400 лѣтъ тому назадъ. Съ тѣхъ поръ въ теченіе цѣлыхъ 900 лѣтъ обѣ церкви усердно, но безплодно, трудились надъ его разрѣшеніемъ и, наконецъ, истощившись въ безплодныхъ усиліяхъ отыскать удовлетворительное рѣшеніе этого вопроса, почти за 500 лѣтъ тому назадъ совершенно оставили его и не возвращались къ нему до послѣдняго времени. И лишь въ наши дни, именно лѣтъ 8 тому назадъ, снова поднятъ этотъ вопросъ одинъ изъ частныхъ богослововъ православной церкви—преосвященный Григорій, митрополитъ хіосскій, посвятившій ему специальное изслѣдованіе подъ заглавіемъ: „О воссоединеніи армянъ съ православной восточною церковію“, — изслѣдованіе, послужившее ближайшимъ поводомъ къ моему собственному изслѣдованію.

„Тщательное изученіе исторіи и литературы этого вопроса выяснило для меня слѣд. факты: 1) вопросъ этотъ съ самаго его возникновенія и до послѣдняго времени разсматривался и рѣшался обѣими, заинтересованными въ немъ сторонами, какъ вопросъ внѣшній, междуцерковный; 2) къ его рѣшенію примѣнялось двѣ теоріи: одна изъ нихъ извѣстна была на православномъ востокѣ подъ техническимъ терминомъ *ἑνωσις δογματικῆς*, другая подъ таковымъ же терминомъ *ἑνωσις οἰκονομικῆς*; 3) державшіеся первой теоріи выходили изъ предположенія, что между армянской и православной церквами существуетъ разногласіе въ догматѣ и вслѣдствіе этого единственный правильный и цѣлесообразный способъ воссоединенія видѣли въ устраненіи этого разногласія; державшіеся второй теоріи выходили изъ предположенія, что разногласія въ догматѣ между ними не существуетъ, а существуетъ простое недоразумѣніе, основанное на разногласіи въ выраженіяхъ, и вслѣдствіе этого находили возможнымъ устроить ихъ воссоединеніе на формальномъ признаніи этого факта и на удержаніи той и другой церковью *statu quo*; 4) первой теоріи держались сами заинтересованныя въ воссоединеніи церкви, а второй нѣкоторые частные богословы той и другой. Дальнѣйшія изслѣдованія показали 5) что до послѣдняго времени эту вторую теорію примѣняли къ рѣшенію этого вопроса исключительно богословы армянской церкви и то изрѣдка и по особымъ обстоятельствамъ; изъ православныхъ же богослововъ первый открыто высказался за эту теорію преосвященный Григорій хіосскій. Наконецъ 6) оказалось, что обѣ церкви и ихъ богословы, державшіеся первой теоріи и предлагавшіе устроить воссоединеніе посредствомъ устраненія существовавшаго между ними догматическаго разногласія, мотивировали этотъ способъ воссоединенія желаніемъ соблюсти интересы догматической истины, а немногіе богословы, придерживавшіеся второй тео-

рія и рекомендовавшіе устроить воссоединеніе на удержаніи той и другой церковью *statu quo*, мотивировали свой способ воссоединенія желаніемъ соблюсти интересы христіанской любви и братской снисходительности.

„Эти факты объясняютъ отчасти и то, почему до сихъ поръ ни сами церкви, ни ихъ богословы не могли придти къ удовлетворительному рѣшенію этого вопроса. Одною изъ такихъ причинъ, очевидно, служило противорѣчіе во взглядахъ на сущность разногласія между церквами и на способы къ ихъ воссоединенію. Между сторонниками той и другой теоріи существовало такое же непримиримое противорѣчіе, какое существуетъ между утвержденіемъ и отрицаніемъ, и соглашеніе было возможно лишь чрезъ отреченіе одной изъ сторонъ отъ своего взгляда и чрезъ присоединеніе къ взгляду противницы. Другая причина заключалась въ кажущемся противорѣчій между интересами истины, защищаемыми представителями первой теоріи, и интересами христіанской любви, которыми прикрывались сторонники второй теоріи. Первымъ казалось, что, рекомендуя теорію снисхожденія къ существующимъ между церквами разногласіямъ, сторонники ея приносятъ въ жертву ей интересы истины; вторымъ казалось, что настаивая на теоріи догматическаго соглашенія, ея приверженцы сурово жертвуютъ ей интересами христіанской любви.

„Но такъ какъ съ одной стороны спорный между сторонниками той и другой теоріи вопросъ о томъ, существуетъ ли между церквами разногласіе въ догматѣ или не существуетъ, весьма легко было рѣшить на основаніи памятниковъ ихъ вѣроученія, съ другой стороны интересы истины, которые защищали сторонники первой теоріи, въ принципѣ столь же дороги, были и сторонникамъ второй теоріи, сколько интересы христіанской любви, защищаемые послѣдними, были дороги первымъ; то въ дѣйствительности соглашеніе между тѣми и другими было вовсе не такъ трудно, какъ это казалось съ перваго взгляда, и если оно не устроялось, и вопросъ о воссоединеніи церковей, не смотря на всѣ успѣхи рѣшить его, продолжалъ оставаться нерѣшеннымъ, то естественно было думать, что кромѣ интересовъ догматической истины и христіанской любви, или интересовъ чисто-теоретическихъ, съ этимъ вопросомъ связаны были еще какіе-либо другіе интересы, не менѣе существенные.

„Мнѣ кажется, что мнѣ удалось открыть эти другіе интересы. Изучая исторію отпаденія армянской церкви отъ церкви вселенской и исторію попытокъ къ воссоединенію съ нею, я пришелъ къ убѣжденію, что какъ въ первомъ, такъ и во второмъ случаѣ вопросы и интересы теоретическіе играли второстепенную роль, а первую и главную — вопросы и интересы практическіе. Убѣжденіе мое основано на слѣдующемъ.

„Въ настоящее время можетъ считаться вполне доказаннымъ тотъ фактъ, что въ исторіи отпаденія монофизитскихъ церковныхъ обществъ отъ вселенской церкви играли весьма важную роль вопросы и интересы національные. Помимо другихъ соображеній, это доказывается тѣмъ фактомъ, что монофизитство было принято одновременно тремя различными національностями, входившими въ составъ тогдашней греко-римской имперіи—армянскою, сирскою и коптскою. Это обстоятельство не могло быть случайнымъ. Въ немъ выразился энергическій, хотя для большинства и безсознательный протестъ со стороны подчиненныхъ національностей противъ господствующей греко-римской національности. Богословскій вопросъ, поднятый монофизитствомъ, послужилъ лишь поводомъ къ заявленію этого протеста, а разногласіе въ его рѣшеніи съ господствующей національностью средствомъ къ охраненію національной самобытности отъ поглощенія ея этой національностью. Въ частности что касается Арменіи, то ничего не могло быть естественнѣе такого порыва національнаго духа. Армянская нація была одною изъ древнѣйшихъ въ мірѣ, имѣла вполне развившуюся и установленную духовную физиономію, сильно развитое національное сознание, длинную и славную исторію. Такія націи не поддаются ассимиляціи со стороны другихъ національностей. Между тѣмъ ея исторія сложилась такъ, что, ей приходилось напрягать всѣ усилія къ тому, чтобы не быть поглощенной другими болѣе многочисленными и сильными національностями. Судьба вдвинула ее между двумя могущественными имперіями—персидскою и греко-римскою. Географическое положеніе, которое она занимала между этими двумя имперіями, было таково, что обѣ онѣ вынуждались смотрѣть на нее, какъ на форпостъ одна противъ другой и употреблять всѣ усилія къ тому, чтобы утвердиться въ немъ раньше и прочнѣе своей соперницы. Понятно само собою, что ни та, ни другая не стѣснялись въ выборѣ средствъ для достиженія своей цѣли. А такъ какъ однимъ изъ наиболѣе могущественныхъ средствъ была религіозная пропаганда, то та и другая усердно и занялись этой пропагандой. Греко-римская имперія предупредила свою соперницу и потому побѣда на этомъ полѣ осталась за нею. Почти одновременно съ принятіемъ христіанства Константиномъ Великимъ оно было провозглашено государственною религіею и Арменіи тогдашнимъ армянскимъ царемъ Тердатомъ. Въ христіанствѣ найдено было для греко-римской имперіи звѣно, связывавшее Арменію съ имперіей, и средостѣніе, разъединявшее ее съ Персіей; для самой же Арменіи въ немъ было найдено одно изъ средствъ къ огражденію національной самобытности отъ той же Персіи.

„Но христіанство, ограждавшее національную самобытность армянъ со

стороны Персін, открывало путь для покушеній на эту самобытность со стороны греко-римской имперіи. Проводникомъ этихъ покушеній легко могли послужить церковные порядки, установившіеся въ Арменіи по обращеніи ея въ христіанство. На первыхъ порахъ юная армянская церковь составляла одну изъ епархій, подчиненныхъ митрополиту Кессаріе-Каппадокійскому, совершала богослуженіе и читала великія произведенія греческаго генія на греческомъ языкѣ, и такимъ образомъ находилась и въ іерархической и интеллектуальной зависимости отъ своей могущественной сосѣдки съ запада. Понятно само собою, что еслибы эта двойная зависимость продолжала развиваться и укрѣпляться дальше, то національной самобытности армянъ угрожала бы серьезная опасность. Вотъ почему въ концѣ IV и началѣ V вѣка почти одновременно начинаютъ обнаруживаться среди армянъ стремленіе эмансипироваться отъ своей опасной сосѣдки въ томъ и другомъ отношеніи. Армянскій царь Папъ прекращаетъ іерархическую зависимость своей церкви отъ Кесаріе-Каппадокійскаго митрополита, а знаменитый Месропъ изобрѣтаетъ армянскую азбуку и переводитъ на армянскій языкъ священныя и богослужебныя книги.

„Въ этихъ двухъ мѣрахъ отыскано было два могущественныхъ средства къ огражденію самостоятельности армянской церкви и самобытности армянской націи отъ опасностей, угрожавшихъ той и другой со стороны греко-римской имперіи. Но, къ сожалѣнію, на принятіи этихъ двухъ мѣръ ни та ни другая не остановились. Виною тому были несчастно сложившіяся къ этому времени обстоятельства Арменіи.

„Въ то время, какъ среди армянъ пробудилось и стало развиваться стремленіе эмансипироваться отъ имперіи въ церковномъ и интеллектуальномъ отношеніи, персидскій царь Іездигердъ объявилъ войну христіанству и греческой цивилизаціи въ Арменіи съ цѣлію вытѣснить изъ нея политическое вліяніе Константинополя и замѣнить его своимъ. Всѣ силы своего, могущественнаго въ то время, царства употребилъ онъ на то, чтобы христіанство замѣнить парсизмомъ, греческій языкъ и литературу отчасти армянскими, отчасти персидскими. Арменія просила себѣ помощи противъ страшнаго врага у имперіи; имперія ей отказала. Оставленная самой себѣ, несчастная нація залила своей кровью всю почву своей родной страны и мужественно отстояла свою вѣру, но не могла отстоять своей политической свободы и самостоятельности и подпала подъ власть Персін.

„Безучастность обнаруженная имперіей къ геройской борьбѣ армянъ съ могущественнымъ врагомъ, сильно охладила послѣднихъ къ первой, а возникшіе почти одновременно съ началомъ этой борьбы монофизитскіе споры, взволновавшіе и замутившіе изъ края въ край всю импе-

рію, довершили остальное. Массы гонимыхъ въ имперіи монофизитовъ устремились въ Арменію, ища въ ней убѣжища отъ преслѣдованій императорскаго правительства и распространяя на его счетъ и на счетъ созваннаго имъ 451 г. для улаженія этихъ споровъ халкидонскаго собора самыя нелѣпыя слухи. Персидскіе цари сразу поняли, какое могущественное оружіе противъ имперіи дается имъ въ руки возникшими въ ней религиозными разногласіями и спѣшили воспользоваться ими противъ нея. Усердно стали они покровительствовать монофизитской эмиграціи въ предѣлы подвластной себѣ части Арменіи и усиленно хлопотать о томъ, чтобы гонимое въ имперіи монофизитство было официально принято армянскою церковію.

„Усилія ихъ, совпадавшія и искусно согласованныя съ собственными эмансипаторскими стремленіями армянъ относительно имперіи, увѣнчались успѣхомъ. Въ 491 г., т. е. спустя 40 лѣтъ послѣ халкидонскаго собора, тогдашній армянскій католикосъ Пабкенъ созвалъ соборъ въ Вагаршападѣ и на этомъ соборѣ торжественно провозгласилъ обязательными для своей церкви лишь вѣроопредѣленія первыхъ трехъ вселенскихъ соборовъ, умалчивая о четвертомъ, какъ бы его и совсѣмъ не было. Это былъ первый шагъ къ отдѣленію армянской церкви отъ православной. Очевидно, она хотѣла этимъ заявить, что въ догматическомъ отношеніи она желаетъ остаться при тѣхъ догматическихъ опредѣленіяхъ, которыя даны были на первыхъ трехъ вселенскихъ соборахъ и въ дальнѣйшемъ развитіи этихъ опредѣленій не желаетъ идти объ руку съ православною церковію. За этимъ первымъ шагомъ вскорѣ послѣдовалъ рядъ другихъ болѣе рѣшительныхъ; на соборахъ въ Довинѣ 547, 596, 645 и въ Монаскертѣ въ 726 г. армянская церковь не только уже прямо отвергла халкидонскій соборъ, но и анаематствовала его. Этимъ она уже формально и торжественно разрывала связь съ православною церковію и заявляла, что отнынѣ будетъ жить своею особою жизнію, отдѣльно отъ православной церкви. Параллельно съ этими формальными отреченіями отъ православной церкви, она начинаетъ обособляться отъ ней и фактически въ сферѣ догматовъ и обрядовъ; мало-по-малу начинаетъ вводить у себя тѣ догматическія и обрядовыя особенности, которыя отличаютъ ее доселѣ отъ православной церкви. Хотя связь большей части этихъ особенностей съ исторіей и догматикой монофизитства, на основаніи дошедшихъ до насъ памятниковъ, можетъ быть доказана лишь съ большею или меньшею степенью вѣроятности, но сепаратистская тенденція, въ нихъ выражающаяся, не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію. Всѣ эти особенности несомнѣнно служили средствомъ къ обособленію армянской церкви отъ православной, а обособленіе средствомъ къ огражденію самостоятель-

ности армянской церкви и самобытности армянской націи отъ покушеній на ту и другую со стороны имперіи.

„Такимъ образомъ если въ христіанствѣ греко-римская имперія имѣла пунктъ, связывавшій ее съ Арменіей противъ Персіи, то въ монофизитствѣ Персія создала пунктъ, разъединявшій Арменію съ имперіей. Для самой же Арменіи монофизитство послужило такимъ же средствомъ къ огражденію самостоятельности ея церкви и самобытности націи отъ покушеній на ту и другую со стороны имперіи, какимъ доселѣ служило христіанство для огражденія той и другой со стороны Персіи.

„Итакъ я позволяю себѣ утверждать, что въ вопросѣ о воссоединеніи армянской церкви съ православною для первой замѣтаны были прежде всего національные и іерархическіе вопросы и интересы. Опасенія за эти дорогіе для нея интересы сквозятъ во всѣхъ переговорахъ ея съ православною церковію, или, лучше сказать, съ восточною имперіею о воссоединеніи. И, къ сожалѣнію, эти опасенія были не безъ основательны. Греко-римская имперія считала себя такимъ же мировымъ учрежденіемъ, какимъ впоследствии считало себя папство, и въ своей внѣшней политикѣ преслѣдовала такую же универсальную тенденцію, какъ и это послѣднее. Она считала себя призванною объединить подъ скипетромъ императора всѣ племена и народы земные и не скрывала этого. Теорію всемірнаго владительства открыто развивали на Востока не только сами государи и государственные люди, но и богословы. Понятно, съ какимъ недоверіемъ и опасеніями должны были прислушиваться къ этой теоріи сосѣдніе съ имперіей народы. Инстинктивно они должны были хвататься за все, что могло охранять ихъ отъ поглощенія этимъ всепоглощающимъ Молохомъ. Имперія и сама очень хорошо знала, какія чувства внушала своимъ сосѣдямъ и во время переговоровъ напр. съ армянами о воссоединеніи церковей тщательно обходила все, что могло вызывать опасенія армянъ за свои національные и церковные интересы и въ этихъ видахъ или совершенно умалчивала объ этой сторонѣ дѣла, или отодвигала ее на задній планъ, стараясь сводить весь вопросъ исключительно на теоретическую почву. Но по временамъ сквозь теоретическую оболочку довольно замѣтно, и иногда весьма характерно, пробивалась ея практическая подкладка. Такъ случилось между прочимъ и во время переговоровъ о воссоединеніи церковей при императорѣ Мануилѣ Комнинѣ. Со стороны грековъ было предложено армянамъ девять условій для воссоединенія,—8 изъ нихъ касались вопросовъ теоретическихъ и лишь 9 и послѣдній затрогивалъ вопросъ практической,—именно онъ гласилъ: „отнынѣ армяне должны принимать католикаса по назначенію императора ромеевъ.“ Лаковизмъ этого условія и скромное мѣсто, отведенное ему среди другихъ усло-

вій не ввели однакожь армянъ въ заблужденіе относительно его истиннаго смысла и значенія, и вотъ что они на это отвѣтили: „этотъ членъ хотя и послѣдній по порядку, но важнѣе всѣхъ предшествующихъ по своему значенію; ибо онъ, если будетъ принятъ, то миръ, который мы устроимъ, и который дай Богъ намъ устроить, *утвердитъ и паче и паче умножитъ*: если же нѣтъ, то сколько бы мы ни совѣщались въ настоящее время, однакожь не должны льстить себя надеждою, что соберемъ какіе-либо плоды отъ своихъ сѣмянъ.“ Въ противовѣсъ этому условію армяне со своей стороны предложили слѣдующее условіе: „чтобы армянскій католикосъ владѣлъ патриархатомъ антиохійскимъ и чтобы распоряжался всѣми, находящимися въ немъ, и сосѣдними церквами, которыя подчинены вѣдомству этого патриархата въ восточныхъ и западныхъ частяхъ, и кромѣ того, по предписанію вашего императора управлялъ бы и впредь армянскимъ народомъ, какъ управлялъ нынѣ.“ Въ этихъ словахъ слишкомъ ясно сквозитъ за что собственно опасались армяне во время переговоровъ своихъ съ греками о воссоединеніи церквей. Очевидно, они опасались воцерковъ за самостоятельность своей церкви и во вторыхъ за самобытность своей націи и старались гарантировать первую возведеніемъ своего католикоса на патриаршій престолъ Антиохіи, за которыхъ исторически была обезпечена равноправность съ другими патриаршими престолами Востока, а вторую — признаніемъ этого католикоса главою и представителемъ націи.

„Что дѣйствительно указанные мною практическіе интересы стояли у армянъ на первомъ планѣ въ этомъ вопросѣ, это доказывается тѣмъ, что почти по всѣмъ теоретическимъ вопросамъ, затронутымъ въ условіяхъ, предложенныхъ греками, они соглашались на самыя широкія уступки. Но, къ сожалѣнію, Византія, по своимъ политическимъ и церковнымъ принципамъ, имѣла причины оставлять въ тѣни вопросъ о гарантіяхъ этихъ интересовъ и вслѣдствіе этого ни къ чему не вели, и всѣ разсужденія и даже уступки по вопросамъ теоретическимъ.

„Такимъ образомъ опасенія армянъ за свои національныя и іерархическіе интересы, по моему мнѣнію, были главною причиною того, почему вопросъ о воссоединеніи армянской церкви съ православною до сихъ поръ остается нерѣшеннымъ.

„А если такъ, то снова ставить этотъ вопросъ на теоретическую почву, на которую до сихъ поръ онъ ставился, и пытаться рѣшать его на этой почвѣ, игнорируя по прежнему почву практическую, очевидно будетъ пустою тратою времени. Тогда неизбежно придется снова примѣнять къ его рѣшенію тѣ же двѣ теории, которыя столь усердно и столь безуспѣшно до сихъ поръ къ нему примѣнялись, вызывать снова всѣ свя-

заняты съ ними затрудненія, имѣя въ перспективѣ получить тѣ же результаты, сводящіеся къ нглю, — словомъ въ сотый разъ повторить приемъ, такое же количество разъ оказавшійся несостоятельнымъ. Нѣтъ, если въ наше время можетъ быть еще сдѣлана попытка рѣшить этотъ вопросъ, то она должна быть сдѣлана на почвѣ практической. Необходимо начать прямо съ гарантій національныхъ и церковныхъ интересовъ армянъ. Что опасенія за эти интересы и въ наши дни могутъ имѣть мѣсто, это доказывается исторіей сношеній нашего святѣйшаго Синода съ армянскими католикосами Иоаннесомъ и Нерсесомъ V въ сороковыхъ и пятидесятихъ годахъ текущаго столѣтія. На завлекеніе въ 1841 году святѣйшимъ Синодомъ желаніе получить отъ католикоса Иоаннеса подробное изложеніе вѣроученія армянской церкви, — желаніе, вызванное жалобой самого же католикоса на невѣрныя свѣдѣнія, сообщаемыя русской духовной печатью объ армянской церкви и мотивированное необходимостью „дать нужное наставленіе духовной цензурѣ для безошибочнаго наблюденія за истинною помѣщаемыхъ въ книгахъ извѣстій о сей церкви“, преемникъ Иоаннеса Нерсесь V прислалъ въ 1850 г. вмѣсто требуемаго изложенія вѣры книгу г. Худобашева подъ названіемъ: Историческіе напутствія вѣроученія армянской церкви, относящіеся къ XII вѣку при слѣдующемъ объясненіи: „въ устраненіе всякихъ толковъ, кои могли бы разсѣиваться людьми неблагонамѣренными и легковѣрными, объясняющими настоящее требованіе Синода по своимъ видамъ и понятіямъ, я имѣю честь препроводить“... Очевидно, желаніе святѣйшаго Синода, несмотря на его вынужденный характеръ, было криво истолковано въ Эчміадзинѣ.

„И я думаю, что этимъ кривымъ толкованіямъ конца не будетъ, если православная церковь по собственному почину выступитъ прямо съ предложеніемъ о воссоединеніи. Въ Эчміадзинѣ поймутъ это предложеніе въ смыслѣ желанія подчинить армянскую церковь святѣйшему Синоду, какъ всегда понимали подобныя же предложенія со стороны Византіи. Нужно уничтожить самую возможность подобнаго предположенія. А это можно сдѣлать лишь однимъ путемъ, именно: превративши вопросъ о воссоединеніи армянской церкви съ православною изъ междуцерковнаго вопроса, какимъ онъ былъ доселѣ, во внутренній вопросъ армянской церкви и отдавши ей самой въ руки его рѣшеніе. Это будетъ вполне согласно и съ существомъ дѣла. По существу своему это и дѣйствительно прежде всего внутренній вопросъ самой армянской церкви. Ея символическіе, церковно-богослужебные и богословскіе памятники, независимо отъ вопроса о воссоединеніи, требуютъ тщательнаго пересмотра и отдѣленія другъ отъ друга тѣхъ разнородныхъ элементовъ, которые до сихъ поръ мирно покоятся въ нихъ другъ поддѣ

друга, разумѣю элементы православные и монофизитскіе. Изучая исторію армянской церкви и ея богослужебной и богословской литературы, я пришелъ къ убѣжденію, что эти разнородные элементы осли въ ней въ нынѣшнемъ своемъ сочетаніи путемъ механическаго напластыванія и служатъ осязательнымъ показателемъ того могущественнаго давленія, которое производили на церковную жизнь страны тѣ громадныя имперіи, среди которыхъ развивалась эта жизнь. Всѣ церковно-богословскіе памятники, появившіеся на свѣтъ до 491 года, какъ напримѣръ исповѣданія вѣры, сохранившіяся въ исторіи Эгисхе Вардапета должны быть признаны вполнѣ православными. Но въ послѣдующихъ затѣмъ памятникахъ начинаютъ уже сильно пробиваться элементы монофизитскіе. Въ конечномъ же результатѣ тѣ и другіе элементы въ настоящее время представляютъ своеобразный конгломератъ именъ и ученій, включающихъ себя взаимно. Необходимо дать армянской церкви самой разобраться въ этихъ разнородныхъ элементахъ и отдѣлить въ нихъ пшеницу отъ плевелъ. И чѣмъ скорѣе она это сдѣлаетъ, тѣмъ лучше. Въ результатѣ ея ревизіи не можетъ быть никакого сомнѣнія, — она несомнѣнно остановится на православныхъ элементахъ и устранитъ монофизитскіе. Высказываю эту увѣренность не какъ сынъ православной церкви, слѣпо вѣрующій въ правоту ея ученія, а какъ ученый богословъ, опираясь съ одной стороны на общепринятое въ наукѣ мнѣніе, что въ пререканіи между православіемъ и монофизитствомъ истина на сторонѣ православія, съ другой на тотъ неоспоримый фактъ, что древнѣйшая первобытная почва армянской церкви несомнѣнно православная. Задача, по моему мнѣнію, состоитъ лишь въ томъ, чтобы очистить ее отъ тѣхъ наносныхъ слоевъ, которые образовались на ней во время бурь и непогодъ политическихъ. Задачу эту всего легче можетъ разрѣшить сама армянская церковь: и когда она сниметъ эти наносные слои, то непременно откроетъ зарытую подъ ними православную истину и опознаетъ въ ней ту древнюю вѣру, которую иѣкогда приняла отъ матери своей восточной церкви, которую хранила до печальнаго разрыва съ нею и за которую такъ много страдала. А когда она придетъ къ этому открытію, — а она придетъ къ нему несомнѣнно, — то вопросъ о воссоединеніи ея съ православною церковью рѣшится самъ собою. Православной церкви останется лишь принять ее по прежнему въ братскій союзъ и общеніе съ собою съ сохраненіемъ не только ея самостоятельности и полной свободы во внутреннихъ дѣлахъ, но и всѣхъ особенностей ея устройства, управленія, богослуженія и проч. Въ православной церкви нѣтъ папства, и зависимость одной автокефальной церкви отъ другой противна и ея каноническимъ основамъ и всѣмъ преданіямъ ея исторіи.

„Путь этотъ представляется мнѣ тѣмъ болѣе удобнымъ, что имъ не только могутъ быть обойдены обѣ прижнѣвшіяся доселѣ къ вопросу о возсоединеніи теоріи со всѣми, соединенными съ ними затрудненія-ми, но и легко соблюдены и соглашены всѣ, затрогиваемые этимъ вопросомъ интересы и теоретическіе и практическіе: интересы истинны будутъ соблюдены тѣмъ, что будетъ отдано ей должное отдѣленіемъ ея отъ заблужденія; интересы христіанской любви со стороны православной церкви будутъ соблюдены тѣмъ, что она окажетъ полное довѣріе собственному почину въ этомъ дѣлѣ армянской церкви, а со стороны армянской церкви тѣмъ, что она избавитъ православную церковь отъ тяжелой необходимости или по прежнему отказывать ей въ общеніи, или считаться съ своей совѣстью и становиться въ противорѣчіе съ самой собою; интересы національные и іерархическіе тѣмъ; что будетъ вполне гарантирована при этомъ не на словахъ а на дѣлѣ и самостоятельность армянской церкви и самобытность армянской націи, которой церковь служить представительницею и охранительницею. (Церк. Вѣст.)

КАЗАНСКОЕ ОБЩЕСТВО ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКИХЪ КОЛОНИЙ И РЕ- МЕСЛЕННЫХЪ ПРИУТОВЪ И ЕГО ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.

23 января 1873 года утвержденъ былъ г. министромъ Внутреннихъ Дѣлъ уставъ „Казанскаго Общества земледѣльческихъ колоній и ремесленныхъ приутовъ“, а съ 19 февраля того же года началась и дѣятельность Общества. Для занятія текущими дѣлами избранъ былъ особый совѣтъ, на которомъ и лежала забота по организаціи дѣла. Дѣятельность совѣта въ истекшій періодъ времени распадалась на два отдѣла: 1) приобрѣтеніе средствъ, съ помощью которыхъ возможно было бы устроить первое воспитательное заведеніе; 2) предварительныя работы по организаціи заведенія, которое по своимъ внѣшнимъ и внутреннимъ свойствамъ удовлетворяло бы возможно болѣе идеѣ перевоспитанія.

Результаты дѣятельности совѣта въ этомъ направленіи были слѣдующіе: 1) число членовъ общества съ 21-го возросло въ теченіи двухъ лѣтъ до 300 человекъ; 2) денежные средства общества возросли до 20,399 р. 73½ к., сверхъ которыхъ общество владѣетъ еще двумя билетами внутр. съ выигрышами займовъ и домою, подареннымъ г-жею Немировой; 3) остановившись на мысли предварительнаго открытія „воспитательно-исправительнаго ремесленнаго приута“ для несовершенно-

нолѣтнихъ преступниковъ, и дѣтей, которымъ грозитъ опасность впасть въ преступленія и пороки подъ вліяніемъ нищеты, безпріютности и невѣжества, совѣтъ выработалъ уставъ заведенія, который и былъ утвержденъ г. управляющимъ министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ 10 сентября 1874 года; 4) желая произвести устройство пріюта возможно рациональнѣе, совѣтъ а) неоднократно совѣтовался съ г. Гердомъ, директоромъ петербургской колоніи, и при посредствѣ своихъ членовъ приобрѣлъ чертежи построекъ Меттрэ и саратовской колоніи; б) просилъ члена общества, архитектора г. Хрщоновича составить подробный планъ и смету построекъ предполагаемаго пріюта; по составленіи которыхъ сдалъ всѣ работы съ торговъ г. Данилову за 7600 руб. Наконецъ, сознавая важность воспитательнаго вліянія и желая поставить дѣло перевоспитанія на твердую почву, рѣшился пригласить для исполненія обязанностей смотрителя И. А. Злобина, воспитателя петербургской колоніи, рекомендованнаго Обществу г. Гердомъ. Общее собраніе ассигновало на жалованье смотрителю 1200 р. въ годъ, а его помощникамъ по 600 р. Къ 20 сентября настоящаго года поправка стараго зданія, надъ которымъ наводится 2-й этажъ, постройка новаго двухъ-этажнаго дома въ 6 сажень ширины и 8¹/₂ длины, постройка бани и другихъ службъ будетъ окончена. Къ этому же времени долженъ прибыть въ Казань и И. А. Злобинъ.

Такимъ образомъ въ 1-мъ числѣ октября настоящаго года все будетъ готово къ открытію заведенія и вступитъ о средствахъ, необходимыхъ на текущіе расходы по его содержанію, приобретаетъ теперь особенную важность. По этому, переходя отъ теоретическимъ работъ къ практическимъ начинаніямъ, совѣтъ снова позволяетъ себѣ обратиться ко всѣмъ учрежденіямъ и лицамъ, сочувствующимъ идеѣ перевоспитанія, снова вызываетъ о посильной помощи, которая теперь нужна Обществу еще болѣе, чѣмъ прежде.

Общество не имѣетъ фонда, обезпечивающаго предстоящіе ему расходы и потому дѣятельность его не стоитъ еще на вполнѣ твердой почвѣ и находится въ зависимости отъ случая. Обществу необходимъ капиталъ, процентовъ съ котораго было бы достаточно на содержаніе его перваго заведенія; тогда только Общество получитъ возможность распространить свою дѣятельность далѣе, т.-е. и на другіе губерніи Казанскаго Судебнаго округа.

Единственное средство къ этому—общественная благотворительность, къ которой и призываются правительствомъ земства, городскія общества, духовныя установленія и частныя лица. „При довольно значительномъ числѣ несовершеннолѣтнихъ преступниковъ — говорится въ Высочайше утвержденныхъ правилахъ объ исправительныхъ пріютахъ

оказывающихся виновными въ маловажныхъ кражахъ и нищенствѣ, за которыя по уставу о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, они могутъ быть отдаваемы въ исправительные пріюты, необходимо, чтобы число этихъ послѣднихъ соответствовало, ощущаемой уже у насъ потребности въ такихъ заведеніяхъ. Но устройство большаго числа исправительныхъ пріютовъ самимъ правительствомъ было бы невозможно, влѣдствіе трудности присканія въ настоящее время необходимыхъ для того значительныхъ финансовыхъ средствъ. Съ другой же стороны, едва ли оно и желательно, такъ какъ учрежденія правительственныя, требующіе строгаго и сложнаго контроля, стоятъ вообще несравненно дороже, нежели заведенія частныя. Допустивъ сіе, нельзя сомнѣваться въ томъ, что и у насъ, какъ во всей остальной Европѣ, многія частныя лица и общества пожелаютъ учредить исправительные пріюты. Такимъ образомъ можно надѣяться, что частною дѣятельностью и общественною благотворительностью настоящій предметъ не останется безъ вниманія“.

Русскому обществу предстоитъ теперь показать, что человѣчная идея перевоспитанія успѣла проникнуть въ его сознаніе и доказать это содѣйствіемъ учрежденію, взявшему на себя заботу объ исправленіи малолѣтнихъ преступниковъ, которымъ общество обязано протянуть руку помощи и во имя справедливости и во имя собственнаго интереса.

Въ заключеніе совѣтъ Общества еще разъ позволяетъ себѣ высказать надежду, что его голосъ найдетъ себѣ сочувственный отзывъ какъ со стороны цѣлыхъ учрежденій, такъ и со стороны частныхъ лицъ, которымъ не чужда идея спасенія малолѣтнихъ дѣтей, погибающихъ подъ вліаніемъ нищеты, безпріютности и невѣжества.

Казавское Общество земледѣльческихъ колоній, согласно съ уставомъ, составляется изъ лицъ обоого пола, всѣхъ состояній и званій, и число членовъ его не ограничено. Члены Общества раздѣляются на почетныхъ, дѣйствительныхъ и соребнователей; въ почетные члены избираются лица, содѣйствовавшіе значительными пожертвованіями или своими личными трудами успѣвшіишему достиженію цѣлей Общества и тѣмъ заслужившіе право на особенную признательность Общества; дѣйствительными членами признаются всѣ, поступающіе въ составъ Общества съ ежегоднымъ взносомъ 10 р., или 100 р. одновременно ¹⁾; членами соребнователями признаются, согласно съ желаніемъ, всѣ взносящіе менѣе 10 р.

¹⁾ Дѣйствительные члены избираются безъ баллотировки, такъ что для вступленія въ составъ Общества необходимо только простое заявленіе Совѣту съ присоединеніемъ членскаго взноса.

Общество принимаетъ пожертвованія какъ деньгами, такъ и разнаго рода вещами: земледѣльческими орудіями (въ пріютѣ Общества воспитанники будутъ заниматься, между прочимъ, огородничествомъ и садоводствомъ), ремесленными принадлежностями, скотомъ, огородными и другими сѣменами, платьемъ, обувью и т. п.

Всѣ заявленія и пожертвованія адресуются такъ: „въ г. Казань, въ Совѣтъ Казанскаго Общества земледѣльческихъ колоній и ремесленныхъ пріютовъ.“

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ цензурный комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, іюня 20 дня 1875 г.

Цензоръ Протоіерей С. Зерновъ.

С Л О В О

ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННѢЙШАГО ДИМИТРІЯ, АРХІЕПИСКОПА ЯРОСЛАВСКАГО И РОСТОВСКАГО, ПРОИЗНЕСЕННОЕ 23 МАЯ СЕГО ГОДА, ВЪ ДЕНЬ ПАМЯТИ СВЯТИТЕЛЯ РОСТОВСКАГО ЛЕОНТІЯ, ВЪ ЯРОСЛАВСКОЙ ЛЕОНТІЕВСКОЙ, ЧТО НА КЛАДБИЩѢ, ЦЕРКВИ.

Какъ ни удалено это мѣсто покоя умершихъ отъ жилища живыхъ, но оно должно быть близко сердцу каждаго изъ васъ, братіе мои. Не у каждаго ли здѣсь отецъ или мать, братъ или сестра, сынъ или дочь, сродникъ или другъ? Итакъ и любовь плотская, тѣмъ паче любовь духовная невольно влечетъ каждаго въ это мѣсто покоя вашихъ присвыхъ и сродниковъ. Мы же прибавимъ къ сему, что посѣщеніе сего жилища мертвыхъ принесетъ сугубую пользу душамъ вашимъ. Здѣсь вы можете молитвенно бесѣдовать съ своими присными, ибо хотя они мертвы плотію, но живы духомъ, потому что предъ Богомъ жизни всѣ живы, и когда мы молимся о нихъ здѣсь, они еще усерднѣе и горячѣе молятся о васъ тамъ. Здѣсь же можете слышать и поучительнѣйшіе уроки для жизни, ибо какъ ни безмолвны, повидимому, мертвые, но они говорятъ краснорѣчивѣе и убѣдительнѣе, нежели можемъ сказать вамъ мы слабые и скудные словомъ—проповѣдники.

Чтожь говорятъ вамъ умершіе? Говорятъ устами Апостола: *не любитъ міра, ни яже въ мірѣ: аще кто любитъ міръ, нѣсть любви Отци въ немъ. Яко все еже въ мірѣ—похоть плотская, похоть очесъ и гордость житейская: и міръ*

преходитъ и похоть его, а творяй волю Божию пребываетъ во вѣкъ. Посмотрите на насъ. Иные изъ насъ обладали мудростию и познаніями: умѣли измѣрять теченіе звѣздъ и движеніе вѣтровъ, изслѣдовали все отъ иссопа до кедра ливанскаго, знали все, что не только на землѣ, но и подъ землею и во глубинахъ моря, что было и что есть въ мірѣ.—Спросите же ихъ: что принесла имъ вся ихъ мудрость? Защитила ли ихъ отъ смерти? Поставила ли предъ Богомъ? Оправдала ли на судѣ Его? Снискала ль имъ жизнь вѣчную? Итакъ и мудрость и познанія—безъ вѣры живой и спасительной, безъ благочестія искренняго, безъ жизни богоугодной—суета суетствій. Многіе отличались почестями, занимали важныя мѣста въ обществѣ, облечены были немалою властію, имѣли вліяніе на немалый кругъ своихъ собратій; спросите же кого угодно изъ нихъ: что помогла имъ вся ихъ мірская важность при смерти? Защитила ли отъ болѣзней и страданій тѣлесныхъ, отъ ужасовъ и томленій духа? Приготовила ли имъ христіанскую кончину живота, безболѣзненну, непостыдну, мирну и добрый отвѣтъ на судѣ Христовомъ? — и они скажутъ вамъ: увы, смерть не уважила нашей знатности, сравняла насъ съ самыми послѣдними изъ подчиненныхъ намъ, и еслибы не какой-либо камень, вы не отличили бы нашей могилы отъ ихъ могилъ. Итакъ почести и отличія мірскія — безъ смиренія и страха Божія, безъ благочестія и добродѣтели, безъ благотворнаго служенія ближнимъ—суета суетствій.—Многіе обладали большими стяжаніями, жили въ пространныхъ и богато украшенныхъ палатахъ, наслаждались всѣмъ, что можетъ дать настоящая жизнь для наслажденія человѣка. Спросите же и ихъ: что взяли они съ собою изъ всѣхъ своихъ сокровищъ? Что пользы душамъ ихъ отъ всѣхъ удовольствій и утѣхъ плотскихъ? И они скажутъ вамъ: наги мы вышли изъ утробы матерней, наги и возвратились въ утробу земли; смерть отняла у насъ все, и теперь кости наши также голы въ могилѣ, какъ и кости послѣдняго бѣдняка. Чаша удовольствій мірскихъ превратилась для насъ въ чашу горести и страда-

ній: чѣмъ болѣе утѣшались мы тамъ, тѣмъ горче и тяжелѣе намъ здѣсь. Итакъ и богатства и утѣхи міра—безъ чистоты сердца и совѣсти, безъ стяжанія того, что есть единое на потребу, безъ дѣлъ любви и милосердія христіанскаго—суета суетствій.—Множайшіе изъ насъ провели жизнь свою въ бѣдности и убожествѣ, среди недостатковъ и лишеній, трудовъ и заботъ, печалей и скорбей. Спросите и ихъ: лишились ли они чего-либо чрезъ то, что не были знатны и богаты, не наслаждались роскошью и удовольствіями? Горче ли была для нихъ смерть? Напротивъ, скажутъ они: смерть пришла къ намъ какъ другъ и избавитель, чтобы прекратить земныя наши скорби, чтобъ избавить насъ отъ всѣхъ тягостей печальной жизни нашей. А по смерти мы благодаримъ Господа, что Онъ избавилъ насъ отъ искушеній и соблазновъ земнаго счастья и провелъ насъ узкимъ и прискорбнымъ путемъ убожества: *благо намъ, яко смирилъ еси насъ, Господи!* Итакъ и бѣдность и убожество,—съ вѣрою и благочестіемъ, съ терпѣніемъ и покорностію волѣ Божіей,—не нищета, а приобрѣтеніе, не наказаніе, а знаменіе любви Божіей. Итакъ вотъ что завѣщаемъ вамъ и вотъ о чемъ молимъ васъ: чтобы вы, не прильпаясь душою и сердцемъ къ земнымъ сокровищамъ и почестямъ, къ плотскимъ удовольствіямъ и наслажденіямъ, искали прежде всего царствія Божія и правды его, старались оживить духъ свой вѣрою и упованіемъ на Бога, согрѣть и усладить сердце свое любовію къ Богу и ближнимъ своимъ, благоугождать Богу исполненіемъ Его заповѣдей, обогащать себя дѣлами благими и богоугодными. *Сіе же вамъ глаголемъ, братіе, яко время прекращено есть прочее, да и имущи жены яко не имущи будутъ, и плачущиися яко не плачущи, и радующиися якоже не радующесе, и купующи яко не содержаще, и требующи міра своа яко не требующе: преходитъ бо образъ міра сего. Блюдите убо, како опасно ходите, не якоже не мудри, но якоже премудри, испующе время, яко дніе лукави суть.*

Жестоко есть слово сіе, подумаетъ кто-либо, слушая это

поученіе умершихъ, обличающее суету и ничтожество всего, въ чемъ привыкли мы полагать свое счастье, свои радости, свое утѣшеніе и блаженство жизни,—напоминающее о смерти и вѣчности, о судѣ Божіемъ и участи нашей за гробомъ. Но, братіе возлюбленніи, могутъ ли умершіе лстить намъ, обманывать насъ ложными надеждами? Нѣтъ, они говорятъ только истину, въ которой удостовѣрились собственнымъ своимъ опытомъ. И мы, съ своей стороны, не можемъ ничего лучшаго пожелать вамъ, какъ того, чтобы вы оставляли по временамъ свои дома, въ которыхъ мы связаны и обременены земными заботами и земными пристрастіями, и приходили сюда бесѣдовать съ умершими. Каждое такое путешествіе, если оно совершается въ благоговѣйномъ настроеніи духа, непременно унесетъ изъ души нашей что-нибудь нечистое и злое, осіаетъ ее свѣтомъ благодати Божіей, согрѣетъ ее чувствованіями возвышенными и святыми.

Для сего, когда идете сюда, размышляйте о томъ, что и вся жизнь наша есть одна, не слишкомъ продолжительная, дорога ко гробу и къ могилѣ, что за гробомъ ожидаетъ насъ или вѣчность блаженства или вѣчность мученій, смотря по тому, куда и какъ мы направляемъ путь нашей жизни. Кто идетъ путемъ заповѣдей Господнихъ, кто страшится паче смерти преступить хотя едину заповѣдь Творца своего и согрѣшить предъ Богомъ, тотъ перейдетъ отъ смерти въ животь, ибо такъ сказалъ самъ Господь: *аще хочещи внити въ животь, соблюди заповѣди.* Кто напротивъ легкомысленно престоупаетъ святыя заповѣди Господа Бога своего, того ожидаетъ по смерти гнѣвъ Божій и наказанія: *открывается бо гнѣвъ Божій съ небесе на всякое нечестіе и неправду челоувѣковъ; скорбь и тѣснота на всяку душу челоувѣка, творящаго злое.* Кто идетъ во слѣдъ Господа Иисуса Христа узкимъ и прискорбнымъ путемъ крестоношенія, кто отвергается своей воли и покоряется всецѣло волѣ Божіей, переноситъ всѣ, попускаемыя промысломъ Божиимъ, искушенія, напасти, огорченія и скорби—въ духѣ вѣры и упованія на Бога, въ

духъ смиренія и преданности волю Божіей, въ духъ кротости и терпѣнія; кто, отвергаясь ветхаго человѣка съ дѣяньми его, попираетъ и угашаетъ въ себѣ плотскія вожделѣнія и страсти: тотъ войдетъ за Христомъ и въ Его славу: *аще бо съ Нимъ и ради Его страждемъ, съ Нимъ и прославимся*, говоритъ св. Апостоль; *аще кто мнѣ служитъ, говоритъ самъ Господь, мнѣ да послѣдствуетъ, и идѣже есмь Азъ, ту и слуга мой будетъ*. Кто напротивъ идетъ путемъ самоугожденія, поблажаетъ своимъ страстямъ и похотямъ, живетъ плотию, а не духомъ: тотъ *отъ плоти пожнетъ истлѣніе* и наслѣдуетъ адъ. Кто не зарываетъ въ землю даннаго ему Богомъ таланта, но трудится и воздѣлываетъ его во славу Божію, для блага своихъ ближнихъ; кто старается обогатить себя благими дѣлами вѣры и благочестія, любви и милосердія, правды и добродѣтели, тотъ услышитъ изъ устъ своего Господа: *добръ, рабе благодѣй и вѣрный, о малъ былъ еси вѣренъ, надъ многими тя поставлю; вниди въ радость Господа своего*. Кто напротивъ проводитъ жизнь свою въ праздности, въ небреженіи о дѣлахъ своего званія и вѣчномъ спасеніи души; кто употребляетъ, данныя ему Богомъ, силы и средства только на то, чтобы подобно упоминаемому въ Евангеліи богачу, ѣсть, пить и веселиться, тому изреченъ уже грозный приговоръ Судіи міра: *неключимаго раба вверзите во тму кромѣшную; ту будетъ плачъ и скрежетъ зубовъ*.

Когда войдешь въ храмъ сей и станешь среди его, напомни, возлюбленный, самому себѣ: вотъ сюда принесутъ и здѣсь поставятъ и мой гробъ, въ которомъ будетъ лежать бездыханное мое тѣло, когда душа моя будетъ уже въ другомъ мірѣ и предстанетъ суду Христову. Святая церковь приметъ и меня въ объятія матерней любви своей: но узнаетъ ли она во мнѣ своего сына, котораго она омыла, освятила и оправдала въ таинствѣ св. крещенія, котораго и по паденіи грѣховномъ многократно обновляла и примиряла съ правосудіемъ Божиимъ въ таинствѣ св. покаянія, котораго питала безсмертною пищею животворящаго тѣла и крови Христовой,

снабѣвала дарами Святаго Духа Божія, который посему долженъ быть чистъ, святъ и непороченъ предъ Богомъ? Она призоветъ всѣхъ присутствующихъ въ храмъ къ прилежной молитвѣ о душѣ моей: но будутъ братія мои, среди которыхъ провель я жизнь свою, будутъ ли они имѣть внутреннее побужденіе вознести о мнѣ усердную молитву ко Отцу небесному, согрѣтую теплою ко мнѣ любовію? Не будутъ ли напротивъ имѣть причины сѣтовать и плакаться на меня предъ Богомъ? Она, святая мать моя, и сама сотворить о мнѣ прилежное моленіе свое къ Богу духовъ и всякія плоти, да милостивъ будетъ Онъ къ смиренной душѣ моей на судъ своемъ; но буду ли я достоинъ этой милости, не окажусь ли достойнымъ одного гнѣва и осужденія?—Это будетъ не судъ человѣческой, предъ которымъ многое можно скрыть и утаить, а судъ Бога—сердцевѣдца, который видитъ не только дѣла, а и мысли, и желанія и намѣренія мои, который *изведетъ на свѣтъ тайная тмы и объявитъ совѣты сердечные*. Все, въ чемъ ни согрѣшилъ я не только дѣломъ или словомъ, но и умомъ и сердцемъ своимъ, отъ дѣянія порочнаго до слова празднаго и отъ помысла лукаваго до услажденія и вождельнія нечистаго,—все будетъ обличено и осуждено судомъ праведнымъ и нелицепріятнымъ. Не защититъ меня отъ строгости суда сего никакое извиненіе, не прикроетъ никакая личина лицемѣрія; предъ очами Всевидящаго *вся нага и объявлена*; предъ судомъ всевѣдущаго Судіи никто и ничто не укроетъ виновнаго. Теперь, пока двери покаянія отверсты, обратись, душе моя, къ покаянію; теперь, пока время долготерпѣнія Божія не прекратилось, поспѣши измыть и убѣлить ризы свои слезами сокрушенія сердечнаго, да видиши въ чертогъ Христовъ. Душе моя, душе моя, востани, что спиши? Конецъ приближается и имаши смутитися; воспрями убо, да пощадитъ тя Христосъ Богъ.

Когда будете ходить между могилами усопшихъ братій вашихъ, вспомните о томъ, что здѣсь погребены будемъ и мы: и нашъ гробъ опустятъ въ могилу и засыплютъ землю, и

надъ нами возвысится земляной холмъ—достойный памятникъ человеческой бренности. Придетъ ли посѣтить нашу могилу любящій насъ человекъ и помянетъ ли насъ съ любовію въ молитвѣ своей предъ Богомъ? Или только праздный посѣтитель кладбища равнодушно пройдетъ мимо ея, не любопытствовавъ даже узнать, кто погребенъ въ ней? Или же не придетъ и никто, и мы будемъ лежать здѣсь одни до дня страшнаго суда Божія, и самая память о насъ изгладится между живущими, и самая могила наша, сровнявшись съ землею, сдѣлается безыменною въ ряду другихъ безыменныхъ могилъ? Но нѣтъ, мы не будемъ забыты святою церковію, которая будетъ до конца вѣка молиться и о насъ вмѣстѣ со всѣми здѣ лежащими. Насъ не забудетъ искупившій насъ Своею кровію Господь нашъ Иисусъ Христосъ: придетъ часъ, когда и мы со всѣми сущими во гробѣхъ услышимъ гласъ Сына Божія и услышавши оживемъ. Тогда *тлѣнное сіе облечется въ нетлѣнное и смертное сіе облечется въ безсмертіе*. Тогда-то откроется во всемъ величіи и славѣ своей царствіе Бога и область Христа Его; тогда все злое, непріязненное, враждебное намъ будетъ изгнано и упразднено и послѣдній врагъ нашъ испразднится—смерть; *тогда праведницы просвѣтятся яко солнце во царствіи Отца ихъ и отыметъ Господь всяку слезу отъ очю ихъ, всѣ скорби земныя не помянутся къ тому, а одна вѣчная радость надъ главами ихъ будетъ*. Къ сему-то свѣтлому, вѣчно радостному, вѣчно блаженному торжеству да устремляется весь умъ и сердце наше отъ суеты всего земнаго и временнаго. Тамъ истинное отечество наше, тамъ все сокровище сердца нашего, тамъ весь животъ нашъ скровенъ со Христомъ въ Бозѣ.

Когда наконецъ будете возвращаться отсюда въ свои дома, такъ размышляйте съ самими собою: долго ли еще Господь попуститъ намъ ходить по этому пути и возвращаться назадъ въ тѣ бранныя жилища, которыя мы называемъ своими домами, а которыя на самомъ дѣлѣ суть только временныя пристанища на пути къ могилѣ? скоро ли настанетъ тотъ день

когда мы не пойдемъ уже сами, а понесутъ насъ люди и оставлять здѣсь навсегда? Но этотъ, неизбѣжный для насъ, день Господь сокрылъ отъ насъ въ тайнѣ своего Божественнаго всевѣдѣнія, а намъ заповѣдалъ быть готовыми въ этотъ послѣдній путь нашъ сюда на всякое время. Вотъ почему святая церковь заповѣдала намъ каждый вечеръ молиться Господу: Владыко челоуѣколюбче, неужели мнѣ одръ сей гробъ будетъ? или еще окаянную мою душу просвѣтиши днемъ? се ми гробъ предлежитъ, се ми смерть предстоитъ. Точно предстоитъ, братіе мои, ибо, какъ ни продолжайте въ мысляхъ жизнь свою, но безъ сомнѣнія уже выросли древа, изъ которыхъ сдѣлаютъ намъ гробъ, и часъ смерти—близко ли, далеко ли онъ—постигнетъ насъ, когда не ожидаемъ: *не въсте бо дне ни часа, въ онъ же Сынъ челоуѣческій придетъ: сего ради и вы будите убо готови на всякъ часъ*, такъ убѣждаетъ насъ самъ Господь. Будемъ готовы во всякое время оставить все земное и временное, разлучиться со всѣмъ, что за дорогое почитаютъ люди, чѣмъ услаждаются и утѣшаются во время земной своей жизни; да не пристраститъ сердце наше ни къ чему тлѣнному, чтобъ и само не наслаждало тлѣнія. *Внѣмлите же себѣ*, говоритъ Господь, *да не когда отягчаютъ сердца ваши объяденіемъ и пиянствомъ и печальми житейскими, и внезапно найдетъ на вы день той*; будемъ всегда готовы явиться на небѣ, въ соборъ Ангеловъ и всѣхъ святыхъ, а для сего нужно заранѣе привыкать возноситься умомъ и сердцемъ своимъ горѣ—къ Богу, жить духомъ въ обителяхъ Отца небеснаго, искать *вышнихъ*, *идѣже есть Христосъ, одесную Бога сѣдя*, горняя мудрствовать, а не земная. Будемъ готовы на всякій часъ предстать страшному суду Божию и дать отчетъ всевѣдущему Судіи во всѣхъ помышленіяхъ, словахъ и дѣлахъ нашихъ; а для сего надобно хранить совѣсть свою чистою отъ дѣлъ неправды и беззаконія или же очищать и просвѣтлять ее искреннимъ поканіемъ, убѣлять ризу души своей въ крови Агнца, закланнаго прежде сложенія міра. Когда такимъ образомъ будемъ

непрестанно готовить себя къ исходу, то смерть, когда бы она ни пришла къ намъ, не можетъ утратить насъ; мы будемъ ожидать ея, какъ вождѣннаго гостя, и срѣтимъ ее какъ давно ожидавнаго друга. Придетъ ли она къ кому въ старости или въ преполовене дней или и въ самой юности, онъ съ благодареніемъ воспоетъ съ праведнымъ Симеономъ: *нынѣ отпушаеши раба Твоего, Владыко. Нынѣ освобождаеши меня отъ узъ плоти, въ которой не живетъ доброе, но живетъ инъ законъ, противувоюющъ закону ума моего и плняющъ мя закономъ грѣховнымъ, избавляеши меня отъ самой возможности оскорблять любовь Твою грѣхами. Нынѣ исхищаеши меня изъ міра, во злѣ лежащаго; избавляеши отъ соблазновъ и искушеній, отъ мірской суеты и попеченій житейскихъ, среди которыхъ влается духъ мой, какъ ладья, обураемая волнами. Нынѣ приводиши меня въ тихое пристанище вѣчнаго Твоего царства. Вознесу Тя, Боже мой, Царю мой, и благословлю имя Твое во вѣкъ и въ вѣкъ вѣка!—* Страшна воистинну и ужасна и смерть и самая мысль о смерти только для грѣшника нераскаяннаго, для міролюбца, пристрастившагося всей душою и сердцемъ къ земнымъ сокровищамъ и плотскимъ наслажденіямъ, увязшаго въ тьмѣ похотей и страстей. Рано ли поздно ли воззоветъ его Господь на судъ свой, смерть для него всегда люта. Аминь.

НАПУТСТВЕННОЕ СЛОВО

КЪ ОКОНЧИВАЮЩИМЪ КУРСЪ ВОСПИТАНИЦАМЪ
ИНСТИТУТА *).

Чего, скажите, намъ пожелать вамъ—въ виду жизни, васъ ожидающей теперь?

Пожелаемъ, если угодно, вамъ прежде счастья въ жизни, въ томъ чистомъ, хотя земномъ, смыслѣ, какой мы соединяемъ съ словомъ — счастье. Но мы того убѣжденія, что, прежде и выше всего, мы должны пожелать вамъ въ эту минуту—свято понести и совершить въ жизни тотъ великій и неотложный долгъ ея, какой на всѣхъ насъ возлагаетъ жизнь!

Ибо что такое жизнь? На что она дана человѣку?

Мы всѣ знаемъ, что жизнь не есть цѣль сама для себя, но что она есть средство, данное намъ для достиженія иной, выше ея положенной, цѣли, что не для того живемъ мы всѣ, чтобы жить только, но чтобы свершать каждому наше назначеніе въ жизни. И это назначеніе — можемъ ли мы не знать его? Не чувствуемъ ли мы въ себѣ, въ этой тѣлесной хранилѣ, носимой нами, присутствіе духа, обитающаго въ насъ? И въ глубинѣ сего духа не свѣтится ли въ каждомъ изъ насъ святая искра любви къ людямъ, питающая и облагороживающая духъ? Что слѣдовательно мы должны дѣлать въ жизни, прежде и

*) Сказано въ церкви московскаго воспитательнаго дома къ воспитанницамъ II педагогическаго класса Николаевскаго сиротскаго института, въ день выпуска ихъ, 1875 года мая 27 дня.

болѣ всего? Блюсти и усовершенствовать въ себѣ нашу душу бессмертную, образъ и подобіе въ насъ Бога, и вмѣстѣ служить благу и счастію другихъ людей! Вотъ общее всѣхъ насъ, великое и неотложное, назначеніе въ жизни! Вы скажете, что оно давно знакомо вамъ, что почти съ тѣхъ поръ, какъ вы запомните себя, васъ всегда учили знать его и поступать по нему, и что, если все дѣло жизни въ томъ, чтобы *любить добро и дѣлать добро*, то слава Богу! жизнь не такъ трудна, какъ пишутъ и говорятъ объ ней!

Но вы еще не знаете, не испытали жизни. Много, весьма много изъ того, что есть въ ней, здѣсь было скрыто отъ васъ. Жизнь, скажу я вамъ, полна искушеній и соблазновъ! Въ жизни кишатъ и бушуютъ страсти людей! Вы увидите часто—тамъ, куда пойдете скоро отъ насъ—и суетность, не знающую границъ, и себялюбіе, не полагающее себѣ предѣла,—увидите непомѣрную роскошь съ одной стороны, и вопіющія нужды съ другой,—гордость и ликованіе однихъ, всегдашнюю скорбь и приниженіе другихъ,—увидите людей, у которыхъ одна, не знающая устали, забота въ жизни, чтобы какъ можно больше и глубже черпать для себя изъ жизни ея земныхъ утѣхъ и наслажденій, всегда *во вредъ* себѣ и другимъ, и часто *на счетъ* себя и другихъ, и все это, къ тому же, вы увидите въ большей части своей всячески прикрашенное и намѣренно укрытое подъ разными благовидными именами, каковы: свобода, прогрессъ, современность и т. п. Вотъ жизнь, какъ она есть вообще! Согласитесь въ виду сего, что много потребуется вамъ въ жизни опыта и мудрости для того, чтобы сохранить себя чистыми среди этого моря лжи и соблазна, обуревающего жизнь человеческую, что много тамъ понадобится вамъ труда, борьбы, терпѣнія для того, чтобы устоять въ этомъ водоворотѣ страстей людскихъ, мутящихъ и часто вверхъ дномъ ставящихъ нашу жизнь, когда все притомъ вокругъ васъ будетъ стремглавъ нестись и падать въ него, и еще быть можетъ, найдутся люди, которые и васъ самихъ пожелаютъ столкнуть въ него, и не по злобѣ, а такъ, шутя, для забавы!...

Не оскорбитесь, что я говорю вамъ все это. Я не могъ теперь умолчать о семъ. Кто говорить? есть въ жизни, вопреки всему, что мутить и портить ее, много и много свѣтлаго и отраднаго! Есть тамъ, куда вы пойдете отъ насъ, люди истинно мудрые и добрые, и, уповаемъ, ихъ не мало, смѣло и неуклонно идущіе въ жизни путемъ долга и чести и всюду, на семъ пути своемъ, знаменующіе себя дѣлами правды и милосердія! Есть, говорю, въ жизни, куда вы идете, много прекраснѣйшихъ и поучительнѣйшихъ примѣровъ и явленій, которыхъ, безспорно, не дасть вамъ и не покажетъ вамъ никакая школа, и жизнь въ семъ отношеніи есть самая высшая и лучшая всѣхъ школа! Есть несомнѣнно въ жизни все это, и чѣмъ, скажу, была бы жизнь, еслибъ въ ней не было сего? И мы желаемъ и молимъ Бога, чтобы Онъ привелъ васъ знать и вѣдать жизнь именно съ этой стороны ея,—жить и вращаться въ кругу именно такихъ людей, имѣть и видѣть предъ собою именно такіе примѣры, чтобы жизнь въ дѣйствительности была для васъ не запугивающею и мертвящею духъ школой, но духовно возвышающею и облагороживающею васъ! Мы желаемъ и молимъ Бога, чтобы вамъ не довелось увидѣть въ жизни и сотою доли того зла, какое есть въ ней, ибо и видѣть только зло — возмутительно для чистой души! Но, повторяю, я долженъ былъ вамъ сказать все то, что сказалъ, чтобы не оставить васъ идти теперь съ закрытыми глазами и какъ бы на удачу на встрѣчу злу въ жизни, чтобы вы знали напередъ, на что иногда можетъ натолкнуть васъ жизнь, и могли на случай приготовиться къ тому, потому что все можетъ случиться въ жизни и бо всему намъ нужно быть готовымъ въ ней, чтобы заблаговременно припасать себѣ опору въ ней и умѣть на пути ея всегда вѣвремя и твердою рукою отразить ударъ!

Чтожъ намъ дѣлать, скажете вы, какъ быть? Мы должны идти... а какъ идти въ виду сего? Гдѣ взять силу, чтобы устоять въ этой непосильной борьбѣ, которая, какъ намъ говорятъ въ эту минуту, ждетъ насъ, несомнѣнно, тамъ, куда мы

идемъ,—и какъ идемъ? Одни, не имѣя близъ себя болѣе уже никого изъ тѣхъ, кто бы могъ намъ подать совѣтъ или оказать защиту,—предоставленные сами въ себѣ одному совѣтнику—нашему разуму, еще не умудренному опытомъ жизни; одной защитѣ—собственному сердцу, еще не закаленному въ бою жизни!

Гдѣ взять силу, говорите вы, для этой борьбы жизни? Эта сила... Но вамъ не нужно далеко искать ея, какъ и мнѣ вамъ называть ея. Скажите: для чего, отъ самыхъ раннихъ лѣтъ, васъ учили здѣсь помнитъ, знать и любить Бога, водили неопустительно, всякій воскресный и праздничный день, въ храмъ Божій, строго слѣдя вмѣстѣ и за вашей домашней всенедельной молитвой, и заставляя васъ молиться: и утромъ и на сонъ грядущій, передъ столомъ и послѣ стола, при началѣ и по совершеніи дѣла ученія? Для чего также вмѣнялось вамъ здѣсь въ непремѣнную обязанность каждый годъ неукоснительно исполнять долгъ исповѣди и причащенія св. Христовыхъ Таинъ, при чемъ еще внушалось всегда, чтобы вы совершали это святое дѣло не какъ, сохрани Богъ, простую обрядность жизни, но какъ первѣйшій и величайшій долгъ ея? И для чего вообще здѣсь зорко смотрѣлось за всякимъ вашимъ шагомъ и дѣйствіемъ, чтобы вамъ не довелось, какъ-либо паче чаянія, оскорбить величія Божія какимъ-либо неосторожнымъ, дѣтски-неразсуднымъ словомъ, взоромъ, движеніемъ? Для чего, скажите, и почему все это дѣлалось здѣсь для васъ, какъ равно дѣлается и будетъ дѣлаться послѣ васъ—для другихъ, воспитываемыхъ и имѣющихъ быть воспитанными здѣсь? Но для чего другого, если не для того, чтобы дать вамъ именно то самое, что вамъ всего нужнѣе теперь,—силу для борьбы съ зломъ въ жизни, въ которую вы вступаете теперь, и къ которой васъ готовили здѣсь, можно сказать, отъ колыбели? Потому что мы всегда знали и знаемъ по опыту, что не озаботясь мы дать вамъ, съ Божіею помощію, этой силы заблаговременно, тогда все остальное, что вы получили или сохранили и развѣди въ себѣ здѣсь, какъ то: силы, молодость, здо-

ровѣ, знаніе, таланты, было бы напраснымъ, и не послужило бы истинно ни къ чему для васъ въ жизни, а только возгордило бы и испортило васъ!... Эта сила... Вы уже назвали ее въ душѣ, и я могу теперь во всеуслышаніе сказать имя ея. Эта сила—святая вѣра Христова, вкореняемая и возвращаемая въ васъ здѣсь отъ лѣтъ дѣтства! Вѣра Христова—эта единая помощница и утѣшительница всѣхъ насъ грѣшныхъ, немощныхъ, во имя ея борющихся съ зломъ въ жизни, но и увы!—часто изнемогающихъ въ непосильной борьбѣ! Вѣра Христова—это сокровище жизни, этотъ свѣтъ, возженный для насъ въ ней на вѣчное просвѣщеніе и спасеніе наше! Чѣмъ былъ бы міръ, еслибъ не въ немъ не свѣтило солнце? Но чѣмъ была бы и жизнь въ мірѣ, еслибъ ее не озаряла и не будила эта вѣра, свѣтящая въ ней!

Итакъ, вотъ нашъ послѣдній совѣтъ и привѣтъ вамъ въ эту минуту: «храните въ себѣ св. вѣру Христову, здѣсь насажденную въ васъ!» Будетъ въ васъ она, и вы будете сильны тогда противостать всякому злу въ жизни, гдѣ бы и какъ оно ни предстало предъ вами! Будетъ въ васъ вѣра, и васъ не вберетъ въ себя, какъ другихъ, до самозабвенія, суета міра, не обольститъ видъ роскоши и богатства, не отведетъ отъ дѣла спасенія души своей и служенія ближнимъ жажда земныхъ утѣхъ и наслажденій, не прельстятъ и не поколеблютъ праздныя и грѣшныя рѣчи людей суеты и порока, и вообще не ослѣпятъ и не заразить собою никакая ложь въ мірѣ, чѣмъ бы и какъ она ни прикрылась предъ вами! Будетъ въ васъ вѣра, и вы будете съ большимъ привѣтомъ и любовію встрѣчать въ жизни все истинное, свѣтлое и отрадное въ ней, давать лучшую цѣву въ ней и добрымъ людямъ и добрымъ дѣламъ и примѣрамъ, ближе принимать къ сердцу и нужды души своей и нужды и скорби другихъ, и находить отраду въ самыхъ жертвахъ жизни, приносимыхъ вами во имя Бога и ближнихъ! Будетъ въ васъ вѣра, и зло не застигнетъ васъ врасплохъ, но найдетъ васъ облеченныхъ въ крѣпкую и несокрушимую броню, и отразится отъ васъ! Будетъ въ васъ вѣра,

и вы смѣло, неуклонно будете идти въ жизни, не взирая ни на что, путемъ долга и чести, привлекая на себя всюду на пути своемъ благословеніе Бога и людей, небесное и земное! Вотъ что это за сила въ насъ. Это вѣра святая, дарованная намъ! И почему она—такая сила въ насъ? Потому, что только она, открывая намъ всю неизмѣримую цѣнность души чело-вѣческой, какъ искупленной безцѣнною кровію Христа, научаеъ насъ признавать и цѣнить ее истинно въ себѣ и другихъ! Потому, что только она, указуя намъ на небо, какъ на наше вѣчное жилище и отчизну, даетъ намъ видѣть въ жизни на землѣ только путь къ небу, и тѣмъ побуждаетъ насъ, живя на землѣ, искать неба! Потому, что только она, показуя намъ во Христѣ любовь, вознесшую Себя на крестъ за людей и самораспявшуюся на немъ, даетъ намъ понять чрезъ то и измѣрять всю глубину себялюбія, живущаго въ насъ, и тѣмъ вынуждаетъ насъ, отрекаясь себя, жертвовать собою благу другихъ! Потому, что только она слѣдовательно вмѣстѣ возвышаетъ и смиряетъ насъ, богатитъ и убожитъ, творя въ насъ новую силу, даетъ намъ чувствовать чрезъ то и вмѣстѣ съ тѣмъ и наше прирожденное безсиліе! Словомъ, потому что только она есть та сила, которая *совершается въ немощахъ!*

Нынѣ, какъ вы будете уходить отсюда, вы получите отъ насъ въ видѣ напутствія каждая по книгѣ св. Евангелія. Вотъ примите эту святую книгу и сохраните ее не какъ только знакъ памяти о насъ, всегда желавшихъ вамъ добра и по возможности дѣлавшихъ его, объ этомъ мѣстѣ, гдѣ вы возросли и воспитались, и обо всемъ добромъ и хорошемъ, что для васъ тѣсно связано съ нимъ; но примите и сохраните ее и какъ святое, на всю жизнь, наше напоминаніе вамъ о томъ, что одно должно составлять всегда вашу силу въ той жизни, куда вы пойдете теперь! Ибо, предупреждаю, вѣра — это свѣтильникъ, возженный въ васъ, и требующій, какъ и всякій свѣтильникъ, тщательнаго памятованія о себѣ, и могущій угаснуть въ васъ, если вы оставите его въ небреженіи въ себѣ. Старайтесь же възгрѣвать и умножать въ себѣ вѣру святую—

молитвою и ближайшимъ общеніемъ съ Богомъ въ Его святыхъ таинствахъ, чтеніемъ Слова Божія, благоговѣйнымъ размышленіемъ о Богѣ, сближеніемъ съ людьми истинно вѣрующими и нравственными. Словомъ все то, что пріучали васъ дѣлать для Бога здѣсь, продолжайте отнынѣ дѣлать и тамъ, гдѣ вы будете теперь, но уже не такъ, какъ быть можетъ иное изъ того дѣлалось вами здѣсь: по дѣтски, безотчетно и по чувству страха передъ людьми или изъ повиновенія имъ, но свободно, сознательно, и по чувству искренняго влеченія къ Богу и изъ живѣйшаго желанія приблизиться къ Нему!

Будете всячески блюсти въ себѣ эту святую силу души, и мы спокойны за васъ. Ибо знаемъ, что доколѣ она будетъ жить въ васъ, вы будете сильны на добро и неуязвимы для зла въ мірѣ, и такимъ образомъ, руководимыя и укрѣпляемыя ею, свято понесете и совершите на пути своемъ великій долгъ жизни; а при семъ, какъ безъ сомнѣнія, и въ самомъ семъ, найдете каждая для себя въ жизни и ту долю радости и счастья ея, какая несомнѣнно отмѣрена въ ней Богомъ каждой изъ васъ! Ибо, слышите ли, что говоритъ Самъ Божественный Наставникъ и Учитель людей Христосъ? *Ищите, говоритъ Онъ, прежде царствія Божія и правды его, и сія вся, т. е. и радость и счастье жизни и все хорошее въ ней, приложатся вамъ!* Аминь.

Священникъ Н. Протопоповъ.

ПОЛОЖЕНІЕ

БОГОСЛОВСКОЙ НАУКИ ВЪ ГЕРМАНСКИХЪ УНИВЕРСИ-
ТЕТАХЪ ¹⁾.

Семьдесятъ шесть лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ появилось въ печати сочиненіе Канта о «борьбѣ факультетовъ между собою». Въ теченіе пяти лѣтъ до того времени онъ не издавалъ ничего, касающагося религіозныхъ вопросовъ. Королевскимъ указомъ отъ 1-го октября 1794 года, ему сдѣланъ былъ упрекъ, что онъ въ своимъ сочиненіи «религія въ предѣлахъ чистаго разума» злоупотребляетъ философіею къ испроверженію и уничиженію главныхъ и основныхъ истинъ св. Писанія и христіанства. Для предотвращенія на будущее время самой возможности подобныхъ упрековъ, Кантъ далъ торжественное обязательство впредь совершенно воздерживаться отъ всякихъ публичныхъ разсужденій касательно естественной или богооткровенной религіи и въ своихъ лекціяхъ и въ сочиненіяхъ. Конечно, онъ сдѣлалъ такое заявленіе въ качествѣ вѣрноподданнаго; но не имѣлъ намѣренія навсегда отказаться отъ свободы мысли, т.-е. долѣе того времени, пока былъ живъ король. Въ ноябрѣ 1797 года Фридрихъ Вильгельмъ III наслѣдовалъ своему отцу, и первымъ актомъ его его царствованія было уничтоженіе религіознаго эдикта, отъ 9-го іюля 1788 года, на основаніи котораго издано было упо-

¹⁾ Theolog. Studien u. Kritiken. 1875. 2 Heft.

мянутае королевское повелѣніе, направленное противъ Канта. Кантъ успѣшилъ, какъ онъ говоритъ, «выразить самымъ дѣломъ подобающее просвѣщенному, снимающему наложенныя на духъ человѣка оковы правительству повиновеніе» уже несомнѣнно искренно въ слѣдствіе предоставленной свободы мысли и откровенно высказать свой взглядъ на мѣсто, принадлежащее философіи въ научномъ организмѣ, или, что тоже—на взаимное отношеніе факультетовъ, такъ какъ университетъ есть ученое общество, соотвѣтствующее этому организму. Три изданныхъ существующихъ факультета—богословскій, юридическій и медицинскій имѣютъ, по Канту, то между собою общаго; что преподаваемые въ нихъ науки должны производить соотвѣтственное вліяніе на извѣстныя сферы человѣческой жизни, и такъ какъ правительство, основывая университеты и давая имъ содержаніе, особенно этимъ интересуется, то оно считаетъ эти три факультета старшими. Число ихъ соотвѣтствуетъ тремъ главнѣйшимъ пружинамъ, направляющимъ народную жизнь прежде всего къ вѣчному благу каждаго человѣка, потомъ къ его гражданскому благостоянію, какъ члена общества, и наконецъ къ тѣлесному здоровью. Но для университетскаго ученаго общества существенно необходимъ еще четвертый факультетъ, «который бы, по характеру своей науки, независимой отъ правительственныхъ приказаній, пользовался свободой все подвергать обсужденію въ чисто научномъ интересѣ, т.-е. въ интересѣ одной истины, такую свободу, на основаніи которой можно было бы говорить истину открыто, потому, что съ одной стороны, безъ этой свободы истина (въ ущербъ для самаго правительства) не можетъ сдѣлаться извѣстною, а съ другой разумъ, свободный по своей природѣ, не можетъ принимать никакихъ приказаній, чтобы считать что-либо за истину (никакого *crede*, но только простое *credo*).

Этотъ четвертый факультетъ философскій. Если бы остальные факультеты вступили въ борьбу съ этимъ четвертымъ, ссылаясь на законоположенія, изданныя или только утвержденныя правительствомъ для университетовъ, то эта борьба

была бы противузаконная; она стремилась бы задержать свободное движеніе науки вообще. Желаніе философскаго факультета подвергать своему обсужденію и оцѣнкѣ законы и ученія другихъ факультетовъ вполне законно въ интересъ истиннаго знанія и благотворно для будущихъ дѣятелей въ различныхъ областяхъ человѣческой жизни. Къ тому же и вліяніе философскаго факультета на этихъ послѣднихъ есть только посредственное, чрезъ тѣ факультеты, которые руководятъ ихъ образованіемъ; а непосредственно дѣйствуетъ на нихъ этотъ факультетъ вмѣстѣ съ всѣми другими факультетами, составляющими академическій организмъ. Философскій факультетъ поступилъ бы противузаконно и перешелъ бы за пограничную черту своего призванія, если бы вздумалъ непосредственно указывать теологамъ, юристамъ и врачамъ предметы для ихъ чтеній, вмѣсто тѣхъ, которые поручены имъ правительствомъ. Что Кантъ слишкомъ узко понимаетъ призваніе другихъ факультетовъ въ сравненіи съ философскимъ факультетомъ, котораго задачу, напротивъ, ставитъ слишкомъ идеально, усвоивъ первымъ очень мало чисто научнаго интереса и относя его исключительно къ послѣднему, это объясняется изъ его общаго воззрѣнія, по которому отдѣльный субъектъ критически относится къ окружающей его богатой жизни. Но Кантъ ратуетъ только за право философіи на свободное изслѣдованіе и изложеніе истины; потому онъ весьма далекъ отъ мысли оспаривать у другихъ факультетовъ спеціальную сферу ихъ призванія и подвергать сомнѣнію ихъ полноправіе, какъ необходимыхъ членовъ въ научномъ организмѣ. Что философскій факультетъ, не смотря на свое преимущественное право свободы, считается младшимъ, Кантъ находитъ этому объясненіе въ томъ, что повелѣвающій, хотя бы былъ чѣмъ-либо смиреннымъ служителемъ, все таки считаетъ себя выше нежели свободный, но не имѣющій власти повелѣвать. Въ частности относительно богословскаго факультета Кантъ находитъ разумнымъ, чтобы тотъ факультетъ, который имѣетъ дѣлю вѣчное благо че-

ловѣка, занималъ первое мѣсто въ ряду остальныхъ, за нимъ юридическій, а наконецъ медицинскій, хотя по инстинкту врачъ важнѣе другихъ для человѣка, потому что сохраняетъ ему жизнь.

Какимъ же образомъ богословская наука, эта царица между другими науками, сдѣлалась такою уничиженною въ настоящее время? Она отнюдь не пренебрегала поучаться у философіи, она, нужно сказать, много поработала надъ Кантомъ и Фихте, Шеллингомъ и Гегелемъ, Фризомъ и Гербартомъ, такъ что кажется, не было ни одной замѣчательной философской системы, которая бы прошла мимо богословія, не проникнувъ его насквозь. Съ другой стороны богословіе давно разучилось взывать къ свѣтскимъ властямъ для ограниченія опаснаго для него философскаго умозрѣнія, и доносъ, сдѣланный въ 1853 году на Куно-Фишера въ Гейдельбергѣ, долженъ оставаться совершенно одиночнымъ въ новѣйшей исторіи университетовъ протестантской Германіи. Философія, которой Кантъ назначалъ такое скромное положеніе подлѣ ея старшихъ сестеръ, и теперь предоставляетъ богословію его прежнее мѣсто. Однакожь если въ обзорѣняхъ личнаго академическаго состава и преподаванія наукъ, а равно и въ академическихъ торжественныхъ собраніяхъ богословію еще уступается первенство; то это происходитъ, кажется, большею части отъ того, что смотрять на него, какъ на умирающаго, замѣчая на немъ *facies hiprostatica* и думая, что вообще ему не долго остается жить; въ самомъ дѣлѣ многимъ слышится за дверями уже и шаги его могильщиковъ, приготовившихся его погребать. Поль де-Лагардъ, самъ докторъ богословія, находитъ, что существующіе нынѣ богословскіе факультеты не въ состояніи держаться; присяга, даваемая профессорами богословія при полученіи степени лиценціата, до такой степени связываетъ ихъ, что давая ее, они тѣмъ самымъ исключаютъ богословіе изъ ряда научныхъ знаній. Давидъ Штраусъ въ 1840 году уже думалъ, что существенное содержаніе вѣры, хранимое идиотскимъ сознаніемъ въ формѣ представленія,

дѣлается достояніемъ ученаго въ формѣ мысли; но уже и тогда онъ, какъ казалось ему, могъ засвидѣтельствовать собственнымъ примѣромъ, что изученіе богословія, нѣкогда средство способное приготовить къ служенію церкви, теперь стало самымъ прямымъ путемъ къ тому, чтобъ сдѣлать для него неспособнымъ; напротивъ сапожническая скамья, писарская комната и прочее, что прежде самымъ надежнымъ образомъ предохраняло отъ вторженія науки, въ настоящее время сдѣлалось мѣстомъ предварительной подготовки къ проповѣднической должности лучшимъ, нежели университеты и семинаріи. Религіозные идіоты, богословскіе самоучки, пѣтистскіе вожаки и говоруны, вотъ духовное сословіе будущаго! Недавно профессоръ богословія въ Базель Францъ Овербекъ повторилъ за Штраусомъ по крайней мѣрѣ первое его положеніе, утверждая, что противоположность между вѣрою и знаніемъ непримирима, и что потому, наука можетъ только разрушительнымъ образомъ дѣйствовать на религію. Наконецъ естественная наука, выступающая въ наши дни въ члѣ научнаго движенія, силится оставить богословіе безъ всякаго реальнаго предмета, устраняя даже личнаго живаго Бога, который для естественной науки не болѣе, какъ x , научный знакъ, выражающій неизвѣстную величину, и выставляя вообще религію, какъ продуктъ человѣческаго самообольщенія. Такимъ образомъ неимѣніе права быть интегральнымъ членомъ научнаго организма,—неспособность обслѣдывать свой предметъ надлежащимъ образомъ, даже неимѣніе дѣйствительно существующаго предмета,—вотъ тройная примѣта, которою обозначается предсмертное состояніе богословской науки, вѣрующей въ свою основательность, строгость и послѣдовательность.

Богословіе могло бы успокоивать себя тѣмъ обстоятельствомъ, что, не смотря на это, оно все-таки продолжаетъ жить, что оно не разъ выходило изъ подобной борьбы помолодѣвшимъ и окрѣпшимъ. Не заботясь о нападеніяхъ, оно могло бы находить въ нихъ подкрѣпленіе для себя, чтобы,

какъ и прежде, дѣлать свое дѣло въ тиши и утѣшаться благословіемъ, которое всегда сопровождаетъ его. Но если оно разъ вызвано вступитъ въ борьбу за свое существованіе, то уже въ порядкѣ вещей дать себѣ отчетъ въ своемъ правѣ на существованіе противъ тѣхъ, которые оспариваютъ его. Если разъ вынудили стать въ апологетическое положеніе, то было бы неблагоразумно допустить, чтобы его защитники подвергались насмѣшкамъ со стороны вызвавшихъ ихъ противниковъ; въ самомъ дѣлѣ существуетъ мнѣніе, что защитники богословія лучше бы сдѣлали, если бы отказались отъ безнадежной борьбы и безъ дальнѣйшихъ заботъ склонили свое знамя предъ превосходнымъ въ силахъ непріателемъ.

Начнемъ съ послѣдняго изъ вышеуказанныхъ вопросовъ, какъ съ такого, котораго разрѣшеніе предрѣшаетъ отвѣты и на остальные вопросы, именно съ вопроса: имѣетъ ли вообще богословіе реальный предметъ. Современное естествознаніе, въ большинствѣ своихъ представителей, рѣшаетъ этотъ вопросъ отрицательно, утверждая, что вѣра въ Бога есть пустая мечта воображенія, и что понятіе о Богѣ есть только вставка, которую духовная ограниченность и тупость помѣщаютъ тамъ, гдѣ наука наталкивается на какую-либо границу. Естествознаніе заявляетъ, что въ доказательство этого готово представить научно констатированные, неоспоримые факты. Штраусъ, впрочемъ, очень мѣтко противопоставляетъ это міросозерцаніе, къ которому обратился въ послѣдней матеріалистической фазѣ своего развитія, старой вѣрѣ, какъ вѣру новую. Точно ли эта вѣра дѣйствительно новая, это еще вопросъ; но что она дѣйствительно вѣра, которую принимаютъ или отвергаютъ, смотря по субъективнымъ условіямъ и потребностямъ, а отнюдь не знаніе, неотразимо дѣйствующее на убѣжденіе своею объективною силою, въ этомъ не можетъ быть и сомнѣнія. Можемъ указать на четыре пункта, по отношенію къ которымъ для невѣрующей науки обрывается нить доказательствъ, и чтобы снова связать эту нить, она бываетъ вынуждена ухватиться за вѣру. Пункты эти обозна-

чаются вопросами: какимъ образомъ изъ неорганическаго выходитъ органическое, изъ бессознательнаго сознательное, изъ естественно-необходимаго свободное самоопредѣленіе и изъ слѣподѣйствующей матеріи цѣлесообразное міровое цѣлое. Относительно этихъ пунктовъ наука, не знающая никакой другой дѣйствительности, кромѣ вещества, признается, что ея воззрѣніе на происхожденіе всего путемъ естественнаго развитія матеріи въ настоящее время не имѣетъ никакихъ доказательствъ; но она заранѣе вѣритъ и утѣшаетъ себя надеждою, что недостающіе теперь посредствующіе члены когда нибудь будутъ найдены. Повѣримъ имы, что животной паровой машинѣ сообщаетъ движеніе простой химическо-механической актъ горѣнія, но только тогда, когда химія не просто разложитъ животный организмъ, но по рецепту извѣстнаго Вагнера сдумаетъ его произвести въ ретортѣ. Равнымъ образомъ не дѣйствуетъ на насъ одно простое завѣреніе, что камню свойственъ нѣкоторый родъ чувства, смѣло высказываемое съ цѣлю устранить затруднительное различіе между бессознательнымъ и сознательнымъ. Не большее также имѣетъ значеніе и указаніе на замѣчаемые у нѣкоторыхъ животныхъ слѣды чувства чести и долга, пока не станутъ привлекать къ суду собаку или лошадь за нарушеніе долга, какъ индивидуумовъ, подлежащихъ вмѣняемости. Какъ наконецъ цѣлесообразность могла бы стать присущею слѣпой и бессознательной матеріи, если бы ее не вносила туда мысль человѣческая, или если бы творческая мысль, создавшая міръ, не вложила ее вначалѣ, это совершенно для насъ невысказано. Какое же право имѣетъ такая наука презирать богословскую за то, что эта вѣруетъ, но въ живаго, личнаго Бога, котораго бытіе обуславливаетъ всякое условное существованіе, который отличилъ человѣка отъ прочихъ земнымъ тварей, вдохнувши въ него духъ отъ собственнаго духа, давъ въ его сердце законъ Своей святѣйшей воли и который, въ силу Своего всемогущества и премудрости все направляетъ къ Своей цѣли? Провозвѣстники новой вѣры съ гордымъ сознаниемъ го-

ворять: «мы» сдѣлали такіе изумительные успѣхи, какъ будто это «мы» въ самомъ дѣлѣ содержитъ въ себѣ цвѣтъ умственной аристократіи, чтобы свысока смотрѣть на другихъ, какъ на лицемѣровъ и идіотовъ. Но имъ, кажется, трудно представить въ пользу своей новой вѣры фактическія доказательства, въ которыхъ они поставляютъ существенную важность: Они не замѣчаютъ, что къ ихъ гордому «мы» примыкаютъ весьма сомнительныя фигуры совсѣмъ не аристократической выдержки, что новая вѣра набираетъ себѣ неизчислимое множество послѣдователей изъ грубой массы, которая не расположена шутить съ матеріалистическою теоріею, измышляемую въ кабинетахъ, но стремится проводить въ жизнь извлекаемая изъ нея практическія послѣдствія. Они не хотятъ слушать, что говоритъ имъ Гёте, который имѣлъ острое зрѣніе и тонкій смыслъ по отношенію ко всему практическому и на котораго они охотно иной разъ ссылаются. «Единственная и самая глубокая тема всемірной исторіи человѣчества», говоритъ онъ, «тема, которой подчинены всѣ другія, есть въ собственномъ смыслѣ столкновение невѣрія съ вѣрою. Тѣ эпохи, въ которыхъ господствуетъ вѣра, въ какой бы ни было формѣ, всегда блестящи, возвышены и благотворны для современниковъ и для потомства. Напротивъ, тѣ эпохи, въ которыхъ торжествуетъ свою жалкую побѣду невѣріе, въ той или другой формѣ, если и могутъ похвастать на мгновенія ложнымъ блескомъ, то для потомства пропадаютъ безъ слѣда, потому что ни у кого нѣтъ охоты мучиться надъ познаніемъ бесплоднаго.» Что справедливо по отношенію къ историческимъ эпохамъ, то вполне слѣдуетъ сказать и о ~~творцахъ~~ эпохи, выдающихся историческихъ личностяхъ. Изъ священной глубины вѣры почерпали они тѣ творческія мысли и силу воли, которыя дѣлали ихъ способными къ продолжительно дѣйствующему и послѣ нихъ благотворному вліянію на человѣческій родъ. Не будемъ говорить о тѣхъ, которыхъ призваніемъ было служеніе и споспѣшеествованіе вѣрѣ, — превосходство Данте' не только въ сра-

внѣніи съ Боккачіо, но] и съ Петраркою главнымъ образомъ основывается на серьезности и искренности его вѣры. Точно также и Шекспиръ своею высотою въ сравненіи съ современными ему Марло, Бомонтомъ и Флетчеромъ обязанъ своей глубокой вѣрѣ въ грозную, но сокровенную правосудную силу, которой дѣйствія онъ умѣлъ изображать потрясающимъ образомъ. Вѣрующій Мильтонъ своимъ «потеряннымъ раемъ» далъ народу обильный источникъ высокаго духовнаго возбужденія, предоставивъ скептику Ботлеру потѣшать легкомысленный дворъ Карла II своими остротами надъ христіанствомъ пуританъ. На томъ же основаніи мы считаемъ Гэнделя и Себастьяна Баха, какъ музыкантовъ выше Верди и Оффенбаха; философовъ Лейбница и Канта выше Ла-Меттри и Гольбаха, Штейна лучшимъ политикомъ, хотя и плохимъ дипломатомъ, нежели Генца и Талейрана. Нужно ли намъ отказываться отъ вѣры, которая на дѣлѣ является въ собственномъ смыслѣ возбуждающею, возвышающею и движущею силою народной жизни, въ угоду такой теоріи, которой практическіе приверженцы всегда работаютъ только метлою уничтожающей фактической критики? Не гораздо ли лучше, вмѣсто выхваляемаго нынѣ монизма, который во всемъ хочетъ видѣть только одно естественно-необходимое развитіе матеріи, намъ держаться дуализма, который основывается не на спорномъ теоретическомъ различеніи между тѣломъ и душою, какъ говоритъ Штраусъ, но на томъ неоспоримомъ фактѣ сознанія, что кромѣ естественной жизни есть еще жизнь свободнаго самоопредѣленія, которая имѣетъ свой источникъ въ отличномъ отъ міра, но всеильно дѣйствующемъ на міръ, всевышнемъ Существомъ, и чрезъ вѣру въ Него пріобрѣтаетъ свою лучшую силу? Сами защитники матеріализма не могутъ отдѣлаться отъ этого факта сознанія. Мы не станемъ порицать ихъ за это и безъ ихъ вѣдома строить послѣдовательныя заключенія отъ ихъ теоретическаго матеріализма къ практическому; мы скорѣе порадуемся ихъ счастливой непослѣдовательности, тому противорѣчію, въ которомъ стоятъ ихъ жизнь

и непосредственныя выраженія ихъ сознанія къ положеніямъ ихъ системы; этимъ они доказываютъ, что они сами лучше, нежели ихъ система. Послѣ первыхъ мѣсяцевъ Франкфуртскаго національнаго собранія въ 1848 году, когда надежда многихъ на скорое возстановленіе единой германской имперіи значительно ослабѣла и невеселое расположеніе духа сказывалось въ рѣчахъ ораторовъ, какъ замѣчалъ мой тогдашній товарищъ Карлъ Фогтъ, въ то время по рѣчи гамбургскаго депутата замѣчали, что онъ долго еще не будетъ ѣсть вкусное мясо своего роднаго города. Это сказано совершенно въ духѣ матеріализма: всякій нравственный недостатокъ, послѣдовательно для матеріализма, кажется ему недостаточнымъ питаніемъ, педагогика и этика для него только діалектика. Но какъ согласуется въ «новой вѣрѣ» Штрауса съ матеріалистическою теоріей первой части требованіе наказанія и даже смертной казни во второй части, когда наказаніе опредѣляется въ слѣдствіе нравственнаго вмѣненія, и никакъ не вытекаетъ изъ одной борьбы за существованіе, въ которой сильнѣйшій успѣваетъ освобождаться отъ безпокойнаго для него слабѣйшаго, пока этотъ послѣдній самъ не окрѣпнетъ чтобы обратить направленное противъ него оружіе. Самое начало книги, въ которомъ Штраусъъ выражаетъ свое эстетическое восхищеніе художественными произведеніями Гайдна, Моцарта и Бѣтховена, Гёте и Шиллера, есть величайшій протестъ противъ матеріалистическаго міросозерцанія, свидѣтельствуя объ остаткѣ сокровища, сбереженномъ вдали отъ родины, въ безлюдной и безотрадной пустынѣ. Ужели такой остроумный мыслитель не замѣтилъ противорѣчія, въ которое онъ чрезъ это ставитъ себя по отношенію къ матеріалистической теоріи? Вѣдь истинное искусство, за которое стоитъ Штраусъ, находится въ самой тѣсной связи съ религіею, отъ которой онъ отрекся. То, что искусство показываетъ намъ въ изящномъ образѣ, возвышая отдѣльныя явленія къ общему ихъ знаменованію, представляя вѣчное духовное содержаніе въ конечной чувственной формѣ, то самое посредствомъ рели-

гѣи должно становиться дѣломъ и истинною въ расположеніи и въ жизни. Потому-то религіозное искусство представляетъ величайшія произведенія во всѣхъ областяхъ художественнаго творчества. Замѣчательно, что Штрауссъ выражаетъ непритворное удовольствіе, испытанное имъ отъ «Творенія міра» Гайдна, котораго тема: *небеса повѣдаютъ славу Божію, твореніе же руку Его возвыщаетъ твердь*. Слѣдовало бы ожидать, что наслажденіе такимъ художественнымъ произведеніемъ сдѣлаетъ для Штраусса презрѣннымъ міросозерцаніе, которое отвергаетъ понятіе творенія, которое одинаково не можетъ уживаться какъ съ религіею, съ нравственною свободою, такъ равно и съ искусствомъ, этимъ смѣлымъ вторженіемъ самосознательнаго, свободнаго духа человѣческаго въ обычный ходъ естественнаго развитія вещей. Для послѣдовательнаго матеріализма искусство должно быть не болѣе, какъ пустымъ призракомъ, который можетъ оболщать только дѣтей и глупцовъ, но который серьезный человѣкъ долженъ безжалостно разрушить орудіемъ серьезной научной критики вмѣстѣ съ призракомъ религіи. Но эти непритворныя выраженія непосредственнаго чувства истины, оставшагося нетронутымъ одностороннею теоріею, вмѣстѣ съ тою похвальною осторожностію, съ какою теоретическіе матеріалисты охраняютъ душевный миръ женщинъ и дѣтей отъ своего собственнаго ученія и на практикѣ укоряютъ его во лжи,—принадлежатъ къ тому «свидѣтельству души», къ которому еще Тертуліанъ такъ знаменательно взывалъ для утвержденія вѣры въ живаго Бога. «Новая вѣра» упрекаетъ своихъ противниковъ въ нерѣшительности, въ раздвоенности, потому что они не могутъ рѣшиться идти по ея сумазброднымъ слѣдамъ,—и признаетъ цѣльными людьми только тѣхъ, которые, подчиняясь слѣпо внѣшнему авторитету, держатъ свою вѣру или то, что называютъ вѣрою, внѣ всякаго согласованія съ наукою. Но это странныя претензіи—считать за цѣлнато человѣка того, кто ведетъ себя такъ, какъ будто у него есть только голова и умственные потребности, а нѣтъ сердца, нѣтъ потребностей

духовныхъ, нравственныхъ. Цѣльный человѣкъ не можетъ отдаться никакой, особенно такой ложной теоріи, строго подчиненной исключительно одному разсудку, теоріи, въ которой эти существенныя его потребности остаются неудовлетворенными; напротивъ эта неудовлетворенность послужитъ для него побужденіемъ къ новой критикѣ и къ исправленію теоріи, не объясняющей важнѣйшихъ фактовъ человѣческой жизни и нисколько не рѣшающей ея насущныхъ вопросовъ. Въ самомъ дѣлѣ, широко распространенное нынѣ между научно-образованными людьми, опроверженіе или отрицаніе реального значенія религіи и понятія о Богѣ объясняется только изъ односторонности и раздвоенности; занимаясь только фактами, доставляемыми посредствомъ чувственного воспріятія, они теряютъ смыслъ и разумѣніе фактовъ, непосредственно свидѣтельствуемыхъ сознаніемъ. Для гармонически развитаго человѣка эти факты (а въ особенности фактъ бытія Божія) не менѣе достовѣрны, какъ и факты чувственного воспріятія, которые именно только въ нихъ находятъ свое достаточное основаніе и объясненіе. Даже тамъ, гдѣ гармонія духовнаго развитія разрушена чрезмѣрнымъ развитіемъ одной стороны и задержаніемъ другой, непосредственно связанное съ человѣческимъ сознаніемъ богосознаніе такъ сильно, какъ мы видѣли, реагируетъ противъ выдавшейся изъ этаго разрушенія матеріалистической теоріи, что нельзя не сказать: религія также, какъ и мысль, языкъ и свобода, принадлежитъ къ существу человѣка, и какъ бы ни было скудно завито въ немъ религіозное расположеніе, всегда справедливо выраженіе одного новѣйшаго богослова: «человѣкъ *долженъ* быть религіознымъ, потому что не въ его власти не имѣть совѣсти»; равно какъ справедливо замѣчаніе Бэкона: «*Leves gustus in philosophia movere fortasse ad atheismum, sed pleniore haustus ad religionem reducere*».

Но предметъ нашего богословія не религія вообще, а христіанская религія; многіе изъ нашихъ противниковъ охотно согласятся съ этимъ. Они оспариваютъ только то, что

именно христіанская религія можетъ быть предметомъ богословской науки, которая имѣетъ призваніе служить религіознымъ потребностямъ нашего времени. Въ подобномъ смыслѣ уже Кантъ бытіе Божіе и религію признавалъ, какъ поступать практическаго разума, смѣшивая при этомъ существо религіи съ нравственными требованіями (практическаго) разума. На христіанство, имѣющее въ своемъ основаніи историческіе факты, онъ смотрѣлъ какъ на что-то такое, безъ чего философъ можетъ обходиться, и что окажется неистиннымъ, если его историческому положительному содержанію противопоставить ученіе философской религіи. Кантъ, однакожь, не хотѣлъ совершенно раздѣлаться съ христіанствомъ; но считалъ его, въ особенности его священныя книги, еще надолгое время необходимымъ средствомъ для того, чтобы сдѣлать наиболее доступнымъ народному сознанію содержаніе философско-религіозной морали. Въ этомъ смыслѣ онъ объясняетъ существенные факты и догматы христіанства, но объясненія его свидѣтельствуютъ, что содержаніе христіанства выходитъ за предѣлы критической философіи, и убѣждаютъ, что христіанство, отъ котораго онъ думалъ теоретически уклониться, имѣло надъ нимъ болѣе власти, нежели сколько онъ признавалъ. По его воззрѣнію, отдѣльный субъектъ долженъ критически относиться къ окружающей его жизни, и научное мышленіе начинается съ изслѣдованія того, что изъ содержания нами по привычкѣ должно быть удержано на будущее время по законамъ мысли. Но съ теченіемъ времени пришлось убѣдиться, что изолированіе отдѣльной личности отъ историческаго развитія человѣчества есть фикція. Человѣкъ, скажемъ съ Сенекою, есть животное общественное; онъ живетъ своею собственною жизнію только какъ членъ человѣческаго общества. Какъ только онъ начинаетъ мыслить, онъ уже входитъ въ духовное наслѣдство, которое его поколѣніе въ свою очередь получило отъ прежнихъ родовъ, и отъ котораго онъ не можетъ отказаться. Это слѣдуетъ сказать какъ объ отношеніи его къ религіозной жизни человѣчества, такъ

равно объ отношеніи къ нашему времени и его условіямъ, въ особенности объ его отношеніи къ хрстіанству. Онъ живетъ и дышетъ въ той духовной атмосферѣ, которая въ теченіе вѣковъ наполнялась хрстіанскими мыслями; и если онъ думаетъ, что религія можетъ быть построена изъ чистаго разума его изолированной личности, то это конечно обольщеніе. И въ самомъ дѣлѣ всеобщія положенія той религіи, которую теперь называютъ философскою (Vernunftsreligion), каковы: ученіе о Богѣ, о свободѣ и безсмертіи, съ достаточною ясностію свидѣтельствуютъ, что они выросли на почвѣ хрстіанства. Виѣ хрстіанства разумъ Платона не возвысился до полнаго понятія о личномъ Богѣ и состоящаго съ нимъ въ связи понятія о творчествѣ, равно какъ разумъ магометанскихъ ученыхъ до понятія о свободѣ, и разумъ евреевъ до точнаго понятія о безсмертіи, какъ продолженіи личнаго существованія, связанномъ съ ученіемъ о воздаяніи. Это большая заслуга Шлейермахера, что онъ уничтожилъ фальшивое раздѣленіе между отдѣльнымъ субъектомъ и окружающею его средою, въ особенности средою религіозной жизни, объяснивъ, что задача хрстіанскаго сознанія не въ томъ, чтобы строить истинную религію, но въ томъ, чтобы стать въ дѣйствительный союзъ съ истинною религіею, осуществившеюся въ хрстіанствѣ. Но въ самомъ ли дѣлѣ хрстіанство есть истинная религія? Этотъ вопросъ отнюдь не можетъ быть рѣшенъ критикою отдѣльной личности, а только фактической критикою совершавшеюся въ теченіи вѣковъ. Нельзя не признать и заслуги Гегеля въ томъ, что онъ показалъ, какъ этотъ объективный критическій процессъ существенно способствовалъ къ познанію истины во всѣхъ областяхъ знанія, — хотя въ своей философіи религіи онъ изображаетъ послѣдовательный ходъ развитія религіи несоотвѣтственно исторической дѣйствительности. Но Гегель смотрѣлъ на религію односторонне, какъ на дѣло только интеллектуальное; у него и грѣхъпаденіе есть необходимый моментъ въ этомъ интеллектуальномъ развитіи, исполнинскій шагъ, какъ назвалъ его Шиллеръ, — которымъ

человѣкъ перешелъ отъ безсознательнаго единенія съ Богомъ къ сознанію своей отдѣльности, дабы наконецъ возвратиться къ сознательному единенію съ Нимъ. Такимъ образомъ вся исторія спасенія превращается въ логическій процессъ: состояніе невинности есть неразвитое понятіе, грѣхопаденіе раздѣляющее сужденіе, а примиреніе.— умозаключеніе, вновь приводящее къ единству то, что было раздѣлено. Для уразумѣнія сущности и историческаго развитія религіи ничего не было и нѣтъ опаснѣе, какъ неумѣнье оцѣнить этотъ ужасный фактъ. грѣхопаденія. Объяснять грѣхъ, притомъ объяснять, какъ необходимый моментъ въ исторіи человѣчества, значить ни болѣе, ни менѣе, какъ уничтожать самое понятіе грѣха, потому что необходимое—то, чтò въ послѣднемъ основаніи возводится къ волѣ Божіей; а въ понятіи грѣха существенное именно то, что на него нѣтъ воли Божіей. Въ своемъ разсужденіи о коренномъ злѣ въ человѣческой природѣ, въ первомъ отдѣленіи философскаго ученія о религіи, Кантъ обнаруживаетъ болѣе трезвый взглядъ на этотъ фактъ и глубже вникаетъ въ его причины, и потому прямо признается: «для насъ нѣтъ ничего непостижимѣе причины, объясняющей, какимъ образомъ нравственное зло могло войти въ насъ». Но этому непонятному, хотя и неопровержимому факту грѣхопаденія человѣка противопоставляется также необъяснимый изъ естественнаго развитія человѣчества и столько же достовѣрный фактъ божественнаго Откровенія, а отнюдь не призракъ какой-то, привидѣвшійся человѣчеству въ одинъ прекрасный день около 30-го года нашего лѣтосчисленія и внушившій ему, что оно вовсе не отпало отъ Бога, какъ дотолѣ ему казалось, но находится въ единеніи и даже составляетъ одно съ Богомъ. Развитіе религій происходило не въ одномъ направленіи, а въ двухъ; одно представляетъ исторія естественныхъ религій, а другое противоположное—исторія богооткровенной религіи. Этимъ различеніемъ, думаю, устраняется споръ объ отношеніи между разумомъ и Откровеніемъ; оно основывается на фактахъ, имѣющихъ право на всеобщее признаніе,

такъ какъ ихъ легко провѣрить, именно: естественныя религіи — тѣ, которыя составляютъ одну изъ сторонъ естественной національной жизни того или другаго народа, и какъ по способу своего происхожденія, такъ и по предметамъ чувствованія называются естественными; потому и сами подчинены естественному ходу развитія, и народъ, самый даровитый изъ всѣхъ культурныхъ народовъ, не могли предохранить отъ подчиненія тому же ходу, который ведетъ отъ возникновенія чрезъ возрастаніе и процвѣтаніе къ упадку и гибели, т. е. естественному развитію грѣховнаго поврежденія, которымъ сами они заражены. Напротивъ богооткровенная религія не есть продуктъ естественнаго человѣческаго развитія, ее можно объяснить только изъ высшаго принципа, который былъ вкорененъ въ естественную жизнь одного извѣстнаго народа и всего человѣчества, хотя чрезъ посредство достославныхъ мужей, болѣе всего проникнутыхъ имъ въ слѣдствіе особеннаго Божественнаго вдохновенія. По этому понятію, богооткровенная религія есть только религіи ветхозавѣтная, какъ предъуготовительная, и христіанская, какъ совершеннѣйшее откровеніе, а не буддизмъ, напримѣръ, который по видимому имѣетъ на это претензію. Единобожіе ветхозавѣтной религіи не есть, какъ утверждаетъ Ренанъ и под., естественный продуктъ семитической расы; оно приобрѣло силу и окрѣпло въ борьбѣ съ естественною религіею этой расы — язычествомъ. И о христіанствѣ такъ же отнюдь нельзя сказать, чтобы оно своимъ появленіемъ заканчивало миссію ветхозавѣтной религіи, какъ только продолженіе этой послѣдней; оно основано на безусловно новомъ началѣ, которое состоитъ ни какъ не въ ученіи, но въ личности Иисуса, безусловно отличной отъ всѣхъ. Въ Его лицѣ заключается для естественной жизни челоука сѣмя новой духовной жизни, которое обладаетъ силою препобѣждать естественную порчу грѣха всюду, гдѣ только оно усвоится воспріимляющимъ его духомъ. Достоинство личности Иисуса, исключительно Ему свойственное, состоитъ въ томъ, что *въ Немъ обитаетъ вся полнота Божества тѣ-*

лесно (Кол. 2, 3), и что, поэтому люди всѣхъ времянъ должны почерпнуть истину и жизнь изъ Его полноты. Развивать религію еще далѣе самаго Христа, или что то же, разрѣшать христіанство, эту абсолютную религію, въ умозрительное знаніе абсолютной философіи,—это значить покидать данный намъ по благодати Божіей твердый камень спасенія, чтобы снова броситься въ растлѣвающій потокъ естественнаго развитія человѣческой жизни, управляемаго грѣхомъ и заблужденіемъ. Приэтомъ, безъ сомнѣнія, остается неизмѣннымъ, что камень этотъ для однихъ — камень спасенія, для другихъ — претыканія и соблазна; потому что убѣжденіе въ истинѣ христіанства не можетъ быть доказываемо по общепринятому способу; его нужно пріобрѣтать лично переживаемымъ опытомъ. Однакожъ тѣ, которые исповѣдуютъ съ Петромъ: «къ кому намъ идти? Ты имѣешь глаголы вѣчной жизни!» кромѣ доказательства внутренняго испытанія наставляющей на всяку истину и блаженнотворной силы благовѣстія Христова, могутъ ссылаться и на доказательство внѣшняго опыта и фактовъ. Въ предисловіи къ своей христіанской догматикѣ (Glaubenstehre) Штраусъ сказалъ очень хорошо: «субъективная критика отдѣльнаго лица подобна фонтану, который всякій мальчикъ можетъ запереть надосугъ; но критика, объективно совершающаяся въ теченіи вѣковъ, несется, подобно бурной рѣкѣ, противъ которой безсильны всякія плузы и плотины». Въ сочиненіи своемъ Штраусъ думалъ направить эту уничтожающую объективную критику противъ христіанства, и ему удалось разсѣять нѣкоторыя неправильныя пониманія и представленія христіанской истины. Но самому христіанству онъ ничуть не могъ повредить въ свою жизнь. Христіанство съ гораздо большимъ правомъ можетъ всю тяжесть этой объективной критики обратить на своихъ противниковъ. Чтò высказывали противъ него послѣдователи лѣвой стороны философіи Гегеля, логически потомъ перешедшіе къ матеріализму, и другіе, союзные съ нимъ, по крайней мѣрѣ, въ оппозиціи противъ христіанства, въ сущности то же

самое, что говорили эпикурейцы и стоики на Афинской площади, что говорил потомъ Цельсъ, что въ эпоху возрожденія говорил легкомысленный гуманизмъ, собственно въ Италіи, и что въ прошломъ столѣтіи говорили энциклопедисты во Франціи. Объективная критика безъостановочно идущей исторіи позволяет торжествовать, скажемъ словами Гётё, только на мгновение жалкую побѣду этимъ бесплоднымъ, уничтожающимъ всякую высшую духовную жизнь воззрѣніямъ, которыхъ ложнымъ блескомъ хвастаетъ невѣрующая наука. Во всѣ времена эта критика находила исполнителей ея приговоровъ надъ такими воззрѣніями въ самомъ лагерьѣ науки. Напротивъ, христіанство во всѣхъ такого рода кризисахъ имѣло право на жизнь, доказывало, что оно было живо и продолжало быть для людей источникомъ утѣшенія, возвышенія и благословенія.

Итакъ мы можемъ быть совершенно спокойны относительно мнѣнія о безпредметности богословія. Вся исторія человечества свидѣтельствуетъ, что религія, подъ которою слѣдуетъ разумѣть собственно христіанство, есть фактъ, который всегда имѣлъ чрезвычайно важное, а часто преобладающее вліяніе на человѣческую жизнь. Что касается нашего времени, въ которое и религіозные и церковные вопросы опять выдвинулись на первый планъ публичной жизни, то не слѣдуетъ забывать, что борьба противъ религіи, противъ христіанства и церкви, даже противъ притязаній римской церкви, во всякомъ случаѣ свидѣтельствуетъ о дѣйствительномъ существованіи факта, противъ котораго ратуютъ, и что вопросы, затронутые этою борьбою, поважнѣе вопроса о существованіи протоплазмы и о ея способности къ развитію. Но такой значительный историческій фактъ, какъ религія, былъ бы необъяснимъ, если бы не имѣлъ основаній въ существѣ человѣческаго духа. А съ другой стороны, всеобщность религіи, о которой противъ своей воли свидѣтельствуютъ и противники религіи, была бы невысказана, если бы ей не соотвѣтствовала объективная дѣйствительность, т. е. бытіе Божіе. Такимъ

образомъ фактъ существуетъ, и вопросъ только въ томъ, чтобы правильно понимать его. Говорятъ, что богословіе сдѣлать это не въ состояніи. Это второй пунктъ, которому посвящается наша апологія. Тѣмъ изъ нашихъ противниковъ, которые настоятельно высказываютъ, что богословіе, какъ наука, должна уничтожить религію и положительное христіанство, мы можемъ отвѣчать просто, что христіанское богословіе не желаетъ этого. Но есть и между богословами такіе, которые съ сожалѣніемъ говорятъ, что научное богословіе по необходимости должно уничтожить вѣру; потому предлагаютъ между этими, въ сущности непримиримыми, по ихъ мнѣнію, сторонами, заключить такой компромиссъ, чтобы вѣра не препятствовала свободному движенію науки и чтобы научное богословіе, въ свою очередь, не разрушало простосердечія и мира, свойственныхъ вѣрѣ.

При этомъ раздѣльномъ хозяйствѣ все-таки вѣрѣ лучше оставаться безъ богословія, нежели богословію безъ вѣры, потому что отдѣльныя богословскія науки, соединяемыя въ одно цѣлое интересомъ вѣры и религіозной жизни, тотчасъ при этомъ распадаются и подпадаютъ вліяцію филологіи, всемірной исторіи, философіи религіи и философской этикѣ, реторикѣ и педагогикѣ, и богословъ, которому желателенъ подобный компромиссъ, лучше бы сдѣлалъ, еслибы заблаговременно выбралъ соответствующее своимъ занятіямъ мѣсто въ философскомъ факультетѣ. Раздѣльное хозяйство не принесло бы выгоды ни одной изъ обѣихъ сторонъ. Какое же въ самомъ дѣлѣ должно быть отношеніе между вѣрою и богословіемъ? Не подлежитъ сомнѣнію, что первоначально существуетъ вѣра, а послѣ нея появляется богословіе, имѣющее вѣру своимъ предметомъ. А знаніе своего предмета ужели должно уничтожать самый предметъ? О богословіи можно сказать тоже, что и о физикѣ, которая не уничтожаетъ своего предмета, потому что изслѣдуетъ законы его движенія. Но противъ этого могутъ возразить: «конечно, если бы вѣра была такимъ же осязательнымъ и твердо стоящимъ предметомъ. Но

вѣра есть только форма нашей духовной дѣятельности, непосредственно усваивающая духовное содержаніе, а если наука возводитъ это содержаніе на степень знанія посредствомъ выясненія его основаній, то уже непосредственной вѣрѣ конецъ. Кроме того, вѣра опирается на историческихъ свидѣтельствахъ и зависитъ отъ авторитетовъ, которые не могутъ устоять предъ научною критикою». Что касается перваго возраженія, т. е. что непосредственная вѣра должна уничтожиться, когда наука, посредствомъ выясненія ея основанія, возводитъ ее на степень знанія; то это могло бы случиться только тогда, если бы наука могла когда нибудь покончить съ этимъ своимъ объяснительнымъ процессомъ. Шиллеръ, защищавшій дѣтское простосердечіе противъ расчетливаго благоразумія, дѣлаетъ справедливое напоминаніе самоувѣренной, поспѣшной въ своихъ приговорахъ наукѣ: «человѣкъ, еще не начинавшій философствовать, ближе къ истинѣ, нежели философъ, еще не закончившій своего изслѣдованія.» Поэтому, безъ дальнѣйшей повѣрки, можно назвать ту философію ложною, которая своими выводами становится въ противорѣчіе съ «всеобщимъ чувствомъ». Ибо въ чемъ состоитъ задача нашей научной мыслительной дѣятельности? Въ томъ, чтобы все, безъ нашего участія, непосредственно-данное содержаніе нашего духа развить въ опредѣленные понятія, въ сознательно обоснованные, послѣдовательные и стройно связанные между собою мысли. Но мы должны согласиться, если только скромно и отчетливо разсуждаемъ о своемъ мышленіи, что вполнѣ разрѣшить эту задачу намъ не удастся, и что въ нашемъ непосредственномъ сознаніи всегда остается какой-то остатокъ, который не переходитъ въ знаніе, посредствуемое наукою. Здѣсь-то заключается причина, почему не прекращается побужденіе къ дальнѣйшему развитію познаній, къ повторительнымъ предпринятіямъ одной и тойже работы, дабы привести ее къ удовлетворительному концу, и почему каждая научно-производительная личность выше и богаче по содержанію, нежели принадлежащая ей система. Потому, если богословіе

доказываетъ, что извѣстное толкованіе того или другаго библейскаго текста подлежитъ сомнѣнію, заключаетъ въ себѣ противорѣчія, которыя не могутъ быть устранены безъ насилуванія его смысла, или что народное вѣрованіе принимаетъ нѣкоторыя внѣшнія особенности за существенныя принадлежности вѣры, то вѣра отступается отъ нихъ и тѣмъ скорѣе, чѣмъ она живѣе. Если же, напротивъ, богословская наука станетъ какъ нибудь доказывать, что св. Писаніе есть только человѣческое произведеніе, подобное другимъ литературнымъ памятникамъ, потому не можетъ служить препятствіемъ для дальнѣйшаго развитія религіи, что религіозное движеніе, имѣющее свое начало въ лицѣ Іисуса, обязано своимъ происхожденіемъ естественному развитію человечества, потому можетъ развиваться далѣе Христа: то это, по выраженію Шиллера, противорѣчитъ всеобщему чувству всѣхъ искренно вѣрующихъ христіанъ. Богословская наука тогда только успѣшно будетъ выполнять свою задачу, когда, возбуждаемая подобнымъ противорѣчіемъ, снова примется за поспѣшно конченую работу и путемъ болѣе основательнаго изслѣдованія придетъ къ болѣе благопріятнымъ для вѣры результатамъ. Таковъ точный смыслъ часто злоупотребляемаго, но глубоко-вѣрнаго выраженія Ансельма: *fides quaerens intellectum*, которое Шлейермахеръ выставилъ эпиграфомъ своей догматики. ²⁾ Вѣра заключаетъ въ себѣ неистощимо-глубокій родникъ свѣта, изъ котораго наука можетъ почерпать, въ который можетъ проникать съ своимъ свѣтильникомъ, никогда его не исчерпывая и не истощая. Но вѣра не дѣлаетъ научному движенію богословія никакого другаго стѣсненія, кромѣ того, какое испытываютъ всѣ науки, занимающіяся изслѣдованіемъ, объясненіемъ и изложеніемъ даннаго содержанія; въ такомъ разѣ всякая научная теорія находитъ въ непосредственнымъ воспріятіи этого содержанія и въ наблюденіи его свои основанія и средства повѣрять себя и исправлять.

²⁾ *Neque enim intelligo, ut credam, sed credo, ut intelligam. Nam qui non crediderit, non experietur et qui expertus non fuerit, non intelliget.*

Богословіе имѣетъ своимъ весьма реальнымъ предметомъ фактъ религіозной вѣры, котораго вѣрность подтверждается свидѣтельствомъ всей исторіи человѣчества и необходимостью сознаніемъ всѣхъ людей и народовъ. Если бы кто-либо изъ нашихъ противниковъ сталъ утверждать, что у нѣкоторыхъ недавно открытыхъ народовъ не существуетъ ни малѣйшаго намека на религію, то мы безъ сомнѣнія имѣли бы право употребить свойственный имъ самимъ приемъ, по которому они, замѣчая, что въ ихъ цѣпи недостаетъ нѣкоторыхъ членовъ, утѣшаютъ себя вѣрою, что при точнѣйшемъ изысканіи, конечно, будутъ найдены и они. Богословіе, далѣе, не имѣетъ ни надобности, ни желанія уничтожить посредствомъ критики свой предметъ, т.-е. вѣру или разрѣшить ее въ знаніе; скорѣе она желаетъ доставить собою средство усвоить научно-му сознанію содержаніе вѣры и сдѣлать ее содержаніемъ научнаго испытанія. А что наука, посвященная изслѣдованію предмета столь глубокой и многосторонней важности, имѣетъ полное право на самобытное существованіе, безъ котораго не доставало бы существеннаго члена въ научномъ организмѣ,— это не потребуеетъ дальнѣйшихъ доказательствъ, если согласиться съ Кантомъ, что человѣку не чуждъ интересъ къ вѣчному благу, кромѣ интереса къ тѣлесному благу и къ стройнымъ гражданскимъ отношеніямъ. По отношенію къ факультетамъ, посвященнымъ этимъ тремъ областямъ, философскій факультетъ имѣлъ первоначально только вспомогательное знаніе, доставляя необходимыя для нихъ свѣденія философскія, филологическія, историческія, и также математическія и естественно-историческія. Но съ теченіемъ времени этотъ факультетъ эманципировался до степени самостоятельнаго научнаго цѣлаго, и отдѣльныя науки, его составляющія, объединены между собою въ стремленіи изслѣдовать истину ради ея самой; тогда какъ остальные факультеты имѣли цѣлю практически содѣйствовать церковной жизни, гражданской жизни, здоровью. Что члены факультета, имѣющіе задачу способствовать жизни церковнаго общества, дадутъ при-

сягу на вѣрность основамъ этаго общества, то это само по себѣ отнюдь не можетъ быть предосудительно. Лагардъ, по поводу этаго обстоятельства, вздумалъ оспоривать у богословія право на дальнѣйшее существованіе въ качествѣ члена въ научномъ организмѣ. «Богословы, говоритъ онъ, вступающіе въ какія-либо обязательства относительно результатовъ и метода своихъ изслѣдованій, не имѣютъ никакого права смотрѣть на себя, какъ на служителей науки». Что касается протестантскихъ богослововъ, то это обязательство отнюдь не связываетъ ихъ такимъ вѣншимъ образомъ, какъ напримѣръ юристовъ по отношенію къ мѣстному праву государства. Если первые не вздумаютъ дѣлать изъ Евангелія новый законъ, то это обязательство никакъ не можетъ быть относимо къ буквѣ св. писанія; равнымъ образомъ, если они не согласны предоставлять своимъ символическимъ книгамъ того преобладающаго значенія относительно самаго св. Писанія, какъ въ римской церкви предоставлено преданію; то это обязательство не исключаетъ для нихъ свободы отступать отъ нѣкоторыхъ вѣроопредѣленій заключающихся въ ихъ символическихъ книгахъ. Свобода, изъ которой Генгетевбергъ сдѣлалъ въ своемъ ученіи объ отношеніи между вѣрою и добрыми дѣлами, такое широкое и сомнительное употребленіе, не можетъ быть связана иначе, какъ только научными средствами и не лишаетъ его права быть столпомъ протестантской ортодоксіи. Но если кому вздумается отрицать достоинство Христа, какъ единаго нашего Искупителя и Ходатая, исключительно Ему принадлежащее, отвергать руководственное значеніе св. Писанія, или же защищать божественное право папства, право смотрѣть на свои добрыя дѣла, какъ на заслугу предъ Богомъ,— тотъ самъ могъ бы сдѣлать, что сдѣлалъ Лагардъ, признавъ, что онъ не можетъ принадлежать къ протестантско-богословскому факультету. При многосторонности научныхъ занятій, требуемыхъ по самому существу богословской науки, такому человѣку легко найти для себя, если нужно, другое пристанище, тѣмъ болѣе, что въ средѣ посвятившихъ себя богосло-

вію принято за правило изучать все, что они изучаютъ, не ради обязательства, но по свободному научному убѣжденію. Кантъ однакожъ напалъ не съ такою одностороннею несправедливостію только на богословіе; онъ смотрѣлъ на обязательство предписанное уставомъ, какъ на общее, которому по своему подчинялись и юристы и медики, вмѣстѣ съ богословами; если для богослововъ предметомъ обязательства Кантъ называетъ только библію, для юристовъ мѣстное право своего государства, для медиковъ медицинскій уставъ, то для богослововъ обязательство, очевидно, менѣ стѣснительно. Съ своей философской высоты Кантъ смотрѣлъ на остальные факультеты слишкомъ пренебрежильно и слишкомъ рѣзко выставляя противоположность между ними и факультетомъ философскимъ. Нельзя сказать, чтобы тамъ существовала только ненаучная практика, а здѣсь была истинная наука; обѣ стороны восполняютъ взаимно одна другую въ стремленіи къ разрѣшенію научной задачи. Если формулировать эту задачу такимъ образомъ, что она состоитъ въ изслѣдованіи основаній и связи нашихъ познаній, и согласиться при этомъ, что вполне рѣшить эту задачу никогда не удастся, по крайней мѣрѣ для отдѣльныхъ лицъ,—то въ научномъ разрѣшеніи ея участвуютъ и философія съ своей стороны и другіе факультеты съ своей. Та преимущественно заботится, чтобы построить основательную и стройную систему, но легко можетъ игнорировать отдѣльные факты, которые не укладываются въ ея систему. Эти имѣютъ дѣло съ фактами и часто съ разу уклоняются отъ научнаго ихъ обоснованія, имѣя за нихъ свидѣтельство опыта. Но какъ философія постоянно напоминаетъ другимъ факультетамъ о необходимости сообщать ихъ научнымъ изслѣдованіямъ основательность и стройность, сама доставляя къ тому средства; такъ и тѣ, съ своей стороны, всякій разъ съизнова повторяютъ ей задачу принимать въ расчетъ открываемые ими факты. Организациія нашихъ университетовъ, такъ много способствовавшая нѣмецкой основательности и осмотрительности, имѣетъ ту великую выгоду, что въ нихъ, по нѣ-

сколько грубому выраженію Канта, все содержаніе учености обрабатывается, такъ сказать, «по фабричному способу, чрезъ раздѣленіе труда.» Для протестантскаго богословія было бы несчастіемъ, если бы оно выдѣлилось изъ этой живой и оживляющей среды, въ которой совершается обмѣнъ между духовнымъ даваніемъ и приниманіемъ; было бы несчастіемъ и для церковной жизни, если бы призванные къ попеченію оной лишены были участія въ этомъ освѣжающемъ и многостороннемъ научномъ движеніи. И государство не доводитъ принципъ своего отдѣленія отъ церкви до того, чтобы забыть, какъ важно для его собственныхъ цѣлей здоровое развитіе церковной жизни, потому требуетъ, чтобы будущіе пастыри получали академическое образованія въ основанныхъ имъ университетахъ. И университеты перестали бы быть тѣмъ, на что указываетъ ихъ имя, если бы наука, посвященная изслѣдованію и попеченію о религиозной жизни, не имѣла въ нихъ своего представителя,—въ этомъ не можетъ обманываться безпристрастное и осмотрительное сужденіе. Такимъ образомъ для богословія и фактически обезпечивается его положеніе какъ необходимаго члена въ университетскомъ организмѣ и въ наукѣ. Относительно нападокъ, дѣлаемыхъ на нашу науку, мы будемъ совершенно спокойны, если съ искреннимъ расположеніемъ отнесемъ къ себѣ слово Апостола: *все ваше*,—какъ постоянное возбужденіе къ научной дѣятельности, а въ особенности примемъ къ сердцу слова слѣдующія далѣе: *вы же Христовы, а Христосъ Божій* (1 Кор. 3, 22—23).

Пр. В. Д — ѿ.

Харьковъ.

ЖИЗНЬ И УЧЕНИЕ БОГОМИЛОВЪ

ПО ПАНОПЛІИ ЕВѢИМІЯ ЗИГАБЕНА

И ДРУГИМЪ ИСТОЧНИКАМЪ.

Въ 1872 году въ Православномъ Обзорѣннн былъ напечатанъ русскій переводъ Зигабенова трактата о богомилахъ съ историческими свѣдѣніями объ этой сектѣ, заимствованными изъ Византійской писательницы, Анны Комненой, покойнымъ С. Н. Палаузовымъ. Въ настоящей статьѣ представляется научный разборъ Зигабеновыхъ извѣстій о богомилахъ и сравненіе ихъ съ извѣстіями другихъ источниковъ. По важному историческому значенію богомильской секты, преимущественно въ средѣ славянскихъ племенъ, по ея несомнѣнному вліянію на позднѣйшія секты западныя и восточныя, по значенію воззрѣній секты въ изученіи народной словесности, между прочимъ нашей русской, всякая серьезная попытка научно освѣтить мало еще обследованную исторію этой секты заслуживаетъ полнаго вниманія.

Ред.

При составленіи настоящаго труда сочинитель пользовался преимущественно слѣдующими источниками и пособіями:

Euthymius Zygaenus: „Narratio de Bogomills“, titulus XXIII, edid. Gieseler. 1842. Gotha.

— Πανοπλία δογματικὴ (въ латинскомъ перев.). Maxima Biblioth. vet. patrum, t. XXI.

Анна Комнена: „Alexias“. L. XV, ed. Venetiis. 1729.

Козма Пресвитеръ: „Бесѣды на новоявившуюся ересь Богомилу“, Правосл. Соб. 1864, ч. I, II.

Синодикъ болгарскаго царя Бориса, Врем. Общ. Ист. и древн. 1856. XXI.

„Житіе преп. Иларіона Могденскаго“. Полн. Собр. лѣт. т. IX, стр. 144—149.

Liber s. Ioannis apocryplus, ap. Thilo, codex apocryphus Novi Testamenti. 1832. p. 884—896. Lipsiae.

Ceillier: Histoire generale des auteurs sacrés et ecclesiastiques, t. XXI.

Engelhardt: „Kirchengeschichtl. Abhandlungen. 1832. Erlangen. p. 153—250.

Gieseler: Lehrbuch der Kirch-gesch. II, I. 1844.

— „Über den Dualismus der Slaven“, Theol. Stud. u Krit. H. II.

Neander, Kirchengeschichte, t. V, abt. II. 1845.

Ullman: „Nicol. von Methone, Euth Zigab“... Stud. u Krit B. 1833. B. III.

C. Schmidt: Histoire de la secte des Cathares ou Albigeois, 1849. Paris.

Левицкій: „Богомильство — болгарская ересь (историч. очеркъ) Христіанск. Чт. 1870. Январь, февраль.

Петрановичъ: Богомили Црква Босанска и Кретани. 1867. Загребъ.

S. Chr. Wolf: Historia Bogomilorum. 1712. Württemberg.

Oeder: Prodromus historiae Bogomilorum criticae.

Гильфердингъ: Полное собраніе сочиненій 1868 г. томъ I.

-I.-

Около 1111 г. въ Константинополѣ повсюду распространился слухъ о появленіи новыхъ, опасныхъ еретиковъ, которыхъ называли богомилами и считали послѣдователями манихеевъ и мессалианъ. Эта ересь существовала и прежде, но не была еще извѣстна церкви: «зло скрывалось подъ мантией и клобукомъ.» Еретики въ высшей степени обладали искусствомъ притворяться, держать себя степенно, съ благоговѣніемъ, пренебрегая свѣтскостію. Омраченное печалью лице, почти закрытое клобукомъ; поникшая голова, медленная походка и постоянное нашептываніе какихъ-то молитвъ про себя—вотъ картина богомила по изображенію Анны Комненой ¹⁾. Даже женщины

¹⁾ Alexias, p. 384.

увлекались ученіемъ еретиковъ; оно нашло себѣ приверженцевъ и въ знатныхъ домахъ (εις οἰκίας μεγίστας), особенно благодаря неутомимой дѣятельности монаха ²⁾ Василия. Встрѣвленный этими слухами, императоръ велѣлъ представить ему во дворецъ «учителя и верховнаго главу богомиловъ», какъ называли Василия схваченные по приказанію императора еретики. По описанію Анны Комненой и Евѣимія ³⁾, это былъ чело-
вѣкъ высокаго роста, тщедушнаго тѣлосложенія, съ клинообразной бородой, въ одеждѣ монаха. Дряхлый, изможденный видъ обличалъ въ немъ весьма преклонныя лѣта; при всемъ томъ онъ сохранилъ замѣтную бодрость духа и способность ловко владѣть словомъ, приобретенную имъ долготѣней практикой въ качествѣ учителя секты: по Евѣимію ⁴⁾ Василій пятнадцать лѣтъ изучалъ ересь и болѣе сорока лѣтъ проповѣдывалъ ее ⁵⁾. Василия обыкновенно сопровождали двѣнадцать апостоловъ и нѣсколько женщинъ крайне развратнаго поведенія.

Когда Василій явился во дворецъ, императоръ удостоилъ его величайшей чести: Алексѣй Комненъ всталъ при его привѣтствіи и пригласилъ сѣсть за однимъ столомъ. Императоръ скоро замѣтилъ, что ему не легко вызвать Василия на откро-

²⁾ Евѣимій называетъ Василия не монахомъ, а врачомъ, следуя въ этомъ случаѣ, вѣроятно, суевѣрной молвѣ народа, который видѣлъ въ вожака богомиловъ вѣдуна, чародѣя, находившагося въ сношеніи съ высшими силами, способнаго врачевать, по понятію древнихъ славянъ (даже русскихъ, у которыхъ также *врач* *врачар* обозначало колдуна, вѣщаго) всякіе недуги. Колдуна, чародѣя народъ видѣлъ и въ преемникѣ Василия Ликопетрѣ, который, по словамъ своихъ учениковъ воскресъ въ третій день по смерти и явился имъ въ видѣ волка (Victoria, I Анал. ар. Tolli p. 115)—чисто славянское повѣрье, представляющее покойниковъ-оборотней именно въ такой формѣ (сравни Пыпина, Истр. Слав. Литер. стр. 74). Врачомъ, въ настоящемъ смыслѣ, Василій не былъ, равно какъ и монахомъ: Зонаръ говоритъ, что Василій *по одеждѣ* *походилъ* на монаха, а по нравамъ—на сатану (Annales L. XVIII).

³⁾ Анал. 385. Narrat. de Bogom. p. 6.

⁴⁾ Narrat de Bogom. L. II.

⁵⁾ Зонаръ говоритъ, „что Василій 52 года проповѣдывалъ и наполнялъ ядомъ всю вселенную.“ (totum fere orbem pestis implevit) Annales L. XVIII, p. 231.

венность, и вотъ онъ (по примѣру Флавіла епископа антиохійскаго, открывшаго ученіе мессалианъ) коварно приговоряется покорнымъ ученикомъ Василя. «Достопочтенный отецъ! сказалъ государь,—я весьма много уважаю тебя и чту, плѣняясь твоими добродѣтелями, но еще болѣе хочу научиться у тебя истинамъ, тайно сообщаемымъ тобою немногимъ, передъ которыми наши обыкновенные обряды почитаешь пустыми и бесполезными.» Утонченная до подобострастія обходительность императора и ловко замаскированное, притворное желаніе его и брата Исаака быть учениками Василя развязали наконецъ уста послѣднему: онъ со всею откровенностію излагалъ свое ученіе, не подозрѣвая засады. Вдругъ императоръ изъ послушнаго ученика дѣлается грознымъ судьей. За занавѣсами, раздѣлявшими ихъ комнату, сидѣлъ писець, быстро записывавшій рѣчь Василя; ученіе его было записано все и представлено на судъ, созваннаго по этому случаю, собора. Несмотря на неоднократныя угрозы и увѣщанія императора и клира Василий не думалъ однакожь отказываться отъ своего заблужденія и говорилъ, что за истину своего вѣроученія готовъ потерпѣть огонь, бичеваніе и тысячу смертей.

Между тѣмъ были пойманы двѣнадцать апостоловъ и множество послѣдователей ереси. Многіе изъ арестованныхъ доказали свою невинность; другіе, напротивъ, съ радостію готовились встрѣтить ожидавшія ихъ мученія. Для распознаванія виновныхъ отъ невинныхъ императоръ велѣлъ устроить два костра и на верху одного изъ нихъ водрузить крестъ. Богомилы, презиравшіе крестъ по принципу своего вѣроученія, не пошли къ нему и этимъ явно засвидѣтельствовали свою принадлежность къ сектѣ. Они были отведены въ темницы, а подошедшіе къ костру съ крестомъ освобождены.

Когда ни увѣщанія, ни угрозы не дѣйствовали на Василя, соборъ осудилъ его на смерть. При многочисленномъ собраніи народа, Василий приведенъ былъ на гипподромъ, гдѣ пылалъ возженный костеръ. Богомилъ не смутился: онъ твердо произнесъ слова 90-го псалма: *амеломъ своимъ заповѣсть о*

тебѣ сохранить тя. У костра онъ замѣтилъ крестъ. Стоило только преклониться предъ нимъ и Василій былъ бы спасенъ отъ ужасной смерти, но онъ отвернулся отъ креста. Вдругъ онъ узнаетъ, что его родственники и друзья, вопреки обѣщанію императора, подвергнуты пыткамъ, гнѣются въ тюрьмахъ. Горькія слезы полились изъ его глазъ; онъ громко рыдалъ, вспоминая о прошедшемъ, о близкихъ его сердцу ⁶⁾. Непреклонность Василя въ виду пылающаго костра, его обращеніе къ ангеламъ поселили въ толпѣ опасеніе, что демоны спасутъ его отъ смерти. Въ видѣ опыта палачи бросаютъ въ огонь одежду Василя и пламя быстро ее пожираетъ; за нею взошелъ на костеръ Василій и его не стало. Это было въ 1118 году ⁷⁾.

«Глава дракона была струблена, но еще уцѣлѣли его члены, не задѣтъ былъ хвостъ», говоритъ Евѣимій ⁸⁾. Еще не разсѣялась «грозная туча ересей», повисшая на византійскомъ небосклонѣ ⁹⁾. И вотъ императоръ, радѣя о правотѣ своихъ подданныхъ, дорожа славою хорошаго богослова ¹⁰⁾ столько же, сколько и славою искуснаго политика, поручилъ болѣе опытнымъ богословамъ своего времени составить описаніе разныхъ ересей. Редакція этого труда была возложена на Евѣимія Зигабена.

Годъ рожденія и смерти Евѣимія не извѣстенъ. Полагаютъ,

⁶⁾ Narrat. de Bogom. XXII гл. 35 р.

⁷⁾ Alexias, р. 390.

⁸⁾ Narrat. de Bogom. LII гл.

⁹⁾ Alexias, 384.

¹⁰⁾ Такое близкое участіе въ дѣлахъ вѣры византійскихъ императоровъ, носившихъ титулъ „*Αρχιε*“—явленіе довольно обыкновенное въ то время. Римскіе императоры, говоритъ Никита Хоніатъ, не довольствуются господствомъ надъ свободными, какъ надъ рабами; они обижаются, если ихъ не признаютъ премудрыми, православными богословами, законодателями, способными одинаково рѣшать дѣла божескія и человѣческія (Neander, V, II, 1043). Алексѣй Комнень неоднократно самъ спорилъ и обличалъ богомидовъ, павликіанъ и др. По словамъ Евѣимія его дворецъ былъ наполненъ духовными лицами (*multitudine Regia semper ferta esse solet...*), съ которыми императоръ разсуждалъ о дѣлахъ вѣры (Max. Bibl. Vet. Patr. IXX, 6).

что названіе *Зигабена* онъ получилъ отъ мѣста своего рожденія или первоначальнаго воспитанія. Нѣкоторые ученые читаютъ *Ζυγάδινους*—отъ *Ζυγάδος*, родины Евѳимія ¹¹. Свѣдѣнія о его жизни весьма скудны. Самъ онъ называетъ себя монахомъ одного константинопольскаго монастыря въ честь Пресвятой Дѣвы, лежавшаго на берегу моря ¹²). Онъ пользовался отъ современниковъ славою учителя вѣры. Анна Комнена называетъ его превосходнымъ грамматикомъ, весьма искуснымъ риторомъ, отличнымъ знатокомъ церковныхъ догматовъ (*τὸ δόγμα ὡς οὐκ ἄλλος τις ἐπιστάμενον*). Онъ былъ извѣстенъ еще императрицѣ Иринѣ и всему византійскому клиру ¹³).

Оконченный Евѳиміемъ трудъ самъ императоръ назвалъ *Δογματικὴ Πανοπλία* ¹⁴). Полное его заглавіе такое: *Πανοπλία δογματικὴ τῆς ὀρθοδόξου πίστεως, ἥτοι ὀπλοθήκη δογμάτων*, эта оружейная палата «должна была доставлять на будущее время оружіе для духовной борьбы съ разными обнаружившимися заблужденіями.» Евѳимій увѣряетъ, что «этимъ разнообразіемъ стрѣлъ и оружія можно будетъ, навѣрное, отразить всякое нападеніе на религію ¹⁵». Впрочемъ такія надежды Евѳимія не довольно оправдываются содержаніемъ Паноплии. Здѣсь, для борьбы съ новыми ересями, возникшими на новой почвѣ, при другихъ условіяхъ, употребляется большею частію устарѣвшее оружіе вѣковъ предшествующихъ: въ трудѣ Зигабена мало оригинальности, самостоятельности; свидѣтельства отцовъ не всегда удачно приводятся (Ullman, s. 668). Эта громадная компиляція указываетъ на замѣтный упадокъ греческой образованности. Вѣкъ Василіевъ, Григоріевъ, Златоустовъ—вѣкъ свободнаго изслѣдованія разума, плѣненного въ послушаніе вѣ-

¹¹) Ullman, Theolog. Studien и Kritiken 1833 г. III В. стр. 663—674.

¹²) Ср. Cave, Hist. Liter. t. II, p. 198.

¹³) Какъ толкователь Библии Евѳимій и до нашихъ дней пользуется немалодою извѣстностію: впрочемъ въ толкованіяхъ его не достаетъ глубины мысли и самостоятельности изслѣдованія (Ullman Theol. St. и Kritiken 1833 г. стр. 665).

¹⁴) *Ἀλέξιας*. p. 387.

¹⁵) *Max. Bibl. Vet. Patr. IXX. p. 6.*

ры—для Византіи миновалъ. Періодъ вселенскихъ соборовъ кончился и, повидимому, въ области религіозныхъ вопросовъ ничего больше не оставалось дѣлать, какъ копировать старое. У церковныхъ писателей вмѣсто живой мысли стала преобладать риторическая фразеологія, ставшая наконецъ всеобщимъ условнымъ языкомъ. Въ обществѣ, которое говорило на языкъ древней Греціи, жило подъ тѣмъ же небомъ, изучало древнихъ классиковъ, замѣтны еще слѣды языческаго вліянія: не даромъ Паноплія нападаетъ съ жаромъ на эпикуреизмъ и пантеизмъ ¹⁶⁾. Такое состояніе общества имѣло, конечно, вліяніе и на успѣшное распространеніе богомилства въ Греціи.

II.

23 глава Панопліи, написанная для обличенія богомиловъ, составляетъ наиболѣе самостоятельную часть произведенія Евѣиміа Зигабена. До недавняго обнаруженія «Слова пресвитера Козмы» трудъ Евѣиміа оставался почти единственнымъ памятникомъ для изученія догматическихъ мнѣній богомиловъ. Ученые, занимавшіеся этимъ памятникомъ, приходили къ радикально противоположнымъ заключеніямъ касательно достовѣрности сообщаемыхъ имъ свѣдѣній. Арнольдъ первый утверждалъ, что извѣстія Евѣиміа объ ученіи богомиловъ—чистая выдумка (*figmentum*), обманъ православныхъ (*fraus orthodoxum*), потому что оно не подтверждается извѣстіями другихъ писателей и содержитъ нелѣпныя неслыханныя мнѣнія (*opiniones vix quando auditas*) ¹⁷⁾. Спангеймъ говоритъ, что греки приписали богомиламъ много баснословныхъ (*fabulosos*) мнѣній, или по крайней мѣрѣ, сомнительныхъ ¹⁸⁾. Эдеръ написалъ цѣлый трактатъ съ цѣлю обличить «ложь монаха Евѣиміа.» Съ своей піетистической точки зрѣнія Эдеръ утверждаетъ, что въ Византіи, во времена богомилства, господствующая вѣра была испорчена и официальные богословы совершенно неза-

¹⁶⁾ Max. Bibl. Veter. Patrum, XXI p. 7—10.

¹⁷⁾ Heresiologia I. 356.

¹⁸⁾ Wolf, Histor. Bogomilorum. p. 44.

служенно обвиняли въ ложныхъ мнѣніяхъ богомиловъ — послѣдователей чистой, незатемненной разными традиціями, вѣры—изъ ненависти къ ихъ вліянію на народъ. О самомъ Евѣмїи Эдеръ выражается такъ: nullam raene auctoritatem Graeculi hujus agnosco, dum *monachum* cogito, i. e. hominem superstitiosum, credulem. Нужно быть крайне легковѣрнымъ, чтобы повѣрить этому *балагуру* (historiolis) ¹⁹⁾. Вольфъ напротивъ, пускаетъ въ оборотъ всю свою ученость, чтобы доказать справедливость показаній Евѣмїи. Главнымъ доводомъ для Вольфа служить при этомъ почти буквальное сходство позднѣйшихъ писателей (Н. Хопіата, Арменопула и др.) съ Евѣмїемъ, которые, очевидно, цѣликомъ выписывали его показанія. Въ своемъ обширномъ трудѣ (136 стр., in-8°) Вольфъ, со всею энергіей и трудолюбіемъ средневѣковаго гелертера, подыскиваетъ цитаты изъ Платона, Ксенофонта, Цицерона, изъ разныхъ философовъ и отцовъ церкви, даже цитату изъ Энеиды Виргиліевой ²⁰⁾, для того, чтобы доказать правдивость показаній Евѣмїи. Большинство новѣйшихъ историковъ стоятъ также за подлинность извѣстій Евѣмїи. Они обыкновенно почти цѣликомъ выписываются при изложеніи богомильскаго ученія въ нѣкоторыхъ монографіяхъ ²¹⁾ и въ извѣстныхъ трудахъ по церковной исторіи, начиная отъ Неандера. Этотъ ученый совѣтуетъ, впрочемъ, *осторожно* относиться къ показаніямъ Евѣмїи ²²⁾. Послѣдній взглядъ на Евѣмїи высказывается и въ двухъ новѣйшихъ монографіяхъ—Петрановича и Левицкаго. Первый говоритъ, что у Евѣмїи есть много *темныхъ* мѣстъ, но въ доказательство приводитъ только одинъ фактъ, по его мнѣнію, искаженный Евѣмїемъ ²³⁾. Левицкій обѣщаетъ только доказать въ послѣдствіи, что мнѣнія ученыхъ объ искаженіяхъ и пристрастіи Евѣмїи небезосновательны ²⁴⁾.

¹⁹⁾ Prodrum Hist. Bogomilorum. p. 8.

²⁰⁾ Wolf, p. 56, 58, 80 et caet.

²¹⁾ Engelhardt, Kirchengeschliche Abhandlungen.

²²⁾ Alg. Kirch. V. II, 1086—89.

²³⁾ Богомили, Црква Боснска, 64 стр.

²⁴⁾ Христ. Чтеніе, 1870 г., январь.

Оставляя пока въ сторонѣ подробную оцѣнку свѣдѣній о богомильствѣ, сообщаемыхъ Евѳиміемъ Зигабеномъ, скажемъ объ отношеніяхъ автора къ своему труду: насколько были благопріятны условія, въ коихъ находился Евѳимій при выполнении предложенной ему задачи? Анна Комнена говоритъ, что императоръ поручилъ Евѳимію изложить ученіе богомиловъ—*καθὼς ὁ ἀσεβῆς Βασίλειος ὑφηγήσατο* ²⁵⁾. Эта фраза показываетъ, что у Евѳимія, при составленіи трактата о богомилахъ, были подъ руками записки, веденныя, какъ мы видѣли выше, скорописцемъ со словъ Василія. Но бесѣда съ Василіемъ во дворцѣ не была послѣднею. Самъ императоръ и духовенство неоднократно бесѣдовали съ еретикомъ и, безъ сомнѣнія, дѣлились съ Евѳиміемъ новыми добытыми свѣдѣніями. Въ числѣ духовныхъ лицъ, посѣщавшихъ Василія въ темницѣ, былъ и тотъ, кому было поручено составить опроверженіе ереси ²⁶⁾, и разсуждалъ съ еретикомъ. Кромѣ того Евѳимій имѣлъ случай бесѣдовать съ многими другими богомилами, какъ самъ онъ объ этомъ говоритъ въ *Συγγραφή στη λιτευτικῆ* ²⁷⁾. Такъ однажды на пути, Евѳимій встрѣтился съ богомиломъ, который свободно говорилъ ему о своей вѣрѣ. Да и въ своемъ монастырѣ Зигабенъ нерѣдко вызывалъ на откровенныя объясненія еретиковъ, притворяясь, по примѣру императора, ихъ ученикомъ, съ цѣлью вывѣдать темныя стороны ихъ вѣроученія. Анна Комнена говоритъ, что многіе изъ пойманныхъ еретиковъ отказывались отъ своихъ заблужденій. Въ числѣ ихъ были, безъ сомнѣнія, и истинно раскаявшіеся, которые могли безбоязненно открывать тайны ереси.

Есть основаніе утверждать, что у Евѳимія были подъ руками даже *письменные источники*, принадлежавшіе сектантамъ. Такъ въ 27-мъ титлѣ ²⁸⁾ Зигабенъ говоритъ, что онъ ограничится изложеніемъ *толкованій* еретиковъ только на нѣкото-

²⁵⁾ Alexias L. XV p. 387.

²⁶⁾ Narrat. de Bogom. гл. XXI.

²⁷⁾ Ed. Fogginus in Anecdotis literariis, v. IV, ap. Narrat de Bogom. II.

²⁸⁾ Narrat de Bogom. p. 34, 35.

фря мѣста Евангелія Матѳея, «потому что слишкомъ много потребовалось бы труда и времени на изложеніе богомильскаго толкованія на весь канонъ.» Быть можетъ, что у писателя Папоплии и не было подъ руками толкованій на *всѣ* книги Священнаго Писанія, какъ думаютъ нѣкоторые ученые ²⁹⁾. Но нельзя сомнѣваться въ томъ, что писанныя толкованія на *Ев. Матѳея* дѣйствительно были у Зигабена. Въ пользу этого говорятъ: а) множество приводимыхъ имъ примѣровъ; б) строгій порядокъ въ ихъ расположеніи (начиная со 2-й главы Матѳея, Евѳимій оканчиваетъ 9-ю главою); с) во второмъ анаѳематизмѣ ³⁰⁾ говорится, что Тихикъ, ученикъ Ликопетра мнимаго основателя мессалианской секты, извращалъ неправильными толкованіями св. книги. Особенно же онъ уродовалъ своими толкованіями *Ев. Матѳея*, относя все сказанное въ немъ о Богѣ Отцѣ и Святомъ Духѣ къ своему отцу Ликопетру. Если Евѳимій осуждаетъ комментарій богомила Тихика, то значитъ этотъ комментарій существовалъ и Зигабенъ имъ пользовался ³¹⁾.

Все это показываетъ, что Евѳимій находился въ такомъ близкомъ отношеніи къ еретикамъ, пользовался, при составленіи своего труда, столь компетентными источниками, что едва ли можно указать многихъ писателей, которые были поставлены въ такія же благоприятныя условія по отношенію къ описываемой ими ереси. Но самое это обиліе матеріала могло имѣть для писателя и свою невыгодную сторону. Много вужно критическаго такта, чтобъ не потеряться во множествѣ показаній со стороны лицъ различнаго направленія и развитія, со стороны сектантовъ, у которыхъ не было еще строго законченной, выработанной системы вѣроученія. Много требовалось сдержанности и осторожности, чтобъ не поддаться преувеличеніямъ, сохранить полное безпристрастіе при изложеніи мнѣній еретиковъ, въ самый разгаръ борьбы съ ними; и Евѳимій,

²⁹⁾ Engelhardt, Kirch. G. Abh. s. 169.

³⁰⁾ Victoria de Messalianorum, ap. Tolli. p. 116.

³¹⁾ Ср. Engelhardt, s. 169.

увидимъ, не вполне совладалъ съ бывшимъ въ его рукахъ богатымъ матеріаломъ.

III.

Трактатъ о богомилахъ составляетъ 23 главу (τόπος) Паноупліи и раздѣляется на 52 отдѣленія или пункта. Они раздѣляются на 2 главные части, изъ коихъ въ первой излагается 33 пункта богомильскаго ученія, а во второй — еретическія толкованія на Ев. Маттея. Въ первой части излагаются слѣдующіе предметы: 1) Библия и ея употребленіе у богомиловъ; 2) богомильская троица; 3) Сатаналль; 4) твореніе видимаго міра и человѣка; 5) явленіе Христа; 6) происхожденіе исполиновъ; 7) святые; 8) демоны; 9) крестъ; 10) крещеніе и принятіе въ секту; 11) причащеніе; 12) храмы; 13) молитвы; 14) скрытность и лицемѣріе; 15) Θεοτόκος; 16) одежда; 17) посты; 18) богомилы и ихъ отношеніе къ православной церкви и обществу. Само содержаніе уже показываетъ, что Евѳимій не держался строго систематическаго порядка при изложеніи богомильскаго вѣроученія. Сочиненіе отражаетъ на себѣ слѣды поспѣшной работы и представляетъ характеръ замѣтокъ о томъ или другомъ еретическомъ мнѣніи, иногда безъ всякой связи и послѣдовательности. Такъ послѣ «явленія Христа» говорится «о происхожденіи исполиновъ» — ничѣмъ неоправдываемая хронологическая и историческая несообразность; за происхожденіемъ исполиновъ трактуется «о святыхъ». Говоря о таинствахъ, авторъ Паноупліи забылъ упомянуть о бракѣ и только вскользь касается его въ *экзегетической* части; о другихъ предметахъ онъ не говоритъ ни слова, напр. объ исповѣди, хотя она несомнѣнно существовала у богомиловъ. Ученіе о Троицѣ раскинуто въ разныхъ мѣстахъ ³²⁾.

Задача нашего труда изобразить картину богомильства, открытаго въ Константинополѣ въ царствованіе императора Алексѣя Комнена и описаннаго въ *Паноупліи* Евѳиміемъ Зи-

³²⁾ Гл. II—V и XXIII.

габеномъ. Для этой цѣли мы воспроизводимъ, съ возможною точностію, самый текстъ трактата о Богомилахъ, по гизелевскому изданію, дѣлая нѣкоторыя отступленія въ порядкѣ изложенія только тогда, когда въ разныхъ мѣстахъ говорится объ одномъ и томъ же предметѣ и почти не касаясь *возраженій* Евѳимія, какъ неимѣющихъ прямого отношенія къ нашему предмету. На ряду съ изложеніемъ вѣрваній богомиловъ мы будемъ излагать и относящіеся сюда тексты Ев. Матѳея, по еретическому толкованію, которое служитъ подтвержденіемъ, объясненіемъ или выраженіемъ того или другого мнѣнія сектантовъ. При этомъ мы путемъ сравнительнаго метода постараемся опредѣлить, на сколько *полно и вѣрно* переданы авторомъ Панопли исторія и ученіе богомиловъ, сопоставляя для этой цѣли съ сказаніями Евѳимія, по возможности, всѣ немногочисленные сказанія другихъ писателей объ этомъ предметѣ, указывая, гдѣ необходимо, историческія, этнографическія и другія причины, повліявшія на образованіе и характеръ того или другаго еретическаго заблужденія.

IV.

23 титло Панопли «противъ богомиловъ» Евѳимій Зигабенъ начинаетъ замѣчаніемъ о значеніи слова «богомилъ», производя его отъ двухъ славянскихъ словъ «Богъ милуй», такъ что «богомилъ», по толкованію Евѳимія, значитъ—*ὁ τοῦ Θεοῦ τὸν ἔλεον ἐπισπόμενος*-усердно молящійся. Такое толкованіе находится въ связи со взглядомъ Евѳимія на сходство и даже тождество между ученіемъ богомиловъ, евхитовъ, мессалианъ (*ἐσυχίτος*-*meschlin*-молящійся). Толкованіе это едва ли вѣрно; авторъ Панопли остановился на немъ вѣроятно по незнакомству съ славянскимъ языкомъ. Слово «богомилъ» означаетъ по-славянски—человѣка богоугоднаго, благочестиваго, какъ-то видно и изъ слова пресвитера Козмы, который иронически замѣчаетъ о ересеначальникѣ богомиловъ: «а по истинѣ рещи—Богу—*не милъ*», то-есть неугоденъ³³). Человѣкъ усердно мо-

³³) Прав. Собес. 1864 г. I ч. 481 стр.

лящійся» по-славянски переводится—*богомолъ*, какъ и называются богомилы въ одной рукописи Кормчей XVI в. ³⁴⁾. Народъ называлъ ихъ богомолами, потому что они часто и много молились—на показъ и гордились этимъ: «мы, говорили богомилы православнымъ, Бога призываемъ, моляштесь... мы паче васъ Бога молимъ и бдимъ и молимся, а не живемъ въ лѣности, якоже вы» ³⁵⁾. Не видно, чтобы сами богомилы называли себя этимъ именемъ. Пр. Козма говоритъ, что они называли себя «истинными христіанами», «крестьянами» ³⁶⁾, и Евѣмій въ одномъ письмѣ о богомилахъ говоритъ, что они называли себя «христіанами, христовыми гражданами: *χριστιανούς ἐαυτοῦς ἐνομαζόντες οἱ μισοχριστοὶ καὶ χριστοπολίτας* ³⁷⁾).

Библия и ея употребленіе у богомиловъ.

Гл. I, 27, 30, 41, 36, 20, 21.

Канонъ св. Писанія богомилы дѣлятъ на 7 книгъ—слѣдующихъ: 1) Псалтирь, 2) 16 книгъ Пророковъ, Евангелія, 3) отъ Матѣея, 4) Марка, 5) Луки, 6) Іоанна, 7) Дѣянія апостольскія, всѣ посланія и Апокалипсисъ Іоанна Богослова. (Основаніе дѣленія Библии на 7 книгъ они находятъ въ IX, I ст. книги притчей Соломон.). Остальныя же историческія книги Ветхаго Завѣта и Пятокнижіе Моисея они отвергаютъ, какъ произведенія діавола; не признаютъ и Бога, упоминаемаго въ нихъ вмѣстѣ съ угодившими Ему мужами. Но они, для подтвержденія своего ученія приводятъ мѣста и изъ непризнаваемыхъ ими священныхъ книгъ ³⁸⁾. Свои семь книгъ богомилы толкуютъ аллегорическимъ способомъ, для подтвержденія своихъ мнѣній. Все, *сказанное* въ Библии о нечестивыхъ грѣшникахъ и идолопоклонникахъ, они относятъ къ право-

³⁴⁾ См. Опис. Рум. Муз.—у Левицкаго 33 стр.

³⁵⁾ Правосл. Собес. 1864 г. I часть, 491 стран.

³⁶⁾ Ibidem. II, 106.

³⁷⁾ Neander. V. II, 1094. примѣч. 2.

³⁸⁾ Narrat. de Bogom. гл. I.

славной церкви и, наоборотъ, все, сказанное о праведникахъ, они примѣняютъ къ своимъ послѣдователямъ ³⁹⁾. Въ подтвержденіе своего взгляда на законъ Моисея, какъ на произведеніе діавола, они приводятъ аллегорическое толкованіе текста: *Иоаннъ имляше ризу свою отъ власъ вельблуждъ, и поясъ усменъ о чреслѣхъ своихъ: снѣдь же его бѣ дружіе и медъ дикій* (Мѡ. 3, 4). Волосы верблюда означаютъ предписанія закона Моисеева, которыя похожи на нечистоплотнаго верблюда, позволяя своимъ послѣдователямъ употребленіе мяса, брака, клятвы, жертвъ, смертной казни и т. под. Кожаный поясъ означаетъ св. Евангеліе, писанное на овечьихъ кожахъ. Предписанія закона Моисеева они называютъ саранчею, которая не въ силахъ различить доброе отъ дурнаго и избирать лучшее. Дикимъ медомъ называется Евангеліе, которое представляется какъ медъ сладкимъ для своихъ послѣдователей: *(уста твои слаще меда и сота)*; и дикимъ для отвергающихъ его, возвѣщая тѣсный скорбный путь жизни, исполненный страданій ⁴⁰⁾. На отверженіе Ветхаго Завета съ замѣною его новымъ указываетъ, по мнѣнію еретиковъ, слѣдующій стихъ: *Слышасте, яко речено бысть древнимъ: око за око, зубъ за зубъ* (Марк. 5, 38). Глаза означаютъ два закона—Моисеевъ и Евангельскій, а зубы—два пути—пространный и узкій. Итакъ, эти слова Спасителя имѣютъ тотъ смыслъ, что Господь далъ законъ (новый) вмѣсто закона Моисеева и узкій путь вмѣсто пространнаго ⁴¹⁾. Мѣсто изъ Ев. Матѡея V, 18, повидимому не подходящее подъ это толкованіе, богомилы объясняли такъ: и *іота* и *черта* закона означаютъ десятословіе, ибо черта въ вертикальномъ положеніи изображаетъ іоту. И такъ іота, т.-е. десятословіе не уничтожится, но будетъ имѣть силу у евреевъ, пока не погибнетъ небо и земля. Потому-то и сказано (въ Писаніи), что Христосъ не пришелъ

³⁹⁾ Ibidem, гл. XXVII.

⁴⁰⁾ Ibidem, гл. XXX.

⁴¹⁾ Ibidem, гл. XLI.

разрушить законъ, а наполнить (праведниками) небо, оставленное нѣкогда падшими ангелами ⁴²).—Иногда богомилы ссылались на тексты, которыхъ вовсе не оказывалось въ Библии, напр.: «почитайте демоновъ—не потому, чтобъ они могли доставлять вамъ пользу, а чтобъ не вредили вамъ» (XX); «всякимъ образомъ спасеніе ваше содѣвайте». Впрочемъ Евѳимій, тщательно пересмотрѣвъ евангеліе Василія, нашель, что оно не отличается отъ употребляемаго въ православной церкви. И когда Евѳимій замѣтилъ это Василію, послѣдній сослался на авторитетъ какого-то старца, встрѣтившагося съ нимъ въ нѣкоторомъ уединенномъ мѣстѣ. Старецъ назвалъ его по имени и сказалъ Василію, что онъ приобрѣлъ въ купленномъ имъ экземплярѣ евангелія величайшее сокровище, потому что только эта книга не подверглась искаженіямъ со стороны Іоанна фурсо-стома (Грязноуста) и содержитъ два вышеприведенныя мѣста ⁴³). Сказаніе Евѳимія Зигабена о богомилскомъ канонѣ книгъ св. Писанія довольно темно. Такъ авторъ Паноплии говоритъ, что богомилы отвергали всѣ историческія книги Ветхаго Завѣта, но почему они принимали писанія пророческія, въ какомъ видѣ они употребляли остальные книги—остается неразъясненнымъ. Мы знаемъ, что современные богомиламъ катары, послѣдователи чистаго дуализма, принимали книги пророковъ, какъ сказаніе о невѣдомомъ мірѣ, предшествовавшемъ видимому, — о мірѣ духовномъ. Пророчества, по мнѣнію этихъ сектантовъ, были предсказаны, еще до созданія міра, небесными духами; они, предвидя плѣненіе сыновъ Божіихъ въ оковы плоти, хотѣли утѣшить ихъ (сыновъ) воспоминаніемъ о прошедшемъ и надеждою на будущее ⁴⁴). Безъ сомнѣнія и богомилы видѣли въ пророчествахъ изображеніе нѣкоторыхъ таинственныхъ вещей, пользуясь аллегорическимъ толкованіемъ пророчествъ, отвѣчавшихъ основ-

⁴²) Ibidem. гл. XXXVI.

⁴³) Ibidem. гл. XX, XXII.

⁴⁴) Histoire et Doctrine de la secte des Cathares ou Albigeois par C. Schmidt t. II, 23—24.

ному взгляду ихъ религіозной системы. Сколь далеки они были отъ надлежащаго пониманія пророческихъ книгъ—видно изъ того, что другіе писатели приписываютъ имъ отверженіе *всего* канона Ветхозавѣтныхъ книгъ. «Гдѣ, паки вопрошаю васъ, говоритъ Иларіонъ Могленскій богомиламъ, изобрѣтосте душегубительную сію язву еже глаголати, яко *древній законъ* отъ лукаваго бѣше» (изъ контекста видно, что здѣсь подъ закономъ разумѣется *весь* Ветхій Завѣтъ) ⁴⁵⁾. То же самое говорилъ о богомилахъ, гораздо равьше Иларіона, пресвитеръ Козма: «Авраама, друга Божія, и Даніила и Азарьины чади и *прочихъ пророковъ* не приѣмлютъ, ихже и звѣри свирѣпшіи убоиася и огнь усумнѣся» ⁴⁶⁾. Это разногласіе въ показаніяхъ славянскихъ писателей и Евѣимія касательно богомильскаго канона можно примирить такимъ образомъ.

Воображая себя подъ непрестаннымъ водительствою Духа Божія, относясь презрительно ко всему, что носитъ печать осязаемости, вещественности, богомилы не думали ограничивать себя рамками какихъ-нибудь внѣшнихъ предписаній, изъ какого бы источника они ни исходили. Предписанія Закона Божія имѣли значеніе для «совершенныхъ» членовъ секты (еетоковъ) настолько, насколько они отвѣчали внутреннему расположенію каждаго, дѣйствіями котораго управляетъ самъ Духъ Святой. Вотъ почему они такъ обезобразивали иногда своими толкованіями смыслъ св. Писанія и ссылались даже на непризнаваемые ими книги Ветхаго Завѣта, если видѣли въ нихъ подтвержденіе своихъ догматико-миѣологическихъ представленій. Такое свободное, такъ сказать, эклектическое ⁴⁷⁾ отношеніе къ признаваемымъ и непризнаваемымъ кни-

⁴⁵⁾ П. С. Р. Л. т. 9. стр. 146. — Житіе Иларіона, епископа могленскаго, великаго противоборника богомилловъ во 2-й половинѣ XII вѣка, написано патріархомъ Евѣиміемъ терновскимъ въ XIV вѣкѣ. Историческая основа этого житія не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. См. собр. сочин. Гильфердинга т. I стр. 132.

⁴⁶⁾ Православн. Собесѣдн. 1864 г. ч. II. 90.

⁴⁷⁾ Въ смыслѣ манихеевъ, которые выходили изъ того основанія, что только ученіе Манеса безусловно истинно и все несогласное съ нимъ

гамъ В. З., низводившее ихъ въ рядъ обыкновенныхъ литературныхъ памятниковъ, давало полное основаніе вышеприведеннымъ писателямъ приписать богомиламъ отверженіе *всего* В. З. Такое пониманіе Библии еще яснѣе выражается въ отношеніи богомиловъ къ Евангелію. Оно, по словамъ Козмы, пользовалось такимъ уваженіемъ у сектантовъ, что не сходило у нихъ съ рукъ ⁴⁸⁾; особенное же преимущество они отдавали Евангелію Іоанна по сказанію Евѳимія ⁴⁹⁾. И что же? Тѣ же самые писатели даютъ понять, что и Евангеліе превратилось у нихъ въ миѳъ—такъ они обезобразивали смыслъ его! Напр., вопреки положительному свидѣтельству ев. Іоанна о высокой миссіи Іоанна Крестителя, «его же самъ Господь больше всѣхъ святыхъ показа», они называли его «Антихристомъ» ⁵⁰⁾, потому что онъ крестилъ водою, а вода—это жилище злыхъ, жестокихъ славянскихъ *вилъ*—твореніе злаго начала, по понятію сектантовъ. Апокрифъ «Вопросы Іоанна Богослова», столь распространенный между богомилами, прямо называетъ Іоанна Крестителя сатанайловымъ посланникомъ, миссія котораго—вредить дѣлу Христа ⁵¹⁾. Мы видимъ, что въ этомъ случаѣ положительное свидѣтельство Евангелія приносится въ жертву темному апокрифическому сказанію съ языческимъ отбѣнкомъ.

ложно; что въ священномъ Писаніи много ошибокъ, заблужденій, поврежденій. Критеріемъ для распознаванія истиннаго отъ лживаго должно служить ученіе Параклета, сошедшаго на Манеса и вдохновляющаго его послѣдователей: *Nobis paracletus ex N. T. promissus docet, quid ex eodem accipere debeamus et quid repudiare*, говорилъ одинъ послѣдователь Манеса (Guericke Kirchengeschichte, 1866 г. В. I s. 199). У богомиловъ мы также встрѣчаемъ манихейскій взглядъ на поврежденіе священнаго Писанія Іоанномъ Златоустомъ (Narrat. de Bogom. гл. XXI). Но между тѣмъ какъ критеріемъ для различенія истины отъ лжи служилъ для философски образованнаго Манеса *разумъ* „ratio“ (Guericke, *ibidem*), для Василія—богомила этимъ критеріемъ является темное недоразвитое религиозное *чувство*, сильное впрочемъ до такой степени, что способно было вводить его въ самообольщенія, такъ что онъ принималъ его руководство за голосъ свыше (Narrat. de Bogom. гл. XXI).

⁴⁸⁾ Правосл. Собесѣдн. 1864 г. II, 99.

⁴⁹⁾ Narrat de Bogom. XVI.

⁵⁰⁾ Правосл. Собесѣдн. 1864 г. II, 90.

⁵¹⁾ Thilo, Codex apocryphus N. T. Лейпцигъ 1832 г. р. 883.

Это заставляетъ насъ перейти къ апокрифамъ, которые имѣли такое громадное вліяніе на образованіе и характеръ богомилства.

Византійская литература—выразительница суевѣрнаго, въ эту пору, византійскаго общества—была особенно богата *ложными* книгами. Въ отреченной литературѣ были апокрифы Ветхаго Завета, отчасти еврейскаго, отчасти поздняго христіанскаго происхожденія, въ ней рассказывались преданія новозавѣтной эпохи или поэтическія легенды или догматическія повѣрья и суевѣрья древнихъ христіанъ. Особенный успѣхъ въ народной массѣ давало этимъ памятникамъ то обстоятельство, что они часто обращались именно къ такимъ вопросамъ, на которые нельзя было найти положительнаго отвѣта въ священномъ писаніи и ученіи церковномъ. Они рассказывали о подробностяхъ творенія,—что было до творенія міра и что будетъ при кончинѣ его, какое происхожденіе и назначеніе человѣка. Обо всемъ этомъ апокрифическія сказанія говорили съ такими подробностями, и въ доказательство называли такіе авторитеты, что неопытный читатель увлекался и вѣрилъ имъ на слово. Простота изложенія способствовала твердому удержанію ихъ въ памяти. Составители апокрифовъ, стремясь дать всему полное объясненіе, прибѣгали къ произвольному символизму. Последнее какъ нельзя болѣе удовлетворяло патріархальное глубокомысліе: наивное стремленіе открывать *глубокій, тайный смыслъ писанія* видѣло символическій смыслъ даже въ такихъ рассказахъ, которые само Евангеліе изображало положительнымъ фактомъ, а не притчей и иносказаніемъ ⁵²⁾.

Существованіе апокрифовъ у богомиловъ несомнѣнно. Такъ у каѳаровъ сохранилось преданіе, что «Вопросы Іоанна Богослова» были принесены изъ Болгаріи «богомилскимъ епископомъ Назаріемъ», какъ показываетъ приписка на рукописи

⁵²⁾ См. сказ. Евенмія о Рахили (гл. XXIX), о кровоточивой женѣ (гл. LI).—Для источн. отреч. литер. см. Сборникъ аббата Миня (Migne): Dictionnaire des apocryphes; также Thilo, Codex apocryphus N. T.

этого памятника ⁵³⁾. Существованіе его у богомиловъ несомнѣнно; оно подтверждается не только указанною припискою, но—главное—близкимъ сходствомъ съ сказаніемъ Евѳимія Зигабена, какъ мы увидимъ ниже изъ параллельныхъ сопоставленій ихъ обоихъ. Исторически доказанный фактъ—существованіе у богомиловъ и другого апокрифа: «Видѣніе Пророка Исаи» ⁵⁴⁾. Объ *βρασις Ἰσαίου* упоминаетъ авторъ Панопли въ IV анафематизмѣ ⁵⁵⁾. Вотъ главнѣйшія черты сходства «видѣнія Исаи» съ сказаніемъ Евѳимія Зигабена: Ученіе о высочайшемъ Богѣ, *ὑπερκειμένη ἐξουσία*. Сатанаилъ, по Евѳимію, облеченъ въ божескія одежды въ знакъ своего божественнаго достоинства; въ «видѣніи» эта одежда служитъ также знакомъ особаго достоинства. Самаилъ похожъ на домоправителя Сатанаила; какъ тотъ, такъ и другой борются съ подчиненными имъ Силами. Тамъ и здѣсь признается призрачность тѣла Иисуса Христа. Свою монашескую одежду богомилы могли сравнивать съ аскетической одеждою Исаи и его друзей. Служеніи Манассіи Сатанѣ или Самаилу (владыкѣ міра) и его силамъ и обитаніе его Манассіи богомилы могли приравнивать къ своему ученію о сожитіи демоновъ съ людьми. Веліалъ, подобно Сатанаилу, правитъ міромъ отъ начала его созданія ⁵⁶⁾.

Является вопросъ: имѣли-ль апокрифы каноническое значеніе для сектантовъ или это просто были назидательныя и полезныя для чтенія книги,—какъ думаютъ нѣкоторые ⁵⁷⁾. Вопросъ сводится къ тому—существовала ли у богомиловъ извѣстная опредѣленная система вѣроученія, заключенная въ письменныхъ памятникахъ, или же это ученіе отдано было

⁵³⁾ Съ этимъ памятникомъ находятся въ близкой связи, „вопросы Іоанна Богослова“, принадлежащіе русской апокриф. литературѣ; они безъ сомнѣнія перешли къ намъ изъ Болгаріи. См. Тихонравова „отреч. книги“ II, 174—192.

⁵⁴⁾ Напечатано въ Kirchengeschichtliche Abhandlungen v. Engelhardt.

⁵⁵⁾ Ap. Tolti. p. 116.

⁵⁶⁾ Engelhardt 101, 102; 209—250.

⁵⁷⁾ Engelhardt s. 161.

на произволь отдѣльныхъ учителей секты и передавалось ими устно? Мы ничего не знаемъ о существованіи у богомиловъ какихъ-нибудь символическихъ книгъ, богословскихъ трактатовъ. Церковная и гражданская власть, ревниво оберегавшая православную вѣру, безъ сомнѣнія, обратила бы на нихъ вниманіе, еслибъ они были на самомъ дѣлѣ: мы знаемъ, что немного послѣ жгли рукою палача заподозрѣнные въ богомильскихъ тенденціяхъ сочиненія Константина Хризомала ⁵⁸⁾. Съ другой стороны, писатели о богомильствѣ говорятъ о крайнемъ разногласіи догматическихъ мнѣній еретиковъ ⁵⁹⁾. Такое разногласіе указываетъ на отсутствіе у нихъ определенной системы ученія, и потому неудивительно, что апокрифы могли служить для нихъ даже *источникомъ* вѣроученія, наравнѣ съ священнымъ Писаніемъ, источникомъ, съ которымъ они, конечно, обращались также свободно, какъ и съ священнымъ Писаніемъ (см. выше). Евѣимій прямо не говоритъ объ этомъ въ Паноплии, но

1) онъ свидѣтельствуетъ, что Василій богомиль ссылался на мѣста, которыхъ не оказалось въ каноническомъ Евангеліи и которыя очевидно были заимствованы изъ апокрифическихъ сказаній. Такъ догматъ о почитаніи бѣсовъ ⁶⁰⁾, если прямо не заключался въ «вопросахъ Іоанна», то естественно вытекалъ изъ преувеличеннаго взгляда послѣднихъ на значеніе и силу демоновъ ⁶¹⁾. Василій вполнѣ былъ увѣренъ въ дѣйствительномъ существованіи этихъ словъ, хотя, быть можетъ, они были заимствованы имъ и изъ неписаннаго источника, изъ ходившихъ въ сектѣ преданій—этой «живой книги»,

⁵⁸⁾ Leo Allatius de perp. Eccles. orient et occident consens. L. II c. II, p. 644 599.

⁵⁹⁾ Козма говоритъ, что „словеса ихъ не согласуются вкупѣ, но разнотолкуются, аки гнила свита“ (сухо) Правосл. Собесѣдн. 64 г. ч. II. 100—Анна Комненъ говоритъ, что у нихъ *δύματα διαφώνου*. Разногласія мнѣній у богомиловъ мы усматриваемъ и въ Паноплии Зигабена.

⁶⁰⁾ Narrat. de Bogom. гл. XXI.

⁶¹⁾ Thilo, codex apocryphus. p. 887 etc.

на которую такъ часто любятъ ссылаться и наши святорусскіе *двоевѣры* ⁶²⁾.

2) Евѳимій, ближе ознакомившись съ сектантами, нашель, что они дѣйствительно принимаютъ апокрифы наравнѣ съ библейскими книгами и въ новомъ своемъ сочиненіи о богомилахъ ⁶³⁾ прямо говоритъ: «пріемлющимъ чуждыя писанія (ετέρας γραφάς), якобы отъ Святаго Духа и отъ Святыхъ отцовъ намъ преданныя—анаѳема».

У сектантовъ, отшатнувшихся отъ истиннаго преданія Церкви, далекихъ отъ надлежащаго пониманія Библии, нормою вѣроученія должна была служить *устная* проповѣдь отдѣльныхъ учителей. Отъ этого, между прочимъ, происходила шаткость, измѣнчивость въ догматическихъ воззрѣніяхъ, которыя не долго послѣ Василія являются въ совершенномъ противрѣчьи съ основнымъ взглядомъ богомиловъ на внѣшность, выдвигая широкое значеніе литургическихъ и другихъ обрядовыхъ разностей ⁶⁴⁾.

⁶²⁾ Заря. 1869 г. октябрь. „Русскіе двоевѣры“. Хлыстовская богородица, Акулина Тимофеевна неоднократно ссылается на *живую книгу*, какъ на откровеніе божественное.

⁶³⁾ Вотъ его полное заглавіе: *ἔλεγκος καὶ ἐρίμβος τῆς βλασφημίας καὶ πολυθεοῦς αἰρέσεως τῶν ἀσεβῶν Μασσαλιανῶν, τῶν καὶ φουνδαίτων καὶ βογομίλων καλούμενων, καὶ Εὐχιδῶν καὶ Εὐθουσιαστῶν, καὶ Εγκρατητῶν καὶ Μαρκιωνιτῶν*, напеч. ар. Tolli *Insignia itinerarii Italici*. Tras. ad. kh. 1696. 4. p. 105 sqq. и ар. Gallandii XIV, p. 293 sqq. Послѣ замѣчанія объ обширномъ распространеніи ереси въ имперіи *ἔλεγκος* предаѣтъ анаѳемѣ сначала Петра, главу Мессалианъ; Тихика, его ученика (1, 2, 3 *Αναθεμ*); а затѣмъ, по порядку,—разныя еретическія заблужденія (4—14 *Αναθεμ*), которыя въ сущности почти не отличаются отъ приписываемыхъ богомиламъ въ Паноплии. (О разностяхъ между обоими будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ). *Victoria* оканчивается провозглашеніемъ многолѣтія Императору и Порфиородному, подъ которымъ разумѣется Іоаннъ Комненъ, царствовавшій 1118—1143 г.; слѣдовательно появленіе ея относится къ этому времени. Судя по внѣшней формѣ можно заключить, что *Victoria*—торжественная рѣчь, произнесенная по поводу какого-нибудь общественнаго собранія. Сравн. *Histoire generale des auteurs sacres Ceillier*. t. XXI, p. 538, 539.

⁶⁴⁾ См. о спорахъ *чиновъ* Дреговицкаго и Болгарскаго во 2-й половинѣ XII в. у Schmidt'a *Histoire des Cathares* t. I p. 15, 16.

Богомильская Троица.

Гл. 2, 23, 3, 4 и 5.

«Богомилы лицемѣрно притворяются вѣрующими въ Св. Троицу, представляя ее совершенно своеобразно: Сынъ и Духъ Святый не отдѣляются у нихъ отъ Отца, какъ вѣчно существующія самостоятельныя личности; но какъ у древнихъ монархיאвъ, сливаются у нихъ въ одну личность. Отца они представляютъ существомъ человѣкообразнымъ (*ἀνθρωποπρόσωπον*), изъ зрачковъ котораго истекають, въ видѣ лучей, (*παρ ἑκαστέραν μὲνίγγα ἀκτῖνα ἐκλαμπόντα*) Сынъ и Духъ ⁶⁵⁾. Они говорятъ, что не только во снѣ, но и на яву (*ὑπάρ βλέπειν*) они видятъ Отца во образѣ длиннобородаго старца, Сына — во образѣ мужа съ бородою и—Духа въ видѣ безбородаго юноши. Подобно арианамъ они проповѣдуютъ этимъ неравенство Святой Троицы ⁶⁶⁾. Сынъ и Духъ опять разрѣшатся (*ἀναλυθῆναι*) въ Отца, изъ котораго они произошли. И самъ Отець, бывший отъ 5500 до 5533 года, въ теченіи 33 лѣтъ, тремя личностями, опять сталъ едиличнымъ и хотя безтѣлесенъ, но человѣкообразенъ ⁶⁷⁾. До 5500 года не существовалъ ни Сынъ ни Духъ Святый. Только съ этого времени они получили начало бытія и имени ⁶⁸⁾. Отець родилъ Сына, Сынъ Святаго Духа. Духъ родилъ духовно Іуду предателя и двѣнадцать апостоловъ. Они доказываютъ это словами Ев. Матѳея I, 2» ⁶⁹⁾.

Ни одинъ изъ пунктовъ богомильской догматики не представляетъ столько сбивчивости, запутанности, непримиримыхъ противорѣчій, какъ ученіе о Троицѣ, изложенное Евѳиміемъ. Здѣсь являютя даже двѣ Троицы: одна изъ Отца, Сатанаила и Христа; другая изъ Отца, Слова и Духа Святаго. Еще Спан-

⁶⁵⁾ Narrat. de Bogom. 2 л. II.

⁶⁶⁾ Ibidem, гл. XXIII.

⁶⁷⁾ Ibidem гл. III.

⁶⁸⁾ Ibidem гл. IV.

⁶⁹⁾ Ibidem гл. V.

гейму и Арнольду казалось весьма страннымъ и невѣроятнымъ то, что Евѣимій говоритъ о вѣрѣ богомиловъ въ «тѣлеснаго» Бога ⁷⁰⁾. Такая вѣра, по мнѣнію Эдера, противорѣчитъ презрительному отношенію богомиловъ ко всему, носящему печать вещественности ⁷¹⁾. Евѣимій представляетъ такія вещи, которыя совершенно противорѣчаютъ здравому смыслу ⁷²⁾. Наконецъ; Евѣимій самъ себѣ противорѣчитъ на разныхъ страницахъ, при изложеніи этого ученія. Въ одномъ мѣстѣ Христосъ называется младшимъ братомъ Сатанаила, существовавшаго до сотворенія міра ⁷³⁾. Въ другомъ—существованіе Христа ограничивается 33 годами пребыванія Его на землѣ ⁷⁴⁾. Духъ Святой представляется то исходящимъ отъ Отца ⁷⁵⁾, то рожденнымъ отъ Сына, послѣ явленія Его міру ⁷⁶⁾, но для дѣятельности Духа не отводится опредѣленнаго момента времени ⁷⁷⁾, такъ что Онъ является однимъ лицомъ съ Иисусомъ Христомъ, разсматриваемымъ со стороны Его дѣятельности, какъ просвѣтителя рода человѣческаго. Въ одномъ мѣстѣ Сынъ и Духъ Святой изображаются поглощенными въ единую сущность Отца, по совершеніи искупленія ⁷⁸⁾. Въ другомъ мѣстѣ они являются какъ бы особными личностями—даже въ конкретней, осязаемой формѣ ⁷⁹⁾. Является предположеніе такое, что или на самомъ дѣлѣ мнѣнія богомиловъ были такъ нелѣпы и разногласны, какъ описываетъ ихъ Евѣимій, такъ что онъ является при этомъ объективнымъ излагателемъ ихъ; или же,—онъ не понималъ хорошо сущности еретическаго ученія, изложилъ ходячія мнѣнія, не подвергнувъ ихъ надлежащей критикѣ а потому попалъ при изложеніи ихъ въ неисходныя

⁷⁰⁾ Histor. Bogom. Wolf, p. 61.

⁷¹⁾ Prodrum. Hist. Bogom., p. 39.

⁷²⁾ Narrat de Bogom. гл. V.

⁷³⁾ Ibidem гл. VI.

⁷⁴⁾ Ibidem гл. III, IV.

⁷⁵⁾ Ibidem гл. II.

⁷⁶⁾ Ibidem гл. V.

⁷⁷⁾ Ibidem гл. IV.

⁷⁸⁾ Ibidem гл. III.

⁷⁹⁾ Ibidem гл. XXIII.

противорѣчія. Къ сожалѣнію, извѣстія другихъ писателей почти умалчиваютъ объ этомъ предметѣ. Козма пресвитеръ предаётъ анаѳемъ современныхъ ему еретиковъ за «невѣріе во Св. Троицу»⁸⁰⁾, и упоминаетъ только о богомильской Троицѣ—изъ Отца, Христа и Сатанаила. Съ краткимъ извѣстіемъ Пселла объ этомъ предметѣ мы встрѣтимся ниже. Нельзя не замѣтить, что кромѣ разныхъ вліяній на образованіе ученія о Троицѣ можно усматривать въ немъ между прочимъ и элементы языческо-славянской старины. Касательно сказанія Евѣимія Зигабена о богомильской Троицѣ можно замѣтить слѣдующее:

1) По справедливому замѣчанію Евѣимія ученіе богомиловъ о Троицѣ приближалось къ савелліанскимъ воззрѣніямъ. Основная мысль Савеллія та, что нераздѣльное по своей сущности единство Божіе въ ходѣ міроваго развитія (ради искупленія) развивается или распространяется (*ἡ μονὰς πλατύνθεισα γέγονε τριάς*) въ трехъ различныхъ формахъ (*ὀνόματα, πρόσωπα*) и временахъ откровенія и, по совершеніи спасенія, изъ троичности снова обращается къ единству. Отецъ открывается въ ветхозавѣтномъ домостроительствѣ (только не въ твореніи, которое предшествуетъ откровенію божества въ Троицѣ), Сынъ—въ воплощеніи, Духъ Святой—во вдохновеніи и освященіи. Отношеніи лицъ св. Троицы у Савеллія изображается посредствомъ сравненія Отца съ дискомъ солнца, — Сына съ освѣщающей, а Духа съ согрѣвающей его силою. Онъ также сравнилъ Отца съ тѣломъ, Сына — съ духомъ, а Духа — съ душею человѣка. По исполненіи своей миссии Сынъ и Духъ снова прекратятъ свое существованіе и сольются въ личности Отца. Этотъ пантеистическій процессъ развитія и сліянія присущей міру божественной сущности (*ἐκταίνεσθαι* и *συστέλεσθαι* = *ἀναλυθῆναι* у богомиловъ) встрѣчается и въ богомильствѣ.

2) Человѣкообразныхъ представленій божества мы не встрѣчаемъ въ средныхъ богомольству и близкихъ къ нимъ по

⁸⁰⁾ Правосл. Собес. 64 г. II, 394.

мѣсту распространенія сектахъ павликіанъ, евхитовъ (у послѣднихъ были боговидѣнія, по свидѣтельству Пселла, но въ чемъ они обнаруживались—мы не знаемъ). Откуда появились они въ богомилствѣ? было ль это отголоскомъ языческихъ славянскихъ представленій антропоморфическаго періода, мы не знаемъ, потому что нѣтъ доказательствъ о существованіи у южныхъ славянъ идоловъ съ человѣческими формами, какія мы встрѣчаемъ у славянъ западныхъ. Впрочемъ, вообще говоря, антропоморфическія представленія божества встрѣчаются гораздо раньше появленія богомиловъ и находили себѣ опору въ Священномъ Писаніи, повѣствующемъ о сотвореніи человѣка *по образу и по подобію Божию*. Въ другомъ мѣстѣ Библии Богъ Отецъ изображается «Ветхимъ деньми». Такъ онъ и былъ представляемъ богомилами. Вообще человѣкообразное понятіе божества въ простомъ необразованномъ человѣкѣ, склонномъ отвлеченныя понятія представлять въ конкретной формѣ, совершенно естественно и можетъ быть объяснено безъ всякихъ теорій заимствованія. Нѣкоторые славяне и доселѣ сохранили понятіе о Бѣлунѣ (Бѣлбогѣ), котораго они представляютъ старцемъ съ длинною бѣлою бородою, въ бѣлой одеждѣ, съ посохомъ въ рукахъ (*Аванасьева* I, 93, 94).

С а т а н а и л ъ.

«Демонъ, названный Спасителемъ сатаною, есть старшій братъ Иисуса, первородный Сынъ Отца, именуемый Сатанайломъ. Какъ домоправитель, второй по достоинству послѣ Отца, онъ сѣдитъ одесную Отца въ одинаковомъ съ нимъ олѣяннѣ. Упоенный своею славою, онъ возмечталъ объ отпаденіи, коварнымъ образомъ убѣдилъ нѣкоторыхъ изъ подчиненныхъ ангеловъ свергнуть вмѣстѣ съ нимъ иго зависимости отъ Отца. (Для доказательства этого событія богомилы приводятъ притчу о «неправильномъ домоправителѣ»⁸¹⁾). Ангелы, въ надеждѣ освободиться отъ подчиненнаго положенія и собла-

⁸¹⁾ Лук. XVI, 1 и дал.

жившись великими обѣщаніями Сатанаила ⁸²⁾, послѣдовали его навѣтамъ. Замѣтивъ это, Богъ низвергъ всѣхъ ихъ съ неба» ⁸³⁾.

Ученіе о Сатанаилѣ, зломъ началъ, виновникѣ видимаго міра служить исходнымъ пунктомъ всѣхъ догматико-миѳологическихъ и нравственныхъ воззрѣній богомиловъ, и заслуживаетъ, поэтому, особаго вниманія. Этимъ пунктомъ вводится дуалистическое начало въ представленія о божествѣ. При первомъ пробужденіи мысли человѣкъ такъ легко склоняется къ дуализму. Замѣчая въ себѣ наклонности добрыя и злыя, видя борьбу добра со зломъ и внѣ себя, въ окружающей его природѣ, въ обществѣ, онъ легче всего приходитъ къ мысли, что есть два противоположныя начала: воображеніе олицетворяетъ ихъ и вотъ у него является два бога — добрый и злой. Потому-то почти всѣ языческія религіи учили о двухъ богахъ; потому-то Востокъ началъ свою философію вѣрою въ два противоположныя верховныя божества. Въ древнѣйшія времена это злое начало считалось совѣчнымъ, равносильнымъ и равноправнымъ добруму ⁸⁴⁾. Историкъ кабарскихъ сектъ, Шмидтъ доказываетъ, что дуализмъ крайняго направленія былъ однимъ изъ фазисовъ первоначальнаго кабарства (Schmidt р. 12—57), но что уже въ довольно раннее время нѣкоторые учителя кабарства дѣлали попытки смягчить этотъ дуализмъ, представляя, что злой духъ былъ первоначально добрымъ по своей природѣ, но впослѣдствіи добровольно уклонился отъ своего всеблагаго Творца. Эти два толка можно находить, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, и въ богомильствѣ ⁸⁵⁾. Главное, существенное различіе между обоими толками сводится къ слѣдующему. По ученію умѣреннаго дуализма діаволь сотворилъ человѣка, а Богъ далъ ему душу, одаренную свободной волей; человѣкъ самъ злоупотребилъ этою свободою. Крайній

⁸²⁾ Они заимствованы изъ 28 глав. 2 стих. Іезек.

⁸³⁾ Narrat. de Bogom. гл. VI.

⁸⁴⁾ Религія древнихъ персидскихъ маговъ манихейство, сирійскій гнозисъ. Уже Зороастръ смягчилъ этотъ крайній дуализмъ, поставивъ во главѣ этихъ двухъ духовъ общаго Отца міра Зеруане—Акерене.

⁸⁵⁾ Гильфердингъ 132—135. Петрамовичъ 46—50.

дуализмъ отрицалъ свободу въ чловѣкѣ, потому что невозможно представить, чтобы души небснаго происхожденія склонились сами ко злу ⁸⁶). Борьба между добрымъ и злымъ началомъ, по крайнему дуализму, вѣчна; даже и тогда, когда всѣ небсныя души снова возвратятся въ свое первоначальное жилище — и тогда будетъ существовать міръ и владычество злого духа. Побѣда добраго бога надъ нимъ состоитъ только въ томъ, что первый освободитъ изъ подъ власти своего противника свои созданія. Напротивъ, по умѣренному дуализму, побѣда будетъ полная и совершенная; рано или поздно борьба кончится и зло будетъ подчинено добру. Очевидно, что Евенмій описываетъ богомиловъ умѣреннаго толка, видѣвшаго въ Сатанайлѣ первоначально добраго, старшаго сына Отца. Почти въ такомъ видѣ какъ и Евенмій, только съ нѣкоторыми особенными подробностями, передаетъ Пселль о вѣрованіяхъ евхитовъ, весьма близкихъ къ богомиламъ. Вотъ его рассказъ. Ученіе Евхитовъ имѣетъ начало отъ Манеса. Манесъ признавалъ два начала: творца добра и зла, управителя неба и управителя земли. Евхиты—богомылы присоединили къ этому еще третье начало. Они признавали одного Отца и двухъ сыновъ, *старья и новья начала*. Отецъ владычествуетъ въ *премирной* (*ὑπερχόσμου*) области, младшій сынъ Его владѣетъ небеснымъ, а старшій—земнымъ міромъ. Нѣкоторые изъ этихъ еретиковъ одинаково почитаютъ обоихъ сыновъ, потому что хотя они теперь существуютъ отдѣльно другъ отъ друга, но происходятъ отъ одного Отца, нѣкогда (*ἐπὶ τοῦ μᾶλλοντος*) опять соединятся съ нимъ. Другіе почитаютъ младшаго сына, потому что онъ владѣетъ лучшею, высшею частію міра; но и старшаго

⁸⁶) Небсное происхожденіе душъ объяснялось слѣдующимъ мнѣемъ. Злой духъ однажды хитростію проникъ въ небсный міръ и подѣ личною добраго ангела увлекъ души съ неба на землю и заключилъ ихъ въ земляныя тѣла, чтобы заградить имъ возвращеніе на небо. Изъ этого мѣста покаянія и наказанія души должны быть опять спасены, ибо они не потеряли еще своей первоначальной доброй природы; добро не можетъ стать зломъ; они должны опять возвратиться къ Богу; спасеніе есть *необходимое* слѣдствіе ихъ природы (Schmidt II, 24—29).

они не презираютъ; они его боятся потому что онъ можетъ причинить вредъ. Иные совсѣмъ отрекаются отъ владыки неба и всецѣло предаются обладателю земли, *Сатанаилу*, называютъ его первороднымъ, ἀλλότριον ἐκ πατρὸς, творцемъ растений, животныхъ и проч. Небесный властитель изъ зависти, что Сатанаилъ такъ хорошо устроилъ все на землѣ, производитъ землетрясенія, градъ, голодь. За это они проклинали его. Сатана морочить *посвященныхъ*, а они называютъ это боговидѣнїями (θεοπτείας)⁸⁷⁾. Это извѣстїе Пселла чрезвычайно характерно и наводитъ на многія соображенія. Въ этихъ немногихъ строкахъ весьма замѣтно проглядываетъ языческая мѣология славянъ, которая примѣшалась къ древнимъ дуалистическимъ воззрѣнїямъ евхитовъ («древнїя и новыя начала» Пселла). Въ Отцѣ, владѣющемъ *премїрными* вещами, мы легко усматриваемъ славянскаго прабога, *заботящагося только о небесномъ* и совершенно равнодушнаго ко всему земному. Этотъ Отецъ—славянскїй Сварогъ, дающїй начало Сварожичу Солнцу и другамъ божествамъ⁸⁸⁾. Дальнѣйшая аналогія еще яснѣе открываетъ въ этихъ вѣрованїяхъ языческо-славянскую подкладку. Такъ наше вниманїе останавливаетъ это безразличное отношенїе еракійскихъ еретиковъ къ доброму и злomu духамъ—Христу и Сатанаилу: иные больше почитаютъ одного, нѣкоторые—другого, а иные—безразлично обоихъ. Фактъ несомнѣнно доказанный, что на образованїе мѣологическихъ представленїй природа имѣетъ громадное влїянїе. Такъ въ Персїи, родинѣ манихейства, гдѣ столько благодати отъ свѣта и тепла, но гдѣ также страшные и быстрые переходы къ землетрясенїямъ, ужаснымъ бурямъ ураганамъ, эпидемїямъ—легко могло образоваться понятїе о добромъ и зломъ духахъ, ведущихъ между собою вѣчную, непримиримую вражду. Страны, населенныя славянами, не представляютъ такихъ рѣзкихъ противоположностей въ явленїяхъ природы и физическомъ

⁸⁷⁾ Engelhardt. p. 199—200.

⁸⁸⁾ Ср. Макушева, Сказ. иностр. о бытѣ др. Слав. 72—73 стр.

строеніи мѣстности. Оттого у славянъ мы не видимъ непримиримой вражды между богомъ добрымъ, бѣлымъ, олицетвореннымъ въ свѣтъ, и между богомъ злымъ чернымъ, олицетвореннымъ въ тьмѣ. У славянъ эти крайности примиряются. Такъ день и ночь у нихъ—братъ и сестра. На этомъ основаніи можно заключить, что у нихъ не было *чистаго дуализма*. Наконецъ, въ самыхъ добрыхъ богахъ встрѣчаются худыя дѣла: понятіе о свѣтѣ заключаетъ въ себѣ и тепло и жаръ; солнце производитъ плодородіе, но отъ него же и засуха, оно грѣетъ и жжетъ. Неудивительно, что Христосъ, замѣнившій вѣру язычниковъ въ Солнце—Сварожича, является то предметомъ почитанія то проклятія. Неудивительно, что на ряду съ поклоненіемъ свѣтлому небу, мечущему на землю плодотворные для растительности перуны, посылаются и проклятія, потому что это же небо посылаетъ истребительный градъ и поражаетъ людей громомъ и молніей. Неудивительно, что при этомъ и отношенія добраго и злага духа къ Верховному Существу не были правильно установлены. Такъ, вопреки извѣстію Евѣимія Зигабена, пресвитеръ Козма ставитъ Христа выше Сатанаила, который у Козмы занимаетъ третье мѣсто въ ряду Троицы. «Слышите въ Евангеліи Господа, рекша притчу о двою сыну, Христа убо творять старѣйшаго сына, меньшаго же, еже есть заблудилъ Отца, діавола мѣнять» ⁸⁹⁾. И такъ мы не находимъ *чистаго* дуализма у богомиловъ ни въ разсказѣ Евѣимія, ни въ извѣстіяхъ Пселла о греко-славянской сектѣ во Оракии; мы не встрѣчаемъ его и въ первобытныхъ языческихъ вѣрованіяхъ славянъ. Говорятъ обыкновенно, что чистый дуализмъ исповѣдывали послѣдователи древнѣйшаго толка въ Болгаріи и указываютъ на представительницу этого толка Дреговицкую общину ⁹⁰⁾. Ссылаются при этомъ ⁹¹⁾ на слѣдующее мѣсто пресвитера Козмы: еретики

⁸⁹⁾ Правосл. Собес. 1864. II, 100.

⁹⁰⁾ Гильфердинъ Собр. сочин. I, 133, 134. Петрановичъ 84, 85.

⁹¹⁾ Петрановичъ 48.

«*дiавола* Творца нарицающе челоуѣкомъ и всей твари божіи (чистый дуализмъ, по мнѣнію этихъ ученыхъ), и отъ многія грубости ихъ они же *Ангела отпадша* наричуть и, друзіи же иконома неправеднаго творять и» (умѣренный дуализмъ)⁹²⁾. Но названіе дiавола творцомъ людей и всей твари слишкомъ неопредѣленно для того, чтобы изъ него выводить вѣру болгарскихъ богомиловъ въ злое начало-искони враждебное, по самой своей природѣ, доброму богу, вѣру въ злое начало какъ первоначальнаго виновника міра. Остальныя же выраженія: «Ангель отпадшій, икономъ неправедный», безъ сомнѣнія, не больше — какъ эпитеты одного и того же существа, дiавола, который извѣстенъ былъ подъ разными названіями. Потому что послѣдователи умѣреннаго толка считали дiавола или сатану отпадшимъ ангеломъ и сравнивали съ изображаемымъ въ Евангельской притчѣ неправеднымъ домоправителемъ⁹³⁾. Последнія не даютъ намъ никакого права заключать о существованіи въ сектѣ двухъ толковъ — тѣмъ болѣе, что объ этомъ нельзя найти никакихъ другихъ положительныхъ свѣдѣній ни въ мнѣологическихъ воззрѣніяхъ славянъ, ни у церковныхъ писателей, тогда какъ съ умѣреннымъ толкомъ въ средѣ богомиловъ мы встрѣчаемся и въ сказаніи Евѣимія Зигабена и въ послѣдующей его исторіи. Вотъ свидѣтельство объ этомъ Синодика царя Бориса: «иже Сатаня *видимый* твари Творца наричающихся быти и иконома нарицающихся държавахъ и градоу и всему исходящему отъ земли, анаѣема». Этотъ сатана, образующій *видимый* міръ, совершенно отвѣчаетъ Сатанайлу Евѣимія, устрояющему невидимую и неустроенную землю⁹⁴⁾.

Г р и г о р і й К и и р і а н о в и ч ѣ .

(Окончаніе будетъ).

⁹²⁾ Правосл. Собес. 1864 г. II, 100.

⁹³⁾ Narrat. de Bogom. гл. 6. Правосл. Собес. 64 г. II, 100.

⁹⁴⁾ Времен. Об. Истори. и древн. 1855, XXI, 36. (Подробнѣе о Сатанайлѣ см. въ слѣдующ. глав.).

К Н И Г А С Е К К И:

«ЕДИНСТВО ФИЗИЧЕСКИХЪ СИЛЪ» И ТЕНДЕНЦИИ ВЯТСКАГО ИЗДАНІЯ ЕЯ НА РУССКОМЪ ЯЗЫКЪ *).

(Окончаніе).

Въ предшествовавшемъ отдѣлѣ этого изслѣдованія о книгѣ Секки: «Единство физическихъ силъ» мы уже ознакомились съ тѣми мѣстами ея, которыя опущены въ вятскомъ изданіи ея на русскомъ языкѣ въ переводѣ Павленкова. Видѣли мы, что въ русскомъ переводѣ пропущено большое отдѣленіе объ органическихъ дѣйствіяхъ; здѣсь для краткости будемъ называть это первымъ пропускомъ. Кромѣ того, въ окончательномъ заключеніи всей книги опять довольно пропущено; это будемъ называть вторымъ пропускомъ. Понятно, что для рѣшенія вопроса о причинахъ побудившихъ русскаго переводчика къ значительнымъ, пропускамъ, прежде всего нужно обратиться къ тѣмъ объясненіямъ, какія онъ самъ даетъ намъ объ этомъ предметѣ.

Относительно перваго пропуска переводчикъ предлагаетъ читателямъ довольно пространное объясненіе. Окончивъ главу тѣми словами, которыми Секки только начинаетъ свои разсужденія объ организмѣ, переводчикъ далѣе ставитъ точки и объясняется такъ:

*) См. майскую книжку „Прав. Обоз.“ 1875 г.

„Мы не продолжаемъ перевода этой главы, въ которой авторъ ставится провести китайскую стѣну между органическими и неорганическими процессами, прибѣгая для объясненія первыхъ къ помощи уже достаточно избѣженной его многочисленными предшественниками жизненной силы и сверхъестественнаго начала. Аргументація Секки здѣсь такъ слаба и доводы, приводимые имъ въ опроверженіе ученія Дарвина о происхожденіи видовъ, до того банальны, что на нихъ не стоило бы возражать, даже и въ томъ случаѣ, еслибы авторъ писалъ свою книгу не въ Римѣ, подъ давленіемъ свинцовой скуфьи Піа IX, а въ какомъ нибудь свободномъ ученomъ центрѣ. Мы иначе и не смотримъ на эту главу, какъ на лицемерное преклоненіе предъ силлабусомъ, преклоненіе, хотя и не достойное независимаго ученаго, но весьма понятное съ извѣстной точки зрѣнія. Пропуская такимъ образомъ 13 страницъ, написанныхъ единственно для поддержанія добрыхъ отношеній между смиренной ученой овцой и святѣйшимъ пастухомъ, мы переходимъ прямо къ слѣдующей (второй) главѣ, трактующей о предметѣ безъ всякихъ заднихъ мыслей. *Примѣч. перевод.*“ (Стр. 391 русск. пер.).

Очевидно, что все это объясненіе служить не къ оправданію, а къ обвиненію переводчика. Съ одной стороны бросается въ глаза крайняя неосновательность объясненія. Въ самомъ дѣлѣ недовольство переводчика тѣмъ или другимъ отдѣломъ переводимой имъ книги не даетъ ему ни малѣйшаго права и основанія къ пропуску этого отдѣла. Ибо отъ перевода такого серьезнаго сочиненія, каково сочиненіе Секки, которое есть результатъ многолѣтнихъ трудовъ и разныя части котораго составляютъ стройное цѣлое, мы по справедливости болѣе всего требуемъ вѣрности и точности. Намъ, читателямъ совсѣмъ нѣтъ дѣла до того, нравятся или не нравятся переводчику воззрѣнія автора, намъ также нѣтъ дѣла до мнѣній переводчика о томъ или другомъ отдѣлѣ: мы требуемъ вѣрной передачи мыслей автора, а тамъ основательны онѣ или нѣтъ, разберемъ мы сами. Переводчикъ, вносящій свои воззрѣнія въ переводъ, самъ разрушаетъ свое дѣло. Съ другой стороны, въ примѣчаніи переводчика до крайности неумѣстными являются его порицанія, направленные противъ автора книги и его воззрѣній. Эти порицанія стоятъ въ глубокомъ внутреннемъ противорѣчій съ самымъ фактомъ пропуска. То есть, въ томъ случаѣ,

еслибы переводчикъ предложилъ намъ точный и полный переводъ этого отдѣла, и потомъ въ своихъ примѣчаніяхъ сталъ бы нападать на его содержаніе, слова его имѣли бы нѣкоторый смыслъ. Ибо тогда читателю была бы дана возможность самому судить о томъ, справедливы ли слова переводчика или нѣтъ. Когда же переводчикъ говоритъ, что здѣсь аргументація Секки очень слаба и подъ этимъ предлогомъ выпускаетъ въ своемъ переводѣ почти цѣлую главу, то онъ какъ будто издѣвается надъ читателями: ибо самъ, лишая ихъ возможности провѣрить сказанное, требуетъ отъ нихъ безусловной довѣренности къ своимъ словамъ. Понятно послѣ этого, что у всякаго внимательнаго читателя естественно рождается подозрѣніе, что не у автора, какъ утверждаетъ переводчикъ, а у самаго переводчика есть какія-то заднія мысли, и здѣсь что нибудь не такъ. А то обстоятельство, что въ приведенномъ объясненіи переводчикъ говоритъ такъ рѣшительно, будто онъ знаетъ внутреннія расположенія автора, и дозволяетъ себѣ грубыя и неприличныя насмѣшки надъ авторомъ, еще болѣе убѣждаетъ читателя въ этой мысли.

При объясненіи пропуска допущеннаго въ заключеніи книги, переводчикъ уже не прикрываетъ своихъ темныхъ тенденцій, какъ это сдѣлалъ онъ въ предыдущемъ объясненіи, но прямо объясняетъ причину какъ перваго такъ и втораго пропуска въ слѣдующихъ словахъ:

„Мы снова пропускаемъ здѣсь 20 строкъ текста по той же самой причинѣ, которая заставила насъ сократить первую главу этого отдѣла. Здѣсь Секки снова возвращается въ *Предвѣчному Зодчему*. Пр. пер.“ (Стр. 456, 457).

Предъ такимъ объясненіемъ здравомыслящій читатель останавливается въ недоумѣніи. Что это значитъ? Какимъ образомъ къ пропуску нѣсколькихъ мѣстъ сочиненія Секки можетъ подавать поводъ одно то обстоятельство, что въ этихъ мѣстахъ онъ возводитъ мысль къ Богу, Творцу міра? Если переводчикъ не признаетъ той первоначальной истины, что Богъ Творецъ міра, что Божіимъ всемогуществомъ міръ при-

веденъ изъ небытія въ бытіе, то какое онъ имѣеть право распространять свое невѣріе подъ видомъ перевода ученаго сочиненія? Конечно, мы не можемъ требовать отчета въ его убѣжденіяхъ, но ежели онъ взялся дать намъ переводъ замѣчательной книги, и вмѣсто полнаго и точнаго перевода, даетъ намъ переводъ съ пропусками и извращеніями, то естественно спросить: по какому праву переводчикъ съ такою заботливостію старается скрыть отъ читателей возвышенныя воззрѣнія Секки? На какомъ основаніи онъ такъ старается затмить то значеніе ихъ, которое даетъ имъ самъ авторъ?

Въ приведенномъ выше объясненіи перваго пропуска, по внимательномъ изслѣдованіи дѣла, оказывается много страннаго и несправедливаго. Мы видѣли уже, что объ настоящей причинѣ этого перваго пропуска переводчикъ проговорился въ концѣ книги. А первое объясненіе какъ будто и написано съ цѣлю запутать дѣло такъ, чтобы читатель не понялъ ни того, о чемъ говорится въ главѣ объ органическихъ дѣйствіяхъ, ни того, почему она пропускается. Понятно, что намъ нѣтъ нужды входить въ подробный разборъ всѣхъ частныхъ этого страннаго объясненія. Порицанія взглядовъ Секки высказанныя переводчикомъ не только безъ всякихъ доказательствъ, но и съ устраненіемъ самой возможности провѣрки, живыя увѣренія его, будто аргументація Секки здѣсь «слаба» и доводы его «банальны», очевидно не заслуживаютъ и опроверженія. Не только внимательное чтеніе этой главы объ органическихъ дѣйствіяхъ въ ея полномъ составѣ, но одинъ бѣглый просмотръ выписокъ изъ нея приведенныхъ въ первомъ отдѣлѣ настоящей статьи, достаточно даетъ видѣть, что здѣсь дѣло расчитано на читателей, не имѣющихъ у себя подъ руками подлинника. Но чѣмъ болѣе мы справляемся съ подлинникомъ, тѣмъ яснѣе раскрывается передъ нами, до какой степени несправедливы слова переводчика. Такъ, Секки на основаніи наблюденій раскрываетъ между неорганическими и органическимъ процессами то различіе, какое дѣйствительно есть между ними, и съ свойственною ему основательностію и стро-

гостію мышленія доказываетъ ту истину, что при изслѣдованіи этихъ явленій разумъ приводится къ необходимости признать сверхъестественныя дѣйствія Творца; а переводчикъ, какъ будто не зная чѣмъ отвлечь отъ высокихъ истинъ вниманіе читателей, находитъ и указываетъ имъ въ словахъ Секки какую-то «китайскую стѣну.» Далѣе, понятно, что произвольныя гипотезы Дарвина не могутъ удовлетворять такого строгаго и послѣдовательнаго ума, каковъ Секки; онъ дѣлаетъ противъ нихъ нѣсколько серьезныхъ возраженій, но не останавливается на этомъ долго, такъ что на это у него отдѣлено менѣе двухъ страницъ; а переводчикъ презрительно порицая доводы Секки, въ своемъ объясненіи, какъ мы видѣли, запутываетъ дѣло, выражаясь такъ, что читатель можетъ подумать, будто опроверженіе гипотезы Дарвина составляетъ главный предметъ всей этой главы и главную причину недовольства ею переводчика. Потомъ слова его, будто Секки для объясненія органическихъ процессовъ прибѣгаетъ въ слѣдъ за другими къ жизненной силѣ, совершенно несправедливы; ибо при чтеніи главы по подлиннику оказывается, что даже и самое названіе «жизненная сила» ни разу не встрѣчается во всемъ отдѣлѣ объ органическихъ дѣйствіяхъ, пропущенномъ въ русскомъ переводѣ. Можетъ быть переводчикъ не понялъ, въ чемъ состоятъ значительныя особенности во взглядахъ Секки на органическіе процессы отъ взглядовъ другихъ ученыхъ; но приписывать автору то, чего у него вовсе нѣтъ, переводчикъ не имѣлъ никакого права. Наконецъ, уже изъ предыдущаго видно, что слова переводчика: «мы иначе и не смотримъ на эту главу, какъ на лицемѣрное преклоненіе предъ силлабусомъ», заключаетъ въ себѣ совершенно ложный взглядъ; во кромѣ того есть основанія подозрѣвать и особый обманъ, скрывающійся въ этихъ словахъ. Для обнаруженія его достаточно справиться съ предисловіемъ къ первому изданію книги Секки, которое помѣщено, хотя и съ ошибками, и въ русскомъ переводѣ, и потомъ съ какими нибудь изъ прежнихъ газетъ, въ которыхъ говорится о событіяхъ 1864 года. По справкамъ ока-

зывается, что первое изданіе книги Секки закончено 10 апрѣля 1864 года и вскорѣ послѣ того вышло въ свѣтъ, а извѣстный папскій силлабусъ вышелъ 8 декабря того же 1864 года. Спрашивается теперь, какъ могъ Секки преклоняться предъ силлабусомъ, появившимся черезъ восемь мѣсяцевъ послѣ его книги?

Остановимся же на томъ, до какой степени неумѣстнымъ и безразсуднымъ является у русскаго переводчика голословное обвиненіе въ лицемѣрии, взводимое имъ на извѣстнаго своими заслугами европейскаго ученаго, и въ какомъ противорѣчii состоитъ это обвиненіе съ правильными и разумными отношеніями къ печатному слову. Постараемся разъяснить это послѣднее обстоятельство.

Выраженіе авторомъ въ печати какихъ-либо воззрѣній есть фактъ, на которомъ главнымъ образомъ должны основываться наши сужденія о его воззрѣніяхъ. Если же кромѣ того мы будемъ входить въ соображенія о томъ, почему авторъ пишетъ такъ, а не иначе, и при разборѣ мнѣній автора излагать и эти соображенія, то очевидно они могутъ имѣть какой-либо вѣсъ только тогда, когда мы указываемъ для нихъ основаніе въ сочиненіяхъ того автора. А безъ этого условія такіа соображенія совершенно неумѣстны. Видѣть въ словахъ автора не то, что онъ прямо высказываетъ, вмѣстѣ съ этимъ увѣрять безъ доказательствъ, будто онъ говоритъ не искренно и основывать что либо на такомъ мнѣніи,—это ни съ чѣмъ несообразно. Допустить что либо подобное будетъ тоже, что въ основаніи разрушить самую возможность здоровой критики. Объяснимъ это примѣромъ. Положимъ, что ученый развивая въ своемъ сочиненіи какую либо теорію, приводитъ для подтвержденія ея факты не идущіе къ дѣлу; вмѣстѣ съ этимъ представимъ, что кто либо изъ приверженцевъ теоріи въ оправданіе составителя ея сказалъ бы слѣдующее: онъ имѣетъ въ виду много фактовъ прямо идущихъ въ пользу его теоріи, но не указалъ на эти факты, а указалъ на другіе по нѣкоторымъ особымъ обстоятельствамъ. Спрашиваемъ: неужели такое соображеніе можетъ послужить къ оправданію кого либо? Ни-

сколько. Напротивъ всякій нашелъ бы такой способъ оправданія смѣшнымъ. Если воззрѣнія автора изложены печатно, то для насъ этого довольно: мы можемъ разбирать ихъ, сообразно съ тѣмъ, что находимъ въ его сочиненіяхъ. Такъ и наоборотъ, обвиненіе автора въ чемъ либо имѣемъ право высказать тогда, когда указываемъ для того основаніе въ его сочиненіяхъ: безъ этого не имѣемъ права и обвинять. Если же захотимъ дать просторъ нашимъ личнымъ мнѣніямъ, то конечно можемъ обвинять автора въ чемъ угодно, но такое обвиненіе, безъ указанія основаній, по справедливости можетъ быть признано клеветою.

Таковымъ оказывается и обвиненіе въ лицемѣрїи, взводимое на автора книги «Единство физическихъ силъ» русскимъ переводчикомъ ея.

Но вникая глубже въ слова переводчика, мы находимъ въ нихъ нѣчто и еще болѣе возмутительное. Въ самомъ дѣлѣ, если онъ видитъ въ главѣ объ органическихъ дѣйствіяхъ только «лицемѣрное преклоненіе предъ силлабусомъ», если онъ увѣряетъ, что она написана «единственно для поддержанія добрыхъ отношеній» между авторомъ книги и папою, то очевиднымъ становится, что въ этихъ словахъ переводчикъ проводитъ ту мысль, будто Секки пишетъ противъ своихъ убѣжденій, будто онъ самъ не признаетъ того, что пишетъ, и самъ не вѣритъ тѣмъ истинамъ, какія изложены въ этой главѣ. Но мы уже видѣли, въ чемъ состоитъ содержаніе этой главы, такъ скрываемое переводчикомъ отъ читателей. Изъ выписокъ, приведенныхъ въ первомъ отдѣлѣ настоящей статьи, ясно открывается, что при всѣхъ частностяхъ, въ какія входитъ Секки разбирая органическіе процессы, общая идея или главная мысль, одушевляющая этотъ отдѣлъ у него есть раскрытіе изъ самыхъ фактовъ естествознанія необходимости признавать бытіе Бога Творца вселенной и сверхъестественныя дѣйствія Его всемогущества и премудрости. Слѣдовательно, если русскій переводчикъ говоритъ, будто Секки все это пишетъ неискренно, то этимъ онъ выражаетъ ту мысль, будто Секки не признаетъ

бытія Бога Творца міра; иначе сказать обвиняя автора «Единства физическихъ силъ» въ лицемѣріи, переводчикъ тѣмъ самымъ обвиняетъ его и въ безбожіи. Таковъ прямой выводъ изъ словъ переводчика! Но не оставимъ безъ вниманія, что для человѣка искренно вѣрующаго никакое обвиненіе не можетъ быть столь оскорбительнымъ и ужаснымъ, какъ обвиненіе такого рода!

Когда же читая книгу Секки въ подлинникѣ мы во многихъ мѣстахъ ея находимъ, что авторъ возводитъ благоговѣйный взоръ къ Богу и разсматривая дѣла творенія удивляется премудрости и благодати Творца, когда видимъ въ книгѣ неоднократно указанія на то, что Божиимъ всемогуществомъ даровано веществу какъ бытіе такъ и движеніе, когда углубляясь въ воззрѣнія Секки находимъ тѣсную связь ихъ съ мыслию о Творцѣ; тогда во всемъ этомъ до очевидности раскрывается предъ нами сила глубокаго внутренняго убѣжденія автора въ тѣхъ высокихъ истинахъ, къ которымъ строго логическимъ путемъ приводятъ его изслѣдованія. Отсюда понятнымъ становится, почему въ обвиненіяхъ взводимыхъ переводчикомъ на автора книги мы находимъ только дерзкій и рѣшительный тонъ и грубыя насмѣшки, но доказательствъ или основаній въ пользу своихъ словъ переводчикъ никакихъ не приводитъ. Дѣло объясняется просто: онъ не въ состояніи привести ничего такого, когда, можно сказать, вся книга Секки говоритъ противъ него.

Однако же нельзя оставить здѣсь безъ вниманія и еще одного обстоятельства, котораго конечно не могъ имѣть въ виду переводчикъ и которое тѣмъ не менѣе служитъ къ изобличенію его. Именно появившееся за границею, черезъ годъ послѣ его перевода, новое изданіе книги Секки, даетъ намъ новыя средства къ раскрытію всей лживости словъ русскаго переводчика.

Если мы сравнивая разныя изданія какого либо ученаго сочиненія находимъ, что въ новомъ изданіи авторъ излагаетъ нѣкоторыя воззрѣнія свои съ бѣльшею полнотою, отчетливостію и послѣдовательностію, то это служитъ для насъ дока-

зательствомъ какъ искренности его убѣжденій, такъ и того, что онъ даетъ особенную цѣну и значеніе этимъ воззрѣніямъ, а потому и старается тщательно ихъ разработать. Теперь, обращаясь къ новому изданію книги Секки: «Единство физическихъ силъ», мы находимъ, что, сравнительно съ прежнимъ, еще съ болѣею полнотою и опредѣленностію изложены въ немъ тѣ воззрѣнія, которыя изгоняетъ изъ себя и порицаетъ вятское изданіе. Это всего лучше можно видѣть изъ частныхъ примѣровъ.

Въ обширномъ введеніи въ новое изданіе Секки старается установить опредѣленный взглядъ на соотношеніе силъ и законы природы. Здѣсь особеннаго вниманія заслуживаютъ слѣдующія слова его:

«Нѣкоторые физики видя въ настоящее время доказаннымъ, что силы приводятся къ движенію или по крайней мѣрѣ могутъ быть приведены къ нему, доводятъ эту идею до ея крайнихъ послѣдствій и приписываютъ движенію безусловную необходимость. Въ этой гипотезѣ еще смѣшиваютъ двѣ вещи совершенно различныя, то есть постоянство закона, которое мы находимъ путемъ опыта въ матеріи (то есть, что матерія всегда бываетъ въ движеніи), съ безусловною и неизбѣжною необходимостію закона, такъ что, слѣдуя защитникамъ этого способа воззрѣнія, мы не могли бы никогда предположить атома въ покоѣ. Нелѣпость подобной гипотезы дѣлается явною, когда видимъ, что философы бесполезно употребляли усилія, чтобы доказать изъ однихъ началъ разума (*a priori*) законы движенія и его передачи. Эти законы суть законы опредѣленные, неизмѣнные, они суть основаніе всего нашего знанія, это истинно и безспорно, но это не доказываетъ того, будто Создателемъ вещей они не могли быть установлены инымъ образомъ. Хотя сохраненіе энергіи силы и движеній въ самыхъ разнообразныхъ видоизмѣненіяхъ ихъ есть законъ неизмѣняемый, но онъ есть законъ свободно установленный, законъ который могъ не существовать, и *этимъ не разрушается наука*, какъ могъ бы предположить кто нибудь: ибо наша наука при-

водится къ возможности предвидѣть явленія итѣющія произойти въ будущемъ при помощи закона выведеннаго изъ фактовъ ужс происшедшихъ. Но для такого предвидѣнія очевидно достаточно *постоянство* закона и мало нужды въ томъ, имѣеть ли законъ самъ по себѣ *безусловную необходимость* или только *относительную необходимость* по опредѣленію свободно предназначенному Творцомъ закона» ¹⁾).

И далѣе во введеніи Секки указываетъ на несообразности во взглядахъ тѣхъ, которые останавливаются только на веществѣ и силахъ и не хотятъ глубже смотрѣть на природу, и потомъ замѣчаетъ, что ученіе объ единствѣ физическихъ силъ не имѣеть ничего общаго съ безразсудными мнѣніями послѣдователей матеріализма (XXI—XXIV).

Просматривая по новому изданію книги Секки отдѣлъ о теплотѣ, мы находимъ такое мѣсто, гдѣ авторъ ясно указываетъ на то, что вопросы о вселивной не разрѣшаются и не объясняются окончательно одними физическими законами. А именно, говоря о сохраненіи движенія, онъ приходитъ къ тому слѣдствію, что съ теченіемъ времени сила лучей солнца должна истощиться. Но такъ какъ эта мысль о кончинѣ міра для нѣкоторыхъ можетъ казаться возраженіемъ противъ ученія объ единствѣ физическихъ силъ, то Секки замѣчаетъ, что самый принципъ сохраненія движенія не воспрещаетъ разрушенію того состоянія вещей въ мірѣ, какое видимъ въ настоящее время, и разъясняетъ свою мысль въ слѣдующихъ словахъ: «Если разсмотрѣть хорошо это возраженіе, то оно направлено не противъ насъ; мы никакимъ образомъ не допускаемъ, что настоящее состояніе должно быть сохранено, а напротивъ мы убѣждены, что какъ оно не было всегда тѣмъ же самымъ какъ нынѣ, точно такъ же не должно оставаться въ томъ же самомъ видѣ навсегда. Не должно смѣшивать принципъ сохраненія движенія, или силы, или энергій

¹⁾ L'unité des forces physiques par Secci, edition du Deleschamps. Paris. 874. Introduction pages XX, XXI.

(въ изъясненномъ смыслѣ) съ принципомъ сохраненія настоящаго состоянія вещей. Первый не влечетъ за собою втораго; и только Творецъ всѣхъ этихъ вещей знаетъ, какіе способы Онъ употребить здѣсь въ дѣйствіе для сохраненія настоящаго состоянія, если только оно должно быть сохранено. Не будемъ же смѣшивать различныхъ вопросовъ» (р. 69).

Глава объ органическихъ дѣйствіяхъ или силахъ, поставленная въ новомъ изданіи въ концѣ четвертаго отдѣла, по мѣстамъ дополнена авторомъ.

Такъ онъ дѣлаетъ нѣкоторыя дополненія при опроверженіи гипотезы Дарвина о происхожденіи видовъ (р. 592, 594), и потомъ еще встрѣчаемъ у него замѣчанія относительно матеріализма (р. 596), относительно дѣйствія химическихъ силъ въ тѣлахъ животныхъ (р. 602) и другія частныя дополненія, служащія къ объясненію той или другой мысли.

Но особеннаго вниманія нашего заслуживаетъ дополненіе о Промыслѣ Божіемъ. Послѣ замѣчаній о томъ, что нѣкоторые мыслители напрасно и безъ успѣха старались доказать безусловную необходимость законовъ движенія, или безразсудно приписывали «матеріи такія свойства, которыя они отрицали въ Началѣ свободномъ, вѣчномъ и разумномъ», Секеи въ новомъ изданіи своей книги говоритъ слѣдующее:

«Впрочемъ эти возраженія и эти затрудненія происходятъ изъ ошибочнаго принципа: кажется думаютъ, что Творецъ совершилъ Свое первоначальное дѣло, и наложивъ Свой законы на матерію, послѣ всего этого предоставилъ ее самой себѣ, почти такъ, какъ художникъ выпускаетъ изъ своей мастерской оконченную имъ машину! Какая нелѣпость! Все, что мы видимъ живущимъ и дѣйствительно существующимъ, живетъ и продолжаетъ существовать по непосредственному дѣйствію того же могущества, которое извлекло его изъ ничтожества; такимъ образомъ всякая настоящая дѣятельность возводится окончательно такъ же къ дѣйствію Божества. Это хорошо извѣстно, и, не впадая въ заблужденія пантеизма, должно удивляться этому Всемогуществу не только творящему, но такъ

же сохраняющему матерію, жизнь и силу». А въ примѣчаніи къ этимъ словамъ читаемъ слѣдующее: «*Въ Немъ мы живемъ, и движемся, и существуемъ*» (Дьян. 17, 28), говорилъ святой Павелъ. Эта мысль, въ высшей степени философская, удобно можетъ вести насъ къ уразумѣнію великой идеи Божества» (р. 596).

Въ окончательномъ заключеніи своей книги Секки въ новомъ изданіи съ большею противъ прежняго отчетливостію и опредѣленностію говоритъ о томъ, что первоначальное возбужденіе движенія въ веществѣ есть дѣло всемогущества Бога Творца міра (р. 606). Это мѣсто было уже приведено въ первомъ отдѣлѣ настоящей статьи.

Такимъ образомъ отвсюду видно, какая бездна раздѣляетъ возвышенныя воззрѣнія автора «Единства физическихъ силъ» отъ воззрѣній автора вятскаго изданія этой книги. Секки является вѣрнымъ самому себѣ. Оставаясь при тѣхъ же, какія выражалъ и прежде, убѣжденіяхъ въ необходимости для естествознанія признавать сверхъестественныя дѣйствія Творца, въ новомъ изданіи своей книги Секки старается раскрыть свои мысли объ этомъ съ большею ясностію и полнотою. По всему видно, что этотъ вопросъ глубоко занимаетъ его. А если такъ, то воззрѣнія такого рода, подробно развиваемыя въ тѣхъ мѣстахъ, которыя мы рассмотрѣли, по необходимости должны встрѣчаться и во многихъ другихъ мѣстахъ книги Секки. И дѣйствительно, обращаясь къ подлиннику мы находимъ, что они, можно сказать, проходятъ по всей книгѣ, будемъ ли разсматривать ее по новому или по прежнему изданію. Отсюда становится понятнымъ, что русскій переводчикъ, пропустившій въ своемъ переводѣ тѣ мѣста, гдѣ эти воззрѣнія развиваются подробно, не могъ благопріятно смотрѣть на все прочее, состоящее въ тѣсной связи съ этими воззрѣніями. А потому онъ нашелъ нужнымъ передѣлать по своему и многія другія мѣста книги.

Когда мы сличаемъ съ подлинникомъ вятское изданіе «Единства физическихъ силъ», то нерѣдко встрѣчаются намъ стран-

ныя неточности и невѣрности. Иногда переводчикъ вставляетъ то, чего у автора вовсе нѣтъ, иногда передаетъ его мысль въ особыхъ своеобразныхъ выраженіяхъ, автору вовсе не свойственныхъ, иногда же представляетъ мысль совершенно въ другомъ видѣ или и вовсе скрываетъ ее отъ читателей. И однако же въ заглавіи перевода не сказано, что это есть переводъ не точный, а свободный, что въ немъ допущены перемѣны, а по мѣстамъ и дополненія переводчика, и въ своемъ обширномъ предисловіи онъ ничего не говоритъ намъ объ этомъ. Правда, въ самой книгѣ онъ упомянулъ о двухъ значительныхъ пропускахъ, но о томъ, что въ иныхъ мѣстахъ онъ измѣняетъ мысль автора даже до противоположности, ничего не говоритъ намъ и въ книгѣ. Мало этого, читатель бѣгло просматривающій вятское изданіе, можетъ составить о немъ совершенно превратное понятіе. Въ самомъ дѣлѣ, когда онъ видитъ, что въ предисловіи этого изданія на одиннадцати страницахъ подробно исчисляются и изобличаются недостатки и ошибки другаго русскаго перевода того же сочиненія, когда въ самой книгѣ замѣчаетъ опытность переводчика въ употребленіи физическихъ терминовъ, когда къ концу книги находитъ, что, дѣлая пропуски, переводчикъ упоминаетъ объ этомъ въ своихъ примѣчаніяхъ, то, послѣ всего этого, читатель естественно приходитъ къ той ложной мысли, будто вятское изданіе «Единства физическихъ силъ» есть точный переводъ этой книги, и будто переводчикъ, который нашелъ нужнымъ опустить нѣкоторыя мѣста, передаетъ намъ все прочее, что говоритъ авторъ, съ строгою точностію. Но на дѣлѣ оказывается другое.

Вятское изданіе иногда умалчиваетъ о томъ, о чемъ прямо говоритъ Секки, а иногда, подъ видомъ его словъ, предлагаетъ намъ такія вещи, которыхъ Секки и не думалъ говорить. Въ такомъ обращеніи переводчика съ сочиненіемъ Секки открывается предъ нами какой-то новый и странный способъ распространенія предвзятыхъ ложныхъ мнѣній. Когда мы видимъ, что кто-либо старается посредствомъ печати распространять

свои ложныя мнѣнія или выбираетъ для перевода такія книги, въ которыхъ содержатся подобныя мысли, то это еще понятно; но когда находимъ, что человекъ старается проводить свои взгляды подъ видомъ перевода книги составленной извѣстнымъ ученымъ, навязываетъ автору то, чего вовсе нѣтъ у него, и отъ его лица высказываетъ свои безразсудныя мнѣнія, то все это является для насъ въ высшей степени страннымъ: въ такихъ дѣйствіяхъ нельзя не признать явной недобросовѣстности и обмана.

Авторъ «Единства физическихъ силъ» нерѣдко употребляетъ слово: «твореніе (création)», а русскій переводчикъ находитъ нужнымъ замѣнять это слово какимъ-нибудь другимъ. Такъ напримѣръ, Секки въ предисловіи къ первому изданію своей книги говоритъ о физическихъ силахъ слѣдующее: «эти силы суть общія всему творенію и соединяютъ вмѣстѣ самыя отдаленныя тѣла вселенной». Въ вятскомъ изданіи эти слова переведены такъ: эти силы «составляютъ общую принадлежность всей міровой матеріи и связываютъ между собой въ одно цѣлое самыя отдаленныя тѣла вселенной» (стр. XXI по русск. перев.). И еще: въ отдѣлѣ о свѣтѣ Секки разсуждая о разнообразныхъ дѣйствіяхъ, а такъ же о непостижимости тѣхъ внутреннихъ процессовъ, которые происходятъ въ растеніяхъ при посредствѣ лучей солнца, говоритъ такъ: «будемъ удивляться здѣсь дивному порядку, который господствуетъ въ твореніи». А вятское изданіе передаетъ эти слова въ такомъ видѣ: «мы можемъ только удивляться чудному порядку, господствующему въ природѣ» (стр. 158). И такихъ мѣстъ, гдѣ переводчикъ избѣгаетъ слова: «твореніе», въ книгѣ встрѣчается не мало. Для насъ уже понятна причина такихъ передѣлокъ. Мы видѣли, что переводчикъ опускаетъ нѣкоторыя мѣста только потому, что въ этихъ мѣстахъ авторъ возводитъ благоговѣйный взоръ къ Богу Творцу міра. Сообразно съ этимъ переводчикъ нашелъ нужнымъ передѣлать по своему и многія другія мѣста книги, не только тѣ, гдѣ авторъ говоритъ о Творцѣ, но даже и тѣ, гдѣ гово-

ритель о твореніи. Нѣкоторыя изъ такихъ передѣлокъ мы увидимъ и далѣе.

Замѣтимъ здѣсь и еще объ одной странности, несвойственной переводу ученаго сочиненія. Секки въ предисловіи говоритъ о нѣкоторыхъ своихъ предположеніяхъ (conjectures): «я надѣюсь, что безпристрастный читатель, прежде нежели отвергнуть ихъ, захочетъ хорошо ихъ разсмотрѣть». А въ вятскомъ изданіи переводъ словъ объ этихъ предположеніяхъ автора почему-то сопровождается восклицательнымъ знакомъ и читается такъ: «я надѣюсь, что безпристрастный читатель не позволитъ себѣ распорядиться съ ними административнымъ порядкомъ (!), а предварительно подвергнетъ ихъ внимательному разбору» (стр. XXIV).

Далѣе, обращая вниманіе на тѣ мѣста, гдѣ Секки говоритъ о физическихъ силахъ вообще и о томъ, въ чемъ состоятъ эти силы, видимъ, что русскій переводчикъ находитъ нужнымъ дополнить нѣкоторыя изъ этихъ мѣстъ своими словами, хотя подлинныя слова текста не даютъ ему на это никакого права. Такъ напримѣръ, Секки въ концѣ предисловія къ первому изданію, упомянувъ о томъ, что къ напечатанію его труда убѣдили его предпринявшіе изданіе его книги, говоритъ далѣе: «безъ этого предложенія, которое я принялъ съ удовольствіемъ, я почелъ бы себя вполне вознагражденнымъ за мой трудъ чрезъ удовлетвореніе, которое я ощущалъ въ томъ, что могъ заключить въ общемъ синтезѣ всѣ силы природы». Это мѣсто дополнено переводчикомъ и передается въ такомъ видѣ: «но и безъ этого предложенія, принятаго мною съ большимъ удовольствіемъ, я считалъ бы себя вполне вознагражденнымъ за трудъ тѣмъ высокимъ наслажденіемъ, которое мнѣ доставили внимательный научный синтезъ и философское обозрѣніе всѣхъ силъ природы, изученіе ихъ характера, родового сходства, соотношенія и общаго происхожденія» (стр. XXV) ²⁾. Очевидно, что эти слова представляютъ

²⁾ Слѣдующія въ вятскомъ изданіи за приведенными сейчасъ словами пять строкъ, въ которыхъ отъ лица Секки развивается мысль о нематеріальномъ

собою не переводъ, а какое-то распространіе словъ автора. Но намъ нужно обратить вниманіе на одно обстоятельство, а именно: какъ приведенное, такъ и нѣкоторыя другія мѣста, гдѣ Секки говоритъ о силахъ, переводчикъ находитъ нужнымъ дополнить словомъ: «происхожденіе», которому соотвѣтствующаго вовсе не встрѣтимъ въ этихъ мѣстахъ, если будемъ читать ихъ по подлиннику. Обратимся же къ другимъ примѣрамъ. Секки во введеніи говоритъ о томъ, что когда найдена была связь между разными дѣятелями природы, тогда «предусмотрѣнъ былъ новый путь, который можетъ вести къ рѣшенію великой задачи, то-есть къ познанію силъ, управляющихъ матеріею». А въ вятскомъ изданіи читаемъ: «эта связь указала новый путь, который долженъ былъ привести къ рѣшенію великой задачи естествознанія—познанію природы и происхожденія силъ управляющихъ матеріею» (стр. XXX). И еще, въ отдѣлѣ о теплотѣ мы встрѣчаемъ у Секки замѣчаніе о томъ, что «физикъ не только старается составить ясную идею о фактахъ и о законахъ, по которымъ сила дѣйствуетъ, но онъ усиливается еще узнать, какова природа этой силы». А въ вятскомъ изданіи эта мысль передается съ дополненіями и перемѣнами, въ такомъ видѣ: «физикъ не только стремится составить себѣ ясное понятіе о фактахъ и законахъ, по которымъ дѣйствуетъ та или другая сила, но постоянно и неизбежно наталкивается на вопросъ о происхожденіи и природѣ этихъ силъ» (стр. 8). Подобнымъ образомъ и въ окончательномъ заключеніи книги мы находимъ, что слова автора вообще о физическихъ силахъ значительно измѣнены переводчикомъ. Секки говоритъ слѣдующее: «въ виду частныхъ результатовъ, доставленныхъ посредствомъ опыта онъ (читатель) убѣдится, что они пролагаютъ путь из-

вознагражденія при умственныхъ занятіяхъ, суть такъ же прибавленіе, составленное переводчикомъ. И далѣе въ переводѣ предисловія къ изданію 1869 года встрѣчается много несоотвѣтствующаго подлиннику. Но нѣтъ нужды останавливаться на этихъ неточностяхъ: ибо для цѣли настоящей статьи онѣ не важны.

слѣдованія къ достиженію того, чтобы смотрѣть на силы, управляющія чистою матеріею, гораздо болѣе простымъ и болѣе точнымъ образомъ, чѣмъ какъ это можно было донынѣ». А въ вятскомъ изданіи это мѣсто изложено такъ: «въ виду частныхъ результатовъ, добытыхъ наукой путемъ опыта, онъ необходимо долженъ убѣдиться, что намѣчаемый ими путь теоретическихъ изслѣдованій даетъ намъ средства гораздо проще и точнѣе рѣшить вопросъ о происхожденіи силъ, управляющихъ матеріей, чѣмъ это было возможно до сихъ поръ» (стр. 451). Изъ приведенныхъ мѣстъ достаточно видно, что подлинныя слова текста не даютъ переводчику никакого права вставлять слова: «происхожденіе силъ».

Между тѣмъ внимательное чтеніе книги: «Единство физическихъ силъ» убѣждаетъ въ томъ, что авторъ ея строго различаетъ вопросъ о природѣ физическихъ силъ, о томъ, въ чемъ онѣ состоятъ, отъ другаго вопроса о происхожденіи этихъ силъ. Относительно того, въ чемъ состоятъ физическія силы, Сёкки прямо говоритъ, что онѣ суть разные виды движенія вещества, или, какъ выражается онъ въ заключеніи книги: *всѣ силы природы зависятъ отъ движенія*» (р. 685)²⁾. Но если желаемъ опредѣлить, въ чемъ состоитъ взглядъ Сёкки на происхожденіе физическихъ силъ, то его можно выразить такъ: при настоящемъ порядкѣ вещей, обращая вниманіе на явленія чисто физическія, мы видимъ, что тѣла постоянно находятся въ движеніи, которое строго подчинено опредѣленнымъ законамъ, мы видимъ, что движеніе не можетъ возникать вновь безъ предшествовавшаго движенія, не можетъ такъ же и уничтожаться; и такъ, если физическія силы приводятся къ движенію, то относительно происхожденія ихъ нужно рѣшить два вопроса: откуда произошли самые законы движенія? И откуда произошло въ самомъ началѣ видимаго міра движеніе вещества? На эти вопросы Сёкки прямо

²⁾ Въ этомъ мѣстѣ, равно и въ другихъ приводимыхъ здѣсь, указанія на страницы относятся къ тому же изданію 1869 года.

отвѣчаетъ, что какъ то, такъ и другое есть свободное дѣло всемогущества Бога Творца міра. Приводимъ здѣсь собственные слова Секки объ этомъ. «Признавать верховное и свободное Могущество, которое отъ начала дало бытіе матеріи и управляетъ ею, это не то же будетъ, что и говорить, будто научная связь должна замѣниться произвольною и будто въ этомъ случаѣ наука сдѣлается невозможною. Наука дѣйствительно состоитъ въ выводѣ дѣйствія изъ его причины, и, когда законъ остается постояннымъ, это всегда возможно. Утверждать, что законы природы не суть безусловнымъ образомъ необходимы, это не то же будетъ, что и увѣрять, будто они измѣняемы и подвержены капризу. Вѣчная Премудрость, которая установила ихъ отъ начала, избрала такіе, посредствомъ которыхъ повсюду царствуетъ гармонія. Для познанія этой гармоніи человѣкъ употребляетъ всѣ свои усилія. *Постоянство* въ законѣ не есть синонимъ его *необходимости*» (р. 590). Далѣе, пользуясь частнымъ примѣромъ закона передачи движенія при ударѣ двухъ тѣлъ, Секки раскрываетъ несообразности и противорѣчія въ мнѣніяхъ тѣхъ мыслителей, которые приписываютъ этому закону безусловную необходимость, и послѣ сего говоритъ: «если бы эти философы хорошо размышляли о явленіяхъ, о которыхъ идетъ дѣло, они увидѣли бы, что въ этомъ законѣ имѣетъ мѣсто безъ сомнѣнія *постоянство*, но не безусловная *необходимость*». И потому Секки говоритъ еще о законахъ движенія: они «имѣютъ основаніе своего бытія не въ сущности матеріи, но въ свободномъ дѣйствіи Верховнаго Могущества» (р. 591). Точно такъ же Секки со всею опредѣленною говоритъ, что въ началѣ вещество приведено въ движеніе всемогуществомъ Бога, который «даровалъ бытіе и первоначальное движеніе матеріи» (р. 590). А такъ же и въ другомъ мѣстѣ находимъ слѣдующія слова: «Всевышній Создатель, тогда какъ даровалъ бытіе неорганической матеріи, сверхъ того сообщилъ ей начало постоянной дѣятельности, состоящее въ неразрушимомъ движеніи» (р. 599). Подобная мысль есть и въ концѣ книги (р. 686).

Отсюда очевидно, что по взгляду автора «Единства физических силъ», понятіе о ихъ природѣ строго различается отъ понятія о происхожденіи физических силъ вообще. Почему же переводчикъ нашелъ нужнымъ смѣшать эти два понятія? Теперь дѣло объясняется просто. Можно думать, что переводчику не нравится и самое разграниченіе этихъ понятій; ибо онъ пропускаетъ тѣ мѣста книги, въ которыхъ подробно и ясно раскрывается мысль автора объ этомъ предметѣ. Но такъ какъ эта мысль выражается и въ другихъ мѣстахъ книги, то переводчикъ нашелъ нужнымъ прибавкою лишнихъ словъ затемнить и запутать тѣ мѣста, гдѣ авторъ говоритъ о физическихъ силахъ вообще.

Другія передѣлки, какія встрѣчаются въ вятскомъ изданіи книги Секки, теперь можно будетъ разсматривать по порядку книги.

Въ отдѣлѣ о теплотѣ Секки, развивая взглядъ на теплоту какъ на движеніе, замѣчаетъ, что не должно останавливаться на однихъ вещественныхъ причинахъ движенія, что духъ можетъ дать начало движенію. Слова Секки объ этомъ будутъ для насъ ясны, если мы обратимъ вниманіе на то сравненіе, которое находимъ у него въ главѣ объ органическихъ дѣйствіяхъ. А именно, человѣкъ замѣчаетъ въ себѣ духовное начало, которое управляетъ дѣйствіями его тѣлесной природы и является какъ причина движеній, замѣчаемыхъ въ его тѣлѣ. Прилагая подобныя разсужденія ко вселенной, человѣкъ убѣждается въ бытіи Существа совершенно духовнаго, то-есть Бога Творца и Промыслителя. «Итакъ изученіе физическихъ силъ приводитъ къ тому, чтобы признать въ отношеніи къ матеріи необходимымъ непосредственное дѣйствіе *Высшаго Существа*» (р. 593, 594). Послѣ этого для насъ понятенъ будетъ самый образъ выраженія, употребляемый авторомъ «Единства физическихъ силъ» въ тѣхъ мѣстахъ, на которыя теперь нужно обратить вниманіе. Предлагаемъ переводъ этихъ мѣстъ и подлинныя слова текста.

«Разсматриваніе теплорода какъ движенія не препятствуетъ

называть его *настоящею силою*, если будемъ употреблять это слово для выраженія *причины движенія*, какова бы она ни была. Эта причина, рассматриваемая безотносительнымъ образомъ, можетъ быть чистый духъ, (какъ и дѣйствительно самый чистый изъ духовъ, то-есть Богъ Творецъ есть средоточіе всякой силы и всякаго движенія), или кромѣ того какую-либо матеріальную массу, возбужденную скоростію, можно назвать причиною движенія и рассматривать ее какъ такую» (р. 12).

Послѣ этихъ словъ Секки разъясняетъ соотношеніе между понятіями силы и движенія, замѣчаетъ, что не опасается злоупотребленія словами, называя силу движеніемъ и, указывая на выше приведенныя слова, свои разсужденія о значеніи термина «сила» продолжаетъ такъ:

«Мы не будемъ останавливаться на этихъ тонкостяхъ, а будемъ сообразоваться съ обычаями физиковъ и съ ихъ языкомъ. Для насъ, (за исключеніемъ, правильно понятымъ, то-есть, въ томъ случаѣ когда признается посредство духовъ, тогда этотъ терминъ имѣетъ здѣсь смыслъ изъясненный выше), будетъ несообразнымъ допустить, чтобы движеніе въ неорганической матеріи могло имѣть другое начало, кромѣ самаго движенія».

Изъ обоихъ приведенныхъ мѣстъ ясно, что Секки физическимъ причинамъ движенія усваиваетъ только относительное и ограниченное значеніе, и признаетъ, что кромѣ ихъ есть еще другія высшія.

Но въ вятскомъ изданіи книги Секки обоимъ этимъ мѣстамъ приданъ совсѣмъ другой смыслъ. Первое изъ приведенныхъ мѣстъ совершенно передѣлано и читается такъ:

„Но отождествленіе теплоты съ движеніемъ не мѣшаетъ принимать ее за *дѣйствительную силу*, если только это слово будетъ употребляемо въ смыслѣ той или другой *причины движенія*. Эта причина, рассматриваемая съ абсолютной точки зрѣнія, можетъ состоять или въ Верховномъ Разумѣ (но такая точка не достойна науки) или въ дѣйствіи какой-либо матеріальной массы, обладающей извѣстною скоростію“ (стр. 8).

Во второмъ изъ приведенныхъ мѣстъ переводчикъ опустилъ объяснительныя слова автора и вставилъ свои слова; а потому и это мѣсто явилось въ такомъ превратномъ видѣ:

“Мы не будемъ долѣе останавливаться на этихъ тонкостяхъ и стараемся сообразовать свое изложение съ общепринятою между физиками терминологіей. По нашему мнѣнію, искать источника движенія въ чемъ-нибудь другомъ кромѣ того же движенія есть прямой и положительный абсурдъ“ (стр. 9).

Эти выписки изъ вятскаго изданія не нуждаются въ дальнѣйшемъ объясненіи. Ибо само собою очевидно, до какой степени здѣсь извращена мысль достойнаго уваженія автора книги, а такъ же, съ какою недобросовѣстностію навязывается ему то явно ложное и безразсудное мнѣніе, будто мысль о Творцѣ «недостойна науки». А потому переходимъ скорѣе къ другимъ мѣстамъ книги.

Далѣе, мы встрѣчаемъ и такое мѣсто, гдѣ Секки говоритъ о твореніи, и его мысль передается въ вятскомъ изданіи повидимому довольно правильно въ слѣдующихъ словахъ: «что же касается до причины *первоначальнаго* движенія, то она, по мнѣнію физиковъ, также какъ и происхожденіе матеріи не можетъ быть объяснена безъ посредства творческаго акта» (стр. 40). Но сей часъ же послѣ этого переводчикъ отъ лица автора отзывается объ этомъ объясненіи, какъ о «ненаучномъ», хотя въ подлинникѣ вовсе нѣтъ слова соотвѣтствующаго слову «ненаучный» (page 61).

Въ томъ же отдѣлѣ о теплотѣ Секки говоритъ о химическомъ дѣйствіи, что оно «поддерживаетъ дѣятельность живыхъ существъ». А вятское изданіе такъ выражается о химическомъ дѣйствіи: «и наконецъ ничему другому какъ ему же всѣ живыя существа обязаны поддержаніемъ своей дѣятельности» (стр. 95). Ясно, что эти выраженія суть не переводъ, а извращеніе мысли автора, и что они, заключая въ себѣ совершенно ложную мысль, стоятъ въ прямомъ противорѣчій съ словами автора о томъ, что «въ животныхъ существуетъ начало, которое будучи высшимъ матеріи, управляетъ реак-

ціями» (р. 596), и съ его воззрѣніями на значеніе духовнаго начала для жизни (р. 592, 593).

Перейдемъ теперь къ отдѣлу книги о свѣтѣ. Здѣсь также находимъ, что въ вятскомъ изданіи книги Секки передѣланы тѣ мѣста, гдѣ авторъ обращаетъ вниманіе на проявленія премудрости и благодати Божіей въ дѣлахъ творенія.

Такъ, въ изслѣдованіи о свѣтовыхъ и теплородныхъ лучахъ находимъ у автора «Единства Физическихъ силъ» слѣдующія слова: «Творческое Могущество, неистощимое въ разнообразіи своихъ дѣлъ, дало нѣкоторымъ малымъ животнымъ способность распространять слабый свѣтъ, повидимому лишенный теплородныхъ лучей». Но когда посмотримъ на переводъ этихъ словъ въ вятскомъ изданіи, то найдемъ здѣсь явный пропускъ; мысль о могуществѣ Творца совсѣмъ скрыта отъ читателей, и приведенное мѣсто предлагается въ такомъ видѣ: «нѣкоторыя жввотныя обладаютъ способностью издавать вокругъ себя слабый фосфорическій свѣтъ, который какъ будто бы лишень теплородныхъ лучей» (стр. 112).

Вскорѣ послѣ этого находимъ и еще невѣрный переводъ. Но и опять обратимся сначала къ словамъ автора. Разсуждая далѣе о свѣтѣ, Секки такъ говоритъ о назначеніи и устройствѣ глаза: «Феномень зрѣнія при посредствѣ свѣта удивителенъ въ томъ, что Создатель природы установилъ такимъ образомъ сообщеніе одушевленныхъ существъ съ остальнымъ твореніемъ чрезъ одно изъ самыхъ простыхъ и самыхъ премудрыхъ средствъ: то-есть, чрезъ образованіе изображенія въ глубинѣ глаза». А въ вятскомъ изданіи переводчикъ утаиваетъ самое имя Создателя, и, замѣняя нѣкоторыя слова автора своими, передаетъ это мѣсто въ такомъ видѣ: «Явленіе зрѣнія при посредствѣ свѣта удивительно лишь въ томъ отношеніи, что природа такъ просто установила сообщеніе живыхъ существъ съ окружающимъ міромъ: мы *чувствуемъ* изображение, рисуемое оптическими лучами, отражающимися отъ предметовъ, въ нашемъ глазу» (стр. 116).

Грустно видѣть, когда помраченіе разума доходитъ до та-

кой степени въ человѣкѣ, что для него невыносимыми становятся самая мысль о Творцѣ, самое имя Его, равно какъ и проявленія Его премудрости въ дѣлахъ творенія. Тяжело смотрѣть, какъ старается человѣкъ о томъ, чтобы мракъ окружающій его простирался и на другихъ, когда не только самъ не обращаетъ своего внутренняго зрѣнія къ высшему свѣту, который повсюду сіяетъ въ твореніи Божіемъ, который доступенъ былъ даже для язычниковъ, непросвѣщенныхъ свѣтомъ истинной религіи (Рим. 1, 19. 20), но и въ томъ случаѣ, когда другіе, глубже его понимающіе явленія видимаго міра, указываютъ ему средства къ познанію истины, онъ, не смотря на то, всѣми средствами старается закрыть отъ людей и затмить предъ ними этотъ свѣтъ.

Послѣ этого, обратимъ наше вниманіе на замѣчательныя передѣлки, какія оказываются въ самомъ концѣ отдѣла о свѣтѣ. Но, чтобы для насъ была ясна мысль подлинника, нужно предварительно войти въ нѣкоторыя подробности.

Въ началѣ нашей статьи было уже сказано, что взгляды Секки отличаются отъ взглядовъ Грове и нѣкоторыхъ другихъ ученыхъ между прочимъ тѣмъ, что Секки для объясненія какъ явленій свѣта такъ и многихъ другихъ явленій почитаетъ необходимымъ признать, кромѣ обыкновеннаго вещества, еще существованіе ээира, какъ особой, тонкой, невѣсомой жидкости, которая повсюду распространена въ видимомъ мірѣ. Мнѣнія Секки объ этомъ предметѣ, по крайней мѣрѣ съ нѣкоторыхъ сторонъ, преимущественно заключаются въ этомъ отдѣлѣ о свѣтѣ. Замѣтно еще, что этимъ вопросомъ Секки занимается съ особеннымъ увлеченіемъ. Кромѣ того не должно упускать изъ вниманія, что Секки во многихъ мѣстахъ своей книги возстаетъ противъ той неопредѣленности, какая замѣчается у нѣкоторыхъ въ понятіи о физическихъ силахъ и въ употребленіи этого термина, а также, развивая свою идею объ единствѣ физическихъ силъ, иногда съ нѣкоторою горячестію возстаетъ противъ тѣхъ ученыхъ, которые представляли себѣ физическія силы отдѣльными и независимыми

другъ отъ друга, или смотрѣли на нихъ какъ на какія-то скрытныя свойства матеріи.

Обозрѣвая отдѣлъ о свѣтѣ, Секки говоритъ о необходимости признать существованіе ээира и о значеніи этого признанія для объясненія явленій природы, и приводитъ слова одного ученаго Ламе (Lamé) объ этомъ предметѣ и вслѣдъ за ними дѣлаетъ свое краткое замѣчаніе. Приводимъ здѣсь, окончаніе словъ Ламе о значеніи посредства ээира.

«Нельзя сомнѣваться, что это посредство, разумно проведенное, найдетъ секретъ или настоящую причину явленій, которыя приписываются теплороду, электричеству, магнетизму, притяженію вообще, сцѣпленію и химическому сродству: ибо всѣ эти существа таинственныя и непонятныя суть въ основаніи своемъ только гипотезы соподчиненныя, безъ сомнѣнія полезныя при нашемъ настоящемъ незнаніи, но успѣхи истинной науки положить имъ конецъ чрезъ низверженіе ихъ».

Этимъ оканчиваются слова Ламе и вслѣдъ за ними Секки говоритъ уже отъ себя.

«Мы не можемъ ничего прибавить къ этимъ замѣчательнымъ заключеніямъ; удовольствуемся пожеланіемъ, чтобы скорѣе наступилъ тотъ день, когда натуральная философія будетъ освобождена отъ этихъ воображаемыхъ и таинственныхъ силъ».

Въ вятскомъ изданіи и слова Ламе и особенно слова самаго Секки сопровождаются какими-то весьма странными дополненіями переводчика, на которыя подлинникъ не даетъ ему никакого права. Пусть читатели сами судятъ объ этомъ. Слова Ламе объ ээирѣ переданы такъ:

„Нельзя сомнѣваться, что съ дальнѣйшимъ изслѣдованіемъ его свойствъ будетъ найдена истинная причина дѣйствій, приписываемыхъ въ настоящее время теплотѣ, электричеству, магнетизму, всемірному тяготѣнію, сцѣпленію и химическому сродству, такъ какъ всѣ эти таинственныя и малопонятныя сущности есть не что иное, какъ гипотезы, безъ сомнѣнія, полезныя только при настоящемъ невѣдѣніи нынѣшнихъ изслѣдователей о первичныхъ причинахъ наблюдаемыхъ ими явленій; но успѣхи реальной науки должны въ концѣ концовъ развѣнчать этихъ непризван-

иныхъ узурпаторовъ положительнаго знанія и свергнуть ихъ съ троновъ, на которыхъ они воссѣдали съ такой гордостью и такъ долго лишь вслѣдствіе окружающаго ихъ мрака“ (стр. 197).

Слѣдующія за симъ слова Секии въ вятскомъ изданіи передаются въ такомъ видѣ:

„Мы ничего не можемъ прибавить къ этимъ замѣчательнымъ заключительнымъ словамъ, исключая нашего горячаго желанія увидѣть какъ можно скорѣе наступленіе того дня, когда философія естествознанія найдетъ въ себѣ силы окончательно и безповоротно гильотинировать предъ лицомъ цѣлаго міра самозванцевъ, старающихся свести знаніе и науку на игру словъ и нуждающихся для своего господства въ подавленіи духа изслѣдованія“ (стр. 197, 198).

Этимъ оканчиваются слова переводчика. О нихъ достаточно замѣтить только то, что подобныя передѣлки и прибавки, въ которыхъ переводчикъ сталъ уже приписывать автору какія-то безчеловѣчныя стремленія, положительно нетерпимы въ переводѣ серьезной книги.

Въ отдѣлѣ объ электричествѣ, такъ же какъ и въ предыдущихъ отдѣлахъ, вятское изданіе представляетъ намъ нѣсколько передѣлокъ.

Такъ, въ одномъ мѣстѣ, Секии, говоря о напряженіи электричества и разъясняя значеніе слова: «напряженіе» (*tension*), замѣчаетъ, что такой терминъ есть одинъ изъ тѣхъ, въ которыхъ человѣкъ пользуется своими внутренними ощущеніями для означенія внѣшнихъ дѣйствій, и продолжаетъ далѣе: «Въ самомъ дѣлѣ, часто намъ случается дѣлать усиліе съ цѣлю выполнить извѣстное дѣйствіе, и мы не получаемъ желаемаго результата, тѣмъ не менѣе мы вполнѣ имѣемъ сознаніе о напряженіи нашихъ мускуловъ» (р. 342). Весь этотъ пунктъ въ вятскомъ изданіи пропущенъ (стр. 228). Понятно, что въ этомъ небольшомъ пропускѣ обнаруживаются тѣ же тенденціи переводчика, какія и въ пропускѣ главы объ органическихъ дѣйствіяхъ.

Но нѣсколько далѣе одно мѣсто передается со многими дополненіями. Секии, разбирая одно мнѣніе о происхожденіи тока въ гальванической цѣпи, несостоятельность его старается объ-

яснить тѣмъ, что въ немъ уже допускается дѣйствіе нѣсколькихъ силъ, которыя однако же остаются не объясненными, и замѣчаетъ, что при этомъ мнѣніи «всякій разъ призываютъ къ себѣ на помощь эти силы, отъ которыхъ желательно освободить физику». Въ этомъ краткомъ замѣчаніи русскій переводчикъ находитъ случай, чтобы посмѣяться надъ теологическими изслѣдованіями, и передаетъ его, самъ поставивъ знакъ вопроса и восклицанія, въ такомъ странномъ видѣ:

„Короче, пришлось бы съ одной стороны вернуться къ тѣмъ метафизическимъ силамъ, которыя бесполезно загромождаютъ науку и давно уже присуждены современнымъ знаніемъ къ высылкѣ въ теологическую губернію (конечно не административнымъ „порядкомъ“ (?), но по безпристрастному рѣшенію гласнаго суда фактовъ“) (стр. 237).

Замѣчательно и еще, что въ вятскомъ изданіи встрѣчаются неточности въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Секки говоритъ объ изслѣдованіяхъ англійскаго ученаго Грове. Особенно заслуживаетъ вниманія слѣдующее мѣсто.

Секки, раскрывая нужду принятія гипотезы объ эфирѣ для объясненія явленій электричества, рѣшаетъ возраженія Грове, отвергающаго существованіе эфира, и говоритъ объ употребленіи у Грове слова «поляризація» слѣдующее: «эти выраженія удачно употреблены для представленія явленій; но мы желали бы знать, въ чемъ состоитъ полярное состояніе, о которомъ здѣсь идетъ вопросъ.» А вятское изданіе эти слова передаетъ такъ: «это выраженіе представляетъ собою одну изъ тѣхъ отмычекъ, къ которымъ прибѣгаютъ ученые слѣсаря, когда у нихъ не имѣется подъ рукой настоящаго ключа. Поэтому мы желали бы знать, въ чемъ именно заключается полярное состояніе, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь» (стр. 304).

Потомъ слѣдуютъ слова Секки о книгѣ Грове «Соотношеніе физическихъ силъ», которыя въ вятскомъ изданіи передаются такъ: «она могла бы, несмотря на ложность своихъ основныхъ началъ, стать серьезнымъ препятствіемъ поперекъ избраннаго нами пути» (тамъ же).

Для человѣка, понимающаго дѣло, странно было бы слышать

такое сужденіе отъ Секки? И действительно, по справкѣ съ подлинникомъ оказывается, что эти слова: «несмотря на ложность своихъ основныхъ началъ» прибавлены русскимъ переводчикомъ. Спрашивается: для чего же отъ лица Секки говорить такія вещи, которыхъ онъ не говорилъ, да конечно и не могъ говорить?

Въ послѣднемъ отдѣлѣ книги, то есть въ отдѣлѣ «О строеніи матеріи» большой пропускъ главы объ органическихъ дѣйствіяхъ былъ уже разобрать выше, а теперь достаточно будетъ обратить вниманіе на двѣ передѣлки.

Секки, говоря о притяженіи вообще, развиваетъ ту мысль, что взаимное притяженіе двухъ матеріальныхъ частицъ не составляетъ какого-то основнаго и первоначальнаго закона, но есть не болѣе какъ явленіе, которое можетъ быть объяснено дѣйствіемъ на эти частицы окружающей ихъ среды. И при этомъ онъ замѣчаетъ слѣдующее: «Тѣмъ, которые говорятъ, что тутъ идетъ дѣло о первоначальномъ законѣ, о прямомъ актѣ воли Бога, мы отвѣтимъ, что такими средствами можно рѣшить всѣ вопросы; но физикъ поступаетъ иначе, онъ ищетъ действительно ли это есть первоначальный и прямой актъ Верховной Воли, или только актъ посредственный.» Если сравнимъ эти слова Секки съ другими мѣстами его книги, то для насъ будетъ ясно, что и здѣсь онъ не отвергаетъ и не отрицаетъ той истины, что воля Божія есть окончательная причина законовъ природы; а здѣсь онъ говоритъ только то, что эта истина не даетъ еще основаній останавливаться на притяженіи, какъ на чемъ-то первоначальномъ, что и самое притяженіе можно объяснять посредствомъ дѣйствій среды окружающей тѣла.

А въ вятскомъ изданіи переведенное мѣсто передается въ такомъ видѣ:

„Тѣмъ же, которые говорятъ, что дѣйствіе это составляетъ предуготовленный законъ, или прямой актъ воли Создателя, мы отвѣтимъ, что подобными, ни къ чему не ведущими, ссылками было бы легко разомъ порѣшить всѣ труднѣйшіе вопросы науки; но физикъ не можетъ и не долженъ успокоиваться на такихъ невѣжественныхъ уверткахъ. Его за-

дача совершенно иная, онъ обязанъ *убѣдиться*, дѣйствительно ли это предустановленный и прямой актъ Высшей Воли или только одно изъ второстепенныхъ ея послѣдствій, т. е. обыкновенное естественное явление, происходящее по известнымъ законамъ природы" (стр. 408, 409).

Такимъ образомъ и здѣсь видимъ, что помѣщенные въ вятскомъ изданіи дополненія къ словамъ Секки состоятъ въ противорѣчіи съ его взглядами и даже, какъ-то не вяжутся съ его словами.

Далѣе, разсуждая о всемірномъ тяготѣніи, Секки останавливается на вопросѣ о томъ, вознаграждается ли въ солнцѣ теплота, постоянно теряемая имъ чрезъ лучеиспусканіе, замѣчаетъ, что относительно температуры солнца «ничто не доказываетъ, будто она по необходимости должна оставаться *вѣчно неизмѣняемою*» и потомъ говорить слѣдующее (рис. 682):

«Всевышній Зиждитель, который самыми разнообразными путями обезпечилъ то, что мы называемъ возобновленіемъ матеріи, то есть сохраненіе ея дѣятельности среди непрестанныхъ преобразованій ея, конечно не далъ остаться безъ причинъ восполняющихъ и тому источнику, откуда истекаетъ всякая живая сила на поверхности тѣлъ планетной системы. Сообразно съ принципомъ, установленнымъ выше, взаимная соразмѣрность должна существовать, но трудно рѣшить, такова ли она, чтобы шла впередъ и была въ непрерывной дѣятельности, или по крайней мѣрѣ, чтобы вознагражденіе устанавливалось въ опредѣленные эпохи, въ критическіе моменты, такъ же какъ это происходитъ въ системахъ низшаго порядка. Наша наука не можетъ этого знать, потому что тутъ время исчисляется мѣрою Того, для Кого *тысячи лѣтъ суть какъ день вчерашній, когда онъ прошелъ* (Псал. 89, ст. 5).

Послѣ этого, обращая вниманіе на русскій переводъ, мы находимъ тамъ значительныя передѣлки этого мѣста, которое передается въ такомъ видѣ:

„Природа открывшая бездну путей для обновленія матеріи, т. е. для сохранения ея дѣятельности посреди происходящихъ въ ней безпрестанныхъ превращеній, конечно не могла оставить безъ вознагражденія источникъ, изъ котораго черпаютъ свою живую силу всѣ тѣла нашей пла-

нетной системы. На основаніи вышеустановленнаго нами закона, между дѣйствіями этого рода необходимо должна существовать взаимная эквивалентность; но трудно рѣшить, всегда ли она была такой, какова теперь; или устанавливается лишь въ опредѣленные эпохи, такъ сказать, въ особые критическіе моменты, подобно тому, какъ это происходитъ въ системахъ нисшаго порядка. Современная наука не можетъ дать на такой вопросъ категорическаго отвѣта по слишкомъ незначительному времени ея существованія сравнительно съ существованіемъ нашей планетной системы“ (стр. 449).

Ознакомившись съ главнѣйшими изъ этихъ передѣлокъ, мы не будемъ болѣе останавливаться на встрѣчающихся во многихъ другихъ мѣстахъ вятскаго изданія частныхъ невѣрностяхъ и неточностяхъ перевода, въ которыхъ болѣе или менѣе ясно обнаруживаются тенденціи переводчика. Но необходимо ⁽⁶⁾сказать нѣсколько словъ о приложеніяхъ къ книгѣ Секки, какія помѣщены въ вятскомъ изданіи ея.

Въ концѣ своего предисловія переводчикъ говоритъ намъ слѣдующее:

„Такъ какъ авторъ, писавшій свою книгу *Le nascom* Римѣ, нашелъ *неудобнымъ* для себя отнестись къ вопросу о жизненныхъ силахъ согласно съ ея общей идеей, то я счелъ не лишнимъ приложить въ концѣ ея въ видѣ дополненія, статью нью-іоркскаго профессора Баркера „О соотношеніи между физическими и жизненными силами“, которая можетъ отчасти интерферировать этотъ диссонансъ. Такую же роль поправочнаго коэффициента играетъ и конецъ другой прилагаемой мною статьи Типдала: „Роль воображенія въ развитіи естественныхъ наукъ“, главная цѣль которой однакоже состоитъ въ томъ, чтобы показать читателю, въ живой колоритной картинѣ, какую цѣну въ глазахъ каждаго мыслящаго человѣка должны имѣть естественно-научныя философскія изслѣдованія подобныя „опыту“ Секки“ (стр. XX).

Посмотримъ же, чтò заключаетъ въ себѣ, помѣщенная въ самомъ концѣ вятскаго изданія статья Баркера. Не останавливаясь на тенденціяхъ болѣе или менѣе ясно обнаруживающихся въ ней и явныхъ странностяхъ, обратимъ вниманіе на то, какъ смотритъ авторъ статьи на явленія жизни. Выразивъ несообразную со взглядами Секки мысль о томъ, будто теплота неотдѣлима отъ матеріи, Баркеръ продолжаетъ:

„Отсюда въ такому же объясненію относительно жизненности остается лишь одинъ шагъ. Поэтому наиболѣе передовые мыслители современной науки разсматриваютъ жизнь въ той или другой органической формѣ, какъ процессъ, неотдѣлимый отъ вещества этой послѣдней, или какъ простое ея проявленіе“ (стр. 491).

И нѣсколько далѣе говоритъ еще:

„Каждая частица матеріи внутри растительныхъ или животныхъ организмовъ безусловно подчиняется наравнѣ со всей мертвой природой законамъ химическихъ и физическихъ притяженій. Наука не знаетъ никакихъ регулирующихъ сверхъ—естественныхъ агентовъ, которые осложняли бы ихъ дѣйствіе или измѣняли его иначе, чѣмъ это обуславливается простымъ взаимодействіемъ окружающихъ ихъ другихъ частицъ“ (стр. 497).

А въ концѣ этой статьи читаемъ слѣдующее:

„Химія учитъ, что мыслительная сила также какъ и мускульная имѣетъ свой источникъ въ пищѣ. Она доказываетъ, что умственные акты, совершающіеся въ мозгѣ, точно такъ же какъ и мышечная дѣятельность, производятся не окисленіемъ его собственныхъ тканей, но энергіей, развивающейся изъ превращенія сгорающаго углерода. Можно ли еще сомнѣваться въ томъ, что мозгъ есть ничто иное какъ машина, назначенная для превращенія потенциальной энергіи пищи въ дѣятельную энергію мысли?“ (Стр. 503, 504).

И безъ подробнаго разбора ясно, сколько запутанности и лжи заключаютъ въ себѣ приведенныя фразы. Какъ въ нихъ, такъ и въ другихъ мѣстахъ статьи Баркера высказываются взгляды свойственные грубому матеріализму. Но вопросъ въ томъ, опираются ли такіе взгляды въ разсматриваемой статьѣ на какихъ либо твердыхъ основаніяхъ? Нисколько. Внимательное чтеніе статьи убѣждаетъ, что со стороны логичности она не заключаетъ въ себѣ ничего серьезнаго. Въ ней встрѣчаются тѣ же приемы, какіе и у другихъ матеріалистовъ, то есть выводы изъ фактовъ того, что вовсе изъ нихъ не выходитъ, явное умолчаніе о томъ, что противорѣчитъ предвзятымъ мнѣніямъ, и разныя фразы, подобныя приведеннымъ выше. Очевидно, что никакъ не можетъ быть въ согласіи съ общею идеею книги Секки приложенная къ ней въ вятскомъ изданіи статья Баркера уже по одной своей неосновательности и бездоказательности.

Посмотримъ теперь на другое приложеніе, которое помѣщено прежде. Это рѣчь Тиндаля произнесенная имъ въ 1870 году. Должно отдать справедливое уваженіе находящимся въ началѣ ея изслѣдованіямъ о свѣтѣ, которыя содержатъ въ себѣ много замѣчательнаго. Но переводчикъ указываетъ намъ на конецъ статьи. А въ концѣ ея Тиндаль высказываетъ ту странную гипотезу, будто вещество земнаго шара, находясь въ расплавленномъ состояніи, уже заключало въ себѣ всѣ зачатки, изъ которыхъ естественнымъ путемъ сама собою должна была развиться на земномъ шарѣ не только органическая жизнь вообще, но даже и жизнь человѣка (стр. 483—485). Для правильнаго сужденія объ этой гипотезѣ воспользуемся слѣдующими словами самаго Тиндаля: «Нѣтъ сомнѣнія, что эти идеи смахиваютъ на колоссальный абсурдъ въ глазахъ каждаго человѣка съ обыкновеннымъ здравымъ смысломъ. Но дадимъ имъ высказаться» (стр. 485). И дѣйствительно крайняя неосновательность этой гипотезы обнаружилась послѣ, черезъ четыре года, когда самая гипотеза яснѣе высказана и подробнѣе развита Тиндалемъ въ его рѣчи, произнесенной въ прошедшемъ году. Внимательное чтеніе этой послѣдней рѣчи убѣждаетъ въ томъ, до какихъ явныхъ несообразностей доводитъ указанная гипотеза. Но предѣлы статьи не позволяютъ намъ входить въ подробности объ этомъ предметѣ. Здѣсь достаточно будетъ указать на издаваемый въ Парижѣ аббатомъ Муаньо (Moigno) журналъ подъ названіемъ: «Les Mondes» за вторую половину 1874 года, гдѣ помѣщена какъ самая рѣчь, такъ и ея подробный разборъ.

Что безразсудныя мнѣнія, подобныя тѣмъ, какія находимъ въ указанныхъ статьяхъ Баркера и Тиндаля, не только не согласны съ общею идеею сочиненія Секки, но совершенно ей противоположны, и состоятъ въ прямомъ противорѣчьи съ воззрѣніями самого Секки, это очевидно будетъ для насъ, когда обратимъ вниманіе на слѣдующія слова Секки, находящіяся во введеніи въ новое изданіе его книги:

«Я не буду говорить ничего о тѣхъ, которые почитаютъ ма-

терію одаренною такою дѣятельностію, что она одна можетъ сама собою дать рожденіе существамъ организованнымъ, чувствующимъ, а наконецъ и мысли. Мы не будемъ слѣдовать за ними по этой дорогѣ, потому что она не наша. Не имѣя никакихъ положительныхъ доказательствъ для поддержки своихъ вздорныхъ теорій, они преувеличиваютъ слѣдствія этихъ учений тѣмъ, что извлекаютъ заключенія изъ посылокъ, которыя ихъ не содержатъ. Другіе, не мѣнѣе напрасно, объявляютъ на всѣ голоса, что ученіе объ единствѣ физическихъ силъ ведетъ неизбѣжно къ матеріализму, и что оно есть одинъ изъ самыхъ твердыхъ доводовъ въ пользу этихъ мечтательныхъ гипотезъ. Мы будемъ въ удобное время отвѣчать на эти возраженія, и мы покажемъ, какъ эти авторы останавливаются всегда на двусмысленности и на ложномъ объясненіи физическихъ явленій» (р. XXIII, XXIV).

Заключимъ наше изслѣдованіе желаніемъ, чтобы скорѣе явился на русскомъ языкѣ новый переводъ «Единства физическихъ силъ.» Къ такому желанію побуждаютъ, какъ появленіе за границею новаго изданія, такъ и существенно важные недостатки вятскаго изданія, достаточно здѣсь раскрытые. Прибавимъ еще, что неточности, недосмотры и внѣшніе недостатки изданія въ типографскомъ отношеніи даже затрудняютъ при чтеніи этой книги. Но хорошій переводъ книги Секки есть дѣло не легкое. При всемъ уваженіи къ автору книги и его изслѣдованіямъ должно замѣтить, что иногда и у него встрѣчается неясность, а нѣкоторыя изъ его мнѣній подають поводъ къ вопросамъ и даже къ серьезнымъ возраженіямъ. А потому было бы желательно, еслибы взяли за переводъ люди хорошо понимающіе дѣло, и, передавая на русскомъ языкѣ текстъ книги во всей полнотѣ и съ строгою точностію, дополнили бы переводъ своими подстрочными примѣчаніями.

Димитрій Голубинскій.

ПО ПОВОДУ МИССИОНЕРСТВА НА ДОНУ.

Предметъ, о которомъ мы намѣрены говорить здѣсь, не одинъ разъ разсматривался нами въ печати ¹⁾. Но мы намѣрены еще разъ сказать о немъ здѣсь. Предметъ этотъ — необходимость миссіонерской дѣятельности между калмыками. Среди насъ живутъ два съ половиною вѣка инородцы, и мы не дѣлаемъ ничего для ихъ обращенія. Нѣ такъ дѣло ведется на западѣ (см. «Всемир. Пут.», 1872 г., «Прав. Обзор.» 1872 г. и др. книжки этихъ журналовъ). Въмѣсто перечня сочиненій, касающихся нашего предмета, мы приведемъ одно характерное мѣсто, отлично рисующее положеніе миссіонеровъ западныхъ и ихъ дѣятельность на пользу распространенія христіанства. «Проживъ двадцать лѣтъ между потомками Хама ²⁾, говоритъ миссіонеръ Казалесъ, я возвратился съ желаніемъ и еще быть полезнымъ этому племени. Христіанская ревность по вѣрѣ и желаніе просвѣтитъ свѣтомъ Христова ученія людей, погруженныхъ во мракъ язычества, послужили къ основанію среди этихъ несчастныхъ племенъ, постоянныхъ миссій, которые стали какъ бы оазисами въ этой нравственной пустынь. Христіанскіе миссіонеры, живя въ сколоченныхъ изъ досокъ

¹⁾ Въ *Дон. Епарх. Вѣд.* въ статьяхъ: „Буддизмъ“, „Поѣздка къ калмыкамъ“, „Умственное и нравственное развитіе дон. калмыковъ“, въ *Област. Вѣд.* „Религія калмыковъ“, „О донскихъ калмыкахъ (и въ частности о гелюнахъ) и въ журналѣ *Миссіонеръ* „О необходимости миссіонер. дѣятельности среди калмыковъ.“

²⁾ Между кафрами, готтентотами и бушменами.

хлѣбнахъ, среди враждебныхъ климатическихъ условій, смѣняютъ другъ друга въ дѣлѣ проповѣди Христова учевія жителямъ этой пространной страны, устраиваютъ часовни, строятъ школы, учатъ кузнечному, портняжному и ткацкому ремесламъ, садоводству и другимъ промысламъ, препятствуютъ ужасному обычаю приносить въ жертву людей, стараются искоренить многоженство и не только не теряютъ присутствія духа въ странѣ, гдѣ жизнь въ короткое время угасаетъ подъ влияніемъ мѣстныхъ болѣзней и лишеній, но постоянно повторяютъ, что черное племя весьма способно къ воспріятію просвѣщенія. Трудно это дается. Когда спрашивали первыхъ миссіонеровъ о плодахъ ихъ дѣятельности, они отвѣчали: «до сихъ поръ еще мы можемъ *только умирать.*» 75 миссіонеровъ смѣнилось въ Африкѣ безъ перерыва; 20 изъ нихъ умерло, но ихъ замѣнили другіе, и въ настоящее время существуютъ въ Африкѣ *цѣлующія миссіи* ³⁾). Но мы въ высшей степени сочувствуя миссіонерскому дѣлу, имѣемъ утѣшеніе видѣть, что и у насъ дѣло это стало на прочную почву въ Сибири и Японіи, какъ это видно изъ отчета г. оберъ-прокурора св. Синода и изъ журнала «Миссіонеръ». А у насъ подъ бокомъ есть люди, которые тоже требуютъ миссіонерской проповѣди—это калмыки, которыхъ насчитываютъ до 150 т. человекъ (въ области войска донскаго, въ ставропол. и астрахан. губ.)

Было время, когда Россія ассимилировала многоразличныя, вошедшія теперь въ ся составъ, племена проповѣдію христіанскою. Мы видимъ, что и теперь вся Россія съ сочувствіемъ относится къ дѣлу миссіонерства, и громко отзывается на призывный голосъ миссіонеровъ сибирскихъ, японскихъ и кавказскихъ, шлетъ имъ пожертвованія всѣмъ, чѣмъ только можетъ, потому что видитъ дѣятельность членовъ миссіи ⁴⁾). А между тѣмъ, сколько намъ извѣстно, дѣло это началось съ весьма незначительными, даже, можно сказать, ничтожными средствами.

³⁾ Это писано въ 70-хъ гг. „Мірѣ и первобытный человекъ“, сочин. Меньяна, стр. 183—184.

⁴⁾ См. „Отчетъ оберъ-прокурора за 1874 г.“ *Дон. Еп. Вѣд. и Прав. Обзор.* 1875 г. февраль, стр. 339—346.

Трудятся миссіонеры забайкальскіе и алтайскіе, вдали отъ насъ. А у насъ, здѣсь, есть много язычниковъ-калмыковъ (калмыки—единственныя язычники въ Европѣ). Что же препятствуетъ намъ, начать дѣло миссіонерской проповѣди? Людей нѣтъ? Люди найдутся,—было бы положено начало. Средства нѣтъ? И средства есть; находящійся предъ нами отчетъ миссіонерскаго донскаго комитета показываетъ намъ, что въ кассѣ комитета лежитъ неприкосновеннаго капитала 320 руб., запаснаго 7832 р. 47 коп., расходнаго 1749 р. 50 коп., а всего 9901 р. 97 коп., каковой капиталъ собирался съ 21 ноября 1871 г., т. е. со времени открытія миссіонерскаго комитета. Приобрѣтеніе этого комитета нужно поставить въ особенную заслугу миссіонерскому комитету. Средства позволяютъ намъ начать миссіонерскую дѣятельность среди калмыковъ.

Къ тому же наше положеніе относительно калмыковъ весьма удобное. Мы имѣемъ внутри насъ небольшой народъ, весьма близкій къ намъ по образу жизни и по возрѣніямъ, способный ассимилироваться съ нами и въ религіи, и по умственнымъ и нравственнымъ качествамъ представляющій удобную почву для сѣянія новыхъ религіозныхъ началъ.

Такимъ образомъ почва для сѣянія ученія христіанскаго совершенно готова, и почва хорошая. Чтобы ни говорили про калмыковъ, мы всегда скажемъ, что это въ высшей степени хорошій, честный, даже *сердечный* народъ, если его затронуть за чувствительную струну. Отъ чего не просвѣтитъ его, отъ чего оставить въ Европѣ этихъ единственныхъ *идолопоклонниковъ*? Миссіонеры Англии, Франціи и Германіи ѣдутъ на проповѣдь евангельскую въ Америку, въ среду индѣйцевъ, въ Австралію—въ среду людоѣдовъ, въ Африку—въ среду самыхъ грубыхъ и кровожадныхъ дикарей, гдѣ какойнибудь владѣтель, при встрѣчѣ почетнаго гостя или по смерти нѣжно любимаго своего предшественника, отправляетъ вслѣдъ за нимъ сотни ни въ чемъ неповинныхъ людей; въ Азію, гдѣ претерпѣваютъ крайнія лишенія. За границую ревность миссіонерская, за недостаткомъ язычниковъ среди родной страны, на-

ходить себѣ дѣло вдали отъ родины, которую миссіонеры оставляютъ на цѣлые десятки лѣтъ. А мы имѣемъ подлѣ себя хорошій народъ, въ умственномъ и нравственномъ ⁵⁾ отношеніи довольно усвоившій много отъ насъ, въ житейскомъ быту тоже много перенявшій отъ насъ, и наконецъ, въ экономическомъ отношеніи представляющій много отраднaго и хорошаго. Чтобы этотъ народъ сталъ русскимъ, для этого нужно только образовать изъ калмыка-христіанина: потому что, какъ нами замѣчено, для калмыка—быть христіаниномъ—значить быть русскимъ.

Для достиженія этой цѣли нужно очень немного сдѣлать: нужно положить *основной камень* миссіонерства. Откладывать это дѣло изъ года въ годъ, значить, затягивать и отодвигать обращеніе людей, способныхъ къ усвоенію началъ христіанства. Пусть въ началѣ обратится одна семья (а это уже было), и то будетъ приобрѣтеніемъ. Не вдругъ же все это дѣлается. Нужно время: нужно будетъ миссіонеру осмотрѣться, привыкнуть къ своему новому положенію и т. п., а потомъ уже приниматься за дѣло. Миссіонерство среди калмыковъ (только не донскихъ)—дѣло не новое ⁶⁾, священныя книги христіанскія переведены на калмыцкій языкъ, религія ихъ рассмотрѣна даже въ нашей мѣстной (донской) литературѣ, нѣкоторыя службы переведены на калмыцкій языкъ.

Если же что и не переведено на калмыцкій языкъ, то можно воспользоваться для перевода монгольскимъ переводомъ службъ церковныхъ, сдѣланныхъ преосв. Гуріемъ. Передѣловъ нужно не много.

Далѣе, жизнь среди степи калмыцкой и среди калмыковъ,—это не то, что жизнь среди дикарей Азіи, Австраліи и Америки; жизнь среди калмыковъ представляетъ даже много поэ-

⁵⁾ Мы объ этомъ довольно сказали въ „Дон. Епер. Вѣд.“, на что обращено было вниманіе редакціею „Москов. Епар. Вѣд.“, которая оказала намъ теплое свое участіе и сочувствіе.

⁶⁾ См. сочин. ген.-маіора Костенкова: „О распространеніи христіанства между калмыками“.

тичнаго и привлекательнаго, такъ что мы всегда съ особеннымъ удовольствіемъ вспоминаемъ то время, когда жили среди калмыковъ. Поэтому и миссіонеру весьма хорошо будетъ жить среди добраго народа. Поселите, напр., миссіонера на гремячемъ колодцѣ (хата булукъ) ¹⁾, постройте тутъ церковь, дайте священника и учителя, откройте школу, дайте имъ небольшія средства, выдѣлите имъ немного земли, снабдите ихъ учебными пособиями... И вотъ вамъ начало миссіи. Существуетъ же у насъ миссія въ Японіи, въ странѣ отстоящей отъ насъ на цѣлыя тысячи верстъ. А на калмыковъ до сихъ поръ не обратили и вниманія, или, хотя и обратили, но потомъ оставили это дѣло въ покоѣ до болѣе удобнаго времени. Намъ кажется, что все готово къ тому, чтобы начать это дѣло; средства есть, люди *будутъ*, и почва къ воспріятію христіанскаго ученія совершенно готова. Людей послать нужно не скрытно, а просто явно, давая понять, что миссіонеры посланы съ извѣстною цѣлію. Такъ вели дѣло всѣ и всегда миссіонеры; они не скрывали, съ какою цѣлію приходили въ ту страну. Такъ было и у насъ въ Россіи. Вспомните первое обращеніе Россіи и распространеніе христіанства первыми миссіонерами по различнымъ городамъ древней Руси, а потомъ дальнѣйшее распространеніе христіанства въ послѣдующее время. Всѣ миссіонеры вели дѣло открыто, и вотъ, благодаря трудамъ этихъ *героевъ* Россіи, мы и видимъ нашу св. Русь сплоченною тѣсно изъ различныхъ элементовъ. Гдѣ теперь Меря, Муромы — финскія племена? Ихъ нѣтъ. Тамъ, гдѣ были прежде эти племена, тамъ теперь *великороссы*. А дѣло ихъ обращенія не обошлось безъ крови, и крови княжеской.

До сихъ поръ на окраинѣ города Муромы стоитъ часовня, построенная на мѣстѣ смерти св. мучениковъ за вѣру Христову. Мы этого ждать не можемъ; на первыхъ порахъ, быть можетъ, встрѣтимъ холодность, невниманіе; скорбѣтъ отъ этого нечего; потому что подобное явленіе дѣло естественное. Иные

¹⁾ Лучшая мѣстность въ донскихъ калмыцкихъ вочевьяхъ.

миссіонеры переносили такое невниманіе десятки лѣтъ учась *только* умирать. Затѣмъ послѣдуетъ вниманіе, готовность слушать преподаваемое, а тамъ обращеніе одно, два три, и вотъ начало успѣха. Не вдругъ же принялъ монголы (родоначальника калмыковъ) и буддизмъ въ XII в., и исповѣдуютъ его 6½ вѣковъ. Трудно было оторвать ихъ отъ шаманства, но приняли же вѣдь его. То же будетъ и съ ними. Мы еще имѣемъ громадное преимущество предъ буддизмомъ: высоту христіанскаго ученія, его общедоступность, возможность имѣть свящ. книги и слушать богослуженіе на калмыцкомъ языкѣ (у буддистовъ все это написано на тибетскомъ языкѣ), преимущество знаній, силы и вліянія. По всему этому и не слѣдуетъ откладывать обращеніе калмыковъ въ христіанство. За началомъ миссіонерства усилится и распространится и сочувствіе къ этому святому дѣлу, сочувствіе, начавшее уже ослабѣвать.

А. Крыловъ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ЗНАЧЕНІЕ ПРУССКИХЪ ЦЕРКОВНЫХЪ ЗАКОНОВЪ ДЛЯ ПРОТЕСТАНТСКИХЪ ОБЩИНЪ.

Въ майской книжкѣ мы коснулись нѣкоторыхъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что при настоящей церковной политикѣ прусскаго правительства жутко приходится не однимъ католикамъ, а и протестантамъ, что настоящая война сопровождается большими потерями для стороны, повидимому не принимающей участія въ войнѣ. Въ настоящей книжкѣ мы намѣрены нѣсколько подробнѣе остановиться на теперешнемъ состояніи протестантской церкви. Происхожденіе и исторія протестантскихъ общинъ показываетъ, что тѣ самые принципы, которые послужили основаніемъ для протестантизма и которые по существу своему были болѣе отрицательнаго, чѣмъ положительнаго характера, были причиною того, что и самое зданіе воздвигнутое на нихъ не обѣщало быть вѣковѣчнымъ. Конечно подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ особенныхъ обстоятельствъ, о которыхъ теперь не время вести рѣчь, а также благодаря и нѣкоторымъ искусственнымъ мѣрамъ, это зданіе могло протянуться нѣсколько столѣтій; рано начавшіяся обнаруживаться тамъ и сямъ слабыя стороны зданія могли быть гдѣ на время задѣлываемы, гдѣ подпираемы внѣшними подпорками; но въ цѣломъ — зданіе не производило впечатлѣнія чего-то построеннаго крѣпко и не требующаго никакихъ подпорокъ, рано или поздно должно совершиться его распаденіе. Въ этомъ кажется начинаютъ убѣждаться и сами протестанты, и по обыкновенію опять посматриваютъ по сторо-

намъ, нельзя ли найти, чего-нибудь такого, чѣмъ бы можно было подпереть покачнувшееся или задѣлать пробойну. Съ своей внутренней стороны, благодаря принципу, протестантизмъ обѣщалъ выродиться въ дробное сектанство и рационализмъ; со стороны внѣшней, со стороны отношенія къ другимъ общественнымъ учрежденіямъ, протестантизмъ не можетъ спастись отъ поглощенія другою сильнѣйшею его въ общественной жизни стихіею. И то и другое теперь болѣе чѣмъ когда-либо обозначается. Въ лицѣ нѣкоторыхъ своихъ представителей онъ сознаетъ свое безсиліе бороться съ потокомъ времени; не видя возможности остановить его онъ чувствуетъ, что этотъ потокъ уноситъ и его самого, и съ затаенною завистію оглядывается на римскій католицизмъ, съ его внутреннимъ единствомъ, съ относительною прочностію его учреждений, съ его еще по сіе время продолжающимся вліяніемъ, католицизмъ, находящій еще въ себѣ самомъ достаточно средствъ къ охраненію своего бытія и своей самостоятельности. Таково общее впечатлѣніе, производимое на читателя ниже помѣщаемыми свѣдѣніями о нѣкоторыхъ фактахъ внутренней жизни протестантизма.

Когда возгорѣлась церковная война, когда еще опредѣленно не обозначились конечныя цѣли прусской церковной политики, то протестантизму пожалуй не было еще основаній особенно огорчаться и падать духомъ; въ стѣснительныхъ мѣрахъ для католицизма протестантизмъ могъ видѣть свое торжество. Но это торжество не могло быть продолжительнымъ; стѣснительность мѣръ, направленныхъ повидимому противъ католицизма, ощущается и протестантизмомъ съ тою только разницею, что онъ въ себѣ не находитъ ничего такого, чѣмъ могъ бы предотвратить силу падающихъ на него ударовъ, или по крайней мѣрѣ ослабить ихъ. Въ виду такого положенія и въ мрачномъ опасеніи за самую будущность свою протестантизмъ начинаетъ тяготиться тѣми самыми принципами, провозвѣстникомъ которыхъ былъ и торжество которыхъ онъ долженъ былъ бы привѣтствовать. Возьмемъ для примѣра законъ о гражданскомъ бракѣ. Казалось бы для церкви, не признающей брака таинствомъ и отстаивающей свободу человѣка въ дѣлахъ, касающихся его совѣсти и религіозныхъ убѣжденій, тутъ не чѣмъ было бы огорчаться; тѣмъ болѣе, что законъ не воспрещаетъ церковнаго вѣнчанія, а пре-

доставляетъ собственному желанію брачующихся просить церковнаго благословенія по совершеніи необходимыхъ и обязательныхъ гражданскихъ обрядовъ совершенія брака. Но посмотрите какую горечью отзываются и какимъ тяжелымъ предчувствіемъ, проникнута наприм. слѣдующая статья въ Ev-huth. Kircheng (№ 9), обсуждающая послѣдствія названнаго закона для протестантской церкви.

«Вопросы, поднятые въ Пруссіи закономъ о гражданскомъ бракѣ,—говорится въ этой статьѣ—выступаютъ на очередь и въ другихъ мѣстныхъ протестантскихъ церквахъ; но кромѣ этихъ вопросовъ выступаетъ еще рядъ новыхъ вопросовъ. Предъ лицомъ церкви не стоитъ вопросъ только о томъ, какъ должна она относиться къ лицамъ, которыя уклоняются отъ церковнаго вѣчанія, какъ она должна аттестовать вѣроисповѣдный формуляръ такихъ лицъ; но предъ нею стоятъ и другіе вопросы, въ родѣ того, напримѣръ, можетъ или нѣтъ она заявлять какія-либо свои требованія съ цѣлію воспрепятствовать браку, признаніе котораго у нея испрашивается. Откажись она отъ самостоятельности дѣйствій въ этомъ отношеніи, признавая безъ дальнѣйшихъ разсужденій нравственно дозволительнымъ всякій юридически дозволенный бракъ, она должна отречься съ тѣмъ вмѣстѣ отъ своего призванія быть охранительницею вѣчныхъ истинъ въ нравственномъ отношеніи. Церковное вѣчаніе станетъ тогда дѣломъ только декораціи и *церковь перестанетъ быть самостоятельнымъ обществомъ, а будетъ только религіозною функціею государства.* Поэтому все это дѣло *тѣсно связано съ вопросомъ о бытіи церкви.* Если государство рѣшительно отказывается въ своемъ законодательствѣ признавать значеніе религіозныхъ требованій и предоставляетъ самой церкви заботиться объ исполненіи того, что относится къ ея сферѣ, то послѣдняя хочетъ или не хочетъ, а должна дѣйствовать рѣшительно въ своей сферѣ. Поэтому г. Шмидтъ въ своей статьѣ, помѣщенной въ Ev. Kirchen u. Schulbl. für Württemberg подъ названіемъ: «Videant consules ne quid detrimenti capiat ecclesia» имѣлъ полное право сказать слѣдующее: «никакая ссылка на права народной церкви (Volkskirche) не должна удерживать евангелическую церковь отъ обязанности предлагать своимъ членамъ свои собственные постановленія, ибо народная церковь (Volkskirche) самымъ вѣрнѣйшимъ образомъ

идеть къ уничтоженію, если евангелическая церковь пассивно будетъ смотрѣть на то, какъ произвольно покидаютъ ее элементы, почему-либо чувствующіе себя не совсѣмъ хорошо въ ней. Тѣло, необнаруживающее ни одного движенія, есть мертвое тѣло. Я боюсь, какъ бы церковь, позволяющая во имя снисходительной любви своимъ членамъ бить себя по лицу, не пришла во всеобщее презрѣніе, при чемъ никто не окажетъ ей уваженія за ея снисходительную любовь. Много говорено было уже о томъ, что въ наше время нужно плести неводъ пошире, что нужно давать побольше простору для сердца. Конечно такъ! но неводъ безъ шестовъ, съ одними только петлями, къ которымъ могутъ быть прикрѣплены шесты, не есть неводъ. Если крупная рыба находитъ себѣ выходъ и тамъ и сямъ, то интересно было бы посмотрѣть на рыбака, съумѣвшего вытащить на берегъ неводъ, наполненный рыбою. Должно ли все предоставить индивидуальной совѣсти духовенства, и обречь въ такомъ случаѣ церковь на анархію или, слѣдуя указанію берлинскаго верховнаго церковнаго совѣта, личную совѣсть духовенства подчинить опредѣленіямъ приходскаго совѣта? Но какое нное значеніе имѣютъ оба эти предположенія *какъ не распаденіе евангелической церкви въ болѣе или менѣе непродолжительное время?* Намъ не предвидится иного исхода кромѣ того, чтобы, если не вся евангелическая церковь Германіи, то по крайней мѣрѣ важнѣйшая часть ея въ ближайшіе же мѣсяцы выработала и по возможности предложила бы на утвержденіе различныхъ помѣстныхъ синодовъ какія-либо общія правила, въ силу которыхъ церкви предоставлено было бы право въ дѣлахъ церковныхъ предъявлять свои собственныя самостоятельныя требованія, — ближайшимъ образомъ хотя бы относительно брака. Пусть эти правила для однихъ покажутся очень широкими, для другихъ очень тѣсными, все-таки будетъ дѣломъ не противорѣчающимъ сущности евангелической церкви, если въ такихъ дѣлахъ, относительно которыхъ не всегда можно найти ясныя и прямыя заповѣди Божіи, индивидуальная совѣсть была бы подчинена авторитету какого-нибудь общества, облеченнаго правомъ давать постановленія рѣшительныя. Мы увѣрены, что въ настоящее мгновеніе неотложною задачею церковнаго правительства становится сдѣлать необходимыя шаги къ этому».

Послѣднія слова приведенной статьи довольно знаменательны. Итакъ, права индивидуальной совѣсти, свобода человѣка отъ подчиненія авторитету въ дѣлахъ касающихся вѣры, кромѣ авторитета Слова Божія, по сознанию протестантовъ становятся чѣмъ то такимъ, отъ чего пора отказаться, если не желательно присутствовать на поминкахъ провозгласившей эту свободу общины.

Другой примѣръ. Право свободного избранія того или другаго вѣроисповѣданія должно бы по принципу протестантизма принадлежать къ числу священныхъ правъ человѣческой личности. Но когда это право было провозглашено закономъ, вышло какъ то такъ, что недочетъ сталъ оказываться на сторонѣ протестантизма. Вслѣдствіе ли внутренней несостоятельности протестантизма, не дающаго полного удовлетворенія потребностямъ души человѣческой, или вслѣдствіе какихъ-либо другихъ побочныхъ обстоятельствъ, только законъ относительно этого оказался болѣе на руку католикамъ, а для протестантской церкви сталъ сопровождаться ущербомъ. Не будучи въ состояніи обратить его въ свою пользу, не располагая и средствами достаточными для достиженія этой цѣли, протестантизмъ начинаетъ тяготиться этимъ закономъ и высказываетъ желаніе отказаться отъ этого права. Вотъ какія разсужденія касательно этого предмета дѣлаетъ опять таже газета—*Ev-huth. Kircheng*: «Какъ иногда при видимомъ уравненіи различныхъ исповѣданій въ отношеніи къ правамъ можетъ возникать на дѣлѣ великое неравенство между ними, это доказывается между прочимъ переходомъ въ римско-католическую церковь одного малолѣтнаго протестанта. Наше законодательство гласитъ: «избраніе вѣроисповѣданія должно быть предоставлено свободному убѣжденію каждаго гражданина. Послѣдній однакоже долженъ имѣть надлежащій возрастъ, который въ отношеніи къ этому дѣлу для обоихъ половъ опредѣляется гражданскимъ совершеннолѣтіемъ». Можно было бы думать, что по простѣйшимъ законамъ логики всякій, кто поступаетъ вопреки этому закону, является виновнымъ въ нарушеніи законовъ и соотвѣтственно этому долженъ быть привлекаемъ къ отвѣтственности; равно также и государство, которому обязанъ этотъ законъ своимъ происхожденіемъ, должно заботиться о томъ, чтобы онъ былъ точно соблюдаемъ. Это однако не всегда бываетъ, и государственная власть иной разъ сама даетъ поводы къ тому,

чтобы ея постановленія были нарушаемы безъ малѣйшаго смущенія совѣсти, и хотя увѣряетъ, что она будетъ выражать свое порицаніе на подобныя нарушенія ея постановленій, но ни мало не думаетъ придавать какую-либо особую важность своимъ порицаніямъ. Такимъ образомъ выходитъ, что римско-католическіе духовные, ни мало не задумываясь, неразумныхъ еще дѣтей наставляютъ въ догматахъ своего вѣроисповѣданія и затѣмъ присоединяютъ къ своей церкви. Въ такихъ случаяхъ мы—евангелики должны сдѣлать показаніе; церковныя власти должны принести жалобу; окружная власть изслѣдуетъ основательнѣйшимъ образомъ случай и выражаетъ казенное порицаніе факту, будучи сама увѣрена въ томъ, что его порицаніе не имѣетъ никакого значенія, а римско-католическій священникъ съ усмѣшкою подчиняется этой пустой формальности и при первомъ же случаѣ спокойно повтораеъ свой проступокъ». Продолжая обсуждать практическія несообразности, могущія выходить изъ такого положенія дѣль, статья приходитъ къ слѣдующему заключенію: «такое ненормальное положеніе, когда государственный законъ становится смѣшонъ, должно быть устранено. Еще прежде на генеральныхъ синодахъ высказываемо было желаніе, чтобы правительство считало дѣломъ важнымъ соблюденіе его законовъ и запретило бы привлекать къ религіозному обученію малолѣтнихъ членовъ другой церкви. Но подобное предположеніе было рѣшительно устранено. Въ такомъ разѣ не остается ничего болѣе дѣлать, какъ совсѣмъ вычеркнуть приведенный выше параграфъ. Онъ не имѣетъ никакого значенія и дѣйствительно является чѣмъ то ничтожнымъ. *Ущербъ отъ такого положенія дѣль терпитъ одна только евангелическая церковь.* Болѣе совѣстливый евангелический священникъ не допуститъ ни одного малолѣтняго католика къ обученію въ евангелической вѣрѣ, пбб чувствуетъ на себѣ зарокъ законодательства, а обоюдныя выраженія закона не приносятъ никакого облегченія для его колеблющейся совѣсти. Для римско-католическаго же священника на оборотъ предписанія его церкви составляютъ нѣчто рѣшительное, передъ чѣмъ все прочее отодвигается на задній планъ, а эта церковь говоритъ ему, что онъ сдѣлаеъ доброе дѣло, если онъ какого-либо еретика, хотя бы онъ былъ въ возрастѣ невмѣняемости, обратиться къ вѣрѣ римской церкви. Вотъ почему мы считали бы за

лучшее, еслибы означенный законъ былъ совѣтъ отмѣненъ; копають могилу закону, когда не хотятъ оградить соблюденіе его священными и рѣшительными постановленіями. Наши генеральные синоды должны поэтому настаивать на отмѣненіи этого постановленія».

Хотя здѣсь протестантъ всю бѣду старается приписать бездѣйствію властей, но немногаго труда стоитъ замѣтить, что здѣсь слышится сознаніе своей внутренней несостоятельности, своей неспособности бороться съ сильнымъ соперникомъ на полѣ повидимому одинаково выгодномъ для обоихъ; это-то чувство и внушаетъ автору означенной статьи желаніе воротиться къ такому порядку дѣлъ, который представляется ему болѣе безопаснымъ въ интересахъ протестантской церкви; это уже похоже на бѣгство съ поля сраженія.

Тоже чувство страха за свою самостоятельность, тоже предчувствіе близкаго конца, поразило евангелическую церковь и по поводу того дѣйствія государства, о которомъ мы уже говорили, т.-е. по поводу измѣненія нѣкоторыхъ статей конституціи. Насколько это опасеніе было сильно, видно уже изъ того одного, что голосъ за евангелическую церковь подаетъ не какое-либо частное лице, а оберкирхенратъ — одна изъ высшихъ инстанцій прусской церковной администраціи и притомъ съ жалобами своими обращается къ министру вѣроисповѣданій. Рѣшившись на такую смѣлость оберкирхенратъ старается облечь свою жалобу въ такую форму, которая бы не могла возбудить неудовольствія въ министрѣ, смягчаетъ и прикрываетъ свои опасенія обыкновенною въ такихъ случаяхъ общностию выраженій; тѣмъ не менѣе видно, что ему, какъ говорится, чувствуется «не по себѣ»; при предполагаемомъ измѣненіи статей конституціи онъ желаетъ выговорить какую-либо оговорку въ пользу евангелической церкви въ виду ея всегдашняго благонравія; въ противномъ случаѣ, по его мнѣнію, евангелическая церковь потеряетъ то почетное положеніе, которымъ пользовалась доселѣ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и самое ея существованіе сдѣлается предметомъ вопроса. И здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, проговаривается и нѣкоторое чувство зависти къ римско-католической церкви, которой нечего бояться подобныхъ мѣръ, и недовольство положеніемъ евангелической церкви, поставленной самими принципами своими въ

необходимость испытывать непріятныя послѣдствія своего положенія.

«Мы убѣждены,—говоритъ оберкирхенратъ въ своемъ письмѣ къ д-ру Фальку,—что предположенное измѣненіе въ конституціи, въ особенности отмѣненіе 15 статьи санкціонирующей самостоятельность церкви, не влечетъ за собою никакого измѣненія въ юридическомъ положеніи евангелической церкви, но только уничтожаетъ ту формальную неполноту въ конституціонномъ законѣ, которая при теперешнихъ столкновеніяхъ съ римско-католическою церковію могла для послѣдней служить опорой въ ея нападеніяхъ на права государства. Мысль о самостоятельности самихъ церквей попрежнему удерживается и признается въ своей идеальной правильности, такъ что и послѣ, какъ и прежде, она должна служить директивомъ государственнаго законодательства; только не желалось бы видѣть ее поставленною въ той формѣ, которая дастъ возможность оборотить ее противъ принятыхъ законовъ государства. Этотъ мотивъ евангелическая церковь признаетъ вполне, такъ какъ она признаетъ богоданное призваніе государства дѣйствовать и въ нравственномъ мірѣ; значитъ она не имѣетъ особенной причины сѣтовать на ту законодательную мѣру, которую государство задумало по этому поводу. Но мы позволяемъ себѣ указать на то, что не было ли возможности какимъ-нибудь другимъ болѣе точнымъ разграниченіемъ удалить злоупотребленія, вводимыя теперешними параграфами конституціи, или отыскать другой путь, чтобы не дать возможности объ обѣихъ церквяхъ судить одинаково и вмѣсто неизвѣстнаго нашему государству прежде *idem cuique* принять *suum cuique*. Конечно мы не думаемъ этимъ оспаривать законно-принадлежащую государству возможность одному имѣть правильный взглядъ на это дѣло. Но мы считали своимъ долгомъ указать на то, что отмѣненіе означенныхъ параграфовъ конституціи болѣе затрогиваетъ евангелическую церковь, чѣмъ римско-католическую. Римская церковь свою самостоятельность въ правовой сферѣ основываетъ непосредственно на божественномъ законодательствѣ и поэтому въ 15 членѣ нашей конституціи видитъ только признаніе того, что имѣетъ значеніе независимо отъ него и *de jure* уже существуетъ въ силу внутренняго авторитета. Предположенное измѣненіе поэтому ее мало затрогиваетъ и не воспрепятствуетъ ей

отрицать государственное право законодательства. Если въ своей борьбѣ противъ государства она ссылается на противорѣчіе, въ которомъ государство становится само съ собою, съ своею собственною конституціею, то и послѣ измѣненія въ конституціи для нея и на ея точкѣ зрѣнія остается несравненно сильнѣйшая и въ сферахъ послушныхъ божественному авторитету несравненно болѣе имѣющая значеніе ссылка на божественное происхожденіе ея правоваго строя и на божественно узаконенное въ немъ положеніе церкви. Совсѣмъ иное дѣло—евангелическая церковь. Она хоть тоже признаетъ самостоятельность церкви *принципомъ*, связаннымъ съ сущностію христіанской религіи и поэтому богоугоднымъ, но осуществленія этого принципа она ожидаетъ отъ *юридическаго строя* историческихъ народовъ. Значить, она не считаетъ эту самостоятельность церкви за дѣйствительное право, а состояніе ей противорѣчащее за не имѣющее значенія, предъ которымъ она преклоняется только изъ фактической необходимости. Своимъ правомъ въ этомъ отношеніи она считаетъ только то, что признано въ качествѣ права органомъ національнаго развитія правъ, государствомъ. Поэтому 15 статья конституціи для евангелической церкви имѣетъ несравненно большее значеніе, чѣмъ для католической. Для нашей церкви, по ея особенному устройству, эта статья служитъ основаніемъ выгоды ея юридическаго положенія. Для государства это юридическое положеніе церкви могло бы послужить поводомъ къ недоразумѣніямъ въ томъ случаѣ, еслибы оно могло ожидать, что евангелическая церковь въ виду большаго развитія своего положенія рѣшилась на какія-либо дѣйствія враждебныя для мира и устройства государства. Но всякая возможность чего-либо подобнаго не приходитъ теперь и на умъ. Значеніе, приписываемое 15 статьѣ конституціи, должно быть особенно важно для евангелической мѣстной церкви Пруссіи, болѣе даже важно, чѣмъ для мѣстныхъ церквей въ другихъ государствахъ, въ конституціяхъ которыхъ находится подобное же обезпеченіе ихъ самостоятельности. 15 членъ конституціи имѣлъ для насъ значеніе освобожденія отъ всякаго основоположенія, прямо отрицающаго самостоятельность церкви. Изъ этого объясняется, съ одной стороны, та высокая важность, которую приписываютъ 15 статьѣ въ нашей мѣстной церкви, а съ другой стороны, то обстоятельство,

что начиная съ 25 годовъ, съ начала дѣйствій евангелическаго оберкирхенрата и до общиннаго и синодальнаго устройства въ 1873 году, всѣ шаги къ улучшенію церковнаго строя были предпринимаемы съ точки зрѣнія этой статьи какъ дальнѣйшее развитіе основоположенія, введеннаго ею въ нашъ юридическій строй. Этого не было въ другихъ мѣстныхъ церквахъ, которымъ былъ чуждъ юридически освященный территориализмъ Пруссіи. Поэтому въ нашей мѣстной церкви укрѣпилось то мнѣніе, что *вслѣдствіе отмѣненія 15 статьи больше не имѣетъ значенія основаніе ея самостоятельности* и построенныя на ней учрежденія потеряютъ юридическую почву; *это пораждаетъ отчаяніе за существованіе мѣстныхъ церквей*. Мы не преминули бы выступить предъ государственнымъ королевскимъ министерствомъ за сохраненіе 15 статьи, обеспечивающей почетное положеніе для нашей церкви, еслибы мы были поставлены въ извѣстность о существованіи проекта имѣющаго цѣлю отмѣненіе этой статьи, прежде чѣмъ этотъ проектъ представленъ былъ въ ландтагъ. Теперь же мы не скрываемъ отъ себя бесплодности подобнаго шага. Но мы считаемъ себя обязанными покорнѣе просить васъ представить означенныя замѣчанія на усмотрѣніе королевскаго государственнаго министерства въ той надеждѣ, что они расположатъ членовъ его допустить примѣнительно къ намъ сохраненіе основоположенія, формально освященнаго 15 статьею. Такое сохраненіе мы считаемъ необходимымъ для успокоенія умовъ въ виду тѣхъ движеній, которыя совершаются въ настоящее время въ мѣстной церкви по поводу предполагаемыхъ измѣненій въ конституціи».

На эти замѣчанія евангелическаго оберкирхенрата министръ духовныхъ дѣлъ отвѣчалъ слѣдующее: «Выраженная въ письмѣ евангелическаго оберкирхенрата мысль, что обсуждаемымъ въ настоящее время отмѣненіемъ 15 статьи конституціи положеніе евангелической церкви въ государствѣ фактически не претерпѣваетъ никакого измѣненія, вполне отвѣчаетъ точкѣ зрѣнія, которую приняло государственное правительство при введеніи извѣстнаго законопроекта. Въ качествѣ мотивовъ послѣдняго указано то обстоятельство, что означеннымъ законопроектомъ желалось открыть государству свободный путь, на которомъ оно могло бы при всѣхъ возможныхъ обстоятельствахъ защищать свои вер-

ховныя права противъ католическаго духовенства, угрожающаго его благосостоянію и руководимаго Римомъ. Съ этою цѣлію и предпринято устраненіе тѣхъ статей конституціи, которыя опредѣляютъ отношеніе между церковію и государствомъ въ положеніяхъ общихъ, допускающихъ перетолкованіе. Приобрѣтаемая чрезъ то законодательству свобода должна служить къ отраженію означенныхъ нападеній со стороны католическаго духовенства». Въ отношеніи къ другимъ религіознымъ обществамъ, а особенно въ отношеніи къ евангелической церкви,—такъ говорится въ проектѣ,—подобное отраженіе не требуется. Если собственный порядокъ ихъ дѣлъ юридически опредѣленъ, то они остаются при немъ; если же этого нѣтъ, то законодательство озаботится обезпечить неприкосновенность тѣхъ корпорацій, которыя признаютъ верховность государства. Поэтому я не могу согласиться съ мнѣніемъ евангелическаго оберкирхенрата, когда онъ подозрѣваетъ намѣреніе чрезъ пзмѣненіе конституціи поколебать теперешнюю самостоятельность евангелической церкви или совсѣмъ подавить ее, какъ чуждый государственному законодательству директивъ. Подобнаго намѣренія не было у государственнаго законодательства. Теперешнія обсуждения въ ландтагѣ не даютъ повода опасаться, чтобы съ отмѣненіемъ 15 статьи самостоятельность евангелической церкви болѣе не существовала, и чтобы потеряли свою юридическую почву учрежденія, основанныя на ней. По поводу извѣстной рѣчи депутата Брюэли мною въ засѣданіи палаты депутатовъ 16 марта было ясно высказано, что юридическое положеніе евангелической церкви основывается вообще не на 15 статьѣ конституціи, но на государственныхъ церковныхъ *спеціальныхъ законахъ*, что отмѣненіе 15 ст. не имѣетъ цѣлю утвержденія всемогущества государства по отношенію къ внутреннимъ церковнымъ событіямъ. Эти замѣчанія служатъ выраженіемъ не просто моего личнаго мнѣнія, но они точно выражаютъ, какъ это видно и изъ словъ г. президента государственнаго министерства въ засѣданіи 16 апрѣля, точку зрѣнія правительства и находятся въ полномъ согласіи съ мнѣніемъ государственнаго министерства. Они не встрѣтили себѣ противорѣчія со стороны депутатовъ. Значитъ они въ полной мѣрѣ могутъ разсѣять тѣ опасенія, которыя высказаны въ письмѣ отъ 17 марта».

Вообще при настоящемъ положеніи церковныхъ дѣлъ, при видимомъ упадкѣ протестантской церкви большую силу и значеніе пріобрѣтаетъ партія «уніонистовъ», частиѣ говоря, партія «положительныхъ уніонистовъ». Вотъ свѣденія объ этой партіи, заимствуемая нами изъ «Ev—luth. Kirchenz».

Положительные уніонисты суть ближайшимъ образомъ сторонники уніи. Это слово употребляется въ различныхъ смыслахъ; нѣтъ надобности опредѣлять каждый изъ нихъ, такъ какъ въ дѣйствительности подъ означеннымъ словомъ подразумѣваютъ ту конкретную унію, которая имѣетъ силу въ Пруссіи. Въ отношеніи къ этой уніи члены самой партіи стоятъ не все одинаково и различаются между собою большею или меньшею степенью склонности къ ней; это зависитъ отъ разности основаній, которыя вліяли на учрежденіе прусской уніи. Есть такіе, хотя и не въ большомъ числѣ, которые держатся догматическаго ученія реформатской церкви и въ качествѣ цвингліанъ и кальвинистовъ считаютъ себя обязанными стоять въ противоположности къ лютеранскому ученію. Другіе не принимаютъ какого-либо отдѣльнаго догмата, напримѣръ о присутствіи Христа въ таинствѣ Причащенія. Иные мечтаютъ какою-либо внѣшнею связью сдѣлать евангеликовъ сплывѣ противъ нападковъ со стороны Рима и невѣрія. Иной разъ видятъ по прежнему въ уніи только облегченіе, дающее реформатамъ, живущимъ среди лютеранъ, возможность принимать участіе въ ихъ богослужебныхъ дѣйствіяхъ, какъ это развилъ Шлейермахеръ и какъ это желалось Фридриху Вильгельму III. Такъ какъ вообще со времени перехода Іоганна Сигизмунда въ политикѣ Гогенцоллерновъ лежало покровительствовать уніи, то прославленная привязанность нѣмецкаго народа къ своему царственному дому имѣла большое вліяніе на судьбу уніи.

Между уніонистами есть особая партія, которая носитъ наименованіе «положительныхъ уніонистовъ». Положительность эта тоже очень разнообразна. Есть такіе, которые подписались бы безъ всякаго сомнѣнія подъ лютеранскимъ исповѣданіемъ во всей полнотѣ его содержанія, но они отчаяваются за лютеранскую церковь и смотрятъ на унію какъ на дѣло неизбежное, даже какъ на единственное средство споспѣшествованія церкви Христовой. Другіе твердо держатся только ученія о

троичности и о божествѣ Сына Божія. Иные довольствуются принятіемъ того ученія о божествѣ Господа, по которому Онъ есть существо особаго рода, хотя и не истинный Богъ, рождаемый отъ вѣчности Отцомъ. Они считаютъ себя отличающимися отъ членовъ протестантскаго союза, но опредѣленіе границъ здѣсь становится тѣмъ труднѣе, чѣмъ безцвѣтнѣе и неопредѣленнѣе самое ученіе. Наконецъ есть такіе положительные уніонисты, положительность которыхъ не столько церковнаго, сколько политическаго характера. Это политическіе консервативы, не придающіе особаго значенія религіознымъ интересамъ. По своему консерватизму они бываютъ противниками протестантскаго союза и ихъ положительность большею частію не болѣе какъ отрицаніе отрицанія. Число положительныхъ уніонистовъ не мало въ прусской мѣстной церкви и ихъ вліяніе значительно. Въ недавнее время было высказано предположеніе о необходимости имъ слиться съ лютеранами; по этому теперь всего болѣе приобрътаетъ важность попытка уяснить ихъ взаимное отношеніе и рѣшить вопросъ: чего лютеране должны ожидать отъ положительныхъ уніонистовъ и какъ они должны относиться другъ къ другу?

Доселѣ положительные уніонисты, пользуясь содѣйствіемъ государственныхъ властей въ церковно-правительственныхъ мѣропріятіяхъ, брали перевѣсъ надъ лютеранскою церковію. Не стоитъ въ подробности раскрывать то, какъ удалось имъ устранить и отнять значеніе у всѣхъ прежнихъ фактовъ, которые свидѣтельствовали о существованіи и силѣ лютеранской партіи. Довольно сказать только то, что положительнымъ уніонистамъ при помощи церковнаго правительства удалось довести лютеранъ до того, что они или исчезаютъ или по отношенію къ своимъ требованіямъ должны пользоваться очень неопредѣленными выраженіями. Если при этомъ нѣкоторымъ положительнымъ уніонистамъ удастся добиться удаленія суперинтендентовъ и школьных инспекторовъ остающихся вѣрными лютеранству, то они будутъ настаивать и на томъ, чтобы лютеране не смѣли пользоваться никакимъ средствомъ защищать открыто свое исповѣданіе. Какъ же должны вести себя лютеране въ виду того удара, который имъ угрожаетъ? Внѣшними средствами они не владѣютъ, помощи отъ-внѣ они не могутъ ожидать. Въ ихъ распоряженіи

остается только одно средство — слово. Лютеране мѣстныхъ церквей именно теперь, когда ихъ къ тому вынуждаютъ положительныя уніонисты, должны съ рѣшительностію стоять за то, изъ-за чего они и хлопчутъ, доказать, что они придають великую важность своимъ требованіямъ. Къ числу тѣхъ предметовъ, которые лютеране должны всячески отстаивать, относятся: во первыхъ самое наименованіе «лютеранское общество». Попытки замѣнить это наименованіе кѣкимъ-либо другимъ, болѣе общимъ, обнимающимъ въ себѣ многія другія исповѣданія, производить не то, что люди принявшіе такое наименованіе становятся способнѣе судить другъ о другѣ снисходительнѣе и безпристрастнѣе, а причиняетъ ту запутанность, при которой не распознаешь друзей и единомысленныхъ людей. Далѣе: лютеране никогда не могутъ отказаться отъ желанія быть членами лютеранской церкви. Нѣкоторымъ отдѣльнымъ личностямъ могутъ еще дозволить носить наименованіе лютеранъ, а отъ всего ихъ общества потребуютъ, чтобы оно вошло въ составъ мѣстной церкви принявшей унію (unirte). Но такая уступка мало даетъ пользы: она не можетъ предохранить отъ дальнѣйшаго процесса разложенія; по этому за обществомъ такихъ людей должно быть сохранено наименованіе лютеранской церкви. Но дѣло не въ имени только. Имя хотя и обозначаетъ общество тѣхъ, которые держатся лютеранскаго исповѣданія, но необходимо изъ этого выводить и соответствующія заключенія. Для своихъ внутреннихъ явленій лютеранская церковь должна имѣть такое управленіе, которое было бы подчинено лютеранскому исповѣданію. Вопросъ о томъ, можетъ ли извѣстная церковь находиться подъ управленіемъ церковной власти иного исповѣданія становится просто вопросомъ о бытій, какъ это и показала недавняя дѣятельность оберкирхенрата. И лучшіе члены церковнаго управленія, принадлежащіе къ другому исповѣданію, будучи справедливыми и добросовѣстными во ви́шнихъ дѣлахъ, при обсужденіи внутреннихъ явленій не столько оказываютъ содѣйствіе, сколько помѣху.

Въ заключеніе нашихъ замѣтокъ считаемъ не лишнимъ сообщить свѣденія объ одномъ литературномъ явленіи, обратившемъ на себя вниманіе въ Германіи. Это—книга д-ра Геффена, носящая такое заглавіе: «Государство и церковь въ ихъ отно-

шеніяхъ, исторически развивавшихся». Изображеніе историческаго развитія отношеній между церковію и государствомъ становится дѣломъ не только въ высшей степени современнымъ, но въ извѣстной степени неизбѣжнымъ при настоящемъ положеніи церковныхъ дѣлъ въ Германіи. Не ограничиваясь тѣмъ, что представляетъ исторія относительно этого вопроса, авторъ представилъ попытку произнести сужденіе съ научной точки зрѣнія о текущихъ событіяхъ церковной жизни. Это и было причиною того общаго вниманія, съ которымъ встрѣчено было появленіе этой книги въ Германіи. Книга отличается многими достоинствами, справедливо доставившими ей общее вниманіе; предметомъ своего разсмотрѣнія она дѣлаетъ одинаково какъ евангелическую такъ и римско-католическую церковь, говоря о вліяніи на отношеніе между церковію и государствомъ различныхъ философскихъ системъ она не оставляетъ безъ вниманія и живыхъ реальныхъ силъ церковной жизни, касается даже аналогическихъ отношеній во виѣ—германскихъ европейскихъ государствахъ и Соединенныхъ Штатахъ, равно какъ и политической исторіи послѣднихъ лѣтъ; при этомъ авторъ употребилъ въ дѣло и свою прежнюю дипломатическую дѣятельность. Онъ пользовался даже многими доселѣ не исполнѣ извѣстными источниками, напримѣръ указами Фридриха Вильгельма IV отъ 1845 г. Точка зрѣнія автора есть точка зрѣнія положительнаго посредствующаго богословія, политическаго либерализма и преданности государству, но отбѣняемая тою рѣдкою свободою въ сужденіяхъ, которая и послужила поводомъ къ нападеніямъ на автора со всѣхъ сторонъ, со стороны оффиціозной и ультрамонтанской, со стороны старокатоликовъ и членовъ протестантскаго союза. Отношеніе между христіанскою церковію и государствомъ онъ опредѣляетъ на основаніи Писанія въ существѣ дѣла почти также, какъ и его юридическій коллега, извѣстный проф. Зомъ, который это отношеніе опредѣлялъ исходя изъ понятій о церкви и государствѣ. Церковь есть духовное, а не государственное учрежденіе; государство не должно стѣснять самоуправленія церкви, а только его ограничивать, не вступая при этомъ въ противорѣчіе съ ивическими интересами, охранителемъ которыхъ оно должно быть; въ нравственномъ отношеніи церковь—учрежденіе равносильное

государству, въ юридическомъ—подчиненное ему. Представляется по этому интереснымъ то, что говорится къ книгѣ, проникнутой такими началами, о настоящей борьбѣ. Если при этомъ и не все въ ней встрѣтитъ наше одобреніе, оно заслуживаетъ все-таки нашего полнѣйшаго вниманія, такъ какъ здѣсь мы въ первый разъ встрѣчаемъ попытку высказать сужденіе о законодательной дѣятельности правительства, сужденіе чуждое предзаятыхъ мыслей и основанное на законахъ, что къ сожалѣнію доселѣ встрѣчалось нечасто. Конституція 18-го іюля 1870 года, разсуждаетъ проф. Геффкенъ, формально дало государству право подвергнуть пересмотру свои отношенія къ римско-католической церкви. Рѣшимость взяться за эту задачу требовала особой осмотрительности, такъ какъ ею условливалась особая система не только вообще для правительства, но и специально для тѣхъ государственныхъ людей, на долю которыхъ выпало руководить дѣломъ. Особенно эта осмотрительность требовалась тогда, когда извѣстный пунктъ прусскаго уложенія, послужившій началомъ всей бѣды, нужно было точнѣе опредѣлить въ такомъ смыслѣ, чтобы органическіе законы, признавая свободу во внутреннихъ церковныхъ дѣлахъ, все-таки предоставляли высшія права государству. По настоящему слѣдовало бы матеріалъ этихъ законовъ распредѣлить такимъ образомъ, чтобы въ какомъ-либо общемъ интерконфессіональномъ религіозномъ законѣ твердо поставлены были тѣ основоположенія, которыя бы государство должно было равномерно прилагать ко всемъ религіознымъ обществамъ, а въ двухъ специальныхъ законахъ упорядочить бы юридическія отношенія двухъ великихъ церквей. Но вмѣсто того, чтобы слѣдовать такой оборонительной политикѣ, прусское правительство ударилося въ политику притѣсненій противъ римско-католической церкви, и не ставши твердою ногою съ начала на опредѣленномъ планѣ связало другъ съ другомъ и правильныя и ложныя мѣропріятія. Правильнымъ авторъ считаетъ закрытіе католическаго отдѣленія при министерствѣ исповѣданій, сомнительнымъ—параграфъ о проповѣди, рѣшительно негоднымъ—положеніе, принятое относительно старокатоликовъ. Противъ майскихъ законовъ она дѣлаетъ двоякое возраженіе; во первыхъ, что они равномерно относятся и къ евангелической и къ католической церкви, во вторыхъ, что они совер-

шенно смѣшали двѣ отдѣльныя сферы—государственную и церковную. Законъ касательно церковныхъ наказаній онъ считаетъ превышеніемъ власти со стороны государства, а также и законъ, приписывающій верховному церковному суду право рѣшенія въ догматическихъ вопросахъ. Что законъ объ образованіи и назначеніи духовныхъ лицъ облагаетъ наказаніемъ даже чисто-духовныя дѣйствія — это считаетъ онъ дѣломъ въ высшей степени сомнительнымъ. Достаточно было бы, еслибы государство отняло гражданское значеніе у распорядженій такихъ духовныхъ лицъ, а ихъ самихъ лишило бы права пользоваться всѣми общественными правами и преимуществами, соединенными съ извѣстною должностію. Много и другихъ возраженій дѣлаетъ авторъ противъ упомянутыхъ законовъ, равно какъ и противъ законовъ, изданныхъ въ нынѣшнемъ году. Всѣ свои разсужденія онъ сводитъ къ тому результату, что все законодательство считается бездѣйственнымъ, а избранный путь немогущимъ привести къ цѣли. Окончательный же выводъ онъ дѣлаетъ слѣдующій: «Несмотря на все сіе ультрамонтанизмъ въ этой борьбѣ не можетъ побѣдить и не побѣдитъ; о какомъ-либо поворотѣ къ прежнему *status quo* не можетъ быть и рѣчи, ибо это было бы ложью; нельзя ставить вопроса и о какомъ-либо соглашеніи съ тою силою, глава которой не стыдится объявлять ничтожными государственныя законы; время конкордаговъ прошло; государство, взявшееся за трудъ заново опредѣлить свои отношенія къ церкви, можетъ указывать только такія границы, которыя не мѣшаютъ его развитію. Все сводится къ тому, что оно одно можетъ указать истинную мѣру; если правительство откажется отъ ложнаго принципа майскихъ законовъ и ограничится твердымъ охраненіемъ высшихъ правъ государства, то клиръ фактически долженъ будетъ покориться, ибо онъ не будетъ имѣть подъ собою католическаго народа. Подобный шагъ для правительства столь же мало былъ бы пораженіемъ, какъ еслибы напримѣръ полководецъ оставилъ атаку, которую не можетъ додержать, и перешелъ бы въ оборонительное положеніе, при которомъ его нельзя разбить».

Свѣщ. М. Воздвиженскій.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

ОСЬМАЯ ГОДОВЩИНА

ЦЕРКОВНАГО БРАТСТВА ВО ИМЯ СЯТИТЕЛЯ НИКОЛАЯ И ПРЕПОДОБНОЙ КНЯЖНЫ ЕВФРОСИНИИ ВЪ Г. ПОЛОЦКѢ.

25 мая, въ недѣлю св. отецъ, церковное братство во имя святителя Николая и препод. княжны Евфросиніи въ г. Полоцкѣ праздновало осьмую годовщину своего существованія и, по случаю прибытія въ г. Полоцкѣ его преосвященства, преосвященнѣйшаго Викторина, епископа Полоцкаго и Витебскаго, праздновало съ особою торжественностію.

Наканунѣ праздника въ субботу, въ 4 часа пополудни, въ соборной Николаевской церкви отслужена протоіереемъ Ѡ. И. Иваницькимъ съ законоучителемъ Полоцкой военной гимназіи протоіереемъ А. М. Добрадинымъ и священникомъ Д. В. Акимовымъ панихида по усопшихъ членахъ братства и ихъ сродникахъ, записанныхъ въ Синодикъ братскій. Въ 6½ часовъ вечера начато всенощное бдѣніе и отправлено съ прибавленіемъ полвеча въ честь святит. Николая и препод. княжны Евфросиніи: на величаніе выходилъ его преосвященство, преосвященнѣйшій Викторинъ, почетный попечитель братства, съ настоятелемъ Богоявленскаго монастыря, архимандритомъ Григоріемъ, съ вышеовначенными священнослужителями, съ ключаремъ Витебскаго кафедральнаго собора свящ. В. Т. Кудрявцевымъ, законоучителемъ Полоцкой учительской семинаріи свящ. М. П. Высоцкимъ и благочиннымъ свящ. А. А. Квятковскимъ.

Въ самый день праздника божественная литургія начата въ 10 часовъ утра и отправлена его преосвященствомъ съ тѣми же священнослужителями, и еще благочиннымъ г. Динабурга свящ. Влад. І. Щербовымъ, настоятелемъ Борисо-Глѣбскаго монастыря іеромонахомъ Амвросіемъ и казначеемъ Богоявленскаго монастыря іеромонахомъ Филаретомъ при собраніи воспитанниковъ учебныхъ заведеній г. Полоцка (Военной гимназіи, духовнаго училища и учительской семинаріи) и множества народа (православнаго и иновѣрнаго); во время литургіи послѣ сугубой ектеніи возглашена ектенія о упокоеніи душъ усопшихъ членовъ братства съ ихъ сродниками; по окончаніи литургіи предъ молебнымъ пѣніемъ преосвященнѣйшимъ архипастыремъ сказано весьма приличное случаю слово о благотворныхъ для семейной и общественной жизни

плодахъ мира изъ текста: *Отче святой, соблюди ихъ во имя Твое, иже даде еси миръ, да будутъ едины, якоже и мы* Иоан. 17, 11; потомъ совершенно молебное пѣніе святителю Николаю и преподобнѣйшій Евфросиній о здравіи и спасеніи членовъ братства съ возглашеніемъ многолѣтій: а) Государю Императору и всему царствующему дому, б) св. Синоду и преосвященнѣйшему Викторину, еп. Полоцкому и Витебскому, съ богохранимою его паствою, и в) всему освященному причту, братіи св. храма, православнымъ христіанамъ, ревнующимъ о благѣ вѣры и св. церкви и всѣмъ жителямъ города. Во время всеобщаго бдѣнія и литургіи пѣли на правомъ клиросѣ пѣвчіе его преосвященства, а на хорахъ воспитанники военной гимназіи.

По окончаніи молебнаго пѣнія въ 1½ часа пополудни, его преосвященство въ предшествіи сослужащихъ, изъ коихъ одинъ (свящ. Дм. Акимовъ) несъ братскую икону, и въ сопровожденіи членовъ братства при пѣніи тропарей Вознесенію Господню и небеснымъ покровителямъ братства, со славою шествовалъ въ квартиру г. директора военной гимназіи. Съ его преосвященствомъ, почетнымъ попечителемъ братства, явились въ ту же квартиру: 11 членовъ совѣта, 1 почетный членъ, 12 братчиковъ и 6 новыхъ лицъ, которыя пожелали вступить въ число членовъ братства: свящ. Василій Тихоновичъ Кудрявцевъ, ключарь кафедральнаго собора въ г. Витебскѣ, свящ. Владиміръ Іоанновичъ Щербовъ, благочинный церковей г. Динабурга, іеромонахъ Амвросій, настоятель Борисо-Глѣбскаго монастыря, священ. соборной Николаевской церкви въ г. Полоцкѣ Дмитрій Васильевичъ Акимовъ, Иванъ Петровичъ Зубковскій, младшій врачъ военной гимназіи и мировой посредникъ Динабургскаго уѣзда Сергій Ивановичъ Пріѣзжевъ; всего собралось 31. По входѣ въ квартиру пропѣты стихиры „Днесь благодать Св. Духа на събра“... и тропари св. покровителямъ братства; послѣ небольшого отдыха, во время котораго гостепріимный хозяинъ квартиры предложилъ явившимся на братское торжество чай и завтракъ, предсѣдателемъ совѣта прочитанъ отчетъ о состояніи братства за осьмой годъ существованія братства. По прочтеніи отчета, его преосвященство, выразивъ предъ собраніемъ свое удовольствіе по поводу изложеннаго въ отчетѣ, пожелалъ дальнѣйшихъ успѣховъ братству и преподалъ святительское благословеніе на новый годъ дѣятельности.

Засѣданіе продолжалось съ 2 до 3½ часовъ пополудни. По прочтеніи отчета рѣшены собраніемъ вопросы о распредѣленіи остаточной суммы на дѣло народнаго образованія и о пособіи возсоединеннымъ униатамъ Холмской епархіи.

По поводу перваго вопроса, когда однимъ членомъ собранія (А. В. Б.) выражено недоумѣніе, почему остаточная сумма (1244 р.) отдается не вся сполна на стипендіатовъ учительской семинаріи, какъ требуетъ того

назначеніе ея на дѣло народнаго образованія, — выяснено, что а) братство, въ случаѣ согласія на изложенное въ отчетѣ предположеніе совѣта, будетъ имѣть на слѣдующее трехлѣтіе въ учительской семинаріи 12 стипендіатовъ: девять на пособіе изъ суммъ св. Синода, одного на проценты съ основнаго капитала и двухъ на остаточную сумму, слѣдовательно больше, чѣмъ вдвое противъ прежняго числа, назначеннаго первоначально (при учрежденіи учительской семинаріи въ 1871 году); б) помогая учительской семинаріи, оно не можетъ отказать въ пособіи народнымъ школамъ, какова на примѣръ существующая въ г. Полоцкѣ женская бесплатная школа; в) представляя общему собранію предположеніе объ отчисленіи 330 р. на крайнія нужды полоцкихъ духовныхъ училищъ — мужскаго (280 р.) и женскаго (50 р.), совѣтъ рѣшился сдѣлать такое представленіе первый разъ въ восемь лѣтъ существованія братства вслѣдствіе прямаго заявленія о нуждахъ сихъ училищъ, отнюдь не вопреки уставу братства (§ 3) и ни мало не отступая отъ главной цѣли, предположенной братствомъ (§ 2), но стараясь напротивъ содѣйствовать достиженію этой цѣли, такъ какъ помогая духовному училищу въ образованіи дѣтей, готовящихся на служеніе церкви, братство тѣмъ самымъ не можетъ не располагать духовенство Полоцкой епархіи къ большому сочувствію и содѣйствію братству въ его дѣятельности на пользу православія. Когда же другой членъ собранія (П. П. Г.) заявилъ, что сумму, назначаемую совѣтомъ въ духовное училище, не лучше ли отправить въ распоряженіе училищнаго начальства, не стѣсняя его опредѣленнымъ назначеніемъ — выдавать пособіе въ теченіе четырехъ лѣтъ *одному* воспитаннику; то одинъ изъ членовъ совѣта (Н. К. К.) пояснилъ, что если совѣтъ дѣлаетъ такое назначеніе, то по указанію самаго училищнаго начальства. Его преосвященство, желая помочь собранію въ рѣшеніи вопроса, изволилъ сообщить, что духовенство епархіи, держа на свои средства дѣтей въ училищѣ, имѣетъ для сиротъ и бѣдныхъ 19 вакансій въ томъ же училищѣ, и слѣдовательно какой-нибудь бѣдный, но способный мальчикъ всегда можетъ получить пособіе къ содержанію, между тѣмъ училищное начальство, не стѣсняемое братствомъ въ распредѣленіи назначаемыхъ денегъ, могло бы употребить оныя съ большею пользою по своему усмотрѣнію, напр. могло бы вмѣсто одного дать пособіе двумъ бѣднымъ, такъ какъ полупансіонеръ училища можетъ вносить за свое содержаніе 30 р. Тогда собранію предложенъ былъ вопросъ: чего бы желало оно, отпуская ежегодно по 70 р. въ теченіе четырехъ лѣтъ на нужды духовнаго училища, того ли, чтобы содержался на это пособіе одинъ бѣдный, но лучший воспитанникъ, какъ предполагаетъ совѣтъ, или предоставить это усмотрѣнію училищнаго правленія, которое, смотря по нуждамъ, можетъ назначать ассигнуемое пособіе и не одному воспитаннику? Рѣшая вопросъ закрытою баллотировкою, собраніе больш-

шинствомъ голосовъ (18 противъ 13) приняло послѣднее предложеніе, присовокупивъ, чтобы училищное правленіе во всякомъ случаѣ увѣдомляло совѣтъ братства, кому именно и въ какомъ размѣрѣ оно озащетъ пособие изъ братскихъ суммъ. Такимъ образомъ предположеніе совѣта собраніемъ утверждено въ слѣд. видѣ: а) остаточную сумму раздѣливъ приблизительно на четыре части, двѣ изъ нихъ (600 р.) съ присовокупленіемъ будущихъ процентовъ съ основнаго капитала (300 р.) употребить на стипендіи въ Полоцкой учительской семинари, каковыхъ въ слѣдующее трехлѣтіе имѣть быть три; б) 330 р. для оказанія пособия нуждающимся препроводить въ духовныя училища: 50 р. одновременно въ женское и 280 р. въ теченіи четырехъ лѣтъ въ мужское ежегодно по 70 р., предоставляя распредѣленіе оныхъ на одного или двухъ бѣдныхъ, но лучшихъ по успѣхамъ и поведенію, учениковъ благоусмотрѣнію правленія училища, съ тѣмъ однако, чтобы братству даваемъ былъ отчетъ въ сихъ деньгахъ; в) послѣднюю часть оставить въ распоряженіи совѣта для расходовъ по дѣлу народнаго образованія въ начальныхъ школахъ.

Предложеніе о пособіи возсоединеннымъ греко-уніатамъ холмской епархіи принято съ сочувствіемъ; но какъ наличныя средства братства очень ограничены, то собраніе не рѣшилось касаться этихъ средствъ, но выразило готовность сдѣлать съ своей стороны пожертваніе по мѣрѣ силъ: почему г. дѣлопроизводителемъ Н. О. Уверскимъ поднесенъ листъ, на коемъ записано и немедленно внесено пожертваній на 50 р.

Въ заключеніе засѣданія тѣмъ же дѣлопроизводителемъ предложена членамъ братства книга для записанія пожертвованій на слѣдующій девятый годъ, согласно § 13 братскаго устава: денежныхъ пожертвованій отъ 35 лицъ (въ томъ числѣ отъ 3-хъ отсутствовавшихъ и одного не принадлежащаго къ составу братства) записано находящимися въ собраніи на сумму 192 р., изъ числа коихъ 111 р. уплачены тутъ же въ собраніи.

О Т Ч Е Т Ъ

СОВѢТА О СОСТОЯНІИ ПОЛОЦКАГО ЦЕРКОВНАГО БРАТСТВА ЗА
ОСЬМОЙ ГОДЪ ЕГО СУЩЕСТВОВАНІЯ, СЪ 26 МАЯ 1874 ГОДА ПО
25 МАЯ 1875 ГОДА.

Въ прошломъ году, по окончаніи перваго семилѣтія, полоцкое церковное братство состояло изъ 138 членовъ. Въ составъ его входили: 1) почетный попечитель братства, 12 членовъ совѣта, 10 членовъ учредителей, 63 почетныхъ члена и 52 братчика. Денегъ въ томъ же году

въ кассу братства поступило 1667 р. 23 к., что съ остаткомъ отъ предшествовавшаго года (3343 р. 28¹/₂ к.) составляло 5010 р. 51¹/₂ к. За исключеніемъ 1591 р. 49 коп., употребленныхъ въ расходъ, къ началу осьмаго года оставалось 3419 р. 2¹/₂ к. Въ томъ числѣ было:

а) Основнаго капитала	2042 р. 93 к.
б) На дѣло народнаго образованія	1177 „ 88 ¹ / ₂ „
в) На благотворительность	113 „ 36 „
г) На благолѣпіе церковей и прочіе расходы	84 „ 84 ¹ / ₂ „

Въ настоящемъ году изъ вышеозначеннаго числа членовъ вышло 5: переселились въ вѣчныя обители—1 учредитель братства Антонъ Степановичъ Клодничей (въ мартѣ); 3 почетныхъ члена: высокопреосвященнѣйшій Наеанаилъ, архіепископъ черниговскій (4 марта), Михаилъ Васильевичъ Бондыревъ, предводитель полоцкаго дворянства (23 іюля), и достойный особенно—благодарной памяти братства Василій Алексѣевичъ Лавровъ, директоръ хозяйственнаго управленія при святѣйшемъ Синодѣ (27 января); и 1 братчикъ протоіерей Димитрій Т. Ареевъ (25 ноября). За выбытіемъ на кафедру харьковской епархіи почетнаго попечителя братства преосвященнѣйшаго Саввы, котораго архипастырскому вниманію, благословенію и дѣятельному сочувствію братство обязано открытіемъ и преуспѣяніемъ въ своей скромной дѣятельности въ теченіе минувшаго семидлѣтія и который, оставляя г. Полоцкъ 6 января текущаго года, изъявилъ готовность содѣйствовать успѣхамъ братства и на новомъ мѣстѣ своего архипастырскаго служенія въ званіи *почетнаго члена* братства, — званіе почетнаго попечителя братства благоволилъ принять преемникъ его преосвященства, преосвященнѣйшій Викторинъ, милостивый нашъ архипастырь, на приглашеніи совѣта отъ 20 февраля положивъ слѣдующую архипастырскую резолюцію (отъ 12 марта). «На братство, учредившееся съ столь святыми дѣлами, призываю благословеніе Божіе и, принимая званіе попечителя его, выражаю готовность зависящими отъ меня средствами споспѣшествовать благой его дѣятельности». И такъ къ началу новаго года личный составъ братства представляется въ слѣдующемъ видѣ: 1 почетный попечитель, 12 членовъ совѣта, 9 членовъ учредителей, 61 почетный членъ и 51 братчикъ,—всего 134.

Денежныхъ приношеній въ отчетномъ году поступило въ братскую кассу 2192 р. 32 к.; въ томъ числѣ.

I. *Вообще на потребности братства:*

1) Отъ 12 членовъ совѣта	68 р. к.
2) Отъ 2 членовъ — учредителей	10 „
3) Отъ почетныхъ попечителя и 21 члена	223 „
4) Отъ 31 братчика	167 „
	30*

5) По сборной книжкѣ	5 р.
6) Высыпано изъ братской кружки	39 „ 12 к.
Итого.	512 р. 12 к. ¹⁾ .

II. Съ *опредѣленнымъ назначеніемъ*:

7) На дѣло народнаго образованія	1175 р. 20 к.
8) На благотворительность	505 „ — „
Итого	1680 р. 20 к.

Пожертвованія съ опредѣленнымъ назначеніемъ поступили: а) на дѣло народнаго образованія: изъ хозяйств. управленія при свят. Синодѣ, на основаніи опредѣленія св. Синода отъ 20 сентября (7 октября) 1872 года, на содержаніе девяти стипендіатовъ въ Полоцкой учительской семинаріи 900 р. и на основаніи опредѣленія 21 февраля (5 апрѣля) прошлаго года единовременнаго пособия 248 р. 20 к., всего 1148 руб. 20 к.; отъ Н. А. Майера 12 р., отъ М. Е. Б.—съ 5 р. и отъ № въ пособіе къ содержанію сироты А. Тарасевичъ въ женской гимназіи 10 р. б) на благотворительность вообще: отъ А. Н. Гертовой 10 р., отъ поѣтителей музыкальной репетиціи 37 р. и отъ 42 лицъ служащихъ при гимназіи, взамѣнъ визитовъ Новаго года и св. Пасхи 92 р. (переданы Э. Р. Блюменталемъ, инспекторомъ классовъ П. В. гимназіи); отъ № на пособіе мѣщанкѣ Матренѣ Кузьминской 21 р., на погребеніе умершей передано В. В. Савакевичемъ) 2 р. и отъ П. И. Постоляскаго въ пользу бѣдныхъ Жиглевичевой и Филькевичевой 10 р.; на пособіе къ содержанію призрѣваемыхъ въ Полоцкой богадѣльнѣ отъ 12 постоянныхъ жертвователей 273 р. ²⁾), отъ Э. Р. Блюментала (по иску его взыскано Полоцкимъ мировымъ судомъ) 10 р. и отъ Полоцкаго Городскаго Общества 50 руб. Приношеній на общія потребности въ отчетномъ году меньше прошлаго года на 97 рублей; высыпано изъ братской кружки меньше на 13 руб. безъ сомнѣнія потому, что съ передачею холодной Николаевской церкви въ вѣдѣніе соборнаго причта многіе изъ прихожанъ военно-гимназической церкви находятъ для себя удобнѣйшимъ посѣщать соборную, а не свою церковь.

III. Къ началу осьмаго года оставалось 2565 р. 61½ к. процентными бумагами съ находящимися при нихъ купонами: между этими бумагами, приобретенными совѣтомъ въ разное время, значились: 2 билета 2 внутрен. 5% съ выигрышами займа (по 100 р.), 11 билетовъ 5% государств. банка, въ томъ числѣ 1 билетъ въ 1000 р., два по 150 руб. и остальные 8 по 100 р., одно выкупное свидѣтельство 5½% ренты (въ 300 р.), которое должно быть замѣнено другимъ, на основаніи прави-

¹⁾ Приложение № 1.

²⁾ Приложение № 2.

тельствъ распоряженія, всего на сумму 2600 р. Процентовъ съ этой суммы за отчетный годъ слѣдуетъ получить 131 р. 50 к., которые съ купонами прошлаго времени (154 р. 87½ к.) составятъ 286 р. 37½ к.

Такимъ образомъ въ отчетномъ году братство имѣетъ 2323 р. 82 к., что съ остаточными отъ прошедшаго года составитъ 5742 р. 84¼ к. Если къ этому присовокупить, что въ тоже время поступило въ братство отъ почетнаго члена протоіерея Н. Д. Думитрашко, 100 экз. брошюры его „о праздникахъ и постахъ православной церкви“: то этимъ опредѣлится все количество пожертвованій въ отчетномъ году.

Изъ 131 р. 50 к. процентовъ должны поступить 100 р. на содержаніе стипендіата въ учительской семинаріи согласно опредѣленію общаго собранія членовъ минувшаго года и 31 рубль 50 к. въ основной капиталъ по силѣ § 15 устава вмѣстѣ съ 51 р. 21 к.—10% съ суммы, пожертвованной на общія потребности, какъ требуетъ § 14 того же устава братства; слѣдовательно всего 82 р. 71 к.; затѣмъ (307 р. 26 к. + 1175 р. 20 к.) 1482 р. 46 к. слѣдуетъ на дѣло народнаго образованія (76 р. 82½ к. + 505 р.) 581 р. 82½ к. на благотворительность и 76 р. 82½ к. на благолѣпіе церквей и прочіе расходы. Если взять остаточную сумму прошлаго года, то денежныя средства братства должны распределиться такъ:

а) Основнаго капитала	2125 р. 64 к.
б) На дѣло народнаго образованія и, въ томъ числѣ, на стипендіатовъ	2760 „ 34½ „
в) На благотворительность	695 „ 18½ „
г) На благолѣпіе церквей и прочіе расходы.	161 „ 67¼ „

Изъ вышеозначенныхъ денегъ въ отчетномъ году издержано:

1) *На дѣло народнаго образованія* 1516 рублей. Изъ этого числа: а) выдано пособія ученику Полоцкаго духовнаго училища Николаю Поливину 6 руб., и обучающейся въ Витебской женской гимназіи сиротѣ Аннѣ Тарасевичъ 10 р. Поливинъ—мальчикъ 10 лѣтъ, сынъ безмѣстнаго чиновника, не имѣющій никакихъ средствъ къ образованію, такъ какъ отецъ его, года два тому назадъ забравъ въ домъ всѣ сколько-нибудь цѣнныя вещи, куда-то скрылся, а мать, не имѣющая у себя никого, кромѣ бѣднаго и престарѣлаго отца, 80-лѣтняго діакона, живетъ лишь трудами рукъ своихъ въ г. Полоцкѣ; какъ сынъ отца гражданскаго вѣдомства, онъ не имѣетъ правъ на пособіе изъ суммъ епархіальнаго вѣдомства; однако, при вступленіи въ истекающемъ учебномъ году въ училище, по бѣдности уволенъ правленіемъ онаго, вслѣдствіе предложенія преосвященнѣйшаго Саввы, бывшаго архипастыря Полоцкой епархіи, отъ обязательной платы за слушаніе уроковъ; по милости наставниковъ того же училища до Пасхи имѣлъ пріютъ съ своею матерью во флигелѣ ихъ квартиры; но всѣми такого рода льготами далеко не обез-

печень въ своихъ потребностяхъ: поэтому совѣтъ призналъ необходимымъ и по состоянію братскихъ средствъ возможнымъ назначить этому мальчику, который по свидѣтельству училищнаго начальства ведетъ себя скромно и учится хорошо, пособие въ 20 рублей на текущій годъ, чтобы онъ могъ продолжать начатое ученіе, и съ апрѣля выдалъ изъ ассигнованной суммы 6 р. Сирота Анна Тарасевичъ есть дочь того Тарасевича, бухгалтера Полоцкой городской больницы, который скончался въ прошедшемъ году, оставивъ 6 малолѣтнихъ дѣтей безъ всякихъ средствъ къ существованію и воспитанію, и котораго сиротствующему семейству начало помогать братство уже въ прошедшемъ году: по милосердію одной благотворительной особы, принадлежащей къ составу братства, Анна Тарасевичъ, какъ старшая между сиротами, опредѣлена въ Витебскую женскую гимназію. Совѣтъ въ этомъ случаѣ подалъ руку помощи упомянутой особѣ тѣмъ охотнѣе, что получилъ на этотъ именно предметъ денежное пособие отъ неизвѣстнаго.

б) Болѣе значительное пособие оказано бесплатной женской школѣ въ г. Полоцкѣ въ дополненіе къ тѣмъ средствамъ, которыя получаетъ она изъ другихъ источниковъ. Существова 15 годъ со времени открытія, школа и въ настоящемъ году помѣщалась въ домѣ купца Эпштейна съ платою за свое помѣщеніе 240 р., имѣла 53 ученицы (въ томъ числѣ 49 православныхъ 2 р. католички и 3 еврейки), принадлежація къ городскому сословію, 7—14 лѣтъ, и соответственно умственному развитію раздѣлялась на два отдѣленія; руководителями въ школѣ были: завѣдующая оною, А. Ф. Екимова, съ своею помощницею—дѣвницею Домникой Шантаровичъ и членъ совѣта—свящ. М. П. Высоцкій; въ послѣднее время стали посѣщать школу братчикъ Д. М. Банько, учитель пѣнія въ учительской семинаріи, и—дочь полоцкаго судебнаго слѣдователя дѣвица Анна Слюзь. Подъ руководствомъ ихъ, ученицы по примѣру прошлаго года, согласно утвержденной начальствомъ округа программѣ, усвоили рассказы изъ Св. Исторіи В. и Н. Завѣта и простѣйшія понятія изъ катихизиса, знакомились съ важностью и значеніемъ празднико́въ, также съ элементарными понятіями по русскому и славянскому языку, по ариѳметикѣ, географіи и русской исторіи, упражнялись въ правописаніи и чистописаніи и занимались рукодѣльемъ—учились шить и шитье бѣлье и вязать чулки. На покрытіе расходовъ по помѣщенію и отопленію школы съ необходимыми при томъ починками и поправками, по найму помощницы и прислуги, по приобрѣтенію учебныхъ пособій совѣтъ съ своей стороны ассигновалъ, согласно просьбѣ А. Ф. Екимовой (отъ 16 января) сто рублей и препроводилъ въ школу по 10 экз. брошюръ прот. Н. Д. Думитрашко „перевода повседневныхъ молитвъ на русскій языкъ“ и „о праздникахъ и постахъ православной церкви“.

в) Тѣхъ же брошюръ протоіерея Думитрашко съ присовокупленіемъ

крестиковъ совѣтъ отправилъ въ нѣкоторыя изъ народныхъ училищъ, находящіяся въ завѣдываніи учителей, бывшихъ учениками братской школы, по ихъ просьбѣ: такъ для Ловожскаго училища выдано учителю Кузьмичеву 10 экз. „Повседневныхъ молитвъ“ и 100 крестиковъ, для Юровичскаго учителю Кополеву 10 экз. „повседневн. молитвъ и 20 крестиковъ, для Лѣсковичскаго — учителю Февралеву по 5 экз. „молитвъ“ и „о праздникахъ и постахъ“ и 30 крестиковъ. Кстати совѣтъ считаетъ долгомъ здѣсь присовокупить, что вслѣдствіе постановленія общаго собранія прошлаго года почетный членъ братства, П. П. Глотовъ, относился съ ходатайствомъ къ г. попечителю виленскаго учебнаго округа за бывшихъ учениковъ братской школы, состоящихъ нынѣ учителями въ народныхъ училищахъ Витебской губ., и послѣдствіемъ этого ходатайства было разрѣшеніе со стороны г. попечителя училищнаго округа продолжить для означенныхъ учителей срокъ предстоящихъ испытаній до іюля текущаго года. Въ настоящее время, какъ извѣстно совѣту, нѣкоторые изъ учителей держали уже и выдержали узаконенный экзамень. Далѣе совѣтъ считаетъ долгомъ доложить, что —

г) Существенный и самый важный расходъ по дѣлу народнаго образованія состоялъ въ выдачѣ стипендій ученикамъ Полоцкой учительской семинаріи. До настоящаго года братство имѣло въ семинаріи 11 стипендіатовъ и пять изъ нихъ содержало на свои средства, а шесть на пособіе отъ св. Синода, и выдавало на каждаго по 75 руб. стипендіи; въ настоящемъ году къ прежнимъ 11 прибавилось три новыхъ—также на пособіе отъ св. Синода, и въ силу постановленія прошлагодняго собранія увеличило стипендію до 100 р. Такимъ образомъ 14 стипендіатамъ въ текущемъ году выдано 1400 р. По времени поступленія въ учительскую семинарію эти стипендіаты раздѣляются на три категоріи: къ первой относятся восемь учениковъ высшаго отдѣленія, приготовляющіеся къ выпускному экзамену, и въ томъ числѣ пять воспитывавшихся на средства братства: Василій Шаровскій (изъ духовныхъ), Герасимъ Дроздовскій, Василій Ломоносовъ, Кондратій Погодинъ и Власть Брусененокъ (изъ крестьянскаго сословія) и три на пособіе отъ св. Синода: Николай Рыбаковъ, Иванъ Галецкій и Иосифъ Барановскій ³⁾, ко второй — три ученика средняго отдѣленія: Петръ Зараконскій, Петръ Сухановъ и Андрей Чеведаевъ; къ третьей—три ученика младшаго отдѣленія: Александръ Шеркевичъ, Павелъ Чертовъ и Михаилъ Пѣсунновъ. По окончаніи курса первыми осью стипендіатами открываются въ братствѣ три вакансіи на стипендіи изъ суммъ св. Синода; вмѣстѣ съ тѣмъ настоящему собранію предстоитъ опредѣлить, сколько стипендіатовъ намѣрено содержать братство на собственные средства въ слѣ-

³⁾ Приложение № 3.

дующее трехлѣтіе. За всѣми расходами на дѣло народнаго образованія остается въ девятому году 1244 р. 34½ к. Кромѣ сего остатка, при рѣшеніи вопроса, необходимо имѣть въ виду 100 р. процентовъ съ основнаго капитала, ежегодно получаемыхъ братствомъ на содержаніе одного стипендіата. Совѣтъ при этомъ желалъ бы обратить вниманіе братства на другія нужды. Извѣстно, что дѣти священно-церковно-служителей, особенно небогатыхъ, поступаютъ для образованія почти исключительно въ духовныя училища; но извѣстно и то, что нѣкоторые изъ нихъ такъ бѣдны, что рѣшительно не имѣютъ средствъ—содержаться въ училищѣ; а училищное начальство, руководствуясь своими востановленіями и ограничиваясь находящимися въ его распоряженіи средствами, положительно не можетъ дать имъ возможности продолжать образованіе. Слѣдствіемъ сего бываетъ то, что иногда даровитые воспитанники оставляютъ училище преждевременно и теряются на всегда для церкви и общества. Какъ было бы благотѣльно, еслибы на подобные случаи училищное начальство имѣло какіе-нибудь дополнительные источники! Таково именно положеніе иныхъ учениковъ въ Полоцкомъ духовномъ училищѣ! Извѣстно также, что при женскомъ Спасо-Евфросиніевскомъ монастырѣ есть женское духовное училище, которое имѣетъ до 40 воспитанницъ по преимуществу бѣдныхъ сиротъ, но—получаетъ на свое содержаніе одну тысячу рублей: какъ важно было бы для такого училища и маленькое пособіе—въ какія-нибудь 50 рублей! Совѣтъ, принимая во вниманіе такого рода обстоятельства и имѣя въ виду затруднительное положеніе духовенства полоцкаго округа—въ экономическомъ отношеніи, особенно въ настоящее время, когда требуются отъ него новыя и новыя жертвы по содержанію училища, считаетъ долгомъ просить общее собраніе, чтобы при рѣшеніи вопроса о будущихъ стипендіатахъ на средства собственно братства приняты были во вниманіе нужды бѣдныхъ дѣтей священно-церковно-служителей и женскаго духовнаго училища, и съ своей стороны полагалъ бы остаточную сумму (1244 руб.) раздѣлить на четыре части, и двѣ изъ нихъ отчислить на стипендіатовъ въ учительской семинаріи, одну оставить на текущіе расходы по народному образованію въ братствѣ и одну—на пособіе бѣднѣйшему, но лучшему ученику въ духовномъ училищѣ (полагая таковое пособіе въ 70 р. и опредѣляя общее количество его въ четырехлѣтній курсъ въ 280 р.) и назначить 50 р. одновременно—на нужды женскаго духовнаго училища.

2) На *благотворительность* израсходовано 466 р. 40 к. Здѣсь главный расходъ падаетъ на содержаніе богадѣльни; но не могъ совѣтъ оставить безъ вниманія и вопіющія нужды другихъ бѣдныхъ. По вопросу о богадѣльнѣ, поставленному совѣтомъ въ общемъ собраніи прошлаго года, собраніе поручило совѣту предварительно обратиться

жъ г. начальнику губерніи, какъ къ почетному члену братства, съ просьбою о содѣйствіи братству поддержать богадѣльню при помощи городского общества, какъ учрежденіе, которое по существующимъ узаконеніямъ лѣжитъ на прямой обязанности города. Исполняя данное порученіе, совѣтъ обращался къ г. начальнику губерніи, и имѣлъ честь получить отъ его превосходительства (отъ 19 іюня прошлаго года) увѣдомленіе, что губернское правленіе предписало полоцкой думѣ безъ всякаго замедленія взыскать съ общества деньги за прошлые (1872—73—74) годы и на будущее время отсылать содержаніе на богадѣленныхъ (въ размѣрѣ ста рублей) своевременно. Когда прошло шесть мѣсяцевъ по полученіи сего увѣдомленія, между тѣмъ братство отъ общества ничего не получало: то совѣтъ просилъ полоцкую городскую думу извѣстить, можетъ ли братство надѣяться на полученіе общаннаго обществомъ пособія? На это дума отвѣчала (отношеніемъ отъ 12 февраля), что въ настоящемъ году съ общества будетъ сдѣланъ сборъ въ размѣрѣ ста рублей въ пособіе по содержанію братской богадѣльни, о чемъ уже составляется приговоръ, по утвержденіи коего губернскимъ правленіемъ назначенныя сто рублей непременно будутъ уплачены въ этомъ году; что же касается пособія братству за 1872—73—74 годы, то оно не осуществилось по причинамъ, независящимъ отъ думы. Послѣдствіемъ этой переписки было съ одной стороны полученіе въ началѣ апрѣля 50 рублей изъ думы, какъ сообщено о томъ выше; а съ другой то, что совѣтъ, не располагая опредѣленными и вѣрными средствами, не могъ въ теченіе перваго полугодія держать въ богадѣльнѣ столько, сколько желало бы братство: вмѣсто 12 находилось въ богадѣльнѣ только 9—10 престарѣлыхъ и убогихъ, а нѣсколько дней — и восемь человѣкъ. Уже со второй половины года рѣшился совѣтъ удовлетворить не отступной просьбѣ тѣхъ, которые просили пріюта въ богадѣльнѣ. Такъ, на мѣсто умершихъ Анны Золотухи 96 л. и Кайстана Игнатовича 76 л. приняты: вдова Аделія Гуторовичъ 78 л. (р. кат. испов.) въ ноябрѣ, діаконская вдова, слѣная уже семь лѣтъ и безпріютная, изъ Тродовичъ, Макрина Петр. Захаревичъ 50 л. съ внучкою Дарьєю Степановой 8 л. и солдатка, также почти слѣная и безпріютная, Софья Савельева 71 г. (послѣдніе три въ концѣ февр.).

Въ настоящее время состоитъ въ богадѣльнѣ 12 человѣкъ: семь православн. испов. и пять р. католическаго ⁴⁾ На богадѣльню издержано въ теченіе года 340 р. 95 к.: изъ этого числа 267 р. 60 к. употреблено на содержаніе пищею, по 7½ к. въ сутки на каждое лице; остальныя деньги постушили за квартиру, на дрова и особенныя расходы. Непосредственное завѣдываніе богадѣльней принадлежало по прежнему Ва-

⁴⁾ Прилож. № 4.

силію Васильев. Саваскевичу, члену совѣта; но не оставляли ея своимъ вниманіемъ и другіе члены братства. Особенную попечительность о благосостояніи богадѣльни выразили Н. Н. Глотова и М. Ф. Бергъ: первая не только, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, ежемѣсячно жертвовала богадѣленнымъ чай и сахаръ, но и устроила для нихъ къ свѣтлому празднику Воскресенія Христова весьма приличную одежду и обувь, на сумму свыше 50 р., пригласивъ къ участию въ добромъ дѣлѣ нѣкоторыхъ дамъ гимназическаго общества и купивъ, преимущественно на свой счетъ, матеріалъ потребный для одежды; а г-жа Бергъ, жертвующая ежемѣсячно на содержаніе богадѣльни, участвовала въ осуществленіи желанія Н. Н. Глотовой не только новою отъ себя лептою, но и личнымъ трудомъ, приготовивъ одежду собственными руками. Вообще же богадѣльня и въ отчетномъ году обязана была существованіемъ главнымъ образомъ благотворительности тѣхъ же 12-ти лицъ, которыя поддерживали ее въ прежнее время: нельзя не выразить имъ за это искренней признательности. Безъ ихъ существенно-важной поддержки богадѣльню пришлось бы закрыть. А между тѣмъ опытъ свидѣтельствуетъ, какъ она необходима!

Другимъ предметомъ братской благотворительности служили бѣдные г. Полоцка, которые по старости, слѣпотѣ, болѣзнямъ и другимъ отъ нихъ независящимъ причинамъ, не могутъ трудиться и, не имѣя собственныхъ средствъ къ существованію, ждуть помощи исключительно отъ руки милосердія, и какъ благословляютъ эту руку, если она благовременно помогаетъ имъ въ горькой нуждѣ! Здѣсь поприще для дѣятельности могло бы быть весьма обширное; но средства братства далеко недостаточны, чтобы оно могло развить свою благотворительность въ предѣлахъ желательныхъ. Тѣ крайне ограниченныя средства, которыми располагаетъ братство на благотворительность, совѣтъ употреблялъ съ особенною осторожностью и бережливостью. Въ теченіе года оказано пособій 40 бѣднымъ; размѣры этихъ пособій, за исключеніемъ двухъ-трехъ лицъ, были очень невелики отъ 5 руб. и ниже до 50 к. Прилагая къ отчету списокъ получившихъ пособіе ⁴⁾, совѣтъ считаетъ долгомъ объяснить, что одни изъ значущихся въ спискѣ извѣстны братству своею бѣдностію изъ прежнихъ отчетовъ, другіе пользовались помощью его въ первый разъ; однимъ оказано пособіе одновременно предъ праздниками Рождества Христова или Пасхи, другимъ разновременно, и только одна старушка (Кузьмицкая), совершенно дряхлая и слѣпая, получала пособіе постоянно, по примѣру прошлыхъ лѣтъ. Первый разъ пользовались пособіемъ отъ братства 1) *Елеонора Ворвалевская* не имѣвшая ни какихъ средствъ на лѣченіе и потомъ на погребеніе своего мужа (8 р.);

⁴⁾ Прилож. № 5.

2) мѣщанка *Клавдія Дацкевичъ* (7 р.), имѣющая мужа, также больного и по болѣзни не могущаго работать, потомъ трехъ малолѣтнихъ дѣтей, и сама страждущая въ рукахъ и ногахъ ревматизмомъ; 3) отставной чиновникъ *Владиміръ Игнатовичъ* (5 р.), одинокій, безъ родныхъ и знакомыхъ, жестоко страдавшій отъ ревматизма и чахотки и потомъ умершій; 4) дьяческая жена *Жимлевичева* (5 р.), при бѣдности имѣющая 4 малолѣтнихъ дѣтей, изъ коихъ двое страдали отъ сильныхъ обжоговъ, но лишены были врачебной помощи; 5) мѣщ. *Софья Пытухова* (3 р. 50 к.), вдова безъ всякихъ средствъ, но съ ребенкомъ и больная; 6) мѣщан. *Анна Штейнъ* (4 р.), съ больнымъ мужемъ и двумя малолѣтними дѣтьми; 7) солдатка *Агафья Оаддѣева* (2 р.), 70 л., давно оставленная мужемъ и ослабѣвшая въ силахъ; 8) мѣщ. *Матрена Шуткевичъ* (2 р.), съ тремя малолѣтними дѣтьми бѣдствующая подъ бременемъ горя и поражающей бѣдности вслѣдствіе дурнаго поведенія мужа; 9) *Владиміръ Володкевичъ* (3 р.), дворянинъ 25 л. отъ роду, разбитый параличемъ и оставленный безъ всякаго призрѣнія преданнымъ нетрезвости отцемъ; 10) солдатка—вдова *Марья Васильева* (4 р. 50 к.), хотя имѣющая только 50 л. отъ роду, но не могущая заработать на пропитаніе, какъ неизлѣчимо больная; 11) мѣщ. *Антонъ Маевскій* (3 руб.), старикъ 70 л. безъ силъ съ женою 60 л., съ больнымъ зятемъ (Никол. Фальковскимъ) и съ сыномъ (Антономъ), который разбитъ параличемъ: единственная кормилица этой злополучной семьи жена сына; 12) вдова — солдатка *Ульяна Иванова* (3 р.), 64 л., жившая до праздника Рождества Христова трудами кухарки, но съ Рождества Хр. страдающая ревматизмомъ въ ногахъ и рукахъ, не владѣющая правою рукою, безъ всякихъ средствъ къ существованію и до времени поправленія—лишенная всякой возможности зарабатывать кусокъ хлѣба: „средствъ никакихъ не имѣю, работать не могу, лѣчиться не чѣмъ, угла своего нѣтъ: не знаю, что и дѣлать. Мнѣ говорятъ: возми торбу и проси; а я просить неумѣю и стыдно: никогда не просила; да за милостыню надо молиться; а я также неумѣю“, вотъ что говоритъ Иванова, заливаясь слезами! Подобнымъ образомъ рисуютъ картину своего горя и другіе бѣдные. На дѣло благотворенія издержано въ текущемъ году 125 р. 45 к. Братство, благодаря приношеніямъ общества, особенно гимназическаго, полученнымъ въ послѣднее время по случаю праздника Пасхи, имѣетъ къ новому году на благотворительность 228 р. 78¹/₂ к.

3) На *прочіе расходы* издержано 71 р. 33 к. Изъ этого числа употреблено 36 р. 35 к. на покупку къ братской иконѣ подсвѣчника (въ 24 свѣчи) наладнаго серебра, 2-хъ аршинъ вышины, съ фарфоровой свѣчей и 20 р. 35 к. на печатаніе отчета за седьмой годъ въ количествѣ 200 экземпляровъ и такого же количества бланковъ въ витебской губернской типографіи; остальныя затѣмъ поступили, какъ означено въ

прилагаемой къ отчету вѣдомости, на канцелярскія издержки. Къ слѣдующему году на благолѣшіе церквей и прочіе расходы по братству остается 90 р. 34¹/₄ к.

Всего въ отчетномъ году израсходовано 2053 р. 73 к. ⁶⁾. Къ девятому году остается:

а) основнаго капитала	2125 р. 64 к.
б) на дѣло народнаго образованія.....	1244 > 34 ¹ / ₂ >
в) на благотворительность.....	228 > 78 ¹ / ₂ >
г) на благолѣшіе церквей и прочіе расходы.	90 > 34 ¹ / ₄ >

Итого 3689 > 11¹/₄ >

Означенныя деньги лежатъ въ братскомъ ящикѣ и хранятся въ цѣлости въ полоцкомъ уѣздномъ казначействѣ а) (2410 р. 74 к. + 286 р. 37¹/₂ к.) 2697 р. 11¹/₂ к. процентными бумагами съ находящимися при нихъ купонами и б) 991 р. 99³/₄ к. наличною суммою (кредитными билетами и звонкою монетою).

Оканчивая отчетъ свой, совѣтъ желалъ бы обратить вниманіе общаго собранія на событіе, совершившееся къ утѣшенію православной церкви въ настоящіе дни на юго-западной окраинѣ нашего отечества; разумѣется—возсоединеніе униатовъ Холмской епархіи съ православною церковію. Такое событіе, возбуждая радость въ каждомъ сынѣ православной церкви, не можетъ особенно не радовать братства, дѣйствующаго съ цѣлью утвержденія истинъ и правилъ вѣры въ такъ недавно еще возсоединенномъ, съ св. церковію народѣ бѣлорусскомъ. Совѣтъ съ своей стороны привѣтствовалъ высокопреосвященнѣйшаго Іоаннія архієпископа варшавскаго съ святою и высокою радостью по случаю совершеннаго имъ 12 января перваго возсоединенія холмскихъ униатовъ; но было бы желательно, чтобы братство по случаю совершившагося великаго событія выразило свои чувства не словомъ только, но и дѣломъ, чтобы съ своей стороны помогло чѣмъ нибудь возсоединеннымъ въ ихъ великихъ нуждахъ! Такая помощь, въ чемъ бы она ни выразилась, въ пожертвованіи священно-служебныхъ сосудовъ или чего другаго, была бы началомъ братскаго общенія, которое съ сего времени должно существовать между дѣтьми св. церкви сѣверо-западнаго и юго-западнаго края, и лучшимъ свидѣтельствомъ искренняго сочувствія братства радостному событію.

Предсѣдатель Совѣта Братства,

Протоіерей А. Добрадинъ.

25 мая 1875 г.

г. Полоцкъ.

⁶⁾ Прилож. № 6.

НОВОЕ ИЗДАНИЕ ТВОРЕНІЙ СВЯТИТЕЛЯ ТИХОНА ЗАДОНСКАГО.

ТВОРЕНІЯ ВЖЕ ВО СВЯТЫХЪ ОТЦА НАШЕГО ТИХОНА ЗАДОНСКАГО.

Москва. Синодальная типографія. 1875 г.

Рѣдкія изъ произведеній богословско-нравственнаго содержанія пользовались и пользуются у насъ такою симпатією русскаго народа и такою продолжительною популярностію, какъ большая часть твореній святителя Тихона Задонскаго, несмотря на то, что писаны они болѣе 100 лѣтъ тому назадъ и какъ по языку, такъ и по складу рѣчи и по интересамъ времени значительно, повидимому, отстоятъ отъ нашей современности. Такая симпатія къ твореніямъ св. Тихона и популярность, какую приобрѣли они съ самаго появленія ихъ въ свѣтъ, объясняется живымъ и свѣтлымъ духомъ писателя, согрѣтымъ необыкновенно теплою, искреннею любовію къ людямъ, и высоко-талантливою простою русскою натурой этого великаго человѣколюбца, умѣвшаго съ удивительною простотою и искренностію, доходящею иногда до наивности, безъ сантиментальности того времени, безъ схоластическихъ приѣмовъ неуклонно развивать и понятно излагать читателю величайшія истины христіанства. Творенія святителя издавались много разъ отдѣльными частями, какъ напримѣръ, „Объ истинномъ христіанствѣ“, „Сокровище духовное“ и пр. Накопецъ въ 1825-г. было издано первое полное собраніе Твореній св. Тихона, которое потомъ перепечатывалось много разъ.

Лѣтъ 6 тому назадъ, по опредѣленію св. Синода, предпринято было новое изданіе твореній святителя Тихона, изданіе дополненное и исправленное. На дняхъ оно вышло въ свѣтъ.

Просматривая его и сличая съ прежними изданіями, удивляешься, какъ въ такое короткое время далеко впередъ ушла Россія даже по повторительнымъ изданіямъ книгъ духовнаго содержанія, издающихся отъ св. Синода. Тамъ казенная, небрежная перепечатка безъ разбора, безъ всякой мысли, всего, что подъ руку попало; здѣсь серьезное отношеніе къ издаваемымъ памятникамъ, ясное научное пониманіе дѣла, тщательное вниманіе ко всякой, что называется, буквѣ, цѣлое ученое изслѣдованіе. Съ планомъ и характеромъ настоящаго изданія лучше всего знакомить насъ замѣчательно скромное предисловіе къ нему. Приводимъ его сполна:

I. „Предлагаемое изданіе противъ прежнихъ значительно дополнено. Кромѣ сочиненій, напечатанныхъ въ разное время въ періодическихъ и другихъ изданіяхъ, въ составъ настоящаго изданія вошли и такія творенія святителя, которыя *являются въ печати въ первый разъ*; кромѣ того, нѣсколько статей, напечатанныхъ въ прежнихъ собраніяхъ сочи-

невѣдѣнія святителя въ сокращеніи, въ настоящемъ изданіи являются въ полномъ составѣ.

II. „Настоящее изданіе *свѣрено съ подлинными рукописями*. Какъ извѣстно, сочиненія святителя Тихона обнародованы были уже послѣ его кончины и почти всѣ его келейникомъ Иваномъ Еоимовымъ. Представивъ, согласно завѣщанію святителя, сочиненія его на благоусмотрѣніе св. Синода, Иванъ Еоимовъ, какъ видно изъ его бумагъ, вскорѣ приступилъ и къ самому печатанію сочиненій своего наставника. Конечно, благодаря главнымъ образомъ этому обстоятельству, именно, что на стражѣ изданія стоялъ человекъ, который былъ самымъ близкимъ лицомъ къ святителю и для котораго дорого было каждое слово любимого учителя, человекъ, не лишенный притомъ образованія и знакомства съ книжнымъ дѣломъ, — первыя изданія сочиненій святителя Тихона, сравнительно съ изданіями позднѣйшими, отличаются болѣею исправностію и изъ всѣхъ послѣдующихъ изданій должны быть признаны лучшими. Печатаніе дальнѣйшихъ изданій шло при условіяхъ менѣе благопріятныхъ. Всѣ эти изданія, какъ показало подробное ихъ сличеніе, печатались уже не по подлиннымъ рукописямъ, а по печатнымъ оригиналамъ послѣднихъ изданій и ни разу не были провѣрены не только по подлиннымъ рукописямъ, но даже и по первымъ изданіямъ. Не имѣя подъ руками первоначальныхъ подлинниковъ и автографовъ святителя, издатели естественно повторяли ошибки, вкравшіяся въ изданія предшествовавшія; въ то же время, въ изданіе привносились новыя, болѣе или менѣе важныя, погрѣшности.

„Не видно, чтобы подлинныя рукописи твореній святителя были положены и въ основаніе изданія 1-го полного ихъ собранія, вышедшаго въ 1825—1826 г. Напротивъ ясно по всѣмъ признакамъ, что издатели этого собранія не пользовались даже изданіями Ивана Еоимова. При сличеніи, для настоящаго изданія, печатнаго текста упомянутого собранія съ подлинными рукописями и даже съ старшими изданіями твореній святителя, выходящими отдѣльно, оказалось, что въ полномъ собраніи повторены всѣ погрѣшности, которыми переполнены отдѣльныя изданія твореній святителя, по времени ближайшія къ этому собранію, очевидно, служившія для него оригиналами. Къ числу названныхъ погрѣшностей принадлежатъ: болѣе или менѣе значительныя пропуски, произвольныя измѣненія въ языкѣ, заглавіяхъ сочиненій и въ дѣленіи ихъ на части, разныя ошибки въ распредѣленіи статей по отдѣламъ и т. под. (см. объ этомъ въ прилож. къ изд. примѣчаніяхъ); въ особенности оказалось большое количество пропусковъ. Безспорно, очень важнымъ недостаткомъ разсматриваемаго изданія было и то, что своеобразный языкъ святителя, значительно подновленный въ прежнихъ изданіяхъ, здѣсь подвергся передѣлкѣ еще большей; во многихъ мѣстахъ

сглажены даже такія особенности, которымъ святитель, писавшій смѣсью языка народнаго съ церковно-славянскимъ, подъ вліяніемъ современной ему эпохи такъ называемыхъ „грамматическихъ колебаній“, остается однако вѣренъ во всѣхъ своихъ писаніяхъ.

„2-е и 3-е изданія полнаго собранія твореній Тихона составляютъ буквальный перепечатку изданія, имъ предшествовавшего.

„Въ настоящемъ изданіи, въ сочиненіяхъ, напечатанныхъ по подлиннымъ рукописямъ, *текстъ возстановленъ во всей его цѣлости*, согласно съ этими рукописями, а въ основаніе остальныхъ твореній, подлинники которыхъ утрачены, положены первыя изданія этихъ сочиненій, какъ болѣе исправныя и болѣе близкія къ утраченнымъ подлинникамъ. При этомъ, по возможности *возстановлены* и тѣ *особенности живаго слова святителя*, которыя принадлежатъ эпохѣ, когда онъ жилъ, а такъ же и ему лично, какъ писателю.

III. „Сочиненія святителя въ прежнихъ изданіяхъ напечатаны были въ смѣшанномъ порядкѣ, съ раздѣленіемъ на 15 томовъ. Въ настоящемъ изданіи они расположены, по возможности, *въ порядкѣ хронологическомъ*, и, въ виду основаній для дѣленія, указываемыхъ самимъ авторомъ (чит. примѣч. къ т. 2--3 и 4-му), раздѣлены на пять томовъ. Въ первомъ томѣ помѣщены труды святителя „епаршескіе“, то есть, сочиненія, писанныя имъ ¹⁾ во время управленія воронежскою паствою; въ четырехъ слѣдующихъ за тѣмъ—сочиненія, писанныя ²⁾ въ Задонскѣ.

IV. „Изданіе снабжено *библиографическими примѣчаніями*, въ которыхъ приведены свѣдѣнія о времени и мѣстѣ написанія отдѣльныхъ твореній святителя, о поводахъ къ написанію, о сохранившихся подлинныхъ рукописяхъ, первыхъ изданіяхъ и проч.

V. „Въ приложеніи къ изданію помѣщены: а) *Алфавитный Указатель* къ сочиненіямъ святителя; б) *Записки* о святителѣ его велейниковѣ, *Чеботаревѣ* и *Евимова*, съ присоединеніемъ дополненій и поясненій къ тѣмъ и другимъ Запискамъ.

VI. „Къ изданію приложены два изображенія святителя и снимокъ съ собственноручнаго его письма. О достоинствѣ перваго изображенія, приложеннаго къ 1-му тому, достаточно сказать, что оно снято съ подлинника, принятаго для писанія образа святителя; подлинникъ писанъ въ то время, когда святитель имѣлъ около 40 лѣтъ отъ роду и управлялъ воронежскою паствою, почему изображеніе это и приложено къ 1-му тому, обнимающему труды святителя епаршескіе. Второе, приложенное

¹⁾ Кромѣ 3-хъ, именно: отрывка изъ ректорскихъ уроковъ святителя и 2-хъ писемъ, писанныхъ имъ въ годъ оставленія воронежской каѳедры и до переселенія въ Задонскъ.

²⁾ Кромѣ письма 40-го, въ 5-мъ томѣ, написаннаго изъ Толшева.

къ 4-му тому, снято съ портрета, писаннаго послѣ перваго спуста около 13-ти лѣтъ, когда и годы и труженническая жизнь святителя въ Задонскѣ значительно измѣнили и внѣшній видъ подвижника. Подлинникъ писанъ по желанію покойнаго архіепископа московскаго Платона, который, по особому уваженію къ святителю Тихону, отправлялъ для снятія портрета съ него нарочнаго, извѣстнаго въ то время художника Басова, въ Задонскѣ. Подлинникъ сохраняется у нынѣшняго намѣстника Сергіевой Лавры, о. архимандрита Антонія. Соотвѣтственно времени написанія этого изображенія святителя, оно приложено къ 4-му тому его сочиненій. Самыя подписи подъ изображеніями сняты съ рукописей собственной руки святителя, которыя, по времени написанія, совпадаютъ съ годами написанія изображеній — святителя Тихона, который былъ 1-мъ этого имени епископомъ воронежскимъ, не всегда отличаютъ отъ двухъ его преемниковъ по воронежской кафедрѣ, носившихъ тоже имя и непосредственно слѣдовавшихъ одинъ за другимъ, Тихона 2-го и 3-го (чит. въ прилож. къ изд. примѣч.). Приложенный снимокъ съ собственноручнаго письма святителя (въ Саровскую пустынь отъ 16-го марта 1766 г.), удовлетворяя благочестивой любознательности, съ тѣмъ вмѣстѣ можетъ служить однимъ изъ пособій для опредѣленія подлинности автографовъ, приписываемыхъ Тихону 1-му.“

Словомъ, собрано все принадлежащее перу св. Тихона, что только возможно было найти до настоящаго времени; откинуто все, что ошибочно приписывалось ему; тщательно провѣренъ по ближайшимъ источникамъ весь текстъ, при чемъ строго критически изслѣдованы самыя эти источники, и восстановлена дѣйствительная рѣчь святителя. Все это, до мелочей, пояснено и доказано добросовѣстными примѣчаніями, библиографическими указаніями, сличеніями, сносками, охватывающими почти всю нашу литературу послѣднихъ двухъ столѣтій.

Подобному изданію, требовавшему конечно кропотливаго труда, могъ бы позавидовать и самъ почтенный г. Гротъ съ его академическими изданіями произведеній нашихъ писателей прошедшаго вѣка; а св. Синоду принесется величайшая признательность какъ со стороны читателей, такъ и русской науки за такой новый въ Россіи пріемъ изданія твореній лучшихъ русскихъ духовныхъ писателей.

Желательно было бы, чтобы подобнымъ же образомъ, съ такою же строго ученою осмотрительностью, были наконецъ изданы творенія другаго святителя XVIII вѣка—св. Димитрія митр. Ростовскаго. Извѣстно, что цѣлыя сочиненія, цѣлый томъ ихъ изданій, читаются какъ творенія этого святителя, тогда какъ они принадлежатъ вовсе не его перу, и рѣчь, которою напечатаны дѣйствительныя творенія его, такъ подправлены (т. е. искажены) при первомъ еще изданіи, что въ ней часто узнаешь автора.

Говоря о настоящемъ изданіи твореній св. Тихона, нельзя однако не обратить вниманія на то, что подобныя драгоценныя изданія слѣдовало бы печатать на бумагѣ болѣе плотной, чѣмъ та, на которой напечатано это изданіе. Всякій, а гѣмъ болѣе простолюдинъ, охотно готовъ заплатить лишній грошъ, чтобы только не опасаться ежеминутно, что листы уважаемой книги расползутся подъ пальцемъ.

А. Г.

1875 г. Москва.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Годичныя собранія заграничныхъ миссіонерскихъ обществъ: а) британскаго библейскаго общества; б) церковно-миссіонерскаго общества; в) лондонскаго миссіонерскаго общества; г) веслейнскаго миссіонерскаго общества; д) баптистскаго миссіонерскаго общества; е) общества распространенія Евангелія; ж) общества распространенія релігіозныхъ сочиненій; з) общества церковно-пастырскаго вспоможенія; и) миссіи лондонскаго Сити.

Британское библейское общество. Собраніе общества въ нынѣшнемъ году было многочисленнѣе обыкновеннаго; экзетергаллъ былъ почти биткомъ набитъ. Засѣданія были открыты архіепископомъ кэнтерберійскимъ, а ведены были подъ предсѣдательствомъ графа Шефтсбюри. Изъ отчета видно, что доходы и расходы общества въ истекшемъ году были болѣе чѣмъ въ предшествующіе года. Обращаясь къ возникновенію общества въ началѣ текущаго столѣтія отчетъ сообщалъ, что въ то время во всемъ свѣтѣ существовало не болѣе 4,000,000 или 5,000,000 экземпляровъ свящ. книгъ, переведенныхъ приблизительно на 50 нарѣчій. Со времени учрежденія британскаго библейскаго общества около 74,000,000 экземпляровъ Свящ. Писанія вполне, или по частямъ, выпущено было изъ его складовъ; кромѣ того 53,000,000 экземпляровъ выпущено было сродными обществами, образовавшимися изъ него, или получившими помощь отъ него; такъ что въ теченіе текущаго столѣтія около 127,000,000 экземпляровъ свящ. Писанія выпущено было библейскимъ обществомъ въ разныхъ частяхъ свѣта. Число нарѣчій, на которыя переведено было Слово Божіе, съ 50 возрасло до 200. Сверхъ распространенія свящ. Писанія на англійскомъ языкѣ въ Великобританіи, Ирландіи и Колоніяхъ въ количествѣ 38,000,000 экземпляровъ, общество распространяло свое дѣло во всѣхъ европейскихъ странахъ, равно также среди главнѣхъ населеній Африки и Америки, на большихъ островахъ Тихаго океана, въ Южной Америкѣ,

Мексикѣ, Лабрадорѣ и Гренландіи. Выпуски общества за годъ приблизительно были таковы: изъ внутреннихъ складовъ 1,473,027; изъ-за граничныхъ складовъ 1,146,400 Библий, заветовъ, и частей ихъ. Всѣхъ изданій общества было до 73,750,538 экземпляровъ. По прочтеніи отчета было произнесено нѣсколько рѣчей: предсѣдателемъ, архіепископомъ кентерберійскимъ и нѣкоторыми изъ членовъ, присутствовавшими на собраніи, а именно Понтономъ, Ричардсономъ, Молденсомъ и Споржономъ. Общую мысль всѣхъ рѣчей было желаніе усилить дѣятельность общества особенно въ виду нѣкоторыхъ явленій настоящаго времени и расширить ее настолько, чтобы люди разныхъ исповѣданій, забывая раздѣляющія ихъ ученія, соединялись бы по крайней мѣрѣ въ этой дѣятельности.

Церковно-миссіонерское общество. Годичное собраніе этого общества состоялось подъ предсѣдательствомъ графа Чинестерскаго. Врайтъ, свѣтскій секретарь, прочиталъ отчетъ о финансовомъ состояніи общества. Хотя доходъ общества за этотъ годъ не былъ равенъ доходу за прошлый годъ, тѣмъ не менѣе онъ былъ таковъ, что о немъ можно говорить съ благодарностію; расходы общества были съ избыткомъ покрыты доходами. Генри Врайтъ, церковный секретарь, прочиталъ извлеченіе изъ годичнаго отчета, въ которомъ говорилось о новыхъ предположеніяхъ касательно распространенія Евангелія въ отдаленныхъ странахъ, доступъ въ которыя сталъ теперь открытъ. Въ Лаго (Йорубѣ) двадцать пять лѣтъ назадъ при богослуженіяхъ приносимы были человѣческія жертвы, теперь же тамъ обитаютъ такіе счастливые люди, какихъ не вездѣ найдешь; изъ многихъ устъ, служившихъ прежде діаволу, теперь раздаются звуки христіанской молитвы. Два миссіонера отъ общества посѣтили страну на Востокъ отъ Лаго и прислали отчетъ о той любви, съ какою туземцы теперь принимаютъ миссіонеровъ. Абеокута открыла двери для дѣятельности миссіонеровъ общества. Дѣятельность европейцевъ была слабѣе по видимому въ численномъ отношеніи на островѣ Цейлонѣ, но и тамъ было крещено до 112 человѣкъ взрослыхъ. Изъ Китая полученные отчеты производятъ очень хорошее впечатлѣніе. Миссіи имѣли самый благопріятный успѣхъ между 2,000,000 жителей Фучоу. Не менѣе 100 человѣкъ взрослыхъ было крещено, а число кандидатовъ и ищущихъ крещенія гораздо болѣе. Въ продолженіе года было крещено до 34 человѣкъ взрослыхъ въ Нингпо. Изъ Пекина получены самые утѣшительные отчеты; школы были посѣщаемы хорошо, не говоря о 16 человѣкахъ взрослыхъ крещенныхъ и нѣкоторыхъ кандидатахъ, подающихъ надежды. Въ качествѣ миссіонерскаго поля Японія представляетъ собою нѣчто неопредѣленное. Эдикты противъ христіанъ не только не

были отгнаны, но недавно были внесены въ составъ законовъ страны. Довольно было преслѣдованія противъ туземныхъ христіанъ общество имѣло тамъ четыре миссіонерскихъ стана и 6 миссіонеровъ, годъ назадъ комитетъ послалъ подкрѣпленіе изъ трехъ агентовъ въ Сѣверо-Западную Америку съ епископомъ; двое изъ этихъ миссіонеровъ и теперь трудятся въ долинѣ Саскатчеванъ. Миссіи въ Сѣверной части Тихаго Океана должны были пережить не мало испытаній, но дѣло все-таки шло успѣшно. Тамъ было 119 случаевъ крещенія, изъ которыхъ въ 84 были крещены взрослые. Число миссіонерскихъ становъ въ продолженіе года возрасло до 157, число лицъ европейскаго духовенства до 211, число духовныхъ изъ туземцевъ до 154—всего духовныхъ было 365. Свѣтскихъ европейцевъ школьныхъ учителей, свѣтскихъ агентовъ и пр. было до 23, европейскихъ женщинъ учительницъ (неговоря о женахъ священниковъ) было 12; катихизаторовъ туземныхъ, не посланныхъ изъ Англіи, было 2,391; число причащавшихся было 24,497. По прочтеніи отчетовъ епископъ доргэмскій произнесъ рѣчь, въ которой упомянувши о возраженіяхъ противъ дѣятельности общества онъ указывалъ на распространяющееся мнѣніе будто евангелическое исповѣданіе падаетъ и по связи съ этимъ на успѣхи ритуалистовъ особенно въ послѣднее время. Въ виду этихъ обстоятельствъ дѣятельность общества по мнѣнію епископа должна служить доказательствомъ неослабѣвающей силы евангеликовъ. За рѣчью епископа доргэмскаго слѣдовала рѣчь Френча—миссіонера изъ Лагоры, въ которой описывая успѣхи миссіонерскаго дѣла въ Пѣнджабѣ и Лагорѣ онъ съ благодарностію говорилъ о той помощи, которую миссіонеры находили въ христіанскихъ женщинахъ и чиновникахъ. Давидъ Феннъ, миссіонеръ изъ Мадраса, произнесъ интересную рѣчь о дѣятельности общества въ Тинневиллѣ и о дѣятельности американскаго отдѣла иностранныхъ миссій; и лондонскаго миссіонерскаго общества отъ агентовъ которыхъ онъ получилъ столько знаковъ дружескаго расположенія, какъ бы это были близкіе товарищи по дѣлу. Отъ времени до времени у нихъ составлялись конференціи, на которыя собирались члены отъ всѣхъ тридцати миссіонерскихъ обществъ; на этихъ конференціяхъ предметы первостепенной важности обсуждаемы были самымъ дружескимъ образомъ. Въ концѣ своей рѣчи онъ упомянулъ о состояніи древней и падшей сирійской церкви и выразилъ убѣжденіе, что тамъ замѣчается повсюду релігіозное оживленіе, которое распространяется отъ общины къ общинѣ и на которое по его мнѣнію слѣдуетъ призывать всѣ благословенія. Собраніе имѣло еще и вечернее засѣданіе, на которомъ предсѣдательствовалъ епископъ рипанскій и на которомъ были читаны сообщенія многихъ миссіонеровъ.

Лондонское миссіонерское общество. Годичное собраніе общества по обыкновенію происходило въ Эвзетеръ-галлѣ подъ предсѣдательствомъ Альдерминга Артура. Въ рѣчи, которую онъ открылъ засѣданіе, онъ высказалъ убѣжденіе, что лондонское миссіонерское общество въ настоящее время служить примѣромъ для всѣхъ церквей. Онъ перечислилъ труды и успѣхи общества начиная съ первой, устроенной имъ, миссіи въ южныхъ моряхъ и кончая миссіею, устроенною въ Мадагаскарѣ. Затѣмъ д-ръ Молленсъ прочиталъ отчетъ. Изъ отчета видно, что полное число миссіонеровъ, состоящихъ на службѣ общества, простирается до 156, въ числѣ ихъ 38 миссіонеровъ студентовъ. Обыкновенныя полученія отъ подписокъ, пожертвованій и сборовъ продолжали увеличиваться и достигли высшей цифры сравнительно съ предшествующимъ годомъ. Сумма, образовавшаяся такимъ образомъ въ кассѣ общества была столь значительна, что по случаю специальныхъ расходовъ, причиненныхъ расширеніемъ миссій въ Мадагаскарѣ и Новой Гвинее директоръ общества не были вынуждены обращаться къ резерву. За шесть лѣтъ доходы общества простирались до 100,000 фунтовъ и теперь для общества настало время озаботиться объ увеличеніи миссій общества въ Индіи и Китаѣ, что служить предметомъ желательнымъ для общества съ давнихъ поръ. Многія страницы отчета были посвящены мадагаскарской миссіи. Въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ директоръ прибавилъ къ наличному числу англійскихъ миссіонеровъ, трудящихся на Мадагаскарѣ, еще нѣсколько новыхъ и увеличили число ихъ съ 12 до 33. Учреждены были новые миссіонерскіе станы съ англійскими миссіонерами въ нѣкоторомъ разстояніи отъ главнаго города. Въ Южной Африкѣ миссіи общества были сильны и людьми и дѣятельностію; эта дѣятельность безостановочно шла въ продолженіе всего года. Затѣмъ директоръ общества снова свидѣтельствуютъ предъ всѣми друзьями общества о тѣхъ преслѣдованіяхъ, которыя безжалостно воздвигаются римско-католическими миссіонерами въ Новой Каледоніи противъ обращенныхъ миссіонерами лондонскаго общества на островѣ Увеа. Эти обращенные были подвергаемы многимъ несправедливостямъ, въ продолженіе болѣе чѣмъ 12 лѣтъ. Не разъ было дѣлаемо обращеніе къ челоуѣколюбію священниковъ, къ справедливости и гуманности мѣстныхъ властей, но все напрасно. Миссія въ Новой Гвинее, позднѣйшее изъ предпріятій общества, въ продолженіе послѣдняго года получила опредѣленную форму. Въ Китаѣ были сдѣланы обычныя прибавленія къ количеству церквей. По прочтеніи отчета слѣдовала рѣчь Роджера, въ которой изобразивъ сначала безумныя возгласы современнаго невѣрія о томъ, будто бы Евангеліе отжило свое время, будто бы современная наука и критика нанесли ему смертный ударъ,

онъ выражаетъ увѣренность, что Евангеліе и теперь остается тѣмъ же тѣмъ было всегда т. е. могущественною силою на спасеніе, при посредствѣ которой мы уповаемъ возродить міръ: это упованіе побуждаетъ насъ идти къ язычникамъ дабы принести имъ вѣчное спасеніе; мы идемъ къ нимъ, говорилъ онъ, еще потому, что и за нихъ Христосъ распялся“. Послѣ Роджера говорилъ Жоржъ Кузенсъ, миссіонеръ съ Мадагаскара, представившій очеркъ исторіи миссіонерской дѣятельности на Мадагаскарѣ. Въ своей рѣчи онъ между прочимъ говорилъ: „Сами туземцы совершали миссіонерское дѣло на Мадагаскарѣ, въ очень рѣдкихъ случаяхъ бываетъ, что миссіонеръ идетъ впереди. Туземецъ есть тотъ піонеръ, который въ своей собственной странѣ пролагаетъ путь Евангелію. Солдаты дѣлаютъ тоже дѣло. Посланные на службу правительствомъ, если они христіане, солдаты берутъ съ собою Евангеліа и когда ихъ застаютъ воскресный день въ мѣстности; со всѣхъ сторонъ окруженной язычниками, то они отправляютъ богослуженіе въ своемъ кругу; къ нимъ присоединяются язычники. Пройдетъ годъ, другой и мы отправляемъ посланіе въ главный городъ съ извѣщеніемъ объ образованіи конгрегаціи въ такой-то мѣстности.... Затѣмъ ораторъ перешелъ къ изображенію тѣхъ затрудненій, съ которыми приходится бороться миссіонерамъ. Указавъ на нѣкоторые онъ подробнѣе остановился на одномъ какъ на главнѣйшемъ. Таковымъ по его мнѣнію; служить безусловный деспотизмъ правителей, простирающійся до того, что даже семейныя дѣла, въ родѣ бракосочетанія и похоронъ, не могутъ быть совершаемы безъ особаго разрѣшенія правителя; народъ не имѣетъ ни малѣйшаго представленія о какой-либо свободѣ дѣйствій; въ виду этого обстоятельства отъ миссіонеровъ требуется много ловкости и умѣнья ладить съ правителями, чтобы послѣдніе своимъ внимательствомъ не мѣшали ихъ дѣлу“. Затѣмъ слѣдовало еще нѣсколько рѣчей, изъ которыхъ послѣднею была рѣчь Вилькинса—миссіонера изъ Калькутты, свидѣтельствовавшего объ оживленіи религіознаго чувства между всѣми христіанами, населяющими Индію и въ заключеніи своей рѣчи говорившаго объ особенной важности женскаго воспитанія въ Индіи и Китаѣ.

Веслейанское миссіонерское общество. На годичномъ собраніи этого общества, которое по обыкновенію происходило въ Эксетеръ-галлѣ, предсѣдательствовала Лордъ Джемсъ Фальшоу. Отчетъ, читанный Перисомъ, показывалъ что доходы общества (свыше 3,000 фун.) продолжали оставаться въ томъ же видѣ, какими были въ послѣдніе годы. Обзоръ дѣятельности общества раздѣлялся на нѣсколько главъ: 1) ирландскія и континентальныя миссіи; 2) колониальныя миссіи; 3) миссіи къ африканскимъ племенамъ въ Западной Индіи

и Западной Африкѣ; 4) миссіи въ Индіи Цейлонѣ и Китаѣ; 5) австра-
 лійскія миссіи. Острова Дружбы принадлежали уже къ христіанскому
 исповѣданію. Король Георгъ былъ сердечно привязанъ къ миссіонерамъ.
 Въ отчетѣ говорилось объ островахъ Фиджи, которые въ недавнее время
 поступили подъ владычество Британіи. Отчетъ представилъ краткій
 очеркъ учрежденія миссій въ Новой Британіи и Новой Ирландіи и въ
 некоторыхъ другихъ островахъ близъ восточнаго берега Гвинеи. Отчетъ
 показывалъ, что общество имѣло главныхъ станомъ, называемыхъ окру-
 гами, до 944 во всемъ свѣтѣ; капеллъ и другихъ богослужбныхъ мѣстъ
 7,047; священниковъ и помощниковъ миссіонеровъ, включая сюда и
 сверхштатныхъ 1,224; агентовъ, катихизаторовъ, школьныхъ учителей,
 получающихъ жалованье—4,840; не получающихъ жалованья агентовъ,
 учителей—25,307; число церковныхъ членомъ простиралось до 174,834;
 находится на испытаніи и готовится къ поступленію въ число церков-
 ныхъ членомъ—17,173; ученикомъ школь—267,692; типографскихъ учреж-
 деній—4. Предсѣдатель привѣтствовалъ общество съ настоящимъ про-
 цвѣтаніемъ и успѣхами общества. Общество дѣйствуетъ въ согласіи съ
 другими христіанскими миссіями и для достиженія тѣхъ же цѣлей упо-
 требляетъ различныя средства; свою рѣчь онъ окончилъ обзоромъ дѣ-
 ятельности общества и упоминаніемъ о тѣхъ измѣненіяхъ, которыя
 сдѣланы въ дѣятельности миссій—на островѣ Фиджи. За чтеніемъ от-
 чета и обычною рѣчью предсѣдателя слѣдовали рѣчи некоторыхъ дру-
 гихъ членомъ, присутствовавшихъ на собраніи. Первымъ изъ нихъ го-
 ворилъ Покшонъ, а за нимъ деканъ кэнтерберійскій. Свою рѣчь онъ
 началъ выраженіемъ удовольствія, которое доставляетъ ему присутствіе
 на этомъ собраніи такъ какъ онъ въ продолженіе многихъ лѣтъ слы-
 шалъ самыя почтительныя отзывы объ этомъ обществѣ. Онъ увѣренъ,
 что вліянію общества весьма много обязана своимъ характеромъ жизнь,
 отличающая церковь англиканскую. Еслибы Джонъ Веслей теперь во-
 скресъ то онъ увидалъ бы въ церкви искренность и истинное благо-
 честіе, которое въ его время было подавлено формализмомъ. Перешедшій
 затѣмъ къ разсужденію о завоеваніяхъ, дѣлаемыхъ папствомъ, деканъ
 соглашался съ тѣмъ, что собственно англиканская церковь не сдѣлала
 ничего, чтобы поддержать себя, но за то веслейанское общество было
 дѣятельно и успѣло основать 4 общины въ самомъ Римѣ. Упомянувши
 затѣмъ о своемъ путешествіи въ Америку деканъ сообщилъ, что встрѣ-
 тилъ тамъ блистательныя успѣхи дѣятельности общества. Свою рѣчь
 деканъ заключилъ похвалою настоящему столѣтію, которое особенно
 обратило вниманіе на миссіонерское дѣло, дѣло просвѣщенія свѣтомъ
 евангелія язычниковъ; будучи добрымъ дѣломъ само въ себѣ, онъ бу-
 детъ сопровождаться благими послѣдствіями не для тѣхъ только, къ

которымъ посылають миссіонеровъ, но и для тѣхъ, которые посылають миссіонеровъ.

Баптистское миссіонерское общество. Годичное собраніе баптистскаго миссіонерскаго общества, происходившее въ Экзетеръ-галлѣ, было на этотъ разъ не столь многочисленно, какъ въ предшествовавшіе раза. Мѣсто предсѣдателя занималъ Брайтъ изъ Бирмингама, а отчетъ былъ читанъ д-ромъ Ундергиллемъ. Изъ отчета видно, что общество начинаетъ новый 1875—6 года безъ долговъ. Девять новыхъ миссіонеровъ, находящихся въ союзѣ съ обществомъ, посвятили себя на дѣло служенія Господу. Туземныя церкви въ Индіи представляютъ полное доказательство ихъ божественнаго призванія. Толпы народа окружають миссіонера, чтобы послушать отъ него „благую вѣсть“. Библия распространяется десятками тысячъ экземпляровъ. Въ Цейлонѣ еженедѣльно были отправляемы богослуженія, привлекавшія до 3,000 человекъ: 26 человекъ было крещено, а 49 ожидаетъ крещенія. Прибавьте къ этимъ 81 человекъ, находящихся на испытаніи. Нивы уже готовы къ жатвѣ. Послѣ вступительной предсѣдательской рѣчи говорилъ Ганжи. Онъ говорилъ такимъ образомъ: „Когда нашъ секретарь читалъ отчетъ, и когда нашъ предсѣдатель произносилъ свою вступительную рѣчь, я чувствовалъ, что изображаемое дѣло столь велико, столь обширно, столь почтено, что нельзя невидѣть доказательства того, что Богъ съ нами. А какъ часто у насъ не хватаетъ терпѣнія обзрѣть его съ его внѣшней и внутренней стороны. Мы смотримъ назадъ, впередъ, на право, налѣво, на себя, на людей, а забываемъ смотрѣть прямо. Не такъ ли бываетъ и съ священнослуженіемъ“. Мы часто, когда наша вѣра ослабѣваетъ, слишкомъ много заботимся о подборѣ текстовъ, о составленіи проповѣдей, о произнесеніи ихъ, о собраніи конгрегации, а какой результатъ? Почему священнослуженіе становится бременемъ тяжелымъ и неудобноносимымъ? оно умерщвляетъ человекъ. Еслибы мы думали въ себѣ такъ: Помогни мнѣ Боже избрать текстъ, произнести проповѣдь, собери конгрегацию“, то утромъ въ воскресенье мы не шли бы на каедрю какъ идетъ человекъ на эшафотъ, но привѣтствовали бы утро воскресенья и съ свѣтлымъ сердцемъ шли бы на дѣло Божіе: „вотъ что слѣдуетъ намъ искать въ отчетахъ о дѣятельности общества. Нечего смотрѣть много на секретарей, — они дѣлають свое дѣло вполне правильно и точно. Нечего много смотрѣть на комитеты, на подписные листы, на число священниковъ, нужно смотрѣть на Бога и онъ дастъ вамъ успѣхъ. Мы ловцы для Иисуса—ловцы человекъ. Не смотрите слишкомъ много на корабли, на сѣти, на крѣпкія снасти у нашихъ братьевъ, на свою собственную силу и искусство, но взирайте на присутствіе Того, Кто стоитъ на кормѣ корабля, по

слову, котораго вы бросаете съѣзъ одесную страну корабля; если мы будемъ помнить о этомъ присутствіи Его, повиноваться Его голосу, мы будемъ забрасывать свои сѣти туда, гдѣ рыбы въ изобиліи, и сѣти даже будутъ проторгаться и т. д. „Говорившій затѣмъ Бронъ отвѣчалъ на нѣкоторыя возраженія, которыя дѣлаются противъ миссій. Д-ръ Кэрнсъ, изъ Бервина, обратилъ затѣмъ вниманіе на великую отвѣтственность по отношенію къ церкви и обществу, которая лежитъ на христіанахъ, и побуждалъ слушателей бодрствовать въ чувствѣ величія теперешняго кризиса и важности настоящаго времени.

Общество распространенія Евангелія въ иностранныхъ земляхъ. Годичное собраніе этого общества происходило подъ предсѣдательствомъ архіеп. кэнтерберійскаго. Большая часть отчета была посвящена распространенію Евангелія въ Азіи. На попеченіи общества находилась 503 посвященныхъ миссіонера, которые были распределены слѣдующимъ образомъ: 127 въ Азіи, 98 въ Африкѣ, 53 въ Австраліи и на Тихомъ Океанѣ, 224 въ Америкѣ и Востокѣ Индіи; 1—въ Европѣ. Сюда же включены и 42 человѣка изъ туземнаго духовенства въ Индіи. На попеченіи же общества находилось кромѣ того 828 катихизаторовъ, и свѣтскихъ проповѣдниковъ въ иностранныхъ земляхъ и свыше 141 студента въ иностранныхъ коллегіяхъ. Послѣ рѣчи предсѣдателя говорили: Перстъ о туземныхъ племенахъ на Тихомъ Океанѣ, — Колдуэлль, изъ Тинневилля, о нарѣчіяхъ Индіи, въ ихъ отношеніи къ миссіонерскому дѣлу, и епископъ морской.

Общество распространенія религіозныхъ сочиненій. Семдесятъ шестое годичное собраніе этого общества происходило въ Экзетеръ-галлѣ, подъ предсѣдательствомъ Блаквуда. Секретарь общества д-ръ Девисъ прочиталъ отчетъ, изъ котораго видно что въ продолженіе года изданія общества изъ внутреннихъ складовъ простирались до 46,536,057, и такимъ образомъ превышали на 1,733,597 изданія прошлаго года. Къ этому нужно прибавить 10,000,000 годичныхъ изданій въ заграничныхъ складахъ включая сюда Европу, Индію, Китай и Африку. Со времени образованія общества выпущено было 1,595,000,000 изданій. Пожертвованія на изданія простирались до 8,045 ф. Миссіонерскіе расходы простирались до 28,328 ф. эти расходы состояли въ заграничномъ счетѣ денегъ, платѣ за бумагу и изданія, жалованья эмигрантамъ, распространеніи школьныхъ библіотекъ, содержаніи книгоношъ и пр. Послѣ рѣчи предсѣдателя произнесъ рѣчь д-ръ Гэллей, который сравнивалъ прошедшее и настоящее и всѣ преимущества находилъ на сторонѣ послѣдняго; замѣчается, говорилъ онъ, удивительное измѣненіе. Въ чемъ же? Въ распространеніи религіознаго

воспитанія и распространенія религіозной литературы. Вотъ два дѣла на которыя Богъ послалъ свое благословеніе. Онъ благословляетъ Бога за вышнюю помощь, ниспосланную имъ субботнимъ школамъ и за ту религіозную литературу, которую распространяетъ это общество. Общество совершило удивительное дѣло. Онъ увѣренъ, что общество изданія сочиненій совершило такое доброе дѣло, какое совершить едва ли удалось какому-либо другому обществу. Каноникъ Тринстрэмъ, говорившій послѣ этого, излагалъ тѣ причины, которыя связываютъ его съ обществомъ; онъ чувствуетъ себя связаннымъ съ обществомъ въ качествѣ миссіонера, въ качествѣ человѣка науки и въ качествѣ churchman'a. Послѣ этого слѣдовали еще двѣ—три рѣчи въ подобномъ же родѣ.

Общество церковно-настырскаго вспоможенія. Годичное собраніе этого общества подъ предсѣдательствомъ графа Шефтсбюри происходило съ Сень-Джемсъ-галлѣ. Изъ отчета видно, что годичныя приношенія общества состояли въ слѣдующемъ: отъ духовныхъ лицъ 604, свѣтскихъ лицъ 222, всего 826. Благодаря усиліямъ общества теперь отправляется 825 добавочныхъ богослуженій въ воскресенье, сверхъ того 584 ежедневныхъ богослуженій, содержится 844 читальни и 942 библейскихъ классовъ. Пожертвованія общества были употреблены на построеніе и открытіе 323 церквей и капеллъ; въ округахъ, которые въ настоящее время получаютъ вспоможеніе общества, 311 залъ употребляются для божественныхъ службъ. Епископъ глочестерскій и брестольскій, который говорилъ первымъ, указывалъ на необходимость дѣлать все для поддержанія общества и затѣмъ говорилъ объ обязанности, служителя Евангелія высказывать истину со всею христіанскою ясностію и бороться со всѣми тѣми, которые отвергаютъ ее. По поводу послѣдней мысли онъ ссылался на епископа оксфордскаго, который въ своей послѣдней рѣчи къ духовенству говорилъ, „что весьма значительное число людей получившихъ ученныя степени и занимающихъ должности или въ университетѣ или въ коллегіяхъ, только по имени христіане“. Послѣ него Вудвордъ говорилъ о духовномъ состояніи Ливерпуля и представилъ печальный очеркъ деморализованнаго состоянія народонаселенія, состоящаго почти изъ полумилліона жителей; но при этомъ онъ указывалъ, что даже среди этой массы, огрубѣвшей, невѣжественной, звѣрской существуютъ зародыши добра; гласъ евангельскій не молчитъ даже на такихъ округахъ. Въ заключеніе засѣданія говорилъ предсѣдатель напомнившій—рѣчь еп. Глочестерскаго, предсѣдатель подтвердилъ необходимость распространять Евангеліе особенно между рабочими классами; особенно указывалъ онъ на необходимость говорить къ рабочему классу

языкомъ простымъ и общепонятнымъ; для своихъ рѣчей избирать предметы всего болѣе могущіе дѣйствовать на сердце рабочаго — о прощеніи грѣховъ и Христовомъ искупленіи, какъ единственномъ средствѣ получить прощеніе грѣховъ. Въ подтвержденіе своихъ мыслей предсѣдатель ссылался на примѣръ г. Муди и Санкея; первый по крайней мѣрѣ не получилъ высшаго образованія, а между тѣмъ своими проповѣдями производилъ громадное вліяніе на слушателей; это потому, что его проповѣди отличались простотою, безыскусственностью и прямо дѣйствовали на сердце слушателей.

Миссія лондонскаго Сити. Сороковое годовое собраніе миссіи лондонскаго Сити происходило въ Экзетеръ-галлѣ, подъ предсѣдательствомъ Джозефа Гоара. Изъ отчета видно, что въ истекшемъ году агентами миссіи было сдѣлано до 3,000,000 посѣщеній; 275 къ больнымъ и умирающимъ; было роздано 3,500,000 сочиненій; 1,900,000 лицъ собиралось на митинги миссіи; было роздано 7,000 Библій; 200,000 лицъ брали на себя трудъ проповѣдывать на фабрикахъ и заводахъ. Между результатами, достигнутыми трудами общества, заслуживаютъ упоминанія слѣдующія: 1,600 пьяницъ были излечены отъ пагубной страсти; 1,600 новыхъ причастниковъ присоединилось къ церквямъ, 300 человекъ возвращено къ товариществамъ, изъ которыхъ они были исключены за свой образъ жизни.

Годичное собраніе общества школъ оборванцевъ происходило въ Экзетеръ-галлѣ, подъ предсѣдательствомъ графа Шефтсбюри. Хоры были занаты 500 мальчиками и дѣвочками, которые разнообразныя гимны и пѣснопѣнія, подъ управленіемъ Прудмана, Гентъ читалъ отчетъ, изъ котораго видно, что до 600 подарковъ было роздано предсѣдателемъ мальчикамъ и дѣвочкамъ въ видѣ награды за постоянство въ поведеніи въ продолженіе года. Въ продолженіе года 358 чистильщиковъ башмаковъ выручили 11,000 ф. Послѣ этого предсѣдателемъ были розданы награды учителямъ школъ за ихъ труды по обученію оборванцевъ. Рѣчи были произнесены предсѣдателемъ, епископомъ Клофтонскимъ, г. Флемингомъ и Кэдменомъ.

Опуская отчеты о годовыхъ собраніяхъ нѣкоторыхъ другихъ обществъ мы считаемъ не лишнимъ помѣстить таблицу доходовъ всѣхъ благотворительныхъ обществъ, существующихъ въ Англіи, по которой можно судить и о томъ положеніи, въ какомъ находится теперь въ Англіи дѣло благотворительности и о томъ сочувствіи, какимъ пользуется она тамъ.

Доходы благотворительныхъ обществъ по годовичнымъ отчетамъ.

1874 г. 1875 г.

Библейское общество фун. 220,964 222,191 фун. стерл.

Главнѣйшія миссіонерскія общества:

Веслейанское миссіонерское общество . . .	167,995	179,946	фун.	стерл.
Церковно миссіонерское общество	261,221	175,835	—	—
Общество распространенія Евангелія . . .	110,259	134,826	—	—
Лондонское миссіонерское общество . . .	115,909	103,553	—	—
Баптистское миссіонерское общество . . .	40,255	40,121	—	—
Моравскія миссіи	18,017	18,371	—	—
Южно-американское миссіонерское обще- ство	11,788	13,727	—	—
Англійскія пресвитеріанскія миссіи	8,971	10,248	—	—
		676,627	—	—

Миссіи въ колоніяхъ, между евреями и другія:

Методистскія миссіи	35,207	46,707	—	—
Общество распространенія христіанства среди евреевъ	35,533	37,317	—	—
Общество церквей въ колоніяхъ и на кон- тинентѣ	35,238	36,364	—	—
Миссіи методистскихъ свободныхъ церквей.	14,548	11,019	—	—
Британское общество для евреевъ	7,657	8,076	—	—
Евангелическое континентальное общество.	3,121	3,878	—	—
Общество вспомошествованія иностран- цамъ	3,625	3,510	—	—
Колоніальное миссіонерское общество . .	2,953	3,252	—	—
		150,122	—	—

Внутреннія миссіи:

Общество сверхштатныхъ викаріевъ . . .	55,270	60,960	—	—
Общество церковно-пастырскаго вспомо- шествованія	58,955	56,546	—	—
Миссія лондонскаго Сити	40,670	46,070	—	—
Веслейанскія внутреннія миссіи	30,000	32,000	—	—
Фондъ лондонскаго епископа	36,987	25,515	—	—
Ирландскія церковныя миссіи	23,513	22,987	—	—
Общество построенія церквей	7,850	12,623	—	—
Миссіи для моряковъ	8,000	10,722	—	—
Общество читателей церковно-англикан- скихъ писаній	9,438	10,254	—	—
Общество читателей военныхъ сочиненій.	8,682	9,156	—	—
Общество протестантской реформаціи . . .	4,413	7,367	—	—
Общество британскихъ и иностранныхъ мо- ряковъ	5,655	5,704	—	—

Британскія и ирландскія баятистскія внутреннія миссіи:.....	4,800	5,100	фун. стерл.	
Внутренне-миссіонерское общество.. . . .	5,176	4,512	—	—
Тюремныя миссіи.	3,766	4,418	—	—
Ирландско-евангелическое общество.	3,025	2,964	—	—
Общество читателей королевско-флотскихъ сочиненій	1,800	2,163	—	—
Общество полуночныхъ митинговъ.	3,599	1,916	—	—
		320,977	—	—

Религіозно-воспитательныя общества:

Общество британскихъ и заграничныхъ школь.	11,215	20,547	—	—
Общество индійскихъ женскихъ школь.	7,891	8,723	—	—
Общество христіанскаго воспитанія въ Индіи.	9,760	8,668	—	—
Комитетъ веслейанскаго воспитанія.	7,878	8,654	—	—
Общество внутреннихъ и колониальныхъ школь.	6,416	7,660	—	—
Ассоціація британскихъ сирійскихъ школь.	5,578	5,966	—	—
Общество школь оборванцевъ.	3,805	3,789	—	—
Общество воскресныхъ школь.	2,669	3,016	—	—
		67,023	—	—

Смѣшанныя общества:

Общество религіозныхъ сочиненій.	137,705	144,566	—	—
Церковная ассоціація.	7,749	7,858	—	—
Книжное общество	7,541	7,105	—	—
Христіанская ассоціація молодыхъ людей.	3,971	3,659	—	—
Общество мѣсячныхъ сочиненій.	3,051	3,062	—	—
Общество библейскихъ переводовъ.	1,974	2,438	—	—
Христіанская ассоціація молодыхъ женщинъ.	1,476	1,878	—	—
Учрежденіе церковно англиканскихъ воскресныхъ школь.	1,067	1,391	—	—
Общество соблюденія воскреснаго дня.	934	1,000	—	—
		172,957	—	—

НОВЫЙ ПРУССКІЙ ЗАКОНЪ О СТАРОКАТОЛИКАХЪ.

На дняхъ обнародованъ новый прусскій законъ о правахъ старокатолическихъ общинъ на пользованіе имуществами католической церкви, утвержденный 4-го іюля императоромъ.

Законъ устанавливаетъ пользованіе имуществами католической церкви въ тѣхъ общинахъ, коихъ члены въ значительномъ числѣ перешли въ старокатоличество. Старо-католической общинѣ предоставляется пользованіе церковью и церковнымъ дворомъ. Если есть много храмовъ, то они могутъ быть раздѣлены между католиками и старокатоликами. Если большинство членовъ перешло въ старо-католическую общину, то этой послѣдней предоставляется пользованіе храмомъ въ обычные для богослуженія часы. Вакантная церковная приходская должность, въ случаѣ численнаго перевѣса старокатоликовъ въ общинѣ, предоставляется имъ. При многихъ вакансіяхъ, если будетъ позволять численное отношеніе между католиками и старокатоликами, устанавливается раздѣлъ между тѣми и другими. При незначительномъ числѣ католиковъ, старокатоликамъ предоставляется полное обладаніе этими должностями. Въ этомъ случаѣ, изъ среды старокатоликовъ избирается новое церковное попечительство и представительство церковной общины. Таковъ въ главныхъ чертахъ новый законъ о старокатоликахъ.

Прусская законодательная власть, предоставляя старокатоликамъ, въ случаѣ численнаго перевѣса ихъ надъ католиками въ какомъ-нибудь городѣ или отдѣльной общинѣ, пользованіе католическими храмами, владѣніями и доходами, открывая имъ для богослуженія даже двери соборныхъ храмовъ, давая возможность овладѣвать безраздѣльно церковными имуществами, дѣлаетъ весьма рѣшительный и важный по возможнымъ послѣдствіямъ шагъ.

Религиозная партія, отколовшаяся отъ Римской церкви послѣ Ватиканскаго собора, признанная въ Римѣ еретическою и осмѣянная католическою печатью, какъ „профессорская оппозиція“, послѣ Мюнхенскаго и Кельнскаго конгрессовъ проявила свою жизнь организаціей церковныхъ обществъ и завершила свое устройство избраніемъ епископа и установленіемъ синодовъ. Еще прежде, съ самаго зарожденія старокатолическаго движенія, прусское правительство приняло благоприятную для него точку зрѣнія, рѣшивъ предоставить старокатоликамъ права какими пользовались въ государствѣ католики. Этотъ принципъ благоприятнаго отношенія къ старокатоликамъ, по мнѣнію офиціозной *Provincial-Correspondenz*, былъ выраженъ еще въ 1871 году тогдашнимъ министромъ духовныхъ дѣлъ Мюлеромъ: „если (въ ученіи церкви) произойдетъ перемѣна, какъ совершилось это чрезъ (Ватиканскую) кон-

ституцію, 18 іюля 1870 года, то государство не обидно, да и не правомочно, приверженцевъ стараго ученія въ ихъ отношеніи къ государству, трактовать какъ отступниковъ. Они не теряютъ своего права на покровительство государства отъ того, что церковь измѣнила содержаніе своего ученія, и это покровительство сохраняется за ними по прежнему. Вѣрно этому воззрѣнію, прусское правительство, несмотря на колебанія старокатоликовъ, несогласіе ихъ между собою въ церковномъ ученіи и богослуженіи, неопредѣленность въ воззрѣніяхъ на самаго папу, постоянно благопріятствовало имъ; въ короткое время, въ нѣсколько лѣтъ, общины старокатоликовъ получили государственное признаніе, за старокатолическими духовными было сохранено государственное содержаніе, Рейнкенсъ былъ признанъ императоромъ въ санѣ епископа, въ государственный бюджетъ внесена была особая сумма на старокатоликовъ. Они были не только признаны государствомъ въ качествѣ дозволенной религіозной сѣты, но были постепенно возводимы въ положеніе равное съ католиками, и поднимались, несмотря на свою малочисленность и неустойчивость, до значенія государственной церкви какое имѣетъ въ Пруссіи католицизмъ. Новый законъ довершаетъ такъ недавно начатый процессъ уравниенія правъ старокатоликовъ съ католиками.

Насколько этотъ законъ послужитъ къ развитію и усиленію старокатолическаго движенія судить трудно. Умноженіе членовъ какой-либо церкви зависитъ, какъ говорить намъ опытъ исторіи, не отъ внѣшняго юридическаго положенія церкви въ государствѣ, а отъ внутренней силы живущей въ ея ученіи и управленіи. Но старокатоличество еще не окрѣпло внутренно; оно не развило своей внутренней силы. Это видно изъ того, что оно еще не рѣшило основнаго вопроса, должно ли оно стоять на зыбкой почвѣ Тридентинскаго католичества, или твердою стопой перейти на почву единой нераздѣльной Церкви. Въ этомъ внутреннемъ колебаніи главнымъ образомъ кроется причина слабости его распространенія и малаго авторитета для простыхъ вѣрующихъ. Но нельзя не признать, что вмѣстѣ съ предоставленіемъ духовнымъ переходящимъ въ старокатоличество правъ на сохраненіе доходовъ, а мірянамъ права молиться въ тѣхъ же храмахъ гдѣ они молились и прежде, будетъ устранено препятствіе къ переходу въ старокатолицизмъ тѣхъ кто удерживается въ папизмѣ страхомъ лишенія опредѣленнаго богослуженія и даже матеріальныхъ средствъ. Можно думать, что и духъ вождей старокатоличества, легальнымъ обезпеченіемъ ихъ церковныхъ общинъ и предоставленіемъ храмовъ, ободрится для болѣе энергической дѣятельности.

Но нѣтъ сомнѣнія, что только съ умноженіемъ числа старокатоли-

ковь ультрамонтанство въ Германіи можетъ понятии. Кажется, что и врусское правительство не чуждо надежды, что изъ старокатоликовъ со временемъ образуется національная католическая церковь безъ папы. Но что такое католическая церковь безъ папы, если это не есть православная церковь? Можетъ ли держаться этотъ такъ-называемый старокатолицизмъ, оторвавшійся отъ Рима и не приставшій къ востоку?

Пожелаемъ, чтобы старокатоличество, при новыхъ благоприятныхъ, хотя и внѣшнихъ политическихъ условіяхъ существованія въ Германіи, созданныхъ новымъ закономъ, окрѣпло внутренно и отрѣшившись отъ парализующихъ его жизнь колебаній шло твердою стопой къ созданію германской національной церкви на незыблемыхъ оснаваніяхъ древней нераздѣльной вселенской церкви.

Въ настоящее время представители старокатоличества въ Германіи трудятся надъ выработкой катехизиса и чина богослуженія, и готовятся къ Боннской конференціи, имѣющей быть въ августѣ мѣсяцѣ, на которую приглашены, вмѣстѣ съ богословами греческой церкви, депутаты и отъ нашего Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія.

ИЗБРАНІЕ ЕПИСКОПА НАЦІОНАЛЬНОЙ ИТАЛЬЯНСКОЙ КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ.

Извѣстный нашимъ читателямъ статутъ этой церкви одобренъ особо назначенною для того комиссіею и 4 (16) мая происходила въ Неаполѣ присяга избраннаго епископа Панелли на вѣрность вновь образовавшейся церкви и ея статуту.

Въ 11 часовъ утра должностныя лица общества и многочисленныя члены его собрались въ домовую церковь монсиньора Панелли, посреди которой водружена была хоругвь общества, поддерживаемая ветераномъ отечественныхъ войнъ Іустиномъ Файвано. Президентъ и главный секретарь общества, въ присвоенной имъ одеждѣ и опоясанные трехцвѣтнымъ шарфомъ, помѣстились близь алтаря. Нѣсколько минутъ спустя, вошелъ въ церковь, въ фіолетовой одеждѣ, архіепископъ, сталъ на колѣна предъ алтаремъ, прочелъ тайную молитву и затѣмъ, облекшись въ ризы, въ сослуженіи двухъ священниковъ, совершилъ литургію. По окончаніи оной президентъ, въ сопровожденіи секретаря, подошелъ къ хоругви и пригласилъ присутствующихъ съѣсть. Архіепископъ, въ ризахъ и митрѣ, занялъ мѣсто близь алтаря. Затѣмъ президентъ

произнесъ глубоко-прочувствованную рѣчь, въ которой, указавъ назначеніе присяги для истинныхъ послѣдователей Иисуса Христа и охарактеризовавъ присягу, даваемую латинскими епископами папѣ и бывшимъ королямъ неаполитанскимъ,—присягу, чрезъ которую они дѣлались полными рабами папы и королей, теряли свой священный характеръ, и оставались лишь „служителями страшной инквизиціи, присяжными шпионами безграницной тирании, грозными орудіями рабства совѣсти, непримиримыми врагами всякой свободы, волками и палачами христіанскаго народа“,—объяснилъ смыслъ присяги, къ которой приглашался епископъ ново-организованной церкви. По словамъ президента, присяга сего послѣдняго есть полное выраженіе апостольскихъ обязанностей истиннаго католическаго пастыря и его, полного христіанской любви, назначенія посреди народовъ. Епископъ національно-итальянской католической церкви, продолжалъ президентъ, присягнетъ на то, чтобы поддерживать и защищать единныя права Иисуса Христа, свободы и отчизны, права истины, правды и любви, за которыя онъ обязывается предъ Богомъ и его церковію жертвовать даже жизнь свою; на то наконецъ, что онъ будетъ проповѣдывать права и обязанности исполненнаго народа, т. е. братство и миръ во всѣхъ отношеніяхъ жизни общественной и гражданской. Да, монсиньоръ, сказалъ въ заключеніе президентъ, обратившись къ епископу, въ сей день, когда церковь воспоминаетъ одну изъ самыхъ утѣшительныхъ своихъ тайнъ,—тайну даровъ, проліянныхъ Духомъ Святымъ на апостоловъ; даровъ премудрости и свободы, коими они должны были покорить кресту язычскій міръ, мы даемъ вамъ правомѣрную власть благодати и любви надъ нашею совѣстію и церковію,—власть, которою вы будете пользоваться безъ сомнѣнія подъ наитіемъ Того, Кто былъ кротокъ и смиренъ сердцемъ; на чьихъ устахъ не было иныхъ рѣчей, кромѣ словъ любви и милосердія: Который проклинаемый благословлялъ, гонимый благовѣствовать страждущимъ, святить и освобождать чернь, и, умирая на крестѣ позора жертвою Своей безконечной любви, молился за Своихъ распинателей. Эта власть, вручаемая вамъ нами свободно и добровольно, заслужитъ вамъ вѣчную славу и блаженство, если, какъ мы въ томъ увѣрены, вы будете бодрственнымъ, благоразумнымъ и незапятнаннымъ стражемъ и правителемъ,—или, отъ чего да избавитъ Господь, вѣчный позоръ и угрызеніе, если будетъ иначе.

По окончаніи этой рѣчи, главный секретарь общества прочиталъ актъ избранія и официальную записку, кою сообщалось монсиньору Доминику Панелли, архіепископу города Лидды, объ избраніи его первымъ епископомъ національно-итальянской католической церкви. За-

гѣмъ президентъ общества, кавалеръ Прота-Джіурлео взялъ Евангеліе, развернулъ и поднесъ его избранному епископу, который, положивъ на священную книгу правую руку, громко и раздѣльно прочиталъ ниже-слѣдующую формулу присяги:

„Я, Доминикъ Панелли, архіепископъ города Лидды, избранный епископомъ національно-итальянской католической церкви, приежду и клянусь святымъ Евангеліемъ соблюдать догматическій, органический и дисциплинарный статутъ поименованной церкви, блюсти за его исполненіемъ, а также наблюдать, охранять и защищать интересы нашего отечества, Италіи свободной, независимой и единой, равно какъ интересы святѣйшей, католической и апостольской вѣры нашей,—въ чемъ да поможетъ мнѣ Богъ“.

Вслѣдъ затѣмъ президентъ вручилъ епископу архіерейскій перстень и произнесъ слѣдующія слова: „Примите нынѣ, пастыръ нашъ, символъ вашей духовной власти надъ церковію нашей; да послужитъ онъ вамъ какъ бы знаменіемъ истины, правды и любви въ управленіи духовнымъ стадомъ Христовымъ, свободнымъ избраніемъ нашимъ вѣреннымъ вашей пастырской заботливости“.

Послѣ этихъ словъ, епископъ всталъ съ своего мѣста и произнесъ слѣдующую рѣчь: „Возлюбленные братія во Христѣ Иисусѣ. Устройство національно-католической церкви теперь уже не мечта слабаго ума, не сонъ и не утопія, это — торжественно совершившійся фактъ. Возведенный божественнымъ милосердіемъ и свободнымъ избраніемъ вѣрныхъ въ высокое достоинство перваго епископа этой церкви, я долженъ прежде всего заявить, что я признаю себя недостойнымъ такой чести, не только предъ верховнымъ Пастыремъ и Главою вселенской церкви Иисусомъ Христомъ, Богомъ отъ Бога, свѣтомъ отъ свѣта, Богомъ истиннымъ отъ Бога истиннаго, единосущнымъ Отцу, но и предъ чѣстнѣйшимъ пресвитерствомъ Италіи, составляющимъ хвалу и украшеніе нашей церкви и дорогаго отечества. Сколько священниковъ, достойнѣйшихъ по своей испытанной мудрости, по своему неблазненному нравственному поведенію, непрестаннымъ жертвамъ и опытности въ управленіи, могли бы быть предпочтены мнѣ, поистинѣ наименьшему въ дому Отца моего! Великій Боже, испытующій сердца и выдающій въ нихъ самыя тайныя помышленія! Тебѣ единому вѣдомо, сколько разъ въ святилищѣ моей бѣдной совѣсти возносилъ я къ Тебѣ мои смиренныя молитвы; дабы Ты даровалъ болѣе меня прилежнаго труженника этому благословенному винограднику, въ которомъ, хотя и орошенномъ Твоею драгоценною кровію, произрастало дурное сѣмя, не Твое, наброшенное единственно рукою врага. Но Ты, Господи, столько разъ воздвигалъ изъ каменіи сыновъ Аврааму, и я, ничто же могу-

щій, потому что я ничто, надѣюсь все мочь въ Тебѣ, потому что Ты поддержишь меня. Да, братіе, если я пріемлю сколько почетный, столько же и трудный долгъ, на меня возлагаемый, то потому только, что возлагаю всё свои надежды во первыхъ на благодать Божию, а затѣмъ и на вашу дѣятельную помощь, да все въ управленіи церковію совершится согласно волѣ самого Бога и единого Спасителя нашего Иисуса Христа. Чувства мои слишкомъ хорошо вамъ извѣстны. Посему излишне увѣрять васъ, что я буду посреди васъ не какъ возсѣдающій, и тѣмъ менѣе какъ предсѣдающій, но какъ приставникъ и слуга. Не называйте меня отцомъ и учителемъ: единъ Отецъ Богъ и единъ Учитель Иисусъ Христосъ, мы же да будемъ только братія во Христѣ Искупителѣ. Да благоволитъ Онъ охранять всякое дѣло наше, дабы все было направлено къ Его славѣ и чести, и да сотворитъ Онъ, чтобы для блага Его оскорбленной церкви и нашего искупленного отечества я пребылъ вѣрнымъ и ревностнымъ въ соблюденіи торжественной присяги, принесенной мною предъ симъ святымъ жертвенникомъ. И такъ, возлюбленные, миръ, спасеніе и полнота небесныхъ благословеній да снизойдетъ на васъ и никогда да не покидаетъ всѣхъ насъ, во имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь“!

Присутствующіе въ почтительномъ молчаніи выслушали эти слова и по окончаніи рѣчи привѣтствовали своего епископа самыми искренними рукожестваніями. Затѣмъ секретарь прочелъ протоколъ засѣданія, который и былъ подписанъ епископомъ Панелли и всѣми присутствующими.

Изъ напечатанныхъ въ „Католическомъ Освободителѣ“ документовъ видно, что сочувствіе къ обществу, основавшему національно-итальянскую католическую церковь (оно именуется „національнымъ обществомъ освобожденія и взаимной помощи итальянскаго священства“), распространяется все болѣе и болѣе. Сочувственные отзывы присылаются не только изъ всѣхъ провинцій Италіи, но также изъ Швейцаріи и Франціи. Въ числѣ сочувствующихъ обществу находятся 36 депутатовъ итальянскаго парламента и между ними знаменитый патріотъ и національный герой Гарибальди. Онъ прислалъ архіепископу Панелли письмо, въ которомъ поздравляетъ его съ тѣмъ, что онъ примкнулъ къ великому дѣлу освобожденія католической совѣсти отъ тиранническихъ злоупотребленій и обмановъ іезуитскаго Ватикана и вступилъ на путь, ведущій къ религіи истинны, которая для членовъ католической эмансипаціи есть не иное что, какъ религія Иисуса Христа, иже есть путь, истина и жизнь.

2 мая происходило избраніе другаго епископа, въ качествѣ викарія архіепископа Панелли. Избранъ каноникъ Станиславъ Трабукко. Въ

настоящее время новоизбранный боленъ и посвященіе его отложено впредь до его выздоровленія. Органъ національной церкви выражаетъ надежду, что въ посвященіи каноника Трабуцко примутъ участіе иностранные епископы, для сообщенія этому акту большаго авторитета и торжественности. Къ сожалѣнію, подробностей этого избранія мы не имѣемъ и можемъ только упомянуть, что новоизбранному поднесенъ членами новой церкви епископскій перстень при адресѣ, на который новоизбранный отвѣчалъ, что онъ въ этомъ дарѣ видитъ желаніе подтвердить торжественный актъ юридическаго устройства національной церкви и поддержать новоизбраннаго въ борьбѣ противъ безстыднаго ультрамонтанства, которое съ неслыханною дерзостію возстаетъ противъ истиннаго, добраго и прекраснаго во всѣхъ свободныхъ учрежденіяхъ цивилизованной Европы.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ, согласно постановленіямъ статута, предполагается сдѣлать выборъ синодальнаго совѣта и частнаго совѣта епископа.

ЗАПИСКА ЧИТАННАЯ ВЪ ОБЩЕМЪ СОБРАНИИ ЧЛЕНОВЪ ПРАВОСЛАВНАГО МИССИОНЕРСКАГО ОБЩЕСТВА 11 МАЯ 1875 ГОДА.

1874 годъ былъ пятый со времени открытія Православнаго Миссіонерскаго Общества. Итакъ, наше Общество, по милости Божіей, существуетъ уже пять лѣтъ. Послѣ обзорѣнія его состоянія и дѣятельности за истекшій годъ, полезно будетъ взглянуть и на все небольшое пройденное имъ поприще. Въ этотъ краткій періодъ времени столько открылось важныхъ обстоятельствъ по отношенію къ миссіонерскому дѣлу, такія выяснились великія для Общества задачи, что и руководственныхъ указаній, имъ приобрѣтенныхъ, и трудовъ, ему подлежащихъ, станеть на цѣлыя столѣтія. Посему въ настоящемъ обзорѣніи Совѣтъ Православнаго Миссіонерскаго Общества признаеть полезнымъ сообщить общему собранію: а) свѣдѣнія за истекшій годъ, б) взглядъ на все прошедшее пятилѣтіе и в) указаніе нѣкоторыхъ, какъ сказано, выяснившихся для Общества и подлежащихъ ему задачъ.

I.

Истекшій годъ, не представляя въ дѣятельности Общества сравнительно съ прежними годами, особенно выдающагося, тѣмъ не менѣе значительно подкрѣпляетъ то убѣжденіе, что положеніе Общества годъ отъ году упрочивается, и его вліяніе на миссіонерское дѣло не только въ нашемъ отечествѣ расширяется, но простирается уже и за его предѣлы.

Составъ Общества за прошедшій годъ представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Дѣйствительныхъ членовъ Общества въ истекшемъ году въ

московскомъ отдѣленіи его было 2070 ¹⁾). Членскихъ взносовъ и пожертвованій въ кассу совѣта Общества поступило: 57,157 р. 91 $\frac{1}{4}$ коп. ²⁾).

Число членовъ Общества въ епархіальныхъ его отдѣленіяхъ и количество взносовъ и пожертвованій, поступившихъ въ епархіальные комитеты, представляются въ слѣдующихъ размѣрахъ:

Въ Астраханскомъ комитетѣ членовъ . . .	254
пожертвованій	2170 р. 79 $\frac{1}{2}$ к.
— Благовѣщенскомъ комитетѣ членовъ . .	114
пожертвованій	842 р. 7 к.
— Витебскомъ—членовъ	81
пожертвованій	303 р. 54 к.
— Владимірскомъ—членовъ	293
пожертвованій	2655 р. 69 к.
— Вологодскомъ—членовъ	121
пожертвованій	1613 р. 71 $\frac{1}{2}$ к.
— Воронежскомъ—членовъ	195
пожертвованій	1792 р. 36 $\frac{1}{2}$ к.
— Вятскомъ—членовъ	261
пожертвованій	2005 р. 56 $\frac{3}{4}$ к.
— Донскомъ—членовъ	221
пожертвованій	3023 р. 26 $\frac{1}{4}$ к.
— Енисейскомъ—членовъ	237
пожертвованій	1412 р. 17 к.

¹⁾ Въ томъ числѣ членовъ обезпечившихъ ежегодные взносы капиталами: 348.

²⁾ Въ числѣ 57,157 руб. 91 $\frac{1}{4}$ к., показанныхъ приходомъ по совѣту Правосл. Мис. Общества, заключаются: а) 35,889 р. 25 $\frac{1}{2}$ к. взносовъ и пожертвованій отъ членовъ и благотворителей, б) 173 р. 50 $\frac{1}{2}$ к. изъ кружковъ, находящихся въ разныхъ общественныхъ учрежденіяхъ в) 2136 р. 26 $\frac{1}{2}$ к., сбора въ церквахъ послѣ произнесенія поученій въ недѣлю православія; г) 14,955 р. 73 к. процентовъ, д) 97 р. 54 к. вырученныхъ отъ продажи изданій совѣта; е) 956 р. 25 к. отъ разности между нарицательными и покупными цѣнами процентныхъ бумагъ, ж) 913 р. 53 к. полученныхъ чрезъ московскую духовную консисторію изъ суммъ хозяйственнаго управленія при св. Синодѣ, въ возвратъ выданныхъ совѣтомъ на прогоны лицамъ отправленнымъ на миссіонерское служеніе и з) 2035 р. 83 $\frac{3}{4}$ к. переведенныхъ въ совѣтъ изъ епархіальныхъ комитетовъ Общества. Сверхъ того получено: 14,089 р. 26 коп. церковно-кружечнаго сбора на распространеніе православія между язычниками въ имперіи и 137 р. 23 к. суммъ переходящихъ. Итого всего суммъ въ совѣтъ Прав. Мис. Общества за 1874 г. на приходъ поступило: 71,384 р. 40 $\frac{1}{4}$ к.

Въ Иркутскомъ—членовъ	498
пожертвованій 28,994 р. 30¼ к.	
— Калужскомъ—членовъ	54
пожертвованій 934 р. 17 к.	
— Киевскомъ—членовъ	133
пожертвованій 1907 р. 51 к.	
— Костромскомъ—членовъ	456
пожертвованій 3196 р. 29¼ к.	
— Минскомъ—членовъ	37
пожертвованій 229 р. 88 к.	
— Орловскомъ—членовъ	183
пожертвованій 2863 р. 92¼ к.	
— Пермскомъ—членовъ	296
пожертвованій 3479 р. 52¼ к.	
— Рязанскомъ—членовъ	190
пожертвованій 1577 р. 17 к.	
— Самарскомъ—членовъ	195
пожертвованій 888 р. 59 к.	
— Тамбовскомъ—членовъ	192
пожертвованій 3271 р. 6 к.	
— Тобольскомъ—членовъ	251
пожертвованій 3370 р. 71¼ к.	
— Томскомъ—членовъ	74
пожертвованій 482 р. 65 к.	
— Якутскомъ—членовъ до	110
пожертвованій 1168 р. 93 к.	

Всего же въ Православномъ Миссіонерскомъ Обществѣ въ 1874 году дѣйствительныхъ членовъ было 6516, суммъ поступило 123,305 р. 97¼ к. ³⁾, что съ присоединеніемъ церковно-кружечнаго сбора на распространеніе православія между язычниками въ имперіи, поступившаго въ количествѣ 25,417 рублей 53½ к. ⁴⁾, составляетъ 148,723 р. 50¾ к. Съ остаточными отъ 1873 года 369,686 р. 43¾ к., въ сложности по 1 января 1875

³⁾ 123,305 руб. 97¼ к. составляютъ дѣйствительное количество собственныхъ доходовъ Правосл. Миссіон. Общества за 1874 годъ, по исчисленіи 2035 р. 83¾ к., перечисленныхъ изъ комитетовъ въ совѣтъ.

⁴⁾ До передачи въ 1872 году св. Синодомъ въ вѣдѣніе Православнаго Миссіонерскаго Общества церковно-кружечнаго сбора на распространеніе православія между язычниками въ имперіи, поступило сего сбора въ хозяйственное управленіе при св. Синодѣ около 17,000 р. въ годъ.

года всёхъ суммъ въ приходѣ было 518,409 руб. 94¹/₂ к., а по принятому раздѣленію на капиталы:

неприкосновеннаго	240,143 р. 28 к.
запаснаго	141,343 р. 74 ¹ / ₄ к.
расходнаго	136,922 р. 92 ¹ / ₄ к.

Замѣчательныя пожертвованія, кромѣ 11,200 р. поступившихъ отъ преосвященнѣйшаго Митрофана епископа Оренбургскаго, и 1000 руб. по завѣщанію священника Бакулина, о которыхъ предварительно заявлено было при отчетѣ за 1873 г., были слѣдующія: а) 100 руб. отъ Ея Величества Королевы Виртембергской Ольги Николаевны, вслѣдствіе поднесенія Ея Величеству про- роческихъ книгъ Ветхаго Завѣта въ переводѣ съ еврейскаго на русскій языкъ архимандрита Макарія, первоначальника Алтайской миссіи, б) въ Иркутскій епархіальный комитетъ Православнаго Миссіонерскаго Общества: отъ коллежскаго совѣтника Ивана Ивановича Базанова на построеніе миссіонерскихъ церквей 14,000 р. и отъ верхоленскаго купца Михаила Агеевича Сапож- никова на построеніе въ Ольхонскомъ станѣ миссіонерскаго училища и на содержаніе онаго 10,000 руб., в) въ Енисейскій епархіальный комитетъ Православнаго Миссіонерскаго Обще- ства—въ пользу церквей Туруханскаго края, отъ потомственной почетной гражданки Татьяны Ивановны Щеголевой 4% непре- рывно-доходный билетъ государственной комиссіи погашенія долговъ въ 1000 р. За это пожертвованіе, въ поощреніе жертво- вательницы отдаленнаго отъ насъ края къ дальнѣйшему попе- ченію на пользу миссіонерскихъ церквей Енисейской епархіи, предсѣдатель Общества имѣетъ порученіе—изъявить г-жѣ Щего- левой Высочайшую благодарность Ея Императорскаго Величе- ства, Августѣйшей Покровительницы Общества, г) отъ члена совѣта Православнаго Миссіонерскаго Общества и сотрудника Алтайской миссіи, протоіерея Николая Дмитріевича Лаврова 1500 р. на построеніе въ центральномъ Улалинскомъ станѣ Ал- тайской миссіи лѣчебницы для больныхъ новокрещенныхъ ино- родцевъ, д) чрезъ помощника предсѣдателя Совѣта Православ- наго Миссіонерскаго Общества, преосвященнѣйшаго Леониды, епископа Дмитровскаго, викарія Московскаго, 7000 р. въ обли- гаціяхъ Московскаго Кредитнаго Общества, для присоединенія къ неприкосновенному капиталу Православнаго Миссіонерскаго

Общества, лицомъ, пожелавшимъ остаться въ неизвѣстности, на условіяхъ, изложенныхъ въ письмѣ жертвователя на имя его преосвященства отъ 15 августа 1874 года, хранящемся при дѣлахъ совѣта. Сущность условій состоитъ въ слѣдующемъ: неприкосновенный капиталъ въ 7000 р. долженъ быть называемъ *Иосифовскимъ*. Проценты съ него въ теченіи 20 лѣтъ, считая съ 1 марта 1875 года, за шесть мѣсяцевъ впередъ, должны быть выдаваемы на семейныя нужды одному лицу, поименованному въ письмѣ жертвователя, а въ случаѣ его смерти—его вдовѣ и дѣтямъ. По истеченіи 20 лѣтъ, проценты обращаются на выдачу пособій миссіонерамъ сибирскихъ миссій—многосемейныхъ, или болѣзненнымъ и престарѣлымъ, въ размѣрахъ подробно указанныхъ жертвователемъ⁵⁾. Хотя довольно далеки сроки, когда само Общество будетъ пользоваться процентами съ пожертвованнаго капитала, но время этому придетъ, а для настоящаго это пожертвованіе имѣетъ значеніе, какъ свидѣтельство довѣрія, которое приобретаетъ наше Общество въ средѣ православнаго народа.

Число вкладовъ по завѣщаніямъ и вообще на поминаленіе съ каждымъ годомъ увеличивается. Въ 1874 году такихъ пожертвованій поступило: а) означенные выше 1000 руб. по завѣщанію умершаго священника Николая Павловича Бакулина; б) 500 р. отъ неизвѣстнаго, чрезъ священника московской Петропавловской, на Калужской улицѣ, церкви С. Д. Цвѣткова, за упокой Андрея и Ольги; в) 300 р. чрезъ Вятскую духовную консисторію по завѣщанію умершей крестьянской вдовы Анастасіи Антоновны Богаевой; г) 200 р. отъ неизвѣстнаго, чрезъ редакцію «Миссіонеръ», за упокой Евдокии; д) 200 р. отъ жены д. ст. совѣтника Н. Я. Осиповской, по духовному завѣщанію умершей дочери тит. сов. Анны Андреевны Крыжовой, е) 100 р. отъ неизвѣстнаго чрезъ Калужскій комитетъ Православнаго Миссіонерскаго

⁵⁾ Жертвователь Иосифовскаго капитала заявилъ слѣдующее желаніе: „поручаю всякому, кому бы ни было назначено изъ священнослужителей или дѣтей ихъ, пособіе изъ процентовъ съ означеннаго капитала, молитвенную имѣть память о рабахъ Божіихъ: Іосифѣ, Іаковѣ Георгіѣ, Екатеринѣ, Валеріанѣ, Іуліанѣ и Елисаветѣ“. Помянникъ сей сообщенъ совѣтомъ въ миссіи: Алтайскую, Иркутскую, Забайкальскую и Примурскую.

Общества, за упокой боярыни Ксеніи, ж) 100 р. чрезъ священника московской Гребневской, на Лубянкѣ, церкви І. Т. Протасова, отъ умершаго унтеръ-офицера Ивана Прохоровича Сидорова, за упокой Іоанна и Агапіи, и з) 100 р. отъ Г. Корсакова, за упокой боярыни Михаила. О поминовеніи всѣхъ лицъ, указанныхъ жертвователями, сообщено въ миссіи; Алтайскую, Иркутскую, Забайкальскую и При-амурскую. Начальствамъ сихъ же миссій Совѣтъ Православнаго Миссіонерскаго Общества, по желанію жертвователей, сообщилъ касательно поминовенія о здравіи: преосвященнѣйшаго епископа Митрофана (Оренбургскаго и Уральскаго), пожертвовавшаго 11,200 р., и Іоанна и Ѳеклы, отъ которыхъ пожертвовано 52 руб., чрезъ священника московской Воскресенской, въ Гончарахъ, церкви. Пожертвованія вещами въ пользу миссій были въ прошедшемъ году еще болѣе обильны, чѣмъ въ прежніе годы ⁶⁾).

Чтобы однимъ словомъ опредѣлить количество этихъ пожертвованій, скажемъ, что вещей для миссій — не громаднхъ въ началѣ текущаго года въ одинъ Иркутскій комитетъ, не говоря о небольшихъ посылкахъ для другихъ миссій, отправлено изъ канцеляріи совѣта съ почтою 64 тюка, около пуда каждый.

Расходъ изъ суммъ Общества въ пособіе миссіямъ въ исполненіе смѣтныхъ назначеній прошедшаго года, со включеніемъ 1467 р. 98 к. зачтенныхъ Алтайской и При-амурской миссіямъ, простирался до 48,365 р. 99 к. Кромѣ того, изъ совѣта Православнаго Миссіонерскаго Общества, отправлено въ Японскую миссію суммъ поступившихъ въ 1874 году отъ благотворителей съ назначеніемъ въ пользу сей миссіи 1396 руб. 80 к., и епархіальными комитетами Общества, въ предѣлахъ которыхъ находятся миссіи, издержано на мѣстныя миссіонерскія нужды изъ суммъ, предоставленныхъ въ ихъ распоряженіе, 21961 р. 99½ к. Всего, съ сверхсмѣтнымъ расходомъ въ 4935 руб. 85 к., на содержаніе миссіонерскихъ учрежденій Православнымъ Миссіонерскимъ Обществомъ въ 1874 г. употреблено 76,660 р. 63½ к. ⁷⁾.

⁶⁾ О всѣхъ сихъ пожертвованіяхъ своевременно были печатаемы объявленія въ „Миссіонерѣ“.

⁷⁾ Всѣхъ суммъ Прав. Мисс. Общ. въ расходъ за 1874 г. поступило: изъ запаснаго капитала 6503 руб. 20 к. и изъ расходнаго 80,068 руб. 92½ к., итого 86,572 р. 12¼ к. на слѣдующіе предметы: а) на содер-

Сверхсмытные расходы, которые советомъ Общества въ истекшемъ и отчасти въ настоящемъ году произведены были по требованіямъ обстоятельствъ, будутъ объяснены ниже при изложеніи самыхъ случаевъ, по которымъ были дѣлаемы.

Для содѣйствія развитію миссіонерскаго дѣла советомъ Общества въ 1874 году отчасти окончены начатыя прежде, отчасти вновь приняты или предначаты слѣдующія мѣры: миссіонеровъ отправлено было трое, и всѣ въ миссіи Иркутской епархіи: окончившій курсъ воспитанникъ Тверской семинаріи Павелъ Шавровъ, съ женою Александрю Васильевою, окончившій курсъ воспитанникъ Полтавской духовной семинаріи Яковъ Дуброва и священникъ Пермской епархіи Сергій Троицкій. Кромѣ прогнновъ (которые собственно за миссіонеровъ всегда возвращаются Обществу хозяйственнымъ управленіемъ при святѣйшемъ Синодѣ) всѣмъ имъ выдано въ пособіе изъ суммъ Покровскаго монастыря по 100 руб. Священникъ Троицкій на пути къ мѣсту назначенія оставленъ былъ на нѣкоторое время въ Казани для ознакомленія съ буддѣйскимъ вѣроученіемъ и основаніями монголо-бурятскаго языка подъ руководствомъ тамошнихъ спеціаллистовъ по знанію восточныхъ языковъ. Предъ отправленіемъ изъ Казани въ Иркутскъ, онъ писалъ совету: «книги, рекомендованныя мнѣ профессоромъ казанской духовной академіи В. В. Миротворцевымъ, мною прочитаны; въ монгольскомъ языкѣ, при трудности его изученія, я успѣлъ, сколько возможно: научился читать и ознакомился съ необходимыми грамматическими правилами; основательное же изученіе разговорнаго бурятскаго языка, думаю, будетъ идти успѣшнѣе среди самихъ бурятъ при ежедневныхъ съ ними сношеніяхъ».

Извѣстно, какое важное пособіе Алтайской миссіи оказываетъ, учрежденная въ центральномъ станѣ ея—Улалѣ, женская община

жаніе миссій и миссіонерскихъ учрежденій 75,192 р. 65 $\frac{1}{2}$ к., б) на прогны лицамъ, отправленнымъ на служеніе въ сибирскихъ миссіяхъ, 1600 р., и в) на расходы по Обществу 9779 р. 47 $\frac{1}{4}$ к., въ числѣ коихъ 3900 р. на обороты редакціи „Миссіонера“ и на жалованье редактору. За тѣмъ къ 1875 г. всѣхъ суммъ Прав. Мисс. Общ. въ остаткѣ состояло 431837 руб. 81 $\frac{3}{4}$ коп., въ томъ числѣ: неприкосновеннаго капитала 240143 р. 28 к., запаснаго 134840 р. 54 $\frac{1}{4}$ к. и расходнаго 56,853 руб. 99 $\frac{1}{4}$ коп.

въ приготовленіи къ крещенію инородческихъ женщинъ, въ обученіи ихъ молитвамъ, правиламъ христіанской жизни и рукодѣльямъ. Составъ общины оскудѣлъ въ послѣднее время, вслѣдствіе смерти бывшей начальницы ея монахини Ольги и нѣкоторыхъ сестеръ; надлежало его пополнить. Сотрудникомъ Алтайской миссии и членомъ совѣта протоіереемъ Н. Д. Лавровымъ приглашены и, съ согласія московскаго и томскаго епархіальныхъ начальствъ, отправлены въ Улалинскую общину московскаго Зачатіевскаго монастыря монахиня Алексія съ двумя послушницами, родными ея сестрами, Агрипиною и Параскевою Семеновыми. Изъ суммъ Общества выдано имъ на подъемъ и путевые расходы 500 р.

Въ 1872 году директоромъ казанской учительской семинаріи Н. И. Ильминскимъ, между прочимъ, предложены были совѣту Общества двѣ мѣры къ улучшенію и усиленію переводовъ священныхъ и другихъ поучительныхъ книгъ на инородческіе языки, и обученія инородческихъ дѣтей: вызовъ на годъ въ Казань начальника Иркутской миссии, архимандрита Мелетія, для изученія лучшихъ методовъ перевода книгъ и обученія дѣтей, и устройство собственной типографіи и цензуры въ Алтайской миссии. Лѣтомъ прошедшаго года, съ разрѣшенія св. Синода, о. Мелетій, послѣ двѣнадцати-лѣтняго, безотлучнаго пребыванія и непрерывныхъ трудовъ въ Забайкальской миссии, на счетъ Общества прибылъ въ Казань и остается тамъ доселѣ. При академическомъ образованіи и такомъ продолжительномъ изученіи монгольскаго языка и буддизма среди бурятъ, о. Мелетій долженъ быть лицомъ наиболѣе способнымъ для предназначенной дѣли; труды его въ теченіи года въ Казани безъ сомнѣнія принесутъ добрые плоды для миссіонерскаго дѣла и расходы сдѣланные Обществомъ (въ прошедшемъ году 300 р. на прогоны отъ Иркутска до Казани) не пропадутъ даромъ *). Прошедшею осенью о. Мелетій пріѣзжалъ въ Москву, гдѣ не бывалъ никогда. Ласковый пріемъ и вниманіе, оказанныя здѣсь уже нѣсколько утомленному и болѣзненному миссіонеру видимо утѣшили и ободрили его. Заботливый попечитель о миссіонерахъ пріѣзжающимъ въ Москву, іеромонахъ Покровскаго монастыря о. Іосифъ, къ сожа-

*) На обратный путь будетъ выдано ему въ текущемъ году 350 руб.

лѣнію нынѣ уже умершій, сопутствовалъ о. Мелетію при обозрѣніи имъ достопримѣчательностей Москвы и въ путешествіи въ Кіевъ и Сергіеву Лавру. Архимандриту Мелетію въ пособіе на это путешествіе выдано было изъ суммъ Общества 100 р. и изъ Покровскаго монастыря 50 р. и сверхъ сего, по возвращеніи его въ Казань, выслано ему отъ совѣта на лѣченіе разстроенныхъ отъ простуды органовъ слуха 150 р. ^{*)}). Этотъ не первый уже опытъ вниманія къ миссіонерамъ далъ новое доказательство той истины, что искреннее братское участіе къ нимъ со стороны Православнаго Миссіонерскаго Общества утѣшаетъ и поощряетъ ихъ болѣе, чѣмъ служебныя отличія.

Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе на устройство типографіи и собственной цензуры въ алтайской миссіи послѣдовало въ 25 день марта 1874 года и объявлено въ указѣ святѣйшаго Синода на имя его высокопреосвященства отъ 12 мая того же года. Главныя основанія, которыми должна руководствоваться миссія въ цензурѣ и печатаніи въ собственной типографіи книгъ, суть слѣдующія: 1) для разсмотрѣнія рукописей, предназначаемыхъ къ изданію въ печати на алтайскомъ языкѣ, начальникъ миссіи долженъ каждый разъ составлять подъ своимъ предсѣдательствомъ комиссію изъ лицъ, знающихъ основательно алтайское нарѣчіе; 2) комиссія одобряетъ напечатаніе сихъ рукописей по своимъ постановленіямъ, заносимыхъ въ журналъ за подписью всѣхъ членовъ, наблюдая при этомъ, чтобы одобряемая къ напечатанію изданія были согласны съ православнымъ ученіемъ и общедоступны, а переводы имѣли возможную близость къ тексту подлинника; 3) одобреніе къ печати на рукописи и билетъ на выпускъ напечатаннаго подписываетъ начальникъ миссіи за своею отвѣтственностію, а на мѣстѣ цензурнаго дозволенія во всякомъ выходящемъ изъ печати изданіи должно быть означено: «напечатано съ дозволенія цензуры, утвержденной при алтайской миссіи»; 4) издаваемые миссіею на алтайскомъ языкѣ сочиненія и переводы могутъ быть сопровождаемы постранично и русскимъ текстомъ, но миссіи не предоставляется права печатать подъ своею цензурою никакихъ изданій собственно на русскомъ языкѣ.

*) Въ 1875 году.

Ревнители миссіонерскаго дѣла въ Казани, въ видахъ ознакомленія православныхъ съ магометанскимъ ученіемъ, средствами борьбы съ нимъ и значеніемъ магометанства въ нашемъ отечествѣ, съ 1878 года предприняли изданіе «Противомусульманскаго сборника». Членъ комиссіи по изданію Сборника, профессоръ казанской духовной академіи, священникъ Евфимій Александровичъ Маловъ въ прошедшемъ году предложилъ совѣту Православнаго Миссіонерскаго Общества обратить вниманіе на это изданіе и, если оно признано будетъ полезнымъ, выписывать его для сибирскихъ миссій. Признавъ это изданіе вполне соответствующимъ цѣли, вообще для чтенія весьма занимательнымъ и полезнымъ для ознакомленія съ магометанствомъ сибирскихъ миссіонеровъ, нерѣдко встрѣчающихся съ послѣдователями этой религіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ желая содѣйствовать благоуспѣшному продолженію изданія, совѣтъ положилъ выписать два экземпляра всѣхъ вышедшихъ его выпусковъ для миссіонерской бібліотеки Покровскаго монастыря и по одному экземпляру для каждаго изъ становъ Иркутской и Забайкальской миссій, всего на сумму около 200 р.¹⁰⁾ Подписка на него будетъ продолжаема для означенныхъ мѣстъ и на будущее время, и сверхъ сего предполагается въ текущемъ году выписать его и для всѣхъ становъ алтайской миссіи.

Сверхсмѣтные расходы сдѣланы были совѣтомъ въ прошедшемъ году по безотлагательнымъ нуждамъ еще на слѣдующіе предметы: на построеніе дома для содержимой на счетъ общества Кодряковской школы для татарскихъ дѣтей въ Мензелинскомъ уѣздѣ Уфимской губерніи 300 руб. На приобрѣтеніе 500 иконъ для Благовѣщенскаго на Амурѣ комитета и 500 для Иркутской миссіи, изъ Кіево-Печерской лавры, чрезъ кіевскій комитетъ Православнаго Миссіонерскаго Общества 315 руб. и 3604 р.¹¹⁾ въ пособіе Японской миссіи въ виду чрезвычайныхъ нуждъ, вызываемыхъ исключительнымъ ея положеніемъ, которое объяснено будетъ ниже.

¹⁰⁾ 196 р. 78 к. уплачены за Сборникъ въ 1875 году.

¹¹⁾ 3603 р. 20 к. изъ собственныхъ суммъ П. М. Общества въ дополненіе для круглой цифры въ 5000 р. къ 1396 р. 80 к., поступившимъ отъ благотворителей съ назначеніемъ въ пользу Японской миссіи.

Отъ изданія «Миссіонера» Общество потерпѣло въ прошедшемъ году убытокъ въ 1200 р. Это обстоятельство было предвидѣно. Не съ тѣмъ предпринялъ совѣтъ это изданіе, чтобы собственно чрезъ его распродажу пріобрѣтать прибыль, а съ тѣмъ, чтобы чрезъ него знакомить православный народъ съ миссіонерскимъ дѣломъ ¹²⁾ и отсюда уже ожидать пользы, какъ нравственной, такъ и матеріальной. Это ожиданіе оправдалось. Чрезъ редакцію «Миссіонера» въ прошедшемъ году доставлены въ совѣтъ нѣкоторыя пожертвованія вещами и деньгами 286 р. 84 к. Но нельзя не рассказать въ подробности весьма замѣчательный въ этомъ отношеніи слѣдующій случай. Въ началѣ настоящаго года явился къ редактору «Миссіонера» человекъ среднихъ лѣтъ, повидимому купческаго сословія, и объяснилъ, что онъ постоянный читатель «Миссіонера», что его очень интересуютъ свѣдѣнія въ немъ сообщаемыя, особенно объ Японской миссіи, и что онъ желалъ бы сдѣлать въ пользу этой миссіи пожертвованіе. На отвѣтъ редактора, что всякое пожертвованіе принято будетъ съ благодарностію, гость, вынимая изъ бумажника пачку ассигнацій, сказалъ: «вотъ эту тысячу рублей прошу переслать на постройку новой церкви въ Японіи», потомъ, вынувъ другую: «а вотъ эту тысячу на нужды миссіи, и наконецъ вотъ эти сто рублей Павлу Савабе, этому исповѣднику Христовой вѣры». На вопросъ о томъ, кто онъ такой, гость отвѣчалъ, что онъ желаетъ остаться неизвѣстнымъ, а просить только записать нѣсколько именъ для поминовенія въ Японской миссіи, и прибавилъ, что его утѣшаетъ мысль о поминовеніи сродниковъ тамъ, на краю свѣта ¹³⁾.

По дѣлу о построеніи часовни въ Варварской башнѣ для постановленія въ ней Боголюбской иконы Богоматери, начатому по опредѣленію общаго собранія Православнаго Миссіонерскаго Общества 1873 года, совѣтъ имѣетъ сообщить слѣдующее. На отношеніе его высокопреосвященства предсѣдателя Общества отъ 5 іюня 1873 г. господинъ московскій генераль-губернаторъ

¹²⁾ Годовыхъ подписчиковъ на „Миссіонеръ“ въ 1874 году было 242, отдѣльными №№ продано 35,219; даровыхъ экзempl. разослано 61.

¹³⁾ 2100 р. отправлены въ японскую миссію 15 марта сего 1875 г. а помяникъ сообщенъ при отношеніи отъ 1 апрѣля 1875 г. № 287.

въ отношеніи отъ 19 іюля 1874 года № 3378 сообщилъ, что со стороны Московской Городской Думы препятствія къ устройству часовни не имѣется. Вслѣдствіе сего поручено было отъ его высокопреосвященства архитектору надворному совѣтнику Николаю Васильевичу Никитину составить проектъ устройства часовни внутри Варварской башни, безъ всякаго измѣненія ея архитектуры съ наружной стороны, кромѣ только приличнаго крыльца у входа со стороны Китайскаго бульвара. Г. Никитинымъ уже составленъ проектъ часовни весьма просторной и благолѣпной, съ отопленіемъ духовою печью и удобнымъ помѣщеніемъ для священнослужителей и сторожей. Проектъ сей г. Никитинымъ, какъ членомъ нашего общества, принесенъ ему въ даръ. Въ настоящее время онъ переданъ совѣтомъ въ московскую духовную консисторію для препровожденія въ строительное отдѣленіе при московскомъ губернскомъ правленіи на предварительное разсмотрѣніе. По возвращеніи оттуда онъ, вмѣстѣ съ докладомъ о предназначаемомъ дѣлѣ, представленъ будетъ на благоусмотрѣніе святѣйшаго правительствующаго синода.

II.

Теперь представимъ краткій обзоръ дѣятельности Православнаго Миссіонерскаго Общества за первое пятилѣтіе его существованія.

Съ перваго же года по открытіи Православнаго Миссіонерскаго Общества обозначилось, что ему давно надобно было быть въ нашемъ отечествѣ, и было бы лучше, если бы оно учреждено было за пятьдесятъ лѣтъ равнѣ. Но *нѣтъ наше разумѣти времена и мѣта*. Такія учрежденія не возникаютъ въ православной Церкви безъ особеннаго мановенія Промысла Божія, и въ этомъ благомъ мановеніи воли Господней мы убѣждаемся изъ того, какъ выразился предсѣдатель Общества въ одной изъ своихъ рѣчей къ общему собранію, «Господь видимо благословляетъ наше дѣло». Признаки благословенія Божія мы, къ утѣшенію нашему, усматриваемъ прежде всего въ постепенно возрастающемъ сочувствіи и усердіи православнаго русскаго народа къ дѣлу нашего Общества. При содѣйствіи и руководствѣ духовенства, по истиннѣ достохвальномъ, народъ годъ отъ году болѣе

утверждается въ томъ сознаніи и убѣжденіи, что для него открылся новый нравственный подвигъ въ принесеніи пожертвованій на святое дѣло евангельской проповѣди, подобный издавна такъ имъ любимому подвигу храмозданія. Это доказывается цифрами, слѣдовательно несомнѣнно; а цифры Общества и собирающихся въ немъ суммъ постоянно весьма высоки. Членовъ Общества въ 1870 г. было 6.647, въ 1871 г. 9.460, въ 1872 г. 8.685, въ 1873 г. 7.358, въ 1874 г. 6.516. Но касательно числа членовъ надобно замѣтить, что оно въ нашемъ Обществѣ не имѣетъ того опредѣленнаго значенія, какъ въ другихъ обществахъ, т.-е. извѣстнаго количества лицъ, ежегодно представляющихъ съ точностію обязательные взносы, по которымъ они считаются, и по которымъ опредѣляется самый составъ Общества. Наши члены — люди всевозможныхъ сословій и общественныхъ положеній, большинство ихъ не имѣетъ и понятія объ опредѣленныхъ обязательныхъ взносахъ; каждый на листѣ, предлагаемомъ отъ священника, подписываетъ, что можетъ и желаетъ, на текущей годъ. Число членовъ выводится канцелярією совѣта, согласно съ уставомъ, изъ количества взносовъ не менѣе трехъ рублей, остальные же вкладчики, составляющіе огромное большинство, относятся къ числу жертвователей, и въ отчетахъ не считаются, да по множеству небольшихъ пожертвованій, представляемыхъ иногда отъ нѣсколькихъ лицъ въ совокупности въ совѣтъ и епархіальные комитеты Общества, и сочтены быть не могутъ. Ихъ многіе десятки тысячъ. Гораздо яснѣе возрастаніе Общества обозначается общими ежегодными суммами взносовъ и пожертвованій. Вотъ эти суммы: въ 1870 году членскихъ взносовъ и пожертвованій вмѣстѣ съ значительными капиталами, представленными въ обезпеченіе взносовъ при открытіи Общества и составляющими 54608 р. поступило 101.674 руб., а за вычетомъ ихъ—47.066 р., въ 1871 году 82.222 р.; въ 1872 году 96.516 р. въ 1873 году 126.371 р., въ 1874 году 148.723 р.

Вмѣстѣ съ этимъ, постепенно увеличивающимся притокомъ средствъ Общества, интересно сопоставить и постепенное увеличеніе пособій, выдаваемыхъ отъ Общества миссіямъ и другимъ учрежденіямъ миссіонерскаго характера. Вотъ въ какомъ видѣ оно представляется за истекшія пять лѣтъ: въ 1870 г. было выдано 6.835 р., въ 1871 г. 26.283 р. въ 1872 г. 38.526 р. въ 1873 г. 55.372 р., въ 1874 г. 76.660 р.

Умноженію пожертвованій не мало содѣйствуетъ учрежденное по ходатайству Общества повсемѣстное въ Россіи произнесеніе къ народу поученій о миссіонерскомъ дѣлѣ. Вотъ, что читаемъ по отношенію къ этому предмету въ отчетѣ за 1873—4 годъ Владимірскаго комитета Православнаго Миссіонерскаго Общества: «усиленію средствъ комитета въ отчетномъ году главнымъ образомъ благопріятствовало начатое съ 1873 года произнесеніе единовременно во всѣхъ церквахъ поученій для ознакомленія народа съ миссіонерскимъ дѣломъ. Въ настоящемъ году комитетъ имѣлъ два факта чисто-народнаго общественнаго добраго расположенія къ миссіонерскому дѣлу. Судогодскаго уѣзда, села Милинова прихожане разныхъ деревень въ количествѣ 540 душъ, по предложенію священника своего о. Петрова, составили приговоръ ежегодно жертвовать въ пользу миссіонерскаго дѣла по двѣ коп. съ души и согласно своему приговору внесли въ комитетъ 10 р. 80 к. За тѣмъ Покровскаго уѣзда, Лукьянцевское волостное правленіе препроводило въ комитетъ 13 р. 44 к. съ увѣдомленіемъ, что крестьяне Лукьянцевской волости положили ежегодно жертвовать эту сумму на миссіонерство». Рязанскій комитетъ въ отчетѣ за прошедшій годъ замѣчаетъ: «по распоряженію высокопреосвященнѣйшаго архипастыря, состоявшемуся въ 1872 г., священники по приходскимъ церквамъ сказывали миссіонерскія поученія въ день памяти славянскихъ апостоловъ и просвѣтителей свв. Кирилла и Меодія, равно и въ другіе дни по личному усмотрѣнію удобныхъ обстоятельствъ». Что эти мѣры не остались безъ дѣйствія въ 1874 году, этому доказательствомъ служитъ то, что кружечный миссіонерскій по церквамъ сборъ за минувшій годъ противъ 1873 года значительно увеличился: въ 1873 году такого сбора было 992 р. 23 к., а въ 1874 году онъ возвысился до 1035 р. 70½ коп. Въ сложности весь сборъ послѣ поученій со времени ихъ открытія представить трудно, потому что въ комитетахъ не вездѣ онъ отдѣляется отъ другихъ пожертвованій, но по отчетамъ совѣта, въ которыхъ онъ обозначенъ, его въ Общество въ 1873 и 1874 гг. поступило 3852 р. 48½ к.

Нѣтъ сомнѣнія, что содѣйствіе Православнаго Миссіонерскаго Общества въ теченіе пяти лѣтъ своего существованія имѣло вліяніе на оживленіе миссіонерскаго дѣла въ нашемъ отечествѣ.

Заботливостью иркутскаго епархіальнаго начальства, безъ сомнѣнія, въ виду обезпеченія содержаніемъ отъ Православнаго Миссіонерскаго Общества, открыто въ миссіяхъ этой епархіи семь новыхъ миссіонерскихъ станомъ, братствомъ св. Гурія на пособія Общества учреждено нѣсколько новыхъ крещено-татарскихъ школъ, и устроена значительная школа для татарскихъ же дѣтей рязанскимъ комитетомъ въ с. Карамышевѣ, Касимовскаго уѣзда; открыта вновь миссіонерская дѣятельность съ помощью комитетовъ Общества въ епархіяхъ: Вятской, Пермской, Тамбовской, Астраханской, Донской и усилена въ епархіи Самарской. Увеличеніе жалованья миссіонерамъ въ главнѣйшихъ миссіяхъ, заботливость Общества о миссіонерахъ нуждающихся, обѣщаніе покровительства съ его стороны въ случаѣ окончанія службы, безъ сомнѣнія, имѣли вліяніе на весьма значительный притокъ людей, заявлявшихъ совѣту Общества о своемъ желаніи посвятить себя миссіонерскому служенію. Изъ нихъ, съ помощію искуса въ Покровскомъ монастырѣ, пріобрѣтено въ теченіе пяти лѣтъ 22 новыхъ миссіонера, большею частію люди достойные и съ истиннымъ призваніемъ.

III.

Но, если мы находимъ въ прожитомъ нашимъ Обществомъ пятилѣтніи нѣкоторые признаки Божія благословенія и благоуспѣшности, то въ этомъ мы должны видѣть только побужденіе въ усилію нашей ревности въ будущемъ. Небольшое прошедшее, какъ мы сказали въ началѣ, выяснило намъ великія задачи на будущее,—какъ по отношенію къ улучшенію приемовъ и способамъ миссіонерской дѣятельности, такъ и къ расширенію ея круга.

Долго у насъ господствовало убѣжденіе, что довольно обратиться инородцевъ къ вѣрѣ во Христа и крестить ихъ, чтобы они потомъ сами обратились къ изученію русскаго языка,—какъ говорятъ, обрусѣли и освоились съ правилами и порядкомъ христіанской жизни. Предполагалось, что за тѣмъ и богослуженіе имъ будетъ понятно и христіанское просвѣщеніе доступно. Не то показалъ горькій опытъ. Крещенные инородцы въ большинствѣ по своимъ религіознымъ понятіямъ и душевнымъ располо-

женіямъ остаются внутренно язычниками, или магометанами, и даже въ послѣдующихъ поколѣніяхъ, удерживая обычай креститься, не дѣлаются христіанами по жизни, и чуждаются насъ не менѣе не крещенныхъ. Оказывается даже нѣчто несравненно худшее: при первомъ напорѣ усиленной пропаганды ложныхъ ученій на родномъ ихъ языкѣ, они цѣлыми массами отпадаютъ отъ церкви, чему поразительныя доказательства мы увидимъ ниже. Оказалось несомнѣннымъ, что только усвоивши христіанское ученіе и начатки духовнаго просвѣщенія на родномъ своемъ языкѣ, и приобрѣтая христіанскіе навыки, они начинаютъ относиться къ намъ съ довѣріемъ и расположеніемъ. Оказалось дальѣе, что надо было дѣйствовать иначе, именно, какъ дѣйствовала древняя греческая церковь въ просвѣщеніи дикихъ народовъ, и между прочимъ въ просвѣщеніи нашихъ предковъ—славянъ. Оказалось, что нужно для каждаго особаго инородческаго племени съ самаго времени его просвѣщенія, устроить богослуженіе на его языкѣ, переводить для него священныя книги, давать ему священниковъ знающихъ не только его языкъ, но и подробно весь его нравственный складъ и весь внѣшній бытъ его. Оказалось наконецъ, что во всемъ этомъ, при множествѣ разноплеменныхъ инородцевъ въ нашемъ отечествѣ, мы до крайности слабы. Правда, нѣкоторые достоуважаемые миссіонеры положили пожизненные труды на это святое дѣло, но ихъ одиночная мѣстная дѣятельность не могла дать должныхъ результатовъ. И такъ, на Православномъ Миссіонерскомъ Обществѣ лежитъ прямая и ему одному доступная обязанность озаботиться систематическимъ, послѣдовательнымъ переводомъ и печатаніемъ священныхъ, богослужебныхъ и другихъ христіанскихъ книгъ на инородческихъ языкахъ. При содѣйствіи достопочтенныхъ ревнителей миссіонерскаго дѣла въ Казани, это нынѣ весьма возможно. По ихъ указанію начинаются первые приступы Общества къ этому дѣлу, какъ наприимѣръ приѣздъ въ Казань посылаемыхъ въ Сибирь миссіонеровъ, командировка въ Казань архимандрита Мелетія, учрежденіе типографіи на Алтаѣ и т. п. Ихъ же содѣйствія нужно просить и въ организаціи особаго Общества переводчиковъ книгъ на инородческіе языки и въ печатаніи ихъ. Дѣло это нужно начать не откладывая, и вести по плану, послѣдовательно и не опустительно. Совѣтъ просить об-

ще собраніе уполномочить его приступить къ этому дѣлу въ текущемъ году.

Настала пора и рациональнаго приготовленія миссіонеровъ и священниковъ въ инородческіе приходы съ научнымъ преподаваніемъ имъ языковъ и свѣдѣній о религіяхъ, исповѣдуемыхъ инородцами нашего отечества. Возможность устроенія такого приготовительнаго заведенія, о которомъ давно многими и много у насъ было думано, даетъ намъ та же—горячо ревнующая объ успѣхахъ православія—Казань. Проектъ заведенія, въ видѣ опыта въ небольшихъ размѣрахъ, сообщенъ совѣту высокопреосвященнѣйшимъ Антоніемъ архіепископомъ казанскимъ. Онъ не задуманъ произвольно, а вызванъ крайними нуждами, въ немъ нѣтъ претензій на широту, полноту и необъемлемость, а указываются средства сдѣлать самое необходимое; самъ по себѣ онъ простъ, душою его становится любовь и ревность къ вѣрѣ, и потому онъ долженъ имѣть будущность. Вотъ главныя черты новоустроенаго заведенія: оно помѣщается въ Казанскомъ Спасо-Преображенскомъ монастырѣ въ готовомъ зданіи и называется «частный пріютъ для миссіонеровъ». Въ этомъ пріютѣ помѣщаются миссіонеры, посылаемые въ Казань для обученія монгольскому языку отъ Православнаго Миссіонерскаго Общества, и воспитанники духовно-учебныхъ заведеній казанской и сосѣднихъ епархій, желающіе поступить на миссіонерское служеніе, или во священники въ инородческіе приходы, населенные татарами, киргизами, калмыками и проч. въ Казанской, Оренбургской и другихъ губерніяхъ. Здѣсь же могутъ получать и наставленія какъ теоретическія, такъ и практическія временно являющіеся въ Казань учителя разныхъ инородческихъ школъ, при помощи казанской крещено-татарской школы, съ которою новое заведеніе будетъ введено въ самую близкую связь. Оно поставляется подъ двойное покровительство: братства св. Гурія и Православнаго Миссіонерскаго Общества. Первое даетъ ему средства духовныя, второе — вещественныя. Труды преподаванія языковъ приняли на себя: группы турецко-татарской: директоръ казанской учительской семинаріи Ильминскій, бывшій ординарный профессоръ казанской духовной академіи Саблуковъ, экстраординарный профессоръ той же академіи священникъ Маловъ, доцентъ казанской же академіи Остроумовъ и законоучитель крещено-татар-

ской школы священникъ (изъ татаръ) Василій Тимоѣевъ; финской группы: протоіерей Близновскій, г. Золотницкій и г. Яковлевъ, а для группы монголокалмыцкой: экстраординарный профессоръ казанской духовной академіи Міротворцевъ. Эти же лица раздѣляютъ между собою труды и ознакомленія будущихъ миссіонеровъ съ магометанскими и другими инородческими религіями. Ясно, что такое почтенное общество ревнителей специалистовъ могло составиться только въ Казани. И такъ, по самой силѣ вещей, Казани суждено быть родоначальницею перваго миссіонерскаго института, такъ давно желаемого въ нашемъ отечествѣ. Совѣтомъ Православнаго Миссіонерскаго Общества для новаго учрежденія согласно съ проектомъ ассигновано на первое время по 2000 р. въ годъ. Совѣтъ не сомнѣвается, что это распоряженіе его будетъ одобрено общимъ собраніемъ, что означенная сумма утверждена будетъ въ смѣтѣ расходовъ на текущій годъ, и дано будетъ совѣту полномочіе оказывать всякую возможную поддержку новому учрежденію. Время покажетъ, какое участіе придется принять въ этомъ дѣлѣ нашему Обществу. По всей вѣроятности, оно будетъ весьма значительно.

Относительно расширенія круга дѣятельности Православнаго Миссіонерскаго Общества мы должны сказать, что въ послѣднее время неожиданно открылись для него два новыхъ необъятныхъ поприща, — одно въ нѣдрахъ нашего отечества, другое за его предѣлами.

Подъ первымъ мы разумѣемъ магометанское населеніе Россіи. Доселѣ наши взоры были обращены только на миссіи сибирскія и на отдаленныя восточныя окраины отечества, но замѣчательная записка, полученная совѣтомъ въ недавнее время отъ одного изъ членовъ братства св. Гурія, указываетъ на необходимость устроенія миссіи и можетъ быть не одной, не въ дальнемъ разстояніи отъ Москвы. Мы не замѣтили, что отъ Касимова до Самарканда и отъ Самары до границъ Китая бродитъ магометанскій духъ, тайно движется мусульманская пропаганда, и устроится крѣпкое духовное царство Магомета. Давно извѣстно, что мелкія инородческія языческія племена крещенныя и некрещенныя въ тѣхъ мѣстностяхъ Россіи, гдѣ они соприкасаются съ магометанами, въ религіозномъ отношеніи поглощаются магометанствомъ, и пополняютъ собою число его послѣдователей.

Нынѣ дѣло дошло и до старинныхъ христіанъ, не только изъ татаръ, но и изъ коренныхъ русскихъ. Въ отчетѣ рязанскаго еомитета Православнаго Миссіонерскаго Общества по поводу разсказа объ устройствѣ Карамышевской школы говорится: «въ Касимовѣ, уѣздномъ городѣ нашей губерніи, и близъ него болѣе четырехъ вѣковъ обитаетъ часть татаръ, держащихся магометанской вѣры. Въ XVI и XVII вѣкѣ наше правительство довольно прилагало старанія объ обращеніи ихъ въ православную вѣру, но въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка татарское народонаселеніе рязанской губерніи въ дѣлѣ религіи вполнѣ предоставлено было самому себѣ¹⁴⁾. Отсюда произошло то, что касимовскіе татары не только сами упорно стоятъ въ своихъ религіозныхъ заблужденіяхъ, но и простираютъ свое губельное вліяніе на окрестныхъ среди нихъ живущихъ, русскихъ крестьянъ, зависящихъ отъ нихъ по своей хозяйственной сторонѣ. Зловредное дѣйствіе татаръ-магометанъ всего болѣе замѣтно на крестьянахъ села Карамышева, которые часть обычаевъ переняли отъ татаръ и охладѣли къ уставамъ православной церкви». Христіане изъ татаръ въ казанской епархіи, по словамъ помянутой записки, отпадаютъ отъ церкви и возвращаются въ магометанство въ огромномъ количествѣ. Въ Казанскомъ уѣздѣ отъ шести крещено-татарскихъ приходоувъ остается пока вѣрнымъ церкви Христовой только одинъ. Въ уѣздахъ Лаишевскомъ и Мамадышскомъ отступничество развивается такъ же сильно и поддерживается сосѣдствомъ магометанскихъ селеній со множествомъ мечетей и муллъ. Къ 1866 году въ одной казанской епархіи отступникоувъ было по официальнымъ документамъ 9 тысячъ душъ, а къ 1874 году число ихъ возростало до 12,000 человекъ, а сколько есть колеблющихся въ православной христіанской вѣрѣ, неутвержденныхъ и наклонныхъ къ отпаденію,—этого и опредѣлить не возможно. Отступники отъ христіанства въ магометанство—это самый жалкій и несчастный народъ. Отрекаясь отъ христіанства, они попадаютъ въ руки такъ-называемыхъ коштановъ—людей грубыхъ, дерзкихъ и фанатичныхъ въ ислаимизмѣ, со всѣми худыми его сторонами. Руководимые этими

¹⁴⁾ См. Чтен. въ Общ. Любителей Духовн. Просвѣ 1875 г. февраль-стран. 218.

безконтрольными лжемуллами, они часъ отъ часу проникаются большею и большею ненавистью къ всему христіанскому, и вмѣстѣ съ тѣмъ и ко всему русскому, такъ какъ они по наученію своихъ развратителей смѣшиваютъ свои понятія о христіанскомъ и о русскомъ, называя вѣру христіанскую вѣрою русскою. По этому съ увѣренностью можно сказать, что, отступая отъ вѣры Христовой, они по внѣшности только, какъ бы по неволѣ, остаются подданными русскаго правительства, во внутреннемъ же настроеніи души своей тяготѣютъ туда, гдѣ царствуетъ исламъ, и при первыхъ благопріятныхъ для нихъ условіяхъ, согласно ученію Корана, подобно бывшимъ на Кавказѣ Мюридамъ могутъ оказаться самыми опасными для насъ поселенцами на землѣ нашей... Отступники пускаютъ въ ходъ безсовѣстный обманъ, будто есть царскій указъ, дозволяющій и даже повелѣвающій крещенымъ татарамъ переходить въ свою прежнюю магометову вѣру. Они препятствуютъ дѣтямъ учиться въ христіанскихъ школахъ, и нѣсколько такихъ школъ почти насильно разогнали, взявъ изъ нихъ дѣтей своихъ и всѣми способами препятствуя учиться дѣтямъ не отпадшихъ родителей. Они дѣтей подвергаютъ не только соблазнамъ, но и истязаніямъ и побоямъ, заставляя ихъ насильно отречься отъ Христовой вѣры и дѣлаться магометанами. Они тиранятъ своихъ женъ, не хотящихъ раздѣлать съ ними отступничество и прогоняютъ ихъ отъ себя. Даже стариковъ-отцевъ и дѣдовъ не щадятъ. Наконецъ, они подвергаютъ насильственно даже взрослыхъ дѣтей обрѣзанію, отъ чего были случаи не только болѣзни, но даже смерти. Однимъ словомъ, магометанство, по свидѣтельству записки, основанной во всѣхъ подробностяхъ на несомнѣнныхъ документахъ, изъ оборонительнаго положенія, въ какомъ повидимому должно бы находиться въ Россіи въ отношеніи къ христіанству, перешло въ положеніе «наступательное». Что такія проявленія магометанскаго духа оказываются не въ одной Казанской губерніи, это давно извѣстно. Преосвященный одной изъ сосѣдственной съ казанской епархіи, писалъ предсѣдателю Общества еще въ 1870—1872 годахъ объ опасномъ положеніи магометанства во вѣрнной ему паствѣ, покровительствуемаго разными привилегіями. Въ письмѣ отъ 18 апрѣля 1873 года онъ рассказъ, между прочимъ, слѣдующій случай. «Недавно одинъ сель-

скій священникъ окрестилъ башкирку, жившую не далеко отъ церкви. Родственники ея и однодеревенцы, узнавъ объ этомъ, больше ста человекъ верхами прискакали въ село съ дубинами, и хотѣли избить и священника и всѣхъ, кто содѣйствовалъ крещенію башкирки; нѣкоторыхъ русскихъ изранили; едва успокоили разъяренную толпу; священникъ не смѣлъ уже и показаться имъ. А магометанское собраніе (мѣстное магометанское управленіе) стало придираться къ консисторіи,—за чѣмъ-де священники русскіе обманываютъ, совращаютъ мусульманъ, крестятъ безъ согласія родственниковъ и сельскаго начальства».

Авторъ помянутой записки, рассказавъ, что и прежде были совращенія крещеныхъ татаръ, но и принимаемы были противъ нихъ мѣры, съ особеннымъ сочувствіемъ останавливается на одномъ проектѣ бывшаго архипастыря казанскаго Филарета; въ послѣдствіи митрополита кievскаго, который въ 1830 году былъ Высочайше одобренъ въ Божѣ почившимъ Императоромъ Николаемъ Павловичемъ и признанъ «весьма основательнымъ.» Существенные и главнѣйшіе пункты этого проекта состоятъ въ томъ, чтобы 1) приходы съ инородческимъ населеніемъ въ особенности татарскимъ, всегда были замѣщаемы священниками вполне благонадежными, наилучшимъ образомъ знающими языкъ прихожанъ. 2) Богослуженіе въ главнѣйшихъ частяхъ было совершаемо на языкѣ прихожанъ. 3) Заводимы были церковноприходскія школы и 4) чтобы былъ надъ приходами инородческими самый тщательный надзоръ чрезъ особыхъ специальныхъ миссіонеровъ опытныхъ и способныхъ руководить священниковъ въ ихъ дѣятельности. Въ исполненіе послѣдняго пункта въ томъ же 1830 году избраны были въ должность миссіонеровъ три архимандрита; которые продолжали свою дѣятельность по 1844 г.; затѣмъ назначены были два протоіерея, дѣйствовавшіе по 1859 годъ. Въ 1859 году, безъ всякаго начальственнаго распоряженія объ отмѣнѣ, миссіонерство прекратилось. Какъ ни кратко было его существованіе, говоритъ авторъ, однакоже оно принесло неоспоримую пользу. Нѣтъ сомнѣнія, что еслибы это учрежденіе поддержано было въ надлежащее время во всей силѣ, то достигнуты были бы еще болѣе прочные результаты.

Согласно съ этимъ забытымъ, но не отмѣненнымъ установленіемъ; авторъ весьма основательно желаетъ возстановленія при

казанскомъ архіепископѣ миссіонерскаго совѣта изъ лицъ вполнѣ способныхъ и приготовленныхъ, исключительная обязанность которыхъ состояла бы въ посѣщеніи возможно частомъ инородческихъ, особенно крещено-татарскихъ приходовъ и тщательномъ наблюденіи надъ религіознымъ ихъ состояніемъ и въ руководствѣ священниковъ этихъ приходовъ. На расходы по этому учрежденію авторъ полагаетъ достаточнымъ 3,000 руб. въ годъ. Признавая эту мѣру совершенно необходимою и, вмѣстѣ съ учрежденіемъ въ Казани частнаго миссіонерскаго пріюта, обѣщающаго добрые плоды въ будущемъ, Совѣтъ предлагаетъ общему собранію уполномочить его войти въ сношеніе по сему предмету съ казанскимъ архипастыремъ и, по мѣрѣ возможности, помочь изъ средствъ Общества возстановленію забытаго учрежденія. Нѣтъ сомнѣнія, что скоро понадобится для борьбы съ усиливающимся магометанствомъ нѣчто подобное и въ другихъ епархіяхъ.

Второе новое поприще открывающееся для дѣятельности нашего Общества, какъ мы сказали, за предѣлами отечества — есть Японія.

Весь просвѣщенный міръ съ глубокимъ интересомъ слѣдитъ за преобразованіями, совершающимися нынѣ въ этой сторонѣ по всѣмъ отраслямъ государственной жизни. Эта умная, и по своему развитая, нація по образцамъ, заимствуемымъ изъ просвѣщеннѣйшихъ странъ Европы, преобразуетъ свои училища, армію, флотъ, внутреннее управление и промышленныя учрежденія съ необыкновенною быстротою. Какъ будто забыта ею и оставлена позади одна только религія. Но допускаемая японскимъ правительствомъ свобода вѣроисповѣданій ясно показываетъ, что оно уже задумалось и надъ вопросомъ о религіи. Иначе и быть не можетъ. Европейское просвѣщеніе и цивилизація, взятая въ лучшемъ и истинномъ смыслѣ, суть результаты проникновенія христіанскихъ духовныхъ началъ во внѣшнюю и общественную жизнь народовъ. По сему, усвоивъ плоды христіанства, Японія не можетъ не встрѣтиться съ самимъ христіанствомъ и не почувствовать на себѣ его благотворнаго вліянія. А такъ какъ христіанское просвѣщеніе не можетъ привиться къ язычеству и удержаться на его почвѣ, и такъ какъ, — далѣе, — просвѣщеніе цѣлыхъ народныхъ массъ всегда держится не на

философскихъ ученіяхъ, а на религіозныхъ вѣрованіяхъ: то японское правительство, при водвореніи христіанскаго просвѣщенія въ средѣ своего народа, скоро встрѣтится и съ рѣшительною необходимостію принять христіанство не въ видѣ однихъ идей, а и въ формѣ положительной религіи, и объявить эту религію господствующею въ странѣ. И такъ Японія скоро приметъ религію христіанскую. Въ какомъ же видѣ?

Очевидно, въ видѣ какого-либо христіанскаго исповѣданія изъ существующихъ въ Европѣ: православнаго, римско-католическаго, или протестантскаго—въ одномъ или въ нѣсколькихъ изъ разнообразныхъ его развѣтленій. Нѣкоторые думаютъ, что японское правительство само сочинитъ себѣ какую-нибудь новую рациональную религію, присоединивши къ исповѣдаемому имъ буддизму, идеи христіанскія; но такое мнѣніе могутъ имѣть только люди, не имѣющіе отличить религіозныхъ догматовъ и проистекающихъ отъ нихъ обязательныхъ обрядовъ отъ простыхъ отвлеченныхъ мыслей и произвольныхъ нравственныхъ дѣйствій. Въ націи мыслящей сочинитъ новую религію и навязать ее народу—нельзя; надобно доказать ея высшее божественное происхожденіе и священное нравственно-обязательное значеніе. Притомъ, народъ японскій уже упреждаетъ рѣшеніе правительства относительно принятія христіанства: въ Японіи уже сильно распространяются и православіе и католичество и протестантство. Остается только не рѣшеннымъ вопросъ: какое исповѣданіе окажется преобладающимъ и господствующимъ въ странѣ и станетъ религіею самаго правительства?

Рѣшеніе этого вопроса въ Японіи приближается съ каждымъ днемъ, и если съ нетерпѣніемъ ожидаютъ этого рѣшенія всѣ просвѣщенные государства Европы, то Россія должна ожидать не только съ нетерпѣніемъ, но и съ замираніемъ сердца. Если всѣ христіанскія націи содѣйствуютъ всеми силами рѣшенію этого вопроса въ пользу исповѣдуемыхъ ими религій: то Россія должна стараться объ этомъ больше всѣхъ другихъ націй.

Нынѣ многіе [ученые и политики думаютъ, что единеніе и братство разноплеменныхъ народовъ, столь желательныя для блага человѣчества, могутъ быть достигнуты путемъ просвѣщенія и цивилизаціи: нѣтъ,—эта мысль ложная. Человѣчeskія нау-

ки и цивилизація въ примѣненіи къ практической жизни всегда имѣютъ въ виду и преслѣдуютъ временный, земной интересъ, а этотъ интересъ, распадаясь на множество различныхъ выгодъ и преимуществъ, желаемыхъ каждымъ народомъ, и представляетъ большую частію предметъ соперничества и борьбы между народами. Область единенія и братства народовъ должна стоять выше земныхъ отношеній—племенныхъ, территориальныхъ, политическихъ и т. под., — именно въ высшей сферѣ духа, гдѣ земныя разности между людьми исчезаютъ, а выступаютъ во всей силѣ стремленія къ вѣчному духовному совершенствованію и къ вѣчной жизни; а это—и есть область религіи. Здѣсь народы соединяются въ вѣрѣ въ одного общаго Отца — исповѣдуемаго ими Бога, въ любви къ общимъ духовнымъ предкамъ, — святымъ чтимымъ по ихъ религіи, въ почтеніи къ однимъ дорогимъ историческимъ памятникамъ и преданіямъ, въ привязанности и привычкѣ къ однимъ религіознымъ таинствамъ, обрядамъ, обычаямъ, при исполненіи которыхъ они и при племенныхъ разностяхъ, при первой встрѣчѣ оказываются одною родною семьею. И такъ, *разноплеменные народы дѣлаются братьями только по вѣрѣ.*

Теперь вопросъ: естественно-ли русскому народу желать, чтобы сосѣдь его на отдаленномъ востокѣ, свыше тридцатимилліонный народъ японскій, сдѣлался братомъ ему по вѣрѣ, или можно равнодушно отпустить его въ одно изъ чуждыхъ намъ западныхъ религіозныхъ семействъ? Естественно ли русскому народу желать пріобрѣсти въ Японіи дружественную и родственную по вѣрѣ сосѣднюю націю, или, предоставивъ ее протѣстантству и католичеству, допустить въ ней организовать новому гнѣзду интригъ противъ насъ для западныхъ народовъ, которые потому особенно намъ всегда и враждебны, что между ими и нами издавна утвердились религіозное отчужденіе и духовная вражда?

Мы не допускаемъ и мысли, чтобы русскіе хотя на минуту склонились къ отрицательному рѣшенію этихъ вопросовъ; но дѣло въ томъ, что проходить уже пора думать и разсуждать объ этомъ, а настала пора дѣйствовать, и дѣйствовать быстро и рѣшительно. Японія переживаетъ чрезвычайно важный исто-

рической моментъ, который для нея уже не повторится; а Россія, больше всѣхъ другихъ націй заинтересованная ея судьбою, имѣеть не только благопріятный, но единственный случай пріобрѣсть въ ней себѣ брата по вѣрѣ, добраго сосѣда и друга; пропустивши этотъ случай, она потеряетъ его безвозвратно, и объ этомъ въ послѣдствіи цѣлые вѣка будутъ вспоминать съ сожалѣніемъ и угрызениемъ совѣсти. Теперь миссіонеры, церкви и школы пріобрѣтутъ намъ въ Японіи друга, а если мы опустимъ настоящее благопріятное къ этому время: то потомковъ нашихъ на восточной окраинѣ Россіи должны будутъ защищать отъ Японіи, какъ отъ врага, — войска, крѣпости и пуши.

Всѣ признаки современнаго религіознаго движенія въ Японіи оказываются благопріятными для православія. Японцы ревностно принялись за изученіе русскаго языка. Наша миссія въ Японіи, не взирая на крайнюю скудость своихъ средствъ, пріобрѣтаетъ перевѣсъ въ сочувствіи къ ней народа предъ миссіями протестантскою и католическою. Начальникъ нашей миссіи архимандритъ Николай, самъ по себѣ достойнѣйшій служитель церкви и проповѣдникъ вѣры, пользуется большимъ уваженіемъ въ самомъ высшемъ обществѣ Іеддо — столицы Японіи. Заведенные имъ для японскихъ дѣтей четыре школы переполняются учениками, такъ что недостаетъ ни мѣста, ни учителей. Приготавливаемые имъ изъ самихъ японцевъ катихизаторы расходятся по провинціямъ и пріобрѣтаютъ значительное число вѣрующихъ во Христа, хотя и не могутъ еще ни крестить, ни исполнѣ соединить ихъ съ православною церковію по недостатку храмовъ и священниковъ. Но этихъ катихизаторовъ не посылается и сотая часть сравнительно съ тѣмъ, сколько было бы нужно и можно разослать ихъ по Японіи, еслибы были достаточныя средства въ рукахъ начальника миссіи. *Жатва открывается многа, но дѣлателей мало.*

Итакъ, настала пора сдѣлать по этому великому вопросу свое дѣло русскому народу. Пусть вспомнитъ онъ, что значило для Россіи время св. Владимира, и каковы были дѣйствія для просвѣщенія нашего отечества греческихъ царей и патріарховъ, и сдѣлаетъ для Японіи то, что мать наша — греческая церковь въ свое время сдѣлала для насъ. Это его нравственный свя-

щенный долгъ помимо всякихъ политическихъ расчетовъ. *Теперь или никогда*, вѣтъ положеніе, въ которомъ мы поставлены по отношенію къ просвѣщенію Японіи вѣроу Христовою.

Православному Миссіонерскому Обществу предлежитъ принести свою долю участія и труда на утвержденіе православія въ Японіи. Съ двухъ сторонъ въ одно время дѣло японской миссіи, какъ бы само собою, подошло къ нашему Обществу. Съ самаго начала появленія печатныхъ извѣстій о состояніи Японской миссіи, въ Совѣтъ Общества безъ всякаго вызова ревнители стали доставлять въ пользу ея пожертвованія, и Совѣтъ безъ всякаго права вынужденъ былъ принимать ихъ. Съ другой стороны, начальникъ японской миссіи въ своихъ тяжкихъ заботахъ о построеніи церкви и дома въ Іеддо, объ устройствѣ училища и умноженіи и содержаніи катихизаторовъ искалъ опереться на Общество, и началъ посылать Совѣту свои отчеты и корреспонденціи — также безъ законнаго основанія. Совѣтъ не могъ не принимать того и другаго по важности самаго дѣла, и нѣкоторые члены его по собственному усердію горячо приняли къ сердцу дѣло японской миссіи. Все это оказалось полумѣрами, и предсѣдатель Общества, высокопреосвященнѣйшій митрополитъ Иннокентій возымѣлъ мысль предложить общему собранію 1873 года предпринять ходатайство о разрѣшеніи Православному Миссіонерскому Обществу принять японскую миссію подъ свое покровительство, съ тѣмъ, чтобы заботы его объ японской миссіи приняли правильное теченіе и порядокъ. Нынѣ Совѣтъ Общества можетъ сообщить настоящему собранію, что мы имѣемъ уже и законное полномочіе на попеченіе объ японской миссіи. 28 апрѣля получилъ его высокопреосвященствомъ указъ св. Синода отъ 24 апрѣля сего года за № 996, въ которомъ изъяснено, что Государь Императоръ въ 10 день февраля, Высочайше соизволилъ утвердить опредѣленіе св. Синода отъ 27 ноября (16 декабря) 1874 года о принятіи японской миссіи подъ покровительство Православнаго Миссіонерскаго Общества.

Будемъ надѣяться, что по мѣрѣ расширенія круга дѣятельности Православнаго Миссіонерскаго Общества Господь пошлетъ ему и новыя средства. Въ настоящее время Совѣтъ покорнѣе

просить общее собраніе утвердить сдѣланное имъ въ прошедшемъ году пособіе японской миссіи въ 3604 руб. и уполномочить его въ текущемъ году дѣйствовать по отношенію къ сей миссіи по требованію обстоятельствъ ¹⁵⁾.

¹⁵⁾ Изложенныя здѣсь предположенія: объ образованіи Общества переводчиковъ священныхъ книгъ на инородческіе языки, объ устройствѣ частнаго пріюта для миссіонеровъ въ Казани, объ учрежденіи тамъ же миссіонерскаго совѣта при архіепископѣ, и наконецъ о назначеніи по усмотрѣнію Совѣта пособій для японской миссіи внесены въ журналъ общаго Собранія Прав. Мисс. Общества 11 мая и утверждены онымъ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ цензурный комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, іюля 24 дня 1875 г.

Цензоръ Протоіерей А. Соколовъ.

С Л О В О

СКАЗАННОЕ ПРЕОСВЯЩЕННЫМЪ ХРИСАНΘОМЪ, ЕПИСКОПОМЪ
АСТРАХАНСКИМЪ, ВЪ НИКОЛАЕВСКОЙ ЧУРКИНСКОЙ ПУСТЫ-
НИ 9 МАЯ 1875 ГОДА ¹⁾.

Свѣтлыя чувства, братія, возбуждаетъ видъ вашей св. обители, когда приближаешься къ ней, среди окружающихъ ее водныхъ пустынь. Благолѣненъ вашъ храмъ, скромны, но чисты и удобны ваши жилища. Хвала усердію вашихъ предшественниковъ, устроителей вашей обители, хвала и вашимъ трудамъ, продолжающимъ ихъ дѣло. Но отъ этого вѣшняго благоустройства вашей обители я скорѣе хотѣлъ бы перейти къ мысли о томъ внутреннемъ, нравственно-общественномъ значеніи, какое могла бы имѣть она для нашего края. Все, въ самомъ дѣлѣ, невольно вызываетъ на размышленіе объ этомъ, — и время, въ какое открыта ваша обитель, и мѣсто, какое для нея избрано.

Обитель ваша въ нашемъ краѣ есть послѣдняя по времени явленія, новая. Немного ихъ было и отъ начала въ нашей, небогатой православнымъ населеніемъ, хотя и широкой по пространству мѣстности. Но и изъ числа этихъ немногихъ обителей, не смотря на относительную недавность православія въ краѣ, нѣкоторыя уже исчезли, прекратили свое существованіе.

¹⁾ Николаевская Чуркинская пустынь лежитъ въ 50 верстахъ отъ Астрахани, вблизи Каспійскаго моря, на юго-восточной сторонѣ дельты, образуемой устьемъ Волги, среди многочисленныхъ ея притоковъ. Основана около 30-ти лѣтъ тому назадъ.

Самая древняя и первая по времени основанія обитель наша давно уже не существуетъ ²⁾; другая, болѣе видная между ними и обѣщавшая, судя по ея вещественнымъ средствамъ, самое долгое существованіе, упразднена на нашихъ глазахъ ³⁾. Самая дѣятельность обителей нашего края мало извѣстна въ исторіи. Въ народѣ хранится благоговѣйная память о первомъ начальникѣ первой обители въ Астрахани—и только ⁴⁾. Исторія нашей русской церкви не знаетъ ни историческихъ дѣятелей, вышедшихъ изъ нашихъ обителей, ни лицъ, прославившихся подвигами благочестія. Исключеніе составляетъ только святитель, мученикъ нашего края, душу свою положившій за люди своя ⁵⁾, который воспитался въ самой древней изъ астраханскихъ обителей и изъ нея вышелъ на архипастырское служеніе. Нѣтъ сомнѣнія, что и здѣсь, у насъ, какъ и на мѣстѣ другаго изъ завоеванныхъ тогда мусульманскихъ царствъ — царства казанскаго, при первоначальномъ водвореніи православія и устройствѣ церквей, была усиленная дѣятельность пастырей и иночества, но почему-то все это осталось мало извѣстнымъ для общей русско-церковной исторіи. Всего вѣроятнѣе потому, что пастырская дѣятельность въ нашемъ краѣ первоначально не была самостоятельною, а находилась въ зависимости отъ дѣятелей въ прежде бывшемъ царствѣ казанскомъ и сливалась съ ихъ дѣятельностію. Какъ бы то ни было, то—фактъ, что обители астраханскаго края не вошли въ исторію. Я думаю, теперь, братія, не сдѣлается ли памятною въ исторіи церкви новая обитель нашего края, — ваша, она не войдетъ ли въ исторію?

Чѣмъ, какъ? Конечно, тѣмъ же, чѣмъ становились извѣстными въ исторіи и всѣ другія наши иноческія обители, т. е.

²⁾ Троицкій монастырь еще въ 1700 г. приписанный къ московской лаврѣ, а въ 1807 году по совершенномъ упраздненіи къ кафедральному астраханскому собору.

³⁾ Спасопреображенскій монастырь, упраздненный въ 1874 году.

⁴⁾ Игуменъ Кириллъ, первый настоятель Троицкаго монастыря.

⁵⁾ Разумѣется митрополитъ Іосифъ, убиенный шайкою Стеньки Разина въ 1671 году.

внутренними подвигами самоотреченія и внѣшнею дѣятельностію во имя вѣры и церкви... И странно было бы, братія, представить, что мы здѣсь, въ виду этихъ водныхъ пустынь, ведущихъ къ безбрежной водной пустынѣ моря, стали бы искать чего-либо другаго, кромѣ подвига и того покоя и мира души, который дается подвигомъ самоотреченія. Нѣтъ сомнѣнія, что и ваши отцы, устроители вашей обители, ни чѣмъ не руководились и не могли руководиться при устройеніи обители, кромѣ искренняго желанія послужить дѣлу спасенія своего и другихъ. То самое, что они открывали вашу обитель въ самые послѣдніе дни, въ наше время, особенно строгое и взыскательное въ своихъ требованіяхъ по отношенію къ иночеству, не общающее ему ничего, кромѣ этихъ требованій, иногда, быть можетъ, суровыхъ и жесткихъ, показываетъ уже, что они готовы были на всякій подвигъ. Духъ блаженной памяти отцовъ, вашихъ предшественниковъ, да неоскудѣваетъ въ васъ, а да возрастаетъ и усугубляется...

Но для жизни общественной еще замѣтнѣе подвиги открытые, внѣшніе. Они также ожидаютъ отъ васъ.

На такое значеніе вашей обители указываетъ самая мѣстность, ею занимаемая. Не знаю, имѣли ли это въ виду недавніе устроители вашей обители, — думаю, что да. Но я вижу въ этомъ указаніе божественнаго провидѣнія, призваніе васъ самимъ Господомъ къ дѣятельности во имя вѣры и церкви.

Обитель ваша стоитъ на самомъ конечномъ юго-восточномъ предѣлѣ нашей области и на одной изъ границъ великаго государства съ этой юго-восточной стороны. Васъ окружаютъ и поклонники лжепророка и чистые язычники ⁶⁾, а за вами — на другомъ берегу моря, которое виднѣется отъ васъ, — та область невѣрія ⁷⁾, откуда исходитъ и то невѣріе, которое здѣсь насъ окружаетъ и гдѣ оно находитъ себѣ пищу и поддержку, тамъ начинаются уже страны, гдѣ совсѣмъ неизвѣстно имя Христово.

⁶⁾ Калмыки, преимущественно же киргизь-кайсаки.

⁷⁾ Полуостровъ Мангышлакъ.

Стоя, такимъ образомъ, на одной изъ самыхъ конечныхъ окраинъ нашего великаго царства, обитель ваша образуетъ собою, если можно такъ выразиться, передовой постъ церкви, направленный въ страны мусульманскаго и языческаго невѣрія. Она должна быть тѣмъ же въ нравственномъ смыслѣ, чѣмъ служатъ для плавателей по морю маяки на морскомъ прибрежьи,—должна указывать, освѣщать путь ко Христу и Его церкви.

Вы много можете сдѣлать для этой цѣли и своимъ внутреннимъ подвигомъ. Ваша уединенная жизнь, ваше воздержаніе, ваша любовь, незнающая различія въ людяхъ, ваша благотворительность, простирающаяся не только на своихъ единовѣрцевъ, но и на этихъ иноплеменниковъ, васъ окружающихъ, благолѣпіе вашего богослуженія и вашей святыни, — все это можете располагать къ вамъ этихъ иновѣрцевъ. Но еще болѣе можете служить этой цѣли и прямо къ ней направленная ваша дѣятельность. Вы можете для цѣлей обращенія въ христіанство жертвовать и вещественно. И вы приносите эти матеріальныя жертвы. И я пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы сказать вамъ за это слово благодарности отъ лица всей нашей мѣстной церкви... Но вы можете приносить и еще высшую жертву,—можете самихъ себя посвятить этому великому и высокому дѣлу. Вы можете вести проповѣдь о Христѣ съ этими иновѣрцами, можете обучать дѣтей ихъ для привлеченія ихъ потомъ къ вѣрѣ. Не думайте, что для этого отъ васъ требуется что-то особое, чрезвычайное, что это для васъ не легко или невозможно. Возможно это для всякаго, искренно, сердечно вѣрующаго. Обращаетъ къ вѣрѣ скорѣе всего и легче всего простая, но живая и сильная вѣра, а не ученость, иногда холодная и бездушная. На сердце дѣйствуетъ сердце же и теплое чувство, а не разсужденія и выспреннія соображенія ума.

А это нужно, братія, нужно для васъ... Не совсѣмъ напрасны тѣ, конечно и вамъ извѣстныя, требованія нынѣшняго общества, чтобы, сверхъ подвиговъ внутренняго благочестія, обители иноческія служили и для церковно-общественныхъ

нуждъ и цѣлей. Правда, мы могли бы сказать въ отвѣтъ на эти толки, что монастыри служатъ общему дѣлу вѣры и нравственности уже самимъ своимъ внутреннимъ, личнымъ подвигомъ. Внутренняя, личная, высокая жизнь подвижника и сама по себѣ имѣла и всегда можетъ имѣть общественное значеніе, потому что служить показателемъ высоты жизни и примѣромъ ея для цѣлаго общества... Великіе подвижники древности уходили изъ міра въ пустыню за тѣмъ, чтобы изъ нея изнести въ самый міръ новыя, высокія требованія христіанской нравственности; за тѣмъ, чтобы міръ послѣ узналъ, увидѣлъ всю высоту и широту христіанской добродѣтели. И міръ христіанскій, въ томъ нѣтъ сомнѣнія, много обязанъ перемѣною въ самой своей общественной жизни и усовершеніемъ своей общественной нравственности одиночнымъ, уединеннымъ, и, повидимому, только личнымъ подвигамъ древнихъ великихъ пустынножителей. Но намъ могутъ возразить — и совершенно справедливо, что полнота вѣры и внутренней жизни не можетъ не отражаться и во внѣ... Кто внутри исполненъ чувства вѣры, тотъ не можетъ оставаться равнодушнымъ относительно невѣрія, особенно, когда онъ видитъ его, когда оно окружаетъ его. Такого, т. е. только внутренняго подвижничества, совершенно отрѣшеннаго отъ всякой внѣшней дѣятельности, собственно говоря, никогда и не было. Наши обители издревле были и разсадникомъ духовнаго просвѣщенія и средоточіемъ дѣятельности церковно-общественной.

Знаете ли вы, братія, что почти весь сѣверъ нашей великой страны обязанъ не только своимъ обращеніемъ въ христіанство, но даже и своимъ заселеніемъ нашимъ древнимъ иноческимъ обителямъ? Инокі ходили съ проповѣдью по дикимъ лѣсамъ, обращая ко Христу не только единоплеменниковъ, но и ивородцевъ сѣвера. Русскій крестьянинъ шелъ съ своею сѣкирою въ дремучіе лѣса нашего сѣвера уже послѣ того, какъ путь для него проложенъ былъ и освященъ стопою св. подвижниковъ... Такъ зачинались и возникали на нашемъ сѣверѣ «вочники» и селенія.

Вотъ, еслибъ ваша обитель, братія, была для этой юго-восточной окраины нашего царства тѣмъ же, или чѣмъ-либо подобнымъ тому, чѣмъ были и служили нѣкогда обители сѣвера! Еслибъ, то есть, она послужила къ обращенію нашихъ инновѣрцевъ и къ заселенію христіанами этого побережья нашего моря!...

Святитель Христовъ, именемъ котораго называется ваша обитель и которому посвященъ вашъ храмъ, при жизни своей отличавшійся особенною ревностію къ православію, да послужитъ вамъ примѣромъ. А молитва предъ Господомъ этого великаго небеснаго ходатая, извѣстнаго даже здѣшнимъ инновѣрцамъ, да дастъ вамъ силы для трудовъ ради Господа и Его св. Церкви. Аминь.

ЖИЗНЬ И УЧЕНИЕ БОГОМИЛОВЪ

ПО ПАНОПЛІИ ЕВΘΙΜΙΑ ΖΙΓΑΒΕΝΑ

И ДРУГИМЪ ИСТОЧНИКАМЪ *).

Ученіе богомиловъ о твореніи міра и
человѣка.

«Сатанаилъ, низверженный съ неба, не могъ основать свое жилище на водахъ;—земля была невидима и неустроена. Божественный образъ (*θεία μορφή*), одѣяніе и творческая сила остались между тѣмъ при немъ. И вотъ онъ собираетъ падшихъ вмѣстѣ съ нимъ ангеловъ, ободряетъ ихъ и говоритъ: Богъ сотворилъ небо и землю (Бытія I, 1). Я, другой богъ, устрою второе небо и все прочее по порядку. Сатанаилъ сказалъ: «да будетъ твердь»—и стала твердь. Далѣе онъ продолжалъ твореніе въ томъ порядкѣ, какъ оно описано въ книгѣ Бытія: украсилъ второе небо, отдѣлилъ воду отъ земли, произвелъ растенія и животныхъ. Это второе твореніе онъ назначилъ жилищемъ для себя и для подвластныхъ ему духовъ. Затѣмъ онъ образовалъ тѣло Адама изъ земли и воды и поставилъ его въ прямомъ положеніи. При этомъ какая-то влага потекла изъ Адама въ правую ногу и черезъ большой палецъ извилинами (*ἐλικροειδῶς*) ушла въ землю, образовавъ фи-

*) См. іюльскую кн. Прав. Обзорѣнія 1875 г.

гуру змія. Собравъ свое дыханіе (πνεύμα), Сатанаилъ вдунуль въ образованное имъ тѣло жизнь. Но этотъ духъ, пролившись черезъ пористую толщу (διὰ χαυνότητα) тѣла въ правую ногу, попалъ черезъ большой палецъ въ извилистую струю; она тотчасъ получила жизнь и отдѣлившись отъ пальца, стала змѣемъ и поползла. Потому змій и отличается хитростію, что его оживляетъ душа Сатанаила. Замѣтивъ, что усилія его ни къ чему не ведутъ, этотъ новый творецъ черезъ посольство обратился (διεπρεσβέυσατο) къ благому Отцу и просилъ ниспослать Своего духа (πνοήν), общая, что человѣкъ будетъ принадлежать имъ обоимъ, если будетъ оживленъ, и что племя его восполнитъ мѣста на небѣ, оставленныя падшими ангелами. Богъ, по благодати своей, исполнилъ просьбу діавола, вдунуль въ созданіе Сатанаила дыханіе жизни. Тотчасъ явился человекъ съ живою душою, которая просвѣтила его и сообщила ему разнообразныя прелести. Когда же затѣмъ изъ тѣла Адама была создана Ева и получила тотъ же блескъ, Сатанаилъ воспламенился завистію; онъ перемѣнилъ свой планъ и сталъ злоумышлять противъ своего созданія; подъ видомъ змія онъ обманомъ соблазнилъ Еву къ соитію (συγγενέσθαι) съ нимъ, для того чтобы его сѣмя, вошедши въ тѣло Евы прежде Адамова сѣмени, возымѣло надъ нимъ господство и всячески препятствовало ему рости и множиться (ἀυξάνεσθαι καὶ πληθύνεσθαι). Скоро Ева, въ болѣзни родовъ, родила, отъ сожитія съ Сатанаиломъ, Каина и подобную ему сестру-близнеца, по имени Каломелу. Движимый ревностію, Адамъ также сдѣлалъ соитіе съ Евою и родилъ Авеля; но его тотчасъ убилъ Каинъ и внесъ этимъ смертоубійство (φόνον; по древн. чтен.—φρονον или φδονον: Narrat de Bogomil. p. 13) въ міръ. Посему и апостоль геворитъ, что Каинъ былъ отъ лукаваго (1 Іоан. III, 12). Черезъ преступленіе съ Евою подъ образомъ змія, Сатанаилъ лишился образа Божія, одѣянія, творческой силы и божескаго имени. Потерявъ все это, Сатанаилъ сталъ темнымъ и для всѣхъ ненавистнымъ. Но благой Отецъ, смягчивъ свой гнѣвъ,

дозволил ему остаться міроправителемъ (κοσμοκράτορ) и владыкою всего, созданнаго имъ послѣ своего паденія» ¹⁾.

Въ изложеніи творенія міра и человѣка по богомильскимъ воззрѣніямъ Евѳимій Зигабенъ стоитъ совершенно одинокимъ писателемъ въ ряду другихъ источниковъ для изученія богомильства. Поэтому считаемъ не лишнимъ обратиться къ одному изъ апокрифовъ, этому, можно сказать, народному богословію, въ основѣ котораго лежитъ также Священное Писаніе, какъ и въ рассказѣ автора Паноплии, только въ апокрифѣ гораздо болѣе примѣшивается разныхъ миеовъ, отголосковъ сирійскаго гносиса и славяно-языческой древности. Этотъ апокрифъ—«Вопросы Іоанна Богослова» ²⁾, съ которыми мы еще не разъ встрѣтимся по ихъ близкому отношенію къ рассказу Евѳимія. Послѣ перваго вопроса Іоаннъ Богословъ спрашиваетъ Христа о томъ, «въ какой славѣ былъ Сатана у Твоего Отца прежде своего паденія?» — Онъ управлялъ всѣми небесными силами и былъ подобенъ Отцу (ipse erat ordinans omnem imitationem patris), отвѣчалъ Христосъ; самъ же Іисусъ сидѣлъ рядомъ съ Отцемъ. Гордость увлекла Сатану къ измѣнѣ: онъ задумалъ поставить престолъ свой выше небесъ и совершенно уподобиться Вышнему. Далѣе изображаются семь небесъ, населенныхъ ангелами. Подъ небесами существовало три стихіи: воздухъ, вода и огонь. Каждую изъ нихъ хранилъ особый ангелъ. Вода покрывала *неустроенную* еще землю, а огонь былъ въ ея внутренности. Спустившись подъ землю, Сатана нашелъ двухъ рыбъ, лежавшихъ на водахъ. Соединенныя между собою подобно пашущимъ воламъ, они поддерживали всю землю отъ запада до востока солнца повелѣніемъ невидимаго Творца ³⁾. Сатана склонилъ на свою сторону ангеловъ воз-

¹⁾ Herrat de Bogom. p. II, gl. VII.

²⁾ О существованіи ихъ въ богомильской сектѣ было сказано выше. Они напечатаны между прочимъ у Thilo, *codex apocryphus Novi Testamenti*. 1832. Лейпцигъ. Подъ заглавіемъ: Liber s. Iohannis apocryphus, I p. 884—896.

³⁾ Этотъ миеъ, въ основѣ котораго лежитъ библейское сказаніе о бегемотѣ и левиаѳанѣ (см. Thilo I p. 887 n. 2), весьма распространенъ въ нашемъ престоноародѣ, помѣщающемъ землю на трехъ китахъ.

духа и воды и старался совратить другихъ ангеловъ. Онъ говорилъ имъ: все, что вы видите, — мое. Если вы послушаете меня, я положу престолъ свой надъ облаками (*in nubibus*) и буду подобенъ Вышнему; воды небесныя я размѣщу въ моряхъ, очищу землю отъ воды и буду царствовать съ вами вѣчно (*in secula seculorum*) ⁴⁾. Одежда, вѣнецъ и престолъ составляли принадлежность добрыхъ ангеловъ ⁵⁾. Все это отнялъ небесный Отецъ у падшихъ ангеловъ. Самъ Сатана лишился своего свѣта и мѣста обитанія. Онъ увлекъ съ собою треть ангеловъ и поселился на тверди небесной. Мучимый угрызеніемъ совѣсти, онъ воззвалъ къ Господу: «прости меня, я покоряюсь тебѣ.» На семь дней ⁶⁾ Господь далъ ему полную свободу (*ut faceret quodcumque vellet usque ad septem dies* ⁷⁾). Затѣмъ Сатана устрояетъ землю, освобождая ее отъ воды. Онъ снимаетъ корону съ ангела водъ; изъ одной половины ея вышло солнце, изъ другой — луна, а изъ драгоцѣнныхъ камней ея — блестящія звѣзды. По волѣ діавола земля производитъ пресмыкающихся, скотовъ, деревья и травы; море — рыбъ и птицъ. Наконецъ, онъ создаетъ тѣло человѣка и спрашиваетъ у Бога двухъ ангеловъ. Послѣдніе соблазнились просьбою Сатаны и были поселены имъ въ тѣла Адама и Евы. Діаволъ между тѣмъ никакъ не могъ помириться съ мыслию, что душа человѣка принадлежитъ Богу и Его ангеламъ, и задумалъ, во чтобы то ни стало, осквернить ее. Обратившись въ змія, онъ прельстилъ Еву на грѣхъ вкусить запрещеннаго плода, т. е. безъ аллегорическаго смысла, вступить въ запрещенную связь.

⁴⁾ Предложенія ангеламъ со стороны сатаны заимствованы, какъ неоднократно говорить и Евеній въ Паноплии, изъ притчи о неправедномъ домоправителѣ.

⁵⁾ Тоже и въ видѣніи Исаи. Engelhardt s. 230.

⁶⁾ День, на основаніи словъ псалмопѣвца, принимается за вѣкъ—въ смыслѣ тысячелѣтія (Thilo, p. 890 n. 5). Эта легенда намекаетъ на тогдашнее убѣжденіе въ семи-тысячелѣтнемъ существованіи міра.

⁷⁾ Это сказаніе проливаетъ свѣтъ на слѣдующее, довольно темное мѣсто Паноплии: *Tantum enim demones possunt, quantum volunt cum eam e sublimi potestatem ad septem usque seculorum finem acceperint. Narrat de Bogom. гл. XII.*

Сперва онъ самъ наслаждался женою и съ тѣхъ поръ сыны діавола и сыны змѣины почали подражать преступленію отца своего діавола до погубленія этого вѣка», говоритъ апокрифъ ⁸⁾).

Въ разсказѣ «Вопросовъ Іоанна Богослова» и Евѣмїа Зигабена о твореніи міра и человѣка нельзя не усматривать замѣтной подкладки сирійско-гностической космогоніи и антропгоніи, представляющихъ пародію на повѣствованіе Моисея объ этомъ предметѣ. Спрашивается: какимъ образомъ гностическія идеи могли проникнуть къ славянскимъ богомиламъ и оттуда въ Грецію? Вопросъ рѣшится самъ собою, если мы припомнимъ, что *павликіанская теорія творенія* весьма близка къ сказанію Евѣмїа и Вопросовъ Іоанна Богослова объ этомъ предметѣ. Павликіане, при близкихъ историческихъ и этнографическихъ ⁹⁾ связяхъ съ богомилами, передали послѣднимъ свое ученіе о *твореніи* міра и человѣка, въ чемъ не сомнѣвается и авторъ Паноплии ¹⁰⁾. Ученіе павликіанъ о твореніи человѣка слѣдующее: однажды Диміургъ, вмѣстѣ съ другими падшими ангелами, увидѣлъ лучезарный образъ и подобіе небснаго Отца. Пораженный необыкновенною красотой этого видѣнія, онъ захотѣлъ, вмѣстѣ съ своими товарищами, создать человѣка по этому образу и подобію. Но усилія его оказались напрасными: твореніе было столь слабо, что не могло устоять на ногахъ и подобно червю ползало по землѣ. Тогда небесный Отецъ, жалившись надъ своимъ подобіемъ, послалъ ему отъ себя искру жизни и созданіе сдѣлалось настоящимъ человѣкомъ. Этотъ двойственный составъ природы человѣка, подъ влияніемъ добраго и злаго начала, обнаруживается теперь въ немъ противоположными стремленіями къ добру и злу ¹¹⁾. Если мы сравнимъ это ученіе съ показаніемъ Иринея и Епифанія кипрскаго объ еретическихъ воззрѣніяхъ сирійскаго гностика Сатурнина, то окажется, что павликіанское ученіе ни

⁸⁾ Thilo, cod. Apocr. I p. 890.

⁹⁾ Gieseler. Lehrbuch d. K. Gesch. II, I, s. 400.

¹⁰⁾ Narrat de Bogomil. гл. VII.

¹¹⁾ Theol. Stud. und Krit. 1829. 113, 114.

больше ни меньше какъ буквальное повтореніе этихъ воззрѣній ¹²⁾. Замѣчательно, что мнѣніе объ участи добраго и злаго начала (бѣлбога и чернобога) въ твореніи міра и человѣка было весьма распространено едва ли не между всѣми славянскими племенами: такъ сродными душѣ славянина показались богомильскія начала! Замѣтимъ еще, что степень участія злаго бога въ твореніи съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе ограничивалась ¹³⁾.

Явленіе Христа. Гл. VII.

«Люди жестоко страдали и гибли подъ властію демоновъ. Только немногіе стали удѣломъ (*μερίδος*) Отца и перешли въ чинъ ангеловъ: именно упоминаемые въ генеалогіяхъ Маттея и Луки. Отецъ замѣтилъ наконецъ, что онъ обманутъ и обиженъ. Онъ далъ человѣку лучшую часть, при твореніи надѣлилъ его разными совершенствами, и между тѣмъ лишился большей части человѣческаго рода. Онъ сжалился надъ душою, которую онъ самъ вдохнулъ, и которая страдала въ тяжеломъ рабствѣ, и для отомщенія за нее изрыгнулъ изъ своего сердца въ 5500 году Слово, т. е. Сына и Бога (Псалом. 45, 1). Этотъ Сынъ и Слово есть архангелъ Михаилъ (Исаія 9, 6). а) Онъ—архангелъ, потому что свѣтлѣе всѣхъ ангеловъ;—Иисусъ, потому что избавлялъ отъ всякой болѣзни и печали;—Христосъ, потому что былъ помазанъ плотію (*χρισθέντα τῆ σαρκί*). Сойдя съ неба, онъ вошелъ въ правое ухо β) Дѣвы γ) и облекся въ плоть, которая только повидимому (*τῷ φαινόμενῳ*)

¹²⁾ Энгельгардъ сравниваетъ Сатурниново ученіе о твореніи прямо съ богомильскимъ, опуская посредствующую связь между ними обоими—воззрѣнія Павликіанъ. Приписывая богомиламъ заимствование этого ученія прямо изъ Сиріи и упуская изъ виду вліяніе Павликіанъ на происхожденіе и характеръ богомильства, онъ очутился въ области произвольныхъ, исторически необоснованныхъ предположеній и догадокъ касательно происхожденія богомильства. Сирійское же происхожденіе основателя павликіанства дѣлаетъ вполне понятнымъ такое повтореніе (Giesel. Theol. et. u. Kr. 114). Engelh. 177—178; 201—205.

¹³⁾ Аванасьев. II 458 стр. и далѣе, Ицановъ, смѣсь христ. съ языч. Правосл. Собес. 1861 г. I, 249—265.

состояла изъ матерій и походила на человѣческое тѣло,—на самомъ же дѣлѣ была не вещественна и божественна δ). Онъ вошелъ черезъ ухо, вышелъ черезъ него же и Дѣва не чувствовала ни входа, ни выхода Его: она просто нашла Его въ пеленкахъ, въ ясляхъ. Во плоти Онъ совершилъ спасеніе (οἰκονομία), училъ и дѣлалъ то, что содержится въ Евангеліи и былъ только повидимому причастенъ человѣческимъ страстямъ (πάθεισι). Призрачно распятый, умершій и воскресшій, онъ снялъ съ себя личину (маску), посрамилъ отступника и въ тяжкихъ узахъ заключилъ его въ бездну. э) Отъ имени Сатанаила онъ отнял, прилагающійся къ ангеламъ, слогъ ἦλ ξ) и назвалъ его теперь Сатаною. Совершивъ предназначенное ему дѣло, η) Христосъ снова возвратился къ Отцу и сѣлъ одесную Его на престолѣ, съ котораго былъ низверженъ Сатанаилъ. Затѣмъ онъ снова возвратился туда, откуда вышелъ, разрѣшившись (ἀναλυθῆναι) въ Отца, въ утробѣ котораго Онъ былъ заключенъ» θ) ¹⁴⁾.

Въ объясненіе этого воззрѣнія (при обозначенныхъ греческими буквами пунктахъ) нужно сдѣлать слѣдующія замѣчанія.

α) Еще древніе маркіониты вѣрили, что Христосъ облекся не въ человѣческое, но въ *ангельское* (у богомиловъ — невещественное, безплотное; у павликіанъ небесное—οὐρανόθεν—естество); отсюда еретики заключили, что Христосъ и по естеству своему сталъ ангеломъ, или лучше—*архангеломъ*. Опровергая подобныя заблужденія, Тертуліанъ говоритъ: «конечно Онъ (Христосъ) названъ ангеломъ великаго совѣта, т. е. посланникомъ Божиимъ; но это такое названіе, которое означаетъ Его должность, а не естество; слѣдовательно не должно видѣть въ Немъ ангела, подобнаго Гавріилу или Михаилу» ¹⁵⁾. Въ названіи Христа архангеломъ Михаиломъ можно видѣть и вліяніе особеннаго почитанія арх. Михаила, распространеннаго между греками. II у современныхъ грековъ онъ поль-

¹⁴⁾ Narrat. de Bogom. гл. VII.

¹⁵⁾ Твор. Тертуліана ч. III, гл. XIV, по перев. Кариева.

зуются необыкновеннымъ уваженіемъ ¹⁶⁾, какъ у русскихъ—Николай Чудотворецъ.

3) Что Христось прошелъ чрезъ ухо Дѣвы Маріи, и это воззрѣніе не ново. Служа отголоскомъ гностическихъ воззрѣній, по которымъ Христось не могъ миновать уха эона, оно встрѣчается и у нѣкоторыхъ древнихъ церковныхъ учителей, въ греческихъ и латинскихъ проповѣдяхъ ¹⁷⁾. Въ древней ліонской литургіи читаемъ, что Христось *introivit per aurem virginis* ¹⁸⁾. Въ одной изъ церковныхъ пѣсней греческаго октоиха говорится, что Христось *ὡς δὲ ἀκοῆς εἰσῆλθεν* ¹⁹⁾. Употребляемое въ смыслѣ метафоры, въ примѣненіи къ повѣствованію Евангелія Луки 1, 26—38, это выраженіе не заключаетъ въ себѣ ничего антихристіанскаго; но еретики приложили его къ своимъ докетическимъ воззрѣніямъ на происхождение Христа.

4) Авторъ Паноупліи ничего не говоритъ о томъ, какъ смотрѣли богамилы на личность Пресвятой Дѣвы. О ней существовали самыя разнообразныя и нелѣпыя мнѣнія у срѣднихъ съ богамилами сектантовъ. Такъ павликіане не признавали ее Богородицей и утверждали, что она имѣла послѣ рожденія Спасителя другихъ дѣтей ²⁰⁾. Иныя дуалисты болгарскіе утверждали, что Марія родилась отъ матери безъ отца ²¹⁾. Нѣкоторые каѳары считали Богородицу символомъ, метафорой, прилагая это названіе къ своей сектѣ ²²⁾. «Вопросы Іоанна Богослова» называютъ Пресвятую Дѣву посланнымъ съ неба ангеломъ ²³⁾. Безъ сомнѣнія, имѣя въ виду эти и подобныя имъ разнообразныя нелѣпыя мнѣнія, пресвитеръ Козма не рѣшаетъ даже упоминаеть о нихъ и говорить кратко о богамилахъ,

¹⁶⁾ См. Thilo Cod. apocr. p. 637, n. 15.

¹⁷⁾ Примѣры см. у Шмита II, p. 43, n. 3.

¹⁸⁾ Петрановичъ, стр. 53.

¹⁹⁾ См. Thilo Cod. apocr. p. 838, 839, n. 17.

²⁰⁾ Gieseler stud. u. krit. 114.

²¹⁾ Schmidt t. II, p. 42.

²²⁾ Ibidem. p. 43.

²³⁾ Thilo, Cod. apocr. p. 883

что они «преславныя и пречистыя Богоматери Господа нашего Иисуса Христа не чтутъ, но много о ней блядутъ, ихже рѣчи и грѣдости нельзѣ писати въ книги сіа» ²⁴⁾).

б) Взглядъ на призрачность тѣла Христова и всѣхъ Его дѣйствій составляетъ одно изъ главныхъ, коренныхъ заблужденій богомилства. О немъ упоминаетъ и Синодикъ царя Бориса: «попа богомила... воспріемшаго манихейская сіа ересь къ симъ же и се прирекшаго: яко въ привидѣніи Господь Богъ нашъ отъ Пресвятыя Богородицы и Приснодѣвы Маріи родися и въ привидѣніи распяся и обженяя плоть възнесе и на воздушѣ остави... анаеема» ²⁵⁾. Размноженіе ересей въ Болгаріи, въ числѣ которыхъ богомилство занимало видное мѣсто, подало поводъ царю Борису (1207—1217) распорядиться составленіемъ Соборника или Синодика; послѣдній заключаетъ въ себѣ анаеоматизмы разныхъ еретическихъ заблужденій и оканчивается возгласеніемъ «*вѣчная память*» царямъ и патриархамъ ²⁶⁾).

в) Извѣстіе Панопли о томъ, что Христось по ученію богомиловъ побѣдилъ діавола, заключилъ его въ бездну, находится въ противорѣчій съ XVIII главою ея (р. 27), гдѣ говорится, что, по ученію богомиловъ, Сатанаидъ избралъ себѣ нѣкогда въ жилище іерусалимскій храмъ, а по разрушеніи его—Софійскій константинопольскій храмъ. Если Христось заключилъ Сатанаила въ бездну, то какимъ образомъ онъ владеетъ храмомъ святой Софіи!? Очевидно, что здѣсь допущена авторомъ Панопли неточность. По ученію богомиловъ должно выходить, что хотя Сатана пересталъ уже быть Сатанаиломъ, но онъ все-таки сохранилъ нѣкоторую власть надъ неполучившими искупленія ²⁷⁾.

г) Въ повѣствованіи объ отнятіи слога ηλ въ имени Сатанаила также противорѣчіе: то говорится, что частица ηλ—

²⁴⁾ Правосл. Собесѣдн. 1864 г. ч. II, стр. 90.

²⁵⁾ Гильфердингъ. Собрание сочинен. 131.

²⁶⁾ Сравни Временникъ Моск. общ. ист. и др. ч. XXI, 17—20.

²⁷⁾ Снеси XX гл. р. 29.

знакъ особаго высшаго достоинства была отнята у Сатанаила за связь съ Евою, то рассказывается, что Христось уже по совершеніи искупленія лишилъ Сатанаила этого достоинства.

7) По ученію православной церкви искупленіе состоитъ въ освобожденіи падшихъ людей отъ грѣха, проклятія и смерти; но богамилы не признавали паденія чловѣка. Люди бѣдствуютъ, по ихъ понятію, оттого, что подпали строгому и неразумному правленію Сатанаила и подпали не произвольно, а по происхожденію своему отъ Сатанаила. Потому *благодатнаго* искупленія нѣтъ. Миссія Христа ограничивается простымъ учительствомъ. Онъ только указалъ людямъ ихъ происхожденіе и высокое назначеніе, открылъ, что они заблуждались относительно бога (злаго), которому доселѣ служили, и предложилъ болѣе легкія и надежнѣйшія средства покаянія и возвращенія ко всеблагому Богу, или какъ говорить одинъ апокрифъ ²⁸⁾, «открылъ имъ все зло діавола и славу Божію.» Вотъ почему Анна Комвена говоритъ, что «спасеніе» для богамила пустой призракъ: «τὴν οἰκονομίαν πάσαν ἐφάντασε» ²⁹⁾ и Козма замѣчаетъ: «не по своей волѣ распята мнѣть Господа, ни за спасеніе чловѣческо, а *по нуждѣ.*» То есть страданіе на крестѣ не было искупительною жертвою за грѣхи людей, дѣломъ высочайшей любви и свободы Исуса Христа, а простымъ, случайнымъ обстоятельствомъ, немѣющимъ никакого отношенія къ спасенію. Намъ кажется крайне неосновательнымъ выраженіе «по нуждѣ» переводить: по долгу, обязанности, по необходимости—для спасенія: страданія Спасителя по богамильскому возрѣнію не имѣютъ никакого отношенія къ искупленію и вызваны *случайною* необходимостію ³⁰⁾.

8) Относительно *разрѣшенія* Сына въ Отца также противорѣчіе. То это разрѣшеніе уже послѣдовало по совершеніи земной жизни Христа, то оно должно послѣдовать при кончинѣ міра.

²⁸⁾ Вопросы Иоанна у Thilo, p. 893.

²⁹⁾ Αλεξίας I. XV, p. 385, 386. Edid. Venci.

³⁰⁾ Ср. Рудьева о ересях.—9.

Происхожденіе исполиновъ. Потопъ. Законъ Моисеевъ. Гл. IX и X.

«Падшіе ангелы узнали, что Сатанаилъ обѣщаль Отцу занять ихъ мѣста (на небѣ) человѣческимъ родомъ. Тогда они безстыдно (ἀσελγῶς) взглянули на дочерей человѣческихъ и взяли ихъ себѣ въ жены, чтобы сѣмя отъ нихъ снова завладѣло на небѣ мѣстами падшихъ духовъ (Быт. VI, 2, 4). Послѣднихъ богомилы называютъ сынами Божиими, ибо и они рождены отъ Бога (ὡς καὶ αὐτοὺς ἀπ' ἐξείνου γεγονότας). Отъ соитія ангеловъ съ дочерями людей произошли исполины; они сразились съ Сатанаиломъ и побѣдили его. Разгнѣванный Сатанаилъ навелъ потопъ, истребилъ ихъ и всякую живую плоть. Одинъ только Ной, не имѣвшій дочери, не зналъ о паденіи Сатанаила и продолжалъ служить ему. За это Сатанаилъ дозволилъ ему построить ковчегъ, и только Ной спасся съ тѣмъ, что было въ корабль ³¹⁾). Моисей прельщенный Сатанаиломъ возвратился въ Египеть, обманувъ евреевъ и вывелъ ихъ, содѣйствуемый знаменіями и чудесами, совершенными силою Сатанаила. Отъ него Моисей получилъ на Синаѣ законъ, который погубилъ множество людей. Въ доказательство; богомилы ссылаются на посланіе къ Римлянамъ 7. 7.» ³²⁾.

Въ основѣ всего этого взгляда на ветхозавѣтную исторію лежитъ очевидно библейскій рассказъ, но онъ обезображенъ сообразно съ духомъ секты различными вымыслами, которые носятъ на себѣ печать восточнаго происхожденія ³³⁾ и унаслѣдованы отъ павликіанъ ³⁴⁾, державшихся того же мнѣнія. Апокрифическія сказанія, какъ водится, еще болѣе изуродовали этотъ рассказъ новыми подробностями и перемѣнами. Вотъ что передаютъ объ этомъ «Вопросы Іоанна Богослова.» Въ періодъ отъ Адама до Эноха Сатана посылалъ изъ воздушной

³¹⁾ Narrat de Bogom. p. 19, 20 гл. IX.

³²⁾ Ibidem, p. 21—22. гл. X.

³³⁾ Творенія Тертуліана, перев. Карнеева ч. IV, стр. 15—29.

³⁴⁾ См. IX и X гл. Narrat. de Bogomil.

области, мѣста своего пребыванія, подчиненныхъ ему ангеловъ на служеніе людямъ. Раба же своего Эноха онъ взялъ къ себѣ на небо, показалъ передъ нимъ свое божество (*deitatem suam*) и велѣлъ ему написать 67 книгъ; послѣднія Энохъ принесъ на землю и передалъ сынамъ діавола. Отселъ люди научились приносить жертвы и совершать гнусныя таинства (*injusta misteria*). Они забыли о небесномъ царствѣ и стали признавать Сатану единымъ, истиннымъ Богомъ. Отецъ рѣшилъ, поэтому, послать своего Сына для спасенія людей отъ оболщенія Сатаны. Но послѣдній, узнавъ объ этомъ, послалъ своего ангела къ Моисею (?) съ тремя *древами*, съ порученіемъ пригвоздить Иисуса ко кресту. Между тѣмъ Моисей далъ законъ евреямъ и Сатана провелъ ихъ чрезъ Чермное море ³⁵⁾.

Громадную разницу между Ветхимъ и Новымъ Завѣтомъ еретики приписали господству въ нихъ различныхъ началъ — добраго и злаго. Богъ Новозавѣтный безконечно милостивъ и правосуденъ; ветхозавѣтный — богъ мести, коварства, проклятія и истребленія. Онъ насылаетъ потопъ, небеснымъ огнемъ сожигаетъ Содомъ и Гомору, истребляетъ цѣлыя десятки тысячъ непокорныхъ ему. Черезъ Моисея онъ даетъ законъ, заковѣдующій не всеобщую любовь, а мщеніе врагамъ. Христіанинъ, исполняющій его предписанія, оказался бы великимъ грѣшникомъ; значить — законъ не хорошъ, а если онъ теперъ таковъ, то и прежде былъ дуренъ и, слѣдовательно, онъ — отъ злаго бога.

Святые. Иконы. Мощи. Гл. XI и XII.

«Богомилы признаютъ святыми только упоминаемыхъ въ родословныхъ Матѳея и Луки, также 16 пророковъ, апостоловъ и мучениковъ, убитыхъ за непоклоненіе идоламъ. Священниковъ (*ієράρχας*) и всѣхъ отцовъ, какъ почитателей идаловъ—

³⁵⁾ Thilo, Cod аросг. р. 891—892. Подъ тремя древами Тило разумѣетъ невьк, кедръ и кипарисъ, изъ которыхъ, по преданію, былъ сдѣланъ крестъ. Вотъ гдѣ, между прочимъ, скрывается причина крайняго презрѣнія богомиловъ ко кресту (*Narrat. de Bogom.* р. 24, гл. XIV).

иконъ, α) они считаютъ нечестивыми; благочестивыхъ царей они не признають христианами; православными и вѣрующими считаютъ однихъ только императоровъ-иконоборцевъ и во главѣ ихъ Копронима. β) Почитаніе иконъ они отвергаютъ, называя ихъ языческими идолами, золотомъ и серебромъ, дѣломъ рукъ человѣческихъ ³⁶⁾. Мощи святыхъ они называютъ костями мертвыхъ (*ὀστέα νεκρῶν*). Мощамъ они не кланяются, γ) потому что, будто бы, съ мощами святыхъ живутъ во гробакъ демоны, которые были наставниками ихъ при жизни, и подъ личиною ихъ совершаютъ чудеса. Этими бѣсы обманываютъ людей неопытныхъ, побуждая ихъ принимать нечестивцевъ за святыхъ: демоны могутъ дѣйствовать на полной своей волѣ, получивъ свыше власть до предѣла семи вѣковъ (*αἰώνων*). Богомилы считаютъ ложными пророками и Василя Великаго и Григорія Богослова и Иоанна Златоустаго, которыхъ они осыпають разными клеветами. Въ VI главѣ 23 ст. Мѣ. Богомилы видятъ указаніе на православныхъ іерарховъ и святыхъ отцовъ, которые пророчествовали, изгоняли бѣсовъ и совершали другія чудеса силою бѣсовъ ³⁷⁾.

α) Пресвитеръ Козма говоритъ, что богомилы считали почитаніе иконъ еллинскимъ обычаемъ ³⁸⁾. По ихъ понятіямъ было бы неразумно приносить поклоненіе *веществу*, дѣлу злаго духа. Кроме того, отверженіе иконъ было вызвано можетъ быть народными суевѣріями въ почитаніи ихъ, что видно въ послѣдующихъ словахъ Козмы: *«бѣсы боятся образа Господня, на досцѣ написана; еретицы же не кланяются иконамъ, но кумиры наричуть я»* ³⁹⁾.

β) Свидѣтельство Паноппіи объ отношеніи богомиловъ къ памяти Копронима заключаетъ въ себѣ весьма важный намекъ на историческое происхожденіе богомильства. По извѣстію Кедріяна (у Gieseler'a II, I, 400) Копронимъ первый пересѣ-

³⁶⁾ Narrat. de Bogom. гл. XI.

³⁷⁾ Narrat. de Bogom. гл. XII.

³⁸⁾ Правосл. Соб. 1864. II, 92.

³⁹⁾ Правосл. Собес. 1864 г. I, 492.

лил въ Фракію (752) множество павликіанъ. Очень естественно, что память объ немъ перешла отъ павликіанъ вмѣстѣ съ ученіемъ объ отверженіи иконъ (Tolli p. 146) и къ богомиламъ.

γ) Взглядъ богомиловъ на тѣло, какъ на произведеніе діавола естественно долженъ былъ привести ихъ къ непочитаію мощей. Пресв. Козма говоритъ о томъ же слѣдующее: «бѣсы боятся костей праведниковъ Божіихъ, несмѣюще приблизитися къ ковчегамъ, въ нихъ же лежитъ безцѣнное сокровище, данное христіанамъ на избавленіе всякой бѣды, еретицы же ругаются имъ и намъ смѣются, видяще ны кланяющася имъ просяще отъ нихъ помощи» ⁴⁰⁾.

Демоны и ихъ почитаніе у богомиловъ.

13, 20 38.

«Богомилы говорятъ, что только отъ нихъ бѣгаютъ демоны съ быстротою стрѣлы, пущенной изъ лука. Во всякомъ другомъ человѣкѣ живутъ демоны и научаютъ его преступленіямъ и порокамъ. По смерти человѣка демонъ живетъ въ его гробѣ въ ожиданіи его воскресенія. Тогда и демонъ и человѣкъ вмѣстѣ подвергнутся наказанію ⁴¹⁾. Василій увѣрялъ, что въ его экземплярѣ Евангелія стояли слѣдующія слова, сказанныя Господомъ: «почитайте демоновъ не потому, чтобы они доставляли вамъ пользу, а чтобы не вредили вамъ.» Такимъ образомъ живущихъ въ храмахъ демоновъ нужно почитать, увѣрялъ Василій, для того чтобы они не разгнѣвались и не погубили непочитающихъ ихъ: они имѣютъ огромную силу вредить; противъ нея не могъ устоять самъ Христосъ и Св. Духъ. Это потому, что самъ Отецъ шадитъ демоновъ, не отнимаетъ у нихъ власти и попускаетъ имъ господствовать надъ міромъ до его кончины. Даже, когда Сынъ Божій, посланный въ міръ, просилъ Отца о совершенномъ истребленіи демоновъ, не получилъ просимаго по благодати Отца ⁴²⁾. Мѣсто изъ Еванг.

⁴⁰⁾ Правосл. Собесѣдн. 1864 г. ч. I, 492.

⁴¹⁾ Narrat. de Bogom. гл. XIII.

⁴²⁾ Narrat. de Bogom. гл. XX.

Матѳея 5, 25 ст.—люби врага твоего—они объясняютъ такъ: подь врагомъ нужно разумѣть діавола. Это мѣсто убѣждаетъ, что нужно заискивать его расположеніе и служить ему поклоненіемъ (*θεραπεύειν διὰ προσκλήσεως*), для того чтобы онъ не предалъ насъ Отцу въ день суда на погибель» ⁴³).

Въ благоговѣніи передъ демонами, котораго мы не видимъ у другихъ христіанскихъ дуалистовъ ⁴⁴), нельзя не видѣть остатковъ языческой старины, когда славяне видѣли въ зломъ духъ не нравственно злое существо, согласно съ вѣрованіемъ христіанъ, а физическое зло, приносящее горе и несчастія, которыя, по понятію язычниковъ, можно отклонить, заискивая благорасположеніе ихъ виновниковъ ⁴⁵). О существованіи у древнихъ славянъ поклоненія злему началу мы имѣемъ несомнѣнное историческое свидѣтельство базовскаго священника Гельмольда путешествовавшаго между померанскими славянами во второй половинѣ XII вѣка. «Удивительное заблужденіе славянъ, говоритъ Гельмольдъ въ своей хроникѣ; на сходбищахъ своихъ и играхъ, они обносятъ круговую чашу, возглашая надъ ней слова не скажу благословенія, но проклетія, именемъ боговъ добраго и злаго, ибо они ожидаютъ отъ добраго бога счастливой доли, а отъ злаго — несчастливой, потому злаго бога и называютъ на своемъ языкѣ діаволомъ или чернобогомъ, т. е. богомъ чернымъ, а добраго—бѣлымъ» ⁴⁶). Христіанское названіе чернобога показываетъ, что христіанскіе проповѣдники, рисуя самыми мрачными красками діавола и его царство съ цѣлю обращенія язычниковъ въ христіанство, должны были достигать совершенно противоположной цѣли: язычники нашли, что діаволъ вполне отвѣчаетъ понятію ихъ о зломъ началѣ и принимая, повидимому, христіанство, стали больше прежняго бояться демоновъ. Отъ преувеличеннаго суевѣрнаго страха передъ демонами—одинъ шагъ къ ихъ *почи-*

⁴³) Ibidem гл XXXVIII.

⁴⁴) Wolf. Histor. Bogomil. p. 79.

⁴⁵) Uber den Dualisme dr. Slav. Theolog. Stud. 1837 г. X. 361.

⁴⁶) Schmidt. II, p. 272, n. 3.

танію, даже къ обоготворенію. А это, именно, и есть *дуализмъ*, лежащій въ основѣ богомильскихъ заблужденій ⁴⁷⁾.

Крестъ. Гл. XIV и XV.

«Богомилы презираютъ крестъ, поелику онъ послужилъ орудіемъ смерти Спасителя. На вопросъ—почему одержимые бѣсами прибѣгаютъ ко кресту и издаютъ вопли, Василій отвѣчалъ: демонамъ, поселившимся у бѣсноватыхъ, весьма любезенъ крестъ, какъ собственное произведеніе ихъ, изобрѣтенное для погубленія Искупителя. Но иногда они притворно ругаются надъ нимъ и бѣгутъ отъ него часто добровольно, для того чтобы люди, видя это, стали еще больше почитать крестъ».

Пресвитеръ Козма также говоритъ о современныхъ ему богомилахъ: «бѣси креста Христова боятся, еретицы же *поставляютъ* кресты и своя орудія творятъ ими ⁴⁸⁾, о крестъ Господни аще блазняющеса глаголютъ: како ся ему есть кланяти? Сына-бо Божія *жидовы* на немъ распяша; да вражда есть паче Богу крестъ, аще бы кто царева сына убилъ крестомъ дровомъ, можетъ ли древо то быти любо царю ⁴⁹⁾. Крестъ они называли висѣлицею ⁵⁰⁾. Крестнаго знаменія богомилы также не изображали на себѣ: «крестящеса, не творятъ креста на лиці своемъ» ⁵¹⁾. Почитаніе креста не согла-

⁴⁷⁾ Мы знаемъ, что система залугиванія, практиковавшаяся средне-вѣковыми проповѣдниками, не разъ приводила къ этому новообращенныхъ, жалопросвѣщенныхъ христіанъ. Извѣстно преданіе о томъ, какъ польскій король Ягайло, уже католикъ, увидѣвъ фигуру Христа, поднимаемую къ сводамъ храма, чтобы представить его вознесеніе, спросилъ, что это такое? и когда ему объяснили онъ сказалъ: „поставьте же ему *свѣчку*“. Вслѣдъ за тѣмъ упала фигура, изображающая діавола. „Что это такое? спросилъ новообращенный король“.—Это діаволъ свергнуть съ неба. „Поставьте же ему два огарка“—приказалъ король, и когда хотѣли узнать у него причину такого страннаго приказанія, то новообращенный католикъ отвѣчалъ русскою пословицей: „Богу служи, а черта—не гнѣви“. (Staroz dziese Nar. Lilewskiego. Narbutt. t. V.

⁴⁸⁾ Правосл. Собесѣдн. 1864 г. I, 492.

⁴⁹⁾ Ibidem II, 494.

⁵⁰⁾ Ap. Tolli p. 120.

⁵¹⁾ Ibidem II, 199.

сваилось и съ богомильскимъ воззрѣніемъ на дерево, какъ на произведеніе злаго начала ⁵²⁾ и на призрачность страданій Искупителя.

Крещеніе и принятіе въ секту.

Гл. XIV, XV и XVI.

«Совершаемое въ христіанской церкви крещеніе водою богомилы называютъ крещеніемъ Іоанна: α) свое же крещеніе, какъ *крещеніе духомъ*, они называютъ христовымъ крещеніемъ. На этомъ основаніи они перекрещиваютъ перешедшихъ въ ихъ секту христіанъ. β) Перешедшему назначается опредѣленное время для покаянія (*ἐξομολόγησις*), очищенія (*ἄγνεια*) и продолжительныхъ моленій. Потомъ неопиту кладутъ на голову Евангеліе Іоанна, призываютъ Святаго Духа и поютъ «Отче нашъ». Послѣ этого крещенія (*βάπτισμα*) они опять назначаютъ вступившему время для осмотрительнаго поведенія, воздержной жизни и усердныхъ молитвъ. По истеченіи этого срока требуютъ засвидѣтельствовать — сохранилъ ли, исполнилъ ли все это вступающій? Когда подтверждать это мужчины и женщины, надъ неопитомъ совершаютъ великое посвященіе (*ἄγουσιν ἐπὶ τὴν θρυλλουμένην τελείωσιν*). Его ставятъ лицомъ къ востоку, на голову его снова возлагается Евангеліе Іоанна; а мужчины и женщины кладутъ на него свои руки и поютъ благодарственный гимнъ, въ которомъ выражается благодарность за то, что посвящаемый соблюлъ все предписанное ему» γ).

α) На вопросъ Іоанна Богослова ⁵³⁾ «почему не дѣйствительно крещеніе водою?» Спаситель отвѣчалъ: «передъ прішествіемъ Христа Сатана послалъ одного изъ своихъ ангеловъ, пророка Ілію, который явился подъ именемъ Іоанна и крестилъ водою. Потому-то крещенные водою, по примѣру служителя Сатаны, Іоанна Крестителя, не увидятъ царствія

⁵²⁾ Снеси Thilo, Cod. апост. 891—892, п. 7.

⁵³⁾ „Вопросы Іоанна Богосл.“ ар. Thilo, р. 893.

Божія». Вотъ почему богомилы называли Іоанна Крестителя «Антихристомъ»⁵⁴⁾.

β) Крещеніе младенцевъ—въ какой бы то ни было формѣ—богомилы вовсе отвергали. Пресвитеръ Козма говоритъ, что богомилы «гнушаются крестныхъ младенцевъ. Аще бо ся имъ случится видѣти дѣтищъ младъ, то они, аки смрада зла гнушаются»⁵⁵⁾.

γ) Обрядъ «духовнаго крещенія» и принятія въ секту описанъ въ Паноупліи весьма кратко, необстоятельно: второе посвященіе почти не отличается отъ перваго; не указана причина двойкаго посвященія. Изъ содержанія Паноупліи и изъ аналогіи этого обряда съ обрядами посвященія у казаровъ видно, что «великое (второе) посвященіе» совершалось только надъ вступающими въ общество *еетоковокъ* («совершенныхъ») ⁵⁶⁾. Последніе преимущественно передъ другими членами должны были отличатся строгою жизнію, а потому и обрядъ принятія ихъ въ общину сопровождался особенною торжественностію. У западныхъ писателей сохранилось болѣе подробное описаніе его, изъ котораго мы видимъ, что онъ составленъ греческими или славянскими богомилами по образцу православнаго «*послѣдованія малой схимы*».

Посреди комнаты ставили, покрытый бѣлою скатертью, столъ, на которомъ лежалъ новый завѣтъ. Вокругъ стола стояли по старшинству совершавшіе обрядъ и между ними неопитъ. Старшій изъ присутствующихъ, съ новымъ завѣтомъ въ рукахъ, поучалъ вступающаго еретическимъ догматамъ. (Въ требникѣ: игумень оглашаетъ брата сие: «отверзи сердца твоего ушеса, брате, и т. д.—и отвѣщай намъ противу ихже нами вопрошенъ быти имаши»). Предстоятель, изобразивъ трудности и лишенія неизбѣжныя при вступленіи въ общину, увѣщевалъ его при этомъ быть твердымъ и непоколебимымъ въ но-

⁵⁴⁾ Правосл. Собес. 1864 г. II, 90.

⁵⁵⁾ Ibidem, II, 106.

⁵⁶⁾ Narrat. de Bogom гл. XXII и XLIV. Schmidt. II, 139—150.

вой вѣрѣ до послѣдняго издыханія. Послѣ наставленія пред-
стоятель обращается къ вступающему съ вопросомъ: «братъ,
желаешь ли принять нашу вѣру?» Послѣдній отвѣчалъ: «да».
(Въ требникѣ: «желаеши ли сподобитися ангельскаго образа
и вчинену быти лику монашествующихъ?») «Ей... честный
отче». Послѣ сего неофитъ, кланяясь каждому до земли, ис-
прашивалъ благословеніе (въ требникѣ: «вводится отъ екле-
сіарха братъ, творя въ *трехъ мѣстѣхъ колѣнопреклоненія*)...
и произносилъ клятву: «я обѣщаю служить Богу и Его Еван-
гелію; никогда не клясться, не прикасаться женщины, не
ѣсть ни мяса, ни молока и проч.». (Въ требникѣ... «виждь,
чадо, якова *обѣтованія* даеши Владыцѣ Христу»).... Далѣе
настоятель, предложивъ вступающему поцѣловать Евангеліе,
возлагалъ его на главу брата (въ требникѣ: «полагаетъ на-
стоятель *верху главы его книгу* и чтеть молитву въ слухъ
всѣхъ, поющимъ братіямъ: Господи помилуй») и всѣ присут-
ствующие «христіане» возлагаютъ свои правыя руки на го-
лову и плечо брата, произнося: «слава Отцу и Сыну и Свя-
тому Духу». Въ это время настоятель молился о ниспосланіи
на обращеннаго Св. Духа утѣшителя (въ требникѣ: священ-
никъ чтеть молитву: Господи Боже нашъ, упованіе и прибѣ-
жище)... Затѣмъ всѣ присутствующие читали «Отче нашъ» и
предстоятель заключалъ обрядъ чтеніемъ Евангелія Іоанна: «въ
началѣ бѣ Слово». Новаго члена препоясывали льняной или
шерстяной ниткой. (Въ требникѣ: братъ нашъ препоясуєтъ
чресла своя силою истины). Наконецъ, всѣ присутствовавшіе
цѣловали брата. (Въ требникѣ: и бываетъ цѣлованіе). По со-
вершеніи обряда вступившій проводилъ въ уединеніи 40 дней,
соблюдая строгій постъ и испрашивая у Бога благодатное
содѣйствіе на подлежащій ему подвигъ (требн. сичевый мо-
нахъ долженствуетъ пребывать въ *церкви* дней пять, упряд-
няся отъ всякаго дѣла кромѣ чтенія, аще вѣсть)⁵⁷⁾.

⁵⁷⁾ Ср. Schmidt II, 128;—Cunitz, Ein katharisches Rituale, Jena. 1852.

Причащеніе. Гл. XVII.

«Богомилы презираютъ таинственную и страшную жертву, α) называя ее жертвоприношеніемъ демонамъ, живущимъ въ храмахъ. Это они оправдываютъ ссылкой на 65 гл. II ст. Исаи. Далѣе, они утверждаютъ, что прошеніе молитвы Господней «хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесъ» означаетъ хлѣбъ общенія (1 Кор. X, 16), чаша же общенія—завѣтъ, упоминаемый въ Евангеліи. Ибо сказано: сія чаша—новый завѣтъ. Участіе въ томъ и другомъ они называютъ тайною вечерею. Если же кто спроситъ ихъ: «какимъ образомъ *Отче нашъ*—тѣло Господне раздробляется и раздѣляется»: или—какимъ образомъ *нынѣ прославися Сынъ человѣскій*, «какъ кровь у васъ проливается», — они отвѣчаютъ: «мы этого не знаемъ» β).

α) Пресвитеръ Козма (I. 497) прибавляетъ, что богомилы отвергали также и *литургію*, утверждая, что ея не было въ первыя времена христіанства: «глаголютъ, не суть апостоли литургіа предали, но Іоаннъ Златоустый».

β) Вообще же богомилское ученіе о причащеніи изложено авторомъ Паноплии довольно темно. Причащеніе (черезъ «Отче нашъ») было символомъ возстановленія Іисусомъ Христомъ того *единенія съ Отцемъ*, въ которомъ пребывали духи до паденія, когда они славили Господа, dicendo: Pater noster. Вотъ значеніе причащенія посредствомъ молитвы «Отче нашъ», по объясненію апокрифа ⁵⁸⁾, значеніе, котораго не объяснили спрошенные Евѣиміемъ, можетъ быть, потому что принадлежали къ непосвященнымъ членамъ секты.

Покаяніе.

Авторъ Паноплии ничего не говоритъ о томъ, было ли у богомиловъ таинство покаянія. Но изъ слова пресвитера Козмы видно, что они исповѣдывали свои грѣхи—только не передъ духовникомъ, а передъ собраніемъ ѳеотоковъ: «еретицы

⁵⁸⁾ Ср. Neander, V, II, 1088 п. I.

сами себѣ исповѣдь творять и рѣшать, сами суще связави дьяволями узами; неже точію мужи того творять, но и жены» ⁵⁹). Нѣтъ сомнѣнія, что богомилы не придавали этому обряду значенія таинства, также какъ они не считали таинствомъ:

Б р а к ъ ⁶⁰).

Мнѣническое предположеніе о томъ, что діаволь соединилъ Адама и Еву брачными узами (см. «Вопросы Іоанна Бого- слова») было прямой поддержкой и объясненіемъ отрицанія брака, которое составляло одинъ изъ существенныхъ пунктовъ богомилскаго ученія. Бракъ—въ формѣ ли законнаго супружества или беззаконнаго сожитія — считался изобрѣтеніемъ діавола для размноженія рода человѣческаго; цѣль размноженія—увѣковѣченіе царства діавола, черезъ введеніе людей въ грѣхъ; того (діавола) *повелѣніе* жены поимати... женающаяся человѣки и живущая въ міру *мамонины слуги* зовуть ⁶¹).

Х р а м ы. Гл. XVIII и XLII.

«Въ храмахъ живутъ демоны, подѣливъ ихъ между собою соотвѣтственно съ достоинствомъ и силою cadaго. Самъ Сатана избралъ себѣ въ жилище храмъ въ Іерусалимѣ, а по разрушеніи его—Софійскій храмъ въ Константинополѣ. Небо служитъ жилищемъ Бога; въ рукотворенныхъ храмахъ онъ не живетъ (Дѣян. 7, 48). Рукотворенные храмы — гробницы съ костями мертвыхъ (т.-е. съ мощами), а потому молиться въ нихъ не слѣдуетъ, какъ и само Евангеліе (Мѡ. 6. 6) заповѣдаетъ».

«Церкве распутія мнать суца», говоритъ пресвитеръ Козма ⁶²). Презрительное отношеніе богомиловъ къ храмамъ простиралось до того, что они не только никогда не хоронили

⁵⁹) Правосл. Собес. 1864 г. II, 207.

⁶⁰) О немъ Евоній упоминаетъ только мелькомъ въ XXXIX гл.

⁶¹) Правосл. Собесѣдн. 1864 г. II, 101; 325.

⁶²) Правосл. Собес. 1864 г. II, 380.

⁶³) Leo Allat. L. II. c. XII p. 673, de consens.

своихъ мертвецовъ внутри или вблизи храма, но даже нарочно выкапывали тѣла всѣхъ, похороненныхъ при храмахъ ⁶³). Для молитвы они собирались въ уединенныя мѣста, ради покая—какъ говорили они, собственно же,—убѣгая преслѣдованій» ⁶⁴).

М о л и т в ы. Гл. XIX.

«Богомилы не употребляютъ никакихъ молитвъ кромѣ молитвы Господней «Отче нашъ». Послѣднюю они читаютъ днемъ семь разъ, а ночью—пять. Вообще она употребляется ими при каждомъ моленіи—иными по десяти разъ, съ колѣнопреклоненіемъ, другими—по пятнадцати; одними—чаще, другими—рѣже. Всѣ остальные молитвы они отвергаютъ, называя ихъ пустословіемъ (*βαττολογίας*), приличнымъ только язычникамъ».

Пресвитеръ Козма присовокупляетъ, что во время молитвы богомилы дѣлали земные поклоны — четырежды днемъ и ночью» ⁶⁵).

Лице м ѣ р і е и притворство. Гл. XXI.

«Богомилы говорятъ, что въ Евангеліи содержится слѣдующее изреченіе: *всякимъ образомъ спасеніе ваше содѣвайте, т.-е. всякаго рода хитростями и обманомъ притворяйтесь исповѣдующими вѣру вашихъ гонителей и этимъ способомъ спасайтесь отъ опасности и смерти со стороны ихъ. Если тѣ прикажутъ вамъ сдѣлать что-нибудь — вы лицемѣрно исполняйте, а дѣламъ ихъ не подражайте* (Мѡ. 23, 3). И самъ Господь откровенно говорилъ только съ своими учениками, а съ невѣрующими онъ объяснялся — въ притчахъ, прибѣгая къ обману и притворству (*ἀπάτη καὶ ὑπόκρισις*), для того чтобы они слушая не слышали» ⁶⁶).

Эта система лицемѣрія и притворства есть прямой выводъ изъ ученія богомиловъ о призрачности страданій Искупителя. Вся земная жизнь Его, страданіе на крестѣ, смерть и воскре-

⁶³) Оυ Αναξερ. у Engelhardt. S. 185.

⁶⁴) Правосл. Собес. 1864 г. II, 198.

⁶⁵) Narrat. de Bogomil. XXI гл.

сеніе, все это — пустой призракъ, обманъ, разыгранный съ цѣлю обезоружить діавола, запутать его въ сѣти. Скрытность и лицемѣріе еретиковъ вызывались и постоянными гоненіями на нихъ ⁶⁷⁾. Неудивительно поэтому, что еще во времена пресвитера Козмы еретики съ клятвою отрекались отъ своихъ мнѣній, окружали тайною свои дѣла и моленія; лицемѣрно соблюдали всѣ церковныя уставы: «страха дѣла человѣческа и въ церковь ходять и крестъ и икону цѣлуютъ, яко же ны повѣдаютъ, иже отъ нихъ обратишася въ нашу истинную вѣру, глаголюще: яко вся ся творимъ человекъ дѣла, а не по сердцу, въ тайнѣ же крыемы свою вѣру» ⁶⁸⁾. Система притворства раньше богомиловъ практиковалась и павликіанами ⁶⁹⁾.

Одежда и посты. Гл. XIV—XV.

«Богомилы носятъ монашескую одежду, для того чтобы подъ ея прикрытіемъ этимъ волкамъ удобнѣе было найти доступъ всюду и оболстить другихъ вкрадчивою, напитанною ядомъ, рѣчью, не возбуждая подозрѣнія. Они заповѣдуютъ своимъ послѣдователямъ поститься по вторникамъ, четвергамъ и пятницамъ каждой седмицы до 9 часовъ α) (вечера). Если же кто-нибудь пригласитъ ихъ къ столу, они, забывая свои правила, наѣдаются и напиваются, какъ слоны. β) Ясно, что эти мнимо-безплотныя «невещественныя» существа ведутъ жизнь невоздержную, хотя и презираютъ на словахъ блудъ и всякую нечистоту».

α) Пресвитеръ Козма говоритъ, что Богомилы даже въ *воскресеніе постятся*, кланяются, ручная дѣла творять ⁷⁰⁾; считаютъ непозволительнымъ употребленіе мяса и вина. Изъ

⁶⁷⁾ Смотр. Козма: Правосл. Собесѣдн. II, 96; *Αλεξίας* L. XV; *Leo Allat.* L. II с. 11 р. 671—685.

⁶⁸⁾ Правосл. Собес. 1864 г. II 92. Наши хлысты, во многомъ похожіе на богомиловъ, отвергая весь строй церковно-обрядовыхъ учреждений, по наружности представляются самыми усердными христианами. См. Русск. Вѣстн. 1869 г. мартъ.

⁶⁹⁾ См. Fleury, t. XII, p. 53.

⁷⁰⁾ Правосл. Собесѣдн. 64. II, 199.

сравненія обоихъ извѣстій можно заключить, что едва ли было опредѣлено положительно время поста и его строгость. Постылись больше или меньше, смотря по усердію каждаго, и только для ееотоковъ былъ установленъ строгій постъ, простиравшійся до запрещенія вообще вкушать мясо и пить вино.

β) На строгость поста и умѣренность въ пищѣ, по крайней мѣрѣ у ееотоковъ, указываютъ даже ярые противники ихъ. Тощій, блѣдный, изможденный *постомъ* видъ служилъ, по извѣстію Анны Комвеной ⁷¹⁾, однимъ изъ признаковъ богомила. Пресвитеръ Косма говоритъ, что еретики *блѣдни* отъ лицемѣрнаго поста ⁷²⁾. Изъ этого видно, что авторъ Панопли въ этомъ случаѣ не вполне безпристрастенъ.

Постепенное оглашеніе. Гл. XVI.

«Вступающимъ они сначала преподаютъ простое ученіе (ἀπλῶς διδάσκεισι) вѣры въ Отца, Сына и Св. Духа; учатъ, что Христосъ облекся въ плоть и преподавалъ своимъ апостоламъ священное Евангеліе. Приказываютъ соблюдать евангельскія заповѣди, молиться и поститься, соблюдать себя въ цѣломудріи и чистотѣ, отказываться отъ имущества, хранить кротость, смиренномудріе, истинность и любовь къ ближнимъ. Вообще вступающимъ они преподаютъ только все хорошее и этимъ самымъ лъстивымъ ученіемъ скоро привлекаютъ ихъ къ себѣ—на погибель. Послѣ этого уже къ пшеницѣ они пристѣваютъ и плевелы. Приведши въ подчиненіе и послушаніе себѣ этихъ несчастныхъ и опутавъ ихъ своими сѣтями, они наполяютъ ихъ ядомъ, открыто развращаютъ ихъ и научаютъ таинствамъ діавола».

Эта глава показываетъ, что у богомиловъ, точно такъ же какъ и у западныхъ каѳаровъ ⁷³⁾ было своего рода раздѣленіе членовъ на простыхъ вѣрующихъ (credentes) и совершенныхъ

⁷¹⁾ Αλεξίος XV, 384.

⁷²⁾ Правосл. Собес. 64 г. I, 489.

⁷³⁾ Schmidt, Histoire des Katharès I p. 139—150.

(perfecti) ⁷⁴⁾. Последніе имѣли огромное значеніе въ средѣ сектантовъ и потому принятіе ихъ въ этотъ чинъ совершалось съ большою торжественностію (см. гл. «о крещеніи»). Они назывались—

Θεοτόχοι. Гл. XXIX.

«Богомилы утверждаютъ, что послѣдователи ихъ ученія, въ которомъ живетъ духъ святой, должны быть и именоваться богородителями (θεοτόχοι), ибо и они носятъ въ утробѣ своей Слово Божіе (λόγον τοῦ θεοῦ) и раждаютъ его, когда учатъ другихъ. Слово отъ первой Богородицы ничѣмъ не отличалось отъ ихъ слова (μηδεν πλεον αὐτῶν ἔχειν τὴν πρώτην θεοτοχον). У нихъ не хватаетъ настолько смысла, замѣчаетъ Евѳимій, чтобы понять различіе между Словомъ, какъ самостоятельную личность, и словомъ, произносимымъ устами. Θεοτοки не умираютъ, но какъ бы во снѣ преобразуются (μεθίστασθαι), слагая съ себя безъ всякаго страданія этотъ бранный тѣлесный покровъ и облакаясь въ нетлѣнную и божественную ризу Христа; принимаютъ Его тѣло и Его образъ и въ сопровожденіи ангеловъ и апостоловъ, идутъ въ царство Отца. Совлеченное съ нихъ тѣло превращается въ пыль и прахъ и никогда уже не воскреснетъ. Подъ воскресеніемъ они разумѣютъ собственно покаяніе и жизнь по Евангелію» (Мѳ. 5. 32).

Взглядъ богомиловъ на свою секту и на православную церковь.

Гл. XXVII, XXXI, XXXIV, XXXV, XXXVII, XLIV, XLIX.

Объ этомъ предметѣ мы не находимъ у Евѳимія специальныхъ главъ, но за то въ разныхъ мѣстахъ эзегетической части его труда не мало разсѣяно замѣчаній о взглядѣ богомиловъ на свою секту и православную церковь. Въ своей общинѣ богомилы видятъ чистую и совершенную церковь, а

⁷⁴⁾ Слеси: Narrat de Bogom. гл. XVII, XXVI, XLIV, XXII.

христіанскую церковь считают испорченною выродившеюся идолопоклонницей. Этотъ свой взглядъ они подтверждаютъ многими мѣстами Священнаго Писанія, которое они толкуютъ произвольно. Свою общину они называютъ Виелеемомъ, потому что у нихъ раждается Христось, Слово Божіе, возвѣщающее истину вѣры, а христіанскую церковь они признаютъ Иродомъ, потому что она ищетъ убить рожденное у нихъ слово истины. Они смотрятъ на себя, какъ на евангельскихъ волхвовъ, христіанскую церковь сравниваютъ съ Іерусалимомъ, а звѣзду—съ закономъ Моисея, приведшимъ ихъ сначала къ нашей (христіанской) церкви. Но здѣсь они были потомъ научены священниками, книжниками и учителями христіанской церкви *α*), что Христось раждается въ Виелеемъ (въ сектѣ). Первые ихъ учителя вышли изъ среды христіанской церкви. (XXVIII). Членовъ христіанской церкви они называютъ тѣми *фарисеями и саддукеями*, которые приходили къ Іоанну Крестителю (Мѣ. 3, 7) и которыхъ онъ называлъ «порожденіемъ ехидны, съменемъ змія — отъ совокушенія его съ Евою». (XXXI). *Сапоги (ὄποδῆματα) Христа* (Мѣ. 3 11) означаютъ чудеса, которыя онъ показывалъ народу. Этихъ сапоговъ не могъ носить (*βαστάσαι*) Іоаннъ, потому что онъ не могъ совершить такихъ чудесъ. *β*) *Плоновеніемъ Христа* (Мѣ. 3, 12) называютъ слово Евангелія, которое вышло изъ устъ Христа. Подъ *умномъ* они понимаютъ христіанъ, между которыми есть православные (*ὀρθοδόξοι*) и инославные (*ἑτεροδόξοι*), подъ *ишеницею*—свою вѣру — чистую и спасительную (*τρόφιμον*), а *плевелами* именуютъ нашу вѣру, какъ непотребную и достойную сожженія. (XXXII). Христіанскую церковь они называютъ Назаретомъ, а свою секту — Капернаумомъ, потому что теперь Христось живетъ у богомиловъ и оставилъ нашу церковь. (XXXIV). Всѣ общанныя Христомъ *блаженства* (Мѣ. 5, 3), богомилы относятъ къ своимъ послѣдователямъ. Они—*нищіе духомъ, плачущіе, алчущіе и жаждущіе правды* и проч. Они называютъ себя *солю земли, свѣтомъ міра* (Мѣ. 5; 13, 14) и прилагаютъ къ себѣ все тѣ, что Христось

сказаль объ апостолахъ. (XXXV). Мѣсто изъ Еванг. Матѳея 5 гл., 20 ст., *аще не преизбыточествова правда ваша паче книжникъ и фарисей....* богомилы объясняли такъ: фарисеи и книжники это—учители православной церкви, которые занимаются науками и гордятся этимъ. Но на сторонѣ богомиловъ больше *правды*, потому что ихъ ученіе болѣе истинное и болѣе приспособленное къ установленію правой и чистой жизни, чѣмъ ученіе христіанской церкви: такъ богомилы воздерживаются отъ употребленія говядины, баранины, отъ брака и т. под. (XXXVII). Мѣсто Еванг. Матѳея—6 гл. 26 ст. они толковали такъ: подъ «святымъ» нужно разумѣть простѣйшее (*ἀπλοῦστερον*) ученіе богомиловъ, а подъ «бисеромъ» тайное и совершеннѣйшее ихъ ученіе. «Собаками» и «свиньями» они называютъ нашихъ благочестивыхъ людей, какъ идолослужителей. Этому основному взгляду они слѣдуютъ при принятіи въ свою общину членовъ христіанской церкви. На вступающихъ они дѣйствительно смотрятъ какъ на собакъ и свиней, ихъ (низшую природу) они очищаютъ постомъ и молитвою, прежде чѣмъ допустить ко крещенію. Послѣ крещенія, вступившихъ постепенно совершенствуютъ и наконецъ уже вѣряютъ имъ *святое и бисеры* (XLIV). Подъ новымъ виномъ (Мѳ. 9, 17) они разумѣютъ свое ученіе, подъ ветхими мѣхами—не принимающихъ его, а подъ новыми мѣхами тѣхъ, которые принимаютъ это ученіе и сохраняютъ его (L). Книжниками, о которыхъ упоминаетъ Евангелистъ Матѳеи (8, 20), называются ученые вообще. Богомилы поэтому не принимаютъ къ себѣ людей ученыхъ изъ подражанія Христу, какъ они говорятъ, который не принялъ книжника. *Лисицами* они называютъ заключенныхъ въ тѣсныхъ келіяхъ аскетовъ, *пшмицамъ*—столпниковъ, какъ недостойныхъ общенія (*ἐπιδημας*) со Христомъ (XLVIII). Два бѣсноватыя, вышедшіе изъ гробницъ (Мѳ. 8, 28 и сл.) означаютъ два чина: чинъ клириковъ и монаховъ. И тѣ и другіе живутъ въ храмахъ—гробницахъ съ костями мертвыхъ. Оба они представляются богомиламъ весьма опасными, такъ что никто изъ нихъ не рѣ-

пится идти этимъ путемъ. Стадомъ свиней богомилы называютъ простыхъ, невѣжественныхъ людей, живущихъ подобно свиньямъ; къ такимъ приходятъ духовные и монахи и ввергаютъ ихъ въ море грѣховъ» (XLIX).

α) Это преданіе, сохранившееся въ богомилской сектѣ, имѣетъ историческое основаніе. Изъ слова пресвитера Козмы видно, что *попъ* богомилъ былъ однимъ изъ первыхъ учителей секты ⁷⁵⁾. Онъ былъ родомъ болгаринъ и проповѣдывалъ въ царствованіе Петра (927 — 968) сына царя Сумеона, при которомъ былъ золотой вѣкъ славянской письменности. Память о первомъ основателѣ секты долго хранилась въ Болгаріи; имя его торжественно проклиналось въ недѣлю православія еще въ XIII вѣкѣ ⁷⁶⁾.

β) О какихъ чудесахъ здѣсь рѣчь идетъ—мы не видимъ. Пресвитеръ Козма говоритъ, что богомилы не вѣруютъ чудесамъ Господнимъ, понимая ихъ чисто въ духовномъ смыслѣ. Богомилы не могли вѣрить въ чудесное исцѣленіе, утоленіе голода или воскрешеніе людей, по основному взгляду своему на тѣло, какъ на преграду душевному совершенствованію, какъ на дѣло діавола: «Христа не исповѣдаютъ сотворша чудеса,—глаголюще: нѣсть Христось слѣпа просвѣтилъ, ни хрома не исцѣлилъ, ни мертва воскресилъ, но притчи то суть точію и бляди: грѣхи бо, рѣша, косными бо евангелисти положиша. Народомъ же напитаннымъ въ пустыни пятію хлѣбъ не вѣруютъ, глаголюще: не суть то хлѣбы были, но четыре евангелисты, пятое опракъ (*ἄπραχος*-недѣльный, воскресный) апостоль ⁷⁷⁾.

γ) Презрительное отношеніе богомиловъ къ духовенству и къ разнымъ формамъ иночества (гл. XLV) заставляетъ насъ припомнить, что время то было временемъ замѣтнаго упадка греческаго иночества. Благороднѣйшій и образованнѣйшій чловѣкъ

⁷⁵⁾ Правосл. Собес. I 48 ч. 64 г.

⁷⁶⁾ См. Синодикъ Ц. Бориса у Гильфердинга I, 131.

⁷⁷⁾ Правосл. Собес. 64 г. Ц, 108.

своего времени (XII в.) Евстаѳій, архіеу. ессалоникійскій, изображаетъ монаховъ «лицемѣрами съ головы до ногъ»; для привлеченія народа въ монастыри они выдумывали ложныя чудеса, приписывали себѣ разныя видѣнія свыше, чтобы прихвастнуть своею мнимою святостію. Въ большинствѣ это былъ народъ грубый, высококомѣрный, презрительно смотрѣвшій на всякую науку и образованіе. Аскетизмъ доходилъ до крайностей; иногда онъ становился страшнымъ: такъ *Икеты* имѣли обыкновеіе плясать съ монахинями, на манеръ пляски Моисея съ Маріамой по переходѣ чрезъ Черное море. Ихъ обличили въ неправославіи ⁷⁸⁾.

V.

Авторъ Паноупліи, поставивъ себѣ задачей изложеніе и опроверженіе еретическихъ мнѣній богомиловъ, почти не касается ихъ исторіи. Онъ дѣлаетъ только краткія замѣчанія объ открытіи ереси въ Константинополь и о судьбѣ главы ея Василія богомила. Поэтому, оставляя въ сторонѣ исторію богомильства, обратимъ вниманіе—насколько справедливо мнѣніе автора Паноупліи, что богомилы происходятъ отъ *мессалианъ*, прибавивъ къ ученію послѣднихъ нѣчто *свое*. Для подтвержденія этого мнѣнія Евсеимій неоднократно указываетъ на сходство въ вѣрованіяхъ тѣхъ и другихъ сектантовъ ⁷⁹⁾. Мистически-религіозное настроеніе мессалианъ, признаніе двухъ началъ—добраго и злаго божества, изъ коихъ послѣднее подчинено первому (умѣренный дуализмъ), *докетизмъ* въ ученіи о Христѣ, воздержаніе отъ брачной жизни, ученіе о существованіи демона при каждомъ человѣкѣ, монашескій обрядъ посвященія и одежда — все это дѣйствительно указываетъ на близкую аналогію богомильства съ воззрѣніями мессалианъ. Но авторъ Паноупліи умалчиваетъ о *времени, степени и пути*

⁷⁸⁾ Neander. Algem. Kirchengesch. V, II, 1034—1041.

⁷⁹⁾ См. Narrat de Bogom. гл. VII, XIII, XX и др.

вліянія мессаліанъ на образованіе богомилства; умалчиваютъ объ этомъ и другіе источники для изученія богомилства.

Первое извѣстіе о появленіи мессаліанства во Фракіи въ X—XI в. относится къ началу XI в. ⁸⁰⁾). Энгельгардтъ производитъ ⁸¹⁾ фракійскихъ евхитовъ отъ смѣшенія сирійско-гностическихъ воззрѣній съ древнимъ мессаліанствомъ, но онъ не объясняетъ, какъ и когда образовалось это смѣшеніе. Такъ какъ нѣтъ положительныхъ свидѣтельствъ о существованіи евхитовъ во Фракіи раньше XI в. ⁸²⁾, то естественнѣе думать, что они произошли не прямо отъ древнихъ мессаліанъ, а подъ вліяніемъ гностическихъ понятій, принесенныхъ павликіанами изъ Сиріи (мѣста обширнаго разлива мессаліанства, по свидѣтельству Іеронима) въ Европу. Если это такъ, то весьма правдоподобно предположеніе нѣкоторыхъ, что фракійскіе евхиты были просто «приверженцы богомилства изъ монашесвующей братіи во Фракіи» ⁸³⁾, какъ и смотрѣли на нихъ современники, отождествляя эти два явленія (*Bogomilorum sive Messaliorum haeresis* ⁸⁴⁾).

Такимъ образомъ мнѣніе автора Паноплии о происхожденіи богомиловъ отъ мессаліанъ не вполне точно. Тѣхъ и другихъ скорѣе можно назвать отраслью обширной, волновавшей нѣсколько столѣтій греческую церковь, ереси павликіанской. Самъ Евѣимій Зигабень, не производя прямо богомиловъ отъ павликіанъ, ссылается однакожъ неоднократно на аналогію въ ученіи обоихъ ⁸⁵⁾. Анна Комнена положительно производитъ

⁸⁰⁾ Пселль: *περί ενεργείας δαιμόνων διαλογος*.

⁸¹⁾ Kirch. Gesch. Abhandl. s. 151 sqq.

⁸²⁾ Ср. Gieseler. Lehrbuch d. K. G. II, I 403.

⁸³⁾ Хр. Чт. 1870. январь.

⁸⁴⁾ Впрочемъ извѣстіе Пселла о нравственной разнузданности евхитовъ и Кедрина (у Geiseler'a II, I, 403, 404) о несоблюденіи ими постовъ указываетъ въ этихъ *монахахъ* — богомилахъ характеристическую особенность, нѣсколько отличающую ихъ отъ другихъ богомиловъ. Эта особенность, на которую не обращаетъ вниманія г. Левицкій, — крайнее самообольщеніе своею святостію, для которой излишни всѣ предписанія, стѣсненія нравственнаго закона. Собственно-богомилы отличались, какъ мы видѣли, строгимъ нравственнымъ ригоризмомъ.

⁸⁵⁾ Narrat. de Bogom. гл. I, VII, IX, X, XVI.

богомилѡвъ отъ манихеевъ т. е. павликіанъ и мессалианъ ⁸⁶⁾. Житіе Иларіона Могленскаго (жилъ во второй половинѣ XII в.) показываетъ, что въ его епархіи большая часть населенія была манихейская, армянская, еще же и богомилская ⁸⁷⁾. Почему житіе называетъ манихейство армянскою ересью — мы сейчасъ увидимъ. Еще въ VIII в., по свидѣтельству Кедрина ⁸⁸⁾, Константинъ Копронимъ (741—775) населилъ Фракію колонистами изъ Сиріи и *Арменіи*, въ числѣ которыхъ были и павликіане. Во время спора Рима съ Константинополемъ о церковномъ главенствѣ надъ Болгаріей павликіане, пользуясь смутами, посылали изъ Арменіи въ 869 г. своихъ проповѣдниковъ съ цѣлью пропаганды между нетвердыми въ христіанствѣ болгарами ⁸⁹⁾. Такимъ образомъ мы имѣемъ положительныя свидѣтельства о вліяніи павликіанъ на образованіе секты богомилѡвъ, не говоря уже объ аналогіи въ ученіи ихъ обоихъ. Приводимъ еще нѣкоторые факты. Около 970 года Іоаннъ Цимисхій (969—975 г.) переселилъ много павликіанъ въ окрестности Филиппополя для защиты отъ нападенія варваровъ на византійскую имперію ⁹⁰⁾. «Все кругомъ Филиппополя сдѣлалось еретическимъ, говоритъ Анна Комнена, и съ тамошними еретиками слился еще другой горькій потокъ, исходившій изъ армянскаго источника», — она разумѣетъ туземныхъ слав. дуалистовъ, богомилѡвъ. Проповѣдь павликіанъ между болгарами должна была имѣть тѣмъ большій успѣхъ, что нашла уже здѣсь подготовленную почву. Ибо уже при царѣ Симеонѣ (888—927 г.) дуалистическая ересь является въ Болгаріи опаснѣйшимъ врагомъ православія ⁹¹⁾. Послѣ блестящей эпохи Симеона является замѣтное оскудѣніе ду-

⁸⁶⁾ Alexias L. XV, p. 384.

⁸⁷⁾ П. Собр. Р. Лѣт., т. IX, стр. 145.

⁸⁸⁾ У Geiseler'a II, I, 400.

⁸⁹⁾ Ab ipsismet impiis et delirantibus cognovi, quod e suo conciliabulo missuri essent qui in Bulgaria quoscunque essent a catholica religione ad suam execratam et nefariam sectam converterent. Gieseler: Historia Manicheorum, Göttingen 1846.

⁹⁰⁾ Анна Комненъ Alexias I. XIV, p. 357 ed. Venet.

⁹¹⁾ Палаузовъ. Вѣтъ болгарск. ц. Симеона 92.

ховной жизни въ православной церкви болгарской ⁸²⁾), — и вотъ уже при Петрѣ Симеоновичѣ выступаетъ между славянами знаменитый проповѣдникъ дуализма попъ богомилъ. Сосѣди славянъ по мѣсту жительства, пропагандисты по своему характеру, издавна заклятые враги византійскаго правительства ⁸³⁾, павликіане естественно могли найти успѣхъ своей проповѣди между неутвержденными въ христіанствѣ болгарами ⁸⁴⁾. Павликіане были тѣмъ болѣе опасными пропагандистами между болгарами, что, по замѣчанію византійскихъ писателей (Петръ Сицилійскій) отличались хитростію, изворотливостію, «хамелеоновою измѣнчивостію» ⁸⁵⁾, умѣньемъ принаравливаться къ свойствамъ тѣхъ лицъ, которымъ еретики проповѣдывали свое ученіе. Петръ Сицил. считаетъ опаснымъ для христіанъ даже вступать въ разговоръ съ ними: такъ обольстительно дѣйствовала ихъ проповѣдь ⁸⁶⁾. Греки съ болгарами были притомъ весьма часто во враждебныхъ отношеніяхъ и полуязычники болгары должны были съ удовольствіемъ слушать враждебные возгласы павликіанъ противъ грековъ вообще и противъ бѣлаго и монашескаго духовенства, которое въ большинствѣ было греческое ⁸⁷⁾. Неудивительно, что, при столь близкихъ и дѣятельныхъ связяхъ павликіанъ съ болгарами, мы находимъ поразительную аналогію павликіанской ереси съ богомилскою. Какъ богомилы, такъ и

⁸²⁾ Гильфердингъ I, 130.

⁸³⁾ Гильфердингъ I, 226.

⁸⁴⁾ Іоаннъ Экзархъ говоритъ: „да ся срамяють убо вси пошибени и сквернии Манихеи и вси погани словени и вси языци зловѣрнии“. (Вѣкъ Б. Ц. Сим. Палаузова 92 с.). Изъ этихъ словъ видно, что еще во время Іоанна Экзарха, спустя около 100 лѣтъ послѣ принятія христіанства болгарами, языческія преданія были еще сильны въ народѣ. Такое неуспѣшное распространеніе христіанства между славянами, значительно обусловливаемое вѣнскими отношеніями болгаринъ (припомнимъ между прочимъ соблазнъ, какой должны были производить препирательства Рима и Византіи изъ-за Болгаринъ), должно было открыть обширную дорогу вліянію на Болгарь антицерковной и антиправительственной ереси.

⁸⁵⁾ Fleury XIII, 54.

⁸⁶⁾ Fleury XII, 49.

⁸⁷⁾ Гильфердингъ, 138.

лавликіане признавали два начала, божества—доброе и злое, одинаково почитали нисшее начало творцемъ видимаго міра и Богомъ ветхозавѣтнымъ; согласно извращали понятіе о таинствахъ; единомысленно отвергали Ветхій Завѣтъ; нападали на одни и тѣже пункты обрядоваго ученія церкви, не признавали церковной власти, ненавидѣли иноковъ и клириковъ, враждебно относились къ гражданскому правительству ⁸⁸⁾ и вполне сходны были по духу и характеру своему. Стараясь отпечатлѣть въ своей жизни мнимо апостольскій идеаль, павликіане особенно увлекательно дѣйствовали на массу народа, которая не способна была различить въ этомъ направленіи антихристіанскую подкладку—гностицескій дуализмъ, и мы можемъ смѣло сказать, что въ основу догматическихъ воззрѣній богомилства легло главнымъ образомъ ученіе павликіанъ, а не мессалианъ, какъ думаетъ авторъ Паноплии ⁸⁹⁾.

⁸⁸⁾ Въ другомъ своемъ трудѣ позднѣйшаго происхожденія (*ελεγκος*) авторъ Паноплии уже прямо отождествляетъ ихъ ученіе съ *мессаліанскимъ*. Онъ приписываетъ имъ обоимъ заблужденія общія, намекая тѣмъ на общность происхожденія ихъ изъ одного источника (павликіанства). Въ этомъ позднѣйшемъ трудѣ есть, какъ мы видѣли выше, и другія показанія, не всегда согласныя съ 23 титуломъ Паноплии. Вообще нужно замѣтить, что послѣднее титуло въ этомъ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, отражаетъ на себѣ слѣды поспѣшной работы, несовершеннаго ознакомленія съ предметомъ, о которомъ авторъ пишетъ. Этими объясняются его промахи, увлеченія, противорѣчія самому себѣ. При всемъ томъ это *единственный* источникъ для *подробнаго* ознакомленія съ *ученіемъ* богомилловъ, хотя мы называемъ его *подробнымъ*—только сравнительно съ другими источниками для изученія богомилства. Наряду съ Паноплией, по важности сообщаемыхъ свѣдѣній о богомиллахъ, стоитъ памятникъ, принадлежащій болгарскому обличителю ихъ, Козмѣ пресвитеру (X или нач. XI в.). Но послѣдній обращаетъ больше вниманія на *внѣшнюю* сторону ереси, на практичскія послѣдствія основныхъ положеній ея и весьма мало касается *догматическихъ* началъ. Современница автора Паноплии, Анна Комнена подробно описываетъ исторію открытія богомилства въ Константинополѣ во времена Алексѣя Комнена, рисуетъ передъ нами характеръ ереси въ лицѣ болѣе извѣстнаго тогдашняго ея представителя, Василія богомила; но догматовъ ея вовсе не касается, отсылая желающаго познакомиться съ ними къ Паноплии Евѣмія Зигабена. Другіе памятники, о которыхъ мы упоминали при разборѣ Паноплии, весьма кратки, необстоятельны и служатъ къ уясненію только нѣкоторыхъ частныхъ сторонъ ученія или характера богомилской ереси.

⁸⁹⁾ Прав. Соб. 64 г. II, 202.

VI.

Прямое свидѣтельство пресвитера Козмы ¹⁰⁰⁾ показываетъ, что ересь находила себѣ поддержку и опору въ простой, непросвѣщенной достаточно свѣтомъ Евангелія массѣ народа, неспособной понимать разныя догматическія тонкости. Богомилство въ существѣ дѣла вовсе не походило на стремленія древнихъ гностическо-манихейскихъ сектъ, въ основѣ которыхъ легли уже довольно развитыя философскія представленія Востока и Греціи, которыя (секты) видѣли въ толпѣ вѣрующаго недостаточное пониманіе истинъ вѣры, изложенныхъ въ Н. Завѣтѣ, и старались дополнить, исправить, осмыслить ихъ своими философскими соображеніями: Библия у нихъ отходила на задній планъ; ученіе апостоловъ требуетъ поправки и дополненій: философія вытѣсняла религію. Ничего подобнаго не представляетъ богомилство. Совершенствованіе жизни, нравственности *сообразно идеалу апостольскаго христіанства*, которое теперь въ церкви утратило свой чистый характеръ, затемнилось ложными преданіями—вотъ основная тенденція богомиловъ. Этою стороною они были особенно опасны для церкви: проповѣдуя высшій, хотя односторонне представляемый идеаль нравственности, будучи сами съ виду образцомъ воздержанія и аскетизма, чистой богоугодной жизни, они невольно привлекали къ себѣ толпу простаго народа, такъ склоннаго заключать о чистотѣ и истинности ученія по внѣшнему поведенію его представителей, проповѣдниковъ. Посреди разбоевъ, грабежей, притѣсненій и поборовъ власти, посреди военнаго террора и нестроенія въ церкви ¹⁰¹⁾, — въ Болгаріи

¹⁰⁰⁾ Прав. Соб. 1864. II, 420.

¹⁰¹⁾ Причину распространенія ереси пр. Козма видитъ именно въ нестроеніяхъ церковныхъ, которыя онъ описываетъ весьма мрачными красками. Попы упиваются, грабятъ, лѣнны, невѣжественны, епископы, поставленные на мздѣ, заботятся только о поборахъ съ подчиненнаго духовенства, а народъ ничему не учатъ, по невѣжеству и грубости. „Откуда исходятъ волки сіи, зліи пси, еретическая ученія? Не отъ лѣности ли грубости пастушескы? Откуда ли разбойници и татіе, рекше грѣси и неправды? Не отъ неказанія ли епископска“. Пр. Соб. 1864 г., II, 420.

являются одушевленные проповѣдники чистой евангельской праведности; такъ наглядно, такъ доступно простому уму, проникнутому еще языческими взглядами, объясняютъ они причину всѣхъ золъ и нестроенія въ господствѣ злаго начала надъ міромъ. Выводы отселѣ просты, несложны. Все, что носить печать внѣшнихъ, вещественныхъ отношеній, заслуживаетъ презрѣнія духовнаго христіанина. Вѣтхій Заветъ представитель злаго начала, опутавшаго людей разными внѣшними предписаніями, требовавшаго кровавыхъ жертвъ, обрѣзанія плоти и т. п., они должны были отвергнуть. Таинства съ ихъ внѣшними знаками, почитаніе иконъ, крестовъ, все это болѣе прилично язычникамъ, чѣмъ имъ, «истиннымъ христіанамъ». Церковную іерархію они учили презирать, но гоненія съ ея стороны заставляли ихъ притворно исполнять предписанія церкви. Вотъ немногосложный кодексъ нравственно-религіозныхъ предписаній богомильства въ первый періодъ его существованія, какимъ мы его знаемъ изъ слова пр. Козмы ¹⁰²⁾.

¹⁰²⁾ Слово пр. Козмы явилось въ свѣтъ подъ однимъ общимъ заглавіемъ: „Недостойнаго Козмы пресвитера бесѣды на новоявившуюся ересь богомилу. (Здѣсь 13 бесѣдъ. Первая бесѣда безъ заглавія; потомъ слѣдуютъ бесѣды; 2) о комканіи (причащеніи); 3) о литургіяхъ; 4) о прощѣхъ; 5) о ненавидѣніи еретическомъ; 6) о исповѣданіи еретическомъ; 7) о мятущихся чернцѣхъ; 8) о хотящихъ отъйти въ черныя ризы; 9) о затворницѣхъ; 10) о добрыхъ чернцѣхъ; 11) о вѣрѣ; 12) о богатыхъ; 13) о епископѣхъ и попѣхъ). Бесѣды очевидно составлены съ цѣлію опроверженія еретиковъ; почему же Козма не подвергаетъ подробному разбору ихъ ученія и больше всего обращаетъ вниманіе на внѣшнюю практику ихъ, на поведеніе въ жизни—какъ оно служитъ выразителемъ ихъ догматическихъ воззрѣній? Козма жилъ въ вѣлъ перваго славнаго ересееучителя, попа богомила, присутствовалъ при широкомъ разливѣ ереси между своими единоземцами, зналъ тайну ея вліянія и успѣховъ и если не излагаетъ съ большею подробностію ихъ ученія, то, можно думать, что оно не было еще развито, что сектанты не успѣли еще тогда подробно выработать догматическихъ воззрѣній. Такъ напр. на вопросъ: „почто Богъ діаволу попускаетъ на челоуѣкъ!“ Богомилы отвѣчали ученіемъ о дуализмѣ, объ участіи злаго начала въ твореніи міра и челоуѣка (Пр. Соб. 1846 г., II, 98). Но предѣлы этого участія иными суживались почти до отрицанія его. Простые вѣрующіе можетъ быть и совсѣмъ незнали этого злаго творца (Петрановичъ 50). Между тѣмъ, повидимому, дуализмъ долженъ былъ служить исходнымъ пунктомъ всего ихъ догматическаго и нравственнаго ученія. Дуализмъ долженъ былъ

Съ теченіемъ времени реформаторскія стремленія славянскихъ богомиловъ нашли себѣ прозелитовъ и между болѣе образованными греками. Это было время крестовыхъ походовъ, пора всеобщаго религіознаго энтузіазма въ Европѣ, сознанія неудовлетворительности настоящаго своего положенія. Народныя массы востреплились отъ вѣковаго усыпленія; оглянувшись вокругъ себя нашли, что современные церковныя и гражданскіе порядки весьма далеки отъ начертаннаго Спасителемъ идеала, и отшатнулись отъ развратившагося церковнаго общества. Являются грозныя секты каатаровъ, которые, подъ разными именами, производили смуты въ церкви цѣлыя столѣтія. Богомильство, проникшее въ Константинополь незадолго до времени Алексѣя Комнена, было отголоскомъ тѣхъ же реформаторскихъ стремленій горячихъ поборниковъ мнимо-евангельской праведности ¹⁰³). Склонный къ утонченнымъ мудрствованіямъ греческій умъ не довольствуется только одними практическими тенденціями секты: онъ старается обосновать ихъ на аллегорическомъ толкованіи Библии, сколачиваетъ вѣчто похожее на цѣльную систему вѣроученія. Но видно и здѣсь, на новой почвѣ, богомильство продолжало пріобрѣтать себѣ adeptовъ преимущественно своими практическими стремленіями. Богомильская догматика, попрежнему, оставалась мало развитою, смѣшанною съ мѣологическими воззрѣніями, исполненною крайнихъ несообразностей и внутреннихъ противорѣчій. Мы не знаемъ даже—существовали-ль въ этотъ періодъ какія нибудь символическія книги у еретиковъ; была ли у нихъ своя литература? Судя по трудности, съ какою приходилось собирать свѣденія объ ученіи еретиковъ (одному ихъ обличителю приходится для этого нарочно отыскивать чловѣка,

опредѣлять взглядъ ихъ и на тайну искупленія, и на церковныя таинства, и на обрядовое ученіе. Они признаютъ себя истинными послѣдователями апостольскаго ученія, изложеннаго въ Св. Писаніи, но на дѣлѣ I. Крестителя называютъ „антихристомъ“, вопреки явнымъ свидѣтельствамъ принимаемаго ими писанія.

¹⁰³) Ср. Neander, *Algem. Kircheng.* II, I, 1080.

который могъ бы сообщить ему свѣдѣнія объ еретикахъ), можно думать, что въ полномъ составѣ оно было хорошо извѣстно только немногимъ избраннымъ членамъ общины, такъ-называемымъ посвященнымъ еетокамъ, которые имѣли право учить другихъ, подъ руководствомъ Духа св. Неудивительно, что ученіе, отданное на произволь отдѣльныхъ учителей, не заключенное въ какія нибудь символическія книги, могло подвергаться постоянно измѣненіямъ, искаженіямъ, дополненіямъ, которыя иногда могли противорѣчать другъ другу и основному характеру секты. Все это не могло не ставить въ тупикъ православныхъ, мало знакомыхъ съ бытомъ секты, съ ея основными мотивами. Въ догматикѣ сектантовъ они видятъ нелѣпости, крайнія несообразности, непримиримыя противорѣчія. Такъ, Евѣимій, наслышавшись нелѣпостей отъ приверженцевъ секты, дѣлаетъ объ еретикахъ весьма нелестный отзывъ называя ихъ грубыми *невъжами* (гл. III, VI, XLI), глубцами (гл. XVII, XXII, XXVII, XLVII), безстыдными софистами (гл. X); ученіе ихъ называетъ пустою болтовнею (LII), баснями (VII).

Но Евѣимій видѣлъ, что при всей нелѣпости своего ученія, сектанты имѣли большой успѣхъ въ обществѣ; указать, по примѣру пр. Козмы, на дѣйствительныя причины этого успѣха Евѣимій не рѣшается въ полемическомъ сочиненіи, можетъ быть потому что это значило бы обнаруживать свои большыя мѣста, выставять ихъ на посмѣяніе еретикамъ. Успѣхъ еретиковъ, возбудившій противъ нихъ преслѣдованіе со стороны гражданской власти, ставить въ неестественное отношеніе къ нимъ и тѣхъ, кому приходилось дѣйствовать противъ нихъ *non gladio sed calamo*. Евѣимій называетъ ихъ опасными *обманщиками* (гл. II, VI, LII), *бѣшенными собаками съ ядомъ аспида на устахъ* (XLVII); *смердный гробъ—уста этихъ нечестивцевъ; богомерзкія уста ихъ каплютъ разрушительный ядъ* (XLVIII). Евѣимій призываетъ на нихъ небесный огонь и всѣ кары ада (XLV, XVI). Почитаніе демоновъ набрасывало на нихъ особенно невыгодную тѣнь въ глазахъ православныхъ. Между тѣмъ, какъ многіе увлекались стро-

гимъ аскетизмомъ, смиреніемъ, постоянною молитвою еретиковъ съ Евангеліемъ въ рукахъ, ревнители православія склонны были видѣть въ этихъ *друзьяхъ и почитателяхъ демоновъ* (гл. XIII, XXI, XXII, XXIII, XX) служителей всякаго порока, нечестія. Такъ пр. Козма говоритъ, что тайныя собранія богомиловъ «прелести тысяща суть». Пселль замѣчаетъ, что въ этихъ тайныхъ собраніяхъ сектанты предавались свальному грѣху, причащались тѣломъ закланнаго младенца и дѣлали другія непотребства ¹⁰⁴). Анна Комнена замѣчаетъ, что Василія богомила окружалъ сонмъ женщинъ завѣдомо развратнаго поведенія (Alexias LXV, р. 384). Безъ сомнѣнія отзывы автора Павопліи, Анны Комненой и др. писателей о крайней безнравственности еретиковъ значительно преувеличены. Последніе на дѣлѣ умѣли доказать, что нравственность ихъ была выше ученія, привлекая къ себѣ многочисленныхъ послѣдователей, соблазнявшихся именно строго-нравственнымъ образомъ ихъ жизни.

Страстное отношеніе къ нимъ Евеміи и другихъ писателей объясняется громадною опасностію, какою грозила эта ересь церкви, тѣми опасными принципами, которые ставили секту во враждебное отношеніе къ церкви. Объявивши протестъ противъ неудовлетворительнаго современнаго строя церкви, противъ іерархіи и церковнаго преданія, богомилы отрицали вообще христіанство въ его исторіи. Порвавши связь съ прошедшимъ, они хотѣли видѣть въ своей сектѣ осуществленіе истиннаго, *апостольскаго* христіанства. Но огромное разстояніе отдѣляетъ ихъ отъ религіи Христа; различіе между ними не въ какомънибудь частномъ догматѣ, оно — существенное, основное. Въ этомъ смыслѣ богомильство нельзя даже назвать ересью въ смыслѣ уклоненія его отъ *нѣкоторыхъ частныхъ истинъ* христіанства. Богомильство, сохранивъ отчасти форму христіанства, отрицало его въ *сущности*, ставя на мѣсто одного двухъ боговъ. Богомилы содержатъ только повидимому

¹⁰⁴) Gieseler. Lehrb. d. Kirch. Gesch. II, I, 404.

Евангеліе; Христось для нихъ — обманчивый призракъ, тѣнь. Исторію его они превратили въ мифологію. Ихъ строгая нравственность—не христіанскаго характера, потому что христіанство не требуетъ уничтоженія тѣлесной природы, презрѣнія твари, отрицанія всѣхъ отношеній между людьми. Съ уничтоженіемъ брака у нихъ уничтожается семья; остаются только индивидуумы, изъ которыхъ каждый служитъ себѣ центромъ и цѣлью; прямое слѣдствіе этого ученія—царство эгоизма и разрушеніе человѣческаго рода. У христіанъ наоборотъ, бракъ—основа церкви и общества, между его членами — братство и безконечное совершенствованіе до цѣли, назначенной провидѣніемъ. Богомилы воображали силою одной своей воли достигнуть идеальнаго совершенства на землѣ; христіанство, открывая слабость человѣка и подавая надежду на благодатную помощь, болѣе отвѣчаетъ дѣйствительнымъ потребностямъ природы человѣческой. Если такъ, что же значать ихъ попытки олицетворить въ своемъ лицѣ «истинныхъ христіанъ»? Зачѣмъ у нихъ Христось?! Это былъ обманъ ихъ чувства, недостаточно просвѣщеннаго свѣтомъ Евангелія; они собственно ни безбожники, ни лицемерные *обманщики*, какъ называетъ ихъ авторъ Панаолія ¹⁰⁵⁾ и др., они искренно вѣрили въ свои ошибки, трудно распознаваемыя, повидимому основанныя на весьма разумныхъ основаніяхъ и на высшемъ мистическомъ толкованіи Н. Завѣта. Боясь затеряться въ матеріальности внѣшнихъ формъ, они хотѣли одухотворить все—религію, богослуженіе, жизнь; съ одной стороны ставили міръ, а съ другой духъ, и между ними—непроходимую пропасть, не желая видѣть особаго дѣйствія промысла въ двоякомъ составѣ природы и освященія его христіанствомъ. Считаая себя представителями чистаго евангельскаго ученія, они хотѣли возвести церковь къ первобытной чистотѣ, понимали ее *духовно* и представляли святою и идеально-совершенною. Православную церковь они упрекали за низкое, плотское пониманіе хрис-

¹⁰⁵⁾ Narrat. de Bogom. гл. II, IV, LII, VI, XXII, XXVIII.¹⁾

тіанства и смѣшеніе его съ іудействомъ, протестовали противъ преданій и учрежденій византійской церкви, противъ сложной обрядности богослуженія и пороковъ клира. Церковь подвергла ихъ за это осужденію; свѣтская власть, видѣвшая въ нихъ опасныхъ враговъ всего гражданскаго строя, подняла противъ нихъ мечъ, прибѣгала къ кострамъ, какъ наиболѣе сподручнымъ, по ея мнѣнію, средствамъ потушить заразу (LII). Но не въ пламени костровъ погибла ересь; возникши изъ мрака невѣжества, она сама собою должна была исчезнуть посреди свѣта христіанской цивилизаціи ¹⁰⁶⁾.

Григорій Киприановичъ.

¹⁰⁶⁾ Schmid. II, 162.

С Л О В О

НА ДЕНЬ ТЕЗОИМЕНИТСТВА БЛАГОЧЕСТИВѢЙШЕЙ ГОСУДА-
РЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ АЛЕКСАНДРОВНЫ *).

Истинно, что изъ всѣхъ добродѣтелей христіанской жизни, послѣ любви къ Богу, нѣтъ можетъ быть другой, которая бы имѣла такую цѣну у Бога, какъ любовь и милосердіе къ ближнимъ. Вотъ по свидѣтельству Евангелія, что изречетъ творящимъ милосердіе въ день суда и воздаянія міру, Христосъ Господь и Судія его: *аминь глаголю вамъ, скажетъ Онъ Мѣ. XXV, 40. имъ въ тотъ день: понеже сотвористе единому сихъ братій Моихъ меньшихъ, Мнѣ сотвористе!*

Это слово—что означаетъ оно? То, что всякій разъ, какъ при видѣ нужды или несчастія ближняго мы не проходимъ мимо его, какъ чуждаго и сторонняго намъ существа, но признавая въ немъ брата и искренняго нашего спѣшимъ, движимые состраданіемъ, помочь его нуждѣ, облегчить его скорбь, сколько и какъ только можетъ, всякій разъ, какъ мы дѣлаемъ то,—въ лицѣ сего брата, благотворимаго нами, мы благотворимъ Христу самому, коему онъ также—братъ! *Понеже сотвористе единому сихъ братій Моихъ меньшихъ, Мнѣ сотвористе.*

*) Произнесено въ церкви Воспитательнаго Дома 22 іюля 1875 года, при служеніи его высокопреосвященства Иннокентія митрополита московскаго.

Не дивно ли такое крайнее снисхожденіе къ намъ любви Христа? Сему ли будемъ дивиться? Помыслимъ: уже если эта любовь возмогла подвигнуть Его, нашего Искупителя, сойти нѣкогда къ людямъ на землю и принявъ здѣсь на Себя ихъ плоть и образъ, пожить среди нихъ въ семъ образъ Своемъ, какъ среди братьевъ и врисныхъ Своихъ, и тѣмъ подъять и понести на Себѣ все до единой ихъ скорби, нужды и немощи, включая сюда и самую смерть,—то что удивительнаго, если Онъ милосердый благоволитъ и нынѣ не разлучаться Духомъ Своимъ и любовію со всеми, подобно Ему скорбящими, нуждающимися немощствующими на землѣ. А послѣ сего, что удивительнаго, если, утѣшая несчастныхъ, врачуя недугующихъ, помогая немощнымъ, словомъ, служа ближнимъ въ томъ или другомъ дѣлѣ благотворенія имъ, мы служимъ тѣмъ истинно и дѣйствительно Христу самому, въ лицѣ сихъ меньшихъ братій Своихъ самымъ дѣломъ скорбящему, страждущему, изнемогающему предъ нами! Такъ истинно это слово Его: *понеже сотвористе единому сихъ братій Моихъ меньшихъ, Мнѣ сотвористе!*

Въ виду сего слова, какимъ двойнѣ близкимъ сердцу дѣломъ становится дѣло милосердія! На что, на какую жертву для блага ближняго не сильна подвигнуть того, кто любитъ Христа,—мысль, что въ лицѣ ближняго своего онъ благотворитъ Христу самому? Что предъ симъ побужденіемъ къ благотворенію все другія проповѣдуемыя въ мірѣ? И если, строго говоря, нѣтъ блага столь дорогаго намъ, въ которомъ бы мы были въ правѣ отказать нашему брату, имѣющему нужду въ немъ, то есть ли хотя одно благо въ мірѣ, въ которомъ бы могли по совѣсти отказать Христу, Источнику и Подателю всехъ благъ? И какимъ вмѣстѣ чистымъ, святымъ, плодотворнымъ является милосердіе наше, когда мы творимъ его съ этою цѣлю о Христѣ и во имя Его! Зная и помня, что Самъ Христосъ предстоитъ предъ вами въ лицѣ ближняго, ожидающаго дара отъ васъ, вы не подадите сему послѣднему камня вмѣсто хлѣба, и не прострете также заботы о тѣлѣ

его далѣ полезнаго и необходимаго, но заботясь о тѣлѣ не оставите безъ вниманія и его безсмертной души, возлюбленной Христомъ и искупленной кровію Его! А что сказать о тѣхъ небесныхъ и земныхъ благословеніяхъ, которыя привлекаетъ милосердіе на главу самихъ творящихъ его, когда они творять его ради Христа и изъ любви къ Нему? Чего не силенъ даровать имъ Онъ, Владыка неба и земли? И чего могли бы они не ожидать и не надѣяться найти себѣ въ любви Его—Его, приемлющаго какъ милость, какъ благодѣяніе Себѣ, всякій даръ, всякую лепту нашей любви къ людямъ и благотворенія имъ! *Понеже сотвористе единому сихъ братьей Моихъ меньшихъ, Мнѣ сотвористе.*

О, какое это великое слово и какъ нужно намъ чаще и искреннѣе углубляться въ смыслъ его! Мы христіане, а законъ христіанства—милосердіе! Чѣмъ былъ бы христіанинъ, чуждый дѣлу милосердія? Но что такое и милосердіе, не освященное и не управленное духомъ христіанства? Необходимо, говорю, намъ чаще и болѣе углубляться въ смыслъ сего слова. Мы живемъ въ мірѣ, а кто не знаетъ, какъ легко и для сердца добраго и сострадательнаго отъ природы, среди шума и суеты жизни міра, въ виду вѣчно смѣющихся въ немъ и довольныхъ собою людей или другихъ, печалющихся о томъ, что не заслуживало бы даже смѣха, какъ легко, среди и въ виду всего подобнаго въ мірѣ, не замѣтить тамъ часто слезы истинной нужды, непритворнаго горя, найти скучною или незаслуживающею вѣроятія ихъ повѣсть о себѣ, не внять ихъ воплю, опустить случай и поводъ помочь имъ! Мы живемъ въ мірѣ, а кто не знаетъ, что мірѣ вообще скорѣе не прочь поглумиться надъ нуждою и бѣдствіемъ, чѣмъ удосужиться помочь имъ, и что если онъ любитъ иногда помогать имъ и помогаетъ, то по своему: преслѣдуя подъ видомъ помощи другимъ часто цѣли личныя и корыстныя, или простирая въ семъ случаѣ свою заботу о счастіи людей на землѣ настолько далѣ полезнаго, необходимаго и даже возможнаго, что эта забота его для тѣхъ, кого она избрала предметомъ

своимъ, становится часто новымъ, тягчайшимъ прежняго бременемъ, отнимая у нихъ въ этой погонѣ его для нихъ за счастьемъ невозможнымъ, только воображаемымъ и ту хотя малую долю счастья дѣйствительнаго, какая до сего могла бы быть доступна имъ, и, что еще хуже, убивая тѣмъ въ ихъ умахъ—всякую мысль о жизни на небѣ, въ ихъ сердцахъ—всякій порывъ и стремленіе къ небу!... Въ виду сего, кто поручится за себя, что живя въ мѣрѣ и дыша часто однимъ воздухомъ съ нимъ, онъ не впитаетъ въ себя хотя нѣкоторой доли сихъ мѣзмовъ его, не привнесетъ ихъ болѣе или менѣе въ свои отношенія къ людямъ и чрезъ то не отступить хотя частію отъ того образа любви къ ближнему, какой завѣщанъ намъ всѣмъ въ словѣ и примѣрѣ Христа?—Мы живемъ въ мѣрѣ, а мѣрѣ далекъ отъ того, чтобы возлагать упованіе на Христа и давать цѣну благословеніямъ любви Его; онъ любитъ полагаться во всѣмъ на себя одного и всего ожидать для себя только отъ любви къ себѣ самому; не простирая къ тому же своихъ видовъ далѣе земнаго и временнаго, онъ не цѣнитъ и не способенъ цѣнить награды вѣчности; въ силу того онъ учитъ сыновъ своихъ первѣе и выше всего заботиться о самихъ себѣ, чтобы припасать себѣ здѣсь возможно большую сумму счастья, недумая и не заботясь о томъ, что будетъ тамъ, и, не воспрещая имъ при семъ дѣлать добро другимъ и часто даже поощряя къ тому, учитъ держаться въ семъ строгой середины, дабы, обогащая другихъ, не обездоливать самихъ себя.... Кто опять поручится за себя, что слыша такіа правила и видя столько людей, живущихъ и поступающихъ по нимъ, онъ не заразится хотя отчасти симъ духомъ и примѣромъ, не утратитъ должнаго упованія на Бога, не измѣнитъ въ чемъ-либо чаяніямъ и надеждамъ вѣры, живущей въ немъ, и гнетомый нуждами и требованіями жизни своей, мнимыми или истинными, не будетъ по временамъ уходить въ себя при видѣ нуждъ и требованій жизни другихъ, и тѣмъ не заглушить въ себѣ хотя отчасти того духа любви и самоотверженія для блага ближнихъ, какой бы

долженъ исполнять его всецѣло, какъ ученика и послѣдователя Христова?...

Не очевидно ли отсюда, какъ необходимо намъ, живя въ мѣрѣ, стоять всегда насторожѣ нашей любви къ людямъ, живущей въ насъ, дабы мѣрѣ не могъ лишить ея насъ или какъ-либо умалить и повредить ее въ насъ, и въ силу того какъ необходимо намъ чаще и искреннѣе восходить мыслию къ тому духу и образу сей любви, къ какимъ возводитъ насъ это слово Христа: *понеже сотвористе единому сихъ братіи Моихъ меньшихъ, Мнѣ сотвористе?*

Отрадно при семъ остановиться мыслию на этомъ учрежденіи милосердія, подъ кровомъ коего мы собраны нынѣ здѣсь, настолько осуществляющемъ въ себѣ заповѣдь сего слова Христова къ творящимъ милосердіе, что въ семъ отношеніи, можно сказать о немъ, что существуя въ мѣрѣ, оно само не отъ міра сего! И прежде всего не видимъ ли мы памятованія о сей заповѣди положеннымъ уже въ самой основѣ сего учреждения? Не желаніе ли въ лицѣ его послужить, какъ можно полнѣе и самоотверженнѣе, тѣмъ, коихъ Господь именуетъ Своими меньшими братіями, подвигло основателей сего дома,—да будетъ навѣки благословенно имя ихъ! — посвятить его, первѣе всего, призравнію и воспитанію дѣтей,—этой во истину и сугубо меньшей братіи Христа, которую, еще живя на землѣ, Онъ такъ любилъ приближать къ Себѣ, какъ бы находя отдыхъ Своему сердцу отъ гордости и лукавства взрослыхъ въ простотѣ и чистосердечіи сихъ малыхъ, и служеніе которой Онъ оцѣнилъ такъ высоко, когда однажды, поставивъ *отроча* посреди учениковъ Своихъ и обнявъ его, сказалъ имъ: *иже аще едино таковыхъ отрочатъ приметъ во имя Моє, Мене приѣмлетъ?* Марк. IX, 36, 37... И одна ли только немощь дѣтства, по мысли основателей дома, должна была находить, какъ и находить, пріютъ себѣ въ немъ? Не видно ли въ этомъ многообразіи нуждъ скорби и бѣдности, удовлетворяемыхъ здѣсь, какъ бы не дававшей покоя ихъ сердцу заботы — обнять однимъ великимъ дѣломъ служенія

людямъ какъ бы всѣ виды и способы служенія имъ? Но такъ по-христіански задуманное и основанное, могло ли это учрежденіе милосердія не явиться истинно христіанскимъ и въ своей жизни и дѣятельности, какимъ оно и является доселѣ? Несказывается ли въ цѣломъ и въ малѣйшихъ подробностяхъ его живѣйшая забота какъ первыхъ основателей, такъ и настоящихъ руководителей его, о возможно полномъ истинномъ удовлетвореніи нуждъ, собранныхъ въ немъ, и первѣе всего той нужды, которая есть главнѣйшая въ человѣкѣ, разумью нужду религіи, которой, какъ видимъ, отведено въ немъ дѣйствительно первое мѣсто, о чемъ говоритъ намъ и этотъ храмъ столь величественно пріютившійся подъ кровомъ его и наше настоящее нарочитое молитвенное собраніе въ семъ храмѣ?... А послѣ сего что удивительнаго, если, существуя вотъ уже болѣе столѣтія, оно всегда привлекало, какъ и нынѣ привлекаетъ, на главу всѣхъ пекущихся о немъ и служащихъ ему благословеніе Бога и людей, небесное и земное, и само, благославляемое отъ Бога и людей, растетъ, обновляется и совершенствуется въ себѣ, можно сказать, съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе?...

Отъ сего помстивъ великаго дѣла и учрежденія милосердія можно ли не вознестись нынѣ мыслию къ Той, отъ коей оно, какъ отъ источника своего, заимствуетъ и духъ и силу и жизнь.—къ августѣйшей покровительницѣ его, тезоименитой днесь благочестивѣйшей Монархинѣ нашей? Не отрадно ли въ высшей степени видѣть царственное величіе, такъ поучительно олицетворяемое ею, первѣе всего, въ дѣлахъ самоотверженнаго служенія меньшей братіи Христа? Да будетъ за сіе благословенно имя ея отъ Бога и людей! Да утѣшитъ Господь сердце ея, болѣзнующее о всякой скорби и нуждѣ другихъ, всѣми благословеніями любви своей, небесными и земными, нынѣ и во вѣки.

Воодушевляемые симъ царственнымъ примѣромъ, потщимся, каждый въ томъ дѣлѣ, на которое онъ поставленъ, какъ и во всѣхъ другихъ дѣлахъ своихъ и въ цѣлой жизни, являть

духъ истинно христіанскаго милосердія къ людямъ, дабы въ тотъ день, когда всѣмъ и каждому изъ насъ будетъ воздано по дѣламъ его, мы могли удостоиться найти себя въ числѣ тѣхъ, коимъ будетъ сказано тогда это торжественное и вожделенное слово: *аминь глаголю вамъ: понеже сотвористе единому сихъ братій Моихъ меньшихъ, Мнѣ сотвористе!*
Аминь.

6 2

Свѣщ. Н. Протопоповъ.

КЪ ИСТОРИИ ПРОСВѢЩЕНІЯ ВЪ ВИЗАНТИИ:

СПОРЪ О ПЛАТОНѢ И АРИСТОТЕЛѢ ВЪ XV В.

Gennadius und Pletho, Aristotelismus und Platonismus in d. griech. Kirche. Bresl. 1844.

Boivin, Querelle de Philosophes du XV siècle; Memoires de l'Academie des inscriptions. t. II, p. 725, 599.

Изъ всѣхъ философовъ языческой древности Платонъ и Аристотель оказали наиболѣе вліянія на христіанство въ лицѣ ученыхъ мужей его. Тому и другому поэтому принадлежитъ извѣстное мѣсто во внутренней исторіи христіанства, но значеніе того и другаго въ этой исторіи далеко не одинаково. Если въ твореніяхъ ученыхъ мужей христіанства различать *матеріальную* сторону его, т. е. самое содержаніе ученія, и *формальную*, т. е. изложеніе, систематизацію ученія: то на первую имѣлъ вліяніе болѣе Платонъ, — и это вліяніе особенно замѣтно въ первые вѣка христіанства. Въ это время церковь всего болѣе заботилась объ утвержденіи догматовъ. Съ VI вѣка, когда главные догматическіе вопросы были уже достаточно обсуждены, и стала чувствоваться необходимость привести догматическій матеріалъ въ систему, начинаетъ усиливаться значеніе Аристотеля въ ущербъ Платону. Въ это время нѣкто Іоаннъ Филопонъ, учитель грамматики въ Александріи, составилъ множество комментариевъ къ сочиненіямъ Аристотеля и приложилъ его философскія категоріи къ богословію. Хотя слѣдованіе этой философіи привело Филопона къ нѣкоторымъ мнѣніямъ, подвергшимъ его соборному осужденію (на 6-мъ вселенскомъ соборѣ),—такъ онъ признавалъ

тритеизмъ (три бога), оспаривалъ ученіе о воскресеніи тѣла,— тѣмъ не менѣе его философскія сочиненія пользовались большимъ уваженіемъ, и философія Аристотеля съ его легкой руки пошла въ ходъ. Въ VIII вѣкѣ въ сочиненіи Іоанна Дамаскина «Πηγὴ τῆς γνῶσεως» мы видимъ уже опытъ и самой систематизаціи христіанскаго ученія по категоріямъ Аристотеля.

Господство Аристотеля въ области греческаго богословія далеко однакожь не было такъ безусловно, какъ въ области богословія латинскаго. Ульманъ не безъ основанія называетъ греческихъ богослововъ среднихъ вѣковъ, сравнительно съ латинскими схоластиками,—только полусхоластиками (Nicolaus v. Methone, Euthymius Zigabenus u. Niketas Choniates, oder d. dogm. Entwickel. d. griech. Kirche im 12 Jahrh. *Theolog. Studd. u. Krit.* 1833). Рядомъ съ Аристотелемъ здѣсь, въ греческой церкви, никогда не терялъ совершенно своего значенія и Платонъ. Случались даже увлеченія имъ, выходяшія изъ границъ полагаемыхъ доктриною православія или даже вообще христіанства. Такъ въ XII в. Николай, епископъ меовійскій въ Мессинѣ, долженъ былъ писать нарочитое сочиненіе противъ такихъ увлеченій Платоновою философіею (Ἀνάπτωσις (Refutatio) τῆς θεολογικῆς στοιχειώσεως Πρόχλου Πλατωνικοῦ). Еще большее увлеченіе этою философіею мы встрѣчаемъ въ XV вѣкѣ въ знаменитомъ своєю ученостію—Гемистѣ Плевонѣ. Мы изложимъ здѣсь не лишенный интереса споръ, возникшій по этому поводу между греческими философами, жившими впрочемъ большею частію уже не въ Греціи, а на западѣ — во Флоренціи, Венеціи, Римѣ и другихъ частяхъ Италіи.

Гемистъ Плевонъ далъ себѣ задачу узидить значеніе Аристотеля, издавна уже царившаго въ западныхъ школахъ, гдѣ поддерживали его кредитъ ученики Аверроэса, Авицены и другихъ арабскихъ философовъ, и съ этою цѣлію написалъ сочиненіе: «Περὶ ὧν Ἀριστοτέλης πρὸς Πλάτωνα διαφέρεται» (различіе между ученіемъ Платона и Аристотеля), въ которомъ

отдавалъ рѣшительное предпочтеніе Платону предъ Аристотелемъ. Это сочиненіе вызвало полемику. Первымъ противникомъ Плеѳона является Георгій Схоларій, бывшій потомъ патріархомъ константинопольскимъ, подъ именемъ Геннадія. Въ нарочитомъ сочиненіи онъ старался доказать, что принципы Аристотеля болѣе согласны съ христіанскимъ богословіемъ, чѣмъ принципы Платона; отъ этого сочиненія до насъ сохранилось только то, что передаетъ самъ Плеѳонъ въ сочиненіи подъ заглавіемъ: «Προς τὰς Σχολαρίου ὑπερ Αριστοτέλους ἀντιλήψεις».

На это сочиненіе Плеѳона, написанное съ раздражительностію челоѣвка, задѣтаго за живое, и въ высококомѣрномъ тонѣ учителя, дающаго уроки своему ученику, Геннадій не нашелъ нужнымъ возражать тотчасъ же; онъ выжидалъ благопріятной минуты, которая дѣйствительно ему скоро представилась и которою онъ не преминулъ воспользоваться. Онъ зналъ, что Плеѳонъ написалъ сочиненіе въ подражаніе «республикѣ Платона», въ которомъ старался утвердить новую систему религіи, богословіе чисто языческое. Итакъ, оставивъ Платона и Аристотеля, Геннадій вступилъ въ полемику непосредственно съ авторомъ этой новой системы, обличая его въ намѣреніи испровергнуть христіанскую религію и возстановить идолопоклонство.

Устрашенный этимъ обличеніемъ, Плеѳонъ не рѣшился своего сочиненія обнародовать. Послѣ его смерти, Димитрій, греческій принцъ изъ фамиліи Палеологовъ, у котораго это сочиненіе было на сохраненіи, передалъ его Геннадію, тогда уже патріарху. Послѣдній, на скоро просмотрѣвъ сочиненіе, осудилъ его на сожженіе. Сохранилось одно письмо (манускриптъ королевской бібліотеки въ Парижѣ) Геннадія къ Іоанну экзарху, въ которомъ подробно разсказывается все это дѣло и съ усиленіемъ опровергается, какъ нечестивое, ученіе, заключающееся въ сочиненіи Плеѳона. Если судить объ этомъ сочиненіи по письму Геннадія, то въ немъ авторъ открыто училъ язычеству. Такъ онъ признаетъ многихъ бо-

говъ, одни изъ нихъ высшіе, которыхъ онъ называетъ ὑπεροουράνιοι, а другіе—нисшіе—οἱ ἐντὸς οὐρανοῦ; одни старшіе, другіе—моложе. Царя надъ всѣми этими богами назвалъ языческимъ именемъ Ζεὺς. Звѣзды, по его ученію, имѣютъ души, міръ вѣченъ; жены должны быть общи. Общее заглавіе сочиненія такое: «Сочиненіе разсуждаетъ о законахъ, о лучшей формѣ правленія, о томъ, что должны люди наблюдать въ жизни общественной и частной, чтобы жить, по возможности, правильно и счастливо».

Хотя осужденіе, которому Геннадій подвергъ сочиненіе Плеѳона, не касается прямо ни Платона, ни его системы, но явно, что цензоръ имѣлъ намѣреніе оправдать то, что онъ писалъ вѣкогда противъ философіи Платона и показать, какъ пагубно чтеніе сочиненій этого философа, когда оно въ такой степени развратило умъ Гемиста, родивши въ немъ странную идею преобразовать такимъ образомъ, какъ проектируется въ его книгѣ, государство и религію.

Кромѣ Геннадія знаменитыми защитниками Аристотеля были Феодоръ Газа и Георгій Критскій, извѣстный также подъ именемъ Требизондскаго. Газа писалъ прямо противъ Плеѳона; Георгій началъ нападеніями на извѣстнаго по исторіи флорентійской увіи, епископа никейскаго, потомъ кардинала римской церкви, Виссаріона, который самъ разсказываетъ начало этого спора въ 6-й книгѣ своей апологіи Платона. Дѣло было вотъ въ чемъ. Аристотель во второй книгѣ своей физики говоритъ: «все, что творитъ натура, она творитъ съ какою-нибудь цѣлю, но вмѣстѣ съ тѣмъ не творитъ ничего созвательно, преднамѣренно». Это положеніе было опровергаемо Плеѳономъ, который, вмѣстѣ съ Платономъ, утверждалъ, что натура производитъ все съ разумомъ. Газа напротивъ взялъ сторону Аристотеля и писалъ къ Виссаріону, прося его высказать по сему предмету свои мысли. Виссаріонъ, ученикъ Плеѳона, съ любовью предававшійся разсужденіямъ о матеріяхъ философскихъ, далъ очень короткій, въ примительномъ тонѣ, отвѣтъ, въ которомъ, объяснивъ термины, упо-

требленные Платономъ и Аристотелемъ, доказывалъ, что мысли того и другаго по означенному предмету не такъ противорѣчивы, какъ кажется.

Георгій Трѣбизондскій давно досадовалъ на Виссаріона, который предпочелъ ему въ чемъ-то Газу, а также и на самаго Газу. Когда ему попался въ руки отвѣтъ Виссаріона; онъ сдѣлалъ видъ, будто авторомъ этого отвѣта считаетъ не Виссаріона, а Газу, и написалъ на послѣдняго рѣшительное опроверженіе, чѣмъ за разъ оскорбилъ Виссаріона, Газу и Плеѳона.

Въ дальнѣйшемъ разгарѣ спора одни принимаютъ сторону Газы, другіе Плеѳона. Михаилъ Апостолій, молодой человекъ преданный Плеѳону или вѣрнѣе Виссаріону, желалъ подслужиться послѣднему и съ этою цѣлю въ рѣзкомъ бранчивомъ тонѣ писалъ противъ Газы и Аристотеля.

Андроникъ Каллистъ написалъ отвѣтъ на такое сочиненіе Апостолія.

Эти два сочиненія, явившіяся почти въ одно время, имѣли неодинаковый успѣхъ. Тогда какъ мало обращали вниманія на сочиненіе Апостолія, сочиненіе Андроника было одобрено всѣми серіозными людьми. Съ особеннымъ сочувствіемъ отнесся къ нему Николай Секондинъ (бывшій переводчикомъ на соборѣ флорентійскомъ, потомъ жившій при дворѣ Альфонса неаполитанскаго и нѣкоторое время бывшій секретаремъ венеціанской республики): «Я имѣлъ счастье, писалъ онъ автору,—найти и прочесть ваше сочиненіе противъ Апостолія. Этотъ человекъ, котораго я вовсе незнаю, издалъ въ свѣтъ, подъ предлогомъ защиты Платона и платониковъ, ругательное сочиненіе противъ Θεодора Газы. Недавно одинъ изъ моихъ друзей доставилъ мнѣ это сочиненіе; я остался имъ очень недоволенъ... Я былъ возмущенъ клеветами на Θεодора: въ это время мнѣ поцалось ваше сочиненіе въ его защиту. Судите сами о моей радости... Я люблю и уважаю отъ всей души Θεодора; я удивляюсь въ немъ не одному только краснорѣчію и глубинѣ знаній, но вмѣстѣ съ тѣмъ—и главнымъ

образомъ, его нравамъ, его строгой жизни, его склонности ко всему доброму и прекрасному. Можно не оскорбляя истины сказать, что Θεодоръ въ настоящее время выше всѣхъ грековъ по своимъ нравственнымъ качествамъ и образованію. Поэтому-то, дорогой мой Андроникъ, я и радъ такъ, что вы взяли на себя его защиту; я со вниманіемъ прочиталъ написанное вами, и это чтеніе доставило мнѣ истинное удовольствіе. Я увидалъ, что клевета опровергнута и ея желчная горечь уничтожена сладостію и, если позволено такъ выразиться, медомъ вашихъ рѣчей. Истина возстановлена и явилась во всемъ блескѣ своей красоты... Ко всему сказанному я долженъ, наконецъ, прибавить, что для меня въ высшей степени пріятна мысль, что вы—авторъ этого прекраснаго письма, что оно—произведеніе дорогой для меня руки».

Этотъ Андроникъ, которому было адресовано такое лестное письмо отъ Секундина, не былъ собственно врагомъ ни Плевона, ни его сторонниковъ. По своей профессіи онъ былъ перипатетикъ и такимъ образомъ по самой должности своей долженъ былъ защищать мнѣніе Аристотеля; но его привязанность къ этому философу не была слѣпою,—поэтому, хотя онъ и написалъ опроверженіе на сочиненіе Апостолія, но въ тонѣ весьма умѣренномъ. И чтобы показать, что онъ нисколько не желаетъ сдѣлать оскорбленія кардиналу Виссаріону, который извѣстенъ былъ, какъ усердный почитатель Платона и въ которомъ, потому, можно было предполагать сочувствіе къ Апостолю, послалъ къ нему письмо этого послѣдняго вмѣстѣ съ своимъ опроверженіемъ на него, представляя кардиналу, по его собственному усмотрѣнію, рѣшить,—на чьей сторонѣ правда.

Прочитавъ и разсмотрѣвъ внимательно присланное, Виссаріонъ осудилъ Апостолія и весьма одобрилъ отвѣтъ Андроника. Въ королевской библіотекѣ въ Парижѣ хранятся по сему предмету два письма Виссаріона отъ одного отъ одного и того же числа. Первое, адресованное къ Андронику, не представляетъ впрочемъ ничего замѣчательнаго. Это

собственно обертка втораго. «Я прочиталъ, говорить онъ здѣсь, спутавное и недостаточно обдуманное письмо Михаила Апостолюя противъ нашего друга, Θεодора Газы, вмѣстѣ съ вашимъ умнымъ отвѣтомъ автору этого письма,—и по прочтеніи произнесъ свое сужденіе объ немъ, копію съ котораго и посылаю вамъ». Сужденіе это, передаваемое въ копіи Андронику, изложено было Виссаріономъ въ особомъ подробномъ письмѣ Михаилу Апостолюю. Здѣсь Виссаріонъ тономъ учителя высказываетъ Апостолюю наставленіе касательно почтенія къ великимъ людямъ, потрудившимся на поприщѣ науки и искусства, въ особенности такимъ, авторитетъ которыхъ утверждень вѣками. «Андроникъ, сынъ Каллиста, писалъ Виссаріонъ Апостолюю, разсмотрѣвъ твоё сочиненіе въ защиту Плеѳона, прислалъ мнѣ его вмѣстѣ съ своимъ на него отвѣтомъ. Твоё усердіе къ Платону и его послѣдователямъ мнѣ очень нравится, но я не могу одобрить у тебя способа ихъ защиты: не бранью, а доказательствами разумными и солидными нужно защищать друзей и поражать враговъ. Плеѳонъ дурно отнесся къ Аристотелю, Θεодоръ—къ Плеѳону, ты дурно говорилъ о Θεодорѣ—всѣ вы трое заслуживаете порицанія. Можно ли неуважать Аристотеля, — этого великаго философа, которому мы столько обязаны нашимъ званіемъ и образованіемъ? Плеѳонъ человѣкъ, безспорно, весьма ученый и отмѣнно умный; ничего нельзя сказать противъ него, кромѣ развѣ того, что своимъ нападеніемъ на Аристотеля онъ далъ право нападать на него самага; но и Θεодоръ также изъ числа видныхъ, значительныхъ личностей между греками. Тебѣ не приходится дерзко говорить о такомъ человѣкѣ: ты молодъ, онъ человѣкъ почтенныхъ уже лѣтъ; ты еще неизучилъ, какъ слѣдуетъ, правилъ логики, Θεодоръ прошелъ сполна курсъ литературы и другихъ наукъ. Не пристало тебѣ становиться на пьедесталь, когда дѣло идетъ о такихъ вопросахъ: вѣдь это самые важные вопросы философіи, которые во всякомъ случаѣ выше пониманія толпы,—нельзя рѣшать ихъ правильно безъ предварительнаго усидчиваго изученія философіи и сопряжено-

венныхъ съ нею наукъ... Итакъ, я немогу простить тебѣ уже и того, что ты обвиняешь въ невѣжествѣ челоуѣка столь ученаго, какъ Θεодоръ; но когда ты также дурно отозвался и объ Аристотелѣ — этомъ вождѣ и учителѣ нашемъ по всѣмъ частямъ нашего знанія, когда ты и его дерзнулъ обозвать невѣждою, сумасбродомъ и подобными именами; тогда, о праведное небо! Я читалъ и невѣрилъ своимъ глазамъ... Я не могу вообразить дерзости, подобной твоей, я едва могу извинить и Плевона, или лучше, — при всемъ уваженіи къ нему, я не извиняю его, что у него прорываются неуважительныя слова противъ Аристотеля: могу ли извинить тебѣ твой бранчивый отзывъ объ Аристотелѣ, когда ты не изучилъ, какъ слѣдуетъ, ни одного изъ тѣхъ предметовъ, о которыхъ берешься разсуждать? Послушайся меня, относись впередъ съ одинаковымъ уваженіемъ и къ Платону и къ Аристотелю, какъ двумъ великимъ мудрецамъ древности, слѣдуй за ними шагъ за шагомъ, изучай ихъ, размышляй объ нихъ, и съ помощію способныхъ учителей постарайся проникнуть въ глубину ихъ умствованій... Послѣ этого, если въ чемъ нибудь будешь расходиться съ ними, не вини ихъ въ невѣжествѣ, а смотри скорѣе на эту разницу, какъ на признакъ ихъ умственной силы, величія ихъ генія и того, что вопросы, о которыхъ они разсуждаютъ, по самому существу своему темны и проблемматичны. Это самое лучшее, что могу я рекомендовать тебѣ, это и для тебя будетъ полезно, и мнѣ, а равно и всѣмъ разсудительнымъ людямъ, доставить удовольствіе; ты думалъ услужить мнѣ своимъ сочиненіемъ, а на самомъ дѣлѣ глубоко оскорбилъ меня — оскорбилъ въпервыхъ тѣмъ уже, что неуважительно отвесся къ людямъ, достойнымъ всякаго уваженія, и во вторыхъ тѣмъ, что показалъ недостаточное знакомство съ ихъ сочиненіями. Ты поступишь благоразумно, если послушавшись меня, будешь оказывать должное уваженіе и Θεодору. Почитай его, какъ всего учителя: онъ можетъ научить тебя многому и очень полезному и не только тебя, но и многихъ, которые лучше тебя... Итакъ знай, что я люблю Платона.

люблю и Аристотеля и оказываю тому и другому подобающее уваженіе. Что касается Плевона, я удивляюсь величію его ума, но не одобряю въ немъ его упорной вражды противъ Аристотеля. Я хотѣлъ бы, чтобы, когда Плевонъ нападаетъ на Аристотеля, когда и другой кто нибудь нападаетъ на двухъ корифеевъ древней философіи, или на самаго Плевона, или на кого бы то ни было, чтобы въ этомъ случаѣ наблюдалась та умѣренность, образецъ которой показалъ намъ Аристотель. Расходясь во мнѣніяхъ съ предшественниками, онъ всегда приводитъ резоны на то, что утверждаетъ, и очень часто при этомъ онъ даже проситъ тѣхъ, кто его слушаетъ или къ кому онъ обращается, простить ему его смѣлость. Онъ никогда не говорилъ въ тонѣ оскорбительномъ... А ты, маленькій человѣчекъ, въ сравненіи съ этими великими людьми, осмѣливаешься обзывать ихъ невѣждами и смѣешься надъ ними самымъ непростительнымъ образомъ! Такое поведеніе по истинѣ странно и безумно. Недумай, наконецъ, мой дорогой Апостолій, что если древніе критики, одушевленные духомъ Платона и Аристотеля,—люди обладавшіе обширнымъ умомъ и знаніемъ, исправляли этихъ великихъ философовъ древности и иногда даже порицали ихъ,—то это дозвоительно и намъ съ тобою, когда мы во всѣхъ отношеніяхъ — много ниже ихъ и когда авторитетъ ихъ, утвержденный вѣками, достигъ теперь до такой высокой степени. Итакъ, воспользуйся моимъ совѣтомъ, я люблю тебя и не менѣе тебя самаго. Желаю тебѣ пользы. Откажись отъ того, что ты неразумно говорилъ противъ лицъ, заслуживающихъ уваженіе, и загладь свои клеветы похвалами и свидѣтельствами въ пользу этихъ лицъ. Прочти съ размышленіемъ и спокойнымъ духомъ отвѣтъ Андроника на твои возраженія. Не откажись признать истину, за которую онъ стоитъ; узнай сначала въ той степени, въ какой знаетъ онъ, грамматику, орѳографію, реторику; поучись излагать свои мысли точно и съ изяществомъ. Послѣ этого можешь уже, пожалуй, перейти къ чему нибудь болѣе высокому и наконецъ, пожалуй, и къ философіи. Береги свое здоровье и слѣдуй

моимъ дружескимъ совѣтамъ». Въ то время, когда было писано это письмо, Гемистъ Плевонъ, споръ изъ-за котораго раздѣлилъ такимъ образомъ философовъ греческихъ при дворѣ кардинала Виссаріона, былъ весьма старъ и жилъ въ Пелопонезѣ, куда онъ удалился уже съ давнихъ поръ. Его лѣта и вмѣстѣ авторитетъ его врага Схоларія, сдѣлавшагося теперь патріархомъ Константинопольскимъ, не позволяли ему защищать своего дѣла съ прежнею живостію и прежнимъ усердіемъ. Тѣмъ не менѣе однакоже враги его изъ уваженія ли къ нему, или изъ страха предъ нимъ, оставили на время его въ покоѣ. Но лишь только онъ умеръ, они тотчасъ же возстали противъ Платона и его самаго...

Сначала явилась латинская книжка подъ заглавіемъ: «Comparatio Platonis et Aristotelis.» Въ концѣ этой книги весьма бранчиво на счетъ Платона и его защитниковъ говорится слѣдующее:

«Между нами родился и воспитался другой Магометъ, и этотъ второй Магометъ, если мы не остережемся его — настолько превзойдетъ перваго по гибельнымъ послѣдствіямъ его злонамѣренной доктрины, на сколько первый превосходитъ въ этомъ отношеніи Платона. Будучи ученикомъ этого философа по части краснорѣчія, науки и религіи, онъ основалъ свое пребываніе въ Пелопонезѣ. Его обыкновенное имя было Гемистъ; самъ же онъ называлъ себя Плевонномъ. Можетъ быть Гемистъ, чтобъ легче заставить насъ вѣрить, что онъ низшелъ съ неба и чтобы вѣрнѣе обязать насъ къ принятію его ученія и его новаго закона, хотѣлъ перемѣнить имя по примѣру древнихъ патріарховъ, о которыхъ говорится, что въ то время, какъ перемѣнялось ими имя, они призывались къ величайшимъ дѣламъ. Онъ съ большимъ искусствомъ и весьма изящно излагалъ новыя правила для поведенія и жизни, и говорятъ, что при этомъ случаѣ онъ изрыгалъ безчисленныя хулы противъ православной вѣры. Но что не сомнѣнно, это то, что онъ былъ такимъ ревностнымъ платоникомъ, что о природѣ боговъ, душъ человѣческой, о жертвахъ и тому по-

добныхъ предметахъ, не имѣлъ другихъ мыслей, кромѣ мыслей Платона. Я самъ слышалъ, какъ онъ говорилъ во Флоренціи (куда онъ прибылъ для присутствія на соборѣ), что наступитъ время, когда всѣ люди по всей землѣ единодушно будутъ исповѣдывать одну и ту же вѣру. И когда я спросилъ его: «чтоже это будетъ за вѣра: вѣра ли Иисуса Христа, или вѣра Магомета?» онъ отвѣчалъ мнѣ: «ни та, ни другая, но третья, которая ничѣмъ не будетъ отличаться отъ язычества»: слова возбуждшія во мнѣ такое негодованіе, что съ этого времени я возненавидѣлъ его, я боялся встрѣчи съ нимъ, какъ съ ядовитой змѣею, и не могъ принудить себя ни видѣть, ни слышать его.»

Такую идею о Плевонѣ даетъ намъ авторъ названной книги. Остальное въ книгѣ наполнено такими же нападками противъ самаго Платона. Сочиненіе подобнаго рода не могло остаться безъ дѣйствія, особенно между платониками. Кардиналъ Виссаріонъ, наиболѣе уважавшій Платона, наиболѣе ревностный къ его славу, особенно спѣшилъ увидать, что это за новая книга. Онъ прочиталъ ее и очень былъ пораженъ ея содержаніемъ. Онъ счелъ своею обязанностію написать на нее опроверженіе, что и сдѣлалъ въ сочиненіи: «*In calumniatorem Platonis.*» Этотъ клеветникъ (*calumniator*) былъ Григорій Требизондскій, съ которымъ, какъ мы замѣтили, Виссаріонъ былъ уже въ спорѣ, по поводу отличительныхъ мнѣній Платона и Аристотеля. Сочиненіе Виссаріона было раздѣлено на пять главъ, къ которымъ присоединена была потомъ шестая, касавшаяся прежнихъ споровъ по этому предмету.

Замѣчательно, что въ этихъ пяти книгахъ ни слова не говорилось въ оправданіе Плевона. Неизвѣстно, чему приписать это молчаніе кардинала, который вообще уважалъ Плевона, какъ своего учителя и какъ замѣчательнаго человѣка, если не невозможности оправдать его въ означенномъ обвиненіи по поводу новой системы, которой онъ считался авторомъ.

Дѣйствительно, обвиненіе это основывается на доказательствахъ весьма сильныхъ, и не одинъ Григорій Требизондскій

высказывалъ его и даже не онъ первый пустилъ его въ ходъ. Можно полагать даже, что это былъ фактъ общепризнанный въ то время, когда кардиналъ Виссаріонъ обнародовалъ свою апологію Платона, ибо это было близко къ тому времени, когда книга Плевона, просмотрѣнная Геннадіемъ, была обречена на сожженіе, по вѣрнѣйшій нечестія, какииъ, по словамъ патріарха, она была проникнута.

Это обстоятельство до такой степени помрачило славу Плевона, что сами друзья его должны были отказаться теперь отъ его защиты.

А. ЛЕБЕДЕВЪ.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

ПО ПОВОДУ СТАТЬИ ДЕКАНА СТАНЛЕЯ О СТАРОКАТОЛИЦИЗМѢ.

Въ концѣ минувшаго 1874 года появилась въ Англии, напечатанная въ Лондонѣ, книга переводовъ на англійскій языкъ рѣчей, писемъ и отрывковъ извѣстнаго Патера Гіацинта Луазона (Hyacinthe Loyson), переведенныхъ его супругой г-жею Луазонъ. Къ этому изданію приложено довольно обширное предисловіе, написанное весьма извѣстнымъ въ богословской литературѣ и весьма знакомымъ русской публикѣ Вестминстерскимъ деканомъ Артуромъ Станлеемъ. Книга имѣетъ слѣдующее названіе: *Catholic Reform. Letters, fragments, discourses by father Hyacinthe, translated by M-me Hyacinthe Loyson with a preface by Arthur Stanley, Decan of Westminster.* На заглавномъ листѣ стоитъ слѣдующій эпитафъ:

«Для священника нѣтъ ничего столь предосудительнаго предъ Богомъ, ничего столь постыднаго предъ людьми, какъ не высказывать свободно своихъ убѣжденій.»

Св. Амвросій.

Интересъ означенной книги заключается не столько въ произведеніяхъ Патера Гіацинта, личность котораго давно уже потеряла свою обаятельность, и литературный талантъ котораго далеко не изъ первоклассныхъ, сколько въ предисловіи, принадлежащемъ знаменитому Вестминстерскому декану. Мысли и взгляды высказываемые авторомъ предисловія, какъ

относительно нѣкоторыхъ церковно-религіозныхъ вопросовъ вообще, такъ и относительно старокатолическаго движенія въ частности, получаютъ особенное значеніе отъ высокаго положенія, занимаемаго имъ въ англиканской церкви, не говоря уже о вполне заслуженной извѣстности, пріобрѣтенной имъ въ литературно-богословскомъ мірѣ. Такимъ образомъ сужденія и мысли, высказанныя въ предисловіи, являются уже не одними личными мнѣніями автора, а выраженіемъ нѣкотораго, быть-можетъ и не малочисленнаго отѣнка того церковнаго общества, въ которомъ онъ занимаетъ столь видное мѣсто, и возбуждаютъ вслѣдствіе того тѣмъ сильнѣйшій интересъ.

Что всего болѣе поражаетъ при чтеніи остроумной, исполненной мѣткихъ замѣчаній и ученыхъ указаній статьи декана Станлея — это тѣ понятія, которыя высказываются въ ней о существѣ церкви. Подъ словомъ церковь авторъ видимо разумѣетъ съ одной стороны всѣ христіанскія вѣроисповѣданія, взятая въ ихъ совокупности, съ другой каждое изъ этихъ исповѣданій въ отдѣльности. Но церковь не понимается имъ, какъ богоучрежденное общество, связующее всѣхъ своихъ членовъ единствомъ вѣрованія и представляющее имъ надежное ручательство въ правильности этого вѣрованія, какъ хранительница неповрежденнаго откровеннаго ученія. Напротивъ того, только въ постоянной и упорной борьбѣ противоположныхъ воззрѣній усматриваетъ онъ сущность церковной жизни и единственное условіе духовнаго преуспѣянія того или другаго церковнаго общества. Онъ заходитъ въ этомъ воззрѣніи такъ далеко, что вполне оправдываетъ пастойчивое требованіе такъ-называемой либеральной фракціи французской реформатской общины, (отвергающей, какъ извѣстно, божественность Спасителя и богодухновенность Священнаго Писанія) быть признаваемой составною частью этой общины ¹⁾, находя въ этомъ совмѣстномъ существованіи двухъ радикально

¹⁾ Смолри *Revue des deux mondes*, 15 декабря 1874 г. Томъ 6-й. Статью I. *Milsond* подъ заглавіемъ: *L'église réformée et le dernier mémoire des libéraux*.

противоположныхъ ученій самое благопріятное условіе для религіозной жизни той церковной общины, въ которой происходитъ эта прискорбная борьба. Для почтеннаго составителя разбираемой статьи типомъ правильнаго и желаннаго церковнаго быта служить, какъ кажется, политическое устройство англійскаго общества, въ которомъ борьба двухъ главныхъ политическихъ партій—торій и вигговъ, попеременно смѣняющихся у кормила правленія и своимъ антагонизмомъ сдерживающихъ другъ друга въ благоразумныхъ предѣлахъ, обеспечиваетъ правильное теченіе политической и гражданской жизни. Но многоученый авторъ должно быть не принялъ при этомъ въ надлежащее соображеніе, что вѣчное далеко не то, что временное, и безусловное не то, что условное.

Поятно, что при такомъ взглядѣ на дѣло, вѣрученіе какой бы то ни было церковной общины является для автора истинною только условною, и по существу своему измѣнчивою, и что въ отдаленномъ будущемъ онъ провидитъ такой исходъ религіознаго развитія, въ которомъ должна исчезнуть всякая церковная организація и каждая отдѣльная личность будетъ считать себя въ правѣ вѣровать по своему собственному усмотрѣнію. Нельзя не сознаться, что подобный выводъ есть единственно логичный при полномъ отсутствіи пониманія того, что есть Церковь и въ чемъ состоитъ ея спасительное вліяніе на христіанское общество.

Вестминстерскій деканъ ставитъ въ заслугу англиканской церкви неопредѣленность ея вѣроопредѣленій и проистекающее изъ того несогласіе между собою богословскихъ толкованій ея представителей. Онъ утверждаетъ при этомъ, что ни одна изъ церквей въ христіанствѣ не избавлена отъ подобной несостоятельности, и что сама римская церковь, гордящаяся своимъ единствомъ и точностью своихъ вѣроопредѣленій, исполнена въ своемъ ученіи противорѣчій. Подобное заявленіе вполне соотвѣтствуетъ общему взгляду автора на церковь; но для насъ здѣсь достойно примѣчанія то во первыхъ, что онъ весьма категорически подтверждаетъ то болѣе или менѣе уже

известное обстоятельство, что въроученіе англиканской церкви содержитъ въ себѣ не мало противорѣчій, будучи лишено твердой основы для своихъ въроопредѣленій; и восторыхъ, что говоря о римской церкви авторъ утверждаетъ, что она сама посѣяла въ свои нѣдра первоначальный зародышъ (онъ прибавляетъ и *блескъ*) протестантской свободы въ то время, когда она произвольными измѣненіями вселенскаго въроученія отдѣлила себя отъ православной церкви Востока. Такимъ образомъ хотя мимоходомъ и не придавая своимъ словамъ особеннаго значенія, достопочтенный г-нъ Станлей какъ бы невольно свидѣтельствуетъ о томъ, что вселенское единство вѣры существовало, что оно нарушено западною церковью, что церковь восточная осталась вѣрною хранительницею вселенскаго въроученія и что ежели и существуютъ противорѣчія въ ученіи церкви римской, то онѣ являются естественнымъ послѣдствіемъ ея раскола, прервавшаго для нея то вселенское общеніе въ вѣрѣ, которое служило твердымъ ручательствомъ неповрежденности исповѣдуемой христіанской истины. Расколъ этотъ авторъ называетъ зародышемъ протестантской свободы, въ чемъ мы конечно и не сомнѣваемся; но ежели имъ порождены противорѣчія въ церкви римской, то тѣмъ болѣе должны были проявиться эти противорѣчія въ произшедшемъ изъ него протестанствѣ, какъ между возникшими разнообразными церковными общинами, такъ и въ нѣдрахъ самихъ отдѣльныхъ общинъ, что такъ краснорѣчиво и доказываетъ авторъ въ своей замѣчательной статьѣ.

Статья эта можетъ несомнѣнно имѣть для насъ весьма поучительную сторону, если только мы станемъ на діаметрально противоположную точку зрѣнія той, на которой становится ея составитель. Какъ сужденія въ статьѣ высказываемыя, такъ и факты въ ней выставляемые, ясно свидѣтельствующіе о безысходной и можно сказать почти безплодной борьбѣ мнѣній, направленій, вѣрованій, происходящей въ нѣдрахъ протестанства и начинающей проявляться и въ нѣдрахъ церкви римской, — естественнымъ путемъ приводятъ къ такому заключенію,

что отсутствіе правильнаго пониманія того, что есть Церковь, и отчужденіе отъ нея, порождаютъ самую странную спутанность понятій въ сферѣ религіозной, и что лишенное церковной основы христіанское общество, распадаясь на безчисленное множество отдѣльныхъ сектъ, другъ съ другомъ враждующихъ и въ своей собственной средѣ носящихъ зародыши разложенія, теряетъ всякую возможность провѣрки того, что истинно и что ложно; и этимъ путемъ оно неизбежно подвигается къ тому роковому исходу, на который и указываетъ авторъ, когда каждая отдѣльная личность будетъ имѣть свою личную вѣру, и религія (religio) перестанетъ быть началомъ, связующимъ человѣчество въ одно великое и священное цѣлое и въ полномъ его составѣ соединяющимъ его съ Богомъ.

Внѣ Церкви, это доказываетъ даровитый составитель разбираемой статьи, нѣтъ и быть не можетъ твердой вѣры; все условное, измѣнчивое, спорное. Внѣ спасительнаго корабля— волненіе, бури, опасность потопленія; и изъ умозаключеній автора очевидно оказывается, что выгода принадлежности къ церкви (какъ бы это слово имъ ни понималось) далеко не та только, чтобы принадлежать, какъ онъ говоритъ, къ болѣе обширной средѣ, а та именно, чтобы находясь не только у источника христіанской истины, но такъ сказать въ нѣдрахъ самой истины, постоянно имѣть передъ собою твердую, неизблемуемую основу для своего вѣрованія и живое руководство для нравственной жизни, — опираться на то, что есть столпъ и утвержденіе истины.

Отстрашая всякое представленіе о томъ, что есть или чѣмъ должна быть Церковь, многоученый авторъ впадаетъ въ очевидную спутанность умозаключеній. Онъ смѣшиваетъ понятіе о направленіи, или правильнѣе о настроеніи духа той или другой части вѣрующихъ среди извѣстнаго церковнаго общества съ понятіемъ объ упорномъ отрицаніи вѣроопредѣленій церкви тѣми или другими изъ ея членовъ. Онъ преднамѣренно или по странному заблужденію игнорируетъ ту сво-

боду духа, которая въ Церкви (разумѣя подѣ этимъ словомъ истинную вселенскую Церковь) остается неприкосновенною и широкою въ предѣлахъ утвержденного вселенскимъ единомысліемъ вѣроученія. Что ультрамонтанское направленіе, какъ его понимаетъ и объясняетъ почтенный деканъ Станлей, можетъ существовать не говорю уже въ каждой отдѣльной церковной общинѣ, но и въ церкви, измѣняясь, разумѣется, сообразно съ той религіозной средой, въ которой оно проявляется, это не требуетъ, полагаемъ, доказательствъ. Но отъ направленія или настроенія духа до сопротивленія основнымъ догматамъ церковнымъ—цѣлая бездна; и чтобы явно и упорно отвергающіе все вѣроученіе церкви или нѣкоторые существенныя части онаго имѣли право требовать признанія ихъ членами церкви наравнѣ съ покорными и вѣрующими ея чадами, и чтобы подобное отрицаніе и даже сопротивленіе было существеннымъ и необходимымъ элементомъ церковной жизни — это такого рода афоризмы, которые сами въ себѣ заключаютъ свое опроверженіе.

Взглядъ вестминстерскаго декана на старо-католическое движеніе вполне соотвѣтствуетъ, какъ само собою разумѣется его понятіямъ о церковной жизни и ея основахъ. Онъ ставитъ въ особенную заслугу и достоинство этому движенію то, что съ другой точки зрѣнія—скажемъ даже—съ нашей поставлено было бы ему въ упрекъ. Такъ неясность и неопредѣленность стремленій старо-католичества, признаваемые авторомъ за несомнѣнныя, составляютъ для него одну изъ самыхъ привлекательныхъ сторонъ вновь возникшаго церковнаго общества. Авторъ не желаетъ видѣть въ старо-католикахъ людей, доведенныхъ черезъ провозглашеніе догмата о папской непогрѣшимости до убѣжденія въ томъ, что римская церковь, постепенно возвышая папской авторитетъ въ ущербъ авторитету Церкви, утратила тѣ начала, на которыхъ зиждется церковная истина, и вслѣдствіе такого убѣжденія ищущихъ возстановить эту истину и ея незыблемыя основы, а смотреть на нихъ, какъ на протестующую партію въ нѣдрахъ самой

римской церкви, получающую свой смысл и свое значеніе только во имя этого протеста, такъ какъ протестъ вообще составляетъ по его понятіямъ необходимый и самый плодотворный элементъ всякаго церковнаго общества. Тѣмъ не менѣе почтенный авторъ не сомнѣвается въ томъ, что протестъ разъ возникшій не остановится въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи. Онъ съ сочувствіемъ приводитъ сдѣланное старо-католическимъ церковнымъ обществомъ категорическое заявленіе о томъ, что несмотря на глубокое (быть можетъ преувеличенное, по мнѣнію автора) уваженіе имъ питаемое къ непрерывности христіанскаго преданія, оно не усомнится въ выборѣ между авторитетомъ науки и исторіи съ одной стороны и авторитетомъ церковнымъ съ другой, подчинившись не колеблясь первому, въ случаѣ усмотрѣннаго разногласія между тѣмъ и другимъ. Это восхваляемое почтеннымъ англиканскимъ богословомъ заявленіе, быть можетъ не совсѣмъ правильно имъ истолковываемое, предоставляло бы очевидно самый широкій просторъ развитію ученія протестующаго общества. Но авторъ идетъ еще далѣе въ оцѣнкѣ значенія возникшаго движенія. Изъ того, что на бывшихъ старо-католическихъ конгрессахъ руководители этого движенія встрѣчали съ сердечнымъ привѣтомъ духовныхъ лицъ разныхъ исповѣданій (какъ будто подобныхъ встрѣчъ дружелюбныхъ и мирныхъ никогда прежде не бывало), вестминстерскій деканъ заключаетъ, «что старокатолики оказались способными возвести общія нравственныя истины христіанства до высоты, много превосходящей понятія о томъ же предметѣ *четвертаго, пятаго, седьмаго, тринадцатаго и пятнадцатаго столѣтій*, и что они тѣмъ самымъ провозгласили вѣчный догматъ, провозглашеніе котораго умалило и отстранило преходящія мнѣнія отцовъ соборовъ и папъ и опровергло существующее въ ультрамонтанской партіи мнѣніе, что нѣтъ спасенія внѣ ограды частныхъ церквей или внѣ формулы частныхъ символовъ». Что кромѣ ограды частныхъ церквей или формулы частныхъ символовъ есть ограда церкви вселенской и формула ея символа,

авторъ и знать не хочетъ, хотя въ совокупности этихъ частныхъ церквей онъ несомнѣнно видитъ по своимъ понятіямъ церковь вообще, не признавая ни за однимъ изъ церковныхъ обществъ характера вселенства, а тѣмъ болѣе непогрѣшимости.

Не знаемъ, въ какой мѣрѣ соответствуетъ подобный отзывъ понятіямъ самихъ старокатоликовъ о характерѣ ихъ движенія, и на сколько они признать могутъ, что ихъ привѣтствія представителямъ различныхъ исповѣданій были манифестаціей столь многозначительной, что все то, что изрекли вселенскіе соборы и великіе учителя церкви, блѣднѣетъ и теряетъ цѣну передъ ея значеніемъ, но нельзя не замѣтить однакоже, что высказанное въ разбираемой статьѣ мнѣніе о томъ, что ограда церкви и формула церковнаго символа не имѣютъ важнаго значенія въ дѣлѣ вѣры и нравственнаго преуспѣянія, до известной степени раздѣляется руководителями старо-католицизма, если судить по нѣкоторымъ изъ ихъ публичныхъ заявленій.

Довольно страннымъ является и сопоставленіе четвертаго и пятаго вѣковъ христіанства съ тринадцатымъ и шестнадцатымъ, или иначе сказать вѣковъ Аѳанасіевъ, Василіевъ, Златоустовъ, Амвросіевъ, Августиновъ, перваго Никейскаго собора съ его знаменитыми представителями, сопоставляемыхъ съ вѣками ознаменованными однимъ полнымъ развитіемъ на Западѣ схоластическаго богословія, столь неблагоприятно повліявшаго на судьбы западной Церкви; другой—крайними злоупотребленіями папскаго самовластия и произшедшею изъ того реформаціей, поставившею авторитетъ личнаго пониманія въ дѣлѣ вѣры выше авторитета Церкви и тѣмъ самымъ окончательно сдвинувшею христіанское вѣроученіе съ его незыблемыхъ основъ.

Авторъ разбираемаго предисловія далеко не увѣренъ въ томъ, чтобы старо-католическое движеніе произвело какіе-либо положительные результаты, но сомнѣніе это нисколько не уменьшаетъ тѣхъ чувствъ симпатіи, которыя возбуждены въ немъ

этимъ движеніемъ. Онъ твердо убѣжденъ въ томъ, что уже одно энергическое заявленіе протеста противъ постановленій Ватиканскаго собора не останется безъ самыхъ благотворныхъ послѣдствій какъ для западной церкви, такъ и для христіанства вообще. Этотъ взглядъ, не лишенный, полагаемъ, въ настоящемъ случаѣ относительной справедливости, является самымъ естественнымъ послѣдствіемъ того убѣжденія автора, что только въ борьбѣ противоположныхъ началъ, въ столкновеніи либерализма съ консерватизмомъ въ сферѣ религіозной заключаются условія плодотворной церковной жизни. Но къ этому слѣдуетъ добавить, что почтенный деканъ почти съ одинаковымъ сочувствіемъ относится, какъ къ либеральной, такъ и консервативной сторонѣ церковныхъ общинъ.

Каковы бы ни были однако же взгляды и выводы содержащіяся въ разбираемомъ предисловіи къ изданію переведенныхъ на англійской языкъ рѣчей и писемъ о. Гіацинта, статья эта не можетъ не возбудить интереса въ читателяхъ. Помимо ея несомнѣнныхъ и можно сказать блестящихъ литературныхъ достоинствъ, ея тонъ откровенный и благодушный возбуждаетъ невольнымъ образомъ сочувствіе. Авторъ въ своихъ заключеніяхъ не останавливается на полпути, не скрываетъ своей мысли, не пугается выводовъ изъ своихъ положеній, и тѣмъ самымъ сообщаетъ своей статьѣ привлекательность и что еще болѣе поучительность, которая именно не должна бы пройти для насъ незамѣченною. Такъ въ концѣ статьи, какъ бы въ заключеніе всѣхъ своихъ разсужденій, вестминстерскій богословъ не безъ сочувствія приводитъ слова сказанныя на кельнскомъ старо-католическомъ конгрессѣ. «Какъ въ прежнихъ церковныхъ преніяхъ каждая церковь присвоивала себѣ обладаніе безусловной истиной, такъ принципомъ церкви *будущаго* должно быть то положеніе, что каждое формулированіе истины только *относительное*, а не безусловное.»

Ежели припомнить эпиграфъ, поставленный въ заголовкѣ книги, которой предпослана разбираемая статья, гласящій, что для священника нѣтъ ничего предосудительнѣе передъ

Богомъ, какъ не высказывать свободно своихъ убѣжденій, то все сказанное въ этой замѣчательной статьѣ. получаетъ новую силу.

Θ. Сухотинъ.

Июнь.
1875 года.

ДЕКАНЪ СТАНЛЕЙ О СТАРОКАТОЛИЦИЗМЪ.

Исполняя выраженное мнѣ желаніе, чтобы я написалъ для англійской публки введеііе къ переводу на англійскій языкъ писемъ и рѣчей знаменитаго французскаго проповѣдника Гіацинта Луазона, болѣе извѣстнаго подъ своимъ прежнимъ именемъ отца Гіацинта, я нашелъ, что было бы не бесполезно выяснить при этомъ тѣ общія начала, на основаніи которыхъ даже отвергающіе многое изъ того, что въ этихъ началахъ содержится, не могутъ отказать себѣ въ живомъ сочувствіи движенію, котораго онъ, ежели не самый вліятельный, то по крайней мѣрѣ самый популярный представитель.

Это общее основаніе живаго сочувствія заключается въ глубоко-религіозномъ принципѣ, проявляющемся въ старокатолической борьбѣ. Принципъ этотъ слѣдующій: настоящее призваніе тѣхъ изъ членовъ той или другой церкви, которые расходятся съ господствующимъ въ ней воззрѣніемъ или съ какимъ-либо отдѣльнымъ ея вѣроученіемъ или учрежденіемъ, состоитъ не въ томъ, чтобы покинуть эту церковь, но въ томъ, чтобы стремиться открыто и честно къ осуществленію въ ней самой ихъ собственного идеала христіанства.

Два другіе пути, но не болѣе двухъ, представляются еще въ подобныхъ случаяхъ. Одинъ изъ нихъ—это стремленіе, порождаемое каждымъ разногласіемъ, къ основанію собственной секты. Изъ людей развитыхъ, серьезно смотрящихъ на всю совокупность положенія христіанства въ нынѣшнее время, найдутся вѣроятно весьма немногіе, которые подобный путь сочтутъ удобнымъ. Другой путь—это полное личное отстраненіе отъ какой бы то ни было церковной организаціи. Быть-можетъ это есть

крайній исходъ, къ которому направляется человѣчество. Но существуетъ много причинъ, заставляющихъ смотрѣть на подобный исходъ какъ на весьма еще отдаленный. Тѣмъ не менѣе однакоже принципъ, на который опираются либеральные или старые католики, вполне заслуживаетъ вниманія всякаго мыслящаго человѣка, и не бесполезно будетъ указать здѣсь на то, что дѣйтельное усвоеніе такого принципа не ново и не безъ предшествовавшихъ въ исторіи примѣровъ.

Борьба старо-католиковъ противъ ультрамонтанъ есть въ сущности та же самая борьба, которая съ большею или меньшею силой ведется противъ того, что можетъ быть названо ультрамонтанствомъ въ каждой изъ церквей христіанства—католической или протестанской, конформистской или нонконформистской. Считаю не излишнимъ, говоря объ ультрамонтанахъ въ этомъ общемъ смыслѣ, сдѣлать два замѣчанія для уясненія высказанной мысли. Слово ультрамонтанство, какъ довольно извѣстно, совершенно утратило въ настоящее время свое географическое значеніе, и употребляется въ римской церкви для обозначенія тѣхъ изъ ея членовъ, къ сѣверу или къ югу отъ Альпъ, которые исключительно и безусловно подчиняются опредѣленіямъ и предписаніямъ римскаго двора. Но это, такъ сказать, специальное значеніе само постепенно поглощалось тѣмъ болѣе общимъ значеніемъ, которое въ этомъ наименованіи заключается и которое довольно ясно выражается въ слѣдующемъ опредѣленіи, высказанномъ въ одномъ изъ недавнихъ парламентскихъ засѣданій докторомъ Лепонъ Плеферъ (Lyon Plaifair): «ультрамонтане, сказали онъ—это церковные коммунисты. Коммунизмъ—это приведеніе собственности подъ одинъ общій уровень. Ультрамонтанство—приведеніе подъ одинъ уровень религіознаго духа и умственной дѣятельности». Но употребляя слово въ этомъ смыслѣ и соболѣзнуя о вредномъ вліяніи подобнаго направленія въ церкви вообще, мы тѣмъ не менѣе не можемъ не признать, что многія превосходныя качества украшаютъ не рѣдко личный характеръ тѣхъ, которые могутъ быть названы этимъ именемъ въ той или другой церкви. Ко многимъ изъ такихъ личностей мы питаемъ глубокое уваженіе, и мы не сомнѣваемся въ томъ, что вліяніе ихъ далеко не лишено весьма полезной стороны, во сколько однакоже они являются не исключительными руководителями.

Такимъ образомъ борьба старокатоликовъ въ сущности та же самая борьба, которая велась въ англійской церкви отъ временъ лорда Фалькланда до настоящаго дня тѣми, которые ставили себѣ цѣлью проводить болѣе разумныя религіозныя воззрѣнія въ противоположность іерархическимъ или пуританскимъ воззрѣніямъ, получавшимъ по временамъ перевѣсъ отъ духа времени или преобладанія извѣстной партіи. Это та же самая борьба, которую, при нѣсколько другой обстановкѣ, велъ Джонъ Веслей (John Wesley). «Я разноглаголю, говорилъ онъ, съ англійскою церковью, но я никогда ее не покину». Это тотъ же самый принципъ, хотя конечно въ нѣсколько иной формѣ, на который опираются такъ-называемые либеральные протестанты французской національно-протестантской церкви. Это тотъ же принципъ, который провозглашается или можетъ провозглашаться въ каждой нонконформистской церковной общинѣ. Это борьба тѣхъ доблестныхъ нонконформистовъ, которые поддерживаютъ свой протестъ противъ извѣстнаго направленія, весьма часто руководящаго ихъ церквами, и которые противятся тому, чтобы всѣ церковныя учрежденія были сведены къ общему уровню однообразнаго сектанства; которые хорошо знаютъ, что ни церковь не можетъ быть совершенно отдѣлена отъ христіанскаго общества, ни религія отъ національнаго обученія въ странѣ. Это борьба всѣхъ тѣхъ членовъ пресвитеріанской церкви Шотландіи, *установленной, свободной* или такъ-называемыхъ *соединенныхъ пресвитеріанъ*, которые противъ стараго кальвинистскаго знамени ихъ церкви поддерживаютъ то, что Норманъ Маклеодъ (Norman Macleod) называлъ «драгоценное—несмотря на то»—доктора Чалмерса (D-r Chalmers).

Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ возгласы господствующей партіи однѣ и тѣже — не всегда одинаковые по формѣ, не всегда выражаемые въ томъ же повелительномъ тонѣ, но всегда тождественные по своему значенію: «мы не желаемъ, чтобы вы оставались съ нами—вы не наши—мы анаемствуемъ васъ — вы предатели между нами — ежели вы покинете насъ, мы будемъ уважать васъ—доколѣ же вы остаетесь съ нами, мы ненавидимъ васъ, мы презираемъ васъ». Отвѣтъ на подобныя возгласы со стороны ли старокатоликовъ или англиканъ, отъбѣнка Чиллинворта (Chillingworth) или Тиллотсона (Tillotson), французскихъ

ли гугенотовъ до-методистской эпохи, послѣдователей ли древнихъ нонконформистовъ, подобныхъ Бакстеру (Baxter), Веслею (Wesley), или Роберту Голлю (Holl), долженъ бы быть одинаковый по смыслу. «Мы не желаемъ оставить васъ; мы удерживаемъ свое положеніе, какъ вполне законное, и въ католической, и въ англиканской, и въ гугенотской, и въ пресвитеріанской, и въ нонконформистской церквахъ; мы очень цѣнимъ тѣ выгоды, не только внѣшнія, но и духовныя, которыя доставляетъ намъ принадлежность къ *болѣе обширной средѣ*; мы смотримъ даже на наше присутствіе въ этой средѣ, какъ на благопріятное для нея самой; мы отказываемся признавать себя отверженцами; мы утверждаемъ, что представляемъ собою хотя не единственные, но нѣкоторыя изъ лучшихъ началъ непрерывности и жизни въ церкви; мы сознаемъ себя прямыми потомками по духу, хотя не всегда по буквѣ, тѣхъ людей, которые въ древнія времена были признаваемы за лучшихъ и мудрѣйшихъ руководителей церкви; мы смотримъ на исключительное преобладаніе въ церкви *господствующей* партіи въ извѣстное данное время, какъ на оскорбительное для церкви самой и вмѣстѣ съ тѣмъ несправедливое въ отношеніи къ намъ; мы утверждаемъ, что наши уклоненія отъ учрежденій, ученія или дисциплины церкви нисколько не значительнѣе вашихъ».

Возьмите, для примѣра, въ римско-католической церкви вопросъ о безбрачій духовенства или догматъ о папской непогрѣшимости. «Мы утверждаемъ, (старокатолики могли и должны бы были сказать) что уклоненія наши отъ ученія современной римско-католической церкви въ этомъ отношеніи нисколько не значительнѣе того чувства недовѣрія, которое весьма извѣстные и высоко-читимые въ римско-католической церкви лица оказываютъ церковнымъ или папскимъ предписаніямъ, запрещающимъ имъ помѣщать деньги въ банкахъ, имѣть какія бы то ни было сношенія съ еретиками, читать и хранить книги, осужденныя въ индексѣ; повелѣвающимъ имъ вѣрить астрономической системѣ Птолемея, высшему и непогрѣшному авторитету библейскаго перевода Вульгаты, дѣйствительности колдовства и демонологіи. Подобныя уклоненія идутъ прямо въ разрѣзъ съ строго понимаемою католическою ортодоксальностію.» «Мы убѣждены (точно также могутъ возразить англійскіе латитудинаріи или пуритане),

что мы отнюдь не болѣе отклоняемся отъ предписаній или ученія англиканской церкви, чѣмъ тѣ, которые оправдываютъ свое положеніе строгимъ истолкованіемъ извѣстныхъ тридцати девяти членовъ; чѣмъ тѣ, которые приписываютъ свойство непогрѣшимости опредѣленіямъ вселенскихъ соборовъ, считаемыхъ въ упомянутыхъ членахъ погрѣшимыми; чѣмъ тѣ, которые отвергаютъ принципъ королевскаго главенства въ церкви, проведенный черезъ весь составъ нашей конституціи; которые затрудняются признавать кальвинистскія или лютеранскія положенія объ оправданіи и предопредѣленіи; которые принимаютъ только одну изъ содержащихся въ англиканскихъ формулярахъ формъ произношенія священныхъ словъ при совершеніи таинствъ, и отвергаютъ остальные, и которые весьма не высоко ставятъ, быть можетъ и вполнѣ отрицая его, то важное значеніе, которое во всѣхъ частяхъ этихъ формуляровъ приписывается упомянутымъ изреченіямъ для христіанской жизни и нравственности. «Мы ставя эти послѣднія выше формы или ея истолкованія». «Мы считаемъ себя (могутъ сказать либеральные протестанты Франціи) такими же прямыми потомками древнихъ руководителей французскаго протестантизма, какъ и вы, господствующая партія, отвергающая Ла-Рошельское исповѣданіе». «Мы утверждаемъ (такъ могли бы сказать тѣ новконформисты въ Англіи или тѣ члены свободной церкви въ Шотландіи, которые склонны видѣть въ церкви государственной или церкви съ казеннымъ содержаніемъ ужаснѣйшее зло), что мы имѣемъ столько же права на принятое нами положеніе, какъ и вы, входящіе безъ всякаго зазрѣнія совѣсти въ парламентъ и пользующіеся хорошо оплаченными профессорскими мѣстами».

«Мы утверждаемъ (такъ могутъ сказать лучшіе люди всѣхъ шотландскихъ церквей), что если мы отступаемъ въ нѣкоторомъ отношеніи отъ буквы вестминстерскаго исповѣданія, то не менѣе нашего отступаютъ отъ него самые усердные защитники этого ученія въ другихъ отношеніяхъ».

И не только это такъ, но во всѣхъ подобныхъ случаяхъ разногласящія партіи имѣютъ весьма часто болѣе права смотрѣть на себя, какъ на истинныхъ представителей церкви, къ которой онѣ принадлежатъ, чѣмъ тѣ, которые желали бы отлучить ихъ: какъ французскіе либеральные протестанты несомнѣнно болѣе

проникнуты духомъ Антонія Курта (Antoine Court), втораго основателя гугенотской церкви, чѣмъ ихъ такъ-называемые *ортодоксальныя* противники; какъ англійскіе латитудинаріи безъ всякаго сомнѣнія гораздо болѣе близки по духу къ первымъ реформаторамъ, Эразму и Колету, Тиндалю и Кранмеру, и ко множеству высокообразованныхъ духовныхъ лицъ настоящаго и прежнихъ поколѣній, чѣмъ ихъ противники; какъ защитники установленныхъ церковныхъ учрежденій между нонконформистами могутъ не безъ основанія сказать, что они гораздо болѣе вѣрные сыны вестминстерскаго собранія, Веслея и Чалмерса, чѣмъ исключительные приверженцы современнаго волунтаризма; какъ древнія постановленія шотландской церкви гораздо вѣрнѣе выражаются въ умѣренномъ, *философскомъ* и практическомъ направленіи, никогда вполнѣ ее не покидавшемъ, чѣмъ въ ея чисто кальвинистскихъ принципахъ:—такъ точно и старокатолики могутъ съ увѣренностью утверждать, что они гораздо болѣе имѣютъ права на наименованіе католиковъ, чѣмъ тѣ ультрамонтане, которыхъ самъ Монталамберъ называлъ новыми католиками девятнадцатаго столѣтія. По видимости они могутъ быть въ меньшинствѣ, но по внутреннему значенію они представляютъ собою не высказывающееся большинство образованныхъ римско-католиковъ всей Европы. Они также, гораздо болѣе чѣмъ ихъ противники, являются представителями умѣреннаго направленія древняго галликанизма—направленія Боссюэта, Фенелона и Гюё; тѣхъ знаменитостей Поръ-Рояля, которые составляютъ славу французской церкви—Николя, Флѣри, Паскаля. Подчиненіе епископовъ папской непогрѣшимости составляетъ прямое нарушеніе произносимой ими при рукоположеніи присяги, которою они обязываются не принимать иныхъ толкованій Священнаго Писанія, кромѣ тѣхъ которыя имѣютъ на своей сторонѣ общее согласіе Отцевъ. Докторъ Лейонъ Плеферъ во время преній касательно ирландскаго университета, о которыхъ мы уже упоминали, замѣтилъ совершенно справедливо, что въ дѣлѣ воспитанія юношества, современная римско-католическая іерархія, а не кто иной, измѣнила знамени, водруженному въ католической церкви во времена предшествовавшія реформаціи; что она, а не ея оппоненты, отступила отъ принципа свободнаго преподаванія, провозглашеннаго папою Климентомъ V и канцлеромъ Герсономъ. Генрихъ IV, са-

мый популярный и самый любимый изъ французскихъ королей, умѣлъ сочетать протестантскіе и католическіе элементы христіанства въ такой степени, какая въ наше время рѣдко встрѣчается. Стоитъ только прочесть его рѣчь при провозглашеніи имъ Нантскаго эдикта для того, чтобы усмотрѣть, какъ далеко онъ расходится, въ самыхъ важныхъ вопросахъ, съ современнымъ ультрамонтанствомъ и какъ много сходится онъ съ воззрѣніями старокатоличества. Крайніе принципы современныхъ легитимистовъ весьма часто являются въ настоящее время принципами преобладающими во французской церкви. Энергическіе протесты противъ папской непогрѣшимости и іезуитскаго богословія обзываются господствующею въ наше время въ римской церкви партіею антихристіанскими и еретичными. Очень вѣрно было замѣчено, по поводу одного изъ многочисленныхъ манифестовъ главы легитимизма, однимъ весьма компетентнымъ лицомъ, имѣвшимъ безъ сомнѣнія примѣръ Людовика Святаго передъ глазами: «графъ Шамборъ упорно устремляетъ взоръ свой на Ватиканъ, какъ дѣлали это и его предки; но разница состоитъ въ томъ, что онъ смотритъ на Ватиканъ, восхищаясь его выходами и желая подражать имъ, между тѣмъ какъ его предки устремляли взоръ на Ватиканъ съ цѣлью огражденія себя отъ его излишнихъ требованій, или съ цѣлью покровительства свободѣ ихъ собственной церкви и народа противъ папскаго самовластія».

На основаніи всего вышесказаннаго мы имѣемъ полное право утверждать, что ультрамонтане различныхъ церквей въ дѣйствительности точно такіе же разногласящіе члены той церкви, къ которой они принадлежатъ, какъ и тѣ, которыхъ часто выставляютъ измѣнниками и возмутителями. Выгоды же, доставляемыя церкви отъ совместнаго существованія въ ней этихъ различныхъ направленій, всегда одни и тѣ же. Католики ультрамонтане, освобожденные отъ присутствія элемента, представляемаго старокатоличествомъ, постепенно низвели бы свое древнее достопочтенное учрежденіе до степени упадка, который легко могъ бы привести къ совершенному его уничтоженію. Либеральные католики, оторванные отъ общаго потока историческихъ и національныхъ преданій ихъ церкви, обратились бы вѣроятно въ сухую, раздраженную секту, которая, еслибы и продлилось ея

существованіе, постоянно оставалась бы въ одностороннемъ, полемическомъ положеніи, едва стоящемъ того, чтобы за него держаться. Англійскіе латитудинаріи, по самому существу своего направленія, какъ во времена лорда Фалькланда, такъ и во время кембриджскихъ платониковъ или епископа Бутлера, не считали желательнымъ для себя занимать одно изъ многихъ, весьма неопредѣленныхъ положеній, принятыхъ различными англійскими сектами. Либеральные протестанты Франціи, уже страдающіе отъ узкости и сдавленности, происходящихъ частью отъ неуступчивости французской партіи, частью отъ ограниченности того круга, среди котораго вращается французскій протестантизмъ, стали бы чувствовать все это гораздо сильнѣе по мѣрѣ того, какъ они становились бы отдѣльною церковною общиною; между тѣмъ, какъ съ другой стороны, пуританское направленіе ихъ общей церкви утратило бы то *возбуждающее* вліяніе, которое оно въ настоящее время, черезъ соприкосновеніе съ такими личностями, какъ Колани, Кокрель и Фонтанесь, можетъ въ извѣстной степени воспринимать, умѣряя вмѣстѣ съ тѣмъ то, что въ направленіи противной имъ партіи можетъ быть предосудительнаго. Веслеяне, поддерживающіе великіе принципы весленскаго братства и привязанности къ отечественной церкви, провозглашенные ихъ основателемъ, гораздо бы лучше сдѣлали, ежели бы продолжали свой протестъ въ средѣ методистской общины, а не образовывали новой немногочисленной секты внѣ ея.

И необходимо еще замѣтить при этомъ, что стремленіе принадлежать къ болѣе обширному церковному обществу, несмотря на нѣкоторое разногласіе съ нимъ, проявляется по временамъ и между самими ультрамонтанами. Это стремленіе обнаруживали іезуиты во времена своего упадка, какъ на примѣръ, когда папа напалъ на нихъ за ихъ поведеніе въ Китаѣ, или когда Климентъ XIV уничтожилъ ихъ орденъ, — упорно домогаясь оставаться въ нѣдрахъ римской церкви. Подобное же тому выражалось и въ англиканской церкви послѣдователями іерархическаго направленія въ тѣ времена, когда направленіе это, весьма несправедливо конечно, подвергалось притѣсненіямъ ради тѣхъ зачатковъ или отрывковъ іерархическаго или сакраментальнаго ученія, которые содержатся въ англиканскихъ формулярахъ.

Каждая церковь заключаетъ въ себѣ по крайней мѣрѣ два на-

правления, составляющія ея сущность и ея жизнь. Любимое орудіе нападенія на англиканскую церковь состоитъ въ томъ аргументѣ, что невозможно защищать правоту церкви, заключающей въ себѣ несогласныя между собою богословскія толкованія. При допущеніи подобной невозможности не найдется въ христіанствѣ ни *одной* церкви, которая могла бы устоять на своихъ основахъ въ теченіе даже одного года. И именно въ смыслѣ протеста противъ стремленія къ подобному однообразію, такъ сильно привлекаетъ къ себѣ вниманіе открывшійся въ римской церкви замѣчательный расколъ между признающими и отрицающими догматы папской непогрѣшимости. Гораздо прежде реформаціи существовали уже партіи и секты подобныя тѣмъ, которыя существуютъ въ реформатскихъ церквахъ. Богослужебные уставы, вѣроопредѣленія, преданія, постановленія католической церкви наполнены противорѣчіями, столь же непримиримыми, какъ и богослужебные уставы и вѣроученія Англии, Аугсбурга и Женевы. Церковь или церкви, состоящія въ общеніи съ римскимъ престоломъ, волнуются въ настоящее время съ верху до низу разногласіями, болѣе глубокими въ своемъ принципѣ, чѣмъ существующія между протестантами. Это служитъ рѣшительнымъ доказательствомъ того, что римская церковь далеко не обладаетъ безусловнымъ единствомъ вѣрованія, и не составляетъ въ этомъ отношеніи исключенія изъ обыкновенныхъ законовъ человеческого общества. Но это само по себѣ не можетъ конечно быть предметомъ укора. Это есть слава или немощь, которую римская церковь раздѣляетъ вообще со всѣми *цивилизованными* церквами. Ея униженіе и стыдъ заключаются въ недостойномъ и тщетномъ усиліи скрывать или отрицать такое положеніе.

Возразить ли кто, что невозможно и не должно останавливаться иначе, какъ на самомъ крайнемъ выраженіи своихъ мнѣній, и что отсутствіе подобнаго условія составляетъ собственно слабое мѣсто старокатолическаго движенія, — то на подобное возраженіе можно отвѣтить тѣмъ, что такого рода несостоятельность составляетъ неизбѣжное условіе каждаго серьезнаго религіознаго движенія и свойство каждаго большаго церковнаго общества во всемъ мірѣ. Безъ сомнѣнія есть предѣлы такимъ колебаніямъ, и компромиссы могутъ иногда заходить слишкомъ далеко. Но фактъ тѣмъ не менѣе существуетъ. Само христіан-

ство въ его нынѣшнемъ положеніи не есть ли *компромиссъ* между религіею перваго и религіею девятнадцатаго столѣтія, и отъ мудрости и искусства какъ отдѣльныхъ личностей, такъ и общинъ, зависитъ правильное сочетаніе разнородныхъ элементовъ и возможность ладить съ ними наилучшійшимъ образомъ. Римская церковь, со всѣми своими сасердотальными претензіями, глубоко посягла въ свои нѣдра первоначальный зародышъ—мы можемъ почти сказать первоначальный *блескъ*—той протестантской свободы, которую эта церковь себѣ присвоила въ то время, когда она отдѣлилась отъ святой православной церкви Востока и по соображеніямъ, которыя въ настоящее время названы бы были раціоналистическими или скептическими, уничтожила древнюю вселенскую практику приобщенія младенцевъ, и гораздо болѣе почтенную и когда-то безусловно необходимую практику крещенія черезъ погруженіе.

Но и кромѣ того, въ этой мнимой несостоятельности есть вѣчто само по себѣ превосходное. Нѣкто принадлежащій къ шотландской епископальной церкви, человѣкъ умный и даровитый, сказалъ однажды одному англичанину, котораго онъ звалъ съ собой въ пресвитеріанскій храмъ, говоря о двухъ общихъ обоимъ имъ друзьямъ: «Онъ пресвитеріанецъ по недоразумѣнію, а *тотъ* (т.-е. другой) епископалъ также по недоразумѣнію. Но эти обѣ, не вопли сознающія себя личности, составляютъ самую соль ихъ взаимныхъ церквей». Такимъ образомъ самая неопредѣленность и неясность старо-католическаго движенія составляетъ одну изъ самыхъ интересныхъ его сторонъ. «Что значать полумѣры? Что значить несостоятельность?» спрашивалъ профессоръ Губеръ на кельнскомъ старо-католическомъ конгрессѣ? «Это значить быть на пути, не достигнувъ еще цѣли. Это есть неизбѣжное свойство каждаго правильнаго развитія. Каждый человѣкъ въ этомъ смыслѣ только половина самаго себя. Но въ единственномъ смыслѣ, въ которомъ подобное указаніе могло бы быть дѣйствительнымъ укоромъ—мы подобнаго укора не заслуживаемъ; мы не малодушествуемъ, ибо мы желаемъ правды, всецѣлой правды, и ничего кромѣ правды; мы вступили на широкій путь историческаго изысканія—мы усиливаемся отдѣлить вѣчное отъ временнаго, существенное отъ несущественнаго въ христіанствѣ, и усердіе и серьезность, съ которыми мы ведемъ это дѣло, служатъ поводомъ къ нападкамъ на насъ».

Несомнѣнно, что кромѣ этихъ общихъ основаній для вниманія, возбуждаемаго къ себѣ старокатолическимъ движеніемъ, существуютъ и другія, болѣе частнаго свойства. Но прежде чѣмъ говорить объ этихъ послѣднихъ, считаемъ не лишнимъ предупредить возраженіе, которое можетъ быть сдѣлано, какъ по поводу общаго характера, движенію этому приписываемаго, такъ и по поводу нѣкоторыхъ частныхъ соображеній, которыя будутъ приведены далѣе.

Не рѣдко выставляется, какъ причина невозможности существованія симпатіи между либеральными католиками въ римской церкви и либеральными протестантами въ протестантскихъ церквяхъ, то обстоятельство, что богословское направленіе большинства старо-католиковъ весьма сходно съ тѣмъ направленіемъ, которое въ церквяхъ Англіи и Германіи весьма часто и не безъ основанія, обзывается ультрамонтанскимъ, въ самомъ конечно обширномъ смыслѣ этого слова. Но когда какія-либо части двухъ разнородныхъ церквей постепенно приближаются одна къ другой, то непременно долженъ существовать пунктъ пересѣченія, на которомъ идущіе съ одной стороны впередъ и отступающіе съ другой сходятся вмѣстѣ, при чемъ взоры ихъ тѣмъ не менѣе могутъ быть обращены въ совершенно противоположныя стороны. Когда Донъ-Уллоа посѣтилъ Квито, то на полу-дорогѣ восхожденія на андійскій хребетъ онъ встрѣтилъ путешественниковъ, изъ коихъ одни только что спустились съ вершины, между тѣмъ какъ другіе только что поднялись съ нижнихъ удушливо жаркихъ равнинъ. Эти путешественники находились всѣ вмѣстѣ въ одной и той же гостинницѣ; но спустившіеся съ горы ощущали испарину отъ теплоты той атмосферы, которая окружала ихъ послѣ холода снѣговъ покинутой ими вершины; взшедшіе же почти дрожали отъ холода при воспоминаніи объ атмосферѣ равнинъ, только что ими оставленныхъ. Взаимныя чувства этихъ двухъ категорій путешественниковъ весьма близко подходятъ къ чувствамъ тѣхъ людей, которые по временамъ сталкиваются между собою въ приливѣ и отливѣ богословскихъ интересовъ. Когда мы припомнимъ въ какомъ духѣ докторъ Деллингерь говорилъ о Лютерѣ, какъ о великомъ геніи шестнадцатаго столѣтія, и сравнимъ съ этимъ неизмѣнно порицательный тонъ; принятый относительно великаго реформатора оксфорд-

ской школой, начиная съ доктора Ньюмана; когда мы припомнимъ, что католическій мюнхенскій профессоръ объявилъ во всеуслышаніе, что протестантское богословіе Германіи по крайней мѣрѣ въ шесть разъ превосходитъ своимъ достоинствомъ все написанное по этой части католическими нѣмецкими богословами въ тотъ же періодъ времени, и сопоставимъ это съ обычными выраженіями, употребляемымъ вышеупомянутой школой въ Англіи относительно германскаго богословія (исключая однакоже превосходной, но къ несчастью устранившейся и забытой въ настоящее время книги доктора Пьюзея), то невозможно не усмотрѣть значительнаго различія стремленій, взаимно одушевляющихъ оба разряда мыслителей къ достиженію преслѣдуемыхъ ими цѣлей.

Перейдемъ теперь къ вопросу о томъ, какой именно свѣтъ на наши современныя умственные движенія проливаетъ старокатоличество?

1. Вопросъ весьма часто возникающій «что есть авторитетъ?» разрѣшается старокатоликами въ такомъ смыслѣ, который въ предѣлахъ обозначенной ему области не допускаетъ недоразумѣній. Они безъ всякаго сомнѣнія питаютъ глубокое, быть можетъ преувѣличенное уваженіе къ непрерывности историческихъ преданій христіанства, и вълѣдствіе того не пожелали измѣнить древняго церковнаго устройства своей церкви. Но вмѣстѣ съ тѣмъ они весьма опредѣлительно заявили, что если они найдутся вынужденными сдѣлать выборъ между авторитетомъ науки и исторіи съ одной стороны и оффиціальнымъ церковнымъ авторитетомъ съ другой, они не колеблясь предпочтутъ первый. Для нихъ епископы очевидно не являются преемниками апостоловъ, въ смыслѣ предоставляющемъ имъ власть учительства. Девять сотъ епископовъ—самое большое число, которое когда-либо собиралось, признали (съ однимъ быть можетъ исключеніемъ) напскую непогрѣшимость, въ противность выраженныхъ многими изъ нихъ убѣжденій въ томъ, что эта непогрѣшимость есть нелѣпость, и признали ее не только просто за истину, но даже за принадлежащую къ вѣчнымъ истинамъ христіанства. Когда съ преступнымъ равнодушіемъ европейскія правительства отказались поддержать ихъ, церковные оракулы христіанства отреклись отъ своей духовной независимости и вполне покорились

вліянію римскаго двора. Это согласіе всѣхъ въ совокупности епископовъ отвергнуто старокатоликами, какъ и всѣми сочувствующими имъ. Такое отверженіе не есть ли рѣшительное провозглашеніе того убѣжденія, что исключительное право духовнаго разсужденія и учительства не связано съ епископскимъ преемствомъ. Епископатъ тѣмъ не менѣе имѣетъ великолѣпное призваніе въ христіанскомъ мірѣ, подъ условіемъ, чтобы епископы употребляли свое великое историческое положеніе для того, чтобы громко высказывать свои убѣжденія, вмѣсто того чтобы скрывать ихъ, развивать и уяснять, вмѣсто того, чтобы сѣять раздоры.

2. Старокатолики сдѣлали по крайней мѣрѣ шагъ впередъ къ разрѣшенію вопроса объ основаніяхъ для единенія христіанскихъ исповѣданій. Они выказали себя способными возвести нравственные истины нашего общаго христіанства до высоты много превосходящей понятія о томъ же предметѣ четвертаго, пятаго, седьмаго, тринадцатаго и шестнадцатаго столѣтій. Когда ихъ руководители съ сердечнымъ привѣтомъ встрѣтили на кельнской платформѣ греческихъ священниковъ, англиканскихъ епископовъ и протестантскихъ пасторовъ разныхъ оттѣнковъ,—не было ли это провозглашеніемъ вѣчной истины, или какъ мы имѣемъ основаніе выразиться, вѣчнаго догмата, *умалившаго и отстранившаго* преходящія мнѣнія отцевъ и учителей, папъ и соборовъ, мнѣнія, которымъ въ это послѣднее время наименованіе *догмата* почти исключительно было приписываемо. Ничего не могло быть отличнѣе одно отъ другаго, какъ положеніе принятое старокатоликами въ этомъ отношеніи, отъ положенія ультрамонтанской партіи, провозглашающей, что нѣтъ спасенія внѣ ограды частныхъ церквей или внѣ формулы частныхъ символовъ. Всѣ ихъ выраженія дышали самыми братскими чувствами, не только относительно членовъ англиканской или восточной церквей, но и относительно лютеранскихъ и реформатскихъ церквей Германіи. Это не было чѣмъ-либо новымъ въ ихъ партіи. Когда Деллингеръ провозгласилъ въ своихъ лекціяхъ, что всѣ протестанты въ силу совершеннаго надъ ними крещенія принадлежатъ къ католической церкви, онъ открылъ путь къ признанію членами церкви тѣхъ, которыхъ столько духовныхъ авторитетовъ его церкви такъ долго признавали совершенно отчужденными отъ

нея. Когда, вѣскольکو лѣтъ тому назадъ, онъ утверждалъ въ своей рѣчи въ Мюнхенѣ, что точно также должно признавать ересью возведеніе въ предметъ обязательнаго вѣрованія того, что не составляетъ члена вѣры, какъ и объявленіе обязательнаго члена вѣры не обязательнымъ, когда онъ провозглашалъ, что на единеніе вѣроисповѣданій нельзя смотрѣть, какъ на органическое, непосредственное сліяніе, какъ на поглощеніе одной церкви другою, но какъ на процессъ очищенія, всѣмъ одинаково необходимый, съ цѣлью взаимнаго отстраненія недостатковъ и односторонностей каждаго изъ нихъ, — онъ принялъ положеніе, могущее низвести до правильныхъ размѣровъ ультрамонтанскія претензіи каждой церкви: римской, англиканской, пуританской. Профессоръ Блунчли, представлявшій въ Кельнѣ протестантскія церкви Германіи, выразилъ мысль, что «тогда какъ въ прежнихъ церковныхъ преніяхъ, каждая церковь присвоивала себѣ обладаніе безусловной истиной, принципомъ церкви будущаго должно быть то положеніе, что каждое формулированіе истины только относительное, а не безусловное. Принципъ взаимнаго угнетенія и поглощенія миновалъ, — водворяется принципъ нравственнаго единенія церквей». Профессоръ Михелисъ описывалъ, какъ тридцать лѣтъ тому назадъ онъ, еще студентомъ, увидалъ въ первый разъ знаменитый кельнскій соборъ неоконченнымъ, полуразрушеннымъ; башни въ немъ отшатнулись отъ самаго зданія; главная часть зданія — отъ алтарнаго выступа, и какъ въ настоящее время онъ увидалъ этотъ соборъ быстро подвигающимся къ полному окончанію, всѣ части храма соединенными вмѣстѣ, величественные его размѣры возстановленными, его оригинальный планъ осуществленнымъ. «Въ этомъ виѣшнемъ явленіи я усматриваю, сказалъ онъ, то, что можетъ ожидать разъединенную, разрушенную Христову церковь, когда ей суждено будетъ вновь соединиться и разрозненнымъ ея частямъ быть совокупленными во едино. И уподобленіе это», прибавилъ онъ, «получаетъ еще большее значеніе отъ того обстоятельства, что реставрація этого католическаго собора исполнена королемъ протестантскимъ; точно также только съ помощію протестантства можетъ католичество быть воссоединено и возрождено». Профессоръ Рейнкенсъ, избранный съ тѣхъ поръ епископомъ вновь возникшей церковной общины, посвятилъ цѣлую рѣчь, задушев-

ную и сильную, на развитіе той мысли, что новыя надежды на единеніе въ вѣрѣ основываются на возрастающемъ убѣжденіи, что единеніе не заключается въ однообразіи и въ уничтоженіи національныхъ особенностей; не въ неподвижности, но въ свободномъ развитіи; не въ стремленіяхъ официальныхъ авторитетовъ, но отдѣльныхъ христіанскихъ личностей. Въ этомъ-то собственно (гораздо болѣе чѣмъ въ остроумныхъ соглашеніяхъ разногласій различныхъ церквей, какъ бы соглашенія эти ни были впрочемъ поучительны), заключается обще-полезная сторона боннской конференціи. Это же самое, по нашему твердому убѣжденію, составляетъ цѣль стремленій и душевныхъ желаній самыхъ благородныхъ и благонамѣренныхъ личностей восточной церкви, приносящихъ съ собою на подобныя совѣщанія миролюбивый и дружелюбный духъ, вполне ихъ характеризующій.

3. Сверхъ всего, этого старокатолическое движеніе служитъ доказательствомъ тому, что міръ не вполне еще подпалъ подъ власть современнаго измышленія, раздѣляемаго всеми ультрамонтанами, будь то въ Италіи, во Франціи или въ Англіи, о независимости духовенства отъ государства. Старокатолики Германіи и Швейцаріи оставили въ сторонѣ фикцію «свободной церкви въ свободномъ государствѣ». Безъ всякаго сомнѣнія отношенія церкви къ такому правительству, которое проникнуто къ ней чувствами антагонизма и индеферентизма, усѣяны трудностями, поразительный примѣръ которыхъ мы видимъ въ современныхъ столкновеніяхъ въ Пруссіи и Швейцаріи. Но въ принципѣ — воззваніе къ кесарю, къ государственной власти у старокатоликовъ составляетъ *эразміанизмъ*, который они провозглашаютъ не стыдась; потому что это есть не только защита ихъ національныхъ правъ, но и потому еще, что это есть воззваніе къ самой интеллигентной, самой патріотической, самой честной части націи. Они хорошо понимаютъ какъ слабо было бы развитіе реформаціи, ежели бы Фредерикъ мудрый въ Саксоніи и протестантскіе принцы въ Спирѣ, и Елисавета въ Англіи и Коллинъ и Конде во Франціи отстранились отъ возникшаго движенія. Они знаютъ, что здоровыхъ условій религіозной жизни невозможно найти тамъ, гдѣ культура и общественная жизнь націи стоятъ въ сторонѣ отъ нея.

4. Безъ всякаго сомнѣнія, не мало слабыхъ сторонъ въ старо-

католическомъ движеніи, какъ и во всѣхъ движеніяхъ этого рода. Движеніе это не чуждо логическихъ непослѣдовательностей, о которыхъ мы уже говорили. Являются сложныя затрудненія внутренней организаціи. Во многихъ изъ руководителей замѣтно, съ нашей точки зрѣнія, слишкомъ жесткое, слишкомъ рѣзкое, слишкомъ строгое порицаніе пороковъ и даже добродѣтелей великой и знаменитой церкви, подъ гнетомъ которой они такъ долго находились. Въ нѣкоторыхъ изъ дѣятелей обнаруживается, быть-можетъ, слишкомъ слабое сознаніе тѣхъ выгодъ, которыя являются послѣдствіемъ историческаго развитія христіанства; въ другихъ же слишкомъ безусловная привязанность ко внѣшней формѣ *черстваго* *) христіанства пятого, шестаго и седьмаго столѣтій. Проявляется и слабость, которая быть можетъ есть и сила, присущая такому дѣлу, усиѣхъ котораго зависить отъ поддержки образованныхъ мірянъ, весьма часто или слишкомъ равнодушныхъ или слишкомъ боязливыхъ для того, чтобы громко выразить свои симпатіи, вполне однакоже, по внутреннему убѣжденію ихъ, заслуженныя. Проявляется нетерпѣливое ожиданіе общества, требующаго немедленныхъ результатовъ, и не желающаго обратить даже бѣглое вниманія на явленіе, не связанное никакими видимыми нитями съ современными политическими партіями. Сверхъ всего этого неизбежныя разногласія, возникающія во всѣхъ подобныхъ пробужденіяхъ ума или совѣсти—не только вслѣдствіе различныхъ оттѣнковъ мнѣній, возбуждаемыхъ и питаемыхъ подобными движеніями, но и вслѣдствіе обвиненій, которыя весьма естественно, хотя и несправедливо, высказываются послѣдователями на руководителей за медленность и осторожность, и руководителями на послѣдователей за безразсудную торопливость. По этимъ и многимъ другимъ причинамъ не трудно конечно допустить предсказаніе, весьма часто высказываемое, въ Германіи и другихъ странахъ, что «возникшее движеніе затеряется въ пескахъ». Но отвѣтъ на это предсказаніе данъ былъ въ Кельнѣ краснорѣчивымъ ораторомъ, который съ тѣхъ поръ сдѣлался официальнымъ главою новой церковной общины. Взглянувъ прямо

*) Названіе христіанства V, VI и VII столѣтій *черствомъ* принадлежитъ къ выходкамъ протестанта, который не признаетъ и не цѣнитъ заслугъ, оказанныхъ Отцами и Соборами сихъ вѣковъ догматикѣ и каноническому праву вселенской Церкви. *Ценз.*

въ глаза всѣмъ безчисленнымъ затрудненіямъ, возникающимъ на пути старокатолическаго движенія, онъ прибавилъ, обращаясь къ патріотическимъ чувствамъ всѣхъ слушателей: «да оно можетъ затеряться въ пескахъ, подобно тому какъ германскій Рейнъ теряется въ пескахъ у береговъ Океана, — но прежде чѣмъ затеряться, онъ въ своихъ верховьяхъ образовалъ уже обширныя озера, проложилъ путь цивилизации, и одарилъ плодородіемъ и жизнью долины имъ орошаемыя». Такъ безъ сомнѣнія случиться можетъ и съ этимъ движеніемъ. Быть-можетъ, оно не произведетъ никакихъ видимыхъ результатовъ. Но достоинство и польза борьбы такого рода не зависятъ отъ ея видимыхъ или непосредственныхъ результатовъ. Мы не говоримъ здѣсь о томъ, что засвидѣтельствовали присутствовавшіе на различныхъ собраніяхъ старокатолическаго общества. Право этого церковнаго общества на наше вниманіе—это засвидѣтельствованная имъ сила независимаго и честнаго убѣжденія, возстающаго противъ громко провозглашенной неправды. Открытое и мужественное выраженіе несогласія, свободное и твердое требованіе реформъ, гораздо болѣе, чѣмъ тѣ частныя вопросы, противъ которыхъ или ради которыхъ высказывается протестъ, составляютъ достоинство предпринятой попытки, и оправдываютъ такое реформаторское движеніе въ какой бы церкви оно ни происходило. Несомнѣнно, весьма многіе въ римской церкви, и изъ духовенства и изъ мірянъ, держатся мнѣній старокатоликовъ, но лишь немногіе высказываются; и тогда какъ молчаніе многихъ составляетъ язву и позоръ церкви, къ которой они принадлежатъ, раздавшійся голосъ немногихъ составляетъ единственное условіе возможности для первыхъ оставаться законно и добросовѣстно въ оградѣ церкви, съ которой они могутъ пребывать въ общеніи только въ надеждѣ устраненія изъ нея дурныхъ и развитія въ ней хорошихъ элементовъ.

ДЖОНЪ СТЮАРТЪ МИЛЛЬ,

КАКЪ МОРАЛИСТЪ ¹⁾.

Счастье, по учению Милля, составляет единственную и конечную цѣль человеческой жизни и служить въ утилитарной морали верховнымъ ея принципомъ, придающимъ особенный смыслъ и своеобразный характеръ всѣмъ частнѣйшимъ ея сторонамъ и подробностямъ. Отсюда вопросъ о томъ: что преимущественно способствуетъ счастливой жизни и достижимо ли счастье, имѣетъ первостепенное значеніе въ вопросѣ о состоятельности или несостоятельности утилитарнаго ученія. Милль самъ не скрываетъ того, что какъ скоро было бы доказано, что счастье недостижимо для человѣка, то вмѣстѣ съ этимъ утилитарное ученіе было бы подорвано и ниспровергнуто въ самомъ основаніи своемъ. Потому-то Милль и употребляетъ всѣ возможныя усилія къ тому, чтобы рѣшить этотъ вопросъ въ возможно-благопріятномъ для утилитаризма смыслѣ. Это обстоятельство и насъ обязываетъ съ надлежащимъ вниманіемъ отнестись къ аргументаціи Милля и оцѣнить ее во всѣхъ ея существенныхъ сторонахъ. Прежде, чѣмъ заботиться о пресловутой краткости изложенія, которая въ большинствѣ случаевъ граничитъ съ поверхностностью и легкостью анализа оцѣниваемой доктрины, мы обязаны позаботиться о полнотѣ и вѣскости возраженій противъ такого моральнаго ученія, которое наиболѣе исповѣдуется нашимъ образованнымъ обществомъ и представителями такъ-называемой свѣтской журналистики. Сперва мы по-

¹⁾ См. янв. и март. кн. „Правосл. Обзорнія“ за текущій годъ.

пытаемся сдѣлать анализъ понятія о счастьи, опредѣляемого Миллемъ, и посмотрѣть, говоритъ ли самое опредѣленіе понятія о счастьи, предложенное Миллемъ, въ пользу утилитарной доктрины. Затѣмъ разсмотримъ мысль Милля о томъ, будто счастье въ большихъ размѣрахъ доступно людямъ, отличающимся высокимъ умственнымъ и художественнымъ развитіемъ, а равно людямъ добродѣтельными, между тѣмъ, какъ люди не развитые и порочные, по мнѣнію Милля, обречены въ жизни на меньшее счастье. Наконецъ, мы перейдемъ къ рѣшенію вопроса о достижимости или недостижимости счастья.

Слово «счастье» само по себѣ до крайности неопредѣленно. Не только каждый народъ, но чуть не каждый отдѣльный человѣкъ понимаетъ счастье по своему, такъ что въ этомъ отношеніи между людьми всегда существовало и доселѣ существуетъ поразительное разногласіе. Смотри по тому или другому духовному складу и характеру людей, и самое понятіе о томъ, въ чемъ заключается счастье, разнообразится до непримиримой противоположности и взаимной неключаемости. На низшихъ ступеняхъ духовнаго и общественнаго развитія еще скорѣе можно найти нѣкотораго рода однообразіе въ пониманіи счастья, чѣмъ тогда, когда общество переходитъ отъ патріархальной простоты понятій, нравовъ и образа жизни къ такъ-называемой цивилизованной жизни, допускающей больше оригинальности и въ большинствѣ случаевъ способствующей развитію въ людяхъ индивидуальнаго начала. Въ самыхъ даже нравственно-философскихъ системахъ, извѣстныхъ подъ именемъ эвдемонистическихъ, мы встрѣчаемъ это же разнорѣчіе въ понятіи о томъ, въ чемъ нужно поставлять счастье. Этого рода несогласіе выражается въ самыхъ поразительныхъ формахъ и тогда, когда мы обращаемся къ представленіямъ разныхъ народовъ о загробной блаженной жизни. Такъ, рай еврея—полонъ золота и серебра; рай турка—гаремъ, населенной гуріями; рай краснокожаго американца—множество дичи; въ скандинавскомъ раю идетъ вѣчное сраженіе и раны излечиваются чудотворной силою; австраліецъ мечтаетъ о томъ, какъ онъ послѣ смерти обгонитъ бѣлаго и какое множество мелкой монеты будетъ у него. Даже у одного и того же человѣка, въ разные періоды жизни, по мѣрѣ измѣненій его духовнаго міра и влѣдствіе измѣняющихся обстоя-

тельствъ его жизни, понятіе о счастіи видоизмѣняется нѣсколько разъ и большей частью весьма существенно. Очевидно, нравственное ученіе не должно построиваться на такомъ до крайности шаткомъ и неопредѣленномъ началѣ, съ точки зрѣнія котораго одинаково правы и законны всѣ человѣческіе инстинкты и стремленія, каковы бы они ни были—хороши и дурны: оно уничтожаетъ даже самую нравственную точку зрѣнія на человѣческую жизнь и ея разнообразныя проявленія... Но, быть можетъ, Миллю удалось въ его опредѣленіи понятія о счастіи, стать на болѣе опредѣленную и положительную почву, чѣмъ всѣ эти противорѣчивыя понятія о счастіи, какія имѣли и имѣютъ мѣсто въ дѣйствительной жизни? Посмотримъ. «Минуты полного упоенія, говоритъ онъ, среди существованія наполненнаго немногими преходящими страданіями, многочисленными и многоразличными наслажденіями съ рѣшительнымъ преобладаніемъ актива надъ пассивомъ, и въ довершеніе ко всему этому отсутствіе такихъ требованій отъ жизни, которыхъ жизнь не въ состояніи выполнить, вотъ жизнь, которая по мнѣнію всѣхъ тѣхъ, кому только она доставалась на долю, достойна назваться счастіемъ». Оказывается, что Милль, кромѣ общихъ и безсодержательныхъ фразъ, ничего здѣсь не сказалъ о томъ, какъ же нужно понимать и въ чемъ поставлять счастіе, какъ единственную цѣль человѣческой жизни и какъ верховный принципъ утилитарной морали. Крайне неопредѣленное понятіе о счастіи остается таковымъ же и у Милля. Понятіе Милля о томъ, что нужно разумѣть подъ счастіемъ, до такой степени обще и отвлеченно, что оно прямируетъ въ себѣ и какъ бы освящаетъ собою самыя непримримыя различныя представленія о счастіи, существующія между людьми, не устраняя собою ни одного изъ нихъ, какъ бы оно дико и безнравственно ни было. Въ самомъ дѣлѣ, каждый человѣкъ, кто бы онъ ни былъ и каковъ бы ни былъ по своему умственному и нравственному складу, можетъ испытывать въ своей жизни минуты полного упоенія среди существованія, наполненнаго немногими преходящими страданіями, многочисленными и многоразличными наслажденіями съ рѣшительнымъ преобладаніемъ актива надъ пассивомъ, и воздерживаться отъ такихъ требованій отъ жизни, которыхъ жизнь не въ состояніи выполнить. Всѣмъ этимъ можетъ отличаться и

жизнь людей развитыхъ въ умственномъ, художественномъ и нравственномъ отношеніи, и жизнь людей, по своему духовному складу представляющихъ рѣзкій контрастъ съ первыми. Кромѣ того, въ чемъ же можно найти ручательство, что такая жизнь, какою ее изображаетъ Милль, заслуживаетъ вполнѣ названія дѣйствительно счастливой жизни? Милль ссылается на общее мнѣніе людей, испытавшихъ такую жизнь. Но, это еще вопросъ: какъ мы должны понимать слова тѣхъ, которые говорятъ о себѣ, что они счастливы? Бываютъ въ жизни человѣка какія мгновенья, когда, подъ влияніемъ какого бы то ни было состоянія, намъ все представляется въ радужныхъ краскахъ и когда самая печальная дѣйствительность какъ бы покрывается въ глазахъ нашихъ розовымъ флеромъ. Нерѣдко одна надежда на лучшее будущее примиряетъ насъ съ самой суровой дѣйствительностью и представляетъ ее намъ совершенно иною, чѣмъ какова она есть de facto. Намъ припоминается здѣсь одно стихотвореніе Рюгге, отрывокъ изъ котораго мы считаемъ не лишнимъ привести здѣсь. Бѣдные люди, натерпѣвшіеся въ родной странѣ отъ ближайшихъ соотечественниковъ много горя и скорбей и вынужденные покинуть для далекой чужбины родное гнѣздо, надѣясь найти тамъ счастье, говорятъ о себѣ:

Годы долгіе мученья
 Забыли мы въ прощальный часъ,
 И только свѣтлыя мгновенья
 Съ прошедшимъ связывали насъ...
 Казалось намъ, что каждый встрѣчный
 Глядитъ на насъ, какъ добрый братъ
 И шепчетъ намъ въ тоскѣ сердечной:
 „Вернитесь, милые, назадъ!
 Оставайтесь здѣсь, оставайтесь дома,
 Бываетъ легче тяжкій гнетъ
 Въ семьѣ родной, въ семьѣ знакомой,
 Гдѣ каждый нашу скорбь пойметъ“.
 И въ этотъ скорбный часъ разлуки
 Друзьямъ и недругамъ былымъ
 Мы грустно пожимали руки
 И тихо говорили имъ:
 „Прощайте, съ словомъ примиренья
 На вѣкъ уходимъ мы отъ васъ,

И вы за наши прегрѣшенья
 Не помяните лихомъ насъ,
 Дай Богъ, чтобъ въ будущемъ, собратья,
 Вамъ лучше прежняго жилосьъ...
 И ни единого проклятья
 Имъ съ нашихъ устъ не сорвалось.

Проходятъ эти мгновенія, и тогда нерѣдко даже все лучшее въ прежней жизни кажется намъ дурнымъ. До такой степени здѣсь все зависитъ отъ случайнаго настроенія. Минувшія невзгоды и пережитыя страданья вообще представляются иными при измѣнившихся обстоятельствахъ. Не мѣшаетъ также замѣтить, что иначе представляется жизнь, исполненная самыхъ тяжелыхъ невзгодъ и самыхъ ѣдкихъ скорбей, людямъ, ставящимъ цѣлью жизни наслажденіе, и людямъ, смотрящимъ на жизнь съ болѣе возвышенной точки зрѣнія. Люди послѣдней категоріи могутъ благодарить Провидѣніе и находить счастливой такую жизнь, которая для людей первой категоріи представляется тяжелою до невыносимости. Люди, ищущіе въ жизни прежде всего счастія, меньше всего могутъ назвать охарактеризованную Миллемъ жизнь дѣйствительно и вполнѣ счастливою. Счастливая жизнь, по Миллю, отнюдь не исключаетъ страданій, хотя бы и преходящихъ, и необходимо предполагаетъ отреченіе отъ такихъ желаній и влеченій, удовлетвореніе которыхъ невозможно при данныхъ условіяхъ жизни. Но не значитъ ли это одною рукою созидать, а другою разрушать и безъ того шаткое зданіе утилитарной доктрины, держащееся скорѣе силою предразсудковъ человѣческаго ума и односторонняго направленія практическихъ стремленій человѣка, чѣмъ внутренней своей силою, т.-е. своей разумностью, своимъ соответствіемъ съ требованіями нашей нравственной природы? Когда идетъ рѣчь о дѣйствительно счастливой жизни, нужно говорить о томъ, что удовлетворяетъ всѣмъ нашимъ стремленіямъ и потребностямъ, что заставляетъ насъ переживать именно радости, наслажденія. Не станемъ же мы опредѣлять понятіе о добромъ, включая сюда такія представленія, которыя относятся къ области зла. Между тѣмъ Милль въ своемъ опредѣленіи понятія о счастливой жизни допускаетъ такія представленія, которыя существенно противорѣчатъ другъ другу и другъ друга исключаютъ. Какъ бы ни были преходящи

наши страданія, они не могут не чувствоваться нами и не могут не отравлять самых наслажденій нашихъ. Бываютъ въ жизни людей такія страданія, которыя хотя длились и весьма недолго, однакожь въ теченіе всей жизни не позабываются человѣкомъ и глубоко омрачаютъ самыя лучшія его радости и удовольствія, такъ или иначе напоминающія пережитое страданіе. Хороша или дурна эта черта въ человѣкѣ, это другой вопросъ. И чѣмъ больше человѣкъ привыкаетъ въ своей жизни испытывать многочисленныя и многообразныя наслажденія, тѣмъ сильнѣе онъ долженъ испытывать поджидающія его страданія: привычку не даромъ называютъ второй природой... Значитъ, счастье такихъ людей становится болѣе и болѣе сомнительнымъ. Милль ставитъ необходимымъ условіемъ счастья отреченіе отъ такихъ желаній и стремленій, которыхъ дѣйствительная жизнь не можетъ удовлетворить. Но это, по нашему мнѣнію, окончательно подрываетъ возможность счастливой жизни, которая, по мнѣнію Милля, единственно желательна. Дѣйствительная жизнь большей частью такъ слагается, что она часто не можетъ удовлетворить самыхъ законныхъ человѣческихъ желаній. Извѣстный французскій астрономъ Фламмаріонъ рѣшился прочесть нѣсколько публичныхъ лекцій въ пользу семействъ двоихъ французскихъ ученыхъ Кросе и Сивеля, погибшихъ въ апрѣлѣ текущаго года при поднятіи на воздушномъ шарѣ на 8½ верстъ отъ земли. Но «жизнь помѣшала выполнить это доброе желаніе». Публика, горячо сочувствовавшая семействамъ ученыхъ, пожертвовавшихъ жизнію ради процвѣтанія науки, раскупила было всѣ билеты, но капризъ сильныхъ міра разрушилъ надежды и осиротѣлыхъ семействъ на щедрую помощь, въ которой они такъ нуждались. Это—одинъ фактъ изъ тысячи однородныхъ съ нимъ, возможныхъ повсюду. Да и такъ ли легко отказаться отъ нашихъ желаній, какъ это могутъ думать? Когда римскихъ рабовъ, въ послѣдній періодъ республики и при императорахъ, бросали въ добычу хищнымъ звѣрямъ, заставляли сражаться въ качествѣ гладиаторовъ, изобрѣтали для нихъ самыя жестокія наказанія и подвергали ихъ ужаснѣйшимъ пыткамъ по малѣйшему подозрѣнію въ стремленіи къ освобожденію отъ своихъ господъ, могли ли они не желать этого освобожденія, не смотря на всѣ непреодолимыя препятствія къ нему? Не чаще ли желанія наиболѣе

разжигаются въ насъ и усиливаются до послѣдней степени напряженности именно тогда, когда дѣйствительная жизнь выдвигаетъ массу самыхъ желѣзныхъ препятствій къ осуществленію ихъ? Съ другой стороны, развѣ мы меньше должны страдать отъ сознанія, что наши желанія невыполнимы, какъ скоро эти желанія въ насъ сильны? Конечно, тому лучше живется, чѣмъ желанія вполнѣ гармонируютъ съ наличными средствами къ ихъ удовлетворенію. Но можно ли найти такихъ людей, которыхъ желанія всегда и во всемъ соотвѣтствовали бы тому, что даетъ жизнь и можетъ дать? Не чаще ли наши желанія выступаютъ за предѣлы дозволеннаго и легко выполняемаго? Значить, съ этимъ вмѣстѣ и самыя страданія становятся болѣе и болѣе частыми и возможными въ нашей жизни. Нѣкоторые утилитаристы дѣлятъ наши желанія на естественныя и искусственныя, и утверждаютъ, что люди должны заботиться только объ удовлетвореніи первыхъ изъ этихъ желаній и что въ удовлетвореніи нашихъ нормальныхъ потребностей или желаній и состоитъ счастье. Но на это усталый, измученный страданіями плаватель по безбрежному житейскому морю можетъ, по справедливому замѣчанію одного изъ нашихъ знатоковъ философіи, отвѣтить утилитаристамъ слѣдующее: «дѣленіе потребностей на искусственныя и естественныя основано на вашемъ произволѣ, т.-е. естественными вы называете тѣ, которыя имѣете или оправдываете сами, а искусственныя, по вашему, всѣ тѣ, которыхъ вы не имѣете. Я имѣю такое же право называть естественными тѣ, которыя образовались у меня и безъ удовлетворенія которыхъ мнѣ жить тяжело. Нормы ваши также произвольны, выдуманы въ кабинетахъ путемъ ариметическихъ операцій надъ мертвыми числами, а я живой человѣкъ, каждую минуту подъ вліяніемъ безконечно разнообразныхъ условій мѣняющійся, потому для меня на каждую минуту должна быть составлена особая, именно только для этой минуты годящаяся норма. Да и кромѣ того въ вашихъ нормахъ вы далеко несогласны: одинъ рекомендуетъ одну, другой—другую». Съ другой стороны, гдѣ же предѣлъ, за который наши желанія отнюдь не должны переступать, если мы желаемъ быть счастливыми? Чѣмъ мы должны руководиться, подавляя одни желанія, какъ невыполнимыя при данныхъ условіяхъ жизни, и развивая другія насчетъ ихъ? Человѣкъ хочетъ жить

семейной жизнью и быть обеспеченнымъ на случай какой-либо невзгоды, между тѣмъ и эти желанія могутъ быть невыполнимы при данныхъ условіяхъ жизни. Неужели и съ этими желаніями человѣкъ долженъ распротистись и подавить ихъ въ себѣ? По Миллю именно такъ и выходитъ. Мы уже говорили, что Милль изъ экономическихъ видовъ требовалъ, чтобы бѣдные люди воздерживались отъ вступленія въ бракъ, и проэктировалъ полное политическое закабаленіе забытыхъ и бѣдныхъ людей богатыми и вліятельными особами. Наконецъ, не подкапывается ли подъ основныя требованія ученіе Милля о томъ, что люди должны отречься отъ такихъ желаній, которыхъ жизнь не въ состояніи удовлетворить? Вѣдь это ученіе весьма и весьма растяжимо и ведетъ съ необходимостью ко многимъ слѣдствіямъ весьма не высокаго качества. Женщина, лишенная всякихъ средствъ къ жизни утратою родителя или мужа, какъ, съ точки зрѣнія этого ученія, должна поступить въ томъ случаѣ, если развращенное общество закрываетъ ей всѣ другіе пути къ честному зарабатыванію необходимыхъ средствъ къ жизни и толкаетъ въ объятія грязныхъ и отвратительныхъ развратниковъ, которыхъ повсюду не мало, и которыхъ весь интересъ состоитъ въ совращеніи почему-либо сдѣлавшихся несчастными женщинъ съ честнаго пути? Съ точки зрѣнія ученія Милля о необходимости приспособленія къ наличнымъ условіямъ жизни, именно такъ должна поступить эта женщина, какъ требуютъ эти условія, т.-е. пожертвовать своимъ добрымъ именемъ и броситься въ омутъ разврата. Вѣдь приспособиться къ условіямъ жизни значитъ имѣть только такія желанія, которыя вполне удовлетворимы именно при этихъ условіяхъ. Заключение вполне естественное и законное, хотя бы личное нравственное чувство самихъ утилитаристовъ протестовало противъ такого исхода для женщины. Если данъ извѣстный принципъ, то какое мы имѣемъ право уклоняться отъ его неизбѣжныхъ логическихъ выводовъ? Пусть утилитаристы откажутся отъ самаго принципа, и тогда они могутъ по праву негодовать противъ тѣхъ, которые упрекаютъ утилитарное ученіе въ безнравственности. И такъ, еслибы мы и согласились съ Миллемъ, что для достиженія счастья необходимо отреченіе отъ такихъ желаній, которыхъ жизнь не въ состояніи удовлетворить, то необходимо должны были бы признать,

что это ученіе поощряетъ самыя пошлыя и гнусныя сдѣлки съ жизнью окружающей, а съ другой стороны, оно враждебно счастію всѣхъ тѣхъ, чьи желанія не гармонируютъ съ наличными условіями жизни. Счастіе становится возможнымъ лишь для людей крайне заурядныхъ и пошлыхъ, если только можно допустить, что ихъ желанія никогда не поднимутся выше наличныхъ условій жизни, а и это крайне сомнительно: и эти люди, добившись возможнаго, не могутъ убить въ себѣ желанія еще лучшаго, еще большаго... Какой же выводъ получается изъ нашего анализа предложеннаго Миллемъ опредѣленія понятія о счастіи?

Проницательный и глубокомысленный англійскій мыслитель, котораго сами утилитаристы считаютъ «лучшимъ истолкователемъ и непобѣдимымъ защитникомъ» утилитарнаго ученія, ничего, какъ оказывается, не сказалъ, кромѣ самыхъ общихъ и безсодержательныхъ фразъ, о томъ, какъ именно нужно понимать верховный принципъ утилитаризма. Въ чемъ же нужно искать причины этого обстоятельства? Не таковъ ли самъ по себѣ этотъ принципъ, что онъ устраняетъ всякую возможность къ точному и положительному опредѣленію его и допускаетъ непременно самыя произвольныя истолкованія его? По нашему мнѣнію, понятіе о счастіи даже неопредѣлимо. «Кромѣ общихъ мѣстъ, лишенныхъ всякаго значенія, объ немъ нельзя сказать ничего, замѣчаетъ Кавелинъ. Счастіе есть чувство, столько же различное, сколько есть людей на свѣтѣ, и столько же разнообразное, какъ впечатлѣнія, представленія и мысли, которыя живутъ въ человѣческой душѣ... Эвдемонизмъ предполагаетъ, что у людей есть одинъ идеалъ благополучія, а это возможно только въ первобытныхъ, мало развитыхъ и притомъ небольшихъ человѣческихъ обществахъ, да и то при крѣпкихъ нравахъ, сильномъ господствѣ обычая, составляющаго для всѣхъ членовъ общества предметъ непоколебимаго вѣрованія. Только такой идеалъ счастія можетъ имѣть очень опредѣленную положительную форму, хотя и здѣсь мыслимы у отдѣльныхъ, выдающихся изъ общаго уровня, лицъ ные идеалы. Когда всякій подъ счастіемъ разумѣетъ одно и то же, нѣчто весьма простое, опредѣленное и практически достижимое, эвдемонистическая теорія имѣетъ еще свой смыслъ, который хотя не выраженъ, но под-

разумѣвается. Но при сильно развитомъ индивидуализмѣ, въ обществѣ, гдѣ формы общежитія едва сдерживаютъ безконечно разнообразныя идеалы личнаго счастья, эвдемонизмъ, какъ теорія, есть безсмыслица, понятіе субъективное, подъ которое подходитъ все, что угодно». Это разнообразіе идеаловъ личнаго счастья и въ будущемъ отдаленномъ отнюдь не можетъ быть устранено. Невозможно даже мысленно представить, чтобы когда-нибудь, чрезъ нѣсколько тысячелѣтій и даже миллионъ лѣтъ, наступило такое время, въ которое весь человѣческій родъ до такой степени проникся тождествомъ воззрѣній, стремленій, симпатій и вкусовъ, чтобы каждая личность въ этомъ отношеніи походила на другую. Но только въ этомъ случаѣ и возможно согласіе и единство въ понятіи о счастьи. Всего меньше могутъ говорить объ этомъ позитивисты, мнящіе себя далекими отъ какихъ бы то ни было фантазій неоправдывающихся исторіей, опытомъ. Такимъ образомъ, полное и рѣшительное до противоположностей разногласіе въ пониманіи счастья никогда даже неустранимо. А если такъ, то не отрицается ли этимъ однимъ утилитарное ученіе въ самомъ своемъ основаніи? Это ученіе мечтаетъ указать общую и единую цѣль для всего человѣчества. Между тѣмъ эта общность и это единство превращаются въ чистѣйшій нуль, такъ какъ счастье люди всегда понимали, понимаютъ и будутъ понимать до противоположности разнообразно. Эта общность и единство въ сущности пустыя слова. На самомъ же дѣлѣ, благодаря различному до противоположностей пониманію счастья, люди и въ будущемъ будутъ стремиться къ такимъ цѣлямъ, изъ которыхъ однѣ находятся въ непримиримомъ антагонизмѣ съ другими. Достиженіе общаго счастья, о которомъ съ такимъ, повидимому, благороднымъ рвеніемъ говоритъ Милль, становится самой безсмысленной и непонятной въ позитивистъ фантазій. Мало того, главнымъ препятствіемъ къ достиженію этого общаго счастья является само утилитарное ученіе, несмотря на то, что оно поставляетъ цѣлью человѣческой жизни достиженіе не личнаго только, но и общаго счастья. Въ послѣдствіи мы съ надлежащей обстоятельностью и возможной доказательностью разовьемъ эту мысль. Въ настоящемъ же случаѣ ограничимся слѣдующимъ замѣчаніемъ. Утилитаризмъ, поставляя цѣлюю человѣческой жизни счастье, но нисколько не устраняя

хаоса въ пониманіи счастья, тѣмъ самымъ открываетъ широкій просторъ для самой ожесточенной борьбы между людьми изъ-за достиженія счастья, понимаемаго каждымъ по своему. Мы уже не говоримъ о томъ, что утилитаризмъ самъ безопадно поражаетъ себя, когда, указавши на счастье, какъ на единственную и конечную цѣль человеческой жизни, въ тоже время, какъ мы выше видѣли, въ самомъ опредѣленіи счастья отрицаетъ возможность достиженія его. Такимъ образомъ выходитъ, что человѣчество должно стремиться къ такой цѣли, которая рѣшительно недостижима. Можно ли безопадно подкапываться подъ самыя основанія защищаемаго ученія, какъ это дѣлаетъ Милль? Уже на основаніи этого одного мы затрудняемся даже признать утилитарное ученіе философской нравственной системой. Всѣ нравственныя ученія въ сущности стремятся отвѣтить на вопросъ: какъ ориентироваться человѣку среди разнообразныхъ и противорѣчивыхъ воззрѣній, симпатій, вкусовъ и стремленій, какіе изъ нихъ должны быть развиваемы съ подавленіемъ другихъ и къ какой общей цѣли должна быть направлена наша жизнь? Между тѣмъ общій принципъ утилитаризма таковъ, что онъ одинаково благопріятствуетъ всѣмъ этимъ разнообразнымъ и противорѣчивымъ вкусамъ, наклонностямъ и симпатіямъ и въ сущности не указываетъ чрезъ то общей цѣли человеческой жизни, хотя въ громкихъ и трескучихъ фразахъ распространяется о томъ, что эта цѣль—общее счастье человеческой жизни. Итакъ, анализъ опредѣленія понятія о счастьи, предложеннаго Миллемъ, приводитъ насъ къ слѣдующимъ выводамъ: а) понятіе Милля о счастьи, по крайней своей неопредѣленности, одинаково благопріятствуетъ воззрѣніямъ на счастливую жизнь всякаго рода людей, какъ бы они ни различались между собою по своему духовному складу и развитію; б) Милль, поставляя цѣлью человеческой жизни счастье, самъ колеблется признать достижимость этой цѣли. Но, быть можетъ, въ дальнѣйшемъ изложеніи Милль успѣлъ доказать, что 1) наибольшее счастье можетъ быть удѣломъ людей высшаго духовнаго развитія, а слѣдовательно чрезъ это утилитаризмъ получаетъ опредѣленный и вполнѣ возвышенный характеръ, и 2) что счастье достижимо, если подъ счастьемъ разумѣть что-либо болѣе опредѣленное, какія-нибудь положительныя реальности, пріобрѣтеніе опредѣленныхъ благъ. Послѣ

дуюмъ же за Миллемъ и посмотримъ, насколько ему удастся защита утилитаризма по этимъ важнѣйшимъ вопросамъ. Сперва мы постараемся оцѣнить, насколько тверда аргументація Милля въ пользу той мысли, будто бы наибольшее счастье составляетъ необходимую принадлежность людей, отличающихся высокимъ умственнымъ и художественнымъ развитіемъ и выдающихся безукоризненнымъ въ нравственномъ отношеніи характеромъ.

Вопросъ о томъ, что больше благопріятствуетъ счастливой жизни—высокія-ли духовныя качества человѣка или наоборотъ низкія, составляетъ въ высшей степени важный вопросъ. Будучи рѣшенъ въ благопріятномъ для утилитаризма смыслѣ, онъ самъ собою рѣшаетъ съ полной выгодой для этой моральной теоріи вопросъ: имѣютъ ли утилитаристы разумное основаніе для предпочтенія духовныхъ наслажденій и высшихъ полезностей передъ чувственными наслажденіями и низшими полезностями и въ чемъ именно поставять должны послѣдователи этой теоріи свое счастье? Въ противномъ случаѣ послѣдователямъ утилитаризма необходимо признать вѣрною мысль Дидро, что три вещи необходимы для наибольшаго человѣческаго счастья: именно хорошее пищевареніе, дурное сердце и отсутствіе совѣсти, и согласиться съ тѣмъ, что утилитарное ученіе само по себѣ рѣшительно не даетъ никакой точки опоры для предпочтенія духовныхъ и высшихъ благъ передъ всякими другими, склоняясь собственно на сторону тѣхъ удовольствій, которыя приходится по вкусу человѣку, какого бы низкаго сорта удовольствія эти ни были. Мы уже видѣли, какъ одинъ разъ не удалось Миллю доказать, будто утилитарная доктрина благопріятствуетъ высшимъ стремленіямъ человѣка. Не придется ли намъ убѣдиться теперь въ этомъ окончательно?

Кто же можетъ рассчитывать на наибольшее счастье въ жизни: тотъ ли, кто отличается высокимъ умственнымъ и художественнымъ развитіемъ, или напротивъ тотъ, кто очень мало развитъ во всѣхъ этихъ отношеніяхъ? Мы согласны были бы съ Миллемъ, еслибы онъ намъ доказалъ, что лица, принадлежащія къ первой категоріи, могутъ испытывать болѣе возвышенныя и чистыя наслажденія, чѣмъ люди послѣдней категоріи. Но Милль объ этомъ не говоритъ. Еслибы даже онъ и говорилъ, это ничего не значило бы: утилитаризмъ самъ по себѣ, какъ мы ви-

дѣли, не въ состояніи даже установить мѣрила для различенія удовольствій высшихъ отъ низшихъ. Милль утверждаетъ, что для людей, отличающихся высокимъ умственнымъ и художественнымъ развитіемъ, существуетъ гораздо больше возможности быть счастливыми. Умственное и художественное развитіе, говоритъ Милль, превращаетъ для человѣка въ неистощимый источникъ наслажденій все окружающее: и предметы природы, и произведенія искусства, и созданія поэзіи, и событія исторіи, и настоящія и прошедшія и будущія судьбы человѣчества. Такимъ образомъ, по ученію Милля, выходитъ, что серьезно развитые люди имѣютъ въ своемъ распоряженіи большій кругъ удовольствій и наслажденій, чѣмъ люди неразвитые. Повидимому, трудно не согласиться съ той мыслью англійскаго мыслителя, что наибольшее счастье—удѣлъ высоко развитыхъ людей. Но, при внимательномъ разсмотрѣніи дѣла, окажется, что мысль Милля имѣетъ лишь призракъ истины. Вопервыхъ, для людей, почерпающихъ наслажденіе въ мірѣ науки и искусства, не существуетъ тѣхъ многочисленныхъ и разнообразныхъ удовольствій, которыя услаждаютъ жизнь людей неразвитыхъ. Слѣдовательно здѣсь рѣчь можетъ быть не о томъ, что для истинно-развитыхъ людей область удовольствій раздвигается не сравненно шире, чѣмъ для людей неразвитыхъ, но о томъ только, что для первыхъ существуетъ свой кругъ наслажденій, а для послѣднихъ—свой. Именно вслѣдствіе того, что развитые люди отличаются какъ болѣе развитымъ вкусомъ, болѣе разборчивостью, болѣе требовательностью и даромъ строгой критики, кругъ пріятнаго для нихъ долженъ очерчиваться болѣе и болѣе тѣснымъ предѣломъ. Въ жизни и природѣ гораздо больше и чаще встрѣчаются всякаго рода посредственности, сносное, даже уродливое, чѣмъ противоположное всему этому. Къ этому нужно присоединить и тѣ неудовольствія, тѣ страданія, которыя существуютъ только для развитыхъ людей и которыя вызываются въ нихъ восторгомъ массы передъ посредственнымъ и даже пошлымъ. Значитъ, кругъ неудовольствій для развитыхъ людей расширяется насчетъ области наслажденій и восторговъ. Но этого мало. Понятія о наукѣ, искусствѣ слишкомъ общія, широкія понятія. При нынѣшней изумительной спеціализаціи научныхъ отраслей и постоянномъ рожденіи новыхъ и новыхъ научныхъ

специальностей даже для серьезно развитыхъ людей утрачивается всякая возможность основательнаго знакомства съ наиболѣе даже общими специальностями. Знакомство же это существенно необходимо для того, чтобы въ насъ сформировалась самая способность находить наслажденія въ этой сферѣ. Въ будущемъ этого рода наслажденія должны сдѣлаться еще болѣе трудными. Тоже нужно сказать и объ искусствѣ. Не всякій человекъ можетъ понимать всякаго рода художественныя произведенія. Развѣ мы не видимъ постоянныхъ примѣровъ того, что люди, извѣстные даже своими замѣчательными произведеніями въ одной области искусства, оказываются профанами въ другой? Такимъ образомъ кругъ наслажденій для серьезно-развитыхъ людей все болѣе и болѣе суживается, все тѣснѣе и тѣснѣе замыкается. Значитъ, Милль слишкомъ поспѣшилъ сказать, будто для людей, отличающихся высокими умственными и художественными развитіемъ, существуетъ наиболѣе широкій кругъ наслажденій, чѣмъ для противоположныхъ людей. Вопросъ уже сводится къ тому: кто болѣе, — а не больше, — удовольствія могутъ испытывать развитые или неразвитые люди? Но еслибы мы и вынуждены были отвѣтить, что болѣе удовольствія доступны развитому человеку, утилитаризмъ въ разсматриваемомъ вопросѣ еще ничего не выигралъ бы. Людямъ можетъ нравиться число удовольствій, а не относительная сила каждаго изъ нихъ. Между тѣмъ мы неимѣемъ никакихъ основаній утверждать, что болѣе удовольствія — достояніе развитыхъ людей. Ребенокъ испытываетъ самыя сильныя наслажденія отъ такихъ вещей, которыя взрослому рѣшительно не могутъ занимать. И еслибы мы могли взвѣсить и опредѣлить степень силы наслажденія, испытываемаго ребенкомъ отъ самыхъ пустыхъ вещей, то ни въ какомъ случаѣ не могли бы сказать, что ученый или художникъ испытываютъ такое же сильное наслажденіе отъ предметовъ, составляющихъ ихъ любимую специальность. Самая непосредственность дѣтей, живость ихъ воображенія и преобладаніе у нихъ чувства надъ рефлексіей способствуютъ преимущественной силѣ ихъ наслажденій. Ничтожная бездѣлушка, кукла, деревянный солдатикъ, цвѣтокъ, бабочка, раскрашенная яркими красками, какая-нибудь блестящая вещь, куча песку и т. п. приводятъ дѣтей въ такой неопписанный восторгъ, какого не переживаютъ

въ другой разъ люди, имѣющіе въ своемъ распоряженіи самыя высокія наслажденія. Точно также неразвитый взрослый человѣкъ можетъ приходить въ восхищеніе отъ какой-нибудь плоской шутки, глупой остроты, пошлой пѣсни, безобразной пляски, балаганнаго паясничества, какого-нибудь не замысловатаго фокуса, грубаго разсказа, игры на балалайкѣ и т. д. Сравнивая наслажденіе, получаемое какимъ-нибудь неразвитымъ человѣкомъ отъ этихъ вещей, съ наслажденіемъ развитаго человѣка отъ предметовъ противоположныхъ, мы отнюдь не скажемъ, что наслажденіе развитаго человѣка сильнѣе. Такимъ образомъ, рассматривая дѣло и съ этой стороны, мы не имѣемъ права утверждать вмѣстѣ съ Миллемъ, будто болѣе счастливы развитые люди. Но это только начало нашихъ недоумѣній, порожденныхъ смѣлыми утвержденіями Милля. Не нужно опускать изъ виду того, что тѣ наслажденія, которыя выпадаютъ на долю людей, отличающихся серьезнымъ умственнымъ и художественнымъ развитіемъ и образованіемъ, окупаются и достаются гораздо дороже, чѣмъ наслажденія неразвитыхъ и невѣжественныхъ людей. Предварительная умственная и художественная подготовка требуетъ, не говоря уже о денежныхъ средствахъ, усиленныхъ занятій, борьбы съ влеченіемъ къ бездѣятельности, съ разными неблагоприятными обстоятельствами и нерѣдко даже съ ближайшими родными, разнообразныхъ и многочисленныхъ пособій, временное даже отсутствіе которыхъ причиняетъ глубокую скорбь, и тому подобнаго. Высокая степень умственнаго и художественнаго развитія и образованія нигдѣ и никогда не давалась и не дается даромъ. Какую иногда тяжелую и мучительную школу долженъ бываетъ пройти человѣкъ, чтобы отдаться именно тѣмъ занятіямъ, къ которымъ онъ чувствуетъ свое призваніе! Искать наслажденія и вообще отрадныхъ минутъ въ умственной и художественной дѣятельности большей частью способны именно тѣ люди, которымъ пришлось въ прежніе годы больше жертвовать наукѣ или искусству и которые предварительно прошли тяжелую школу настойчиваго труда и упорной борьбы съ обстоятельствами. Нерѣдко самое здоровье надламывается въ этихъ людяхъ и это отравляетъ имъ жизнь... Но и воспитавши въ себѣ любовь къ наукѣ или искусству и вмѣстѣ съ нею способность къ высшимъ наслажденіямъ, ученые и художники не дѣлаютъ

чрезъ это самое для себя возможными одни лишь наслажденія даже въ области науки или искусства. Не нужно позабывать, что если они и получаютъ наслажденія отъ своихъ занятій, однакожь эти наслажденія сопутствуютъ не всѣмъ ихъ занятіямъ. Мгновенія научной или художественной дѣятельности, доставляющей наслажденія, напротивъ, весьма и весьма рѣдки. Имъ предшествуютъ и за ними слѣдуютъ иногда такія жгучія страданія, какихъ не знаетъ неразвитый человѣкъ. Если радуютъ ученаго или художника успѣхи въ ихъ научныхъ изысканіяхъ или художественномъ творествѣ, то не могутъ не заставлять ихъ глубоко и сильно страдать всякія неудачи. Мы разумѣемъ здѣсь не внѣшній успѣхъ, т.-е. отношеніе образованной публики къ ихъ трудамъ, но успѣхъ, состоящій въ совершенномъ достиженіи желанныхъ надеждъ на открытіе какой-либо истины, на вполне удовлетворительное воплощеніе во внѣшней формѣ предносящагося художнику идеала. Но развѣ можно не брать въ соображеніе и отношеній собратовъ по наукѣ и искусству къ произведеніямъ данныхъ ученыхъ и художниковъ и затѣмъ публики? Здѣсь открывается новый источникъ самыхъ тяжелыхъ страданій для художниковъ и ученыхъ. Критическіе отзывы разныхъ судей не могутъ естественно вызывать къ себѣ полное равнодушіе въ художникахъ и ученыхъ. Напротивъ, огромное большинство ихъ слишкомъ близко принимаетъ къ сердцу эти отзывы, хотя бы иногда они сами по себѣ не имѣли никакой цѣны. На Расина такъ сильно подѣйствовали не совсѣмъ благопріятные отзывы объ одной изъ лучшихъ его трагедій, что, несмотря на то, что авторъ былъ въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ и таланта, онъ рѣшился ничего болѣе не писать для театра. Великій художникъ неоднократно повторялъ своему сыну, что неудовольствія, причиняемыя ему самыми глупыми и нелѣпыми неблагоприятными отзывами, были всегда чувствительнѣе для него, чѣмъ удовольствія, доставляемыя самыми справедливыми и лестными похвалами. Всѣмъ извѣстна крайняя впечатлительность Вольтера къ самому легкому осужденію. Дунсиада Попэ останется на вѣчныя времена памятникомъ того, что самый изящный, самый сладкозвучный, самый совершенный изъ англійскихъ поэтовъ могъ быть оскорбленъ критическими отзывами самыхъ невѣжественныхъ и самыхъ презрѣяныхъ писателей. Грай, при

возвышенности Мильтона обладавшій изяществомъ и сладкозвучностью Попаэ,—поэтъ, которому, быть можетъ, слѣдовало только больше писать, чтобъ быть первымъ между англійскими поэтами, до того оскорбился гнусной пародіей на двѣ свои прекрасныя оды, что съ тѣхъ поръ небрался ни за одно серьезное произведеніе. Такого рода впечатлительность, по справедливому замѣчанію Адама Смита, встрѣчается такъ же часто между прозаиками, какъ и между стихотворцами. И что же гарантируетъ художниковъ и поэтовъ отъ недоброжелательныхъ отзывовъ, гнусныхъ интригъ и предательскихъ клеветъ?! Очевидно, чѣмъ наиболѣе крупнымъ талантомъ обладаютъ тѣ или другіе художники или поэты, тѣмъ больше они должны подвергаться самымъ крупнымъ несправедливостямъ. Всегда и повсюду художники и поэты, не исключая и литературныхъ тружениковъ, разбиваются на кружки, члены которыхъ находятся въ непримиримой враждѣ между собою и прибѣгаютъ ко всевозможнымъ средствамъ, чтобы привлечь расположеніе публики къ своей партіи и погубить противниковъ. Безчестные люди, готовые на всякую гадость, чтобы лишь повредить выдающимся лицамъ, одинаково встрѣчаются и между учеными. Они пускаютъ также въ ходъ самыя несправедливыя средства, чтобы вредить другъ другу. Скажутъ утилитаристы: нужно приспособляться къ окружающей средѣ и быть хладнокровнымъ къ тому, что высказывается объ насъ. Но всякій знаетъ, что легче давать совѣты, чѣмъ исполнять ихъ. Да и всегда ли пригодна, даже съ утилитарной точки зрѣнія, такая деревянность, если такъ можно выразиться, природы? Кого невозмущаютъ зложелательные отзывы, тотъ въ сущности не можетъ радоваться и въ виду похвалъ. Но чѣмъ меньше радостей у художника или ученаго, тѣмъ меньше онъ счастливъ. Далѣе могутъ сказать, что и дѣйствія и мнѣнія неразвитыхъ людей подлежатъ суду иногда самому несправедливому и безчестному. Совершенно вѣрно. Но, во первыхъ, болѣе развитые люди отличаются большей чувствительностью и впечатлительностью. То, надъ чѣмъ иногда только посмѣется неразвитый человѣкъ, развитаго можетъ глубоко возмущать. Во вторыхъ, совсѣмъ иное дѣло—лживый и зложелательный судъ, высказанный устно въ тѣсномъ кружкѣ и высказанный печатно, особенно если нѣтъ возможности разоблачить его. Но и разоблаченіе

клеветы или чего-нибудь подобнаго все-таки не освободить развитаго человѣка отъ самой ѣдкой скорби, причиняемой мыслью, что и въ средѣ образованныхъ людей возможны публичныя мерзости. Извѣстный своими добросовѣтными и талантливыми трудами ученый печатаетъ напр. статью о взаимноотношеніи между религіей и наукой, знаніемъ и вѣрою, какъ это взаимноотношеніе понимается и опредѣляется въ позитивизмѣ контовскомъ. Всякому читателю ясны тѣ требованія, съ которыми онъ, какъ судья, можетъ обратиться къ автору статьи. И что же? Вдругъ люди, нестѣсняющіеся въ средствахъ для собственнаго возвышенія на счетъ чужой репутаціи въ глазахъ читателей, начнутъ печатно навязывать автору статьи такія задачи, преслѣдовать которыя онъ даже не могъ въ данномъ случаѣ, поучать его въ такихъ вещахъ, которыя ему самому гораздо больше и лучше извѣстны, чѣмъ критику, подсмѣиваться надъ наивностями автора статьи, созданными недобросовѣстностью или невѣжествомъ критика, и вопрошать: «для кого и для чего пишутся такого рода статьи?» Конечно, такая недобросовѣстность или вопіющее непониманіе дѣла со стороны критика роняетъ только ту партію, къ которой онъ принадлежитъ, въ глазахъ серьезныхъ читателей, которыхъ, однакожь, вездѣ мало. Но спрашивается: не только этотъ ученый, но даже всякій человѣкъ, знакомый съ дѣломъ, можетъ ли не скорбѣть до глубины души за то общество, въ которомъ печатно продѣлываются такія возмутительныя вещи? Не вносятъ ли подобныя общественныя явленія такія страданія въ жизнь наиболѣе развитыхъ людей, какихъ (т.-е. страданій) вовсе не знаетъ человѣкъ, неимѣющій никакого отношенія къ печати? Но и независимо отъ недобросовѣстныхъ отзывовъ и невѣжественной критики, особенно люди, выдающіеся изъ общей массы яркими талантами или гениемъ, обречены на страданія, которыя, съ точки зрѣнія утилитарной морали, никакъ не могутъ выкупаться тѣми рѣдкими и мимолетными наслажденіями, которыя сопутствуютъ ихъ производящей, творческой дѣятельности. Съ этимъ согласны и мыслители и поэты. Мы считаемъ необходимымъ привести хоть два свидѣтельства этого рода. «Умъ, достаточно развитой, чтобъ упиваться духовными наслажденіями, безъ сомнѣнія,—говоритъ Лекки, имѣетъ передъ собою неисчерпаемый источникъ ихъ, но тотъ, кто изъ этого вывелъ бы заключеніе, что высшее

умственное совершенство есть положеніе, наиболѣе способствующее счастью, впаль бы въ непростительный обманъ. Болѣзненно нервная чувствительность, спутница усиленныхъ умственныхъ напряженій, мучительное и изнуряющее чувство незнанія и бесполезности труда, расслабленіе и упадокъ силъ—обыкновенные результаты глубокихъ изслѣдованій. Вотъ причины, почему въ литературѣ постоянно повторяются слова царственного мудреца: «гдѣ много мудрости, тамъ и много недовольства; кто скопляетъ знанія, тотъ скопляетъ и горе». Жизнь гениальныхъ людей по большей части ничто иное, какъ сознательное и хорошо обдуманное воплощеніе древняго сказанія: древо познанія и древо жизни стоять рядомъ, и эти люди предпочтительно избираютъ древо познанія передъ древомъ жизни». «Вамъ, говоритъ Гейне, простятъ все—богатство, знатность, красоту, вамъ простятъ даже дарованіе, но не простятъ гениальности. И, увы, если гениальному человѣку и посчастливится не встрѣчаться съ вѣшнимъ врагомъ, онъ тѣмъ не менѣе найдетъ въ самомъ себѣ врага, готовящаго ему погибель. Вотъ почему исторія великихъ людей—всегда мученическая легенда. Если они не страдаютъ за великое человечество, то страдаютъ за свою великую самобытность, за свое отвращеніе къ низкому, за свое недовольство среди тщеславной пошлости и хлопотливой мелочности своего существованія». Справедливость словъ этого мыслителя и этого поэта—Лекки и Гейне не подлежитъ никакому сомнѣнію. Чѣмъ развитѣе и способнѣе человѣкъ, тѣмъ выше его требованія по отношенію къ окружающей жизни и тѣмъ, слѣдовательно, больше и сильнѣе онъ долженъ страдать. Теорія приспособленія къ наличнымъ условіямъ жизни всего меньше приложима къ нимъ. Въ борьбѣ за существованіе, имѣющей мѣсто и среди человечества, одолѣвають, остаются въ выигрышѣ скорѣе всего люди посредственные, имѣющіе возможность приладиться къ окружающимъ условіямъ. До сихъ поръ, по справедливому замѣчанію Козлова, въ исторіи къ насущнымъ условіямъ всегда прилаживались люди рутины, люди узенькаго разчета, люди безъ особенной энергіи, безъ особенно выдающихся способностей. Они росли и множились, по аналогіи они же будутъ расти и множиться. Если лучшими назвать тѣхъ людей, которые боролись за умственные и нравственные интересы, то они, по большей части, гибли сами, да и потомство

ихъ ступшеывалось. Гдѣ потомки Шекспира, Мильтона, Ньютона, Локка, Юма, Байрона? Ихъ или нѣтъ, или они затерялись въ толпѣ, а между тѣмъ какіе-либо Смиты и Джонсоны плодятся да плодятся, распространяють свою породу по всѣмъ городамъ и весямъ Великобританіи. Гдѣ потомки Лютера, Кальвина, Гуса, Коперника, Декарта, Спинозы, Лейбница, Лессинга, Канта, Гете, Руссо и т. д.? Ихъ или нѣтъ вовсе, или опять таки затерялись въ толпѣ: Мюллеры и Шарли плодятся и множатся по Франціи и Германіи. Знаетъ ли кто у насъ въ Россіи внуковъ и правнуковъ Ломоносова—отца русской новѣйшей литературы и науки? Гдѣ сыновья Пушкина и Грибоѣдова? Гдѣ потомки Лермонтова и Гоголя? Ихъ мы не знаемъ, а на каждомъ шагу процвѣтають Ивановы, Петровы и Пѣловы. Это приспособленіе къ окружающей средѣ съ ея понятіями, нравами и складомъ жизни менѣе всего возможно для людей, отличающихся оригинальностью, самобытностью мысли и характера. Но именно эта оригинальность составляетъ отличительное качество всякаго наиболѣе талантливаго и въ особенности гениальнаго человѣка. Въ этой оригинальности и самобытности еобственно и заключаются главнымъ образомъ причины всѣхъ тѣхъ страданій и бѣдствій, которымъ подвергаются люди высокоталантливые, гениальные. Масса, которую всегда и вездѣ составляютъ люди посредственные и даже бездарные, не терпитъ людей, составляющихъ съ нею прямой и рѣзкій контрастъ по своимъ взглядамъ на вещи и стремленіямъ, пролагающихъ новые пути въ разнообразныхъ сферахъ чело-вѣческой жизнедѣятельности, провозглашающихъ новыя истины, дѣлающихъ крупныя и важныя открытія и т. д. Конечно, формы и виды этихъ страданій съ теченіемъ времени видоизмѣняются. Но отъ этого не становятся счастливѣе люди, опережающіе собою массу и невольны находящіеся въ антагонизмъ съ нею. Въ прежнее время ихъ въ извѣстныхъ случаяхъ подвергали варварскимъ пыткамъ и мучительной смерти, а теперь по клеветѣ или и по собственной винѣ ссылають ихъ въ каторжную работу или заключаютъ въ пенсильванскую тюрьму. Но можно ли сказать, что прежде больше страдали люди? Здѣсь все зависитъ отъ личнаго склада натуры и характера человѣка. Иной лучше готовъ перенести самыя жестокія страданія и мгновенную, хотя бы и жестокою смерть, чѣмъ свой невольный разрывъ съ близкими серд-

цу людьми, чѣмъ поставленное непреодолимое препятствіе къ дѣятельности на пользу общую, чѣмъ поруганіе его святыхъ убѣжденій, чѣмъ медленную моральную смерть въ заключеніи и т. д. «Кромѣ того, по справедливому замѣчанію одного ученаго, нужно принять въ расчетъ повышеніе впечатлительности въ нервной системѣ. Если судить о впечатлѣніяхъ по количеству и напряженности эффекта, т.-е. напримѣръ мышечнаго движенія или другихъ органическихъ отпавленій, то можно смѣло сказать, что ударъ бича, полученный древнимъ рабомъ, равенъ ругательному слову, выслушанному современнымъ европейскимъ пролетаріемъ. Еще не найденъ тотъ патометръ, которымъ бы можно было измѣрить и сравнить напряженность страданій, которыя чувствовалъ придворный Петра Великаго, когда его разгнѣванный государь попросту наказывалъ палкою, или какія чувствуетъ современный придворный, котораго недовольный современный монархъ наказываетъ сухимъ обращеніемъ или гнѣвымъ взглядомъ. Если эффекты одинаковы, т.-е. если оба придворные одинаково напр. впадаютъ въ тоскливое расположеніе духа, теряютъ сонъ, аппетитъ, занемогаютъ и т. п., то и впечатлѣнія, значить, равны, т.-е. ударъ дубиной равняется гнѣвному взгляду». Но мы скажемъ даже больше. Не рѣдко бываетъ, что человѣкъ гораздо охотнѣе перенесетъ бы самое жестокое физическое страданіе, чѣмъ публичное несправедливое замѣчаніе, злую насмѣшку, намѣренное отчужденіе дорогаго лица и т. д. Не видимъ ли мы примѣровъ того, какъ люди лишаютъ себя даже самой жизни изъ-за какого-нибудь оскорбленія, на которое другой не обратилъ бы никакого вниманія? Понятно, что такого рода слишкомъ чувствительные къ обидѣ люди не заслуживаютъ одобренія. Но это—другой вопросъ. Все дѣло въ томъ, что утилитаристы неимѣютъ никакихъ раціональныхъ основаній къ тому, чтобы утверждать, что современный или будущій человѣкъ, опережающій общество, долженъ страдать меньше, такъ какъ-де формы преслѣдованій и наказаній становятся якобы мягче, сниснѣе. Убивать человѣка можно, говорить христіанская церковь, не только мечемъ или другимъ какимъ-нибудь смертоноснымъ оружіемъ, но и словомъ. Глубоко-психологическій взглядъ на дѣло! Итакъ, хотя виѣшняя форма страданій и видоизмѣняется съ теченіемъ времени, однакожь сила страданій мо-

жеть современемъ даже еще увеличиваться. И эти страданія составляютъ неизбѣжный удѣлъ именно тѣхъ, относительно которыхъ Милль утверждаетъ, что на ихъ долю выпадаетъ наибольшее счастье. Всякаго рода новаторство сопряжено съ страданіемъ. Между тѣмъ новаторами обыкновенно бываютъ лица, наиболѣе талантливые, наиболѣе развитые, наиболѣе чувствительные въ тоже время къ наслажденіямъ и страданіямъ. Мы не будемъ говорить о тѣхъ ужасныхъ мученіяхъ и страданіяхъ, которыми ознаменовалось введеніе и распространеніе христіанства. Эти преслѣдованія и страданія непремѣнно въ той или другой степени составляютъ неизбѣжный удѣлъ всѣхъ тѣхъ, кто расходится такъ или иначе съ окружающей средой. Такъ, въ исторіи юриспруденціи терпѣли отъ феодаловъ средневѣковые юристы, проводившіе новый взглядъ на вопросъ о вѣнненіи при переходѣ отъ суда Божія къ римскому праву. Такъ и въ исторіи педагогики преслѣдовались обновители системъ воспитанія. Въ исторіи политическаго такта платились болѣе или менѣе всѣ предприниматели новыхъ политикъ: Решилье и Торквемада не могли даже пообѣдать безъ особыхъ предосторожностей и всю жизнь свою должны были быть на сторожѣ противъ заговоровъ. Преобразователи въ положительномъ правѣ или въ дѣйствительномъ бытѣ всегда терпѣли разныя страданія и тяжелыя неудобства своего положенія. Явленіе это такъ всеобщее, что оно не обходитъ и самихъ правителей, самихъ государей, самихъ власть имѣющихъ, которымъ, повидимому, страдать труднѣе, чѣмъ тѣмъ новаторамъ, которые имѣютъ противъ себя не только общество, но и самую власть. И однакожь, исторія Сервія Туллія, Юсифа II, Петра Великаго и т. д. не оставляетъ никакого сомнѣнія въ этомъ отношеніи. Но еще рѣзче законъ страданія сопутствуетъ обновленіямъ въ инстинктахъ обществъ, въ общественныхъ мнѣніяхъ. Самыя незначительныя уклоненія отъ дѣйствующаго общественнаго мнѣнія, отъ привычнаго инстинкта, словомъ отъ рутины, какъ напр. уклоненія даже отъ моды, отъ правилъ этикета, и тѣ наказываются всегда большимъ или меньшимъ страданіемъ. Что же касается уклоненій крупныхъ, не постепенныхъ, рѣзкихъ, внезапныхъ, крутыхъ, то они непремѣнно ведутъ за собою болѣе или менѣе тяжкую катастрофу для уклонившагося. Нѣтъ нужды до того, по справедливому замѣчанію

Стронина, уклонился ли онъ въ сторону заблужденія или въ сторону истины: законъ страданія равно неумолимъ и въ томъ и въ другомъ случаѣ, и уклоненіе истинное карается еще строже, чѣмъ ложное. Въ самомъ меньшемъ случаѣ эта кара есть презрѣніе, небреженіе, невниманіе общественное, которое всегда поражаетъ творчество бесплодностью, бесполезностью, ненужностью. Такъ, на примѣръ, наказанъ былъ великій Рожеръ Бэконъ въ 13 вѣкѣ за то, что слишкомъ предвосхитилъ истины Бэкона Веруламскаго, Галилея, Коперника, Бертольда Шварца. Публика преслѣдовала Рожера Бэкона грубымъ и невѣжественнымъ подозрѣніемъ въ колдовствѣ и считала его черно книжникомъ, а правительство воспрещало ему преподаваніе, запирало его въ келью, сажало въ тюрьму на цѣлые десять лѣтъ и т. д. Такъ-то тяжело, по замѣчанію Бокля, слишкомъ упреждать вѣкъ свой. Но хорошо еще, если упрежденіе это обходится только такъ дорого, какъ здѣсь. Въ другихъ случаяхъ оно оцѣнивается самой высшей цѣной, какая только есть для человѣка, — жизнью человѣческой. Такъ, на примѣръ, заплатили за свои уклоненія Сократъ, Генуцій, Манлій Капитолійскій, Арнольдъ Брестанскій. Савонаролла, Гуссъ и множество другихъ лицъ. Точно также какъ новаторы страдаютъ и лица, пропагандирующія ихъ идеи, ихъ ученіе. Тутъ уже страдаютъ не единицы, а значительныя количества людей, отличающихся большимъ развитіемъ сравнительно съ другими людьми и большей воспримчивостью къ новымъ идеямъ и потому скорѣе переходящихъ на сторону провозглашающихъ какія-либо изъ этихъ идей. Пропаганда, даже самая незначительная, непременно требуетъ множества жизней и личностей, множества годовъ, а иногда даже многихъ вѣковъ и поколѣній. Такимъ образомъ оказывается, что именно на долю наиболѣе выдающихся своими талантами людей выпадали и выпадаютъ наибольшія страданія. Но природа вещей не представляетъ, говоритъ Милль, намъ ни малѣйшаго основанія предполагать невозможнымъ, чтобъ высокая степень умственного развитія сдѣлалась общимъ достояніемъ *всѣхъ*, рожденныхъ въ цивилизованной странѣ. А если съ этимъ нельзя не согласиться, то мы должны признать, что съ одной стороны, умственные и художественныя наслажденія сдѣлаются доступными для *всѣхъ* въ одинаковой степени, а съ другой стороны, и самыя страданія,

испытывавшіяся выдающимися людьми вслѣдствіе низменнаго и грубаго состоянія другихъ, должны исчезнуть. Мы скорѣе должны признать эти соображенія Милля: прекрасной, утѣшительной мечтой, чѣмъ дѣльными и основательными разсужденіями. Во-первыхъ, что это за природа вещей, о которой говоритъ Милль? Если онъ имѣетъ въ виду природу человѣка, какова она сама по себѣ, по своей идеѣ, то о такой природѣ всего меньше можетъ и долженъ говорить послѣдовательный пѳизивистъ. Мы знаемъ человѣческую природу, какою она обнаруживается въ жизни и дѣятельности отдѣльныхъ индивидуумовъ и коллективныхъ человѣческихъ организмовъ, каковы народы и т. п. Но опираясь на наши свѣдѣнія о человѣческой природѣ, добытыя тысячелѣтнимъ опытомъ, имѣемъ ли мы хоть малѣйшее основаніе предположить возможность осуществленія мечтаній Милля? Неравенство, существующее въ настоящее время между развитыми и неразвитыми людьми, никогда неисчезнетъ: оно формально только можетъ видоизмѣняться. Пока безграмотные и неразвитые люди будутъ подниматься до того уровня, на которомъ стоятъ современные наиболѣе развитые люди, эти послѣдніе не стануть же стоять на одномъ мѣстѣ и успѣютъ уйти очень далеко. Но это еще вопросъ: могутъ ли теперешніе безграмотные и невѣжественные люди даже въ цивилизованныхъ странахъ достигнуть такого умственнаго и художественнаго развитія, о какомъ говоритъ Милль? Вѣдь это развитіе не ниспадаетъ же къ нимъ, какъ манна съ неба. Предполагается, что они должны собственнымъ трудомъ и собственными средствами пріобрѣсти его. Но кто же за теперешній рабочій и земледѣльческій классъ будетъ отбывать тѣ труды, которыя онъ несетъ? Кто за него будетъ нести государственныя и общественныя повинности? Кто обезпечитъ, далѣе, рабочій и земледѣльческій классъ въ матеріальномъ отношеніи на все то время, пока онъ не достигнетъ желаемой Миллемъ степени умственнаго и художественнаго развитія? Кто пробудитъ въ народѣ стремленіе къ такому именно умственному и художественному образованію, при которомъ единственно возможно сознательное и невольное предпочтеніе умственныхъ и художественныхъ наслажденій всякимъ другимъ? Обыкновенно и люди образованные посвящаютъ себя наукѣ въ огромномъ большинствѣ случаевъ по такимъ по-

бужденіямъ, которыя съ наукою имѣютъ очень мало общаго. Мало ли также такихъ художниковъ, которыя занимаются искусствомъ, рѣшительно не изъ-за любви къ искусству взявшись за него. Эти ученые и эти художники большей частью ищутъ наслажденій не въ наукѣ или искусствѣ, а въ такихъ вещахъ, которыми пробавляются и обыкновенные смертные. Для нихъ наука—официальный парадный мундиръ, доходная статья, павлиньи перья, не болѣе. Но наука доставляетъ наслажденіе только тѣмъ, кто вступаетъ въ ея область съ чистымъ сердцемъ, горящимъ любовью къ ней ради нея самой. Тоже самое нужно сказать и объ искусствѣ. Значить, и изъ среды такъ-называемыхъ просвѣщенныхъ людей лишь самое ничтожное число умѣетъ и можетъ находить наслажденіе въ наукѣ или искусствѣ. Да если бы въ народѣ и была пробуждена такая любовь, то какъ бы она удовлетворялась? Для удовлетворенія такой любви потребны такія условія, какія рѣшительно невозможны, какое бы отдаленное будущее мы ни взяли въ соображеніе. Но независимо отъ всего этого мы въ правѣ спросить: можно ли предположить, что нѣкогда совершенно исчезнетъ различіе между людьми, какъ болѣе способными, менѣе способными и совсѣмъ не способными? настанетъ ли когда-нибудь такое время, когда между людьми установится полное согласіе и единство во всемъ ихъ міровоззрѣніи и во всѣхъ ихъ симпатіяхъ и вкусахъ? На эти вопросы возможенъ лишь безусловно отрицательный отвѣтъ, поскольку онъ будетъ основываться на несомнѣнныхъ научныхъ аналогіяхъ, а не на фантастическихъ предположеніяхъ. вмѣстѣ съ этимъ исчезаетъ возможность наступленія такого времени, когда стали бы невозможны тѣ страданія высокоталантливыхъ и гениальныхъ людей, о которыхъ, т.-е. страданіяхъ, мы говорили выше. Итакъ, какъбы ни фантазировали утилитаристы въ лицѣ Милля, мы должны сказать, что съ одной стороны, наслажденія въ области науки и искусства существуютъ для самаго ограниченаго круга людей, а съ другой стороны, впереди и за этими наслажденіями будутъ всегда слѣдовать и такія страданія, какихъ не знаетъ масса, все остальное заурядное человѣчество. Этотъ законъ непреложенъ. Какъ бы ни смягчались, повидимому, внѣшнія условія жизни, въ которыхъ могутъ находиться лучшіе представители человѣческаго рода и какъбы ни прогрессировала масса

въ своемъ развитіи, соотвѣтственно этому могутъ возвышаться и идеалы и требованія отъ жизни со стороны выдающихся людей, а равно не могутъ не возникать новыя идеи, не дѣлаться новыя открытія и т. д., которыя не по плечу современнымъ поколѣніямъ и которыя слѣдовательно будутъ стоять виновникамъ ихъ глубокихъ и тяжкихъ страданій.

Теперь остается намъ рассмотреть отношеніе между добродѣтелью и счастьемъ. Вопросъ объ отношеніи между добродѣтелью и счастьемъ въ исторіи развитія нравственныхъ ученій рѣшался различными моралистами различно. Одни, именно эвдемонисты, утверждали, что добродѣтель и счастье тѣснѣйшимъ образомъ связаны между собою, причемъ счастье разсматривалось, какъ слѣдствіе добродѣтели. Само собою разумѣется, что это—наиболѣе серьезныя изъ моралистовъ этой школы. Другіе представители ея не стѣснялись высказать, что счастье скорѣе всего пріобрѣтается тѣми людьми, которые не особенно стѣсняются нравственными требованіями, и что слѣдовательно счастье и добродѣтель находятся въ нѣкоторомъ антагонизмѣ между собою. Въ новѣйшее время моралисты, примыкающіе по своему направленію къ эвдемонизму, въ лицѣ нѣкоторыхъ изъ своихъ представителей, просто даже отождествляютъ понятія о добродѣтели и счастья въ томъ смыслѣ, что по ихъ ученію выходитъ, что добродѣтельный человѣкъ не можетъ не быть счастливымъ: сказать, что такой-то человѣкъ счастливъ, значитъ этимъ самымъ сказать, что онъ добродѣтеленъ, и наоборотъ. Эту мысль въ новѣйшее время проводили какъ нѣкоторые философы, напр. Шеллингъ, Спиноза и другіе, такъ и нѣкоторые западные богословы, какъ напр. Шварцъ, Круготтъ, Михаелисъ, Больцани, Меллеръ и другіе. Большинство представителей такъ-называемаго религіознаго утилитаризма высказывалось въ томъ смыслѣ, что повиновеніе и полное подчиненіе божественной волѣ неразлучно съ земнымъ счастьемъ, что Провидѣніе въ здѣшней еще жизни награждаетъ всяческими благами добродѣтель и т. д. Кантовская школа моралистовъ, по своимъ понятіямъ о взаимоотношеніи между добродѣтелью и счастьемъ, представляетъ рѣзкую противоположность съ философскимъ и богословскимъ эвдемонизмомъ или улититаризмомъ. Хотя Кантъ и не отрицалъ того, что совершеннѣйшая добродѣтель требуетъ и соотвѣтственнаго ей

счастія, однакожь онъ вовсе не допускалъ мысли, что въ настоящей жизни добродѣтель имѣеть своимъ спутникомъ и прямымъ слѣдствіемъ счастье. По Канту гармонія между совершеннѣйшей добродѣтелью и счастьемъ достигается лишь въ будущей жизни. Но этого недостаточно сказать о кантовскомъ взглядѣ на вопросъ относительно взаимоотношенія между добродѣтелью и счастьемъ. Кантъ училъ, что стремиться къ добродѣтельной жизни изъ-за надежды на счастье, на удовольствія и наслажденія значитъ не уважать добродѣтели, не понимать ея и даже разрушать. Какое же изъ этихъ двухъ противоположныхъ возрѣній на взаимоотношеніе между добродѣтелью и счастьемъ, между добрымъ дѣйствіемъ и наслажденіемъ болѣе справедливо? Вѣрнѣ ли то мнѣніе, по которому добродѣтельный человѣкъ испытываетъ больше наслажденій въ своей жизни и вообще наиболѣе счастливъ, или мнѣніе, составляющее съ этимъ прямую противоположность? Милль защищаетъ первое мнѣніе. Не касаясь пока вопроса о томъ, возможна ли истинная и дѣйствительная добродѣтель, какъ скоро человѣкъ стремится къ ней въ надеждѣ на полученіе наслажденія (съ этимъ вопросомъ мы встрѣтимся ниже и дадимъ на него должный отвѣтъ), мы остановимся на рѣшеніи вопроса: добродѣтельная ли жизнь или противоположная ей жизнь болѣе гарантируетъ приобрѣтеніе того, что Милль ставитъ въ числѣ необходимыхъ суррогатовъ счастливой жизни, именно: матеріальную обезпеченность, здоровье, расположеніе окружающихъ лицъ, внутреннее душевное спокойствіе, солидарность съ окружающимъ обществомъ, дорогія сердцу личныя привязанности: дружескія, семейныя и т. д. Мы уже достаточно говорили, что счастье понимается каждымъ по своему. Уже это одно свидѣтельствуетъ весьма сильно противъ мысли, будто добродѣтель условливаетъ собою наибольшее счастье: многіе такъ понимаютъ счастье, что добродѣтель можетъ служить самымъ главнымъ препятствіемъ для этихъ людей къ достиженію счастья. Утилитаризмъ нисколько не выплываетъ въ томъ случаѣ, что, утверждая тѣсную связь между добродѣтелью и счастьемъ, онъ имѣеть въ виду не просто счастье, а наибольшее счастье, которое и по Миллю достигается лишь при посредствѣ добродѣтели. Наибольшее счастье, по Миллю, какъ мы видѣли, есть преобладаніе въ жизни наслажденій. Но эти много-

численные и многообразныя наслажденія доступны скорѣе всего людямъ невысокой нравственности, отличающимся неразборчивостью въ качественномъ достоинствѣ наслажденій и гоняющимся лишь за ихъ разнообразіемъ и многочисленностью. Добродѣтельный можетъ испытывать самыя высокія удовольствія. Это несомнѣнно. Но въ устахъ утилитариста слова: «высокія, низкія удовольствія» не болѣе какъ пустые звуки, лишены всякаго смысла. Да и какое дѣло послѣдователю утилитарнаго ученія до этихъ высокіхъ удовольствій, когда ему дорого количество удовольствій и ихъ, такъ-сказать внѣшній размѣръ? Но станемъ на точку зрѣнія самого Милля и посмотримъ: добродѣтель ли благопріятствуетъ наибольшей матеріальной обезпеченности, здоровью и другимъ суррогатамъ счастливой жизни, или напротивъ, нравственно невысокій характеръ? Разсуждая же объ этомъ, мы должны имѣть въ виду положеніе добраго человѣка не среди какихъ-то идеальныхъ, не встрѣчающихся въ дѣйствительности людей, какъ это ради своихъ цѣлей дѣлаютъ фальшивящіе защитники утилитаризма, но среди такихъ людей, каковы они бываютъ на самомъ дѣлѣ по свидѣтельству исторіи и современнаго наблюденія. При этомъ условіи мы должны неизбѣжно придти къ выводамъ, разрушительнымъ для утилитарнаго ученія. Въ самомъ дѣлѣ, уже не разъ высказывалось самыми лучшими знатоками жизни, что «въ свѣтѣ только тотъ и счастливъ, кто умѣетъ искусно обдѣлывать разныя дѣла и хитро приспособляться къ окружающимъ обстоятельствамъ». Недавно, какъ пишутъ, знаменитый канцлеръ прусской имперіи, препрославленный Бисмаркъ, какъ-то проговорился, что человѣкъ, обладающій извѣстными моральными недостатками, гораздо скорѣе можетъ рассчитывать на большій успѣхъ въ жизни, чѣмъ люди, отличающіеся всѣми возможными добродѣтелями. Биографъ Бисмарка при этомъ замѣчаетъ, что самъ пресловутый объединитель Германіи выдвинулся, именно благодаря этимъ недостаткамъ: хитрости, притворству, фальши, умѣнью выбирать средства, очень мало заботясь о томъ, насколько они нравственны. И относительно матеріальной обезпеченности въ жизни выигрываютъ тѣ, кто очень искусно умѣютъ эксплуатировать ближнихъ, не церемонятся въ выборѣ средствъ, отличаются силой и беззащитной предприимчивостью, не прибѣгаютъ къ суду совѣсти, рѣ-

шаясь на что-либо и совершая какую-нибудь житейскую операцію. Начиная съ какихъ-нибудь фокусниковъ, этихъ отщепенцевъ общества, и оканчивая журналистами, этими руководителями общественнаго мнѣнія, ловкіе и беззащитные люди въ жизни имѣютъ большій успѣхъ на всѣхъ поприщахъ общественной дѣятельности и бездѣятельности (поприща общественной бездѣятельности, нерѣдко оплачивающейся весьма дорого, спеціально и существуютъ для ловкихъ людей, и создаются ими самими). Знаменитые французскіе фокусники, какъ напр. Лорамусъ, Луассе и др., извѣстные своимъ громаднымъ состояніемъ, обогатились сравнительно съ другими фокусниками, именно благодаря своей крайней нравственной легкости, своей необыкновенной способности приспособляться къ обстоятельствамъ, своей изворотливости и т. под. Лорамусъ, бывший сперва бѣднякомъ, кончаетъ тѣмъ, что онъ каждый день получалъ дохода отъ 2,500 до 3,000 франковъ. И какія только средства не употреблялъ этотъ человѣкъ, чтобы пожинать лавры въ жизни? Напр. онъ, благодаря своей ловкости и умѣнью прилаживаться къ людямъ, плѣняетъ сердце красавицы Лодоиски, женится на ней и превращаетъ ее въ самую выгодную доходную статью. Между тѣмъ какъ ловкіе и нестѣсняющіеся въ средствахъ для достиженія богатства люди изъ среды фокусниковъ даже дѣлаютъ въ жизни такіе блестящіе успѣхи,—лица, отличающіеся развитымъ нравственнымъ чувствомъ, даже не рѣшатся взяться за это ремесло, при помощи котораго эксплуатируются карманы ближнихъ и люди безъ всякой церемоніи тунеядствуютъ, проводя жизнь въ праздности и развращая невѣжественную массу. Точно также ловкій и практичный журналистъ всегда сумѣетъ доставить большій успѣхъ своему журналу и тѣмъ создать себѣ состояніе, чѣмъ журналистъ, понимающій свое важное служеніе обществу и ни за какія блага нерѣшающійся угождать извращеннымъ вкусамъ публики, льститъ ея заблужденіямъ, поддѣлываясь подъ духъ времени и проповѣдывая то, что въ ходу, что имѣетъ значеніе моды. Кто сколько-нибудь знакомъ съ исторіей иностранной и русской журналистики и съ современными явленіями въ области ея, тотъ знаетъ, что для наибольшаго успѣха того или другаго журнала не столько нужны всесторонняя и глубокая образованность его дѣятелей, трезвость ихъ убѣжде-

ній, постоянство во взглядахъ на вещи и неподкупная правдивость, сколько умѣнье постигнуть потребности извѣстнаго кружка читающей публики, тонко льстить ей, ратовать за нее, когда даже она заслуживаетъ полнаго осужденія, умѣло подрывать достоинство другихъ журналовъ, самоувѣренно рассуждать обо всемъ, угадывать измѣненія, совершающіяся въ общественномъ мнѣннн, и т. д. Конечно, разные журналы въ разныхъ обществахъ имѣютъ успѣхъ, опредѣляющійся какими-либо специфическими причинами. Иной журналъ старается поддѣлаться къ сильному міра, намѣренно отрываетъ въ библиотечныхъ архивахъ какіе-либо труды, нужные для закрѣпленія какойнибудь выдыхающей и бессмысленной традиціи, добивается разныхъ официальныхъ субсидій, осаждаеть сильныхъ міра сего просьбами о содѣйствіи распространенію журнала, накидывается на другіе журналы съ упреками въ либерализмъ и т. д. Иной журналъ поддѣлывается всячески къ аристократическому кружку въ странѣ, другой—къ демократическому, третій—къ либераламъ, четвертый—къ консерваторамъ и т. д. Существовали и существуютъ и такіе журналы, которые ухитряются угождать самой разнохарактерной публикѣ. Чѣмъ искуснѣе и находчивѣе умѣютъ руководители того или другаго журнала прилаживаться къ наличнымъ условіямъ жизни, тѣмъ больше вообще они выигрываютъ. Положеніе журнала, руководители котораго всего меньше думаютъ о томъ, какъ бы приладиться къ разнымъ обстоятельствамъ, и заботятся единственно о распространеніи въ обществѣ началъ правды, истины и добра, никогда не будетъ наиболѣе выгоднымъ. Въ пользу этой мысли свидѣтельствуетъ вся исторія журналистики, сколько мы съ нею знакомы. Думать же, что въ будущемъ этотъ законъ измѣнится радикально, значитъ позабывать, что людямъ не суждено быть ангелами на землѣ. Мы не будемъ говорить о другихъ поприщахъ дѣятельности, обезпечивающихъ человѣку его матеріальное благосостояніе. Вездѣ, по нашему глубокому убѣжденію, выигрываетъ ловкій, а не истинно-нравственный человѣкъ, который готовъ скорѣе лишиться жизни, чѣмъ продѣлывать такія безобразія для своего матеріальнаго обезпеченія, на какія и въ наше просвѣщенное время рѣшаются многіе даже изъ такъ-называемыхъ образованныхъ, развитыхъ людей. Намъ могутъ замѣтить, что люди, без-

честными средствами составляющіе себѣ состояніе, нерѣдко не только клеймятся судомъ общественнаго мнѣнія, но и преслѣдуются судебнымъ порядкомъ. Но, вопервыхъ, есть люди, которые вполне презираютъ это общественное мнѣніе и, прислушиваясь къ нему, продолжаютъ обдѣлывать свои дѣла. Во вторыхъ, общество, вмѣсто презрѣнія, нерѣдко даже удивляется наиболѣе выдающимся эксплуататорамъ ближнихъ и возводитъ ихъ въ идеалъ для подражанія. В третьихъ, въ самомъ обществѣ, проникнутомъ мыслию лишь о наживѣ, о матеріальныхъ благахъ и выгодахъ, понятіе о чести ослабѣваетъ или до крайности извращается. В четвертыхъ, подвергаются суду лишь наименѣе искусные эксплуататоры ближнихъ. В пятыхъ, громадныя средства, пріобрѣтенныя человѣкомъ, большею частью выносятся его на свободу изъ самыхъ стѣснительныхъ обстоятельствъ. В шестыхъ, развѣ мы не видимъ грустныхъ примѣровъ на нашихъ судахъ, что судьи, выросшіе и воспитавшіеся въ обществѣ, нравственныя основы котораго не особенно крѣпки, очень часто выносятъ оправдательный приговоръ такимъ лицамъ, которые должны бы понести на себѣ всю тяжесть законной кары. Наконецъ, не всегда нужна какая-нибудь особенная поразительная безчестность для успѣха: большей частью для этого нужна просто нѣкоторая легкость нравственная. Скажутъ: нажитое недобросовѣстными средствами и проживается легко. Но всегда ли и даже часто ли это бываётъ? Большею частью умѣютъ беречь деньги именно люди, специально занимающіеся эксплуатаціей ближнихъ, между тѣмъ какъ добродѣтельные люди и свое состояніе растрчиваютъ на помощь разнымъ бѣднякамъ и нищимъ. Но, говоритъ Милль, добродѣтельный счастливѣе въ томъ отношеніи, что онъ, вмѣсто матеріальныхъ благъ, можетъ исключительно обладать такимъ важнымъ для счастья духовнымъ благомъ, какъ душевный миръ, бывающій результатомъ спокойной совѣсти. Однакожь, къ чему же утилитаризмъ во главѣ условій счастливой жизни поставяетъ матеріальное довольство? Душевное спокойствіе, разсуждая съ утилитарной точки зрѣнія, хорошо тогда, когда при этомъ человѣкъ не чувствуетъ мучительныхъ приступовъ голода или не видитъ вокругъ себя жены и дѣтей, живущихъ въ холодной и сырой конурѣ, оборванныхъ и голодающихъ. Въ противномъ случаѣ не будетъ ли возму-

щаемо и подавляемо самое это душевное спокойствіе? Семейныя привязанности и дружескія, на которыя указываетъ Милль, не послужать ли въ этомъ случаѣ для добродѣтельнаго источникомъ новыхъ и сильныхъ страданій? Добрый человѣкъ скорѣе самъ одинъ готовъ переносить скорби и лишенія, чѣмъ видѣть страдающими другихъ. Онъ готовъ облегчить горькое положеніе семьи и друзей и найти въ этомъ отраду для себя, но не въ состояніи. Не новыя ли страданія съ этимъ начинаются у него? Конечно, добрая жена и добрыя дѣти готовы по возможности бодро переносить свои лишенія и не дадутъ чувствовать главѣ семьи своихъ страданій. Но развѣ это его всегда облегчитъ и утѣшитъ? Не скорѣе ли самая эта кроткая терпѣливость и молчащее страданіе порой должны камнемъ ложиться на сердце его и удесятерять его страданія? Да часто ли случается въ жизни такое счастливое совпаденіе характеровъ всѣхъ членовъ семьи, что мужъ имѣетъ добрую жену, отецъ добрыхъ дѣтей? Въ дѣйствительной жизни строй семейныхъ отношеній далеко не завиденъ. Умному человѣку рѣдко попадается соотвѣтствующая ему жена. То же самое нужно сказать и о добромъ. Кто тутъ виновать? Это другой вопросъ. Біографія самого Милля свидѣтельствуетъ, какое значеніе для счастливой жизни имѣетъ хорошая жена. Значитъ, если добродѣтельный человѣкъ не имѣлъ случая встрѣтиться съ доброй женщиной и связалъ свою судьбу съ такой, которую никакія благія успія не въ состояніи привести въ гармонію съ мужемъ, тогда для него перенесеніе тягостей и лишній жизни становится въ нѣсколько разъ труднѣе. А дѣти? Сколько горя и непріятностей привносятъ часто честному и благородному отцу дурныя дѣти, надъ исправленіемъ которыхъ онъ напрасно трудится? Несомнѣнно, счастливъ тотъ человѣкъ, совѣсть котораго не запятнана никакимъ преступленіемъ. Но, во первыхъ, не нужно позабывать, что угрызенія совѣсти возможны въ совѣстливомъ, тонко чувствующемъ человѣкѣ. Напротивъ, человѣкъ, привыкшій къ дурнымъ дѣламъ и не думающій о нравственномъ достоинствѣ своей жизни и своихъ дѣйствій, больше тревожится и страдаетъ, когда почему-нибудь ему не удаются его планы, чѣмъ тогда, когда онъ сознаетъ нравственную преступность своихъ дѣйствій. Тѣмъ болѣе это нужно сказать о людяхъ, выступающихъ въ жизнь съ един-

ственнымъ желаніемъ искать собственнаго счастія. Для нихъ дурной поступокъ долженъ собственно заключаться въ какой-нибудь неудачѣ, въ какой-либо опрометчивости при стремленіи къ благополучію, какъ бы они его ни понимали и въ чемъ бы ни поставляли. Вотъ ихъ, не слѣдуетъ опускать изъ виду, что нравственное совершенство, предполагающее отсутствіе угрызений совѣсти, составляетъ лишь идеаль, недостижимый въ здѣшней жизни. Бѣлая нравственная развитость, отличающая извѣстныхъ людей, необходимо бываетъ сопряжена съ бѣлой чуткостью ихъ совѣсти къ малѣйшимъ ненормальностямъ, допущеннымъ человѣкомъ не только въ дѣйствіяхъ, но и въ самыхъ затаенныхъ душевныхъ движеніяхъ. При этомъ укору совѣсти ощущаются гораздо сильнѣе, чѣмъ ея одобренія. Значить, страданія совѣсти скорѣе возможны въ людяхъ добрыхъ, чѣмъ порочныхъ. Встрѣтыхъ, нужно имѣть въ виду, что борьба съ дурными наклонностями и влеченіями, большей частью весьма сильными и упорными, предполагающаяся необходимо во всякомъ добродѣтельномъ человѣкѣ, сопровождается такими страданіями, которыя неизвѣстны тѣмъ, кто идетъ на сдѣлки съ порокомъ и удовлетворяетъ своимъ склонностямъ и влеченіямъ. Скажутъ: дурной человѣкъ своимъ образомъ жизни, заключающимся въ сластолюбіи и распутствѣ, можетъ разрушать свое здоровье и чрезъ то дѣлать злосчастною свою жизнь. Здоровье же, и по Миллю, стоитъ въ числѣ главныхъ принадлежностей счастливой жизни. Но развѣ крѣпость здоровья еще при рожденіи дается тѣмъ людямъ специально, которые современемъ будутъ отличаться высокими нравственными качествами? Развѣ болѣзни посѣщаютъ только тѣхъ людей, которые ведутъ дурную жизнь? Въ жизни бываетъ весьма часто, что лучшіе въ нравственномъ отношеніи люди отъ природы обладаютъ хилымъ тѣломъ и умираютъ отъ самыхъ злыхъ болѣзней преждевременно, между тѣмъ какъ дурные люди обладаютъ такимъ желѣзнымъ организмомъ, который не надламывается при самой безобразной жизни. Несомнѣнно, что неумѣренное сладострастіе и другіе пороки не могутъ не служить причиною разрушенія здоровья. Но слѣдуетъ ли изъ того, чтобы добродѣтельная жизнь необходимо сопряжена была съ цвѣтущимъ здоровьемъ? Вовсе нѣтъ. Порочный человѣкъ можетъ такъ расчетливо удовлетворять своимъ сла-

столюбивымъ и другимъ наклонностямъ, что нисколько не повредитъ своему здоровью, между тѣмъ какъ добродѣтельный самымъ своимъ воздержаніемъ отъ удовлетворенія извѣстныхъ своихъ наклонностей и борьбою съ ними можетъ иногда сильно ослаблять свое здоровье. Такимъ образомъ оказывается, что нѣтъ необходимой связи и между здоровьемъ и добродѣтельной жизнью. Но, въ такомъ случаѣ, почему бы утилитаристъ сталъ предпочитать добродѣтель? — Не болѣе ли обезпечиваетъ добродѣтель расположеніе ближнихъ къ доброму человѣку и его солидарность съ окружающимъ обществомъ? Несомнѣнно, что постоянная честность, правдивость, дѣятельная любовь къ другимъ и тому подобныя нравственные качества вызываютъ расположеніе и почтеніе къ обладающимъ ими. Но не видимъ ли мы въ то же время, что это расположеніе и это почтеніе еще чаще выпадаютъ на долю тѣхъ, которые умѣютъ маскироваться такъ сказать въ разныя возвышенныя добродѣтели, отнюдь не обладая ими? Есть люди, которые выдаютъ себя гуманными, справедливыми и т. д., до такой степени искусно драпируясь въ эти добродѣтели, что развѣ самыя близкія лица узнаютъ настоящія ихъ качества и успѣваютъ заглянуть въ ихъ душу съ ея черствымъ эгоизмомъ и фальшивостью. Эти-то послѣднія лица собственно и благоденствуютъ въ жизни. Подъ прикрытіемъ добродѣтели они весьма успѣшно осуществляютъ разныя свои своекорыстныя намѣренія и эксплуатируютъ окружающее ихъ общество. Но люди, отличающіеся дѣйствительной любовью къ людямъ, неподкупной честностью и неизмѣнной справедливостью, обыкновенно встрѣчаютъ ожесточенную вражду противъ себя и нерѣдко положительныя преслѣдованія. Тотъ, кто дѣйствительно любитъ своихъ ближнихъ, душу свою готовъ положить за нихъ. Поэтому онъ не потерпитъ угнетенія слабыхъ и такъ или иначе встанетъ на защиту ихъ. Человѣкъ строгой и неизмѣнной правдивости не смолчитъ тогда, когда ложь и клевета пятнають чье бы то ни было доброе имя. Человѣкъ справедливый на самомъ дѣлѣ не вынесетъ нарушенія правъ его ближнихъ и не приминетъ тѣмъ или другимъ способомъ положить конецъ безправію или по крайней мѣрѣ неостанется безъ энергическаго протеста. Такіе люди, для которыхъ исполненіе добра составляетъ задачу жизни, могутъ очень мало на-

слаждаться и очень жестоко страдать самымъ различнымъ образомъ. Солидарность съ обществомъ для нихъ скорѣе всего можетъ состоять въ борьбѣ съ самимъ же этимъ обществомъ за нравственное и умственное перевоспитаніе его. Но кто идетъ на упорную борьбу съ обществомъ во имя истины и добра и энергично ведетъ ее, путь того бываетъ усыпанъ не пвѣтами а терніемъ. Эти люди, нося въ своей великой душѣ глубокую скорбь, поражаемую нестроеніемъ и зломъ общественнымъ, въ своей жизни испытываютъ гоненія и преслѣдованія со стороны того самого общества, которое они такъ пламенно любятъ и благо котораго такъ близко ихъ сердцу....

Мы съ достаточной обстоятельностью разсмотрѣли мысль Милля о томъ, что наибольшее счастье, будто бы, составляетъ удѣлъ людей, отличающихся высокимъ умственнымъ, художественнымъ и нравственнымъ развитіемъ. Нашъ совершенно безпристрастный анализъ необходимо приводитъ насъ къ тому убѣжденію, что утилитарное ученіе, каковымъ даже представляется оно у Милля, рѣшительно не въ состояніи доказать необходимую и постоянную связь между высшими духовными качествами человѣка и наибольшимъ счастьемъ. Не можемъ не замѣтить, что самъ Милль до такой степени не увѣренъ въ томъ, чтобы существовала *постоянная и необходимая* связь,—а въ ней то и вся суть дѣла,—между высокимъ умственнымъ, художественнымъ и нравственнымъ развитіемъ и наибольшимъ счастьемъ, что то онъ усиливается доказать существованіе этой связи, то позволяетъ тутъ же себѣ высказывать такія мысли, которыми прямо отрицается эта связь. Такъ, онъ говоритъ: «чѣмъ большими способностями одаренъ человѣкъ, тѣмъ большее требуется для его счастья, тѣмъ сильнѣе чувствуются имъ страданія и тѣмъ самыя эти страданія его многостороннѣе». Но въ такомъ случаѣ, къ чему же эти усилія доказывать недоказуемое? Не лучше ли было бы прямо сознаться, что утилитарное ученіе оставаясь самимъ собою и не заимствуясь отъ болѣе серіозныхъ моральныхъ системъ, никакъ не въ состояніи оправдать и объяснить съ своей точки зрѣнія необходимость предпочтенія высшихъ благъ предъ низшими? Милль сперва, какъ мы знаемъ, указывалъ на голосъ развитыхъ людей въ пользу высшихъ благъ и въ немъ надѣялся указать основаніе для оцѣнки на-

слаженій по ихъ качественному достоинству и для предпочтенія духовныхъ наслаженій и высшихъ полезностей передъ чувственными наслаженіями и низшими полезностями. Но и тутъ онъ не могъ не видѣть всей бесплодности попытокъ установить, съ утилитарной точки зрѣнія, мѣрило для оцѣнки удовольствій въ качественномъ отношеніи. Но если по поводу этой своей попытки онъ могъ сказать, хотя и несправедливо, слѣдующее: «я вовсе не думаю утверждать, что, высказанное мною мнѣніе по вопросу о качественности удовольствій имѣло такое значеніе, что его принятіе или непринятіе необходимо должно влечь за собою пріятіе или непріятіе и самаго утилитарнаго принципа», то въ настоящемъ случаѣ Милль никакъ не можетъ этого сказать. Если утилитаризмъ безсиленъ доказать, что наибольшее счастье составляетъ прямое и естественное достояніе болѣе развитыхъ людей въ умственномъ, художественномъ и нравственномъ отношеніяхъ, то что же это за безобразное нравственное ученіе, которое нетолько индифферентно къ тому, какъ и чѣмъ наслаждаются люди, лишь бы они наслаждались, но даже склоняется несомнѣнно въ пользу низшихъ стремленій и инстинктовъ человѣческихъ? Пусть по личному вкусу сторонники утилитарнаго ученія стоятъ за высшія наслаженія, но съ точки зрѣнія основнаго его принципа нѣтъ ни высшихъ, ни низшихъ удовольствій: существуютъ лишь болѣе сильныя и болѣе чистыя наслаженія, и однакожъ они—достояніе не людей, отличающихся высокимъ умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ. Этотъ выводъ роняетъ утилитарное ученіе въ самомъ его основаніи, какъ это ученіе излагается Миллемъ. На вопросъ что именно благопріятствуетъ наибольшему счастью, утилитаризмъ долженъ отвѣтить: умственная и художественная неразвитость съ нравственной легкостью характера. Что же это за нравственная система? Кому она нужна?

(Продолженіе въ слѣд. книжкѣ).

А. Гусевъ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ИЗЪ ЖИЗНИ ВОСТОЧНЫХЪ ЦЕРКВЕЙ.

Миръ церкви іерусалимской, нарушенный низложеніемъ патріарха Кирилла и возведеніемъ на каѳедру патріарха Прокопія, нельзя считать возстановленнымъ съ удаленіемъ послѣдняго отъ дѣлъ правленія и избраніемъ киръ Іероодея. Хотя новый патріархъ былъ, согласно желанію членовъ іерусалимскаго синода и большинства братства Гроба Господня, утвержденъ высокою портою въ должности, но христіане Палестины заявили было, что они не признають киръ Іероодея своимъ патріархомъ. Новый патріархъ занялъ впрочемъ свою каѳедру, не встрѣтивъ никакого противодѣйствія со стороны мѣстнаго населенія. Можетъ быть арабы Палестины нынѣ подчинятся силѣ обстоятельствъ и перестанутъ до извѣстнаго времени волноваться, но ихъ спокойствіе, вѣроятно, не будетъ продолжительно. Положеніе, въ которое ихъ ставитъ новый органической регламентъ іерусалимской церкви, столь же неудовлетворительно для нихъ какъ и прежде.

Этотъ регламентъ предоставляетъ попрежнему всю церковную власть въ рукахъ греческаго духовенства, которое въ лицѣ патріарха и синода, состоящаго изъ шести архіереевъ и девяти архимандритовъ, управляетъ всѣми дѣлами іерусалимской церкви и завѣдываетъ всѣми принадлежащими ей имуществами и заведеніями. Мѣстному арабскому населенію дано, правда, право участія въ избраніи патріарха, но это право столь маловажно, что пользуясь имъ, арабы не могутъ имѣть никакого вліянія на вы-

боры. Арабскіе священники, призываемые по одному изъ каждой епархіи въ избирательное собраніе, участвуя въ составленіи каталога кандидатовъ на патриаршую кафедру, могутъ лишь внести въ оный своего кандидата, но окончательное избраніе патриарха изъ назначенныхъ кандидатовъ находится въ рукахъ греческаго духовенства. Архіереи выбираются и назначаются исключительно синодомъ. Такой порядокъ вещей не удовлетворяетъ палестинскихъ христіанъ желающихъ возвратиться къ прежнимъ временамъ, когда іерусалимская церковь управлялась мѣстнымъ духовенствомъ находившимся въ живой постоянной связи съ населеніемъ страны и согласовавшимъ свои дѣйствія съ его желаніями и нуждами.

Вотъ какъ изъясняютъ свои желанія и доказываютъ неправильность нынѣшнихъ отношеній къ нимъ греческаго духовенства арабы Палестины.

«Мы ¹⁾, говорятъ они, составляемъ народъ и духовенство іерусалимской кафедры, а патриархъ и архіереи—наши пастыри не имѣютъ безъ насъ ни гражданскаго, ни религіознаго существованія. За нами должно поэтру признать на основаніи канонъ право участія въ ихъ избраніи и назначеніи. Мы законно владѣли этимъ правомъ въ лицѣ нашихъ предковъ, во множествѣ населявшихъ Палестину и отличавшихся своимъ благочестіемъ. Мы пользовались имъ также въ послѣдствіи, когда число ихъ вслѣдствіе историческихъ причинъ уменьшилось и когда, несмотря на постигшія насъ бѣдность и униженіе, мы наслаждались миромъ и спокойствіемъ подъ руководствомъ истинныхъ пастырей полагающихъ душу за овцы, потому что они были отъ насъ, знали насъ какъ своя овцы, и мы знали ихъ и шли за ними по указываемому ими пути православной вѣры. Раскройте страницы древней и новѣйшей церковной исторіи и прослѣдивъ какъ происходило въ древнія времена избраніе патриарховъ и архіепископовъ въ константинопольскомъ, александрійскомъ, антиохійскомъ и іерусалимскомъ патриархатахъ, сравните его съ нынѣшнимъ порядкомъ выборовъ въ трехъ первыхъ

¹⁾ См. въ газетѣ *Βυζαντίς* отъ 31-го мая статью подъ заглавіемъ *Το σήθημα τῶν ἐν Παλαιστίνῃ ὀρθοδόξων* написанную отъ лица палестинскихъ христіанъ.

патріархатахъ и съ порядкомъ, котораго нѣкоторые требуютъ для іерусалимскаго. Прочтите исторію нашей іерусалимской церкви, прослѣдите дѣянія патріарховъ и архіереевъ, ихъ жизнь и дѣйствія въ сферѣ религіи и церкви и, положа руку на сердце, скажите, оставались ли чуждыми ихъ дѣйствіямъ въ этой сферѣ мѣстное населеніе и духовенство Палестины, были ли они, какъ нѣкоторые утверждаютъ, совершенно безгласными и безучастными въ дѣлахъ церкви предоставляя все въ этихъ дѣлахъ благоусмотрѣнію своихъ патріарховъ и архіереевъ, и не было ли наконецъ въ іерусалимской церкви того священнаго союза взаимной во Христѣ любви, который соединяетъ въ другихъ мѣстахъ пастырей съ паствами».

«Изъ исторіи повѣствующей о жизни и дѣлахъ патріарховъ и архіереевъ іерусалимской церкви мы знаемъ, что послѣдніе прежде не навязывались силой своимъ паствамъ, но выбирались мѣстнымъ духовенствомъ съ участіемъ народа, и что они были истинными отцами и пастырями этого народа, соединявшими свою судьбу съ судьбой ихъ словеснаго стада. Мы знаемъ, что пока наши предки говорили и писали на греческомъ языкѣ, что продолжалось до четырнадцатаго вѣка, наши патріархи и архіереи писали и говорили на томъ же языкѣ. Когда же арабскій языкъ взялъ перевѣсъ надъ греческимъ, вслѣдствіе переселенія многихъ племенъ изъ Аравіи въ Палестину, то духовенство и народъ послѣдней, равно какъ избираемые ими патріархи и архіереи, стали по примѣру сирійскихъ христіанъ говорить и писать на арабскомъ языкѣ. Мы узнаемъ также, что предки наши, хотя и приняли арабскій языкъ, не слились, однако, по народности съ переселенцами изъ Аравіи, сохранивъ собственную народность подъ названіемъ *ромеовъ*, какъ это видно изъ крисуллы дарованной султаномъ Селимомъ I іерусалимскому патріарху Атталѣ, или Дороею въ 1518 году. Вслѣдствіе сего они смотрѣли на православныхъ *ромеовъ* въ остальныхъ областяхъ государства какъ на своихъ соплеменниковъ, принимали ихъ, когда они пріѣзжали на поклоненіе святымъ мѣстамъ, какъ братьевъ, и считали *ромеискихъ* монаховъ и *іеромонаховъ* своими, почему иногда и выбирали изъ нихъ своихъ патріарховъ и архіереевъ. Такое избраніе было на примѣръ въ 1538 году, въ лицѣ патріарха Германа, въ 1579 году въ лицѣ патріарха Со-

Фронія и въ 1608 году въ лицѣ патріарха Теофана, которые были уроженцами Пелопонеза. Названные іерархи возведены были на патріаршую кафедру общимъ избраніемъ духовенства и народа іерусалимской церкви. Изъ нихъ патріархъ Германъ, желая послѣ сорокапятилѣтняго патріаршества сложить съ себя правленіе, созвалъ къ себѣ духовенство города Іерусалима и почетнѣйшихъ лицъ изъ народа и, объяснивъ имъ свое желаніе удалиться отъ дѣлъ, поручилъ имъ избрать ему преемника, что они и сдѣлали, выбравъ на его мѣсто патріарха Софонія. Послѣдній, патріаршествовавъ 29 лѣтъ, подалъ въ отставку въ 1608 году также предъ собраніемъ духовенства и народа іерусалимскаго. Преемникомъ его избранъ былъ патріархъ Теофанъ, который по 37 лѣтнемъ правленіи умеръ въ 1645 году въ Константинополѣ. По смерти его, пребывавшіе въ этомъ городѣ монахи изъ монастыря Гроба Господня, въ числѣ пяти, самовольно приступили къ избранію новаго патріарха и, содѣйствіемъ сильнаго въ то время молдавскаго князя Василія, настояли, чтобы патріархомъ назначенъ былъ настоятель монастыря Галата, что въ Яссахъ, Паисій. Мѣстное духовенство и народъ воспротивились этому неправильному избранію, но принуждены были уступить насилію, видя вліяніе и рѣшительность новаго патріарха. Это нарушеніе законнаго порядка повело ко многимъ другимъ, въ ущербъ правамъ іерусалимскаго народа. Патріархъ Паисій обратилъ іерусалимское патріаршество въ монастырь, въ который ввелъ монаховъ и іеромонаховъ изъ ромеовъ другихъ областей. Послѣдніе, принявъ въ свои руки управленіе іерусалимскою церковію, устранили отъ него мѣстное духовенство и народъ. Съ того времени они одни стали управлять іерусалимскою церковію, они одни рукополагались архіереями, составляли синодъ, они одни представляли іерусалимскую церковь. Имѣя въ виду упрочить свое господство, они приняли за правило не допускать мѣстныхъ христіанъ въ свое общество. Если кто изъ послѣднихъ желалъ принять монашеское званіе, то онъ долженъ былъ выселиться изъ Палестины, такъ какъ здѣсь ему было невозможно поступить въ какой-либо монастырь. Этотъ порядокъ вещей продолжался до временъ патріарха Кирилла. При выборахъ этого патріарха, происшедшихъ въ 1845 году, православному духовенству и народу Палестины было возвращено преж-

нее право участія въ избраніи своего духовнаго начальника. Это подало было христіанамъ Палестины надежду, что прежняя исключительная система будетъ отмѣнена. Въ послѣдствіи однако оказалось, что патріархъ Кириллъ не былъ къ тому приготовленъ. По изложеніи этого патріарха, монахи Гроба Господня, ни во что не ставя правъ мѣстнаго духовенства и народа, выбрали одни патріархомъ архіепископа Газы, киръ Прокопія, что возбудило всеобщее негодованіе среди христіанъ Палестины и заставило ихъ не признать этого избранія. Палестинскіе христіане принуждены были обратиться къ правительству Высокой Порты и къ великой константинопольской церкви съ просьбой о покровительствѣ и защитѣ противъ горсти притѣсняющихъ ихъ иностранныхъ монаховъ».

Изъ этого сдержаннаго заявленія желаній палестинскихъ христіанъ можно всякому убѣдиться, что если люди нынѣ управляющіе судьбами іерусалимской церкви не позаботятся объ удовлетвореніи ихъ въ извѣстной степени, то происходящія съ нѣкотораго времени въ этой церкви волненія не прекратятся, хотя и могутъ по временамъ затихать.

Новый іерусалимскій патріархъ, киръ Іерооей, бывшій до его избранія повѣреннымъ братства Гроба Господня въ Смирнѣ, выѣхалъ изъ этого города для слѣдованія въ Іерусалимъ 15-го іюня. Предъ своимъ выѣздомъ, онъ отправился, въ сопровожденіи духовенства Смирны, въ церковь, гдѣ, по совершеніи молебствія, сказалъ прощальное къ жителямъ города слово. Въ отвѣтъ на его слово были произнесены два другія, первое однимъ изъ учителей евангельской школы, а другое однимъ изъ мѣстныхъ священниковъ. Вслѣдствіе протеста арабовъ Палестины и нѣсколькихъ архимандритовъ Гроба Господня противъ избранія кира Іерооея, Высокая Порта въ началѣ не спѣшила дать ему свое формальное утвержденіе въ должности, почему на первый разъ ему послано было лишь визирское письмо позволяющее ему отправиться въ Іерусалимъ для занятія своего мѣста. но чрезъ нѣсколько времени послѣ того новому патріарху отправленъ былъ также формальный султанскій берать. Киръ Іерооей прибылъ въ Іерусалимъ 23-го іюня, встрѣченный тамъ съ подобающими ему почестями. Такъ какъ онъ предъ его избраніемъ находился въ санѣ архимандрита, то 29-го іюня было совершено рукоположеніе его въ архіерея.

Въ первыхъ числахъ іюня скончался одинъ изъ архіереевъ іерусалимскаго престола, тиверіадскій митрополитъ, киръ Нектарій, принимавшій дѣятельное участіе въ низложеніи патріарха Кирилла и потомъ бывший главой движенія противъ патріарха Прокопія. Какъ утверждаютъ нѣкоторыя изъ константинопольскихъ газетъ, онъ имѣлъ въ виду при этихъ волвленіяхъ лишь занять іерусалимскую кафедру и, не успѣвъ въ томъ, умеръ съ горести. Изъ его имущества, восходившаго, какъ говорятъ, до 140,000 рублей, найдена была по его смерти весьма незначительная часть. Прочее было расхищено окружающими его людьми.

Одинъ изъ вопросовъ наиболѣе занимавшихъ въ послѣднее время великую константинопольскую церковь — есть такъ-называемый аѳонскій вопросъ, возбужденный опасеніями грековъ касательно цѣлей пребыванія русскихъ монаховъ на Аѳонѣ. Благодаря поверхностному взгляду и разглагольствіямъ большей части греческихъ газетъ, между греками распространилось мнѣніе, что русскіе монахи поселяющіеся на Аѳонѣ служатъ цѣлямъ панславизма и что если противъ нихъ не будетъ принято нужныхъ мѣръ, они мало-по-малу захватятъ въ свои руки всѣ аѳонскіе монастыри и тѣмъ не только лишатъ грековъ древняго отеческаго наслѣдія, но и ускорятъ подавленіе эллинизма въ окружающихъ Аѳонъ странахъ. Греческіе монахи на Аѳонѣ, подстрекаемые изъ Аѳинъ и Константинополя, воздвигли всеобщее гоненіе противъ своихъ русскихъ братій, оспаривая у нихъ права и имущества законно ими пріобрѣтенныя. Вражда греческихъ монаховъ противъ русскихъ преимущественно обнаружилась въ монастырѣ св. Пантелеймона, гдѣ русскіе монахи, благодаря своему числу и собираемымъ ими въ пользу монастыря пожертвованіямъ, пользовались большимъ вліяніемъ. Живущіе въ этомъ монастырѣ греческіе монахи, упуская изъ виду, что монастырь, прежде находившійся въ упадкѣ и крайней нищетѣ, былъ приведенъ русскими монахами въ самое цвѣтущее состояніе и ими одними содержался, вознамѣрились въ началѣ прошлаго года или совершенно выгнать ихъ изъ монастыря или по крайней мѣрѣ лишить ихъ всякаго участія въ управленіи обители и держать ихъ въ полномъ себѣ подчиненіи. Причиняя русскимъ непрестанныя неприятели и грозя съечь самый мо-

настырь, они успѣли было захватить въ свои руки печать монастыря и организовать въ немъ согласное своимъ видамъ управленіе. Русскіе монахи жаловались на своеволие и нарушеніе порядка со стороны грековъ сначала аеонскому протату, засѣдающему въ Кареѣ, и потомъ, когда послѣдній обнаружилъ явное въ дѣлѣ пристрастіе, великой константинопольской церкви. Къ послѣдней должны были обратиться, объяснивъ дѣло по своему, также греческіе монахи. Согласное съ ихъ стремленіями рѣшеніе карейскаго протата обнадеживало ихъ, что и высшая церковная инстанція приметъ ихъ сторону. Жалуясь константинопольской патріархіи, русскіе монахи объяснили, что, вслѣдствіе поселившейся между обоими братствами вражды, вслѣдствіе различія между ними по языку, народности и нравамъ, имъ невозможно будетъ впредь жить въ одномъ и томъ же монастырѣ съ сохраненіемъ согласія и любви, вслѣдствіе чего просили высшую церковную власть, чтобы она раздѣлила монастырь св. Пантелеймона на двѣ половины и дозволила имъ занять одну изъ нихъ на правахъ отдѣльнаго монастыря. Принявъ жалобы того и другаго братства, великая церковь положила, что для водворенія мира и порядка въ монастырѣ св. Пантелеймона должно ввести въ оный новый уставъ, обязательный для обѣихъ сторонъ. Обсужденіе этого устава должно было происходить въ общихъ засѣданіяхъ обоеихъ учрежденій патріархата, священнаго синода и народнаго смѣшаннаго совѣта, который, по органическому регламенту, долженъ участвовать въ разсмотрѣніи всѣхъ не имѣющихъ исключительно духовнаго характера дѣлъ. Священный синодъ и народный совѣтъ сочли за лучшее прежде всего разсмотрѣть уставъ выработанный для монастыря св. Пантелеймона протатомъ въ Кареѣ и исправить его, но убѣдившись, что этотъ уставъ, прямо направленный противъ русскихъ, не удовлетворяетъ цѣли, оставили его въ сторонѣ и приступили къ составленію новаго устава. При обсужденіи третьей статьи и проекта новаго устава, касавшейся вопроса о народности игумена, между членами обоеихъ учрежденій патріархата возникъ большой разладъ. Одни изъ членовъ находили лучшее обойти нынѣ вопросъ о народности игумена и рѣшить его при обсужденіи общаго для всѣхъ аеонскихъ монастырей устава, а другіе настаивали, чтобы онъ былъ теперь же рѣшенъ. Первое

мнѣніе поддерживалось большинствомъ членовъ, а за второе стояли лишь пять свѣтскихъ членовъ принадлежащихъ къ крайней греческой партіи произведшей болгарскій расколъ и желающей расторгенія союза вѣры соединяющаго грековъ съ славянами. Послѣ продолжительныхъ преній между обѣими сторонами, отозвавшихся также въ печати, постановлено было, согласно мнѣнію большинства, отложить вопросъ о народности игумена монастыря св. Пантелеймона до разсмотрѣнія общаго аѳонскаго устава. Несогласные съ этимъ рѣшеніемъ пять свѣтскихъ членовъ протестовали и пытались запальчивыми статьями въ газетахъ возбудить народъ противъ патріарха и большинства членовъ синода и совѣта, дабы провести свое мнѣніе, и не успѣвъ въ томъ, отказались участвовать въ обсужденіи устава, что должно было, по ихъ расчету, поставить въ затруднительное положеніе патріарха и большинство членовъ собранія и сильнѣе подѣйствовать на народныя страсти. Но народъ остался спокойнымъ, и патріархъ скорѣ замѣстилъ упорныхъ членовъ народнаго совѣта новыми лицами. Послѣ этого синодъ и народный совѣтъ приступили снова къ обсужденію устава для Пантелеймоновскаго монастыря. Узнавъ, однако, что нѣкоторые изъ аѳонскихъ монаховъ оспаривающіе верховную власть патріархата надъ Аѳономъ агитируютъ въ этомъ смыслѣ среди всего аѳонскаго монашества, они должны были прекратить свои занятія по этому предмету, дабы скорѣе приготовить общій аѳонскій уставъ, въ которомъ опредѣляются права монастыря и ихъ отношенія между собою и къ великой константинопольской церкви, причемъ разработку вопроса о Пантелеймоновскомъ монастырѣ возложили на особую смѣшанную комиссію, состоящую изъ трехъ синодальныхъ архіереевъ и двухъ свѣтскихъ членовъ народнаго совѣта. Этой комиссіи было поручено прежде всего подробно изучить вопросъ о Пантелеймоновскомъ монастырѣ и представить мнѣніе, можетъ ли быть успѣшно улажена распря между обоими братствами введеніемъ въ монастырь новаго устава, или требуются для водворенія мира между ними другія средства. Согласно съ даннымъ ей порученіемъ комиссія, изслѣдовавъ всѣ относящіяся къ дѣлу документы, разсмотрѣвъ взаимныя обвиненія греческихъ и русскихъ монаховъ и допросивъ представителей тѣхъ и другихъ, пришли къ убѣжде-

нію, что водворить между ними миръ введеніемъ новаго устава невозможно и что необходимо ихъ раздѣлить и въ этомъ смыслѣ составила свой докладъ. Послѣдній былъ прочтенъ въ общемъ собраніи синода и народнаго совѣта бывшемъ 18-го прошлаго іюня. Выслушавъ докладъ, члены собранія не могли тогда, за недостаткомъ времени, обсудить мнѣніе комиссіи. Въ слѣдующемъ однако засѣданіи, происшедшемъ 30-го іюня, священный синодъ и народный совѣтъ, рассмотрѣвъ соображенія на коихъ основывала комиссія свое мнѣніе о раздѣлѣ монастыря, отвергли оное и постановили, чтобы оба братства попрежнему жили соединенно въ одномъ и томъ же монастырѣ и приступили къ новому избранію игумена.

Въ поясненіе послѣдняго постановленія о новомъ избраніи игумена должно сказать, что около полутора мѣсяца тому назадъ, въ монастырѣ св. Пантелеимона произошло событіе, которое произвело сильную тревогу въ рядахъ крайней греческой партіи. 10-го мая умеръ игумень этого монастыря, столѣтній старецъ Герасимъ, который управлялъ обителью сорокъ пять лѣтъ и котораго равно уважали какъ русскіе, такъ и греки, хотя въ послѣднее время, вслѣдствіе крайняго пзнеможенія тѣлеснаго и ослабленія умственныхъ силъ, онъ былъ страдательнымъ орудіемъ виновниковъ раздора между двумя братствами. По смерти его, братія монастыря должна была подумать объ избраніи ему преемника. Но относительно этого среди оной возникло новое несогласіе. Тогда какъ одна часть находила нужнымъ немедленно приступить къ избранію новаго игумена монастыря, другая требовала отсрочки избранія до рѣшенія вопроса о будущемъ положеніи обители великою церковью. Къ первой принадлежали всѣ русскіе монахи, къ которымъ присоединились кромѣ болгаръ и благоразумнѣйшіе изъ грековъ, а послѣдняя состояла лишь изъ грековъ. Такъ какъ первая составляла огромное большинство братіи, ибо состояла изъ 406 человекъ, тогда какъ въ послѣдней числилось не болѣе 120 человекъ, то она не могла принять во вниманіе желанія незначительнаго меньшинства, набраннаго виновниками раздора и вражды среди братіи изъ самыхъ простыхъ и невѣжественныхъ монаховъ. Въ назначенный для избранія день, девятый по смерти игумена, большинство братіи собралось, по звону колокола, во храмъ и приступило

къ выборамъ. Когда пересмотрѣны были голоса, то оказалось, что вся присутствовавшая въ церкви братія единогласно избрала игуменомъ монастыря русскаго архимандрита Макарія. Греки отдѣлившіеся при выборахъ отъ прочей братіи протестовали противъ избранія. Обѣ партіи отнеслись одновременно къ протату въ Карей и къ патріархату въ Константинополь, одна прося объ утвержденіи избранія какъ совершенно законнаго, а другая о неутвержденіи онаго. Въ протатѣ голоса также раздѣлились. Одни изъ представителей монастырей высказались за утвержденіе избранія, а другіе, не раздѣляя этого мнѣнія, требовали чтобы дѣло отнесено было на судъ великой церкви въ Константинополь. На сторонѣ послѣдняго мнѣнія оказалось большинство голосовъ, и оно было принято за рѣшеніе, которое и сообщено было въ монастырь св. Пантелеймона. Великая Константинопольская церковь также не утвердила избранія, опредѣливъ какъ сказано выше, чтобы произведены были новые выборы, въ коихъ должны принять участіе и греческіе монахи устранившіеся отъ первыхъ выборовъ. Исполненія рѣшенія высшей церковной власти относительно примиренія и совмѣстнаго жительства двухъ разноплеменныхъ братствъ въ одномъ и томъ же монастырѣ, равно какъ и совокупнаго избранія ими настоятеля монастыря будетъ возложено на особаго патріаршаго представителя, который будетъ отправленъ для этой цѣли въ монастырь св. Пантелеймона въ непродолжительномъ времени. На какихъ основаніяхъ будутъ примирены монашествующіе въ обители св. Пантелеймона греки и русскіе, покажѣтъ еще неизвѣстно. Нельзя однако, сомнѣваться, что новые выборы будутъ имѣть такой же результатъ какъ и первые если за всѣми, монашествующими въ монастырѣ лицами будутъ признаны одинаковыя права и если избраніе будетъ произведено, какъ того требуетъ общій всѣмъ монастырямъ св. Горы обычай, по большинству голосовъ, то-есть настоятелемъ монастыря будетъ избранъ тотъ же русскій архимандритъ Макарій, на котораго указали первые выборы и котораго назначилъ было своимъ преемникомъ, пять лѣтъ тому назадъ, покойный игуменъ Герасимъ, подобно тому какъ и самъ получилъ въ свое время управленіе монастыремъ, по избранію и назначенію со стороны своего предшественника. Будучи въ томъ увѣрены, вожаки крайней

греческой партіи, имѣющей въ виду обезпечить власть за греками во всѣхъ аеонскихъ монастыряхъ, давно уже придумали средство къ устраненію избранія русскаго въ игумены Пантелеймоновской обители. Они доказываютъ въ своихъ органахъ, что русскіе монахи нарушили де условія своего согласія заключеннаго съ монастыремъ въ 1840 году, въ силу коего число ихъ не должно было превышать трети всѣхъ монашествующихъ въ монастырѣ, что прежде всего надобно де пересмотрѣть каталогъ братіи Пантелеймоновской обители и исключить изъ него всѣхъ русскихъ монаховъ приписанныхъ къ нему послѣ пополненія условленнаго ихъ числа и послѣ того уже пригласить братію къ избранію своего игумена. Но это требованіе, по всей вѣроятности, будетъ оставлено безъ вниманія, какъ и многія другія требованія этой крайне неблагоприятной и опрометчивой партіи.

Нынѣшній константинопольскій патріархъ, святѣйшій Іоакимъ соединяетъ съ благоразуміемъ, энергіей и твердостью воли большую опытность въ веденіи дѣлъ патріархата. Хотя при его вступленіи на кафедру, крайняя греческая партія заправляла всѣми дѣлами, и онъ былъ избранъ въ патріархи, благодаря лишь содѣйствию этой партіи, надѣявшейся найти въ немъ твердаго поборника и ревнителя своихъ предначертаній, но онъ не отдалъ себя въ ея руки подобно своему предшественнику, Анѣмму изъ Эфеса. Хотя и не замѣтно, но дѣламъ патріархата дается направленіе противное желаніямъ и стремленіямъ названной безразсудной партіи. Замѣчая это, вожаки послѣдней давно уже пытаются подрвать положенія святѣйшаго Іоакима. Принадлежащіе этой партіи органы греческой печати давно уже порицаютъ его, обвиняя въ угодливости сильнымъ земли и противныхъ де интересамъ греческой церкви и народа стремленіяхъ. Дабы возбудить подозрѣніе и недовѣріе противъ него среди греческаго общества, они представляютъ нынѣ всѣ дѣйствія патріархата въ ложномъ свѣтѣ и изъ всего стараются вывести заключеніе, что святѣйшій Іоакимъ не оправдалъ де возлагавшихся при его избраніи надеждъ.

При такомъ зоркомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ враждебномъ наблюденіи за дѣйствіями патріархата, прямая попытка къ поправленію прискорбной ошибки прежняго патріарха и отмѣнѣ раскола

можетъ потерпѣть неудачу. Греческое общество въ Константинополѣ и въ Аѳинахъ, по требованію коего провозглашенъ былъ расколъ недостаточно еще къ тому подготовлено, хотя страсти начинають въ немъ повидимому утихать и уступать мѣсто разсудку. Ревнители мира святыхъ божіихъ церквей должны утѣшаться хотя тѣмъ, что прежнее рвеніе среди грековъ къ расколу, не находя себѣ пищи, изо дня въ день ослабѣваетъ. Съ другой стороны расположеніе умовъ среди болгарскаго народа теперь благоприятѣе къ примиренію съ константинопольскою церковію чѣмъ прежде. Люди управляющіе судьбами болгарскаго экзархата живо чувствуютъ вредъ происходящій для юной церкви отъ ея обособленія и разобщенія съ прочими единовѣрными церквами и готовы при первомъ случаѣ сдѣлать все что отъ нихъ зависить для вступленія въ единеніе съ константинопольскою церковію.

Такъ какъ матеріальная часть вопроса, то есть число епархій которыя должны войти въ составъ болгарскаго экзархата, была и будетъ главнымъ препятствіемъ къ примиренію болгаръ съ константинопольскимъ патріархатомъ, то болгарское духовное начальство, въ видахъ облегчить свое соглашеніе съ послѣднимъ нынѣ усердно заботится объ опредѣленіи числа принадлежащихъ ему епархій, за неимѣніемъ возможности вступить въ прямыя переговоры съ патріархатомъ, чрезъ посредство одного турецкаго правительства. Оно думаетъ, что когда спорныя епархія будутъ тѣмъ или другимъ способомъ присоединены къ болгарской церкви, то греки не будутъ болѣе имѣть сильныхъ побужденій къ продолженію своего религіознаго разобщенія съ болгарами и скорѣе уступятъ совѣтамъ о примиреніи съ ними. Не принимая на себя разбирать на сколько справедливо это сужденіе болгарскаго духовнаго начальства, мы лишь замѣтимъ здѣсь что его старанія къ расширенію границъ экзархата, на основаніи учреждающаго его султанскаго фирмана, не остались безъ успѣха. Извѣстно, что по смыслу X статьи этого фирмана въ составъ болгарской церкви могутъ войти, кромѣ поменованныхъ въ фирманѣ епархій, также и другія епархія въ коихъ двѣ трети населенія заявятъ формальное о томъ желаніе. На этомъ основаніи къ болгарскому экзархату были присоединены назадъ тому полтора года, охридская и скопійская епархія. Присоединенію предшествовалъ допросъ всѣхъ жителей чрезъ посредство правительственныхъ чиновниковъ касательно того патріархату или экзархату желаютъ они быть подвѣдомы въ церковномъ отношеніи. Въ послѣднее время болгарскій экзархатъ успѣлъ было склонить турецкое правительство сдѣлать этотъ запросъ жителямъ и другихъ спорныхъ епархій. Во многихъ городахъ и селеніяхъ явились чиновники спрашивавшіе

населеніе, которой изъ двухъ церковныхъ властей оно желаетъ подчиняться. Эта мѣра произвела тревогу среди грековъ. Они зашумѣли и въ провинціи и въ столицѣ. Враждебныя патріарху газеты воспользовались этимъ событіемъ для взведенія на него новаго обвиненія въ нерадѣніи объ интересахъ церкви и въ опрометчивости, поставляя на видъ, что онъ де причиной происходящаго нынѣ допроса жителей, такъ какъ выразился де въ своихъ разговорахъ съ правительственными лицами, что онъ принимаетъ въ принципѣ этотъ допросъ, хотя и обусловливалъ его требованіемъ, чтобы допрошены были жители всѣхъ безъ исключенія болгарскихъ епархій начиная съ тѣхъ, которыя нынѣ состоятъ въ вѣдѣніи экзарха. Эти газеты присовокупляя къ тому, что жителямъ задается вопросъ, болгары ли. они или греки, а не отъ православнаго патріархата, или отъ схизматическаго экзархата желаютъ они зависѣть, какъ того требовала сущность дѣла и какъ объ этомъ было условлено между патріархомъ и правительствомъ. Вопросъ, былъ представленъ въ послѣдней формѣ, но греческимъ публицистамъ нужно было переиначить ее дабы усилить тревогу и затормозить дѣло. Патріархъ Іоакимъ не остался впрочемъ равнодушнымъ къ смутившей грековъ мѣрѣ правительства. Онъ представлялъ послѣднему словесно и письменно о томъ, что не можетъ допустить частнаго допроса жителей только нѣкоторыхъ епархій и просилъ его прекратить оный. Говорятъ, что онъ имѣлъ полный успѣхъ въ своемъ ходатайствѣ. Если это извѣстіе не окажется ложнымъ, то торжество патріарха во всякомъ случаѣ будетъ непродолжительно. Ходатайство экзарха можетъ быть причиной возобновленія непріятной грекамъ мѣры. Попеременный успѣхъ той и другой стороны неоднократно повторялся, не приводя ихъ къ полному достиженію цѣли. Это не должно ли также убѣдить ихъ въ необходимости добровольнаго между собою примиренія?

Въ настоящее время въ болгарскихъ газетахъ разсматривается вопросъ о каедрѣ экзархата. Нѣкоторыя изъ нихъ доказываютъ, что рѣшеніе этого вопроса неотложно и что каедрѣ ни въ какомъ случаѣ не должна быть въ Константинополѣ. Въ прежнее время ни одна изъ болгарскихъ газетъ не могла бы рѣшиться раскрывать эту мысль. Между болгарами сложилось почему-то убѣжденіе, что ихъ высшее церковное управленіе должно находиться въ Константинополѣ, и кто утверждалъ противное тому, тотъ прямо назывался врагомъ народа. Это заблужденіе, пустившее глубокіе корни среди болгаръ, теперь въ первый разъ выясняется народу, что также должно считать знакомъ лучшихъ временъ.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ С. - ПЕТЕРБУРГСКАГО ОТДѢЛА ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ДУХОВНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ВЪ 1874—1875 Г. *).

Въ минувшемъ 1874¹/₂ г., дѣятельность с.-петербургскаго отдѣла Общества любителей духовнаго просвѣщенія была преимущественно, почти исключительно, посвящена сношеніямъ съ старокатоликами и изученію вопроса объ условіяхъ сближенія съ ними. Вопросъ этотъ особенно сильно выдвинулся и выяснился со времени боннской конференціи, въ сентябрѣ мѣсяцѣ минувшаго 1874 года. Какъ бы скептически ни относились къ конференціи въ Боннѣ, она останется однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ фактовъ современной исторіи, даже независимо отъ тѣхъ политическихъ мотивовъ, съ которыми связано дѣло старокатоликовъ въ Германіи, Швейцаріи и Австріи.

Въ нашихъ глазахъ (равно какъ и въ глазахъ огромнаго большинства старокатоликовъ) мотивы политическаго свойства не только не помогаютъ дѣлу старокатолицизма, но положительно вредятъ ему и искажаютъ его характеръ. Какъ я выразился въ одномъ изъ прежнихъ моихъ отчетовъ, старокатолики лишь slučajемъ поставлены рядомъ съ государствомъ и slučajемъ же вынуждены бороться съ однимъ и тѣмъ же противникомъ. Политическіе мотивы старокатолическаго движенія хотя и придають ему, такъ сказать, большіе размѣры, но въ сущности, нисколько не увеличиваютъ его значенія; значеніе это велико въ особенности въ томъ отношеніи, что оно доказываетъ силу религіознаго чувства въ нашемъ поколѣніи, повидимому занятомъ одними матеріальными вопросами; понятое въ этомъ смыслѣ оно представляетъ крайне утѣшительное зрѣлище. Что касается до самой боннской конференціи, то она есть выраженіе той потребности развитія и общенія, которая присуща всякой живой мысли, потребности, коей отсутствіе есть признакъ смерти, признакъ того, что мысль отжила свой вѣкъ и не имѣетъ будущности. До тѣхъ поръ, пока мысль жива, она не можетъ не стремиться къ развитію, къ расширенію того поля дѣйствія, которое отмежевано ей исторіею, не можетъ тоже и не искать соединенія со вся-

*) Отчетъ, читанный, въ годичномъ собраніи отдѣла, секретаремъ онаго А. А. Кирѣевымъ.

кой другую родственной ей мыслью. Въ этомъ заключалась побудительная причина созыва боннской конференціи, равно и причина того, что на призывъ старокатоликовъ отозвались сочувственно и въ Россіи, и въ Греціи, и въ Англіи, и даже въ Америкѣ. Въ Боннѣ впервые встрѣтились православные, старокатолики, англичане и протестанты, и это разнообразіе въ составѣ конференціи не только не повело къ столбовеніямъ, но напротивъ еще рельефнѣе выставило добросовѣстное стремленіе всѣхъ участвующихъ дойти до братскаго, христіанскаго единенія; еще ярче проявилось искренность желанія работать сообща для достиженія предполагаемыхъ цѣлей,—цѣлей совершенно чуждыхъ какому бы то ни было стремленію къ преобладанію другъ надъ другомъ. Въ переговорахъ нашихъ съ старокатоликами, начиная съ самаго 1872 года, постоянно проводилась мысль діаметрально противоположная той мысли, которая высказалась въ униі флорентинской и ея дочери—униі брестской, оканчивающей нынѣ свое беззаконное существованіе въ предѣлахъ русскаго государства. Тамъ, все дѣло шло о *преобладаніи*, о томъ—кто кому долженъ *кланяться*, здѣсь же лишь о томъ, во что всѣ должны *вѣровать*.

О сношеніяхъ нашихъ съ старокатоликами вамъ были постоянно представляемы подробные отчеты; то же, что происходило собственно на боннской конференціи послужило, кромѣ того, темой 2-хъ засѣданій отдѣла въ нынѣшнемъ году; поэтому я ограничусь здѣсь лишь подведеніемъ краткаго итога подъ результаты нашихъ сношеній съ старокатоликами. Вамъ конечно памятны тѣ основанія, которыя были приняты на кельской конференціи за исходныя точки всѣхъ нашихъ послѣдующихъ сношеній. Совѣтъ отдѣла въ письменныхъ своихъ сношеніяхъ съ старокатоликами, и делегаты наши на конгрессахъ и конференціи никогда отъ нихъ не отступали; на нихъ же построена была и схема, послужившая канвой для переговоровъ между нами и старокатоликами въ Боннѣ. Въ этой схемѣ указывается на шесть догматическихкихъ и на семь обрядовыхъ и каноническихкихъ разностей. Посмотримъ на результаты, къ которымъ мы пришли:

Разности догматическія.

1) *О церкви и ея Главѣ*. Въ нашей схемѣ положеніе это раздѣляется на двѣ части: въ первой изъ нихъ говорится объ управленіи церковью и о первенствѣ римскаго епископа, исключительно въ смыслѣ первенствующаго между *равными*.

По поводу этой первой части положенія старокатолики отвѣтили, что они въ настоящее время не могутъ еще сдѣлать опредѣленнаго заявленія, тѣмъ болѣе, что затронутый здѣсь вопросъ еще между ними самими возбуждаетъ живыя разсужденія (*unter uns lebhaft wentilirt wird*); поэтому конференціе рѣшено оставить эту первую часть поло-

женія открытою до будущихъ совѣщаній. Что касается до второй части положенія „только вселенская церковь, законно представляемая епископами, есть непогрѣшимая истолковательница и хранительница вѣры“; то старокатолики выразили на нее свое безусловное согласіе, положивши этимъ заявленіемъ непреодолимую преграду между своимъ ученіемъ и ученіемъ римскимъ.

2) Вопросъ о *Св. Духѣ* тоже частію оставленъ открытымъ до будущихъ совѣщаній; онъ, какъ извѣстно, можетъ быть разсматриваемъ съ двухъ сторонъ, во 1-хъ со стороны чисто формальной, канонической, и во 2-хъ со стороны догматической, по существу. Что касается этой послѣдней части вопроса, которая и оставлена пока открытою, то на второмъ засѣданіи конференціи старокатолики заявили, что они не смотрятъ на ученіе объ исхожденіи Св. Духа какъ на догматъ. Очевидно, что такая постановка вопроса значительно уже облегчаетъ согласіе. О формальной сторонѣ вопроса будетъ сказано ниже.

3) Догматъ *непорочно зачатія Пресвятой Богородицы*, сдѣлавшійся въ послѣднее время наиболѣе популярнымъ на западѣ и юго-западѣ Европы, отвергнутъ старокатоликами самымъ положительнымъ образомъ, не смотря даже на сильную оппозицію со стороны нѣкоторыхъ англиканъ.

Въ письмѣ, присланномъ въ минувшемъ году комиссіею соединенія въ отвѣтъ на нашу схему, члены комиссіи выражались объ этомъ ученіи далеко не столь опредѣлительно.

4 и 5) Относительно положеній о *добрыхъ дѣлахъ* и о *грѣхахъ* старокатолики объявили, что они отвергли въ нихъ все то, что могло быть неудобопріемлемымъ, смущающимъ для православныхъ (*was ihnen Anstoss gab*). И въ этомъ случаѣ они пошли дальше тѣхъ мыслей, которыя выражены ими въ отвѣтъ на нашу схему; такъ напр. въ своемъ отвѣтъ они до нѣкоторой степени еще держались той мысли, что человекъ можетъ дѣлать *добро сверхъ-должное* и *необязательное*, чѣмъ и увеличиваетъ награду, даруемую ему отъ Бога.

6) Положеніе о *загробной жизни* показалось старокатоликамъ не совершенно яснымъ или, по крайней мѣрѣ, очень своеобразнымъ, поэтому они и не сдѣлали о немъ заявленія, но вопросъ этотъ не представляетъ непреодолимымъ препятствій для сближенія, ибо, какъ они выразились совершенно опредѣлительно, теорія индульгенцій въ пользу усопшихъ отбрасывается старокатоликами безусловно.

Переходя къ каноническимъ и обрядовымъ разностямъ, мы видимъ слѣдующее.

1) О *Символѣ вѣры*. Вставка словъ *filioque* въ символъ вѣры признана была незаконною. Относительно формальной стороны этого вопроса русскимъ и грекамъ, какъ выразился Деллингеръ, была дана

полная „сатисфакція“. Старокатолики безусловно согласились съ тѣмъ, что вставка была произведена незаконно, и соглашались даже на исключеніе *filioque* изъ символа; но этому воспротивились англикане ¹⁾. Конечно, согласіе старокатоликовъ относились лишь къ формальной сторонѣ вопроса, истина или ложь самаго ученія этимъ еще не опредѣлялась и, какъ сказано выше, должна будетъ выясниться въ послѣдствіи; однако призваніе вопроса неправильнымъ, хотя бы только съ формальной стороны, составляетъ уже первый немаловажный шагъ къ примиренію.

2) Относительно *крещенія* старокатолики высказались совершенно опредѣлительно. Они признали, что форма погруженія есть первоначальная и древнѣйшая, и что она болѣе западной соответствуетъ значенію библейскаго слова *βαπτίζειν*. Разность въ обрядѣ крещенія конечно не можетъ служить препятствіемъ къ воссоединенію тѣмъ болѣе, что и у насъ, во многихъ мѣстностяхъ, существовалъ еще недавно обрядъ „обливанія“.

3) Относительно *таинства миропомазанія* старокатолики признали несомнѣнно правильнымъ, что оно можетъ быть совершаемо не только епископами, но и священниками. Что касается до времени, когда именно это таинство должно быть преподаваемо, то старокатолики полагаютъ, что хотя восточный обрядъ миропомазанія дѣтей основывается на древнѣйшемъ преданіи, однако и западная церковь имѣетъ для своей практики серьезныя основанія, и находятъ, что оба обряда могутъ быть безпрепятственно удержаны.

4) Положеніе, относящееся до *таинства Евхаристіи*, раздѣляется въ нашей схемѣ на 4 пункта. Относительно 1-го (объ употребленіи на западѣ опрѣсноковъ) старокатолики сказали, что у нихъ не считается необходимымъ, чтобы хлѣбъ былъ непременно прѣсный. Относительно 2-го, о молитвенномъ призываніи Св. Духа, старокатолики признали безупречнымъ взглядъ, по которому, для дѣйствительности акта освященія Св. Даровъ, требуется молитвенное призываніе ²⁾, но прибавили, что древность обряда, нынѣ существующаго на западѣ, восходитъ до времени, предшествовавшихъ раздѣленію церквей. Относительно 3-го пункта, д-ръ Деллингеръ сказалъ, что введеніе на западѣ причащенія подъ обоими видами есть вопросъ времени. Старокатолики вообще говорятъ сочувственно о причащеніи подъ обоими видами. Наконецъ, 4) что касается до обычая не причащать малыхъ дѣтей, старокатолики

¹⁾ Въ *ответъ* своему на нашу схему, присланномъ минувшей весной, старокатолики говорили, что они не могутъ согласиться на устраненіе *filioque*, основываясь только на неправильности его внесенія въ символъ, и независимо отъ рѣшенія спора „по существу“.

²⁾ Молитвенное призываніе находится и въ западной литургіи.

повторили тоже самое, что ими было высказано и относительно муропозанія, т. е. что практика западной церкви восходит до первыхъ вѣковъ христіанства, и что, повидимому, обѣ практики (и восточная и западная) могутъ быть удержаны и не должны бы считаться причиною разъединенія.

5) О таинствѣ *покаянія* старокатолики сказали, что они считаютъ вопросъ этотъ выясненнымъ тѣмъ, что говорилось о загробной жизни и о грѣхахъ (теорія индульгенцій въ латинскомъ смыслѣ отброшена).

6) Относительно *безбрачія* духовенства старокатолики выразились болѣе сдержанно, нежели можно было ожидать. Несмотря на то, что недостатки, присущіе этому установленію, очевидны для старокатоликовъ, они сказали, что эта дисциплинарная разность должна быть разсмотрѣна въ послѣдствіи на Вселенскомъ соборѣ. Причина такой сдержанности, повидимому, заключается въ опасеніи, чтобы ультрамонтане не воспользовались сговорчивостію старокатоликовъ въ вопросѣ объ отмѣнѣ безбрачія, дабы поднять крики противъ ихъ невоздержности, и постараться объяснить все старокатолическое движеніе желаніемъ его вожаковъ избавиться отъ целибата, и поставить всѣхъ ихъ на одну доску съ патеромъ Гіацинтомъ и т. п. Это—пріемъ, къ которому они уже прибѣгали не разъ.

7) Относительно таинства *елеосвященія* старокатолики сказали, что оно можетъ быть совершаемо не только надъ тѣми больными, которые уже близки къ смерти, но и вообще надъ всѣми больными, желающими къ нему прибѣгнуть; они прибавили, что освященіе елее епископомъ не существенно.

Всѣ означенныя разности составляли предметъ переговоровъ между старокатоликами и православными, на послѣднемъ, 6-мъ засѣданіи конференціи. Но и на предыдущихъ совѣщаніяхъ (съ англиканами) было затронуто и рѣшено въ правильномъ смыслѣ нѣсколько другихъ вопросовъ, по которымъ между восточною и западною церквами существовала и существуетъ разница, между прочимъ о томъ, что литургія должна совершаться на языкѣ понятномъ народу, что чтеніе св. Писанія на народномъ (понятномъ) языкѣ не должно быть запрещаемо, что ученіе о вмѣняемости другимъ сверхдолжныхъ заслугъ святыхъ и основанная на немъ теорія индульгенцій несостоятельны; наконецъ, что никакой переводъ св. Писанія (при этомъ имѣлась въ виду Вульгата) не можетъ претендовать на большій авторитетъ сравнительно съ авторитетомъ оригинальнаго текста. Приводя вышеизложенныя постановленія, дающія право надѣяться на сближеніе съ старокатоликами, нельзя не упомянуть о замѣчательной рѣчи, произнесенной др. Деллингеромъ по поводу вопроса о раздѣленіи церквей; конечно не-

когда, никакой католическій ученый пользующійся такимъ громаднымъ авторитетомъ, не излагалъ такъ правдиво и вѣрно исторію раздѣленія церкви. Конечно, вопросъ этотъ не входитъ въ область догматическую; знаменитый ученый разбиралъ чисто историческій фактъ, тѣмъ не менѣе разборъ этотъ касался вопроса, который былъ преднамѣренно затемняемъ ультрамонтанскими учеными, и которымъ, по словамъ І. Л. Янышера, отвѣчавшаго на рѣчь д-ра Деллингера, они пользовались для того, чтобы возрастить злостныя предубѣжденія противъ нашей церкви.

Я позволилъ себѣ подвести итоги подъ наши сношенія съ старокатоликами. Сравните, мм. гг., то положеніе, въ которомъ теперь находится вопросъ о воссоединеніи, съ тѣмъ—въ которомъ онъ находился четыре года тому назадъ, на соборѣ въ Мюнхенѣ, когда старокатолики впервые о немъ заговорили, но при этомъ считали возможнымъ стоять на почвѣ Тридентинскаго собора, и скажите — можемъ ли мы бросать теперь начатое дѣло, или, какъ нѣкоторые полагаютъ, воздержаться отъ всякаго въ немъ участія до тѣхъ поръ, пока старокатолики не придутъ къ какому-либо *окончательному* рѣшенію?

Конечно, по этому поводу можно высказать много сомнѣній, много „Bedenken“, какъ говорятъ нѣмцы. Можно, вопервыхъ, утверждать, что добытые результаты еще ничего не доказываютъ, что главнѣйшая разница между нашимъ вѣроученіемъ и вѣроученіемъ старокатоликовъ—*Filioque* рѣшена въ нашу пользу только съ формальной стороны, и что намъ можетъ быть и не удастся убѣдить старокатоликовъ въ неправомерности этого ученія, что они захотятъ, можетъ быть, отстоять его хотя бы въ видѣ частнаго необязательнаго, но *допустимаго* мнѣнія подобныя же соображенія можно высказывать и относительно вопроса о главенствѣ папы, который тоже остался открытымъ; можно говорить, что хотя непогрѣшимость и отвергнута окончательно, все же папѣ хотятъ, повидимому, приписать какое-то высшее значеніе сравнительно съ другими патріархами, что нѣкоторые старокатолики все-таки признаютъ полезнымъ удержать *матеріальное* выраженіе церковнаго единства и что вслѣдствіе этого всѣ остальные уступки теряютъ свое значеніе. Можно сказать наконецъ—и это возраженіе находить, повидимому, наиболѣе многочисленныхъ сторонниковъ,—можно сказать, что вѣдь до сихъ поръ все дѣло рѣшается на бумагѣ, что и формально тождественныя положенія могутъ все-таки пониматься очень различно, и что намъ вѣрнѣе выждать, пока старокатолики выяснятъ себѣ и окончательно установятъ догматическую и обрядовую сторону своего вѣроученія,—и тогда уже войдти съ ними въ соглашеніе. Богъ вѣсть, говорятъ намъ, какъ еще все это разыграется! что изо всего этого

выйдетъ! Можетъ быть старокатолики подиадуть подь вліяніе англиканъ, которые относятся къ нимъ такъ сочувственно и въ значительномъ числѣ высылають къ нимъ на конференціи и конгрессы своихъ священниковъ и даже епископовъ, или подь вліяніе протестантовъ, съ которыми они сидѣли на одной и той же школьной скамьѣ, съ которыми они связаны общностію интересовъ и матеріальныхъ и политическихъ, и наконецъ чисто научныхъ, и что поэтому намъ лучше и вѣрнѣе повременить переговорами, которые могутъ, въ концѣ концовъ, не привести ни къ какимъ осязательнымъ результатамъ! Конечно это вѣрнѣе и безопаснѣе, да и покойнѣе! Но будетъ ли это *сообразно съ нашимъ деломъ*? Мнѣ кажется, что всѣ эти аргументы должны напротивъ именно побудить насъ къ тому, чтобы избрать совершенно противоположный образъ дѣйствій, побудить насъ къ тому, чтобы, не теряя времени, высказать истину, представить ее въ настоящемъ свѣтѣ, объяснить ее и защитить отъ неправильныхъ толкованій; необходимо сдѣлать это именно въ настоящую минуту, когда истина эта обсуждается, когда вопросъ еще не затемнился и не успѣлъ, такъ сказать, кристаллизироваться, когда наконецъ насъ настойчиво просятъ принять участіе въ этомъ обсужденіи. Мнѣ кажется, что вліять на рѣшеніе вопроса гораздо легче, пока это рѣшеніе еще не состоялось, не выразилось въ окончательной формѣ. Перерѣшать дѣло, даже и неправильное рѣшенное, очень не легко.

Старокатолики, убѣдившись въ необходимости подвергнуть строгой критикѣ все то, что сдѣлано въ области вѣроученія со времени раздѣленія церкви, обратились за помощію и къ намъ, и такое обращеніе дѣлаетъ конечно величайшую честь вождямъ старокатоликовъ, которые по учености стоятъ конечно не ниже остальныхъ христіанскихъ богослововъ. Первое ихъ обращеніе къ востоку относится къ самому началу движенія (1871 года); тогда между нами подымались голоса, упрекавшіе старокатоликовъ въ томъ, что они идутъ не довольно скоро; теперь, повидимому, обвиненія обращены въ другую сторону, выражаются опасенія, чтобы старокатолики не поинди слишкомъ быстро, не вздумали неосмотрительно рѣшать слишкомъ важные вопросы. Но вѣдь ежели, какъ мы видимъ, многіе важные вопросы рѣшаются въ благопріятномъ для насъ смыслѣ, то при этомъ можно опасаться лишь того, что мы потеряемъ трудъ, который будетъ употребленъ на сочиненіе опроверженій такихъ ученій, отъ которыхъ старокатолики сами откажутся, еще до появленія нашихъ опроверженій. Такого рода случай и былъ съ трудомъ почтеннаго профессора кievской академіи, архимандрита Сильвестра; имѣя въ виду отвѣты старокатоликовъ на посланную имъ схему, архимандритъ Сильвестръ написалъ между прочимъ

статью о непорочномъ зачатіи Пресвятой Богородицы, въ которой опровергъ то, что говорилось въ отвѣтахъ; между тѣмъ старокатолики, еще до присылки имъ труда арх. Сильвестра, стали относительно этого вопроса на православную почву и высказались въ этомъ смыслѣ на боннской конференціи. Но мнѣ кажется, что такой бѣдѣ можно только радоваться, и конечно почтенный отецъ Сильвестръ менѣ всѣхъ жальветъ о своемъ трудѣ.

Въ минувшемъ 1874 году, по полученіи нами отвѣтной схемы старокатоликовъ, первый учредитель отдѣла обратился къ преосвященнѣйшимъ митрополитамъ с.-петербургскому, московскому и кievскому, а также и къ преосвященному архіепископу литовскому и виленскому съ письмами, въ которыхъ Его Императорское Высочество сообщалъ послѣдніе результаты переговоровъ съ старокатоликами и выражалъ надежду, что высшіе іерархи нашей церкви не откажутся поддержать насъ, и разрѣшать духовнымъ академіямъ, находящимся въ ихъ вѣдѣніи, принять участіе въ переговорахъ. Единновременно, Его Императорское Высочество обратился съ рескриптомъ къ ректорамъ академій петербургской, московской, кievской и казанской, прося ихъ о содѣйствіи.

Полученные нами письменные или словесные отвѣты, какъ и слѣдовало ожидать, выражали готовность почтенныхъ членовъ нашихъ Ученыхъ корпорацій помочь дѣлу, которое не могло не быть близко ихъ сердцу.

Профессоры кievской духовной академіи взяли за разъясненіе слѣдующихъ вопросовъ: Архимандритъ Сильвестръ, — о „Св. Духѣ“, о „непорочномъ зачатіи Пресвятой Дѣвы Маріи“, о „добрыхъ дѣлахъ“, „о грѣхахъ“ и о „загробной жизни“. Профессоръ Малышевъ о „крещеніи и о миропомазаніи“. Доцентъ Ковальницкій „о церкви и ея Главѣ и о символѣ вѣры“. Казанской духовной академіи: Профессоръ Будринъ о „крещеніи“. Доцентъ іеромонахъ Тихонъ о „ветхозавѣтномъ канонѣ“. Доцентъ Вѣляевъ „объ удовлетвореніи (satisfactio) для спасенія“. Приватъ-доцентъ Терновскій „о церкви и ея Главѣ“.

Архимандритъ Сильвестръ прислалъ намъ минувшей осенью сочиненіе, относящееся до вопроса „объ исхожденіи Св. Духа“, а затѣмъ еще два другихъ сочиненія о „Пресвятой Дѣвѣ“ (о которомъ я упоминалъ выше) и о „добрыхъ дѣлахъ“. Всѣ эти три сочиненія были задуманы и написаны по поводу отвѣтовъ старокатоликовъ до появленія отчета о боннской конференціи, а такъ какъ на конференціи старокатолики отступились отъ латинской теоріи непорочнаго зачатія Пресвятой Дѣвы и значительно измѣнили свои взгляды на теорію добрыхъ дѣлъ, то сочиненія проф. Сильвестра, трагующія о сихъ вопросахъ, потеряли свою

непосредственную примѣнимость въ данномъ случаѣ, что конечно несколько не умаляетъ ихъ значенія для богословской науки. Что же касается перваго сочиненія отца Сильвестра—о Св. Духѣ, составленнаго по оригинальнымъ источникамъ и изобилующаго драгоцѣнными цитатами, то оно конечно останется не безъ вліянія на исходъ переговоровъ нашихъ съ старокатоликами; въ настоящее время оно переводится на нѣмецкій языкъ и скоро будетъ разослано къ представителямъ старокатоликовъ.

Ко всѣмъ вышеозначеннымъ именамъ нельзя не присоединить именъ двухъ нашихъ почтенныхъ сочленовъ, *И. Л. Янышева*—ректора и *Ив. Т. Осинина*—профессора здѣшней академіи, уже болѣе трехъ лѣтъ за сѣдающихъ въ совѣтъ Общества и жертвующихъ свой трудъ и свое время для достиженія всѣми нами желаемыхъ цѣлей.

Въ минувшемъ году окончилось трехъ-лѣтнее служеніе председателя *И. В. Зинovieва*, секретаря *А. А. Курьева* и казначея *В. И. Нечаева*; лица эти избраны вновь на 3 года, т. е. до весны 1878 года. Членами совѣта состоятъ *И. Л. Янышевъ* и *П. Е. Покровский*, оба срокомъ до весны 1878 года, князь *Д. А. Оболенскій* и *Б. П. Побѣдоносцевъ*, срокомъ до весны 1877 года, *И. Т. Осининъ* и *Т. И. Филипповъ* срокомъ до весны 1876 года.

БИБЛІОГРАФІЯ.

ДУХЪ И ЗАСЛУГИ МОНАШЕСТВА ДЛЯ ЦЕРКВИ И ОБЩЕСТВА.

С.-Петербургъ. 1874.

Это небольшое сочиненіе совершенно неизмѣтъ научнаго значенія; но представляетъ нѣкоторый интересъ, какъ характеристическая попытка—отстоять права и преимущества монашества. Съ этой только стороны мы и имѣемъ въ виду коснуться названнаго сочиненія.

Монашество для автора, само собою понятно, божественное учрежденіе. Въ немъ авторъ видитъ идеалъ, высшую степень нравственнаго совершенства. Любовь къ Богу, по его понятію, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть совершенною въ человѣкѣ, не свободномъ отъ узъ и отношеній семейныхъ. Богъ представляется у него какимъ-то ревнивымъ существомъ, которое не можетъ выносить въ человѣкѣ никакихъ постороннихъ привязанностей, хотя бы и законныхъ. „Такъ какъ ис-

тинно дѣвственное сердце, разсуждаетъ авторъ, — свободно отъ самой сильной естественной любви, какова любовь шь женѣ или къ мужу и дѣтямъ, то оно всецѣло отдаетъ себя любви къ Богу (1 Кор. 7, 32, 39. Мате. 10, 37). А истинно любить Бога должно всѣмъ сердцемъ, всею душою, всѣмъ умомъ и всею силою (Марк. 12, 30); любовь шь Богу требуетъ, чтобы душа думала только о Богѣ, услаждалась и жила только однимъ Богомъ. Но какъ можно достигнуть сего, если въ сердцѣ находятся другія привязанности, хотя и законныя?²⁴ Свой идеаль боголюбія авторъ возводитъ здѣсь на такую абстрактную высоту, что, очевидно, забываетъ даже изреченіе апостола любви: *аще кто речеть, яко люблю Бога, а брата своего ненавидитъ, ложь есть: ибо не любяй брата своего, его же видѣть, Бога, Его же не видѣть, какъ можетъ любить* (1 Іоан. 4, 20). Съ особеннымъ удареніемъ авторъ указываетъ на неистощимость святыхъ отцевъ въ похвалахъ дѣвству, которое называется, наиримѣрь, у нихъ цвѣтомъ въ вертоградѣ Божіемъ, красотою и благогвнѣемъ благодати, вѣнцомъ, сплетеннымъ изъ цвѣтовъ добродѣтели, благоухающей розой, оживляющей всѣхъ, находящихся близъ нея, пріятнѣйшимъ благоуханіемъ Господу Іисусу Христу и проч. и проч.

Даже и общія съ мірянами добродѣтели монаховъ, по мнѣнію автора, рѣзко отличаются отъ добродѣтелей и подвиговъ мірянъ, въ подтвержденіе чего ссылается онъ на слѣдующія слова Іоанна кармапейскаго къ монаху: „никакъ не позволю себѣ признать болѣ блаженнымъ мірянина, нежели инока, — мірянина, имѣющаго жену и дѣтей, утѣшающагося тѣмъ, что онъ благотворитъ многимъ и подаетъ обильную милостыню, не подвергаясь никакимъ искушеніямъ отъ бѣсовъ. Не признавай себя монахъ меньшимъ такого мірянина въ благоугожденіи Богу. Говорю это не потому, чтобы ты жилъ непорочно, неся на себѣ трудъ иноческаго подвига, но если ты и очень грѣшенъ. Скорбь души твоей, твое злостраданіе далеко честиѣ предъ Богомъ возвышеннѣйшихъ добродѣтелей мірянина, твоя великая печаль, твое недоумѣніе помысла, самоосужденіе, рыданія, плачь ума, плачевный вопль сердца, сокрушеніе, смущеніе, окаяваніе и уничтоженіе себя, все это и прочее, тому подобное, постигающее тѣхъ, которые ввергаются въ желѣзную печь искушеній, далеко честиѣ и благопріятнѣ Богу, нежели благоугожденіе мірянина.“ (Слово къ инокамъ Индіи.) А то упускаетъ изъ виду, что *въ первое время монашества* Самъ Духъ Божій внушалъ пустынножителямъ, чтобы они не допускали въ себѣ мысли объ особенной важности ихъ подвиговъ. Въ этомъ отношеніи въ жизнеописаніи св. Антонія отмѣченъ слѣдующій характеристическій и весьма поучительный фактъ. Когда этотъ великій подвижникъ считалъ уже себя на высшей ступени духовнаго совершенства, Духъ Божій сначала указалъ ему идти

къ другому пустынножителю, Павлу еврейскому, какъ болѣе совершенному въ подвигахъ аскетизма, а затѣмъ возвѣстилъ, что есть еще и другая болѣе святая и совершенная жизнь, чѣмъ жизнь этого рода подвижниковъ, и привелъ его изъ пустыни въ Александрію — въ домъ обыкновенной христіанской семьи, гдѣ Антоній увидалъ двухъ молодыхъ женщинъ, занимавшихся рукодѣльемъ; это были жены двухъ братьевъ, жившія въ мирѣ и согласіи между собою и съ мужьями, дружно занимавшіяся хозяйствомъ и нисколько не подозрѣвавшія въ себѣ какой вибудь особенной высоты духовнаго совершенства, такъ что когда св. Антоній заговорилъ съ ними на счетъ ихъ святости, онѣ съ искреннимъ изумленіемъ отвѣчали: „въ чемъ же можетъ быть, отче, наша святость? мы—женщины молодыя, живемъ съ мужьями, вѣчно въ хлопотахъ, иногда не имѣемъ даже времени и въ церковь сходить.“ Вотъ объ этихъ-то женщинахъ Духъ Божій и сказалъ св. Антонію, что ихъ подвигъ выше его аскетическихъ подвиговъ.

Вмѣстѣ съ привилегіей на особую святость, авторъ, естественно, признаетъ за монахами привилегію и на особое, исключительное участіе въ чрезвычайныхъ дарахъ благодати. „Кто, говоритъ онъ словами Лѣствичника, между мірянами былъ чудотворецъ? Кто воскрешалъ мертвыхъ? Кто изгонялъ бѣсовъ? Никто; все это монаховъ почести, которыхъ міръ не можетъ вмѣстить.“ Въ силу этихъ преимуществъ святости и благодатныхъ дарованій монахи являются у автора лучшимъ украшеніемъ церкви, какъ бы свѣтильниками міру солию земли. Они — естественные кандидаты епископства, какъ въ большей степени обладающіе для этого потребными качествами. „Инокіи, поставленные въ санъ епископскій, говоритъ между прочимъ по этому случаю авторъ, проходили свое служеніе въ духѣ апостольскомъ“, а того не беретъ въ расчетъ, что въ тотъ періодъ, когда епископское служеніе наиболѣе было проникнуто апостольскимъ духомъ, никакъ еще не думали устранять апостольскаго правила: „подобаетъ епископу бити единыя жены мужу.“ Въ своемъ увлеченіи монашествомъ, какъ необходимымъ условіемъ для епископства, авторъ доходитъ даже до того, что необинуясь говоритъ: „конечно, монашескій образъ жизни православныхъ епископовъ есть главная причина того, что православная іерархія чужда тѣхъ злоупотребленій, какими опозорила себя іерархія римской католической церкви.“ Тутъ на него, очевидно, нашло уже положительное затмѣніе на счетъ того образа жизни, который именно составляетъ язву католической іерархіи! Авторъ выставляетъ на видъ подвиги монаховъ въ борьбѣ съ ересями, изображаетъ, какъ монахи на востокѣ за чистоту православія терпѣли всякія оскорбленія, гоненія, даже были лишены жизни; между тѣмъ забываетъ, что между монахами были и еретники,

производившіе столько волненій и смуть въ церкви, за что конечно они и были извержены Церковію. Совершенно незамѣнимы, по нашему автору, священныя иноки и въ воспитаніи юношества, особенно готовящагося къ духовному званію. Вотъ по истинѣ достопамятныя слова его на этотъ счетъ: „Духъ вѣка, враждебный духу подвижничества, въ настоящее время усиливается и клеветою и униженіемъ и преслѣдованіями всякаго рода удалить иноковъ отъ духовныхъ училищъ. Неизвѣстно, успѣетъ ли онъ въ этомъ, но несомнѣнно, что духовныя училища много теряютъ, когда въ нихъ будетъ преобладать мірское направленіе и воспитанники духовныхъ училищъ будутъ лишены примѣра строгой, подвижнической жизни. Мірскія забавы и разсѣянности, вводимыя подъ предлогомъ цивилизаціи и гуманности, остудятъ юныя сердца въ ревности къ благочестію.“ Но не будемъ однакоже слѣдить за нашимъ авторомъ до конца въ изображеніи имъ многообразныхъ заслугъ монашества для церкви и общества; онъ заключаетъ свое сочиненіе слѣдующимъ какъ бы пророческими словами: „до тѣхъ поръ не оскудѣетъ вѣра и благочестіе въ Россіи, доколѣ будутъ существовать въ ней св. обители. Св. Василій Великій, говоритъ авторъ же, такъ обращается къ монахамъ: „въ васъ, монахахъ, *долженъ сохраниться* (не справляясь съ подлинникомъ, а имѣя только въ виду текстъ, приводимый нашимъ авторомъ, замѣтимъ отъ себя: святитель не сказалъ однакоже—*сохранится*, а — *долженъ сохраниться*) остатокъ благочестія, какой Господь пришедши, найдетъ на землѣ.“ Авторъ изобразившій такимъ образомъ, въ назиданіе вѣрующихъ, значеніе и заслуги монашества, скромно скрылъ свое имя. Отважнѣе явился издатель сочиненія, который заявилъ въ предисловіи, что „по его глубокому убѣжденію, предлагаемый трудъ достопочтеннаго автора достоинъ полнаго вниманія всѣхъ благомыслящихъ людей, къ какому бы классу они ни принадлежали, только бы искали истины безъ предубѣжденій“,—подписалъ свое имя: *Н. Еламинъ*.

ПРИХОДСКАЯ ШКОЛА И ДОБРОЕ ВЛІЯНІЕ ЕЯ НА ПРИХОДЪ.

Село Зятцы, открытое въ 1756 г., упраздненное въ 1826 г. и возобновленное въ 1863 г., въ приходѣ котораго 3000 душъ обоего пола, въ томъ числѣ половина новокрещенъ изъ Вотяковъ и 200 д. раскольниковъ поморской секты, стоитъ въ самомъ углу Малмыжскаго уѣзда, примыкая къ границамъ Глазовскаго и Сарапульскаго уѣздовъ. Въ эту глушь очень мало проникало духовнаго свѣта. При возобновленіи села,

во всемъ приходѣ грамотныхъ было только 12 человекъ, изъ коихъ 5, по выпискѣ начальства, учились въ казенныхъ училищахъ, а прочіе были переселенцы изъ другихъ приходоѡ, научившіеся грамотѣ въ мѣстахъ перваго своего жительства. Если гдѣ, то особенно въ Зятцахъ настояла надобность въ приходской школѣ. По окончаніи постройки новой церкви, 1866 года 21 ноября,—въ день храмоваго праздника, и открыта была школа въ казенной избѣ, съ совершеніемъ водосвятнаго молебствія послѣ литургіи. Необходимыя учебныя вещи были заведены на счетъ причта, который принялъ на себя и обязанность бесплатно обучать дѣтей. Священникъ, который нѣкогда былъ въ числѣ наставниковъ вятской воскресной школы, сталъ распорядителемъ затцинской школы и обучалъ Закону Божію сначала по исторіи Попова, а потомъ—Сokolова на разсказъ, съ помощію Библіи въ лицахъ Шнорра. Обученіе же молитвамъ, во избѣжаніе большой траты времени, было взаимное между учениками по методу Ланкастера. Предъ классами за часъ и послѣ—съ часъ старшіе ученики, чередуясь по днямъ, обучали младшихъ молитвамъ устно, а священникъ въ классѣ переводилъ изучаемыя молитвы на русскій языкъ и пояснялъ смыслъ ихъ. Діаконъ съ пономаремъ обучали письму и чтенію по звуковымъ методамъ сначала Главинскаго и Золотницкаго, потомъ Корфа. Дьячекъ обучалъ ариѡметикѣ по руководству того же Главинскаго, съ употребленіемъ счетовъ. Обучали и церковному пѣнію. Учениковъ въ 1-й годъ съ большимъ трудомъ собралось только 12, во 2-й было уже 37, а съ 1868 по 1874 г. не менѣе 50, въ томъ числѣ до половины новокрещенскихъ дѣтей, изъ каждаго приходскаго селенія; были ученики и изъ другихъ приходоѡ Узинскаго и Игринскаго. Изъ нихъ окончило курсъ за восемь лѣтъ до 100, которые стали дома для своей семьи и другихъ читать религіозно-нравственныя книжки, пріобрѣтенныя на счетъ приходскаго попечительства, и выдаваемыя изъ училища; а нѣкоторые стали пѣть и читать на клиросѣ. Чтобы расположить прихожанъ къ отдачѣ дѣтей въ училище, кромѣ постоянныхъ убѣжденій о пользѣ образованія, особенно при осеннемъ крестномъ ходѣ, были дѣлаемы, по окончаніи учебнаго года, открытыя испытанія учениковъ, съ особымъ приглашеніемъ на нихъ волостныхъ начальниковъ, приходскихъ попечителей и всѣхъ прихожанъ.

Вскорѣ послѣ перваго выпуска учениковъ доброе вліаніе сельской школы обнаружилось открытіемъ небольшихъ школъ въ деревняхъ Зятцинскаго прихода и въ другихъ мѣстахъ. Отдаленныя селенія русскія и вотскія согласились имѣть школы въ своихъ деревняхъ, давши для нихъ квартиру, отопленіе и содержаніе учащимъ. Въ этихъ школахъ обучали одинъ крестьянинъ, одинъ унтеръ-офицеръ отставный и двое изъ окончившихъ курсъ въ приходской школѣ. Ученіе въ нихъ

производилось подъ наблюдениемъ и руководствомъ причта, который снабжалъ ихъ и учебными вещами и приплачивалъ учителямъ по одному рублю за каждаго ученика изъ числа отпускаемыхъ съ 1873 г. причту земствомъ въ пособіе для училищъ 150 р. Таковыя школы были: въ 1872—73 учебн. г. въ деревнѣ Лазовцахъ съ 12 мальчиками и 4 дѣвочками; въ 1873—74 г. сія школа перешла въ деревню Шундошуръ съ таковымъ же количествомъ учениковъ; въ томъ же 1873—74 г. открылась школа въ д. Утемѣ съ 4 мальчиками и 3 дѣвочками; въ 1874—75 г. въ деревнѣ Шушангуртѣ съ 6 мальчиками и въ поч. Кешурѣ съ 6-ю мальчиками. Въ 1873—74 г. одинъ изъ кончившихъ курсъ въ приходской школѣ, новокрещенинъ изъ Вотяковъ Стефанъ Макаровъ обучалъ дѣтей грамотѣ въ Селтинской приходской школѣ, а другой изъ таковыхъ калѣка Мерзляковъ русскій—въ деревнѣ Чутырскаго прихода.

И другіе ученики приходской школы приносятъ посильную духовную пользу не только дѣтямъ, но и взрослымъ. При крестныхъ ходахъ и при всякихъ выѣздахъ въ приходъ причтъ считаетъ непремѣнно своею обязанностію обучать приходскихъ дѣтей христіанскимъ молитвамъ. Однажды причтомъ предложено было обучениемъ дѣтей молитвамъ заняться ученикамъ приходской школы. Они оказались способными для этого дѣла и, по предложенію священника, согласились по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ собирать дѣтей своего селенія отъ 6 лѣтъ, для обученія молитвамъ, въ дома попечителей приходскихъ или другихъ благочестивыхъ домохозяевъ, подъ надзоромъ ихъ. Имъ выданы молитвенники. Обученіе повѣряется причтомъ и усерднѣйшіе изъ учащихъ поощряются подарками.

По случаю истребленія новой церкви въ 1873 г. молніею настала новая забота строить каменную церковь. Постоянныя занятія въ школѣ для причта стали затруднительны. Вслѣдствіе сего причтъ и прихожане просили земство принять приходскую школу въ свое вѣдѣніе, въ которое она и поступила съ 1 января сего 1875 г.; а школы въ деревняхъ остаются подъ руководствомъ причта, а также подъ наблюдениемъ его продолжается и домашнее обученіе молитвамъ по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ. Повѣрля последнее во время пасхальнаго крестнаго хода въ починкѣ Утемѣ, причтъ попыталъ съ учениками пропѣть праздничный тропарь и спѣли они въ первый разъ порядочно, во второй разъ лучше; приглашены были къ участию въ пѣніи отцы и матери, и съ величайшимъ удовольствіемъ и истинною священною радостію для всѣхъ въ первый разъ въ нашей мѣстности огласилось общее народное пѣніе церковное. Пропѣли: „Христось Воскресе“, „Отчо нашъ“ и „Вѣрую во единого Бога“. Тоже повторилось и въ другихъ деревняхъ, даже въ Вотскихъ. При слѣдующемъ крестномъ ходѣ Троицкомъ общее сла-

вословіе совершалось на поляхъ, на которыхъ поселяне, собираясь всегда всѣ съ большаго до малаго, пѣли тропарь празднику „Благословенъ еси Христе Боже нашъ“, потомъ „Отче нашъ“, „Вѣрую“, „Богородице Дѣво, Радуйся“, „Владычице, пріими молитвы рабъ твоихъ“. Можно надѣяться, что когда либо при помощи Божіей, народное славословіе войдетъ въ обычай и въ самый храмъ, по примѣру первенствующей христіанской церкви, въ укрѣпленіе православія и ослабленіе раскола. (*Вятск. Еп. Вѣд.*)

Священникъ Михаилъ Шерстениковъ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Въ иностранныхъ газетахъ напечатано слѣдующее письмо Д-г. Деллингера: „Международная конференція друзей церковной уніи въ Боннѣ откроется 12 августа и будетъ продолжаться этотъ и два слѣдующіе дня. Конференція имѣетъ слѣдующія цѣли: вопервыхъ, воспроизвести общее исповѣданіе тѣхъ главныхъ христіанскихъ ученій, которыя составляютъ сумму догматовъ вѣры, утвержденныхъ первоначально нераздѣленною церковію въ ея символахъ, и которыя служатъ и теперь еще нормой ученія для великихъ религіозныхъ обществъ, находящихся въ непрерывной связи съ древнѣйшимъ христіанствомъ. Далѣе конференція имѣетъ въ виду, на основаніи этого единогласнаго исповѣданія, установить взаимное общеніе и конфедерацию церквей, то есть взаимное признаніе, которое, не доходя до сліянія церквей и не стѣсняя церковно-національныхъ и вообще завѣщанныхъ преданіемъ особенностей въ ихъ ученіи, управленіи и обрядѣ, обезпечивало бы членамъ другихъ обществъ участіе въ богослуженіи и таинствахъ наравнѣ съ собственными членами.

„Конференція вовсе не имѣетъ въ виду достигнуть кажущагося соглашения посредствомъ многосмысленныхъ, то есть неопредѣленныхъ фразъ, которыя потомъ каждый могъ бы истолковать по произволу; напротивъ, она желаетъ, посредствомъ всесторонняго изслѣдованія и разъясненія установить такія положенія, которыя просто и точно выражали бы сущности библейскаго ученія и отеческаго преданія, и потому самому могли бы служить связью и залогомъ желаемаго общенія.

„Особыхъ приглашеній не будетъ; приглашенными могутъ считать себя всѣ какъ духовные, такъ и міряне, имѣющіе достаточное богословское образованіе и сочувствующіе цѣлямъ конференціи.

Боннская конференція. 12 августа (по новому стилю), въ Боннѣ подѣ председательствомъ каноника Деллингера открылись конференціи старокатоликовъ по вопросу о единеніи церквей. На съѣздъ прибыли многія лица, принадлежащія къ восточной церкви, въ томъ числѣ румынскіе епископы Геннадій и Мельхиседекъ, архимандритъ Савва изъ (Бѣлграда), архимандриты Анастасіадесъ и Вриенній (изъ Константинополя), профессоръ Осининъ, ректоръ духовной академіи о. Янышевъ и гг. Филипповъ и Кирѣевъ (изъ Петербурга). Для присутствованія на конференціи прибыли также до 30 англійскихъ и американскихъ духовныхъ лицъ. Деллингеръ открылъ засѣданія конференціи длинною рѣчью, въ которой изложилъ церковно-историческое развитіе и сущность спора о догматахъ между восточною и западною церквами. Затѣмъ, подѣ руководствомъ Деллингера, продолжались бесѣды между старокатоликами и членами восточной церкви по программѣ, начертанной Деллингеромъ. Слѣдующее совѣщаніе конференціи по вопросу о единеніи церквей велось на англійскомъ языкѣ, такъ какъ по предварительному соглашенію, представители восточной церкви не участвовали въ засѣданіи. Каноникъ Деллингеръ прочелъ обстоятельное посланіе уинчестерскаго епископа, Гарольда Броуна, о дѣйствительности англійскаго поставленія (Ordination), послѣ чего обсуждались всѣ бывшіе до настоящаго времени переговоры съ восточною церковью объ исхожденіи Св. Духа и относящееся къ этому вопросу изложеніе мнѣній, которое вручено представителямъ восточной церкви и было предметомъ дальнѣйшаго обсуждения на общемъ собраніи конференціи. Совѣщанія конференціи, какъ увѣряетъ телеграфическое извѣстіе отъ 16 августа, привели къ общему соглашенію съ представителями восточной церкви по самымъ существеннымъ пунктамъ догмата объ исхожденіи Св. Духа. Собраніе встрѣтило сообщеніе о томъ изъявленіями радости. 4 августа закрыты совѣщанія конференціи о единеніи церквей; продолженіе ихъ назначено на конецъ лѣта будущаго года. Архіепископъ Ликургъ и епископъ гибралтарскій выразили свою радость о достигнутомъ конференціею успѣхѣ, заявивъ надежду, что разъединенныя церкви, постоянно сближаясь, наконецъ сольются во единую, всеобщую церковь. Въ заключеніе старо-католическій епископъ Рейнкенсъ произнесъ краткую молитву на латинскомъ языкѣ о единеніи въ вѣрѣ и любви.

Рѣчь г. Деллингера при открытіи боннской конференціи. *Bonner Zeitung* сообщаетъ слѣдующее извлеченіе изъ рѣчи г. Деллингера, которою онъ открылъ боннскую конференцію:

„Имѣющіе вѣковую давность споры, началъ г. Деллингеръ, между греческою и латинскою церковью объ исхожденіи Св. Духа стоятъ въ причинной связи съ теперешнимъ происшедшимъ въ Ватиканѣ перево-

ротомъ въ римско-католической церкви. Эта связь дѣлаетъ яснымъ почему именно теперь предпринимается опять попытка соглашенія съ Восточною церковью и почему успѣхъ этой попытки имѣетъ столь великое значеніе для всеобщей религіозной жизни, а не прямо даже для политическаго положенія дѣлъ въ мірѣ. Я попытаюсь показать эту связь.

„Западная церковь, какъ и Восточная, первоначально стояла на томъ основоположеніи, что каѳолическое заключается только въ томъ, во чтѣ всегда, вездѣ и всѣ вѣровали. Хотя и въ то время, когда обѣ части церкви твердо стояли на этомъ основоположеніи, случались несогласія, отчужденія и разъединенія, но дѣло не могло доходить до того, чтобъ одна церковь осуждала въ ереси другую, такъ какъ это основоположеніе представляло средства къ устраненію возникающихъ разпостей.

„Позднѣе этотъ общій базисъ былъ оставленъ не вслѣдствіе умозрительно-догматическихъ вопросовъ о триничности, о воплощеніи и пр., но вслѣдствіе вопросовъ, касающихся церковнаго устройства, по поводу іерархическихъ вопросовъ. Съ конца V и начала VI столѣтія начинается рядъ огромныхъ въ іерархическомъ интересѣ подлоговъ и выдумокъ, между коими подлогъ псевдо-Исидора есть самый удачный. Затѣмъ, въ IX столѣтіи римскій престоль, опираясь на эти подлоги, выступилъ съ своими притязаніями противъ восточныхъ церквей, стараясь подчинить ихъ своему владычеству.

„Догматическій вопросъ объ исхожденіи Святаго Духа былъ вовлеченъ такъ сказать насильственно въ эту борьбу по вопросу объ устройствѣ: воспользовались догматическимъ различіемъ въ этомъ пунктѣ ученія, чтобы дѣлать противной сторонѣ упрекъ въ инославіи.

„Что на Западѣ своевольно и противозаконно прибавили къ Символу Вѣры слово *Filioque*, виновна въ этомъ не римская церковь. Прибавленіе прежде сдѣлано было въ VI, можетъ-быть и въ V столѣтіи въ Испаніи. Карлъ Великій въ 809 году требовалъ отъ папы Льва III ввести во всеобщее употребленіе это прибавленіе; Левъ отвергъ это требованіе, на томъ основаніи, что онъ не имѣетъ никакого права измѣнять что-либо въ Символѣ. Въ 1014 году въ Римѣ уступили настоянію императора Генриха II и ввели повсюду *Filioque*.

„Такимъ образомъ съ этого времени обѣ половины церкви не имѣли болѣе одинаковаго исповѣданія вѣры. Между тѣмъ все болѣе развивались мысли о владычествѣ Рима. По завоеваніи Константинополя крестоносцами, въ греческой имперіи введена была латинская іерархія и по мѣстамъ даже латинская литургія. Дѣйствіями Иннокентія III, французовъ и венеціанцевъ усилена была противоположность между

Западомъ и Востокомъ. Среди этой неравной борьбы, въ коей Западъ былъ гораздо могущественнѣе, восточные воспользовались какъ орудіемъ своею вѣрностію древней формѣ Символа: они все рѣзче показывали возникшую въ этомъ отношеніи разницу. Теперь латины должны были стараться оправдать прибавленіе, особенно въ виду того, что за него вступался римскій престолъ. Вопросъ объ исхожденіи Святаго Духа сдѣлался теперь вопросомъ объ авторитетѣ папы, возвышающемся надъ авторитетомъ вселенскаго собора. На Западѣ дошли до того, что приписали папѣ право дѣлать измѣненія въ Символѣ, и такимъ образомъ ставили его выше вселенскаго собора и всей церкви. Иннокентій III уже болѣе не называлъ себя, какъ древніе папы, намѣстникомъ святаго Петра, или какъ позднѣйшіе, намѣстникомъ Христа, но называлъ себя намѣстникомъ „истиннаго Бога“. Такъ латины требовали чтобы греки приняли одобренное папою прибавленіе Filioque.

„Вслѣдъ за упадкомъ могущества греческой имперіи, властители ея по политическимъ видамъ желали соединенія съ папою и Западомъ. Наконецъ, въ 1274 году, созванъ былъ второй соборъ въ Ліонѣ. Чтобы приготовить унію, Тома Аквинатъ написалъ сочиненіе о правѣ папы утверждать исповѣданіе вѣры. Для этого онъ пользовался составленнымъ однимъ доминиканцемъ собраніемъ вымышленныхъ мѣстъ изъ писаній греческихъ отцовъ и соборовъ, которыми будто признавалось это право. Эта фальсификація, которой Тома Аквинатъ не подозрѣвалъ, была не столько іерархическаго, сколько догматическаго свойства. Около 1274 года Тома Аквинскій первый подробно рассмотрѣлъ вопросъ объ авторитетѣ папы въ изданіи догматовъ вѣры, о чемъ Петръ Ломбардъ въ 1150 году ничего не говорилъ. Конечно Аквинатъ говорить еще не совсѣмъ рѣшительно и не отрѣшился отъ старыхъ воззрѣній, но все-таки онъ уже составилъ себѣ теорію, что папа есть источникъ всякой юрисдикціи и верховный судья въ дѣлахъ церкви. Тома Аквинскій поставленъ былъ отъ папы и средневѣковыхъ монашескихъ орденовъ диктаторомъ въ теологическомъ мірѣ. Такимъ образомъ мы видимъ связь между спорами о Filioque и папскою непогрѣшимостію.

„Планъ уніи втораго ліонскаго собора не удался; и на соборѣ во Флоренціи въ 1439 году установившаяся по чисто-политическимъ видамъ унія не имѣла никакихъ прочныхъ результатовъ.

„Затѣмъ въ Западной церкви господствующимъ направлениемъ стало то, которое достигло извѣстнаго завершенія 18-го іюля 1870 года. Дѣло направлялось къ тому, чтобы практически провести въ Западной церкви систему которая приписываетъ папѣ всю власть юрисдикціи, такъ чтобы только онъ былъ источникомъ всякой юрисдикціи, а вся-

кій другой имѣлъ бы лишь отъ паны прямо или непрямо врученную власть; вмѣстѣ съ тѣмъ заботились провести непогрѣшимость папы, предъ которымъ и вселенскій соборъ имѣеть значеніе только совѣщательнаго собранія. Въ этомъ направленіи дѣйствовали неуклонно со второй половины XV столѣтія. Если чрезъ реформацію отдѣлилась отъ папы большая часть западнаго христіанства, именно въ Германіи и Англіи, то папская система была здѣсь главною причиною отдѣленія и существеннымъ препятствіемъ къ соединенію. По другимъ догматическимъ вопросамъ возможно было бы соглашеніе, но оно должно было сокрушиться объ абсолютный авторитетъ папы.

„Вскорѣ послѣ реформаціи возникъ іезуитскій орденъ, поставившій себя спеціальною задачею ввести папскую систему въ плоть и кровь западныхъ націй, не изъ платонической любви къ этой системѣ, но потому что это было самымъ пригоднымъ средствомъ достигнуть всеобщаго владычества; достигни папская система такого значенія и понади Римъ во власть іезуитовъ,—они будутъ владыками всей церкви.

„И доминиканцы, которые долго занимали въ Римѣ вліятельное положеніе (именно въ конгрегаціи индекса и инквизиціи), преслѣдовали эту же дѣль; но ихъ привязанность къ папской системѣ, которая фздана ихъ великимъ теологомъ Фомаю Аквинатомъ, была искреннѣе, чѣмъ привязанность іезуитовъ. Оба эти ордена до XVIII вѣка были главными опорами папской системы.

„Система эта въ продолженіе всего этого времени въ Западной церкви встрѣчала много противорѣчій. Но они постепенно подавлялись. Самое продолжительное противодѣйствіе этой системѣ было во Франціи въ парижскомъ университетѣ, въ епископатѣ и клирѣ. Долго работала римская партія надъ разрушеніемъ самостоятельности галликанской церкви. Подробное раскрытіе этого повело бы слишкомъ далеко. Но часъ смерти галликанской свободы пробилъ въ 18-е іюля 1870 года. Тогда именно ловко воспользовались спорами янсенистовъ, чтобъ устранить галликанскія воззрѣнія, которыя нашли свое выраженіе въ четырехъ членахъ 1862 года. Къ противодѣйствію этимъ воззрѣніямъ привлечены были кардиналы, министры и женщины, изъ коихъ послѣднія въ такихъ дѣлахъ всегда имѣли большое вліяніе во Франціи. Революціею 1789—94 французская католическая церковь на нѣкоторое время была разрушена. Она была возстановлена и казалось будто вступила въ свое галликанское наслѣдство. Но это только казалось. Наполеонъ I съ 1802—4 годъ былъ лучшимъ союзникомъ папѣ, и съ его помощью Пій VII произвелъ величественный маневръ, однимъ почеркомъ пера устранивъ весь французскій епископатъ.

„По крайней мѣрѣ теоретически все еще стоялъ столпъ галликан-

ской системы, выразительное отрицаніе папской непогрѣшимости. Въ разрушеніи этого столпа Римъ и іезуиты видѣли самую главную свою задачу.

„Одновременно направили взоры и на Германію. Въ Римѣ, какъ я самъ въ 1859 году слышалъ изъ устъ прелатовъ и самого папы, имѣли великое недовѣріе къ нѣмецкой наукѣ и нѣмецкой теологіи. Къ разрушенію этой послѣдней, нашли необходимымъ утвердить папскую непогрѣшимость какъ *rocher de bronze*.

„Такимъ образомъ Ватикану предстояла задача совершенно уничтожить свободу галликанской церкви и подчинить нѣмецкую науку власти іезуитовъ“. (*Моск. Вид.*).

Отзывъ протестантской газеты объ унионистскихъ стремленіяхъ Деллингера и его сообщниковъ. Деллингеръ, какъ извѣстно, считаетъ одною изъ задачъ старо-католицизма постепенное подготовленіе великаго всеобщаго церковнаго единенія. Онъ неоднократно высказывалъ эту мысль и недавно снова выразилъ ее въ своемъ письмѣ къ одному высокопоставленному духовному лицу, обнародованномъ въ кенигсбергской старокатолической газетѣ „*Der Katholik*“ (№ 30, 1875 г.). „Что касается меня, пишетъ въ этомъ письмѣ Деллингеръ, то я по убѣжденію причисляю себя къ старокатолической общинѣ; я увѣренъ, что она выполнитъ предназначенную ей высокую миссію: а) дать свидѣтельство въ пользу старокатолической истины и противъ новѣйшихъ римскихъ заблужденій о всевластїи и непогрѣшимости папы; б) возстановить, путемъ постепеннаго и послѣдовательнаго прогресса, истинную церковь, очищенную отъ заблужденій и суевѣрій, болѣе согласную съ идеею древней, еще нераздѣленной церкви, и в) послужить орудіемъ и посредствующимъ звѣномъ будущаго великаго соединенія христіанъ и церквей.“ Вотъ что говоритъ по поводу этого письма лейпцигская церковная газета „*Allgemeine Evangelisch-Lutherische Kirchenzeitung*“ (№ 15, 1875).

„Въ миролюбивомъ настроеніи Деллингера, одушевляющемъ его въ дни глубокой старости, есть нѣчто трогательное, возбуждающее невольное сочувствіе. Мысль расширить эгоистическое римское понятіе о единствѣ церкви, соединить всѣ христіанскіе народы узами всеобщей братской любви, безъ всякаго стѣсненія и нарушенія ихъ церковно-національныхъ правъ и особенностей, сама по себѣ—высокая мысль, заслуживающая полнаго уваженія. И однакоже, въ соединеніи съ тою увѣренностью, что все это осуществится при посредствѣ старокатолицизма, мысль эта теряетъ свою грандіозность и отзывается увлеченіемъ, граничающимъ почти съ наивностью, которая у такого серьезнаго и глубокаго знатока церковной исторіи, какъ Деллингеръ, можетъ быть объ-

яснена развѣ только воздѣйствіемъ на его образъ мыслей, можетъ быть даже не замѣтнымъ для него самого, обычныхъ римскихъ понятій о благотворномъ значеніи системы соглашенія и приспособленія въ дѣлѣ установленія церковнаго согласія между разномыслящими. Старокатолицизмъ думаетъ возстановить единеніе раздѣленныхъ церквей путемъ соглашенія и примиренія ихъ вѣроисповѣдныхъ системъ, — взаимныхъ сдѣлокъ и уступокъ другъ другу изъ области ихъ догматическихъ убѣжденій. Деллингеру, конечно, очень хорошо извѣстно, что мысль эта не новая, что она не разъ уже практиковалась на католическомъ и протестантскомъ западѣ и никогда не приводила ни къ какимъ благопріятнымъ результатамъ для дѣйствительнаго сближенія церквей. Плодомъ этой именно мысли, родиною которой мы считаемъ Римъ, была унія грековосточнаго исповѣданія съ латинскимъ, которая въ настоящее время, кажется, доживаетъ послѣдніе дни своего неизбежнаго саморазложенія. Между тѣмъ отъ старокатолическаго проекта единенія церквей, даже при наиболѣе удачномъ осуществленіи его, нельзя ожидать иныхъ результатовъ, какіе принесла унія съ Римомъ. Старокатолики приглашаютъ къ дѣлу единенія съ собою восточныя церкви, можетъ быть не безъ нѣкотораго расчета на то, что народы, принадлежащіе къ этимъ церквямъ, остались очень неразвитыми въ догматическомъ отношеніи, что члены этихъ церквей мало интересуются догматическою стороною своего исповѣданія, большею частью мало даже знакомы съ догматическими особенностями своихъ церквей и что потому ихъ можно склонить къ уступкамъ, которыя могутъ быть даже совѣтъ и незамѣченны народными массами, коль скоро уступки эти будутъ сдѣланы представителями церквей. Однако же, по совершенно справедливому замѣчанію газеты, подобные расчеты крайне ошибочны; восточныя церкви имѣютъ свою опредѣленную индивидуальность, которая особенно сильно отпечатлѣвается на восточной обрядности и на церковной дисциплинѣ, такимъ образомъ на тѣхъ именно сторонахъ церковной жизни, которыя особенно популярны и особенно близко соприкасаются съ дѣйствительною народною жизнью. Если и допустить, продолжаетъ газета, что не только отдѣльные богословы, но даже официальные представители отдѣльныхъ церковныхъ партій или какихъ нибудь обществъ пришли бы, путемъ совѣщанія и переговоровъ, къ какому нибудь соглашенію съ старокатоликами по вопросу о Filioque и по другимъ какимъ нибудь пунктамъ, все-таки чрезъ это ничего въ сущности не будетъ достигнуто для дѣйствительнаго единенія церквей: пока въ сознаніи массъ будутъ оставаться вѣроисповѣдныя разности, опредѣляемыя особенностями ихъ церковной жизни, цѣлымъ строемъ и складомъ ихъ религіознаго міросозерцанія; соглашенія, достигнутыя путемъ теологическаго и диплома-

тического искусства — совершенно помимо народа, въ практическомъ отношеніи никогда ни къ чему не приведуть.“ (*Церк. Вѣсти.*)

3 іюля сего года (по нов. стилю), папа Пій IX обратился къ архіепископу неаполитанскому, кардиналу Ріаріо Сфорца, съ письмомъ, въ которомъ онъ изрекаетъ отлученіе отъ церкви архіепископу города Лидды, *Доминику Панелли*, ставшему, какъ извѣстно нашимъ читателямъ, во главѣ такъ называемой національно-итальянской католической церкви. Папа очень сурово относится къ монсеньору Панелли и дѣлаетъ слѣдующій біографическій очеркъ его. По словамъ Пія IX, Панелли, получивъ въ Римѣ отказъ въ посвященіи въ высшія степени іерархіи, вслѣдствіе недостаточнаго знакомства съ ученіемъ римско-католической церкви, передался греческимъ схизматикамъ (т. е. православнымъ) и тамъ, примкнувъ къ этой „гнусной схизмѣ“, постыдно отрекся отъ католицизма. Въ послѣдствіи, притворившись будто желаетъ примириться съ католическою церковью, Панелли сталъ увѣрять, что получилъ священническое и епископское посвященіе отъ схизматиковъ, приписывая силу церковнаго рукоположенія какой-то ночной и тайной церемоніи, предшествуемой чуждыми священнаго характера вечерами (агапами). Когда затѣмъ Панелли потребовалъ, чтобы священное сѣдалище признало правильность его рукоположенія, папа повелѣлъ верховной инквизиціи изслѣдовать это дѣло, и результатъ изслѣдованія оказался отрицательный, вслѣдствіе чего Панелли былъ признанъ простымъ клирикомъ и навсегда исключеннымъ изъ священнаго сана. При этомъ папа не упоминаетъ почему-то, что Панелли въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ былъ подвергавъ различнымъ истязаніямъ со стороны „священной инквизиціи“. По симъ причинамъ, „своею апостольскою властію“, Пій IX осуждаетъ „схизматическое и еретическое скопище“, именуемое національно-итальянскою католическою церковью и объявляетъ ее отлученною отъ единенія съ римско-католическою церковью, а относительно Доминика Панелли постановляетъ слѣдующее: „кромѣ того, властію всемогущаго Бога, св. Петра и Павла и нашею, мы симъ торжественно отлучаемъ и анаематствуемъ вѣроотступника Доминика Панелли, не побоявшагося сдѣлаться орудіемъ разоренія для народа Божія и вобудителемъ нечестія, равно и всѣхъ тѣхъ, которые присоединились къ его дерзости и вѣроотступничеству и какимъ бы то ни было способомъ оказываютъ ему помощь и содѣйствуютъ ему дѣломъ, совѣтомъ, согласіемъ и благо-расположеніемъ; и мы повелѣваемъ, постановляемъ и провозглашаемъ, дабы тѣ и другіе, какъ отсѣченные отъ тѣла церкви, были избѣгаемы всѣми“.

Мы не знаемъ, на сколько епископское посвященіе, принятое Доми-

никомъ Панелли на Востокѣ, правильно (вопросъ этотъ остается не разъясненнымъ и для насъ самихъ), но что дѣло, предпринятое этимъ лицомъ въ Италіи можетъ повести къ самымъ благотворнымъ послѣдствіямъ, если доведено будетъ до конца также, какъ оно начато — въ этомъ для насъ православныхъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Начала, положенныя въ основу національно-италианской католической церкви, какъ извѣстно читателямъ, сходны съ началами православія, и желательно только одного, чтобы основанная Доминикомъ Панелли церковь вошла въ ближайшія сношенія съ православною церковію.

Ц. Общ. Вѣсти.

В Ъ П А М Я Т Ь

НИКОЛАЯ ВАСИЛЬЕВИЧА РУКАВИШНИКОВА,

8 августа неумолимая смерть сразила юношу 29 лѣтъ, въ цвѣтѣ силъ физическихъ и моральныхъ. Одинъ изъ трехъ сыновей богатыхъ родителей, рожденный и воспитанный въ нѣгѣ, довольствѣ, подѣ нѣжнымъ, благопопечительнымъ надзоромъ родителей, опытныхъ и честныхъ педагоговъ, получившій съ дѣтства твердое начало строго христіанской нравственности подѣ роднымъ кровомъ, почившій блистательно окончилъ курсъ естественныхъ наукъ въ московскомъ университетѣ въ 1867 году. Полный энергии, юноша не хотѣлъ было завершить въ Москвѣ свое образованіе. Съ жаждою знанія онъ посѣщаетъ аудиторію, въ качествѣ вольнаго слушателя въ с.-петербургскомъ горномъ институтѣ, но сердце, горяче любившее родителей, влечетъ въ Москву! Внутренняя борьба совершилась быстро. Желаніе знанія уступило силѣ любви къ родинѣ. И молодой юноша, пробывъ около двухъ лѣтъ въ Петербургѣ, вернулся въ Москву къ неописанной радости родителей. Но не для покоя или удовольствій вполне обеспеченной жизни Николай Васильевичъ возвратился въ родительскій домъ. Онъ искалъ новой дѣятельности, только не умственной, а такъ сказать—сердечной. Онъ рѣшился усовершенствовать себя въ любви чистой, самоотверженной,—истинно христіанской; онъ захотѣлъ вступить на трудное поприще служенія меньшей братіи Христовой,—онъ рѣшился послужить обращенію на путь добра такихъ мальчиковъ, которые успѣли уже подвергнуть себя

суду за кражу, бродяжничество, побѣгъ отъ хозяина и пьянство. Проникнутый духомъ евангельской истины, что *обративый грѣшника отъ заблужденія пути его, спасетъ душу отъ смерти, и покрываетъ множество грѣховъ* (Іак. V, 20), Н. В., какъ директоръ исправительнаго пріюта, рѣшительно задался цѣлю съ христіанскою любовію исправлять въ малолѣтнихъ преступникахъ порочныя наклонности, неустанно заботясь сдѣлать ихъ честными ремесленниками-тружениками, полагая въ основу ихъ нравственнаго возрожденія страхъ Божій. Съ этою цѣлю онъ не только учредилъ, но и въ краткое время (съ 1869 года) довелъ до возможной степени совершенства мастерства: сапожное, портняжное, столярное, переплетное и брошюровочное. Выборъ мастерства всегда представлялся на волю мальчика. Сознывая, что мастерство, основательно изученное, будетъ несомнѣнно прочнымъ матеріальнымъ обезпеченіемъ воспитанника по выходѣ его изъ пріюта, Н. В. особенно старался пріучить мальчиковъ къ труду, а чтобы доставить имъ возможность изучать ремесла и сдѣлаться хорошими мастерами онъ нашелъ возможнымъ укомплектовать всѣ мастерскія лучшими мастерами, давъ имъ большое жалованье и принявъ семьи ихъ на свое содержаніе. Но главное вниманіе обращено было на религіозно-нравственное воспитаніе. Мальчики не только обучались по книгамъ Закону Божію, русскому языку, ариѳметикѣ, географіи и русской исторіи, но руководимы были живою бесѣдою самаго директора, какъ отца съ дѣтьми. Онъ вмѣстѣ съ ними молился, образовалъ хоръ пѣвчихъ, которые предъ святыми иконами, въ нарочито устроенномъ иконостасѣ, пѣли молитвы, стихиры, тропари и кондаки, а также приѣзвы къ акаѳистамъ Спасителю и Божіей Матери, которые каждодневно самъ читалъ Николай Васильевичъ. Благоговѣйное предстоаніе, тихія воздыханія дѣтей, ихъ стройное пѣніе и умилительное чтеніе самого руководителя привлекали въ домъ пріюта и стороннихъ посѣтителей; но чаще другихъ участвовала въ молитвѣ дѣтей мать Николая Васильевича. Сколько было такта и истинно отеческаго и въ то же время дружескаго отношенія къ дѣтямъ, свидѣтельствуетъ то, что почившій только въ поздній вечеръ оставлялъ пріютъ подъ надзоръ своего помощника, уходя подъ кровъ родительскій, и съ раннимъ утромъ

спѣшилъ къ своимъ дѣтямъ! Чтобы не утомить дѣтей работами, онъ самъ дѣлалъ съ ними прогулки, впрочемъ и въ это время давая работу мысли или чувству. Такъ онъ или знакомилъ ихъ съ священными древностями Москвы, бывая съ ними въ кремлевскихъ соборахъ, патриаршей ризницѣ, или показывалъ имъ публичную библіотеку, картинную галерею, или чудную панораму Москвы съ Ивановской колокольни или Воробьевыхъ горъ. Въ часы свободные отъ занятій или въ дни праздничные Н. В. самъ распоряжался дѣтскими играми, зорко наблюдая, чтобы все было мирно и въ порядкѣ. Такимъ образомъ все время, вся жизнь его была отдана дѣтямъ. Для того, чтобы успѣшнѣе идти къ цѣли, однажды имъ начертанной, онъ самъ отказался не только отъ свѣтскихъ удовольствій, посѣщенія напр. театровъ и т. под., но и рѣшился вести безбрачную жизнь, памятуя слова св. ап. Павла: *не оженивайся печется о Господнихъ, какъ угодно Господу* (1 Кор. VII, 32). Нужно ли говорить, что почившій спокойно принималъ разные толки и пересуды людей, которые, не желая вдуматься въ высшій смыслъ его служенія, смотрѣли на него неодобрительно; для нихъ образъ жизни Николая Васильевича казался страннымъ, при его счастливой обстановкѣ со стороны родителей и его собственнаго образованія. За то, какъ же радовался онъ, когда его питомецъ хорошо себя велъ и усердно занимался своимъ дѣломъ! Какъ онъ былъ доволенъ, когда призрѣваемые по выходѣ изъ пріюта поступали въ частныя мастерскія лучшими мастерами за хорошее жалованье, или снова возвращались въ пріютъ, чтобы здѣсь быть руководителями въ дѣлѣ для неопытныхъ!... Вотъ на какую степень могъ поставить двадцати осмилѣтній юноша свой пріютъ. Въ докладѣ за прошедшій годъ *Обществу распространенія полезныхъ книгъ* говорится, что «въ 1874 году не было ни одного случая побѣга, вообще поведеніе воспитанниковъ было весьма удовлетворительно; были лишь обыкновенныя дѣтскія шалости. Доказательствомъ ихъ хорошаго поведенія служить то, что изъ всего количества (73) вынѣ находящихся въ пріютѣ мальчиковъ только двое недавно поступившіе, не имѣютъ бляхъ, которыми мальчики очень дорожатъ и награждаются за хорошія отмѣтки по поведенію, мастерствамъ и наукамъ»....

И такой юной, но зрѣлой, направляющей силы, неожиданно не стало! Приютъ лишился такого директора, который въ молодыхъ лѣтахъ показалъ старческую опытность, мудрую распорядительность, строгость начальника, растворенную любовь отца, и смѣемъ сказать, нѣжностію матери, а главное — приютъ лишился того, кто на свое служеніе смотрѣлъ, какъ можетъ смотреть лишь понявшій во всей силѣ слово Христа Спасителя: *больше сея любви никто же имать, да кто душу свою положитъ за други своя* (Іоан. XV; 13). И почившій дѣйствительно положилъ свою душу за своихъ друзей — дѣтей, когда угодно было Господу вызвать его отъ самоотверженныхъ трудовъ къ покою (Апок. XVI, 13)... Переплывая Москву-рѣку въ лодкахъ съ своими дѣтьми послѣ прогулки вечерней на Воробьевыхъ горахъ, онъ получилъ легкую простуду. Повидимому, не могло бы быть великой опасности, при цвѣтущемъ здоровьѣ: но здѣсь совершилось то, чего человѣку не дано видѣть. Мы впрочемъ знаемъ, что на подобные случаи есть объясненіе въ словѣ Божіемъ: *старость честна не многолѣтна... съдима же есть — мудрость челоукомъ, и возрастъ старости — житіе нескверно. Благоуденъ Божви бывъ, возлюбленъ бысть: восхищенъ бысть, да не злоба измѣнитъ разумъ его, или леть прельститъ душу его... Скончався въ малъ исполни лѣта дома. Угодна бо бѣ Господеву душа его: сего ради потщася отъ среды лукавствія.* (Премудр. Сол. IV, 8—14).

Свящ. І. Виноградовъ.

Августа 11 дня.
1875 года.

С Л О В О

ПРИ ОТПЪВАНІИ ТѢЛА ДИРЕКТОРА МОСКОВСКАГО ИСПРАВИТЕЛЬНАГО ПРИУТА МАЛОЛѢТНИХЪ НИКОЛАЯ ВАСИЛЬЕВИЧА РУКАВИШНИКОВА, ГОВОРЕННОЕ ВЪ МОСКОВСКОЙ НИКОЛАЕВСКОЙ, ЧТО ВЪ ГНѢЗДНИКАХЪ, ЦЕРКВИ АВГУСТА 11-го ДНЯ 1875 ГОДА, ПРОТОИЕРЕЕМЪ Н. А. СЕРГІЕВСКИМЪ.

Родители, воспитывайте чады свои въ наказаніи и ученіи Господни.
Ефес. VI, 4.

Приличнымъ считаю, сію апостольскую заповѣдь повторить при семъ гробѣ уже какъ исполненной, чтобы родители сего

успошаго, вспомянувъ святую заповѣдь и помысливъ о ея исполненіи, обрѣли себѣ въ этомъ твердое и неложное утѣшеніе.

Наше время много заботится о воспитаніи, — о воспитаніи ученомъ, о воспитаніи дѣловомъ: но довольно ли оно заботится о воспитаніи нравственномъ и благочестивомъ? — Ученія человѣческія приготавливаютъ къ жизни временной; но и ея не могутъ сдѣлать счастливою безъ помощи ученія Господня. И наше многозаботливое о воспитаніи время представляетъ на это поразительныя и горькія доказательства. Никогда, какъ нынѣ, не было такого множества несчастныхъ случаевъ то умственного помраченія, то помраченія сердечнаго или же — мрачнаго недовольства жизнію, доходящаго до отчаянія. Это первое. Но еслибы одни ученія человѣческія и были достаточны для благоустройства жизни временной, тѣмъ не менѣе развѣ этою временною жизнію исчерпывается вся судьба человѣка? Что ни говорили бы люди заблуждающіеся, какъ бы не обманывали они себя и другихъ различными словесными мудрованіями, усѣкающими полноту человѣческой жизни, — цѣлость жизни какъ истина дѣйствительности Богомъ положенной не перестаетъ быть такою, какова есть, непреложною, неизмѣнною, неумаляемою. Земная жизнь — это не вся жизнь человѣка, временная жизнь есть только приготовленіе, время воспитанія къ дальнѣйшей, продолжительнѣйшей, вѣчной жизни. И въ этомъ своемъ истинномъ значеніи, временная жизнь сама есть часть жизни вѣчной. Что же собственно воспитываетъ человѣка благонадежно къ счастію, къ блаженству *всей* его жизни? — не что другое, какъ благочестіе. Посему-то слово апостольское научаетъ насъ: *тѣлесное обученіе въ малѣ есть полезно, благочестіе же на все полезно есть, имѣющее обитованіе живота настоящаго и грядущаго*. Посему-то и заповѣдь апостольская, обращенная къ родителямъ, которыхъ долгъ воспитать рожденную ими жизнь для ея истиннаго, всецѣлаго назначенія, внушаетъ имъ не что другое, какъ *воспитывать чадъ своихъ въ наказаніи и ученіи Господни*.

Если же таково значеніе жизни человѣческой, если такова для нея важность нравственнаго и благочестиваго воспитанія: какъ же велико должно быть утѣшеніе родителей въ самомъ

исходѣ ихъ дѣтей изъ жизни временной, когда сіи были воспитаны въ истинномъ благочестіи, еще же и до конца оказались воспитанными вѣрно и благонадежно!

Знаю сего почившаго—отъ юности его, и какъ самаго близкаго знакомаго и какъ сына моего духовнаго. По немощи человѣческой, и мнѣ горько провожать его изъ сея жизни; но утѣшеніе обрѣтаю въ упованіи, что не неготовый идетъ онъ въ вѣчную жизнь. Ему тридцать лѣтъ, но онъ почтительнѣйшій до самоотверженія сынъ своихъ родителей; высоко честный гражданинъ своего отечества; добрый вѣрующій сынъ православной церкви; душа чистая кроткая, человѣколюбивая: какіе вѣрные залоговѣ блаженства жизни вѣчной, — какъ удержаться отъ свидѣтельства о нихъ предъ церковію?—Но помимо моего свидѣтельства, само собраніе церковное знаетъ нѣкоторый подвигъ жизни почившаго, подвигъ, которому несомнѣнно принадлежитъ *обѣтованіе живота грядущаго*. Тотчасъ по окончаніи ученія, вступивъ въ общественную жизнь, онъ всего себя посвятилъ на этотъ необычайный подвигъ. Это по истинѣ—подвигъ благочестія: служить нравственному исправленію и религіозному воспитанію несчастныхъ малолѣтнихъ. Ибо это—мысль христіанскаго милосердія, взыскающаго и спасающаго погибающее. Но кто доволенъ къ такому служенію? Мысль высокая, святѣйшая, но и самая трудная къ исполненію. Тутъ недостаточна одного внѣшняго учрежденія тагъ-называемаго исправительнаго пріюта; во внѣшнее учрежденіе надобно вложить душу. Учрежденіе—нравственное и религіозное; и душа имѣющая одушевлять его должна быть высоко-нравственная и истинно религіозная. Внѣшнему учрежденію основаніе было положено другими, но почившій явился и былъ именно чистою душою учрежденія, которая оживляла его, возгрѣвала, возвращала вѣрно, постоянно, какъ душа оживляетъ тѣло. Въ самомъ дѣлѣ, взявши на свои руки пріютъ, почившій уже не принадлежалъ себѣ самому; но каждый его день и даже, безъ преувеличенія сказать, каждый его часъ принадлежалъ пріюту. Для вѣрнаго успѣха дѣла, иначе было и невозможно дѣлать оное. Что же, скажете, онъ тамъ дѣлалъ ежедневно съ ранняго утра до глубокаго вечера?—То же самое, что дѣлаетъ только самый благопопечительный и са-

мый благочестивый отецъ въ своемъ семействѣ. Онъ вмѣстѣ съ дѣтьми пріюта каждодневно молился утромъ и вечеромъ, самъ читая положенныя церковію молитвы, присутствовалъ при занятіяхъ дѣтей въ классахъ и въ мастерскихъ, при ихъ обѣдѣ и ужинѣ читая имъ въ это время Евангеліе, неотлучно былъ даже при играхъ дѣтей, — зорко и вмѣстѣ тихо слѣдя за каждымъ, вразумляя одного, ободряя другаго, съ любовію, съ кротостію, съ терпѣніемъ. И вотъ тайна дѣйствительнаго успѣха пріюта, достойно получившаго названіе Рукавишниковскаго не по имени только, но по самому существу вещи.

Дѣти пріюта! Вѣдь это вашъ отецъ; Николай Васильевичъ родной вашъ отецъ—по душѣ, никто не любилъ васъ такъ, какъ онъ любилъ; никто не желалъ и не сдѣлалъ вамъ столько добра, сколько онъ желалъ и сдѣлалъ. Чѣмъ же вы возблагодарите его? Прежде всего, помните твердо чему онъ васъ училъ, и всегда старайтесь вести себя такъ, какъ онъ васъ училъ. Потомъ, каждый день утромъ и вечеромъ, и особенно когда бываете въ церкви такъ молитесь о немъ: «покой, Господи, даннаго намъ Тобою отца, раба твоего Николая».

Благочестивые родители усопшаго! Вѣдь и это—плодъ благочестиваго воспитанія сына вашего Николая, что свою жизнь онъ посвятилъ благочестивому воспитанію дѣтей погибающихъ. Помыслите, какимъ святымъ подвигомъ онъ подвизался, и съ какого подвига воззвалъ его Господь въ жизнь вѣчную. Гдѣ тутъ мѣсто скорби неутѣшной? Скорбь да уступить мѣсто умиротворяющему чувству благоговѣнія предъ великими путями Божиими, о которыхъ такъ помышлять научаетъ насъ пророкъ: *вси пути твои, Господи, милость и истина*. По вѣрѣ въ благое Провидѣніе, и въ упованіи жизни вѣчной, глаголите въ сердцахъ вашихъ мирнымъ гласомъ: *Отче Небесный! да будетъ воля Твоя! Се чадо, ео же далъ еси намъ, Господи!*—Еще же радуйтесь, что можете изрещи сіе слово съ лицомъ непостыднымъ предъ Господомъ. Паки же радуйтесь и о почившемъ, что и онъ, не будучи плотскимъ отцемъ, возможетъ съ правостію сердца, въ радости блаженства вопіять предъ престоломъ Божиимъ о сихъ дѣтяхъ его по духу: *Се азъ и дѣти, яже ми далъ есть Богъ!*

Прочее же,—братія—сродницы и знаеміи и вси христіане, помолимся: Господи человеколюбче, смерть поправый и жизнь вѣчную людемъ твоимъ даровавый! Покой душу новопреставленнаго въ мѣстѣ свѣтлѣ, въ мѣстѣ злачнѣ, въ мѣстѣ покойнѣ, отнюду же отбѣже болѣзнь, печаль и въздыханіе. Всякое согрѣшеніе, содѣянное имъ словомъ, дѣломъ, или помышленіемъ, яко Благий и Человеколюбець, прости. Нѣсть бо человекъ, иже живъ будетъ и не согрѣшитъ: Ты бо Единъ еси безъ грѣха, правда Твоя—правда вѣчная, и Слово Твое истина,— яко Ты еси воскресеніе и жизнь и покой новопреставленнаго раба Твоего Николая, Христе Боже нашъ, и Тебѣ славу возсылаемъ со безначальнымъ Твоимъ Отцемъ и Святымъ и Животворящимъ Духомъ нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

КЪ ХРИСТОЛЮБИВЫМЪ БЛАГОТВОРИТЕЛЯМЪ.

Въ селѣ Деулинѣ, московской губерніи, дмитровскаго уѣзда, гдѣ въ 1618 году заключенъ былъ извѣстный миръ, охранившій на будущее время цѣлость русскаго государства отъ притязаній Поляковъ, церковь въ настоящее время требуетъ обновленія, а колокольня при ней на мѣсто погорѣвшей должна быть вновь устроена, на что получено разрѣшеніе епархіальнаго начальства. Причтъ и прихожане села Деулина усерднѣйше просятъ христіанскихъ благотворителей помочь устроенію Дома Божія на мѣстѣ, которое по знаменательному историческому событію должно остаться навсегда памятнымъ для православнаго русскаго народа.

По жертвованія могутъ быть присылаемы:

Въ Троицко-Сергіевскій посадъ (моск. губ.) въ почтовую контору для передачи въ село Деулино священнику Сергію Воздвиженскому. А въ Москвѣ, въ редакцію *Православнаго Обозрѣнія*, или же протоіерею Александровскаго военнаго училища Иванцову-Платонову.

ОГЛАВЛЕНИЕ
ВТОРАГО ТОМА
ПРАВОСЛАВНАГО ОБОЗРѢНІЯ
1875 Г.

МАЙ.

	<i>Стр.</i>
I. Слово высокопреосвященнаго Димитрія, архіепископа ярославскаго и ростовскаго, въ день открытія дома призрѣнія ближняго	1 — 9
II. Преосвящ. Гурія, епископа таврическаго и симферопольскаго, посланіе пастырямъ таврической епархіи	10 — 20
III. Псалмы въ русскомъ переводѣ съ объясненіями. (Пс. 9—16). <i>М. В. Никольскаго</i>	21 — 39
IV. Основанія рѣшеній святѣйшаго Синода по духовно-судебнымъ дѣламъ	40 — 58
V. Вынужденное слово въ защиту сочиненія: «Нравственный идеалъ буддизма въ его отношеніи къ христіанству (отвѣтъ профессору казанской академіи. А. И. Гренкову). <i>А. Θ. Гусева</i>	59—106
VI. Последнія событія въ іерусалимской церкви. <i>І. Θ. С. В.—Ш. Г. Я.</i>	107—127
VII. Современное обозрѣніе: борьба германскаго нравительства съ католицизмомъ. <i>М. М. Воздвиженскаго</i>	128—142
VIII. Извѣстія и замѣтки: общество для распространенія Св. Писанія въ Россіи.—Засѣданіе отдѣла распространенія духовно-нравственныхъ книгъ.—Русская церковь въ Прагѣ. — 11 мая въ Холмской Руси.—Заграничныя извѣстія.	143—166

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

IX. <i>Нилъ</i> Исторія святой восточной церкви—патріархатъ александрійскій: нѣсколько словъ о Нилѣ	
---	--

ИЮНЬ.

I.	Слово высокопреосвященнаго Димитрія, архіепископа ярославскаго и ростовскаго, во святыи и Великий пятокъ.	167—176
II.	Слово при окончаніи учебнаго года во 2-й московской военной гимназій. <i>Свящ. М. М. Воздвиженскаго.</i>	177—183
III.	О Библейской исторіи творенія въ связи съ естественною исторіею. <i>Прот. Н. А. Сергіевскаго.</i>	184—195
VI.	Общія начала въ приложеніи св. Синодомъ правилъ древней церкви	198—215
V.	Псалмы въ русскомъ переводѣ съ объясненіями. (17—19). <i>М. В. Никольскаго.</i>	216—230
VI.	Меодій Филимоновичъ, епископъ мстиславскій и оршанскій, блюститель кѣвской митрополии (1661—1668 года). <i>Г. Ѳ. Карпова.</i>	231—267
VII.	Книга «Богъ въ природѣ» по Камиллу Фламариону изданная М. Чистяковымъ. <i>Свящ. А. А. Смирнова</i>	268—280
VIII.	Современное обозрѣніе: по вопросу объ уменьшеніи праздничныхъ дней въ народѣ. <i>Г.</i>	281—308
IX.	Извѣстія и замѣтки: рѣчь, произнесенная протоіереемъ Маркеломъ Попелемъ въ холмскомъ соборѣ 11 мая 1875 года. — Торжественное богослуженіе въ Холмѣ 22 мая. — Святѣйшій Синодъ о вырубаніи березокъ къ Троицыну дню. — Рѣчь протоіерея Маркела Пополя, при нареченіи въ епископа люблинскаго. — Старокатолическое движеніе въ Италіи. — Рѣчь П. Е. Троицкаго на докторскомъ диспутѣ въ петербургской академіи объ армянской церкви. — Казанское общество земледѣльческихъ колоній и ремесленныхъ приютовъ и его дѣятельность.	309—336

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

X.	О составѣ церковнаго общества. Изъ лекцій по каноническому праву профессора московскаго университета. <i>Н. К. Соколова</i>	345—355
XI.	<i>Нилія</i> исторія святой восточной церкви — патриархатъ александрійскій: глава II. Основаніе церкви александрійской. С.	33 — 48

ЮЛЬ.

- I. Слово высокопреосвященнаго Димитрія, архієпископа ярославскаго и ростовскаго, въ Леонтьевской на кладбищѣ церкви 337—345
- II. Напутственное слово къ окончивающимъ курсъ воспитанникамъ института. *Свящ. Н. К. Протопопова* 346—352
- III. Положеніе богословской науки въ германскихъ университетахъ. *Прот. В. И. Д—аго* 353—377
- VI. Жизнь и ученіе богомиловъ по Паноплии Евемія Зигабена и другимъ источникамъ. *Гр. Киприановича* 378—407
- V. Книга Секки: «Единство физическихъ силъ и тенденціи вятскаго изданія ея на русскомъ языкѣ. *Д. О. Голубинскаго* 408—439
- VI. По поводу миссіонерства на Дону. *А. И. Крылова*. 440—443
- VII. Современное обозрѣніе: значеніе прусскихъ церковныхъ законовъ для протестантскихъ общинъ. *Свящ. М. М. Воздвиженскаго* 446—462
- VIII. Извѣстія и замѣтки: Осьмая годовщина церковнаго братства во имя святителя Николая и преподобной княжны Евфросиніи въ г. Полоцкѣ. — Отчетъ совѣта о состояніи Полоцкаго церковнаго братства за осьмой годъ его существованія, съ 26 мая 1874 года по 25 мая 1875 года. *Прот. А. Добрадина*. Новое изданіе творевій святителя Тихона Задонскаго. *А. Г. Заграничныя извѣстія: новый прусскій законъ о старокатоликахъ. — Избраніе епископа національной итальянской католической церкви* 463—499
- IX. Записка читанная въ общемъ собраніи миссіонерскаго общества 11 мая 1875 года 450—526

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

- X. *Нилія* Исторія святой восточной церкви — патриархатъ alexandрійскій: глава IV, V 49 — 64

АВГУСТЪ.

- I. Слово, сказанное преосвященнымъ Хрисанфомъ, епископомъ астраханскимъ, въ Николаевской Чуркинской пустынѣ, 9 мая 1875 года 527—532
- II. Жизнь и ученіе богомиловъ по Паноплии Евемія Зигабена и другимъ источникамъ (*окончаніе*). *Гр. Киприановича* 533—572

III.	Слово на день тезоименитства благочестивѣйшей Государыни Императрицы Маріи Александровны. <i>Свящ. Н. К. Протопопова</i>	573—579
IV.	Къ исторіи просвѣщенія въ Византіи: споръ о	
V.	Платонѣ и Аристотелѣ въ XV в. <i>А. С. Лебедева</i>	580—591
	Нѣсколько словъ по поводу статьи декана Стан- лея. <i>Ө. М. Сухотина</i>	592—601
VI.	Деканъ Станлей о старокатолицизмѣ.....	601—617
VII.	Джонъ Стюартъ Милль, какъ моралистъ. <i>А. Ө. Гусева</i>	618—653
VIII.	Современное обозрѣніе: Изъ жизни восточныхъ церквей. <i>Ө. С. Б.</i>	654—666
IX.	Извѣстія и замѣтки: О дѣятельности С.-Петер- бургскаго отдѣла общества любителей духовнаго просвѣщенія въ 1874—1875. — Библиографія. — Духъ и заслуги монашества для церкви и об- щества.—Приходская школа и доброе вліяніе ея на приходъ.—Заграничныя извѣстія.—Въ память <i>Н. В. Рукавишникова</i> . — Слово при отпѣваніи тѣла <i>Н. В. Рукавишникова</i>	667—696

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

IX.	<i>Нилъ</i> Исторія святой восточной церкви — па- триархатъ александрійскій: глава VI, VII, VIII, IX. <i>С</i>	65 — 96
-----	--	---------